

ВОЗРОЖДЕНИЕ
КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПЕРВЫЙ ВЪЗКЪ ГУМАНИЗМА.

Georg Foygt
Соч. Георга Фойгта.

Переведъ со 2-го нѣмецкаго изданія, переделаннаго авторомъ

И. П. РАССАДИНЪ.

СЪ ПРЕДСЛОВИЕМЪ И АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Т О М Ъ I.

Издание Н. М. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловна, д. Волновыя.

1884.

PM 734
V617

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе Фойгта, предлагаемое читателямъ въ русскомъ переводѣ, разрабатываетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Цѣль его главнымъ образомъ показать, чѣмъ образованное человѣчество обязано гуманизму и его поклонникамъ, изучавшимъ вновь открытую древность, какіе новые духовные элементы внесъ онъ въ культуру новаго времени, какіе вопросы разрабатывали люди, занимавшіеся такъ называемыми гуманистическими науками и т. д. Въ то же время эта эпоха крайне любопытна какъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Авторъ отнесся къ своей задачѣ съ необыкновенною любовью и добросовѣстностью. Второе изданіе его труда, появившееся три года тому назадъ, именно первый томъ въ 1880 г., а второй въ 1881 г., значительно увеличено въ объемѣ противъ прежняго, первый томъ котораго появился въ 1859 г. Въ первомъ томѣ прибавлено противъ прежняго 100 стр., а во второмъ даже 300. Уже это одно показываетъ, что съ тѣхъ поръ авторъ въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ много работалъ надъ своею книгою. А еще большимъ доказательствомъ служить то, что въ новомъ изданіи ея не только нѣкоторые отдѣлы расширены, но и многія статьи прибавлены вновь. Кромѣ добросовѣстнаго изученія предмета достоинство этого сочиненія составляетъ живость изложенія, какая рѣдко встрѣчается въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ. Авторъ не только указываетъ на ученую дѣятельность и на заслуги тѣхъ лицъ, которыя подвизались на поприщѣ гуманизма, но старается вполнѣ

обрисовать их личности и характеры. Такимъ образомъ передъ нами цѣлый рядъ портретовъ замѣчательныхъ гуманистовъ XV столѣтія. Авторъ всесторонне изслѣдовалъ ихъ дѣятельность на основаніи самаго подробнаго изученія всѣхъ тѣхъ памятниковъ, какіе остались намъ отъ той эпохи. Особенное значеніе придавъ Фойгтъ письмамъ, какъ самому несомнѣнному свидѣтельству.

Въ свое время книга эта была встрѣчена весьма похвальными отзывами нѣмецкихъ критическихъ изданій ¹⁾, хотя нѣмецкій рецензентъ указываетъ и на нѣкоторые недостатки, какъ напр. на то, что авторъ мало обратилъ вниманія на значеніе Данте по отношенію къ гуманистическимъ идеямъ.

Выше мы сказали, что авторъ даетъ намъ рядъ очень живыхъ характеристикъ. Не можемъ воздержаться отъ легкаго упрека ему въ томъ отношеніи, что иногда желаніе охарактеризовать ближе извѣстное лицо и его дѣятельность доводитъ автора до крайности. Именно онъ вдается въ ненужныя подробности. А между тѣмъ въ другихъ случаяхъ онъ скупится на подробности, имѣющія большой интересъ для читателя. Такъ напр. намъ бы желательно было знать гораздо больше содержаніе сочиненія Валлы О дарѣ Константина Великаго, имѣвшаго весьма важныя послѣдствія. По нашему мнѣнію, авторъ говоритъ о немъ весьма мало. Но гораздо сильнѣе хочется намъ упрекнуть его въ томъ, что онъ съ какою то особенною любовью изображаетъ передъ нами всѣ тѣ мелочныя дрязги, которыми увлекались гуманисты въ своей взаимной ненависти, то самообольщеніе и ухаживаніе за знатными, въ которыхъ повинны многіе изъ нихъ. Слабости эти въ значительной степени объясняются характеромъ вѣка и положеніемъ самихъ гуманистовъ. Во всякомъ случаѣ намъ странно читать нѣсколько страницъ кряду о томъ, какъ напримѣръ Филельфо ссорился съ флорентинскими и другими учеными и до какихъ крайностей доходилъ онъ въ своемъ самообольщеніи и раздраженіи. А между тѣмъ объ ученыхъ заслугахъ

¹⁾ См. между прочимъ *Literarische S. Centralblatt für Deutschland* herausg. v. Friedr. Zarncke jahrs 1881—1882.

этого самого Филельфо авторъ говоритъ лишь нѣсколько словъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и объ ухаживаніи гуманистовъ за государями и разными владѣтельными особами. Тутъ опять жестоко достается тому-же Филельфо. Есть нѣсколько смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу гуманистовъ. Они были люди болѣею частію бѣдные, рѣшавшіеся поселиться при дворѣ государя или владѣтельнаго лица только послѣ долгаго странствованія по свѣту и упорной борьбы съ разными невзгодами и лишеніями. Исключеній изъ этого встрѣтимъ немного. Грустно, конечно, что даже самый великій Петрарка не устоялъ противъ искушенія спокойной и привольной жизни при Феррарскомъ дворѣ заискивалъ милости другихъ владѣтельныхъ особъ. Онъ былъ человѣкъ далеко не бѣдный. Другимъ гуманистамъ, его послѣдователямъ, это уже простительнѣе. Только духомъ времени объясняется то странное для насъ ослѣпленіе государей и владѣтельныхъ особъ, что литературныя похвалы поэтовъ и гуманистовъ могутъ даровать имъ безсмертіе и представить ихъ потомству въ свѣтѣ вполне благопріятномъ. Зablужденіе это до такой степени овладѣло умами лицъ высокопоставленныхъ, что его всецѣло раздѣляли даже и такіе умные и образованные люди, какъ король Неаполитанскій Альфонсъ и папа Николай V. Винить ли особенно гуманистовъ въ томъ, что они поддавались на соблазнительную приманку и ради трудно-достижимыхъ благъ жизни писали панегирики людямъ далеко не заслуживавшимъ ихъ.

Примемъ также во вниманіе, что науки въ то время еще мало цѣнились, а въ особенности гуманистическія, только-что получившія право гражданства. Отнесемъ нѣсколько болѣе снисходительно къ слабостямъ и увлеченіямъ дѣятелей новой науки, чѣмъ отнесся авторъ предлагаемой книги. Эти слабости и увлеченія, неизбѣжные спутники каждаго смертнаго, сошли въ могилу вмѣстѣ съ ними, не нанеся вреда потомству, тогда какъ ихъ ученые заслуги легли въ основу дальнѣйшаго развитія человѣчества. Все это мы говоримъ для того, чтобы устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть въ умѣ читателей, будто гуманистическія науки породили много особенно вредныхъ стремленій. Тутъ многое, вѣроятно, придется отнести на счетъ среднихъ вѣковъ, культура

которыхъ еще сравнительно мало разработана, какъ справедливо говорить рецензентъ книги г. Фойгта. Обращи авторъ побольше вниманія на послѣднюю, тогда, быть можетъ, гораздо больше можно бы было сказать въ пользу пионеровъ новой науки.

Напрасно также г. Фойгтъ считаетъ такое, дѣйствительно, поражающее своимъ безобразіемъ литературное явленіе, какъ Гермафродитъ, „первымъ плодомъ вѣры въ непогрѣшимость древнихъ“. Неужели кто-нибудь могъ серьезно считать противоестественный порокъ, избранный легкомысленнымъ поэтомъ темою своего произведенія, дѣломъ похвальнымъ?

Все дѣло объясняется просто тѣмъ, что авторъ Гермафродита, какъ человѣкъ, любившій жизнь преимущественно со стороны наслажденій, а не духовныхъ интересовъ, относился весьма легко къ подобнаго рода вопросамъ. Такъ онъ смотрѣлъ и на профессорскую дѣятельность. Если другіе гуманисты хвалили эту книгу, то никакъ не со стороны содержанія, а исключительно со стороны языка.

Намъ остается объяснить нѣсколько терминовъ, встрѣчающихся въ переводѣ: аббревіаторъ — сочинитель папскихъ буллъ и разрѣшеній; камерарій—хранитель драгоценностей и денегъ; близкій человѣкъ (*familiaris*).— совѣтникъ по болѣе важнымъ дѣламъ; прокураторъ — представитель извѣстнаго лица или учрежденія передъ судомъ.

И. П. Рассадинъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Ни одна страна въ Европѣ не была свидѣтельницей столь разнообразныхъ и глубоко-захватывающихъ переворотовъ, какъ Италия. И тотъ величайшій кризисъ, какой только когда-либо испытало человѣчество въ исторіи — распаденіе античнаго міровладычества и возникновеніе новаго, основаннаго на крови Христа,—должна была особенно смутно и бурно пережить Италия. Тогда ей было предназначено образовывать мостъ между древностью и христіанской эпохой. Для послѣдней сохранила она палладій будущности, камень, на которомъ была основана церковь: съ другой стороны, и древность завѣщала ей разнообразныя останки — наслѣдство большее, чѣмъ можно было бы подумать съ перваго взгляда. Если гдѣ-либо долженъ былъ возродиться античный духъ и вступить въ самыя поры новыхъ организмовъ, то это именно въ Италиі.

Италія сохранила въ наиболѣе чистой и вѣрной формѣ, не смотря на всѣ смѣшенія народовъ, то нарѣчіе, на которомъ древніе Римляне излагали свои мысли. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо космополитскій языкъ Лаціума остался здѣсь, въ этомъ средоточіи церковной и образованной жизни, языкомъ дѣловитости, учености и богослуженія. Извѣстно, далѣе, что единственное въ своемъ родѣ и вмѣстѣ съ владычествомъ надъ народами величайшее твореніе древнихъ Римлянъ,— ихъ право и наука права,—никогда не теряли своего значенія въ Италиі, хоть и довольно жалко влачили свое существованіе въ конторахъ нотаріусовъ. Это Римское право постепенно и незамѣтно, такъ же какъ кровь народовъ древняго міра смѣшивалась съ кровью вновь выступающихъ племенъ, то слегка окрашивало, то глубже проникало образъ мыслей послѣднихъ, ихъ общественную и политическую жизнь.

Но и кромя этого новое населеніе унаслѣдовало еще массу воспоминаній о геройскомъ поколѣніи Ромула, покорившемъ міръ. Часто существуетъ только памятникъ и стоитъ загадочнымъ привидѣніемъ, какъ это видно изъ средневѣковыхъ сказаній о конной статуѣ Марка Аврелія или о постройкѣ Пантеона. Часто является

темное и смутное представлѣніе, какъ, напримѣръ, о цезарствѣ, когда возстановилъ его Карлъ Великій, или о древней римской республикѣ во время Арнольда Брешианскаго, пытавшагося возсоздать сенатъ, консуловъ и Римскій народъ. Нерѣдко также держалось какое-нибудь установленіе, а никто и не подозрѣвалъ его древняго происхожденія. Таковы: школы грамматиковъ въ городахъ, документальные приемы нотаріусовъ и многое тому подобное въ общественной, домашней и даже церковной жизни. Въ особенности же никогда не могла забыть Италия (и не могъ главнымъ образомъ Римъ), что оттуда былъ когда-то покоренъ и управляемъ цѣлый міръ. Въ поры именно сильнѣйшаго одичанія старое язычество проявляется вновь какъ демоническій призракъ. Дьяволъ искушаетъ схоластиковъ, какъ, напримѣръ, Вильгарда Равенскаго, заставляя ждать вѣчной славы за преданность Virgilію, Горацию и Ювеналу и съ строптивымъ пренебреженіемъ противостать церкви. Римъ порождаетъ вновь демагоговъ и тирановъ, напоминающихъ Капитолій и прежнее призваніе города къ владычеству, — Альбериха и Крещенціевъ, древнихъ гетеръ въ широкомъ стилѣ, папъ, которые ведутъ жизнь какого-нибудь Геліогабала и клянутся Юпитеромъ и Венерой.

Никто не станетъ отрицать, что Италия въ сущности была колыбелью не только іерархіи, но и Германской Имперіи. Она видѣла ихъ возникновеніе, ихъ мощную борьбу другъ съ другомъ и, наконецъ, ихъ паденіе. Іерархія же и священная Римская имперія навсегда остались пронизаны древне-римскими идеями, придавшими имъ ихъ космополитическое и всемірно-монархическое направленіе. Такъ же точно языкъ, право и церковь Рима приготовили почву для совокупнаго развитія Европы и обхватили народы той духовной связью, исходная точка которой была въ Италия, въ силу этого ставшей во главѣ Европы.

Съ перваго взгляда на политическую исторію Италиі въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ намъ кажется яснымъ, что полуостровъ сдѣлался совершенно неспособенъ къ выполненію своей великой задачи. По видимому, мы не замѣчаемъ ничего, кромѣ арены всеразрушающихъ и разнузданныхъ страстей. Не сдерживаемыя болѣе сильной рукой императора, эти маленькія государства и города пользуются своей свободой только для того, чтобы наперерывъ мучить и губить другъ друга. Безконечная распря династовъ и узурпаторовъ съ республиками, вѣчная борьба въ послѣднихъ между дворянствомъ и народной партіей, дворянскихъ родовъ и народныхъ властей между собой, разнообразная усобица, все это только способствуетъ довершенію общаго разстройства и безсилія. Полуостровъ мало по малу созрѣвалъ для чужевластия и притомъ даже не одного только господина. Удаленіе куріи изъ Италиі и церковный расколъ под-

точили религиозное единодушіе, и предвѣстники великаго церковнаго разъединенія уже указывали на распаденіе общей вѣры и культа. Какъ могъ бы Римъ остаться алтаремъ космополитской идеи!

Между тѣмъ въ Италіи прозябалъ зародышъ новаго образованія, всходы котораго должны были явиться ближайшимъ образомъ на попріищѣ науки и искусства, и которому было предназначено объединить подъ знаменемъ музъ и науки не только одну Италію, но и весь культурный міръ. Это развитіе выступаетъ теперь на первый планъ, тогда какъ заботы о церковной политикѣ, о войнахъ и революціяхъ мало по малу исчезаютъ. Выскажемъ новую задачу Италіи: возвратить и усвоить христіанскому міру забытую древность Грековъ и Римлянъ, вызвать къ жизни ихъ науку, соединить благоуханіе ихъ искусства съ цвѣтомъ христіанско-романтической жизни, форму и чувственную красоту, какъ наслѣдство классическихъ народовъ, съ духомъ романтики;—вотъ та цѣль, къ которой съ того времени стремились лучшія силы, вотъ на чемъ основано значеніе какаго-нибудь Аріосто или Тассо, какаго-нибудь Браманте или Палладіо, Ліонардо да Винчи или Рафаэля Санціо.

Намъ предстоитъ рассмотретьъ здѣсь только одинъ періодъ и одну сторону этого культурно-историческаго процесса, именно возрожденіе классической древности и ея вторженіе въ духовную жизнь прежде всего Италіи. Наша задача далѣе—представить только дѣтскую и юношескую эпоху этихъ стремленій: какъ первая, побуждаемая желаніемъ подражанія, усваиваетъ себѣ и учится, а послѣдняя пользуется, горячо примѣняетъ и дерзко злоупотребляетъ приобретенными силами и знаніями. Поэтому наше вниманіе привлекутъ зарожденіе и ростъ, а не творенія, которыя уже носятъ на себѣ печать зрѣлости и прочности.

Зерномъ этого развитія считали съ давнихъ поръ воспринятіе въ духовный строй чисто-человѣческаго элемента, того, что такъ рѣзко отличало Грековъ и Римлянъ стараго времени—гуманизма—въ противоположность возрѣніямъ христіанства и церкви.

Слѣдовательно, это былъ процессъ возобновленія. Но абсолютно новыя идеи не вступили въ исторію, а были вновь приняты тѣ мысли, которыя когда-то, въ отдаленномъ прошломъ, были изложены въ литературныхъ произведеніяхъ. И возстаютъ эти мысли не какъ что-то невѣдомое и совершенно новое, но приносятся только болѣе полнымъ и неодолимымъ потокомъ. Античный міръ переживалъ подобныя же явленія, когда напр. Азія подверглась вторженію греческой культуры и литературы или когда воспринялъ ихъ въ свою духовную жизнь Лаціумъ. Какіе и здѣсь вызвалъ перевороты этотъ новый придатокъ, какъ измѣнилъ онъ существующій образъ мыслей и сколь иное направленіе далъ онъ ему!

О классической древности свидѣтельствовали главнымъ образомъ ея литературные памятники; вмѣстѣ съ ними погрузилась она въ зимній сонъ, съ ними же вмѣстѣ должна была пробудиться къ новой веснѣ. Ея исторія, слѣдовательно, примыкаетъ къ исторіи ея литературы. Люди, возвратившіе къ жизни римскихъ и греческихъ авторовъ, справедливо говорили о ея семисотъ-лѣтнемъ снѣ. Они рассчитали вѣрно: вмѣстѣ съ римской имперіей мало по малу исчезла и склонность къ римской литературѣ; въ VII столѣтіи ея не было и слѣда. Но все же нельзя безусловно полагаться на ихъ слова: находясь въ самомъ огнѣ, они не замѣтили искръ, тающихъ подъ пепломъ. Наравнѣ съ римскими юридическими сочиненіями не оставалась вполнѣ безъ вниманія и историческая, философская и поэтическая литература Римлянъ; въ тихихъ монастырскихъ кельяхъ всегда почитывали Салюстія и Ливія, нѣкоторыя сочиненія Цицерона, Сенеки, Виргилія, Лукана, Горация, Овидія, Теренція и Плинія; имена этихъ писателей встрѣчаются въ церковныхъ, схоластическихъ и историческихъ произведеніяхъ того времени. Даже отцы церкви, и тѣ часто ссылались на языческихъ писателей, которымъ по большей части обязаны были своимъ ученымъ образованіемъ. Благодаря ихъ сочиненіямъ, также какъ и позднѣйшимъ церковнымъ компиляторамъ въ родѣ епископа Исидора Севильскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣтки изъ классической древности оставались въ постоянномъ обращеніи. Другія продолжали распространяться, хоть и въ весьма обезображенномъ видѣ, посредствомъ сказаній, легендъ и вообще поэтическихъ произведеній, какъ напр., о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ. Бозцій, чья христіанско-философская книга «Утѣшеніе» всегда высоко цѣнилась, своими комментаріями далъ толчекъ если не для изученія, то по крайней мѣрѣ для уваженія аристотелевской философіи. Примѣровъ подобныхъ сопряженій съ древностью можно привести тысячи. Наконецъ, у насъ есть рукописныя копии классическихъ писателей, относящіяся ко всѣмъ эпохамъ средневѣковой жизни, что, несомнѣнно, указываетъ на дѣйствительный интересъ къ древней литературѣ.

Если мы станемъ перечислять средневѣковыхъ писателей, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ классической литературѣ, то получится длинный рядъ именъ и, между ними, не мало выдающихся. Пожалуй, можно бы было придти къ убѣжденію, что не было вовсе надобности въ особенномъ и бурномъ возрожденіи древности. При дворѣ Карла Великаго съ увлеченіемъ читали латинскихъ поэтовъ и горячо стремились подражать ихъ стихамъ. Съ тѣхъ поръ они никогда не были преданы забвенію. При дворахъ нѣкоторыхъ епископовъ, въ знаменитыхъ монастыряхъ Бенедиктинцевъ поэтическое

искусство и мудрость Римлянъ находятъ себѣ новое прибрѣжище и продолжаютъ свое существованіе въ бібліотекахъ, или же преподаются въ школахъ. Какъ бы дѣтски и неуклюжи ни казались намъ подражанія, во всякомъ случаѣ предъ глазами были хорошіе образцы древнихъ ¹⁾. Эйнгардтъ беретъ себѣ въ образецъ Светонія, Видуиндъ — Саллюстія; онъ старается усугубить впечатлѣніе въ античномъ духѣ напыщенными рѣчами, образы и чувства древняго Рима переполняютъ его душу. По видимому, и Адамъ Бременскій, конечно, самый даровитый питомецъ музы Кло въ средніе вѣка, образовался на Саллюстія. Экегардтъ изъ Ауры украшаетъ свои сочиненія изрѣченіями Цицерона; и у многихъ другихъ языкъ, содержаніе мыслей, а также заимствованія доказываютъ, что имъ не было чуждо чтеніе древнихъ писателей. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ Ратерій Веронскій и Гербертъ собирали и читали древнія сочиненія, даже такихъ поэтовъ, какъ Плавтъ или Теренцій, Персей и Ювеналь. Извѣстно, какимъ богатствомъ свѣдѣній изъ классической литературы обладалъ Іоаннъ Салисбѣрійскій. Въ своихъ стихахъ онъ старался подражать Овидію, въ прозѣ — Цицерону, а у Квинтиліана искалъ правилъ краснорѣчія ²⁾. Эпическіе поэты не могли себѣ искать образца гдѣ-либо, кромѣ Виргилія или Лукана и Клавдіана. Поэтому они обыкновенно всецѣло предаются древности; какой-нибудь Готье Шатильонскій даже поклоняется богамъ и фатуму, какъ будто онъ выросъ не между христіанъ ³⁾.

Указывали также на пѣсни Вагантовъ и Голіардовъ и видѣли въ нихъ предшественниковъ гуманизма, потому что они смѣло прославляютъ міръ и чувственное наслажденіе, часто заставляють появляться языческихъ боговъ и осмѣиваютъ принудительныя начала школы и церкви ⁴⁾. Но въ сердцахъ этихъ непосѣдныхъ, словно вырвавшихся на волю личностей бьется только юношеская любовь къ жизни и чувственность, а нѣсколько школьныхъ воспоминаній еще не доказываютъ сближенія съ древностью. Изъ такого рода стремленій не можетъ возникнуть прочная и дальнo-дѣйствующая сила.

Чѣмъ же были обязаны гуманисты, когда они принялись за свой трудъ, выше-названнымъ поэтамъ, историкамъ и ученымъ? Они ни-

¹⁾ Ср. Dümmle r, Geschichte des ostfränkischen Reichs Bd. II, Berlin 1865, стр. 652 и слѣд.

²⁾ Schaa r s c h m i d t, Johannes Saresberiensis, Leipz. 1862, стр. 82 и слѣд., гдѣ подробно указаны его знанія.

³⁾ См. P a n n e n b o r g Ueber den Ligurinus — въ «Forschungen zur deutschen Geschichte». Bd. XI, Gött., 1871.

⁴⁾ Сначала Буркгардтъ, часть 1 стр. 221 и 245, затѣмъ Бартоли въ «I precursori del rinascimento», Флоренція 1877.

когда не видѣли въ нихъ своихъ предшественниковъ. Не количество антикварныхъ свѣдѣній даетъ рѣшающее значеніе, но мировоззрѣніе, преданность древнему міру, страстное стремленіе внести его въ современность и объять всѣми силами своего духа. Достаточно здѣсь вспомнить только, что никто изъ всѣхъ тѣхъ мужей, ни Ратерій, ни Гербертъ, ни Абельаръ, ни Іоаннъ Салисбѣрійскій не знали греческаго языка, даже никогда не высказывали желанія воспользоваться сокровищами греческой литературы, благоговѣйное восхваленіе которыхъ постоянно встрѣчалось у Римлянъ. Гдѣ хоть только тлѣла искра духа гуманизма, она сейчасъ же воспламенялась при имени Гомера.

Вообще же далеко преобладали моменты, враждебные изученію древности. Христіанская вѣра и церковь, выросши въ постоянной борьбѣ съ языческимъ міромъ, еще не знали примиренія съ ней; съ другой стороны, можетъ быть, и едва замѣтно, но все-таки постоянно таялась искра язычества подъ развалинами его храмовъ: оно, и побѣжденное, навсегда осталось страшнымъ врагомъ, благодаря своему свободному, просвѣтленному искусствомъ воззрѣнію на жизнь. Во время его упадка даже прославленнымъ учителямъ церкви, которые прежде сами были софистами или риторамъ, оно кажется чарующей сиреной. Другіе не были въ силахъ вполне отрицать духовную мать, вскормившую ихъ; Василій даже защищалъ ее въ одномъ маленькомъ сочиненіи; Григорій Назіанзинъ, Іеронимъ, Августинъ сохранили къ ней теплое расположеніе. Можетъ быть, приведуť ригоризмъ Григорія Великаго въ доказательство того, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ были попораны въ его время языческіе поэты; но именно тотъ фактъ, что Григорій считалъ себя вынужденнымъ энергично противодѣйствовать чтенію ихъ, покажетъ намъ съ другой стороны, что склонность къ этимъ отжившимъ и ихъ чарующая сила далеко не исчезли. Алкуинъ упрекалъ Трирскаго архіепископа за его любовь къ Вергилію, поэту лжи, который отчуждаетъ его отъ Евангелія, хотя его собственный умъ достигъ зрѣлости только благодаря общенію съ Вергиліемъ, Цицерономъ и др. ¹⁾ Аббатъ Вибальдъ Корвейскій, котораго сильно привлекали мысли и красота рѣчи у Цицерона и который собиралъ его сочиненія, былъ сильно озабоченъ, чтобъ не показаться Цицеронианцемъ болѣе, чѣмъ христіаниномъ, и утверждалъ, что при своихъ занятіяхъ считаетъ себя только шпиономъ въ станѣ врага ²⁾. Даже когда борьба

¹⁾ Epist. 216. 248 въ «Monument. Alcuiniana», изданнымъ Ваттенбахомъ и Дюмлеромъ. Сюда относится Vita Alcuini § 10.

²⁾ Письмо настоятеля Райнальда Гильдесгеймскаго къ Вибальду и его отвѣтъ къ Monum. Corbeiensia ed. Iaffé. № 207. 208.

съ остатками язычества дѣйствительно отошла на задній планъ и всеобщее вниманіе было привлечено борьбой римскихъ епископовъ съ императорскою властью; затѣмъ, когда во время раскола наука была преимущественно занята ковкой теологическаго и каноническаго оружія, даже и тогда нельзя было отрѣшиться отъ страшнаго ужаса предъ покоренной силой, которая, какъ бы заточенная въ Аду, но все еще живая и готовая отыгнать, осталась все-таки грознымъ супостатомъ. Время Грековъ и Римлянъ представлялось ночью, въ продолженіи которой люди обращались съ молитвой къ нечистымъ духамъ; эти же духи, съ которыми нѣкогда покончила христіанская вѣра, все еще продолжали свое чуждое существованіе въ суевѣріи. Нѣтъ, церковь никогда не могла протянуть примиряющую руку древности, пока ея цѣлью было—въ противность свѣтскимъ стремленіямъ,—учредить на землѣ царство Божіе. Она не могла перенести, чтобы умъ съ любовью погружался въ прошедшее, которое ей не принадлежало, чтобы онъ отвратилъ свои взоры отъ царства, обѣщаннаго Іисусомъ въ грядущемъ, и ключи котораго только хранила она одна.

Соотвѣтственно этому церковь, пока въ ней было сильно стремленіе очиститься отъ грѣха и пока ея идеаломъ было религиозное господство, завладѣла для своихъ цѣлей чувствомъ и воображеніемъ народовъ, этими мощными рычагами человеческихъ дѣлъ. Мышленіе сдерживала она въ подчиненіи и въ оковахъ, благодаря своей приспѣшницѣ—схоластикѣ, и готова была скорѣе подавить чувство прекраснаго, чѣмъ даровать ему питательный матеріалъ, который она могла найти у классическихъ народовъ. Не простой случайностью было то—и на это будетъ часто указываться въ нашей книгѣ,—что только тогда, когда померкло солнце католической церкви, вновь разлился долго затѣмъваемый имъ лунный свѣтъ язычества.

Если бы мы искали основной причины не здѣсь, то намъ осталось бы совершенно непонятнымъ то явленіе, какимъ образомъ занятіе отдѣльныхъ личностей классической литературой, нерѣдко встрѣчаемое нами въ средніе вѣка, осталось совершенно безъ послѣдствій для общаго развитія. Древность—міръ, заключенный самъ въ себя, и только тому доставляетъ она образующій матеріалъ, кто можетъ понять ее въ такомъ смыслѣ. Ни одна научная отрасль не можетъ процвѣтать, пока будетъ обречена лишь на служеніе другой.

Безспорно, сохраненіемъ классической литературы, насколько именно она сохранилась, мы по преимуществу обязаны монастырской братіи. Цѣлые вѣка ревниво хранила и оберегала она приобрѣтенія своихъ предшественниковъ и умножала ихъ списками. Но это не было ея призваніемъ; она никогда не посвящала себя всецѣло этой

работѣ. Списываніе книгъ обыкновенно было сухимъ ремесломъ, иногда указываемымъ орденскими правилами, чтобы мирнымъ занятіемъ смягчить грубые нравы или наполнить досуги слабѣйшихъ братьевъ или же чтобы доставить прибыль монастырю; — иногда занятіе это только допускалось, иногда же возбранялось вполне. Такимъ образомъ, если въ прославленныхъ монастыряхъ Бенедиктинцевъ, въ Монте-Касино, Клуни, С. Галленскомъ и Фульдскомъ случалось, что наряду съ служебниками, молитвенниками и богословскими сочиненіями переписывались и классическія произведенія, то это происходило или по приказанію настоятеля, или же, можетъ быть, по игривой прихоти самого брата. Но всегда это занятіе оставалось при мертвой буквѣ. Часто случалось также, что знатный настоятель съ соколомъ на рукѣ рыскалъ по полямъ, отправлялся на турниры и придворныя празднества или, бражничая, любовался выходками шутовъ, братья же шатались безъ дѣла или оживляли виномъ досужные разговоры, — а книги въ это время покрывались пылью и плесневѣли въ самыхъ мрачныхъ и сырыхъ кельяхъ за исключеніемъ, можетъ быть, писцовыхъ книгъ землямъ, на производствѣ которыхъ покоились доходы и прибыль монастыря. Тамъ, можетъ быть, погибло и навсегда осталось потеряннымъ столько же твореній классическихъ авторовъ, сколько съ другой стороны было спасено. Имъ предлагали здѣсь гостепримство, но никогда не даровали правъ отчивны.

Содержаніе классическихъ книгъ жило въ умахъ такимъ же образомъ, какъ сами онѣ существовали въ монастыряхъ. Пока образованіе вообще, и школьное въ особенности, было исключительно въ рукахъ духовенства, къ античной литературѣ относились съ недобримъ настроеніемъ. Поэтому кажущійся расцвѣтъ ея во времена Каролинговъ и его отголосокъ въ оттоновскую эпоху остались безъ послѣдствій, равно какъ и сношенія съ Византіей, этимъ архивомъ эллинизма, вызвавшія то тамъ, то сямъ на Западѣ скоропреходящія моды. Недоставало непрерывности стремленій, недоставало дружнаго содѣйствія стремящихся. Понятія большинства не шли дальше того, что латинскій языкъ есть подготовительная ступень къ духовному чину. Его изучали по Донату и его варварскимъ послѣдователямъ, читали нѣкоторыя сочиненія Цицерона или какого-нибудь поэта съ тѣмъ, чтобы найти примѣры для правилъ грамматики. Едва ли можно себя представить болѣе плачевное существованіе классическихъ писателей, чѣмъ тогдашнее, предназначенное для пропедевтической подготовки клириковъ или же для вялыхъ, только побочныхъ занятій. Не лучше было имъ и тогда, когда изъ монастыря они были перенесены въ монастырскую школу и затѣмъ въ университеты. И здѣсь они были подчинены главнымъ

факультетскимъ наукамъ; они не достигли самостоятельной жизни даже въ такихъ первоклассныхъ умахъ, какъ Абеляръ и Іоаннъ Салисбѣрійскій. Отрывки древности помогали только заткнуть пробѣлы какой нибудь богословской или философской системы, точь въ точь какъ мраморныя колонны древнихъ храмовъ и дворцовъ безъ всякаго стыда употреблялись на простыя частныя подѣлки.

Мы не будемъ возобновлять старую пѣсню объ отсутствіи толка, критики и вкуса въ средніе вѣка. Какъ бы бессмысленно она иногда и не повторялась, все-таки остается безспорнымъ, что духовное и прежде всего эстетическое достояніе древности на цѣлыя столѣтія исчезло безъ слѣда. Мы бы хотѣли отмѣтить здѣсь только нѣкоторыя, менѣе оцѣненныя явленія, потому что они-то наиболее ярко доказываютъ сокрушающую диктатуру церкви, и такъ какъ мы предполагаемъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ своего труда придерживаться именно этихъ взглядовъ.

Господствующая церковь не терпитъ индивидуальнаго человѣка. Все должно стать покорнымъ звеномъ въ цѣпи ея систематики и подчиниться закону ея установленій. Она не признаетъ частной духовной собственности. Съ такой же точи зрѣнія она обошлась и съ классической литературой. Вотъ почему классическія произведенія были произвольно укорачиваемы и расширяемы, христіанизуемы и искажаемы; вотъ почему, вовсе не изъ намѣренія обмануть, современнымъ подѣлкамъ придавались имена досточтимыхъ авторовъ. Извѣстно, какъ, напримѣръ, имя Доната сдѣлалось общимъ названіемъ всякой грамматики, имя Сервія — всякаго комментарія къ *Виргилію*. Сила, выступающая противъ подобныхъ стремленій—критика; съ ея помощью отдѣльная личность, подаваясь на свой собственный разумъ, противостаетъ подавляющему авторитету.

Далѣе Церковь сама покоилась на множествѣ самыхъ разнородныхъ авторитетовъ; назначеніемъ церковной науки было — примирить ихъ противорѣчія и согласно съ извѣстными тенденціями округлить научное построеніе. Чтобы не подорвать ни одного изъ этихъ авторитетовъ, она придавала равное значеніе всѣмъ имъ. То же должно было произойти и съ классическими авторами. Философская мораль Аристотеля не смѣла противорѣчить церковной; на Цицерона, Сенеку и Боэція смотрѣли такъ, какъ будто ихъ сочиненія были одинаковаго достоинства; Флору, Евтропію и Валерію Максиму придавалось то же значеніе, какъ Саллюстію и Ливію; наравнѣ съ *Виргиліемъ*, *Стаціемъ*, *Луканомъ*, *Ювеналомъ* и *Церсіемъ* стояли поэтическія произведенія какого-нибудь *Марбода Репнскаго*, *Алана островитина* (*Alanus ab Insulis*) или *Іоанна Салисбѣрійскаго*. Чтобы провести между такими авторитетами раздѣльную черту, пужна была

сила критики, а еще болѣе необходимо было саморазвивающееся чувство болѣе благородной формы и болѣе глубокаго содержанія. Но вкусъ, котораго не терпѣла церковь, опять-таки составлялъ принадлежность отдѣльной личности.

Чтобы создать просторъ для этой индивидуальной силы, новая наука, завладѣвши наслѣдствомъ древнихъ народовъ, должна была покинуть монастырь, духовную опеку и цеховые университеты. Ея питомцы должны были сбросить рясу и церковное облаченіе и подобно сынамъ древняго Рима облечься въ тогу и тунику. Въ общество должно было вступить новое сословіе съ новымъ и самостоятельнымъ образованіемъ, стоящее то въ мирѣ съ церковью, то во враждѣ съ ней, но всегда отъ нея одалъ. И это могло произойти только въ Италіи, гдѣ стояли еще классическіе памятники и память о минувшемъ величій сочеталась съ патриотической гордостью. У клириковъ и монаховъ галльскаго, британскаго и нѣмецкаго сѣвера изученіе древнихъ осталось дѣломъ ерудиціи, иногда лишь усовершенствованія въ стилистикѣ. Въ Италіи это изученіе, исходя отъ сердца и одушевленія, входило прямо въ плоть и кровь.

Кто хочетъ прослѣдить развитіе новой Италіи въ какомъ-бы то ни было отношеніи, тотъ не можетъ оставить безъ вниманія Данта Аллигьери. Его нельзя, конечно, причислить къ возстановителямъ классической древности. Образованіе его вполнѣ еще покоится на дисциплинѣ тривиума и квадривиума; путеводныя звѣзды для него Библія и «философъ», затѣмъ попеременно Августинъ и Фома Аквинскій, Боэцій и Цицеронъ. Онъ всецѣло стоитъ на почвѣ церковнаго ученія, созданнаго схоластиками, даже любитъ со рвеніемъ погружаться въ его тончайшія философскія построенія ¹⁾, можетъ еще чувствовать отвращеніе къ еретикамъ и сектантамъ и, безъ сомнѣнія безусловно отвергъ бы свободный образъ мыслей послѣдующихъ гуманистовъ. Онъ, можетъ быть, прочелъ съ болѣшимъ увлеченіемъ своего Вергилія, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ или современниковъ, онъ прославляетъ его, какъ своего учителя, какъ источникъ, изъ котораго излился широкій потокъ краснорѣчія, называетъ его даже «нашимъ божественнымъ поэтомъ» ²⁾; но затѣмъ поэтъ представляется ему опять то авторитетомъ въ родѣ Аристотеля или въ родѣ какого-нибудь учителя церкви, то мистическимъ святымъ, то, наконецъ, предшественникомъ

¹⁾ *Нанр. Paradiso canto VII.*

²⁾ *Inferno c. I. De monarchia lib. II cap. 3.*

Христа. Онъ не мало воспринялъ изъ доступнаго ему круга ¹⁾ классическихъ писателей и составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ духовный капиталъ предшествовавшихъ поколѣній передается послѣдующимъ, увеличивается и воздѣлывается ими ²⁾. Но онъ только случайно пользуется идущою отъ древности мудростью; она не господствуетъ въ мирѣ его мысли, и самъ онъ далеко отъ того, чтобы въ классическихъ писателяхъ видѣть свидѣтелей и героевъ лучшаго вѣка. Также точно и болѣе тонкій и развитой языкъ древнихъ не имѣлъ на него никакого вліянія и навѣрно не прельстилъ его слуха. У Данта тяжеловѣсный умъ, его не прельщаютъ легкія, граціозныя формы, онъ ищетъ золотую мудрость въ глубинѣ и остается холоденъ къ чарующему блеску поверхности. Въ немъ нѣтъ ни капли подвижной крови Эллиновъ и эллинизированныхъ римскихъ поэтовъ. Строгая логика всегда сдерживаетъ его воображеніе и никогда не даетъ свободнаго полета его гению.

Но, не смотря на то, такъ какъ дѣйствія великихъ умовъ непредразчислимы, уже въ сочиненіяхъ Данта чувствуются какіе-то таинственные импульсы, которые словно натапливаютъ на сокровища классической римской эпохи. Онъ читалъ лучшихъ ея поэтовъ, Овидія, Вергилія, Горация и Ювенала; правда, онъ полагаетъ ихъ значеніе только въ изрѣченіяхъ мудрыхъ житейскихъ правилъ и не видитъ его, какъ позднѣйшіе гуманисты, въ благозвучіи ихъ стиховъ и привлекательной формѣ поэтическаго стиля; но уже и то знаменательно, что онъ отважился поставить рядомъ съ обычными авторитетами слово поэтовъ и воспользовался имъ для своихъ художественныхъ выводовъ. Можно найти множество примѣровъ этому въ его прозаическихъ сочиненіяхъ; не такъ много ихъ въ его большой поэмѣ, но и здѣсь замѣчательно то, что рука объ руку идутъ въ ней язычество и христіанство, древняя и новая исторія, греческій мѣлъ и религіозныя воззрѣнія. Онъ внесъ древность, хотя отрывочно и разбросанно, въ тосканскую поэзію точно такъ же, какъ его современникъ Бруцетто Латини впервые перевелъ на народный языкъ римскихъ авторовъ—Овидія и Боэція, также нѣкоторыя рѣчи Цицерона, набрался изрѣченій послѣдняго и поэтому считался великимъ знаткомъ въ реторику ³⁾. Такихъ писателей,

1) Что этотъ кругъ не былъ великъ, указываютъ Witte въ его изданіи *Monarchian* edit. alt. Windob. 1874 p. LXXV и Schück *Dantes klassische Studie und Brunetto Latini* въ *N. Jahrbüchern f. Phil. und. Päd.* 1865 Abth. II S. 253 ff.

2) *De Monarchia* lib. I, cap. 1.

3) *Giov. Villani Chron. Lib. VIII cap. 10: il quale fu gran filosofo, e fu sommo maestro in rettorica, tanto in bene sapere dire come in bene dittare.*

какъ, напр., Ливій, Дантъ читалъ съ увлеченіемъ: здѣсь раскрывалось передъ нимъ понятіе о той патріотической доблести, въ свѣтѣ которой блистали дѣянія древняго Рима; объ этомъ свидѣтельствуеъ вторая книга его сочиненія «о монархіи».

Дантъ хорошо созналъ, что по благородству и красотѣ формы латинскій языкъ превосходитъ народный, еще не получившій надлежащаго развитія ¹⁾, и свою Божественную Комедію началъ латинскимъ гекзаметромъ: *Ultima regna sapam* etc. Если въ послѣдствіи, не смотря на это, онъ обратился къ народному нарѣчію, то едва ли причина этого заключалась въ однажды высказанной гордой мысли поэта, что онъ видитъ, какъ великіе писатели древнихъ не были поняты и достаточно оцѣнены людьми его вѣка, и что поэтому онъ отложилъ классическую лиру и взялся за другую, которая болѣе подходитъ къ этимъ современнымъ людямъ, такъ-какъ напрасно было-бы предлагать грудному младенцу твердую пищу ²⁾. Напротивъ, къ этому его скорѣе побуждала другая и не менѣе гордая мысль: онъ хотѣлъ возвысить презрѣнный народный языкъ, избравъ его для выраженія своихъ высокихъ мыслей. Когда Джованни ди Виргиліо убѣждалъ его не отдавать свои благородныя произведенія ума на судъ толпы, не метать бисера предъ свиньями и не облекать въ недостойное одѣяніе Кастальскихъ сестеръ, Дантъ шутиливо отвергъ это предложеніе въ первой своей эклогѣ ³⁾. Подъ конецъ своей жизни въ разсужденіи *de vulgari eloquio* Дантъ и теоретически на варварской еще латыни отпраздновалъ торжество народнаго языка. И однако же тѣ двѣ латинскія эклоги, которыя остались отъ Данта, по тому именно и замѣчательны, что въ нихъ видно стремленіе къ изяществу древнихъ и Виргилій взять также въ образецъ по отношенію къ формѣ. Даже употребленіе народнаго языка въ Божественной Комедіи принесло результаты, которыхъ, конечно, не имѣлъ въ виду поэтъ, но которые были весьма на руку грядущему времени: именно языкъ этотъ вырвалъ великую поэму изъ церковной области и передалъ ее той части націи, которой суждено было стать носительницей гуманистическаго направленія.

Въ одномъ пунктѣ сквозь церковныя воззрѣнія Данта рѣзко пробивается античная идея, которая потомъ сдѣлалась жизненнымъ

¹⁾ Convito tr. I, ср. 5.

²⁾ По извѣстному разсказу монаха Иларіона, сообщаемому имъ въ письмѣ къ Угучіо де Фаджіола, въ *Mehus Vita Ambr. Travers* p. 321. Этотъ разсказъ, очевидно, далъ начало и часто повторяемому потомъ взгляду Болкаччо (*Comento sopra la Commedia di Dante. Opere. vol. IV. Firenze, 1724. p. 17*).

³⁾ Эклога Джіованни у *Mehus* I. с. p. 320.

первомъ всей дѣятельности гуманистовъ, съ неустаннымъ одушевленіемъ внушавшихъ и надолго усвоившихъ ее міру. Это мысль о посмертной славѣ. Церковь обѣщаетъ вѣрующему, исполняющему ея заповѣди, награду въ будущей жизни. Желаніе искать награды за земную дѣятельность въ славѣ среди современниковъ и потомства заимствовано изъ жизни древнихъ и далеко ужъ не христіанскій принципъ.

Весьма естественно, что это стремленіе къ славѣ переходило отъ поэтовъ къ поэту, что имена, прославляемые уже болѣе тысячи лѣтъ, воспламеняли сердце поэта. Въ особенности же прославлялось имя Мантуанца, которое не забудется, доколѣ есть только въ мірѣ движеніе ¹⁾. Въ кругу добродѣтельныхъ язычниковъ поэты составляютъ особую группу, вслѣдствіе той почетной славы, которой они пользуются еще на землѣ; во главѣ ея стоитъ Гомеръ, а затѣмъ Гораций, Овидій и Луканъ. Они привѣтствуютъ Данта и принимаютъ его въ свои ряды ²⁾. Въ бездѣльи и въ роскоши, такъ поучаетъ Виргилій своего спутника, нѣтъ славы, а безъ нея жизнь улетучивается какъ дымъ ³⁾. Не въ характерѣ Данта заискивать себѣ хвалы съ помощью маленькихъ тщеславныхъ уловокъ и украдкой смотрѣть на лавровый вѣнокъ. Онъ открыто требуетъ его въ полномъ сознаніи своей силы и своихъ достоинствъ, и, такъ какъ такое желаніе не можетъ быть выражено въ христіанской молитвѣ, онъ проситъ Аполлона дать ему достаточно силъ на то, чтобы добиться желанныхъ лавровъ ⁴⁾. Не стыдась, заставляетъ онъ Брунетто Латини предсказать себѣ, что онъ нѣкогда достигнетъ пристани славы, что во Флоренціи какъ бѣлые, такъ и черные будутъ съ одинаковой гордостью называть его своимъ ⁵⁾. Онъ какъ поэтъ чувствуетъ въ себѣ силу, «съ которой человѣкъ достигаетъ вѣчности», съ помощью которой послѣ этой жизни онъ завоевываетъ себѣ другую въ посмертной славѣ ⁶⁾. Дантъ идетъ даже еще далѣе, развивая свою теорію славы, и въ этомъ вполнѣ слѣдствіи гуманисты съ восторгомъ прижкнули къ нему: поэтъ, по его словамъ, можетъ сдѣлать безсмертными также и другихъ, упоминая объ нихъ въ сво-

1) Inferno c. II.: Di cui la fama ancor nel mondo dura,
E durerà quanto 'l moto Iontana.

2) Inf. c. IV. Сюда же должно отнести слова Стаціи (Purg. c. XXI.).

3) Inf. c. XXIV.

4) Parad. c. I.

5) Inf. c. XV.

6) Parad. c. IX.: Vidi se far si dee l'uomo eccellente,
Si ch' altra vita la prima relinqua.

ихъ произведеніяхъ ¹⁾). Такимъ образомъ онъ создаетъ себѣ и другимъ новое небо, соперничающее съ небомъ христіанскаго блаженства.

При этомъ отъ вниманія Данта однако не укрылось, въ какомъ разладѣ это античное стремленіе стояло съ христіанствомъ. Онъ заставляетъ мучиться въ чистилищѣ живописца Одеризи да Губбіо за горячее желаніе отличиться, которое воодушевляло его въ жизни и отвращало отъ Бога. Онъ заставляетъ его сѣтовать на то, что слава между смертными такъ же преходяща, какъ вѣяніе вѣтра или какъ зелень травъ. И самъ Дантъ извлекаетъ себѣ изъ этихъ словъ поученіе смиренія ²⁾). Но во всякомъ случаѣ знаменательно, что ищущему славы живописцу ставится въ грѣхъ, какъ разъ то самое, что для поэта кажется вполне естественнымъ, такъ какъ уже и древніе римскіе поэты находили это естественнымъ. Да Дантъ и не старается подавить въ себѣ страстное стремленіе къ славѣ; онъ даже ни разу не отрывается отъ него ³⁾).

И такъ, если что въ особенности привлекаетъ насъ новизною въ образѣ Данта, такъ это именно мужественное проявленіе имъ самосознающей личности, дерзнувшей обратиться къ міру съ своимъ советственнымъ Я. Въ этомъ заключалось величіе мыслителя и поэта — величіе, которое уже современники видѣли покоющимся на его мощномъ челѣ и въ чертахъ его мрачнаго лица. И этотъ-то одинокій человѣкъ, достигшій такихъ познаній и такой художественности, исключительно лишь путемъ своихъ занятій и своей собственной силы духа, былъ міряниномъ, который не принадлежалъ ни церкви, ни школѣ, ни отечеству и который въ полной приключеніями жизни старался создать себѣ положеніе, какъ поэтъ ⁴⁾).

По видимому, ничто не отдѣляетъ Данта отъ Петрарки; послѣдній легко даже могъ въ молодыхъ годахъ видѣть въ живыхъ стараго художника. Но по образованію и по роду жизни они очень далеки другъ отъ друга. Ближе, чѣмъ Дантъ, стоитъ къ гуманистическому развитію, которому принадлежала будущность, группа поэтовъ и историковъ сѣверной Италіи, вскормленныхъ рѣшительно на груди классической литературы.

¹⁾ Ср напр. Inf. с. XXIX. XXXI. XXXII.

²⁾ Purg. с. XI.

³⁾ Ср. Burckhardt, p. 170, гдѣ извлечены и нѣкоторыя другія мѣста.

⁴⁾ Giov. Villani Chronica IX., 136 обращаетъ особенное вниманіе на это явленіе: Questi (Dante) fu grande letterato: quasi in ogni scienza, tutto fosse laico etc.

Во главѣ этой группы стоитъ Альбертино Муссато изъ Падуи, человѣкъ низкаго происхожденія, выработавшійся исключительно лишь собственными силами и безъ всякаго образца между современниками. Онъ помогалъ одному старому школьному учителю въ дѣлѣ его тяжелаго призванія, какъ вдругъ на 21-мъ году жизни, по смерти отца, ему пришлось содержать старуху-мать, сестру и двухъ младшихъ братьевъ. Это побудило его ревностно предаться изученію права, сдѣлаться нотаріусомъ и искать пропитанія посредствомъ веденія дѣлъ и процессовъ и общественной службы. Какъ сынъ народа, онъ скоро снискалъ себѣ любовь, а какъ дѣльный гражданинъ, обратилъ на себя вниманіе, добился высшихъ должностей и почестей въ городѣ и часто былъ избираемъ въ посланники къ владѣтельнымъ князьямъ (къ одному Генриху Лютцельбургскому до четырехъ разъ), къ папамъ, къ республикамъ. Не смотря на это, въ немъ однако не умерло внутреннее призваніе поэта и писателя. Онъ, можетъ быть, впервые представляетъ примѣръ человѣка, у котораго прибыльные занятія юриста идутъ въ разрѣзъ съ поэтической склонностью. Впрочемъ, что касается до Муссато, то онъ сумѣлъ примирить одно съ другимъ. Намъ еще часто будетъ встрѣчаться подобное же столкновеніе въ жизненной стезѣ гуманистовъ. Муссато съ юныхъ лѣтъ любилъ грамматику и стихотворство; онъ скоро собралъ около себя небольшой кружокъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ упоминаютъ адвоката Ловатто ¹⁾ и Бонаттино. Но слава его не шла дальше скромныхъ предѣловъ его родины. Если онъ приносить въ даръ кому-нибудь произведенія своей музы, то это или епископу въ Падуѣ, или же цеху тамошнихъ нотаріусовъ. Меценатовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, которые могли бы признать за литературой національное значеніе, тогда еще не было.

Помимо историческихъ сочиненій, благодаря которымъ имя Муссато будетъ всегда имѣть значеніе, онъ писалъ еще трагедіи по образцу Сенеки, эпистолы элегическимъ размѣромъ, эклоги и другія стихотворенія самаго разнообразнаго характера; ему также принадлежатъ философскія сочиненія *de lite naturae et fortunae, de casibus fortunae*, которыя, безъ сомнѣнія, были навѣяны Цицерономъ или Сенекой. Конечно, христіанская мораль не могла послу-

¹⁾ Объ немъ именно говоритъ Петрарка (Reg. memorand. lib. II): Lovatus Patavinus fuit nuper poetarum omnium, quos nostra vel partum nostrorum vidit aetas, facillime princeps, nisi iuris civilis studium amplexus cum novem Musis duodecim Tebulas limmiscuisset, et animum ab Heliconiis curis ad forensen strepitum deflexisset. Что здѣсь нужно читать Lovatus, а не Donatus, это уже доказалъ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 232.

жить для нихъ содержаніемъ. Еще болѣе важно извѣстіе, что онъ написалъ *de vita et moribus suis*. Если оно справедливо, то это была бы первая автобіографія, извѣстная среднимъ вѣкамъ, если не придать автобіографическое значеніе и «Новой жизни» Данта. Въ несчастію эта книга, какъ и многія другія философскія и поэтическія произведенія Муссато, по видимому, утрачена. Въ такомъ предпріятіи онъ является предшественникомъ, даже, по скольку мы знаемъ, единственнымъ предшественникомъ Петрарки; въ высшей степени важенъ тотъ фактъ, что поэтъ и гражданинъ маленькой республики самъ заботится о томъ, чтобы его жизнь не была забыта потомствомъ. Еще въ одномъ обстоятельстве является онъ предшественникомъ Петрарки, именно въ томъ, что въ 1316-мъ году по предложенію его друзей и по рѣшенію университета былъ публично и торжественно признанъ поэтомъ и вѣнчанъ плюшевымъ и миртовымъ вѣнкомъ. Съ этихъ поръ народъ прозвалъ его «поэтомъ»; точно также и въ грамотахъ онъ носитъ названіе поэта и историка Падуи.

Не смотря на это, вовлеченный въ борьбу партій, онъ умеръ 31-го мая 1329 года въ изгнаніи, тѣло же его было перенесено въ отечественный городъ и погребено тамъ въ С. Джустинѣ. Такимъ образомъ за именемъ его осталась славная память въ Падуѣ еще долго, и тамъ указывали домъ, въ которомъ жилъ поэтъ. Достичь же національной славы, такъ сильно имъ желанной, Муссато не удалось ¹⁾.

Въ стилѣ и вкусѣ онъ, конечно, еще далеко отсталъ отъ древнихъ. Объ усердномъ чтеніи ихъ свидѣлствуютъ у него скорѣе отдѣльные намеки и, можетъ быть, улучшенное построеніе періодовъ и стиха. Въ общемъ же онъ скорѣе напоминаетъ тяжело-напыщенный, темный способъ выраженія іерархическихъ папъ или какого-нибудь Петра Винеискаго, чѣмъ легкій потокъ краспорѣчія

¹⁾ Очеркъ жизни Муссато, сдѣланный Siceo Polentone въ его большомъ сочиненіи *de scriptoribus latinis* и помѣщенный *Muratorii Scriptt. rer. Ital. T. X. p. 1. seq.*, можетъ быть, частью основанъ и на автобіографіи. *Fasciolti Fasti gymni. Patav. T. II, p. XV, XVI* предлагаетъ другія данныя о времени вѣнчанія поэта и его смерти: первое событіе онъ полагаетъ въ 1314 году, а смерть относитъ къ 31-му мая 1329 года. Рѣшающее значеніе принадлежатъ грамотѣ 9-го іюля 1329 года, приведенной у Gloria въ *Atti d. r. Istit. Veneto T. VI. Ser. V. p. 45*. Помимо же этого новѣйшія изысканія Gloria, въ особенности же его толкованія стиховъ (p. 30) для меня не убѣдительны. Относительно изданій сохранившихся сочиненій Муссато ср. *Böhmer Fontes rer. germ. Bd. I. p. XIX* и *Pothast Bibliotheca*. Извѣстіе о погребеніи тѣла Муссато въ Падуѣ я взялъ у *Gulielmus Pastregicus de originibus rerum, Venet. 1547, fol. 13*. Для оцѣнки — *Dönniges Kritik der Quellen für die Geschichte Heinrichs VII. Berlin 1841 s. 37 ff.*

Цицерона или Саллюстія. Онъ еще не чувствуетъ варваризмовъ средневѣковой латыни и, не задумываясь, смѣшиваетъ ихъ съ классическими оборотами и образами. Для него не кажется безвкусіемъ написать три книги своего большаго историческаго сочиненія героическимъ размѣромъ и наполнить ихъ античными и мнѳологическими намеками. Искусство повѣствованія онъ ищетъ въ техническихъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ государственнаго строя древняго Рима, въ патетически-высокопарныхъ рѣчахъ, въ различныхъ поэтическихъ украшеніяхъ. Онъ остается замѣчательнымъ явленіемъ, какъ самоучка, но какъ писатель, онъ не выработалъ себѣ индивидуальности.

Непосредственно къ Муссато примыкаетъ Феррето Виченцскій. Послѣдній близко стоялъ къ нему также и по времени своей жизни: такъ, въ молодыхъ годахъ онъ посвящалъ ему стихи, написанные по поводу смерти другаго виченцскаго поэта, Бенвенуто Кампезано, которому Феррето предсказывалъ вѣчную славу, хотя, сколько мы знаемъ, теперь онъ продолжаетъ жить только въ словахъ своего друга Феррето. И этотъ послѣдній, кажется, дарилъ въ изобиліи стихи міру, большинство которыхъ подобно муссатовскимъ были забыты. Онъ воспѣлъ въ гекзаметрахъ смерть Данта, но не прочь былъ и отъ приапическихъ затѣй. Прославляя Муссато за то, что онъ «былъ жаденъ до славы», онъ и съ своей стороны не скрываетъ такого же стремленія. Какъ кажется, поэзія была его исключительнымъ занятіемъ¹⁾; онъ полагалъ, что должно жить какъ жила Виргилій и Гораций. Поэтому ему пришлось горько жаловаться на отсутствіе меценатовъ въ его время, такъ какъ государи, по видимому, вовсе не искали прославленія своего имени въ потомствѣ²⁾. Еслибы писатели, думаетъ онъ, помимо надежды на славу, которая теперь является единственнымъ только стимуломъ для нихъ, могли ожидать вознагражденія, то число ихъ значительно бы увеличилось. Съ ироніей замѣчаетъ онъ, что вмѣстѣ съ этимъ, конечно, устранилась бы опасность для историковъ поддѣлывать исторію въ угоду государямъ. Отсюда можно вывести, что его поэма, написанная стилемъ Лукана и Клавдіана, въ герои которой онъ выбралъ Бана Гранде, не удостоилась большаго вниманія со стороны послѣдняго. Онъ не нашелъ никого знатнѣе виченцскаго

¹⁾ Предисловіе въ *Hist. rerum in Italia gestarum ap. Muratori Scriptt.* T. IX p. 941: *Nos autem soli Poëticae iugiter intendentes, satis in ea more nostro profecimus etc.*

²⁾ *Ibid.* p. 1051: *Neque enim apud principes nostros tanti, est sapientia ut per virtutis semitam ambulantes fama se decorari velint.* Подобныя же жалобы на стр. 941, 1019, 1119.

гражданина для того, чтобы посвятить свое историческое сочинение, написанное прозой и живо и миловидно повѣствующее по при-
мѣру Муссато о пережитомъ. У Феррето впервые проявляется то
страстное исканіе щедрыхъ меценатовъ и придворной поэзіи, ко-
торое затѣмъ остается одной изъ отличительныхъ чертъ гумани-
стическаго сословія.

Феррето также не свободенъ отъ щегольства классической уче-
ностью и высокопарными фразами. Однако его историческій стиль
привлекателенъ, благодаря полному вкуса выбору матеріала, бла-
годаря живости и ясности изложенія; особенно же поражаетъ насъ
его болѣе чистый языкъ, подмѣченный имъ у древнихъ ¹⁾.

Въ красотѣ формы Муссато и Феррето были превзойдены милан-
скимъ нотаріусомъ и городскимъ синдикомъ Джованни да Чер-
менате (Giovanni da Ceremate), взявшимъ себѣ въ образецъ Ли-
вія и Саллюстія и съумѣвшимъ оживить свой рассказъ художе-
ственными рѣчами и силой сочувствія. Но онъ только историкъ, и
въ немъ едва чувствуется дуновение античнаго міра. Какъ у тѣхъ
двухъ, такъ и у него есть намеки только на ту или другую сторону
гуманизма. Истинъ же гуманистъ проникнуть новымъ духомъ одина-
ково какъ въ своихъ писаніяхъ, такъ и во всѣхъ проявленіяхъ
своей личности.

¹⁾ Ср. Dönniges въ выше-приведенной книгѣ, стран. 73 и далѣе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Франческо Петрарка. Геніальность и ея воспламеняющая сила.

Дантъ развѣ только съ смутнымъ предчувствіемъ простиралъ взоры къ обѣтованной землѣ, а на почву ея онъ еще не вступилъ. Новый міръ гуманизма былъ открытъ Франческо Петраркою ¹⁾. Онъ не только напередъ указалъ пути и области его, но и самъ прошелъ по нимъ съ торжествомъ. Его личность съ поразительной наглядностью уясняетъ намъ роль генія во всемірной исторіи, а равнымъ образомъ и то, что его въ сущности скорѣе слѣдуетъ считать дивнымъ единичнымъ явленіемъ, чѣмъ плодомъ такихъ условій, которыя можно указать. Кто захочетъ выяснить себѣ этотъ взглядъ, тому, несомнѣнно, слѣдуетъ отрѣшиться отъ ходячаго сужденія о Петраркѣ, считающагося почти непреложною истиною въ Италіи и Франціи, и усвоить себѣ другое мнѣніе, которое было распространено между его современниками.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь же, что ссылки на латинскія сочиненія Петрарки всѣ дѣлаются по изданію его Орега omnia Basil. 1554, не потому, чтобы оно было безусловно лучшимъ—старинные оттиски, по которымъ это послѣднее составлено, всегда заслуживаютъ предпочтенія,—но потому, что оно самое полное и доступное. Было бы по истинѣ дѣломъ чести для одной изъ итальянскихъ академій замѣнить это изданіе новымъ полнымъ и дѣйствительно образцовымъ. Для *Epistolae de rebus familiaribus et variae* и естественно воспользоваться изданіемъ Фракассети и его же итальянскимъ переводомъ ихъ, снабженнымъ интересными примѣчаніями (*Lettere de Franc. Petrarca etc.*). Не совсѣмъ удобно, было конечно, присоединить эти примѣчанія не къ оригиналу, а къ переводу, который прочтутъ немногіе. *Epistolae sine titulo* и *epistolae rerum senilium* должны мы все еще читать въ старыхъ жалкихъ изданіяхъ, что мало вознаграждается переводомъ *Lettere senili*, сдѣланнымъ Фракассети. Нельзя также предположить, чтобы изданіе Фракассети было окончательное. Перечисляя и классифицируя рукописи, скоро можно придти къ убѣжденію, что и тѣ, которыя уступаютъ по значенію флорентинскимъ и парижскимъ, останутся не безъ пользы. Поэтому я разсматривалъ Cod. ms. C. 132 Дрезденской кор-

Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о пѣвцѣ Лауры и объ его невыносимо сладкихъ сонетахъ. Эти произведенія обаятельны, какъ пѣвие сирень, но въ нихъ онъ является лишь художникомъ благозвучной поэтической рѣчи, которую нашелъ обработанною, царемъ той сферы любовныхъ мечтаній, которымъ онъ сумѣлъ придать совершенно новую прелесть нѣжными звуками своихъ пѣсень. Петrarкою овладѣло было искушеніе предать свои риѣмы (rime) огню, какъ «пустынная», но оно не было сильно, а между тѣмъ онъ, какъ извѣстно, всегда отзывался о нихъ, какъ объ юношескихъ бездѣлушкахъ, которыя писалъ въ угоду людей необразованныхъ и отъ которыхъ не ожидалъ, что онѣ обезсмертятъ его имя ¹⁾. Такъ думали и лучшіе его современники, такъ судили

левской публичной бібліотеки, который относится къ началу 15 вѣка, содержитъ въ себѣ только три первыя книги *Epist. her. famil.* и шесть первыхъ писемъ четвертой и представляетъ иногда, рядомъ съ сильно испорченными текстами, очень вѣроятныя чтенія. Къ тому же въ этомъ кодексѣ есть пять адресовъ, которыхъ Франкассети не нашелъ и большею частию повеюалъ замѣнить словами: *Ad ignotum; epist. famil. III, 9* здѣсь обозначено *ad Matheum Patavinum, III, 12 ad Marcum Januensem* (какъ в XVII, 9 и XX, 4), III, 16 и 17 *ad Paganinum Mediolanensem* и *ad eundem, III, 19 ad Lelium suum*. Также расположеііе и числовыя пометки писемъ въ сборникѣ Франкассети сомнительной вѣрности. Наконецъ у него недостаетъ писемъ, адресованныхъ къ Петраркѣ: а *Baldelli Del Petrarca* p. 221, напримѣръ, насчиталъ по одному только парижскому кодексу 14-го вѣка 30-ть такихъ писемъ, которыя почти всѣ отъ Франческо Нелли изъ Флоренціи. Въ послѣднее время возмѣшался издать ихъ *Portis*, извѣстный уже своими заслугами въ этой области литературы.— *Roemata* многого Петрарки цитрую я, правда, и по базельскому изданію, но небезполезнымъ было сравненіе этого изданія съ изданіемъ Россетти, который держался только одной рукописи, но сдѣлалъ многое для исправленія и поясненія текста. Для *Rime* у меня подъ рукою было изданіе *Margand'a*. Другія отдѣльныя изданія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Хорошій обзоръ ранней біографической литературы можно найти у *Baldelli*, чье сочиненіе о Петраркѣ между всѣми итальянскими и донынѣ самое цѣнное, хотя нѣкоторыя письма, которыя онъ читалъ въ рукописяхъ, изданы уже послѣ того. Какъ критикъ, онъ несомнѣнно надежнее знаменитаго *De-Sada*. Сочиненіе *Campbell* *Life of Petrarch. 2 voll. London 1841* популярно составлено и прекрасно издано, но не имѣетъ никакого достоинства и полно ошибокъ. Напротивъ, *Бламя* имѣетъ хорошую статью о Петраркѣ въ *Alg. Encyclopädie der Wiss. u. Künste* (1844). Сочиненіе *Мезьера* *Petrarque. 2. édit. Paris 1868* носятъ мало слѣдовъ сокровищъ Парижской національной бібліотеки и весьма поверхностно. Произведеніе *Людвига Гейгера* *Petrarca. Leipzig. 1874*, появилось въ качествѣ труда, написаннаго съ особой цѣлью, именно къ юбилею и представляетъ многостороннюю характеристику поэта, доступную для большинства читателей. Последняя и лучшая біографія, полная какъ широкимъ обобщеніемъ, такъ и многочисленными выписками изъ сочиненій Петрарки, принадлежатъ *Кертину* *Petrarca's Leben und Werke. Leipzig. 1878*.

¹⁾ *Sonetto I: epist. de reb. famil. VIII, 3*, тождественно съ *Append. litt. epist. 6; epist. var. 9; epist. metr. III, 27, de reb. senil. V, 3. XIII, 10. XV, 1 (p. 1047)* у Франкассети. И посвященіе трактата *de vita solitaria*, безъ сомнѣнія, говоритъ о пѣсняхъ на тосканскомъ языкѣ.

и спустя два вѣка послѣ его смерти по вѣрному ли инстинкту, или, быть можетъ, вслѣдствіе сильныхъ восторговъ, и признательности вызванныхъ болѣе крупными его заслугами. Послѣднія только потому болѣе сокрыты отъ нашего вниманія, что составляютъ коренящуюся въ мракѣ давно минувшихъ временъ основу того зданія, въ готовыхъ покояхъ котораго мы уже спокойно обитаемъ.

Чтобы выразить многое въ немногихъ словахъ, мы скажемъ, что геній Петрарки проявляется въ открытіи міра гуманизма, совершенномъ имъ. Мало того, что онъ пробудилъ древность, погруженную въ глубокий зимній сонъ, и призвалъ къ жизни умершій міръ. Онъ повелъ его на борьбу съ окружающимъ его міромъ и предвидѣлъ, что эта борьба поведетъ къ началу новой эры. Тутъ Петрарка указалъ на поприще многотрудныхъ и безконечныхъ усилій, но щедро вознаграждающихъ, и далъ направленіе сотнямъ дарованій. А если чрезъ нѣсколько поколѣній новые дѣятели уже успѣли опередить его во многихъ отношеніяхъ, то это случилось такъ же, какъ и человѣкъ, открывшій четвертую часть свѣта, долженъ былъ бы по части свѣдѣній о ней уступить любому школьнику. Имя Петрарки блеститъ звѣздою первой величины не только въ исторіи итальянской литературы, но и въ исторіи всего цивилизованнаго міра, да и не только въ ней, но и вообще въ исторіи человѣческаго ума, насколько ее можно прослѣдить. Заслуги его были бы столь же велики, если бы онъ не написалъ ни одного стиха на тосканскомъ нарѣчій.

Кто задумаетъ изобразить дѣятельность подобнаго человѣка и прослѣдить ходъ его идей, тому придется постоянно ограничивать свой кругозоръ и даже сознаться, что многое осталось тайною для него и, быть можетъ, откроется для другихъ, болѣе счастливыхъ исследователей. Достаточно и того, если удастся добраться до зерна севозъ рядъ оболочекъ. Мы желаемъ выяснять преимущественно тѣ моменты жизни и дѣятельности Петрарки, въ которыхъ онъ даетъ направленіе приверженцамъ, идущимъ по его стопамъ, в школы гуманистовъ. Поразительно то явленіе, что Петрарка не только выработалъ себѣ извѣстное направленіе, но на основаніи его—свой складъ мыслей и образъ жизни ¹⁾, которые потомъ мы въ теченіи вѣковъ встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ въ литературномъ мірѣ.

Первыя впечатлѣнія богато-одареннаго ума часто бываютъ самыя рѣшительныя, но ихъ всегда очень трудно указать. Петрарка сознавалъ внослѣдствіи, что такимъ, какимъ онъ былъ, онъ сдѣлался

¹⁾ P. 13 ed Galletti.

благодаря самому себѣ и своимъ книгамъ. Онъ хотѣлъ быть всѣмъ обязанъ только досточтимымъ древнимъ и не считалъ себя ничѣмъ обязаннымъ современному поколѣнію, даже Данту. Онъ даже не хотеть назвать своего учителя въ дѣтствѣ, общественную школу котораго въ Карлентра онъ посѣщалъ почти четыре года и подъ руководствомъ котораго приобрѣлъ элементарныя свѣдѣнія въ грамматикѣ, а потомъ болѣе основательно познакомился съ латынью, риторикой и стихосложеніемъ. Этотъ человекъ былъ бы забыть навсегда, не сохрани о немъ воспоминаній Филиппо Виллани; его звали Конвеневоде (или Конвенноле) да Прато.

Въ то время, какъ Петрарка былъ юношей, учитель его, какъ сообщаютъ, уже шестьдесятъ лѣтъ держалъ школу, но жилъ постоянно въ бѣдности и нуждѣ. Отецъ Петрарки оказывалъ ему нѣкоторую помощь; послѣ его смерти такъ же поступалъ и сынъ, который сверхъ того былъ гордостью своего учителя. Когда кардиналъ Джіованни Колонна шутилъ спрашивалъ Конвеневоле: «скажите-ка мнѣ, учитель, не принадлежитъ ли и нашъ Франческо къ вашимъ великимъ ученикамъ, которыхъ вы такъ нѣжно любите?» тогда на глазахъ честнаго учителя навертывались слезы, и онъ съ трогательнымъ молчаніемъ отходилъ въ сторону или клялся всѣмъ святымъ, что не любилъ ни одного ученика такъ горячо, какъ Петрарку. Всѣмъ было извѣстно, что для старика юный Петрарка былъ предметомъ страстнаго обожанія ¹⁾.

Петрарка помнилъ это до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Вообще же, стоя на высотѣ славы, онъ изображаетъ старика скорѣе съ надменнымъ состраданіемъ, чѣмъ съ уваженіемъ. Наставникъ былъ, по его словамъ, того мнѣнія, что онъ долженъ сочинять книги—мысль, присущая всякому латинскому учителю,—но не могъ пойти далѣе причудливо выбраннаго заголовка и предисловія. Виллани же, повидимому, зналъ его и какъ поэта ²⁾. Существуетъ странное стихотвореніе, написанное разными размѣрами, по всей вѣроятности, принадлежащее бывшему Карлентрасскому учителю и относящееся къ тому времени, когда послѣдній, уже въ глубокой старости, вновь поселился на своей родинѣ, въ Прато ³⁾.

1) Petrarca epist. rer. senil. X, 2 и XV, 1—отъ 1374 года.

2) Онъ называетъ его *vir mediocris poesis peritus*.

3) О немъ писалъ на основаніи двухъ мальабекіановскихъ рукописей и амброзіанскаго сборника въ Вѣнѣ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 208 sqq. Primisser въ Archiv. l. Geographie. Historie u. s. w. (herausg. von Hormayr) Jahrg. 1818 Nr. 78 и 79—и D'Ancona Il maestro del Petrarca въ Rivista Ital. di scienze, lettere ed arti. Anno I. Milano 1874. Конечно, нельзя строго доказать авторства Конвеневоле, но сочинителься былъ не только professor Prarenensis (т. е. grammaticus), онъ и родился въ Прато, а

Это произведение, украшенное аллегорическими образами, посвящено старому королю Неаполитанскому Роберту, который въ немъ прославляется. Самъ поэтъ, Христось, Святой Духъ и разныя аллегорическія и мифологическія существа убѣждаютъ его помочь униженному Риму и побудить папу вернуться въ него. Языкъ стихотворенія вычуренъ и теменъ, латынь варварская, гексаметры плохіе, большею частію рифмованные, въ подражаніе средневѣковой безвкусицѣ, и всюду преобладаетъ схоластическая ученость. Но авторъ ищетъ поэтическихъ красотъ уже въ аллегорическихъ олицетвореніяхъ. Однако есть и слѣды подражанія *Виргилію*. Поэма не лишена сентиментальнаго оттѣнка. Въ ней напр. является скорбный Римъ въ черномъ одѣяніи, съ растерзанной грудью и напоминаетъ о своихъ разрушающихся храмахъ. Поэтъ выводитъ и Италію въ изорванной одеждѣ, съ растрепанными волосами. Онъ съ грустью вспоминаетъ о герояхъ древнихъ временъ, о *Фабіяхъ*, *Брутахъ*, *Коклесахъ*, *Деціяхъ* и *Сципіонахъ* и сравниваетъ съ ними тотъ жалкій людъ, который населяетъ современный ему Римъ. Это уже не школьный учитель, обучающій изъ года въ годъ одно поколѣніе за другимъ. Въ умѣ подобнаго человѣка могли таиться возбуждающія силы. Конечно, *Петрарка* по формѣ быстро и далеко ушелъ впередъ отъ своего учителя, но многіе изъ идей старика, навѣрное, запечатлѣлись въ его умѣ.

У отца *Петрарки* было нѣсколько сочиненій *Цицерона*, къ которымъ онъ относился съ уваженіемъ, впрочемъ больше съ юридической точки зрѣнія. Они попали въ руки мальчику раньше, чѣмъ онъ могъ судить объ ихъ содержаніи и значеніи, и въ то время, какъ товарищи его дѣтскихъ игръ мучились надъ грамматикой и баснями *Эзопа*, онъ уже наслаждался величавымъ теченіемъ и благозвучіемъ латинскихъ фразъ. Чѣмъ больше научался онъ ихъ понимать, тѣмъ болѣе казалось ему, что языкъ *Цицерона* превосходитъ все остальное¹⁾. Слухъ его, чутье звука и ритма—вотъ тѣ средства, съ

въ приведенныхъ *Мегусомъ* стихахъ называетъ себя *terrigena Prati*, и городъ *Прато* проситъ за него въ слѣдующихъ словахъ: *Supplico pro nato, qui regia carmina cudit etc.* Мѣстомъ смерти *Конвенеоле* было также *Прато*, такъ какъ тамъ сограждане удостоили его торжественныхъ похоронъ и лавроваго вѣнка и просили *Петрарку* написать эпитафію. Что же касается до того, что воспоминанія старика *Петрарки* хронологически неясны и что онъ не зналъ этого стихотворенія, то это не должно казаться страннымъ. Едвали однако тогда былъ другой латинскій поэтъ, который родился бы и умеръ въ *Прато*. Мнѣ кажется, что за этого учителя говорить и сходство его главныхъ мыслей съ *петрарковскими*.

¹⁾ *Sola me verborum dulcedo quaedam et sonoritas definebat, ut quicquid aliud vel legerem vel audirem, raucum mihi longeque dissonatur.*

помощью которых онъ впервые научился воспринимать и притомъ весьма своеобразно. Это-то именно и развило въ немъ способность понимать изящество формъ, утраченную въ средніе вѣка. Стихъ и благозвучіе какъ будто родились съ нимъ ¹⁾). Любня и пѣсня были отрадою всей его жизни. Онъ даже въ завѣщаніи сдѣлалъ распоряженіе насчетъ первой. Вѣроятно, подъ ея звуки онъ пѣлъ свои сонеты. Точно такъ же и пѣніе птицъ, сообщаетъ Боккачіо, всегда доставляло ему наслажденіе ²⁾). Имя свое Петрарко онъ измѣнилъ на мягче звучащее Петрарка. Голосъ его, по отзыву Филиппо Виллани, былъ такъ звученъ и пріятенъ, что нельзя было оторваться слушая его. И въ этой сферѣ замѣтна связь между тѣмъ, къ чему стремился Петрарка въ латинскомъ языкѣ и къ чему въ тосканскомъ. Рифмованные латинскіе гекзаметры, писанные имъ въ лѣта ранней юности, конечно, подъ руководствомъ стараго Конвенеvole, можно считать переходнымъ звеномъ.

Эта страсть къ музыкальности въ латинскомъ языкѣ и въ античныхъ стихахъ развивалась еще сильнѣе подъ внѣшнимъ давленіемъ. Отецъ Петрарки предназначалъ сына къ занятію выгодною наукою, правомъ, и весьма строго держалъ его семь лѣтъ въ университетахъ въ Монпельѣ и Болоньѣ. Сочиненія Цицерона и стихи римскихъ поэтовъ стали теперь для него запрещеннымъ плодомъ, за наслажденіе которымъ его часто бранили, такъ что онъ долженъ былъ съ нимъ прятаться изъ страха отцовскаго гнѣва. Однако, когда разъ произошла сцена между ними, то отецъ вытаскилъ изъ укромнаго мѣстечка въ постели и подъ постелью всѣ книги, отвлекавшія идеальнаго юношу отъ занятія юриспруденціей, и бросилъ ихъ въ огонь на глазахъ сына. Но когда онъ увидѣлъ, какъ горько плачетъ Франческо и стоитъ подобно еретику, тоже обреченному на сожженіе, то пощадилъ Виргилія и одно риторическое сочиненіе Цицерона. «Возьми перваго, сказалъ онъ улыбаясь, для развлеченія въ рѣдкія минуты, а втораго въ пособіе твоимъ юридическимъ занятіямъ!» Но къ чему это повело? Геній все таки проложилъ себѣ свой собственный путь, бросилъ гражданское право и на широко распущенныхъ крыльяхъ воспарилъ на

¹⁾ Онъ самъ говорить вмѣстѣ съ Овидіемъ:

*Sponte sua carmen numeros veniebat ad ptos.
Quicquid tentabam dicere, versus erat.*

²⁾ Joh. Bouchacii de vita et moribus Franc. Petrarchae y Rossetti Petrarchae p. 328: In musicalibus vero, prout in fidicinis, et cantilenis, et nondum (solum) hominum tantum sed etiam avium, delectatus ita ut ipsemet se bene gerat et gesserat in utrisque.

вершины Парнаса ¹⁾). *Виргилий* и *Цицеронъ*—это именно тѣ два свѣточа, которые впервые засіяли изъ мрака древности. Исходя отъ нихъ, *Петрарка* открылъ новый міръ, полный красоты и дивной мудрости. Для него оба они—отцы римскаго краснорѣчія, очи латинскаго языка ²⁾). *Виргилія* уважали всѣ средніе вѣка, но то какъ какого-то зловѣщаго предсказателя и чернокнижника, къ которому можно прибѣгать въ случаѣ чародѣйства и мимо могилы котораго на *Поптанской* дорогѣ тамошній житель проходилъ съ нѣкоторымъ ужасомъ, то какъ полусвятаго. Одинъ ученый, именно *Іоаннъ Салисберійскій*, приписывалъ ему божеское глубокомысліе на томъ основаніи, будто онъ подъ покровомъ басни проповѣдуетъ философскія истины ³⁾). *Дантъ* питалъ къ нему мистическое благоговѣніе. И *Петрарка* никогда не могъ вполне освободиться отъ подобнаго воззрѣнія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ въ *Виргиліи* пѣвца, плодовитаго на вымыслы, изящнаго по формѣ и сладкозвучнаго и презрительно отзывался о *кардиналѣ Альберти*, будущемъ папѣ *Иннокентіи VI*, который называлъ *Петрарку* волхвомъ и некромантомъ за то, что послѣдній изучалъ его ⁴⁾). Въ юности *Петрарка* собственноручно списалъ поэму *Виргилія* вмѣстѣ съ комментаріями *Сервія*. Эта книга, какъ самая дорогая его сердцу, была неразлучною спутницею его жизни кромѣ тѣхъ десяти лѣтъ, когда у него ее украли,—конечно, та самая книга, которую онъ слезами спасъ отъ сожженія. *Петрарка* отиѣдилъ въ ней дни, когда она была украдена и вновь найдена, дни смерти своего сына, своего *Сократа* и другихъ друзей, также *Лауры*. Уже въ старости онъ дѣлалъ въ ней дополненія къ *Сервію* или опровергалъ его ⁵⁾). Самому *Виргилію* онъ не рѣшался сдѣлать ни малѣйшаго упрека; это былъ избранный святой.

Имя Цицерона и прежде пользовалось уваженіемъ, но *Петрарка* имѣлъ полное право сказать, что до него изучались лишь весьма немногія его произведенія, и онъ первый собственно заставилъ поклоняться ему. То, что другіе высказываютъ сухо и прозаично, *Цицеронъ* выразилъ въ остроумной и блестящей формѣ. Съ поль-

¹⁾ Petrarca epist. rer. senil. XV, 1.

²⁾ Petrarca *Reverend. memorand. Lib. II.* (Opp. p. 461); Torino della Fama cpt. III, 16 e. seg.

³⁾ Schaarschmidt стр. 97.

⁴⁾ Petrarca epist. rer. famil. XI, 5. XIII, 6; senil. I, 3.

⁵⁾ Первое свидѣтельство въ пользу амвросіановаго *Виргилія*—это письмо Дечембрио въ *Казелли* отъ 1468 года у *Saxius* p. 294. 377 и *Baldelli Petrarca* p. 178 seq. Въ надписи *Петрарки* вмѣсто in вѣроятно должно читать III.

зою у него соединяется наслаждение, а съ достоинствами содержанія блескъ и благородство выраженія ¹⁾). Онъ лучезарное свѣтло краснорѣчія, передъ которымъ меркнуть даже Саллюстій, Ливій и Сенека. «О, первый творецъ римскаго краснорѣчія!» восклицаетъ Петрарка, «не только я одинъ, но мы всѣ благодаримъ тебя, украшая себя цвѣтами латинской рѣчи. Вѣдь изъ твоего источника орошаемъ мы поля наши. Намъ пріятно сознаться, что мы, руководимые тобою, твоими указаніями наставленные на путь истинный, твоимъ свѣтомъ озаряемые, подъ твоимъ же покровительствомъ дошли до нашего искусства въ письменной рѣчи, какъ бы оно ни было скромно» ²⁾).

Конечно, Петрарка позволялъ себѣ слегка осуждать Цицерона, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, такъ какъ и блаженный Августинъ въ своемъ «Градѣ Божіемъ» не все то одобрялъ, что было сказано Цицерономъ. Тѣмъ не менѣе такіе мужи, какъ Цицеронъ и Сенека, для него были «почти равны божествамъ» ³⁾. И это воззрѣніе, сложившееся у Петрарки еще въ ранней юности, онъ сохранилъ и въ старости. Когда онъ въ «Торжествѣ славы» вывелъ рядъ древнихъ героевъ, шествующихъ въ свѣтѣ богини славы, то Мантуанецъ шелъ, какъ равноправный, рядомъ съ Гомеромъ, а за нимъ слѣдовалъ Маркъ Туллій, подъ ногами котораго зеленѣла трава, знаменующая собою цвѣты и плоды краснорѣчія.

Положеніе дѣлъ было таково, что прежде всего надобно было возстановить достоинство поэзіи и уяснить понятіе о ней. Голословно утверждали, что поэтъ дѣлаетъ своимъ призваніемъ ложь, а античные поэты кромѣ того вовлекаютъ въ нескромности, въ гнусные пороки и въ язычество. Нѣкоторые въ этомъ случаѣ не дѣлали исключенія и для Virgilія. Еще въ юности Петрарка счелъ необходимымъ писать въ защиту поэзіи противъ такихъ хулятелей и спасти честь Virgilія ⁴⁾. Съ такимъ же жаромъ онъ защищалъ ихъ уже въ старости отъ нападковъ людей, не могшихъ простить римскимъ поэтамъ ихъ непристойности. Строгимъ богословамъ онъ ставитъ на видъ, что блаженный Иеронимъ, Августинъ и Лактанцій тоже занимались краснорѣчіемъ, поэзіею, философіею и исторіею и безъ этихъ занятій едва ли могли бы такъ побѣдно бороться съ еретиками, и что поэзія устами добродѣтельнаго

¹⁾ Petrarca de vita solitaria Lib. II. Sect. VIII ep. 2; cf. Praefat. in Epist. famil. ed. Fracassetti vol. I. p. 16. 21 seq.

²⁾ Письмо къ Цицерону отъ 19 дек. 1345 года въ Epist. rer. famil. XXIV, 4.

³⁾ Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 2. var. 33.

⁴⁾ Epist. rer. senil. IV, 4.

и благочестиваго пѣвца можетъ и должна возвѣщать славу Христа и истинной религіи ¹⁾). Онъ напоминаетъ о притчахъ Спасителя въ Евангеліяхъ, которыя, по его мнѣнію, не что иное, какъ аллегорическая форма, свойственная поэзіи. Онъ готовъ даже утверждать, что богословіе вообще есть поэзія, воспѣвающая Бога ²⁾). Какъ часто Петрарка вновь принимался за эту борьбу въ защиту поэзіи отъ ея враговъ и хулителей! Это была одна изъ любимыхъ его задачъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ поэзіею онъ ратовалъ и за свое собственное призваніе и за свою славу. Цѣлое столѣтіе его поклонники продолжали эту борьбу, препираясь постоянно съ тѣми же врагами и большею частію тѣмъ же самымъ оружіемъ сначала въ Италіи, а потомъ еще дольше въ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи. Церковь и схоластика всюду съ ожесточеніемъ и ненавистью нападали на этого новаго пришельца, но въ концѣ концовъ все таки должны были примириться съ нимъ.

Петрарка съ благородною гордостью называлъ себя поэтомъ, poeta; онъ проводилъ рѣзкую раздѣльную черту между серьезною поэзіею и стихами. Первая не могла обойтись безъ латинскаго языка и безъ античной формы, и даже въ содержаніе ея входило столько древнихъ элементовъ, сколько было можно — подражанія древнимъ римскимъ поэтамъ и нѣкоторые мотивы ихъ произведеній. Чтобы писать подобныя произведенія, слѣдовало много учиться. Стихи же не что иное какъ искусная игра словами, образами и чувствами. Стихи Петрарки никогда не теряли своей прелести, и спустя цѣлые вѣка тысячи людей внимали имъ съ восторгомъ, а его такъ называемыя строго-поэтическія произведенія перелистываетъ по временамъ лишь ученый — и то не ради наслажденія, которое онъ можетъ легче и прямѣе почерпнуть въ самомъ источникѣ древности, но ради разбросанныхъ въ нихъ извѣстій и чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе, которое, конечно, было бы мало назидательно для поэта. Его поэтическій гевій слабо проявляется тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ своему идеалу, Виргилію, именно въ буколикахъ и эпическихкихъ поэмахъ. Поэтическій талантъ просвѣчиваетъ лишь въ нѣкоторыхъ посланіяхъ, гдѣ онъ изображаетъ себя самого и пережитыя имъ душевныя волненія, гдѣ и въ латинскихъ гекзаметрахъ слышится тонъ и одушевленіе творца канцовъ, вообще преобладаетъ лирическій элементъ ³⁾). Но поэтическія произведенія въ то

¹⁾ Epist. rer. senil. I, 4; XIV, 11.

²⁾ Theologiam poeticam esse deo. Epist. rer. famil. X, 5, писанное къ его брату, картезианскому монаху въ Монтеpie.

³⁾ Такъ прежде всего въ epist. metr. I, 7, въ стихотвореніи de statu suo, за которое онъ самъ расточаетъ себѣ такую хвалу въ Dialogus III. de contemptu mundi.

время имѣли новое достоинство; это былъ мость, ведшій къ величественнымъ созданіямъ древней поэзіи. Да и сами по себѣ это были такія произведенія, въ которыхъ Петрарка былъ единственный поэтъ; ими онъ и заслужилъ лавровый вѣнокъ, украсившій его въ Капитоліи. Самъ онъ часто и довольно торжественно говорилъ о томъ почетѣ, которымъ міръ обязанъ поэту. Поэты блистаютъ славою, своимъ именемъ, безсмертіемъ; всего этого они достигаютъ не для однихъ себя, но и для другихъ, такъ какъ преимущественно ихъ призваніе—спасать людей отъ забвенія ¹⁾).

Петрарка требуетъ высокаго положенія для поэта. Но замѣчательно, что при этомъ онъ остался вѣренъ тому узкому пониманію поэзіи, какое сложилось въ прошлые вѣка благодаря культу Виргилія въ связи съ христіанскимъ мистицизмомъ. И онъ видитъ сущность поэзіи въ аллегоріи, а ея конечную цѣль въ назиданія. Такое воззрѣніе усвоили себѣ уже послѣдователи древнихъ римскихъ поэтовъ, и оно часто встрѣчается у поэтовъ христіанскихъ начиная съ Пруденція ²⁾, потомъ проходитъ и черезъ всѣ средніе вѣка. Но въ Италиі, по видимому, примѣненіе аллегоріи въ широкихъ размѣрахъ первый ввелъ Брунетто Латини. Дантъ считаетъ ее душою поэзіи ³⁾. Но лишь глубоко-мысленные умы находили прелесть въ таинственности. А такіе люди, какъ Муссато и Феррето изъ Виенцы, были чужды ей: первый находитъ поэзію въ красотѣ выраженій, въ классическихъ и мифологическихъ прикрасахъ, Феррето же въ изысканности рѣчи и въ благозвучіи стиха ⁴⁾. А для Петрарки таинственные поэтическіе покровы были не простою только формою, а истинною потребностью. Извѣстно, что и другіе поэты признавали необходимымъ условіемъ своего искусства таинственность, и въ этомъ кроется особенное чувство, свойственное поэту, чувство стыда — выступить открыто съ тѣмъ, что волнуетъ сердце. Поэтому самой удобной формою для Петрарки была эклога; этою невинною и въ то же время заманчивою формою онъ не только прикрывалъ свои нападки на авиньонскихъ папъ и свои политическія мнѣнія, но и субъективныя чувства. И въ другихъ произведеніяхъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ,

¹⁾ Lib. I. *Invectivarum contra medicum* (Opp. p. 1205).

²⁾ Ср. Ebert *Geschichte der christlich-lateinischen Literatur*, Leipzig 1874, стр. 277 и др.

³⁾ Искѣ всего высказываетъ онъ это въ *Inferno* с. IX.

Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame degli versi strani.

⁴⁾ Феррето пространно излагаетъ это въ своей *Historia* у *Muratori Script.* T. IX p. 1018.

его личность является какъ бы въ полусвѣтѣ; онъ любилъ избирать самого себя предметомъ загадки, говорить въ темныхъ образахъ о пережитомъ, или объ условіяхъ своей настоящей жизни, также о другихъ лицахъ, почти никогда не называя именъ.

Поэтому для насъ вовсе не странно, что поэзія и аллегорическіе покровы почти тождественны для Петрарки и въ теоріи. Тѣхъ, для кого остается недоступнымъ таинственный аллегорическій смыслъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, онъ называетъ ремесленниками. Этотъ смыслъ онъ находитъ всюду, а особенно у Виргилія и въ Св. Писаніи. «Поэтъ старается скрыть истину подъ вязкимъ покровомъ, такъ что она остается темною для необразованной массы; конечно, трудно найти ее и мыслящему и ученому читателю, но тѣмъ отраднѣе, если онъ ее откроетъ» ¹⁾. Это открытіе было, разумѣется, довольно трудно, и самъ Петрарка не разъ говорилъ, что считаетъ невозможнымъ вполнѣ понять смыслъ его эглогъ, если самъ поэтъ не объяснитъ ихъ. Онъ поразилъ своего брата Джерардо разоблаченіемъ, что въ первой эглогѣ его буколикъ, гдѣ бесѣдуютъ пастухи Сильвій и Монивъ, рѣчь идетъ о нихъ обоихъ. Поэтъ называетъ себя Сильвіемъ потому, что всегда ненавидѣлъ города и любилъ лѣсъ. Такимъ образомъ, чтобы братъ не трудился напрасно, онъ открываетъ ему таинственный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ и выраженій; даже слово *inde* (оттуда)—и то не лишено таинственного значенія. И трибуну Колѣ ди Ріэнцо Петрарка разъяснялъ смыслъ 5-й эглоги, посвященной ему, подъ заглавіемъ *Pietas pastoralis*. Насколько такія разъясненія были необходимы, показываютъ совершенно ложныя толкованія, которыми старались освѣтить эти стихотворенія Бенвенуто да Имола и Донато дель Альбанцани, хотя оба они были когда-то друзьями Петрарки ²⁾. Слѣдовательно,

¹⁾ *Ibid.* Подобное же мы находимъ и въ „Привилегія поэта“, сочиненной, вѣроятно, Петраркою же, отъ 7-го апр. 1341-го года (Opp. p. 1754). *Virtutum rei sub amoenis coloribus absconditam—altisonis celebratam carminibus et dulcis eloquii suavitate respergat, quae sit quaesitu difficilior magis atque inventa dulcescat.*

И въ Африкѣ IX, 100 ed Corradini:
—Sub ignoto tamen ut celentur amictu.
Nuda alibi et tenui frustrentur lumina velo,
Interdumque palam veniant fugiantque vicissim.

²⁾ *Petrarca epist. rer. famil. X. 4 u epist. var. 42 ed Fracassetti.* Въ первомъ письмѣ говорится: *quoniam id genus est, quod nisi ex ipso qui condidit auditum, intelligi non possit.* Совершенно то же находимъ и въ другомъ письмѣ. Напечатанныя Гортисомъ *argumenta* ко всѣмъ эглогамъ въ *Scritti ined. di Petrarca* p. 359 e seq., я считаю спорѣе за произведеніе Альбанцани. Если бы Петрарка дѣйствительно написалъ ихъ, какъ этого желалъ Ольмиюдскій епископъ, то объ этомъ зналъ бы и Бонначіо.

эта поэзія предлагала міру неразрѣшимыя загадки и щеголяла этою таинственностью. Относительно другихъ эклогъ мы слышимъ отъ Боккачю, что въ нихъ поэтъ подъ формою пастушескихъ разговоровъ воспѣвалъ хвалу истинному Богу и св. Троицѣ, а также выражалъ и Божій гнѣвъ за дурное управленіе кораблемъ св. Петра ¹⁾. Теперь мы довольно легко понимаемъ намеки на Авиньонъ, на его папъ и кардиналовъ, аллегорическое значеніе пастуха и стада и т. п. Слѣдовательно, эти тайны не что иное, какъ тѣ самыя мысли, которыя Петрарка несчетное число разъ выражалъ яснымъ, простымъ языкомъ. Но если мы захотимъ приложить это мѣрило къ его Африкѣ, то должны будемъ сознаться въ нашемъ полномъ непониманіи ея. Гораздо легче открыть эту символику въ *Vita* Петрарки, и еще одинъ изъ друзей его высказалъ такое мнѣніе, что подъ воспѣваемой въ нихъ Лаурою слѣдуетъ разумѣть лавръ, а подъ нимъ стремленіе къ славѣ поэта. Касательно «Торжествъ» извѣстно, что Петраркѣ пожелалось наполнить ихъ таинственными намеками. Только здѣсь намеки эти не такъ символичны, какъ у Данта, съ которыми онъ, быть можетъ, хотѣлъ соперничать. Это скорѣе загадки, которыя безъ труда можно разгадать съ помощью классической учености и нѣкотораго остроумія.

«Поэты,» говоритъ въ одномъ мѣстѣ Петрарка, «стали уже рѣдки, но еще рѣже ораторы» ²⁾. Подъ краснорѣчіемъ онъ разумѣетъ не столько искусство дѣйствовать на форумѣ устнымъ словомъ, сколько вообще способность придавать своимъ мыслямъ большую силу и увлекательность искусственною формою, слѣдовательно—краснорѣчіе въ обширномъ смыслѣ. По его мнѣнію, его трактаты и письма имѣютъ такое же право на безсмертіе, какъ и поэмы, и прозою онъ заслужилъ тоже лавровый вѣнокъ. Дѣйствительно, Петрарка перенесъ это краснорѣчіе изъ древняго міра въ современную ему эпоху и сдѣлался отцемъ его въ новомъ мірѣ.

Находили весьма забавными и то самодовольство, съ какимъ Петрарка обыкновенно говоритъ о своемъ слогѣ, и похвалы, расточавшіяся ему друзьями по этому поводу; находили, что недостаточно оцѣнены заслуги позднѣйшаго времени. Нападали на латынь Петрарки, доказывая, что въ ней еще много грамматическихъ ошибокъ и варваризмовъ, построеніе предложеній часто темно и неуклюже, а самая рѣчь то испещрена архаизмами, то лишена изящества, трактаты

¹⁾ De Genealogia Deorum XIV, 10. 22 и Comento sopra la Commedia di Dante cap. I (Opere vol. V, p. 35).

²⁾ De remedio utriusque fortunae Lib. II. dial. 102: insignis poetarum, maior oratorum raritas.

его переполнены общими мѣстами, заимствованными у классиковъ, письма многорѣчивы и растянуты. Наконецъ, тоже изъ сожалѣнія и желанія спасти прославленное имя, сваливали всю вину на общее отсутствіе вкуса и варварство той эпохи и лишь по добродушію оставили за Петраркою малую долю той славы, какую признавали за нимъ его послѣдователи. Такія сужденія мы встрѣчаемъ уже въ началѣ XV в., съ тѣхъ поръ какъ начала пріобрѣтать господство чисто Цицероновская рѣчь ¹⁾.

Но если мы будемъ искать въ слогѣ отраженія личности и измѣрять его достоинства не эстетическимъ наслажденіемъ, доставляемымъ намъ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ, а благодаря ему и самая личность автора производили даже на послѣдующія поколѣнія, то въ этомъ случаѣ Петрарка—первый писатель новаго времени, владѣвшій вообще слогомъ. Онъ писалъ такъ же свободно, какъ говоритъ, рассказываетъ и бесѣдуетъ человекъ энергичный и возбужденный. Человекъ съ схоластическимъ направленіемъ, хорошо обученный и дисциплинированный, идетъ по указкѣ логики. Но Петрарка отбросилъ эту указку, и слово у него стало опять непосредственнымъ выраженіемъ мысли и чувства. Онъ хочетъ излагать свои мысли свободно и быть не только полезнымъ своему вѣку и поучать другихъ, но писать для того, чтобъ облегчить свой умъ отъ полноты мыслей, которыя просятся на бумагу. Онъ не хочетъ быть прежде всего человекомъ, а потомъ писателемъ; напротивъ, для него писательство и жизнь тождественны ²⁾. Всѣ его сочиненія, а въ особенности письма прежде всего имѣли значеніе и были полезны для него самого. То, что называли растянутостью и многорѣчіемъ, есть напротивъ веселая говорливость ребенка, который наслаждается только умѣньемъ говорить, стоившимъ такого труда; его какъ бы инстинктивная сила влечетъ къ постоянному упражненію въ немъ. Его заставляетъ высказаться обидѣ новыхъ воззрѣній и свѣдѣній въ связи съ радостнымъ сознаніемъ, что ему такъ легко выражаться. Тутъ получаетъ свое право каждая мысль, т. е. случайная операція ума, которую отвергъ бы схоластическій догматизмъ. Когда Петрарка хочетъ рассказать кардиналу Колоннѣ, съ какими мыслями онъ ходилъ по Риму, то при

¹⁾ Мы еще упомянемъ объ нѣкоторыхъ еще болѣе раннихъ сужденіяхъ подобнаго рода въ третьей книгѣ. Они повторяются въ такой же формѣ и въ новѣйшихъ исторіяхъ литературы. Ср. напр. Tigaboschi T. V. p. 820, гдѣ противовѣсомъ должны служить нужныя для знанія того времени *infinite notizie* и *чистосердечіе* Петрарки!

²⁾ *Epist. de reb. famil. VI. 4. Praefat. in epist. famil. p. 25: Scribendi enim mihi vivendique unus finis erit.*

словѣ «ходить» ему приходится на умъ школа перипатетиковъ. И онъ не можетъ при этомъ случаѣ не высказать своего мнѣнія о разныхъ философскихъ школахъ древности и ихъ отношеніи къ христіанскому ученію, а затѣмъ вдругъ прерываетъ себя и рассказываетъ о римскихъ древностяхъ ¹⁾. Именно такой живой умъ и нуженъ былъ для того, чтобы покончить съ сухими приемами схоластики. Противопоставить ей свободную личность—таково было призваніе Петрарки, какъ писателя, и самый благотворный плодъ его классическихъ изученій.

И это не наша мысль: Петрарка самъ вполне сознаетъ это. Когда отъ него тономъ упрека требовали, чтобы онъ писалъ ясно, вразумительно для всѣхъ, то онъ гордо отвергалъ это требованіе. Такая пошлость, по его мнѣнію, быть можетъ, хороша для законника, а онъ съ своей стороны считаетъ жалкимъ то, что понимается безъ умственного напряженія. Пусть лучше толпа не понимаетъ его, чѣмъ хвалить ²⁾. Глубокая мысль должна имѣть право—явиться въ соответствующей ей формѣ. Какъ много ни читалъ Петрарка Ливія и Цицерона, какъ ни усвоилъ ихъ памятью и умомъ, однако желаетъ писать лучше своимъ слогомъ, хотя не столь обработаннымъ, чѣмъ прибѣгать къ заимствованному. Каждый, по его мнѣнію, долженъ самъ себя выработывать слогъ, и онъ долженъ быть такою же естественною и оригинальною его принадлежностью, какъ черты лица, осанка, тѣлодвиженія, голосъ и рѣчь ³⁾.

При такомъ возвышенномъ стремленіи, которое понималось его современниками, хотя, конечно, не было сознательно выражено, хорошая латинская, или Цицероновская рѣчь играетъ незначительную роль. Уже одно это стремленіе Петрарки составило бы эпоху, будь его латынь даже внесятеро хуже. Однако онъ заботился и о болѣе чистомъ и благородномъ языкѣ, и хотя другіе значительно опередили его въ этомъ отношеніи, все-таки и онъ достигъ удивительныхъ успѣховъ. Только его латынь слѣдуетъ сравнивать не съ латынью Полиціана, Бембо или Мурета, а съ монашескою преж-

1) Epist. de reb. famil. VI, 2.

2) Epist. rer. famil. XIV, 2, куда относится и письмо XIV, 1.

3) Epist. rer. famil. XXII, 2. Боккаччо: *Suus (stilus) cuique formandus servandusque est.... Et est sane uique naturaliter ut in vultu et gestu, sic in voce et sermone quiddam suum ac proprium, quod colere et castigare quam mutare cum facilius tum melius atque felicius sit.... Sum qui aliorum scriptis non furtim aed precario uti velim in tempore aed dum liceat, meis malim.* Нѣкоторое пониманіе возвышенности такого взгляда обнаруживаетъ въ 15-мъ вѣкѣ только Paulus Cortesius de hom. doct. ed. Galletti p. 224, когда послѣ разныхъ критическихъ замѣчаній о стилѣ Петрарки прибавляетъ: *quamquam omnia eius, nescio quo pacto, sic inornata delectant.*

нихъ времянъ. Последнюю самъ Петрарка при случаѣ сравниваетъ съ хилымъ деревомъ, которое не зеленѣетъ и не приноситъ плодовъ ¹⁾. Примите во вниманіе, что онъ учился древнему языку собственно безъ грамматической основы—элементарную грамматику такъ нельзя назвать,—что онъ лишь мало по малу прибрѣталъ разныхъ древнихъ писателей и лучшія рукописи, что онъ желалъ научиться только древнему языку, а не языку золотого вѣка. При томъ его сочиненія дошли въ такомъ искаженномъ видѣ, что нельзя сразу отличить его собственныхъ промаховъ отъ позднѣйшихъ ошибокъ переписчиковъ и наборщиковъ. И если онъ испещрялъ поля своихъ рукописей и самый текстъ поправками, то это — уже само по себѣ знаменательное явленіе, къ какимъ бы результатамъ оно ни привело.

Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній Петрарки было наслажденіе, доставляемое сладкозвучіемъ виргиліевскихъ стиховъ и Цицероновской рѣчи. Красота ритмическихъ формъ и мелодичность классической латыни очаровывали его тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе прислушивалось къ нимъ его ухо и чѣмъ усерднѣе старался онъ подражать имъ. Уже это первое соприкосновеніе съ древностью подѣйствовало такъ сильно, что восторгъ совершенно оковалъ его; словно какая-то духовная сила влекла его все далѣе и далѣе, до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ вполнѣ съ своими возвышеннѣйшими чувствами и стремленіями въ этотъ новыи миръ и, влекомый сотнями чаръ въ его область, не сдѣлался мечтательнымъ поклонникомъ его величія. Читая своего Ливія, поэтъ мысленно жилъ въ общеніи съ Фабіями, Метеллами и Сципіонами, забывалъ тѣ бѣдственныя времена, въ которыя какая-то злополучная звѣзда перенесла его рожденіе ²⁾. Онъ былъ убѣжденъ, что и до пришествія Христа было множество людей, выдающихся своимъ умомъ и добродѣтелями, но что умъ и добродѣтель выродились въ его время. Это явленіе было для него безспорно; онъ думалъ только о томъ, какъ его объяснить ³⁾. То, что онъ воспринялъ отъ древнихъ, въ его глазахъ было, по крайней мѣрѣ, одинаковаго достоинства съ тѣмъ, что самостоятельно создавалъ его умъ; онъ даже часто не могъ отдѣлить одно отъ другаго ⁴⁾. Петрарка чувствовалъ, что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ

¹⁾ C. E. Chr. Schneider составилъ *Lexicon Petrarchicum*, вмѣстѣ съ тѣмъ и перечень стилистическихъ ошибокъ; см. въ его изданіи *Franc. Petrarcae Historia Julii Caesaris*. Lips., 1827. Prooem. p. XXXXII. sq.

²⁾ *Epist. rer. famil.* XXIV, 8, обращенное къ Т. Ливію.

³⁾ *Epist. rer. famil.* XVI, 4.

⁴⁾ *Epist. rer. famil.* VI, 2 p. 315: *Testatus sum tamen, me nihil novum, nihil fere meum dicere, immo vero nihil alienum; omnia enim, undecunque didicimus, nostra sunt nisi forsitan abstulerit ea nobis oblivio.* Подобное этому находимъ и въ письмѣ XXII, 2.

сталъ, онъ обязанъ древности, и легко смѣшивалъ такимъ образомъ величіе древности съ своимъ высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться мечтателемъ, или безумцемъ, если бы его не освѣжало это сильное сознание самого себя и не поддержало его связи съ современниками. Такимъ образомъ съ одушевленіемъ, но въ то же время и съ разумною энергіею повелъ онъ дѣло, которое казалось ему достойнѣйшей задачей его жизни, именно возрожденіе умершей и похороненной древности.

Подъ небомъ Прованса, гдѣ пробудился гений Петрарки, книги были единственными памятниками, живо напоминавшими древній Римъ. Онъ видѣлъ, что если только въ скоромъ времени не явятся спасители, то сочиненіямъ древнихъ, покрытымъ пылью и плѣсенью, а частью уже потеряннымъ, предстоитъ неизбежная гибель. Это стремленіе спасти вмѣстѣ съ желаніемъ обладать сначала естественно обратилось на сочиненія Цицерона, болѣе другихъ писателей преданнаго забвенію. Іоаннъ Салисбѣрійскій, до Петрарки, безъ сомнѣнія, писатель въ средніе вѣка самый начитанный въ твореніяхъ древнихъ, зналъ, правда, значительную часть философскихъ произведеній Цицерона, немногія изъ его реторическихъ сочиненій, а изъ писемъ только собраніе *ad familiares*; что же касается до рѣчей Цицерона, то, повидимому, онъ не зналъ ихъ вовсе ¹⁾. Какъ кажется, Брунетто Латини перевелъ на народный языкъ нѣкоторыя рѣчи и часть такъ называемой Реторики къ Гереннію. — Дантъ былъ знакомъ только съ сочиненіемъ *O высшемъ благѣ, O дружбѣ, O старости и Объ обязанностяхъ*, зналъ также *Парадоксы и Реторику* ²⁾. И младшій современникъ Петрарки, Вальтеръ Борлей, хотя и въ состояніи былъ назвать значительное число произведеній Цицерона, но, очевидно, не видалъ многихъ изъ нихъ; знакомство его съ рѣчами крайне скудно, точно также нельзя вообще приписать ему знакомства съ письмами Цицерона ³⁾. Въ общемъ видно, что философскія творенія Цицерона еще пользовались нѣкоторымъ значеніемъ, источники же краснорѣчія были совершенно неизвѣстны. Именно Франція, гдѣ вліяніе парижскаго университета было самое непосредственное, кажется, была поразительно бѣдна рукописями и читателями классиковъ; это до-

¹⁾ Schaaarschmidt стр. 87. 92.

²⁾ Я заключаю это изъ того, что нашелъ упоминаніе только объ этихъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненіяхъ въ твореніяхъ Данта. Къ такимъ же результатамъ приходитъ и Schück Klassische Studien und Brunetto Latini въ Neuen Jahrbüchern f. Philol. und. Päd. 1865. II. Abth. S. 264.

³⁾ Ср. Ciceronis Opp. rec. Orelli. Edit. alt. vol. III, Turici 1845, p. XI.

казываютъ средневѣковые каталоги ея библіотекъ. Въ библіотекахъ королей и другихъ владѣтельныхъ лицъ не встрѣчается и имени Цицерона. Изъ монастырей только въ немногихъ старинныхъ, какъ напримѣръ въ Борвейскомъ, сохранилось небольшое число его философскихъ и риторическихъ сочиненій, да и тѣ были словно похоронены тамъ ¹⁾. Такимъ образомъ становится понятнымъ убѣжденіе Петрарки, что онъ, такъ сказать, вновь открылъ Цицерона.

Еще юношей, Петрарка усердно собиралъ его сочиненія, и поклоненіе этому римлянину усиливалось въ немъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ или слышалъ объ нихъ. Какъ велика была, напримѣръ, его радость, когда онъ узналъ, что Квинтиліанъ ставилъ Цицерона гораздо выше Сенеки! Всякое указаніе другихъ писателей на тѣ книги Цицерона, которыхъ у него еще не было, служило для него сильнымъ побужденіемъ искать ихъ. Если онъ находился въ дорогѣ и замѣчалъ виднѣющійся вдали монастырь, то первой его мысли было: кто знаетъ, можетъ быть, здѣсь можно найти то, чего я такъ добиваюсь! Приблизительно на 25-мъ году своей жизни пріѣхалъ онъ въ Люттихъ и, узнавъ, что тамъ есть много старинныхъ книгъ, тотчасъ же рѣшился тамъ остаться. Двѣ новыя рѣчи Цицерона были для него великой наградой: одну изъ нихъ списалъ онъ самъ, другую—его другъ, и обѣ были распространены имъ въ Италиі ²⁾. Какъ велика была опасность утраты, Петрарка наглядно доказывалъ тѣмъ, что ему большаго труда стоило достать въ такомъ промышленномъ и цвѣтущемъ городѣ много чернилъ, да и тѣ были скорѣе шафраннаго, чѣмъ чернаго цвѣта ³⁾. Своихъ друзей и поклонниковъ неустанно побуждалъ онъ рыться въ старыхъ монастыряхъ и спрашивать ученыхъ дюдей. Въ Римъ, Тоскану, во Францію, Испанію, Германію и Британію разсылалъ онъ просьбы и напоминанія, денежные суммы, записки, на которыхъ обозначалъ, какія сочиненія желательно ему имѣть болѣе всего. Даже въ Грецію обращался онъ за сочиненіями Цицерона, но вмѣсто нихъ получилъ греческаго Гомера. Часто не имѣлъ онъ и малѣйшей надежды достать желаемое и хотѣлъ своими подстрекательствами только побудить къ розыскамъ; часто также получалъ онъ послѣ нетерпѣливаго ожиданія только тѣ сочиненія, которыя уже были у него въ нѣсколькихъ экземплярахъ ⁴⁾. Почти

¹⁾ Deschamps p. 25. 29. 38.

²⁾ Вѣроятно онъ имѣетъ это въ виду, когда упоминаетъ въ epist. famil. XIII, 6 p. 288, что изъ своего путешествія по Германіи онъ привезъ рѣчи Цицерона за Архіа.

³⁾ Epist. rer. senil. XV, 1.

⁴⁾ Epist. rer. famil. III, 18. XVIII, 13. 14. senil. III, 9. XV, 1. И тотъ сборникъ ципероновскихъ произведеній, который ему прислалъ Боккаціо, и который онъ пере-

изъ каждаго далекаго путешествія привозилъ онъ съ собою какое-нибудь сочиненіе Цицерона, до тѣхъ поръ ему еще неизвѣстное; другія сочиненія приходилось ему узнавать только по названію и оплакивать ихъ утрату ¹⁾. На сочиненіе Цицерона *О Республикѣ*, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, онъ потерялъ всякую надежду ²⁾. Петрарка не терялъ надежды найти сочиненіи *Объ утѣшеніи* и *О хвалѣ философіи*. На послѣднее повѣтъ нашелъ указаніе у Августина въ такой формѣ, которая его крайне взволновала: какъ важно должно быть его содержаніе, если этотъ уважаемый отецъ Церкви признавалъ, что оно не мало повліяло на его обращеніе и познаніе истины. Петрарка долгое время полагалъ, что имѣетъ въ рукахъ названное сочиненіе Цицерона, но никакъ не могъ понять, что бы могло въ немъ такъ привлечь Августина. Наконецъ, въ книгѣ Августина о Святой Троицѣ нашелъ онъ мѣсто, взятое изъ этого сочиненія, котораго не было въ лежащемъ передъ нимъ экземплярѣ. Онъ ясно увидѣлъ свою ошибку: въ заблужденіе его ввело ложное заглавіе книги; но что она была также написана Цицерономъ, въ этомъ не позволяло сомнѣваться ей чудное, неподражаемое краснорѣчіе. Позднѣе узналъ Петрарка изъ одного кодекса, полученнаго имъ въ подарокъ въ Неаполѣ, что то сочиненіе, которое онъ считалъ за хвалу философіи, есть не что иное какъ часть Академикъ, и въ сердцахъ за разочарованіе позволялъ себѣ довольно презрительный отзывъ объ этомъ послѣднемъ сочиненіи ³⁾.

Петрарка не могъ забыть потерю книгъ Цицерона *О славіи*. Однажды онъ получилъ въ подарокъ томъ смѣшанныхъ сочиненій отъ Раймондо

писалъ собственноручно, кажется, содержалъ въ себѣ только извѣстное, хотя Петрарка (epist. ger. famil. XVIII, 4) и говоритъ изъ любезности объ *opusculis eximiis prozsis et raris*.

¹⁾ *Reg. memorand. Lib. I. (Opp. p. 447).*

²⁾ Никто уже не будетъ думать, что «Республика» была въ рукахъ Петрарки. Въ *Arologia c. Gallus* называетъ онъ ее только при перечисленіи всѣхъ сочиненій Цицерона вмѣстѣ съ таями, которыхъ онъ никогда не видалъ, точно такъ же какъ это дѣлаетъ и Борлей. Не смотря на это, еще Schio утверждалъ p. 74, что даже Лоски зналъ сочиненіе *de republica* и только въ XV-мъ столѣтіи оно снова исчезло. Въ заблужденіе вводили постоянно цитированныя мѣста изъ Лактанція и Августина.

³⁾ Онъ называетъ его (epist. ger. senil. XV, 1) *subtile opus magis quam necessarium aut utile*. Hortis M. T. Ciceroe p. 51 полагаетъ, что рукопись, введенная въ заблужденіе Петрарку, въ дѣйствительности составляла часть Академикъ подъ заглавіемъ *de laude philosophiae*; она указана въ инвентарѣ *Bibliotecae Visc. Sforz.*—Извѣстіе о цicerоновскомъ сочиненіи *de consolatiōe* основано, безъ сомнѣнія, тоже на какомъ-нибудь обманчивомъ недоразумѣніи; можетъ быть, книга Боэціи была переписана подъ именемъ Цицероновою. Если въ одномъ только Корвейскомъ монастырѣ былъ три рукописа этого трактата, то какъ могъ онъ погибнуть! См. *De schamp. p. 38. 41. 103.*

Сопранцо, у котораго было много книгъ, но послѣдній, какъ юристъ по профессіи, изъ классическихъ писателей любилъ только Ливія. Въ числѣ этихъ сочиненій были книги Цицерона Объ ораторѣ и О законахъ въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ихъ тогда вообще читали, и «двѣ превосходныя книги о славѣ»¹⁾. Этотъ томъ и другой, содержавшій въ себѣ тоже сочиненія Цицерона и доставшійся Петраркѣ по наслѣдству отъ отца, онъ далъ своему бывшему учителю, о которомъ мы рассказывали выше. Бѣдность вынудила послѣдняго на нечестный поступокъ: онъ заложилъ эти книги, на требованія Петрарки давалъ уклончивые отвѣты, но стыдился заставить его выкупить ихъ и вдругъ исчезъ изъ Авиньона въ то время, когда Петрарка жилъ у истоковъ Сорги. Наставникъ удалился на свою тосканскую родину, и о немъ больше ничего не слышно. Данныя ему книги пропали, не смотря на всѣ розыски, а книги О славѣ — навсегда. Петрарка былъ убѣжденъ, что онѣ были у него. Однако мы не можемъ воздержаться отъ той мысли, что и здѣсь невѣрное заглавіе ввело его въ заблужденіе. Впослѣдствіи Петрарка уже не могъ припомнить содержанія этого сочиненія, — доказательство, что онъ никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ. О существованіи книгъ *de gloria* онъ могъ знать изъ сильно распространенаго сочиненія Объ обязанностяхъ. А какъ легко видѣти людямъ привидѣніе, если они убѣждены въ его существованіи! Если бы Петрарка основательнѣе разслѣдовалъ дѣло, кто знаетъ, быть можетъ, книги о славѣ оказались бы нѣкоторыми отдѣлами Тускуланскихъ бесѣдъ²⁾. Произвольное заглавіе, данное переписчиками на основаніи какой нибудь части сочиненія, показавшейся имъ болѣе важною, не разъ вводило читателей въ заблужденіе³⁾.

1) Совершенно неосновательно извѣстіе Манетти, писавшаго жизнь Петрарки въ половинѣ XV-го вѣка (ed. Galletti. p. 87), что Петрарка нашелъ эти книги «о славѣ» in extremo fere Germaniae angulo abstrusos, и что послѣ смерти Петрарки онѣ были вновь утрачены.

2) Напр. Tuscul. Lib. I III, 2. V. 15 etc.

3) Petrarca epist. ger. senil. XV, 1. cf. epist. ger. famil. XXV, 4, p. 267 Должно замѣтить, что у Петрарки постоянно идетъ рѣчь о какомъ-то воспоминаніи изъ прежнихъ лѣтъ, приблизительно отъ 1331-го года, когда онъ писалъ epist. ger. famil. I, 2 къ Сопранцо, бывшему тогда уже старикомъ; адресъ въ дрезденскомъ кодексѣ такой: *Venerando seni Raymondo Superano jurisconsulto*. Зналъ ли Петрарка уже тогда Тускуланскія бесѣды Цицерона, какъ говоритъ Hortis M. T. Cicero-
le p. 55, это намъ вестями неизвѣстно, такъ какъ у насъ нѣтъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ. Рукопись съ заголовкомъ *De gloria*, по словамъ Павла Мануція, спусти еще цѣлыхъ сто лѣтъ была въ библиотекѣ Бернардо Джустиніани или, по крайней мѣрѣ, упоминалась въ тамошнемъ каталогѣ. Къ ней относится литературная расказня. Будто она была сожжена Филдelfo или П. Альціоніемъ. Бернардо же былъ сынъ из-

Ученые не могли согласиться насчетъ того, какія сочиненія Цицерона были снова найдены Петраркою. Конечно, трудно установить понятіе о находкѣ, если не знаешь, какой списокъ сочиненій Цицерона можно предполагать извѣстнымъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ дѣло, очевидно, происходило такъ: они появлялись на свѣтъ Божій изъ какой нибудь монастырской библіотеки, переписывались разъ или два и потомъ опять предавались забвенію, изъ котораго снова извлекались и такимъ образомъ открывались вторично. Заслуга открытія состояла лишь въ распространеніи ихъ, а новыми можно было съ нѣкоторымъ основаніемъ назвать только тѣ сочиненія, память о которыхъ совсѣмъ утратилась, или же тѣ, которыя были отысканы въ другихъ странахъ и оттуда доставлены въ Италію.

Вообще нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря вліянію Петрарки, сочиненія Цицерона, даже философскія и риторическія, списывались и читались несравненно болѣе, чѣмъ прежде. Въ пользу этого говорить ихъ распространеніе въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Но

вѣстнаго гуманиста и собирателя книгъ, Леонардо Джустиніани, да и самъ имѣлъ значеніе какъ гуманистъ. Какъ же могло случиться, что долго розыскиваемое сочиненіе Цицерона осталось въ такомъ домѣ въ неизвѣстности, если оно дѣйствительно тамъ было? Quirini Diatriba p. 37. Deschamps. p. 41.—Темнымъ также остается вопросъ, что видѣлъ Петрарка изъ сочиненій Варрона. Его письмо къ послѣднему отъ 1 октября 1343 г. существуетъ въ двухъ редакціяхъ, которыя, по всей вѣроятности, обѣ принадлежатъ Петраркѣ. Въ edit. Veneta 1501 г. и затѣмъ въ базельскомъ изданіи Opp. p. 785 говорится: *Nullae tamen extant vel admodum laecerae tuorum operum reliquiae, licet divinarum et humanarum libros, ex quibus sonantius nomen habes, puerum me vidisse meminere et recordatione torquear, summi ut aiunt labiis gustatae dulcedinis. Nos alicubi forsitan latitare suspicor, eaque multos per annos me fatigat cura etc.* Менѣе ясно въ изданіи Epistt. Lugduni 1601 и у Fracassetti epist. rer. famil. XXIV, 6: *Nullae tamen extant vel admodum laecerae tuorum operum reliquiae, e quibus aliqua pridem vidi et recordatione torqueor summi ut aiunt labiis gustatae dulcedinis. Et ea ipsa, praecipue divinarum et humanarum rerum libros—adhuc alicubi latitare suspicor etc.* Вѣроятно, здѣсь Петрарка опять имѣетъ въ виду стараго Сократо, отъ котораго онъ по epist. rer. senil. XV, 1 получилъ Varronis aliqua, но только на время, а не въ подарокъ, какъ мнимое сочиненіе de gloria. Во всякомъ случаѣ видно, какъ смутно представлялось Петраркѣ содержаніе того кодекса; и изъ сочиненій Варрона ничего не осталось у него въ памяти. Я ссылаюсь здѣсь на письмо Салютато къ Пасквину де Капелла отъ 24 сент. (1390) въ Пауптіи Orusc. vol. II. p. 115, по которому въ письмѣ оставленныхъ Петраркой книгъ должно было находиться сочиненіе de mensuris orbis terrae, между тѣмъ какъ по мнѣнію Антонія Лоски это варроновское de lingua latina. — Такъ же мало мало придаемъ мы значенія и замѣткѣ Петрарки въ Reg. memorab. Liv. I. ср. 2, по которой заключили, что ему еще были извѣстны эпиграммы и письма императора Августа. Это опять воспоминаніе юныхъ лѣтъ, въ глубокой старости: *quod opus inexplicitum et carie semesum a dollescenti mihi admodum in manus venit frustra postmodum quaesitum etc.*

Петрарка оказалъ непосредственную заслугу относительно двухъ родовъ ихъ, именно рѣчей и писемъ. Хотя и въ средніе вѣка Цицерона постоянно восхваляли, какъ великаго оратора, но его рѣчами, равно какъ и теоретическими ораторскими сочиненіями положительно пренебрегали, безъ сомнѣнія потому, что тогда ораторская рѣчь ограничивалась областью проповѣди. До извѣстной степени распространены были въ XII и XIII в. только рѣчи противъ Катилины, Филиппики, часть рѣчей противъ Верреси, рѣчь въ защиту Маниліева закона и, можетъ быть, нѣкоторыя мелкія. Больше двѣнадцати рѣчей едва ли гдѣ можно было найти въ одномъ мѣстѣ, а болѣе двадцати рѣчей вообще не упоминается въ средніе вѣка ¹⁾). Библиографы того времени не потрудились собрать рѣчи и составить по возможности полный списокъ ихъ. Нуженъ былъ человекъ, который бы восторгался этого рода памятниками и усердно розыскивалъ ихъ. Петрарка навсегда сохранилъ пріятное воспоминаніе о томъ, какъ онъ нашелъ въ Люттихѣ рѣчь Цицерона за Архія и еще одну ²⁾). Впослѣдствіи онъ получалъ отъ юриста Лапо да Кастильонкьо еще четыре рѣчи, которыхъ до того времени не зналъ, въ томъ числѣ Филиппики и рѣчь за Милона. Онъ отплатилъ за нихъ рѣчью за Архія. Но ему очень тяжело было расстаться съ полученными рукописями: одну изъ нихъ онъ совсѣмъ оставилъ у себя, вознаградивъ своего друга прекрасно написанною и исправленною копіею, а другую рѣшился отослать только черезъ четыре года или больше. Впрочемъ Петрарка далеко еще не составилъ того полнаго собранія сочиненій Цицерона, какое образовалось впослѣдствіи, конечно, мало по малу ³⁾).

Но каково было торжество Петрарки, когда въ 1345 г. въ веронской соборной бібліотекѣ ему попала въ руки уже загнившая рукопись съ письмами Цицерона. О подобныхъ сборникахъ было извѣстно изъ неоднократныхъ ссылокъ древнихъ писателей; впрочемъ о нихъ упоминали и писатели средневѣковые. Петрарка долго розыскивалъ ихъ, а теперь они нашлись совершенно неожиданно.

¹⁾ cf. *Adami Clerici Flores historiarum* у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 212. *Niebuhr* въ edit. *Ciceronis Orationum et pro M. Fonteio et pro C. Rabirio. Romae* 1820 p. 36.

²⁾ Сама по себѣ эта находка не важна, такъ какъ для Гальмова изданія рѣчи эрфуртская и брюссельская рукописи оказались лучше всѣхъ итальянскихъ.

³⁾ *Petrarca epist. rer. famil.* VII, 16, XII, 8, XVIII, 12; *epist. var.* 45. Хорошее разсмотрѣніе этихъ вопросовъ у *Hortis Cicerone* p. 38 — 42. Нужно обратить также вниманіе на извѣстіе объ оставшихся послѣ Петрарки цicerоновскихъ рѣчахъ, которыя встрѣчаются въ писмѣ Салютато къ Ломбардо да Серियो у *Vandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent.* T. III, p. 567.

Это были письма къ Аттику, къ Бруту и къ брату Цицерона Квинту; Петрарка не зналъ, что есть еще другой сборникъ. Содержаніе писемъ, усвоенное имъ съ пылкою торопливостію, показало ему въ совершенно новомъ свѣтѣ личность уважаемаго римлянина. Онъ узналъ его не только какъ философа, но и какъ человѣка слабого и шаткаго. Впрочемъ прежняя любовь къ отцу римскаго краснорѣчія одержала верхъ. Не смотря на болѣзнь и усталость, Петрарка своею рукою переписалъ рукопись, не желая довѣрять наемнымъ писцамъ чтеніе покрытыхъ ржавчиною листовъ; притомъ же ему хотѣлось поскорѣе обратитъ ее въ прочную собственность. Онъ уже сталъ, конечно, осторожнѣе послѣ прежнихъ находокъ, которыя были у него въ рукахъ и все таки потомъ пропали. Копія эта съ тѣхъ поръ принадлежала къ числу его любимыхъ книгъ. Собственникъ отвелъ ей привилегированное мѣсто въ библіотекѣ и такъ ревностно берегъ, что, по видимому, при жизни его никто не получалъ новой копія съ нея. Но въ сочиненіяхъ своихъ Петрарка приводилъ множество цитатъ изъ сочиненій Цицерона и внесъ такимъ образомъ въ литературу совершенно новый и плодотворный элементъ. Съ гордымъ торжествомъ, прочитавши въ первый разъ рукопись, онъ сообщилъ о ней свѣту, рассказавъ объ этомъ въ своемъ посланіи къ Цицерону, и съ удовольствіемъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ вспоминалъ онъ о находкѣ, которую ему посчастливилось сдѣлать въ Веронѣ ¹⁾.

Мы не безъ причины нѣсколько подробнѣе говорили о томъ усердіи, съ какимъ Петрарка относился къ сочиненіямъ Цицерона. Можно сказать, что они внушили ему любовь къ другимъ писателямъ древняго Рима и дали возможность понимать ихъ. Академическіе трактаты его научили поэта цѣнить Варрона, въ сочиненіи Объ обязанностяхъ онъ въ первый разъ прочелъ имя Энія, Тускуланы научили его любить Теренція и т. д. ²⁾. Если онъ искалъ

¹⁾ Письмо къ Цицерону напечатано у Фракассети какъ *epist. rer. famil.* XXIV, 3; въ связи съ этимъ — письмо XXI, 10. Критическіе вопросы, относящіеся сюда, я разбираю въ статьѣ «*Über die handschriftliche Ueberlieferung von Cicero's Briefen*», помѣщенной въ *Berichte der K. Sächs. Gesellsch. d. Wiss.* 1879 S. 41 ff. Необычайной радостью было для меня, что одновременно со мной Dr. Viertel, производя изслѣдованія въ той же области, пришелъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ къ совершенно одинаковымъ результатамъ, обнародованнымъ имъ статьѣ «*Die Wiederauffindung von Cicero's Briefen durch Petrarca*» Кёнигсбергъ, 1879 г. Что вообще зналъ Петрарка о цicerоновскихъ сочиненіяхъ, на это почти всего онъ указываетъ въ *Apologia contra Gallum* (1372); потерянные и розыскиваемые имъ сочиненія, также какъ и сохранившіеся въ искаженномъ видѣ онъ приводитъ въ *epist. rer. famil.* XXIV, 4 ad Ciceronem. Подробности см. у *Hortis M. T. Cicerone*.

²⁾ *Epist. rer. famil.* III, 18.

главнымъ образомъ недостающихъ сочиненій Цицерона, то все таки римскіе классики составляли въ его воображеніи нѣчто цѣлое, и каждый пробѣлъ въ нихъ казался ему тяжелою утратою. Его поѣздки, частыя перемѣны мѣстопробыванія, множество дружескихъ связей, слава, всюду безъ труда открывавшая ему доступъ,—все это чрезвычайно какъ облегчало для него добываніе рукописей и пользование ими. Вскорѣ въ его распоряженіи было такое литературное богатство, какого, разумѣется, раньше ни у кого не было ¹⁾. У него были самыя рѣдкія сокровища, многое такое, чего кромѣ его никто не зналъ. Одинъ Петрарка читалъ стихотворенія Катудла, которыя помимо того хранились еще въ соборной веронской библиотекѣ; всѣ рукописи Проперція, по видимому, ведутъ свое начало отъ Петрарковой. Дантъ, навѣрное, зналъ только первыя четыре книги Ливія ²⁾, а у Петрарки ихъ было—29. Но возрастаніе богатствъ распалало въ немъ жажду къ новымъ приобрѣтеніямъ. Онъ зналъ, что Ливій написалъ 142 книги и какъ онъ старался добыть ихъ ³⁾! Какъ жалѣлъ онъ объ утратѣ исторіи Саллюстія ⁴⁾! Какъ терзала его мысль о томъ, что когда-то у него были Древности Баррона, а теперь онъ не можетъ ихъ найти!

Весьма понятно, какъ дорого стало для собственника собраніе книгъ, которыя пришлось розыскивать, приобрѣтать и собирать съ такимъ трудомъ. Только въ частныхъ рукахъ стали оборотнымъ капиталомъ тѣ умственные блага, какія въ нихъ заключались. Онъ вступалъ въ общеніе съ живою окружающею средою и становился плодотворнымъ въ рукахъ и близкихъ, и далекихъ друзей. Книги, по словамъ Петрарки, это—предметъ его неутолимѣйшей жажды; онъ для него какъ бы живые собесѣдники, говорящіе друзья ⁵⁾. Подлѣ нихъ душа его всегда искала и находила тихое пристанище даже и тогда, когда въ нѣкоторыхъ другихъ стремленіяхъ своихъ онъ открылъ заблужденіе или тщеславіе. Но онъ не всегда были въ одномъ мѣстѣ, потому что поэтъ не могъ ихъ брать каждый разъ съ собою при перемѣнѣ мѣстопробыванія. Много лѣтъ одна часть ихъ находилась въ Воклюзѣ, а другая въ разныхъ мѣстахъ Италіи. На его виллѣ у истоковъ Сорги ихъ хранилъ его старый слуга, «самое вѣрное созданіе, какое когда-либо было на землѣ». Не смотря на отсутствіе всякаго знакомства съ литературою, послѣдній, вслѣд-

¹⁾ Размѣры его подробно указалъ (Körting. p. 481).

²⁾ Schück (см. выше) стр. 270.

³⁾ Epist. rer. famil. XXIV, 8 къ Ливію.

⁴⁾ Her. memorand. Lib. I (Opp. p. 447, 448).

⁵⁾ Epist. rer. famil. III, 18.

ствіе долгаго обращенія съ книгами, все таки зналъ произведенія древнихъ и своего господина. Отъ одного лишь прикосновенія къ книгамъ онъ какъ будто дѣлался ученѣе и счастливѣе, такъ какъ старыя слуги часто свыкаются съ образомъ мыслей своихъ господъ. Когда онъ скоропостижно умеръ, то Петрарка тотчасъ же поспѣшилъ изъ Авиньона на виллу, чтобы его книги не остались безъ призора ¹⁾. Онъ уже болѣе не монахъ, списывающій въ душной кельѣ рукописи своего монастыря и увеличивающій число ихъ на пользу младшей братіи. Петрарка устроилъ себѣ удобную комнату для ученыхъ занятій, гдѣ его окружали собственныя его книги, какъ вѣрные спутники жизни, и изъ которой обширный міръ читателей получалъ произведенія его ума. Здѣсь онъ могъ тѣшить себя представленіемъ, что сами великіе мыслители древности собрались вокругъ него, и при свѣтѣ ночной лампы онъ бесѣдуетъ съ ними какъ съ равными себѣ. Всѣ его послѣдователи гуманисты любили признавать себя за библиомановъ, и люди этого рода никогда не вымирали. Есть прекрасное преданіе, хотя и не выдерживающее критики, что въ послѣдній дець жизни Петрарки его нашли утромъ заснувшимъ надъ книгою.

Его собраніе книгъ и въ другомъ отношеніи является первою бібліотекою новаго времени. Петрарку занимала мысль о томъ, чтобы онѣ не только могли служить ему на пользу, но и по смерти его остались бы всѣ въ одномъ мѣстѣ и были доступны каждому ученому. Онъ считалъ Пизистрата и Птоломея Филадельфа гораздо выше среди ихъ книжныхъ сокровищъ, чѣмъ Креза среди его богатствъ. У него однажды былъ планъ, чтобы его книги, къ которымъ поэтъ хотѣлъ еще пріобрѣсть книги Боккачіо, были всѣ дѣлкомъ помѣщены въ какомъ нибудь приличномъ мѣстѣ, въ вѣчное воспоминаніе о немъ ²⁾. Впослѣдствіи Петрарка избралъ для этой цѣли Венецію. Когда въ 1362 г. чума и ужасы «великой кампаніи» принудили его покинуть Миланъ, то поэтъ пожелалъ переселиться въ островную республику и сдѣлалъ ея сенату предложеніе—предоставить ему тамъ приличный домъ. За это онъ хотѣлъ назначить Евангелиста Марка наслѣдникомъ своихъ книгъ. Для этой цѣли послѣднія должны были неприкосновенно сохраняться въ безопасномъ мѣстѣ въ его память и славу и служить на пользу гражданамъ. Запасъ ихъ могъ потомъ увеличиваться путемъ прикупокъ и пожертвованій, и такимъ образомъ къ славіе республики составила бы боль-

¹⁾ Epist. rer. famil. XIV, 1 отъ 15 января (1353).

²⁾ Epist. I rer. senil., 4 къ Боккачіо.

шая и знаменитая библиотека ¹⁾ Дѣйствительно, великій совѣтъ постановилъ принять просьбу знаменитаго мужа, и ему былъ назначенъ палаццо delle due Torri. Тамъ Петрарка прожилъ долгое время, но невѣроятно, чтобы всѣ книги или хотя часть ихъ остались въ Венеціи, или были доставлены туда послѣ его смерти. Напротивъ, онѣ, повидимому, были разобраны и растеряны его друзьями ²⁾. Но мысль его не осталась втунѣ. Мы увидимъ, что она снова воскресла и была приведена въ исполненіе во Флоренціи, и многія дорогія сокровища классической литературы обязаны ей своимъ спасеніемъ.

Подобнымъ же образомъ Петрарка обращалъ пытливый взоръ и на другія сокровища древности и побуждалъ къ ихъ сохраненію. Насколько мы знаемъ, онъ первый сталъ усердно собирать античныя монеты и медали. Друзья, приславшіе ему эти вещи, могли быть увѣрены въ самой горячей его благодарности. Когда онъ бывалъ въ Римѣ, то рабочіе, воздѣлывавшіе виноградники, предлагали ему купить золотыя или серебряныя монеты, найденныя ими въ землѣ, или къ нему обращались за объясненіемъ портретовъ императоровъ. Какъ живые говорили съ нимъ послѣдніе, прямые свидѣтели о томъ мірѣ, о которомъ онъ зналъ только по книгамъ. Петрарка гордился тѣмъ, что поднесъ въ даръ Карлу IV нѣсколько монетъ римскихъ императоровъ, какъ бы въ память о его предкахъ, и полагалъ, что онѣ возбуждаютъ въ немъ благородное стремленіе къ славѣ ³⁾.

Петрарка рано узналъ, что римляне, сочиненія которыхъ онъ читалъ съ такимъ восторгомъ, чтити греческихъ писателей, какъ

¹⁾ atque ita facile poterit ad unam magnam et famosam bibliothecam ac parem veteribus perveniri.

²⁾ Постановленіе великаго совѣта отъ 4-го сентября 1362 г., въ которое включено предложеніе Петрарки, см. у Agostini T. I p. XXVIII, у Фракассети въ прилѣжаніи къ переводу *epist. var. 43* къ Бенвентеда отъ 28 авг. (1362). Дальнѣйшая литература у Valentinelli *Bibl. T. I, p. 2 seq.* и у Barozzi *Petrarca a Venezia*. Его сомнѣніе въ томъ, были-ли книги Петрарки когда-либо перевезены въ Венецію, конечно, основательно (p. 289). Что нашелъ Tomasinus *Petrarca redivivus* p. 72, не удостоверяется никакой помѣткой владѣтеля, какъ въ этомъ убѣдились Морелли и Бальделли (*Baldelli Petrarca* p. 139). Кажется, что договоръ послѣ отъѣзда Петрарки изъ Венеціи (1367), обѣими сторонами считается нарушеннымъ. Такимъ образомъ Боккаціо по кончинѣ Петрарки обращается съ вопросомъ къ зятю его, какъ распорядился съ библиотекой: *nam arid nos alii varia credunt, alii referunt* (*Lettere ed. Corazzini* p. 383). Съ нимъ же ведетъ переговоры и Салютато по поводу нѣкоторыхъ оставленныхъ Петраркой книгъ. Подію же, вѣрно, знавшій это отъ Салютато, въ надгробной рѣчи Никколи говоритъ положительно. *Petrarcha habuit ingentem copiam librorum, qui post eius obitum omnes venundati et variis hominibus dispersiti sunt.*

³⁾ *Epist. rer. famil. XVIII, 8, XIX, 3, 12.*

свои идеалы и недостижимые образцы. Многія сотни людей знали это и раньше его, и все таки никому не приходило на мысль— овладѣть языкомъ этихъ грековъ, народа еще продолжавшаго свое существованіе и легко доступнаго, чтобы ознакомиться съ сокровищами ихъ поэзіи, философіи и исторіи и сообщить ихъ латинскому міру въ переводахъ. Если и были переводы нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля и Іоанна Златоуста, то они не вызвали стремленія — искать и усваивать себѣ другія произведенія. Уже одна эта мысль была необыкновенно плодотворнымъ литературнымъ подвигомъ, если бы даже она повела лишь къ попыткѣ. Она заставила привлечь древній гелленскій міръ къ участию въ западномъ образованіи.

Въ Италіи всегда были люди, знавшіе греческій языкъ, особенно въ Нижней, гдѣ потребность въ знаніи греческаго языка обусловливалась прежними церковными сношеніями, также въ Венеціи и Генуѣ, гдѣ оно было нужно для торговыхъ связей. Конечно, это были люди практическіе, не друзья литературы, не учителя. А въ Провансѣ не было ни малѣйшей возможности удовлетворить тому стремленію, какое носилъ въ своей груди Петрарка. Она представилась только тогда, когда въ 1339 г. пріѣхалъ въ Авиньонъ базилианскій монахъ Барлаамъ, родомъ калабриецъ, но нѣсколько лѣтъ уже жившій въ Византіи. Онъ долженъ былъ отъ имени императора Андроника начать переговоры съ папою Бенедиктомъ XII о воссоединеніи церквей. Желали, чтобы созванъ былъ соборъ, на которомъ бы велись диспуты объ исхожденіи св. Духа. Но посланный сначала долженъ былъ снова отправиться въ Византію. Нужно было вступить въ переговоры съ другими государствами, въ особенности съ Франціей и Неаполемъ, и такимъ образомъ дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ ¹⁾. Петрарка познакомился съ этимъ человѣкомъ и по возвращеніи его въ 1342 г. выбралъ себѣ въ учителя. Занимаясь каждый день, онъ весьма усердно усваивалъ себѣ начатки греческаго языка, но Барлаамъ весьма скоро назначенъ былъ епископомъ въ калабрійскій городъ Джераче и долженъ былъ покинуть Авиньонъ. Самъ Петрарка способствовалъ этому повышенію, конечно, тѣмъ, что рекомендовалъ своего учителя королю Неаполитанскому Роберту. Онъ былъ еще далеко не въ состояніи продолжать одинъ занятія новымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ грамматическихъ и лексическихъ пособій. Петрарка самъ сознается, что онъ лишь возлежалъ на лонѣ греческой науки ²⁾. Но, по видимому, его рвеніе охладилъ самъ на-

¹⁾ Документы у Raynaldus Annal. eccl. 1339 n. 19, 31, 32.

²⁾ in ipso studiorum lacte—ego tum primum inchoabam; онъ такъ и остался elementarius Graius.

ставникъ, кичливый и безтолковый богословъ. Почему Петрарка не поѣхалъ съ нимъ? вѣдь онъ былъ человекъ свободный. Говоря о Барлааме, Петрарка выражается какъ-то странно, будто долженъ извиниться въ томъ, что его занятія греческимъ языкомъ не кончили блестящимъ успѣхомъ. Онъ не разъ говоритъ, что смерть отняла у него учителя, однако это случилось уже черезъ пять лѣтъ послѣ отъѣзда послѣдняго въ Калабрию. Или поэтъ упрекаетъ Барлааме въ томъ, что онъ былъ чуждъ латинскаго краснорѣчія, и самодовольно прибавляетъ, что грекъ, по собственному его признанію, самъ немало научился ему у своего ученика. Но это было безразлично для преподаванія греческаго языка, которое было нужно. Однако Боккаціо, по дѣтски усердствовавшій къ ученю, хвалилъ того же Барлааме, какъ человека весьма ученаго. Конечно, для вѣнчаннаго поэта было не маюю нравственною пыткой опять войти въ роль ученика. Разумѣется, это ему стоило бы многихъ усилій и жертвъ, пока онъ станетъ понимать произведенія гелленовъ и наслаждаться ими, или удостоится тѣхъ лавровъ, которые такъ быстро и легко выпали на его долю въ другой области. Поэтому вся заслуга его ограничивается любовью къ дѣлу и благороднымъ стремленіемъ, а энергическій трудъ онъ предоставилъ другимъ.

Новый толчокъ данъ былъ Петраркѣ въ 1353 г. Николаемъ Сигеросомъ, преторомъ Романи, который пріѣхалъ въ Авиньонъ также для переговоровъ о воссоединеніи греческой церкви съ римскою. И его побуждалъ Петрарка поискать въ Византіи потерянныхъ сочиненій Цицерона. Онъ не получилъ ихъ, но Сигеросъ прислалъ ему въ подарокъ экземпляръ Гомеровыхъ поэмъ. Не смотря на церковный расколъ, на ненависть, укоренившуюся въ нами, Востокъ и Западъ дружески протягивали здѣсь руки другъ другу, и связующимъ звеномъ является прославленный пѣвецъ Иліона. Въ то же время онъ былъ какъ бы первый бѣглецъ, искавшій покровительства на западѣ отъ варварства, угрожавшаго со стороны турокъ, и хотя не ангелы перенесли его туда, какъ домигъ Богородицы въ Лорето, однако Петрарка принялъ его съ такимъ же благоговѣніемъ. Этотъ отдѣльный случай является началомъ и образцомъ литературныхъ переселеній, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія. Когда гелленской литературѣ угрожала такая же гибель, какъ и византійской имперіи, то она стала искать и нашла въ Италиі отрадныя пріюты и новую будущность. Петрарка съ своимъ Гомеромъ въ рукахъ, котораго едва умѣлъ читать, сдѣлался самымъ усерднымъ наставникомъ греческаго языка. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на эту книгу, обнималъ ее и зналъ только одно,

какъ высоко цѣнили эти поэмы римляне, наприм. Цицеронъ, Гораций и Плиній. У него уже было нѣсколько сочиненій Платона на греческомъ языкѣ; первый поэтъ, по его словамъ, и первый философъ поселились у него. Петрарка рѣшился попросить того же Сигероса о сочиненіяхъ Гезіода и Эврипида и не терялъ надежды — научиться когда нибудь греческому языку, хоть подъ старость. Прежде всего онъ обратился съ поощреніями къ Боккачіо: послѣднему внушено было страстное желаніе имѣть творенія прославленнаго Гомера на латинскомъ языкѣ. А самъ Петрарка съ своей обычной важностью ограничился тѣмъ, что возбуждалъ другихъ и покровительствовалъ предпріятіямъ ихъ. Безъ сомнѣнія, та заслуга, что въ итальянскомъ мірѣ явился переводъ произведеній Гомера, сдѣланный Леонціо Пилато, какъ ни былъ онъ сухъ и слабъ, принадлежитъ главнымъ образомъ Боккачіо, хотя Петрарка положительно приписывалъ ее себѣ. Съ этою цѣлью послѣдній купилъ въ Падуѣ экземпляръ Гомера на греческомъ языкѣ и на свой счетъ заказалъ одинъ экземпляръ латинскаго перевода, быть можетъ, также принялъ участіе въ вознагражденіи переводчика ¹⁾. За то теперь въ его библиотекѣ явилась сокровищница новыхъ познаній, которою онъ могъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ ²⁾. Если Гомеръ все еще оставался для него лично, которой онъ поклонялся издавна ³⁾, все таки онъ внесъ его въ западный міръ и возжегъ любовь къ гелленской литературѣ. Мы увидимъ, какъ была сильна и плодотворна эта любовь, какъ итальянцы переселялись въ Византію, а византійцы являлись въ Италію, первые — учиться, вторые — учить, какъ и старъ и младъ занимаются греческимъ языкомъ и геній древней Геллады, вызванный къ жизни Петраркою, уже не меркнетъ болѣе.

Петрарка съ юныхъ лѣтъ горѣлъ желаніемъ видѣть Римъ, который для него все еще былъ обладателемъ вселенной. Желаніе это

¹⁾ Конечно, не иной смыслъ заключается въ словахъ письма къ Боккачіо: (epist. var. 25): *Et nunc coeptis vestris pro virili parte libens faveo.*

²⁾ Какъ онъ это дѣлалъ, указалъ K ö r t i n g стр. 476.

³⁾ Такъ поэтъ онъ въ Africa IX, 144 ed. C o r r a d i n i:

Millibus ex tantis unus mihi summus Homerus,

Unus habet, quod suscipiam, quod miror amemque.

Болѣе всего о своихъ греческихъ занятіяхъ Петрарка говоритъ въ благодарственномъ посланіи въ Сигеросу отъ 10-го января 1354 г. (epist. rer. famil. XVIII, 2), и въ посланіи къ Гомеру, отъ имени котораго ему кто-то написалъ изъ Болоньи (epist. XXIV, 12 — отъ 9-го октября 1360 г.). Сюда же относятся epist. rer. senil. III, 6. V, 1. VI, 2. XI, 9. *Rer. memorand. lib. II* (Opp. p. 464). *De ignorantia sui ipsius* (Opp. p. 1162).

въ первый разъ исполнилось въ январѣ 1337 г. ¹⁾, Какъ бы отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра, блуждалъ онъ среди семи холмовъ, находилъ все то, о чемъ читалъ у древнихъ писателей, начиная съ крѣпости Эвандра и пещеры Бакуса до тѣхъ мѣстъ, гдѣ приняли мученическую смерть Апостолы Петръ и Павелъ. Только фантазіи его приходилось трудиться надъ объясненіемъ развалинъ, а новые римляне были не въ состояніи этого сдѣлать: суевѣріе и невѣжество покрывали для нихъ мракомъ сооруженія ихъ предковъ. «Нигдѣ, возглаголютъ Петрарка, Рима не знаютъ меньше, чѣмъ въ самомъ Римѣ» ²⁾. Это былъ и не былъ тотъ же всемірный городъ. Древніе дворцы, въ которыхъ нѣкогда жили «исполинскіе люди», Петрарка видѣлъ въ развалинахъ, храмы и триумфальныя арки разрушались, городская стѣна разваливалась. Эти римляне не стыдились вести гнусную торговлю почтенными обломками, допускать, чтобы изнѣженный Неаполь украшался мраморными колоннами ихъ зданій, портиками древнихъ храмовъ и надгробными памятниками. Скоро, думалъ онъ, исчезнуть и послѣдніе остатки города ³⁾. Петрарка умолялъ авиньонскихъ папъ жалиться надъ гибнущимъ городомъ на Тибръ ⁴⁾. Послѣдній представлялся ему въ видѣ престарѣлой сѣдовласой матроны съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, въ разодранномъ рубищѣ, но съ непоколебимымъ духомъ, полной великихъ воспоминаній ⁵⁾. «Но кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что древняя римская доблесть снова воспрянетъ, если Римъ начнетъ познавать себя» ⁶⁾.

Петрарка напередъ уже видѣлъ осуществленіе этихъ пророческихъ словъ въ предпріятіи Колю ди Ріэнцо. Политическое потрясеніе, вызванное имъ въ Римѣ и Италиі, шумное и изумительное,

1) Позднѣйшіе случаи пребыванія Петрарки въ Римѣ перечисляетъ Körting стр. 469.

2) Epist. de reb. famil. VI, 2 къ кардиналу Джованни Колонна.

3) Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria (Opp. p. 596), epist. metr. II, 13.

Et quanta integrae fuit olim gloria Romae,
Reliquiae testantur adhuc, quas longior aetas
Frangere non valuit etc.

Funditus ita ruunt (labentis petricae fragmenta) manibus convulsa nefandis.

4) Epist. metr. I, 2. Benedicto XII; II, 5. Clementi VI et al. Сюда же относятся горько написанное прославленіе Рима въ epist. metr. II, 12.

5) De pacificanda Italia Exhortatio ad Carolum IV, въ Epist. rer. famil. X, 1 отъ 24 февраля 1350 года.

6) Epist. rer. famil. VI, 2, p. 314. Подобнымъ же образомъ и въ Africa II, 305. 315. 325—мѣсто, несомнѣнно указывающее на Колю.

было подобно взрыву бури, мѣстами подѣйствовало разрушительно, но въ концѣ концовъ миновало безслѣдно. Но порывы, увлекавшіе умы людей во время этой бури, долго оставались въ памяти и собственно никогда не стихали. Это тѣ самые порывы, во имя которыхъ говорилъ и писалъ Петрарка. Этими объясняется удивительное сродство между двумя названными личностями; какъ ни различны были—ихъ жизненное поприще и сфера дѣятельности, однако обоихъ одушевляла одна и та же идея.

Не лишено вѣроятія, что самъ Петрарка заронилъ воспламеняющую искру въ душу молодого Кола. Не однѣ канцоны и поэмы прославленнаго пѣвца нашли пламенные сердца въ Римѣ, какъ и повсюду въ Италиі. Несомнѣнно, что Кола былъ въ восторгѣ отъ славнаго вѣнчанія его лаврами въ Капитолиі во время пасхи 1347 г. Едва ли случайно самъ онъ впоследствии устроилъ для себя «трибунское» вѣнчаніе лаврами и помѣчалъ свои посланія тѣми же словами: «дано въ Капитолиі», какія красовались на поэтическомъ дипломѣ Петрарки, сильно распространенномъ. Черезъ годъ началось въ Римѣ волненіе, предвѣщавшее переворотъ, вслѣдствіе чего Кола, какъ уполномоченный отъ народа и тринадцати, былъ отправленъ въ Авиньонъ—просить папу снова перенести свою резиденцію въ городъ св. Петра ¹⁾. Онъ искусно и горячо говорилъ передъ консисторією, произвелъ впечатлѣніе и вызвалъ сильное сочувствіе, изображая бѣдствія покинутаго города и смуты тамошней знати. Онъ не оттолкнулъ отъ себя и папу. Колѣ данъ былъ утѣшительный отвѣтъ, который онъ тотчасъ же съ торжествомъ сообщилъ въ Римъ, и охотно исполнена была его просьба о должности нотаріуса римской камеры, дававшей ему поддержку въ его затруднительномъ положеніи. Теперь онъ именуется папскимъ камераріемъ и близкимъ челоуѣкомъ, а въ письмѣ къ римлянамъ называетъ себя уже римскимъ консуломъ. Въ это то время и познакомился съ нимъ Петрарка, и они обмѣнялись мыслями о Римѣ, объ его бѣдствіяхъ и новой всемірной роли. Какъ-то разъ, стоя съ Петраркою у дверей одной старинной церкви, Кола пылко и въ возвышенныхъ рѣчахъ развивалъ свой планъ о восстановленіи величія древняго Рима. Поэтъ вздрогнулъ, услыша въ этомъ отголосокъ своихъ собственныхъ идей изъ устъ челоуѣка, рѣшившагося приступить къ великому подвигу. «Мнѣ показалось, пишетъ онъ ему вскорѣ послѣ этого, будто оракулъ провѣщалъ изъ святилища,

¹⁾ На дѣль этого посольства, состоявшагося въ январѣ 1348-го года, указываетъ Giov. Villani XII, 90. Ср. Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom Bd. VI s. 226 ff.

будто я слышалъ бога, а не человѣка.—Всякій разъ, какъ я привожу себя на память твои слова, слезы подступаютъ къ глазамъ и скорбь охватываетъ душу. При этомъ воспоминаніи я проливаю мужественныя слезы. Колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, я говорю: о, если бы когда нибудь . . . при жизни моей удалось это . . . О, если бы мнѣ привелось принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ и въ высокой славѣ!»¹⁾.

Не смотря на все различіе въ судьбѣ и ходѣ образованія этихъ обоихъ людей, встрѣтившихся въ Авиньонѣ, все таки есть общія черты, которыми легко объясняется избирательное сродство ихъ умовъ. И Кола давно уже создавалъ и расширялъ міръ своихъ идей чтеніемъ Ливія, Саллюстія и Валерія Максима; Цицеронъ и Сенека тоже были знакомы ему. Будучи лишь нотаріусомъ, онъ питалъ сильную любовь къ риторикѣ, къ красотѣ рѣчи, хотя вкусъ былъ не въ уровень съ этою любовью²⁾. Намъ осталась цѣлая группа его писемъ, относящихся ко времени его политической дѣятельности, изъ коихъ многія имѣютъ объемъ небольшихъ разсужденій. Какое значеніе придавалъ Кола этимъ произведеніямъ своего пера, видно изъ того, что онъ тщательно берегъ черновые наброски и копии, подобно Петраркѣ и другимъ писателямъ³⁾. Но изъ его писемъ не видно, что онъ изучалъ классиковъ: въ нихъ масса ужасныхъ словъ, взятыхъ изъ нотаріальнаго языка и схоластики, рѣчь слишкомъ искусственна и напыщена, нерѣдко совсѣмъ непонятна. Въ ней отражаются всѣ тѣ разнообразныя стихіи, изъ беспорядочнаго смѣшенія которыхъ сложился его внутренній міръ. Въ ней человѣкъ этотъ виденъ такимъ, какъ онъ есть, съ своими сентиментальными порывами и притязаніями, и для насъ вполне понятно, что Петрарку влекло къ нему сочувствіе⁴⁾. А въ другой области знаній

¹⁾ Epist. sine tit. 6 (по edit. Basil.) и у Fracassetti Append. litt. (vol. III epist. 2, amico suo, безъ сомнѣнія, вѣрно относится къ Колѣ и къ 1343-му году. Для насъ ясенъ теперь смыслъ словъ, сказанныхъ Петраркой въ epist. ad Nicolaum Laurentii hortatoria (у Fracassetti epist. var. 48 p. 427): Testis ego sibi sum, semper eum hoc, quod tandem reperit, sub praecordiis habuisse, — и въ письмѣ къ Нелли позднее (1552): ut qui in illo viro ultimam libertatis Italicae spem posueram, quem diu ante mihi cognitum dilectumque etc. и затѣмъ: seu solu veteris eisque ipsis in locis (въ Авиньонѣ, гдѣ Кола находился теперь въ заключеніи) contractae olim amicitiae memoria.

²⁾ Авторъ Vita di Cola di Rienzo Lib. I cap. 1 говоритъ: Fu da sua gioventudine nutricato latte d'eloquenza: buono grammatico, migliore retorico, autorista buono.

³⁾ Петрарка одобряетъ этотъ обычай въ epist. var. 38 къ Колѣ.

⁴⁾ Epist. rer. famil. XIII, 6: Nicolaus Laurentii vir facundissimus est et ad persuadendum efficax et ad oratoriam pronus, dictator (litterarum) quoque dulcis ac lepidus non multae quidam, sed suavis colorataeque sententiae.

Кола старается проложить себѣ свой собственный путь. Мечты влекли его къ образамъ героевъ древняго Рима, поэтому развалины и остатки древняго города, которые едва ли кто удостоивалъ вниманія въ теченіи многихъ вѣковъ, мощно приковывали къ себѣ его взоры. Онъ старался читать надписи на стѣнахъ, на рѣзныхъ камняхъ и монетахъ; онъ умѣлъ объяснять статуи и развалины города и его окрестностей. Теперь даже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первое описаніе города Рима и его великолѣпія, составленное со временъ старинныхъ *Metropolitan*, и приложенный къ этому сочиненію первый сборникъ надписей, составленный съ IV в., послѣ работы швабскаго пилигрима, имѣли авторомъ не кого другаго, какъ знаменитаго трибуна ¹⁾. Такимъ образомъ Кола является гениальнымъ основателемъ важной отрасли науки о древностяхъ, которая и теперь, въ цвѣтущемъ состояніи, признаетъ его заслугу.

Быть можетъ, Кола, человѣкъ молодой и талантливый, составилъ бы себѣ имя, какъ изслѣдователь древностей и писатель, но у него было сильное влеченіе играть роль въ общественной жизни и пожать лавры оратора. Совершенно такъ же, какъ и Петрарка, онъ исходилъ отъ представленія древняго Рима и съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на современныхъ ему римлянъ. Гдѣ тѣ благородные римляне, спрашивалъ онъ, гдѣ ихъ высокая справедливость? О, если бы мы могли жить въ ихъ время!—Скорбя о павшемъ и поруганномъ Римѣ, онъ горько плакалъ и трогалъ до слезъ другихъ.

Въ своихъ агитаціяхъ среди народа Кола постоянно является и поэтомъ, и восторженнымъ поклонникомъ древняго Рима. Онъ велѣлъ поставить въ Капитоліи аллегорическую картину, изображающую бурное море, по которому носится корабль безъ руля, на немъ плачущую вдову, съ распущенными волосами, скрестившую руки на груди какъ бы для молитвы, а надъ нею надпись: это Римъ! Тутъ была также Италія и другіе аллегорическіе образы. Это изображеніе Рима въ видѣ плачущей вдовы, конечно, навѣяно Дантомъ, и къ нему особенно любилъ прибѣгать Петрарка ²⁾. Священная Италія, священ-

¹⁾ Остроумные и прекрасные доводы de Rossi въ *Bulletino dell' Instituto di corr. arch. per. l'anno 1871, Roma 1871, p. 13* seg. были приняты Генцеюмъ въ *Corpus inscr. Lat. Vol. VI. P. 1. p. XV* и Горданомъ въ *Topographie der Stadt Rom im Alterthum Bd. I. Abth. I. Berlin 1878 s. 76*. Сюда же можно отнести, какъ положительное доказательство авторства Колы, слова стариннаго биографа: *tutte scritte antiche (antichi pitaffi) vulgarizzava (= publicava), queste figure di marmo guistamente interpretava*.

²⁾ Dante *Purg. canto VI*. Если оно встрѣчается и въ *Dittamondo* Уберти, то, по моему, это слѣдуетъ объяснить приивромъ Петрарки.

ный Римъ, священный римскій народъ и священная римская республика потомъ навсегда остались любимыми выраженіями Кола, хотя, по требованіямъ реторики, онъ называлъ также Римъ разбойничьимъ вертепомъ,—любимый терминъ Петрарки. Потомъ ту мѣдную доску съ *lex regia*, которымъ римскій народъ предоставилъ Веспасіану императорское полномочіе, употребленную папою Бонифаціемъ VIII при сооруженіи алтаря въ Латеранской церкви, Кола велѣлъ взять оттуда и поставить въ церкви на видномъ мѣстѣ. Онъ объяснилъ народу этотъ законъ и доказывалъ неотъемлемость его правъ, безъ сомнѣнія, имѣя въ мысляхъ побудить его къ новому предоставленію императорскихъ полномочій ¹⁾. Отъ своего восторженнаго настроенія, отъ мечтательнаго стремленія къ величію и свободѣ, въ блескѣ которыхъ представлялась ему римская республика, онъ перешелъ къ мысли о себѣ, какъ воскресителѣ этого идеальнаго міра и освободителѣ Рима и Италіи. Его разгоряченному воображенію представлялись то Брутъ и народный трибунъ, то опять Римъ, какъ влститель міра, и тогда онъ съ увлеченіемъ и пылкостью говорилъ объ Юліи Цезарѣ. Для него было неясно, гдѣ бытъ предѣлъ его ораторскихъ мечтаній и гдѣ начиналось суетное выставленіе на показъ своей собственной личности. Вотъ почему и на этой чертѣ онъ совершалъ забавныя сумасбродства.

Извѣстно, какъ Кола достигъ трибунской власти, какъ онъ возстановилъ въ Римѣ безопасность и строгую дисциплину, какъ сокрушалъ или по крайней мѣрѣ оттѣснилъ на задній планъ партіи знатныхъ родовъ, какъ послы его возвѣстили о новомъ господствѣ итальянскими республиками и другими державамъ. Это время восторженнаго упоенія живо изобразилъ намъ его старинный біографъ, и мы видимъ, какъ всѣ были веселы и исполнены радужныхъ надеждъ. Казалось, возвратилось доброе старое время, и знатные люди въ качествѣ пословъ держали рѣчи передъ трибуномъ, униженные и оскорбленные обращались къ нему, а онъ обѣщалъ всѣмъ помочь и объявилъ въ одной рѣчи, что правдиво будетъ судить міръ и народы ²⁾.

Но чтобы понять тотъ восторгъ, съ которымъ привѣтствовали начало дѣятельности Кола не только въ Римѣ и Италіи, но повсюду, куда доходила молва о немъ, мы должны принять въ расчетъ

¹⁾ Vita di Cola cap. 2. 3. Какъ онъ любилъ прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ древности показываетъ также и шутовое толкованіе бунтъ S. P. Q. R. Sozzo popolo questo romano (позорный народъ этотъ римскій). Объ этомъ разсказываетъ R a m b a l d i Comment. s. Div. Comm. Parad. c. XVI.

²⁾ Vita di Cola cap. 21. 22.

нѣкоторыя условія, которыя потеряли уже цѣну для насъ, знающихъ исходъ этихъ событій и подобныхъ имъ. Это прежде всего совершенная новость идеала, юношеская стремительность первыхъ шаговъ Колю, въ силу которыхъ онъ издали представлялся великодушнымъ поборникомъ свободы, даже спасителемъ человѣчества, а потому сіяніе римской славы, которая, какъ бы въ укоръ авиньонскимъ напамъ, блистала изъ мрака давно отжившей языческой древности. Петрарка сообщаетъ намъ, что думали и говорили объ этомъ въ самомъ Авиньонѣ: письма Колю къ папскому двору тотчасъ же списывались и распространялись, будто сошедшія съ неба; не знали, чему больше удивляться, поступкамъ ли трибуна, или рѣчамъ его. — Его называли Брутомъ, такъ какъ онъ даровалъ Риму свободу, и Цицерономъ, такъ какъ въ словахъ его отражалось благородное величіе римскаго народа ¹⁾.

Самъ Петрарка былъ самымъ громозвучнымъ глашатаемъ этихъ восторговъ. Онъ былъ изумленъ и потрясенъ, какъ человѣкъ, сладкія мечты котораго вдругъ сбылись. На его глазахъ въ эту жалкую и прозаическую эпоху возсталъ герой, о которомъ онъ мечталъ среди своихъ книгъ, и снова сдѣлалъ Римъ властителемъ вселенной. Онъ называлъ Колю третьимъ Брутомъ, Камилломъ, новымъ Ромуломъ. «Ты стоишь на высокой твердынѣ, зывалъ онъ къ нему; нѣтъ предѣловъ твоей славы ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ!» ²⁾. Петрарка видѣлъ въ новой республикѣ «улучшеніе общественнаго быта, начало золотаго вѣка, преобразование вселенной» ³⁾. Его приводила въ восторгъ и та черта, что трибунъ помѣчалъ свои письма Капитоліемъ и первымъ годомъ освобожденной республики ⁴⁾. Пожеланіе счастья, съ которымъ поэтъ обращался къ «обильному славою семихолмному городу» и его трибуну, ясно показываетъ намъ, что онъ имѣетъ дѣло лишь съ образами своей фантазіи, навѣянными чтеніемъ Ливія, и предается несбыточнымъ надеждамъ какъ зритель, смотрящій на дѣло издали ⁵⁾.

Сколь радостно было это ожиданіе, столь же горько было, конечно, разочарованіе и уныніе, когда сквозь маску древняго римля-

¹⁾ Petrarca къ Колю epist. var. 38. Apologia contra Galli cuiusdam calumnias (Opp. p. 1181).

²⁾ Epist. var. 38 отъ 1347 года.

³⁾ Epist. s. tit. Append. litt. epist. 8, ed. Fracassetti.

⁴⁾ Какъ, напр., въ письмахъ у Gaye въ Carteggio T. I p. 395, 397, 402. Если здѣсь постоянно говорится: Datum in capitulo, то это или ошибочное чтеніе или же одинъ изъ промаховъ полуобразованнаго Колю.

⁵⁾ Epist. var. 48.

нина, принятую Колою, все ясиѣе сталъ проглядывать тщеславный глупецъ, который позорилъ свое собственное дѣло смѣшными выходками. Въ годовѣ его постоянно возникали новыя мысли и планы. Древній Римъ и папскій, призраки, навѣянные Ливіемъ, и апокалипсическіе образы страннымъ образомъ мѣшались одни съ другими, какъ рядъ самыхъ противорѣчивыхъ представленій. Единая свободная Италия и Римъ владыка, народное господство и императорская власть, всемірное господство церкви и папы и въ то же время — народнаго трибуна, свобода во имя общаго міра и справедливости и при этомъ терроризмъ и обладаніе міромъ, республиканская простота и бессмысленная любовь къ пышности, сентиментальное влеченіе къ скромному семейному счастью и все попирающая, часто дѣтская заносчивость! Хотя успѣхи Кола вскорѣ остановились, однако онъ все еще ставилъ на первый планъ свою личность и старался только о томъ, чтобы украсить себя новыми титулами и почестями, окружать себя блескомъ и пышностью и давать празднества, какъ можно скорѣе получить императорскій вѣнецъ и устроить дворъ. Характеристичны тѣ эпитеты, которые онъ публично и торжественно присвоивалъ себѣ и о значеніи которыхъ часто имѣлъ самое смутное представленіе. Кола никогда не носилъ только санъ ректора города Рима, дарованный ему папою и, правда, не имѣвшій античнаго оттѣнка. Онъ назвался трибуномъ, но благо-разумно остался безъ товарищей-трибуновъ: народъ называлъ его вообще заступникомъ свободы и справедливости и признавалъ за нимъ республиканскую власть, ставившую его во главѣ города. 1 августа 1347 г. опоясался онъ рыцарскимъ поясомъ и принялъ рыцарское крещеніе въ купели императора Константина, а 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, предполагалъ вѣнчаться трибунскимъ вѣнкомъ, который, по его словамъ, всегда давался древнимъ трибунамъ. Но потомъ въ этотъ праздникъ онъ заставилъ поднести себѣ шесть вѣнковъ разомъ: изъ дубовыхъ листьевъ, пальмовый, миртовый, масличный, лавровый и изъ позолоченаго серебра ¹⁾. Онъ носилъ сенаторскій жезлъ, въ яблоко котораго былъ вдѣланъ золотой крестъ съ мощами, а въ гербѣ изображены ключи св. Петра и буквы S. P. Q. R. Онъ постоянно придумывалъ все новыя прибавленія къ своему величественному сану. Назвавъ себя Августомъ, Кола приводилъ въ свое оправданіе слѣдующія основанія папѣ Клименту VI: Св. Духъ чрезъ него въ нѣсколько дней освободилъ римскую республику, сдѣлалъ его рыцаремъ въ календы Августа, наконецъ онъ принялъ

¹⁾ Papencordt Urk. 10 p. XX.

рыцарское крещеніе въ купели Константина ¹⁾. Однако что трибунъ хотѣлъ сказать титуломъ *Tribunus Augustus*? Далѣе онъ называлъ себя кандидатомъ, конечно, потому, что любилъ одѣваться во все бѣлое. Другіе титулы служили лишь для большей торжественности. Такъ напр. Кола называлъ себя «строгимъ и милостивымъ, освободителемъ города, печальникомъ за Италію, другомъ вселенной», причемъ всѣ эти названія обращались въ постоянную официальную форму ²⁾. Случайно онъ принималъ и другіе громкіе титулы, называлъ себя напр. «трибуномъ свободы, мира и справедливости, великимъ освободителемъ священной римской республики» ³⁾. Именно въ подыскиваніи такихъ титуловъ любилъ изощрять свой умъ бывший нотаріусъ, а ему помогалъ и поэтъ, облакая въ разныя таинственныя формы отдѣльныя статьи этой пышной обрядности.

Кола самъ подготовилъ печальный поворотъ своей судьбы, когда въ упоеніи властолюбія и тщеславія сталъ домогаться и послѣдней степени земнаго величія. «Не безъ наитія Св. Духа» поручилъ онъ римскимъ законовѣдамъ опредѣлить права священнаго римскаго народа. Такъ какъ они рѣшили, что римскій сенатъ и народъ имѣютъ ту же власть надъ міромъ и юрисдикцію, какія имѣли въ цвѣтушую эпоху древняго Рима, то онъ объявлялъ, что желаетъ опять возстановить эти права. Онъ приглашалъ въ Римъ Карла IV, «который, какъ говорятъ, называетъ себя римскимъ королемъ», и курфистовъ. Кола наименовалъ всѣхъ гражданъ священной Италіи римскими гражданами и пригласилъ ихъ въ Римъ для соучастія въ выборѣ императора. Тамъ 20.000 гражданъ должны были по внушенію Св. Духа избрать въ Августы итальянца ⁴⁾. Тогда и римскій народъ былъ озадаченъ. Нѣкоторые, говоритъ біографъ Колы, теперь называли его сумасбродомъ и глупцомъ, да и самъ біографъ былъ того же мнѣнія, ибо прибавляетъ, что на лицѣ Колы всегда замѣчали довольно странную улыбку ⁵⁾.

Мы ясно видимъ, что движущею пружиною у Колы, какъ и у Петрарки, была жажда славы, раждавшаяся у того и у другаго при

¹⁾ Письмо къ Клименту VI у *Parrensordt Urk.* 6 p. X.

²⁾ *Candidatus, Spiritus Sancti Miles, Nicolaus Severus et Clemens, Liberator Urbis, Zelator Italiae, Amator Orbis et Tribunus Augustus.* Такъ называетъ онъ себя въ письмѣ къ Клименту VI, (у Папенкордта, тамъ 6 p. XI) въ одномъ публичномъ узавѣ (тамъ же, тамъ 7 p. XIII), въ посланіи къ синьоріи флорентинской у Гауе Т. I p. 398.

³⁾ У Гауе Т. I p. 53, у *Parrensordt Urk.* 1. p. 1.

⁴⁾ Посланіе во Флоренцію отъ 19-го сент. 1347-го года у Гауе Т. I p. 402.

⁵⁾ *Vita di Cola Lib.* I cap. 1. 27: *in sua bocca sempre riso appariva in qualche modo fantastico.* Нѣкоторые, по его словамъ, называли его *fantastico e pazzo.* И по словамъ *Giov. Villani*, XII, 90, разсудительные люди скоро рѣшили, *che la detta impresa del tribuno era un' opera fantastica e da poco durare.*

мысли о славныхъ подвигахъ древнихъ, затѣмъ проявлявшаяся въ тщеславіи, такъ какъ способности и возвышенность духа не соотвѣтствовали стремленіямъ. Конечно, и у Кола были минуты благороднаго увлеченія, когда онъ рѣшался трудиться лишь для общаго блага и счастья народовъ. Тогда онъ представлялъ себѣ правленіе, которое охраняетъ добрыхъ и караетъ злыхъ, оказываетъ всѣмъ равную справедливость, попираетъ тирановъ, помогаетъ бѣднымъ, печется о сиротахъ и вдовахъ, покровительствуетъ церквамъ и монастырямъ, обращаетъ заблудшихъ въ церкви, предотвращаетъ несогласія между супругами и нарушеніе святости брака и т. п. ¹⁾ Все это политическія утопіи, подобныя нравственнымъ утопіямъ Петрарки, его понятіямъ о добродѣтели и всесвѣтной мудрости. Но у Кола и сквозь эти мечтанія постоянно проглядываетъ его личность. Онъ окружаетъ себя пѣвцами и поѣтами, которые прославляютъ его и его подвиги ²⁾. Трибунъ тѣшитъ себя лестною мечтою о томъ, какъ римляне и итальянцы любятъ его и удивляются ему, даже предвѣщаютъ безсмертіе своего имени, и часто ему представляется, что великіе міра сего не столько возстаютъ противъ его республики, сколько изъ зависти — противъ его безпредѣльной славы ³⁾. Точно такъ же, какъ и Петрарка, Кола видитъ въ каждомъ противникѣ поэзіи своего личнаго врага. Петрарка во время своего поэтическаго вѣнчанія въ Капитоліи готовъ былъ отрицать завѣтное свое желаніе и показать видъ, будто обязанъ этою честью одной поэзіи. Такъ же точно и Кола. «Если я согласился быть посвященнымъ въ рыцари, говоритъ онъ, и вѣнчаться трибунскимъ вѣнкомъ, то Богъ да будетъ мнѣ свидѣтелемъ, что я принялъ званіе рыцаря не ради суетной славы. Это я сдѣлалъ лишь для возвеличенія власти трибуна и прославленія Св. Духа, внушившаго мнѣ и освятившаго своимъ именемъ мое рыцарское служеніе» ⁴⁾. Однако, лишенный власти и смиренно умоляя Карла IV о защитѣ и помощи, онъ сознался въ своей гордости, надменности, тщеславіи и честолюбивомъ стремленіи къ блеску, которыми увлекся во дни своего счастья ⁵⁾, и наконецъ по своей безхарактерности онъ зашелъ такъ же далеко, какъ и Петрарка. Кола началъ хвалиться именно

¹⁾ Papencordt Urk. 11. p. XX и Urk. 13 p. XXXVI.

²⁾ Vita di Cola Lib. I. cap. 10.

³⁾ Papencordt Urk. 12 p. XXVI. Urk. 13 p. XXXV: *quamquam multi preeminentes, in mundo illam (famam mei nominis gloriosam) extinguere sitiant ob invidiam et timorem ne videlicet nomen meum gratum in Italia atque clarum nomen eorum obscurum faciet et neglectum.*

⁴⁾ Тамъ-же. Urk. 11 p. XXII.

⁵⁾ Тамъ-же. Urk. 12 p. XXVI.

этимъ смиреніемъ и добровольнымъ отреченіемъ отъ любви къ славъ ¹⁾).

Крушеніе предпріятія, отъ котораго Петрарка ожидалъ новаго блаженства на землѣ, начала золотаго вѣка, было для него тяжкимъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ побуждалъ къ нему и что теперь это помрачало славу его мудрости. Ему тяжело было отказаться отъ сладостной мечты и помириться съ дѣйствительностью. Поэтъ получилъ копию съ одного изъ самыхъ велерѣчивыхъ и сумасбродныхъ посланій трибуна. «Я нѣмѣю, не знаю, что отвѣчать», писалъ поэтъ. «Я узнаю судьбу нашей отчизны и куда ни обращаюсь, всюду встрѣчаю поводъ для жалобы. Если Римъ сокрушатъ, что станетъ съ Италіей? А если Италія будетъ поругана, то какая будетъ моя жизнь? Пускай при этой всеобщей и глубокой скорби одни помогаютъ деньгами, другіе тѣлесными силами, иные властью, а тѣ добрыми совѣтомъ; — я не знаю, что могу дать, кромѣ—словъ» ²⁾).

Конечно, не въ характерѣ Петрарки было спѣшить въ Римъ и самому приняться за дѣло. Онъ былъ такимъ же суетнымъ мечтателемъ въ своемъ скромномъ ученомъ кабинетѣ, какимъ Кола въ своемъ фантастическомъ предпріятіи. Поэтому Петрарка и теперь совѣтовалъ ему, выражаясь безцвѣтными общими мѣстами, не отдаваться въ руки самой дурной части народа, оберегать свою доблесть и славу, избѣгать забавныхъ глупостей и т. п. ³⁾. Разъ въ одномъ письмѣ онъ далъ Колѣ совѣтъ искоренить римскихъ враговъ свободы; теперь онъ хотѣлъ видѣть причину неудачи въ томъ, что трибунъ не послѣдовалъ этому совѣту, не обезоружилъ знати и ея приверженцевъ, когда они были въ его рукахъ. Петрарка былъ очень недоволенъ бѣгствомъ Колы изъ Рима. По его мнѣнію, трибуну слѣдовало лучше умереть славною смертью въ Капитоліи, чѣмъ явиться просящимъ милости у чешскаго короля и плѣнникомъ передъ авиньонскимъ папою. Впрочемъ онъ и теперь не хотѣлъ стыдиться своихъ прежнихъ восторговъ, такъ какъ прежде думалъ принять почетное участіе въ славу Колы, когда возбуждалъ его и воспламенялъ своими письмами. Онъ не могъ презирать того, на кого возлагалъ послѣднюю надежду въ дѣлѣ

¹⁾ Онъ писалъ къ Прагскому архіепископу (тамъ-же въ Urk. 20. p. LXV): Nullus est enim hominum, qui tantum (sibi) in pompe et vane glorie presumptione detraxerit, quantum ego meis accusationibus michi ipsi, nec plura de sumptis honoribus et operibus virtuosus, quam de huiusmodi meis delictis, scripture mee undique iam redundant.

²⁾ Epist. rer. famil. VII, 5 отъ 22-го ноября 1347-го года.

³⁾ Epist. rer. famil. VII, 7, къ Колѣ отъ 29-го ноября 1347-го года.

освобожденія Италіи, который на дѣлѣ осуществилъ его завѣтную мечту. «По истинѣ,—съ сожалѣніемъ восклицаетъ онъ,—это преступленіе, стоящее креста и позорной смерти, заставившее римлянина съ прискорбіемъ видѣть свой родной городъ, по праву влестителя вселенной, рабомъ самыхъ жалкихъ людей!»—«Какое бы ни былъ конецъ, я не могу не удивляться началу!»¹⁾ Однако Петрарка ничего не сдѣлалъ для Колы, когда его привезли узникомъ въ Авиньонъ и когда онъ спрашивалъ о немъ, нища помощи. Поэтъ объявлялъ съ жалкимъ смиреніемъ и риторическими сожалѣніями, что не можетъ заступиться за него. Онъ только взывалъ къ римлянамъ, умоляя ихъ вспомнить о своей доблести и, если у нихъ осталась хоть капля прежней крови, не отречься отъ рава добытой свободы и ходатайствовать объ освобожденіи трибуна, оказавшаго имъ такъ много услугъ. Самъ онъ не прочь былъ умереть за истину, если его смерть полезна для республики²⁾.

Разумѣется, республикѣ не помогали ни вопли Петрарки, ни его готовность умереть за отечество, однако весьма любопытно, какъ поэтъ еще судорожно хватается за проигранное дѣло римской свободы. Тутъ видна та родственная черта, которая связывала его съ Болою, какъ сыновей одного времени и поклонниковъ одной идеи, такъ что удивляясь одному, нельзя съ сожалѣніемъ пожимать плечами при мысли о другомъ.

Мы должны имѣть въ виду, что было время, когда еще не была дознана на опытѣ та простая истина, что можно быть великимъ ученымъ, даже всесвѣтнымъ мудрецомъ и все таки человекомъ неспособнымъ къ политической дѣятельности, когда самая популярная власть, іерархія, постоянно вела свою политику на основаніи широкихъ теорій. Тогда, мы поймемъ, что Петрарка могъ считать себя мудрецомъ и человекомъ непогрѣшимымъ и въ государственныхъ дѣлахъ, а что еще поразительнѣе, что его могло признавать такимъ большинство. Поэтъ нисколько не разувѣрился, когда предпріятіе Колы, которое когда-то онъ восторженно привѣтствовалъ, завершилось какъ театральное представленіе; онъ самъ въ качествѣ литературнаго глшателя этой комической республики принималъ участіе во всѣхъ ея крайностяхъ и нелѣпостяхъ. Онъ остался при томъ убѣжденіи, что виною неудачи были лишь свойственныя людямъ слабости Колы. Онъ даже утѣшалъ себя тою мыслью, что постоянно совѣтовалъ умѣренность и справедливость.

1) Epist. rer. famil. XIII, 6, отъ 10-го августа 1352-го года.

2) Epist. s. tit. 4, у Fracassetti vol. III въ Appendix litt. epist. 1.

Поэтому тѣ литературныя сѣтованія, въ которыхъ онъ оплакивалъ господство трибуна, онъ серьезно считалъ достойною данью, приносимую благороднымъ римляниномъ своему отечеству.

Петрарка считалъ себя обязаннымъ на вѣки правомъ гражданства, которое дано было ему при его вѣнчаніи въ Капитоліи. Ему казалось, что по смерти трибуна Римъ взираетъ на него, какъ огорченная мать на слѣплого сына, на него возлагаетъ свою послѣднюю надежду, ожидая, что онъ заступится за нее своими мудрымъ совѣтомъ и славнымъ именемъ. Поэтому онъ сознавалъ необходимость по крайней мѣрѣ хоть словомъ бороться за свое отечество, такъ какъ не въ состояніи помочь ему дѣломъ. Папа назначилъ комиссію изъ семи кардиналовъ, которая бы возстановила и улучшила расшатанный строй римскаго общественнаго управленія. Петрарка обратился въ этой комисіи съ двумя записками, въ которыхъ съ помощію мудрости, почерпнутой у Ливія, хотѣлъ пособить этимъ прелатамъ, лишеннымъ классическаго образованія, стать на истинный путь ¹⁾.

Ни въ чемъ не обнаруживалось такъ ясно самоубѣжденіе Петрарки и его неспособность отличить дѣйствительный міръ отъ міра своихъ ученыхъ занятій, какъ въ этихъ запискахъ. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли допускать къ управленію городомъ только знать, или и простыхъ гражданъ. Петрарка прямо высказываетъ, что если хотятъ улучшить бѣдственное положеніе Рима, то нужно имѣть въ виду примѣръ той эпохи, когда городъ «изъ ничего поднялся до звѣздъ». Вотъ на какой руководящій принципъ указывалъ онъ комиссіи: нѣтъ имени полновзвучнѣе (*sonantius*) имени римской республики, и одно имя древней царицы міра должно еще внушать уваженіе и къ скорбному Риму. Римскій народъ, граждане—поэтъ не говоритъ, какіе классы разумѣетъ подъ этимъ—представляются ему древнимъ плебсомъ, а знатныхъ онъ называетъ «чуждыми тиранами», гордыми и склонными къ разбоямъ. Эта знать злоупотребляетъ слишкомъ глубокимъ униженіемъ римскаго народа и обращается съ нимъ, какъ съ плѣнными кароагенянами или кимврами. Извѣстно, что онъ не питаетъ ненависти къ фамиліи Орсини, а Колоннъ даже любитъ и уважаетъ, но ему дороже общественное благо, Римъ и Италія. Ну какъ только можно спрашивать, должны ли римскіе граждане получить доступъ въ сенатъ римскій! Напротивъ, они должны, одни или по крайней мѣрѣ преимущественно составлять его, а чужеземные аристократическіе роды могутъ быть много если терпимы въ немъ. Въ доказатель-

¹⁾ Записки отъ 18-го и 24-го ноября 1351-го года въ *Epist. rer. famil.* XI, 16, 17.

ство этого Петрарка ссылается на одно изречение Манлиа Торквата, и когда онъ ставитъ въ образецъ знати Церковной области— Валерія Публикола, Мененія Агриппу, Цинциннату, Фабриція и Курія, то римскую чернь, которая показала свою доблесть только при Колѣ ди Ріанцо, онъ смѣшиваетъ съ ливіевскимъ *populus romanus*. «Какъ можетъ римскій народъ, вослащается онъ, нѣкогда повелитель всѣхъ народовъ, не участвовать въ управленіи государствомъ въ Капитоліи, гдѣ онъ отражалъ сенонскихъ галловъ, гдѣ видѣлъ плѣнныхъ царей, влекомыхъ за триумфальной колесницей, гдѣ выслушивалъ униженныхъ пословъ иноземныхъ народовъ, гдѣ сокрушалъ выю надменныхъ гражданъ?»

Народъ Марса, никогда не имѣвшій въ мірѣ подобнаго себѣ, герои римской доблести, идущіе впереди въ свѣтѣ богини славы ¹⁾, и Сципіонъ Африканскій старшій, его избранный любимецъ между ними, все это до ослѣпленія поражало Петрарку и производило на него впечатлѣніе какого-то яркаго сіянія, которое тѣмъ скорѣе вводило его въ заблужденіе. Какъ знатокъ древности, онъ принималъ себя за непогрѣшимаго оракула, а какъ человекъ знаменитый, считалъ своимъ долгомъ въ важныхъ вопросахъ, касающихся его отечества, власть на вѣсы и свое сужденіе. Не разъ умолялъ онъ авиньонскихъ папъ возвратиться въ осиротѣлый Римъ; эти молебны принимали за отвлеченныя желанія поэта, чѣмъ въ сущности онѣ и были. Вѣдь самъ онъ не хотѣлъ жить въ Римѣ, не смотря на то, что былъ римскій гражданинъ. Не смотря на свой итальянскій патриотизмъ, онъ ради спокойствія или хлопотъ о бенефіціяхъ много лѣтъ прожилъ подлѣ тѣмъ же небомъ, въ томъ же Авиньонѣ, которымъ горько упрекалъ папъ и который называлъ самымъ ненавистнымъ мѣстомъ на всемъ земномъ шарѣ для всякаго, кто еще не долго жилъ тамъ и не успѣлъ пропитаться вавилонскимъ ядомъ ²⁾. Петраркѣ гораздо легче было бѣжать изъ этого Вавилона и удалиться въ Римъ, чѣмъ папашъ, связаннымъ разными политическими условіями!

Петрарку такъ часто прославляли, какъ патриота, и дѣйствительно, даже спустя цѣлые вѣка послѣ него никто такъ неустанно и такъ громогласно не ропталъ на бѣдствія своего отечества и не требовалъ его объединенія, возстановленія прежней славы его и господства. Но ни Италия, ни Риму онъ не принесть ни одной личной жертвы. Онъ ни разу не воспользовался своимъ вліяніемъ при дворахъ и въ республикахъ, или расположеніемъ къ себѣ владѣтель-

¹⁾ Trionfo della Fama cap. I, II, 3.

²⁾ Epist. ger. famil. XII, 11. Будто Авиньонъ сталъ такъ ненавистенъ поэту только послѣ смерти Лауры, есть ложная мотивировка. Онъ самъ всегда говоритъ только въ тонѣ патриотическаго и нравственнаго негодованія.

ныхъ особъ для того, чтобы возбудить въ нихъ сочувствіе къ своимъ политическимъ идеаламъ. Какъ тщеславный ученый и поэтъ, онъ постоянно думалъ только о собственной славѣ и хотя самъ считалъ сильнымъ орудіемъ свое слово, которымъ любилъ отзываться на общественные вопросы, но другіе принимали это слово за прекрасную поэтическую мечту и отвѣчали любезностями даже тогда, когда онъ гнѣвался и каралъ. Петрарка вѣшался въ войну Венеціи съ Генуей, какъ будто для умиротворенія достаточно однихъ хорошо расположенныхъ фразъ; въ Венеціи ему давали отвѣты лестные, но вѣжливо-уклончивые ¹⁾. Поэтъ былъ и этимъ доволенъ. Онъ не разошелся ни съ одною изъ враждующихъ сторонъ и потому поздравлялъ побѣдителей. Петрарка ограничился тѣмъ, что повѣдалъ міру свою великую политическую идею: междоусобныя войны въ Италіи должны прекратиться и общія силы слѣдуетъ употребить на борьбу съ невѣрными и на освобожденіе святой земли—идея дешевая, часто проповѣдывавшаяся папами и всегда обнаруживавшая только ихъ бессіміе.

Когда дѣло Колы погибло безнадежно, когда трибунъ томился въ пражской тюрьмѣ, Петрарка перенесъ свои политическія мечтанія на другую личность, хотя прозаическое благоразуміе ея составляло полнѣйшій контрастъ съ бреднями римскаго фантазера. Чтобы возвратить прежнюю славу Италіи и Риму, который Кола повергъ въ еще большія смуты, онъ умолялъ Карла IV предпринять походъ за Альпы, отъ котораго ожидалъ возстановленіе всемірнаго античнаго господства. Совершенно иной оборотъ приняло это дѣло, къ которому одинъ относился какъ мечтатель, а другой тѣмъ искуснѣе умѣлъ избѣжать трагическаго, или, пожалуй, забавнаго исхода. Во всякомъ случаѣ литературныя сношенія съ королемъ и императоромъ были почетнѣе, чѣмъ съ бѣднымъ нотаріусомъ, явившимся въ Авиньонѣ. Вѣроятно, на Петрарку повліялъ примѣръ Данта, хотя это не доказано. Но посланіе Данта къ Генриху VIII было политическою исповѣдью; поэтъ въ то же время обнародовалъ воззваніе ко всѣмъ италіянкамъ ²⁾. Петрарка же сближается съ королемъ больше какъ писатель, которому желательно сойтись съ высокимъ меценатомъ; онъ набивается ему и въ политическіе совѣтники, но въ частномъ письмѣ. Вѣроятно, онъ слышалъ также, что Карлъ и окру-

¹⁾ Переписка въ Lib. epist. variar. 1—4 базельскаго изданія; оба посланія Петрарки помѣщены также въ ed. Fracassetti epistt. rer. famil. XI, 8 и XVIII, 16. Сюда же относится epist. XIV, 5 къ дому и генуэзскому совѣту.

²⁾ Dantis Alligherii Epistolae cum notis Caroli Witte, Patavii 1827, p. 19, 30.

жающія его образованныя духовныя особы обнаружили замѣчательно теплое участіе къ заключенному трибуну, тоже пытавшемуся побудить его принять императорскую корону и снова возстановитъ римскую имперію. Заставляя Римъ въ образѣ сѣдовласой матроны въ раздранномъ рубищѣ держать рѣчь къ королю, въ которой она приглашаетъ его въ Италію для возстановленія свободы, онъ въ тоже время изображаетъ все величіе исторіи древняго Рима. Петрарка хвалитъ мудрость короля, но старается внушить ему высшую мудрость, представителемъ которой служитъ самъ онъ, именно стремленіе къ славѣ. Онъ льститъ ему, увѣряя, что по образованію считаетъ его не нѣмцемъ, а итальянцемъ,—онъ, который вообще любитъ проповѣдывать объ изгнаніи чужеземцевъ изъ Италіи и даже признаетъ чужеземцами Колоннъ и Орсини ¹⁾. Такъ какъ онъ больше года не получалъ отвѣта, то во второмъ письмѣ напоминалъ королю, «что полезно для его славы и для общественнаго блага ²⁾». Однако отвѣтъ, дошедшій до поэта лишь черезъ три года, былъ посланъ немедленно ³⁾. Карлъ выразилъ свое дружеское расположеніе къ славному «обитателю Геликона», но въ мягкой формѣ отклонилъ его навязчивый совѣтъ. Онъ превосходно объяснилъ ему, что теперь уже они не въ древнемъ мірѣ и не въ древней римской имперіи, что и герои той эпохи являются передъ ними въ поэтической идеализаціи. Онъ далъ понять поэту, что политикою нельзя управлять посредствомъ школьныхъ фразъ. Какъ ни любилъ Петрарка вообще стоять на своемъ, однако тотчасъ же заявилъ, что въ такихъ вопросахъ онъ не рѣшается спорить съ королемъ; впрочемъ онъ остался при своемъ мнѣніи, что свѣтъ все тотъ же, только люди стали не такъ энергичны. Ему пришла въ голову несчастная мысль сослаться на успѣхъ Колы въ доказательство того, что и въ данное время можно еще совершать великіе подвиги, особенно если вмѣсто бѣднаго трибуна во главѣ движенія станетъ король ⁴⁾.

¹⁾ Еще въ *epist. rer. famil.* XI, 19 въ Аччайоли призываетъ онъ небо на помощь. *ut corpus italicum labe barbarica purgatum medullitis agnoscam.* Извѣстно, какъ часто возвращается онъ къ этой темѣ въ своихъ стихотвореніяхъ.—Первое письмо его къ Карлу IV, *epist. rer. famil.* X, 1 очевидно вѣрнѣе отнесено к германскому и затѣмъ Пальмомъ (*Italienische Ereignisse in den ersten Jahren Karl IV, Göttingen 1873, s. 56. 60*) къ 24-му февраля 1351-го года, чѣмъ Фраассетти къ 1350-му году. Въ такомъ случаѣ нельзя отрицать отношенія къ судьбѣ Колы въ Прагѣ.

²⁾ *Epist. rer. famil.* XII, 1.

³⁾ *U De Sa de T.* II п. 34.

⁴⁾ *Epist. rer. famil.* XV, 1 отъ 23-го ноября. Конечно, мы не можемъ отнести этого письма къ 1354-му году, какъ это сдѣлалъ Фраассетти, такъ какъ Карлъ тогда уже

Послѣ подобной переписки намъ нисколько не удивительно, что Петрарку не приглашали къ участию въ политическихъ переговорахъ, когда Карлъ IV въ октябрѣ 1354 г. дѣйствительно перешелъ Альпы. Съ восторгомъ привѣтствовалъ его поэтъ, который, конечно, видѣлъ въ этомъ вліяніе своихъ посланій, и сулилъ ему вѣчную славу, хотя король явился не во главѣ войска, а лишь съ небольшою свитой придворныхъ ¹⁾). Только тогда, когда кончились переговоры съ послани въ Мантуѣ, король пожелалъ лично привѣтствовать знаменитаго ученаго и пригласилъ его къ себѣ чрезъ посланнаго. 16 декабря пріѣхалъ Петрарка въ Мантую ²⁾), былъ любезно принятъ и провелъ цѣлый день въ дружеской бесѣдѣ съ государемъ. Слѣдовало ожидать, что патриотъ воспользуется этимъ случаемъ и еще разъ сообщитъ королю свои пылкія желанія «касательно общей всѣмъ матери Итали и главы ея, Рима». Но въ сообщеніи его другу Лелію, Колоннѣ, нѣтъ рѣчи о подобныхъ политическихъ бесѣдахъ. Король оказался гораздо выше ученаго поэта по знанію людей и такту, смотрѣлъ на него лишь какъ на литературную знаменитость и, кажется, забавлялся его тщеславіемъ. Прежде всего, разумѣется, говорили о погодѣ, о сильномъ зимнемъ холодѣ. Затѣмъ король спросилъ у Петрарки о его трудахъ и пожелалъ, чтобы онъ посвятилъ ему одно изъ своихъ произведеній, всего лучше книгу *de viris illustribus*. Но она еще была далеко не кончена. Онъ съ радостью принялъ нѣсколько императорскихъ монетъ, поднесенныхъ въ подарокъ Петраркою, но, повидимому, не понялъ того, что ими въ немъ хотѣли вознѣчь стремленіе къ всемірному господству и славѣ. Король просилъ Петрарку подробно разсказать исторію своей жизни и своими вопросами внушилъ поэту пріятную мысль, что его личность хорошо извѣстна и по ту сторону Альпъ. А когда поэтъ заговорилъ о своемъ любимомъ конькѣ, объ уединеніи, котораго онъ любитъ искать въ горахъ и вѣсяхъ, а иногда, какъ теперь, и въ городахъ, то король улыбнулся. Когда же Петрарка въ долгомъ и шутиломъ спорѣ по этому поводу упомянулъ и о

былъ въ Итали. Оно относится, слѣдовательно, къ 1353-му году, и расчетъ Петрарки о трехъ годахъ не можетъ быть вѣрнымъ.

¹⁾ Epist. ger. famil. XIX, 1.

²⁾ Что извѣстіе о присутствіи Петрарки въ Удинѣ, помѣченное 14-мъ окт. 1354-го года Губеромъ въ *Regesten Karl's IX*, явилось по ошибкѣ, и что вообще эта помѣтка относится къ второму римскому походу Карла, указалъ уже *Wegunsky Der erste Römerzug Kaiser Karls IV, Innsbruck 1878. p. 2* и затѣмъ призналъ самъ Губеръ въ *Lit. Centralblatt*. И то, что разговоръ въ Мантуѣ имѣлъ мѣсто только 24-го декабря, какъ это можно заключать по датѣ epist. ger. famil. XIX, 2, кажется тоже есть резултатъ ошибки въ этой датѣ.

своей недавно изданной книгѣ объ уединеніи, то король прервалъ его. Онъ сказалъ, что знаетъ ее и если она ему попадетъ въ руки, то бросить въ огонь. Очевидно, ему казался забавнымъ этотъ философъ уединенія, который уже съ давнихъ поръ основалъ свое мѣстопробываніе у Висконти въ Миланѣ и весьма охотно пользовался милостями владѣтельныхъ особъ и знати. Вслѣдствіе тонкой любезности короля, Петрарка не замѣтилъ, какую жалкую роль игралъ онъ передъ его величіемъ, онъ, пламенный проповѣдникъ идеальной классической политики. Возвышенныя мечты Петрарки были скорѣе созданіемъ его пера, чѣмъ вождѣльнѣемъ сердца ¹⁾.

Петрарка отклонилъ отъ себя предложеніе сопровождать короля въ Римъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не былъ очевидцемъ императорскаго коронованія, чуждаго всякаго блеска, и поспѣшнаго отъѣзда коронованнаго, случившагося до наступленія ночи. Мы знаемъ, что это было слѣдствіемъ сдѣлки, заключенной нѣкогда Карломъ въ Авиньонѣ. Поэтъ, по видимому, никогда не подумалъ о томъ, что онъ вызываетъ на великій гибеллинскій подвигъ короля, обзаваннаго пошамъ. Этимъ объясняется его теперешнее безграничное разочарованіе, когда императоръ, достигшій своей ближайшей цѣли и вообще смотрѣвшій на Италію, какъ на источникъ доходовъ, спѣшилъ домой какъ бѣглець. Петрарка излилъ свою досаду въ письмѣ, наполненномъ бранныхъ укоровъ, написанномъ почти въ тонѣ инвективы ²⁾. Его часто хвалили за мужественную смѣлость, выказанную въ этомъ письмѣ. Можно было подумать, что въ это время отношенія между ними порвались навсегда, и дѣйствительно, въ ихъ перепискѣ наступаетъ шестилѣтній перерывъ. Но императоръ охотно простилъ мечтателя; онъ послалъ подарки знаменитому мужу и звалъ его къ себѣ въ Богемію. Намъ придется еще въ другомъ отдѣлѣ говорить о важныхъ послѣдствіяхъ этихъ сношеній для литературы. Здѣсь замѣтимъ только, что Петрарка и не противился призыву. И здѣсь мы съ удивленіемъ видимъ, что никакой опытъ ничему не научаетъ суетнаго мечтателя: поэтъ тотчасъ же снова начинаетъ увѣщевать императора явиться въ Италію и возстановить величіе Рима и имперіи. Его не смущало то, что онъ уже «прокричалъ все горло» по этому поводу. По истинѣ, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы снова дать міру римскаго Августа ³⁾.

1) Извѣстія объ ихъ встрѣчѣ въ *epist. rer. famil.* XIX, 3 къ Лелію-Колоннѣ отъ 25-го февраля 1355-го года. Характеристично, какъ Петрарка въ *epist.* XIX, 4 рекомендуетъ этого друга королю. Объ этихъ происшествіяхъ ср. *Friedjung* p. 299.

2) *Epist. rer. famil.* XIX, 12.

3) Новая серія воззваній къ императору начинается въ *epist. rer. famil.* XXIII, 2 отъ 21-го марта 1361 года, принятаго и *Legation*. Здѣсь опять говорится:

Подробно разсмотрѣвъ непрощенное участіе идеалюга въ дѣлахъ общественныхъ и въ дѣлахъ церкви по отношенію къ Колѣ и Карлу IV, мы можемъ обойти молчаніемъ подобныя же, но менѣе важныя случаи, о которыхъ знаемъ по письмамъ. Петрарка терпѣлъ одинаковую неудачу всегда, когда вмѣшивался въ политику, и долженъ былъ утѣшаться тѣмъ, что всё охотно признавали возвышенность его мыслей и рѣчей. Политика была дѣломъ такихъ людей, какъ кардиналъ Альборноццо, который походилъ на великихъ римскихъ государственныхъ дѣятелей, хотя, быть можетъ, никогда не читалъ о нихъ.

Каждая страница дальнѣйшаго изложенія покажетъ намъ, что римская древность не была только предметомъ изученія для Петрарки, но пропикала все его міросозерцаніе. На классическомъ языкѣ и подъ угломъ зрѣнія древности все тотчасъ же получаетъ иную окраску, и Петрарка продолжалъ бы оставаться въ этомъ неестественномъ подусвѣтѣ, словно какой повихнувшійся мечтатель или лунатикъ. Но борьба съ преданіемъ, къ которой онъ былъ призванъ, борьба внутренняя и могучее пробужденіе личнаго сознанія поддерживали равновѣсіе между его мечтами и дѣйствительнымъ міромъ.

Отличительная черта генія та, что онъ не сознаетъ во всей полнотѣ ни того вліянія, какое производитъ на окружающихъ, ни тѣхъ силъ, какія кроются въ немъ. Тотъ шагъ впередъ, который сдѣланъ имъ въ одной области, быть можетъ, не самой важной, отражается и въ другихъ, которыхъ онъ едва коснулся, и однако только въ нихъ получаетъ полное значеніе. Тамъ, гдѣ результаты очевидны и осязательны, какъ напр. въ сферѣ техническихъ изобрѣтеній, легче указать и взаимную связь. Напротивъ, умственная дѣятельность и пронагапда чисто духовныхъ стремленій не поддаются опредѣленію и въ нихъ есть нѣчто демоническое. Мы замѣчаемъ ихъ по рѣчамъ и письменнымъ памятникамъ, по мыслямъ и поступкамъ, но не всегда бываемъ въ состояніи передать на словахъ и письменно то, что думаемъ. Поэтому легко сказать, что Петрарка внесъ въ умственное броженіе новаго міра принципъ гуманизма. Но вмѣсто того, чтобы объяснить, что мы въ сущности разумѣемъ подъ гуманизмомъ, и разлагать это понятіе на его составныя элементы, мы лучше изобразимъ борьбу Петрарки со всѣми тѣми явленіями, которыя были противоположностью или помѣхою гуманизму. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы

inquam, surge iam Imperator, et clamorem urbis atque orbis te vocantis exaudi etc. Затѣмъ слѣдуютъ *epist.* XXIII, 8, 15, 21. Впрочемъ, порядокъ этихъ писемъ недостоверенъ.

ограничимся пока сферою научныхъ стремленийъ и отдѣльными отраслями науки, такъ какъ тутъ Петрарка съ особенною ясностью сознавалъ, чему слѣдуетъ положить конецъ, какъ предрасудку и пошлой рутинѣ.

Онъ смѣло, но мало по малу и съ разныхъ сторонъ приступалъ къ дѣлу. Вся ученость въ томъ видѣ, какъ ее создала схоластика, казалась ему безобразною кучею отбросковъ, въ которой не кроется ни одной золотой крупинки истины и мудрости. Поэтому она только вредитъ дѣлу, и ее слѣдуетъ удалить безъ всякихъ околичностей. Въ его глазахъ цѣнно только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ человѣку. Для него никакая ученость не имѣетъ права на уваженіе, если конечная цѣль ея не имѣетъ ничего общаго съ цѣлью человѣческой жизни. Поэтому Петрарка въ особенности полонъ презрѣнія и благороднаго негодованія тогда, когда ему приходится говорить о ремесленномъ характерѣ дѣятельности схоластиковъ. Для него совершенно невѣроятно, чтобы она могла дать пищу уму и быть избрана по влеченію. «Эти люди», говоритъ онъ, «смотрятъ на науку только какъ на средство для добыванія денегъ, какъ на продажный товаръ; даже тѣ изъ нихъ, которые посвящаютъ себя такъ называемымъ свободнымъ искусствамъ, едва лишь поступаютъ въ школу, какъ уже думаютъ о вознагражденіи. Эти мелочные торговцы продаютъ по дешевой цѣнѣ умъ и даръ слова, поэтому достойны большаго презрѣнія, чѣмъ морякъ или земледѣлецъ, которые пользуются для наживы только своими руками и физической силой ¹⁾». Петрарка осмѣиваетъ степени магистра и доктора, которыя просто въ силу громкихъ титуловъ вдругъ превращаютъ глупца въ кичливаго мудреца ²⁾. Университеты, на его взглядъ, притоны много думающаго о себѣ невѣжества. Если онъ при случаѣ почтительно называетъ славный парижскій университетъ «матерью учености», или «великимъ университетомъ», то лишь въ тотъ моментъ, когда послѣдній предложилъ ему вѣнокъ поэта, такъ что онъ не могъ умалять его достоинства, не умаляя своего собственного ³⁾.

Истинный ученый для него человѣкъ стремящійся, а наука — помощница добродѣтели. Поэтому онъ полагаетъ, что историкъ, философъ, поэтъ и богословъ должны соединяться въ одномъ лицѣ. Схоластикъ старается по возможности рѣзко разграничить научныя области, а Петрарка, какъ гуманистъ, стремится слить ихъ въ

¹⁾ *Ver. memorand. Lib. I Opp. p. 456*: de vita solitaria lib. 1. sect. IV. ep. 1. et al.

²⁾ *De vera sapientia Dila, I (Opp. p. 365)*.

³⁾ *Epist. rer. famil. IV, 5. 6.*

одно цѣлое, какъ мощное орудіе человѣческаго образованія. Если кто нибудь спроситъ его, какую отрасль онъ изучаетъ, то онъ отвѣтитъ, что желаетъ быть не знаткомъ, но скромнымъ поклонникомъ только одной науки, стремиться къ ней, но не обладать ею, и это—наука, совершенствующая его. Далѣе онъ вообще называетъ ее «добродѣтелью и истиною¹⁾».

Эту мѣрку Петрарка прилагаетъ къ научнымъ стремленіямъ другихъ и показываетъ ихъ ограниченность или ничтожество. Грамматикъ, по его словамъ, строго держится законовъ языка, но какъ легко онъ относится къ вѣчнымъ Божескимъ законамъ! Поэтъ скорѣе готовъ сдѣлать промахъ въ жизни, чѣмъ въ стихахъ. Историкъ заботится о дѣяніяхъ государей и народовъ, но не можетъ отдать отчета въ своемъ собственномъ кратковременномъ существованіи. Ариаметикъ и геометръ все хотятъ пересчитать и измѣрить, только не знаютъ, что дѣлать съ своей душою. Музыканты совсѣмъ отдались своимъ звукамъ, но не пекутся о гармоніи своихъ поступковъ. Астрономы вычисляють по звѣздамъ, что произойдетъ съ городами и государствами, но не обращаютъ вниманія на то, что дѣлается съ ними самими въ повседневной жизни. Они напередъ видятъ затмѣніе солнца и луны, но не замѣчаютъ затмѣнія своего собственнаго ума. Философы изслѣдуютъ основную причину всѣхъ вещей и не знаютъ ничего о Богѣ Творцѣ; они изображаютъ добродѣтели, но не слѣдуютъ имъ на дѣлѣ. Богословы стали діалектиками, если только не софистами; они не хотятъ быть любящими сынами Бога, а знатоками науки о немъ, да и то лишь казаться такими. Даже тѣ, которые избирають предметомъ своего изученія краснорѣчіе—въ этомъ случаѣ Петрарка не исключаетъ и себя,—конечно, остерегаются употреблять въ рѣчи нелитературныя и пошлыя выраженія, однако не боятся пошлости въ жизни. «О если бы ты зналъ, восклицаетъ онъ при этой мысли, обращаясь къ другу, — какое страстное влеченіе овладѣваетъ мною, какъ горитъ во мнѣ желаніе поучать и подробно говорить объ этомъ²⁾».

Это-то пылкое желаніе, это-то неустанное стремленіе и показываетъ намъ умъ Петрарки во всей его высотѣ. Когда же онъ дѣйствительно принимается подробнѣе развивать и обосновывать это высшее ученіе, которое съ такою многообъщающею силою просилось наружу, то онъ или затрудняется или впадаетъ въ суетное многорѣчіе. Однако мы сначала изобразимъ его борьбу съ отдѣль-

¹⁾ Epist. rer. senil. XII, 2 (Opp. p. 1004).

²⁾ Epist. rer. famil. XVI, 14. Часть вышеприведенныхъ словъ живо напоминаетъ слова Августина (Confess. Lib. I. cap. 18. 19)

ными отраслями науки, которые считались наиболее важными въ университетахъ, или вообще по мнѣнію людей. Правда, тутъ онъ скорѣе являлся полемическимъ писателемъ, чѣмъ преобразователемъ; онъ судилъ рѣзко, запальчиво и односторонне. Но примемъ во вниманіе, что прежде, чѣмъ приступать къ постройкѣ новаго зданія, всегда сначала нужно убрать ненужный мусоръ, что скептицизмъ всегда предшествуетъ самостоятельному изслѣдованію и одинъ человекъ, конечно, можетъ выступить обновителемъ науки вообще, но не всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Петрарка не всегда велъ эту борьбу въ особыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ специальною цѣлью нападать. Она проходитъ чрезъ всѣ его произведенія; въ особенности его трактаты и письма проникнуты духомъ этой непрерывной мелкой войны. Мы видимъ и здѣсь его стремительные порывы, видимъ, какъ онъ, то серьезно нападая, то съ шутливою улыбкою и торжественнымъ укоромъ идетъ постоянно къ одной цѣли.

Прежде всего онъ зоветъ къ суду астрологовъ, алхимиковъ и всѣхъ тѣхъ обманутыхъ обманщиковъ, которые утверждаютъ, что съ помощію своего искусства могутъ узнать будущую судьбу человека или вывѣдать у природы ея тайны. Быть можетъ, неутомимое повтореніе однихъ и тѣхъ же нападокъ, направляемыхъ противъ нихъ, вызоветъ у насъ улыбку, и конечно, то, что онъ говорилъ, для насъ—общія мѣста. Но онъ говорилъ это въ такое время, когда придворный астрологъ принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся ученыхъ, когда въ Болоньѣ и Падуѣ открыты были особыя кафедры для этой науки, когда Церковь еще не осмѣливалась строго отдѣлять отъ вѣры восточную тауматологию, проникшую въ науку и жизнь вслѣдствіе общеній съ востокомъ, когда эта Церковь сама еще раздѣляла это суевѣріе и считала его фикціи за реальности, хотя осуждала и карада ихъ, какъ наважденіе злаго духа, когда еще ей нуженъ былъ міръ злыхъ духовъ, какъ противоположность ея искупающей силѣ. Тогда, безъ сомнѣнія, нужно было много мужества, для того чтобы такъ безошадно и безусловно клеймить обманъ и суевѣріе, какъ это дѣлалъ Петрарка. Хотя послѣдніе существовали еще цѣлые вѣка, все таки гуманизмъ неотложно взялъ на себя задачу борьбы съ ними, какъ наслѣдіе своего праотца, и довелъ ее почти до конца.

Не обращая вниманія на разнообразныя отношенія Церкви къ суевѣрнымъ взглядамъ, Петрарка въ своей полемикѣ опирается отчасти на древность, а главнымъ образомъ на то свободное возрѣніе, какое выработалъ его умъ. Онъ зналъ, что уже и образованные римляне, какъ напр. Цицеронъ, относились съ презрѣніемъ къ суевѣрію простаго народа. Августинъ ратовалъ противъ него

вооруженный догматическими и философскими доводами ¹⁾. Петрарка не могъ придавать вѣры разнымъ гаданіямъ, оракуламъ и изреченіямъ Сивиллы, о которыхъ читалъ у Ливія. Примѣненіе къ нимъ критики изошрило его умъ для разоблаченія всякихъ подобныхъ шарлатанствъ, встрѣчавшихся ему въ жизни. Но съ другой стороны во всемъ этомъ онъ уже видитъ не наважденіе злаго духа, а только обманъ и глупость, подобно Цицерону. Петрарка полагаетъ, что вѣрить въ нихъ недостойно разумнаго человѣка, а тѣмъ болѣе философа. Онъ отвергалъ даже на раціональныхъ основаніяхъ вѣру въ предчувствія и сны. Однажды ему явился во снѣ самый дорогой другъ его, Джіакомо Колонна, епископъ Ламбезскій, блѣдный какъ мертвецъ, а чрезъ 25 дней спустя это сновидѣніе оказалось фактомъ. Онъ все таки не хотѣлъ вѣрить въ сны и полагалъ, что съ нимъ было тоже, что съ Цицерономъ, сонъ котораго случайно сбылся. И такъ, чтобы разоблачить шарлатанство и преодолѣть легковѣріе, Петрарка обращался только къ здравому человѣческому смыслу, который выводитъ уроки жизни изъ повседневнаго опыта. Астрологи, по его словамъ, не знаютъ, что происходитъ на небѣ, но настолько безстыдны, что прикидываются знающими, да и къ какой же наглой лжи они прибѣгаютъ, чтобы поддержать уваженіе къ себѣ! Они говорятъ такія вещи, которыя знаетъ одинъ Богъ, и скорѣе готовы болтать вздоръ, чѣмъ сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Людямъ достойнымъ, а въ особенности такимъ, которые могутъ похвалиться научнымъ образованіемъ, стыдно было бы придавать значеніе ихъ плутовству и тревожиться, если напр. они по продолжительной конъюнктурѣ Марса съ Сатурномъ предскажутъ великое бѣдствіе. Только глупая чернь всегда хлопочетъ о томъ, что таится въ будущемъ. Есть единое Существо, управляющее какъ звѣздами, такъ и людьми; отъ Его благой десницы должны мы ожидать нашей судьбы и принимать ее; такъ учить св. Писаніе. А слѣпаго рока не существуетъ. Съ особеннымъ торжествомъ рассказываетъ Петрарка о томъ, какъ онъ однажды заставилъ миланскаго придворнаго астролога сознаться, что обо всемъ этомъ въ сущности онъ думаетъ такъ же, какъ и Петрарка, но принужденъ зарабатывать себѣ средства къ жизни своимъ искусствомъ ²⁾.

¹⁾ Петрарка повторяетъ ихъ воззрѣнія и приводимыя ими основанія въ *epist. rer. famil.* III, 8. Сюда же относятся *Reg. memorandum. lib. IV cap. 3, 4, 8.*

²⁾ *De remed. utr. fortunae lib. I. dial. 111, 112; epist. rer. semil. I, 6. III, 1. et al.* Любопытно знать, кто изъ современниковъ Петрарки стоялъ на его сторонѣ въ такой борьбѣ. Болѣе другихъ, можетъ быть, Джовани Виллани, но какъ слабы его нападки на астрологическую науку какого-нибудь Чекко д'Асколи (*Chronica X, 40*).

Отъ астрологовъ, вся наука которыхъ есть чистое шарлатанство, оставался одинъ шагъ до врачей, которые, дѣйствительно, оказались такими же шарлатанами. Петрарка любилъ выставять дѣло въ такомъ свѣтѣ, будто врачи первые раздражили его, отзываясь неуважительно о поэзии. А въ дѣйствительности ссору затѣялъ онъ самъ. Во время болѣзни папы Климента VI онъ безъ всякаго повода написалъ ему письмо, въ которомъ предостерегалъ отъ лѣкарей, какъ невѣжественныхъ обманщиковъ ¹⁾). Папскому лейбъ-медику показалось страннымъ, что Петрарка вмѣшивается въ такое дѣло, въ которомъ ничего не знаетъ: пусть поэтъ остается при своемъ живомъ ремеслѣ. Петрарка написалъ противъ него тѣ четыре книги своихъ инвективъ, которыя заслуживаютъ нашего вниманія какъ первыя произведенія новаго времени въ этомъ родѣ ²⁾). Онъ сталъ защищать поэзію тѣми доводами, которые мы изложили выше, а на практикѣ врачей напалъ съ язвительными глумленіемъ и самъ себя льстил надеждою, что «навсегда уничтожилъ своего врага». Своимъ пронизательнымъ взглядомъ онъ, дѣйствительно, подмѣтилъ много смѣшнаго въ ихъ дѣятельности: болтовню насчетъ пульса, разныхъ снадобій, критическихъ дней и чудодѣйственной силы несчетнаго множества ихъ средствъ. Онъ былъ столь знаменитъ, что его смѣлыя нападки обратили на себя вниманіе. Въ Авиньонѣ онъ часто спорилъ съ лейбъ-медиками папъ и кардиналовъ, а они всегда платили ему презрительными отзовами объ его искусствѣ, поэзии. Чѣмъ болѣе раздражали его, тѣмъ рѣзче становились его взгляды на медицину. Петрарка проводилъ ихъ и въ жизни и проповѣдывалъ въ своихъ сочиненіяхъ съ такимъ жаромъ, что могло показаться даже страннымъ. Уже въ старости, когда поэтъ не шутя сталъ прихварывать, онъ любилъ хвалиться тѣмъ, что не допускаетъ къ себѣ врачей, а если по какимъ нибудь соображеніямъ и принимаетъ ихъ, то не слѣдуетъ ихъ наставленіямъ ³⁾).

Но въ личныхъ отношеніяхъ и имъ руководилъ по малой мѣрѣ настолько же и капризъ, насколько убѣжденіе. Важнѣе тѣ доводы,

1) *Epist. rer. famil.* V, 19 отъ 13-го марта 1352-го года.

2) Эти *Libri IV Investigatum contra medicum quendam* (*Opp.* p. 1200—1233) были, навѣрно, написаны постепенно во время спора. Въ *epist. rer. famil.* XII, 5 отъ 18-го января 1352-го года, гдѣ говорится о болѣзни папы, не упоминается еще о письмѣ противъ его медика; о немъ заходитъ рѣчь въ *epist.* XV, 5 и 6 отъ 3-го и 17-го апрѣля 1352-го года. Последняя инвектива помѣчена 12-го іюля (1352?). Папскимъ лейбъ-медикомъ по предположенію Де Сада былъ Жанъ д'Алаишъ или Гвидо де Шоліанъ.

3) *Cf. epist. rer. famil.* XII, 2. XIV, 8 et al. Однако онъ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нѣсколькими знаменитыми врачами, имена которыхъ Фракассети приводитъ въ примѣчаніи въ *epist. rer. famil.* XXII, 12.

которые онъ выставляетъ противъ практики врачей. Конечно, онъ не зналъ ихъ науки, однако для него было ясно, что до его времени она не была наукою, а потому или должна сознаться въ своемъ бессиліи, или искать новыхъ путей. И въ этой области онъ первый отнесся съ невѣріемъ къ старой системѣ. Поэтому Петраркѣ принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи медицины. Всего прямѣе высказывается онъ тогда, когда вообще не нападаетъ на ненавистное сословіе шарлатановъ въ насмѣшливомъ полемическомъ тонѣ, а сдержанно выражаетъ свое мнѣніе уважаемымъ друзьямъ, какъ напр. знаменитому врачу и физику Джіованни де' Донди. Онъ вовсе не отрицаетъ существованія медицинской науки, но не можетъ допустить, чтобы современные ему врачи или ихъ предшественники знали ее. По его мнѣнію, и древніе въ этомъ случаѣ не оказываютъ помощи; мы вѣдь не знаемъ, какъ собственно лѣчили Гиппократъ, а Галену, какъ хвосту, нельзя особенно довѣрять, и вообще греческіе врачи не могутъ лѣчить больныхъ, живущихъ въ другой странѣ, такъ какъ природа ея другая. Арабскіе медики, на его взглядъ, заслуживаютъ полнѣйшаго презрѣнія. Если древніе врачи не удостоиваются его почета, то откуда же взяли свои знанія новые? Въ его глазахъ они очень близко подходятъ къ астрологамъ, занимаются лживымъ и къ тому же грязнымъ ремесломъ и сущіе шарлатаны; имъ бы слѣдовало сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Они злоупотребляютъ легковѣріемъ и любовью къ жизни глупой толпы, которая съ уваженіемъ относится къ ихъ таинственнымъ приемамъ и словамъ и считаетъ ихъ варварскія названія лѣкарствъ греческою мудростью. Когда они приводятъ афоризмы Гиппократа, которыхъ не понимаютъ, то берутъ на себя такой гордый видъ, будто у нихъ небо подъ ногами и всѣ тайны природы открыты имъ. Петрарка не вѣритъ и въ ихъ опытность, потому что силы природы слишкомъ глубоко скрыты. Притомъ, по его мнѣнію, слишкомъ заботиться о поддержаніи жизни противно религіи и философіи. Слѣдуетъ жить согласно съ природою, а если она не помогаетъ, положиться на Бога, а не на Гиппократа и уже никакъ не на его невѣжественныхъ учениковъ, которые, уморивъ челоука, требуютъ еще за это большихъ денегъ.

На практикѣ съ этимъ стоицизмомъ случались часто странныя вещи. Больному Мауфредо Піо, владѣтелю Капри, Петрарка рекомендовалъ отличнаго врача, а кромѣ того прислалъ одно, по его мнѣнію, хорошее средство, котораго не могъ прописать никакой Гиппократъ, именно — совѣтъ поручить себя Богу и твердо перенести физическія страданія, даже смерть. Между прочимъ самъ онъ въ случаѣ болѣзни, помимо своей философіи, обращался и къ врачамъ.

Когда въ Миланѣ начала обнаруживаться чума, то онъ съ высоты своего стоицизма поучалъ одного врача, что не слѣдуетъ бѣжать отъ смерти, такъ какъ она вездѣ можетъ постичь человѣка. Поэтому онъ намѣренъ спокойно ожидать той участи, какая назначена ему свыше. Однако, когда чума началась, то поэтъ не выдержалъ и удалился сначала въ Падую, а потомъ въ Венецію ¹⁾.

Кромѣ медицины и правовѣдѣніе было тоже выгодной наукой, и одно это уже давало Петраркѣ поводъ относиться къ ней съ презрѣніемъ съ заоблачныхъ высотъ своей философіи. По его сочиненіямъ не замѣтно, что онъ самъ семь лѣтъ изучалъ права, хотя по принужденію и съ неохотою. По видимому, единственнымъ плодомъ его университетскихъ занятій было отвращеніе къ этой наукѣ и вслѣдствіе этого болѣе глубокое убѣжденіе въ своемъ гуманистическомъ призваніи. Однако къ изученію права и къ юристамъ онъ относился мягче, чѣмъ къ медицинѣ и врачамъ. Или воспоминаніе о годахъ подневольныхъ занятій было такъ непріятно для него, что не хотѣлось и думать о нихъ, или онъ не выяснилъ себѣ своего взгляда. Однако онъ принималъ близко къ сердцу, что древніе римляне такъ высоко цѣнили изученіе права. Притомъ гражданское право Италиі, хотя и искаженное, все таки была наука, покоившаяся на древней основѣ, и гражданская жизнь не могла обойтись безъ судейскихъ рѣшеній. Петрарка не особенно глубоко проникъ въ эту область. Онъ не могъ отдѣлать историческаго взгляда отъ практики и понять ихъ необходимую связь. Поэтъ былъ того мнѣнія, что цвѣтущая эпоха изученія римскаго права совпадаетъ съ высшимъ развитіемъ краснорѣчія при Цицеронѣ, а потомъ дѣло ограничилось простымъ знаніемъ права. Петрарка едва ли былъ знакомъ съ римскими специалистами права, цѣнить которыхъ и по отношенію къ языку училъ впоследствии Валла. Онъ, вѣроятно, никогда не видалъ Юстиніанова кодекса и всегда говорилъ только о той юридической наукѣ, которая въ то время преподавалась въ университетахъ. Ее-то и называлъ поэтъ крайне растянутой, запутавшейся въ тонкостяхъ казуистики. На законниковъ и адвокатовъ своего времени онъ смотритъ съ презрѣніемъ, потому что они не доискиваются происхожденія права и законовъ и заняты только практическою стороною своей науки, ведущей прямо къ

¹⁾ Epist. rer. famil. IX, 1; XXII, 12. Epist. rer. senil. XII, 1. 2. V, 4. XV, 3 et al. Все, что высказано Петраркой по поводу медицинскон науки и врачей, приведено въ порядокъ и систематизировано, вслѣдствіе чего, конечно, получило слишкомъ методическій характеръ, въ статьѣ H e n s c h e l, Janus. Zeitschrift für Gesch. und Literatur der Medicin Bd. I. Breslau, 1846 p. 183.

наживѣ¹⁾. Это, по мнѣнію его, унижительно. Петрарка думаетъ, что самъ онъ могъ бы сдѣлаться великимъ юристомъ, чего когда-то желали его родители, но для него было невыносимо—унижать свои таланты ремесленнымъ занятіемъ²⁾. Поэтъ вступилъ на стезю славы. Знаменитымъ юристамъ своего времени онъ предсказываетъ, что о нихъ скоро позабудутъ. Съ величайшимъ изъ нихъ, декреталистомъ Джіованни де Андреа, составлявшимъ гордость Болоньи, онъ началъ борьбу еще въ раннихъ лѣтахъ. Онъ охотно признавалъ его первымъ въ своей наукѣ, даже смотрѣлъ на него когда-то съ благоговѣніемъ. Но поэтъ горячо оспаривалъ универсальное образованіе, какое приписывали прославленному юристу, и указывалъ на рядъ недѣлностей и ошибокъ, въ которыя онъ впалъ въ сферѣ древности. Именно Джіованни предпочиталъ Валерія Максима всѣмъ другимъ писателямъ по нравственной философіи, относилъ Платона и Цицерона къ числу поэтовъ, Эннія и Стація считалъ современниками и т. п. Похвалбу одною памятію поэтъ считалъ ребячествомъ³⁾.—Петрарка не цѣнилъ и юридическую практику, хотя необходимую для государства. Онъ указывалъ на ежедневный опытъ, который, по его мнѣнію, былъ не согласенъ съ нравственностью. Петрарка находилъ, что практика права искажена людскою безсовѣстностью, и желалъ, чтобы господствовало то человѣческое право, о которомъ говорили древніе философы. Онъ лишь немногими чертами указалъ здѣсь на ту область полемики, которая была тщательно разработана его послѣдователями.

Всего сильнѣе долженъ былъ вооружиться гуманизмъ противъ начала, прямо противоположнаго ему, именно схоластической философіи, отрѣшенной отъ жизни и практическаго примѣненія. До этого корня Петрарка дошелъ постепенно, такъ какъ его вниманіе сначала привлекли и вызвали на борьбу области знанія, тѣсно связанная съ жизнью, Если діалектика была постояннымъ орудіемъ его противниковъ, то ему или слѣдовало научиться владѣть ею, или выбить орудіе изъ рукъ врага. Онъ полагалъ, что благодаря своему риторическому искусству будетъ въ состояніи сдѣлать послѣднее. Діалектика, по его толкованію, можетъ быть превосходнымъ упражненіемъ для юношескаго ума, подобно тому, какъ ребенокъ упражняетъ свои тѣлесныя силы сначала въ играхъ; діалектика есть

1) Подробнѣе всего онъ говоритъ объ этомъ въ *epist. rer. famil. XX, 4* къ генуэзцу Марко Портинари отъ 1356-го или 57-го года.

2) *Epist. rer. famil. XXIV, 1.*

3) *Epist. rer. famil. IV, 15, 16* къ Джіованни де Андреа. Смѣшеніе Стація Цецалія, котораго тотъ называлъ современникомъ Эннія, съ Паппіемъ Стаціемъ, ведетъ свое начало впрочемъ отъ Вальтера Борлея.

средство, а не цѣль, и старый кропатель силлогизмовъ въ высшей степени забавенъ. Одинъ такой кропатель дѣйствительно вооружился противъ Петрарки и объявилъ, что поэзія и реторика самыя бесполезныя изъ всѣхъ искусствъ ¹⁾). Такъ началась борьба Петрарки съ цѣлою системою. Съ этихъ поръ онъ смотрѣлъ на себя какъ на Сократа, разоблачающаго суетную мудрость софистовъ. Въ прославленныхъ теоретикахъ философіи онъ видѣлъ просто гаупцовъ, которые сѣдуютъ въ игрѣ словами, совершенно забывая о понятіяхъ, ими выражаемыхъ, которые суетно и надменно вращаются въ пустомъ кругѣ съ своими безплодными умозрѣніями и преніями и вызываютъ удивленіе лишь у глупцовъ ²⁾). Истинная философія выступаетъ скромно и указываетъ путь къ блаженству; предметъ ея—не голыя понятія, а нравственный человекъ и жизнь; она ведетъ мудраго въ пристанище высшаго бытія. Какъ мы видимъ, конечною цѣлью всякой философіи для него служить нравственность. Истинный философъ, по его понятіямъ, тождественъ съ истиннымъ христіаниномъ ³⁾).

Щитомъ, которымъ прикрылись противники Петрарки, былъ, разумѣется, Аристотель, прославленное имя, которому еще никто не отважился отказать въ благовѣніи. И такъ поэтъ, поклонникъ древности, въ этомъ случаѣ былъ сбить съ позиціи тою же древностью. Въ высшей степени любопытно слѣдить, какъ онъ силится обойти это возраженіе и наконецъ смѣло выступаетъ противъ этого великаго имени съ другимъ именемъ. Именно въ тѣ годы, когда онъ писалъ инвентивы противъ врачей, онъ обвинялъ своихъ противниковъ прямо въ томъ, что они не понимаютъ Аристотеля и ложно толкуютъ его. Но самъ Петрарка зналъ его въ такомъ же искаженномъ видѣ, какъ и они, и навѣрное, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ университетъ, никогда не занимался философіей, преподающей тамъ. Однако онъ зналъ, что въ руководствахъ излагается не чистое ученіе Аристотеля, а переработка его, и въ безчисленныхъ дополненіяхъ и поясненіяхъ къ ней едва ли можно узнать древняго писателя. Онъ зналъ также и то, что въ этомъ принимали участіе арабскіе и еврейскіе комментаторы, въ особенности Аверроэсъ, и этого было довольно, чтобы у него разъигралась желчь. Петраркѣ тотчасъ же пришли на мысль

¹⁾ Epist. rer. famil. I, 6. 11.

²⁾ De remed. utr. fort. Praefat. (Opp. p. 2); de contemptu mundi Dial. I (Opp. p. 379) et. al.

³⁾ Invect. c. medicum. Lib. II (Opp. p. 1212. То же самое въ другихъ мѣстахъ этого сочиненія. Epist. rer. famil. XVII, 1.

арабскіе врачи, грубые язычники, закоренѣлые евреи, ярые гонители Христа и т. п. Современемъ и на Аристотелѣ, едва знакомомъ ему, должна бы отозваться та ненависть, какую онъ питалъ къ Аверроэсу, еще менѣе знакомому. Только о первомъ онъ говорилъ сдержанно, а арабовъ, аверроистовъ и послѣдователей Аристотеля поносилъ съ своею обычною запальчивостью. Но при этомъ онъ долженъ былъ сознаться въ душѣ, что его нимало не увлекали и тѣ сочиненія Аристотеля, какія онъ читалъ въ переводѣ, правда, сомнительной вѣрности. Поэтъ колебался, желалъ вполне высказать свое мнѣніе объ Аристотелѣ и однако боялся близко подойти къ нему. Все это ясно видно въ сочиненіи О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей, направленномъ противъ той секты, которая чтитъ Аристотеля, какъ бога. Въ этомъ сочиненіи Петрарка два раза мѣняетъ свою точку зрѣнія. Онъ рассказываетъ намъ, какъ онъ вывертывался, когда его противники выставляли въ спорѣ какое нибудь положеніе Аристотеля, какъ непреложную истину. Именно Петрарка или шутками старался отклонить бесѣду отъ этого вопроса, или вообще говорилъ, что Аристотель, конечно, былъ великій человекъ съ большими свѣдѣніями, но все таки человекъ, а потому многого не зналъ ¹⁾. Его противники, заклятые сторонники логики, считали краснорѣчіе занятіемъ недостойнымъ серьезнаго человекъ и даже готовы были поставить его въ укоръ Аристотелю, оказись оно у него. Поэтому Петрарка вдругъ объявилъ, что Аристотель выражается пріятно и благозвучно, а его поклонники, лишенные вкуса, сдѣлали его рѣчь шероховатою и грубою ²⁾. Наконецъ, продолжая полемику и сильно разсердившись на своихъ противниковъ, поэтъ все таки высказываетъ свое настоящее мнѣніе. Ради свидѣтельствъ древнихъ, особенно Цицерона, онъ, пожалуй, готовъ допустить, что Аристотеля на его родномъ языкѣ легко и пріятно читать, но долженъ сознаться, что не особенно хорошъ слогъ его произведеній въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они дошли. Правда, и Аристотель учить, что такое добродѣтель, но не съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ, какъ Цицеронъ, или Сенека, и не такъ глубоко ненавидитъ порокъ. Конечно, онъ знаетъ, что послѣдователи Аристотеля обвиняютъ его въ ереси за это смѣлое мнѣніе, но онъ долженъ его высказать ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій Петрарка выражается еще откровеннѣе объ Аристотелѣ. Онъ рѣшается выступить противъ

¹⁾ De sui ipsius et multorum (s. aliorum) ignorantia (Opp. p. 1149).

²⁾ Dulcis ac suavis, sed ab his scaber factus Aristoteles. *ibid.* p. 1143.

³⁾ *Ibid.* p. 1159.

«неистойой толпы» поклонниковъ Аристотеля и «не слѣдовать общему заблужденію»: въ величіи его ума нельзя сомнѣваться, но можно сомнѣваться въ краснорѣчіи; по крайней мѣрѣ «его нѣтъ и слѣда» въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ ¹⁾).

Подобный взглядъ составляетъ эпоху въ исторіи наукъ, какъ битва народовъ въ исторіи государствъ. Петрарка, высказывая его, выступалъ не только противъ отдѣльнаго противника или одной школы, но противъ авторитета, признававшася цѣлыми вѣками, на который никто еще не нападалъ. Ударъ былъ нанесенъ не одному Аристотелю, но въ то же время Церкви и всей средневѣковой системѣ.

Въ противовѣсъ Аристотелю Петрарка возвысилъ Платона. Тутъ было еще менѣе знанія, и почти все дѣлалось по инстинкту. Поклонники Аристотеля были весьма невысокаго мѣрѣнія о Платонѣ, или, по крайней мѣрѣ, такъ мало знали его, что воображали, будто онъ не написалъ ничего или какія нибудь два неважныхъ сочиненія. У Петрарки было около шестнадцати его сочиненій, но всѣ— на греческомъ языкѣ и стояли на полкахъ его библіотеки подобно книгамъ Сивиллы ²⁾). Однажды Боккачіо хотѣлъ было похлопотать объ ихъ переводѣ, но скоро убѣдился, что доброе намѣреніе не есть еще «возможность». Самъ Петрарка при случаѣ хотѣлъ показать видъ, будто изучалъ Платона и остановился только потому, что уѣхалъ его греческій наставникъ Барлаамъ. Быть можетъ, онъ заставлялъ послѣдняго объяснять себѣ нѣкоторыя мѣста. Мы вѣдь знаемъ, какъ еще далеко ему было до того, чтобы понимать Платона на греческомъ языкѣ ³⁾). Своими свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ его онъ обязанъ Цицерону и Августину ⁴⁾). Поэтому и его представленіе о великомъ афинянинѣ было крайне смутно и отрывочно. Но Петрарка зналъ, что схоластики обыкновенно ругаютъ его—аргументъ, уже сильно говорящій въ пользу греческаго философа,—что Цицеронъ, Сенека, Апулей, Плотинъ, Амвросій и Августинъ высоко цѣнили его, что уже въ древности его называли божественнымъ ⁵⁾). Этого съ него достаточно. Если онъ не хотѣлъ быть судьей по

¹⁾ Reg. memorand. Lib. II (Opp. p. 466).

²⁾ De sui ips. et mult. ignorant. (Opp. p. 1162).

³⁾ Въ *Dialogus II de contemptu mundi* Августинъ обращается къ нему съ рѣчью: — *et haec ex Platonis libris tibi familiariter nota sunt, quibus avidissime nuper incubuisse diceris. Онъ отвѣчаетъ: Incubueram fateor alacri spe magnoque desiderio, sed peregrinae linguae novitas, et festinata praecceptoris absentia praeciderunt propositum meum.*

⁴⁾ Объ этомъ см. также *Hortis M. T. Cicero* p. 62.

⁵⁾ *Epist. reg. famil. XVIII, 2.*

вопросу, кто выше, Платонъ или Аристотель ¹⁾, все таки вопросъ этотъ давно рѣшенъ имъ. Въ другихъ случаяхъ онъ прямо называетъ Платона первымъ изъ философовъ, признаетъ за нимъ главенство, увлеченъ «божественнымъ потокомъ его рѣчи», а философовъ-теоретиковъ, противящихся его славы, называетъ плебеями и лавочниками ²⁾. Онъ даже готовъ согласиться съ новыми греками, которые вообще не пользуются его уваженіемъ, такъ какъ они чтутъ Аристотеля за богатство его свѣдѣній, а Платону удивляются, какъ божественному, по возвышенности его ума ³⁾. И въ Торжествѣ славы Платонъ выступаетъ первымъ въ ряду философовъ, какъ прежде всѣхъ достигшій великой цѣли, начертанной свыше; Аристотель слѣдуетъ уже за нимъ ⁴⁾. А такъ какъ блаженный Августинъ былъ того мнѣнія, что изъ философовъ Платонъ ближе всѣхъ подошелъ къ христіанству, то такой приговоръ окончательно утвердилъ Петрарку въ его воззрѣніи.

И здѣсь насъ поражаетъ не сужденіе Петрарки, которое онъ развилъ слишкомъ слабо, а скорѣе даръ предвидѣнія, гениальное указаніе пути. Нуженъ былъ цѣлый вѣкъ, чтобы перенести на научную почву ту борьбу, которую пришлось вести Платону съ Аристотелемъ изъ за преобладанія надъ умами, затѣмъ прошло еще около половины столѣтія, и побѣда Платона была рѣшена. На первыхъ порахъ было важно только то, что съ возвеличеніемъ Платона сильно поколебался авторитетъ Аристотеля, но мы должны имѣть здѣсь въ виду другое слѣдствіе, хотя обнаружившееся позднѣе. Аристотель сталъ опорой Церкви, и его диалектическая метода, тысячами нитей перевившаяся съ ея догмою, придавала послѣдней крѣпость и единство. Напротивъ платонизмъ утвердился самостоятельно, независимо отъ Церкви, и при томъ направленія, какое ему дали, сдѣлаался теософією, которая благодаря своей привлекательной таинственности, какъ высокое ученіе для избранныхъ, явилась довольно опасною противницею богословія и вѣры.

Какъ же разрѣшилось въ умѣ Петрарки это противорѣчіе, именно между гуманизмомъ, свободною силою, стремившеюся все создать изъ собственныхъ началъ, и церковной вѣрою, которая предъявляла положительныя требованія къ человѣку?—Отношенія его къ Церкви,

¹⁾ De sui ips. et mult. ignorant. (Opp. p. 1161).

²⁾ Epist. rer. famil. IV, 15. XVIII, 2. *Rer. memorand. Lib. I* (Opp. p. 451).

³⁾ *Rer. memorand. Lib. I* (Opp. p. 453).

⁴⁾ *Trionfo della fama cap. 3.* Не говоря уже о схоластикахъ, можно указать на Richardus de Bury *Philobiblion cap. 3:* Аристотель тамъ все еще archiphilosophus; Plato prior tempore, sed. doctrinis posterior.

богословію и вѣрѣ не просто. Мы увидимъ, что въ другихъ вопросахъ Петрарка часто былъ образцомъ и указателемъ пути для слѣдовавшихъ за нимъ школъ гуманизма. Но въ данномъ случаѣ онъ не играетъ этой роли, или играетъ ее въ несравненно высшемъ и болѣе глубокомъ смыслѣ.

Въ тѣ юные годы, когда Петрарка былъ всецѣло увлеченъ благозвучіемъ Цицероновской рѣчи и славой древнихъ героевъ, мерцавшею въ полумракѣ, онъ едва ли пекся о вѣрѣ и Церкви болѣе другихъ молодыхъ людей, которые приняли посвященіе, ожидали доходныхъ бенефицій и поручали судьбу Церкви ея незримоу Главѣ. Но когда поэтъ съ лѣтами сталъ серьезнѣе, то онъ былъ вовлеченъ въ ея интересы, тѣмъ болѣе, что въ немъ кипѣло желаніе выдвинуться впередъ и явиться пѣвцомъ (vates) въ смыслѣ пророковъ Ветхаго Заветъа.

Эпоха авиньонскаго плѣненія папъ, страшной чумы и всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя волновали тогда общественную жизнь и умы, имѣеть свою литературу скорбныхъ пѣсень, карающихъ проповѣдей и пророчествъ о страшномъ судѣ. Господствовало какое-то тяжелое религиозное настроеніе, которое лишь къ концу вѣка уступило мѣсто продолжительному и вялому индифферентизму. Сотни монаховъ и сектантовъ уже видѣли приближеніе Антихриста и въ отчаяніи призывали къ покаянію и сокрушенію. И Петрарка присоединяется къ этимъ скорбнымъ воплямъ, столь же многогубчивый и рыдающій, какъ они, только гораздо изобрѣтательнѣе на выраженія и изящнѣе. И онъ неистощимъ, когда заводитъ рѣчь о грѣховности и бѣдствіяхъ своего времени. Ему представляется, что человѣчество стоитъ на краю пропасти, и впереди ему предстоитъ лишь общая гибель. Поэтъ является предвѣстителемъ грознаго суда, который долженъ наступить для человѣчества, отпавшаго отъ Христа, и удивляется долготерпѣнію Вышняго, Который еще не проявляетъ Своего праведнаго гнѣва и отлагаетъ грозный день кары. «Теперь», говоритъ онъ, «можно позавидовать даже временамъ Нерона и Домиціана, такъ какъ теперь нельзя ни жить добродѣтельно, ни умереть съ честью. Мірѣ сталъ такъ скуденъ и жалокъ, что уже нельзя придумать и новаго вида бѣдствій. Единственное утѣшеніе можно находить въ томъ, что мы не родились еще позднѣе, такъ какъ мірѣ, стремясь къ своей гибели, съ каждымъ днемъ становится хуже. И если кто долженъ нести всю вину на себѣ, такъ это папа, который не живетъ тамъ, гдѣ стоятъ гробы верховныхъ Апостоловъ и гдѣ народъ изъ Капитолія повелѣвалъ цѣлому міру. «Идя за нашими знаменами, мы терпимъ измѣну и, ведомые нашими вождемъ, стре-

мимся къ гибели, и все погибнетъ, если Христосъ еще разъ не явится мстителемъ ¹⁾».

Петрарка здѣсь подчиняется такимъ образомъ общимъ песннистическимъ возрѣшямъ. Но и на этой почвѣ онъ является лишь художникомъ рѣчи, строгимъ цензоромъ, который усердствуетъ только по обязанности, а не ради самого дѣла. Стоитъ только поставить въ параллель нѣкоторые его поступки съ его же словами. Онъ то серьезно, то съ остроумными шутками ²⁾ бичуетъ порочную жизнь духовенства и монаховъ, а самъ раньше принималъ посвященіе, былъ священникомъ, каноникомъ и архидіакономъ, но не заботился о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ и въ жизни не слѣдовалъ тому воздержанію, которое проповѣдывалъ въ теоріи. Известно, что у него было двое незаконныхъ дѣтей, которыхъ онъ потомъ усыновилъ. Дочь онъ приличнымъ образомъ выдалъ замужъ. А сынъ Джіовани пошелъ по ложному пути, но отецъ всегда считалъ его лишнимъ бременемъ для себя и хотѣлъ для собственного удобства сдѣлать писцомъ, не смотря на то, что юноша явно противился этому. Петрарка едва ли когда нибудь относился къ нему съ любовью воспитателя ³⁾. Онъ сильно ратовалъ противъ притворства и лицемерія, но не безъ тщеславія выставлялъ на показъ свои молитвы и посты. Какъ часто поэтъ увѣряетъ насъ, что онъ вѣрующій христіанинъ и хочетъ быть имъ, однако не можетъ отрицать въ себѣ качествъ языческаго философа, воспитаннаго на древности.

Въ то самое время, когда Цицеронъ и Виргилій были кумирами Петрарки, ему попалась въ руки Исповѣдь Августина. Эта Исповѣдь, дѣйствительно, удивительная книга! Риторъ, гордящійся своею цвѣтистою рѣчью и ищущій сцены для своего искусства, сталкивается здѣсь съ христіаниномъ, который ничѣмъ не хочетъ быть

¹⁾ Письма безъ адресовъ преимущественно посвящены сѣтованіямъ (ср. въ особенности *epist. s. tit. 6. 7. 11. 13*), однако подобныя же скорбныя возгласы встрѣчаются довольно часто и въ другихъ сочиненіяхъ Петрарки, напр., *epist. famil. II, 10: Sed, ut res eunt, indices peiora conicio, quamvis iam peiora vix possim nedom timere, sed fingere. cf. epist. rer. famil. XI, 7 или XX, 1.* гдѣ говорится: *mundus indices ad extrema praecipitans secum omnia in deterius trahit.*

²⁾ Такъ напримѣръ, разсказанная въ *epist. s. tit. 18.* исторія о старомъ волокитѣ кардиналѣ вполнѣ достойна фавеллѣ Поджіо. Поэтому Фракессети считалъ *pec catholico nec cordato viro dignum* имѣть дѣло съ петрарковскими *Epistolae sine titulo* (*Prolegom. p. V*); онъ счелъ за лучшее исключить ихъ какъ изъ своего изданія, такъ и изъ перевода.

³⁾ *Epist. rer. famil. XXII, 7. XXIII, 12*, оба снабжены толкованіями Фракессети. Замѣтка въ экземплярѣ Виргилія о смерти сына, послѣдовавшей во время чумы 1361-го года, у *Baldelli Petrarca p. 181.* Согласно съ нею сынъ родился въ 1336-мъ году.

чрезъ себя, а всѣмъ по Божьей благодати. Намъ сдается, нѣкоторое влеченіе Августина къ рисованію внушило ему мысль сдѣлать сердце свое сценою и изобразить свое обращеніе передъ зрителями. У этого писателя, тщеславнаго и самодовольнаго, пока онъ наслаждался жизнью, какъ развитой язычникъ, проглядываютъ замашки риторика даже и тогда, когда онъ повергъ себя въ море благодати и съ страстнымъ восторгомъ наслаждался смиреніемъ. Онъ уже не могъ болѣе воротиться къ простотѣ и единству своего существа. Такимъ образомъ этотъ замѣчательный человѣкъ, подобно Петраркѣ, стоитъ на раздѣльной грани: оба они представляютъ собою подобіе Януса, смотрящаго назадъ и впередъ, оба увлекаютъ насъ видомъ людей подвизающихся и борющихся, которымъ бы желалось быть дѣтьми, но которые должны влечать съ собою свое прошлое, какъ цѣпь.

Мы очень хорошо понимаемъ, что такъ сильно влекло Петрарку въ этой книгѣ признаній, почему онъ такъ кипитъ и волнуется, говоря объ Августинѣ. Онъ чувствовалъ натуру, родственную себѣ, и въ ней, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ свой собственный образъ. Онъ чувствовалъ, что и въ немъ кроются тѣ же стихіи и должны пробудиться для борьбы. Дѣйствительно, Петрарка ни къ кому не былъ такъ близокъ, какъ къ этому учителю Церкви, жившему цѣлымъ тысячелѣтіемъ раньше его. Онъ любитъ называть его: мой Августинъ. Доселѣ, какъ гордый Цицероніанецъ, поэтъ мало обращалъ вниманія на свѣтила Церкви, а какъ самолюбивый поэтъ—на христіанскаго писателя ¹⁾. Петрарка понялъ, что въ этой книгѣ бесѣдуетъ человѣкъ съ человѣкомъ и высказываетъ тѣ же глубокія чувства, какія онъ носилъ въ своей груди. Эта книга признаній, «омоченная слезами», стала его любимой книгою ²⁾. Петрарка нашелъ своего церковнаго героя, котораго тотчасъ же сдѣлалъ новымъ кумиромъ и съ культомъ его носился передъ цѣлымъ свѣтомъ, точно такъ, какъ въ области свѣтской доходилъ до нелѣпости въ своемъ поклоненіи Сципіону Африканскому, на котораго палъ его предпочтительный выборъ. Упомянувъ объ Августинѣ, онъ рѣдко не прибавляетъ къ его имени весьма

¹⁾ *Epist. rer. senil.* XV, 1: *Nondum sane sanctorum libros attigeram, et errore coecus et typho tumidus aetatis.*

²⁾ Въ *epist. rer. famil.* X, 3 p. 81 онъ называетъ *Augustini scatentes lacrymis Confessionum libros, de quibus quidam ridiculi homines ridere solent.* Посылая своему брату Джерардо, картезианскому монаху, признанія Августина пишетъ съ *epist. rer. famil.* XVIII, 5, онъ пишетъ: *Accensum liber hic animum inflammabit, qui atgentes accenderet.—Et tibi inter legendum fluent lacrimae, et legendo flebis, e flendo laetaberis etc.* И въ *Dial. I de contemptu mundi*: *Quotiens Confessionum tuarum libros lego, inter duos contrarios affectus, spem videlicet et metum (licet non sine lacrymis interdum) legere me arbitrator non alienam, sed propriae meae peregrinationis historiam.*

почтительнаго эпитета, напр. «философъ Христа» или «солнце церкви». Въ діалогѣ о презрѣніи къ міру, гдѣ Августинъ является его духовникомъ рядомъ съ аллегорическимъ образомъ истины онъ выводитъ его почтеннымъ монахомъ, возвышенно серьезнымъ. Но по потоку римскаго краснорѣчія онъ тотчасъ же узнаетъ его, «какъ самаго дорогаго изъ тысячъ» ¹⁾. И такой взглядъ на церковнаго писателя былъ совершенно новый. Классики научили Петрарку читать такого писателя, изъ сочиненій котораго до тѣхъ поръ брали только отдѣльныя мѣста для школьныхъ цѣлей вмѣстѣ съ ученіями Фомы Аквинскаго и глоссами Лиры. Поклонникъ Августина прежде любилъ только Цицерона и Виргилія, а теперь онъ ознакомилъ его и съ другими отцами Церкви, съ Амвросіемъ, Іеронимомъ и Григоріемъ. Ему онъ считаетъ себя обязаннымъ тѣмъ, что научился ставить спасеніе души выше краснорѣчія ²⁾. Петрарка не мало способствовалъ тому, что и въ уваженіи позднѣйшихъ гуманистовъ его Августинъ занималъ видное мѣсто.

Далѣе Петрарка первый провелъ рѣзкую раздѣльную черту между религіею Христа, какъ она изложена въ книгахъ Новаго Завѣта, въ сочиненіяхъ Іеронима и Лактанція, а въ особенности его любимаго Августина съ одной стороны, и между новѣйшимъ богословіемъ съ другой. Богословъ-схоластикъ въ его мнѣніи не выше схоластическаго философа и юриста. «Священное имя богословія, говоритъ онъ, украшенное нѣкогда великими исповѣдниками, теперь безчестятъ пустыя и болтливыя діалектики,—вотъ отчего такое множество нигуда негодныхъ магистровъ» ³⁾. Ихъ ученость не внушаетъ ему ни малѣйшаго уваженія; такъ же мало уважаетъ онъ и монашество; первые лишены мудрости древнихъ, а послѣднему противорѣчить философія римлянъ. Въ сочиненіяхъ Петрарки замѣчательно слабую роль играютъ святыя, еретики, чудеса, моши, видѣнія и откровенія. Онъ не трогаетъ ихъ, щадя вѣрованія массы, а самъ мыслить какъ человѣкъ развитой, который умѣетъ найти свой путь къ Богу и Христу и безъ путеводной нити Церкви. Онъ обходитъ молчаніемъ все, что создала Церковь со времени прежнихъ отцовъ, выработку ея ученія, смѣшеніе его съ язычествомъ и суевѣріемъ, іерархію. Поэтъ печется только о собственной душѣ и собственной религіи. Если же онъ стяжалъ не малую славу, какъ апологетъ христіанства, то мы должны принять во вниманіе поводы и мотивы его дѣятельности.

1) Praefatio къ Dialogus de contemptu mundi.

2) Epist. rer. famil. XXII, 10.

3) De remedio utr. fortunae Lib. I. dial. 46.

Въ то время существовала секта просвѣщенныхъ людей, такъ называемыхъ аверроистовъ, которые шли совсѣмъ отъ другихъ началъ, чѣмъ Петрарка. О нихъ едва ли можно составить себѣ ясное понятіе, такъ какъ ихъ ученіе, насколько извѣстно, никогда не было изложено письменно, и о нихъ, какъ и о многихъ еретическихъ сектахъ того времени, мы узнаемъ лишь изъ нападокъ и осуждающихъ приговоровъ ихъ противниковъ. Но мы, навѣрное, не ошибемся, если будемъ искать первыхъ слѣдовъ этого ученія на западѣ при дворѣ Гогенштауфеновъ, въ томъ просвѣщенномъ натурализмѣ, который ставили въ вину Фридриху II и Манфреду и который выводятъ изъ ихъ знакомства съ арабской философій. Папы тотчасъ же направили свои удары противъ этой высокоумной науки, которая смѣло и враждебно выступила противъ вѣры, но положенія и представители которой были равно неизвѣстны. Еще самъ Аверроэсъ хотѣлъ предоставить чистую науку мудрецамъ и устранить отъ нея массы. Она и была постоянно тайнымъ ученіемъ избранныхъ людей тѣмъ болѣе гордыхъ, которые составляли цѣлыя группы въ университетахъ парижскомъ и падуанскомъ. По видимому, они образовали нѣчто въ родѣ тайнаго общества, которое держалось или безмолвнымъ соглашеніемъ и извѣстными формулами, или своимъ развѣтвленіемъ и положеніемъ, независимымъ отъ Церкви, по крайней мѣрѣ напоминаетъ масонскія ложи. Всего точнѣе эта секта опредѣляется именемъ своего основателя. Однако тѣхъ же самыхъ людей называли безбожниками и эпикурейцами; послѣднимъ именемъ называли въ средніе вѣка тѣхъ, кто не вѣрилъ въ Бога и загробную жизнь. По видимому, такой образъ мыслей всего болѣе былъ свойственъ физикамъ и медикамъ, такъ какъ онъ опирался на свидѣтельства чувствъ и на простую логику. Поэтому они отрицали все противоестественное и сверхъестественное, или предоставляли это вѣдѣнію богословія, методъ котораго хотѣли отдѣлать отъ логическаго. Это—ученіе о «двойной истинѣ», дававшее имъ возможность въ жизни, рѣчахъ и ученіи согласоваться и съ Церковью и такимъ образомъ избѣгать ея преслѣдованій. У нихъ не было ни малѣйшаго желанія страдать за свою эсотерическую философію; напротивъ, они наслаждались благами жизни, какъ весельчаки, любившіе пожить. Поэтому о строгихъ мѣрахъ Церкви противъ нихъ нѣтъ и рѣчи, и они удержались въ Италіи и Франціи вплоть до реформациі¹⁾.

¹⁾ Эта общая характеристика, главнымъ образомъ, опирается на матеріалъ, собранный Ренакомъ *Averroes et l'averroïsme*, Paris 1852 p. 222 et s. и Рейтеромъ. *Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter* Bd. II, Berlin 1877, p. 49—173.

Петрарка зналъ одно подобное общество въ 1366 г. въ Венеціи, которое находилась всегда въ живомъ умственномъ общеніи съ Падуею. Мы знаемъ имена его главныхъ членовъ по одному старому списку. Тутъ были: Леонардо Дандоло, конечно, сынъ извѣстнаго дожа Андрея и самъ видный политическій дѣятель, хотя просто названъ солдатомъ,—Томмазо де' Таленти, купецъ безъ особеннаго литературнаго образованія, и Заккарія Контадини, аристократъ республики. Но духовнымъ главою былъ, очевидно, магистръ Гвидо де Баньоло изъ Реджіо, физикъ и медикъ съ большими свѣдѣніями, врачъ короля кипрскаго Петра ¹⁾. Слѣдовательно, это были люди, занимавшіе видное положеніе въ обществѣ, которые пользовались въ своемъ свободомыслии покровительствомъ республики. Доказательствомъ служить то, что многіе знатные венеціанцы были въ ихъ рядахъ. Мы, правда, только изъ характеристикъ Петрарки знаемъ объ ихъ образѣ мыслей и дѣятельности, а онъ, какъ ихъ противникъ, указываетъ лишь на предосудительныя стороны ихъ ученія, вызвавшія его на борьбу.

Это были также «новые философы», «проповѣдники новой тайной мудрости», общество вольнодумцевъ. Гордые своимъ діалектическимъ искусствомъ, они считали всякую вѣру въ авторитетъ опорой слабыхъ умовъ. Они предоставляли умъ своимъ собственнымъ силамъ, устраняли всѣ готовые данныя и признавали, только тѣ, какіе добывались чувственнымъ воспріятіемъ и логикою, а несомнѣнными только тѣ результаты, до которыхъ доходили отвлеченнымъ мышленіемъ. Слѣдовательно, если мы не ошибаемся, это была схоластическая метода, которая старалась отрѣшиться отъ всего вещественнаго и отъ всякихъ узъ, даже церковныхъ, и явиться самостоятельною наукою, особою философіею. Но, какъ всегда бываетъ, одинъ авторитетъ устраняютъ для того, чтобы поставить на его мѣсто другой; а потому эта школа чтитъ Аристотеля какъ пророка, а его комментаторовъ, въ особенности Аверроэса, какъ людей непогрѣшимыхъ. Естественныя науки, по скольку онѣ основываются на чистомъ эмпиризмѣ, часто подавали поводъ къ спорамъ, но вмѣсто того чтобы вѣрить собственнымъ глазамъ, и здѣсь все таки ссылались на Аристотеля и Арабовъ и, если вѣрить Петраркѣ, спорили о предметахъ совсѣмъ не философскихъ,

¹⁾ Двойная гласа въ одномъ кодексѣ бібліотеки св. Марка, указывающая ихъ имена и сословіе у Agostini T. I p. 5, комментирована Фракассети въ примѣчаніи къ Lett. V, 12 (vol. II. p. 62). Эта замѣтка опять сообщается въ книгѣ Petrarca e Venezia, Venetia 1874, p. 108. О Гвидо можно кое-что найти у Tiraboschi Bibl. Modenese T. I, Modena 1781, p. 134.

какъ напр. о томъ, сколько волосъ въ гривѣ у льва, или перьевъ въ хвостѣ у ястреба, какъ оплодотворяются слоны, дѣйствительно ли крокодилъ есть единственное животное, которое можетъ двигать верхнюю челюстью, дѣйствительно ли фениксъ брасается въ ароматическое пламя и возрождается изъ пепла и т. п.

Эти философы относились совершенно самостоятельно и къ христіанству. Но это самостоятельное отношеніе было уже оппозиціею, только они не отваживались обнаружить ее открыто, а довольствовались тѣмъ, что въ сознаніи своего превосходства презирали массу вѣрующихъ. Если въ этомъ кружкѣ заходила рѣчь о Христѣ, объ Апостолахъ и Евангелии, то слышались или легкомысленныя шутки, или же гордые единомышленники понимали другъ друга по улыбка и нѣмымъ жестамъ. Въ случаѣ публичныхъ диспутовъ обыкновенно заявлялось, что теперь будутъ говорить «не касаясь вѣры».

Петрарку уважали, какъ великій умъ своего времени, а такъ какъ эти диалектики тоже чувствовали себя на высотѣ его, то и рѣшили, что въ тайнѣ онъ согласенъ съ ними, и въ этомъ предположеніи съ нимъ вступили въ сношенія тѣ люди, о которыхъ мы говорили выше и которые безъ того были дружны съ нимъ. Подобно всѣмъ сектантамъ, они, конечно, хотѣли вести пропаганду между людьми выдающимися и знаменитыми. Но именно это-то и отдалило Петрарку еще болѣе отъ общенія съ ними. Онъ всегда смотрѣлъ на себя, какъ на личность исключительную, не имѣвшую равной себѣ. Не только ученость его была единственная, стоявшая выше всякихъ нападокъ, но онъ былъ и великій мудрецъ своего вѣка и даже въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ не сходилъ ни съ кѣмъ изъ современниковъ. Тѣ люди не имѣли никакого понятія о томъ, чѣмъ для него былъ его Августинъ, а ихъ Аристотель былъ давно уже противенъ ему. Сверхъ того онъ былъ уже старъ, а извѣстно, каковы бывають люди, въ которыхъ съ лѣтами укоренилось извѣстное мнѣніе о себѣ.

Поэтому само собою понятно, что Петрарка долженъ былъ неблагоприятно отнестись къ «новымъ философамъ». Онъ говоритъ, что они смѣялись надъ Сократомъ, Пинеагоромъ, Платономъ и Аристотелемъ, презирали Цицерона и Сенеку, издѣвались надъ Вергиліемъ, а Амвросія, Августина и Иеронима называли пустомелями. Имъ нѣтъ дѣла до того, что большая часть сочиненій древнихъ потеряна, такъ какъ они полагають, что сами знаютъ все. Краснорѣчіе они считаютъ недостойнымъ человѣка, занимающагося наукою.—Здѣсь мы, конечно, слышимъ тѣ мнѣнія, которыя могли быть высказаны какъ разъ противъ одного Петрарки; они, конечно,

своими невниманіемъ къ нему поразили его, какъ поклонника древности, и, вѣроятно, большею долею своей рѣзкости составляютъ плодъ фантазіи обиженнаго. Они не могли быть догматами секты, такъ какъ послѣдняя не могла, уважая комментатора Аверроэса, въ чемъ ее упрекаетъ Петрарка, осмѣивать въ то же время комментируемаго Аристотеля. Кромѣ того Петрарка самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Аристотель—ихъ кумиръ, и съ тою же шутливостью называетъ ихъ то послѣдователями Аристотеля, то аверронистами. Они и лично оскорбляли его. Одинъ изъ нихъ говорилъ о религиозной борьбѣ Августина, какъ о чистой выдумкѣ, а когда Петрарка по этому поводу соболѣзновалъ о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ, то послѣдній отвѣтилъ съ улыбкою: «Какъ же ты, должно быть, глупъ, если думаешь дѣйствительно такъ, какъ говоришь». А другой, посѣтившій его въ рабочемъ кабинетѣ въ Венеціи, высказалъ въ разговорѣ всю кичливость своего невѣрія: онъ называлъ Апостола Павла глупымъ пустомелею, въ шутку говорилъ о Петраркѣ, заступившемся за него, какъ объ истинномъ христианинѣ, и увѣрялъ, что ничему не вѣрить въ св. Писаніи. Это было, конечно, тотъ самый, который, по словамъ Боккачіо, тоже выразился рѣзко, что онъ не можетъ считать Петрарку ученымъ человекомъ¹⁾. Насколько, по его мнѣнію, Аверроэсъ выше Апостола Павла и Августина, этихъ невѣжественныхъ басенниковъ. Петрарка вспылывалъ, схватилъ еретика за полу платья и вытолкалъ за дверь.

Можетъ быть, таковы и были взгляды нѣкоторыхъ умозрительныхъ философовъ, но Петрарка, очевидно, преувеличиваетъ, когда увѣряетъ, что они кишатъ всюду, какъ густая куча муравьевъ, что число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ, что они заполнили городъ и школы, что наконецъ они—цѣнители науки. Въ этой борьбѣ онъ игралъ роль Августина, ратовавшаго противъ Пелагіанцевъ, поэтому ему и нужно было страшное множество противниковъ, а такъ какъ онъ ихъ не нашелъ, то явилась на выручку фантазія. Могла ли Церковь относиться равнодушно къ такимъ массамъ дерзкихъ отрицателей, и какимъ образомъ, хотя эти діалектики распространяли свою мудрость только путемъ споровъ, а не сочиненій, все таки до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о нихъ, кромѣ извѣстія Петрарки?

Петрарка побуждалъ одного юнаго философа, августинскаго монаха Луджи Марсильи, писать противъ Аверроэса, этого «бѣшенаго пса, который даетъ и изрыгаетъ хулу на Христа и на католическую вѣру», и противъ его новыхъ приверженцевъ²⁾. Это не

¹⁾ *Vossassio Lettere* p. 349.

²⁾ *Epist. s. tit.* 20 въ Людовину Марсилью (*Opp.* p. 812).

состоялось, напротивъ мы знаемъ, что Марсилия въ послѣдствіи былъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ ученія Аверроеса въ Падуѣ, именно съ магистромъ Марсilio di S. Sofia ¹⁾. Поэтому наставникъ самъ взялся за перо и написалъ знаменитое сочиненіе О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ многихъ другихъ ²⁾. Тенденція его проста: Петрарка отдаетъ предпочтеніе христіанскому смиренію передъ философскимъ высомѣріемъ. На каждой страницѣ этой книги видно, что здѣсь дѣло не столько въ томъ, чтобы поразить кичливое самоиѣніе и сорвать съ него маску, сколько въ томъ, чтобы показать ихъ ничтожество тѣмъ, которые осмѣливались унижать славу автора и оспаривать его первенство въ отношеніи мудрости. Въмѣсто самаго предмета, дававшего обильный матеріалъ для полемики, онъ имѣетъ въ виду лишь тѣ мелкія столкновенія, какія у него бывали съ нѣкоторыми членами этой секты. Мотивъ, которымъ онъ объясняетъ ихъ поштуки и къ которому то и дѣло возвращается, по истинѣ страненъ и придуманъ, конечно, не съ Августиновскимъ смиреніемъ. Ему кажется, что онъ ведетъ борьбу съ завистью: изъ зависти къ его славіи эти еретики, поклонники Аристотеля, старались признать его до своего собственного невѣжества и ослабили его чело-вѣкомъ, презирающимъ этого философа ³⁾. Неуваженіе ихъ къ религіи и неуваженіе къ его славіи кажутся Петраркѣ двумя преступленіями, стоящими почти на одинаковой ступени. «Если они находятся въ своемъ кружкѣ, говоритъ онъ, то смѣются надъ Христомъ и называютъ меня невѣждою, потому что я по моей религіозности не соглашаюсь съ ними ⁴⁾». Судя по его словамъ, можно было бы подумать, что вся секта обязана своимъ происхожденіемъ завистливымъ нападкамъ на его авторитетъ и что вмѣстѣ съ нею въ борьбу съ нимъ вступилъ весь ученый міръ.

Гдѣ Петрарка горячѣе всего высказывается, какъ христіанинъ и защитникъ христіанской религіи, тамъ его побуждаетъ къ этому

¹⁾ Весселовскій въ примѣчаніи къ *Giov. da Prato* Vol. I. p. 514.

²⁾ *De sui ipsius et multorum (s. aliorum) ignorantia* (Opp. p. 1141 sq). Это сочиненіе въ первой редакціи написалъ Петраркой по *epist. rer. senil.* XV, 8 въ 1367 году или же по его собственной замѣткѣ въ автографѣ за два года до 25-го или 29-го іюня 1370 года послѣдовавшей новой редакціи, слѣдовательно, въ 1368 году. Эта замѣтка перешла и въ позднѣйшія копіи. См. *Tomasi Petrarca rediv.* p. 30; *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 238; *Vandini Catal. codd. lat. libl. Laurent.* T. IV p. 196. Слѣдовательно, замѣчаніе Бокиачіо отъ 5-го апрѣля 1373 года (*Lettere* p. 349), что Петрарка написалъ эту книгу *pride*, нельзя принимать въ точности. Эта книга, естественно, есть главный источникъ разсказаннаго выше. Сюда же относятся *epist. rer. senil.* V, 3 и XIV, 8, а также и нѣкоторыя тамъ и сямъ разбросанныя замѣчанія.

³⁾ *De ignorantia* p. 1142. 1143. 1158. 1164. et. al.

⁴⁾ *Ibid.* p. 1156.

большую частью антагонизмъ съ аверроистами. Поэтому онъ не только защищаетъ высокое достоинство христіанства вообще, но всегда именно только своего христіанства. «Чѣмъ болѣе я слушаю рѣчи противъ вѣры во Христа, тѣмъ горячѣе люблю я Христа, тѣмъ тверже я укрѣпляюсь въ Христовой вѣрѣ. Со мною происходитъ тоже, что съ человѣкомъ, у котораго нѣсколько остыла любовь къ отцу: когда онъ слышитъ, что говорятъ противъ него, то любовь эта, казалось, потухшая, тотчасъ же возгарается снова. Такъ это и должно быть, если онъ добрый сынъ. Часто, —призываю самого Христа въ свидѣтели, —богохульство еретиковъ обращаетъ меня, вѣрующаго во Христа, въ самаго пылкаго христіанина. Вѣдь хотя древніе язычники и рассказываютъ много басень про божественныя дѣла, однако не богохульствуютъ, потому что не знаютъ истиннаго Бога и никогда не слышали имени Христа ¹⁾».

Такимъ образомъ ненавистная надменность противниковъ Петрарки значительно помогла ему въ этой борьбѣ смирить свою земную мудрость, т. е. въ данномъ случаѣ классическую, передъ небесною и искать славы въ этомъ смиреніи. Правда, онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ съ благоговѣніемъ говоритъ о христіанскомъ ученіи. Но только въ позднѣйшіе годы и послѣ этихъ столповеній поэтъ любилъ отчетливо и прямо ставить его на высоту даже въ противоположность языческимъ философамъ. Петрарка призываетъ Бога въ свидѣтели, что лучше желаетъ быть добродѣтельнымъ человѣкомъ, чѣмъ ученымъ, проситъ у Него смиренія, признанія собственнаго невѣжества и грѣховности, чтобы спастись отъ надменности послѣдователей Аристотеля. Одинъ изъ малыхъ, вѣрующихъ въ Бога, для него выше Платона, Аристотеля и Цицерона со всею ихъ мудростью; передъ Христомъ они люди слабые, во многомъ заблуждающіеся, и ученіе ихъ не имѣетъ авторитета. Когда противники упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ горячій поклонникъ Цицерона, то онъ отвѣчалъ имъ: «Да, я Цицеронианецъ, но если дѣло идетъ о высшихъ истинахъ религіи, о вѣчномъ блаженствѣ, то я не Цицеронианецъ и не Платоникъ, а Христіанинъ». Притомъ онъ убѣжденъ, то Цицеронъ сдѣлался бы христіаниномъ, если бы до него дошло Евангеліе, точно такъ же, какъ Августинъ смѣло утверждаетъ тоже самое о Платонѣ. Христіанство для Петрарки — единственная незабываемая основа всякой истинной науки; только на немъ и можетъ утверждаться человѣческій разумъ. Евангеліе, по его мнѣнію, всегда должно быть въ памяти человѣка,

¹⁾ Ibid. p. 1151.

даже когда онъ читаетъ поэтическія, философскія и историческія сочиненія древнихъ ¹⁾).

Теперь мы понимаемъ, почему даже люди строго вѣрующіе и духовныя лица не нападали на Петрарку, не смотря на его занятія языческою древностью, напротивъ были въ числѣ его поклонниковъ. Церковь и въ позднѣйшее время съ гордостью причисляла отца гуманизма къ своимъ поборникамъ. Лишь немногія посланія, направленные противъ авиньонскихъ папъ, указаны въ индексѣ въ числѣ книгъ, запрещенныхъ католическою церковью. Но никакая инквизиція не нашла ничего предосудительнаго ни въ его культѣ Лауры, ни въ его пылкомъ поклоненіи древнимъ. Конечно, имѣя въ виду результаты, мы смотримъ на это дѣло иначе. Тѣ искусники формальнаго мышленія, съ которыми боролся Петрарка, собственно не нанесли вѣрѣ существеннаго вреда, потому что ученіе ихъ не представляло и тѣни новаго содержанія. Напротивъ поклонники Петрарки всего менѣе слѣдовали своему наставнику въ этомъ уваженіи къ религіи. Часто, съ яркимъ свѣточемъ язычества въ рукахъ, они дерзали соперничать съ меркнувшимъ солнцемъ вѣры и не рѣдко торжествовали побѣду.

Оппозиція Петрарки противъ аверроистовъ уже показала намъ нѣкоторыя характеристическія стороны его духа. Но таково было и все его духовное существо. Петраркѣ хотѣлось быть не только знаменитымъ писателемъ, но и царить надъ своими современниками въ качествѣ всесвѣтнаго мудреца, вызывая удивленіе и почетъ, являть великое свѣтило, о лучахъ котораго неизвѣстно, что они такое и откуда исходятъ. Мысль, поражающая своей смѣлостью и новизною, даже если мы заранѣе допустимъ, что она была выполнена въ высшей степени слабо, что пророкъ на каждомъ шагу обличалъ въ себѣ человѣка.

Петраркѣ и здѣсь нуженъ былъ темный фонъ, чтобъ на немъ тѣмъ рельефнѣе выдѣлялась его личность. Онъ не находилъ достаточно мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить аверроистовъ людьми злонамеренными и опасными. Теперь онъ такъ же не находитъ красокъ нужныхъ для того, чтобы очернить окружающій его міръ. Противопоставляетъ ли ему Петрарка лучезарную древность, или скорбитъ вмѣстѣ съ монахами объ общей грѣховности, онъ постоянно только себя одного считаетъ великимъ человѣкомъ, обреченнымъ на это жалкое и извращенное бытіе. Онъ не хочетъ писать и дѣйствовать изъ любви къ своимъ современникамъ, такъ какъ ихъ бѣдствіямъ

¹⁾ Cf. de ignorantia p. 1145, 1146, 1162, 1163; epist. rer. famil. VI, 2 et. al.

нельзя уже помочь. Чтобы «забыть о тѣхъ», на сожительство съ которыми его осудила злосчастная звѣзда», онъ хочетъ пребывать духовно съ своими великими предками древняго міра, а въ дѣйствительной жизни идти одинокою стезею ¹⁾. Его любимая мысль, безсчетное число разъ повторяющаяся въ его сочиненіяхъ, та, что онъ составляетъ и будетъ составлять рѣзкую противоположность съ «массою», съ *profanum vulgus*, что онъ вполне посвящаетъ себя тому, чего не вѣдаетъ обыкновенное человѣчество, и презираетъ то, къ чему оно стремится ²⁾. Однако въ юности Петрарка, какъ и всякій, испилъ чашу наслажденій, никогда не гнушался благами жизни, и какъ ни презиралъ онъ свой вѣкъ, однако не могъ обойтись безъ его поклоненія.

Въ какой бы области мы ни слѣдили за ходомъ мыслей Петрарки, всегда встрѣтимъ искреннее стремленіе въ познанію самыхъ глубокихъ истинъ съ примѣсью самого суетнаго желанія блеска, постоянную борьбу благородныхъ влеченій съ сильною внутреннею ложью.

Петрарка хотѣлъ провести начала стояческой философіи не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ жизни. Отличительною чертою истиннаго философскаго стремленія онъ считаетъ то, что высокоодаренный человѣкъ довольствуется скромными условіями жизни и все считаетъ ничтожнымъ кромѣ науки и добродѣтели, а въ особенности гнушается всякаго хвастовства и тщеславія. Какъ писатель и поэтъ, онъ гордился краснорѣчіемъ, этимъ опаснымъ искусствомъ, которое, правда, быстро вызываетъ удивленіе, но часто вводитъ въ заблужденіе какъ пишущаго и говорящаго, такъ и читателя и слушателя. Петрарка весьма ясно видѣлъ эту опасность. Краснорѣчіе, по его мнѣнію, должно быть чистою музою. Онъ знаетъ, что для того, чтобы имѣть цѣну, оно должно вступить въ союзъ съ добродѣтелью и мудростью, и только тогда становится «могучимъ орудіемъ для достиженія славы». А льстивую сладость рѣчи и обманчивыя украшенія ея онъ сравниваетъ съ румянами кокетки или съ ядомъ, сладкимъ какъ медъ ³⁾. «Это суетная слава, если

1) *Epist. rer. famil.* VI, 4. Подобныя выраженія встрѣчаются повсюду въ его сочиненіяхъ. Еще въ *epist. ad posteritatem* (передъ изданіемъ русскихъ писемъ Фракасеети vol. I p. 3), составляющемъ въ то же время завѣщаніе потомству, онъ говоритъ: *In cubi unice inter multa ad notitiam vetustatis, quoniam mihi semper aetas ista (nostra) displicuit etc*

2) Приведемъ здѣсь только одно изъ самыхъ рѣзкихъ мѣстъ въ *epist. rer. famil.* XIX 7. *Et miraris quod paucis placeo, cui cum paucis convenit, cui omnia fere aliter. videntur ac vulgo, a quo semper quod longissime abest, id penitus rectum iter censeo?*

3) *Epist. ad posteritatem.* I. c.

мы хотимъ снискать уваженіе людей пышными рѣчами ¹⁾». — «Направляй твой умъ къ дѣламъ! Въ словахъ—тщеславное хвастовство, многотрудная борьба и пустой звукъ, въ дѣлахъ—спокойствіе, добродѣтель и счастье» ²⁾. Онъ такъ глубоко проникнутъ сознаніемъ этого противорѣчія, что даже считаетъ долгомъ упрекнуть въ слабости глубоко уважаемаго Цицерона: «какая польза учить другихъ, что толку постоянно говорить великолѣпныя фразы о добродѣтели, если ты самъ не слѣдуешь своимъ словамъ?» ³⁾ Онъ упрекаетъ римскаго писателя въ томъ, что послѣдній, не смотря на свои прекрасныя стоическія правила, излагаемыя съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, однако жалуется—то на изгнаніе и болѣзнь, на суматоху въ судахъ и на форумъ, то на потерю денегъ и имущества и на поруху своей славы,—что въ письмахъ его часто встрѣчаются оскорбительныя выходки противъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ только что хвалилъ. И такъ Петрарка почувалъ своимъ инстинктомъ это противорѣчіе между словами и поступками, эту самодовольную непослѣдовательность, къ которымъ въ сущности сводятся все, что въ наше время все рѣзче ставятъ въ вину Цицерону, конечно, почувалъ потому, что и въ себѣ самомъ онъ чувствовалъ тотъ же антагонизмъ, ту же шаткость. Какъ онъ обращается къ Цицерону, такъ его Августинъ обращается къ нему самому: «Что пользы тебѣ проповѣдывать такія прекрасныя истины другимъ, коль ты самъ себя не слушаешь?» — «Насколько краснорѣчіе дороже самой жизни» — признается однажды Петрарка, «для всѣхъ насъ, вращающихся въ пыли литературной палестры, на сколько горячѣе стремимся мы къ славѣ, чѣмъ къ добродѣтели!» ⁴⁾».

Петрарка помышлялъ занять свободное и высокое положеніе по отношенію къ современникамъ. Онъ хотѣлъ являться передъ ними на заоблачной высотѣ философіи, стать выше мірскихъ благъ и людской хвалы. Передъ его мысленнымъ взоромъ падаютъ тѣ грани, которыя проводятъ между людьми знатность происхожденія. «Знаменитость, говоритъ онъ, пріобрѣтается не знатностью рода, а жизнью». Смѣшно хвалиться чужими заслугами; пороки испорченныхъ внуковъ ярче выступаютъ, если предки блистали славою ⁵⁾. Поэтому

¹⁾ De remed. lib. II. diai. 102.

²⁾ Письмо къ Цицерону epist. famil. XXIV, 3. Въ Ареццо нашлось письмо, въ которомъ одинъ путникъ отвѣчалъ Петраркѣ за Цицерона. cf. Leonardi Brunii epist. IV, 4 ed. Mehus.

³⁾ Praefat. in Epist. famil. ed. Fracassetti vol. I. p. 25.

⁴⁾ De remed. utr. fort. I, 16. II, 5.

⁵⁾ О предложеніи кардинальской шапки знаетъ одинъ только Секко Полентоне у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 200 и у Tomasini Petrarca rediv. p. 191. Даже ни у кого другаго нѣтъ рѣчи и объ епископствѣ,

Петрарка гордый республиканецъ, и когда онъ излагаетъ свою теорію, то считаетъ всѣхъ государей Фаларидами и Діонисіями; противъ которыхъ долженъ выступить съ свободою рѣчью новый Платонъ. Однако его влекло къ дворамъ владѣтельныхъ особъ и во дворцы знати; тамъ онъ водворилъ гуманизмъ, бывшій цѣлые вѣка ихъ лучшимъ украшеніемъ. Съ этихъ поръ идеаломъ подобнаго новаго Virgilіа или Горациа служить дворъ щедратаго Августа съ толпою меценатовъ, спокойное и обеспеченное положеніе, за которое охотно платилось самою рабскою преданностью повелителю.

Петрарка уже въ Авиньонѣ научился ухаживать за папами и кардиналами. Что его привязывало къ этому двору, тогда какъ онъ постоянно громилъ его и порочность новаго Вавилона? Не Лаура, не незамѣнимые друзья, а прежде всего погоня за богатыми приходами, желаніе обезпечить свою судьбу. Папы постоянно предлагали ему въ видѣ обезпеченія должность секретаря при дворѣ. Но онъ отказывался отъ нея, считая это рабствомъ. И когда онъ изъ Италіи снова пріѣзжаетъ къ римскому двору, то постоянно ищетъ расположенія духовныхъ сановниковъ изъ за приходовъ. Достигши цѣли, онъ спокойно удалялся — пользоваться ими въ Италіи. Тогда онъ не смотрѣлъ на желаніе «Арсацидовъ» удержать его въ Авиньонѣ; много если онъ сознавалъ себя обязаннымъ имъ за нѣкоторыя благодѣянія ¹⁾.

Въ Италіи его первымъ Августомъ былъ король Неаполитанскій Робертъ, который устроилъ для него вѣнчаніе лаврами и къ которому онъ, дѣйствительно, всегда чувствовалъ признательность и пылкую преданность ²⁾. Когда Корреджи въ 1345 г. напали ночью на Парму и овладѣли ею, то Петрарка, познакомившійся съ ними еще въ Авиньонѣ, вошелъ въ городъ вмѣстѣ съ побѣдителями, хотя въ другихъ случаяхъ проповѣдывалъ свободу и громилъ тирановъ. Въ Италіи обыкновенно искали свободы въ республикахъ, которыя, правда, все болѣе и болѣе подпадали подъ власть мелкихъ владѣтелей или сильныхъ сосѣднихъ городовъ. Флоренція, занимавшая по обра-

¹⁾ Epist. rer. famil. XII, 11 отъ 21-го мая (1352).

²⁾ Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы напыщенные стихи молодого поэта были свободны отъ рабства, напр., epist. metr. II, 1: одинъ другъ долженъ рекомендовать его королю Роберту:

Sum suus ex merito, sibi me meaque omnia soli
Devovi: ingenium calumum, linguamque manumque
Et si quid superest, aliud. Mihi charior ipse
Sum, postquam dedit esse suum; dominoque superrit
Mens mea.

зованію первое мѣсто, естественный пріютъ для Петрарки, однако была какъ бы заперта для него. Не смотря на свою любовь къ свободѣ въ теоріи, онъ никогда не могъ забыть того, что республика изгнала его родню. Онъ восторгался древнею римскою республикою или республикою трибуна Колы, но, очевидно, не любилъ республикъ, существовавшихъ въ Италіи. Поэту лучше жилось у государей, чѣмъ среди бурнаго волненія партій, гдѣ его муза оставалась безъ покровительства, почета и милостей мецената. Но друзья и поклонники Петрарки были глубоко возмущены тѣмъ, что онъ сошелся съ самымъ дурнымъ деспотомъ, который путемъ завоеваній подчинялъ своей власти одинъ городъ за другимъ, былъ извѣстенъ за тирана и ничѣмъ не скрашивалъ своей суровости. Поэтъ въ 1353 г. поселился на постоянное жительство у фамилиі Висконти въ Миланѣ. Петрарка счелъ нужнымъ оправдаться, говорилъ, что архіепископъ Джіованни Висконти прельстилъ его своею любезностью и заманчивыми обѣщаніями. Онъ, только что избавившійся отъ вавилонскихъ оковъ и авиньонской тюрьмы, часто отказывавшій папамъ и королямъ французскимъ и неаполитанскимъ, не могъ устоять противъ любезныхъ просьбъ и величія этого «величайшаго изъ итальянцевъ». Когда онъ спросилъ архіепископа, чего послѣдній отъ него желаетъ, тотъ почтительно отвѣчалъ, что желаетъ только его общества, и своимъ присутствіемъ онъ сдѣлаетъ честь ему и его странѣ. Онъ обѣщалъ ему свободу, досугъ, а не наслажденія, не богатство и не почести ¹⁾. — Дѣйствительно, Висконти устроили ему покойную жизнь въ особомъ домѣ при соборѣ, поэтому онъ и называетъ себя, гостемъ св. Амвросія. Они не требовали отъ него никакихъ услугъ кромѣ того, чтобы онъ по временамъ писалъ официальные письма, или участвовалъ въ посольствѣ въ качествѣ оратора ²⁾. Петрарка, конечно, горячо старался увѣрить, что и въ большомъ городѣ и при дворѣ онъ живетъ философомъ и отшельникомъ, однако все таки служилъ украшеніемъ двора, любилъ пользоваться почетомъ и этимъ былъ обязанъ тиранамъ. Онъ пробылъ у нихъ восемь лѣтъ, пока наконецъ его оттуда не прогнали чума и война.

Только одна обидная тѣнь омрачала его почетную и привольную жизнь на Тичино. Поклонники и даже самые преданные друзья усомнились въ философскомъ величіи поэта. Когда Боккаціо въ первый

¹⁾ Epist. var. 7: epist. ger. famil. XVI, 12.

²⁾ Epist. var. 6 и epist. ger. famil. XIX, 18 написаны Петраркой отъ имени Галеаццо Висконти. Всѣ три посольскія рѣчи, которыя остались отъ Петрарки, онъ держалъ отъ имени Висконти.

разъ узналъ, что его Solivagus Silvanus, такъ громко прославлявшій независимость и почетную бѣдность, подпалъ подъ ярмо Висconti, грозившихъ порабощеніемъ его родной Флоренціи, принималъ отъ нихъ подарки и сдѣлался ихъ придворнымъ, то счесть это небылицею. Но когда Франческо Нелли доказалъ этотъ фактъ письмами наставника, «то онъ вопіялъ къ небу о преступленія Сильвана». Какъ онъ могъ поступать такимъ образомъ вопреки своему ученію и убѣжденіямъ! Онъ, упрекавшій Цицерона и Сенеку въ слабости характера! Честный Боккачіо откровенно высказалъ ему свое мнѣніе, хотя въ такой формѣ, что Сильванъ былъ третьимъ лицомъ. «Я не могу не краснѣть отъ стыда и долженъ порицать его поступокъ». Таково же было мнѣніе и всего дружескаго кружка. Всѣ они были пристыжены, такъ какъ изо всѣхъ силъ хвалили произведенія и правдивость наставника. Уже говорили, что его философская слава искусственна и приобрѣтена лицемѣріемъ, что сребролюбіе конечная движущая пружина его дѣятельности ¹⁾. Петрарка получалъ отъ друзей множество писемъ подобнаго рода, въ томъ числѣ сонетъ отъ псевдонима, въ которомъ авторъ обращался къ «единственному солнцу и свѣту міра» съ просьбою оставить дворъ тирановъ и удалиться въ мѣста свободы ²⁾. Но поэтъ, получавшій отовсюду увѣщанія, былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы оправдываться. По его словамъ, чтобы отвѣчать на всѣ эти письма, пришлось бы написать цѣлую книгу о своемъ образѣ жизни ³⁾. Уваженіе къ нему было такъ велико, что друзья со временемъ успокоились.

Мы знаемъ, что потомъ Петрарка прожилъ нѣсколько времени въ Венеціи, гдѣ республика, правда, приняла его гостепріимно, но, по видимому, не удовлетворила его притязаніямъ на почетъ и уваженіе. Едва ли онъ удалился оттуда только съ досады на аверроистовъ. Петрарка снова былъ доволенъ только тогда, когда нашелъ милостивыхъ повелителей въ лицѣ Каррарскихъ династовъ. У нихъ онъ наслаждался безмятежными днями старости, все еще упиваясь придворной атмосферой, но пользовался независимымъ обеспеченнымъ положеніемъ, которое было его всегдашнею цѣлью. Поэтъ садился за столъ съ великими міра сего и принималъ ихъ дружескія посѣщенія. Сами владѣтели обожали его, и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ равнаго себѣ только въ лицѣ фернейскаго философа. Короли желали ви-

¹⁾ Прекрасное письмо Боккачіо къ Петраркѣ отъ 18-го іюля 1553 года въ *Lettere* ed. Corrazzini p. 47.

²⁾ Его отвѣтъ въ *Append. epist.* 5. ed. Fracassetti.

³⁾ *Epist. var.* 25 къ Боккачіо отъ 18-го августа 1360 года. Уклончивый отвѣтъ въ *epist. ger. famil.* XVII, 10.

дѣтъ его, приглашали къ себѣ и присылали подарки. Папа Урбанъ V желалъ видѣть у себя прославленнаго старца: пусть онъ не беретъ на себя ни должности, ни работы, только почтить римскій дворъ своимъ присутствіемъ ¹⁾). Философъ постоянно отговаривался старостию или немощами. Онъ заставлялъ посѣщать себя и просить и казался еще величественнѣе, отклоняя отъ себя честь. Петрарка писалъ брату, что никогда не былъ способенъ пользоваться довѣріемъ властителей, а теперь въ старости всего менѣе; онъ хочетъ вести жизнь спокойную, умѣренную и уединенную, читать, писать и благоговѣйными размышленіями очищать свою душу ²⁾).

Но всѣхъ этихъ почестей Петрарка достигъ не безъ ущерба для своихъ философскихъ принциповъ. Онъ счумѣлъ очаровать слухъ властителей сладкими рѣчами почтительнаго благоговѣнія и признательности и въ отплату за почести и благодаренія обѣщалъ прославить ихъ имя въ своихъ стихахъ. Поэтъ любитъ хвалиться тѣмъ, что короли и папы ухаживаютъ за его особою. Но еще съ бѣльшею гордостью хвалится онъ тѣмъ, что всегда былъ вполне независимъ, что никогда не вынесъ бы такого положенія, которое бы отвлекало его хоть сколько нибудь отъ собственнаго Я и отъ ученыхъ занятій. По его словамъ, никто не можетъ сказать, что онъ потерялъ много времени на службѣ у владѣтельныхъ особъ. Онъ никогда не бывалъ въ ихъ совѣтѣ—въ этомъ мы не сомнѣваемся,—а на пирушкахъ рѣдко. Когда всѣ суетились и толпились во дворцѣ, поэтъ оставался въ своей мирной комнатѣ за книгами, или шелъ одинъ размышлять въ лѣсъ. Такимъ образомъ онъ только на видъ былъ у владѣтелей, а на самомъ дѣлѣ они были у него; если они желали его общества, то должны были примѣняться къ его желаніямъ ³⁾).

Такого положенія нельзя прибрѣсти безъ умѣнья жить. И философъ хочетъ ѣсть и пить и лучше имѣть обильное участіе въ благахъ міра сего, чѣмъ пить горькую чашу лишеній. Петрарка хромаетъ въ этомъ случаѣ и въ теоріи. То ему кажется желаннымъ спокойствіе Горация, полное наслажденій, и онъ хочетъ спастись отъ гнетущей бѣдности въ томъ смыслѣ, чтобы имѣть рѣшительно все, чего душа желаетъ. Онъ научился, полагалъ онъ, любить умѣренность, но не переносить ее ⁴⁾). То поэтъ кутается въ плащъ отшельника, не знаетъ границъ презрѣнія къ золоту и сокровищамъ, хо-

¹⁾ Epist. rer. senil. XIV, 3.

²⁾ Ibid. XIV, 6.

³⁾ Ibid. VI, 2. XVI, 2 къ Боккаччо. Filippo Villani p. 15: Ceterum cum curias frequentaret invitus et renitens, in illis, quod dictu mirabile est, solitarius erat.

⁴⁾ Epist. rer. senil. VIII, 3.

четь питаться только плодами и пить воду изъ ручья и ничего не жelaеть кромѣ мирной копчины. Онъ никогда не соглашался пожертвовать своею свободою службѣ напр. при римскомъ дворѣ, отъ казывался отъ должности секретаря и всякихъ бенефицій, связанныхъ съ пастырскими обязанностями, на томъ основаніи, что для него достаточно печься о своей душѣ. Но его гордость ни мало не оскорблялась тѣмъ, что онъ жилъ доходами съ приходовъ, для которыхъ ничего не дѣлалъ, получалъ подарки отъ владѣтельныхъ особъ, которымъ платилъ за это лестно. Припомнимъ одинъ наиболѣе рѣзкій примѣръ, именно когда онъ вмѣстѣ съ депутаціею отъ города Рима былъ въ Авиньонѣ у папы Климента VI и такъ любовно говорилъ съ французскимъ папою, что послѣдній тотчасъ же наградилъ его саномъ пріора въ Мальярино.

Желательно было бы знать, что собралъ Петрарка съ приходовъ и церковныхъ должностей во всю свою долгую жизнь. Но на это мы встрѣчаемъ лишь отрывочныя указанія въ письмахъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лично велъ дѣла свои въ Авиньонѣ, часто не выручаютъ и письма. Особенно бѣдны мы свѣдѣніями за года его ранней юности, когда его, конечно, тоже кормила церковь. Уже самое посвященіе онъ принялъ, безъ сомнѣніе, потому, что это было нужно для полученія прихода. Его первою бенефиціею былъ каноникатъ въ Ломбѣ, данный ему, папою Бенедиктомъ XII въ 1335 г., разумѣется благодаря хлопотамъ его друга, епископа Джакомо Колонны. Что только Лаура привязывала его къ папскому Вавилону и къ идилическому уединенію въ Воклюзѣ, мысль наивная. Подобно сотнямъ другихъ, поэтъ вращался вокругъ солнца папскихъ милостей, и его раздраженіе противъ Авиньона и куріи позволяетъ заключать о неудачныхъ искательствахъ. Онъ уже и тогда прикрывалъ свои поступки тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что занимается этимъ противнымъ выпрашиваніемъ бенефицій только для другихъ и по дружбѣ. Однако блаженному Августину Петрарка кается, что ищетъ средствъ къ жизни и хочетъ обезпечить себя подъ старость ¹⁾. Онъ былъ, очевидно, человѣкомъ вполне обезпеченнымъ, когда оставилъ Авиньонъ въ ноябрѣ 1347 г. Въ октябрѣ 1346 г. Петрарка получилъ каноникатъ при Шарскомъ соборѣ, потомъ должность архидiakона тамъ же въ 1350 г., а раньше, въ 1349 г., Джакомо да Каррара доставилъ ему каноникатъ въ Падуѣ, приносившій около 260 дукатовъ, съ домою при соборѣ ²⁾.

¹⁾ Сюда относятся тѣ *sollicitudines et edentes animum curae* въ *Dial. de contemptu mundi II* (отъ 1342-го года), въ силу которыхъ Августинъ уличаетъ его въ *avaritia*.

²⁾ Извѣстную исторію этихъ доходовъ разъясняютъ и недавно найденные документы *Livi* въ *Atti e Memorie delle Deputazioni di storia patria per le provincie dell'Emilia*.

Но уже въ 1351 г. онъ возвращается въ Авиньонъ, толкается тамъ цѣлый годъ и дольше въ толпѣ придворныхъ, въ приемныхъ папы и кардиналовъ, къ удивленію своихъ друзей, картина забавная и въ тоже время жалкая, какъ онъ самъ ее рисуетъ. Наконецъ онъ можетъ сообщить съ торжествомъ своему Симоиду въ Римъ, что его настойчивыя хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Общій другъ ихъ, валломбросскій аббатъ, исполнилъ его желаніе. И такъ это любезная услуга для другаго лица! А цѣдѣли черезъ полторы было кончено и другое дѣло. Онъ привезъ съ собою въ Авиньонъ своего пятнадцатилѣтняго сына Джіованни, не шедшаго ни въ одной школѣ и питавшаго отвращеніе къ ученію. Это отецъ сдѣлалъ не изъ алчности къ деньгамъ, какъ онъ говорилъ, но чтобы не оставить его безъ средствъ, если что случится съ нимъ. Этого повѣса, узаконенный еще раньше, теперь воротился къ своему прежнему учителю достаточно обеспеченнымъ веронскимъ каноникомъ ¹⁾. Но что же еще удерживало отца въ Авиньонѣ? «По истинѣ, не что другое, какъ любовь къ своимъ друзьямъ». Онъ увѣряетъ, что его призвали ко двору два самыхъ вліятельныхъ кардинала, Гвидо де Монфоръ и Эли де Талебранъ, что онъ явился не зная, что имъ нужно, потому что давно положилъ предѣлъ своимъ желаніямъ. А если бы онъ не послѣдовалъ ихъ приглашенію, это могло показаться гордостью. По его словамъ, всячески старались сдѣлать его богатымъ, но заваливать дѣлами,—а это несчастіе. Это значить, что ему вмѣсто покойнаго пользованія доходами предлагали мѣсто секретаря, отъ котораго онъ усиленно отказывался. Да и слогъ его оказался не подходящимъ: напши, что поэтъ пишетъ неясно и слишкомъ возвышенно для чиновника. Но доброжелатели его были готовы помочь ему другими путями и, вѣроятно, достигли своей цѣли. Конечно, не одинъ поклонникъ Петрарки смущался тѣмъ, что философъ черезъ каждые два года пріѣзжаетъ въ Авиньонъ, и это приписывали не одной только его неспособности сидѣть на мѣстѣ, а также и алчности. Но они снова успокоились, когда поэтъ съ благороднымъ негодованіемъ доказывалъ, что упреку въ алчности противорѣчитъ вся жизнь его, что у людей съ возвышеннымъ умомъ есть врожденное

М. S. vol III, P. II. Modena 1878, p. 289. Значеніе прихода въ Падуѣ мы узнаемъ изъ его позднѣйшаго пожалованія въ 1390-мъ г. Грамота у Schio Vita di Ant. Loschi p. 163. Относительно дома при соборѣ, который ѣкогда былъ украшенъ изображеніемъ поэта, см. Gloria въ Atti del r. Instituto Veneto T. VI Ser. V, Venet. 1879-1880, p. 21.

¹⁾ Epist. rer. famil. XII, 18 отъ 24-го мая и XIII, 2 отъ 5-го іюня 1352-го года. Какъ трудно было достигнуть этого, ясно изъ epist. var. 35 къ Веронцу Гульельмо да Пастренго: pro quo totiens laborastis, говорить Петрарка о каноникатѣ.

стремленіе перемѣнять мѣсто своего жительства, что его гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто нравственная болѣзнь ¹⁾).

Въ дѣйствительности Петрарка, неутомимый искатель бенефицій, по видимому, въ самомъ дѣлѣ пускался въ новый походъ чрезъ каждые два года, когда смолкали толки объ его назойливости. Только въ поздніе годы жизни онъ не являлся уже самъ въ Авиньонъ, а вель дѣла чрезъ своихъ друзей и агентовъ. А такъ какъ въ этомъ случаѣ было невѣроятно, что онъ хлопочетъ за другихъ, то поэтъ придумалъ новые нравственные софизмы, чтобы скрасить свою нефилософскую погоню за доходами. Подробности намъ большею частію неизвѣстны. Но кто знаетъ, какъ шли дѣла въ Авиньонѣ, на этомъ обширномъ рынкѣ бенефицій, какіе тамъ шли происки, торговля и мѣновыя сдѣлки, процессы, какъ обходили законъ о несовмѣстимости приходовъ и насилывали право, тотъ пойметъ, почему нельзя ясно прослѣдить всѣхъ походовъ Петрарки. Въ 1358 г. онъ увѣрялъ генуэзскаго архіепископа, что живетъ у Висконти, какъ скромный ученый, умѣренно, и просить только у Бога мирной кончины. Но архіепископъ вскорѣ узналъ изъ другихъ источниковъ, что Петрарка добился новыхъ доходовъ. Этого нельзя было скрыть, но поэтъ утверждалъ, что расходы его увеличились и потому деньги не залеживаются въ сундукѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открывалъ въ себѣ одну прекрасную и замѣчательную черту: между тѣмъ какъ у другихъ страсть къ богатствамъ усиливается по мѣрѣ пріобрѣтенія ихъ, онъ съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ становится спокойнѣе и довольнѣе. Слѣдовательно, выводъ былъ такой, что его можно все щедрѣе надѣлять благами міра не вредя его философскимъ принципамъ ²⁾. Уже въ 1361 г. Петрарка опять просить кардинала Талеираца и епископа Кавальонскаго похлопотать у папы о новой милости, чтобы спасти поэта отъ печальной бѣдности и заботъ ³⁾. Кардиналъ опять вернулся къ прежней мысли, что Петраркѣ слѣдуетъ поступить на службу къ римскому двору секретаремъ. Неизвѣстно, чего добился поэтъ. Но каноникатъ въ Веронѣ, данный сыну Петрарки, былъ отнятъ у развратнаго юноши и остался въ семьѣ, потому что добрый папа по смерти сына отдалъ его отцу ⁴⁾.

¹⁾ Epist. rer. famil. XIII, отъ 9-го августа 1352 г., XIV, 7 отъ 8-го ноября. И письма XIV, 4 и XV, безъ сомнѣнія, должны быть отнесены къ одной категоріи съ первыми.

²⁾ Epist. rer. famil. XIX. 16, 17. Въ послѣднемъ письмѣ говорится: Sed ad hunc diem quo plus habui, eo minus optavi, et quo rerum copia largior, eo et tranquillitas vitae maior et cupiditas animi minor fuit, minusque sollicitudinum et curarum.

³⁾ Epist. var. 55 и epist. rer. senil. 3. Тамъ: Divitias alii, ego paupertatem appetodes non omnem profecto, non sordidam, non tristem ne que solliciam, sed tranquillam sed pacificam, sed honestam.

⁴⁾ Epist. var. 35 отъ 10-го августа 1361-го года.

Еще въ глубокой старости, доживая послѣдніе годы въ Арквѣ, какъ философъ-отшельникъ, Петрарка не погнушался воспользоваться расположеніемъ папы для приращенія своихъ доходовъ. И тутъ характеристична его манера просить. У него, конечно, по его словамъ, достаточно для обихода каноника. Но вѣдь ему приходится заботиться о множествѣ дѣтей ¹⁾, поэтому у него явились такіе расходы, какіе бы потребовались развѣ на содержаніе цѣлаго капитула. Онъ любитъ жить въ деревнѣ просто и уединенно, но принужденъ держать слугъ, — «о, если бы я могъ жить безъ нихъ!» — довольствоваться двумя лошадыи и тремя переписчиками. Иногда, когда онъ одинъ и желаетъ пообѣдать запросто, вдругъ является толпа гостей, которыхъ онъ все таки долженъ принять прилично, чтобы не показаться скупымъ (!) ²⁾. Никто не можетъ такъ легко оказывать благодѣянія, какъ папа, если только онъ захочетъ; а онъ, поэтъ, не умѣетъ просить, такъ какъ мало размышлялъ о подобныхъ вещахъ. Но онъ ставитъ на видъ слѣдующее: если ему дадутъ приходъ, то по его старости и дряхлости можно рассчитывать скорѣе передать его другому ³⁾. — Какъ однако ловко Петрарка ни подступалъ къ дѣлу, оно не удалось. Одинъ изъ друзей его при римскомъ дворѣ писалъ ему, что папа, конечно, расположенъ къ нему, но едва ли много сдѣлаетъ, потому что имъ совсѣмъ завладѣла толпа вновь назначенныхъ и голодныхъ кардиналовъ. Теперь Петрарка еще болѣе отдался гордости, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ чувства стыда, что унижился до просьбы. Только теперь сталъ онъ горячо доказывать, что никогда не желалъ земныхъ благъ и мало заботился о томъ, много ли мало ли ему достанется, или ровно ничего. Но онъ не можетъ не излить своей досады на несыт-ныхъ прелатовъ. Отказъ въ бенефиціи обращается для него въ символъ и признакъ дурнаго управленія церковью: папа, по его мнѣнію, готовъ на всякое доброе дѣло, а кардиналы — представители всякаго зла. «И у меня, и у истины», говоритъ онъ, «много вра-

1) Кромѣ умершаго Джованни намъ извѣстна только дочь его Франческа, которая тогда уже давно была замужемъ.

2) Какъ ни любитъ часто онъ хвастаться своей умирностью, мы все-таки знаемъ, что съ каждымъ годомъ онъ становился все тучнѣе. Объ этомъ сообщаютъ первые біографы. Боккаччо у *Vozzetti Petrarca* p. 321: *statura procerus, forma venustus, facie rotunda etc.* Секко Полентоне у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 199: *pinguior enim simul et senior factus est.* «Vita» у *Tomasinus Petrarca rediv.* p. 191: *Vultus teres ac pinguis—Corpus in senio pingue—habuit.* «Vita» P. P. *Vergerius a ibid.* p. 1175 и у *De Sade T. III Pièces just.* p. 13: *plena facies, rotundiora membra et in senectute ad crassitudinem vergens.*

3) *Epist. var.* 15 къ Франч. Бруни и *epist. rer. senil XIII.* 12 къ нему же.

говъ при римскомъ дворѣ, которые всячески противятся моимъ выгодамъ и почету». Съ какимъ презрѣніемъ смотритъ онъ на толпу надменныхъ кардиналовъ, тогда какъ ему весьма лестно слышать дружеское слово отъ каждаго изъ нихъ. «Въ лицѣ ихъ чтутъ только митру да красную шапку»; напротивъ почеть, воздаваемый ему, поэту, относится и къ его личности. А такъ какъ размышленіе о смерти онъ считаетъ главнымъ отличіемъ философа, то, чтобы вызвать самое глубокое презрѣніе къ кардиналамъ, утончающимъ въ роскоши и нѣгѣ, онъ относитъ ихъ къ числу людей, набѣгающихъ мысли о смерти ¹⁾.

Конечно, нельзя отрицать того, что Петрарка былъ самымъ назойливымъ изъ всѣхъ искателей бенефицій, происки которыхъ такъ обезславили авиньонскій дворъ. Поэтому, какъ мы ясно видимъ, онъ достаточно палъ въ глазахъ людей, близко знавшихъ его. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже самый горячій его поклонникъ, достойный Боккачіо, защищавшій его отъ такихъ упрековъ въ своемъ похвальномъ сочиненіи, написанномъ еще при жизни Петрарки. Онъ отыскиваетъ другую причину тому, что наставникъ то и дѣло посѣщалъ римскій дворъ: онъ, видите ли, долженъ былъ тамъ научать людей, а иначе его знанія о нихъ утратились бы въ «слишкомъ строгомъ уединеніи». Онъ пользовался лишь умѣренными бенефиціями, несвязанными съ пастырскимъ долгомъ, и онѣ предлагались ему самимъ папою ²⁾. Безспорно Петрарка былъ однимъ изъ лицъ наиболѣе достойныхъ, которымъ церковь давала хорошее содержаніе, не требуя услугъ. Но столь же безспорно и то, что онъ долженъ былъ унижаться до софистики и лицемѣрія, чтобы оправдать передъ свѣтомъ противорѣчіе между такими отношеніями и своими стоическими принципами.

Сотню разъ сообщаетъ намъ Петрарка о томъ, что онъ избѣгалъ городской и людской суеты, сидѣлъ въ тихомъ кабинетѣ надъ книгами, или, гуляя по лѣсамъ и лугамъ, слушалъ пѣніе птицъ и журчаніе ручья, предавался одинъ созерцанію и поэтическимъ мечтамъ. Такимъ изображаетъ онъ себя не только въ своихъ *Rime*, но также въ письмахъ и философскихъ сочиненіяхъ постоянно рисуетъ картину своей поэтической жизни. Конечно, въ его изображеніяхъ неизбѣжно проглядываетъ тщеславіе и натяжка, но основной ихъ фонъ всегда такой, какой только художникъ улавливаетъ въ окружающей природѣ и во внутреннихъ чувствахъ своихъ. Кто

¹⁾ *Epist. rer. senil.* XIII, 12, 13, оба письма на имя того-же Бруни, его дѣлопроизводителя при курии.

²⁾ У Rossetti I, с. р. 319, 321.

когда либо такъ краснорѣчиво и восторженно повѣдалъ міру о прелестьяхъ своей свѣтской жизни. Кто, какъ поэтъ, наслаждался природою и идиллическимъ уединеніемъ въ связи съ учеными занятіями такъ же, какъ воклюзскій геній!

Мѣстность у истоковъ Сорги съ перваго же раза очаровала Петrarку, когда онъ воротился домой, кончивъ ученые занятія въ Болоньѣ. Онъ купилъ тамъ домикъ и сады, которые воздѣлалъ своими руками и по своему вкусу, «подобно Фабрицію или Катону». Старая домоправительница, весьма работающая и преданная женщина, заботилась объ удовлетвореніи его скромныхъ потребностей. Хозяйство дополняли двое слугъ и собака. По временамъ прибавлялся псаецъ. Здѣсь жилъ поэтъ среди бѣдныхъ и честныхъ поселянъ, которые обрабатывали свои скудныя нивы, виноградники и масличныя деревья и ловили рыбу. Онъ вступилъ въ мирныя сношенія съ этими людьми, хотя имъ не было дѣла до его пѣсень, науки и философскаго величія. Ему даже хотѣлось бы убѣдить весь свѣтъ, что, пресыщенный похвалами и славой, онъ радъ жить между такими людьми, которымъ онъ совершенно неизвѣстенъ какъ великій челоуѣкъ¹⁾ Часто онъ ѣстъ тотъ же хлѣбъ, что и пастухи, лакомится виноградомъ, смоквами и орѣхами. Одѣвается Петrarка такъ же, какъ и поселяне, и часто помогаетъ имъ ловить рыбу удочками и сѣтью. Но всего больше любитъ онъ наслаждаться природою и сельскою тишиною наединѣ съ самимъ собой. Поэтъ бродитъ по зеленымъ лѣсамъ и цвѣтущимъ лугамъ, поднимается на холмъ и любитъ оттуда величественнымъ видомъ. Иногда, если придетъ охота, онъ проводитъ цѣлый день на холмѣ, слушая щелканье и пѣніе птицъ, мычанье стада въ долинѣ, дремлетъ въ тѣни дерева или на травѣ на берегу прохладной рѣчки, вечеромъ отдыхаетъ въ саду у ручья, а ночью бродитъ одинъ по лугамъ или горамъ, наслаждаясь волшебнымъ сіяніемъ луны, или слушая далекое пѣніе пастуховъ, стерегущихъ свое стадо. Тутъ онъ размышляетъ и творитъ, и у него постоянно подъ рукою записная книжка, даже когда ѣздитъ верхомъ. Или онъ просто только мечтаетъ. Самъ себѣ онъ даетъ имена Solivagus (одинокъ бродящій) и Silvius (любитель лѣсовъ); такъ и друзья любятъ называть его. Прогулка и блужданье становятся атрибутами поэта, который научаетъ міръ кое чему новому, именно отыскивать прелести природы и наслаждаться дѣйствіемъ ихъ на душу.

¹⁾ Epist. rer. famil. XI, 12: Usque ad aestietatem notus in patria, fugiensque fastidium, quaero ubi lateam solus, inglorius et ignotus. Mira cupiditas inter tot praesertim inanis gloriae sectatores!

А для разнообразія—рабочая комната, мирная библіотека. Нѣтъ другой работы кромѣ той, какую умъ самъ себѣ выбираетъ и которой ищетъ! Петрарка любитъ рассказывать, какъ онъ встрѣчаетъ утро за книгами. Нѣкоторое время поэтъ любилъ помѣчать свои письма такъ: «въ тиши мрачной ночи» или «при началѣ утренней зари». Такимъ образомъ въ идилическомъ проведеніи времени онъ находилъ полный литературный досугъ. Петрарка тутъ научился тому, что однажды призналъ лучшимъ въ жизни—искусству жить¹⁾.

Современники соединяли образъ воклюзскаго поклонника природы не съ сладостными пѣснями любви, а съ философскимъ уединеніемъ. Это видимъ мы у Боккачіо, который всегда говоритъ съ таинственнымъ благоговѣніемъ объ отшельничествѣ своего друга, какъ о богинѣ арицинской роши. Истоки Сорги и домикъ Петрарки тотчасъ же послѣ его смерти показывались пріѣзжимъ, какъ чудное мѣсто, гдѣ возникло сочиненіе *Объ уединенной жизни*²⁾. Уже позднѣе воспоминаніе о сладкозвучномъ пѣвцѣ Лауры любятъ соединять съ прославленною воклюзскою долиною, и мы невольно представляемъ себѣ ученаго Петрарку склонившимся надъ своими латинскими книгами, въ скромномъ домикѣ въ Арквѣ, у окна, выходящаго въ тотъ садъ, масличныя деревья котораго онъ самъ посадилъ и выростилъ.

И римскіе поэты воспѣвали подобное идилическое уединеніе, и военные и государственные люди древняго Рима любили сельскую жизнь и литературный досугъ. Но Петрарка сознавалъ, что онъ стоитъ еще выше обыкновенныхъ людей, отрекаясь отъ ихъ грубаго, матеріальнаго наслажденія жизнью, и питая свой умъ бесѣдой съ самимъ собою и съ умами древняго міра. Много говорили о монашеско-аскетической чертѣ въ характерѣ Петрарки, но какъ

1) *Epistt. rer. famil.* XIII, 4, 8. XXI, 12 *senil.* X, 2 и др. Приведемъ два примѣра изъ стихотворныхъ писемъ.

I, 7: *Saepe dies totos agimus per devia soli
Inque manu calamus dextra est, at carta sinistram
Occupat, et variae complent praecordia curae.*

III, 27: *Solus ego populum fugiens et rura pererrans
Solus et ad ripam tenera resupinus in herba
Ardentes transire dies rabiemque leonis
Curarum liber video, vacuusque malorum etc.*

²⁾ *Boccaccio de montibus etc.* p. 436. Онъ управляетъ: *Nec dobum puin adhuc filii nepotes et qui nascentur ab illis, ampliori cum honore tanti vatis aemiratione vestigia venereretur.*

плохо понимали его въ этомъ случаѣ! Какъ ни любитъ онъ говорить о своихъ постахъ, ночныхъ бдѣвіяхъ и лишеніяхъ и выставятъ на видъ свою созерцательную жизнь, однако въ немъ кроется несравненно больше гордости ученаго, чѣмъ смиренной простоты монаха. Онъ написалъ книгу о жизни въ уединеніи ¹⁾, которая, правда, чрезвычайно понравилась монахамъ, нашедшимъ въ ней похвалы своему сословію. Однако уже своими философскими воззрѣніями и блестящимъ ораторскимъ слоюзомъ она довольно рѣзко отличается отъ назидательныхъ трактатовъ монашескаго характера. При томъ странно, что Петрарка ставитъ древняго философа на одну доску съ христіанскимъ отшельникомъ. Въ немъ проповѣдуется не однообразно благочестивая жизнь монастыря, а невозмутимая тишина рабочаго кабинета и наслажденіе, испытываемое на лонѣ природы, чуждыя суеты окружающаго міра и дающія возможность жить болѣе богато и разнообразно внутреннею жизнью. Кто живетъ на виллѣ, предаваясь своимъ влеченіямъ, тотъ отрывается только отъ своихъ обязанностей передъ свѣтомъ, а не отъ самаго свѣта. Чтеніе, писаніе и размышленія, по словамъ Петрарки, всегда были его высшимъ наслажденіемъ ²⁾; въ такомъ смыслѣ прославляетъ онъ блага, доставляемыя уединеніемъ, которыя оно одно и можетъ доставлять: спокойствіе, независимость и досугъ. Постоянно работая и творя, онъ чувствуетъ въ себѣ полноту бытія. Боккаціо однажды сказалъ, что Петрарка можетъ наконецъ успокоиться на лаврахъ и провести безмятежную старость, но поэтъ отклонилъ этотъ дружескій совѣтъ, какъ недостойный его; ³⁾. Въ другой разъ тотъ же другъ подарилъ ему сочиненія Августина въ одномъ большомъ томѣ. Теперь, увѣрялъ его Петрарка, за пристальнымъ чтеніемъ онъ иной разъ забываетъ объ обѣдѣ и проводитъ бессонныя ночи. Это чтеніе—единственная его отрада; конечно, чернь не понимаетъ этого: вѣдь она не знаетъ другихъ наслажденій кромѣ чувственныхъ ⁴⁾. Съ высоты того пьедестала, на который любилъ становиться поэтъ, онъ и къ семейной жизни относится съ презрѣніемъ. Изученіе философіи и жена, думаетъ онъ, плохо уживаются вмѣстѣ, женщина—это настоящій дьяволъ, закланной врагъ

¹⁾ Сочиненіе *de vita solitaria* во всякомъ случаѣ было начато еще въ Волюзѣ по Append. litt. epist. 6 ed. Fracassetti отъ 17-го мая 1349 года. Карлу же Петрарка сказалъ согласно epist. rer. famil. XIX, 3, въ декабрь 1354 года, что «недавно» издалъ эту книгу. Стало быть, она была обработана во время его пребыванія въ мятежномъ Миланѣ.

²⁾ Epist. rer. senil. XIII, 7; *Invect. c. medicum Lib. IV* (Opp. p. 1223).

³⁾ Epist. rer. senil. XVI, 2.

⁴⁾ Epist. rer. famil. XVIII, 3,

мира и душевнаго покоя. Часто бракъ ведетъ къ разнаго рода опасностямъ, а еще чаще къ позору и почти всегда къ пресыщенію и отвращенію. Кто любитъ чувственныя наслажденія и дѣтскую возню, тотъ пусть женится и такимъ образомъ печется о продолженіи своего рода и имени. «А мы, если намъ это суждено, распространимъ свое имя не съ помощью брака, а ума, не чрезъ дѣтей, а сочиненіями, не съ помощью жены, а добродѣтели»¹⁾).

Въ это ученое отшельничество хочетъ удалиться Петрарка отъ людей, чтобъ укрыться отъ ихъ удивленныхъ взоровъ и не слышать ихъ похвалъ. Тѣмъ невозмутимѣе наслаждался онъ полнотою славы въ своемъ воображеніи, которую порождала молва объ его мирномъ философскомъ досугѣ. Чѣмъ болѣе онъ избѣгалъ поклоненія людей, тѣмъ съ бѣльшимъ любопытствомъ желали они видѣть необыкновеннаго человѣка. Какой почетъ былъ для него, что многіе именитые люди пріѣзжали въ воклюзскую долину—видѣться и говорить съ нимъ²⁾. Въ томъ числѣ было нѣсколько кардиналовъ изъ Авиньона и даже Неаполитанскій король Робертъ³⁾. Какъ уповательно, что для приглашенія къ поэтическому вѣнчанію его слѣдовало посѣтить у истоковъ Сорги! «Къ царю Сифаксу, рассказываетъ Петрарка, пришли послы римскіе и кареагенскіе просить союза и помощи и нашли его гордо возсѣдающимъ на престолѣ и окруженнымъ тѣлохранителями. Меня застали эти приглашенія въ то время, какъ я одиноко бродилъ утромъ по лѣсамъ, а вечеромъ по берегу рѣки»⁴⁾. Такимъ образомъ на его поэтическое наслажденіе въ горахъ, лѣсахъ и у ручьевъ опять ложится тѣнь суетной гордости, и ради ихъ онъ не можетъ забыть о своемъ Я. Онъ полагаетъ, что можетъ «безъ хвастовства замѣтить въ ихъ прославленіе, что самое лучшее украшеніе этихъ мѣстъ—обитающій въ нихъ Франческо»⁵⁾.

И то же самое чувство, съ какимъ онъ принималъ посѣщенія друзей и приглашенія къ вѣнчанію лаврами, въ другое время опять влекло его въ общество. Ему уже не сидится на берегахъ тихой Сорги. Онъ придумываетъ причины, по которымъ ему тяжело жить тамъ: итальянская родина слишкомъ далека, а ненавистный Авиньонъ съ римскимъ дворомъ слишкомъ близки и т. п. Его опять

¹⁾ Epist. rer. senil. XIV, 4 (Opp. p. 1034).

²⁾ Invect. c. medicum. 1. c. (Opp. p. 1226).

³⁾ Epist. rer. famil. XII, 12.

⁴⁾ Epist. rer. famil. IV, 4.

⁵⁾ Append litt. epist. 6 ed. Fracassetti: quid habet locus ille gloriosius habitatore Francisco? Такия же выраженія можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ.

тянетъ къ людямъ, но ни одна мѣстность не можетъ долго нравиться ему; тутъ виноваты — то самъ онъ, то мѣсто, то люди, однимъ словомъ—все. Онъ какой-то скиталецъ на землѣ, не знающій себя покоя, и ему думается, что пора переселиться въ иную мѣстность ¹⁾). Тутъ онъ ѣздитъ изъ города въ городъ, жадно упитываясь всюду воскуриваемымъ ояміаомъ. «Даже Циціонъ Африканскій — такъ объясняетъ онъ эту переѣзную мѣсть для жительства — ежедневно будучи на глазахъ у римлянъ, сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ; чего же ожидать другому, кто вовсе не Циціонъ и живетъ не среди римлянъ» ²⁾).

Есть собственное признаніе Петрарки, которое устраняетъ всякія сомнѣнія и даетъ простое рѣшеніе вопроса объ его уединеніи въ Воклюзѣ, въ Липтернумъ на Гарильяно и на Эвганейскихъ горахъ. Правда, по его словамъ, онъ часто удалялся изъ большихъ городовъ и отъ людей въ уединенные лѣса и тихія долины. Но причиною этого было именно его честолюбіе. Онъ думалъ похвалиться этимъ бѣгствомъ отъ людскаго поклоненія, покидалъ обычную, слишкомъ проторенную тропу честолюбцевъ, но шелъ къ той же цѣли другимъ путемъ: конечною цѣлью его уединенія, его тихихъ ученыхъ занятій все таки была постоянно слава ³⁾).

Цицеронъ написалъ книгу о дружбѣ; какъ часто и восторженно говорить о ней Сенека въ своихъ письмахъ! Петрарка тоже думалъ, что безъ дружбы не будетъ истиннымъ философомъ. Его письма и другія сочиненія полны нравоученій и разсужденій о ней и примѣровъ изъ древней исторіи. Въ поэмѣ Африка дружба находитъ классическаго представителя въ лицѣ Лелія, и въ нее же была включена похвала дружбѣ ⁴⁾). Петрарка и въ жизни хотѣлъ блистать какъ виртуозъ, какъ герой ея. Двоихъ братьевъ, по его словамъ, подарила ему мать, но больше того дала дружба. Съ ея сокровищами онъ считаетъ себя богаче владѣтельныхъ особъ и королей ⁵⁾). Еще въ посланіи къ потомству поэтъ хвалится тѣмъ, что весьма усердно искалъ почетныхъ дружескихъ связей и заботливо поддерживалъ ихъ. Петрарка постоянно говоритъ съ восторженною любовью о своихъ друзьяхъ, а потомъ, когда всѣ они переселились отъ него въ иной міръ, съ трогательнымъ воспоминаніемъ. Но мы не знаемъ, какъ собственно относились къ нему друзья. Даже не исклю-

1) Epist. rer. famil. XV, 4. 8.

2) Epist. rer. senil. VI, 2.

3) De contemptu mundi Dial. II (Opp. p. 389). Epist. rer. famil. IX, 14.

4) II, 510 seq. ed. Corradini.

5) Epist. rer. famil. IX. 2.

чая наиболѣе любимыхъ имъ Лелія (Джіакомо Колонна) и Боккаціо, мы ни у кого не замѣчаемъ такихъ личныхъ отношеній, которыя бы служили основаніемъ дружбѣ. Это были—избранные его поклонники. Они обыкновенно выражаютъ ему свое уваженіе въ вычурныхъ фразахъ; такъ напр. Франческо Нелли пишетъ ему, что счастливъ тѣмъ, что онъ—современникъ Петрарки. Письма послѣдняго къ нимъ почти никогда не касаются ихъ личныхъ дѣлъ; по большей части это бесѣды автора съ самимъ собою, а адресъ друга только дѣлаетъ честь послѣднему. Такимъ образомъ для Петрарки дружба—не наслажденіе, состоящее въ способности и готовности быть преданнымъ другомъ и утѣшаться любовью къ людямъ въ тѣсномъ кругу; это просто—аппаратъ, необходимый для величія его философскаго трона, который долженъ быть окруженъ друзьями, какъ тронъ государя свитою придворныхъ. Самымъ короткимъ его друзьямъ даются античные псевдонимы: Сократъ, Лелій, Симонидъ. Другимъ изъ вѣжливости не только выпадали на долю названія друзей, но и Цицероновскія изреченія, относившіяся къ нимъ. «Кто хочетъ только извлекать пользу изъ своихъ друзей, тотъ мелкій торгашъ дружбы, а не почитатель ея»—такъ писалъ Петрарка Франческо Бруни, аббревиатору при Куріи, отъ котораго онъ, очевидно, ждалъ только помощи при своемъ исканіи бенефицій¹⁾. По большей части въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и играетъ роль культъ дружбы впоследствии въ литературѣ гуманистовъ. Такъ и вообще многое, что Петрарка еще умѣлъ прикрывать блескомъ величія, при его послѣдователяхъ все болѣе и болѣе получало видъ обыкновенныхъ отношеній.

Не иначе можно судить и о любви Петрарки, вызвавшей такое удивленіе. Во всякомъ случаѣ это не любовь трубадуровъ, съ которою ее часто сравнивали. Да и любовныя пѣсни Петрарки имѣютъ только то общаго съ ихъ пѣснями, что большею частію созданы подъ небомъ Прованса. Скорѣе онъ навѣяны, повидимому, Дантомъ и, вѣроятно, Чино. Къ этому присоединяется взятый у древнихъ поэтовъ образъ, какъ люди показываютъ пальцами на бѣднаго юношу, пожираемаго пламенемъ безнадежной любви, какъ герой этой любви становится предметомъ городскихъ толковъ, вызываетъ удивленіе и приобретаетъ знаменитость²⁾. Это стремленіе возникло у

¹⁾ Epist. rer. XIII, 18. cf. epist. rer. famil. IX, 11.

²⁾ Ovidii amor. III, 1, 19.

Saepe aliquis digito vatem designat euntem
Atque ait' hic hic est quem ferus urit Amor.

Петрарки уже въ то время, когда онъ франтомъ расхаживалъ по улицамъ Авиньона въ узкихъ башмакахъ, съ завитыми въ локоны волосами. Оно усиливалось вмѣстѣ съ славой его имени и постоянно побуждало его къ новымъ изліяніямъ неугасимой страсти, безнадежно терзавшей его. Слезы и вздохи, приторная сладость, передаваемая въ благозвучныхъ стихахъ, въ скоромъ времени сдѣлали его интересною личностью, прославили его имя, которое вскорѣ повторялось устами тысячи людей, а въ особенности женщинъ и чувствительныхъ мужчинъ «безъ грамматики». Сентиментальность, выражавшаяся съ такимъ обиліемъ въ мученіяхъ безнадежной страсти, въ тоскѣ и желаніи смерти, отъ которыхъ поэтъ не хотѣлъ избавиться, была самымъ чарующимъ элементомъ его любви. Но и тутъ онъ хочетъ высоко подняться надъ толпою. Его любовь должна быть совершенно особымъ чувствомъ, облагороженнымъ, любовью къ душѣ, не вызываемою тѣлесною красотою и потому не остываемою съ годами ¹⁾. А иначе вмѣстѣ съ любовью охладѣло бы и вниманіе свѣта къ любящему. Конечно, это уже не античная идея. Скорѣе это идея Данта, который первый противопоставилъ природному влеченію высшую, духовную любовь. Такъ объясняется то явленіе, что нашъ поэтъ цѣлые десятки лѣтъ продолжалъ воспѣвать передъ свѣтомъ свою единственную любовь. Конечно, она не надолго овладѣла имъ. Она не помѣшала поэту жить въ то же время съ конкубинами и имѣть дѣтей, хотя онъ любитъ говорить объ ея облагораживающей силѣ, подавляющей въ немъ пошлую страсть.

Лаура, быть можетъ, когда нибудь вызвавшая мимолетное упоеніе любви въ юномъ Петраркѣ, потомъ становится просто образомъ, къ которому поэтъ приурочиваетъ свои вымыслы, подобно тому, какъ его такъ называемые друзья въ лучшемъ случаѣ были просто лицами, нужными для возвеличенія его славы. Джіакомо Колонна, знавшій его лучше всѣхъ друзей, которому онъ посвятилъ великолѣпное изображеніе своихъ душевныхъ мукъ въ латинскихъ стихахъ, шутивно замѣчалъ, что Петрарка выдумалъ прекрасное имя Лауры только для

— Fabula—nec sentis?—tota iactaris in urbe etc.

Pers. I, 28: At pulchrum est digito monstrari et dicier hic est.

Петрарка напоминаетъ своему брату Джерардо въ *epist. rer. famil. X. 3*: *quanta nobis fuerat cura quantaque vigiliae, ut furor noster late notus, et nos essemus populorum fabula—denique quid non fecimus, ut amor ille—plausibiliter caneretur. Epist. metr. III, 27: Fabula quod populo fuerim digitoque notatus.* То же самое въ первыхъ сонетахъ и въ другихъ мѣстахъ.

¹⁾ Поэтому онъ сообщаетъ Августину въ *Dial. III de contemptu mundi*, что Цезаронъ говорить только *de communi amore hominum, in me autem singularia quaedam sunt.*

того, чтобъ оно могло прославить его и чтобы всѣ говорили о немъ. Лаура въ его сердцѣ—не что иное, какъ поэзія, и мотивъ его пѣсень—вымышленный, а вздохи—притворные. «О, если бы это было притворство, а не безуміе!» отвѣчалъ Петрарка, не пускаясь однако въ дальнѣйшія объясненія ¹⁾. Въ годы всесвѣтной мудрости онъ, правда, довольно часто говорить, что стыдится этихъ оковъ и тѣхъ похвалъ, какія вызвали его пѣсни отъ обыкновенныхъ людей. Однако онъ до преклонной старости отыскиваетъ въ пожелтѣвшихъ листахъ все новыя свидѣтельства своей прежней любви, снова освѣжаетъ ее въ памяти своей, какъ и ту славу, которую приобрѣлъ ими ²⁾. И какъ долина Сорги кажется ему напоследокъ потому столь великолѣпною, что онъ сдѣлалъ ее знаменитою, такъ поэтъ не можетъ забыть и Лауру, которую прославилъ своими пѣснями ³⁾.

Оцѣнить и признать заслуги другихъ безъ отношенія къ самому себѣ Петрарка рѣшительно не могъ, кромѣ древнихъ, отдаленныя личности которыхъ недоступны для зависти. Никто изъ современниковъ не долженъ былъ выражать притязанія сравниться съ нимъ. Изъ нихъ, какъ одинокая скала, гордо высился только Дантъ Алигьери. Петрарка избѣгаетъ случая говорить о немъ и съ нѣкоторою робостью держится въ отдаленіи отъ него. Но само по себѣ не мыслимо, чтобы Дантъ, какъ поэтъ, не былъ близокъ къ нему въ юности и не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Петраркѣ было 17 лѣтъ, когда онъ умеръ, и именно въ то время слава о немъ гремѣла. Да и самъ онъ говорить, что помнить, какъ Данта до излишества прославляли на улицахъ и площадяхъ. Собственно это,

¹⁾ Epist. metr. I, 7: epist. rer. famil. II, 9. Стихотвореніе *De statu quo*, сантиментальная сладость котораго привела въ восторгъ даже самаго Петрарку, и слова Колонна, очевидно, находятся въ причинной связи.

²⁾ Epist. var. 9 отъ 1373 года.

³⁾ Въ стихотвореніи *De statu: Carminibusque ornata meis auditaque longe*. Отмѣчая въ своемъ Виргиліи день ея смерти, онъ говорить: *Laura propriis virtutibus illustris et meis longus celebrata carminibus etc.* Августинъ напоминаетъ ему въ *Dial. III de contemptu mundi: Cogita quantum tu famae illius addideris etc.* Въ Канцонѣ «*Chedebb' io far?*» слава Лауры требуетъ, чтобы онъ не переставалъ ее воспѣвать:

E sua fama che spira
In molte parti ancor per la tua lingua,
Prega che non estingua etc.

Son. 21 in morte di L. поетъ о томъ, какое дѣйствіе они оказывали другъ на друга: *Io gloria in lei ed ella in me virtute.* Еще въ *Trionfo della Morte cap. 2* просвѣдренная Лаура говорить:

E piacem' il bel nome (se' l ver odo)
Che lungo e presso col tuo dir m' acquisti.

как хочет онъ увѣрить, и отдалило поэта отъ народнаго языка, на которомъ онъ писалъ въ юности. Но, разумеется, не простая случайность, что въ юношескихъ стихотвореніяхъ Петрарки столь многое напоминаетъ Данта. Не чему иному, какъ влиянію Данта, можемъ мы приписать употребленіе аллегорій, искусственные покровы и маскировку живыхъ лицъ, смѣшеніе дѣйствительности съ вымысломъ, культъ платонической любви и нѣкоторыя особенности поэтической формы. Уже у Данта мы находимъ сентиментальное изображеніе Рима, Рима, одиноко сидящаго въ видѣ печальной вдовы; и онъ требовалъ благоговѣнія къ почвѣ и камнямъ города. При болѣе основательномъ изслѣдованіи нашлись бы и другія сходныя черты. Петрарка, навѣрное, зналъ Новую жизнь. О Божественной Комедіи онъ хотя и не говоритъ, что она осталась неизвѣстною ему, однако сообщаетъ, что ея не было въ его книгахъ ¹⁾). Напротивъ, что касается латинскихъ сочиненій Данта, не особенно распространенныхъ, Петрарка, быть можетъ, имѣлъ понятіе только о письмѣ къ Генриху VIII.

Много говорено было о томъ, что Петрарка уклончиво относился къ Данту, не участвовалъ въ его похвалѣ и поклоненіи. Это приписывали неприязни къ сопернику по славѣ, зависти. Боккаччо, честная душа котораго смиренно преклонялась предъ обоими, хотѣлъ снять съ живаго учителя это темное пятно, внушивъ ему уваженіе къ заслугамъ покойнаго. Въ то же время онъ смотрѣлъ на это какъ на дѣло примиренія двухъ великихъ флорентинцевъ, которое онъ обязанъ устроить ради дорогой родины. Онъ подарилъ Петраркѣ въ 1359 г. экземпляръ Божественной Комедіи, который списалъ для него самъ ²⁾). При этомъ онъ подробно распространился въ похвалахъ Данту и столь же подробно извинялся въ этомъ передъ Петраркою! Послѣдній очень холодно принялъ трогательную жертву

¹⁾ Послѣ словъ Петрарки трудно понять, какиимъ образомъ хотѣли найти писанный его рукою копіи Божественной Комедіи. Относительно ватиканскаго кодекса, изданнаго Ubal dini, и палатинскаго, надъ которыми такъ трудился Палермо J Manoscritti Palatini vol. II p. 599 Францесети уже высказалъ свой недобрыиный взглядъ въ призываніи къ переводу epist. ger. famil. XXI, 15. Что значатъ графическія сравненія при такой недостоверности сравниваемыхъ предметовъ! Прежде еще нужно изслѣдовать, что, кромѣ амброзіанскаго Виргилія, осталось отъ написаннаго рукою Петрарки, если не считать краткія замѣтки, которыми упоминаются, напримѣръ, у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 200 и въ Historie litt. de la France vol. XXIV p. 575. Я не сомнѣваюсь уже объ автографическихъ письмахъ въ лауренціанскомъ кодексѣ, бывшемъ во владѣніи Бенгадела, послѣ ихъ изслѣдованія, сдѣланнаго моимъ почтеннымъ товарищемъ Рюлемъ.

²⁾ Сопровождающее его стихотвореніе Italiae iam certus honos etc. часто печаталось, въ послѣдній разъ, въ Bossaccio Lettere ed. Corrazzini p. 53. Копію, писанную рукою Боккаччо, показываютъ теперь въ ватиканской бібліотекѣ.

друга. Его усердіе, какъ земляка, вовсе не подѣйствовало на поэта; онъ и не высказался о Дантѣ, и странно, что въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ умышленно не называетъ его имени ¹⁾). Только одна мысль тревожила Петрарку, что его упрекають въ зависти къ Данту; онъ, очевидно, считаетъ для себя оскорбительнымъ, что осмѣливаются ставить Данта наряду съ нимъ. Онъ увѣряетъ, что, приведи ихъ судьба жить въ одно время, Дантъ былъ бы его дорогимъ другомъ, что онъ удивляется высокой жизни поэта, не смущаемаго бѣдностью и преслѣдованіями. Презрѣніе его должно обрушиться на тѣхъ неразумныхъ поклонниковъ Данта, которые расхваливаютъ своего поэта въ харчевняхъ и на улицахъ, не понимая его истиннаго достоинства. Онъ прибѣгаетъ къ самымъ затѣйливымъ уловкамъ, чтобы показать, какъ невозможна зависть съ его стороны. Какъ можно думать, чтобы Петрарка завидовалъ тому, кто всю жизнь свою, хотя и возвышенно, писалъ на томъ народномъ языкѣ, которому онъ посвятилъ лишь нѣсколько юношескихъ лѣтъ, да и то шутя. Вѣдь онъ не завидуетъ даже Виргилю; притомъ его не можетъ задѣть за живое грубая похвала красильщиковъ шерсти, кабатчиковъ и тому подобнаго люда. И того достаточно, что онъ терпитъ за свои юношескіе стихи ту жалкую славу, которая гремитъ по улицамъ и рынкамъ. Поэтъ поздравитъ себя вмѣстѣ съ Гомеромъ и Виргилиемъ, если избавится отъ такихъ похвалъ. Только завистники его славы могли выдумать ту нелѣпость, будто онъ завидуетъ Данту. А какъ странно объясняетъ Петрарка, почему онъ въ юности никогда не добивался имѣть великую поэму Данта! Тогда онъ еще былъ вполне увлеченъ народнымъ языкомъ и не научился «стремиться къ высшему» и, по правдѣ говоря, боялся, что если займется поэмою Данта, то безъ своего вѣдома и воли сдѣлается его подражателемъ. Петрарка не объясняетъ, почему хуже учиться у Данта и подражать ему, чѣмъ Цицерону или Виргилю. Но онъ не хочетъ быть обязаннымъ духовными благами никому изъ современныхъ поэтовъ, не хочетъ сравненія ни съ кѣмъ, ни съ однимъ не желаетъ дѣлить славу великаго человѣка. Поэтому что бы ни говорили, его раздражали похвалы великому произведенію и его вѣнчанному творцу; онъ съ отвращеніемъ и съ тайною ревностью отстранялъ ихъ отъ себя — зависть же, отъ которой онъ такъ усиленно оправдывался постоянно ²⁾), — дѣйствительно, слово не совсѣмъ подходящее. Можетъ быть, именно

1) Cuius hodie nomine scienter abstinui.

2) Въ Dial. II de contemptu mundi, напримѣръ, онъ говоритъ объ Августинѣ: Utinam non tibi magis superbia quam invidia nocuisset, hoc enim crimine, me iudice, liber es.— Письмо къ Бонивачіо есть epist. rer. famil. XXI, 15.

этотъ упрекъ и навелъ его на мысль превзойти Данта въ большомъ серьезномъ произведеніи тоже на народномъ языкѣ. Въ 1357 г., какъ полагаютъ, онъ задумалъ написать Торжество славы, навѣянное однако торжествомъ церкви въ XXIX-й пѣсни Чистилища, которое слѣдовательно онъ хорошо зналъ и раньше подарка Боккачіо. Не смотря на остановку въ работѣ ¹⁾, онъ продолжалъ ее до самой смерти, хотя, конечно, даже не приблизился къ своему великому предшественнику ²⁾.

Напротивъ, Петрарка съ своей стороны часто говоритъ о своихъ завистникахъ и врагахъ. Они были нужны ему, потому что низкая толпа напослѣдокъ всегда досадуетъ на все великое и необычайное, потому что зависть есть неизбежное послѣдствіе славы. Безъ сомнѣнія, противники у поэта были: ученые, на которыхъ онъ нападалъ, во главѣ ихъ медики и послѣдователи Аристотеля, по мѣрѣ силъ давали волю своему гнѣву; другіе предпочитали свою специальную область гуманитарнымъ наукамъ; наконецъ третьи нѣсколько непочтительно отзывались о немъ и о поэзіи, или держались всторонѣ отъ всеобщаго поклоненія ему, а нѣкоторыхъ это безмѣрное поклоненіе, очевидно, вызывало на противорѣчіе. Петрарка былъ такъ счастливо поставленъ, что подобные враги не могли ни разстроить его внѣшнихъ отношеній, ни помѣшать его ученымъ занятіямъ. Онъ могъ относиться къ нимъ совершенно спокойно. Но какъ скоро до его слуха доходилъ какой нибудь неблагопріятный отзывъ, нападки на его ученіе или на его заслуги, и не всѣ смиренно подчинялись ему, то ему тотчасъ же мерещилась цѣлая масса злокозненныхъ враговъ, злоумышляющихъ противъ его славы. Тутъ сейчасъ же обнаруживалось его раздраженное тщеславіе и высокомеріе, и часто весьма мелочными выходками. Одинъ человекъ, къ которому онъ прежде относился какъ къ другу, позволялъ себѣ слегка порицать его сочиненія. Петрарка тотчасъ же съ озлобленіемъ попалъ на него, какъ на «врага», и гордо примѣнилъ къ нему выраженіе *Sus docet Minervam* (свинья учитъ Минерву) ³⁾. Другіе, какъ ему сообщали, презрительно отзывались объ его умѣ; они тотчасъ же являлись у него «толпою плебейскихъ умовъ», которые тѣмъ поспѣшнѣе и смѣлѣе въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ

¹⁾ Epist. rer. senil. V, 2, къ Боккачіо: *Magnum opus inceperam in eo genere (на народномъ языкѣ) sed aetatem respiciens substii.*

²⁾ Его отношенія къ Данту вызвали въ Италіи множество трактатовъ и составляютъ почти любимую тему литераторовъ. Я назову здѣсь только *Carducci Studi letterari* p. 328.

³⁾ Epist. metr. II, 18.

необразованнѣе и легкомысленнѣе; не слѣдуетъ смотрѣть на ихъ пустую болтовню, а ихъ зависть—преодолѣть добродѣтелью и глубокою ученостью. Они могутъ только прикрыть свѣтъ, а не потушить его; онъ продолжаетъ свѣтити и вкругъ снова прорѣжетъ облака. «Многіе судятъ обо мнѣ, которыхъ я не знаю, не желаю знать и не удостоиваю этого. Меня по истинѣ удивляетъ, кто ихъ поставилъ судьями надо мною» ¹⁾. А другіе не хотѣли цѣнить поэзію и древнихъ поэтовъ столь же высоко, какъ онъ. Виргилій и Гораций, быть можетъ говорили они, давно уже умерли; къ чему же поднимать такой шумъ изъ за нихъ! Они говорили такъ, по имѣнію Петрарки, только для того, чтобы отклонить отъ изученія древнихъ писателей своихъ современниковъ, слѣдовать которымъ они не могли; эти литераторы—«надутый и плохой народъ» ²⁾. Онъ вовсе не нашелъ бы неузнаннымъ, если бы во время его борьбы съ авероистами какая нибудь сила въ родѣ инквизиціи защитила святыню его славы. Въ лицѣ ихъ онъ нападалъ не на еретиковъ, а только на своихъ личныхъ противниковъ, но видѣлъ величайшее зло въ слишкомъ широкой свободѣ слова, которая позволяетъ глупцамъ насмѣшками унижать великія имена; имъ легко привлечь на свою сторону большинство, которое тоже состоитъ изъ глупцовъ ³⁾.

Но всего характеристичнѣе одинъ случай, относящійся къ послѣднимъ годамъ жизни Петрарки, который сверхъ того имѣлъ особое значеніе потому, что произошелъ въ высшихъ сферахъ. Припомнимъ, что Петрарка въ 1372 г. изъ Арквы обратился съ своею послѣднею просьбою о бенефиціи къ папѣ Григорію XI, но обманулся въ своемъ ожиданіи, потому что этому воспротивились нѣкоторые кардиналы. Тогда же было сдѣлано нападеніе и на его литературное величіе. Кардиналъ Филиппъ де Кабассоль, старинный доброжелатель и другъ Петрарки, которому онъ посвятилъ трактатъ объ уединенной жизни, еще разъ весьма лестно отрекомендовалъ папѣ поэта. Онъ сказалъ, что это настоящій фениксъ, единственный въ свѣтѣ. Послѣ его отъѣзда другой кардиналъ, тоже французскаго происхожденія ⁴⁾, возобновилъ разговоръ о Петраркѣ, злобно

¹⁾ Epist. rer. senil. II, 3.

²⁾ Epist. rer. famil. IV, 7 къ королю Сициліи Роберту.

³⁾ De ignorantia (Opp. p. 1165).

⁴⁾ Мнѣ не удалось открыть этой личности вслѣдствіе той игры въ тайну, которую такъ любилъ Петрарка. По даннымъ, которыя можно найти въ цитированной въ предшествующемъ примѣчаніи инвентивѣ отъ 1373 года, хулитель былъ за три люстры (слѣдовательно, въ 1358 году) протонотаріемъ при куріи. Время, когда онъ сдѣлался кардиналомъ, смутно относится ко времени вторичнаго возвращенія Петрарки въ Авиньонъ.

насмѣхался надъ хвалившимъ и хвалимымъ, особенно по поводу феникса. Онъ говорилъ объ его невѣжествѣ, имѣя, быть можетъ, въ виду его неудачный опытъ въ дѣловомъ слогѣ 20 лѣтъ тому назадъ, доказывая, что все лучшее онъ беретъ у древнихъ философовъ и поэтовъ. Онъ издѣвался также надъ его характеромъ, приводя въ примѣръ то обстоятельство, что онъ жилъ въ Падуѣ и Аривѣ у тирановъ харрарскихъ, слѣдовательно на счетъ труда бѣдняковъ и вдовъ. Онъ уже много лѣтъ зналъ Петрарку, однажды искалъ его дружбы, будучи протонотаріемъ при римскомъ дворѣ, считалъ ее за честь для себя, даже помогалъ ему при прежнемъ исканіи бенефицій. Петрарка узналъ обо всемъ этомъ отъ Франческо Бруни, своего агента при куріи, бывшаго при этомъ. Онъ сейчасъ же угадалъ, кто его порицатель, поносилъ его, какъ врага, ненавидящаго правду и откровенность, говорилъ, что онъ виѣсть съ дьяволомъ отецъ лжи, ночная сова. Мы уже упоминали тѣ бранныя слова, которыми онъ клеймилъ поголовно всѣхъ кардиналовъ, недоброжелательныхъ ему. Боккаччо тоже узналъ объ этомъ и явился вѣрнымъ оруженосцемъ: онъ написалъ апологію наставника. Петрарка долго не могъ забыть этого поношенія, которое потерпѣлъ одновременно съ отказомъ въ бенефиціи. Еще черезъ годъ гнѣвъ заставилъ его взяться за перо, и онъ написалъ сильную инвективу противъ французскаго кардинала, въ которой говорилось о томъ, какъ послѣдній позорно измѣнилъ прежней дружбѣ, какъ онъ добился красной шапки кривыми путями, благодаря своему знатному происхожденію и чрезъ симонію,

(стр. 575). Онъ былъ знатнаго рода, такъ что его возвышеніе въ кардиналы могло назваться результатомъ его родовитости. Наконецъ, онъ уже былъ въ глубокой старости (стр. 583: *ut togati senis ridiculum pileum exravescam*). Напрасно я искалъ его, заручившись этими признаками, между французскими кардиналами у Duchesne *Historie de tous les cardinaux françois* T. I, Paris 1660, у Ciaconius *Vitae et res gestae Pontificum Romanorum et S. R. E. Cardinalium* T. II, Romae 1677, и у Valozius *Vitae Pararum Avenionensium* T. I. Paris. 1693. Относительно Роберта Женевскаго, сына графа Амедея III, впоследствии антипапы Климента VII, свидѣтельствуеъ его надгробная надпись, что онъ сначала былъ апостольскимъ протонотаріемъ. Но въ 1373 году ему было только 34 года. Де Садъ (*De Sade* T. III, p. 779) и Фракассети въ примѣчаніи въ переговору *epist. ger. famil.* XIII, 1 на основаніи писемъ Петрарки рѣшили, что это Гвидо изъ дома графовъ Булонскихъ *sur Mer* ошибочно называемый Гвидо Монфортескимъ. Конечно, онъ могъ похвалиться родствомъ съ французскими королями и по ихъ ходатайству былъ сдѣланъ въ 1342 году кардиналомъ. Къ тому же Петрарка во время погони за бенефиціями въ 1352 году находился съ нимъ въ дружеской перепискѣ. Но если ему было 20 лѣтъ, когда онъ получалъ архіепископство Лионское, то онъ не могъ быть настоящимъ старикомъ въ 1373 году, и вгдѣ не упоминается, чтобы онъ былъ раньше протонотаріемъ, что уже само по себѣ весьма неправдоподобно.

что онъ живетъ крохами нищенствующихъ монаховъ и напрасно надѣется запугать его своимъ высокимъ саномъ ¹⁾).

За эту неприятность Петрарка вознаграждалъ себя тѣмъ удовольствіемъ, съ какимъ принималъ почетъ даже отъ лицъ не выдающихся ²⁾). Правда, онъ умѣлъ отклонять похвалы и удивленіе мягко и съ любезной скромностью, но и этими ласковыми приемами только искалъ похвалъ за другую добродѣтель. Столь же часто онъ самъ бывалъ глашатаемъ своей славы и ссыдался при этомъ на Овидія, Сенеку и Стациа, которые тоже смѣло предсказывали себѣ жизнь въ посмертной славѣ своихъ произведеній ³⁾). Поэтому и онъ включилъ въ свою обширную поэму гордые пророчества о юношѣ, который чрезъ многіе вѣка родится въ Тосканѣ, подобно второму Энею воспоетъ Сципиаду подъ заглавіемъ — Африка, снова призоветъ съ Геликона музъ, давно изгнанныхъ, и приметъ вѣнчаніе лаврами въ Капитоліи ⁴⁾). Какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, и тщеславіе

¹⁾ Петрарковскія *epist. rer. senil.* XIII, 11 къ кардиналу де Кабассолъ XIII, 12 къ Бруни и XIV, 8 къ Бонкачю. Последнее письмо Фраассети, навѣрно, ошибочно отнести къ борьбѣ съ аверронцами, которая къ этому времени уже давно кончилась. Упоминанное там *Apologeticum* Бонкачю, *quod ira nobili dictante, in censores meos effudisti*, повидимому, не сохранилось; такъ какъ мягкую похвалу у *Rossetti Petrarca* p. 316 нельзя принять за него. Инвектива же Петрарки, о которой онъ здѣсь говоритъ, найдена спустя 500 лѣтъ въ одномъ Грейсвальдскомъ кодексѣ и была издана Герм. Мюллеромъ въ *Jahrbücher für Philol. und Pädagogik*, 2 Abtheil. Jahrg. 1873. S. 569 ff. подъ названіемъ: *Petrarcae Invectiva contra quendam Gallum innominatum in dignitate positum*. По *Tomasius Petrarca rediv.* p. 31, она встрѣчается подъ этимъ же названіемъ и въ ватиканской библіотекѣ. Теперь только становится понятнѣе тѣ письма. Нельзя сомнѣваться въ подлинности инвективы, хотя многое и остается неяснымъ, — какъ напримѣръ указаніе на стр. 582-ой на другую инвективу противъ ольганаго и въ Италиі страшнаго мужа. Слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее совпаденіе: Въ первомъ письмѣ къ Бруни Петрарка писалъ: *et nullum timeam, nisi quem diligo. Ipsum vero non diligam, ut audisti*; а въ инвективѣ на стр. 582. *Nullum timeo, nisi quem diligo, te non diligo.*

²⁾ Cf. *epist. rer. famil.* VII, 14. 16. XIII, 11. *senil.* II, 1. VI, 3. 6. et ah.

³⁾ *De remed. utr. fortunae lib. I, dial. 117.*

⁴⁾ *Africa ed. Corradini II, 441;*

Cernere iam videor genitum post secula multa
Finidus Etruscis iuvenem, qui gesta renarret,
Nate, tua, et nobis veniat velut Ennius alter.

IX, 219: Hic ego, nam longe clausa sub valle (Волкюза) sedentem
Aspexi iuvenem etc.

IX. 222: Agnosco iuvenem, sera de gente nepotum
Quem regio Italiae quemve ultima proferet aetas.
Hunc tibi Tusca dabit latis Florentia muris etc.
Ille diu profugas revocabit carmine Musas

Петрарки въ старости обнаруживалось еще свободнѣе; человекъ не такъ легко забываетъ почести, все болѣе привыкаетъ представлять себѣ свое величіе и достоинство, дѣлается вообще болтливѣе, а потому и хвастливѣе. Только этимъ и можно объяснить, почему Петрарка могъ часто удачно затмить свой лучшій взглядъ массою украшеній, принятыхъ изъ скромности. Онъ признавался однажды, что въ юности часто по надменности презиралъ всѣхъ кромѣ самого себя, въ зрѣломъ возрастѣ презиралъ только себя, а теперь въ старости больше всего презираетъ себя и цѣнить только тѣхъ кто по добродѣтели своей стоитъ выше презрѣнія ¹⁾). Всего вѣрнѣе думалъ онъ наслаждаться плодами философіи именно въ старости, смотря съ высоты на свою юношескую гордость, которая впрочемъ только перемѣнила оболочку, подобно человекъ, который давно уже сталъ выше такихъ побужденій. Какъ-то разъ въ юности поэтъ унижился до Сократовскаго признанія одному другу, что онъ ничего не знаетъ. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ рассказывалъ объ этомъ самоуничиженіи съ полнымъ сознаніемъ своего философскаго величія ²⁾). Стало быть, и тутъ мы видимъ то же противорѣчіе, которое во всѣхъ направленіяхъ проходитъ чрезъ его жизнь и мышленіе.

Если бы оставалось еще сомнѣніе въ безграничномъ, непреодолимомъ тщеславіи Петрарки, слившемся со всѣми сторонами его духа, то мы могли бы доказать это съ неотразимой очевидностью выдержками изъ сочиненій его и его собственными признаніями. Но что намъ дѣлать съ добытымъ выводомъ? Извинить ли намъ это тщеславіе, какъ обыкновенно дѣлаютъ итальянскіе ученые, или язвить и бичевать поэта, какъ поступилъ одинъ изъ новѣйшихъ пѣмецкихъ цѣнителей, или наконецъ утѣшиться тѣмъ общимъ соображеніемъ, что и у великихъ людей есть свои слабости? Намъ

Tempus in extremum, veteresque Helicone sorores
 Ristituet, vario quamvis agitante tumultu,
 Francisco cui nomen erit etc.

¹⁾ Epist. rer. senil. XIII, 7. Петрарка, повидямому, имѣетъ здѣсь прямо въ виду одно изреченіе, съ которымъ онъ разъ уже въ зрѣломъ возрастѣ обратилась къ міру. Въ epist. metr. I, 7 онъ пѣлъ:

Nil usquam invideo, nullum ferventius odi
 Nullum despicio nisi me, licet hactenus idem
 Despicerem cunctos et me super astra levarem.

Подобно этому въ epist. ad poster. (1. c.): Sensi superbiam in aliis, non in me, e. cum parvus fuerim, semper minor iudicio meo fui. — Eloquio, ut quidam dixerunt, claro ac potenti, ut mihi visum est, fragili et obscuro.

²⁾ Epist. rer. senil. XV, 6.

кажется, что историческая наука должна сойти съ трибунала судьи и, имѣя въ виду ходъ цѣлаго, отрѣшиться отъ обыденной и ненадежной нравственной мѣрки, не взвѣшивать добродѣтелей и пороковъ, а добросовѣстно изслѣдовать, какъ произошло явленіе, почему и куда оно стремится. А потомъ конечнымъ масштабомъ, который мы должны прилагать къ всякой исторической личности, будетъ ея отношеніе къ высшей группѣ, ея вліяніе на цѣлое человѣчество. Съ этой точки зрѣнія и для насъ Петрарка стоитъ на той недосыгаемой высотѣ, на которую его ставили современники.

Его тщеславіе со всѣми его забавными крайностями — что оно, какъ не болѣзненное и извращенное стремленіе къ славѣ? Это стремленіе, быть можетъ, самый глубокой и благородный мотивъ дѣятельности у народовъ классическаго міра, самое сокровенное биеніе пульса ихъ исторіи, тоже вызвано къ жизни Петраркою изъ могилы и возвѣщено новому міру, какъ новая движущая сила. Христіанскій аскетизмъ долженъ былъ осуждать его, ибо хотя оно тоже избавляетъ человѣка отъ смерти и скорби, однако опирается на этотъ міръ и ставитъ себѣ цѣлью жизнь грядущихъ поколѣній. Только истинное пониманіе исторіи, тотъ выводъ, что давно развѣянный прахъ умершихъ можетъ снова явиться живымъ образомъ передъ нашими духовными очами, только сознаніе той мысли, что плоды умственного величія и заслугъ не гибнуть, что одно поколѣніе должно учиться у другаго и чтить за это своихъ выдающихся наставниковъ благодарнымъ воспомнаніемъ, — слѣдовательно только мысль о томъ, какое значеніе можетъ имѣть человѣкъ, какъ отдѣльная личность, для безсмертнаго человѣчества, — могла вызвать къ жизни культъ славы, безсмертія имени. Этотъ культъ существовалъ у древнихъ римлянъ, въ особенности у Цицерона, историковъ и поэтовъ. Вообще вся древняя исторія представлялась Петраркѣ галлереею славы и вмѣстѣ служила яснымъ доказательствомъ того, что не смотря на отдаленность времени, лучше сказать именно благодаря ей, образы историческихъ личностей выступаютъ ярче и величественнѣе. Тѣ люди, которые не страшались жизни, полной трудовъ, и даже смерти, чтобы спасти свое имя отъ забвенія, достигли этого, и Петрарка гордился тѣмъ, что прославлялъ и себя, возвѣщая о ихъ славѣ. Какая увлекательная мысль, что онъ займетъ мѣсто рядомъ съ ними и что имя его будетъ произноситься по истеченіи вѣковъ. Какъ упитительно должна была дѣйствовать эта мечта на того, кто первый ледѣялъ ее! Ее уже предчувствовалъ Дантъ, но Петрарка развилъ самобытно и вполне выяснилъ. Быть можетъ, это открытіе самое обильное по послѣдствіямъ, какое только онъ оставилъ потомству.

Удивляться ли намъ тому, что эта идея вполне овладѣла имъ самимъ? Въ юности она не давала ему покоя, мѣшала спать и еще въ старости, не смотря на всѣ отговорки, ему приходилось сознаться, что самымъ сильнымъ побужденіемъ для великихъ людей служить любовь къ славѣ ¹⁾. Ею объясняетъ онъ свое стремленіе къ занятію науками, любовь къ краснорѣчію, свои неустанные труды и бессонныя ночи. Она внушала ему идеи его произведеній, изъ которыхъ онъ ожидалъ въ особенности отъ Африки, что она будетъ «знаменитою, рѣдкою и превосходною поэмою» ²⁾. Эта страсть лежала въ основѣ всей его жизни и мышленія. Она то пылала въ груди его, какъ священный огонь, то сверкала яркими искрами тщеславія. Поэтъ называетъ ее самымъ тяжкимъ своимъ недугомъ, съ которымъ не въ силахъ бороться. Она овладѣла имъ съ того времени, какъ онъ началъ мыслить, усиливалась съ каждымъ днемъ, и онъ предвидитъ, что она не покинетъ его до самой могилы ³⁾. Достичь славы—было великою задачею его жизни, а сохранить ее—величайшей ⁴⁾. Но этой пожирающей страсти, которую мы во всякомъ случаѣ должны считать наслѣдіемъ язычества, противорѣчили его христіанскія воззрѣнія. Цицеронъ говорилъ, что именно лучшіе люди наиболѣе обуреваются жаждою славы, а Евангеліе не знаетъ этого мотива хорошихъ поступковъ. Поэтому Петрарка говорилъ себѣ, что ему слѣдуетъ отказаться отъ этого суетнаго вожделѣнія и стремиться къ добродѣтели, такъ какъ слава—только тѣнь ея, соблазнительное пѣніе сиренъ, которое тѣмъ опаснѣе и тѣмъ усиленнѣе его слѣдуетъ остерегаться. Писаніе книгъ есть зло, а уче-

¹⁾ Epist. rer. famil. V, 6. Въмѣсто безчисленныхъ доказательствъ, всюду встречаемыхъ въ его сочиненіяхъ, приведемъ только два изреченія, относящихся къ сравнительно раннему возрасту. Юношей пѣлъ онъ въ epist. metr. I, 1;

Implumet levido praesepe me gloria nido
Expulit et coelo iussit volitare remoto.

А вскорѣ послѣ своего вѣнчанія лаврами (epist. metr. II. 11):

. est mihi famaе
Immortalis honos et gloria meta laborum.

²⁾ De contemptu mundi Dial. III (Opp. p. 410).

³⁾ Canz. l'vo pensando:

Questo d'allor chi m'addormiva in fasce,
Venuto è di di in di crescendo meco;
E temo ch'un sepolero ambeduo chiuda.

⁴⁾ Эту мысль онъ выразилъ однажды въ epist. metr. II, 15 въ слѣдующемъ стихѣ: *Magnus enim labor est magnae custodia famaе*. Самъ онъ нашелъ этотъ стихъ столь хорошимъ, что взялъ его въ Africa VII, 292 и повторилъ въ epist. rer. famil. VII, 7 къ Коля.

ныя занятія должны быть чужды честолюбія и блеска и имѣть цѣлью лишь просвѣщеніе ближнихъ ¹⁾). Такъ поучаетъ онъ самъ себя и иногда думаетъ, что достигъ цѣли, одолѣвъ врага, но онъ тѣмъ побѣдоноснѣе нападаетъ на него съ другой стороны. Его великій мысленный другъ Августинъ пережилъ и высказалъ то же самое: «человѣкъ часто хвалится тѣмъ, что онъ презираетъ суетную славу, но тѣмъ суетнѣе его похвальба. Поэтому ему не слѣдуетъ хвалиться истиннымъ презрѣніемъ къ суетной славѣ; онъ не презираетъ ее уже потому, что хвалится» ²⁾). Въ этомъ-то и состоялъ неизлѣчимый недугъ Петрарки.

Мы укажемъ на примѣръ это колебаніе между пылкимъ чувствомъ, противорѣчащимъ философіи, и философіей, осуждающей его. Петрарка хотѣлъ еще при жизни предвкушать то поклоненіе, котораго онъ ждалъ отъ потомства въ храмѣ исторіи. Желаніе удостоиться вѣнчанія лаврами стоило ему многихъ бессонныхъ ночей. Быть можетъ, онъ не зналъ, что Дантъ былъ увѣнчанъ по смерти. Но и въ нѣкоторыхъ университетахъ увѣнчивали поэтовъ, какъ напр. Муссато въ падуанскомъ въ 1316 г. Даже Конвенноле, бывшій учитель Петрарки, удостоился этой почести въ своемъ родномъ городкѣ Прато. Это были мѣстные чествованія, мало извѣстныя свѣту. Петрарка имѣлъ въ виду болѣе торжественный почетъ, хотя въ то время былъ знаменитъ лишь какъ поэтъ, писавшій на народномъ языкѣ; на латинскомъ онъ издалъ лишь нѣсколько стихотворныхъ посланій, а Африка была только что начата. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя достойнымъ самыхъ высшихъ почестей, какъ новый Виргилій. Смутно представлялись его воображенію игры и состязанія гелленовъ и дельфійскій вѣнокъ, но нѣсколько яснѣе лавровый вѣнокъ въ Капитоліи, который, какъ высшая почеть, украшалъ нѣкогда головы знаменитыхъ цезарей и священныхъ пѣвцовъ. Онъ хотѣлъ дать міру зрѣлище, свидѣлемъ котораго онъ не былъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ Домиціанъ увѣнчалъ пѣвца Тебамды. Это зрѣлище должно было выказать его во всей той славѣ, которую нѣкогда властители вселенной дѣлили съ поэтами. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ приготовленія были придуманы имъ самимъ. При посредствѣ друга своего Діониджи де' Роберти, августинскаго монаха изъ тосканскаго мѣстечка Санъ Сепольро, онъ умѣлъ очаровать своими поэтическими произведеніями Неаполитанскаго короля Роберта и велъ съ нимъ переговоры чрезъ другаго друга, жившаго при томъ

¹⁾ Ibid. p. 414, 397—Reg. memorand. lib. III (Opp. p. 512).

²⁾ Confess. X, 38.

же дворѣ, Томмазо Каллорія изъ Мессины, вмѣстѣ съ которымъ изучалъ права въ Болоньѣ. Въ то же время Петрарка старался добиться такого же предложенія отъ парижскаго университета, канцлеръ котораго, Роберто де Барди, былъ его землякъ. Но навѣрное поэтъ серьезно не думалъ этого, а хотѣлъ только, выставивъ соперника, вызвать усердіе и поспѣшность со стороны Неаполитанскаго короля и римскаго сената. Онъ получилъ оба приглашенія въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября 1340 г. Они, какъ мы видѣли, застали его въ то время, когда онъ жилъ философомъ, размышлялъ и сочинялъ, бродя по лѣсамъ и лугамъ. Нѣкоторое время казалось, что онъ колеблется между Неаполемъ и Римомъ. Въ первый городъ его привлекала новизна этого зрѣлища для тамошнихъ мѣсть и слава великаго университета, но, конечно, онъ рѣшилъ въ пользу уважаемаго города древности, «владыки міра и царицы городовъ», въ пользу «священнаго мѣста надъ прахомъ древнихъ пѣвцовъ», въ пользу римскаго Капитолія. Но еще въ философской долигѣ въ Воклювѣ, гдѣ поэтъ получалъ эту желанную вѣсть, имъ овладѣло ясное сознаніе ничтожества всего этого. «Ты спрашиваешь, къ чему эти хлопоты, это усердіе, эта забота? Развѣ лавровый вѣнокъ сдѣлаетъ меня ученѣе и лучше? Быть можетъ, онъ сдѣлаетъ меня знаменитѣе и заставитъ еще больше завидовать мнѣ. Но престолъ знанія и добродѣтели — духъ; въ немъ обитаютъ они, но не на вѣтвяхъ, покрытыхъ листвою, подобно птицамъ. Такъ къ чему же эти приготовленія къ лавровому вѣнку? Ты спрашиваешь, что я могу отвѣтить на это. Что же ты думаешь? Конечно, то же самое, что говоритъ еврейскій мудрецъ: *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*. Но таковы люди!»¹⁾

Поэтическое вѣнчаніе происходило на пасхѣ 1341 г. Еще незадолго до этого Петрарка объявилъ торжественно въ присутствіи римскихъ сенаторовъ, что онъ домогался лавровъ не ради славы, а гораздо больше для того, чтобы внушить другимъ подобную же любовь къ занятіямъ науками. Это объясненіе включили въ его поэтическій дипломъ, «данный въ Капитоліи» и сирѣпленный золотымъ шарикомъ²⁾. Но какое упоеніе овладѣло имъ, когда обрядъ кончился и онъ слышалъ ликованіе толпы, охотницы до зрѣлищъ. Онъ считалъ свою голову какъ бы освященною и слышалъ, какъ Римъ, Капитолій и Квириты радовались возобновленію почетнаго торжества³⁾. Рѣчь, которую онъ въ это время держалъ передъ

1) *Epist. rer. famil.* IV, 4, 5, 6. къ кардиналу Джіованни Колонна отъ 1 сентября (однако по парижскому кодексу *De Sade X* здѣсь должно читать *kal. Sept.*), и отъ 10 сентября 1340 года и къ Джіакомо Колонна отъ 15 февраля 1341 года.

2) *Opp.* p. 1254.

3) *Epist. rer. famil.* IV, 7 къ королю Сициліи Роберту отъ 30 апр. 1341 г. *Epist. metr.* II, 1.

собравшимися, конечно, мало чѣмъ отличалась отъ тѣхъ педантскихъ декламаций, какія слышались въ университетахъ. Подобно проповѣднику, онъ взялъ темою одно мѣсто изъ Виргилія и блеснулъ множествомъ цитатъ изъ Цицерона и римскихъ поэтовъ. Поэтъ говорилъ также и о поэзіи, о любви къ славѣ, врожденной самымъ мудрымъ и лучшимъ людямъ, и о той великой задачѣ, которую онъ принимаетъ на себя вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ, — взойти на крутой Парнасъ ¹⁾). Тотъ день, въ который ему торжественно присужденъ былъ вѣнокъ славы, оставилъ въ немъ свѣтлое воспоминаніе на всю жизнь. Но поэтъ не забылъ и о томъ, какъ испалъ онъ этого вѣнка, ради котораго долженъ былъ вступить въ сдѣлку съ своею философскою совѣстью. Въ одно и то же время онъ съ торжествомъ хвастался тѣмъ рѣдкимъ отличіемъ, которое выпало на долю ему одному, и однако спрашивалъ себя, почему у него постоянно на умѣ этотъ лавровый вѣнокъ, которому дивится лишь простой народъ, какъ сценическому украшенію, и не лучше ли было бы ему бродить по полямъ и лѣсамъ, среди хижинъ и поселянь, которые ничего не знаютъ объ его пѣсняхъ, чѣмъ подниматься въ Капитолій царственного города ²⁾).

Ничто такъ ярко не характеризуетъ средніе вѣка, какъ духъ корпорацій: мы разумѣемъ подъ этимъ вѣка, протекшіе до Петрарки. Послѣ хаоса переселенія народовъ обновленное человечество сложилось въ группы, порядки и системы. Іерархія и феодализмъ были лишь самыми крупными организаціями. Даже научная и художественная дѣятельность, дававшая пищу, конечно, лишь малой части населенія и не такъ легко укладывавшаяся въ узкія рамки, послѣдовала однако общему теченію: она сосредоточилась въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, откуда шли лучи во всѣхъ направ-

¹⁾ Эту рѣчь только въ недавнее время издалъ Hortis Scritti inediti di F. Petrarca p. 311.

²⁾ Epist. metr. II, 11:

Laurea, perrarum decus atque hoc tempore sol
Speratum optatumque mihi etc,
Cur redit in dubium totiens mea laurea? numquid
Non satis est meminisse seel? decumitne per urbes
Circumferre nova viridantia tempora fronde,
Testarique greges hominum, populi que favorem
Infami captare via? Laudarier olim
A paucis mihi propositum. Quid inertia vulgi
Millia contulerint, quid murmura vana theatri?

леніяхъ. Никогда такія массы людей не жили, не дѣйствовали, не думали и не чувствовали такъ однообразно. Если выдаются недюжинныя личности, то онѣ являются лишь представителями той системы, которой держатся, только первыми между равными, совершенно такъ же, какъ главы леннаго государства и церкви. Ихъ величіе и могущество зависятъ не отъ личныхъ качествъ и дарованій, а отъ той энергіи, съ какою они отстаиваютъ идеальную основу своей системы и сами себя приносятъ въ жертву ей. Эта стойкость и дружная дѣятельность, конечно, вели къ громаднымъ результатамъ, въ великимъ дѣламъ; всѣ стремятся къ одной цѣли, и такимъ образомъ силы не разъединяются. Передовыми бойцами человечества являются не отдѣльныя личности, духовно царящія надъ массами, но сословія и корпораціи, которыя только идутъ за личностью, какъ за знаменемъ.

Кто же тотъ могучій человѣкъ, который разрушилъ эти оковы корпораціи, который, по видимому, ничѣмъ не хочетъ быть обязанъ своимъ современникамъ, который всего достигъ благодаря общенію съ людьми, давно отжившими, и самому себѣ, который отваживается считать свое Я зеркаломъ современнаго общества и требовать уваженія современниковъ къ своей личности и славы въ потомствѣ? Мы смѣло назовемъ въ этомъ смыслѣ Петрарку пророкомъ новаго времени, родоначальникомъ новѣйшихъ поколѣній. Въ его лицѣ личность въ первый разъ выступила смѣло и свободно и заявила свои права. Правда, уже и въ идеяхъ Данта, хотя мрачно и одиноко свершавшаго свой жизненный путь, кроется тотъ же элементъ, но онъ рѣдко проглядываетъ сквозь его методически-строгое міровоззрѣніе. У Петрарки же онъ высказывается весьма разнообразно, и это даже доходитъ до крайности. Даже его неумѣренная жажда славы и мелкое тщеславіе составляютъ существенные признаки его. Все то, что онъ читаетъ, изучаетъ, дѣлаетъ и переживаетъ, онъ относитъ къ своей личности, и весь окружающій міръ служитъ лишь матеріаломъ для его образованія. Совсѣмъ иначе поучается онъ изъ книгъ! Не только память его усваиваетъ запасъ свѣдѣній, не только умъ упражняется въ распредѣленіи матеріала и сужденіи,—онъ всецѣло вступаетъ въ общеніе съ великими людьми, жившими до него. Онъ отыскиваетъ въ сочиненіяхъ Цицерона, Сенеки и Августина выраженія тѣхъ самыхъ чувствъ, которыя бы соответствовали его собственнымъ; въ книгахъ онъ ищетъ человѣка.

Петрарка оказалъ много услугъ классическимъ наукамъ, сильно содѣйствовалъ паденію схоластики, но несравненно выше и величественнѣе всѣхъ заслугъ его—это выработка собственной личности. Онъ

часто заявляетъ, что высшее призваніе его жизни работать для себя и надъ самимъ собою; но это не подвижничество монаха, который, заботясь о спасеніи своей души, терзается съ своими узкими понятіями о плоти и духѣ и, подавивъ въ себѣ грѣховныя вожделѣнія плоти и предаваясь дѣламъ благочестія, утѣшаетъ себя надеждою на блаженство. Въ душѣ Петрарки напротивъ кипитъ постоянная борьба и смятенія глубоко проникающихъ противорѣчій, сильное стремленіе разныхъ духовныхъ силъ къ единству, которое именно предвѣщаетъ субъективнаго челоуѣка новаго времени. Сообразно съ этимъ онъ съ новой точки зрѣнія смотритъ и на окружающихъ его людей: онъ видитъ то внутреннее богатство, которое кроется въ нихъ, и тѣ бесконечно разнообразныя пути, которыми они слѣдуютъ въ жизни ¹⁾.

Это-то мощное таинственное очарованіе и было предметомъ поклоненія для современниковъ Петрарки, которые видѣли въ немъ таинственнаго пророка. И если мы представимъ себѣ, какъ это очарованіе должно было воздѣйствовать на его самосознаніе, то гордость, стремленіе къ славѣ и суетность явятся не столько слабостями его характера, сколько естественными слѣдствіями чувства собственного достоинства. Оно должно было быть безграпично, потому что онъ не зналъ никого выше себя, или равнаго себѣ, слѣдовательно не могъ ни съ кѣмъ себя сравнивать и никого признавать судьбою. Подобно великому челоуѣку, открывшему новый свѣтъ за океаномъ, который, какъ извѣстно, умеръ, не сознавая того, что имъ открытъ новый свѣтъ, и Петрарка не понялъ новой эпохи, начавшейся съ нимъ. Оба они думали, что постигли старое, только новымъ путемъ. Однако Петрарка чувствовалъ въ себѣ нѣчто такое, что дѣлало его одинокимъ среди людей и передъ-Богомъ, живущаго въ особомъ духовномъ мірѣ.

Петрарка рассказываетъ намъ одинъ случай, который относится приблизительно къ 32-му году его жизни. Однажды онъ поднялся на Монъ-Ванту въ сопровожденіи одного младшаго брата Джераардо. Трудность восхожденія навела его на мысль о томъ, какъ челоуѣкъ съ помощью упорнаго усвоенія добродѣтелей достигаетъ спасенія. Онъ дошелъ до вершины горы и видѣлъ, какъ облака громоздились у его ногъ. Ему мысленно представилось все его жизненное поприще. Десять лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ болонскій университетъ и всецѣло посвятилъ себя поэзіи и краснорѣчію. А года

¹⁾ Epist. rer. famil. X, 5 къ его брату Джераардо: quis fando enumeret diversitates innumeras quibus inter se dissident mortales, ut nec una species certe, nec unum genus homo cum homine videatur.

три уже въ душѣ его идетъ борьба, въ которой духовный человѣкъ возсталъ противъ плотскаго, до тѣхъ поръ царившаго повластно. Онъ думалъ о будущемъ, о томъ, насколько эта борьба усилится въ немъ въ теченіи десяти лѣтъ. При этомъ взоры его были устремлены на окрестныя виды; тутъ тянется широкая цѣпь Севеннъ, а тамъ онъ видитъ Ліонскій заливъ, глубоко подъ нимъ течетъ величественная Рона. Солнце склонялось уже къ закату, и онъ былъ почти одинъ. Душа его искала простора, и онъ рѣшился открыты на выдержку исповѣдь Августина, которую всегда носилъ съ собою въ маленькомъ томикѣ, и то, что прочтеть, принять за указаніе свыше. Онъ прочелъ слѣдующее мѣсто: «И люди идутъ дивиться на горныя выси, на громадныя массы морскихъ водъ и на теченіе широкихъ рѣкъ, на необъятный просторъ океана и на теченіе звѣздъ,— а на себя не обращаютъ вниманія, къ себѣ самимъ не относятся съ удивленіемъ»¹⁾. Пораженный этими словами, Петрарка не сталъ читать дальше и закрылъ книгу. Поэтъ сердился на самого себя, потому что недавно узналъ отъ языческихъ философовъ, что ничему не слѣдуетъ удивляться кромѣ ума человѣческаго и что великому уму ничто не представляется удивительнымъ (кромѣ его самого). Петрарка не сказалъ ни слова до тѣхъ поръ, пока они не пришли къ подошвѣ горы. Когда же они воротились въ ту самую хижину, изъ которой пошелъ, то поэтъ сѣлъ и сообщилъ объ этомъ удивительномъ случаѣ въ письмѣ къ своему пріятелю, монаху Діониджи изъ мѣстечка Санъ Сепольро²⁾.

Въ сущности это была не больше какъ сцена, которую онъ разыгралъ съ своею душою. Онъ подражалъ словамъ Августина: *Tolle, lege!* (возьми, читай!). Но мы видимъ также, что въ это время у него созрѣла глубокая мысль, надъ которою онъ, быть можетъ, давно работалъ. Его внутренній міръ сталъ для него съ этихъ поръ предметомъ самаго глубокаго изученія. Какъ бы ни было, онъ отнесся къ нему съ самой горячей любовью, и любовь эта усиливалась по мѣрѣ того, какъ онъ работалъ надъ нимъ. А умственный взоръ, обращенный на внутренній міръ, былъ достаточно приницателенъ для того, чтобы замѣтить всѣ слабости и несовершенства и проникнуть въ самую глубь бездны тщеславія. Тогда онъ ужаснулся передъ зрѣющимъ своею собственной души и все таки не могъ отречься отъ любви къ ней. Онъ хотѣлъ привести ее въ гармонію съ идеаломъ и началъ упорную борьбу съ самимъ собою, но все дѣло ограничивалось мрачнымъ расположеніемъ духа и гнѣвными

¹⁾ Augustini Confess. X, 8 § 6.

²⁾ Epist. ger. famil. IV, 1. Въ болѣе раннихъ изданіяхъ письмо это ошибочно помѣчено, какъ адресованное на имя Джіованни Колонна.

возгласами. Онъ не могъ употребить противъ своего любимца острое оружіе, пронзающее сердце врага. Размышляя и сочиняя, онъ думалъ этииъ совершить покаяніе и подвигъ, но эти занятія только усиливали его любовь къ самому себѣ. Наконецъ онъ всего больше любилъ эту тщеславную душу, которую хотѣлъ ненавидѣть, ради ея раскаянія и ея тяжелой борьбы.

Эта борьба, проходящая чрезъ всю жизнь Петрарки съ помянутаго вечера на Монъ-Ванту до наступленія менѣе тревожной старости, служитъ самою глубокою основою его нравственно-философскихъ трактатовъ, произведеній его зрѣлыхъ лѣтъ. Рядъ ихъ начинается діалогами О презрѣніи къ міру, или, какъ яснѣе гласитъ заглавіе въ большей части рукописей О тайной борьбѣ его сердечныхъ заботъ ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ книги О жизни въ уединеніи и О досугѣ монаховъ ²⁾. Рядъ этотъ кончается діалогами О средствахъ противъ радостей и горя; это нѣкоторымъ образомъ система практической мудрости ³⁾. Содержаніе всѣхъ этихъ произведеній въ сущности одно и то же, по крайней мѣрѣ то же настроеніе. Оно сильнѣе выражается въ молодые годы Петрарки, а сильнѣе всего въ самомъ раннемъ произведеніи, которое вполнѣ посвящено имъ изученію самого себя; въ позднѣйшихъ оно проглядываетъ болѣею частію лишь случайно и постепенно отступаетъ на задній планъ передъ стоическою мудростью древнихъ и христіанскимъ ученіемъ.

Книга О тайной борьбѣ своихъ сердечныхъ заботъ есть памятникъ первостепенной важности для исторіи человѣческаго ума, изображение

¹⁾ Эту книгу *De contemptu mundi* или *De secreto conflictu curarum suarum*, названную самимъ Петраркой также *Secretum*, а въ другой разъ *Liber maximus rerum mearum*, Франсассети и Кёртангъ относятъ къ 1342 году, потому что въ *Dial. III* Августинъ говоритъ, что Петрарка цитируетъ любовь къ Лаурѣ (которую, какъ извѣстно, онъ впервые увидѣлъ 6 апрѣля 1327 года) уже 16 годъ и потому, что Лаура еще жива. Это дѣйствительно вполнѣ выясняетъ время сочиненія этого мѣста, слѣдовательно, и общаго плана и начала сочиненія. Но Петрарка нѣсколько разъ обрабатывалъ и перерабатывалъ его. По *Mehus Vita Ambros Traversi*, p. 237 библиотека въ С. Кроче владѣетъ копіей, снятой заботливымъ миноритомъ Тебальдо де Каза съ экземпляра Петрарки; по его примѣчаніямъ первый діалогъ относится къ 1353, второй къ 1349 году, третій былъ написанъ въ 1347 году или, по крайней мѣрѣ, въ этомъ году получилъ окончательную форму.

²⁾ Первое сочиненіе начато въ 1346 году, но только въ 1366 году въ окончательной редакціи снабжено посвященіемъ; второе—задуманно постомъ 1347 года и только въ 1357 году кончено.

³⁾ Начало этого трактата Франсассети относятъ къ 1359 году. Въ декабрѣ 1360 года, по *epist. reg. famil. XXIII, 12*, онъ настолько уже подвинулся впередъ, что недоставало только переписанія. Однако группа рукописей кончается замѣткою: *ex originali proprio scripto manu—Petrarca—et per eum ipsum ad exitum perducto Ticini anno Domini 1366, IV (или III) monas Octobris hora tertia. Amen. Petrarca e Venezia p. 106. Valentinelli Bibl. msc. T. IV. p. 181. Catalogus codd. lat. bibl. Monac. T. II. P. I. p.*

многосторонней и сильной внутренней жизни, подобно Исповѣди блаженнаго Августина, признаніямъ Монтеня и Руссо, ключъ ко всѣмъ другимъ сочиненіямъ Петрарки и вѣнецъ ихъ. Передъ нами настоящая исповѣдь, начатая съ самымъ честнымъ стремленіемъ, съ непреодолимымъ желаніемъ чистосердечно высказать все и успокоить свою совѣсть. Какъ говоритъ Петрарка въ предисловіи, онъ пишетъ эту книгу не изъ стремленія къ славѣ, какъ всѣ прочія сочиненія, и она должна принадлежать ему одному, быть истиннымъ зеркаломъ его души, которую онъ всегда желаетъ читать одинъ про себя. «Ты должна быть и называться моею тайною», съ такими словами обращается онъ къ книгѣ.

Одинъ только блаженный Августинъ достоинъ выслушать эту Исповѣдь. Сенека могъ быть человѣкомъ, родственнымъ по духу, такимъ же страдальцемъ; Августинъ же былъ для Петрарки въ то же время духовникомъ, который строго побуждалъ къ чистосердечной исповѣди и покаянію; къ тому же онъ былъ отцомъ всѣхъ этихъ мыслей. Мы должны здѣсь еще разъ поставить на видъ, что помыслы о покаяніи были внушены Петраркѣ прежде всего не потребностью его собственной совѣсти, а Исповѣдью этого отца Церкви. «Когда я читаю сочиненія Августина, говоритъ онъ, то вся жизнь моя кажется мнѣ какимъ-то мимолетнымъ сномъ, какимъ-то воздушнымъ видѣніемъ; они такъ сильно потрясаютъ меня, что я со страхомъ пробуждаюсь отъ сна; моя воля колеблется, мои желанія идутъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ; вѣншній человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ внутреннимъ»¹⁾. Однако же есть нѣкоторая доля правды въ упрекѣ, однажды сдѣланномъ Петраркѣ его другомъ и мифистомъ Джіакомо Колонна, будто бы онъ предался Августину и его твореніямъ «съ неискреннимъ увлеченіемъ», на самомъ же дѣлѣ не отрѣшился отъ поэтовъ и философовъ древности. Сцена на Монъ-Ванту на столько же аффектирована, на сколько и вообще восхищеніе Петрарки этимъ «солнцемъ церкви», а это съ самого начала уже подрываетъ вѣру въ чистосердечіе и искренность его признанія.

Петрарка обвиняетъ самого себя въ томъ, что слишкомъ гордится своимъ гениемъ, такой массой прочитанныхъ книгъ, своимъ краснорѣчіемъ; онъ упрекаетъ себя въ самодовольствѣ, «доходящемъ до ненависти къ Творцу» и признается въ своемъ честолюбіи. Только для того, чтобы его больше уважали и хвалили, онъ искалъ

29.—Читатель видитъ, почему мы говорили о сомнительномъ и сильно растянутомъ времени писанія этихъ трактатовъ. Это мѣшаетъ намъ прослѣдить послѣдовательныя фазы развитія за это время.

1) Epist. rer. famil. II, къ Джіакомо Колонна.

напр., одиночества ¹⁾. Славолюбіе, по его мнѣнію, одна изъ самыхъ опасныхъ страстей, потому что имѣетъ подобіе высокаго и благороднаго чувства и обольщаетъ самыми сладостными звуками. Стремленіе къ безсмертію имени составляетъ, по его признанію, одинъ изъ его сильнѣйшихъ недуговъ, котораго онъ не въ силахъ поборотъ ²⁾. Въ числѣ суетныхъ помысловъ онъ особенно порицаетъ исканіе лавроваго вѣнка. Какъ тяжело было для Петрарки именно это послѣднее признаніе, мы видимъ по тѣмъ уловкамъ и оговоркамъ, съ помощью которыхъ онъ старался обойти его. То онъ говоритъ, что желалъ лавроваго вѣнка только для того, чтобы побудить другихъ къ соревнованію, то объявляетъ, что все это дѣлалось ради имени его Лауры ³⁾.

Здѣсь мы находимъ единственное мѣсто въ его прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ распространяется болѣе или менѣе подробно объ этой прославленной любви; но и здѣсь онъ высказывается темно и, очевидно, съ намѣреніемъ не открывать заманчивой тайны. Теперь ему хочется оправдать свою любовь, какъ чистый и благородный порывъ души въ высшія сферы, но его религиозное сознаніе, его Августинъ требуютъ, чтобы онъ видѣлъ преступное безумство въ томъ, что онъ обращалъ свои помыслы отъ неба къ ней, отъ Творца — къ творенію, и что она заставила его забыть о Богѣ ⁴⁾. И здѣсь мы оказываемся среди тумана противорѣчій, обмана и призрачности, — тумана, который все болѣе и болѣе окутываетъ привлекательную тайну.

Петрарка самъ противорѣчитъ правиламъ своей житейской философіи. Онъ находитъ, что умъ его раскидывается въ слишкомъ разнообразныхъ занятіяхъ, безъ плана бросается то туда, то сюда, ни на чемъ не сосредоточивается всецѣло. Живость характера не допускаетъ его держаться своихъ благихъ предначертаній; оттого то главнымъ образомъ и происходитъ «то внутреннее раздвоеніе, та тревога негодующей на себя души, которая чувствуетъ отвращеніе передъ своею собственною скверною и все таки не можетъ смыть ея, познаетъ тѣ извилистые пути, по которымъ идти, и все таки не покидаетъ ихъ, боится угрожающей опасности и не старается предотвратить ее» ⁵⁾. У него есть то орудіе, какое нужно для борьбы съ этимъ зломъ — правила стояческой философіи, но, конечно, они «блже къ истинѣ, чѣмъ къ примѣненію»; у

¹⁾ De contemptu mundi dial. II (Opp. p. 383, 389). Мы не придерживаемся здѣсь даннаго къ книгѣ порядка признаній, потому что онъ кажется не преднамѣренъ и не важенъ, какъ видно изъ отъяловъ.

²⁾ Ibid. dial. III (p. 397, 410)

³⁾ Ibid. p. 403.

⁴⁾ De contemptu mundi dial. III (p. 398, 403).

⁵⁾ Ibid. dial. I (p. 382).

него есть заповѣди религіи, по онѣ такъ же неумолимо требуютъ повиновенія и смиренія отъ образованнаго человѣка, какъ и отъ всякаго глупца и смѣшиваются съ массою черни того, кто стоитъ высоко и одиноко; имъ бы слѣдовало предоставить нѣкоторую свободу мнѣній человѣку мыслящему вмѣсто того, чтобы и его подчинять одному, и притомъ единственному, авторитету ¹⁾. Эти заповѣди однако во всякомъ случаѣ истинны. Только стоицизмъ и жизнь во Христѣ могутъ возвратить спокойствіе душѣ; они не допускаютъ никакой полумѣры. Ихъ требованія тяжелы и безусловны: Петрарка долженъ забыть миртъ и плющъ, даже лавровый вѣнокъ, носить который онъ только одинъ имѣетъ право, изъ всѣхъ современниковъ; долженъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ желаній, если захочетъ достигнуть истиннаго блага, стать на возвышенную точку зрѣнія августиновской исповѣди ²⁾.

Онъ такъ часто рассказывалъ людямъ о томъ, что его безпрестанно занимаетъ мысль о смерти, что онъ постоянно носитъ въ своей душѣ ея образъ, какъ бы нарисованный мрачными красками, и эта тема такъ часто повторяется въ его трактатахъ и письмахъ, что наводитъ скуку. Въ этомъ, по его мнѣнію, сказалась вся его мудрость. Онъ принимается за самоизученіе крайне сурово. И вотъ помыслы о смерти вызываютъ въ немъ все еще дѣтскій страхъ; онъ все еще не привыкъ къ нимъ и, проикная внутрь себя, находитъ, что только воображаетъ, будто много и серьезно помышлялъ о смерти. Онъ требуетъ отъ себя, чтобы мысль о ней дѣйствительно и живо представлялась ему такъ, чтобы наводила на него ужасъ. Въ этомъ случаѣ ему должно представляться, что онъ уже дрожитъ передъ страшною отвѣтственностью, гдѣ тѣлесная красота, слава міра, краснорѣчіе, власть и богатство, вообще все земное ничтожно; онъ долженъ представить себѣ адъ со всѣми его ужасами. Петрарка отчаявался, что не чувствуетъ этого такъ, какъ бы слѣдовало; онъ принуждалъ себя къ фантастическому сокрушенію, которое однако не имѣло никакого отношенія къ сердцу. Въ часы ночи онъ ложился на кровать, словно умирающій; ясно представлялъ себѣ тотъ актъ, когда духъ отдѣляется отъ тѣла; создавалъ себѣ мысленно ужасы смерти и страшный судъ; онъ ви-

¹⁾ Между прочимъ Петрарка полагаетъ dial. III (p. 398); *Suam quisque sententiam sequatur; est enim opinionum ingens varietas* (безъ сомнѣнія, читать должно такъ, а не *veritas*; я нашелъ подтвержденіе такого чтенія въ одной рукописи королевской бібліотеки въ Кенягсбергѣ) *libertasque iudicandi*. Его Августинъ, напротивъ, говоритъ, что *veritas una atque eadem semper est*. Намъ кажется, что въ подобныхъ словахъ Петрарки заключается принципъ, объявленный послѣдствіями.

²⁾ *Ibid.* dial. I (p. 377, 378).

дѣлъ адъ, съ трепетомъ вскакивалъ, громко, какъ сумасшедшій, призывалъ на помощь Христа; обливался потоками слезъ, и, къ своему удивленію, видѣлъ себя затѣмъ такимъ же человѣкомъ, ка-кимъ былъ до этого ¹⁾).

По аналогіи съ этой философской борьбой намъ теперь становится понятною и нравственная борьба Петрарки съ самимъ собой; мы понимаемъ его жалобы на то, что совѣсть, хотя и вызывала въ немъ часто глубочайшее сокрушеніе и горькія слезы, тѣмъ не менѣе никогда не могла кореннымъ образомъ переработать его намѣренія и волю, никогда не могла преодолѣть его тщеславія. Поэтому для Петрарки нѣтъ въ жизни ничего печальнѣе пустаго и пагубнаго желанія человѣка обмануть самого себя. «Тутъ безконечно велики любовь, уваженіе и довѣріе: всякій цѣнитъ себя выше того, чего онъ достоинъ на самомъ дѣлѣ, любитъ себя болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и потому нельзя уже различить обманутаго отъ обманщика ²⁾»).

Теперь мы понимаемъ и сущность той душевной болѣзни, о которой Петрарка въ первый разъ говоритъ въ своихъ Признаніяхъ и къ которой еще не разъ возвращается потомъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и при другомъ настроеніи. Онъ высказывается о ней таинственно и въ темныхъ выраженіяхъ, но безъ неудовольствія, какъ о печали, не имѣющей никакой видимой причины, какъ о снѣдающемъ его горѣ, въ которомъ все таки есть что-то пріятное ³⁾. Жизнь, міръ, судьба—вотъ тѣ враждебныя силы, которыя вызы-ваютъ и поддерживаютъ это необъяснимое мрачное настроеніе. Конечно, почувствуешь отвращеніе къ жизни, если ежедневно будешь видѣть кругомъ себя бушующія страсти и самыя разнообразныя страданія, которыя вдобавокъ испытываешь самъ. Быть можетъ, удастся избѣжать этого, если столь-же живо будешь представлять себѣ радости жизни и умѣренно пользоваться ими. Такое объясне-ніе болѣзни прекрасно опровергаетъ Августинъ: кто самъ съ спокойнымъ сердцемъ стоитъ на безопасномъ берегу, тотъ будетъ спокойнѣе взирать и на кораблекрушеніе, постигшее другихъ, говорить онъ ⁴⁾. Философское же дѣятельство оказывалось недействи-тельнымъ. Такимъ образомъ Петрарка очень скоро увидалъ, что причина этой болѣзни должна заключаться въ немъ самомъ. Вся

¹⁾ Ibid. dial. I (p. 378—380): *Corpus hoc in morem morientium compono, ipsam quoque mortis horam et quicquid circa eam mens horrendum reperit, intentissime mihi ipse confingo, usque adeo, ut in agone moriendi positus mihi videar etc.*

²⁾ Ibid. dial. I (p. 376).

³⁾ De remedio utriusque fortunae lib. II. dial. 93: *dolendi voluptas quaedam, quae moestam animam fecit, pestis eo funestior, quo ignotior causa atque ita difficilior cura est. На это мѣсто Петрарка ссылается въ epist. rer. senil. XV, 9 ad fin.*

⁴⁾ De contemptu mundi dial. II (p. 394).

жизнь вокруг него и въ немъ самомъ получила въ его глазахъ характеръ постоянной борьбы. Не только съ другими тварями, но и съ подобными себѣ борется всякій, и не только съ другою личностью, но и съ самимъ собою. Въ самой сокровенной сердечной глубинѣ ведетъ каждый непрерывную борьбу съ собою, терзается волненіями противоборствующихъ чувствъ и страстей²⁾. Душа распадается на двѣ части, и онѣ ведутъ постоянно борьбу между собою. Черезъ это жизнь становится мрачною и полною заботъ, такъ что человѣкъ становится самъ себѣ въ тягость³⁾. Часто жалуется Петрарка на то тревожное чувство, которое не даетъ ему покоя; онъ надѣется освѣжиться, мѣняя мѣсто-пребываніе, а потомъ думаетъ снова успокоиться, если воротится на старое мѣсто⁴⁾. Болѣзнь, жалуется онъ, всюду преслѣдуетъ его. Онъ ни минуты не знаетъ покоя отъ нея и ясности духа, которыя кажутся ему однако высшимъ благомъ. Это тяготитъ и утомляетъ его, иногда мучитъ день и ночь, приводитъ въ мрачное настроеніе и смертельную тоску. Его личная судьба и судьба міра, прошедшее и будущее ложатся такимъ тяжелымъ бременемъ на его душу, что онъ чувствуетъ себя какъ бы обуреваемымъ и угнетаемымъ со всѣхъ сторонъ. Человѣчество тогда вообще представляется ему ненавистнымъ и достойнымъ презрѣнія, и чужія и собственные бѣдствія подавляютъ его. Эту болѣзнь, свое величайшее душевное страданіе, онъ называетъ особымъ терминомъ: *acedia*, міровая скорбь⁵⁾.

Но что же это за болѣзнь, эта *acedia*? Понятіе это впервые заимствовано изъ четвертой книги *Этики* Аристотеля и затѣмъ въ средневѣковомъ пониманіи получило особую окраску. По своему производству слово это (*ἀκηδεια*) означаетъ вялое умственное равнодушіе ко всему, что служитъ предметомъ заботъ для человѣка, погруженіе души въ страдательное состояніе. Поэтому церковная мораль то видитъ въ этомъ плачевномъ настроеніи меланхолію, достойную сожалѣнія, происходящую отъ физическихъ и нравственныхъ причинъ и слѣдовательно тоже требующую врача, то самый тяжелый грѣхъ—нерадивость⁶⁾. Уже въ ранняю эпоху это душевное состояніе оказывается свойственнымъ отшельникамъ и монахамъ, и на него смотрѣли отчасти какъ на

1) De remedio etc. Praefat. ad lib. II (Opp. p. 124).

2) Петрарка такъ рисуетъ свои юные годы въ *epist. rer. senil. VIII. 3*: quippe pugnantibus inter se animae partibus et dissensione perpetua ac civilibus velut bellis vitae statum pacemque turbantibus etc.—ipse mihi pondus et labor et supplicium factus eram.

3) *Epist. ad poster. in fine. Epist. rer. famil. XV, 8, 11*, отъ 1352-го года.

4) De contemptu mundi dial. II (Opp. p. 391)

5) Обзоръ того, въ какомъ смыслѣ употреблялось это слово со временъ Иеронима, можно найти у Du Cange Glossar. med. et inf. latin. digess. Henshel's. v. *Acedia*.

болѣзнь, отчасти какъ на тревожную сердечную тоску, отчасти какъ на порочную томительную лѣнь, такъ что лучшимъ цѣлительнымъ средствомъ противъ нея считали трудъ ¹⁾. Въ системахъ этики у схоластиковъ *acedia* является однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Монахи, а въ особенности тѣ, которые только-что приняли самый строгій уставъ, всего болѣе подвержены этому недугу, оттого ли что сильный аскетизмъ своимъ вліяніемъ на тѣлесные органы производитъ тяжелую ипохондрію, или рѣзкое противорѣчіе между мертвеннымъ однообразіемъ монастырской жизни съ веселою жизнью въ мірѣ порождаетъ этотъ недугъ, или мечтательная жизнь ведетъ къ сознанию неестественности такого положенія. Въ теоріи все еще допускается, что недугу содѣйствуютъ физическія причины, но порокомъ считается то, что человѣкъ не преодолеваетъ этого мрачнаго настроенія. Въ монашеской жизни недугъ этотъ обнаруживается вялостью, апатією и сонливостью, и послѣдняя нападаетъ на больного братію особенно въ томъ случаѣ, когда она идетъ во время Богослуженія въ храмъ ²⁾.

Если мы не ошибаемся, то явленіе это, встрѣчаемое между людьми свѣтскими, совершенно измѣняетъ свой характеръ. Тутъ уже нѣтъ рѣчи объ особаго рода монашеской болѣзни; стараются опять придти къ первоначальному античному представленію. Та мысль, что дѣятельность составляетъ существенный элементъ въ жизни человѣка, подтвержденная свидѣтельствомъ опыта, что онъ чувствуетъ себя весьма здоровымъ и весьма довольнымъ въ нравственномъ отношеніи тогда, когда работаетъ, служитъ укоромъ для всякой апатичной бездѣятельности, для всякаго устраненія себя отъ горестей и радости жизни, какъ преступнаго себялюбія. Такъ, по видимому, понимаетъ эту *acedia* Дантъ. Въ пятомъ кругѣ ада онъ встрѣчаетъ существа озлобленныя, которыя въ болотистомъ Стиксѣ терзаютъ и рвутъ зубами другъ друга. Въ вонючей водѣ полощутся и захлебываются другіе, которые были мрачны и недовольны жизнію въ веселомъ мірѣ. Они жалобно вопіютъ:

Tristi fummo
Nel aere dolce, che dal Sol s'allegra,
Portando dentro accidioso fummo ³⁾.

¹⁾ Такъ толкуетъ *acedia* въ «*de coenobiorum institutis*» Кассіанъ, причисляющій ее къ 12-ти монашескимъ грѣхамъ, какъ *taedium sive anxietas cordis*. Ср. Ebert *Allg. Gesch. der Literatur des Mittelalters* Bd. I. S. 334.

²⁾ Примеры подобныхъ вульгарныхъ монастырскихъ воззрѣній въ *Caesarii Heisterbachensis Dialogus miraculorum* ed. Strange vol. I, Colon. 1851. Dist. IV cap. 2. 27. 38. Онъ опредѣляетъ: *Accidia est contusione mentis nata tristitia sive taedium et amaritudo animi immoderata, qua iocunditas spiritualis extinguitur, et quodam desperationis praecipitio mens in semet ipsa subvertitur. — Accidia multos tentat et multos desperationem praecipitat.*

³⁾ *Inferno* canto VII s. fine.

Т. е. «мы были печальны въ приятной атмосферѣ, радостно освѣщаемой солнцемъ, потому что въ душѣ мы страдали *acedia*».

Именно сопоставленіе съ *Gasondi* всего лучше характеризуетъ *Accidiosi*. Первые превышаютъ мѣру дѣятельности, слишкомъ воздержно давая волю своимъ душевнымъ движеніямъ; послѣдніе же чужды волненій, которыя долженъ былъ бы испытывать достойный человѣкъ; они идутъ противъ природы, потому что не мстятъ за себя, не огорчаются, не раздражаются, вообще утратили все то, что возбуждаетъ въ жизни и къ жизни. Подобное толкованіе глубокомысленнаго поэта, которое новые комментаторы замѣнили какими то диковинными натяжками, приводится уже у Боккачіо, который съ особенною подробностью распространяется по этому поводу ¹⁾. Онъ того мнѣнія, что *acedia*—это бессмысленная и предосудительная лѣность и указываетъ на жизнь неутомимо трудящихся муравьевъ. Вопреки своему обычному приему объясненія, онъ такъ наглядно изображаетъ человѣка, подверженнаго этой болѣзни, что можно подумать, что онъ зналъ такихъ несчастныхъ людей. Такого рода человѣкъ не можетъ ни за что приняться, а если необходимость заставитъ его что нибудь дѣлать, то онъ не въ силахъ кончить. Жизнь мелькаетъ передъ нимъ такъ, какъ будто онъ не живетъ, мысли его становятся все печальнѣе и мрачнѣе, и онъ тяготеетъ обществомъ, а предпочитаетъ уединеніе, мракъ и безмолвіе. Онъ не можетъ ходить въ церковь и каяться, дѣлать дѣла человѣколюбія, въ уныніи впадаетъ въ бѣдность и жалкое положеніе, ненавидитъ свою жизнь и самого себя, сначала чувствуетъ равнодушіе, а потомъ отвращеніе ко всему хорошему и прекрасному (*fastidio generale d' ogni bene*).

Тоже ли самое было и съ Петраркою? Неужели и онъ почувствовалъ гнетущее отвращеніе къ жизни, онъ, всегда дѣятельный и трудолюбивый, который видѣлъ, что другіе ищутъ плодовъ его трудолюбія и хвалятъ ихъ, который больше, чѣмъ слѣдовало, наслаждался чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія, который отрадно предавался своимъ занятіямъ древностью, энергически пользовался благами бытія и жадно упивался наслажденіемъ славы и всегда былъ готовъ помочь друзьямъ? Во всякомъ случаѣ его болѣзнь была не апатія; вѣдь онъ изображаетъ ее именно какъ постоянную борьбу. Если же онъ называлъ ее неподходящимъ словомъ *acedia*, то мы должны имѣть въ виду, что онъ былъ не въ

¹⁾ *Comento sopra Dante cap. VII* (Opp. vol. VI. Firenze, 1724. p. 53—65). Подобнымъ же образомъ у *Benvenuto Rambaldi. Commentario s. Div. Comm. Purg. c. XVIII* (trad. da Tamburini vol. II. p. 364 seg.).

состояніи опредѣлить происхождение этого слова и не хотѣлъ короче ознакомиться съ значеніемъ его въ философской терминологіи схоластиковъ. Петрарка называетъ ее философскимъ недугомъ и ссылается на Цицерона и Сенеку. Тутъ и должны мы искать ключа къ открытію этой тайны. Правда, Цицеронъ говоритъ въ третьей книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ, на которую главнымъ образомъ ссылается Петрарка, объ *aegritudo animi* (душевная болѣзнь), но такимъ образомъ, что едва ли можетъ удовлетворить читателей, уважающихъ его. Вмѣсто того, чтобы распространяться о душевныхъ состояніяхъ, онъ ограничивается общими мыслями о высшемъ благѣ, о боли и наслажденіи, — о стоическихъ и эпикурейскихъ воззрѣніяхъ. А Сенека въ своемъ сочиненіи О спокойствіи духа, дѣйствительно, употребляетъ такія выраженія, которыя должны были подобно стрѣламъ проникать въ сердце Петрарки; онъ здѣсь разоблачаетъ болѣзненность и двойственность своей природы, которая поразительно родственна съ природой Петрарки.

Подобно Петраркѣ, Сенеку одолѣвало сильное стремленіе въ свое жалкое время искать отрады въ философскомъ успокоеніи, но по своему образованію онъ былъ ораторъ, или лучше сказать художникъ мысли и слова. Сообразно съ своей философіей, ему бы слѣдовало вести жизнь уединенную и простую, но дарованіе влекло его на такое поприще, гдѣ онъ могъ отличиться въ глазахъ свѣта. Онъ считалъ за лучшее предоставить изучаемымъ имъ предметамъ говорить просто самимъ отъ себя и отказаться отъ блеска краснорѣчія, отъ притязанія на славу въ потомствѣ. И все таки честолюбіе, по его словамъ, побуждало его упражняться въ краснорѣчьи и отвлекало отъ изученія самого себя. Вѣдь очень соблазнительно слышать похвалу и лесть и крайне тяжело говорить сущую правду самому себѣ ¹⁾. «И такъ, признается онъ, твоя жизнь искусственна и разсчитана на виѣшній блескъ; ты не смѣешь являться просто и свободно, такимъ, каковъ есть, постоянно долженъ ты носить маску и придавать себѣ такой видъ, который противорѣчитъ твоему истинному характеру». И однако все таки ему лучше бы было пользоваться малымъ уваженіемъ по своей простотѣ, чѣмъ постоянно терзаться благодаря лицѣмѣрью ²⁾. Это колебаніе и есть недугъ Сенеки ³⁾. Болѣе разумное настроеніе пробовало преодолѣть это состояніе, но не въ силахъ было сдѣлать этого; глубоко укоренившееся тщеславіе являлось непреодолимою силою ⁴⁾, и нако-

¹⁾ Cf. de tranquill. animi I, 10—17.

²⁾ Ibid. XVII, 1.

³⁾ Animi inter utrumque dubii nec ad recta fortiter nec ad prava vergentis infirmitas. ibid. I, 4. Онъ также употребляетъ здѣсь слово morbus.

⁴⁾ Tam malorum quam bonorum longa conversatio amorem induit. ibid. I, 3.

нецъ сознаніе того факта, что борьба бесполезна, приводила философа въ отчаяніе ¹⁾). Онъ придумываетъ средства противъ этой болѣзни и однако не находитъ другаго кромѣ жизни, направленной къ общественной или частной дѣятельности. А при перваго рода дѣятельности, внутренней опасности которой онъ именно хочетъ избѣжать, присоединяется еще внѣшняя, и жизнь, проводимая въ научныхъ занятіяхъ, и есть именно корень всѣхъ золъ,

Мы уже предчувствуемъ, какъ долженъ былъ смутиться Петрарка, читая эти размышленія философа о жизни. Какъ въ этомъ сочиненіи Сенеки, такъ и въ Исповѣди Августина передъ нимъ выступаетъ на сцену человѣкъ, стремящійся изучить и привести въ гармонію свои внутренніе побужденія, человѣкъ, работающій надъ своею личностью. И душевныя болѣзни имѣютъ свойство заражать другихъ. Вѣдь и эта склонность къ размышленіямъ есть уже болѣзнь, такъ какъ умственные силы, подобно тѣлеснымъ чувствамъ, самую природою предназначены для внѣшнихъ проявленій, и это собственно составляетъ ихъ самую нормальную дѣятельность. Человѣкъ познаетъ себя не посредствомъ испытанія, обсуждения и покаянія, а въ дѣятельности. Какъ человѣкъ, больной физически, размышленіями о своей болѣзни еще болѣе усиливаетъ ее, такъ и душевные недуги при долговременномъ самонаблюденіи наконецъ становятся какими-то завлекательными тайнами, внушая намъ лестное представленіе о разнообразіи и глубинѣ нашего внутренняго міра, и человѣку наконецъ пріятно вращаться въ кругу тѣхъ мыслей, средоточіемъ которыхъ служить онъ самъ.

Послѣ своихъ признаній Петрарка остался точно такимъ же, какимъ былъ и прежде. Изъ нихъ не вытекаетъ ничего другаго кромѣ того, съ чего онъ началъ и что давно уже зналъ, именно, что онъ долженъ отказаться отъ суетнаго стремленія къ славѣ и стремиться къ самой добродѣтели, что остатокъ дней его долженъ быть всецѣло посвященъ мыслямъ о смерти и о могилѣ ²⁾). Чтобы узнать, какое вліяніе произвело на него подобное рѣшеніе, намъ едва ли нужно обращаться къ послѣднимъ годамъ его жизни и къ его послѣднимъ сочиненіямъ. Для насъ уже достаточно признаній. Онъ только что осуждалъ свою гордость и тщеславіе, и вдругъ опять восхищается «своими талантами и своимъ умомъ, богатымъ мыслями» ³⁾). Въ началѣ онъ рѣшилъ, что эта книга должна принадлежать ему одному, однако обнародовалъ ее и въ третьемъ діалогѣ уже опять ясно пред-

¹⁾ *Recedo itaque non peior, sed tristior — nihil horum me mutat, nihil non tamen concutit.* *ibid.* I, 9.

²⁾ *De contemptu mundi dial.* III (p. 414).

³⁾ *Ibid.* *dial.* III (p. 407).

ставляетъ себѣ удивляющагося читателя ¹⁾. Когда-то онъ хотѣлъ быть выше того, чѣмъ былъ, и это было не честно по отношенію къ людямъ; теперь онъ хотѣлъ быть честнымъ передъ самимъ собою и уже не могъ. Такою дорогою цѣною приобрѣлъ онъ себѣ славу мнимо-непогрѣшимаго философа. Колонна говорилъ сущую правду, упрекая Петрарку въ томъ, что послѣдній съ своей ранней юности такъ искусно обманывалъ свѣтъ, что это искусство почти стало его второю природою.

Въ то время, которое не имѣетъ подобнаго себѣ по ужаснымъ бѣдствіямъ, когда въ 1348 г. чума опустошила Италію и Францію, когда всюду встрѣчались трупы, поставленные въ церквахъ или же валявшіеся безъ всякаго призора на улицахъ, когда самъ Петрарка лишился нѣсколькихъ друзей, тогда ему пришло на умъ снова серьезно углубиться въ самого себя, принести философское покаяніе ²⁾. Онъ размышляетъ о томъ, какой путь долженъ избрать при этомъ его умъ, но остается въ состояніи нерѣшительности. Хотя образъ смерти, который онъ прежде усиливался вызывать въ своемъ воображеніи, находился такъ близко отъ него, что эта близость наводила ужасъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ рѣшиться на самомъ дѣлѣ отбросить заботы о временной жизни. Истинный философъ не является на сцену; человекъ, привязанный къ вещественному міру, несмотря на мощные порывы его мыслей, остается такимъ, какимъ былъ. Духъ расправляетъ крылья, но не можетъ отрѣшиться отъ того тлѣннаго міра, къ которому онъ прикованъ. Только къ этому сознанию и приходитъ онъ въ своемъ покаяніи, но не видитъ выхода ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Петрарка могъ, дѣйствительно, указать на свое нравственное обращеніе. Но оно наступило не раньше того, какъ старость выслала своихъ первыхъ предвѣстниковъ, приблизительно

¹⁾ Ibid. p. 410 онъ заставляетъ Августина вспоминать свои *miserias, quas sciens vileo, ne arguar a quoquam, si quis forte aurem in hos sermones nostros intulerit.*

²⁾ То, что онъ высказываетъ въ *epist. metr. I, 14 ad se ipsum*, вовсе не религиозное волненіе, часто побуждавшее тогда къ различнаго рода сумасбродствамъ. Петрарка даже не увѣренъ вполне въ томъ, что чума есть кара Божія:

Sive est ira dei, quod crimina nostra mereri
Certe ego crediderim, seu sola iniuria coeli,
Natura variante vices.

³⁾ Подобныя же мысли, какъ въ этомъ стихотвореніи, которое, сверхъ этого, относится къ его лучшимъ латинскимъ сочиненіямъ, встрѣчаются и въ *epist. metr. III, 2*:

Fulgentia sidera circum
Voluntur lege aeterna; nos lumina proni
Figimus in terram, terrena semper amamus.

или *epist. metr. II, 3.*

лѣтомъ 1352 года, когда Петрарка рѣшился покинуть Воклюзъ и навсегда переселиться въ Италію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отказался отъ общественныхъ привычекъ прежнихъ лѣтъ. Онъ не хотѣлъ болѣе обращать вниманіе на платье и узкіе башмаки, отпустилъ конкубину; у него не было болѣе охоты болтать пустяки со своими вѣтренными друзьями и съ дамами. Онъ шутовски разсказываетъ, какъ никто не хотѣлъ серьезно повѣрить этому перевороту, какъ прежняя «пріятельница» все еще осаждала его дверь, старые товарищи все еще звали къ дамамъ; даже башмачники и портные качали головой на его новую моду ¹⁾. Правда, онъ не пожелалъ мириться съ строгою серьезностью своего брата Джерардо, который послѣ такой же свѣтской жизни вступилъ въ орденъ Картезіанскихъ монаховъ; онъ только удивлялся тому, какъ согласны мысли и слова послѣдняго съ поступками. Но, по крайней мѣрѣ, съ женщинами онъ уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла; онъ полагалъ, что одолѣлъ побужденія подобнаго рода силою философскаго мышленія ²⁾. Конечно, въ другихъ отношеніяхъ душевная борьба, которую Августинъ характеризуетъ словами *partim velle, partim posse*, продолжалась. Вмѣсто того, чтобы искать уединенія въ лѣсахъ, Петрарка какъ разъ въ то время находился при дворѣ Висконти. Любовь къ славѣ все еще усиливалась; она росла, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ самой извѣстностью. Такимъ образомъ и душевная болѣзнь не хотѣла оставить его въ покоѣ ³⁾.

Диалоги «О средствахъ противъ горя и радости» — послѣднее вѣренное бумажъ самоизображеніе Петрарки, такъ какъ его послѣдующія сочиненія нравственно-философскаго содержанія направлены уже полемически противъ другихъ лицъ. Къ тому же въ тѣхъ диалогахъ преобладаетъ уже иной характеръ — объективно-систематическій. Именно передъ нами выведены страданія и радости жизни; первыя сѣтуютъ, вторыя торжествуютъ; затѣмъ онѣ разсматриваются по примѣру Сенеки, разбираются и наконецъ сводятся къ формулѣ *Aequam mentem*, обезпечивающей истинное счастье. Все это дѣлается болѣею частію со спокойной діалектикой. Даже и тогда, когда Петраркѣ приходится говорить о схоластическихъ философахъ и богословахъ, о краснорѣчии и о римскихъ поэтахъ, онъ всегда раз-

¹⁾ Epist. rer. famil. IX, 3 amicissimis, справедливо помѣченное Фракассети 1352 годомъ, такъ какъ въ этомъ году Петрарка покинулъ Воклюзу.

²⁾ Epist. rer. famil. X, 5 къ его брату Джерардо отъ 11-го іюня (1352): *consortium feminae, sine quo interdum aestimaveram non posse vivere, morte nunc gravius pertimesco, et quamquam saepe tentationibus turber acerrimis, tamen dum in animum redit quid es? femina, omnis tentatio confestim avolat.*

³⁾ Epist. rer. famil. XVII, 10 къ Джованни д'Ареццо отъ 1-го января (1354).

виваетъ свои взгляды съ увѣренностью и съ удовлетвореннымъ чувствомъ собственного достоинства. Въ другихъ же мѣстахъ мы вдругъ чувствуемъ усиленное бѣненіе авторскаго пульса; его философія впадаетъ какъ-бы въ лихорадочное состояніе. Такъ въ самомъ началѣ трактата, въ предисловіи, жизнь, которую онъ здѣсь описываетъ широкимъ взоромъ, вдругъ представляется ему печальною и полной заботъ. «Какъ стараемся мы создать себѣ поводъ для горя и пищу для страданій! Этимъ мы дѣлаемъ жалкой и печальною нашу жизнь, которая должна бы быть такъ счастлива и такъ сладка, если вести ее правильно. Въ ея началѣ господствуетъ слѣпота и отсутствіе воспоминаній; въ ея дальнѣйшемъ теченіи — работа и усиліе; въ концѣ — болѣзнь; а во всей царить заблужденіе.» Развѣ не въ насъ самихъ кроется вина, если откровенно признаться въ этомъ? Мы знаемъ, что одна только добродѣтель можетъ доставить намъ побѣду и, тѣмъ не мѣѣе, сознательно и по своей волѣ, отступаемъ отъ нея. Тутъ Петрарка опять становится втупикъ передъ разрушительною мыслью, которая, повидимому, насмѣхается надъ стоическимъ пустословіемъ. Противорѣчіе ясно, но остается неразрѣшеннымъ; вскрывается рана, но нѣтъ достаточно воли, чтобы приступить къ ея излѣченію. Внутренняя борьба не ведетъ къ миру.

Петрарка увѣряетъ насъ, что со старостью сталъ покойнѣе и больше примирился съ самимъ собою. ¹⁾ Но что онъ въ силу этого не сталъ философомъ, какимъ обѣщавъ сдѣлаться въ своихъ Признаніяхъ, это доказываютъ на каждой страницѣ его послѣднія произведенія. Въ своей старческой болтовнѣ онъ кажется даже еще тщеславнѣе и хвастливѣе, чѣмъ прежде. Но онъ оставилъ свое бесплодное раскаяніе и бесполезное стремленіе сдѣлаться другимъ человекомъ. Съ удовольствіемъ, хотя уже не съ прежней пылкостью, продолжалъ онъ вкушать въ своемъ уединеніи въ Арквѣ отъ чаши славы и поклоненія. Чѣмъ ближе подвигался онъ къ могилѣ, тѣмъ грандіознѣе казалось подроставшему поколѣнію его философское величіе.

Удивительно, что именно та черта, за которую болѣе всего упрекали Петрарку критики нравственности, то тщеславное выставленіе на показъ своей личности и ореолъ, въ которомъ онъ старался представить себя, болѣе всего обусловили его вліяніе на окружающихъ и, главнымъ образомъ, на литературу. Въ его лицѣ научились чтить поэта, философа, излѣдователя древности. Ничто такъ не способствуетъ развитію и распространенію нѣкоторыхъ идей, какъ то обстоятельство, что міръ видитъ ихъ представленными и, такъ сказать, воплощенными въ одной личности. Громадное

¹⁾ Epist. rer. senil. VIII, 3.

большинство одарено способностью уважать человѣка, хотя и мало знаетъ и понимаетъ то, чего собственно онъ хочетъ. Такимъ образомъ почести, требуемая тщеславіемъ какъ личная дань, опять таки идутъ на пользу дѣлу, и даже мелочи въ великомъ человѣкѣ служатъ высшему міровому порядку.

На Петрарку дивились какъ на чудо творенія. Мы уже указывали на то, что причинами этого были не столько слава его учености и сладкозвучіе его пѣсенъ, сколько таинственная сторона его личности ¹⁾. Поэтому воздаваемое ему почитаніе, кажущееся иногда непонятнымъ и дѣтскимъ, во многихъ случаяхъ было полно смысла и трогательно. Еще тогда, когда онъ былъ юнымъ поэтомъ и жилъ въ Авиньонѣ, туда нерѣдко прѣзжали знатные и образованные люди изъ Франціи и Италіи только за тѣмъ, чтобы видѣть его и говорить съ нимъ; при этомъ, чтобы обезпечить доступъ къ нему, посылали напередъ цѣнные подарки. Если его не было въ городѣ, они искали философа въ его уединеніи у истоковъ Сорги. Онъ вспоминаетъ, рассказывая объ этомъ, что нѣчто подобное Іеронимъ сообщаетъ о Титѣ Ливіи. Папы и владѣтельные особы, свѣтская и духовная знать на перерывъ старались подарками и ласками выказать свое благоговѣніе къ нему. Если въ послѣдствіи гуманистическое направленіе охватило Италію единящими узами и стало космополитической связью для образованныхъ націй Европы, то началомъ этого явленія было всеобщее поклоненіе Петраркѣ. У Италіи было теперь имя, громкая и неоспоримая слава котораго не имѣла себѣ подобной, начиная отъ Альпъ до Іонійскаго моря. Такъ отплатили Петраркѣ за ту пламенную любовь, съ которой онъ словомъ и пѣсней превозносилъ славный полуостровъ. Въ одномъ декретѣ венеціанскаго сената говорится про Петрарку, что его извѣстность такъ велика по всей землѣ, что на памяти людей нѣтъ и не было между христіанами ни одного моралиста-философа и поэта, который могъ бы сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи ²⁾. Какъ гордились имъ граждане его роднаго города Ареццо! Когда ему разъ случилось быть тамъ, его торжественно повели по улицамъ города къ дому, въ которомъ онъ родился; перестройка этого дома была воспрещена тог-

¹⁾ По его смерти Франко Сахети (у Mehus Vita Ambr. Travers. p. 231) воспѣлъ его такъ:

Colui, che sempre avea co' vizzi guerra,
Cercando i modi santi e il regno eterno.
Tanto avea gli occhi verso il ciel divino etc.

²⁾ Декретъ отъ 4-го сентября 1362 года. См. выше стр. 43.

дашнему его собственнику, чтобы онъ такимъ образомъ оставался памятникомъ великаго гражданина ¹⁾). Флоренція — самая богатая почва, на которую пало сѣмя петрарковскаго духа, — также съ гордостью называла великаго тосканца своимъ «согражданиномъ». На государственныя сѣтья были приобрѣтены и возвращены поэту тѣ земли, которыя были отняты у его изгнаннаго отца. Побуждаемая его славой, республика постановила открыть въ своемъ университетѣ кафедру изящной словесности и пригласила съ самымъ лестными предложеніями того мужа, «который въ продолженіи вѣковъ не имѣлъ себѣ равнаго и едва ли будетъ имѣть въ грядущемъ», котораго она чтитъ, «какъ будто бы геній Марона и краснорѣчіе Цицерона опять воплотились въ человѣческомъ образѣ». Подъ его руководствомъ должны были процвѣтать новыя ученныя занятія и, благодаря его участию, затмить всѣ остальные. Боккачіо было поручено передать это приглашеніе, но Петрарка и здѣсь удовольствовался только одною почестью, служившею къ его славы ²⁾).

Еще трогательнѣе было то поклоненіе, которое воздавали ему отдѣльныя личности. Одинъ старый, совсѣмъ ослабшій учитель изъ Понтремоли, самъ сочинявшій стихи и питавшій искреннюю любовь къ литературѣ, добрель, опираясь на своего единственнаго сына и одного ученика, до Неаполя, чтобы хоть разъ услышать голосъ великаго Петрарки и, можетъ быть, прикоснуться къ нему. Такъ какъ Петрарка въ то время уже покинулъ Неаполь, онъ такимъ же образомъ отправился за нимъ вслѣдъ черезъ снѣжные Аппенины до Пармы. Здѣсь наконецъ онъ встрѣтилъ его; сколько разъ цѣловалъ онъ его въ голову за тѣ приводящія въ восторгъ рѣчи, которыя родились въ ней, сколько разъ цѣловалъ его правую руку за тѣ пламенные слова, которыя она написала ³⁾! Въ другой разъ, когда Петрарка жилъ въ Миланѣ, его посѣтилъ одинъ уже пожилой чело-вѣкъ изъ близъ лежащаго Бергамо. Сначала этотъ чело-вѣкъ былъ извѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, но, воодушевленный произведеніями великаго поэта, бросилъ свою мастерскую, сталъ искать учителей свободныхъ искусствъ и горячо принялся за ученіе. Онъ такъ неотступно просилъ Петрарку почтить его своимъ посѣщеніемъ,

¹⁾ Epist. rer. senil. XIII. 3. Secco Polentone у Mehus Vita Ambros Travers. p. 199.

²⁾ Грамата Priori, Gonfaloniere di giustizia и Коммуны во Флоренціи отъ апрѣля 1351-го года у de Sade Memoires T. III. p. 125. у Meneghelli Opere vol. IV p. 149, у Боккачіо, который, очевидно, былъ ея составителемъ, Lettere ed. Cozzani p. 391. Отвѣтъ Петрарки, въ которомъ онъ любезно и холодно говоритъ о своей готовности принять предложеніе, въ epist. rer. famil. XI, 5.

³⁾ Epist. rer. senil. XV 7.

которое, по его словамъ, навѣки осчастливить и прославить его, что тотъ наконецъ исполнить это желаніе. Торжественно встрѣченный начальствомъ и знатнѣйшими города, Петрарка нашель у него царственный пріемъ, разукрашенную золотомъ горницу и пурпуровое ложе. Предъ его глазами во всѣхъ углахъ дома красовались его изображенія, его гербъ и имя; у хозяина дома были собраны его сочиненія и масса книгъ, помимо этого. Онъ былъ такъ безгранично доволенъ посѣщеніемъ, что его домочадцы боялись, какъ бы онъ не сошелъ съ ума. И это былъ однако только полуобразованный человѣкъ, которымъ руководило болѣе одушевленіе, чѣмъ разсудокъ ¹⁾.

Въ письмахъ и стихахъ ближайшихъ, а еще болѣе, быть можетъ, дальнихъ друзей Петрарки преобладаетъ тонъ самаго чрезвычайнаго почитанія. Графъ Роберто де Баттифолле завѣрялъ, приглашая его къ себѣ въ Аппенинскія горы, что послѣднія горятъ желаніемъ, чтобы его драгоценныя ноги коснулись ихъ ²⁾. Одинъ стряпчій Габріэле Загорео изъ Пермы, докторъ правъ, прославлялъ Петрарку въ гекзаметрѣ, какъ «отца священныхъ музъ», слава котораго, подобно солнцу, затмѣваетъ всѣ другія звѣзды, который, какъ второй Гомеръ и Маронъ, возвращаетъ золотой вѣкъ. Онъ сравниваетъ его со львомъ, самого же себя съ муравьемъ ³⁾. Наибольшимъ поклоненіемъ Петрарка пользовался со стороны учителей по профессіи; мы знакомимся съ изряднымъ количествомъ ихъ по его письмамъ. Они смотрять на него, какъ на корифея ихъ грамматическаго и риторическаго искусства. Впрочемъ и другія личности самаго разнообразнаго характера не могли отдѣлаться отъ очарованія. Магистръ Пьетро де Кастеллетто, изъ С. Спирито во Флоренціи, впоследствии обработавшій составленное Боккачіо жизнеописаніе Петрарки, какъ то разъ видѣлъ послѣдняго, когда тотъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ и вдохновенно размышлялъ, повидимому, только о небесныхъ и божественныхъ вещахъ. Въ другомъ мѣстѣ

¹⁾ Петрарка разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи въ *epist. rer. famil. XXI, 11* 1358 или 1359 года.

²⁾ Его два письма къ Петраркѣ у *Mehus Vita Ambros. Travers. p. 226*. Первое адресовано: *Cellqberissimo seculi domino etc.*, второе: *Totius orbis unico domino etc.* Письмо Петрарки къ нему въ *epist. rer. senil. II, 6, 7*.

³⁾ Стихотвореніе этого Загорео отъ 1344-го года (къ нему же обращено одно изъ метрическихъ писемъ Петрарки) у *Mehus l. c. p. 200*, перепечатано въ *Petrarca Poemata minora ed. Rossetti vol II, p. 400*.

*Sentio me minimum, te summum. Sentio recte,
Numen inesse tibi, tibi Pieridesque favere.*

онъ увѣряетъ, что самъ какъ бы отрѣшается отъ чувственнаго міра и, такъ сказать, превращается въ другаго человѣка, всякій разъ, какъ вспоминаетъ о великомъ мужѣ ¹⁾. Даже такіе люди, какъ старый Филиппо Виллани, сохранили глубокое впечатлѣніе отъ личности Петрарки. Петрарка, говоритъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, представлялъ примѣръ совершенной добродѣтели и былъ въ нѣкоторомъ родѣ образцомъ нравственности. Этимъ онъ не менѣе, чѣмъ своею рѣчью, повліялъ на свой жалкій вѣкъ, такъ какъ многіе стремились подражать ему. Поэтому Филиппо Виллани находитъ весьма вѣроятнымъ, что изъ устъ умирающаго Петрарки поднялось къ небу бѣлое туманное облачко, и видитъ въ этомъ чудесное знаменіе благочестія покойнаго ²⁾. Приведемъ еще одно свидѣтельство. За нѣсколько дней до смерти Петрарки его постигъ въ Арквѣ молодой Доминико изъ Ареццо, многосторонне образованный ученый, между прочимъ тоже написавшій краткое жизнеописаніе Петрарки. Какъ землякъ, онъ осмѣливается дать ему на разсмотрѣніе свою книгу: *Fons memoabilium univērsi*. Бѣгло просмотрѣвъ ее, учитель поднимаетъ на него глаза и говоритъ: иди, мой сынъ, желаю тебѣ счастливо, дѣятельно и похвально продолжать начатое! Вникай во всѣ книги, перелистывай ихъ вновь и вновь, и доставь, такимъ образомъ, самую отдаленную будущность своему имени! Черезъ нѣсколько дней Доминико привелось услышать, что великаго мужа поразила параличь. Онъ могъ бы, прибавляетъ онъ, очень многое рассказать про него, по всякій разъ, какъ онъ вслонилаеть о немъ, у него ручьями льются слезы и трепещущія руки отказываются писать ³⁾.

Лучи славы, исходящіе отъ вѣчной главы Петрарки, съ воспламеняющей силой дѣйствовали и на варварской чужбинѣ. Три раза Карлъ IV приглашалъ къ себѣ поэта: ему, говорилъ онъ, сидьно хочется увидать его вновь, насладиться его краснорѣчіемъ и услышать наставленія въ нравственности. Его канцлеръ, епископъ Іоаннъ Ольмюцскій, былъ словно околдованъ выписанными по его приказу сочиненіями Петрарки и славой удивительнаго философа, которая сама собой дошла до него. Впрочемъ о вліяніи Петрарки за предѣлами Італіи намъ еще придется говорить въ другомъ отдѣлѣ нашей книги.

¹⁾ У Rossetti Petrarca etc. p. 147.

²⁾ Villani p. 15. По Manetti y Mehus Specimen hist. litt. p. 69 и ed. Galletti p. 88 это же рассказывалъ скоро послѣ смерти Петрарки Ломбардо да Сервио, на груди у котораго, по его словамъ, Петрарка испустилъ духъ.

³⁾ Dominicus Aretinus y Mehus Vila Ambros. Travers. p. 198.

Тѣ латинскія сочиненія Петрарки, надъ которыми, теперь такъ много людей, не зная ихъ, позволяютъ себѣ смѣяться, вызвали въ свое время такое волненіе, какое можно сравнить по его причинѣ и дѣйствию развѣ только съ вертеровской горячкой. Въ нихъ все было пережито сердцемъ самого автора. Потому они и воспламеняли такъ удивительно умы. Мы слышимъ это даже о такихъ сочиненіяхъ, которыя менѣе другихъ производятъ сентиментальное впечатлѣніе, напримѣръ, о трактатѣ объ отшельнической жизни. Разныя личности чувствовали потребность высказать свое удивленіе автору. Одинъ врачъ изъ Сіены увѣрялъ, что при чтеніи многихъ мѣстъ этой книги проливалъ слезы праведника. Епископъ кавальонскій, впоследствии кардиналъ, приказалъ въ своей духовной семьѣ читать ее вслухъ за столомъ, будто главы этого сочиненія были священные легенды. Одинъ старый и набожный камальдульскій аббатъ не нашелъ въ числѣ святыхъ отшельниковъ св. Ромуальда, основателя его ордена; онъ послалъ Петраркѣ его жизнеописаніе и настойчиво просилъ принять и его въ число почтенныхъ отшельниковъ. Такъ-какъ Петрарка согласился, другой его другъ сейчасъ добился такой же чести для св. Іоанна Валломброскаго. Доминиканцы жаловались, что въ книгѣ упоминается св. Францискъ, а ихъ Доминика нѣтъ, на что Петрарка отвѣчалъ, что нигдѣ не читалъ, чтобы Доминикъ велъ отшельническую жизнь ¹⁾. Еще Подоріо съ уваженіемъ отнесся къ сочиненію о жизни въ уединеніи и ссылался на него въ подтвержденіе того, что за именемъ Петрарки обезпечено безсмертіе ²⁾. Трактатъ «О средствахъ противъ радостей и горя» даже спустя сто лѣтъ послѣ его появленія казался для искуснаго въ слогѣ Амманнати, кардинала Павійскаго, драгоценной книгой, приобрести которую было бы весьма желательно ³⁾. Когда въ Авиньонѣ узнали о смерти Петрарки, папа Григорій XI, у котораго за нѣсколько лѣтъ до этого поэту не посчастливилось въ исканіи бенефицій, поручилъ кардиналу-викарію церкви въ Италіи проавести старательные розыски сочиненій Петрарки и снять съ нихъ хорошія копии, а въ особенности позаботиться объ «Африкѣ», эклогахъ, эпистолахъ, инвективахъ и о превосходномъ сочиненіи «Объ уединенной жизни» ⁴⁾. Видно, что латинскія сочиненія въ ихъ сферѣ были приняты съ такимъ же горячимъ восторгомъ, какъ нѣкогда сонеты и канцоны; слава философа даже затмила, безъ

1) Epist. rer. senil. XV, 2.

2) Epist. II, 16 ed. Tonelli.

3) Jacobi Piccolomini epist. 102.

4) Его бреше отъ 11-го августа 1374 года у Meneghelli Opere vol. VI p. 198.

сомнѣнія, прежнюю. Въ памяти ближайшихъ поколѣній Петрарка представлялся тѣмъ, чѣмъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни: въ немъ видѣли ученаго и мудреца, а не пѣвца Лауры. Поэтому даже въ рукописи его канцонъ онъ изображенъ раскрывающимъ лѣвой рукой лежащую на столѣ книгу и готовящимся писать правой ¹⁾).

Въ произведеніяхъ Петрарки мы находимъ почти всѣ тѣ роды сочиненій, какіе въ продолженіе столѣтія были въ ходу у его учениковъ—гуманистовъ. Впрочемъ о прозаическихъ сочиненіяхъ это справедливѣе, чѣмъ о стихотворныхъ. Для послѣднихъ главнымъ образомъ составило эпоху то, что Петрарка избѣгалъ рѣзмы и не любилъ мелкихъ шуточныхъ стихотвореній, исключительно употребляя гекзаметръ. Онъ даже не подражалъ элегіи и размѣрамъ древнихъ, принятымъ въ строфахъ. Латинскія сочиненія Петрарки столько же отличаются своей простотой, сколько произведенія на народномъ языкѣ—богатствомъ рѣзмы и отдѣлкою стиха. Въ этомъ отношеніи за нимъ послѣдовало впрочемъ лишь ближайшее поколѣніе. И буколическія эклоги, въ которыхъ онъ по примѣру Виргилія подъ аллегорическою маскою выводилъ живыя личности, относятся къ его юношеской порѣ ²⁾ и вызвали подраженіе только у ближайшихъ послѣдователей. Что же касается до стихотворныхъ эпистолъ, писанныхъ по образцу Горация, то онѣ надолго остались любимымъ предметомъ чтенія. Самъ Петрарка, написавшій около 67-ми писемъ, къ нѣкоторымъ эпистоламъ питалъ нѣжную отеческую любовь, въ особенности къ тѣмъ, въ которыхъ столь же сильно преобладаетъ лирической элементъ, какъ въ канцонѣ; и дѣйствительно, онѣ лучше другихъ.

Но самымъ капитальнымъ произведеніемъ, которымъ Петрарка думалъ заслужить себѣ вѣнокъ, по его фантастическому представленію, когда то возложенный Августомъ на пѣвца Энеиды, была его большая героическая поэма Африка. Отъ нея то онъ и ждалъ себѣ безсмертной славы въ потомствѣ. Уже давно выбравъ себѣ въ герои Сципіона Африканскаго, въ лицѣ короля Сициліи онъ нашелъ Августа, которому предназначалось принести въ даръ эпопею, не смотря на то, что его уже не было тогда въ живыхъ. Только послѣ вѣнчанія поэта лаврами поэма стала быстро подвигаться впередъ при усиленной работѣ въ Воклюзѣ. Энергично и быстро работая, Петрар-

¹⁾ Palermo I manoscritti Palat. vol. I. p. 347.

²⁾ Этому не противорѣчить, что онъ позднѣе перевздалъ 12 эклогъ. Въ одной копіи съ его автографа находится такая приписка: *Vicolicum carmen meum explicit, quod ipse qui ante annos dictaveram, scripsi manu propria apud Mediolanum 1357. B andini Bibl. Leop. Laurent. T. II. p. 519.*

ка успѣлъ написать почти что половину ея. Затѣмъ эта работа остановилась. Наступило время трактатовъ, когда поэтъ уже пересталъ такъ восхищаться своимъ любимымъ героемъ и сталъ все болѣе и болѣе видѣть въ себѣ философскаго подвижника. Онъ все еще полагалъ, что создалъ «на рѣдкость прекрасное произведеніе» ¹⁾, но отчаяваясь кончить его и уже возвѣстивъ о своемъ намѣреніи собственноручно предать его огню, дабы оно не дошло до потомства въ неоконченномъ видѣ ²⁾. Какъ ни повторялъ онъ свою угрозу, тѣмъ не менѣе онъ такъ же былъ далекъ отъ ея исполненія, какъ и послужившій ему примѣромъ *Виргилій*. Онъ только вызвалъ во всѣхъ тревожное ожиданіе. Былъ обнародованъ отрывокъ поэмы, заключавшій умерщвленіе мага и его предсмертную рѣчь. Онъ былъ принятъ неблагосклонно и вызвалъ порицаніе со стороны нѣкоторыхъ критиковъ во Флоренціи, мнѣніемъ которыхъ пельза было пренебречь вполне. Поэтъ далъ волю своему гнѣву въ задорной инвективѣ, написанной на нихъ и обращенной къ *Боккачіо* ³⁾. Съ этихъ поръ всякій разъ, какъ заходила рѣчь объ «Африкѣ», *Петрарка* впадалъ въ гнѣвное раздраженіе; о ней не смѣли даже заикаться, и въ минуту его смерти еще не знали, была ли она дѣйствительно предана огню. Въ «Посланіи къ потомству» *Петрарка* помѣстивъ на поляхъ замѣтку, въ которой говоритъ, будто эта тяжкая жертва была принесена имъ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе «Африка» нашлась въ бумагахъ, оставшихся послѣ него ⁵⁾. Правда, пришлось разочароваться въ ожиданіяхъ, возлагавшихся на «божественную» поэму. Но во всякомъ случаѣ величественный замыселъ былъ оцѣненъ по достоинству; эпопея еще надолго осталась въ глазахъ всѣхъ вѣнцомъ

1) Praeclarum rarumque opus et egregium.

2) Въ *Dial. III de contemptu mundi*, который, какъ было выше указано, въ своей окончательной формѣ былъ написанъ не позже 1347 года.

3) *Epist. ger. senil. II, 1*, отъ 1363 года. Объ этомъ мы узнаемъ еще изъ письма *Боккачіо* отъ 5-го апрѣля 1373 года въ *Lettere ed. Corazzini* p. 349. Данный отрывокъ, заканчивающій 6-ую книгу *Африки*, часто встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ, напр., у *Valentelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. IV* p. 182. И Нелли вспоинаетъ о немъ въ письмѣ у *Hortis Studj s. opere. lat. del. Boccaccio* p. 349.

4) Эти замѣчанія находятся въ *P. P. Vergeri us Petrarcae vita*, по своему времени такъ близко стоящей къ послѣднимъ днямъ *Петрарки*, у *Thomasinus Petrarca rediv. p. 183*. Въ этой глоссѣ сказано слѣдующее: *Raro unquam pater aliquis tam moestus filium unicum in rogam misit, quanto id fecerim dolore, et (si) omnes labores meos eo in opere perditos acriter tecum volvas, vix ipse lachrymas contineas*. Врепрепій справедливо относятъ это къ *Африкѣ* и прибавляетъ: *Cui rei argumentum est, quod in ultimis annis, quotiescunque Africae mentio incidisset, totus conturbabatur, molestiamque mente conceptam foris facies indicabat*. Сюда же—*Boccaccio Lettere* p. 383.

5) Она теперь съ рѣдкой любовью и научностью издана *Коррадини*, тогда какъ прежнія ея изданія, даже изданіе *Pingaud Paris 1872*—не удобны для чтенія и сдѣланы безъ всякой критики и знанія дѣла.

поэтических произведений, и цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ звеньевъ «Африка» состоитъ въ связи съ Неистовымъ Орландомъ и Освобожденнымъ Иерусалимомъ.

Въ очень молодыхъ годахъ Петрарка написалъ также и комедію подъ заглавіемъ «Филологія»; безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ здѣсь не науку, названную такъ впоследствии, а скорѣе женщину легкаго поведенія, такъ какъ комедія эта предназначалась для того, чтобы развлечь Джованни Колонна, удрученнаго заботами; къ тому же и поэтъ скоро сталъ стыдиться ея. ¹⁾ Повидимому, она была скоро утрачена. Какой богатой литературѣ она дала начало, будетъ указано въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Нравственно-философскій трактатъ, написанный Петраркой по образцу Цицерона отчасти въ непрерывной формѣ изложенія, отчасти въ діалогической, былъ цѣлымъ столѣтія очень любимой книгой, какъ образцовый сводъ античной философіи и сборникъ антикварныхъ свѣдѣній.

Такъ же продолжительно и значительно было вліяніе Петрарки въ области исторіографіи. Правда, не его дѣло было писать хронику, какъ, напр., писали Муссато и Феррето; въ дѣлахъ политики онъ не шелъ далѣе декламации. Исторія собственной жизни интересовала его несравненно болѣе, чѣмъ жизнь всѣхъ его современниковъ. Но онъ былъ увѣренъ, что одна изъ его величайшихъ задачъ—вновь вызвать къ жизни исторію древняго міра, въ особенности же Римлянъ. И здѣсь наше вниманіе обращаетъ на себя тотъ фактъ, что его занимало не развитіе римскаго государства, а только великіе и знаменитые мужи Рима. Всегда только человѣкъ, отдѣльный человѣкъ интересуется его въ исторіи. Какъ кажется, этотъ планъ внушили ему подготовительныя работы къ жизнеописанію Сплиціона Африканскаго и къ «Африкѣ». Этимъ то и объ-

¹⁾ Петрарка упоминаетъ о ней только въ *epist. rer. famil.* II, 7 къ Колонна отъ 1331-го года и VI, 16. Въ первомъ письмѣ сохранилось только одно мѣсто, гдѣ говоритъ Трансвиллинусъ: *Maior pars hominum exspectando moritur*, что уже, конечно, не составляетъ стиха. Боккаччо въ своемъ похвальномъ словѣ Петраркѣ у *Rozzetti Petrarca etc.* p. 324 называетъ эту комедію *Philostratus* и говоритъ, что поэтъ взялъ въ образецъ Теренція. Повидимому, онъ былъ знакомъ съ комедіей, такъ-какъ отмѣчаетъ ее словомъ *pulcherrima*. Не былъ ли Филостратъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ? Я желалъ бы обратить вниманіе на то, что въ своей 15-ой элогіѣ Боккаччо подъ Филостропомъ разумѣетъ своего учителя Петрарку, отклонившаго умъ своего ученика отъ свѣтскихъ удовольствій; при этомъ Боккаччо производитъ это имя отъ *philos-amos* и *tropos-conversio* (*Lettere* p. 267). По его манерѣ это могло бы быть въ близкой связи съ Филостратомъ. Прозаическое сочиненіе *De casu Medeae*, упомянутое у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 239, и имѣющее, повидимому, драматическую форму, навѣрное, не принадлежитъ перу Петрарки.

ясняется то обстоятельство, что онъ такъ подробно говоритъ въ послѣдствіи о своемъ героѣ. 1) По первоначальному, болѣе широкому плану въ сочиненіе должна была войти исторія Александра Великаго, Пирра Аннибала, но, такъ какъ Греки остались недоступны ему, то, уже начиная съ третьяго діалога съ Августиномъ, онъ тѣснѣе сдвинулъ рамки и ограничился только жизнеописаніемъ великихъ римскихъ героевъ отъ Ромула до императора Тита; писатели были исключены изъ ихъ числа. Въ этой книгѣ не нашелъ мѣста даже его любимый Цицеронъ. Предпринятый трудъ даже въ такомъ видѣ казался Петраркѣ чудовищнымъ и требующимъ много времени. Онъ написалъ 31 или, если считать жизнь Цезаря, 32 біографіи; послѣ его смерти его ученикъ Ломбардо да Серико присоединилъ къ нимъ еще 4 біографіи. Здѣсь Петрарка далеко опередилъ ту тупую и безвкусную манеру, съ какою до того времени обрабатывался подобный антикварный матеріалъ. Онъ хотѣлъ держаться исключительно чисто классическихъ источниковъ, главнымъ же образомъ своего Ливія, съ которымъ могъ затѣмъ сравнивать то, что находилъ у Валерія Максима или же въ отдѣльныхъ замѣткахъ у Цицерона. Онъ сумѣлъ оцѣнить то, что имѣются комментаріи, написанные самимъ Юліемъ Цезаремъ, что Курцій писалъ объ Александрѣ. Преданія и сказки среднихъ вѣковъ онъ оставилъ безъ вниманія, какъ не имѣющія никакой цѣны. Онъ хотѣлъ слѣдовать только тѣмъ писателямъ, которыхъ считаетъ вполне достоверными, старается дополнять и пояснять ихъ, устраняя находимыя противорѣчія. Даже Ливій вовсе не такой бесспорный авторитетъ для него, чтобы можно было слѣпо довѣряться ему. Такимъ образомъ критика начинаетъ расправлять свои крылья. Петрарка выше рабскаго слѣдованія принятымъ обычаямъ; рассказъ его самобытенъ по изложенію; по пошибу своего вкуса и по стилю онъ ни Ливій, ни Цезарь, а всегда только Петрарка. Число ставшихъ извѣстными рукописей свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи и вліяніи этого сочиненія. Въ послѣдствіи (1373) Петрарка самъ сдѣлалъ извлеченіе изъ него по желанію Франческо да Карарра, которому сочиненіе было посвящено. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, оно вытѣснило изъ обращенія большой трудъ и переписывалось еще охотнѣе 2).

1) Vol. I p. 616 ed. Kazzolini: Si mihi historico in opere librum unum Scipio meus tenet, in Pierio tenet omnes. Notus, ut arbitror, ad hunc ducem amor est meus etc.

2) Большое сочиненіе *De viris illustribus* долгое время не было напечатано, даже не было извѣстно, пока Rossetti Petrarca, Giul. Celso e Bossaccio, Trieste 1828 не установилъ существованія того и другаго сочиненія. Затѣмъ половина его была издана по Бреславской рукописи Шнейдеромъ въ 4 частяхъ, Vratisl. 1829 до 1834. See

Моральной тенденціи исторіи, еще всецѣло господствовавшей во взглядахъ Петрарки, онъ посвящалъ свои «Книги достопамятныхъ исторій»,—примѣры изъ жизни древнихъ и современныхъ людей, расположенные по нравственнымъ категоріямъ. Образцомъ ему здѣсь служилъ Валерій Максимъ, въ то же время бывший его самымъ богатымъ источникомъ. Гоняясь за пикантными чертами, авторъ «Книгъ достопамятныхъ исторій» нерѣдко переходитъ изъ области философіи въ область анекдотовъ и увеселительныхъ разсказовъ. Этимъ опять таки было положено начало любимой литературной отрасли.

Письма Петрарки многократно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ интересовался географіей и этнографіей и, въ особенности, любилъ сравнивать античный міръ съ существующимъ предъ глазами; объ этомъ же свидѣтельствуетъ его «Сирійскій Итинерарій», нѣчто въ родѣ путеводителя для пилигримовъ. Мы не имѣемъ такихъ же точныхъ указаній на то, что онъ составилъ карту Италіи, или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовалъ этому ¹⁾.

Долгое время ничего, или почти ничего не было извѣстно о публичныхъ рѣчахъ Петрарки, произнесенныхъ имъ въ качествѣ посланника или вообще представителя извѣстной державы. Теперь же для насъ несомнѣнно, что онъ часто присоединялся какъ искусный ораторъ къ посольствамъ Висконти, что онъ держалъ слѣдующія рѣчи: въ 1353 г. предъ дожемъ и совѣтомъ въ Венеціи, въ 1354 г. по случаю смерти могущественнаго архіепископа миланскаго Джованни Висконти, въ 1357 въ Новарѣ отъ имени Галеацо Висконти; и въ 1361 г. въ Парижѣ предъ королемъ Іоанномъ Добрымъ. Конечно, всѣ эти рѣчи такъ же ничтожны и безвкусны, какъ и произнесенная въ Капитоліи во время вѣнчанія лаврами. Но во всякомъ случаѣ онъ былъ первымъ придворнымъ

сочиненіе впервые было издано *Razolini. Historia Julii Caesaris*, приписываемая прежде какому то Юлію Цезю, была предъ этимъ издана Шнейдеромъ Lips. 1827. *Epitome* находится въ общихъ изданіяхъ петрарковскихъ сочиненій.

¹⁾ Это извѣстіе, хотя и часто повторяемое, основывается все еще только на *Blondus Italia illustr.* p. 353; *Pictura Italiae quam imprimis sequimur, Roberti regis Siciliae et Francisci Petrarcae eius amici orus.* Безъ сомнѣнія, на стр. 299 Блондусъ говоритъ о той же самой картѣ. Въ одномъ письмѣ *Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 119* король неаполитанскій проситъ у Блондуса прислать ему тѣ географическія карты, которыя имѣются у него съ современными названіями. Въ отвѣтъ на свою просьбу онъ, вѣроятно, получилъ только одну карту, а все остальное было придумано. Для болѣе смѣлаго утвержденія у *Baldelli del Petrarca* p. 182, я не нахожу въ письмахъ доказательствъ. Весьма вѣроятна догадка, что карта эта была та самая, какую нѣкогда Маттео Строцца подарилъ королю Альфонсу. *Cp. Alessandra Mascinghi Lettere ed. it. v. u. G. p. 76.*

ораторомъ, призываемымъ въ торжественныхъ случаяхъ, и своимъ примѣромъ открылъ совершенно новое и своеобразное поприще для дѣятельности гуманистовъ ¹⁾.

Мы уже указывали на значеніе и сѣмъ Петрарки, пролагающихъ новый путь, и намъ придется еще разъ говорить объ этомъ, когда будемъ разсматривать развитіе эпистолографіи. Петрарка вновь возвелъ ее на степень искусства и въ то же время сдѣлалъ средствомъ общенія между членами будущей республики ученыхъ. Еще при жизни его начала создаваться около него эпистолографическая школа: мы видимъ, что его друзья во Флоренціи, Венеціи, Пармѣ и въ другихъ мѣстахъ стараются писать философскимъ языкомъ, прибѣгаютъ къ изысканнымъ выраженіямъ, наполняютъ свои письма классическими цитатами, историческими и мифологическими намеками ²⁾. Даже и въ инвективѣ, этой полемической перебранкѣ съ отдѣльнымъ лицомъ, въ этомъ впервые имъ изобрѣтенномъ родѣ произведеній, по истинѣ онъ не остался безъ послѣдователей.

Петрарка еще при жизни увидалъ роскошные всходы всего того, что вообще разумѣлъ подъ казавшимися ему столь близкими одно другому понятіями поэзіи и древности. Никогда, говорить онъ, не то съ радостью, не то съ опасеніемъ, никогда не были слова Горация: *Scribimus indocti doctique poemata passim* т. е. И ученые, и не ученые мы иногда пишемъ поэмы, правдивѣе, чемъ нынѣ. Ежедневно приходили къ нему со всѣхъ концовъ Италіи письма и стихи, доходили даже изъ Франціи, Германіи, Англии и Греціи. Юристы забывали, по его словамъ, своего Юстиніана, а врачи своего Эскулапа и хотѣли слышать только о Виргиліи и Гомерѣ. Это зло прокралось даже и въ римскую курію. «Я боюсь, что своимъ примѣромъ способствовалъ этой глупости. Говорятъ, что лавры порождаютъ правдивые сны, но я опасаясь, что тѣ, которыхъ я добился съ такимъ страстнымъ желаніемъ, не созрѣли еще и принесли съ собой лживые сны, какъ для меня, такъ и для многихъ другихъ» ³⁾.

¹⁾ Рѣчи вѣнскаго кодекса указалъ уже Denis Mss. theol. Bibl. Palat. Vindob. T. I, p. 509. Рѣчь къ королю Іоанну обнародовалъ Barbeau du Rocher *Ambassade de Petrarque* p. 214 sq., а произнесенную въ Венеціи Fulini II *Petrarca dinanzi alla signoria di Venetia* p. 306 sq. съ совершенно неумѣстными сомнѣніями въ ея подлинности, и Hortis въ *Scritti ined. di Petrarca* p. 329. Тутъ же p. 335 помѣщена рѣчь на смерть архіепископа, которая однако существуетъ только въ латинскомъ переводѣ п p. 341 произнесенная въ Новарѣ, въ которой Петрарка столь основательно толкуетъ городскому населенію одинъ стихъ псалма, что посвящаетъ, напримѣръ, что *meus, meu, meus*—притязательныя мѣстоименія.

²⁾ Цвѣтныя письма другихъ главнымъ образомъ встрѣчаются въ *Epistolae rerum variarum*.

³⁾ *Epist. rer. famil.* XIII, 7.

КНИГА ВТОРАЯ.

Основатели флорентинской республики музъ. Странствующие наставники. Появленіе классиковъ, скрывавшихся въ монастырскихъ библіотекахъ.

Имя Петрарки, спустя полвѣка послѣ его смерти, пользовалось великою славой, но горько разочаровался бы онъ, если бы могъ сравнить ее съ тою, какую пламенно желалъ увѣковѣчить. Да и къ чему искалъ онъ славы въ слѣпомъ поклоненіи толпы, въ ея шумныхъ восторгахъ? Первое проходитъ, а послѣдніе смолкаютъ. Юныя поколѣнія, идущія по стопамъ учителя, легко забываютъ о томъ, кто способствовалъ ихъ духовному подъему. За то Петраркѣ обильно выпала на долю другая слава, которая правда не такъ наглядно переходитъ изъ устъ въ уста: это вліяніе его духа, мирное и часто проявляющееся соврѣнными путями. Сѣмяна, брошенная имъ, привлекли не одну тысячу людей къ ихъ воздѣлыванію, а для ихъ роста потребовались цѣлыя вѣка.

Читатель, одаренный тонкимъ чутьемъ, ощутитъ вѣяніе духа вновь открытой древности на каждой страницѣ не только нашего труда, но и—того отдѣла исторіи, который повѣтствуетъ о событіяхъ двухъ слѣдующихъ вѣковъ. И духъ этотъ всегда облекается въ тѣ именно формы, какія онъ получилъ отъ Петрарки.

Въ этомъ отдѣлѣ мы говоримъ о томъ умственномъ возбужденіи, которое шло прямо отъ Петрарки и вызвало къ жизни плодотворныя силы, а не одно только пассивное удивленіе. Мы указываемъ на первые зачатки его пропаганды. Мы видимъ, какъ тотчасъ же дробится между нѣсколькими лицами тотъ трудъ, который онъ одинъ взялъ на себя, — какъ отдѣльныя личности брали ту или

другую сторону его духовной дѣятельности и разрабатывали ее по своему,—какъ выдѣлялись разныя направленія и потомъ снова соединились въ группы, чтобы поддерживать и взаимно дополнять одна другую. Петрарка представлялъ собою типическое сосредоточеніе умственныхъ силъ въ одномъ лицѣ, а теперь онѣ сосредоточиваются въ цѣломъ тосканскомъ народѣ, или, лучше сказать, именно въ столицѣ его, Флоренціи, которая, благодаря Петраркѣ, отнынѣ становится обителью музъ. Она собираетъ въ стѣнахъ своихъ лучшихъ его учениковъ и основываетъ такимъ образомъ прекрасный пріютъ гуманизма. Безспорно, отъ этой республики заимствовала большею частію и форму и характеръ новѣйшая республика наукъ.

Многія условія способствовали тому, что Флоренція стала центромъ сильнаго умственного движенія, утонченныхъ нравовъ, оживленной литературной и художнической дѣятельности. Прежде всего этому содѣйствовалъ республиканскій духъ ея, который былъ тѣмъ могучѣе, что столица Тосканы, поднявшись на степень итальянскаго государства, постоянно должна была отражать нападенія властителей верхней и средней Италіи, стремившихся къ возвышенію. Свободное государство сдѣлалось бы жертвою политическихъ бурь, не будь оно пронизано гражданскимъ чувствомъ, не обладай политическою зрѣlostью, богатствомъ и образованностью. Но главною представительницею всѣхъ этихъ благъ его была знатная и популярная аристократическо-купеческая фамилія—примѣръ рѣдко встрѣчающійся въ исторіи. Такой знати, какъ флорентинская, мы нигдѣ больше не найдемъ въ Италіи. Въ Венеціи она какъ партія заговорщиковъ отдѣлилась, и отъ страны и отъ населенія, и государственная власть, эта таинственная и недружелюбная сила, держала народъ въ строгомъ повиновеніи и страхѣ. Въ Генуѣ рядомъ съ торговымъ сословіемъ стояло дворянство, ведшее разбойническій образъ жизни въ своихъ замкахъ. Неаполитанцы видѣли достоинство знати въ томъ, что она содержитъ себя на счетъ своихъ владѣній, живетъ спокойно и развѣ иногда дѣлаетъ поѣздки по странѣ. Тутъ дворянинъ не имѣлъ никакой склонности къ сельскому хозяйству и ко всякаго рода труду относился съ презрѣніемъ. Ни съ какимъ богатымъ приданымъ нельзя было найти жениха дворянина дочери знатнаго человѣка, если послѣдній торговалъ продуктами своихъ виноградниковъ, потому что на него смотрѣли какъ на торгаша. И служба при королевскомъ дворѣ не доставляла почета, а только вызывала непреклонную оппозицію противъ такого лица. Въ Церковной области было дворянство, занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ, но въ эпоху смутъ оно тоже склонно было къ хищническимъ набѣгамъ и охотно при-

нимало участіе въ борьбѣ партій на улицахъ Рима. Торговлею здѣсь тоже пренебрегали¹⁾.

Напротивъ во Флоренціи была родовая знать, которая не гнушалась заниматься торговлею и всякими дѣлами, полезными для общества. Она даже гордилась своею дѣятельностью и предприимчивостью. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ историкъ республики, человѣкъ, занимавшій въ ней высшія государственныя должности. Флоренція, въ противоположность сосѣднимъ государствамъ, отличалась обиліемъ населенія и богатствами. Причину этого явленія онъ видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что ея юные граждане отправлялись въ путешествія, желая видѣть другія страны. Нѣкоторое время они наживали тамъ деньги торговлею, потомъ возвращались на родину. Ихъ встрѣчали во всѣхъ государствахъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ. Въ молодые годы они изучали свѣтъ и жизнь. По возвращеніи на родину они составляютъ кружокъ полезныхъ и богатыхъ людей, которому нѣтъ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ²⁾. Эти знатные купцы лишь по временамъ бывають въ деревняхъ и на охотѣ, но не ведутъ праздною или бурной жизни рыцарей. Страсть къ приобрѣтенію увлекаетъ ихъ въ далекія страны, за моря, но въ самомъ городѣ они живутъ спокойно, пользуются довольствомъ и комфортомъ, которымъ обставляютъ дома, средоточіе ихъ всесвѣтныхъ сношеній. При такомъ образѣ жизни дворянство становилось на равную ногу съ богатымъ горожаниномъ, вступало съ нимъ въ постоянныя сношенія и не рѣдко заключало родственныя союзы. Оно вовсе не жило трудами простаго народа, а напротивъ открывало послѣднему доступъ къ источникамъ благостоянія и наслажденія благами жизни.

У такого народа даже и роскошь, неизбежно возникающая вслѣдствіе богатства, принимаетъ болѣе благородныя формы. Умственное образованіе и искусства поощряются. Народное просвѣщеніе уже во времена Джіованни Виллани стоитъ на такой высокой степени, что мы поражаемся изумленіемъ: во Флоренціи было отъ осьми до десяти тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ, умѣвшихъ читать, отъ 1000 до 1200 такихъ, которые въ шести школахъ учились грамотѣ и ариметикѣ, а такихъ, которые изучали латынь и логику въ четырехъ большихъ школахъ, онъ насчитываетъ отъ 500 до 600³⁾.

¹⁾ На эти отличія отъ флорентинскаго дворянства указываетъ, правда, въ позднѣйшее время, Poggius въ сочиненіи: *De nobilitate* (Opp. p. 67).

²⁾ Goro Dati (род. въ 1363 г.) *Istoria di Firenze* p. 55.

³⁾ Cronica XI, 94 (Tit. VI). Въ социальную, у насъ нѣтъ для сравненія аналогичныхъ данныхъ. Но въ городѣ Моденѣ, имѣющемъ значеніе, еще въ 1412 г. жалуются

Прибавимъ къ этому, что уже и въ то время былъ человекъ, который считалъ подобные факты заслуживающими вниманія. Въ той самой Флоренціи, которую еще Дантъ назвалъ лучшею и знаменитѣйшею дочерью Рима, вскорѣ каждый образованный человекъ былъ по малой мѣрѣ въ состояніи судить о произведеніяхъ, написанныхъ на народномъ языкѣ (*volgare*). Въ особенности съ Дантомъ коротко были знакомы какъ мужчины, такъ и дамы высшего общества. Уже вовсе не рѣдкое явленіе и знакомство съ «грамматикою», т. е. латынью. Даже среди простыхъ горожанъ встрѣчаются личности, говорящія по латыни при участіи въ посылкахъ и понимающіе языкъ св. писанія.

Такимъ образомъ новая наука Петрарки нашла во Флоренціи почву болѣе богатую и болѣе тщательно водѣлываемую, чѣмъ гдѣ либо ¹⁾. Вспомнимъ о Лапо-да-Кастильонкіо, который обмѣнивался съ Петраркою посланіями въ духѣ Цицерона и любилъ поэзію. Потомъ онъ покинулъ Парнасъ съ его музами и занялся правовѣдніемъ, какъ дѣломъ болѣе выгоднымъ ²⁾. Вспомнимъ о Франческо Нелли, настоятелѣ монастыря св. Апостолъ, принадлежавшемъ къ числу самыхъ близкихъ друзей Петрарки, и наконецъ о Боккаціо. Вскорѣ и тутъ мы встрѣчаемъ школьнаго учителя, горячо преданнаго Петраркѣ и поэзіи. Старый Джіованни-да-Страда—такъ его прозвали по мѣсту его рожденія, находившемуся недалеко отъ Флоренціи—содержалъ открытую школу грамматики. Онъ держался еще старыхъ пріемовъ, но все-таки у него Боккаціо, кромѣ другихъ предметовъ, научился и латыни. Когда онъ умеръ въ 1335 г., то завѣдываніе школою принялъ на себя его двадцатилѣтній сынъ, Заноби, желавшій поддержать ея свое тяжелое и

на то, что нѣтъ учителя латинскаго языка (*magister grammaticae*), а тѣ наставники, которыхъ пригласили изъ чужихъ странъ съ платою въ 100 лиръ, тоже были безвѣстные преподаватели, *Tiraboschi Biblioth. Moden. T. I. p. 58.*

¹⁾ *Ubi et nobiles ingeniorum scaturigines erumpunt et dulces nidificant philomenae. Petrarca epist. ferr. famil. XXIV, 12, письмо къ Гомеру отъ 1360 г.*

²⁾ Какъ гвельфъ, онъ въ 1376 г. былъ изгнанъ изъ Флоренціи, изучалъ каноническое право въ Падуѣ и умеръ въ 1381 г. въ Римѣ адвокатомъ консисторіи. Отъ него остались лишь сочиненія въ сатирическомъ родѣ и нѣкоторые рѣчи, сказанныя по случаю посольствъ. Впрочемъ, Салютато (*epist. 28 ed. Mehus*) отзывается съ похвалою объ его гуманистическомъ образованіи и слогъ его писемъ, даже прославляетъ его въ эпитафій, какъ

Optimus eloquio, sacrique Heliconis alumnus
Et calamo scribens vix Cicerone minor.

Epistola o sia Ragionamento di Messer Lapo da Castiglionchio, colla Vita composta da Mehus, Bologna 1759. Colle Storia... dello studio di Padova vol. III, p. 52—61.

скудное существованіе. На него сошло вдохновеніе Петрарковой музыки. Время, остававшееся свободнымъ отъ занятій, онъ посвящалъ изученію древнихъ поэтовъ и философовъ, писалъ изящныя посланія прозою и стихами и считался поэтомъ. Потомъ онъ началъ и обширную поэмъ, въ которой предполагалось воспѣть подвиги Сципіона Африканскаго; но когда онъ узналъ, что Петрарка обработываетъ тотъ же самый сюжетъ, то оставилъ ее ¹⁾. Въ 1350 г., въ свою бытность во Флоренціи, онъ увидалъ лично обожаемаго имъ поэта и удостоился его дружбы. Долго убѣждалъ его великій мужъ покинуть жалкое учительство и, въ качествѣ человѣка, рожденнаго для высшаго призванія, посвятить себя исключительно Цицерону и Виргилію и стремиться къ славѣ поэта. Заноби поддался этому заманчивому совѣту. Мы увидимъ, что онъ впоследствии поступилъ на службу къ знатнымъ лицамъ, удостоился вѣнчанія поэтическимъ вѣнцомъ, сдѣлался папскимъ секретаремъ и богатымъ человѣкомъ. Но тогда уже онъ не принадлежалъ больше Флоренціи, а скорѣе распрощался и съ музами, которыхъ любилъ выше всего, будучи бѣднымъ школьнымъ учителемъ. Другія личности основали для нихъ надежное убѣжище на рѣкѣ Арно.

Мы сейчасъ назовемъ троихъ учениковъ Петрарки, которымъ приписываемъ эту заслугу: это—Джіованни Боккачіо, Луиджи Марсилія и Колюччіо Салютато. вмѣстѣ съ тѣмъ мы опредѣлимъ и основный характеръ дѣятельности каждаго изъ нихъ: Боккачіо олицетворяетъ собою восторженное трудолюбіе ученаго; Марсилія—основатель перваго свободнаго кружка, въ которомъ наука и вообще духовныя стороны разрабатывались всторонѣ отъ церкви и университета; Салютато доставилъ гуманизму право гражданства въ общественной жизни. Всѣ они проникнуты извѣстнаго рода республиканскимъ духомъ, котораго былъ чуждъ Петрарка, гражданинъ цѣлаго міра, хотя этотъ духъ ведетъ свое начало отъ его ученія. Изъ дальнѣйшаго изложенія достаточно ясно будетъ видно, насколько эти люди вообще примыкали къ Петраркѣ, по укажемъ и на тѣ черты, которыя принадлежатъ лично имъ и ихъ положенію.

Генію, какъ любимцу судьбы, повидимому, многое дается само собою, и то, что въ другихъ случаяхъ признается печальною помѣхой, то для него часто является возбуждающимъ началомъ. Отецъ противился идеальнымъ стремленіемъ Петрарки, желая сдѣлать изъ него адвоката, но тѣмъ энергичнѣе сказалось въ немъ поэтическое чувство; его талантъ и вдохновеніе развива-

¹⁾ Filippo Villani ed. Galletti p. 16. Matteo Villani lib. V. cap. 26.

ются благодаря гнету, и вмѣстѣ съ правовѣдѣніемъ онъ отказался и отъ всякой схоластической науки. Совершенно инымъ путемъ шло образованіе его преданнѣйшаго ученика, Джіованни Боккачіо изъ Четальдо. Ему еще не было и шести лѣтъ, какъ онъ уже пробовалъ свои силы въ небольшихъ стихотвореніяхъ, разумѣется, на тосканскомъ нарѣчій. Но отецъ намѣревался сдѣлать его купцомъ и заставилъ цѣлые шесть лѣтъ — неовознаградимая утрата! — возиться въ конторѣ съ разными дѣлами и счетами. Наконецъ, замѣтивъ недюженныя дарованія сына, онъ уже не сталъ больше противиться его охотѣ къ ученью, однако выбралъ ему хлѣбную науку — правовѣдѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, гению юнаго Джіованни данъ былъ толчокъ прежде всего тосканскою поэзіею, въ особенности Божественною Комедіею Данта ¹⁾. Онъ навсегда остался вѣренъ этому первому порыву своей юности: Дантъ, говоритъ онъ въ послѣдствіи, снова открылъ давно заглухшій родникъ поэзіи; онъ снова показалъ свѣту, что такое поэзія ²⁾. Мы видѣли, какъ Боккачіо, даже передъ Петраркою, выражалъ свое благоговѣніе къ Данту. Навѣрное, онъ и самое имя Петрарки впервые узналъ какъ имя пѣвца Лауры. Но сильнѣе поразила его та слава, которую стяжалъ Петрарка въ качествѣ творца эклогъ и поэмъ Африка, какъ новый *Виргилій*. Конечно это больше ничего, какъ пустая басня, будто превращеніе съ нимъ произошло въ виду гробницы древняго *Виргилія* ³⁾. Хотя Боккачіо былъ только девятью годами моложе Петрарки ⁴⁾, однако онъ, подобно ученику-ребенку, весь отдался ему, представителю всякой міровой мудрости ⁵⁾. Онъ принялся читать древнихъ писателей безъ руководителя, но съ тѣмъ болѣею горячностью. Еще шесть лѣтъ продержалъ его отецъ на изученіи правовѣдѣнія и сердился на его идеалистическія затѣи. Друзья тоже бросили его за это, а если и называли поэтомъ, то не безъ ироніи. Но это не смутило Боккачіо. Когда со смертію отца онъ

1) По словамъ Петрарки *epist. rer. famil. XXI, 15*, онъ писалъ ему, *quod ille (Дантъ) sibi adolescentulo primus studiorum dux et prima lux fuerit*, т. е. что онъ ему въ юности былъ первымъ руководителемъ въ занятіяхъ и первымъ свѣточемъ.

2) *Lettere ed. Corazzini p. 194*.

3) Онъ не самъ говоритъ объ этомъ, а только *Filippo Villani ed. Galletti p. 18*.

4) Основанія (*Corazzini Introd. p. XI*), по которымъ Боккачіо родился не въ 1313-мъ, а уже въ концѣ 1314 г., не убѣдили меня, и въ нихъ больше проглядываетъ стремленіе совсѣмъ отвергнуть то мнѣніе, что онъ родился въ Пармѣ, которое и безъ того достаточно шатко.

5) *Quem ego ab ineunte inventute mea prae ceteris colueram*, т. е. въ моеи ранней юности я уважалъ его предпочтительно предъ прочими, говоритъ онъ. См. *De casibus illustr. viror. fol. 90*.

сталъ свободнымъ человѣкомъ на двадцать пятомъ году, то рѣшеніе его было твердо. Онъ зналъ, что поэта не ожидаетъ благоденствіе въ жизни, какое могутъ устроить себѣ духовныя лица или адвокаты. Но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, въ душу которыхъ запала неугасимая искра Петраковской идеи о славѣ. Для него однако совсѣмъ даромъ пропало то время, когда пробуждаются духовныя силы и врожденныя способности. По крайней мѣрѣ, онъ самъ до старости сознавалъ, что, быть можетъ, онъ сдѣлался бы знаменитымъ поэтомъ, предоставъ ему отецъ тотчасъ-же свободу¹⁾.

Петрарка удостоилъ его своей дружбы, но Боккачіо принялъ это за незаслуженную милость. Съ удивленіемъ, чуждымъ зависти, видѣлъ онъ, какъ папы и короли добивались этой дружбы великаго человѣка и какъ слава о немъ разошлась по всему свѣту. Онъ не можетъ написать его имени безъ почетнаго эпитета, внушаемаго благоговѣніемъ. Онъ называетъ его своимъ знаменитымъ и высокимъ наставникомъ, отцомъ и господиномъ, поэтомъ, котораго скорѣе слѣдуетъ отнести къ числу прославленныхъ древнихъ, чѣмъ новыхъ, по истинѣ неземнымъ человѣкомъ, великимъ чудомъ своего времени²⁾. Но ему пришлось долгіе годы удивляться ему лишь издалека; онъ не отваживается даже въ письмахъ стать въ близкія отношенія къ нему. Нѣтъ доказательствъ и на то, что Боккачіо жилъ въ Неаполѣ въ то время, когда Петрарка стоялъ тамъ передъ королемъ Робертомъ до своего коронаванія въ Капитоліи. Только тогда уже, когда Петрарка осенью 1350 г. пріѣхалъ во Флоренцію, гдѣ познакомился и съ Заноби, Боккачіо осмѣлился дать знать ему о себѣ пославши свое стихотвореніе. Такъ было положено начало ихъ личной дружбѣ³⁾. Въ слѣдующую весну Боккачіо, по порученію своего отечественнаго города, пріѣхалъ въ Падую, чтобы передать Петраркѣ почетное посланіе, которымъ его призвали изъ изгнанія, возвращали ему отцовское достоиніе и приглашали профессоромъ въ новый университетъ. Боккачіо про-

1) Jo. Vassacii *Harpi γεναλογία* Deorum. libri XV. Basileae, 1532. Lib. XV, cap. 10.

2) *Ibid.* XIV, 10. 11. 19. XV, 6. 14. *Comento sopra la Commedia di Dante cap. 1.* (Opere vol. IV. Firenze, 1724 p. 84, 35). Ср. *Petrarca epist. rer. senil. I. 4.*

3) Слѣдуетъ строго держаться положительнаго заявленія Петрарки *epist. rer. famil. XXI, 15*, что она тогда въ первый разъ видѣлась во время его поѣздки по средней Италіи. Слова Боккачіо *ego quadraginta annis vel amplius suus fui* (я былъ близокъ съ нимъ въ теченіи сорока лѣтъ или даже больше) (*Lettere* p. 382), хотя по связи и предполагаетъ взаимную дружбу, но могутъ быть отнесены къ его нравственной преданности. Болѣе раннихъ писемъ, которые считаетъ возможнымъ *Corazzini* p. XXIV, нѣтъ и въ поминѣ, хотя Боккачіо впоследствии собралъ полученные имъ отъ Петрарки. Первое сохранившееся — это *epist. rer. famil. XI, 1* отъ 2 25 p. 1350 г.

гостилъ нѣсколько дней въ домѣ Петрарки. Онъ видѣлъ, какъ послѣдній отдавался своимъ «священнымъ занятіямъ», и считалъ за счастье, что могъ списать нѣкоторыя изъ произведеній наставника. А подь вечеръ они ходили въ садъ, который манилъ къ себѣ роскошью весенняго убранства; тамъ они сидѣли и бесѣдовали часто до ночи ¹⁾. Потомъ они увидѣлись еще разъ спустя восемь лѣтъ, когда Боккачіо посѣтилъ своего друга въ Миланѣ. Но это была уже ихъ послѣдняя встрѣча; въ позднѣйшую поѣздку въ Венецію Боккачіо не видался съ своимъ другомъ.

Трогательно то усердіе и самоотверженіе, съ которыми Боккачіо дѣлалъ эту дружбу; она составляла его гордость. Зная любовь Петрарки къ Блаженному Августину, онъ подарилъ ему комментарий его на Псалмы ²⁾. Онъ списалъ для него своею рукою Божественную Комедію, также книгу, заключающую въ себѣ сочиненія Цицерона и Варрона ³⁾. Боккачіо написалъ Похвальное слово Петраркѣ и его поэтическимъ произведеніямъ, въ которомъ защищалъ его отъ нѣкоторыхъ введенныхъ на него упрековъ ⁴⁾. А когда въ 1372 г. престарѣлый наставникъ былъ унижаемъ французскимъ кардиналомъ передъ папою, который оспаривалъ у него право на титулъ феникса, Боккачіо снова выступилъ въ защиту его съ полемическимъ сочиненіемъ ⁵⁾. Письма, полученные имъ отъ Петрарки, онъ располагалъ по числамъ и составилъ изъ нихъ особую книгу. Онъ предполагалъ, что эти дружескія письма скорѣе обезсмертятъ его имя, чѣмъ его собственныя произведенія ⁶⁾. Мысль о сравненіи себя съ Петраркою показалась бы Боккачіо преступною. Чей духъ витаетъ въ высшихъ сферахъ, говоритъ онъ, у того слогъ удивительно какъ изященъ и украшенъ возвышенными мыслями, потому что онъ пишетъ по зрѣломъ соображеніи, почерпая свои идеи изъ глубины мышленія ⁷⁾. Когда Петрар-

1) Письмо Боккачіо къ Петраркѣ отъ 18 іюля 1353 г. въ *Lettere* p. 47.

2) Теперь хранится въ Папской библиотекѣ съ собственноручною надписью Петрарки. *Histoire litt. de la France* vol. XXIV p. 575.

3) *Petrarca epist. rer. famil.* XVIII, 4.

4) Напечатано подъ заглавіемъ: *De vita et moribus Domini Francisci Petrarchae de Florentia, Secundum Johannem Bochacii de Certaldo y Rossetti Petrarca etc.* p. 316 ff. Издатель старается доказать на стр. 351, что Боккачіо написалъ свою Похвалу еще до перваго знакомства съ Петраркою. Я готовъ бы отнести ее къ 1353 г., особенно по намеку на неоднократное пребываніе Петрарки при дворѣ въ Авиньонѣ стр. 319.

5) См. выше стр. 115.

6) Его письмо къ Петраркѣ въ *Lettere* p. 123.

7) *Epilogus libri de montibus etc.*, приложенной въ выше упомянутомъ изданіи къ *Genealogia Deorum*, p. 504. Точно такъ же см. *Lettere* p. 349.

на въ одномъ письмѣ называлъ Боккачіо поэтомъ, то послѣдній рѣшительно отклонилъ отъ себя эту честь. Идеаломъ его было «скромно идти по стопамъ своего Сильвана настолько, насколько онъ будетъ въ силахъ ¹⁾». Съ своей стороны Петрарка видѣлъ въ подчиненіи себѣ такого «покорнаго раба» лишь естественное отношеніе. Онъ оказывалъ ему уже большую любезность, обѣщая въ будущемъ перспективу великихъ успѣховъ ²⁾. Этотъ другъ былъ какъ разъ по душѣ ему: онъ посвятилъ Боккачіо множество писемъ, въ завѣщаніи отказавъ 50 золотыхъ гульденовъ—на зимнее платье, которое согрѣвало бы трудолюбиваго друга во время его ночныхъ занятій ³⁾. Боккачіо былъ боленъ въ то время, когда узналъ объ этомъ послѣднемъ доказательствѣ любви и о смерти поэта, которому поклонился больше сорока лѣтъ. Письмо, написанное имъ въ то время дрожащею рукою въ похвалу усопшему, служить лучшимъ и самымъ трогательнымъ памятникомъ этого духовнаго союза.

Забота о славѣ наставника и друга все еще занимали Боккачіо, когда тотъ умеръ. Его безпокоила судьба Африки, которую Петрарка хотѣлъ сжечь. Хотя онъ былъ столь же мало знакомъ съ нею, какъ и другіе, однако былъ увѣренъ, что это—великолѣпное, удивительное поэтическое произведеніе, достойное Гомера, проникнутое божественнымъ духомъ ⁴⁾. Таинственность, въ которой поэтъ подражалъ примѣру Виргилія, усиливала интересъ. То говорили, что Африки уже нѣтъ, то—что Петрарка распорядился въ завѣщаніи сжечь ее, или поручилъ комиссіи рассмотреть, которое изъ его неизданныхъ сочиненій стоитъ сохранить. Для послѣдней цѣли Боккачіо обратился къ суду съ просьбою въ стихахъ, боясь, что его членами будутъ юристы: во имя музъ, королей, народовъ и городовъ онъ умолялъ, чтобы пощадили образцовое произведеніе. Такъ содѣйствовалъ онъ тому, что оно, дѣйствительно, уцѣлѣло для потомства, а впоследствии списокъ его попалъ и во Флоренцію ⁵⁾.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XVIII, 15 Boccaccio Lettere p. 140.

²⁾ Epist. rer. famil. XVIII, 4 къ Boccaccio. Venient tamen qui te forsitan mirentur, quæmpe uem jam nunc mirari incipit invidia.

³⁾ Petrarcae Testamentum въ недавнее время напечатано у Fracassetti vol. III p. 542.

⁴⁾ Versus pro Africa Petrarcae впервые издавъ вмѣстѣ съ poemata minora Петрарки Rossetti vol. III Append. p. 46; потомъ они были напечатаны въ Боккачиевыхъ Lettere p. 243. Если судилище состояло изъ patres Veneti, то это стояло въ связи съ тѣмъ договоромъ, который нѣкогда Петрарка заключилъ съ республикою о своей библіотекѣ. Боккачіо обращался и къ зятю Петрарки (Lettere p. 377), и чрезъ него впоследствии получилъ Салютато позволеніе списать ее.

⁵⁾ Тамъ говорить онъ въ похвальному словѣ Петрарки f. c. p. 319. 324.

Боккачіо былъ творцомъ прекрасной тосканской прозы, самымъ веселымъ и милымъ разсказчикомъ новеллъ, но это не входитъ къ рамки нашей задачи, подобно стихотвореніямъ Петрарки. Тѣмъ не менѣе поразительно, что онъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ почти ни разу не упоминаетъ о произведеніяхъ, написанныхъ на тосканскомъ нарѣчій, тогда какъ Петрарка о своихъ произведеніяхъ въ этомъ родѣ говоритъ, хотя съ большимъ пренебреженіемъ. И Боккачіо признается въ своемъ стремленіи къ литературной славѣ¹⁾, но онъ ожидаетъ ее не отъ чего иного, какъ отъ своихъ классическихъ занятій²⁾. Говорили даже, будто его нескромныя юношескія произведенія, новеллы, въ старости лежали тяжелымъ бременемъ на его совѣсти, и онъ готовъ былъ бы уничтожить ихъ, но онѣ уже разошлись по цѣлой Италіи. Ему непріятно было, что одинъ уважаемый его покровитель намѣревался рекомендовать ихъ дамамъ въ своей семьѣ; пожалуй, онѣ сочтутъ его за грязнаго стараго развратника! По крайней мѣрѣ то послужитъ ему въ оправданіе, что онъ писалъ подобныя повѣсти только въ юности и по неотступной просьбѣ лица высшаго³⁾. Конечно, черезъ два вѣка тонкій цѣнитель литературы судилъ какъ разъ наоборотъ: латинскія сочиненія Боккачіо едва влачатъ свое жалкое существованіе, а необычайно увлекательный Декамеронъ переведенъ на всѣ языки и никогда не умретъ⁴⁾.

Ничто не рисуетъ въ такомъ яркомъ свѣтѣ геніальность Петрарки, какъ та громадная разница, какую мы замѣчаемъ между нимъ и Боккачіо. Для Петрарки древность была школою человѣчества, и онъ сознательно проникается ея духомъ, овладѣваетъ тѣмъ, что читаетъ, и что ему пригодно, то становится его личнымъ достояніемъ. Боккачіо принимается за изученіе ея заинтересованный самымъ содержаніемъ, и его трудолюбіе заслуживаетъ всякой похвалы, но онъ теряется въ мелкихъ фактахъ. Онъ энергически работалъ въ ширь, раздвигая рамки предмета, тогда какъ Петрарка проникалъ въ глубь его. Очевидно, Боккачіо изъ чтенія древнихъ извлекъ громадную массу выписокъ, потомъ составилъ изъ нихъ отдѣльныя сочиненія, группируя матеріалъ съ внѣшней точки зрѣнія⁵⁾.

1) Напр. De geneal. Deorum XV, 13. Lettere p. 198.

2) Le cose volgari non possono fare uno uomo letterario, говоритъ онъ въ Lettere p. 160, по отношенію къ Алчіаноли.

3) Lettere p. 295. Я не знаю другаго мѣста въ его латинскихъ сочиненіяхъ, въ которомъ бы хоть упоминалось о иродномъ языкѣ.

4) Paulus Iovius Elogia doctor. viror. 6.

5) Чьяппи (Monumento di manuscritto autografo di M. Giov. Boccaccio, Tivente 1827 (второе изданіе Milano 1830) полагаютъ, что нашелъ подобный сборникъ замѣтокъ въ Magliabechiana. Если впоследствии Гортисъ отставвалъ подлинность, то Кертингъ снова

Самое раннее изъ латинскихъ сочиненій Петрарки, насколько мы знаемъ, это трудъ его: *О знаменитыхъ женщинахъ*. Оно служитъ переходомъ отъ стихотвореній, написанныхъ на народномъ языкѣ, къ ученымъ сочиненіямъ, такъ какъ предназначено больше для похвалы женщинъ и развлеченія друзей, не претендуя особенно на ученость. Однако извѣстіе о книгѣ Петрарки произвело сильное впечатлѣніе. Еврейскихъ и христіанскихъ женщинъ предполагалось исключить, но авторъ начинаетъ съ Евы и къ греческимъ, римскимъ и варварскимъ женщинамъ присоединяетъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ, паписсу Іоанну, императрицу Констанцію, Іоанну, королеву іерусалимскую и сицилійскую. То, что въ ней излагается какъ бы въ поученіе насчетъ добродѣтелей и пороковъ, является нѣкоторымъ образомъ маскою для шуточныхъ и нескромныхъ разсказовъ, служащихъ къ увеселенію друзей ¹⁾. Какъ ни негѣпа эта книга на нашъ взглядъ, въ то время она понравилась, даже нашла поклонниковъ ²⁾.

Какъ древніе, такъ и Петрарка любилъ говорить о превратности земнаго счастья, о трагическомъ характерѣ человѣческой судьбы. Эту мысль Боккачіо лонялъ по своему, совершенно прозаично, и положилъ ее въ основу историческаго труда, въ которомъ задумалъ указать на трагическую судьбу знаменитыхъ мужей ³⁾. Такъ, начиная съ Адама и Евы,—нѣкоторыя женщины тоже встрѣчаются здѣсь,—выводятся передъ нами герои сказаній, преимущественно грече-

намъревался опровергнуть ее. Многое говорить за нее, многое противъ, во всякомъ случаѣ рѣшительныхъ доказательствъ лишены обѣ стороны. Шюль (Vossaccio's lateinische Schriften historischen Stoffes) указалъ источники, которыми Боккачіо пользовался, въ *Neue Jahrb. für Philol. Pädag. und Abth.* 1847 s. 467 ff. Весьма подробно изслѣдовалъ этотъ вопросъ Гортисъ въ *Studj s. opere latine del Vossaccio*.

¹⁾ Какъ авторъ самъ говоритъ въ началѣ, онъ хотѣлъ съ разсказомъ иногда nonnulla lepida blandimenta virtutis et in fugam atque detestationem scelerum aculeos addere. Я пользуюсь крайне рѣдкимъ editio princeps: *Compendium Iohannis Vossacii de Certaldo quod de graecularis mulieribus ac (ad) famam perpetuam edidit feliciter* s. l. et a. (Hain Repert. № 3327. Hortis p. 756); оно хранится въ Лейпцигской университетской библіотекѣ. О другихъ изданіяхъ (въ числѣ которыхъ недостаетъ Lovan. 1487 г.) см. Landau Vossaccio s. 419.

²⁾ Такъ напримѣръ и Filippo Villani ed. Galletti p. 17 находятъ въ немъ такую *facundia et gravitas, ut priscorum altissima ingenia ea in re dicatur merito superasse* (!).

³⁾ Въ берлинской библіотекѣ первый весьма рѣдкій оттискъ этого сочиненія: *Johannis Vossacii de Certaldis historiographi Prologus in Libros de casibus virorum illustrium* s. l. et a. (Hain Repert. № 3338. Hortis p. 764), печатанъ въ той же типографіи, какъ и первый оттискъ сочиненія *de graecularis mulieribus*. Но такъ какъ это изданіе напечатано безъ помята страницъ и даже безъ обозначенія заглавій 9 книгъ, то я предпочитаю дѣлать ссылки на распространенное изданіе *Joannis Vossacii Certaldi de casibus illustrium virorum libri novem. Parrkissis* s. a.

скихъ, и историческія личности даже эпохи, современной автору. Повѣствованіе о трагическомъ концѣ ихъ жизни или ихъ могущества сопровождается большею частью странными замѣтками въ сторону, какъ въ театральныхъ пьесахъ ¹⁾. Если рядъ знаменитыхъ мужей, выводимыхъ авторомъ, крайне однообразенъ, то поэтъ вознаграждаетъ читателя видѣніями. Кромѣ того, нить повѣствованія прерывается нравственно-философскими размышленіями и длинными экскурсами, постоянно трактующими о такихъ предметахъ, которые и Петрарка обрабатывалъ подобнымъ же образомъ,—именно о женщинахъ, противъ хитростей и приманокъ которыхъ авторъ предостерегаетъ читателя, о юристахъ съ ихъ крючкотворствомъ, о богатствѣ и счастіи, въ защиту поэзіи и автора, также реторики, о печальномъ положеніи современнаго ему Рима и объ *acedia* автора, отъ которой врачуетъ его Петрарка. Такимъ образомъ въ историческое сочиненіе входитъ трактатъ Петрарки, а въ него—личный элементъ, совершенно въ духѣ наставника.

Главнымъ ученымъ сочиненіемъ Боккачіо считалась его миеологія (*de Genealogia Deorum*), тоже сухой и неискусно составленный сборникъ матеріала. Конечно, мы можемъ принять во вниманіе, что этотъ предметъ въ его время былъ еще новъ, и въ этомъ трудѣ мы имѣемъ первое цѣльное руководство къ изученію древности. Слѣдуетъ удивляться начитанности и трудолюбію Боккачіо, какъ собирателя матеріала. Но все это въ сущности не вознаграждаетъ читателя за ту сухую манеру изложенія, которая господствовала еще въ прежніе вѣка. Только новый методъ обработки матеріала сообщилъ изученію древности характеръ серьезнаго и плодотворнаго труда. Если занятіе миеологіею не научало преодолевать легковѣріе, тупую несообразительность и педантскую систематичность, то оно не вносило въ науку ничего освѣжающаго, ничего гуманистическаго. Боккачіо собираетъ и громоздитъ миеологическій матеріалъ въ одну грудку и при этомъ еще обнаруживаетъ пагубное стремленіе все объяснять аллегорически и символически. Правда, современники видѣли въ этомъ его гениальную заслугу ²⁾. Его сочиненіе «О горахъ, лѣсахъ, источникахъ, озерахъ,

¹⁾ Какъ напр. *Plurimus triostium concursus*, т. е. многолюдное стеченіе людей, пораженныхъ горемъ, или *lucens certamen dolentium*, т. е. люди печаліящиеся плачутъ на перебой и т. д.

²⁾ Научная оцѣнка этого сочиненія составляетъ главную суть небольшого труда Шюа, *Zur Charakteristik der ital. Humanisten des 14 und 15 Jahrk.* Breslau 1867. Filippo Villani ed. Galletti p. 17 видитъ достоинство книги именно въ объясненіи миеологовъ, *quidquid moraliter per allegoriam sentirent. Mysteria siquidem poetarum sensusque*

рѣкахъ, болотахъ и моряхъ», обыкновенно прилагаемое къ предъидущему, не что иное, какъ алфавитный словарь древней географіи, могущій служить пособіемъ при изученіи древнихъ поэтовъ въ связи съ такъ называемымъ *В и б і е м ъ С е к в е с т р о м ъ* ¹⁾.

Кто бы могъ узнать въ сухомъ ученюмъ, ночномъ труженникѣ, забавнаго рассказчика Декамерона, шаловливаго и нескромнаго автора «Фіезоланской игры нимфъ» и «Фьяметты»! А однако Боккачіо все тотъ же самый писатель и тамъ, гдѣ онъ покидаетъ область эпоса и является ученымъ. Онъ, повидимому, ближе ознакомился въ Неаполѣ съ литературою грековъ, въ которой для него таилось многое, заслуживающее изученія, или по крайней мѣрѣ окольными путями почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней. Тамъ жилъ Паоло да Черуджіа, бібліотекаръ короля Роберта, который, правда, тоже не зналъ греческаго языка; но, благодаря своему другу Барлааму, приобрѣлъ множество ученыхъ замѣтокъ о греческихъ божествахъ и далъ имъ мѣсто въ своемъ большомъ сборникѣ, *Collectiones*. Отсюда уже Боккачіо перенесъ греческую премудрость въ свои сочиненія. Тогда онъ понялъ, что необходимо овладѣть языкомъ, который пока дѣлаетъ для него недоступными такія сокровища, и подобно Петраркѣ делалъ эту мысль въ душѣ. Когда впоследствии, въ 1360 или 1363 г., въ Италію пріѣхалъ Леонціо Пилато, то онъ отправился на встрѣчу ему въ Венецію—пригласить его профессоромъ греческаго языка въ флорентинскій университетъ. Онъ принялъ его на нѣсколько лѣтъ въ свой домъ, усвоилъ себѣ греческую азбуку и начала грамматики подъ руководствомъ этого кротливаго и циничнаго наставника. Онъ заставилъ его объяснять себѣ *Илліаду* и усердно записывалъ всѣ тѣ нелѣпыя толкованія и замѣчанія, какія предлагалъ невѣжественный учитель изумленному ученику. Онъ поднялъ вопросъ о переводѣ поэмъ Гомера, который и сдѣлалъ Пилато, при денежномъ пособіи со стороны Петрарки. Потомъ Боккачіо списалъ этотъ трудъ своею рукою. Поэтому онъ могъ съ гордостью сказать, что онъ первый распространилъ въ Тосканѣ произведенія Гомера и на свой счетъ,

allegoricos, quae historiae fictio vel fabulosa editio occultebat, mirabili acumine ingenii in medium et quasi ad manum perdufit. Объ обработкѣ мѣологическаго матеріала въ твореніяхъ премныхъ поэтовъ ср. Landau s. 58. 61.

¹⁾ Превосходный ученый разборъ этого сочиненія см. у Гортиса въ *Assenni alle scienze naturali nelle opere di G. Boccaccio* p. 38-е seg.

²⁾ *De geneal. Deor.* XV, 6, 7.

³⁾ Мерусъ (*Vita Ambros. Travers.* p. 275) полагалъ, что узналъ почеркъ Боккачіо въ одномъ кодексѣ бібліотеки Лауренціана. Большая часть списковъ, написанныхъ имъ, впоследствии сторгли вѣсть съ его бібліотекой. Подробности см. у Baldelli *Vita di Giov. Boccacci* p. 127-е seg.

первый пригласил учителя греческаго языка и приютилъ его у себя, первый изъ всѣхъ итальянцевъ сталъ снова читать Гомера ¹⁾. Никакой трудъ не былъ для него тяжелъ, никакіе хлопоты не утомляли его. Онъ переписалъ собственноручно множество рукописей самъ уже просто потому, что не имѣлъ средствъ содержать писцовъ, подобно Петраркѣ. Онъ предпочелъ самъ переписать комедіи Теренція, не желая подвергать текстъ искаженію въ рукахъ безсовѣстныхъ переписчиковъ ²⁾. Мысль о свѣржѣ древнихъ рукописей и взаимномъ исправленіе ихъ одной другою составляетъ его заслугу. Но онъ не пошелъ дальше того, что въ этого рода работахъ составляетъ чисто механическую сторону дѣла. Онъ—предшественникъ и типическій представитель тѣхъ филологовъ, кропотливыхъ тружениковъ, трудъ которыхъ только тогда дѣлается плодотворнымъ, когда онъ осмысленъ духовно. Петрарка противопоставлялъ надменнымъ схоластикамъ свое философское я, а онъ противопоставлялъ свой благородный трудъ. Однако и при такой скромной работѣ онъ считалъ себя счастливымъ.

Тѣ идеи и взгляды, какія выражалъ Боккачіо, собственно принадлежали Петраркѣ. Но онъ беретъ лишь отдѣльныя нити ткани, чтобы продолжать ихъ, тогда какъ ихъ гораздо больше у него выскользаетъ изъ рукъ. Но объ ихъ значеніи въ общей связи онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Часто намъ кажется непонятнымъ, какъ такой близкій другъ Петрарки и преданный поклонникъ его не усвоилъ себѣ отъ него ничего болѣе существеннаго. Рѣчи мудреца, книги и житейскій опытъ бросаютъ сѣмена на удачу; если почва неподготовлена къ воспріятію ихъ, то растительная сила совсѣмъ замираетъ.

Петрарка, въ сознаниі своей духовной самобытности, часто относится критически и къ древней литературѣ. Онъ выбираетъ и взвѣшиваетъ мнѣнія древнихъ писателей, а Боккачіо безъ разбора приводитъ рядомъ самыя разнорѣчивыя авторитеты разныхъ вѣковъ. Съ какою пронизательностью разоблачилъ Петрарка и уничтожилъ критически австрійскія привилегіи, будто бы данныя Нерономъ и Юліемъ Цезаремъ: онъ доказалъ, что это больше ничего, какъ пустыя выдумки ³⁾. У Боккачіо не достаетъ смѣлости высказать рѣшительный приговоръ; все, что написано, въ его глазахъ еще почтено. Когда онъ прочелъ у Винченція Белловаккаго, что Франки происходятъ отъ Гектора сына Франко, то, конечно, не очень-то повѣрилъ этому, но не сталъ и совсѣмъ отрицать, потому что для Бога нѣтъ ни-

1) De geneal. Deor. XV, 6, 7.

2) Mehus Vita Ambr. Travers. p. 275 и up.

3) Epist. rer. senil. XV, 5 къ Карлу IV.

чего невозможнаго ¹⁾. Мы видѣли, что Петрарка рѣшился дѣлать попреки даже своему многочтимому Цицерону. Боккачіо чуждъ такого ученическаго отношенія къ Цицерону, палагающаго извѣстныя обязанности; когда онъ говоритъ о немъ, то сейчасъ видно, какъ мало онъ въ сущности зналъ его ²⁾. Правда, онъ безмѣрно хвалитъ его, называетъ одареннымъ божественнымъ духомъ, яркимъ и постоянно увеличивающимся свѣтиломъ ³⁾, однако ищетъ у него только ученыхъ замѣтокъ или выраженій, которыми можетъ воспользоваться. Болѣе глубокаго умственнаго возбужденія онъ изъ его чтенія не выноситъ; по его сухому и неуклюжему слогу вовсе не замѣтно, чтобъ онъ когда нибудь читалъ сочиненія «главы римскаго краснорѣчія» ⁴⁾. Разумѣется, только примѣръ Петрарки заставляетъ Боккачіо считать его великимъ авторитетомъ. Если онъ въ какомъ либо случаѣ не согласенъ съ нимъ, то всегда непремѣнно прибавляетъ: *Salva tamen semper Ciceronis reverentia* (все таки оставаясь при нашемъ уваженіи къ Цицерону). Въ Петраркѣ онъ паряду съ писателемъ уважалъ и человека, однако вовсе не замѣчалъ, что послѣдній противопоставлялъ философію школьную житейской.

Конечно и онъ, вѣрный оруженосецъ своего рыцаря и господина, при случаѣ обрушивается на схоластическихъ философовъ, но для самого его философія не больше какъ искусство приводить доказательства, схоластическая діалектика ⁵⁾.

Петрарка смѣло нападалъ на господство Аристотеля въ области мышленія, но для Боккачіо онъ тоже «самый цѣнный авторитетъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ» ⁶⁾. И если напр. Аристотель говоритъ, что поэты были творцами религіи, то поэтъ Боккачіо ставитъ это изреченіе на видъ богословамъ своего времени. Если Петрарка смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на юристовъ-теоретиковъ, потому что они незнакомы были съ древностью и съ философскою теоріею права, а также и на адвокатовъ, потому что они хлопотали только о наживѣ, то и Боккачіо направляетъ свое копье въ тѣхъ и другихъ и еще ожесточеннѣе нападаетъ на нихъ. Конечно, въ его сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда того, что онъ шесть лѣтъ изучалъ право. Мы знаемъ пристрастное отношеніе Петрарки къ врачамъ,

¹⁾ De geneal. Deor. VI, 24.

²⁾ v. Comento S. Dante cap. 4 (Opere vol. V p. 249).

³⁾ De casibus illustr. viror. fol. 59. 66. 67.

⁴⁾ Его слогъ превосходно характеризуетъ Paulus Corterius de hominibus doctis ed. Galletti p. 224. Totum genus inconditum est, et claudicans et jejunum. Multa tamen videtur conari, multa velle.

⁵⁾ v. Vita di Dante (Opere vol IV p. 56).

⁶⁾ Ibid. p. 40: dignissimo testimonio ad ogni gran cosa.

знаемъ также, что онъ все-таки прибѣгалъ къ ихъ помощи, если его крѣпкое здоровье измѣняло ему. А когда Боккачіо въ старости страдалъ тяжкимъ недугомъ, онъ тоже пригласилъ врача, но какъ послушный ученикъ своего наставника, извиняется тѣмъ, что онъ въ сущности считалъ это дѣломъ лишнимъ, а все таки поступилъ такъ по совѣту друзей, чтобы не показаться скупымъ. Онъ не вѣрить врачамъ; сама природа и ея дѣятельность должна быть руководительницею въ болѣзняхъ ¹⁾. А если гдѣ Петрарка является дѣйствительно человѣкомъ великимъ, и съ свѣтлыми взглядами, тамъ, разумѣется, ученикъ не въ состояніи слѣдовать за нимъ. Всего страннѣе то, что Боккачіо опять придавалъ большое значеніе астрологическимъ бреднямъ. Петрарка прямо ищетъ случая осмѣять ихъ, а именно въ письмахъ къ Боккачіо онъ обстоятельно и рѣзко высказался по этому поводу. Но послѣдній снова убѣжденъ, что астрологія есть истинная наука и покоится на прочныхъ основахъ; если въ чемъ она ошибается, то причина ошибокъ кроется въ недостаточности человѣческаго познанія о переворотахъ и конъюнктурахъ планетъ ²⁾.

Мы видѣли въ Петраркѣ ревностнаго поборника христіанской религіи, и онъ старался по своему примирить ученіе церкви съ языческимъ стоицизмомъ и оба эти ученія принаровить къ своему личному вкусу. Онъ отважился стать передъ Богомъ одинъ, безъ посредства духовенства и церкви, самостоятельно. Напротивъ, Боккачіо большею частію выказываетъ глубокое уваженіе къ схоластическому богословію; ему даже нравятся его мистическія представленія и терминологія ³⁾. Въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи онъ не отдѣляется отъ общаго міросозерцанія своего вѣка. Хотя онъ не открываетъ своей души передъ обществомъ, подобно Петраркѣ, однако его терзаетъ раскаяніе при воспоминаніи о легкомысліи прошлыхъ лѣтъ. Одинъ замѣчательный случай, который собственно былъ съ нимъ, но былъ отданъ на судъ Петраркѣ, ясно показываетъ намъ ихъ образъ мыслей. Пьеро Петрони, сѣнскій Картезіанецъ, человѣкъ благочестивый и почитаемый за святаго, которому Христосъ открываетъ въ видѣніяхъ самые сокровенные помыслы и чувства всѣхъ людей, на смертномъ одрѣ поручаетъ брату Джіованни Чіани между прочимъ идти къ Боккачіо и склонить его отказаться отъ своего легкомысленнаго и языческаго образа жизни. Въ удо-

1) Lettere p. 281.

2) Vita di Dante p. 55. Comento s. Dante cap. 1, 5, 7. (Opere vol. V p. 55. 316 vol. VI p. 21). Hortis Acceni alle scienze naturali nelle opere di G. Vossacci p. 14.

3) Мы уважемъ въ 3 книгѣ на ту случайную выходку, какую онъ себѣ позволялъ противъ средневѣковыхъ богословій.

стовѣреніе своего божественнаго посланничества онъ долженъ сообщить ему нѣкоторыя тайны, которыхъ кромѣ самаго Боккачіо никто знать не можетъ. Онъ долженъ напомнить ему тѣ его сочиненія, которыми онъ нанесъ вредъ нравственности, оскорбилъ цѣломудріе и украсилъ порокъ. Его слѣдуетъ уговорить отказаться отъ исканія ничтожнаго почета и суетной славы, погрозить ему скорой смертью и адскими муками. Боккачіо напугался: въ первую минуту душевнаго сокрушенія онъ рѣшается тотчасъ же продать свои книги и сказать прости поэзін. Онъ передаетъ Петраркѣ этотъ случай и говоритъ о своемъ раскаяніи. Последній прямо сказалъ, что въ такихъ случаяхъ надобно испытать личность божественнаго посланника, такъ какъ часто подъ маскою благочестія скрываются обманъ и ложь. Онъ напоминаетъ Боккачіо, что ему и безъ монаха давно пора знать, что его жизнь коротка. Онъ одобряетъ его намѣреніе отречься отъ мірскихъ заботъ и страстей, но считаетъ совершенно неосновательнымъ желаніе друга оставить ученныя занятія, утѣшеніе его старости ¹⁾. Со временемъ Боккачіо пришелъ къ такому же заключенію, но мы видимъ, на сколько у него не хватало самостоятельности.

Другія ученныя мнѣнія Петрарки, принятія Боккачіо, послѣдній опять-таки не можетъ развить съ надлежащею полнотою и толково изложить. Поэзія, по теоріи Петрарки, по которой она вмѣщала въ себѣ и краснорѣчіе съ наукою древностей, была новымъ искусствомъ; она нашла себѣ поклонниковъ, но и множество враговъ. Отъ послѣднихъ Петрарка отдѣлывался большею частію нѣсколькими презрительными фразами. Онъ самъ нападалъ; онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы защищаться и защищать свою музу. Но вести эту борьбу, казавшуюся недостойною наставника, взялся Боккачіо. Онъ посвятилъ ей всю четвертую книгу своей миеологіи. Тутъ онъ беретъ подъ свою защиту древнихъ поэтовъ, поэзію вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное занятіе миеологіею. Схоластическіе философы и богословы, которые презираютъ поэзію, какъ вздорныя бредни, и съ высокоуміемъ

¹⁾ Petrarca, epist. ret. senil. I, 4. Случай этотъ передается также въ жизнеописаніи блаженнаго Петрони (\dagger 29 мая 1361 г.) Іоанномъ Колумбиномъ. Но онъ сохранился въ вольной обработкѣ санесскаго Картеріанца Бартоломея 1619 г. со многими прибавками и напечатанъ въ Acta Sanctorum Maii T. VII Antwer. 1688, p. 188 seq. Та длинная рѣчь, которую здѣсь держитъ братъ Джіованни къ Боккачіо (p. 228), не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы дало право думать о другомъ источникѣ кромѣ письма Петрарки, и очевидно есть сочиненіе Бартоломея, какъ уже предполагалъ Ландау S. 206.

говорять: «Что намъ за дѣло до этихъ пустяковъ? Мы не видали ихъ, да и не хотимъ видѣть; у насъ есть дѣла получше». сребролюбивые правовѣды, презирающіе поэта, какъ жалкаго оборвыша, лицемерные монахи, которые не могутъ простить древнимъ поэтамъ ихъ многобожія, шуточныхъ разсказовъ о богатъ и ихъ соблазнительныхъ похожденияхъ, поэтому бросаютъ ихъ произведенія въ огонь, а пепель разсѣиваютъ по вѣтру, — всѣ эти противники опровергаются здѣсь серьезно, горячо и подробно. Чтобы оправдать свое занятіе мнѳологіею, Боккачіо ссылается на примѣры Августина, Иеронима и Лактанція ¹⁾. Если онъ встрѣчаетъ сильное затрудненіе, какъ напр. говоря о нескромности нѣкоторыхъ римскихъ поэтовъ, которой онъ не можетъ ни отрицать, ни оправдывать, то нѣкоторыхъ оставляетъ на жертву врагамъ. Подобной участи подверглись Плавтъ, Теренцій и Овидій ²⁾.

По Боккачіеву опредѣленію поэзіи замѣтно, что онъ уловилъ нѣкоторыя случайныя выраженія Петрарки, не понявши общей идеи своего учителя, проникнутой субъективными симпатіями. Послѣдній видѣлъ поэта прежде всего въ самомъ себѣ. Подъ понятіемъ о поэтѣ (*vates*-вѣщатель) онъ разумѣетъ и философа, и религіознаго мыслителя, и пророка. Въ числѣ отличительныхъ свойствъ поэзіи онъ уже на второмъ планѣ ставилъ мощную силу слова и глубокій аллегорическій смыслъ. Боккачіо не согласенъ съ нимъ именно на счетъ двухъ послѣднихъ элементовъ. Прежде всего онъ считаетъ реторику весьма сходною съ поэзіею. По его мнѣнію, работа поэта состоитъ лишь въ томъ, чтобы придумывать новые, неизвѣстные еще сюжеты, приводить въ порядокъ матеріалъ, украшать рѣчь необычными словами и выраженіями, изображать извѣстныя положенія, хвалить людей, воодушевлять ихъ, ободрять и обуздывать. Въ сравненіи съ реторикою, по его теоріи, область поэзіи болѣе широкая, какъ онъ и отзывается съ похвалою о ней, потому что она должна также подъ покровомъ аллегоріи выражать глубокія истины ³⁾. Онъ считаетъ забавными глупцами людей, оспаривающихъ то положеніе, что древніе поэты влагали глубокій смыслъ въ свои вымыслы. Только

¹⁾ De general. Deor. XV, 9. На эту зачатку поэзіи Боккачіо ссылается въ Lettere p. 349. Онъ повторяетъ ее почти въ той же формѣ въ Comento S. Dante cap. I. (Opere vol. V. p. 33—42).

²⁾ De general. Deor. XIV, 19.

³⁾ De general. Deor. XIV, 7. Mera poesis est, quidquid sub velamine componimus et exiititur (несомнѣнно, слѣдуетъ читать *exprimitur*) exquisito. Забавна, при этомъ хотѣлъ Боккачіо производить слово *roeta* не отъ греческаго слова *Ποιη-φingo* (вымышляю, создаю); онъ считаетъ такое словопроизводство злокозненнымъ униженіемъ достоинства поэта. По его мнѣнію, оно происходитъ отъ греческаго слова *Ποιητός*, которое, въ

сумасшедшій можетъ не допускать этого въ Буколикахъ, Георгикахъ и Энеидѣ Виргилія. Такъ и въ великой поэмѣ Данта скрыты глубокія истины католицизма, равно какъ и въ поэмѣхъ Петрарки, наставника Боккачю ¹⁾). Точно такъ же, какъ и онъ, и, очевидно, просто въ качествѣ его поклонника, онъ превозноситъ наслажденіе, испытываемое человѣкомъ мыслящимъ, когда онъ открываетъ въ чемъ либо таинственный смыслъ, недоступный пониманію толпы. Только онъ много разглагольствуетъ о томъ, что Петрарка выражаетъ въ одномъ предложеніи ²⁾). Въ молодые годы онъ писалъ любовные сонеты по образцу сонетовъ Петрарки, тщательно перенималъ его приемы и искусственные обороты рѣчи, какъ обыкновенно поступаютъ подражатели ³⁾). Однако онъ ставилъ эти подражанія выше плодовъ вдохновенія собственной музы. Тамъ, гдѣ она вдохновляетъ его, сентиментальность является лишь незначительнымъ уклоненіемъ въ сторону, и по пути ея ловкій обожатель съ невозможною быстротою добивается желанныхъ благъ любви. Онъ считалъ Лауру Петрарки просто аллегорическимъ образомъ, знаменующимъ собою жажду лавровъ ⁴⁾). Въ такомъ случаѣ и его Фьяметта не больше того, хотя, быть можетъ, въ ней онъ хотѣлъ изобразить какую нибудь неаполитанскую красотку. Онъ тоже видитъ ее въ церкви во время пасхи, и имя ея подаютъ поводъ къ каламбурамъ съ словами пламя и огонь, какъ имя Лауры съ словами Лауга лавръ и ауга воздухъ. И она воспѣвается послѣ смерти въ нѣсколькихъ грустныхъ сонетахъ и служить отличнымъ сюжетомъ для мистическаго произведенія, надъ разгадкою котораго упражняли бы свое остроуміе грядущія поколѣнія. Такимъ образомъ Боккачю могъ повѣствовать о томъ, какъ Лаура Петрарки и его Фьяметта витаютъ въ небесахъ передъ лицомъ Божіимъ ⁵⁾).

примѣненія къ слогу, означаетъ какъ бы *sotto fabuloso* *lame e esquiso parlare*, т. е. форму басни и изысканный способъ выраженія. V. *Comento S. Dante c. I vol. p. 33.*

¹⁾ *De geneal. Deo. XIV, 10.*

²⁾ *Comento S. Dante cap. I (vol. V. p. 54) см. выше стр. 29.*

³⁾ См. *Landau S. 39.*

⁴⁾ Въ Похвалѣ Петрарки у *Rossetti Petrarca etc. p. 323* онъ говоритъ: *Et quamvis in suis compluribus vulgaribus poematis in quibus perlucide decantavit se Laurettam duandam ardentissime demonstravit amasse, non obstat; non prout ipsemet et bene puto, Laurettam illam allegorice pro laurea corona, quam postmodum est adeptus, accipiendam existimo.*

⁵⁾ Въ сонетѣ на смерть Петрарки:

Ti tiro già per vedere Lauretta.
 Hor se dov' lamia bella Fiametta.
 Siede con di nel conspetto bi Dio.

Въ своихъ эклогахъ Боккачіо является такимъ же ученикомъ и подражателемъ. Ему казалось весьма заманчивымъ, подобно Петраркѣ и Виргилію, облекать въ своихъ произведеніяхъ въ аллегорическіе образы живыя лица, дѣйствительныя событія и случаи. И у Боккачіо имена пастуховъ полны этимологическаго смысла изъ жизни. Когда пастухъ Дифнисъ ссорится съ пастушкою Флоридою, то это означаетъ борьбу императоровъ съ городомъ Флоренціею. Капитана изъ Форли, который любилъ охотиться въ лѣсахъ, онъ выводитъ подъ именемъ Фавна. Бѣжавшаго короля Сициліи Людовика онъ называетъ именемъ Дора, странствующаго сына Гелленова. Въ этомъ имени онъ находитъ корень греческаго слова, означающаго горечь. Оно, по его мнѣнію, весьма встаетъ здѣсь, потому что, вѣроятно, изгнаніе показалось весьма горькимъ изгнаннику. По возвращеніи короля онъ называетъ его Алцестомъ, отчасти потому, что онъ былъ добрый король, отчасти намекая на значеніе словъ *ἀλκή* (храбрость) и *aestus* (жаръ), такъ какъ онъ съ жаромъ стремился къ храбрости. Не позаботясь Боккачіо самъ о разоблаченіи этихъ и другихъ подобныхъ тайнъ, онъ, безъ сомнѣнія, навсегда остались бы для потомства неразрѣшимою загадкою ¹⁾). Въ мифологіи страсть къ аллегоріи доходитъ у него до самаго нелѣпаго произвола. Онъ считаетъ даже христіанское богословіе близко родственнымъ съ поэзіею, потому что образныя выраженія и аллегорическія повѣствованія часто встрѣчаются въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ. Святаго духа онъ считаетъ «весьма ученымъ», ибо онъ прибѣгаетъ къ поэтическому орудію — аллегоріи, чтобы скрыть высшія тайны Божества. Это исполнено въ видѣніяхъ нѣкоторыхъ пророковъ и въ Апокалипсисѣ ²⁾). Такъ, горящая купина, въ которой Іегова явился Моисею, по его мнѣнію, обозначаетъ дѣвственность Іисуса Христа, а видѣніе Навуходносора—вѣка христіанскаго ученія. Онъ находитъ эти аллегорическіе образы столь естественными, какъ и то, что въ лицѣ Геракла, вознесшагося къ богамъ, аллегорически изображена награда за доблесть, а въ лицѣ Ликаона, обращеннаго въ волка, наказаніе за порочность ³⁾).

Слава въ потомствѣ и лавры поэта—это два кумира, которымъ Петрарка, вѣчно бывший въ борьбѣ самъ съ собою, то поклонялся, то отталкивалъ ихъ отъ себя. У Боккачіо они выходятъ предметами не-

¹⁾ Толкованіе заглавій и именъ собесѣдниковъ мы находимъ въ письмѣ къ ученому августинскому отшельнику Мартину-де-Синья, *Lettere* p. 267. Объ имени *Dorus*, означающемъ горечь, см. *Schück*, s. 13. Гортисъ собралъ все, относящееся до объясненія впадогъ съ самымъ глубокимъ знаніемъ дѣла, *Studj s. opere lat. del Boccaccio*.

²⁾ *Comento s. Dante* l. c.

³⁾ *Vita di Dante* l. c. p. 36-e seg. Въ томъ же духѣ *Comento* l. c. p. 57.

обыкновенно прозаичными. Онъ находитъ весьма заманчивымъ, что люди прославляютъ хорошаго человѣка еще при жизни его, смотрятъ на него съ удивленіемъ и съ благоговѣніемъ указываютъ другимъ, а еще заманчивѣе то, когда его жизнь расхвалена въ сочиненіяхъ, которыя снова читаются уже по прошествіи многихъ вѣковъ. Но такъ какъ не каждый можетъ сдѣлаться Юліемъ Цезаремъ или Александромъ Великимъ, то его болѣе подходящая задача—писать безсмертныя произведенія. По этимъ соображеніямъ Боккачіо, ни мало не стѣсняясь, признается, что онъ охотно стяжалъ бы столько славы, сколько можно, и что это желаніе воодушевляеть его при ученыхъ занятіяхъ. Людей, побуждаемыхъ къ дѣятельности желаніемъ славы, онъ все таки считаетъ выше тѣхъ, которые гонятся лишь за деньгами и лезутъ о мамонѣ. Къ этому высшему классу онъ не обинуясь причисляетъ и себя, такъ какъ отказался отъ правовѣднія, сулящаго выгоды, и избралъ незавидную долю поэта ¹⁾. Онъ не высказываетъ ни малѣйшей наклонности къ самоуниженію Петрарки. Но за то въ своихъ сочиненіяхъ, и даже въ письмахъ Боккачіо говоритъ о себѣ мало и всегда съ искреннею скромностію. Поэтому-то мы и не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о его жизни.

Если духовная жизнь Петрарка была несравненно богаче и разнообразнѣе, то внутренняя жизнь Боккачіо была въ гармоніи съ окружающимъ его міромъ и съ нимъ самимъ. У него была родина, которую онъ любилъ, которою гордился, гдѣ его уважали какъ гражданина, высоко цѣнили какъ поэта и ученаго, а друзья любили какъ дорогаго друга. Это былъ дородный, цвѣтушій здоровьемъ мужчина съ круглымъ и веселымъ лицомъ, остроумный и очаровательно ласковый въ бесѣдѣ, чуждый надменности и недовѣрчиваго отношенія къ другимъ. У него, навѣрное, не было ни одного врага въ городѣ, и онъ не подвергался опасности при борьбѣ партій ²⁾. Часто его услугами пользовались при дипломатическихъ посольствахъ, такъ какъ онъ былъ гражданиномъ съ вѣсомъ и вліяніемъ. Такъ въ 1351 г. онъ ѣздилъ въ Тироль къ маркграфу Людвигу бранденбургскому, а въ 1365 и 1368 гг. въ Авиньонъ къ папѣ Урбану V ³⁾. При этомъ онъ былъ въ сущности во главѣ дѣла, а не

¹⁾ Поэтому онъ находитъ весьма естественнымъ, что только слава могла заставить Данта написать поэму и что онъ желалъ лавроваго вѣнча. *Fu desiderosa di fama, come generalmente siamo tutti.* И ни призваніе поэта — увѣковѣчивать память великихъ людей—онъ смотритъ какъ на ремесло, напр. *Comento s. Dante cap. 4 (p. 276).*

²⁾ *Manetti Vita Boccaccio ed. Galletti p. 92.*

³⁾ *Hortis Giovanni Boccaccio, ambasciatore in Asignone etc. Trieste 1875.* Письмо Урбана V о посольствѣ Боккачіо *qu Gaye Gatteggio l p. 521.* Тоже въ *Boccaccio*

просто ораторомъ, подобно Петраркѣ, служившему помощникомъ при юристѣ. Не смотря на свои усидчивыя и трудныя занятія науками, онъ постоянно поддерживалъ связи съ окружающимъ его міромъ, принималъ искреннее участіе въ людяхъ и ихъ судьбѣ. Очень хорошо было извѣстно, что онъ много взялъ грѣха на душу въ отношеніи женщинъ, не только въ лѣта своей веселой юности, живя въ Неаполѣ, но и въ зрѣломъ возрастѣ ¹⁾. Но такъ какъ онъ не былъ духовнымъ лицомъ и былъ даже холостякъ, то намъ не покажется, конечно, страннымъ, что жизнь и поэзія у него были въ полной гармоніи между собою. Но и для Боккачіо настало время философскаго обращенія, когда онъ, какъ миоритскій проповѣдникъ, сзумѣлъ изобразить въ предостереженіе другимъ суетность, любовь къ роскоши и соблазнительныя приманки женщинъ ²⁾. На него по временамъ находили благочестивые порывы раскаянія, какъ намъ это доказываетъ эпизодъ съ картезіанскимъ монахомъ. Въ послѣдніе годы онъ страдалъ тяжкимъ недугомъ и тяготился жизнью. Тогда «и онъ началъ» обращаться мыслями къ загробной жизни и, проливая слезы, дрожалъ отъ страха передъ Божьимъ гнѣвомъ ³⁾.

Такъ жилъ Боккачіо подъ вліяніемъ природныхъ влеченій, чувствъ и нравственныхъ перемѣнъ, которыя у него были общи со многими. Онъ не прикрывалъ ихъ философскимъ плащомъ Петрарки, чтобы казаться въ болѣе выгодномъ свѣтѣ окружающему его міру. Онъ честно относился и къ другимъ, и къ себѣ, не прибѣгая къ софизмамъ. Поэтому онъ не подвергался и философскому недугу, *acedia*. А такъ какъ его наставникъ весьма таинственно рассказываетъ о послѣднемъ, то ему казалось, что и онъ испытываетъ нѣчто подобное. Онъ считаетъ такимъ недугомъ ту ипохондрическую вялость и утомленіе, какія нерѣдко бываютъ слѣдствіемъ усиленныхъ ученыхъ занятій. Боккачіо спрашивалъ самъ себя, зачѣмъ онъ мучитъ себя надъ сочиненіями древнихъ писателей, ищетъ не спокойствія, а славы. Но въ такія минуты передъ нимъ возставалъ образъ Петрарки—онъ передаетъ это въ формѣ видѣнія—укорялъ его въ лѣности и поучалъ, какъ неустаннымъ трудомъ слѣдуетъ подняться надъ толпою и стяжать вѣчную славу. Послѣ этого Боккачіо ободрялся и снова брался за перо ⁴⁾.

lettere ed. Corazzini находимъ р. 395 e seg. подъ заглавіемъ *Ambascerie politiche documenti, касающіеся участія Боккачіо въ посольствахъ.*

1) Manetti l. c.: *in amores usque ad malum fere aetatem vel paulo procliviro.*

2) Экскурсъ *in mulieres* въ сот. *De casibus illustr. viror.* fol. 11. 12. Вотъ самое начало его: *Blandum et exifiale malum femina*, т. е. женщина есть зло обольстительное и пагубное. Здѣсь дашь мимоходомъ упомянуть о «Корбачіо» съ его замысломъ юморомъ.

3) Lettere p. 281.

4) *De casibus illustr. viror.* fol. 90.

Боккачю принужденъ былъ жить доходами съ того скромнаго состоянiя, которое досталось ему отъ отца; оно заключалось въ двухъ домахъ и виноградникахъ въ Чертальдо. Въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ вращался, его считали бѣднымъ человѣкомъ; онъ тяготился этою бѣдностью и по временамъ жаловался ¹⁾. Но ему ни разу не приходило въ голову принять посвященiе и искать бенефицiи. Удобнѣе была служба у владѣтельныхъ особъ, для которой впоследствии столь многіе гуманисты жертвовали своими знанiями, или славою. Боккачю, дѣйствительно, попыталъ счастья на этомъ поприщѣ, хотя и считалъ его унижительнымъ для великаго Петрарки. Въ самой Флоренціи жилъ съ царственною пышностью богачъ Никкола Акчiайоли, занимаясь литературою и покровительствуя писателямъ. И Боккачю отдался ему довольно довѣрчиво и писалъ письма, полныя почтительной любви, въ которыхъ не скрывалъ и того, что ожидаетъ за это награды ²⁾. Когда богатый флорентанецъ сдѣлался великимъ сенешаломъ въ Неаполѣ и правителемъ королевства, онъ привлекъ къ себѣ Заноби ди Страда и Франческо Нелли, друзей Петрарки. Онъ хотѣлъ придать особый блескъ своей славѣ, составивъ придворный штатъ изъ писателей. Акчiайоли пригласилъ къ себѣ и Боккачю, говоря, что зоветъ его «подѣлиться съ нимъ счастьемъ». Повидимому, Боккачю предстояло сдѣланныя глашатаемъ его подвиговъ, т. е. его придворнымъ историографомъ. А онъ еще раньше узналъ его съ несовсѣмъ выгодной стороны. Какъ-то разъ меценатъ съ язвительною улыбкою назвалъ его *Johannes tranquillitatum* (т. е. Іоаннъ, любящій спокойствiе), быть можетъ потому, что онъ, подобно Петраркѣ, не любилъ работать для господина, у котораго служилъ, а желалъ посвящать свою жизнь литературнымъ занятiямъ ³⁾. Забывши это оскорбленiе, Боккачю согласился ѣхать къ

¹⁾ Petrarca epist. rer. senil. VII, 2. Filippo Villani ed. Galletti p. 18. Leonardo Bruni ibid. p. 54. Manetti l. c. И этихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать хорошими авторитетами относительно флорентинскаго преданiя, если принять во вниманiе, что они имѣли посредниками такихъ людей, какъ Салютато.

²⁾ Въ *Lettere* p. 17 находимъ его первое письмо къ Акчiайоли отъ 28 авг. 1341 г., въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что его fortuna измѣнится благодаря меценату, и подписывается *inimico della fortuna*, какъ человѣкъ, которому судьба не благоволяетъ. См. сомнѣнiе на счетъ подлинности письма у Кертинга, *Vossaccio*. 163.

³⁾ Письмо Боккачю къ Заноби отъ 13 апр. (1353) у *Ciampi Monumenti* p. 47 и въ *Lettere* p. 33. Объясненiе шуточнаго прозвища *Johannes tranquillitatum* я вывожу изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ Боккачю возражаетъ и изъ его собственныхъ выраженiй *tranquilla sequentem* и *felicitatatum sectator*. Сенешаль, не говорившій по латыни, назвалъ его, конечно, *Giovanni delle tranquillita*. Кораззини считаетъ письмо подложнымъ, а Кертингъ, *Vossaccio s. t. II.*, старается положительнo доказать это и наконецъ предполагаетъ вторичное пребыванiе Боккачю у Акчiайоли. Но зачѣмъ ему было быть

Акціяйоли и нашель своего мепената въ Ночерѣ. На другой день они прибыли въ Неаполь. Здѣсь будущій историографъ горько разочаровался въ своихъ надеждахъ. Ему отвели въ палатахъ сенешаля маленькую, мрачную комнатку, въ которой къ тому же ему приходилось жить вмѣстѣ съ своимъ братомъ, дали плохую постель и вообще жалкую обстановку, гораздо бѣднѣе той, какая во Флоренціи соотвѣтствовала его вкусамъ. Онъ былъ такъ раздосадованъ всѣмъ этимъ, что сейчасъ же уѣхалъ, не простясь. Меденатъ считалъ это оскорбленіемъ, а его домоуправитель, Нелли, другъ Боккачіо написалъ послѣднему колючее письмо, называлъ его нѣженкою и непосѣдою (*subito*) за то, что онъ такъ скоро бѣжалъ. Боккачіо рѣшился на подробный отвѣтъ только послѣ долгаго молчанія. Но отвѣтъ этотъ разросся въ цѣлую инвективу противъ сенешаля, единственную, какая вышла изъ-подъ пера добродушнаго поэта ¹⁾). Такъ почти комично кончилась его попытка избавиться придворною службою отъ бѣдности на родинѣ.

Боккачіо представлялся и другіе случаи промѣнять свою свободу на какую нибудь службу или мѣсто при дворѣ. Онъ готовъ бы былъ искать судейской должности, и мѣсто секретаря у папы не ушло бы отъ него. Онъ получалъ предложенія и приглашенія изъ Падуи, Вероны, Равенны, Форли. Графъ Уго изъ Санъ Северино хотѣлъ доставить ему синекуру въ Неаполѣ при помощи королевы сицилійской Иоанны, а король Іаковъ предлагалъ ему такое же мѣсто у себя ²⁾). Но у него не хватало рѣшимости разстаться со своей свободою; ясно, онъ былъ на столько республиканецъ и флорентинецъ, что нигдѣ не могъ долго ужиться въ другомъ мѣстѣ.

раньше у сенешаля, если послѣдній такъ часто бывалъ во Флоренціи? *Magister* — это степень не равнозначущая съ учителемъ (*praeseptor*). Я не вижу на какомъ основаніи заподозривать подложность письма. Да и самъ Боккачіо (*Lettere* p. 148) указываетъ на то, что онъ раньше былъ оскорбленъ неразборчивымъ сенешалемъ.

¹⁾ Это письмо къ Франческо Нелли, очевидно, переведенное съ латинскаго языка, послано изъ Венеціи 28-го іюня 1863 г. Сомнѣнія въ подлинности его, приведенныя недавно у Гортиса въ *Studj s. opere lat. del Boccaccio* p. 21-e seg., почти всѣ основываются на хронологическихъ затрудненіяхъ. Но если принять во вниманіе неточность известныхъ намъ помѣтокъ на письмахъ и иногда совершенно произвольныя опредѣленія времени въ біографіяхъ Петрарки и Боккачіо, то трудно на этомъ основывать заключенія о подлогѣ писемъ. Кому могла придти въ голову мысль о поддѣлкѣ такой инвективы? О позднѣйшемъ подлогѣ я рѣчи быть не можетъ, такъ какъ уже Веспасіано упоминаетъ о ней, *Comment. di Manetti* p. 97. Мнѣ пріятно, что недавно и Кёртвингъ *Boccaccio* в. 39 ff. в 699 послѣ тщательной оцѣнки доводовъ *pro* и *contra* высказался за подлинность письма, содержаніе котораго согласно съ намегами 16 эялога.

²⁾ *Lettere* p. 33. 146. 189. 317.

Если съ нимъ случалась неприятность во Флоренціи, или ему приходилось тамъ слишкомъ плохо, то онъ удалялся въ свое Чертадьо, гдѣ вскорѣ привыкалъ къ грубому сельскому платью и былъ радъ, что не слышитъ больше о высокоуміи и честолюбивыхъ проискахъ Флорентинцевъ. Онъ пріятно проводилъ время среди холмовъ и полей въ ихъ роскошномъ нарядѣ, среди зелени лѣсовъ, слушая пѣніе птицъ ¹⁾. Тутъ онъ былъ философъ безъ всякихъ натяжекъ, чего Петраркѣ никогда не удавалось. Правда, онъ жаловался на свою бѣдность, которая, повидимому, особенно тяготила его въ послѣдніе годы жизни. Онъ съ благодарностью принялъ денежный подарокъ, который послалъ ему въ Чертадьо Меджинардо де-Кавальканти. Но такіе щедрые почитатели встрѣчались не часто. Флорентинская синьорія предложила ему за сто золотыхъ гульденовъ въ годъ публично объяснять «книгу Данта». Бѣдность, по словамъ Боккачіо, и увѣщанія друзей заставили его принять это предложеніе. Но онъ заболѣлъ во время лекцій. Вообще онъ постоянно оставался вѣренъ своему стоическому принципу, предпочитая бѣдность ученаго, мало-мальски терпимую, лишенію свободы и самостоятельности ²⁾. Онъ твердо слѣдовалъ ученію Петрарки, но въ умѣньи жить согласно съ ученіемъ далеко превосходилъ его.

Никто не оцѣнилъ Боккачіо, какъ ученаго, лучше его самого. По его словамъ, онъ съ великою отвагою вступилъ на путь, проложенный Петраркою; но когда увидѣлъ еще издали вершины знанія, высіявшаго къ небу, то лишился бодрости и силы. Даже въ цвѣтушіе свои годы онъ никогда не утверждалъ, что онъ—поэтъ, но по мѣрѣ силъ стремился достигъ этого. Онъ самъ себя сочинилъ краткую эпитафію, точно такъ-же, какъ и Петрарка, только въ тонѣ болѣе искренняго смиренія; самая заносчивая фраза въ ней—это конецъ: *Studium fuit alma roesis*, т. е. моимъ занятіемъ была кормилица поэзіи ³⁾. Онъ умеръ 27-го декабря 1375 г. Салютато, канцлеръ республики, говорилъ, что онъ не зналъ человека болѣе достойнаго любви, и теперь погасли оба свѣточа новаго краснорѣчія ⁴⁾.

¹⁾ Lettere p. 96 въ Пипо-де-Россиа.

²⁾ Жалобы на бѣдность см. въ Lettere p. 68. 76. 78. 377. Тамъ же письмо къ Заноби p. 33: *Mihi pauper vivo, dives tamen et splendidus aliis viverem et plus cum aliquibus meis libellis parvulis voluptatis sentio, quam cum magno diademate sentiant reges tui. Fil. Villani l. c.: Amicos habuit multos, sed neminem, qui suae indulgentiae subveniret.*

³⁾ Lettere p. 198. De casibus illustr. viror. fol. 31. Эпитафія у Fil. villani l. c.

⁴⁾ Оба письма Салютато о смерти Боккачіо см. въ его Lettere p. 475. 477. Последнее также въ *Salutat. epist. ed. Rigacci. T. II, p. 44.* Первое, конечно, должно относиться въ 28-му ноябрю 1375 г.

Боккачю, какъ мирный ученый, велъ жизнь спокойную. Онъ не любилъ принимать участіе въ товарищескихъ кружкахъ, или примыкать къ какой либо корпораціи. Церкви онъ не принадлежалъ, какъ всякій другой мірянинъ, а въ университетѣ преподавалъ лишь случайно и временно. Это отдѣленіе гуманистической науки отъ церкви и ея установленій, а съ другой стороны и отъ университетовъ, это самостоятельное положеніе первыхъ гуманистовъ мы считаемъ явленіемъ весьма знаменательнымъ, потому что оно не ограничивается одною виѣшнею стороною.

Такъ объясняется то явленіе, что духовное воздѣйствіе Боккачю преимущественно замѣтно во Флоренціи и въ мірскихъ кружкахъ, въ которыхъ онъ вращался. Онъ самъ вѣдь обрабатывалъ повѣствовательную прозу свѣтскихъ людей и столь же сочувственно относился къ Данту, какъ и къ древнимъ и ихъ пропагандисту Петраркѣ. Новой образованности, представителемъ которой является Боккачю, необыкновенно благопріятствовалъ переворотъ въ политической жизни города, происшедшій вскорѣ послѣ его смерти. Въ 1382 г. кормиломъ правленія за владѣла богатая аристократическая фамилія. Настала та половина столѣтія, въ которую дѣятельность аристократіи стала благотвительною для государства. Оно постоянно увеличивалось чрезъ присоединеніе къ его территоріи близкихъ и отдаленныхъ городовъ. Внутри оно было безопасно и наслаждалось спокойствіемъ, такъ какъ борьба партій ограничивалась весьма узкою сферою. Благосостояніе господствующаго торговаго класса необычайно возрастало и проявлялось съ одной стороны въ великолѣпныхъ постройкахъ и разведеніи увеселительныхъ садовъ, а съ другой въ пышныхъ празднествахъ и пирахъ. Это та эпоха, о которой съ грустью вспоминаетъ старый Филиппо Виллани, разумѣется, превозносящій до небесъ все то, что онъ видѣлъ въ юности. Тогда, говоритъ онъ ¹⁾ господствовала еще честность въ торговыхъ дѣлахъ, которая потомъ уступила мѣсто алчности и хищничеству; знатное юношество умѣло владѣть оружіемъ и сражаться, а игрою въ кости занимались лишь немногіе ничтожные люди. Дѣвушки любили приличные танцы, дамы носили длинныя платья и изъ скромности покрывали головы; жизнь была прекрасная и веселая. И ремесленнику и простому челоуѣку жилось свободно, привольно и спокойно. Были праздники и общественныя игры, въ которыхъ принимали участіе и знать, и низшіе классы, Валендимаджю (1 мая), Весапа (Богоявленіе) и т. д. съ музыкою и процессіями. Пѣніе и танцы, фейерверки и представленія сраженій чередовались съ великолѣп-

¹⁾ Ed. Galletti p. 41. 42.

ными церковными торжествами. Эти праздники рѣдко справлялись на общественный счетъ. Обыкновенно средства на это давали богатые аристократы, чьи чемъ они, какъ въ древнемъ Римѣ, старались перешеголять другъ друга пышностью. Наслажденіе благами жизни было одинаково доступно для всѣхъ сословій, и все обходилось безъ непріятностей, ссоръ и грубостей.

Мы находимъ картину общественной жизни того времени и утонченности правовъ господствующей знати въ одномъ литературномъ памятникѣ. Въ немъ записаны воспоминанія о кружкѣ, собиравшимся около 1389 г. Это «Парадизо дель Альберти»¹⁾. Тутъ собираются старые и молодые аристократы изъ города, кавалеры и дамы, купцы и свѣтила литературы и университета, духовныя особы и чужеземные гости. Цѣль ихъ веселое препровожденіе времени; мѣсто собранія близъ города на виллѣ Парадизо и въ садахъ Антоніо дель Альберти, богатаго купца аристократа съ утонченнымъ образованіемъ, который оставилъ намъ книгу сонетовъ и канцонъ. Сначала всѣ идутъ въ капеллу, гдѣ священникъ служитъ обѣдню. Потомъ подаются самыя дорогія вина, свѣжіе плоды и заграничныя конфеты. Раздается музыка, и на зеленомъ дугу собирается молодежь танцевать, пѣть и играть въ мячъ. А прочее общество занимается разговорами. Рассказываются новеллы, какъ въ кружкѣ Декамерона, такъ какъ всѣ любятъ и рассказывать и слушать. Рассказы смѣняются бесѣдами философскаго и антикварнаго характера, въ которыхъ популяризуются сюжеты моднаго направленія, взятые изъ древней жизни, и часто ведутся горячіе споры. Говорятъ о Ливіи и Овидіи, о Блаженномъ Августинѣ и о Божественной Комедіи. Разсуждаютъ объ Одиссеѣ и Катилинѣ, о происхожденіи Прато или Флоренціи, занимаются вопросомъ о томъ, основана ли она Римлянами. Этотъ вопросъ былъ уже разсматриваемъ историками и Боккаччо въ его «Фіезоланской игрѣ нимфъ», и все таки его долго и горячо обсуждали. Или бесѣдовали объ историческихъ личностяхъ, какъ напр. о Фридрихѣ II и Эццелино ди Романо. Тутъ было мѣсто и схоластическимъ задачамъ, и св. Тома цитировался на ряду «съ нашимъ Дантомъ». Въдѣ имена Данта, Петрарки и Боккаччо здѣсь въ большомъ почетѣ; ихъ духъ оживляетъ и самое общество. Здѣсь національный языкъ и литература разрабатываются съ такимъ же рвеніемъ, какъ и антикварная наука. Многіе еще, въ томъ числѣ и авторъ названнаго нами сочиненія, считали патриотическимъ дѣломъ—обработать и облагородить народное нарѣчіе. Въ домѣ Альберти долго потомъ

¹⁾ Il Paradiso degli Alberti ed. Wesselofsky 3 voll, изъ которыхъ первый, въ 2 томахъ, содержитъ весьма подробное введеніе, обработанное съ большою любовью и знаніемъ дѣла по библиотечнымъ и архивнымъ матеріаламъ.

шла рѣчь объ этихъ праздничныхъ дняхъ и вечерахъ. Отецъ знаменитаго Леоне Баттиста рассказывалъ ему, какъ тамъ толковали о древней римской имперіи и латинскомъ языкѣ.

Мы упомянемъ только о самыхъ крупныхъ знаменитостяхъ, украшавшихъ этотъ кружокъ. Тутъ мы встрѣчаемъ августинскаго монаха Луиджи Марсильи и Салютато, канцлера республики, въ домѣ котораго тоже собиралось подобное общество. Вскорѣ намъ придется говорить подробнѣе объ обоихъ этихъ дѣятеляхъ. Тутъ былъ и Франческо Ландини прозванный слѣпымъ (*cieco*), или Франческо Орано, въ качествѣ музыканта. Рядомъ съ гуманистами въ его лицѣ мы встрѣчаемъ чѣловѣка, который написалъ латинское стихотвореніе въ защиту логики Оккама и семи древнихъ свободныхъ искусствъ противъ нововводителей, т. е. гуманистовъ ¹⁾. Марсильо di Santa Sofia принадлежалъ къ той фамилии, которая дала Италиіи многихъ знаменитыхъ врачей; онъ тоже не былъ преданъ гуманистическимъ наукамъ. Хотя о немъ и отзываются какъ о чедовѣкѣ, весьма свѣдущемъ въ свободныхъ искусствахъ, однако онъ прежде всего былъ ученный медикъ и физикъ. Это былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ ученія Аверроеса въ Падуѣ. А они враждебно относились къ Петраркѣ и его поклонникамъ ²⁾. Какъ онъ, такъ и Виаджіо Пелакани изъ Пармы являлись лишь по временамъ на вилаѣ. Послѣдній отличался громадною памятью и обширною ученостью, такъ что былъ въ состояніи остроумно составлять по всѣмъ вопросамъ философіи и богословія. Но онъ считался по всѣмъ вопросамъ философіи и богословія. Но онъ считался свѣтиломъ своего времени собственно въ области математическихъ наукъ. А новаго краснорѣчія онъ совсѣмъ не понималъ, и какъ ни высоко цѣнили во Флоренціи маститаго ученаго, однако въ Падуѣ и Болоньѣ его лекцій почти ни кѣмъ не посѣщались ³⁾. Наконецъ тотъ, кто записалъ намъ все, что происходило въ «Парадизо», и обработалъ этотъ трудъ уже подѣ старость, былъ еще «безбородымъ юношею» въ то время, какъ слушалъ ихъ. Онъ, по видимому, особенно уважалъ Марсильи и съ одинаковою любовью относился какъ къ новелламъ, такъ и къ ученымъ разсужденіямъ. Но былъ ли это Джовани да Прато, читавшій впоследствии лекціи о Дантѣ во Флоренціи?—Вопроса этого мы не будемъ рѣшать ⁴⁾. Таково разнообразное общество высшаго и избраннаго

1) *Paradiso* vol. 1. p. II p. 21. Здѣсь напечатаны и стихи p. 295 e seg.

2) *ibid.* vol. III p. 3.

3) *Ibid.* vol. III. p. 3. 18.

4) Авторство его, которое издатель *Paradiso* (Vol. I P. II. p. 86 e seg.) силится доказать на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, все таки не доказалъ съ оче-

кружка, въ которомъ, разумѣется, преобладаетъ модное направле-
ніе, но не возбраняется ничто, отличающееся умомъ и знаніемъ
въ какой бы то ни было сферѣ.

Тѣ самые вопросы, которые занимаютъ здѣсь кружокъ знатныхъ
диллетантовъ, поднимаются, съ болѣе серьезной постановкой, въ
ученомъ кружкѣ, собиравшемся у августинскихъ монаховъ мона-
стыря С. Спирито, въ самомъ городѣ. Его смѣло можно назвать
частною академіею въ духѣ Платоновой. И здѣсь, насколько мож-
но прослѣдить нить умственного возбужденія, она опять приведетъ
насъ къ Петраркѣ и Боккачіо. Въ числу самыхъ близкихъ друзей
последняго принадлежалъ августинскій монахъ, Мартино де Синья,
профессоръ и докторъ св. писанія, которому когда-то Боккачіо
открылъ смыслъ своихъ еялогъ и завѣщалъ всѣ свои книги, чтобы
по смерти этого монаха онѣ навсегда хранились въ монастырскомъ
шкапѣ. Боккачіо пожелалъ, чтобы его похоронили въ церкви С.
Спирито, и тамъ-же должны были молиться за упокой его души ¹⁾.
Другой братъ изъ С. Спирито, Пьетро де Вастеллетто, обработалъ
и докончилъ біографію Петрарки, начатую Боккачіо ²⁾.

И въ монастырѣ С. Спирито собирались каждый день образован-
ные флорентинцы, и старые, и молодые. Къ сожалѣнію, извѣстія
о всемъ томъ, что происходило здѣсь, относятся къ позднѣйшему
времени, когда во главѣ кружка стояли магистры Ванджелеста изъ
Пизы и Джироламо изъ Неаполя. Тогда рѣчь шла только о фило-
софіи и богословіи, и читались лекціи этихъ наукъ, какъ въ уни-
верситетѣ. Но ежедневные споры, разумѣется, шли въ томъ порядкѣ,
какой установленъ былъ раньше: всегда вывѣшивались на доскѣ тѣ
положенія, которыя будутъ предметомъ состязаній на слѣдующій
день ³⁾. Однако мы слышимъ, что прежняя метода споровъ съ ея
quodlibet (о чемъ угодно) и подобными академическими обычаями
была осмѣяна какъ пустая и нелѣпая. Поэтому была введена и въ
формальномъ отношеніи новая, болѣе свободная метода разсужденій,
ближе подходящая къ характеру бесѣдъ и Цицероновыхъ разгово-
ровъ. Предметомъ ихъ не былъ уже, или по крайней мѣрѣ не былъ
исключительно старый схоластическій запасъ темъ. Тутъ рѣшались
и тѣ вопросы, какіе были въ ходу въ кружкѣ Парадизо. Это мы

видностью. Если Джіованни было по малой мѣрѣ 29 лѣтъ, можетъ быть 32, то онъ
былъ уже не безбородый юноша.

¹⁾ Baccaccio Lettere p. 267. Завѣщаніе тамъ же p. 425.

²⁾ Rossetti Petrarca etc. p. 340.

³⁾ Vespasiano. Bisticci Commentario della vita di Messer Giannozzo Manetti p. 6. 7.
131. 132.

видимъ уже изъ того, что руководящія преніями лица отчасти были тѣ же, какъ и въ садахъ Альберта.

Центромъ и душою кружка въ С. Спирито былъ главнымъ образомъ Луиджи де Марсильи. Происходя изъ старинной аристократической фамиліи во Флоренціи и въ молодыхъ лѣтахъ вступивши въ августинскій орденъ, приблизительно двадцати лѣтъ отъ роду онъ учился въ Падуѣ, и тамъ одинъ родственникъ привелъ его къ Петраркѣ. Послѣдній предсказалъ юношѣ великую будущность и убѣждалъ его не проводить ни одного дня въ праздности, приобщить богословіе къ свободнымъ искусствамъ и приготовиться къ важной борьбѣ съ ложною философіею Аверроистовъ ¹⁾. И въ этомъ случаѣ встрѣча съ властелиномъ умовъ рѣшила его поприще. Достаточно было одного его присутствія, говоритъ Марсильи, чтобы направить каждаго на стезю добродѣтели; слова его навсегда запечатлѣлись въ его памяти ²⁾. Во Флоренціи онъ сошелся съ Боккачіо ³⁾. Потомъ на нѣкоторое время мы теряемъ его изъ виду. Онъ жилъ въ Парижѣ и получалъ тамъ степень магистра богословія. Когда Марсильи, какъ полагаютъ, возвратился во Флоренцію въ 1382 г., то онъ былъ человѣкъ съ большимъ вѣсомъ. Ему поручаютъ посольство къ герцогу Анжуйскому Людовику. Онъ считался тоже и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ ⁴⁾. Въ своемъ орденѣ онъ былъ назначенъ провинціаломъ пизанскаго округа. Два раза флорентинцы желали имѣть его епископомъ въ своемъ городѣ, хотя раньше сами заявили римскому двору, что на это мѣсто не можетъ быть выбранъ никто изъ ихъ среды ⁵⁾.

Весьма сомнительно, чтобы онъ писалъ ученые богословскіе трактаты и чтобы ему можно было приписывать переводеніе въ гекза-

¹⁾ Petrarca epist. s. tit. 20. (Opp. p. 810) безъ сомнѣнія адресовано къ Марсильи. Объ отношеніи къ Петраркѣ см. его epist. ret. senil XIV, 7. Cf. Fracasjetti Lettere senili di F. Petrarca vol. II, p. 427.

²⁾ Письмо Марсильи къ Гвидо видѣлъ Паладжіо при извѣстіи о смерти Петрарки у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 297.

³⁾ Онъ говоритъ о немъ въ Lettere p. 383: ut frater Luisius noster de ordine eremitarum asserit. Во время его пребыванія въ Парижѣ Салютато сообщалъ ему о смерти Боккачіо. См. его Lettere p. 475.

⁴⁾ Binaccini въ Salutati Iuectiva in Anton. Luschem ed. Moreni p. 227: il quale con'si abundantissimo parlare al popolo in santa isrittura insegno.—Buoninsegni Hist. Fiorent. p. 683 рассказываетъ о томъ, какъ синьоры спрашивали у него совѣта по церковно-политическому вопросу.

⁵⁾ Это предложеніе было уже извѣстно изъ Mehus Vita Ambr. Travers. p. 285. Изъ трехъ официальныхъ писемъ Салютато (см. Paradiso Vol. I, p. I, Documenti p. 305, 308, 310. мы видимъ, что уже во время заванія 1385 или 1386 г. тоже желаніе было заявлено папѣ и кардиналамъ.

метры. Ветхаго и Новаго Завѣта ¹⁾). Напротивъ, кромѣ писемъ оныхъ, повидимому, написалъ лишь небольшія сочиненія на народномъ языкѣ, объясненіе къ сонетамъ Петрарки, въ которомъ нападалъ на порочныхъ авиньонскихъ папъ, и сочинилъ канцону *Italia mia* ²⁾). Тутъ опять мы узнаемъ того человѣка, который писалъ «противъ порочности папскаго двора», горячо отстаивалъ единство церкви отъ притязаній папъ и боролся за самостоятельность національныхъ церквей, подобно своему другу Салютато. Последний тоже скорбѣлъ о томъ, что Италия страдаетъ отъ войны и гражданскихъ раздоровъ.

Но родникъ его мудрости дился самъ собою въ частномъ кружкѣ въ С. Спирито. Каждый выдающійся флорентинецъ посѣщалъ эти собранія, въ томъ числѣ канцлеръ Салютато, Роберто де' Росси, Никколо Никколи—все личности, съ которыми мы еще не разъ встрѣтимся. Всѣ младшіе друзья чтили «какъ божественнаго оракула». Марсильи, этого достойнаго старца, необыкновенно-остроумнаго и обладавшаго глубокою богословскою ученостью. Мы не знаемъ, какъ онъ относился къ Аверроистамъ, съ ученіемъ которыхъ, вѣроятно, былъ знакомъ еще въ Падуѣ и на борьбу съ которыми призывалъ его Петрарка. Въ Парадизо онъ мирно бесѣдуетъ рядомъ съ магистромъ Марсильо di Santa Sofia. Но онъ, безъ сомнѣнія, сочувственнѣе относился къ рационалистическимъ воззрѣніямъ, чѣмъ къ безусловной вѣрѣ, хотя, конечно, не былъ вольнодумцемъ, подобно своему ученику Салютато. Въ Парадизо онъ однажды объяснялъ превращеніе спутниковъ Одиссея волшебницею Цирцеєю. По его словамъ, это должно понимать въ нравственномъ смыслѣ. Людей нельзя обращать въ звѣрей съ помощью чаръ, но по своимъ дурнымъ дѣламъ они могутъ казаться звѣрями и себѣ и другимъ ³⁾). Отсюда одинъ шагъ до нравственнаго объясненія чудесъ библейскихъ и новозавѣтныхъ. Вѣроятно, было въ учености Марсильи нѣчто новое и при-

¹⁾ Bocchius и Negri *Istoria degli Scrittori Fiorent.* p. 389 слабые авторитеты. Кромѣ этого переложенія они указываютъ на *Quaestiones theologicae* и *Sermones*. Но уже Тирабосси выразилъ сомнѣніе, не смѣшали ли его сочиненія съ сочиненіями другаго, гораздо болѣе поздняго Марсильи.

²⁾ О письмахъ къ Гвидо де Паладжио, изъ которыхъ на одно я уже ссылался, упоминаетъ Lamius *Catalog.* p. 278. *Comento a una canzone (Italia mia) di F. Petrarca* издано въ Болоньѣ въ 1863 г.

³⁾ Посвященіе ему неизвѣстнаго автора повелѣлъ, которому «Богъ послалъ милость—слышать усладительнѣйшее краснорѣчіе Марсильи.» *Paradiso* vol. I P. I. p. 287. Эта проблема дѣйствительно есть въ *Paradiso* vol. II. p. 176. Къ дѣлу мало относится то, что здѣсь приведенное выше рѣшеніе приписывается Блаженному Августину. Марсильи принялъ и сообщалъ его.

влекательное, за что ученики называли его «величайшимъ богословомъ». Говорили также о нравственно-воспитательномъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на нихъ. Но, по видимому, его нравственность была не столько нравственностью церкви, сколько плодомъ глубокомысленнаго и честнаго ума. Образованность предохраняла его отъ грубой чувственности и облагороживала. Марсиа въ высокой степени обладалъ даромъ слова и приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей, такъ какъ, казалось, зналъ все, и во множествѣ цитатъ передавалъ мнѣнія Цицерона, Виргилія и Сенеки. Кромѣ того, по свидѣтельству одного ученика, глубоко уважавшаго его, онъ присоединялъ къ этому неистощимый даръ остроумія и шутки ¹⁾. Намъ не удивляетъ, когда мы слышимъ о нападкахъ, какія доходили до собранія въ С. Спирито извнѣ. Повидимому, то мистическое настроеніе, которое проявлялось напр. въ видѣніяхъ св. Екатерины Сиенской и св. Джованни Доминичи слѣдуетъ считать реакціею противъ усиливавшагося раціонализма ²⁾. Однако Марсиа продолжалъ пользоваться большимъ уваженіемъ у своихъ согражданъ. Когда онъ умеръ въ 1394 г., то во Флоренціи рѣшено было, помимо другихъ почестей, поставить въ честь его мраморную гробницу на общественный счетъ въ монастырѣ S. Maria del Fiore ³⁾.

Наше представленіе о Марсиа и его академіи все таки неясно. Но мы во всякомъ случаѣ видимъ, что вокругъ мудреца группируется кружокъ людей образованныхъ, не бывшихъ его учениками. Повторяемъ, отдѣленіе этихъ гуманистическихъ философовъ отъ церкви и университета многозначительно само по себѣ. Подобно Петраркѣ, кружокъ этотъ не связываетъ себя завѣтными преданіями, служа типомъ ученой республики, созданной гуманизмомъ, какъ его самая своеобразная форма.

Волюччіо ди Пьеро де Салютато былъ тоже плодомъ тѣхъ умственныхъ вліяній, какія шли отъ Петрарки, изъ кружка Парадізо и академіи С. Спирито ⁴⁾. Въ молодые годы это былъ

¹⁾ Manett. Vita Nicolai (Niccoli) у Mehus l. c. p. 76. loquendi et obviuzgandi vaga quaedam ac soluta libertas atue licentiu. cf. ibid. p. 283 sq. Подмію выражаетъ ту же мысль въ рѣчи при погребеніи Никколи (Opp. p. 271) нѣсколько мягче.

²⁾ cf. Paradio V. I P. I p. 89. 91 и письмо Салютато въ генералу августинскаго ордена отъ 4 сент. 1368 ibid. p. 313.

³⁾ Опреждленіе 28 авг. у Gage Carleggio I p. 537. Почетная надпись у Filippo Villani ed Galletti p. 252.

⁴⁾ Объ имени Лино я здѣсь нарочно умалчиваю; подобно Волюччіо, это ласкательная форма отъ Никколо. Но бесспорно, объ онъ часто употребляются рядомъ. Пьеро — не имя канцлера, а его отца. Часто онъ присоединяетъ къ своему имени и названіе мѣста рожденія Стиньяно. Небольшое сочиненіе Селоми Biografia di Coluccio Salutati, Lucca 1879 г., не безъ ошибокъ.

человѣкъ крайне мягкаго характера, страстно жаждавшій образованія. Еще мальчикомъ, учась въ болонской школѣ, онъ постоянно задавалъ вопросы учителямъ и велъ споры съ учениками. Какъ будто предугадывая, къ какой разнообразной дѣятельности онъ будетъ призванъ со временемъ, онъ живо интересовался всѣмъ. У него являлась настоятельная потребность поговорить съ кѣмъ нибудь о томъ, что онъ прочелъ или выучилъ ¹⁾. Выдающихся наставниковъ у него не было. Салютато принадлежалъ къ числу вѣрныхъ, само-бытныхъ натуръ, которыя развиваются большею частію сами собою и въ которыхъ слабыя наклонности становятся сильными влеченіями. Пьетро де Мулио, другъ Петрарки и Болкаціо, имѣвшій школу въ Болоньѣ, былъ лишь временно его учителемъ, но и онъ не изъ числа знаменитостей. Впрочемъ Салютато, быть можетъ, отъ него слышалъ о славѣ Петрарки ²⁾. Въ такомъ случаѣ это было первое, конечно, еще весьма отдаленное соприкосновеніе съ властителемъ умовъ, но и тутъ оно служитъ доказательствомъ того, какъ магически дѣйствовало имя Петрарки вообще на воспримчивые умы. Юный Салютато никогда не видалъ его, но слава его не давала ему покою. Онъ пишетъ къ нему весьма подобострастное письмо и получаетъ въ отвѣтъ коротенькую записочку, впрочемъ любезную и ободряющую ³⁾. По волѣ отца онъ долженъ былъ изучать нотаріальное право. Потомъ мы опять встрѣчаемъ его уже секретаремъ при папскомъ дворѣ; быть можетъ, онъ занималъ эту должность еще при Инноцентіи VI, но при Урбанѣ V—навѣрное. Последнему онъ сопутствовалъ изъ Авиньона въ Римъ въ 1369 г., но назадъ въ Авиньонъ не ѣздилъ ⁴⁾. Впечатленія тѣхъ лѣтъ навсегда остались въ его памяти: онъ затаилъ въ душѣ глубокую ненависть къ французскимъ папамъ ⁵⁾.

¹⁾ Leonardus Aret. Libellus de disputationum usu p. 16.

²⁾ Salutati Epistolae ed. Mehus Praefat. rp. LXX ed. Kigacci P. I. ep. 72. II. 27. Въ письмѣ къ Ломбардо де Серико 1376 г. у Vandini Catal. codd. lat. J. III. p. 564 онъ, по видимому, считаетъ себя самоучкою въ краснорѣчій: in summa docentium, ne dicam doctorum inopia cloquentiam semper excolni. Epist. 11. ed. Mehus: ime in haec studia intrasse rudem line magistro et ferme sine principio etc.

³⁾ Petrarca epist. rer. senil. XI, 2. 4.

⁴⁾ Свидѣтельство Бонамициуха (p. 123), что онъ былъ секретаремъ еще при Инноцентіи VI, не достовѣрно, а относительно Григорія XI прямо невѣрно. Въ письмѣ къ Бонаспини 20 июля 1374 г., которое обнародовалъ Гауптъ въ Ber. der K. Sachs. Ges. d. Wiss. 1849 v. 268 (Opusc. v. I.), онъ говоритъ, что уже 6 лѣтъ и даже больше, какъ онъ оставилъ курію, стало быть въ 1368 г. Письмо это доказываетъ, что онъ былъ а въ fetida Babylon. А что онъ въ 1368 г. былъ еще въ Витербо при куріи, это доказалъ уже Moreni въ Praefat. къ Salutati Iuectiva p. XII.

⁵⁾ А также и къ папству вообще. Такъ ep. 25 ed. Mehus: non crediderim de curiae romanae sentina nihil quicquam hauriri nisi limosum et fetidum et illa turpitudine maculatum, qua spiritualia pecunus venundantur.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ судьба бросала его въ разныя стороны; наконецъ онъ возвратился во Флоренцію и съ этихъ поръ навсегда остался въ родномъ городѣ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ пріоровъ и около двухъ лѣтъ правилъ дѣлами за канцлера Никколо ди Вентура, впавшаго въ немилость у гонфалоньера. Ему открывалась возможность занять это мѣсто, что дѣйствительно и случилось послѣ смерти Никколо въ апрѣлѣ 1375 г. ¹⁾. Такимъ образомъ онъ очень скоро сталъ пользоваться довѣріемъ и ни разу не обманулъ его. Должность эта, въ высшей степени почетная и соединенная съ хорошимъ вознагражденіемъ, избавляла его отъ скитальческой жизни, отъ нужды и отъ заискиванія милостей у меценатовъ. Все это нерѣдко разбивало жизнь людей, изучавшихъ науки, и портило ихъ характеръ.

Салютато принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ счастливицевъ, которые, не смотря на перемѣну своей судьбы къ лучшему, не измѣнили идеаламъ своей юности. Когда онъ вступилъ въ управление дѣлами, то престарѣлый Петрарка подобно челоуѣку, уже на половину отрѣшившемуся отъ всего земнаго, давно жилъ подъ масличными деревьями на Аривѣ, а старикъ Боккачіо тоже проводилъ время большею частію въ Черталдо. Впрочемъ послѣдняго Салютато могъ еще назвать своимъ другомъ: каждый разъ, какъ они бесѣдовали, предметомъ ихъ бесѣды былъ Петрарка, и когда Боккачіо рассказывалъ о немъ и хвалилъ его, то рассказамъ добраго, словоохотливаго старика и конца не было ²⁾. 18 іюля 1374 г. душа Петрарки отошла къ своему Творцу, а 21 декабря 1375 г. за нимъ послѣдовалъ и Боккачіо. Странное настроеніе овладѣваетъ нами, когда мы, привыкнуши считать живыми великихъ и уважаемыхъ людей, вдругъ чувствуемъ, что со смертью ихъ образовалась какая-то пустота на ихъ мѣстѣ. Поэтому Салютато рѣшилъ, что теперь его долгъ выразить общую скорбь, но силамъ продолжать то дѣло, надъ которымъ они оба трудились и возвратить ихъ флорентинской республикѣ, которой онъ теперь принадлежалъ. «О горе, славная Флоренція! Еще недавно ты озарилась двумя свѣтилами и могла состязаться въ блескѣ съ свѣтилами небесными; равныхъ имъ не могла бы указать и сама древность ³⁾».

1) *Salutati epist.* p. II. 5, 6 ed. Rigacci. Кроме этого его письмо къ Броаспини I. c. и Марсели въ *Boccaccio Lettere ed. Corazzini* p. 475. Mehus *Vita Ambros. Traversa.* p. 290 открылъ въ одной запискѣ, найденной въ книгѣ, что онъ умеръ 18 апрѣля 1375 г. Другіе говорятъ 25 апрѣля.

2) *In cujus landationem adeo libenter sermones usurpabat, ut nihil avidius nēhilque copiosius narraret. Lelutat. epist.* II 6 ed. Rigacci къ Франческо ди Броссано, зятю Петрарки.

3) *Salutati epist.* II. 6.

Когда во Флоренцію пришло достовѣрное извѣстіе о смерти Петрарки, то Салютато говорилъ, что онъ и днемъ, и ночью все думалъ о «свѣтилѣ угасшемъ для міра». — «Если любовь не ослѣпляетъ меня, то лишь благодаря его заслугамъ нашъ вѣкъ будетъ славенъ въ потомствѣ». Теперь самымъ пламеннымъ желаніемъ его было увѣковѣчить для потомства эти заслуги. Онъ еще раньше послалъ Петраркѣ стихи, въ которыхъ побуждалъ его къ изданію таинственной «Африки»: повсюду распространился слухъ, что ей угрожаетъ сожженіе согласно завѣщанію поэта, потому что онъ не хочетъ оставлять потомству незрѣлаго произведенія ¹⁾. Миланецъ Франческоло де Броссано, зять и прямой наследникъ Петрарки, обѣщался велѣть переписать его и подъ извѣстными условіями послать Боккачіо во Флоренцію. Во время переговоровъ послѣдній умеръ. Тогда Салютато убѣдительно просилъ Броссано принять его въ друзья вмѣсто покойнаго и передать ему «божественную Африку». Онъ намѣревался тотчасъ же приняться за работу и съ помощью поправокъ «обезсмертить божественную Спипіаду». Такимъ образомъ Боккачіо и Салютато, а также и помощникъ послѣдняго, нѣкто Никколо Никколи, который отправился въ Падую переписывать «Африку» — мы уже знаемъ его — вмѣстѣ съ прославленною поэмою перенесли во Флоренцію и духъ Петрарки и основали здѣсь его обитель, въ которой онъ и продолжалъ царить въ полномъ блескѣ. Съ трогательнымъ усердіемъ принялся Салютато работать надъ Африкою, многія выраженія нашелъ недовгими или неблагозвучными и хотѣлъ, къ чести поэта, выкинуть нѣкоторые стихи. Но старанія его и его друзей остались напрасными: поэма не явилась въ свѣтъ ²⁾. Весьма характеристично то слѣпое поклоненіе, какое Салютато воздавалъ двумъ «великимъ флорентинцамъ». Онъ не только восхвалялъ ихъ самихъ въ письмахъ и элегіяхъ, но и всѣ ихъ произведенія. Онъ полагаетъ, что не впадетъ въ преувеличеніе, ставя инвективы Петрарки противъ папскаго лейбмедика выше рѣчей Цицерона противъ Верреса и фалиппикъ Демосоеена, даже выше рѣчей Цицерона противъ Катилины. Онъ находитъ, что мѣтеология Боккачіо написана слогомъ «чисто божественнымъ», а его вклоги онъ предпочитаетъ если не буколикамъ Петрарки, то подобнымъ же произведеніямъ древнихъ ³⁾. Только при такомъ

1) Я не знаю, были ли эти стихи изданы. Напротивъ апокрифическій отвѣтъ Петрарки, въ который вставлено нѣсколько стиховъ изъ его произведеній, напечатанъ у Zachariae Iter litter. p. 347 и Mehus Vifa Ambr. Trav. p. 311.

2) О Медицейскомъ надписѣ, содержащемъ рецензію, Mehus l. c.

3) ep. II, 6 ed. Rigacci.

4) Epist. II, 6 ed. Rigacci.

восторженномъ поклоненіи можно было привлечь сторонниковъ и воздѣльвателей къ новой наукѣ, которая требовала жертвъ и представляла большія трудности ¹⁾.

Потомъ Салютато, подружившись съ Марсильи, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей Парадизо и монастыря Санто Спирито. Путь къ этому всесвѣтному мудрецу былъ дальній: онъ жилъ за Арно. Поэтому дорогою Салютано обдумывалъ предметъ разговора. Тутъ онъ, удовлетворяя своему внутреннему влеченію, старался въ долгихъ бесѣдахъ уяснить себѣ самые глубокомысленные вопросы нравственности ²⁾.

Когда Салютато былъ назначенъ канцлеромъ республики, ему было 45 лѣтъ отъ роду. Онъ какъ бы слился съ этой должностію, которую занималъ почти тридцать лѣтъ, до самой своей смерти. Современники изображаютъ его намъ мужчиною выше средняго роста, съ величественною осанкою, хотя впоследствии онъ ходилъ нѣсколько согбясь, полнымъ силы и здоровья. Выраженіе мужественной отпечатѣно было энергіи на сильно развитыхъ челюстяхъ и губахъ. Во взглядѣ было нѣчто мрачное, почти отталкивающее, рѣчь была серьезна и медленна, какъ рѣчь чловѣка, который привыкъ наблюдать за собою. Но и во взглядахъ и въ рѣчахъ его просвѣчивало самое очаровательное добродушіе, когда онъ находился въ кругу людей, близкихъ ему ³⁾. Онъ даже и въ официальной сферѣ умѣлъ быть гуманнымъ; его въ особенности хвалятъ за то, что онъ съ каждымъ гражданиномъ обходился ласково и любезно ⁴⁾. Его можно было считать образцомъ гражданской добродѣтели; въ его строгости, безупречности и преданности общему благу было нѣчто однородное съ аттическою *καλοκαγαθία* (совершенство во всѣхъ отношеніяхъ). Во время его тридцатилѣтняго завѣдыванія дѣлами республики ни разу не поколебалось то довѣріе, какое питали къ нему. Одно это уже служить доказательствомъ его безусловной честности, особенно если принять во вниманіе, что въ волнуемой смутами республикѣ къ чиновникамъ вообще относились недовѣрчиво. Послѣ смерти Салютато любопытствовали узнать, что онъ оставилъ. Оказалось,

¹⁾ Eiusd. epist. II, 3. 5. къ извѣстному Бенвенуто (де' Рамбальди) де Имола; II, 6. 7. ed. Rigacci. Три письма одинаковаго содержанія у Baudini Catal. codd. lat. p. 563. 564.

²⁾ Leonardus Aret. libellus de disputationum usu p. 17.

³⁾ Filippo Villani Vita etc. ed. Mazzucheli p. 28. Въ латинскомъ текстѣ Виллани нѣтъ характеристикъ Салютато; вѣроятно, она прибавлена уже послѣ смерти его, но навѣрное самимъ Виллани. Manetti у Mehus l. c. p. 289.

⁴⁾ Lucas de Scarparia въ своей современной хроникѣ у Rigacci l. s. p. XIV.

что и дома, и другую недвижимую собственность онъ получилъ по наслѣдству; чистыми деньгами было всего 40 золотыхъ гульденовъ ¹⁾. Онъ былъ отецъ многочисленной семьи и съ достоинствомъ исполнялъ долгъ главы ея. Въ 1390 г. у него было десятеро взрослыхъ сыновей, и онъ могъ смѣло сказать, что всѣ они стоятъ на хорошей дорогѣ ²⁾. Когда двое изъ нихъ умерли, то на похоронахъ ихъ Салютато не пролилъ ни одной слезы. Въ своей непоколебимой твердости онъ походилъ на стоническихъ героевъ древняго мира. Во время болѣзни своего любимца Пьетро онъ не отходилъ отъ него до самой его смерти, закрылъ ему глаза, уложилъ въ гробъ, сложилъ крестообразно руки на груди, но не обнаружилъ больше никакихъ признаковъ скорби. Такъ же твердо перенесъ онъ и потерю жены. Двѣ недѣли боролась она со смертью, и все это время онъ душевно страдалъ, плакалъ и молился. Но когда смерть взяла свое, онъ стоялъ надъ тѣломъ безъ слезъ, спокойно. Поддаваться скорбямъ онъ считалъ слабостью, недостойною мужчины ³⁾.

Салютато считали язычникомъ, руководившимся въ жизни древнею философіею и въ душѣ чуждымъ христіанской религіи. Въ тѣхъ бесѣдахъ, какія вели между собою образованные граждане, его рѣчь была пересыпана изреченіями Цицерона и Сенеки, будто они священныя авторитеты, требовавшіе безусловной вѣры. Но письма его проникнуты истинною и глубокою религіозностью, твердою вѣрою въ Бога и прямымъ отношеніемъ къ христіанской религіи, которая, по его мнѣнію, согласна съ философіею стоиковъ. Напротивъ, онъ вовсе не сочувствовалъ эпикурейскимъ воззрѣніямъ, которыя впоследствии нерѣдко находили сторонниковъ. Когда онъ нашелъ у своего уважаемаго Сенеки одно письмо, выражавшее, повидимому, его убѣжденіе, что душа исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то онъ съ сожалѣніемъ и негодованіемъ заявилъ, что этотъ философъ сошелъ съ ума ⁴⁾. У этого человѣка философія была въ полной гармоніи съ жизнью.

¹⁾ По списку пріоровъ въ Magliabechiana у Rigacci l. s. p. XXI.

²⁾ *Salutatus epist.* 6. ed. Mehus. Письмо его къ Лоски 29-го сентября (1390) у Schio Sulla vita et sugli scritti di Antonio Loschi p. 157. Имена шестерыхъ сыновей сообщаетъ Moreni въ *Salut. Invest. in Anton. Luschem* p. XXX.

³⁾ О первомъ случаѣ рассказываетъ Manetti въ напечатанномъ сочиненіи *de illustribus longaevis* по письму Салютато. Mehus l. s. p. 289. О смерти жены своей Салютато говоритъ въ *epist.* 16. ed. Mehus. Это философія его утѣшавшихъ писемъ; cf. *epist.* 1. 2. 4. ed. Mehus. Пьерія умерла въ 1396 г.

⁴⁾ Глосса на поляхъ его экземпляра писемъ Сенеки у Bandini *Bibl. Leop. Laurent.* T. I, p. 466.

Такимъ Салютато былъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Въ его лицѣ античная мудрость впервые оказалась плодотворною для государственной дѣятельности. Въ прежнее время духовнымъ лицамъ часто приходилось быть правителями государствъ, и они вносили въ дѣловую сферу превосходное духовное образование. Со временъ Салютато эта роль столь же часто выпадаетъ на долю ученыхъ и гуманистамъ. Своимъ образованіемъ и патриотизмомъ онъ облагородилъ то дѣло, которое собственно было дѣломъ нотариуса и опытнаго канцеляриста, когда онъ взялъ его на себя. Изъ чиновника пріоромъ онъ сдѣлался вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, и теперь должность канцлера республики получила совсѣмъ иное значеніе. Возвышенный умъ и утонченное образованіе не позволяли Салютато погрязнуть въ мелочахъ ежедневной канцелярщины. Его одушевляла высокая идея отечества, какъ онъ однажды выразился, а потому онъ умѣлъ придавать глубокой смыслъ и мелочамъ. Быть можетъ, именно масса служебныхъ занятій мѣшала ему уходить въ древность, что Петрарка считалъ еще главною задачею политической мудрости. Идея свободы, воодушевлявшая его, была не пустою и туманною фикціею, а нераздѣльно сливалась съ флорентинскою отчизною, и мысль о судьбѣ ея приводила его въ благородный восторгъ.

Первые годы его дѣятельности совпали съ періодомъ трехлѣтней войны, которую вела Флоренція съ папою Григоріемъ XI. Это была пагубная война, ведшаяся иноземными наемниками, ознаменованная не блестящими сраженіями, а коварствомъ и измѣною. Флорентинская республика ставила на карту свое высшее благо, свою независимость. Въ ея войскѣ въ то время развѣвалось два знамени: одно было знамя общины, а на другомъ красовалось начертанное золотыми буквами золотое слово: свобода ¹⁾! Во имя ея республика стремилась образовать и изъ городовъ Церковной области одинъ гибеллинскій союзъ, который въ качествѣ «священной лиги», священной именно во имя свободы, отказалъ бы въ повиновеніи главы церкви ²⁾. Канцлеру пришлось много работать: онъ велъ переписку отъ имени осьми правителей съ союзными городами, съ предводителями наемниковъ и членами партіи. Его посланія были проникнуты нравственною силою и силою убѣжденія, для которыхъ открылось обширное поприще, такъ какъ нужно было повліять на массу людей. Вотъ какая мысль воодушевляла его: «Этотъ городъ, этотъ народъ гнушается деспотизма у себя, проклинаетъ его и всегда

¹⁾ S. Antonine Chronicon p. III tit. XXII cap. 9. § 1.

²⁾ Cp. Papencordt Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter s. 498, гдѣ положеніе дѣлъ съ римскою точкою зрѣнія изображается иначе.

готовъ защищать свободу другихъ городовъ¹⁾). Съ другой стороны Салютато питалъ къ врагу ненависть честнаго человѣка; онъ глубоко проникся ею, бывши на службѣ при авиньонскомъ дворѣ. Козни римскаго двора были разрушены возмущеніемъ народной партіи въ Церковной области. Канцлеръ съ своей стороны выступилъ противъ его угрозъ и проклятій съ могучимъ словомъ. Конечно онъ отстаиваетъ честь республики отъ упрека въ томъ, что она борется съ св. Церковью. Она хочетъ, говорить онъ, только отстоять свою свободу и прогнать чужеземцевъ, которыхъ папа призвалъ въ страну на гибель Италіи. Но онъ не отрывается отъ тѣхъ словъ, проникнутыхъ горькою истиною, которыя навсегда должны были воздвигнуть непреодолимую преграду между имъ и папствомъ. Съ церковью, говорится въ одномъ изъ его писемъ, немислимъ прочный миръ; «ибо глава ея можетъ, говорю это съ полнѣйшимъ почтеніемъ къ нему, даже имѣть обычай въ силу своего могущества нарушать договоры, разрѣшать отъ клятвъ и т. д.». Папа, конечно, рассчитываетъ на внутренніе раздоры, напр. на междоусобія во Флоренціи; но чѣмъ ближе будетъ опасность, тѣмъ скорѣе прекратятся эти раздоры, и всѣ Флорентинцы возстанутъ какъ одинъ человѣкъ противъ общаго врага²⁾.—«Мы знаемъ, что церковь очень сильна. Мы вѣримъ, что папа замышляетъ жестокую месть и опустошеніе Италіи. Но Всевышній обращаетъ въ ничто незаконные замыслы и обрушиваетъ ихъ на головы тѣхъ, отъ кого они исходятъ.—А намъ дороже наша свобода, за которую мы боремся, чѣмъ коснѣющее въ лѣни рабство. Пусть враги грозятъ, пусть они богаче и, быть можетъ, сильнѣе насъ. Силѣ мы противопоставимъ силу и докажемъ, что свободѣ Флорентинцевъ можно угрожать, но не такъ легко одолѣть ее. И наконецъ все это въ десницѣ Божіей, такъ какъ превышаетъ силы человѣка, Онъ разсудитъ народъ свой и, по Своему милосердію, спасетъ свободу нашу и нашихъ потомковъ³⁾».

Петрарка когда-то приходилъ въ восторгъ отъ замысла Колы и изъ далекаго Авиньона обращался къ римскому народу съ пламенными, но безсильными рѣчами. Теперь вооружался канцлеръ сосѣдней республики, стоявшей одиноко, и отъ имени своего правительства призывалъ Римъ и другіе города Церковной области къ возстанію, а Италію къ единству и свободѣ. Богъ,—такъ писалъ онъ

¹⁾ Изъ его письма къ Франч. Гвиниджи, луккскому послу, у Corniani I secoli della lett. Ital. T. I, p. 107.

²⁾ Epist. II. 2 ed. Rigacci.

³⁾ Epist. I, 786.

Римлянамъ, — наконецъ умилосердился надъ униженною Италиєю, стенающею подъ игомъ рабства, достойнаго проклятiя. Пусть она возстанетъ вся, воззоветъ всѣхъ къ свободѣ и завоюетъ ее съ мечемъ въ рукахъ. Римляне должны идти впереди всѣхъ, какъ основатели политической свободы, свергшіе нѣкогда тираннію царей и децемвировъ. Имъ не слѣдуетъ слушаться поповъ, которые убѣждаютъ ихъ покоряться власти главы церкви. Они не должны болѣе терпѣть, чтобы благородная Италия, которой самой бы подобало повелѣвать другимъ націямъ, томила въ столь ужасномъ рабствѣ, чтобы варвары опустошали несчастный Лаціумъ, чтобы грабители французы овладѣли Италией. — За эти-то слова Флоренція и была поражена самымъ тяжкимъ интердиктомъ и проклятiемъ со стороны папы. Имущество и личность каждаго флорентинскаго гражданина были объявлены внѣ законовъ, и всѣ Флорентинцы изгнаны изъ Авиньона. Между тѣмъ Римляне изъ страха уклонились отъ призыва — стать во главѣ лиги, образовавшейся для освобожденiя Италиі. А когда, спустя нѣсколько лѣтъ, они приглашали Флоренцію принять участіе въ лигѣ, то республика была слишкомъ истощена и утомлена, такъ что не могла продолжать борьбу въ широкихъ размѣрахъ ¹⁾.

Такое возрѣніе, показывающее, что «старинная доблесть еще не угасла въ сердцахъ итальянцевъ,» проглядываетъ не въ отдѣльныхъ только мѣстахъ писемъ Салютато, подобно сейчасъ приведенному; напротивъ всѣ они проникнуты имъ. Въ эпоху великаго раскола Салютато снова выступаетъ на сцену съ патріотическимъ памфлетомъ, который написанъ глубокимъ мыслителемъ и есть изліяніе его накипѣвшаго заобую сердца. Онъ написанъ отъ имени могущественной республики и оставляетъ далеко за собою и декламациа Петrarки, и посланiя монаховъ ²⁾. Поруганіе святыни пробудило въ душѣ его глубокую ненависть. Отсюда весьма понятно, что онъ выражаетъ ее не только въ качествѣ канцлера, но и при всякомъ случаѣ, гдѣ только ему приходится говорить о римскомъ дворѣ. Слова гнѣва и насмѣшки у него сами собою выливаются изъ подъ пера. Напримѣръ, обращаясь къ своему ~~шуму~~ Ліонардо Бруни, которому онъ покровительствовалъ и который отправился въ

¹⁾ Флорентинскiя посланiя отъ 6 января и 1 февраля 1376 г. и дальнѣйшія см. у Gregorovius Geschichte der Stadt. Rom im Mittelalter Bd. VI s. 455, 457. Онѣ, безъ сомнѣнiя, принадлежатъ перу Салютато.

²⁾ Epist. I, 9 къ французскимъ кардиналамъ; въ томъ же духѣ I, 10 къ кардиналу Корсини и I, 51 къ маркиграфу бранденбургскому и миланскому Юдоу отъ 20 августа 1397 г.

Римъ искать должности въ канцеляріи, онъ вовсе не случайно называетъ его съ ироніею «достоуважаемымъ братомъ во Христвъ 1)». Въ его жилахъ течеть горячая гибеллинская кровь. Онъ не могъ, подобно Петраркѣ, сѣтуя о б испорченности духовенства, въ тоже время пожимать руку любому прелату. Это была натура вполне цѣльная, вся изъ самаго ярѣпкаго матеріала.

Упомянемъ еще объ одномъ полемиическомъ сочиненіи, которое было продиктовано канцлеру благороднымъ патриотическимъ негодованіемъ уже на 73 году его жизни. До того времени онъ ни разу не унижался до политическихъ инвективъ, никогда ни на кого не нападалъ, если писалъ отъ своего имени, а не отъ имени республики. Но его дорогая Флоренція подверглась поруганію, и онъ не могъ оставить ея безъ защиты. Подготовлялось новое нападеніе со стороны миланскихъ Висконти. Служа какъ бы предвѣстникомъ борьбы, въ Миланѣ вышло небольшое сочиненіе, проникнутое явною тенденціею — возмутить противъ республики ея подданныхъ, которые будто бы ждуть миланскаго войска, чтобы свергнуть рабское иго. Салютато имѣлъ точныя свѣдѣнія, что авторомъ его былъ юный поэтъ Антоніо Лоски. Канцлеръ былъ его покровителемъ и другомъ во Флоренціи, а теперь поэтъ состоялъ на службѣ у Висконти. Онъ называлъ Флорентинцевъ людьми тщеславными и ослѣпленными, смѣялся надъ тѣмъ, что они гордятся своимъ происхожденіемъ отъ древнихъ римлянъ. Это именно и была любимая идея Салютато. Лоски заявлялъ, что къ счастію человечества гордость республики будетъ унижена. Все это возмутило престарѣлаго канцлера. Онъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ автора, чтобы тѣмъ свободнѣе напасть на него, прямо называлъ его лягушкою, рабомъ рабовъ, звѣремъ, укорялъ въ болтливости, глупости и т. п.: таковъ былъ характеръ бранныхъ сочиненій со времени Петрарки. Онъ по пунктамъ опровергъ все его сочиненіе, конечно съ словоохотливостью старца, но съ чувствомъ пламенной любви къ тому городу, честь котораго была оскорблена. И какъ онъ превозносилъ великолѣпіе его храмовъ, дворцовъ, галлерей и площадей, его богатое и образованное населеніе, его Данта, Петрарку, Боккачіо! Съ какою ученостью отстаивалъ онъ основаніе Флоренціи Римлянами, что утверждалъ еще Дантъ и чѣмъ гордился каждый Флорентинецъ! Даже въ надгробной надписи Салютато ему ставится въ великую заслугу, что онъ развѣялъ ложныя навѣты Лоски 2)!

1) Epist. I, I, 1 ed. Rigacci.

2) Въ эпитафій говорится: patriae ius fasque tuetur, Et cynici calamo perimit convicia Lusci. — Salutati Invectiva in Ant. Luschem (ed. Moreni), Florent. 1826. Относящеся

Главную суть политико-литературной дѣятельности Салютато составляет громадное собраніе его официальныхъ и полуофициальныхъ писемъ, которыя разсылались изъ его канцелярїи по всей Италїи и за Альпы. Образцомъ бойкаго, роскошнаго и образнаго слога для него служили, по видимому, письма Петра де Винеа, внесшія въ политическую переписку страстный тонъ и вызывающіе риторическіе приемы. Къ этому Салютато присоединилъ классическія выраженія и ссылки, манеру Сенеки и Петrarки. Цицеронъ, письмамъ котораго онъ именно и далъ право гражданства въ литературѣ, едва ли имѣлъ какое нибудь вліяніе на его слогъ. Но именно возвышенный, часто высокопарный слогъ писемъ Салютато и доставилъ имъ популярность, какую прежде никогда не пользовались эти канцелярскіе документы. Ихъ читали и списывали, удивляясь новому приему—соединять политическія дѣла съ краснорѣчіемъ²⁾. Вскорѣ для сношеній между итальянскими городами они служили тѣмъ же,

сюда письмо къ канцлеру Пьетро Тунко отъ 12 сент., въ которомъ Салютато говоритъ, что онъ въ февралѣ вступаетъ въ 73-й годъ своей жизни, положительно доказываетъ, что ливеттива написана въ 1403 г. (р. XLIV). Pamphlet Лоски не былъ напечатанъ отдѣльно, но включенъ по частямъ въ сочиненіе Салютато, и сохранился еще у Baudini Catal. codd. lat. T. III p. 561. и у др. И возраженіе Чино Ринуччини, сохранившееся только въ итальянскомъ переводѣ и показывающее въ авторѣ чловека старой школы, напечатано въ изданіи Морени стр. 119 слл. Оно, повидому, одновременно съ сочиненіемъ Салютато, потому что на въ одномъ изъ нихъ ее упоминается о другомъ.

2) Lucas de Scarparia l. c. Manetti ap. Mehus l. c. p. 288: epistolas privatas et publicas paene infinitas ita egregie dictavit, ut in hoc epistolari genere solus consensu omnium regnare diceretur. Изданіе избранныхъ писемъ Ригаччи уже упомянуто. Изданіе Меруса (Colucii P. Salutati Epistolae rec. Mehus Pars I Florent. 1741 typis P. G. Viviani), повидому, стало весьма рѣдкимъ благодаря стараніямъ Ригаччи, который не поладилъ съ Мерусомъ. Оно было рассчитано на 5 томовъ, изъ которыхъ вышелъ только первый, содержащій 31 письмо. Замѣчательно, что Мерусъ пропустилъ гробовымъ молчаніемъ свое собственное изданіе. Онъ говоритъ въ Vita Ambr. Travers. p. 304 ob̄ illustris anonymus et eruditissimus editor другихъ писемъ (это Лани), не упоминая ни слова о своемъ. Однако въ обоихъ изданіяхъ есть разныя письма, такъ что оба необходимы. Только письма 27 и 30 ed. Mehus напечатаны и у Ригаччи. Послѣ долгихъ поисковъ въ самыхъ обширныхъ нѣмецкихъ библиотекахъ я нашелъ наконецъ изданіе Меруса въ гамбургской городской библиотекѣ. Полное изданіе писемъ и сочиненій. Салютато составляетъ догъ чести, лежащій на флорентинскихъ ученыхъ, вообще столь дѣятельныхъ и патриотичныхъ. Ср. Mazzuchelli въ Villani Vite etc. p. 23 not. 7 и p. 77 not. 50. Небольшіе отдѣлы писемъ есть у Pez Thesaur. Anecd. noviss. T. v. p. III, въ Baluzii Miscell. Lis. IV p. 510, 511, 516, въ Epistolae Principum etc. (ed. ab. Don Zellino) Venat. 1574 p. 208, у Martene et Durand Vett. scriptit.—ampliss. Collect. T. III p. 903, въ Bibliothèque de l'école des chartis XI Année 1879 p. 636 ff., итальянскіе документы въ Commissioni di Rinaldo degli Abizzi vol. I съ 1399 г. О рукописныхъ сборникахъ см. hamius Catal. bibl. Riccard, p. 135, 136, 191, Mehus Vita Ambro, Travers p. 305 Baudini Bibl. Leop. hanrent. T. I p. 429, Tab. codd. msc. bibl. Vindob. voss.

чѣмъ прежде, у другихъ народовъ собранія формулъ, образцомъ новаго канцелярскаго стиля, украшеннаго цвѣтами краснорѣчія и философскими изреченіями. Дипломатическія формы вообще измѣнились. Сношеніе черезъ пословъ чаще стало замѣняться письменнымъ, и рядомъ съ изящнымъ слогомъ вошла въ моду флорентинская вѣжливость. Ученые и искусно владѣющіе слогомъ канцлеры въ итальянскихъ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ съ начала XV в. становятся рѣшительно необходимы. Поэтому выдающіеся гуманисты занимали этого рода должности въ Венеціи, Генуѣ, Сиенѣ, Неаполѣ и Миланѣ, даже при римскомъ дворѣ, часто съ большимъ жалованьемъ. Это давало имъ возможность не подвергаться превратностямъ судьбы при университетахъ. А то обстоятельство, что для литературнаго честолюбія открывалась и сфера политической дѣятельности, повело къ неопредѣленнымъ послѣдствіямъ какъ для литературы, такъ и для политики.

Конечно, искусство убѣждать есть вмѣстѣ съ тѣмъ и искусство обманывать, и Салютато тоже очень хорошо зналъ это. «Чѣмъ скорѣе можно обмануть, какъ не ловко придуманною, хорошо составленною, красивою рѣчью? Что можетъ быть пріятнѣе стройной и гладкой фразы? Что больше увлекаетъ, трогаетъ и склоняетъ человѣческой умъ, какъ не искусное изложеніе дѣла?» ¹⁾ Однако Салютато такъ же не былъ отцомъ лжи въ политикѣ, какъ и вѣкомъ позже его преемникъ по должности, Маккиавелли. Только на сторонѣ перваго было то преимущество, что искусство обманывать людей красивыми фразами было еще вновь, что «сила краснорѣчія, глубина мысли и возвышенный слогъ», которымъ удивлялись въ его письмахъ, еще мало были въ ходу, и потому производили необыкновенно мощное впечатлѣніе. Любили повторять выраженіе, приписываемое миланскому деспоту, Джіангаллеаццо Висконти: Салютато, по его словамъ, больше повредилъ ему своими писаніями, чѣмъ тысяча флорентинскихъ всадниковъ ²⁾.

Республика достойнымъ образомъ почтила заслуги великаго канцлера. Онъ умеръ 4 мая 1406 года. Хотя ему было уже 76 лѣтъ отъ роду, однако онъ до послѣднихъ дней энергически исполнялъ свою обязанность. Тѣло его на другой день было выставлено на общественной площади дельи Перацци, чтобы всѣ могли видѣть

II p. 202. Lamius l. c. p. 141 упоминаетъ также объ *Ars dictaminis s. de conscribendis epistolis*, которое приписывается Салютато.

¹⁾ У Pez. l. c. p. 80.

²⁾ Я встрѣтилъ въ первый разъ это произведеніе у Энея Сильви Ен гора стр. 54. Pii II Comment. p. 50.

его. Его окружали высшіе сановники города, пріоры и гонфалоньеръ della gircustizia, доктора университета, знаменитости изъ гражданъ и ученаго міра и громадная толпа народа. Вивіано Нери де Франко, нотариусъ dei Riforgiamenti, слѣдовательно сослуживецъ покойнаго, выступилъ впередъ, сказалъ похвальное слово усопшему и потомъ, по опредѣленію пріоровъ и гонфалоньера, положилъ на голову его поэтическіе лавры. Знамена и значки общинъ и цеховъ склонились надъ тѣломъ. Гробницу его зарыли въ храмъ С. Липарата ¹⁾ и соорудили тамъ мраморный памятникъ на счетъ общины. Гражданамъ было приказано называть его не иначе какъ потомъ Колуччіо, и, по словамъ одного свидѣтеля, они признали, что онъ былъ достоинъ этой почести ²⁾.

Литературная дѣятельность Салютато, помимо официальной, въ сравненіи съ политической менѣе важна, но всетаки она и сама по себѣ заставила бы насъ обратить на него вниманіе. Къ сожалѣнію, изданы лишь немногія его произведенія. Извѣстенъ сонетъ его въ духѣ Петрарки, въ которомъ онъ обращается къ мадоннѣ Еленѣ; безъ сомнѣнія, этотъ сонетъ былъ не единственный ³⁾. Упоминаютъ еще о восьми эклогахъ, образцомъ для которыхъ тоже, вѣроятно, послужилъ Петрарка, и объ элегіи, написанной въ утѣшеніе Филлиды ⁴⁾. Это—юношескія произведенія, объ утратѣ которыхъ нечего особенно сожалѣть, судя по другимъ его опытамъ въ гекзаметрахъ ⁵⁾. Къ юношеской же порѣ, безъ сомнѣнія, относится и начало эпической поэмы, предметомъ которой была война Пирра, царя эпирскаго, съ Римлянами; она, очевидно, была вызвана «Сципиадою» Петрарки. Онъ написалъ немного больше плана, и она не была издана. Произведеніе de fato et fortuna было философскою дидактическою поэмою въ гекзаметрахъ и направлено противъ суетной мудрости астрологовъ. Но въ ней встрѣчались такія странныя языческія выраженія, что доминиканецъ Джіованни ди Доменико направилъ противъ нея свои *Lucula postis* (свѣтъ во мракѣ) ⁶⁾. Изъ трактатовъ въ собственномъ смыслѣ, къ которымъ послѣдняя поэма слу-

¹⁾ Тогдашнее народное названіе извѣстнаго собора Santa Maria del Fiore.

²⁾ По списку пріоровъ (Priorista) Вивіано (Джювіано) Нери и *Chronicon Lucas de Scarparia у Rigacci* p. XIV, XV, XXI, и у *Mehus Praefat. ad. Epist.* p. LXXVI. Короткая замѣтка объ этомъ у *Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. IV, p. 202 Buoniragnini Hist. Fiorent. p. 798.*

³⁾ Напечатанъ въ *Paradiso degli Alberti* vol. I P. II p. 320.

⁴⁾ *Fil. Villani ed. galletti* p. 19.

⁵⁾ Ср. длинное неудачное стихотвореніе у *Zacharias Itir litt. p. 398.*

⁶⁾ Часть этой поэмы Салютато напечатана въ *Carmina ill. poet. Ital. T. VIII, p. 299. Cf. Vandini Catal. codd. lat. T. II, p. 614.* Когда Сальви издавалъ *Regola del*

жить переходомъ, повидимому, всего больше былъ въ ходу трактатъ *de religione et fuga seculi* (о религии и удаленіи отъ міра). Однажды канцлеръ республики посѣтилъ во Флоренціи монастырь Камальдуловъ *Santa Maria degli Angioli*, въ которомъ уже и тогда, безъ сомнѣнія, были почитатели новаго краснорѣчія, какъ и среди августинскихъ монаховъ въ С. Спирито. Тамъ онъ пообщалъ брату Джироламо-де-Узано одно сочиненіе, которое должно было утвердить его въ любви къ монашеской жизни. Ему дѣйствительно доставили эту книгу, о которой Филиппо Виллани говоритъ, что она, безъ сомнѣнія, могла кого угодно привлечь къ одинокой и религиозной жизни. Быть можетъ, подобно книгѣ Петрарки: «О препровожденіи времени благочестиваго человѣка», въ ней больше рекомендовались поэтическія уединенныя созерцанія, чѣмъ отшельническая жизнь, сопровождаемая покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти. Кромѣ того, мы знаемъ, хотя поверхностно, и другіе трактаты Салютато философскаго содержанія, какъ напримѣръ *de verescundia*, также о подвигахъ Геркулеса. Послѣдніе Салютато толковалъ аллегорически ¹⁾. Причина, почему эти сочиненія были вскорѣ забыты, очевидна: они уже болѣе не удовлетворяли усилившимся запросамъ на хорошій слогъ и были отодвинуты на задній планъ болѣе пикантною литературою.

Какъ ни былъ великъ авторитетъ Салютато, однако ему не разъ приходилось защищать отъ ожесточенныхъ нападокъ свои любимыя занятія, чтеніе древнихъ поэтовъ, поэзію и риторику, которыя считались родственными между собою. Нападки эти шли болѣею частью отъ монаховъ. Уже къ послѣднимъ годамъ его жизни относится полемическое сочиненіе, направленное противъ Камальдула Джіованни изъ Санъ-Миніато, съ которымъ онъ часто велъ споры по этому вопросу и мѣнялся посланіями въ полемическомъ духѣ ²⁾. Монахъ этотъ отклонялъ юнаго Аньоло де'Корбинелли, котораго Салютато

governo di cura familiare (Firenze 1860) Джіов. Доминичи, то онъ напрасно искалъ въ бібліотекахъ *Lacula noctis*. Оно было найдено потомъ Андіано въ Лаврентьевской. Ср. *Janitschek. Die gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Stuttg. 1879* в. 105. Это сочиненіе было въ вѣжливыхъ выраженіяхъ посвящено Салютато, хотя его сочиненіе и направлено противъ него и языческихъ наукъ. Монахи нерѣдко писали такіе душеспасительныя посланія въ духѣ сентиментальной набожности.

¹⁾ Перечень сочиненій Салютато помѣщено передъ изданіями писемъ у Рагаччи р. XXXIV и у Меруса р. LXXVIII.

²⁾ *Salutatus epist.* 26 ed. Mehus, изъ котораго я настрѣнь привести еще нѣчто въ VII книгѣ. Оно адресовано къ тому же Джіованни и содержитъ защиту поэзіи и нападки на высокоуміе монаховъ. Джіованни отвѣчалъ на него въ сочиненіи, указанномъ у *Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 597.*

почиталъ чуть не за роднаго сына, отъ изученія языческихъ поэтовъ и указывалъ на Св. Писаніе. Сладкозвучныя изреченія языческихъ писателей онъ считалъ суетою суетъ и утверждалъ, что въ устахъ христіанина они почти составляютъ кощунство и идолопоклонство, портятъ нравы, какъ какая нибудь зараза и т. п. Престарѣлый канцлеръ взялся за перо и написалъ защитительное сочиненіе, бывшее уже послѣднимъ его литературнымъ трудомъ. Онъ требовалъ отвѣта отъ богослова, доказывая, что и Св. Писаніе, подобно поэзіи, прибѣгаетъ къ формѣ аллегоріи, что таинственный смыслъ древнихъ поэтовъ замѣчательно согласуется съ богословскими истинами, что въ Библии тоже встрѣчаются неприличныя и возмутительныя выраженія ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, тѣ взгляды, какіе когда-то высказывались въ кружкѣ С. Спирито. Ни Петрарка, ни Боккаччо не отваживались такъ смѣло и самоувѣренно нападать на духовенство. Защищая поэзію и древнихъ поэтовъ, они держались оборонительнаго положенія. Однако церковь оставляла Салютато въ покоѣ: его охранялъ гибеллинскій духъ республики.

Подобно Петраркѣ, и Салютато является ревностнымъ собирателемъ книгъ, неутомимо хлопотавшимъ о томъ, чтобы увеличить число сочиненій древнихъ римлянъ въ своей библіотекѣ и поподнять ихъ. Если первому въ его разныхъ литературныхъ сношеніяхъ помогала его слава, то послѣднему открывало всюду доступъ его официальное положеніе, такъ что онъ легко доставилъ себя любителемъ книгъ, не выпускающимъ изъ рукъ ничего, и страстно желалъ имѣть ихъ больше. Въ этомъ отношеніи, по его словамъ, онъ никогда не могъ соблюдать мѣры; ко всякаго рода имуществу, какое есть у него, онъ относится, какъ господинъ, но передъ книгами становится рабомъ ²⁾. Подобно Петраркѣ, Салютато обыкновенно просилъ своихъ заграничныхъ друзей розыскивать

¹⁾ Mehus vita Ambros. Travers. p. 292 привелъ извлеченія изъ сочиненій брата Джованни и Салютато. Послѣднее какъ у него, такъ и у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 560 помѣчено 25-мъ января 1406 г. (конечно, по флорентинскому стилю, слѣд. 1405 г.). Изданіе *Salutati Epistola al reverendo D. Giovanni Dassaminato (!), tradotta di latino da Niccolo Castellani (ed. Stolfi), Bologna 1867*, сообщаетъ только старый итальянскій переводъ. Писалъ ли Салютато сочиненіе въ защиту Петрарки, на котораго нападали, котораго отъ него требовали, мы не знаемъ. *Salutatus ep. 19 ed. Mehus. No 23 epist.* этого изданія есть апологія Виргилія, направленная противъ его порицателей.

²⁾ Письмо къ Пасивино де'Каппелли отъ 24-го сентября (1390) въ *Hauptii Opuscula vol. II p. 114. 115.*

неизвѣстныхъ до того времени классиковъ, особенно потерянные книги Ливія, также Помпея Трога, котораго онъ зналъ только по Юстину, наконецъ полнаго Квинта Курція ¹⁾). Но и онъ, какъ Петрарка, испыталъ много разочарованій. Нѣкоторое время Салютато надѣялся имѣть исправный экземпляръ Квинтиліана, сочиненія котораго Петрарка зналъ въ весьма неполномъ видѣ, но надежда эта не сбылась. Его поможительно увѣряли, что у Гонзаги въ Мантуѣ есть произведенія Эннія, впрочемъ только Лѣтописи, но ихъ не оказалось ²⁾). Зять Петрарки писалъ ему, что у миланскаго герцога Джанъ-Галеаццо есть оставшееся послѣ Петрарки сочиненіе Варрона *de mensuris orbis terrarum* очень стариннаго письма и съ геометрическими фигурами, но его не нашлось, и Лоски былъ того мнѣнія, что это сочиненіе есть *de lingua latina* ³⁾). Маркграфъ моравскій Іобстъ писалъ ему, что онъ нашелъ полнаго Ливія и позаботится снять копію съ него. Салютато не хотѣлъ этому вѣрить, но потомъ узналъ отъ маркграфскаго канцлера, что въ бенедиктинскомъ монастырѣ Любекскаго діоцеза дѣйствительно есть полный или почти полный Ливій, только такого стариннаго письма, что его никто не можетъ разобрать. Салютато убѣдительно просилъ сообщить рукопись и уже надѣялся располагать ею. Но о ней опять замолчали, и не разъ еще толки о Ливіи, хранящемся на сѣверѣ, вводили въ заблужденіе поклонниковъ древней литературы ⁴⁾).

Петрарка собралъ очень много книгъ, которыя для другихъ были едва доступны, лучше сказать совсѣмъ недоступны. Но онъ видимо не былъ расположенъ дѣлиться подобными сокровищами, потому ли, что не хотѣлъ разставаться съ своими книгами, или не желалъ, чтобы кто нибудь пользовался рѣдкостями кромѣ него. Мы слышимъ, что онъ подарилъ Лапо да Кастильонкіо рѣчь за Архію въ отплату за то, что получилъ отъ него цѣлый рядъ рѣчей Цицерона. Но мы не знаемъ другаго случая, когда бы онъ согласился на распространеніе книги, взятой изъ его библіотеки. У него были стихотворенія Батулла и Проперція, вѣроятно, также и Тибулла. Салютато зналъ это. Онъ долго хлопоталъ, желая познакомиться съ этими поэтами, которые были извѣстны ему почти только по именамъ. Но онъ обратился за этимъ не къ Петраркѣ, а къ Гасларре де'

1) Письмо къ неизвѣстному у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 296, къ школьному учителю Доменико изъ Ареццо у *Bandini Catal. cold. latl. T. III, p. 564.*

2) *Salutati epist. II, 18 ed. Rigacci.*

3) Его посланіе къ Каппелли отъ 24 сент. (1890).

4) Приписки къ *epist. I, 51 Салютато, ed. Rigacci, издалъ Гауптъ въ Ber. der K. Sachs. Ges. der Wess. Bd. II 1850 s. 16.*

Броаспини въ Веронѣ. Въ его библіотекѣ, безъ сомнѣнія, сдѣланы были и для Петрарки копии съ этихъ произведеній, вообще совсѣмъ неизвѣстныхъ ¹⁾. Катулла онъ получилъ изъ Вероны. Стихотворенія Проперція были списаны для него впоследствии съ экземпляра Петрарки послѣ его смерти. У него былъ и Тибуллъ; это доказывается его экземпляромъ, и теперь сохранившимся ²⁾.

Послѣ смерти Петрарки для Салютато открылся доступъ къ его литературнымъ богатствамъ, благодаря Броссано, зятя покойнаго, и Ламбардо да Серико, другу дома покойнаго поэта. Мы уже знаемъ, какъ при ихъ помощи получилъ онъ доступъ къ «Африкѣ». Теперь онъ могъ заказать копии и съ другихъ произведеній Петрарки, оставшихся неконченными, какъ напр. книга «О знаменитыхъ мужахъ» и «Достопамятныя повѣствованія». Теперь для него стала доступенъ и цѣлый рядъ рѣчей Цицерона, которыхъ у него еще не было, или были въ искаженномъ видѣ. Вѣроятно, было удовлетворено и его страстное желаніе имѣть *Academica* Цицерона. За то въ книгахъ Петрарки не нашлось нѣкоторыхъ сочиненій римскаго оратора, хотя они, по нѣкоторымъ даннымъ, должны были тамъ быть ³⁾. Такъ напр. странно, что въ этомъ случаѣ ничего не слышно о письмахъ Цицерона, о томъ экземплярѣ, который Петрарка списалъ въ Веронѣ въ 1345 г.

Салютато постоянно желалъ достать именно письма Цицерона, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его вниманіе было привлечено отрывками изъ нихъ, приведенными Петраркою въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Онъ зналъ также, что Петрарка нашелъ ихъ въ Веронѣ. Поэтому онъ обратился прежде всего къ Броаспини, но получилъ при его посредствѣ лишь выборъ изъ нихъ, около 60 писемъ, которые только усилили его желаніе имѣть ихъ всѣ. Уже около 1389 г. узналъ онъ, что герцогъ миланскій, Джангаллеаццо, получилъ въ подарокъ множество старыхъ книгъ изъ библіотекъ веронской и верчелльской и въ числѣ ихъ есть веронскій списокъ писемъ Цицерона, а также и другой изъ Верчелли, который, какъ ему желалось бы думать, содержалъ въ себѣ тѣже письма. Онъ тотчасъ же принялся дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы другимъ

¹⁾ Относительно Катулла и Тибулла въ пользу этого мнѣнія говоритъ упоминаніе ихъ у *Guilielmus Pastregicus de originibus regum libellus fol. 18*, который безъ сомнѣнія обратилъ вниманіе Петрарки и на рукопись писемъ Цицерона. А за Проперціемъ Салютато обращается прямо въ Верону.

²⁾ Гауптъ обнарудовалъ въ *Sitzungsberichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss.* 1849 з. 256 ff. три письма Салютато къ Броаспини и Бенвенто да Никола отъ 20 и 25 іюля и 17 окт. 1374 г. (въ *Nauphii Oreeese. vol. I. p. 279 sq.*). Томе письмо къ Ломбардо да Серико 13 іюня (конечно, 1375 г.) у *Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 567. Tibulli Eleg. rec. Baehrens Proleg. p. VII. X.*

путемъ добраться до желаннаго сокровища. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ миланскимъ канцлеромъ, Пасквино де' Каппелли, также съ юнымъ поэтомъ Антонио Лоски. Послѣдній въ то время — передъ своимъ злымъ пасквилемъ на Флоренцію — былъ еще его дорогимъ другомъ и тоже вращался при миланскомъ дворѣ. Каппелли, дѣйствительно, велѣлъ списать письма для флорентинскаго коллеги, но не смотря на усиленные убѣжденія послѣдняго и увѣренія въ дружбѣ не хотѣлъ вступить съ нимъ въ переписку, потому что въ то время Миланъ велъ войну съ Флоренціею. Наконецъ списокъ былъ полученъ. Съ Салютато случилось тоже самое, что съ человѣкомъ, который искалъ серебра, а нашелъ золото. Онъ читалъ совѣмъ другія письма Цицерона, не тѣ, какихъ ожидалъ, судя по имѣвшимся у него 60 и по ссылкамъ Петрарки. Ихъ списали не съ веронскаго экземпляра, а съ верчелльскаго, а первый заключалъ въ себѣ частныя письма Цицерона, о существованіи которыхъ не зналъ Петрарка, да и вообще никто. Если въ средніе вѣка ихъ и видѣлъ кто нибудь, то только теперь они нашли мѣсто въ литературѣ, имѣвшей значеніе. Слогъ писемъ краснорѣчивѣйшаго изъ римлянъ долженъ былъ прозвести въ ней коренной переворотъ. Салютато вполне оцѣнилъ важность этой находки; онъ смотрѣлъ на эту книгу не только какъ на неисчерпаемый источникъ краснорѣчія, но, какъ Петрарка, за полявка передъ тѣмъ, тотчасъ же заглянулъ въ душу прославленнаго римлянина. Только теперь онъ узналъ Цицерона, о которомъ судилъ лишь по своимъ книгамъ и рѣчамъ, узналъ, какъ онъ мыслилъ и чувствовалъ какъ гражданинъ, какъ относился къ друзьямъ и семьѣ, въ какое приходилъ отчаяніе въ минуты опасностей и бѣдствій. Этимъ объясняется его безпредѣльная благодарность другу за его «божественный подарокъ» По словамъ Салютато, онъ никогда ничего не читалъ съ такою жадностью и съ такимъ упоеніемъ. Онъ никогда не думалъ, чтобы могъ такъ наслаждаться чтеніемъ. Онъ чувствуетъ себя столь довольнымъ и счастливымъ, что едва помнить себя отъ радости. Но тѣмъ убѣдительнѣе просилъ канцлеръ приказать списать для него съ веронской рукописи и другія письма Цицерона: къ Аттіку, къ Квинту Цицерону и Бругу. Тянулись цѣлыя годы, а война еще продолжалась, и миланскій канцлеръ хранилъ упорное молчаніе, оставляя безъ отвѣта письма Салютато. Наконецъ и эта копія была получена. Быть можетъ, въ теченіи тысячи лѣтъ нигдѣ сбѣ группы Цицероновскихъ писемъ не встрѣчались вмѣстѣ кромѣ двухъ старинныхъ миланскихъ рукописей и въ обоихъ спискахъ съ нихъ у Салютато. ¹⁾

¹⁾ Больше подробностей съ доказательствами изъ источниковъ см. въ моемъ разсужденіи о рукописной передачѣ писемъ Цицерона, — въ Bericht. der K. Sachs. Ges. d. Wiss.

Но въ этомъ случаѣ канцлеръ не былъ только ревностнымъ собирателемъ и читателемъ-диллетантомъ. Онъ часто жалуется на ненадежность и недобросовѣстность переписчиковъ, которые то дѣлають пропуски, то берутъ въ текстъ толкованія и такимъ образомъ искажаютъ его. Известно, что онъ редактировалъ письма Цицерона, снабдилъ ихъ указателемъ содержанія и толкованіями и просилъ Хризолора объяснить греческія слова, встрѣчающіяся въ нихъ. Онъ сравнилъ разные списки сочиненій Сенеки и Августина и исправилъ текстъ. Тоже самое должно сказать и о другихъ сочиненіяхъ, бывшихъ когда-то у него. Мы должны удивляться подобной дѣятельности канцлера, обремененнаго занятіями. Онъ обладалъ и критическимъ талантомъ, Такъ онъ тотчасъ же сообразилъ, что сочиненіе *de differentiis*, распространенное подъ именемъ Цицеро-повскаго, не можетъ принадлежать ему ¹⁾.

Въ сношеніяхъ съ молодыми писателями, выросшими подъ его покровительствомъ, Салютато былъ добръ и простъ. Онъ помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ, въ особенности щедро снабжалъ своими книгами, которыя считалъ общимъ достояніемъ. Онъ былъ для нихъ благодѣтелемъ и наставникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строгимъ отцомъ. Канцлеръ не могъ относиться равнодушно къ легкомысленнымъ взглядамъ и тщеславію этого молодого поколѣнія. Онъ увѣщевалъ юнаго Поджіо, который сначала жилъ бѣдно во Флоренціи, а потомъ получилъ хорошее мѣсто при римскомъ дворѣ, относить это не къ своимъ талантамъ и заслугамъ, а прежде всего къ милости Божіей и ходатайству одного придворнаго. Въ другой разъ онъ совѣтовалъ ему остерегаться столкновеній и ссоръ, не говорить о томъ, о чемъ не слѣдуетъ ²⁾. Когда мы познакоимся ближе съ этимъ Поджіо, то увидимъ, что такіе совѣты вовсе были не лишни для него, и Салютато былъ единственный человекъ, отъ котораго онъ терпѣливо выслушивалъ ихъ. Ліонарди Бруни, который всѣмъ былъ обязанъ Салютато и тоже однажды услышалъ отъ него подобное правозученіе, сначала было по гордости отнесся нѣсколько рѣзко къ своему благодѣтелю, но впоследствии искренно раскаялся

1879. Послѣ того письма привелъ въ болѣе строгій порядокъ Фиртель въ *Jahrb. für klass. Philol* 1880 S^c 242.

¹⁾ Deschamps *Essai bibl. sur. Cicéron* p. 154. Его мнѣнія о томъ, что философъ Сенека не могъ быть авторомъ приписываемыхъ ему трагедій (*epist.* II, 41 ed. Rigacci) я не буду приводить здѣсь, потому что подобное сомнѣніе уже высказалъ Петрарка, при томъ не разъ. Но ср. ep. 23 ed. Mehus его основательное сужденіе о стихотвореніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Катоновыхъ.

²⁾ *Epist.* I, 6. 76 ed. Rigacci.

въ этомъ ¹⁾. Есть нѣчто трогательное въ томъ воспоминаніи, какое хранила эта молодежь о старомъ канцлерѣ. Когда Бруни узналъ о его смерти, то сожалѣлъ, что не можетъ уже видѣть безъ слезъ ни площади, ни сеньоріи, ни церкви Флоренціи, гдѣ онъ такъ долго встрѣчался съ нимъ ²⁾. А Поджіо, получивши извѣстіе объ этомъ, писалъ: «Мы, занимающіеся изученіемъ гуманитарныхъ наукъ, потеряли отца, какового намъ трудно будетъ найти. Мы лишились пріюта и отрады всѣхъ образованныхъ умовъ, свѣта отчизны, украшенія Италіи ³⁾. Даже Лоски, котораго покойный такъ разгромилъ въ литературной стычкѣ, теперь заявилъ, что онъ всегда любилъ его. Онъ называлъ его главою латинскаго краснорѣчія между современниками ⁴⁾. Если они причисляли его, какъ вполне достойнаго, къ вождямъ гуманизма, то и мы смѣло отведемъ ему это почетное мѣсто въ ряду первыхъ свѣтилъ его времени.

Флоренція, изгнавшая своего Данта, съ избыткомъ искупила свою вину. Со временъ Боккачіо и Салютато въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ она оставалась метрополіею новаго просвѣщенія, и необычайное множество представителей его были родомъ изъ Тосканы.

Примѣръ этихъ великихъ мужей, несомнѣнно, въ умѣ многихъ вызвалъ представленіе о золотомъ вѣкѣ римской литературы. Но принимая въ соображеніе ту энергію, съ которою тогда предавались новаго рода занятіямъ, мы находимъ, что успѣхи были посредственные, распространеніе знаній шло медленно. Въ ту эпоху потребовалось цѣлое столѣтіе на то, чего мы достигли въ вѣкиа нибудь десять лѣтъ. Средства къ образованію и передачѣ знаній были крайне скудны. Кто не могъ потратить большихъ денегъ на то, чтобы запастись книгами, или не имѣлъ случая доставать ихъ у щедраго обладателя, тотъ долженъ былъ, быть можетъ, довольствоваться однимъ Виргиліемъ и немногими сочиненіями Цицерона и могъ лишь мало по малу увеличивать свои сокровища путемъ переписки. Старья руководства по грамматикѣ и риторикѣ стали негодны къ употребленію, а новыхъ еще не было. Постоянно повторяемое чтеніе, заучиваніе наизусть и упражненія должны были замѣнять собою систематическое преподаваніе и, разумѣется, замѣняли его слабо. Вружокъ

¹⁾ Leon. Bruni epist. I, 10. X, 5. rec. Mehus.

²⁾ Epist. I. 12 rec. Mehus.

³⁾ Его письмо къ Николаю отъ 15 мая 1406 г. въ Poggii Epistt. ed. Tonnelli vol. I p. XIII, у Bandini Catai. codd. lat. T. III p. 647, отчасти также у Bandini Bibl. Leop.-Laurent. T. II p. 451, гдѣ впрочемъ письмо по ошибкѣ приписывается Бруни.

⁴⁾ Его письмо отъ 25 октября 1406 г. у scbio p. 151.

друзей, который собирали вокруг себя Петрарка, Боккаччо и Салютато, былъ самъ по себѣ весьма обширенъ, но ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми сотнями и тысячами людей, которые хотѣли учиться и на каждомъ шагу встрѣчали препятствія. Прежде чѣмъ книгопечатаніе дало могучее орудіе къ распространенію знаній, для этого требовались другія средства.

За людьми первой поры возрожденія знаній послѣдовало второе поколѣніе, поколѣніе странствующихъ наставниковъ. Подобнымъ же образомъ и основанію университетовъ предшествовало слово странствующихъ преподавателей и учениковъ. И какъ тогда, такъ и теперь преимущественно грамматики и риторы переходили изъ города въ городъ въ качествѣ частныхъ преподавателей ¹⁾. Классическое выраженіе *ludi litterarii* (школы) осталось въ ходу. Къ знаменитымъ наставникамъ собирались и старцы, и юноши, и люди знатные, и низкаго званія, и свои и чужеземцы, составляя самую пеструю, смѣсь. А такъ какъ наставники переходили съ мѣста на мѣсто, то часто и ученики путешествовали, чтобы въ одномъ мѣстѣ учиться хорошему слогу, въ другомъ объясненію писателя, въ третьемъ античной морали, а тамъ — греческой грамматикѣ. Разнообразіе въ преподаваніи, столкновенія и скитальческая жизнь преподавателей рождали новыя педагогическія силы и все болѣе и болѣе вызывали къ жизни многосторонніе интересы.

Первый странствующій учитель былъ ученикъ Петрарки. Въ 1364 г. другъ его Донато рекомендовалъ ему бѣднаго молодого человѣка, который обратилъ на себя его вниманіе въ венеціанской школѣ своими способностями въ качествѣ писца. Это былъ Джіованни Мальпагини, родомъ изъ Равенны ²⁾. Едва вышедши изъ

¹⁾ Cf. Wilh. Giesebrecht de literarum Sturiis apud Italos primis medii rev. Saeculis, 1845, p. 1519.

²⁾ Ученые приходятъ въ отчаяніе отъ хронологическихъ трудностей, нація представляетъ его біографію; нѣкоторые даже считали встрѣчающіеся въ ней противорѣчія неразрѣшимыми. Главная суть заключается въ двухъ годахъ, въ которыхъ собственно нельзя сомнѣваться. Салютато, знавшій своего друга, говоритъ въ письмѣ къ Карло Малатеста, что Джіованни оставался у Петрарки *ferme trillustri tempore*, а самъ Джіованни говоритъ въ посвященіи своей исторіи Каррары: *octo prope lustris atrū verba Sarrigerum... fui... egs juvenis et pauper aulam adii etc.* Тамъ возникаютъ непопулярные періоды времени, не оставляющія мѣста для другихъ родовъ дѣятельности Джіованни. Стараюсь пособить горю, Мегузъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ Салютато допустилъ возвращеніе Джіованни послѣ втораго удаленія изъ Петрарки, у котораго онъ и могъ оставаться до конца его жизни. Но въ источникахъ на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія, да и правдоподобіе не въ пользу этого предположенія. Ginnani Memorie degli Scrittori Ravennati T. I, p. 214—225 пришелъ къ мысли подыять извѣстія между двумя совре-

отроческаго возраста, онъ отличался не только хорошимъ почеркомъ, но и необыкновенною тщательностью, усердіемъ, понятливостью и любовью къ литературѣ, которою занимался его наставникъ. Онъ переписалъ, къ удовольствію Петрарки, сборникъ его дружескихъ писемъ, который слѣдовало привести въ порядокъ, такъ какъ они составляли беспорядочную массу копій и набросковъ и надъ ними раньше уже нѣсколько лѣтъ трудились четверо писцовъ. Онъ былъ для своего наставника не только пріятнымъ и дорогимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнымъ человѣкомъ. Чтобы вполне привязать его къ себѣ,

менными Джіованни-да-Равенна, изъ которыхъ одинъ имѣлъ фамилію Ферретти. Но его изложеніе лишено критики. Впрочемъ, съ нимъ согласны Tiraboschi T. V и Fracassetti Lettere di F. Petrarca v. V. p. 91—100. Напротивъ, Baldelli Petrarca p. 249—252 защищала единство личности и старалась разъяснить кажущіяся противорѣчія, впрочемъ, неудачно. Основательнѣе доказывала это Colle Storia dello studio di Padova vol. IV, p. 85-e seq., но не разрѣшила затрудненія, какъ самъ говоритъ. И онъ дѣлаетъ натяжки во времени, относитъ съ Вальделли письмо Петрарки къ Боккаччо отъ 1365 г. (epist. reg. fam. XXIII, 19) къ 1361 г. и допуская съ Мерусомъ возвращеніе молодого Джіованни къ Петраркѣ и все-таки едва выгадываетъ только 13 лѣтъ. 40 лѣтъ при каррарскомъ дворѣ можно допустить потому, что юнаго писца заставляють поступить туда черезъ Петрарку, при чемъ нужно имѣть въ виду и перерывы. Нельзя допустить двухъ Джіованни-де-Равенна, которые оба были магистры и писатели, уже потому, что современное и слѣдующее поколѣніе говоритъ постоянно только объ известномъ Джіованни-да-Равенна, или Johannes grammaticus. Но всѣ трудности исчезнуть, если поставить вопросъ, что понимали подъ словомъ lustrum сами Салютато и Джіованни. Безъ сомнѣнія, не древне-римскій цинзъ, а по средневѣковому—годъ, и въ доказательство этого Du Cange Glossat. med. et inf. lat. s. v. Lustrum приводитъ нѣсколько примѣровъ. Поэтому слова Салютато ferme trilustri tempore значать тоже, что самъ Петрарка epist. reg. senil. XI, 8 говорить: triennio et amplius mecum fuit. Небольшую разницу можно объяснить, если Петрарка считалъ и два мѣсяца перваго удаленія Джіованни, а самъ онъ не считалъ. Восемь лѣтъ при каррарскомъ дворѣ сами собою омажутся изъ дальнѣйшаго. Но не слѣдуетъ забывать того, что Salutatus ep. 18 ed. Mehus p. 81 умѣетъ считать lustrum и по древне-римски. Такимъ образомъ все выходитъ просто въ исторіи жизни Джіованни. Остается только объяснить разницу въ официальныхъ упоминаніяхъ имени его отца. Въ нотаріальныхъ актахъ падуанской общины у Colle l. c. p. 96 нашъ профессоръ въ 1382 г. именуется filius ser. mag. Convertini physici de Tregnano, у Facciolatus gymnas. Patav. Synt. XII p. 167 онъ называется такъ: q. (quondam) mag. Convertini (1399). Mehus (у Colle l. c. p. 99) прочелъ въ одномъ документѣ имя отца Iacopo, а какъ профессоръ во Флоренціи, Джіованни въ разныхъ документахъ будто бы называется Conversanus (Conversani sc. filius?) У насъ есть только адреса двухъ писемъ Салютато къ нему, epist 14 и 18 ed. Mehus: Johanni de Ravenna Conversano et Joanni Malpaghiano de Ravenna. Это—одно лицо, что вывелъ Mehus Praef. p. XI ex multarum epistolarum lectione, quae ad eos exaratae sunt. Напротивъ, есть официальное флорентинское постановленіе 10-го іюня 1412 г. (у Lalvini Fasti p. XV и у Gaye Carteggio I p. 544, гдѣ онъ названъ Johannes de Malpagninis. Насколько можно судить, слѣдуетъ принять Convertinus и Conversanus за народное имя его отца, а Tregnano за мѣсто его пребыванія въ 1382 г., при чемъ его могли прозвать Iacopo. Фамилія его несомнѣнно Malpaghini. Фамилія Ферретти впервые дана въ XVI в. и совершенно произвольно падуанскому канцлеру епископомъ Джіанниетро Ферретти.

Петрарка просилъ своего друга, архіепископа равеннскаго, принять его въ духовное званіе и имѣлъ въ виду доставить ему бенефицію. Это въ то же время было облегченіемъ и для самого поэта, такъ какъ ему до сихъ поръ приходилось снабжать бѣднаго юношу платьемъ и вообще всѣмъ необходимымъ. Съ своей эгоистической точки зрѣнія онъ былъ убѣжденъ, что юноша не можетъ вести жизни болѣе счастливой и славной, чѣмъ когда онъ возмужаетъ такимъ образомъ въ храмѣ мудрости, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ свѣтилами мудрости, въ услуженіи у него, какъ человѣкъ преданный, и останется до самой смерти. Джіованни, конечно, признавалъ то умственное вліяніе, подъ которымъ находился, но въ его тѣлѣ жилъ тревожный духъ, не дававшій ему покоя. Ему наскучило быть простымъ переписчикомъ, только спутникомъ, вращающимся вокругъ свѣтила учености. У него заставалась кровь оттого, что онъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ долженъ былъ жить одною жизнью съ безмятежнымъ старцемъ. Юноша обратилъ свои взоры на Неаполь, на Византію, мечталъ о греческомъ языкѣ, хотѣлъ бы отправиться въ Авиньонъ, видѣть Римъ. Однимъ словомъ онъ желалъ самъ завоевать себѣ счастье и славу. Однажды — это было 21 апрѣля 1366 г. — молодой человѣкъ объявилъ своему наставнику, что не можетъ и не хочетъ больше оставаться у него. А когда тотъ сталъ спрашивать о причинѣ, то онъ со слезами благодарности на глазахъ сознался, что другой причины никакой нѣтъ, кромѣ той, что не можетъ больше переписывать. Онъ не желаетъ больше быть писцомъ ни у кого. Петраркѣ эта причина показалась невѣроятною; онъ подозрѣвалъ, что молодой человѣкъ, который такъ много работалъ у него почти безъ вознагражденія, рассчитываетъ получить болѣе выгодную службу въ другомъ мѣстѣ. Такъ какъ Джіованни намѣревался отправиться въ Неаполь, то наставникъ шутилъ надъ новымъ равеннскимъ Virgiliemъ. Но послѣдній сознался въ своемъ страстномъ желаніи изучать греческій языкъ и литературу. Поэтому Петрарка, тоже когда-то питавшій эту страсть, сказалъ, что онъ еще плохо знаетъ и латинскій языкъ. Но Джіованни, посѣвъ недолгихъ колебаній, дѣйствительно рѣшился уйти. Наставникъ видѣлъ въ немъ просто непостояннаго молодого человѣка, безпокойнаго бродягу, однако снабдилъ его рекомендательными письмами и далъ немного денегъ на дорогу. Конечно, Петрарка обрадовался, когда безденежье, опасеніи и горе заставили молодого равеннца со стыдомъ вернуться въ домъ своего господина уже въ рубищѣ. Онъ дошелъ, и то голодая, только до Пизы.

Но примиреніе между этими людьми длилось не долго, лишь до тѣхъ поръ, пока не изгладились ужасныя впечатлѣнія перваго странство-

ванія. Черезъ годъ Джіованни уже нельзя было удержать. Онъ хотѣлъ отправиться прямо въ Константинополь, а такъ какъ Петрарка сообщалъ ему, что тамъ не особенно можно запастись ученостью, то—по крайней мѣрѣ въ Калабрію. Онъ желалъ посѣщать тамъ такихъ людей, какъ Барлаамъ и Пилато. Наставникъ не рѣшался уже оуждать его намѣреніе видѣть Римъ и учиться по гречески, хотя юноша все-таки казался ему безразсуднымъ искателемъ приключеній. Снабженный болѣе обильными средствами и рекомендабельными письмами въ Римъ и Неаполь, Джіованни отправился, готовясь вести жизнь, полную превратностей, лишеній и разочарованій ¹⁾. Это типическій представитель поколѣнія бурныхъ стремленій, какія всегда возникаютъ, когда гениальные люди открываютъ новыя области науки или искусства. Такіе представители исполнены безпредѣльнаго рвенія къ образованію и отважно стремятся къ высшимъ цѣлямъ, но стремленія ихъ неясны и отличаются юношески преувеличенными понятіемъ о своихъ силахъ.

Проходитъ почти десять лѣтъ, въ которые мы теряемъ изъ виду странствующаго ученика Петрарки. Мы слышимъ только, что судьба безпощадно бросаетъ его изъ одного мѣста въ другое, что онъ однажды нашелъ было должность у одного знатнаго человѣка, вѣроятно мѣсто секретаря, но потомъ ушелъ отъ него и то и дѣло мѣнялъ родъ дѣятельности, недовольный свѣтомъ и людьми. Онъ видѣлъ Римъ, приобрѣлъ и степень магистра, но не выучился греческому языку ²⁾. Онъ поддерживалъ переписку съ Петраркою и постоянно получалъ отъ него совѣты избрать постоянный родъ жизни и научиться примѣняться къ людямъ ³⁾. Въ 1375 г. Джіованни является учителемъ латинскаго языка въ Беллуно, но спустя четыре года, разу-

¹⁾ Первое упоминаніе о Джіованни встрѣчается у Петрарки *epist. rer. famil.* XIII, 19 къ Болкаціо, если Фракассетти вѣрно относятъ его къ 28 окт. 1365 г. Но въ такомъ случаѣ Джіованни явился къ Петраркѣ iam ante biennium. Поэтому я предпочитаю 1366 г., время слѣдовавшее за возвращеніемъ Джіованни. Оба письма у Донато *epist. rer. senil* V, 5, 6—32 апр. и 11 июля могутъ относиться только къ 11 июля 1366 г., потому что рекомендабельныя письма относятся къ 1367 г. Въ первомъ Петрарка рекомендуетъ молодого Джіованни своему другу Франческо Бруни, панскому секретарю, такъ какъ молодой человѣкъ хотѣлъ видѣть Римъ. А двора Урбана V до 1367 г. не было въ Римѣ. Въ другомъ письмѣ къ Уго ди С. Северино Петрарка говоритъ, что онъ цѣлый годъ всячески старался охладить страсть Джіованни къ святаню: онъ однажды уже уходилъ.

²⁾ *Petrarca epist. rer. Senil.* XV, 12 въ изданіяхъ *Vogo cuidam* или *Ad inconstantissimum vagumque hominem*, конечно отъ 1373, давно уже отнесено къ Джіованни.

³⁾ *Magister Johannes de Ravenna licentiam habuit a comuni eo quod esset nimium volens et in multo majoribus quam professor grammaticae, et non bene aptus ad descendum pueros uasanie* въ Беллуноскомъ архивѣ у *Colle l. c. p.* 95.

жѣтся, по истеченіи договора, ему и здѣсь отказываютъ, потому что онъ питаетъ слишкомъ высокіе замыслы и не годится для обученія мальчиковъ. Безъ сомнѣнія, и его собственный взглядъ былъ таковъ, что его призваніе гораздо выше; таково же было и мнѣніе его друзей. У насъ есть письмо къ нему, быть можетъ, относящееся къ этому времени. Пишущій сожалѣетъ о немъ, какъ нѣкогда Петрарка о Заноби во Флоренціи, что онъ тратитъ свои блестящія способности на жалкое учительство ¹⁾. Это-то и привело Джіованни опять въ Падую, но опять таки промежуточными пунктами, гдѣ ему открылся болѣе обширный кругъ дѣятельности въ университетѣ ²⁾. Здѣсь онъ преподавалъ реторику и краснорѣчіе, читалъ лекціи о древнихъ поэтахъ и Цицеронѣ. Сикко Полентоне, слушавшій эти лекціи, хвалитъ его, какъ наставника, пробуждавшаго умственные силы своихъ учениковъ, ведшаго къ добродѣтели примѣрами древнихъ и картиною своей собственной превратной жизни ³⁾. Такъ превосходный ученикъ отзывался о своемъ учителѣ. Витторино да Фальтре тоже можно назвать слушателемъ равеннца. Но Джіованни не получалъ въ Падуѣ опредѣленнаго жалованья, а вознагражденіемъ съ бѣдныхъ учениковъ не могъ жить. Поэтому въ 1388 г. онъ принялъ приглашеніе содержать латинскую школу въ Удино. Но число учениковъ и плата были и здѣсь ничтожны, хотя община назначила ему 84 дуката, «принимая во вниманіе его полезную дѣятельность и глубокія свѣдѣнія въ наукахъ ⁴⁾». Вскорѣ мы опять теряемъ его изъ виду; конечно онъ снова ведетъ скитальческую жизнь ⁵⁾. Потомъ Джіованни опять является въ Падуѣ, но уже не университетскимъ преподавателемъ, а при дворѣ Франческо II Каррарскаго, сначала во второстепенныхъ должностяхъ, а потомъ его канцлеромъ. Въ этому времени отно-

¹⁾ *Johanni de Ravenna viro excellentis ingenii* въ Cod. ms. 1269 Лейпц. Универс. библ. fol. 107. Я намѣренъ далѣе сообщить больше подробностей изъ этой рукописи.

²⁾ Въ нотаріальныхъ актахъ общины .2 марта 1382 г. онъ является *artis rhetoricae professor*; онъ выбираетъ прокуратора для продажи своего имущества въ Беллуно Colle p. 96. Съ 1369 г. онъ могъ быть и въ Падуѣ, но этого нельзя доказать.

³⁾ Въ 7 книгѣ своего рукописнаго сочиненія *de illustribus latinae linguae Scriptoribus* у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 349 и у *Rozmini Vittorino de Fette* p. 52.

⁴⁾ По документамъ, найденнымъ Тирабоски въ Удинскомъ архивѣ. Изъ нихъ видно, что Джіованни пробылъ здѣсь до 1391 г.

⁵⁾ Такъ какъ въ числѣ его сочиненій упоминается *Исторія Рагузы*, то слѣдуетъ предположить, что онъ и тамъ пробылъ нѣсколько времени. Извѣстіе объ его венеціанской школѣ, гдѣ Гаспарино да Варзицца будто бы былъ его ученикомъ, вѣроятно есть плодъ новаго нибудь недоразумѣнія. Напротивъ Франческо Бардаро называетъ его своимъ учителемъ въ надписи на книгѣ у *Agostini T. II.* p. 29. Но это могло быть только во Флоренціи, такъ какъ Барбаро родился около 1398 г.

сится цѣлый рядъ его сочиненій, которыя должны были выставить его въ благопріятномъ свѣтѣ передъ владѣтельнымиъ лицомъ, сочувствовавшимъ литературѣ. Таковы: «Трактатъ о поступленіи на службу при дворѣ», «О счастья при дворѣ», Исторія каррарскаго дома и эпизодъ изъ исторіи Падуи. Но счастье давно уже не улыбалось каррарскому дому и было сильно потрясено бурями венеціанской войны. Въ 1405 г. и Падуя, и владѣтель ея подпали подъ власть республики ¹⁾).

Скитальческая жизнь, которую велъ Джіованни по удаленіи изъ дома Петрарки, теперь кончилась. Судьба доставила ему мѣсто, единственное, которымъ онъ въ то время могъ быть доволенъ. Въ 1397 г., безъ сомнѣнія; благодаря вліянію Салютато, его пригласили читать лекціи въ флорентинскомъ университетѣ ²⁾). Но, повидимому, Джіованни тогда не принялъ предложенія, потому что ему не обѣщали опредѣленнаго жалованья, и лишь около 1404 г. переселился во Флоренцію. Тутъ наконецъ нашелъ онъ тотъ родъ дѣятельности, кружокъ людей и удовольствія въ жизни, для которыхъ былъ созданъ. Опъ читалъ нѣсколько лѣтъ лекціи по риторикѣ и краснорѣчію съ возрастающимъ успѣхомъ, объяснялъ древнихъ римскихъ писателей, а иногда и поэму Данте, за что городъ назначилъ ему по 8 гульденовъ въ мѣсяцъ жалованья ³⁾). Салютато былъ и остался его лучшимъ другомъ и покровителемъ, и Джіованни помогалъ ему защищать поэзію и древнихъ поэтовъ противъ ихъ ожесточенныхъ враговъ ⁴⁾). «Какъ бы по милости Божіей», говорилъ обыкновенно одинъ изъ его учениковъ, Ліонардо Бруни, онъ умѣлъ воодушевить своихъ учениковъ къ занятію науками. Изъ его школы вышелъ рядъ превосходныхъ людей, которые тоже съ своей стороны въ школахъ или своими занятіями распространили по свѣту новое образованіе. Изъ флорентинской знати вышли: Палла Строцци, Джіакомо д'Анджело да Скарпарія, Роберто де'Росси, три человекъ, впоследствии бывшіе

¹⁾ Канцлеромъ числится онъ по актамъ съ 18 февр. 1398 и 17 марта 1399 г. у Facciolatus l. c. Если онъ былъ восемь лѣтъ при Каррарскомъ дворѣ, то это приходится въ промежутокъ отъ 1391 до 1404. Таковы его слова *invenis et pauper aulam adi, imo ultro vocatus fui*. Но такіе понятія, какъ *puer* и *invenis*, въ то время были очень широкі. Что Каррарскій канцлеръ одно лицо съ учителемъ, подъ руководствомъ котораго ученикъ дѣлалъ извлеченіе изъ Валерія Максима, доказываетъ надпись на книгѣ у Agostino T. II. p. 29.

²⁾ Mehus Vita Ambros. Travers p. 348.

³⁾ Постановленіе 10 іюня 1412 г.

⁴⁾ Тамъ въ 1406 г. противъ Джіованни де Санъ Миниато, чемъ Салютато упоминаетъ въ своемъ письмѣ противъ него p. 194: *lasciati alle riprensioni del mio nobile homo Giovanni der Ravenna*.

канцлерами республики: Лионардо Бруни, Барло Марсуппини и По-яччо Бракчеллини, даѣе такіе люди, какъ Пьеръ Паоло Верджеріо, Онъибене да Виченца, Франческо Барбаро, Амброджіо Траверсари. Два знаменитѣйшихъ *ludimagistri* (учителя) слѣдующей эпохи, Витторино да Фельтре и Гварино да Верона, были его учениками ¹⁾. Конечно, это младшее поколѣніе, которое онъ воодушевлялъ и руководилъ, вскорѣ превзошло своего наставника и затмило его славу еще при его жизни. Полагають, что Джіованни умеръ около 1420 г. Повидимо-му, его неуживчивый, недовѣрчивый и раздражительный характеръ отдалилъ его отъ прежнихъ друзей. Онъ жаловался на судьбу, считалъ себя оклеветаннымъ и гонимымъ, на послѣдокъ оставилъ Флоренцію и удалился въ уединеніе. Тутъ онъ и сошелъ съ исторической сцены, и понятно, что современники больше почти не упоминають о немъ ²⁾.

Этому, конечно не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что какъ писатель, Джіованни не имѣлъ значенія. Онъ былъ человекъ, обладавшій изумительною памятью, чѣмъ удивилъ нѣкогда Петрарку: онъ выучилъ двѣнадцать эклогъ его наизусть въ одинадцать дней. Онъ умѣлъ вдохновлять другихъ собственнымъ одушевленіемъ и былъ рожденъ наставникомъ для воспримчивыхъ учениковъ. Но тѣ немногія сочиненія Джіованни, какія у насъ есть, написаны неумѣло и невразумительно. Этимъ и объясняется ихъ малое распростра-неніе, и Бюдо черезъ тридцать лѣтъ имѣлъ полное право сказать, что вообще, насколько онъ знаетъ, Джіованни ничего не напи-салъ ³⁾. О такихъ замѣчательныхъ людяхъ легко забываютъ, не смотря на ихъ заслуги потому что дѣятельность преподавателя, даже самаго полезнаго, не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Но современники дали ему почетное прозвище и на долго упрочили память о немъ въ потомствѣ: его называли; *Iohannes Grammaticus*, школьный учитель.

Черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ него на то же поприще высту-пилъ Гаспарино да Варзицца. Фамилію онъ заимствовалъ отъ той

1) *Blondus Italia illustr.* p. 346, 347., гдѣ еще названы не всѣ ученики. Самъ Бруни, на котораго ссылается *Blondus*, упоминаетъ о Джіованни только въ *epist.* X. 19 *ed. Mehus*. Онъ одинъ считаетъ Гварино ученикомъ Джіованни.

2) *Salutati epist.* 14. 18. *ad. Mehus*. Въ послѣднемъ приводится характеристиче-ское мѣсто изъ письма Мальпигіани.

3) Джіованни собственно написалъ не мало, и упоминаются историческія сочиненія и трактаты съ странными заглавіями, но стиховъ не писалъ. *Ginnani* перечисляетъ его сочиненія по ватиканскому списку, а *Col* ep. 225 по оксфордскому, другіе по парижскому. Нѣкоторыя сочиненія Ферретти приписалъ (*Ginnani* p. 224) его соименнику. Напеча-таны только вступленіе въ латинской новеллѣ *Elysiae historia* и историческое повѣ-ствованіе въ разговорѣ *Historia lugj et Conselicis*; въ *Quirini Cardinalis Epistolae ed. Coletti. Venet. 1756, p. 568.*

мѣстности, гдѣ родился: Такъ какъ она находилась въ бергамской области, то и самаго ученаго перѣдко называли Бергомась. Его умственные силы пробуждены были сочиненіями Цицерона, который навсегда остался главнымъ предметомъ его ученыхъ занятій. Последнія были направлены на грамматику, реторику и стилистику. Однако Варзицца долго оставался въ неизвѣстности, именно до тѣхъ поръ, пока не открылъ школу въ родномъ Бергамо. Это могла быть только латинская школа для мальчиковъ, какія мы встрѣчаемъ еще во времена Петрарки въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ. Но учительство не могло долго удовлетворить его умственныхъ потребностей. Однако онъ не такъ легко рѣшился странствовать, какъ Джіованни, который, сколько мы знаемъ, остался холостякомъ, конечно, вслѣдствіе посвященія въ духовный санъ; этимъ Петрарка хотѣлъ устроить для него спокойную и обезпеченную жизнь. Варзицца вскорѣ обзавелся большою семьею и долженъ былъ переселиться со своимъ хозяйствомъ изъ города въ городъ. Въ началѣ XV в. онъ искалъ счастья въ Миланѣ, но не нашелъ тамъ мѣста. Тогда онъ поселился на нѣкоторое время въ Павію, потомъ въ Венецію, тоже на короткое время. Казалось, счастье улыбнулось ему, когда онъ въ 1407 г. былъ выбранъ профессоромъ въ Падуѣ съ жалованьемъ во 120 дукатовъ, хотя это было такое положеніе, котораго бы не вынесъ здѣсь Джіованни. Такимъ образомъ для него въ первый разъ представился случай примѣнить свои знанія къ дѣлу. Онъ читалъ лекціи по реторикѣ, объяснялъ древнихъ писателей, преподавалъ также нравственную философію, которая здѣсь, быть можетъ, въ первый разъ преподавалась гуманистомъ по новой методѣ. Но когда онъ въ 1410 г. принялъ къ себѣ восьмерыхъ дѣтей оставшихся въ крайней бѣдности послѣ смерти его брата, то увидѣлъ, что не можетъ оставаться въ Падуѣ, гдѣ жизнь была дорога. Въ 1411 г. онъ отправился въ Феррару, но вскорѣ опять воротился въ Падую, чтобы снова удалиться и попытать счастья въ Венеціи ¹⁾. Мы знаемъ, что такіе даровитые люди, какъ Франческо Барбаро и Антоніо Беккаделли, были въ числѣ его учениковъ ²⁾. Не смотря на это дѣла его шли здѣсь такъ плохо, что онъ принужденъ былъ продать съ аукціона книги, чтобъ чѣмъ нибудь жить. Въ 1412 г. Варзицца снова вернулся въ Падую, гдѣ держалъ у себя учениковъ, подобно всякому бѣдному учителю.

1) *Blondus italia illustr.* p. 346: *Venetis meliori solifo doctrina nonnullos eradirit, plurimos ad ea imifanda studia incifavif.*

2) *Barbarus epist.* 118.

Въ такомъ положеніи застало его въ 1412 г. предложеніе миланскаго герцога, Филиппа Маріи. Онъ приглашалъ его переселиться въ этотъ городъ и основать тамъ школу. Варзицца долженъ былъ согласиться уже потому, что былъ миланскимъ подданнымъ, и мы встрѣтимъ его въ кружкѣ великихъ ученыхъ при дворѣ Висконти ¹⁾. Такимъ образомъ и онъ нашелъ мирное пристанище послѣ долголѣтнихъ скитаній, бѣдности, горя и разныхъ тревоженій.

Литературная дѣятельность его, которой мы будемъ часто касаться, тѣмъ почтеннѣе, что онъ былъ въ жалкомъ положеніи, отравившемъ лучшіе годы его жизни. Но мы должны сейчасъ же упомянуть объ одной его великой заслугѣ. Онъ первый пустилъ въ ходъ манеру Цицерона, особенно въ сочиненіи писемъ. Гаспарини училъ этому по совершенно новой методѣ. Письмо должно было имѣть значеніе не въ силу глубинѣ мыслей, какъ у Петрарки, и не въ силу риторической напыщенности, какъ у Салютато. Его слѣдовало сочинять какъ бы съ геніальной небрежностью, писать такъ, какъ мы ведемъ оживленную бесѣду. Но самого Гаспарини упрекали въ томъ, что его слогъ былъ, правда, красивъ, но лишенъ силы и не производилъ глубокаго впечатлѣнія.

Съ Варзиццею мы вступаемъ въ новую сферу, которая уже стоитъ внѣ прямиго воздѣйствія Петрарки и, освободившись отъ его авторитета, ищетъ иныхъ путей; дерево уже высоко поднялось надъ корнями и начинаетъ раскидывать свои вѣтви въ разныя стороны. Въ особенности плодотворна была та мысль, что слѣдуетъ проникнуть въ эпоху, предшествующую римской литературѣ, ознакомиться съ тою литературою, которая послужила первой образцомъ, съ греческимъ языкомъ и его сокровищами, которыя еще сохранялись въ византійской имперіи. Петрарка и Боккаччо только указали на нихъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ читать греческихъ писателей. Петрарка полагалъ, что гелленская литература вымерла въ Константинополѣ, и указывалъ своему равеннскому ученику на Калабрію, потому что оттуда къ нему явились Барлаамъ и Пилато. Но это было заносчивое невѣжество. Теперь молодые люди, полные жажды знаній, рѣшились отправляться въ Византію, къ которой Петрарка относился съ равнодушіемъ; а равеннскій учитель не могъ попасть туда по бѣдности. Изъ Византійской имперіи, уже обреченной на гибель,

¹⁾ Биографія его, принадлежащая Фуриетти, передъ его изданіемъ Gasp. Barzizii Opera, большею частью составлено по его письмамъ. Mazzuchelli Scrittori d'Italia Vol. II P. I p. 498 seg.

мало по малу являлись на Западъ люди съ литературными талантами и истиннымъ знаніемъ. Здѣсь они приняли участіе въ новомъ умственномъ движеніи, учили другихъ и сами учились.

Первымъ изъ этихъ наставниковъ, чловѣкъ стоявшій по уму и энергіи несравненно выше Барлаама и Пилато, былъ византіецъ Э м м а н у и л ѣ Х р и з о л о р ь ¹⁾. Онъ и въ своемъ отечествѣ считался замѣчательнымъ преподавателемъ риторомъ и философомъ. Увлеченный его славою, молодой Г в а р и н о отправился въ Константинополь и не только слушалъ его въ качествѣ ученика, но и былъ принятъ въ его домъ въ качествѣ слуги (*famulus*). Подъ его руководствомъ онъ быстро усвоилъ себѣ греческій языкъ и нашелъ доступъ къ его литературнымъ сочиненіямъ. Отзывы Гварино, конечно, проникнутые тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ наставнику, какое онъ хранилъ до самой старости, ознакомили и Западъ съ именемъ Хризолора и съ жювою о его почтенной дѣятельности. Въ это время во Флоренціи узнали, что онъ прибылъ въ Венецію вмѣстѣ съ престарѣлымъ Дмитріемъ Би-

¹⁾ Не легко установить хронологическія данныя его жизни, такъ какъ свѣдѣнія о ней дошли до насъ лишь въ отдѣльных замѣткахъ. *Oratio funebris* Андрея Джулиано (у Lenfant Poggiana T. II p. 327, у Boerner de doctis hom. graecis p. 25 и у Nodius de Graecis illustr. p. 32) есть просто похвальное слово безъ обычнаго очерка жизни. Гварино вызывалъ желающихъ написать біографію, но это не состоялось. Біографія Понтия Вирунія при его изданіи Грамматики 1509 г. неудобна для пользованія. Giorgi Osservazioni intorno a Em. Crisolora сообщилъ новыя драгоценныя документы, въ томъ числѣ и рѣчь Джулиано, но не далъ яснаго біографическаго очерка. Hody, Boerner и Jacobs въ *Allg. Encyclopaedie der Wis. und Künste Th. XXI*. Дополненія v. Chryzoloras располагала весьма скуднымъ матеріаломъ. Уже время его перваго появленія въ Италіи указываютъ различно. Большою частію, слѣдуя Cosmini Vita di Guarino Vol. I p. 6, утверждаютъ, что онъ былъ посланъ въ Италію императоромъ Эммануиломъ Палеологомъ—просить у католическихъ державъ помощи для имперіи, которой угрожали Турки. Но я нигдѣ не нашелъ доказательствъ по это, даже можно рѣшительно спорить и противъ того, чтобы онъ уже въ то время преподавалъ. Его *συγκριτικὴ παλαιῆς καὶ νέας Ρώμης* (сравненіе древняго Рима съ новымъ), напечатанное у Codinus *Excerpta de antiquit. Constant. ed opera P. Lambecii, Paris. 1655*, p. 107 seq. и въ *Byzanti. historiae Scripta. ed. Venata T. XVIII*. p. 81 seq., написанное въ Римѣ, но безъ помѣтки года, послано въ видѣ отчета императору Иоанну. Но нельзя съ достовѣрностью рѣшить, Иоанну ли V, который умеръ въ 1391 г., или Иоанну VI, царствовавшему между 1399 и 1402. И рукопись въ Laurentiana у Bandini *Catal. codd. graec. Bibl. Medic. Laurent. T. I* p. 139 не объясняетъ этого. Только въ первомъ случаѣ можно предполагать прежнее посольство. Но нѣтъ нужды допускать этого. Хризолоръ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи, что онъ за два года передъ тѣмъ былъ въ Лондонѣ. Объ этомъ сообщаетъ *Speculum parvulorum ms. у Nodius de Graecis illustr. p. 14*, какъ византійскій императоръ 13 декабря 1401 г. *cum nonnullis viris peritis de natione Graeciae* прибылъ изъ Дура въ Конторбера. Конечно, въ числѣ ихъ былъ и Хризолоръ. Въ такомъ случаѣ *συγκριτικὴ* относится къ концу 1403 г., что не соответствуетъ правленію Иоанна V.

доніемъ, который тоже считался первостепеннымъ ученымъ. Въ Венеціи они должны были заняться политическими дѣлами по порученію императора. Византіи приходилось искать помощи противъ Турокъ. Конечно, всюду отнеслись къ этому вопросу равнодушно, но образованность грековъ вызвала общее сочувствіе. Два знатные Флорентинца, Джіакомо д'Анджело де Скарпаріа и Роберто де Росси, тотчасъ поспѣшили въ Венецію, желая познакомиться съ учеными греками и воспользоваться ихъ преподаваніемъ. Потомъ Джіакомо отправился въ Константинополь вместе съ послами, возвращавшимися въ отечество, учиться у Кидоніа. А Росси возвратился во Флоренцію, усвоивши себѣ въ Венеціи у Хризолора начатки греческаго языка и, разумеется, переговоривши съ нимъ предварительно. Онъ горячо превозносилъ своего наставника и вызвалъ въ лучшихъ гражданахъ отечественнаго города сильное желаніе — приобрести его для Флоренціи и ея университета. Всѣхъ усерднѣе хлопоталъ объ этомъ Салютато: хотя ему уже было 65 лѣтъ отъ роду, однако онъ снова чувствовалъ въ себѣ юношескую свѣжесть силъ при мысли о томъ, что греческій языкъ и мудрость водворятся во Флоренцію, что и онъ можетъ ознакомиться съ ними. Онъ вспоминалъ о Катонѣ, который выучился по гречески тоже въ преклонныхъ лѣтахъ. Ему казалась забавною мысль, что онъ будетъ постоянно задавать вопросы наставнику, а другіе ученики при этомъ будутъ смѣяться, слыша, какъ старый канцлеръ силится произносить греческіе слоги. Салютато совѣтовалъ Джіакомо да Скарпаріа возвращаться на родину не иначе какъ съ запасомъ греческихъ книгъ. Пусть онъ купитъ всѣхъ историковъ, а особенно Плутарха, всѣхъ поэтовъ, но непременно Гомера, писаннаго четко на пергаментѣ, да не забудетъ записать и словари 1).

Салютато, при помощи друзей, Палла Строцци и Николо Никколи, достигъ того, что Хризолоръ былъ приглашенъ во флорентинскій университетъ. Въ каждой строчкѣ официального письма тоже видна мысль канцлера. Онъ только что похоронилъ жену, но при мысли о томъ, что флорентинское юношество слѣдуетъ приобщать къ источникамъ греческой и латинской образованности, забылъ горе и приходилъ въ восторгъ. Онъ съ жаромъ и энергіею убѣждалъ Хризолора, и отъ своего имени, пріѣхать какъ можно скорѣе, увѣрялъ въ своей дружбѣ

1) Первое письмо Салютато къ Кидонію у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 366—отъ 20 февр., конечно, 1395 г.; въ немъ Салютато упоминаетъ, что завтра ему исполнится 65 лѣтъ. Слѣдовательно, въ то время оба посла были въ Венеціи, откуда они, насколько мы знаемъ, возвратились прямо въ Константинополь.

и обѣщаль почетное положеніе. Онъ просилъ Кидоніа и Флорентинца Джакомо поторопить его. Хризолора приглашали на десять лѣтъ съ жалованьемъ по 100 гульденовъ въ годъ. За это онъ долженъ былъ каждому, кто пожелаетъ учиться греческому языку, учить грамматикѣ, и могъ сверхъ того получать вознагражденіе. Стало быть, республика хотѣла сдѣлать греческій языкъ доступнымъ и для бѣдныхъ учащихся ¹⁾.

Еще въ концѣ 1396 г. Хризолоръ пріѣхалъ во Флоренцію, а въ началѣ слѣдующаго года принялся за преподаваніе. Онъ самъ поздно усвоилъ себѣ латинскій языкъ и большею частію по книгамъ. Однако онъ былъ въ немъ сильнѣе того, чтобы только преподавать; онъ ознакомился и съ новымъ краснорѣчіемъ, хотя, повидимому, никогда не писалъ латинскихъ писемъ ²⁾. Сначала наплывъ его учениковъ во Флоренцію былъ весьма значителенъ. Въ числѣ ихъ были и пожилые люди съ вѣсомъ, и молодые, вскорѣ ставшіе знаменитостями. Конечно, старый канцлеръ уже не вступалъ въ борьбу съ греческой азбукою. Но Джакомо да Скарпарія и Роберто де'Росси продолжали на родинѣ свои ученые занятія; первый началъ переводить на латинскій языкъ космографію Птолемея ³⁾, а второй сочиненія Аристотеля. Изъ флорентинской знати къ нимъ присоединился Палла де Стропци, который собралъ вмѣстѣ съ своими друзьями значительную сумму денегъ, чтобы облегчать дѣло приглашенія ученаго грека во Флоренцію. Онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка ⁴⁾. Николо Никколи часто посѣщалъ лекціи Хризолора, но онъ не приобрѣлъ глубокихъ свѣдѣній въ греческомъ языкѣ. Изъ молодыхъ людей всѣхъ ревностнѣе къ занятіямъ и способнѣе были Ліонардо Бруни, Джіанозцо Манетти, Карло Марсуппини, а также и Амброджіо Траверсари ⁵⁾. Бруни уже четыре года изучалъ гражданское право, но и

1) Пригласительное посланіе республики отъ 28 марта 1396 г. у Giorgi l. c. p. 250, напечатано у Оппена въ *Verhandl. der XXIII. Philologen versammlung* s. 72. См. также письмо Салютато къ Хризолору отъ 8 марта, дня, въ который было сдѣлано постановленіе, къ Кидонію и Джакомо у Mehus l. c. и у Bandini *Catal. codd. T. III* p. 571.

2) *Andreae Juliani Oratio funebris*.

3) Это сочиненіе было не задолго передъ тѣмъ получено изъ Константинополя съ Италіи для Палла Стропци. Таблицы рисовалъ флорентинецъ Франческо ди Лапачина; онъ же нанесъ и греческія и латинскія названія, какъ они потомъ передавались въ копіяхъ и печатныхъ изданіяхъ. За это Веспасіано посвятилъ ему краткую біографію. См. *Vespasiano Alessandria de' Bardi l. c.*

4) *Vespasiano Nic. Nicoli § 7* и *Vita dell Alessandria de' Bardi. l. c.*

5) Мы не знаемъ, гдѣ иначе Траверсари могъ научиться греческому языку. Его *epist VI. 4, 5* указываютъ на Хризолора. Веспасіано называетъ также его *Fratre Ambrogio § 1* и

новые приемы стилистики и риторика давно увлекали его. Съ приѣздомъ византійскаго ученаго онъ очутился какъ бы на распутьи. Онъ говорилъ самъ себѣ: «ты вѣдь можешь научить Гомера, Платона, Демосое-на и вообще всѣхъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, о которыхъ рассказываютъ столь много чудесъ. Упустишь ли теперь этотъ случай? Уже 700 лѣтъ никто не зналъ въ Италиі по гречески, хотя мы сознаемъ, что всѣ науки получили начало у грековъ. Докторовъ гражданскаго права у насъ довольно, и этому ты всегда успѣшь научиться. Но здѣсь теперь преподаватель греческаго языка, единственный!» Окончательное рѣшеніе было принято. Два года Бруни слушалъ лекціи ученаго грека; чему онъ учился днемъ, говоритъ онъ, то ночью во время сна все еще вертѣлось у него въ головѣ ¹⁾. Хризолоръ больше всего имѣлъ право гордиться имъ изъ своихъ флорентинскихъ учениковъ. Однимъ изъ послѣднихъ, явившихся во Флоренцію учиться по гречески, былъ Пьеръ Паоло Верджеріо, который еще въ Падуѣ былъ превосходнымъ учителемъ. По его словамъ, не проходило дня, чтобы онъ не читалъ по гречески. Правда, онъ очень рано лишился наставника, такъ что не могъ совсѣмъ выучиться, но постоянно поддерживалъ съ нимъ дружескія сношенія. Тогда уже усердіе къ ученю стало замѣтно ослабѣвать. Большая часть жалавшихъ, страшилась трудностей новаго языка, а потомъ отказывались отъ ученья, когда оно не представляло прелести новизны ²⁾.

Такое охлажденіе учениковъ, можетъ быть, содѣйствовало тому, что Хризолоръ сталъ тяготиться своимъ положеніемъ во Флоренціи. Но онъ не жаловался на это; напротивъ, онъ благосклонно смотрѣлъ на благодарную привязанность тѣхъ, кто остался вѣренъ ему, и съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей дѣятельности. Далѣе мы узнаемъ, что Никколи лишился его своего прежняго расположенія, бранилъ его и прогналъ

Guerino Veronese § 1 прямо ученикомъ Хризолора. Рядъ ложныхъ свѣдѣній объ его ученикахъ пущенъ въ ходъ Blondus Italia illustr. p. 347 и слѣдовавшему ему Jac. Phil. Bergemas fol. 264. Неправда, будто во Флоренціи прежніе ученики Джіованни ди Равенна сдѣлались теперь учениками Хризолора. Вѣроятно, Джіованни явился во Флоренцію уже тогда, когда Хризолора давно тамъ не было, во всякомъ случаѣ послѣ него. Далѣе ни Поджіо, ни Барбаро, ни Фидельофо не были учениками Хризолора, а Гваріно учился у него только въ Константинополѣ.

¹⁾ Leonardi Aretini Rerum suo tempore in Italia gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. T. XIX p. 920.

²⁾ Онъ говоритъ въ письмѣ къ Забареллѣ, сообщенномъ Бернарди въ Archivio stor. Ital. Serie terza T. XXIII, Firenze 1876 p. 177, о тѣхъ pauci, qui usque ad extremum discendo perseveraverunt: nam multos, qui ab initio convencebant, alios discendi labor deterrii, alios discendi desperatio.

отъ себя. Впрочемъ, эти свѣдѣнія взяты изъ одного ручательнаго сочиненія. Быть можетъ, Никколи называлъ его козлиною бородою, такъ какъ отъ его насѣшекъ никому пощадъ не было. Длинная борода и широкое одѣваніе грековъ часто было въ Италіи предметомъ подобныхъ шутокъ¹⁾. Хризолоръ оставилъ Флоренцію еще въ началѣ 1400 г., задолго до окончанія своего десятилѣтняго контракта. Причина была очень простая: императоръ Эммануэль Палеологъ прибылъ на Западъ и пригласилъ его къ себѣ въ Миланъ. Страшная чума, свирѣпствовавшая во Флоренціи въ 1400 г., тоже, вѣроятно, сдѣлала для него пребываніе въ городѣ неприятнымъ. А Джіангаллеаццо, герцогъ миланскій, выразилъ императору желаніе пригласить ученаго въ свой университетъ въ Павію²⁾. Но Хризолоръ, по видимому, не долго пробылъ въ Миланѣ и не преподавалъ тамъ греческаго языка³⁾. Слѣдуетъ думать напротивъ, что онъ сопровождалъ своего императора въ качествѣ переводчика и посредника во время его путешествія въ Парижъ и Лондонъ⁴⁾. Слабое участіе къ печальной судьбѣ восточной римской имперіи, по видимому, и совсѣмъ остыло, когда рѣшили, что битвою при Ангорѣ отъ Византіи устранена близкая опасность.

Такимъ образомъ въ началѣ 1402 г. мы находимъ Хризолора дѣйствительно въ Павіи, притомъ съ двойнымъ положеніемъ. Онъ былъ вмѣстѣ довѣреннымъ лицомъ и прокураторомъ своего императора, обнародовалъ въ миланской области папскія отпустительныя грамоты и собиралъ деньги для войны съ Турками, сверхъ того читалъ и лекціи въ университетѣ. Съ этою цѣлью и пригласилъ его съ хорошимъ женованьемъ герцогъ Джіангаллеаццо, который также называлъ его своимъ близкимъ человѣкомъ⁵⁾. Здѣсь онъ перевелъ республику Платона слово въ слово, потому что не надѣялся перевести изящнымъ слогомъ. Его любимый ученикъ Уберто Дечембріо впоследствии обработалъ этотъ трудъ. Другаго выдающагося ученика изъ

1) Leonardi Aret. l. c. и слѣдующій ему Manetti Orat. funebr. in Leonardium Aret. передъ его Epist. ed. Mehus p. XCIV.

2) По рукописному письму Джіамб. Гварнио у Giorgi l. c. p. 280.

3) Последнее, сколько я знаю, говоритъ одинъ Филдольфо въ письмѣ къ Лоренцо Медичи отъ 29 мая 1473 г. Быть можетъ, онъ вспоминалъ о Павіи.

4) Изъ письма Поджіо Pogg. epist. I, 10 ed. Tonelli видно, что онъ былъ и въ Салсберри. Пребываніе въ Англии относится къ концу 1401 г.

5) Весьма вѣстна тутъ опредѣленіе времени, выводимое изъ указа герцога его духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, даннаго въ Павіи 20 февраля 1402 г., у Osio Documenti vol. I № 245, одного изъ немногихъ съ точнымъ обозначеніемъ времени. Иначе, взгляда Paulus Jovius Elogia doctor. viror. 23, мы должны бы допустить, что Хризолоръ сначала преподавалъ въ Римѣ, потомъ въ Павіи.

времени его пребывания въ Павіи мы не можемъ указать. Сынъ Уберто, въ послѣдствіи знаменитый Пьеръ Кандидо Дечембріо, былъ тогда еще мальчикомъ, но сохранилъ почтительное воспоминаніе объ ученомъ грекѣ ¹⁾. Мы не знаемъ, когда послѣдній оставилъ Павію. Во всякомъ случаѣ та дѣятельность, которой онъ предавался тамъ, не идетъ въ сравненіе съ его флорентскими занятіями. Въ Павіи почва была не подготовлена, и похвальное желаніе герцога не могло замѣнить ее. Хризолоръ отправился обратно въ Византію.

Когда Турки снова стали грозить имперіи, то, снова стали искать помощи на Западѣ и вести переговоры о воссоединеніи церквей. Прежній посолъ опять принялся за свое дѣло. Въ началѣ 1408 г. Хризолоръ былъ опять въ Венеціи, потомъ привѣтствовалъ во Флоренціи своихъ прежнихъ учениковъ и отправился въ Римъ къ папскому двору ²⁾. Здѣсь, кромѣ своей официальной дѣятельности, онъ держалъ школу, но, какъ и въ Павіи, мы можемъ указать только на одного выдающагося ученика его. Это поэтъ Агапито Ченчи де'Рустичи. Бруни былъ тогда папскимъ секретаремъ и жилъ при дворѣ, но не могъ часто видаться съ своимъ бывшимъ наставникомъ. Чума заставила выѣхать изъ Рима большую часть придворныхъ, Хризолоръ тоже удалился отъ нея въ Болонью. Потомъ онъ воротился въ Римъ, но въ письмѣ къ Бруни слегка жалуется на то, что въ Римѣ не особенно сочувствуютъ изученію греческаго языка, что тамъ онъ не встрѣтилъ такихъ страстныхъ поклонниковъ, какъ во Флоренціи ³⁾. Повидимому, ему снова пришлось отправляться ко дворамъ великихъ европейскихъ державъ ⁴⁾. Папа еще разъ посылалъ его по

¹⁾ См. Уберто Дечембріо *epist. pincipat.* для перевода у Saxius *Hist. lit. tyr. Mediol.* p. 299, у Vandini *Catal. codd. lat.* p. 414. Онъ называетъ въ немъ Хризолора прямо *magister grammaticae famosissimum praeseptorem.*—Письмо Кандидо Дечембріо къ Амброжіо Траверсари въ его *Epist.* XXIV, 69.

²⁾ Письмо *Ambros. Travers.* VII, 6 показываетъ намъ, что его ждали, а *Leonardi Bruni epist.* II, 15 отъ января 1408 г., что онъ прибылъ въ Венецію; въ письмѣ *Ambros. Travers.* *epist.* VI, 5, 28 января (1408) говорится о пріѣздѣ во Флоренцію. Опредѣленіе времени основано просто на соображеніяхъ. Но послѣднія согласны и съ основательною догадкою Росмини, что письмо Хризолора къ Гварино, посланное изъ Рима 25 января (*Vita di Guarino vol. III* p. 191. 182) относится къ 1409 г. Въ письмѣ идетъ рѣчь о «Сравненіи Рима съ Константинополемъ», какъ будто это сочиненіе только что вышло, и мы бы допустили это, не будь обращенія къ императору Юанну.

³⁾ Письмо Хризолора къ Бруни 29 декабря изъ Болоньи у *Cyrgillus Codd. graeci* T. II p. 213 помозательно отъ 1410 г., когда Бруни былъ въ первый разъ приглашенъ во Флоренцію. При неточномъ опредѣленіи начала года я не осмѣливаюсь рѣшить, не относится ли письмо Бруни, помѣченное 26 декабря 1412, *epist.* IV, 1 ed Mehus, скорѣе къ 1411 г. Потому и онъ, и Хризолоръ опять являются въ Римѣ.

⁴⁾ Согласно *Leonardo Bruni epist.* III, 14 предполагаютъ, что онъ былъ въ Испаніи. Можетъ быть, въ постороннихъ источникахъ найдется указаніе на эту дѣятельность.

дѣламъ воссоединенія церквей къ Константинопольскому патіарху. Есть извѣстіе, что онъ вполне примкнулъ къ католическому вѣроисповѣданію. Въ 1413 г. онъ отправился съ двумя кардиналами въ Германію вести съ императоромъ переговоры о томъ, гдѣ будетъ созванъ предстоицій соборъ. А потомъ, по дѣлу папы Іоанна XXIII, поѣхалъ съ кардиналомъ Забареллою въ Констанць. Тамъ онъ и умеръ отъ горячки 15 апрѣля 1415, за долго до прибытія греческаго посольства, при которомъ онъ долженъ былъ служить переводчикомъ. И такъ онъ умеръ на чужбинѣ, оставшись вполне вѣренъ своему призванію. Его оплакивали ученики, которыхъ онъ ввелъ въ сокровищницу греческой литературы; это были поклонники гуманистическихъ наукъ. Хризолора похоронили въ доминиканской церкви; Піеръ Паоло Верджеріо, его флорентинскій ученикъ, посвятилъ ему простую надпись на надгробной плитѣ, которая и до сихъ поръ сохранилась, не смотря на то, что монастырь обращенъ былъ въ фабрику. Поджіо и Ченчи присутствовали при погребеніи¹⁾.

Хризолора еще въ меньшей степени можно назвать писателемъ, чѣмъ Джіованни да Равенна. Въ кругу его поклонниковъ это объясняли тѣмъ, что, озабоченный дѣлами церкви, онъ не имѣлъ времени заняться литературою. Его грамматика—онъ назвалъ ее *Ἐρωτήματα* (Вопросы),—конечно, имѣетъ значеніе, какъ первое руководство, явившееся на Западѣ, но она рассчитана на самое сухое преподаваніе. Мы уже упоминали объ его переводѣ Платоновой республики; онъ принималъ также участіе въ подобныхъ же трудахъ своихъ учениковъ. Кромя этого онъ оставилъ множество писемъ, въ томъ числѣ и такіа, которыя можно назвать разсужденіями, какъ напр. сравненіе Рима съ Византіею, или письмо къ Гварино, въ которомъ онъ обстоятельно отвѣчаетъ на вопросы его о значеніи *Θεωρίαι* (деньги выдаваемые на зрѣлища) у Демосоена и объ *Илиадѣ*, сохранявшейся въ ковчегѣ Плутарха, или письмо къ Траверсари по вопросу о томъ, должны ли друзья хвалить другъ друга. Въ простыхъ дружескихъ письмахъ онъ крайне многорѣчивъ; его мысль обращена на разные предметы и всегда выражена красиво. Онъ самъ сознавалъ многорѣчивость своихъ писемъ (*πολυλογία*). По видимому, Хризолоръ не придавалъ особой цѣны тому, что писалъ. Насъ трогаетъ то отрадное чувство, которое онъ испытываетъ при мысли о своихъ ученикахъ, его сочувствіе къ ихъ

¹⁾ Эпитафія въ сборникѣ Гварино, которому Верджеріо послалъ ее, у Giorgi p. 314 и у Mabillon et Germain Museum Ital. T. I p. 181. V. Hefele Conciliengeschichte Bd. VII s. 108.

успѣхамъ, живой интересъ къ ихъ трудамъ по латинскому красно-рѣчю ¹⁾).

Похвалы, воздаваемыя такому человѣку благодарными учениками, гораздо выше и знаменательнѣе его литературной славы. Первая слава его сохранилась и до нашихъ дней. Но въ настоящее время съ его именемъ соединяется лишь память объ услугахъ, оказанныхъ имъ западному образованію. А въ то время чтились и личныя его качества и добродѣтели, побѣдившія то недовѣріе, съ которымъ тогда вообще, и не даромъ, относились къ грекамъ-отступникамъ. Поджіо, долгіе годы бывший въ общеніи съ нимъ въ Констанцѣ и Римѣ и съ удивительною наблюдательностію подмѣчавшій человѣческія слабости, хвалилъ протвную гуманность Хризолора, его ученость, которою онъ всегда готовъ былъ подѣляться, умѣренную и вполне безукоризненную жизнь. Одно его почтенное лице, говорить онъ, и серьезная рѣчь, по которой вы сейчасъ же узнавали философа, могли бы въ комъ угодно возбудить стремленія къ добродѣтельной жизни. Благодаря его усиліямъ, въ умахъ пробудилась любовь къ знанію греческаго языка. Онъ былъ на землѣ какъ бы образцомъ для другихъ, какъ бы лицомъ посланнымъ свыше ²⁾).

Гварино почти боготворилъ своего наставника не только при его жизни, но и пока самъ былъ живъ. Онъ съ напыщенными, но искренними похвалами вспоминалъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ и многочисленныхъ письмахъ. Никому онъ не былъ лично обязанъ столь многимъ, по его словамъ, какъ этому наставнику, образовавшему его умъ. Но всѣ ученые тоже должны съ благодарностію относиться къ нему, пока гуманистическія науки будутъ разрабатываться въ Италіи и въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ сравнивалъ его съ солнцемъ, озарившимъ Италію, погруженную въ глубокой мракъ. Онъ называетъ его истиннымъ философомъ, вполне божественнымъ человѣкомъ. Гварино далъ своему второму сыну имя Эмануилъ въ честь Хризолора, внушалъ и своимъ ученикамъ уваженіе къ нему, а съ другими учениками Хризолора находилъ какъ бы въ духовномъ родствѣ ³⁾. Когда пришло въ Венецію извѣстіе о смерти Хризолора, то Гварино прочелъ это письмо въ

¹⁾ Извлеченія изъ его писемъ есть у Vandini *Catalogus codd. graec.* p. 139, у Rosmini *Vita di Guarino* vol. III p. 181. 187. 192 и изъ той же неаполитанской рукописи у Andres *Anecdota graeca et lat.*, Neap. 1816 p. 46. Три другіе у Cyrillus l. c. p. 213 sqq. Здѣсь тамъ есть p. 259 письмо къ Траверсари, о которомъ послѣдній упоминаетъ *epist.* VI, 4, тогда какъ письмо къ Палла Строцци *de mensibus* еще не отыскано. Сочиненія, изданныя Ламбециемъ, уже названы выше.

²⁾ Poggius *epist.* I, 4 отъ 15 мая 1416 г., подобнымъ же образомъ и XIII, 1, отъ 1455 г.

³⁾ Укажу только на его письма, сообщенныя у Giorgi p. 298. 297. См. также письма Гварино у Nodius p. 15 seq.

своей школѣ, потомъ велѣлъ одному изъ своихъ учениковъ, патрицію Андреа Джуліано, написать надгробное слово въ честь покойнаго и произнести его публично. Самому Гварино, говорить этотъ ученикъ, помѣшали говорить слезы, проливаемые о наставникѣ и отцѣ, ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ то время не была составлена его біографія, что Гварино, безъ сомнѣнія, могъ всѣхъ скорѣе сдѣлать. Но онъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ, какъ непосильный, и предложилъ его Верджеріо, который тоже ничего не написалъ ²⁾. Въ Констанцѣ Поджіо намѣревался написать похвальное слово покойному, но Ченчи, какъ ученикъ его, не хотѣлъ уступить другому этой чести. Поэтому Поджіо отказался отъ своего намѣренія, а Ченчи тоже не исполнилъ своего обѣщанія. О прежней жизни Хризолора, вѣроятно, и Гварино зналъ мало, а впоследствии на Западѣ она была такая дѣятельная и многосторонняя, что едва ли кто былъ въ состояніи прослѣдить нить ея. Но Гварино не отказывался совсѣмъ отъ своей задачи. Спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Хризолора, будучи уже 85 лѣтнимъ старцемъ, онъ рѣшился оставить литературный памятникъ въ честь того, кому Италия, по его мнѣнію, должна бы была соорудить триумфальныя колонны и золотыя статуи. Онъ собралъ вмѣстѣ все, что было написано о Хризолорѣ его учениками и друзьями въ прозѣ и въ стихахъ, и назвалъ этотъ сборникъ *Chrysologiana* ³⁾.

Здѣсь слѣдовало говорить только о первыхъ школахъ, которыя послужили образцомъ, и только о первыхъ наставникахъ, которые распространили въ Италиі свѣтъ византійскаго образованія. Какъ и можно было ожидать по энергическому началу, въ числѣ учениковъ этихъ людей нашлось не мало такихъ, которые сами основали школы по ихъ образцу. Грековъ являлось все больше и больше въ Италиі и скорѣе собралось очень много. Юные итальянскіе гуманисты слушали курсъ въ Константинополѣ и потомъ передавали своимъ землякамъ пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія въ греческомъ языкѣ и привозили съ собою новыя литературныя памятники.

¹⁾ Выше мы ссылались на такъ называемую *oratio funebris*. См. также письма Гварино у Giorgi j. 297. 314. 318. Слѣдуя письму Гасп. Варзаццы (Opp. ed. Furiotto P. I p. 210) къ Андреа Джуліано первый получилъ рѣчь около 23 сент. 1415 г.

²⁾ Письмо Гварино къ нему у Bernardi l. c. p. 179.

³⁾ Nodius p. 61. Giorgi p. 285, гдѣ изъ него сообщаются извлеченія. Рукопись въ его время была у Камалдуловъ. Время опредѣляется письмомъ Гварино къ Поджіо 26 мая 1455 г. у Shepherd Vita di Poggio tradi Tonell. T. II App. num. XXIX и отвѣтомъ Паджіо ep. XIII, 1 ed. Tonelli. Оба письма тоже въ *Specilegium Romanum* T. X. p. 253 epist. 81, 82.

Въ началѣ XV столѣтія въ Италіи обнаруживается такая оживленная дѣятельность въ области литературы, какую мы видимъ въ наше время развѣ только въ области промышленности. Примѣръ, данный Петраркою, вызвалъ сотни, даже тысячи подражателей. Вездѣ начинаютъ разыскивать старинныя рукописи, вскорѣ даже и къ дужихъ странамъ; ихъ сравниваютъ и исправляютъ, переписываютъ и распространяютъ. Ученые уже не работаютъ по прежнему уединенно въ своихъ кабинетахъ. Они дѣлаются съ своими открытіями и собственными трудами на общественное литературное поприще. Основываются кафедры наукъ, и профессора стараются пролить свѣтъ на древній міръ и на оба классическія языка. Въ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ гуманисты играютъ выдающуюся роль и получаютъ поощряющія награды. Они прославленные герои своего вѣка. Они составляютъ сильно развѣдленное общество, ученую республику, доступъ въ которую открываютъ таланты и трудолюбіе. Образуется новое сословіе, чуждое всякихъ кастическихъ предразсудковъ, поставленное свободно и независимо, но все таки знать покровительствуетъ ему, заискиваетъ въ немъ; Мысли и мечты этихъ людей витаютъ въ древнемъ мірѣ; они собираютъ и чтятъ его письменныя памятники какъ святыню, медали, статуи и драгоценныя камни. Они обращаются съ запросами, какъ къ живымъ свидѣтелямъ, къ зданіямъ, храмамъ, црквамъ и надгробнымъ памятникамъ.

Когда пробудилось восторженное поклоненіе древности и было положено первое начало, то какъ и у Петрарки, прежде всего явилось желаніе спасти тѣ остатки древностей, какіе можно было спасти. Стали говорить о томъ, что рука времени сильно повредила эти памятники, и теперь надобно снять наростъ, покрывающій ихъ. Книги, хранившіяся въ монастыряхъ и въ Италіи, повидимому, вследствие невѣжества людей, сохранившихъ ихъ, были обречены на гибель. Быть можетъ, усердіе и болелье ученыхъ за ихъ цѣлостъ и съольво преувеличивали опасность. Однако вообще ими руководилъ вѣрный инстинктъ. Опытъ, свидѣтельствовавшій, что нѣкоторыя безцѣпныя произведенія римской литературы затерялись, показывалъ, что поиски слѣдуетъ производить быстро и тщательно. Боккаціо рассказывалъ, что случилось съ нимъ у Бенедиктинцевъ въ Монте Кассино. Любопытствуя видѣть ихъ старинную бібліотеку, онъ просилъ одного изъ монаховъ отпереть ее. Тотъ оухомъ указалъ ему на вратую дѣвственницу: «поднимись по ней; бібліотека открыта». Дѣйствительно, книгохранилище не было заперто; даже и дверей не было. Когда Боккаціо сталъ разсматривать нѣкоторыя рукописи, то оказалось, что у однихъ отрѣзаны края, у другихъ недостаю цѣпыхъ листовъ; вообще

онъ нашель, что онъ попорченъ. Плача съ досады, онъ спустился внизъ и спросилъ встрѣтившагося монаха, почему такъ небрежно обращаются съ такими дорогими сокровищами. Монахъ отвѣчалъ, что двое братьевъ, желая выручить отъ 2 до 5 солидовъ, отрѣзали пергаментъ и употребили его на обложку псалтырей и молитвенниковъ, которые потомъ продали женщинамъ и дѣтямъ. ¹⁾ Если это случилось въ центрѣ учености, то чего можно было ожидать въ другихъ мѣстахъ?

Тѣ самые юноши и люди зрѣлыхъ лѣтъ, которые слушали во Флоренціи лекціи Джіованни да Равенна и Хризолора, теперь ревностно занялись поисками и наслаждались успѣхами. Свѣтъ скорѣ увидѣлъ сокровища, хранившіяся въ Италіи. Для изслѣдованій въ другихъ странахъ Констанцскій соборъ составилъ эпоху. Вообще вліяніе двухъ великихъ церковныхъ собраній на столкновение народностей было неопѣнимо. Нерѣдко папскіе послы и нунціи, визитаторы монашескаго чина и блага духовенства были въ то же время и литературными эмиссарами. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. кардиналы Бранди и Чезарини, обладали достаточнымъ образованіемъ, такъ что сами могли разыскивать древнихъ писателей въ монастырскихъ бібліотекахъ Германіи. Другіе имѣли въ своей духовной средѣ секретарей-гуманистовъ. Въ эпоху базельскаго собора такіе легаты, какъ Чезарини и Альбергати, рядомъ съ дѣлами политическими и церковными, занимались и книжными вопросами.

Не мало было людей съ классическимъ образованіемъ особенно въ числѣ папскихъ секретарей въ Констанцѣ. Они большею частію воодушевлены были во Флоренціи ревностію къ собиранію книгъ, обнаруженною Солютато и Джіованни да Равенна. Теперь они въ первый разъ ступили на почву, еще дѣвственную для ищущихъ книгъ. До тѣхъ поръ не ожидали многого отъ нѣмецкихъ монастырей и бібліотекъ. Любителямъ классической литературы было неизвѣстно, что нѣкогда среди нѣмецкихъ Бенедиктинцевъ процвѣтало высокое образованіе. Они изумились, когда открыли здѣсь старинныя книгохранилища, обильно снабженныя и рукописями классиковъ. Теперь они надѣялись найдти здѣсь то, чего напрасно искали въ Италіи, именно новыя сочиненія Цицерона, новыя книги Ливія, сочиненія Варрона и т. п., чего такъ сильно желалъ еще Петрарка. Вслѣдствіе приостаковки папскихъ дѣлъ, а потомъ и полнаго прекращенія ихъ служебной карьеры, по случаю низложенія папы, у этихъ людей оставалось много свободнаго времени. Поэтому они мо-

¹⁾ Benvenuti Imolensis Comment in Dantis Comoed. ap. Muratori Antiqu. Ital. T. I p. 1692, trad. da Tamburini vol. III p. 398.

гли разыскивать книги въ окрестныхъ монастыряхъ, предпринимать небольшія поѣздки и обращать найденныя сокровища въ прочное достояніе, списывая ихъ собственноручно. Притомъ на соборѣ рядомъ съ прелатами было много докторовъ разныхъ наукъ, магистровъ, канцлеровъ и секретарей со всѣхъ концовъ римско-католическаго міра, отъ которыхъ можно было получить свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ.

Первый, кто составилъ себѣ громкое имя на этомъ поприщѣ открытій, былъ Поджіо Брачціолини. Онъ пріѣхалъ въ Констанцъ въ качествѣ папскаго секретаря, но улыбался втихомолку, когда прелаты и доктора пускались въ длинныя толкованія и разсужденія, по поводу раскола, или гусситской ереси. Его не особенно огорчало и стѣсненное положеніе его папы; онъ уже былъ свидѣтелемъ паденія не одного главы церкви. Онъ не обращалъ вниманія на все это и смотрѣлъ на смутное время какъ на время литературнаго досуга, въ особенности побуждаемый своими флорентинскими и венеціанскими друзьями, которые считали его миссіонеромъ по части разыскванія книгъ на нѣмецкой почвѣ. Поджіо выросъ во Флоренціи въ средѣ самыхъ усердныхъ собирателей книгъ и самъ принадлежалъ къ ихъ числу. Онъ очень хорошо зналъ, чѣмъ владѣлъ образованный міръ и чего еще слѣдовало искать. Онъ самъ писалъ красиво и скоро и даже долженъ былъ жить этимъ въ юные годы. А въ Констанцѣ у него сверхъ того была возможность имѣть переписчика. При его ловкости и находчивости, при тѣхъ протекціяхъ въ высшихъ сферахъ, какія онъ имѣлъ, онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для своей миссіи во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ чуждъ эгоистической слабости прятать, какъ личную собственность, тѣ новыя сокровища, которыя находилъ. Напротивъ, онъ сейчасъ же охотно общалъ ихъ итальянскимъ ученымъ, и такимъ образомъ они дѣлались общимъ достояніемъ ¹⁾).

Поджіо былъ руководящимъ лицомъ въ поискахъ книгъ, однако среди своихъ товарищей и друзей имѣлъ помощниковъ, которые едвали уступали ему въ энергіи. Особенно дѣятеленъ былъ секретарь Бартоломео да Монтепульчіано, юристъ и искусный дѣлецъ. Ему хотѣлось играть роль и въ дѣлѣ классическихъ изученій. Онъ слушалъ Хризолора и писалъ не мало стиховъ. Если онъ въ этомъ случаѣ и преувеличивалъ свое значеніе, то стре-

¹⁾ Онъ самъ хвалится *epist. VIII, 3: Fuit quondam tempus, cum omnes ferme elegantia litterarum superarem*. Извѣстны даже нѣкоторыя рукописи писанныя имъ. Объ утайкѣ литературныхъ сокровищъ онъ говоритъ въ письмѣ III, 12 противъ Никколо: *Absit ut aliquid vellem non esse commune locum, quae omnibus scripta sunt*. И этимъ онъ имѣетъ право гордиться.

мился въ приращенію своихъ книжныхъ богатствъ съ тою же горячностью, какъ и Поджіо. Въ Констанцѣ онъ не одну книгу переписалъ своею рукою ¹⁾. Третьимъ членомъ этого союза обыкновенно былъ Агапито Ченчи, поэтъ и ученикъ Хривоора. Свободное время на соборѣ и ему дало возможность заниматься переводами съ греческаго языка и посвящать себя гуманнымъ наукамъ. Къ этимъ тремъ друзьямъ примкнулъ также Зомино (Созомепъ) и зъ Пистойни, молодой духовный, изучавшій каноническое право во Флоренціи. Въ 1416 г. пистойскій епископъ привалъ его на Констанцскій соборъ. Онъ не былъ, правда, такимъ цѣнителемъ изящнаго какъ его сообщники. Это доказываетъ грубый слогъ его всемірной хроники, которую онъ написалъ впоследствии, будучи наемникомъ при пистойскомъ соборѣ. Но онъ зналъ немного по гречески, и во Флоренціи, въ музеѣ Никколи, читалъ лекціи по грамматикѣ и риторикѣ, и слушателями были Леонардо Дати и Маттео Пальміери. Онъ умеръ въ 1448 г. и оставилъ своему родному городу для общественнаго пользованія, прекрасное собраніе изъ 116 латинскихъ и греческихъ рукописей. Для него онъ трудился и въ Констанцѣ ²⁾. Здѣсь были и другіе поклонники классической литературы, но намъ не сообщаютъ объ ихъ участіи въ осмотрѣ библиотекъ. Тутъ былъ магистръ Бартоломмео де Реньо—его называютъ такъ потому, что онъ былъ родомъ изъ Апуліи—ученый человекъ и толкователь классическихъ писателей. Слѣдуетъ упомянуть также о поэтѣ Бенедетто да Пиліо, который кончилъ курсъ въ Болоньѣ и явился въ Констанцъ, какъ состоящій на службѣ у кардинала Аннибальди. Впрочемъ онъ вскорѣ былъ вовлеченъ въ политическія смуты и сохранился въ плѣну въ башнѣ, гдѣ, разумѣется, могъ писать стихи, но не могъ отыскивать классиковъ.

Еще Петрарка, завидѣвъ издали старинный монастырь, думалъ о тѣхъ книжныхъ богатствахъ, которыя могутъ скрываться въ немъ. Такъ и итальянскіе гуманисты изъ Констанца дѣлали поѣздки въ бенедиктинскія аббатства Вейнгартель и Рейхенау. Оттуда было доставлено въ Констанцъ во время собора нѣсколько прекрасныхъ рукописей для ученыхъ отцовъ, которыя потомъ не были возвращены ³⁾.

¹⁾ По его замѣткамъ въ качествѣ писца у Randini Catal. codd. lat. T. III p. 573, 574 16 декабря 1414 г. онъ находился въ Констанцѣ и еще 16 февраля 1416, тоже, разумеется, раньше и позднѣе этого.

²⁾ Vespasiano Zambino Pistolese, Sacherias Bibliotheca Pistoriensis p. 29 seq. Asconius Pedianus rec. Kiessling et Schoell p. XXIX. О его всемірной хроникѣ, часть которой напечатана у Muratori Scriptt. T. XVI, p. 1063, ed. Bandini Bibl. Lop. Laurent. T. III p. 95. Объ его сношеніяхъ съ Никколи см. Mehus Vita Ambros. Trauers. p. 367.

³⁾ Pregitzer ap. Von der. Hardt: Magn. accumen. Constant. concilium, Prolog. ad. T. I p. 13. Weidmann Gesch. d. Billiothek v. S. Gallen, St. Gallen, 1846, s. 36.

Суровая зима и заваленныя снѣгомъ дороги не удержали путниковъ. Поджіо, Ченчи и Бартоломмео рѣшились отправиться вмѣстѣ въ Ст. Галленъ. Оказалось, что аббатъ и монахи этого нѣкогда столь знаменитаго пріюта образованности были совершенно чужды литературныхъ интересовъ, бібліотека очень богата, но находится въ старой соборной башнѣ и безжалостно отдана на жертву пыли, сырости, насѣкомыхъ и вообще всего, что губить книги. «Она помѣщается въ какой-то отвратительной тюрьмѣ, говоритъ Поджіо, въ которую не заключили бы и преступника, приговореннаго къ смерти». «Мы плакали отъ жалости, рассказываетъ Ченчи, видя, какъ латинская литература лишается своихъ лучшихъ украшеній. По истинѣ эта бібліотека, имѣй она даръ слова, сказала бы намъ: О люди, любящіе латинскій языкъ! Не дайте мнѣ погибнуть отъ этой небрежности. Извлеките меня изъ этой тюрьмы!» Ченчи поноситъ нѣмецкихъ варваровъ, но все-таки не забываетъ, что его земляки римляне, еще хуже относились къ своей старинной литературѣ. Поджіо упоминаетъ о нѣмцахъ не иначе какъ съ нелестнымъ эпитетомъ «варварскіе» и вообще называетъ ихъ монастырскія бібліотеки тюрьмами (*ergastula*). При такомъ взглядѣ на дѣло онъ серьезно считалъ съ своей стороны спасительнымъ подвигомъ, когда при удобномъ увезъ нѣсколько книгъ и возвратилъ въ ихъ отечество по ту сторону Альпъ ¹⁾.

Первыя открытія, сдѣланныя друзьями въ С. Галленѣ, были такъ богаты и поразительны, что весьма понятенъ тотъ торжественный тонъ, въ которомъ о нихъ сообщалось въ Италіи. Въ пыли и плѣсени найденъ былъ полный экземпляръ сочиненій Квинтилиана (*Instituliones*). Этотъ памятникъ древности не былъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ средніе вѣка. Уже Вибальдъ изъ Стабло зналъ его и оцѣнилъ, какъ вспомогательное пособіе при изученіи реторики, а также и Петръ Блуасскій ²⁾. Но въ Италіи о немъ давно и помина не было. Петрарка въ декабрѣ 1350 г. получилъ въ подарокъ экземпляръ Квинтилиана отъ Лапо да Кастильоніо во Флоренціи. Въ немъ не доставало цѣлой

1) Въ Poggius epist. I, 5 отъ 15 дев. 1417 г. рассказываетъ Гваріно о посѣщеніи С. Галлена и тамошнихъ находкахъ, но уже гораздо позже. И письмо Ченчи къ его учителю Франческо де Фьяна въ Римъ, сообщенное Квинтиномъ въ *Diatriba ad Franc. Barbari Epistolae* p. 8, относится уже къ тому времени, когда онъ говоритъ, что посѣщеніе было *his proximis diebus*. Но Леонардо Бруно epist. IV, 5 ed. Mehus отвѣчаетъ Поджіо уже 13 сент. 1416 на первое извѣстіе о находкахъ въ С. Галленѣ. Къ этимъ главнымъ свидѣніямъ присоединяется письмо Франческо Барбара къ Поджіо отъ 6 іюля 1417 г. у *Rez Thesaurus anecd. nov. T. VI p. III P. 145* и у *Barbari Epist. rec. Quirino ep. 1.*

2) *Wibaldi epist. 167 ed. Jaffe Monum. Corbei p. 284. Ciceronis Opp. rec. Orelli edit alt. vol. III p. VIII.*

половины, въ текстѣ были пропуски, и имъ вообще нельзя было пользоваться. Но онъ все таки пришелъ въ восторгъ и написалъ письмо Квинтиліану, въ царство тѣней, въ которомъ выражалъ надежду на то, что и цѣлое сочиненіе его будетъ отыскано. Онъ изъявлялъ радость, что будетъ обладать такимъ сокровищемъ ¹⁾. Потомъ Салютато былъ обрадованъ ложнымъ извѣстіемъ, что слѣдуетъ ожидать полнаго Квинтиліана изъ Франціи ²⁾. Желаніе имѣть полный экземпляръ было сильно возбуждено, но вскорѣ потеряли всякую надежду на то, что оно сбудется. Гаспорино да Варзицца принялся за неутѣшительную задачу — изъ собственной головы дополнить недостающее ³⁾. Такимъ образомъ Поджіо очень хорошо зналъ, какое сокровище нашелъ онъ въ упомянутой нами монастырской библіотекѣ, и сообщилъ объ этомъ флорентинскимъ друзьямъ, Никколи и Бруни. Онъ взялъ рукопись съ собою въ Констанцъ и собственноручно списалъ ее тамъ въ 53 дня усиленнаго труда ⁴⁾. На этомъ основаніи онъ могъ похвалиться, что благодаря ему сочиненіе римскаго ритора возстановлено въ своемъ первоначальномъ видѣ и безъ его участія пропало бы въ своей тюрьмѣ «О необычайное приобрѣтеніе, о неожиданная радость!» писалъ ему въ восторгѣ Бруни словами Петrarки, получивъ первое извѣстіе объ этомъ ⁵⁾.

1) Epist. rer. famil. XXIV, 17: Oratoriarum institutionum liber heu discerptus et lacer venit ad manus meas . . . Et fortasse nunc apud aliquem totus es . . . Quisquis in te reperendi fortunatior fuit, sciat se rem magni pretii pessidere, quenque si nuverit primas inter divitias locet.

2) См. его письмо у Mehus Vita Ambros. Trauers. p. 386. Другое у Bandini Catal. codd. lat. p. T. III 364.

3) Blondus Italia illustr. p. 346; по его словамъ это случилось задолго до (diu antea) находясь въ Лоди (1422) Jac. Phil. Bergomas fol. 274 представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ, допуская, что Варзицца впоследствии (postea) съ большимъ трудомъ исправилъ искаженный экземпляръ, найденный Поджіо.

4) Это достаточно ясно изъ его письма къ Гварино и изъ замѣтки на самой рукописи. Последнюю см. у Reifferscheid Die Quintilianhandschrift Poggio's въ Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Jahrg. 23. (1868) s. 145. Судя по этому, Поджіо писалъ sede apostolica vacante (когда апостольскій престолъ не былъ занятъ), значить между 24-го мая 1415 г. и 11-го ноября 1417 г. Его копія, согласно каталогу 1495 г., была въ библіотекѣ Медичи. (Archivio stor. Ital. Ser. III T. XX p. 60). Рейффершейдъ опровергъ то мнѣніе, будто въ Италію былъ присланъ С. Галленскій списокъ и есть тотъ самый, о которомъ упоминаютъ Mehus Vita Ambros. Trauers. p. 34 и Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 382. А что Поджіо нашелъ рукопись въ salsamentarii taberna въ лавкѣ торговца соленою рыбою, какъ рассказываетъ Jovius Elogia doctor. viror. 10, не заслуживаетъ опроверженія. Странно только то, что Ченчи не упоминаетъ объ этой находкѣ въ своемъ письмѣ. За то о ней говоритъ самъ Поджіо и въ Oratio in funere Nic. Niccoli (Opp. p. 272), и въ сочиненіи De infelicitate principum (Opp. p. 394).

5) Такъ онъ говоритъ и въ письмѣ отъ 13-го сентября 1416 г. Quintilianus, prius lacer atque discerptus etc.

Въ С. Галленѣ также найдены были *Argonautica* Валерія Флак-ва, впрочемъ только три первыя книги и часть четвертой. И это сочи-неніе Поджіо списалъ самъ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы кто ни-будь другой нашелъ цѣлый экземпляръ; «я сдѣлалъ, что могъ». прибавилъ онъ. Дѣйствительно, вполсѣдствіи въ Италіи получена была полная рукопись этой поэмы ¹⁾.

Другія рукописи, добытыя въ старой соборной библіотекѣ, бы-ли: списокъ, писанный въ IX в., заключавшій въ себѣ комментарий Асконія Педіана къ пяти рѣчамъ Цицерона и другой коммен-тарій къ части рѣчей противъ Верреса, написанный неизвѣстнымъ схоластомъ позднѣйшаго времени. Этому обрадовались, какъ и вообще радовались всему, что относилось до Цицерона, хотя флорен-тинскіе друзья далеко не придавали этой находкѣ того значенія, какъ полному Квинтиліану. Однако Поджіо открылъ, что именно на Асконія ссылается послѣдній. Кромѣ него констанцскую рукопись переписали также Бартоломмео и Зомино изъ Пистойи, который былъ съ нимъ въ С. Галленѣ ²⁾. При этомъ гениальный Поджіо рѣшился пополнить пробѣлы по догадкамъ, а затрудненія объяснить самъ. Найдены были лишь отрывокъ цѣлаго сочиненія, притомъ въ ис-каженномъ видѣ. Это очень хорошо понимали, а потому и относи-тельно Асконія Поджіо желалъ, чтобы его сочиненіе вполсѣдствіи было отыскано вполнѣ. Но, благодаря находкѣ трехъ друзей и ихъ трудамъ по перепискѣ, писатель былъ спасенъ: сентъ-галленскій оригиналъ вскорѣ затерялся, а другой рукописи не отыскалось. Экземпляръ же, исправленный Поджіо, вскорѣ распространился по Италіи и по другимъ странамъ и вызвалъ труды ученыхъ, которые старались дополнить недостающее ³⁾. Затѣмъ были найдены «Лѣса», поэма Стація, извѣстная потомству только по рукописи, которую Поджіо увезъ въ Италію, и книга Манилія объ астрономіи, которой, по видимому, до тѣхъ поръ не знали въ Италіи ⁴⁾. Небольшое сочи-

1) Объ этой находкѣ упоминаютъ какъ Поджіо, такъ и Ченчи. Включенное въ его списокъ желаніе см. у Tycho Mommsen в Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Jahrg. VI (1848 s. 628. Ср. Valerii Flacci Argonaut. rec. Thilo, Halis 1863, Proleg.

2) Замѣно кончилъ свою работу 28-го іюля 1417 г. См. Zacharia, l. c. p. 48, гдѣ приписка невѣрно считается принадлежащею къ копіи Поджіо.

3) Q. Asconii Pediani Orationum Ciceronis quinque enarratio rec. Kiessling et Schoell, Berol. 1875, Praefat. p. XXI seq. Копія Поджіо теперь, повидимому, потерянная, пробывла больше 7 лѣтъ у Никколи. Poggius epist. IV, 2, 4.

4) Cf. Statius Silvae rec. Baehrens, Lips. 1876, Praef., гдѣ есть и извѣстная приписка флорентинскаго Асконія, въ которой говорится, что онъ найдены Поджіо въ С. Галленѣ вмѣстѣ съ Валеріемъ Флавиомъ, Маниліемъ и Стаціемъ. Въ описаніи рукописей въ M. Manilii Astronomicon libri quinque rec. Jacob и у Becher De M. Manili emendandi ratio- ne, Lips. 1878, о находкѣ Поджіо не упоминаютъ. Но Dr. T. Lève нашелъ въ Bib-

неніе Присціана, въ которомъ онъ разбираетъ нѣкоторые стихи Виргилія, не произвело особаго впечатлѣнія, а рукопись заключающая въ себѣ Витрувія, не представляла ничего новаго ¹⁾). Впрочемъ съ обѣихъ были сняты копіи.

Нельзя различить того, что было найдено въ С. Галленѣ, отъ находокъ, сдѣланныхъ въ Констанцѣ и въ окрестностяхъ его. Такъ о Руписа Силія Италіка, дотолѣ остававшихся въ неизвѣстности въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, мыслышимъ только то, что Бартоломмео да Монтепульчіано привезъ ихъ съ собою изъ Констанца и что они тамъ были списаны нѣмецкимъ писцомъ ²⁾, касательно дидагтической поэмы Лукреція «О природѣ вещей» увѣряютъ, что главная рукопись относится къ IV или V в., но неизвѣстно, откуда Поджіо взялъ списокъ, посланный въ 1427 г. къ Никколи. Мы только знаемъ, что въ 1427 г. Бартоломмео тайкомъ увезъ оригиналъ изъ его нѣмецкаго хранилища ³⁾. Не разъяснено также и то обстоятельство, гдѣ Поджіо нашелъ историческое сочиненіе Амміана Марцелліана и какъ перевезъ старинную рукопись. Она попала къ кардиналу Одо, который по избраніи своемъ на папскій престолъ принялъ имя Мартина V, потому въ бібліотеку его племянника, кардинала Просперо Колонна, а впоследствии въ ватиканскую. Думаютъ, что она взята изъ фульдскаго монастыря. Поджіо говоритъ въ такомъ тонѣ, будто онъ самъ лично увезъ ее; неизвѣстно, былъ ли

l'iotheca nacional въ Мадридѣ бывшія нѣкогда вѣстѣ четыре рукописи этихъ четырехъ авторовъ, которыя такимъ образомъ послѣ Поджіо были списаны вѣстѣ. *Vesperasiano Poggio* § 2 упоминаетъ о Манлиіи прямо въ числѣ находокъ Поджіо, также и о «Лѣсахъ» Стація.

1) Объ обѣихъ упоминаетъ Ченчи. Cf. *Vitruvii de architectura libri decem* edd. Rose et Müller Strübing, Lipsiae 1867 p. IV. Въ С. Галленѣ были также найдены: сочиненіе Вергилія о военномъ искусствѣ и Помпей Фестъ и списаны Бартоломмео. Письмо его къ Траверсаріи см. въ его *Epist. rec. Canneto* XXIV, 9.

2) Изъ писемъ Филельфо къ Транкедино отъ 25-го іюля 1460 г., къ Паррисио отъ 31-го октября и къ Барбароро 1-го ноября 1461 г. Филельфо прямо говоритъ, что списокъ Бартоломмео, видѣнный имъ во Флоренціи, былъ прежде единственнымъ въ Италіи, отъ котораго произошли другіе. Ср. Blass, *Die Textesquellen des Silius Italicus* въ *Jahrbuch. f. class. Philol. Suppl.* Bd. VIII s. 162. 164.

3) Изъ письма Поджіо (*epist.* III, 12) къ Никколи отъ 17-го мая (1427) слѣдуетъ только, что изъ того же источника желали получить и другія произведенія. Въ *Epist.* IV, 9. 4 отъ 13-го и 27-го декабря 1429 г. Поджіо проситъ Никколи возвратитъ ему его Лукреція, котораго тотъ держитъ 12 лѣтъ (значитъ съ 1417 г.). Собственноручный списокъ Никколи представляетъ важнѣйшій экземпляръ группы списковъ. Ср. Polle *Die Lucrezlitteratur* въ *Philologus* Bd. XXV (1867) s. 517 Петрарка и Боккачіо уже знали Лукреція. Это доказываетъ Hortis *Studj s. op. lat. del Bocc.* p. 392. Его знали и во Франціи, *sf. Joh. de Monsterolio epist.* 70 ap. Martene et Durand *Ampliss. Collectio* T. II p. 1442.

онъ когда нибудь въ Фульдѣ ¹⁾. Но это былъ экземпляръ неполный и весьма попорченный, съ котораго Никколи въ 1423 г. переписывалъ своею рукою, потому что менѣе образованный писецъ не справился бы съ нимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Герсфельдѣ была открыта рукопись болѣе полная и въ лучшемъ видѣ, однако Поджіо напрасно старался добыть ее. Лишь черезъ столѣтіе она сдѣлалась доступною для ученыхъ ²⁾. Поджіо упоминаетъ въ числѣ классиковъ, найденныхъ имъ, и о сочиненіи Колумеллы «О сельскомъ хозяйствѣ». Извѣстно только, что въ Корве когда-то была рукопись этого писателя; если она служитъ источникомъ медіцейскихъ списковъ, которые слѣдуетъ отнести къ находкамъ Поджіо и трудамъ Никколи, то разъясненіе дѣла возможно ³⁾. Но въ отношеніи большей части этихъ открытій слѣдуетъ имѣть въ виду, что упомянутые нами Итальянцы считали вновь открытымъ и спасеннымъ для науки все то, что было пока еще неизвѣстно имъ и ихъ друзьямъ во Флоренціи.

По видимому, Поджіо ѣздилъ изъ Констанца на поиски во Францію раньше посѣщенія нѣмецкихъ монастырей. Если приходилось дѣлать съ другими честь открытій, сдѣланныхъ въ послѣднихъ, то во Франціи, насколько мы знаемъ, у него не было спутниковъ. Именно во французскихъ монастыряхъ удалось ему пополнить сочиненія Цицерона, которыя съ особеннымъ стараніемъ розыскивали со временъ Петrarки. Такъ въ Клюпи онъ нашелъ старый, почти уже иставшій списокъ, который въ числѣ другихъ рѣчей Цицерона заключалъ въ себѣ и рѣчи въ защиту Секста Росція Америнскаго и Мурены. Прежде этого онѣ обѣ были неизвѣстны и обѣ, по видимому, дошли до потомства благодаря удачнымъ поискамъ Поджіо. Онъ спасъ рукописи, которымъ грозила гибель, тѣмъ что взялъ ихъ и послалъ во Флоренцію. Тамъ Гварино и Барбаро постарались разобрать рукопись особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ плѣсень грозила истребить все ⁴⁾. Вторая, болѣе плодотворная находка, именно не менѣе 8 рѣчей Цицерона, сдѣлана Под-

¹⁾ Письмо Поджіо къ Франческо д' Арещо (между августомъ 1448 г. и июлемъ 1449 г.) въ *Specilegium Romanum* T. X epist. 48 (съ примѣчаніемъ Мая), epist. IX, 32 ed. Tonelli: *Aggimianum Marcellium ego latinis Musis restitui, cum eum eruissem e bibliothecis Germanorum*. Cardinalis de Columna (Prospero) habet eum codicem, quem portavi, litteris antiquis etc.

²⁾ Poggius epist. II, 7, къ Никколи отъ 6 ноября 1423 и III, 12 къ нему же отъ 17 мая (1427). Ср. Ulrichs въ журналѣ *Eos* Jahrg. II (1060) v. 352. Kiessling въ *Neue Jahrbucher f. Philologie und Paed.* 1871 S. 481. Vespasiano Nic. Nicoli § 2.

³⁾ Cf. *Scriptores rei rusticae veteres latini* cur. Gesner (T. I Lips. 1725, Praef. п. IX).

⁴⁾ Это видно изъ сопоставленія отдѣльныхъ замѣтокъ, такъ какъ современныхъ извѣстій о находкахъ нѣтъ. Leon. Bruni. epist. IV, 4 отъ 2 января 1415 г. говоритъ прежде всего о трехъ новыхъ рѣчахъ Цицерона, которыя Поджіо недавно нашелъ

жіо спустя два года въ Лангрѣ на Марнѣ, бывшемъ городѣ Лингоновъ. Правда, онъ не могъ здѣсь получить рукопись въ свою собственность, но съ того списка, который онъ сдѣлалъ, написаны были списки его друзей во Флоренціи и Венеціи, и только благодаря этому обстоятельству дошли до насъ нѣкоторые рѣчи, а другія отыскились тоже впоследствии въ другихъ рукописяхъ. А о старомъ лангрскомъ спискѣ потомъ ничего неизвѣстно ¹⁾.

Упомянемъ здѣсь и о позднѣйшихъ усиліяхъ Поджіо по части открытія новыхъ сочиненій Цицерона. Они не увѣчались такимъ успѣхомъ, какъ тѣ, когда онъ самъ производилъ поиски въ пору цвѣтущей юности. Онъ и въ Италіи не упускалъ изъ виду своей цѣли и пользовался для сношеній съ нѣмецкими монастырями всякимъ удобнымъ случаемъ, какой только ему представлялся при римскомъ дворѣ. Такъ здѣсь явился въ 1427 г. Николай Трирскій, который говорилъ, что у него въ числѣ другихъ сокровищъ есть и сочиненіе Цицерона о республикѣ, также о законахъ, о судьбѣ и другія, которыя вообще встрѣчались въ плохомъ видѣ и неполныя. Но книга о республикѣ оказалась извѣстнымъ сномъ Сципіана, сохранившимся у Макробія; другія рукописи Цицерона тоже не дали много новаго, хотя, какъ мы увидимъ, этотъ Николай былъ не шарлатанъ ²⁾. Изъ Утрехта Поджіо получилъ

во Франціи. Самъ Поджіо опредѣляетъ ихъ *epist. II, 7* какъ *illas (orationes Tullii) quas detuli ex monasterio Cluniacensi in II, 26* какъ *orationes meas Cluniacenses*; тутъ мы узнаемъ также, что кромѣ рѣчи за Клоуэціи и другихъ въ спискѣ находились рѣчи за Росцію и Мурену. Согласно *epist. IV, 2* Децембрію въ 1429 г. снова доставилъ Николай во Флоренцію *volumen antiquum* рѣчей Туллія. Это тотъ же загнанный экземпляръ, о которомъ Гваріно говорятъ въ своемъ изложеніи рѣчи *pro Roscio Amerino* (cf. *Ciceronis opp. rer. Orelli, edit. alt. vol. II, P. I p. 66. P. II p. III*): *Quod factum est situ et exemplars vetustate decrepita, quod vir doctissimus Poggius ex Gallis ad nos reportaverat, qui et hujus orationis et alterius pro Murena repertor hac aetate fuit.*

¹⁾ Тѣ рѣчи, о которыхъ здѣсь говорится, извѣстны изъ приписки, сообщенной *Vandini Catal. codd. lat. T. II, p. 431*, согласно которой онѣ были найдены *in silvis Lingonum*. Время опредѣляетъ *Ambros. Travers. epist. IV, 8* къ Барбаро отъ 3-го октября 1417 г. *Ex litteris, quas ad Guarinum proxime dedi, quid Ciceronis orationum Poggii nostri diligentia reparatum sit, scire proteris*. Согласно *epist. VI, 14*, относящемуся, безъ сомнѣнія, къ тому же году, Николай отправилъ къ Барбаро всѣ рѣчи, пересланныя Поджіо. Списокъ амброзіанской бібліотеки, содержащій ихъ и начинающійся рѣчами *pro Murena* и *pro Roscio Amerino*, упоминаютъ Байтеръ и Гаальмъ въ *Ciceronis Opp. I. c. p. II Praef. p. III*. Но это не тотъ экземпляръ, который былъ посланъ къ Барбаро; онъ былъ писанъ самимъ Поджіо, о чемъ онъ упоминаетъ *epist. II, 2, 6* съ жалобой на Барбаро, который очень долго держалъ его. Въ спискѣ, указанномъ Миттареллемъ въ *Bibl. codd. ms. monast. S. Michaelis Venet.* заглачивается только вторая находка. *Vespasiano Poggio § 2* слышалъ отъ Поджіо, что онъ нашелъ 6 рѣчей Цицерона въ кучѣ разнаго хлама.

²⁾ *Poggius ep. III, 12, 29.*

перечень рѣчей Цицерона, между которыми упоминалась въ немъ пятая, направленная противъ Катилины. Поджіо заранѣе уже не вѣрилъ въ существованіе послѣдней, такъ какъ самъ Цицеронъ говоритъ только о четырехъ обнародованныхъ рѣчахъ противъ Катилины, а другія рѣчи все такія, какія уже есть въ Италіи ¹⁾). Подобнаго рода обманъ были нередки. Но это не поколебало намѣренія Поджіо; онъ даже въ далекой Португаліи возбудилъ поиски сочиненій Цицерона о славлѣ, объ утѣшеніи, о законахъ, также остальныхъ писемъ и рѣчей ²⁾). Не удивительно, что его имя отождествлялось съ именемъ лица, открывшаго сочиненія Цицерона, что впоследствии ему приписывали и такія находки, которыхъ онъ никогда не дѣлалъ ³⁾).

Въ Италіи въ то время не розыскивали особенно сочиненія Цицерона, такъ какъ полагали, что эта почва достаточно разслѣдована уже во время Петрарки. Чего тутъ не находили, то открывалось какъ-то случайно. Когда Лионардо Бруни въ 1409 г. былъ съ римскимъ дворомъ въ Пистойѣ, то епископъ Кремонскій, Бартоломмео Капри, показалъ ему одну очень старинную рукопись, содержащую письма Цицерона къ Бруту, къ Квинту Цицерону и 7 книгъ писемъ къ Аттику. Такимъ образомъ въ ней было не все, что было уже извѣстно по веронской находкѣ Петрарки, однако она была полезна для сличенія и исправленія текста, и благодаря ей, быть можетъ, были пополнены пробѣлы, — потому что въ веронской рукописи недоставало двухъ писемъ къ Аттику ⁴⁾). Но мы не знаемъ, найдена ли рукопись Капри въ Италіи, или добыта благодаря заграничнымъ сношеніямъ.

Гораздо больше вниманія обратилъ на себя случай, происшедшій въ 1422 г. въ Лоди въ то время, когда Поджіо жилъ еще въ Лондонѣ. Въ этомъ городѣ стали искать въ грамотъ въ сундукѣ, который давно сталъ запертымъ въ старинномъ соборѣ. Епископъ Джерардо Ландриани нашелъ при этомъ старинный списокъ Цицероновскихъ сочиненій, состоящій изъ нѣсколькихъ частей. Кромѣ обихъ реторикъ, уже извѣстныхъ прежде, и той, въ которой авторъ обращается къ Гереннію и которую тогда еще всѣ приписывали

1) Poggius epist. X, 23. Минияя пятая рѣчь противъ Катилины начиналась словами: Si quid precibus apud deos immortales etc.

2) Poggius epist. VIII, 24.

3) Vespasiano Poggio § 2 говоритъ, что онъ нашелъ письма Цицерона къ Аттику въ Констанцѣ, а Ювій Elog. 10, что въ Германіи найдены были трактаты de finibus и de legibus. Deschamps p. 95 повторяетъ это, прибавляя, что онъ, вѣроятно, завѣдывалъ и печатаніемъ ихъ!

4) Leonardi Bruni epist. III, 13. Cp. Viertel въ Jahrb. f. class. Phil. 1880 s. 243.

Цицерону, и обомъ сочиненій de inventione, тамъ оказались три полныя книги сочиненія «Объ Ораторѣ», «Брутъ, или о знаменитыхъ ораторахъ» и сочиненіе «Ораторъ», въ которомъ авторъ обращается къ Бруту. У Петрарки и его современниковъ были въ рукахъ лишь два испорченныхъ отрывка сочиненія «Объ Ораторѣ»¹⁾, надъ которыми тоже, какъ и раньше надъ Institutiones Квинтиліана трудился Гаспарино, желая ихъ дополнить. Хотя епископъ Ландриани былъ такой человѣкъ, что могъ самъ считаться ученымъ гуманистомъ, однако лодійскій кодексъ съ его старинною рукописью былъ для него, какъ и для миланскихъ ученыхъ, которымъ показали это сокровище, книгою за семью печатами. Имъ приходилось только смотрѣть на нее съ удивленіемъ. Первый, прочитавшій книгу «Объ Ораторѣ», былъ, говорятъ, нѣкто Козьма изъ Кремоны. Потомъ Гаспарино составилъ свой первый исправленный списокъ по тѣмъ отрывкамъ, которые уже были извѣстны, и по вновь найденной рукописи. И онъ въ массѣ копій совершалъ какъ бы торжественное шествіе по Италиі.

Флавіо Бьондо изъ Форли, пріѣхавшій въ это самое время въ Миланъ по дѣламъ своего отечественнаго города, списалъ «Брута» съ «удивительнымъ усердіемъ и быстротою», какъ самъ говорить, послалъ его сперва къ Гварино въ Верону, потомъ къ Леонардо Джустиніано въ Венецію. И вскорѣ экземпляры новаго сочиненія были во всей Италиі²⁾. Ауриспа пламенно желалъ достать его, чтобы списать³⁾. Поджіо, воротившись въ Римъ и опять принявши должность секретаря, съ увлеченіемъ и тщательно переписывалъ самъ эти три сочиненія въ свободное время⁴⁾. Книгу «О знаменитыхъ

1) Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 4 причисляетъ это сочиненіе, равно какъ и Acaedmica и Libri legum къ тѣмъ, qui ita truncati foedatque evaserunt, ut proprie melius fuerit periisse. Epist. rer. senil. XVI, 1 (edit. Basil. XV, 1): libri de Oratore— imperfecti ut semper inveniuntur. И въ перечнѣ книгъ Вальтера Борлея (+ 1337) нѣтъ ни Brutus, ни Orator. По словамъ Сикко Полентоне у Hortis Cenni di Giov. Bossaci intorno a T. Livio p. 89 уже отчаялся найти эти три сочиненія.

2) Главное извѣстіе объ этой замѣчательной находкѣ сообщаетъ Blondus Italia illustr. p. 346. См. также письмо Gasparinus Barzizius въ Opp. ed. Furietto p. 215 къ епископу города Лоды, къ сожалѣнію безъ числа. Изъ этихъ двухъ извѣстій Jac. Phil Bergamas fol. 274 составилъ свое въ пользу своего земляка Гаспарино. Время находки ясно изъ писемъ Поджіо epist. I, 21. 22, отъ 10-го и 25-го іюня (1422). Онъ получалъ это извѣстіе еще въ Лондонѣ чрезъ Никколо. Съ этимъ согласна замѣтка о миланскомъ послѣ во Флоренціи у Vespasiano Nic. Niccoli § 2, на которое обратилъ вниманіе уже Ulrichs Eos Jahrg. II (1866) s. 351. Ср. Masius Flavio Biondo, Leipzig 1879, s. 10.

3) Ambros. Travers. ep. VIII, 39 et al.

4) Онъ получалъ ихъ отъ Никколо. Poggius epist. II, 2. 22. 23. 26. 27. Его экземпляръ помѣченъ у Bandinі Catal. codd. lat. T. II, p. 516, cod. XXXI. На немъ есть три его замѣтки.

ораторахъ», по видимому, впоследствии пересматривалъ Гварино и сдѣлалъ годною для чтенія ¹⁾).

И лодійская рукопись вскорѣ исчезла, и ея содержаніе дошло до насъ только въ копіяхъ и пересмотрѣнныхъ спискахъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ трудолюбію и усердію тогдашнихъ гуманистовъ. Если обратить вниманіе на количество такихъ старинныхъ рукописей, которыя были найдены въ тѣ десятилѣтія, чтобы потомъ истлѣть и исчезнуть, которыя были единственными удѣльщиками экземплярами древнихъ литературныхъ памятниковъ, то мы вполне оцѣнимъ заслугу людей, открывшихъ и сохранившихъ ихъ. Дѣйствительно, легко можно допустить, что нѣкоторыя сочиненія Цицерона погибли уже въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Эти печальные факты и возбудили рвеніе спасать памятники прежде, чѣмъ это уже будетъ поздно.

Но возвратимся къ Поджіо, съ именемъ котораго не даромъ связана исторія сохраненія древнихъ памятниковъ. Извѣстно, что съ Констанцскаго собора судьба перенесла его на нѣсколько лѣтъ въ Англію. Хотя онъ и тамъ продолжалъ свои поиски, однако они были поразительно безуспѣшны, и для него мало было утѣшенія въ томъ, что онъ вмѣсто классическихъ сочиненій нашелъ хроникѣ Зигберта изъ Жамблу и сдѣлалъ изъ нея извлеченія ²⁾). Но чтобы соборныя и монастырскія бібліотеки Англіи были такъ бѣдны рукописи классиковъ, какъ объ этомъ говоритъ Поджіо, мы не можемъ вполне повѣрить, читая Іоанна Салисберійскаго, Вальтера, Борлея и Ричарда изъ Бери Никколи тоже не вѣрилъ этому. Поджіо былъ въ Англіи не въ духѣ, и на умѣ у него было вовсе не переписываніе рукописей. Если мы не ошибаемся, на обратномъ пути, будучи въ Кельнѣ и Парижѣ, онъ прибавилъ къ литературнымъ драгоценностямъ нѣсколько новыхъ приобретеній. Въ Кельнѣ отыскался сатирическій романъ Петронія Арбитра, конечно не полный, какой былъ извѣстенъ въ средніе вѣка и раньше Поджіо. Но для Италіи это была однако новость, и Никколи не могъ семь лѣтъ разстаться съ копіею Петронія, которую другъ его приказалъ списать для себя въ Кельнѣ ³⁾). Изъ Парижа былъ отправленъ къ Никколи лексиконъ Нонія Марцелла вмѣстѣ

¹⁾ Въ пользу этого факта я знаю только одно свидѣтельство, но современное, у Angelus Decembrius de politia lit., Basil. 1562. Lib. I, p. IV; de claris oratoribus ad Brutum nuper a Veronense publicatum. Книга написана около 1450 г.

²⁾ Poggius epist. VIII, 9.

³⁾ Согласно Poggius epist. II, 3 отъ 3 мая 1423 г. онъ получилъ около этого времени заказанный въ Кельнѣ списокъ, cum illac iter feci; epist. IV, 2, 4 отъ 13 и 27 дек. 29 увѣщаніе Никколи.

съ другими сочиненіями, по видимому, не имѣвшими большой цѣны ¹⁾).

И по возвращеніи къ римскому двору Поджіо долго былъ собира- телемъ всѣхъ извѣстій о новыхъ открытіяхъ и всячески старался продолжать послѣднія. Въ Римѣ стекались кандидаты и просители, тяжущіеся и повѣренныя со всѣхъ концовъ латинскаго міра. Папскому секретарю, человѣку опытному, умѣвшему обращаться съ людьми, подобно Поджіо, теперь представлялся отличный случай — собирать свѣдѣнія, и слѣдить за всѣмъ. Иногда это вводило его въ заблуж- деніе, а иногда вело и къ приобрѣтеніямъ.

Начались снова поиски мнимаго Ливія, много терзавшіе еще Петрарку, мучившіе Салютато. Вообразили, что есть очень старинный полный Ливій въ бенедиктинскомъ монастырѣ любекскаго діоцеза, именно въ Эйсмартѣ ²⁾). Не смотря на всѣ разочарованія, страстное желаніе имѣть его поддерживало эту надежду вплоть до нашего вѣка. Почему бы, размышляя тогда Севко Полептоне, не найдтись потеряннымъ декадамъ, если нашлись вполне, въ хорошо сохра- нившемся видѣ, *Institutiones* Квинтилиана и риторическія сочиненія Цицерона ³⁾? Вѣдь найти ихъ тоже отчаялись. Одинъ доминиканецъ, Джіованни да Колонна, видѣлъ четвертую декаду въ шартрской соборной церкви. Рукопись была такая старая, что, по его мнѣнію, едва ли кто нибудь разберетъ ее ⁴⁾). Если это была одна изъ извѣстныхъ декадъ, то случайное открытіе такихъ старинныхъ рукописей давало поводъ надѣяться на то, что и новыя декады со временемъ найдутся. Какъ въ вопросѣ о привидѣніяхъ, такъ и въ этомъ случаѣ всегда всегда люди, которые, сами обманутые или обма- нывая другихъ, видѣли то, чего всѣ нетерпѣливо ожидали. При дворѣ Мартина V, въ началѣ 1424 г., явился одинъ датчанинъ, по имени Николай, который въ присутствіи Поджіо, кардинала Джіор- дано Орсини и другихъ всячески увѣрялъ, что онъ видѣлъ въ цистер-

¹⁾ Poggius epist. II, 22 (1425 г.) о книгѣ *Novia, quem ad te misi una cum aliis rebus ex Parisio, scriptum litteris antiquis*. По этому еще заключать о старой руко- писи, такъ какъ люди, подобные Поджіо, умѣли сами писать *litteris antiquis*. См. также epist. IV, 2.

²⁾ Ср. выше стр. 196.

³⁾ Изъ его не напечатаннаго сочиненія *de illustr. scriptor. linguae latinae u Hortis Cenui di G. Vossaci intorno a T. Livio* p. 89.

⁴⁾ Изъ его сочиненія *de viris illustr. y Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venet. T. VI, p. 52: Vidi ego tamen quartam decadem (sic!) in archivis ecclesiae Carnoten- sis, sed littera adeo erat antiqua, quod vix ab aliquo legi poterat etc.* Когда это было, видно изъ дальнѣйшей замѣтки: *Paduae decessit (Livius), cuius sepulchrum nostra aetate repertum est (1415).*

ціанскомъ монастырѣ Сорое близъ Рёскильде три толстыхъ свитка. Судя по надписи на одномъ изъ нихъ, въ нихъ заключаются десять декадъ Ливія, указатель содержанія которыхъ оиъ самъ читалъ¹⁾. Почеркъ этихъ рукописей, по его словамъ, лонгобардскій, но есть и готическія буквы. Датчанинъ, много странствовавшій по свѣту, казался человѣкомъ легкомысленнымъ. Однако, по видимому, оиъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, и не было причины подозрѣвать наглую ложь съ его стороны. Кардиналъ Орсини, по совѣту Поджіо, хотѣлъ тотчасъ же отправить довѣренное лицо въ Зеландію. А самъ Поджіо обратился къ Никколи, и по его настоянію Козьма Медичи поручилъ своему любекскому агенту тотчасъ же отправиться въ назначенное мѣсто и навести справки. Однако подобныхъ свитковъ не оказалось въ названномъ монастырѣ²⁾. Такіе слухи часто возникали. Вскорѣ Поджіо сталъ до крайней степени недоувѣрчивъ. Когда кардиналъ Чезарини отправлялся легатомъ въ германію во время гусситскихъ войнъ и убѣждалъ его отыскивать Ливія, то оиъ отвѣтилъ въ шутку, что предоставляетъ это ему³⁾. Но когда нашелся второй свидѣтель, на этотъ разъ въ Мантуѣ, который тоже увѣрялъ, что видѣлъ всѣ декады Ливія въ другомъ датскомъ монастырѣ, то оиъ опять почувствовалъ приливъ одушевленія. Туда тоже послали для развѣдокъ и тоже напрасно. Черезъ нѣсколько лѣтъ Поджіо суждено было выслушать и третьяго свидѣтеля, но теперь оиъ считалъ извѣстіе о сѣверномъ Ливіи за басню и заподозрилъ въ свидѣтелѣ шарлатана⁴⁾. Но мы увидимъ, что папа Николай V тоже послалъ открывать Ливія на сѣверѣ.

Имя Ливія не забывалось въ средніе вѣка, и для него всегда находились читатели, прокинутые любовью и уваженіемъ къ этому историку. Его утрата объясняется только значительнымъ объемомъ его труда и замѣною его болѣе удобными сокращеніями. Напротивъ Тацитъ былъ въ полномъ забвеніи, и его приходилось какъ бы возвращать къ жизни. Очевидно лишь дѣло рѣдкихъ случайностей, что оиъ у насъ не мелькаетъ мимолетною тѣнью въ исторіи литературы. Разъ оиъ было явился у Роберта фульдскаго, но потомъ скорѣ опять исчезъ, и только люди все знающіе увѣряютъ, что они замѣчали присутствіе его въ разныхъ мѣстахъ. Петрарка

¹⁾ Decem Livii decadas, quarum capita ipse legisset. Ne Periochae ли это, если только извѣстіе справедливо? Впрочемъ, по видимому, и этотъ Николай, и самъ Поджіо принимали за поднаго Лавія 10 декадъ.

²⁾ Poggius epist. II, 9 къ Никколи отъ 8-го января 1424 г. V, 18. XI, 12.

³⁾ Poggius epist. IV, 20 отъ 7-го мая 1431 г.

⁴⁾ Poggius epist. V, 18. XI, 12.

не зналъ его и не говорилъ о немъ; но его другъ Гульельмо да Пастрейго имѣлъ о немъ смутное представленіе ¹⁾. Тотъ писатель, который открылъ его Лѣтописи и Исторію, насколько ихъ нашлось въ Италіи, переписалъ и пользовался ихъ содержаніемъ, быть Боккачіо. Но онъ оказалъ эту услугу незамѣтно, съ необычайною скромностію, такъ что лишь недавно изслѣдователи могли доказать, что честь открытія принадлежитъ ему ²⁾.

Предполагаютъ, что онъ нашелъ старинную рукопись въ Монте Кассино, печальное положеніе бібліотеки котораго описываетъ. Извѣстно, что эта рукопись осталась единственною представительницей текста позднѣйшихъ изданій Лѣтописей и Исторіи. Неизвѣстно, самъ ли Боккачіо увезъ ее во Флоренцію и случилось ли это при жизни Салютато. Достоверно только то, что она была у Никколи, и онъ что-то такое скрывалъ касательно происхожденія ея. Последнее было покрыто тайною, въ которую въ числѣ немногихъ былъ посвященъ и Поджіо. Но и для него было трудно получить въ Римѣ рукопись для переписки, такъ что онъ успѣлъ въ этомъ лишь подъ условіемъ хранить молчаніе. Все еще боялись, что прежній собственникъ откроетъ ея слѣды ³⁾. Кромѣ Поджіо осторожный Никколи позволялъ списывать рукопись лишь весьма немногимъ друзьямъ, какъ напр. Франческо Барбаро. Съ экземпляра его могъ впослѣдствіи заказать копію кардиналъ Виссаріонъ, который,

¹⁾ De origine rerum fol. 18. Cornelius Tacitus, quem imperator suae praefecit bibliothecae, Augusti gesta descripsit atque Domitiani. Откуда взято это извѣстіе? Сухія упоминанія о Тацитѣ, какъ у Петра Блезенскаго, встрѣчаются и у другихъ, но по нимъ нельзя заключать о томъ, что знали о его сочиненіяхъ.

²⁾ Hortis Le Additiones al de remedio fortuitorum di Seneca etc. Trieste 1879, p. 27 и Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 424. Kürting Boccaccio s. 398. Тутъ есть указанія, что Боккачіо пользовался 13—16 книгами лѣтописей и 2-ю и 3-ю книгами исторіи и что онъ, судя по его письму къ монтекассинскому аббату, вѣроятно, имѣлъ ихъ въ собственноручной копіи. Въ такомъ случаѣ ему было вполнѣ извѣстно содержаніе монтекассинской рукописи.—Такъ объясняется то обстоятельство, что и младшій другъ Боккачіо, Бенвенуто Рамбальди да Имола, въ своемъ комментаріи къ Аду Данта с. IV (vol. I p. 120. 137. ed. Tamburini) ссылается на Тацита и именно на *Annal.* XV, 56 seq.

³⁾ Poggius epist. III, 5 къ Никколи отъ 23-го октября 1426: *gratissimum vero erit, si miseris Cornelium Tacitum.* Въ письмѣ III, 17 къ нему же отъ 27-го сентября 1427 г.: *Cornelium Tacitum, cum venerit, observabo penes me occulte. Scio enim omnem illam cantilenam, et unde exierit, et per quem, et quis eum sibi vindicet; sed nil dubites, non exhibit a me ne verbo quidem.* Въ письмѣ III, 15 отъ 21-го октября 1427: *Misisti mihi—Cornelium Tacitum etc.* Въ III, 17 отъ 5-го іюня 1428 г. сообщается объ обратной посылкѣ Тацита съ прибавкою: *in tuo Cornelio deficient plures chartae variis in locis.* Это извѣстный *cod. Medicus II*, который послѣ смерти Никколи поступилъ въ бібліотеку Лоренца Медичи (*Laurenziana*).

услышавъ толки о Тацитѣ, съ тѣхъ поръ ощутилъ сильное желаніе имѣть его ¹⁾). Изъ всего этого понятно, почему Лѣтописи и Исторія Тацита оставались неизвѣстными для большей части гуманистовъ въ теченіи цѣлаго вѣка, именно до той поры, какъ они были напечатаны въ первый разъ. Поэтому на рукопись не ссылались и тѣ немногіе, которые ее знали, такъ что она не имѣла никакого вліянія на развитіе гуманистической исторіографіи ²⁾).

Но оттуда явились первыя шесть книгъ Лѣтописей, какъ возникъ извѣстный медицинскій списокъ, который послужилъ единственнымъ основаніемъ нашего текста? И его исторія темна. Но мы, кажется не ошибемся, если припишемъ открытіе его Поджіо. Николай Трирскій, о которомъ мы уже упоминали и который часто бывалъ по дѣламъ при римскомъ дворѣ, человѣкъ ученый и совершенно безкорыстный, по свидѣтельству Поджіо, сообщалъ ему о довольно объемистомъ историческомъ сочиненіи Плинія, которое есть у него, или которое онъ съумѣетъ найти въ Германіи—больше этого онъ, очевидно, не хотѣлъ сказать. Поджіо возразилъ ему, что это, вѣроятно, «Естественная исторія». — «Нѣтъ, отвѣчалъ трирець; ее я знаю очень хорошо и не говорю про нее: это сочиненіе заключаетъ въ себѣ «нѣмецкія войны». — Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду первыя книги Лѣтописей Тацита. Какъ подтверждаютъ новѣйшія изслѣдованія, онъ въ то время были уже отдѣлены отъ его мелкихъ сочиненій и на нихъ не было обозначено имени никакого автора ³⁾. Съ этимъ Николаемъ вели переговоры о разныхъ книгахъ, которыя онъ долженъ

¹⁾ Письмо его въ Барбаро отъ 3-го мая 1453 г. въ его *Epist. ed. Quirini epist. 302*, Списокъ Виссаріона, поившій въ Венецію послѣ его смерти, описанъ у *Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. VI p. 21*. Конечно, онъ заключаетъ въ себѣ тоже, что и *Medic. II*. Приписка кардинала отъ октября 1453 г.

²⁾ Но въ сочиненіи *Leonardi Aretini de Studiis et literis tractatulus*, Liptzick 1496 кромѣ Ливія, Саллюстія Курція и Цезаря, рекомендуется и Тацитъ. Но здѣсь его имя, повидямому, составляетъ вставку: его нѣтъ въ изданіи, напечатанномъ съ другой рукописи *Parisii 1642*. Въ сочиненіяхъ Леонбаттисты Альберти опять мѣстами прямо дѣлаются ссылки на книги Тацита и всего раньше, сколько извѣстно, въ *Architettura* p. 38 (*Venetia 1565*), гдѣ онъ ссылается на *Historiar. II, 49*. Но это сочиненіе, по словамъ Пальмерія, онъ отдалъ напѣ въ 1452 г. Этотъ иракъ, покрывавшій сочиненіе Тацита, вызвалъ появленіе странной книги: *Tacitus and Bracciolini. The annals forged in the XV—th century. London 1878*. Значитъ Поджіо въ промежутокъ времени отъ 1422 до 1429 г. велѣлъ сочинить лѣтописи за большія деньги! Авторъ этого криминальнаго романа—Россъ, а англичанинъ Гюортъ постарался опровергнуть его.

³⁾ Такъ какъ Николай Трирскій хорошо былъ знакомъ съ классиками, то онъ могъ заключить объ имени автора по свидѣтельству о своемъ дядѣ Плинія младшаго *epist. III, 5: Bellorum Germaniae viginti quibus omnia quae cum Germanis gessimus bella collegit*. Мы вскорѣ увидимъ, какое было основаніе допускать это относительно Плинія.

доставить изъ своего отечества, и это дѣлалось по разумному указанію Поджіо. «Слѣдуетъ идти впередъ мало по малу; мы имѣемъ дѣло съ варварами, а они недовѣрчивы». И съ тририемъ небрежно обращались при римскомъ дворѣ. Мы вскорѣ узнаемъ, какое великолѣпное приобрѣтеніе было сдѣлано благодаря ему.

Объ историческомъ сочиненіи Плинія нѣтъ больше рѣчи. Но невѣроятно, чтобы Поджіо и Никколи оставили этотъ вопросъ безъ разрѣшенія. Такое молчаніе могло и безъ того разъясниться, но въ Италіи полученъ былъ таинственными путями списокъ. Извѣстіе о томъ, что онъ явился въ Римъ изъ Германіи какъ разъ къ 1509 г., присланный кардиналу Медичи, и темно, и само по себѣ невѣроятно ²).

Быть можетъ, другія извѣстія и соображенія прольютъ болѣе яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Извѣстно положительно, что медицинскій списокъ, содержащій въ себѣ шесть книгъ лѣтописей Тацита, былъ соединенъ съ другимъ знаменитымъ мелицейскимъ спискомъ, который передаетъ намъ только девять книгъ писемъ младшаго Плинія и служить лучшею основою ихъ текста. Оба они писаны однимъ переписчикомъ, и счетъ страницъ продолжается начиная отъ Плинія. Въ средніе вѣка давно знали сто писемъ Плинія; только около 1420 г. появляются рукописи, содержащія восемь книгъ ³). Веспасіано рассказываетъ, что Никколи и—смѣло прибавимъ это имъ отъ себя—Поджіо получили извѣстіе, что въ одномъ любекскомъ монастырѣ есть болѣе полный Плиній. Онъ не говоритъ, что это письма, но объ Естественной исторіи, само собою разумѣется, и рѣчи быть не можетъ. Козьма Медичи тотчасъ же поручилъ одному своему родственнику, имѣвшему тамъ дѣла, переговорить съ монахами. За 100 рейнскихъ гульденовъ книга поступила въ его собственность. Такимъ образомъ возникъ медицинскій списокъ. Между тѣмъ это обстоятельство было причиною многихъ непріятностей какъ для монаховъ, такъ и для самаго Козьмы, и онъ уже не выпускалъ изъ рукъ драгоценной

¹) Vespasiano Niccolo Niccoli § 1 говорить о немъ: *s'egli sapeva libro ignuno o in latino, o in greco, che non fusse in Ferenze, non perdonava nè a spesa nè cosa ignona per averlo, è sonci infiniti libri in Firenze, nella lingua latina, che tutti s'eblo no col mehro suo.* § 2: *è quelli libri che sapeva che fussino in luogo ignuno, usava ogni mezzo che poteva per avergli.*

²) Poggius epist. III, къ Никколи отъ 17-го мая (1427 г.); далѣе III, 13. 14. 19. Ulrichs Briefe über Tacitus въ Eos Jahrg. II (1866) s. 227. Извѣстіе въ родѣ Бефаальдова, который говоритъ, что списокъ найденъ *in saltibus Germaniae*, или Беатуса Ренануса, который указываетъ на Корвэ,—темныя преданія.

³) Cf. Plini Epist. rec. Keil, Lips. 1870, Praefat., гдѣ группы рукописей разсмотрѣны съ образцовой тщательностью.

рукописи. Однако она сохранялась въ строгой тайнѣ, какъ и всѣ подобныя пріобрѣтенія, такъ что въ XV в. съ нея не было снято ни одной копій, и рукопись получила значеніе только при второмъ изданіи Катанео въ 1518 г. Будетъ ли смѣлостью предположить, что вмѣстѣ съ Плиніемъ изъ Любека явились въ бібліотечу Козьмы и Дѣтописи Тацита ¹⁾?

Близко родственъ съ этимъ вопросомъ другой: когда и гдѣмъ доставлены въ Италію мелкія сочиненія Тацита, Германія, Агрикола и разговоръ объ ораторахъ. Положительно извѣстно только то, что они явились всѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ съ сочиненіемъ Светонія о грамматикахъ и риторахъ. И тутъ, если я сужу вѣрно, авторъ замѣтки, имѣющей, видимо, положительный характеръ, введенъ въ заблужденіе, приписывая находку или доставку рукописей Эноке да Асколи. Первый слѣдъ этихъ сочиненій открылъ, по видимому, Бартоломмео Капра, тогдашній епископъ миланскій, который съ своими политическими порученіями соединялъ отыскиваніе классическихъ рукописей и, какъ мы видѣли, нашелъ старинный списокъ цецерововскихъ рѣчей. Поджіо былъ въ Лондонѣ, когда узналъ отъ Никколи о находкѣ Капры. Но онъ не хотѣлъ этому вѣрить, предполагая, что Капра при своемъ высокомъ положеніи и опираясь на авторитетъ императора завладѣлъ бы этимъ сокровищемъ, или по крайней мѣрѣ похлопоталъ бы о перепискѣ рукописи, объявилъ бы наконецъ всему свѣту о своемъ знаменитомъ открытіи. Намъ, правда, не сообщаютъ, что собственно онъ открылъ; но эти были крупныя историческія сочиненія, и они найдены были въ Германіи. Тутъ всего естественнѣе предположить Тацита и Светонія, такъ какъ только ихъ неизвѣстныя сочиненія и можно было отыскать. Ревнивый прелатъ сдѣлалъ изъ найденнаго сокровища тайну, по ему не удалось воспользоваться имъ. Быть можетъ, энергическія флорентинцы предупредили его въ этомъ случаѣ ²⁾.

¹⁾ *Vespasiano Poggio* § 2. *Niccoli* § 3: *Plinio intero non era in Firenze, se non era frammentato. Онъ также говоритъ объ uno grandissimo inconveniente. О Тацитѣ онъ не говоритъ, а знаетъ только, въ какомъ положеніи находился прежде его рукописи во Флоренціи. Prooem. della vita d'Alessandro de'Bardi: Scrive Cornelio Tacito una storia; si trova frammentata; òvvi la vita di Nerone e d'altri imperatori: Angelus Decembrius de politia libr. Lit. I, p. IV говоритъ о Plinii minoris epistolae, quarum inuper (его сочиненіе написано около 1450 г.) ceutum et viginti quatuor cum priorebus pventiae. Это нейдетъ ни къ одной изъ группъ, указанныхъ Кейлемъ. Это inuper часто получаетъ произвольную растяжимость. Такъ думаетъ Катанео, говоря въ предисловіи 1458 г. о codex pontificius, qui cum libris quinque Corneli Taciti nuper inventis coniunctus fuerat. Это значить только, что ему медіцейскій списокъ сдѣлался извѣстенъ недавно.*

²⁾ *Poggius* *epist.* I, 21 къ Никколи, изъ Лондона отъ 10-го іюня (1422). Поджіо говоритъ: *Est enim res digna triumpho, inventio tam singularium auctorum: sed mihi non*

Если приобретёнія дѣлались открыто и прямымъ путемъ, то не нужно было прибѣгать ни къ какой тайнѣ. Повидимому, у Николая Трирскаго дѣйствительно были тѣ книги, каталогъ которыхъ онъ послалъ въ Римъ въ февралѣ 1429 г. Къ сожалѣнію, еще не разъяснено, кто онъ былъ; его можно считать за одного изъ многочисленныхъ дѣльцевъ или агентовъ, которые то и дѣло являлись при римскомъ дворѣ, неразъяснено и то обстоятельство, какъ и откуда подобный чловѣкъ могъ приобрести въ Германіи большое количество классическихъ рукописей. Остается предположить, что они взяты изъ какой нибудь монастырской или соборной бібліотеки, за которою никто не наблюдалъ ¹⁾ Николай былъ хорошо знакомъ съ Поджіо, но книжную торговлю онъ началъ съ болѣе богатымъ и знатнымъ чловѣкомъ, съ кардиналомъ Джіордано Орсини. Въ его каталогѣ были нѣкоторыя хорошія книги, сочиненія Цицерона, полный Гехвій, Курцій, даже съ первую книгою, сочиненія Киприана и т. п., а—что всего важнѣе—20 комедій Плавта, болѣею частью съ заглавіями, до того времени неизвѣстными. Когда инвентарь разсматривали въ присутствіи Поджіо и дошло дѣло до Плавта, то онъ сказалъ: «это было бы громадное приобретение!» Онъ просилъ кардинала тотчасъ же послать кого нибудь за рукописями. Но кардиналъ отговаривался тѣмъ, что слѣдуетъ подождать; Николай самъ доставить книги въ Римъ. Интересъ былъ сильно возбужденъ.

изъ «Германіи», но показываютъ бѣглое чтеніе. Ср. Gengler Ueber Aeneas Sylvius и s. w. Erlangen 1860 s. 90. О другихъ сочиненіяхъ Тацита Пий, кажется, не зналъ. Заглавіе, идущее лишь въ небольшой части его сочиненій, Tractatus de ritu, situ, moribus et conditione Germaniae, или просто Germania встрѣчается только въ печатномъ посланіи 1496 и 1515 г.—Неблагопріятно то обстоятельство, что вновь открываемые классики списывались въ одну рукопись и потомъ печатались, что такимъ образомъ сочиненія Тацита и Светонія являются рядомъ съ Аппіаномъ и Парфроніемъ, найденными Эноке, и рядомъ съ Фронтинумъ, добытымъ Поджіо въ Монте-Кассино. Начало рукописей относится къ 1460 г., Падуанская къ 1464 (Tomasinus Bibl. Patav. MS. p. 16). вѣнская, писанная въ Римѣ, къ 1466 (Huemer в Zeitschr. f. d. österr. Gymnasien 1873 s. 801). Чезенская у Muccioli Catal. cod. ms. Malatest. Caesen. bibl. T. II p. 103, навѣрное, относится не къ началу XIV в., что касается только сочиненій Мелы,

¹⁾ Это, безъ сомнѣнія, то же лицо, о которомъ говоритъ Anibros. Travers, epist III. 48 изъ Базеля 24 октября 1435 г.: Nicolaus Treverensis, homo studiosissimus et librorum copia insignis. Онъ получалъ духовное мѣсто отъ папы. Быть можетъ, и Николай, упомянутый въ epist. III, 50, императорскій посолъ на бреславльскомъ соборѣ, тотъ же самый. Въ актахъ собора нельзя указать этого посольства. Ulrichs попалъ на догадку, что Николай Трирскій тождественъ съ знаменитымъ Кузанумомъ, съ чѣмъ почти согласны замѣтки Траверсари. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о молодости Кузануса. Въ нѣмецкихъ документахъ 15 сент. 1430 г. и 7 сент. 1431, у Герца, Regesten der Erzbischöfe zu Trier, его называютъ магистромъ и докторомъ, деканомъ монастыря св. Флоріана Probstei въ Кобленцѣ и постоянно Николаемъ фонъ Кусъ.

Никколи во Флоренціи такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что подозрѣвалъ, не хочетъ ли другъ Поджіо подшутить надъ нимъ. На святкахъ дѣйствительно трирець явился въ Римъ и привезъ драгоцѣнное сокровище— Плавта; тутъ были четыре извѣстныхъ уже комедія и двѣнадцать новыхъ ¹⁾.

Такая находка произвела тотчасъ же нѣкотораго рода волненіе въ литературныхъ кружкахъ, и каждый желалъ имѣть копію. Старинная рукопись, принадлежащая теперь къ числу сокровищъ ватиканской бібліотеки, была искажена, и ее нельзя было понять не обладая основательною ученостію: слова были не отдѣлены другъ отъ друга, распредѣленіе ролей неясно. Поджіо считалъ себя только одного въ состояніи востановить сколько нибудь исправный текстъ. Но кардиналъ не соглашался дать ему рукописи и не склонялся на его просьбы, такъ что послѣдній съ досады рѣшился больше не просить его. Поджіо не зналъ, что кардиналъ самъ хотѣлъ испытать свои силы надъ Плавтомъ и издать его, изъ желанія славы, со стихами сочиненными Лоски ²⁾. Теперь и флорентинскимъ друзьямъ пришлось ждать. Оттуда Камальдульскій монахъ Траверсари первый обратился къ кардиналу съ просьбою, но не получилъ отъ него даже и отвѣта ³⁾. Потомъ его просили о томъ же герцогъ миланскій, Филиппъ Марія Висконти, маркграфъ Леонелло д'Эсте и Лоренцо де Медичи. Послѣднему, вѣроятно, внушилъ это Гаспарино ди Варзицца, а маркграфу Гварино ⁴⁾. Но кромѣ Медичи были еще Никколи, Поджіо и Траверсари. Владѣтельными особамъ, разумѣется, нельзя было отказать въ копіяхъ. Но когда Лоренцо Медичи самъ пріѣхалъ въ Римъ, чтобы сказать привѣтствіе папѣ Евгенію IV отъ имени республики, то и ему удалось выманить рукопись у кардинала и привезти во Флоренцію, гдѣ Никколи и Траверсари тотчасъ же сами принялись за переписку ея. Никколи было, очевидно, очень тяжело отдавать рукопись для отсылки въ Римъ послѣ того, какъ онъ переписалъ ее ⁵⁾.

1) Poggius, epist. III. 21. 29. 30. 31. 39 IV, 4. Vespasiano Poggio § 2 приписываетъ и Леонардо Бруни, бывшему тогда во Флоренціи, участіе въ доставкѣ 12 комедій, конечно, неосновательно: Ritschl Ueber die Kritik des Plautus въ Opusc. philol. vol. II. Lips. 1868, p. s seq.

2) Poggius epist. IV, 4. 11. 17.

3) Ambros. Travers. epist. VIII, 35, 36.

4) Его письма къ кардиналу Орсини и къ Леонелло д'Эсте см. у Pez Thesaur. anecd. nov. T. V. P. III, epist. 14. 8.

5) Ambros. Travers. epist. VIII, 2. 37. 41. Письмо Поджіо къ Никколи *ibid.* XXV, 44. Все-таки комедіи Плавта распространялись не особенно быстро. Въ 1452 г. Филельфо еще хлопоталъ о копіи, какъ показываетъ его письмо отъ 22-го января. Отъ

Поджіо уже, конечно, не пришлось видѣть при жизни снова такое блестящее приращеніе классической литературы. Однако ему еще два раза удалось спасти отъ гибели классическія сочиненія, тлѣвшія въ монастырскихъ бібліотекахъ. Было извѣстно, что въ монтекассинской бібліотекѣ есть сочиненіе Фронтіна о римскихъ водопроводахъ. Поджіо завелъ объ этомъ рѣчь съ администраторомъ монастыря, когда послѣдній пріѣхалъ въ Римъ. Онъ обѣщаль прислать книгу, если она найдется; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по его словамъ, много книгъ пропало изъ монастыря. Если мы вспомнимъ при этомъ о Тацитѣ, то намъ будутъ понятны и осторожность Поджіо, и его нетерпѣливое ожиданіе. Дѣйствительно, ему написали, что Фронтіна долго искали, но нигдѣ не нашли. А онъ былъ того мнѣнія, что для этого туда непременно слѣдуетъ отправиться ученому человеку. Въ іюль 1429 г. онъ рѣшился ѣхать самъ туда вмѣстѣ съ кардиналомъ Брандою. На этотъ разъ книга нашлась, и онъ могъ взять ее на нѣсколько времени съ собою въ Римъ и списать. Изъ монастыря въ свое время потребовали рукопись назадъ ¹⁾).

Если мы бросимъ взглядъ на довольно длинный рядъ открытій и пріобрѣтеній, нераздѣльно связанныхъ съ именемъ Поджіо, то должны будемъ по истинѣ дивиться его дару проникательности въ дѣль находокъ, гибкости и энергіи, съ которыми онъ преслѣдовалъ свои цѣли. Но его заслуги явятся въ свѣтѣ еще болѣе яркомъ, если мы сравнимъ ихъ съ дѣятельностью другихъ лицъ, которыя по его примѣру искали книгъ и не были лишены ни учености, ни умѣнья. Къ числу такихъ искателей принадлежалъ и Траверсари. Онъ тоже развѣзжалъ по Италіи, Германіи и Венгріи, и у него, какъ генерала ордена Камальдуловъ, не было недостатка ни въ связяхъ, ни въ помощникахъ. Но кромѣ нѣкоторыхъ книгъ духовнаго содержанія онъ ничего не нашелъ ²⁾). Счастливейе его былъ Ауриспа, ко-

Vespasiano Poggio § 2 мы узнаемъ, кому обязаны хотячею рецензією текста: Puro per diligentia Messer Lionardo e di messer Poggio si trovarono le dodici ultimime comedie di Plauto; e messer Grigorio Corero viniziano e messer Poggio e altri l'emendarono, e misonele nell'ordine ch'elle si trovano.

1) Poggius epist. II, 26 (1426 г.) 27. 29. 34. 35. III. 37. IV, 2. 4. Вмѣстѣ съ сочиненіями Фронтіна были и *Matheseos libri* Фирмыка Матерна, которыхъ, впрочемъ, Поджіо не списалъ. Онъ упоминаетъ о находкѣ и въ своемъ сочиненіи *Descriptio urbis Romae* (Opp. p. 136). Относительно времени ея (1429) иначе показываетъ Ambros. Travers. ep. VIII, 43, такъ какъ это письмо должно быть отнесено къ 12 апр. 1432 г. Монтекассинскій кодексъ, единственный представитель текста, и теперь еще хорошо извѣстенъ. Cf. *Julii Frontini de aquis urbis Romae* rec. Bücheler, Lips. 1858 p. 5.

2) Такъ въ ep. VII, 4 онъ говоритъ, что на пути въ Венгрію былъ въ Регенсбургѣ (1435 г.): *Illic monasterium* (Св. Эммерана) *nirae pulchritudinis et antiquitatis offendimus, voluminaque antiqua permulta, sed nihil peregrinitatis habentia.*

торый по дѣламъ базельскаго собора ѣздилъ въ Бельнъ и Майнцъ и рылся въ тамошнихъ библіотекахъ. Въ Майнцъ въ 1433 г. онъ нашелъ латинскіе панегирики, главный изъ нихъ — похвальное письмо Плинія младшаго императору Траяну и Комментарій Доната къ Теренцію ¹⁾. Старинныхъ рукописей панегириковъ больше отыскано не было потому, слѣдовательно потеря этого единственнаго экземпляра навсегда лишило бы потомство цѣлаго классическаго сочиненія. По этому такіе счастливые случаи слѣдуетъ считать спасеніемъ классиковъ ²⁾.

Въ 1430 г. собраны были почти все произведенія латинскихъ классиковъ, какія мы теперь знаемъ. Дополненія, сдѣланныя во время Николая V и послѣ него, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что было собрано въ тотъ вѣкъ, когда Петрарка впервые началъ производить свои поиски. Правда, не хватало еще списка найденныхъ литературныхъ сокровищъ, или онъ былъ только въ головѣ Никколи, въ его книгохранилищѣ, въ хранилищахъ его флорентинскихъ друзей. Стали смотрѣть на остатки древней римской литературы какъ на великое цѣлое, какъ на священные предметы, спасенные отъ всеразрушающаго времени. Имъ придавало особую цѣну то обстоятельство, что они собраны были съ такимъ трудомъ и по частямъ. Теперь слѣдовало сравнивать разныя рукописи и исправлять текстъ, объяснять его и пользоваться имъ для чтенія и изученія грамматики, реторики, пѣники, философіи, исторіи и т. д. Восторженное увлеченіе древнимъ міромъ мало по малу привело къ его основательному изученію.

Весьма понятно, что у этихъ собирателей церковная литература стояла на второмъ планѣ. Но про нее не позабыли, и не смотрѣли на нее съ пренебреженіемъ. Въ числу особенно любимыхъ церковныхъ писателей принадлежали тѣ изъ нихъ, которые по образу мыслей и слогу напоминали античныхъ поэтовъ и философовъ. Эта литература мало по малу распространялась. Въ числу тѣхъ сокровищъ, какія нашелъ въ С. Галленѣ Поджіо съ своими друзьями, относилось и одно сочиненіе Лактанція ³⁾. Траверсари во время своего

1) Легко можетъ быть, что это та самая рукопись, которая попала въ руины миланскому епископу Франческо Паччиолонесси и которую ему разобралъ и описалъ Пьеръ Кандіо Дечембрио. Ср. Dziatsko въ Jahrbücher f. class. Philol. Suppl. Band. X s. 691.

2) Письмо Ауриспы къ Якобину Томмазіо изъ Базеля отъ 1433 г., на которое первый обратилъ вниманіе Fabronius Magni Cosmi Medicei vita vol. II p. 227, было издано Кейлемъ въ Index scholarum въ Галле на лѣтній семестръ 1870 г. р. III съ объясненіями. См. также Plini Epist. rec. Keil, Lips. 1870, Praef. p. XXXVIII.

3) De utroque homine. См. Cenci l. e. А стихотвореніе о Фениксѣ, приписываемое Лактанцію, было будто бы найдено въ Страсбургѣ. Aless. Macinghi Lettere ed. Guasti p. XVI.

пробыванія въ Римѣ нашель 39 гомилиі Оригена, которыя до того времени были извѣстны только по заглавію. По его словамъ, онъ такъ бы не обрадовался, если бы открылъ сокровища Креза; не менѣе его радовался и другъ его Никколи, получивши извѣстіе объ этомъ ¹⁾. Когда Ауриспа рылся въ нѣмецкихъ бібліотекахъ во время базельскаго собора, и кардиналъ Альбергати пріѣхалъ въ Германію въ качествѣ папскаго легата. Съ нимъ былъ и его домоправитель Томазо Парентучелли, будущій папа Николай V. Послѣдній, членъ флорентинскаго ученаго кружка, нашель при этомъ полный экземпляръ сочиненій Гертулліана, который и былъ тотчасъ же посланъ къ Никколи ²⁾. Такимъ образомъ основатель ватиканской бібліотеки самъ принималъ благородное участіе въ собираніи памятниковъ христіанской духовной литературы. Венеціанецъ Григоріо Кортаро тоже привезъ съ базельскаго собора въ Италію найденное въ Германіи сочиненіе Сальвини «О божественномъ Промыслѣ» ³⁾. Но вообще говоря, церковная литература была довольно распространена по культурнымъ католическимъ странамъ. Классическая же литература была собрана только тамъ, гдѣ ее временно разрабатывали.

Теперь началось перенесеніе въ Италію остатковъ древней греческой литературы съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ Поджіо и Никколи собирали латинскія сокровища. Съ тѣхъ поръ какъ Хризолоръ, явившись въ эту страну, пробудилъ восторженное поклоненіе древней Элладѣ, явилось и сильнѣе желаніе имѣть греческія книги. Судя по тому, что нашлось на итальянской почвѣ, нельзя было и думать, что здѣсь нѣкогда эта литература такъ же процвѣтала, какъ и въ самой Греціи. Быть можетъ, здѣсь были два, три экземпляра поэмъ Гомера, нѣкоторыя сочиненія Платона и творенія нѣкоторыхъ Отцовъ Церкви. Но эти книги можно было достать не за дорогую цѣну и легко въ самой Греціи особенно въ Византіи и на островахъ, или черезъ сношенія съ учеными, или черезъ агентовъ флорентинскихъ и венеціанскихъ торговыхъ домовъ. Ліонардо Бруни, который, насколько мы знаемъ, всѣхъ раньше позаботился о собираніи греческихъ книгъ, получалъ ихъ съ острова Кипра и изъ другихъ мѣстъ то черезъ посредство Венеціанца Хризолора, то черезъ куп-

¹⁾ Это были бесѣды на евангеліе отъ Луки и еще бесѣды на три псалма. Ambrosii *Hodoerogicon* p. 10.

²⁾ См. письмо Ауриспы I. c. Albertus a Sarthino *epist.* 25 къ Никколи отъ 27-го января 1433 г. quem (Tertullianum) in Alamannia repertum de Basilea Theutonicorum ad te perlatum doces.

³⁾ Его письмо къ Чеч. Гонзаго отъ 5-го августа (конечно, 1440 г.) у Mabillon *Museum Ital.* T. I p. 198 и у Martene et Durand *Vet. Scriptit. Collect.* T. III, p. 838.

⁴⁾ Leon. Bruni *epist.* II, 15, Ambros. Travers. *epist.* VI, 7.

цовъ ¹⁾. Особенно помогли ему связи съ Венеціанцемъ Пьетро Мьяно, который самъ былъ человѣкъ образованный и собиралъ греческія рукописи. Онъ собиралъ ихъ въ Левантѣ во время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ торговли и охотно сообщалъ ученому Бруни. Черезъ него-то послѣдній и познакомился съ исторіею Фуккида, жизнеописаніями Плутарха и разными сочиненіями Ксенофонта ²⁾. Только такими окольными путями можно было доставать въ Римѣ памятники греческой литературы.

Вскорѣ возвратились въ отечество тѣ итальянцы, которые ѣздили въ Византію почерпать греческую мудрость изъ самаго источника ея и приобрѣтать греческія книги. Они привезли съ собою богатые сокровища. Первымъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ Гварино, хотя и не могъ повунать столько книгъ, сколько хотѣлъ ³⁾.

Но его примѣръ и увлекательные рассказы о томъ, что онъ видѣлъ и пережилъ, повидному, внушили Никколи мысль о поѣздкѣ въ Грецію вмѣстѣ съ Гварино. говорившимъ по гречески, и съ Поджіо, и купить тамъ книгъ. Но этотъ планъ не осуществился: Гварино женился, а Поджіо былъ еще въ Лондонѣ, да, по видимому, и денегъ на проѣздъ не хватило ⁴⁾. Разсчитывали на Козьму Медичи, но онъ нашель, что лучше доставать книги черезъ агентовъ.

И на этомъ поприщѣ Джіованни Ауриспа оказалъ величайшія услуги. Чѣмъ былъ Поджіо для римской литературы, тѣмъ онъ— для греческой. Довольно ученый знатокъ ея, опытный въ розыскиваніи книгъ, ловкій въ обращеніи съ людьми, Ауриспа имѣлъ еще особаго рода способность приобрѣтать и покупать рукописи. Хотя онъ прежде всего желалъ прослыть ученымъ, однако покупалъ и продавалъ съ такимъ искусствомъ, что его готовы были принять за книгопродавца. Какъ и откуда онъ получалъ списки, онъ, повидному, считалъ тайною. Еще въ 1417 г., встрѣтившись въ Пизѣ съ Никколи, онъ продалъ ему Фуккида весьма стариннаго письма ⁵⁾. Мы не знаемъ, дѣлалъ ли онъ прежде поѣздки въ Италию. Съ 1422 г.

¹⁾ Leon. Bruni epist. II, 15. Ambros. Travers. epist. VI, 7.

²⁾ Два письма—одно къ Никколи, другое къ Мьяно, котораго онъ называетъ homo doctissimus, см. у Bandini Bibliot. Leop. Laurent. T. II, p. 453.

³⁾ Единственное подробное извѣстіе объ этомъ Панегаринъ въ iani Pannonii Poemata P. I, p. 300: et urbem Ingrederis Venetam Spoliis orientis onustus. Онъ лишился части греческихъ списковъ на морѣ и съ горя поспѣлъ отъ этого. Объ этомъ см. у Pontico Virunio.

⁴⁾ Roggius epist. I, 8. 9. 10. 11. 13. Все это, повидному, относится къ 1420 г., а поѣздка Гварино въ октябрь или самому концу 1409 г.

⁵⁾ Ambros. Travers. epist. VI, 8.

до весны 1423 г. онъ пробылъ въ Константинополѣ и скупилъ тамъ массу греческихъ книгъ, какъ классическихъ, такъ и духовныхъ. Повидимому, у него были также связи въ Пелопоннезѣ и на островахъ. Старый императоръ Эммануэль II подарилъ ему нѣсколько книгъ; это были—обширное историческое сочиненіе Проконія и маленькій трактатъ Ксенофонта «О верховой ѣздѣ». Произведенія духовной литературы Ауриспа послалъ на свою родину, въ Сицилію, частію потому что они, по его словамъ, были не такъ цѣнны для него, а отчасти и потому, что медлить было опасно. Его обвинили передъ императоромъ въ томъ, что онъ въ Византіи «награбилъ книгъ св. писанія». Присвоеніе языческихъ классиковъ, прибавляетъ онъ, тамъ не казалось столь преступнымъ. Вскорѣ такъ дурно стали смотрѣть на его торговля операціи въ Византіи, что греческій посолъ, проѣзжавшій чрезъ Флоренцію, назвалъ его плутомъ. Поэтому онъ туда ужъ больше не ѣздилъ.

Когда Ауриспа пріѣхалъ въ Венецію въ 1423 г., то онъ привезъ въ своемъ тяжеломъ сундукѣ не менѣе 238 томовъ, однимъ словомъ цѣлую библіотеку. Это были исключительно древніе классики. На одно погашеніе долговъ въ Константинополѣ и на уплату за провозъ потребовалось 50 гульденовъ золотомъ. Ему охотно помогъ Лоренцо Медичи, потому что къ нему поступило на такую же сумму книгъ въ видѣ залога. Онѣ остались у Франческо Барбаро, которому потомъ очень трудно было разставаться съ такимъ сокровищемъ. Ауриспѣ сильно хотѣлось тотчасъ же отправиться во Флоренцію, но война и чума удержали его. Къ этому городу онъ постоянно стремился мысленно, во Флоренцію направлялъ свою корреспонденцію, главнымъ образомъ къ Никколи и Траверсари, какъ Поджіо изъ Констанца и Лондона.

Флорентинцы давно уже хлопотали о спискѣ тѣхъ книгъ, которыя Ауриспа собралъ въ Византіи. Но онъ не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ, хотѣлъ еще больше возбудить любознательность и такимъ образомъ повысить цѣну на свой товаръ.

Только разъ послалъ онъ прямо изъ Константинополя къ Никколи отличный старинный списокъ, хорошо сохранившійся, но за то и очень дорогой. Это были семь трагедій Софокла, шесть Эсхила и *Argonautica* Аполлонія. Это знаменитый кодексъ библіотеки Лоренцо Медичи, превосходящій всѣ прочія древностью и исправностью текста. Траверсари былъ въ восторгѣ: онъ полагалъ, что рукопись писана раньше VI вѣка—теперь ее относятъ приблизительно къ десятому—и онъ никогда не выдалъ лучшаго списка греческихъ поэтовъ. По его мнѣнію, въ этомъ случаѣ Ауриспа игралъ роль истиннаго друга.

Теперь онъ возвратился со множествомъ сундуговъ, наполненныхъ подобными сокровищами. Черезъ это онъ надѣялся занять почетное положеніе во Флоренціи, и Козьма изъявилъ готовность помочь ему. Ауриспа сообщилъ ему, что онъ привезъ съ собою 300 томовъ, и быть можетъ, не преувеличилъ, если принять въ расчетъ отцовъ Церкви, прибывшихъ въ Мессину. Никколи и Камальдульскій монахъ всячески старались заманить этого книжного Бреза во Флоренцію, рассмотреть его богатства и воспользоваться ими. Но Ауриспа послалъ во Флоренцію лишь короткой списокъ дорогихъ книгъ, составленный на память. У него были почти всѣ рѣчи Демосоена въ очень старинномъ спискѣ, всѣ сочиненія Платона и Ксенофонта, какія только дошли, Діодоръ, Страбонъ, Арріапъ, Лукіанъ, Діонъ Кассій и др. Многія сочиненія у него были въ двухъ экземплярахъ и даже болѣе, какъ напр. сочиненія Платона и Плутарха. Это было истинное перенесеніе цѣлой литературы на новую и плодородную почву ¹⁾. 10 октября 1428 Франческо Филельфо воротился изъ Константинополя въ Венецію. И онъ прислалъ напередъ множество греческихъ книгъ, но онѣ пролежали цѣлые десятки лѣтъ у Джустиниани, конечно какъ обезпеченіе. Другія сочиненія онъ привезъ съ собою. Онъ приобрѣлъ нѣсколько рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ, но его собраніе, разумѣется, нельзя было сравнивать съ богатствами Ауриспы ²⁾.

Мы не будемъ долѣе слѣдить за тѣмъ, какъ греки, постоянно все и болѣе переселяясь на Западъ, привозили съ собою и памятники своей литературы. Мы должны считать великимъ счастьемъ, что эти сокровища все охотнѣе увозили въ Италію по мѣрѣ того, какъ византійской имперіи грозило турецкое завоеваніе. А въ Италіи въ то время ихъ усиленно искали. Здѣсь положительно признавали это спасительнымъ дѣломъ. А чего не успѣли спасти, то окончательно погибло подъ господствомъ полумѣсяца ³⁾.

Теперь снова получили свое значеніе не только книги, но также и развалины, статуи, драгоценные камни, медали и монеты. Въ

¹⁾ Ambrog. Travers. epist. V, 34. VIII, 1. 7. 8. 28. 39. Письма Ауриспы *ibid.* XXIV, 38. 53. Всѣ эти письма помѣчены числами, но годъ не обозначенъ. За точку отправленія слѣдуетъ принять то, что Travers. ep. VIII, навѣрное отъ 16-го марта 1423 г., такъ какъ упоминаемая въ немъ рѣчь Альберто да Сартіано прямо помѣчена 1422 г. Согласно этому легко можно возстановить послѣдовательный порядокъ писемъ.

²⁾ Письма Филельфо отъ 12-го октября 1427 г. къ Барбаро, 3-го августа 1448 г. къ Гварино.

³⁾ Въ Византіи еще Чиріако Анконскій видѣлъ около 1418 г. *bibliothecas plerasque graecis sacris et gentilibus litteris auro imaginibusque insignes* (Scalamontius у Collucci Antich. Picene T. XV. p. 65. Не многія изъ нихъ пережили турецкое завоеваніе.

теченіе цѣлыхъ вѣковъ никто и не думалъ объ этихъ остаткахъ древности. Если они не представляли цѣнности, какъ металлъ, или украшеніе, то ихъ обрекали безжалостно на разрушеніе, такъ какъ людямъ сталъ чуждъ тотъ міръ, который они напоминали собою. Даже въ самомъ Римѣ древній Римъ почти пришелъ въ забвеніе. Духовные властелины города и его знать считали памятники просто матеріаломъ, годнымъ для построекъ и укрѣпленій, или, если они были мраморные, хоть на известку. Простой народъ по крайней мѣрѣ придавалъ хоть какое нибудь значеніе этимъ императорскимъ сооруженіямъ: онъ думалъ, что они воздвигнуты злыми духами. Всѣ эти зданія и развалины были окутаны мистическимъ мракомъ, внушали страхъ передъ язычествомъ, съ которымъ они были тѣсно связаны. Кто бывалъ въ Римѣ и осматривался кругомъ по указанію *Mirabilia*, того привлекалъ къ себѣ городъ мучениковъ и папъ, и лишь мимоходомъ бросалъ онъ взглядъ на развалины до-христіанскаго Рима. Въ древнихъ надписяхъ не говорилось ни о чемъ такомъ, что бы удовлетворяло умственнымъ запросамъ новаго чело-вѣка. Тотъ паллигримъ, который посѣтилъ Римъ и Италію въ IX в., составилъ Путеводитель по Риму и собралъ нѣкоторыя надписи. Это Анонимъ изъ Эйнавидельна, какъ его обыкновенно называютъ по мѣсту находки одной копіи. Онъ былъ свидѣтелемъ разныхъ умствен-ныхъ движеній, которыя совершались во времена Каролинговъ, однако является передъ нами безвѣстнымъ и одинокимъ. Его соб-равіе, бывшее въ забросѣ цѣлые вѣка, обратило на себя вниманіе лишь въ вѣкъ гуманистовъ.

Петрарка видѣлъ Римъ какъ мечтатель, витающій въ образахъ своей фантазіи. Для него городъ представлялъ собою священную почву благода-даря героямъ, которая на каждомъ шагѣ напоминаетъ о томъ, какимъ поруганіямъ подвергалась она въ позднѣйшія эпохи. Но онъ не былъ изслѣдователемъ, жаждущимъ открытій. Напротивъ, онъ до-вѣрчиво выслушивалъ все, что передавали ему согласно съ народной молвою. Онъ повѣрилъ тому объясненію, что колонна Траяна есть надгробный памятникъ этого императора, а пирамида Цестія памятникъ на могилѣ-Рема. Ему и въ голову не приходило искать болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ въ надписяхъ. Императорскія монеты онъ считалъ не вспомогательнымъ средствомъ для изученія древняго міра, но предметами, напоминающими только объ извѣстной эпохѣ. Вообще тамошній житель обыкновенно равнодушно проходитъ мимо остатковъ, минувшихъ временъ, а иноземный посѣтитель останавливается передъ ними въ почтительномъ удивленіи. Здѣсь былъ Кола, природный Римлянинъ, зараженный такою же во-сторженною мечтательностью, какъ и Петрарка, но далеко не столь

ученый. Однако онъ искалъ древняго Рима въ новомъ, принялся изучать и описывать памятники и развалины, разбирать надписи, списывать ихъ и составилъ изъ нихъ особый сборникъ. Все это онъ дѣлалъ не имѣя примѣра впереди, никтою не воодушевляемый, не встрѣчая ни въ комъ участія къ своимъ трудамъ. Петрарка или не зналъ ничего этого, или не придавалъ такой дѣятельности: никакого значенія. Да и Кола, сдѣлавшись трибуномъ, вѣроятно, отъказался отъ этихъ мирныхъ ученыхъ занятій. Но они не пропали даромъ, а нашли новаго продолжателя въ лицѣ Николая Синьориани, секретаря римскаго сената при папѣ Николаѣ V.

И еще одинъ другъ Петрарки обратилъ вниманіе на эту отрасль археологіи. Это былъ Джованни Донди, извѣстный врачъ и астрономъ, посѣтившій Римъ въ 1375 г. Онъ записалъ свои измѣренія близки св. Петра, Пантеона, Траяновой колонны, Колизея, писалъ также двѣнадцать надписей, найденныхъ въ разныхъ церквахъ, на стѣнахъ триумфальныхъ арокъ и другихъ сооруженій древняго Рима. Такимъ образомъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, но обнаруживалось стремленіе сдѣлать эти остатки древности предметомъ научныхъ изслѣдованій ¹⁾.

Но это были лишь отдѣльныя попытки, не могшія дать сильнаго толчка будущимъ поколѣніямъ. И тутъ опять таки Поджіо далъ этой отрасли знаній право гражданства въ литературу. Только что пріѣхалъ онъ въ Римъ еще молодымъ человѣкомъ, какъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на древности его и именно подъ вѣдѣніемъ стараго Салютато, который поставилъ для него задачу—собираніе древнихъ римскихъ надписей ²⁾. Потомъ онъ нашелъ въ одной нѣмецкой библіотекѣ, вѣроятно Санъ-Галленской, небольшое сочиненіе ³⁾, написанное такъ называемымъ Анонимомъ изъ Эйнзидельна, въ подлинникѣ или въ копіи. Онъ спряталъ ее въ рукавъ и ушелъ. Слѣдуетъ согласиться, что только въ его рукахъ эта находка получила значеніе и принесла пользу. Онъ тотчасъ же понялъ, какъ важны подобные памятники для изученія древняго міра, и съ тѣхъ поръ, какъ возвратили въ Римъ, усердно принялся за изслѣдованія. Еще при жизни Мартина V онъ составилъ свое собраніе древностей, въ которомъ кол-

¹⁾ О Колѣ да Риэнцо, его *Descriptio urbis Romae ejusque excellentiarum* и его собраніи *эпитафій* см. выше стр. G. B. de Rossi *Le prime raccolte d'antiche iscrizioni compilate in Roma tra il finir del secolo XIV, ed il cominciare del XV* въ *Giornale Arcadico* T. 127, Roma.

²⁾ *Salutatatus epist.* I, 76 ed. Rigacci: *Video quidem te pauco tempore nobis urbem antiquis epigrammatibus traditurum.*

³⁾ Онъ обыкновенно говорить о спискѣ въ четверть листа форматомъ (quaternio).

лекція нѣмецкаго монаха составила самое видное мѣсто. Мы не знаемъ, воспользовался ли онъ собраніями Колы и Синьорили. Въ тщательной копировкѣ надписей монахъ IX в. могъ служить для него образцемъ. Но онъ превзошелъ и его въ отношеніи методы. Монахъ списывалъ надписи обыкновенными буквами, а онъ писалъ тѣ, которыя копировалъ съ подлинниковъ, крупными буквами, и не бралъ изъ собранія рукописей того, что могъ самъ читать на мѣстѣ. О томъ усердіи и трудолюбіи, съ какими онъ собиралъ рукописи, мы расскажемъ впоследствии, когда намъ придется говорить о его пребываніи въ Римѣ. Въ этомъ случаѣ какъ и въ отношеніи древнихъ рукописей, онъ полагалъ, что нужно спасать уцѣлѣвшее, а иначе все это погибнетъ, быть можетъ, навсегда ¹⁾. Когда онъ обнаружилъ свой сборникъ, то и въ обществѣ пробудилось стремленіе продолжать это дѣло въ томъ же духѣ, и такимъ образомъ стала воздѣлываться новая отрасль знанія Рукопись этого сочиненія, писанная имъ самимъ, была кѣмъ то взята у него для прочтенія и потеряна, но она сохранилась въ копіи, и въ недавнее время ее отыскалъ Росси ²⁾.

Но для разработки древностей въ самомъ широкомъ смыслѣ слова нашелся человекъ гениальный между современниками Поджіо, специалистъ по части открытія ихъ, отправлявшійся путешествовать съ этою цѣлью. Это былъ уроженецъ Анконы, Чириако де' Пициколи. Всѣ прежніе ученые, желавшіе изучать древній міръ, начинали съ книгъ, знакомили потомство съ лучшими сокровищами литературы а потомъ уже обращали вниманіе на вещественные

¹⁾ Ut si, quod persaepe vidimus, ex Romani everterint, saltem titulorum est memoria.

²⁾ Ambros. Travers. epist. XI, 27 отъ 11-го апрѣля 1492 г. Здѣсь въ первый разъ идетъ рѣчь о похищеніи рукописи: quaternionem praeterea solum ac vetustissimum, in quo plura epigrammata Romanae urbis scripta sunt, non majusculis, sed communibus litteris. Очевидно, Поджіо въ то время нужна была рукопись, такъ какъ онъ составлялъ собственный сборникъ. Poggius epist. X, 16. 17. ed. Tonelli отъ января 1451 г., также относящаяся сюда мѣста парижской рукописи въ Rhein. Mus. f. Philologie. N. F. Jahrgang IV (1846) s. 467. Poggius Dialogus de varietate fortunae ed. Georgio p. 9. Съ помощью этихъ данныхъ новѣйшіе изслѣдователи привели въ порядокъ матеріалъ, относящійся къ надписямъ. Толчокъ далъ Th. Mommsen Epigraphische Analecten въ Berichten der K. Sächs. Ges. d. Wiss. 1850 s. 287 ff. Потомъ Rossi (Giornale Arcad. T. 128. 1852) нашелъ копію сборника Поджіо. Ходъ этихъ изслѣдованій сообщилъ Генцевъ въ Corp. Inscr. Lat. vol. VI p. I, Berol. 1876. Исторія прежнихъ собраній довольно темна. У Козьмы Медичи (см. каталогъ его библиотеки у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. III, p. 519) была Liber epigrammatum ubique repertorum. Садуа Lami Catal. bibl. Riccard. p. 176 Johannes Siculus, т. е. Ауриспѣ, приписываются Epitaphia, если только онѣ не сочинены имъ самимъ.

остатки. Нуженъ былъ другаго рода человекъ, который взялъ бы за точку отправленія живую дѣятельность и могъ бы чутьемъ постичь значеніе развалинъ и другихъ древностей. Тогда только можно было обратиться къ книгамъ и тамъ искать объясненій. Поэтому ключъ къ исторіи его развитія, умственной дѣятельности и заслугъ будемъ искать во внѣшнихъ событіяхъ его жизни, большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлается вообще въ исторіи ученыхъ людей ¹⁾).

Чиріако происходилъ изъ купеческой семьи и выросъ въ такой средѣ, въ которой только и шла рѣчь что о торговыхъ дѣлахъ да поѣздкахъ по морю. Насколько онъ помнитъ, онъ постоянно чувствовалъ непреодолимое желаніе путешествовать и видѣть далекія страны. Уже на 9 году, еще ничему хорошенько не научившись, онъ былъ такъ счастливъ, что могъ сопровождать одного торговца въ Венецію, Потомъ дѣдъ его, тоже купецъ, взялъ его съ собою въ Падую, а на 12 году въ Неаполитанское королевство. Онъ еще тамъ обратилъ вниманіе на памятники древности, конечно, не понимая ихъ значенія. Чтобы видѣть свѣтъ, не было другаго средства кромѣ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, но надобно было приготовить къ этому. Поэтому четырнадцатилѣтній мальчикъ поступилъ въ ученіе къ богатому куцу, своему родственнику, по обязанности на 7 лѣтъ. Прежде получивши плохое образованіе онъ теперь сталъ учиться счетоводству, бухгалтеріи и торговому дѣлу во всѣхъ его видахъ, безъ руководства, съ практикой. Это желаніе обходиться безъ чужихъ наставленій и помощи, все дѣлать самому, имѣло важное значеніе для его развитія. Онъ обыкновенно говорилъ, что

¹⁾ Главнымъ источникомъ для исторіи его жизни—Franciscus Scalamontius Vita Kyriac Anconitani y Colucci Delle antichita Picene T. XV, p. 50-e seg. Онъ былъ другъ и землякъ Чиріако, но значительно пережила его; согласно письму Филадельфо отъ 22-го июня 1868 г., онъ умеръ именно въ этомъ году въ Анконѣ отъ чумы. Записки его, посвященные Лауро Квирино, какъ матеріалъ для полной біографіи, доведены только до 1435 г. Посвященіе см. также у Agostini Scritt. Venez. T. I, p. 227. Содержание взято большею частію изъ комментаріевъ самого Чиріако, только тутъ говорится отъ имени третьяго лица; см. стр. 63, гдѣ еще остались прежнія формы vidimus и convenimus, p. 93, 94. Сюда же присоединяются извѣстія въ письмахъ Чиріако (p. 84). Его самую полную рѣчь всегда можно узнать. На этомъ основано и подробное изложеніе у Tiraboschi T. VI, p. 263—297, которому слѣдовали новѣйшіе писатели, какъ напр. Theod. Mommsen въ Corp. Inscr. lat. vol. III, а Джіамб. Росси готовитъ изданіе собраннаго имъ матеріала. Годъ рожденія былъ названъ въ предлѣвѣ рукописи Скаламонтія. На основаніи другихъ данныхъ можно согласиться съ Тирабоски, который принимаетъ 1391 г. Фамилія Пиччинолле достоверно засвидѣтельствована самимъ Чиріако; намекая на свое пичентское происхожденіе, онъ называетъ себя въ эпитафії своей матери (у Colucci l. c. p. 19) называетъ себя Kyriacus, Ph. T. (Philippi Filius) Picenicolles, своего родственника (ibid. p. 56) Cincius Picenicolens и еще разъ себя въ письмѣ у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 742—Kyriacum Anconitanum Picenicollem.

ничему не учился ни у одного учителя. Онъ былъ и остался самоучкою безъ систематическаго образованія, но отличался предприимчивостью и энергіею, сильною жаждою знаній и разносторонности. Это вообще составляетъ отличительную черту тѣхъ людей, которые желаютъ сами себѣ проложить дорогу. Онъ былъ человѣкъ основательный и надежный въ своемъ дѣлѣ и уже пользовался уваженіемъ среди купцовъ.

Но когда кончился срокъ ученія, то юный Чиріако тотчасъ же снова отправился на море, нанявшись «помощникомъ бухгалтера» у одного собственника корабля, своего родственника. Онъ поѣхалъ по Средиземному морю въ Александрію. На возвратномъ пути онъ былъ сдѣланъ бухгалтеромъ и былъ въ Биликии, Визонніи и на островахъ Родосъ, Самосъ и Хиосъ. Потомъ онъ былъ въ Сициліи и на берегу Далмаціи. Въ 1418 г. онъ въ той же должности отправился въ Византію, видѣлъ здѣсь древнія зданія, церкви и монастыри, а также и греческія рукописи въ бібліотекахъ. Конечно, его больше интересовали изображенія, которыми они были украшены, и золотыя буквы, чѣмъ самое ихъ содержаніе. Онъ воротился въ Анкону подъ напльвомъ тѣхъ впечатлѣній, какія вынесъ изъ Леванта. Папскій легатъ, кардиналъ Кондольміере, будущій папа Евгений IV, предложилъ ему, какъ извѣстному бухгалтеру, мѣсто главнаго кассира при поправкѣ анконскаго порта.

Въ это весьма спокойное время его жизни, повидимому, прежняя страсть къ путешествіямъ нѣсколько охладѣла въ немъ. Но голова Чиріако постоянно работала, и въ ней родилась новая мысль. Онъ и раньше въ часы досуга постоянно и усердно читалъ произведенія поэтовъ, писавшихъ на народномъ языкѣ, Данта, Петрарку и Боккачіо. А въ шуточныхъ состананіяхъ съ товарищами, какія тогда были въ модѣ, сочинялъ сонеты, канцоны, терцины и сестины. Онъ хотѣлъ вполнѣ понять Божественную комедію, и у него явилось страстное желаніе прочесть шестую книгу Энеиды, въ которой изображаются сцены въ аду. Для этого надобно было учиться по латыни. Но онъ началъ учиться не съ грамматики, какъ дѣлаютъ школьники, а учился, какъ повѣствуетъ его біографъ, по методѣ, болѣе соответствующей потребностямъ взрослога человѣка. Именно Чиріако сталъ прямо слушать объясненія Энеиды у Томазо Сенеко, преподававшего латинскій языкъ въ тамошней школѣ. А за это онъ объяснялъ ему поэму Данта. Но вскорѣ онъ по волѣ судьбы лишился учителя и старался изучать Virgilіа одинъ. Такимъ образомъ его наставникомъ былъ самъ древній поэтъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ пробудилось желаніе изучать древній міръ, у него уже создавались въ головѣ новые планы и за-

мысли. Дантъ вызвалъ въ немъ желаніе познакомиться съ Вирги-
ліемъ, а послѣдній—желаніе познакомиться съ Гомеромъ, котораго
и Дантъ прославлялъ какъ «перваго поэта». Теперь онъ смотрѣлъ
иными глазами на мраморную триумфальную арку Траяна, воздвиг-
нутую въ честь его за исправленіе порта въ Анконѣ. Онъ самъ
принималъ нѣкоторое участіе въ подобной работѣ. Онъ прочелъ на
ней надпись, и она была слабымъ зародышемъ тѣхъ собраній, которыми
онъ впоследствии прославился. Она впервые внушила ему мысль—
разъяскивать памятника древности и въ другихъ мѣстахъ, о чемъ
онъ впоследствии такъ любилъ рассказывать.

Теперь онъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть Римъ, куда возвратился
и покровитель его, кардиналъ Кондольмьере, Онъ явился въ вѣч-
ный городъ 3-го декабря 1424 г. и пробылъ шесть недѣль у кар-
динала, разъѣзжая каждый день по городу на его бѣломъ иноходцѣ.
Такимъ способомъ онъ осматривалъ и изучалъ древніе храмы, театры,
дворцы, термы, обелиски, триумфальныя арки, водопроводы, мосты,
колонны и статуи. Онъ срисовывалъ ихъ и списывалъ надписи.
Онъ былъ теперь уже не просто человѣкъ, изъ любопытства осма-
тривающій эти древности. Чириако уже сталъ понимать ихъ значеніе
для науки. Онъ нашелъ, что эти развалины, эти камни съ надписями
даютъ болѣе вѣрное понятіе о жизни древнихъ Римлянъ, чѣмъ даже
книги ¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, въ то время Чириако познакомился и съ
Поджіо, который уже успѣлъ бросить свой пытливый взглядъ на
развалины и надписи и отыскалъ старинное собраніе швабскаго мо-
наха. Чириако вполне понималъ значеніе и пользу подобныхъ коллекцій,
поэтому воспользовался тѣмъ, что уже собрали Кола и Поджіо,
чтобы присоединить къ этому собственныя открытія ²⁾).

Такъ было положено имъ начало плодотворной дѣятельности въ
Анконѣ и Римѣ. Въ связи съ непреодолимымъ влеченіемъ объ-
ѣхать чужія земли оно подготовило его къ великому призванію
въ жизни,—всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ древняго
міра отыскивать и описывать эти остатки, пока время и тупоуміе
верваровъ не истребили ихъ въ конецъ ³⁾). На возвратномъ пути изъ
Рима онъ посѣтилъ Сутри, Витербо и другіе города Церковной об-
ласти. Чириако любилъ хвалиться тѣмъ, что воспользовался своею

1) Maiorem longe quam ipsi libri fidem et notitiam praebere videbantur.

2) Едва ли, впрочемъ, въ это первое посѣщеніе Рима. Ср. Henzen въ Monatsbericht.
d. Berlin. Akad. 1866 s. 231. 244. 258—280.

3) Litteris mandare, ut ea, quae in dies longi temporis labe hominumque iniuria
(incuria?) collabuntur, et memoratu digna visa sunt, penitus posteris (posteritas) abolita
non sentiat.

торговою дѣятельностью для служенія наукѣ, не принималъ такихъ предложеній, которыя могли бы дать ему большія выгоды, а такія, которыя давали возможность удовлетворить страсти къ антикварнымъ изслѣдованіямъ. Тая въ душѣ желаніе познакомиться съ Гомеромъ и греческимъ языкомъ, онъ теперь стремился на греческій Востокъ. Поэтому онъ отправился въ 1425 г. сначала въ Византію, чтобы подождать тамъ корабля венеціанскаго торговаго дома Контарини, который направлялся въ Сирію и на островъ Кипръ. Въ Византію онъ въ короткое время слегка научился элементамъ греческаго языка. Дорогою на островъ Хіосъ онъ принялся за отыскиваніе древностей, сталъ собирать греческія и римскія надписи и покупать греческія книги. Между прочимъ онъ купилъ Новый Заѣтъ за 20 дукатовъ. Онъ видѣлъ острова Эгейскаго моря, Родосъ, потомъ города Бейрутъ и Дамаскъ. Чиріако покупалъ всюду не только древнія монеты, бронзовыя вещи, драгоценныя рѣзные камни и рукописи, но также утварь и всякаго рода рѣдкости. Напр. въ Дамаскѣ онъ купилъ великолѣпные мѣдные сосуды, изящно украшенные золотомъ и серебромъ. Съ памятниками и развалинами онъ тоже ознакомился, измѣрялъ ихъ, срисовывалъ, описывалъ и помѣщалъ все это въ собраніи своихъ рѣдкостей. Новидимому Чиріако не былъ особенно связанъ маршрутомъ. Поэтому онъ могъ дѣлать поѣздки на сушѣ и на морѣ, удовлетворяя своей любознательности и влеченію антикварія. Въ Дамаскѣ онъ слышалъ отъ богатаго купца Мусалаха, что онъ часто отправлялъ своихъ сыновей по дѣламъ къ «Эѳіопамъ и Евреямъ». Онъ обрадовался было случая поѣхать съ ними, но это не состоялось. За то въ кипрскомъ городѣ Левкозіи исполнилось давнее желаніе Чиріако. По своему обычаю, онъ сталъ тамъ искать книгъ въ одномъ старинномъ монастырѣ и нашелъ очень ветхую, давно почти брошенную Илиаду. Онъ купилъ ее у монаха. Съ этихъ поръ она сдѣлалась его главною наставницею въ греческомъ языкѣ, подобно тому какъ въ Анконѣ Виргилій — въ латинскомъ. Уже въ Левкозіи къ его богатствамъ прибавились: Одиссея и трагедія Эврипида. На островѣ Родосѣ въ главномъ его городѣ и окрестностяхъ онъ нашелъ множество развалинъ, статуй и надписей, писанныхъ «дорическимъ письмомъ», мраморныя головы, статую Афродиты и Бахуса. Эти произведенія искусствъ были вырыты изъ земли грекомъ Калогеромъ. Чиріако купилъ ихъ и отправилъ въ Анкону. Вѣроятно, въ эту же поѣздку былъ онъ и въ Галикарнасъ, желая видѣть тамошній мавзолей. Кто до него пылалъ такимъ идеальнымъ стремленіемъ, чтобы посѣщать эти мѣста и отыскивать безжизненные глыбы мрамора! По нимъ онъ хотѣлъ составить себѣ понятіе о давно замолкшей жизни!

Свободное время этот купец посвящалъ чтенію рукописей, найденныхъ на островѣ Кипрѣ. У греческаго населенія этихъ острововъ нельзя было научиться греческому языку. Кромѣ этого всюду встрѣчались только факторіи венеціанцевъ и генуэзцевъ, въ которыхъ велась торговля. Чиріако изучалъ греческій языкъ тѣмъ инстинктомъ, который научаеъ ребенка говорить. Однако онъ сдѣлалъ въ немъ такіе успѣхи во время этого путешествія, что могъ перевести на латинскій языкъ жизнь Эврипида. Последнюю онъ нашелъ въ своихъ греческихъ книгахъ, а переводъ подарилъ одному пріятелю на островѣ Хіосѣ. По своимъ торговымъ дѣламъ онъ долженъ былъ провести зиму въ Адрианополѣ. Тамъ греческій грамматикъ Болесъ объяснялъ ему Илиаду и поэму Гезіода «Труды и Дни». Кромѣ того онъ купилъ книгъ и въ числѣ ихъ превосходный списокъ Птоломея. Но по временамъ имъ овладѣвало желаніе посѣтить отдаленныя страны, трудно доступныя. Раньше того онъ задумывалъ отправиться въ Персію съ генуэземъ Николо Зеба, но отказался отъ этой мысли, услыхавъ о восшествіи на папскій престолъ своего покровителя, кардинала Кондольмьере. Впрочемъ прежде, чѣмъ отправиться въ Римъ, онъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ въ древній Кизикъ. Тамъ онъ тоже нашелъ множество развалинъ и одну древне-греческую надпись. Турецкій намѣстникъ города по его просьбѣ обѣщалъ ему не позволять разрушать этихъ развалинъ изъ уваженія къ древности и къ чести султана. Отсюда онъ отправился въ Смирну, гдѣ приобрѣлъ золотыя монеты времѣнъ Филиппа, Александра и Лизимаха.

Когда Чиріако пріѣхалъ въ Римъ ¹⁾, то сдѣлался интереснымъ гостемъ съ своими греческими книгами, найденными античными сокровищами и запасомъ путевыхъ воспоминаній. Онъ поднесъ папѣ двѣ «индѣйскія» фарфоровыя вазы, но неизвѣстно, чего собственно ожидалъ отъ него. Вѣроятно, онъ уже тогда желалъ имѣть какое нибудь порученіе на отдаленный Востокъ. Онъ заводилъ рѣчь о соединеніи церквей и о крестовомъ походѣ противъ Турокъ. Извѣстно, что положеніе папы и его двора вскорѣ было потрясено базель-

¹⁾ Согласно письму Ambros. Travers. epist. VIII, 15 отъ 29-го апрѣля 1433 и Нодоерогіон р. 27 около этого времени онъ былъ въ Венеціи и показывалъ камальдульскому монаху свои сокровища. Но помятка письма сомнительна. Подлежитъ вопросу и время обоихъ писемъ Филельфо къ Барбаро и Джустиниани въ Венеціи, въ которыхъ онъ рекомендуетъ Чиріако. Въ Меркусовомъ изданіи Itinerar. р. XII они помѣчены 30-го декабря 1433 г., но въ то время Филельфо не было въ Миланѣ. Въ числѣ писемъ Филельфо edit. Veneta 1502 они отнесены къ 30-му декабря 1443 г., но тогда Чиріако не нуждался въ рекомендаціи къ венеціанцамъ.

скимъ соборомъ, борьбою партій въ Римѣ и войнами въ Италиі. Поэтому о предпріятіяхъ въ странахъ отдаленныхъ нечего было и думать. Чириако ѣздилъ въ Тиволи и Остію—осматривать древнія постройки и собирать надписи. Но тутъ онъ узналъ, что въ Римѣ ждутъ короля Сигизмунда, который будетъ короноваться императорскою короною. Тогда онъ выѣхалъ на встрѣчу ему въ Сіэну съ кардиналомъ Бонти, былъ милостиво принятъ королемъ, поднесъ ему золотую монету императора Траяна, какъ Петрарка—Карлу IV. Онъ говорилъ и ему о великомъ общемъ походѣ противъ Турокъ ¹⁾. Потомъ онъ сопровождалъ также Сигизмунда въ Римъ, куда они прибыли 21 мая 1433 года. Чириако былъ съ королемъ при осмотрѣ древнихъ памятниковъ и развалинъ. Онъ жаловался, что Римляне ежедневно истребляютъ дома, колонны и статуи, потому что обращаютъ мраморъ въ известку, такъ что потомство не увидитъ уже слѣдовъ минувшей эпохи ²⁾.

Вскорѣ послѣ этого Чириако пріѣхалъ въ первый разъ во Флоренцію, куда его привлекалъ и пышный новый городъ, и тѣ знаменитые его граждане, съ которыми онъ уже былъ знакомъ. Эти были Бозьма Медичи, Палла Строцца, Ліонардо Бруни, Карло Марсуппини и его пицентскій землякъ Филельфо, знатокъ греческой жизни. Здѣсь онъ нашелъ кружокъ людей, которые помимо своей назидательной бесѣды выразили теплое сочувствіе къ его стремленіямъ. Здѣсь были частныя собранія, довольно богатая такими рѣдкостями, какія были у него: у Марсуппини монеты и драгоценные камни, у Медичи—вазы и вообще посуда, у Донаттелло и Гиберти—разныя древности ³⁾. Но особенно любилъ онъ бесѣдовать съ Никколо въ его библіотекѣ, среди его собранія древнихъ вещей. Только во Флоренціи впервые признанъ онъ членомъ гуманистическаго общества. Потомъ Чириако сопровождалъ короля въ Римъ, куда они пріѣхали 21 мая 1433 г., и показывалъ ему тамъ древніе памятники и развалины. Онъ жаловался императору, что Римляне ежедневно разрушаютъ дома и колонны и дѣлаютъ изъ гипса известъ. Вскорѣ потомство не увидитъ болѣе и слѣдовъ древней жизни.

Послѣ этого Чириако нѣсколько лѣтъ разѣзжалъ по разнымъ мѣстностямъ Италиі. Онъ былъ и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Сициліи, объѣзжалъ Сѣверъ до Адріи и Генуи, посѣтилъ Тоскану и древній Пиценумъ. Онъ не могъ долго жить спокойно на своей родинѣ. Чириако является то въ томъ, то въ другомъ

¹⁾ И притомъ *plerisque orationibus*, какъ онъ самъ говорилъ. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 394.

²⁾ Scalamentius p. 89. *Ifineratium* p. 21.

городъ, собираетъ надписи, осматриваетъ древности и рѣдкости, записываетъ и рисуетъ, разыскиваетъ знаменитыхъ археологовъ, представляется владѣтельными особамъ и прелатамъ, дѣлаетъ имъ подарки и рассказываетъ о своихъ путешествіяхъ, замыслахъ и рѣдкостяхъ. Эти его странствованія ясно доказываютъ, что онъ не преслѣдовалъ торговыхъ цѣлей, а увлекался своими антикварными симпатіями и тѣми воспоминаніями, какія были навѣяны чтеніемъ Виргилія и другихъ древнихъ писателей. Въ Неаполѣ онъ видѣлъ мраморный храмъ Діоскуровъ съ надписью и многія другія древности, что и записалъ въ своихъ комментаріяхъ, видѣлъ также Авернское озеро, Мизенъ, Кумы, Байи. Въ послѣднее время онъ осматривалъ дворцы Лукулла и Нерона, а въ Литернѣ надѣялся найти намятники Сципіона ¹⁾). Впослѣдствіе онъ былъ еще разъ въ Неаполѣ при королѣ Альфонсѣ. Послѣдній, говорить, всключилъ съ мѣста отъ радости, когда онъ подарилъ ему кусочекъ янтара, въ который была вправлена муха съ расправленными крыльями ²⁾). Роясь въ развалинахъ древней Адриі, Чириако нашелъ нѣсколько камней съ надписями, мѣдныя монеты и древніе сосуды ³⁾).

Въ этому времени, по видимому, относится и его вторая поѣздка въ Египетъ. Онъ поѣхалъ туда, по его словамъ, потому, что ему сильно хотѣлось видѣть дальнія страны ⁴⁾). Онъ пріѣхалъ черезъ Критъ въ Александрію, плылъ оттуда девять дней въ вверхъ по Нилу въ Сансъ и Мемфисъ, а во время разлитія Нила отправился къ пирамидамъ. На самой большой изъ нихъ Чириако нашелъ весьма древнюю надпись, начертанную «финикійскими буквами», которую списалъ въ свои комментаріи и послалъ во Флоренцію въ двухъ копіяхъ. Одна была предназначена городу, другая Никколи. Его манило дальше въ глубь Африки, и онъ объ этомъ не забылъ. У кого раньше могла родиться въ головѣ мысль о томъ, что свѣтъ науки можетъ быть пролитъ и на древнѣйшій міръ фараоновъ?

¹⁾ Itinerarium p. 23. 24.

²⁾ Pontanus de magnificentia (Opp. Lib. I fol. 134).

³⁾ Itinerarium p. 35.

⁴⁾ Изъ разнообразныхъ замѣтокъ въ Itinerarium p. 49—52, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ очень подробно, видно только, что онъ раньше этого труда, т. е. до 1441 г., былъ въ другой разъ въ Египтѣ. Изъ элегій Calorus Aretimes ibid. p. LXVIII, которая предполагаетъ приобрѣтеніе надписей въ путешествіи 1435—1436 гг. и упоминается о Конополѣ Hieropolis (Et legis ignotis scripta notata feris, видно, что онъ ѣздилъ раньше 1435 г. Но такъ какъ Чириако послалъ скопированные гіероглифы въ Неаполь къ Никколи, съ которыми онъ познакомился только въ 1433 г., то для поѣздки остается только 1434 г., и къ этому же году я готовъ отнести письмо Ambros. Trav. epist. VIII, 47 отъ 20-го іюня. Cуг. Anc. hinc. abiit orientem petiturus. Уже Тирабосси сообщалъ, что письмо не можетъ относиться къ 1433 г.

Съ осени 1435 г. Чириако странствуетъ по Далмаціи, Эпиру, по берегамъ древней Акарнаніи и на классической почвѣ, лежащей по обѣ стороны Коринскаго залива. Всюду онъ рисуетъ и собираетъ древности, списываетъ надписи, заноситъ все это въ свои комментаріи и шлетъ итальянскимъ друзьямъ, какъ драгоценный подарокъ ¹⁾. 7 апрѣля 1436 г. онъ прѣхалъ въ Аѳины, гдѣ пробылъ 16 дней, съ біеніемъ сердца смотря на акрополь, срисовалъ пропиленъ, дивился на пареонъ, еще въ то время сохранившійся во всемъ своемъ великолѣпіи, съ карнизомъ и метопами, и на льва, стоявшаго въ Пиреѣ. На этотъ разъ онъ отправился въ Венецію тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ. Но уже 1437 г. онъ переправился изъ Апуліи въ Пелопоннезъ, видѣлъ Аргосъ и циклоническія стѣны, срисовалъ ихъ и вытѣрилъ громадные камни, изъ которыхъ онъ построены. Въ виду развалинъ древней Спарты онъ сочинилъ итальянскій сонетъ. И здѣсь онъ первый съ умиленіемъ ступилъ на священную почву, которую готовился изслѣдовать. Хотя онъ и не обладалъ особенно обширнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, однако не упустилъ изъ виду ничего такого, что могло пролить свѣтъ на древній міръ. Онъ даже обращалъ вниманіе на гавани и военныя дороги, на рудники, залежи мрамора и другіе слѣды древней культуры. Объ всемъ этомъ въ то время ничего еще не начинали сообщать и сохранившіяся греческія книги.

Повидимому, именно эта поѣздка въ Грецію внушила Чириако грандіозные, даже чудовищные замыслы. Его біографъ часто слышалъ отъ него, что онъ предполагалъ изучить и остальные извѣстныя въ то время земли до послѣднихъ мысовъ на океанѣ и до острова Оуды. Въ Египтѣ онъ проникъ только до мемфисскихъ пирамидъ, поэтому теперь ему хотѣлось видѣть все, что сохранилось отъ древнихъ Фивъ, посѣтить Сіану и древнее жреческое государство Мероэ, изслѣдовать Элефантинскія горы, побывать въ Эѳіопіи, у короля Константина, извѣстнаго подъ именемъ священника Іоанна, приславшаго въ то время своихъ пословъ на Флорентинскій соборъ, дойти до оракула Аммона, чрезъ Мармаріку до Атласа, поддерживающаго небо, и воротиться въ Италію чрезъ Апулію и Киренейскую Ливію. Уже одинъ этотъ чудовищный маршрутъ доказываетъ неутолимую страсть къ путешествіямъ. Этому человѣку доставляютъ наслажденіе странствіе и смѣлые замыслы; у него нѣтъ опре-

¹⁾ Результатъ поиска рукописей въ эту далматинскую поѣзду еще сохранился. Но я не видалъ изданія Carlo Magoni Inscr. Sugiaci etc. Обзоръ этой поѣздки сдѣланъ Монзеномъ въ Corp. inscr. lat. T. III, p. 93. Къ ней относятся письма, напечатанныя въ Itinerarium p. 56—71.

дѣленныхъ цѣлей, и онъ слѣдуетъ только своему влеченію. И для исполненія этого-то неапаго плана онъ надѣялся получить одобреніе и средства отъ своего прежняго покровителя. Онъ стараясь быть ему въ этомъ случаѣ полезнымъ въ дѣлѣ возсоединенія церквей. Столь же тщетны были его усилія возбудить сочувствіе къ этому дѣлу въ Козьмѣ Медичи и въ юномъ маркиграфѣ Леонелло д' Эсте ¹⁾. Къ счастью, онъ оставилъ мечту объ этомъ путешествіи и обратился къ болѣе плодотворнымъ задачамъ, подвизавшимся опять таки любовью къ классической древности.

Уже съ апрѣля слѣдующаго (1442) г. мы встрѣчаемъ его на островѣ Делосѣ, ²⁾ на Цикладахъ, на островѣ Эвбеѣ, въ Константинополѣ, на берегахъ Малой Азіи, во Фракіи, собственной Греціи, Фессаліи и Македоніи, на островахъ Эгейскаго моря и на островѣ Бритѣ. Около пяти лѣтъ съ небольшими перерывами развѣзжалъ онъ, по прежнему преданный многосторонней и плодотворной дѣятельности. На островѣ Тазосѣ аббатъ одного монастыря показывалъ ему бібліотеку, въ числѣ сокровищъ которой оказался и старинный подлинный экземпляръ сочиненій Діонисія Ареопагита. Въ другомъ монастырѣ онъ нашелъ такъ называемые трактаты о нравственности Плутарха въ 13 книгахъ и купилъ ихъ съ радостью. Потомъ ему попались въ руки схолиі къ Иліадѣ, также творенія отцовъ церкви: Іоанна Златоуста, Василія и Григорія, но рядомъ съ этимъ и сочиненія Платона, Аристотеля, Гиппократы,

¹⁾ Именно то, что издалъ Mehus подъ заглавіемъ *Kyriaci Anconitani Itinerarium Florent.* 1472 г., но ближайшей цѣли своей есть не что иное, какъ посланіе къ папѣ Евгенію, котораго онъ хотѣлъ склонить въ свою пользу отчетами о своей полезной дѣятельности и своихъ путешествіяхъ. Но у этого посланія нѣтъ конца. Впрочемъ, продолженіе есть у Mehus *Vita Ambros. Travers.* p. 24 и у Bandini *Catal. codd. lat. T. III, p. 740.* Оно и помѣчено годомъ и числомъ письма: Флоренція 18-го октября 1441 г. Эту записку Чиріако включилъ въ письмо, адресованное къ Козьмѣ Медичи, отъ 13-го ноября 1441 г., къ которому приложилъ сонетъ и карты. *Colluci* p. 128 не поваялъ этой связи и былъ того мнѣнія, что въ тревизской рукописи эти документы находятся вмѣстѣ лишь благодаря невѣжеству писца. У него же идетъ рѣчь о пересылкѣ записки къ L. Pr. (несомнѣнно Leonello princeps), *ut et sua iuvante clementia rem iam diu a me coeptam exortatamque tandem expediam etc.*

²⁾ О годѣ я заключаю изъ того обстоятельства, что въ немъ 11-го апрѣля, когда онъ при отъѣздѣ съ острова Делоса обратился въ шутку съ мольбою къ Меркурію, должно приходиться въ среду. Это идетъ только къ 1436 г., но тогда онъ былъ въ Лоннахъ. Относительно этой поѣздки у насъ есть списанный Гартманомъ Шеделемъ отрывокъ дневника Чиріако, о которомъ говоритъ О. Янгъ въ *Bulletino dell' Instituto di согге ар. archeol. per l'anno 1861* p. 180 seg. Письмо съ острова Хиоса отъ 29-го марта 1447 г. о второмъ пребываніи Чиріако въ Лоннахъ см. у Вахсмута *Die Stadt Athen im Alterthum* Bd. I s. 728.

Галена и Геродота ¹⁾. Мы только изъ отрывочныхъ свѣдѣній узнаемъ о всѣхъ его приобрѣтеніяхъ.

Разумѣется, онъ отправлялъ эти литературныя сокровища въ сундукахъ въ Италію. Онъ самъ признается намъ, что если покупалъ такую массу книгъ, то обязанъ этимъ щедрому пособію со стороны Козьмы Медичи. Вѣроятно, послѣдній открылъ ему широкій кредитъ въ флорентинскомъ банкѣ ²⁾. Сверхъ того онъ былъ политическій агитаторъ. Какъ человѣкъ, пользовавшійся довѣріемъ папы и хорошо знакомый съ турецкимъ Востокомъ, онъ счелъ подходящимъ для себя участвовать въ рѣшеніи великаго восточнаго вопроса. Поэтому онъ дѣятельно подстрекалъ къ общей войнѣ и византійскаго императора, и папу, о томъ же говорилъ легатамъ его и всѣмъ доставлялъ политическія извѣстія ³⁾. Потомъ онъ былъ въ Афинахъ и еще разъ видѣлъ акрополь, нашелъ на островѣ Хиосѣ надгробную надпись на могилѣ Гомера, положительно убѣдившую его, что пѣвецъ Илиады родился на этомъ островѣ. Это—послѣднія извѣстія о его путешествіяхъ по чужимъ странамъ ⁴⁾. Послѣ этого онъ уже не странствуетъ больше по морю. Мы знаемъ еще, что онъ посѣтилъ маркиграфа феррарскаго Леонелло, а потомъ вскорѣ умеръ въ Кремонѣ, гдѣ и похороненъ. Путешествія и ученныя занятія для него были дѣломъ тождественнымъ, и ему не суждено было успокоиться на родной землѣ ⁵⁾.

Теперь мы знаемъ о Чиріако почти только какъ о собирателѣ рукописей. Когда онъ путешествовалъ, то обыкновенно прилагалъ надписи къ письмамъ, которыя посылалъ на родину, какъ привѣтственный даръ, иногда по одной, а иногда и по нѣскольку. И въ Италіи, переѣзжая изъ одного города въ другой, онъ возилъ съ собою вновь приобрѣтенный запасъ рисунковъ и описаній, которые показывалъ и дарилъ въ копіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ

¹⁾ Согласно его комментаріямъ. Colucci p. 134—136.

²⁾ См. замѣтку объ этомъ у Faaroniu Magni Cosmi Medicei Vita p. 143.

³⁾ См. письма его отъ 1443 г. въ Fabricius Bibliotheca lat. ed. Manri T. VI. Addendi p. 4—18.

⁴⁾ Elogium in Homeri sepulchro inscriptum онъ послалъ Филельфо, и послѣдній благодарилъ его въ письмѣ отъ 21 ноября 1448 г.

⁵⁾ Время его смерти можно опредѣлить лишь приблизительно. Еще 8 июля 1449 г. маркиграфъ Леонелло показывалъ ему въ Феррарѣ картину одного живописца (Colucci p. 143). Согласно письму отъ 1457 г. (ibid. p. 154) онъ умеръ *superioribus annis*. Точнѣе опредѣляется время извѣстіемъ у Blondus Italia illustr. p. 339 о томъ, что Аннона *pureg* лишилась своего Чиріако. А замѣтки этой книги не идутъ далѣе 1450 г. Ср. Mazius Flavio Biondo 52. О похоронахъ Чиріако въ Кремонѣ говорится въ анонимномъ четверостишіи у Colucci p. 151.

трудоу его сохранились ¹⁾. Потомъ изъ такихъ отрывковъ онъ составлялъ цѣлыя сборники, которые называлъ своими комментаріями ²⁾. Это была пестрая смѣсь ежедневныхъ новостей, замѣтокъ, эскизовъ и рисунковъ всякаго рода, сотни надписей и свѣдѣній о монетахъ, стихи и письма, свои и полученные отъ другихъ, небольшія антикварныя статейки,—однимъ словомъ все заслуживавшее вниманія, что ему попадалось подъ руку или приходило на мысль. Имъ пользовался Скаламонте, извлекая изъ нихъ по просьбѣ Лауро Квирини свѣдѣнія для біографіи своего друга. Они составили три толстыхъ тома. Ихъ видѣлъ Пьетро Радзано, тоже другъ дома Чириако. Они не были просмотрѣны и подготовлены къ изданію. Тутъ нужно было работать систематически, а Чириако былъ неспособенъ къ этому. Такимъ образомъ эти почтенные томы, которые теперь изслѣдователь древностей считалъ бы величайшимъ сокровищемъ, остались въ Анконѣ и были разрознены. Такова участь громаднаго труда человѣка, вдохнувшего новую жизнь въ остатки древностей. Отъ него тоже уцѣлѣли лишь остатки, и, безъ сомнѣнія, съ ними опять погибли и многія открытія, добытыя авторомъ.

Конечно, никто не будетъ считать Чириако ученымъ, критически изучавшимъ памятники. Для этого у него не было ни достаточнаго матеріала подъ рукою, ни учености. Онъ былъ человѣкъ крайне восторженный, поэтому относился съ довѣріемъ къ тому, что ему выдавали за подлинное, что рассказывали или что онъ представлялъ себѣ. Но нельзя доказать, чтобы онъ поддѣлывалъ надписи и выдавалъ собственную работу за древность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удосто-вѣрено, что онъ былъ добросовѣстный труженникъ. Новѣйшіе изслѣдователи признали его заслуги ³⁾. Онъ даже удовлетворилъ нѣкоторымъ требованіямъ современной науки, быть можетъ больше по инстинкту, чѣмъ вслѣдствіе глубокаго знанія дѣла. Онъ не только писалъ надписи съ ихъ древнею формою буквъ—квадратнымъ письмомъ, но больше срисовывалъ ⁴⁾, отдѣлялъ строчки и не забывалъ

¹⁾ Иногда и безъ его имени. Такъ напр. оба анонимныя письма къ Роберто Вальгупіо съ надписями отравленнымъ и „изъ поитійскаго путешествія“ у *Vandini Catal. codd. lat.* T. II. p. 374 по слогу и содержанію несомнѣнно принадлежатъ Чириако, быть можетъ тождественны съ приведенными у *Valentinelli T. V.* p. 192.

²⁾ *Antiquarum rerum commentaria*, какъ слѣдуетъ допустить согласно *Itinerarium*.

³⁾ *Boeckh.* въ *C. Inscr. Gr.* Vol. I p. IX говорятъ про него: *vir diligens et verus maleque tanquam falsarius*. О латинскихъ надписяхъ ср. *Henzen* въ *Corp. Inscr. lat.* vol. VI P. I p. XL.

⁴⁾ *Ioannes Cirigaanus*, стихотвореніе котораго 1442 или 1443 г. сообщилъ *Mehus* въ *Itinerarium* p. LXIV, такъ говоритъ о немъ:

указывать мѣсто находки. Многолѣтнее упражненіе даже до известной степени уяснило ему самое пониманіе дѣла.

Если бы Чириако ограничился этою плодотворнѣйшею стороною своей дѣятельности, то потомство сохранило бы о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Но онъ не хотѣлъ быть простымъ собрателемъ и антикваріемъ. Ему желательно было прослыть поэтомъ и ученымъ среди гуманистовъ. Природа надѣлила его довольно разнообразными дарамъ. Онъ хорошо рисовалъ, обдѣлывалъ драгоценные камни и лѣпилъ вазы, безъ сомнѣнія, въ античномъ духѣ ¹⁾. Какъ и многіе послѣдователи Петрарки, онъ въ молодыхъ лѣтахъ сочинялъ канцоны и сонеты ²⁾. Чириако писалъ стихи и на латинскомъ языкѣ, хотя владѣлъ имъ не вполне, а такъ какъ хорошо зналъ надписи, то и самъ сочинялъ такія же, какъ по латыни, такъ и по гречески, всего больше эпитафіи ³⁾. Едва ли бы что нибудь сохранилось изъ всего этого, если бы онъ самъ не позаботился сообщить потомству, вписывая въ свои комментаріи и постоянно посылая покровителямъ и друзьямъ. Этими же объясняется и распространеніе нѣкоторыхъ его писемъ. Такъ какъ онъ перевелъ нѣсколько небольшихъ сочиненій съ греческаго, то находилъ, что вправѣ причислить себя къ избранному кружку знатоковъ этого языка. И его сочиненіи о семи чудесахъ свѣта не разъ упоминаемое—просто переводъ изъ сочиненія Григорія Каппадокійскаго. Извѣстіе о морскомъ сраженіи при островѣ Понца, въ которомъ генуэзцы 5 авг. 1435 взяли въ плѣнъ короля аррагонскаго, дало Чириако поводъ претендовать на титулъ историка ⁴⁾. Сочиненіе «О знатныхъ

Quid de litterulis Graecis dicam atque latinis,
Quas mira novitate nudis mirisque retexis,
Quantumque antiquas renovas reparasque figuras?

¹⁾ Онъ любилъ, когда его хвалили за это. Такъ Аурисса (Carm. ill. part. Ital. T. I p. 489. 492) восхваляетъ его:

Pingenti formas rerum concedit Apelles,
Cedit Sculptenti Phidia Cyriaco.

²⁾ И изъ нихъ сохранились нѣкоторые, особенно сонеты, которыми онъ обѣщивался съ Леонардо Джустаніани, у Agostini Scritt. Viniz, T. I p. 154 и Palermo Imanossritti Palat. vol. I p. 400. Laminis Catal. bibl. Riccard. p. 127. Bandini Catal. codd. lat., T. V p. 434. Scalamentius p. 73. Часто также упоминается латинское стихотвореніе на дружбу.

³⁾ Такъ напр. своей матери, Леонелло д' Эсте, на памятникъ своему отцу, королю испанскому Яну, Чатталювіо тавосскому. Cf. Colucci p. 100. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 394.

⁴⁾ Подъ заглавіемъ De Pontiano Taracennensium regis conflictu navali Commentarium или De nautachia regia у Colucci p. 100. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 394.

римскихъ фамиліяхъ» мы знаемъ только по заглавію. Вѣроятно, онъ выводилъ ихъ происхожденіе изъ глубокой древности. Имя Урсинъ, найденное въ одной надписи на островѣ Корцирѣ, тотчасъ же напомнило ему о фамиліи Орсини и объ его благодѣтелѣ, кардиналѣ Орсини. Его, какъ географа, занимала древность нѣкоторыхъ городовъ, но онъ обладалъ весьма слабыми свѣдѣніями и потому часто сочинялъ крайне нелѣпыя басни. Въ такомъ духѣ онъ писалъ о первобытныхъ временахъ Мантуи и Рагузы ¹⁾. Но когда онъ писалъ о своемъ родномъ городѣ Анконѣ—часто онъ подписывалъ и свое имя съ грѣхомъ по-поламъ по гречески Кирьякъ — тогда онъ позволялъ себѣ самыя произвольныя выдумки. Напр. Чириако сочинилъ для него древняго греческаго историка и еще латинскаго; онъ даже имѣлъ дерзость приписывать свои жалкіе стихи Тибуллу ²⁾.

Но и здѣсь больше видно легкомысліе и самодовольство самоучки. Человѣку полуобразованному свойственно не замѣчать недостатковъ своего образованія и думать много о себѣ. Гуманисты высокоцѣнили относились къ грамматикѣ и логикѣ старинныхъ учителей, но гдѣ ихъ не было, тамъ дѣло шло плохо. Классическимъ языкамъ нельзя учиться такъ, какъ французскому языку, по сочиненіямъ поэтовъ и прозаиковъ, или во время путешествій. Цицеронъ и Ливій, бывшіе вообще идеалами писателей, остались навсегда неизвѣстными Чириако. Онъ читалъ и изучалъ только то, что ему случайно попадалось подъ руку. Онъ имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, но ему не доставало системы и критики. Чириако навсегда остался дилеттантомъ и энтузіастомъ. Его варварская латынь, которою онъ однако гордился, приправленная греческими словами и нѣсколькими выраженіями, взятыми у древнихъ поэтовъ, была часто уродлива и невразумительна. Она даетъ полное понятіе о его жалкомъ образованіи и неразвитости вкуса.

1) О Мантуѣ въ комментаріяхъ у Colucci p. 94, о Рагузѣ въ письмѣ къ одному Рагузцу отъ 1440 г. у Fabricius Bibl. lat. T. VI. Add. p. 18.

2) Это разсужденіе объ Анконѣ, конечно написанное раньше, мы находимъ въ упомянутомъ письмѣ къ папѣ Евгенію IV отъ 1441, вышедшемъ въ такъ наз. Itinerarium p. 38: Clitomachus vero, graecus et ipse, auctor haud ignobilis multum ante suis in commentariis haec de Ancone scripta reliquit, ut et latine habetur ex lino (auctore praeclearo прибавлено въ письмѣ къ Евгенію). Вотъ стихи, которые Tibullus poeta haud ignobilis:

Fides fixa tuo sancto de nomine dixit,
Quae amidos illyris fluctus depelleret Ancon.

Но нельзя указать другаго такого критіра шарлатанства у Чириако, если не отнести сюда то, что онъ въ письмѣ отъ 1435 г. (при Itiner. ed. Mehus p. 58) изображаетъ охоту въ Эпирѣ, къ нашему удивленію почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и другую охоту въ Падуѣ (Itin. p. 29). Онъ, разумѣется, считалъ эту охоту просто вымысломъ.

Поэтому всюду, гдѣ онъ являлся, онъ казался назойливымъ болтуномъ и смѣшнымъ самохваломъ, хваставшимся своими морскими путешествіями, антикварными рѣдкостями и крохами классической учености. Въ сущности онъ вызывалъ насмѣшки своими недостатками. Правда, гуманисты очень тщеславны, но я не знаю ни одного изъ нихъ, который бы такъ наивно принималъ похвалы отъ своихъ друзей и на словахъ, и въ посланіяхъ, въ прозѣ и стихахъ, который бы самъ превозносилъ свои заслуги съ такою дѣтскою словоохотливостью, какъ этотъ Анконецъ въ посланіи къ папѣ Евгенію. Онъ совсѣмъ не замѣчалъ, что все это пахнетъ ложью и смѣшно. Онъ вообразилъ себѣ, что его научное призваніе состоитъ въ томъ чтобы вызвать снова къ жизни то, что умерло, что онъ умѣетъ «своимъ искусствомъ» воскрешать въ памяти людей то, что предано забвенію. Для него было особенно пріятно вспоминать одинъ случай. Однажды Чиріако искалъ въ Верчелли древностей въ церкви, и глупый патеръ спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ. Онъ озадачилъ его своимъ отвѣтомъ: «Мое искусство состоитъ въ томъ, чтобы иногда вызывать мертвыхъ изъ могилъ; этому я научился изъ предсказаній Пифіи.» Потомъ онъ нашелъ одну рукопись, по смыслу которой будто бы выходило, что граждане города Реканати должны называться не *Recanatenses*, а правильнѣе *Ricinates* отъ древней колоніи *Helvia Ricina*. Чиріако съ торжествомъ сообщилъ тамошнему прелату, тоже родомъ изъ Реканати, что съ помощью его искусства можно вызывать настоящія имена городовъ изъ ада ¹⁾. Но онъ не замѣтилъ, что онъ съ своимъ воскресеніемъ мертвыхъ сталъ для всѣхъ посмѣшищемъ, такъ что его въ шутку сравнивали съ Орфеемъ. Впрочемъ онъ и самыя насмѣшки принималъ за лестныя похвалы ²⁾. Тоже слѣдуетъ сказать и о его почитаніи Меркурія.

¹⁾ *O magnam vim artis nostrae ac penitus divinam!* прибавляетъ онъ. Письмо къ епископу Рагузскому (*Iohanni Ricinati*) у *Mabillon et Germain Monum. Ital. T. I p. 44* и въ *Kyriaci Itinerarium ed. Mehus p. 58*.

²⁾ Такъ Флелльфо хвалитъ въ упомянутомъ рекомендательномъ письмѣ его *'diligentia, qua in suscitandis mortuis unus omnium primus utitur*. Чиріако *l. s. c.* такъ восхвалялъ его:

*Orphei nec fuerit maior Proserpinae ab umbris
Cura reflectendae superasque redaceri ad auras,
Quam tibi Kyriace deletam nobilitatem
Antiquam in lucem curae est revocare novellum.
Deleta nobilitas* относится къ любимымъ вырешеніямъ Чиріако.

Blondus Ital. ill. p. 339 говоритъ о немъ: *qui monumenta investigando vetustissima mortuos, ut dicebat, vivorum memoriae restituebat.*

Онъ выбралъ своимъ покровителемъ во время путешествій, а также и своихъ научныхъ стремленій Меркурія, крылатаго и быстрога вѣстника боговъ и нелѣпо выставилъ этотъ культъ на показъ. Мы не знаемъ, какъ пришла ему въ голову эта затѣя; можетъ быть причиною былъ драгоценный рѣзной камень, который онъ видѣлъ въ собраніи Марсуппини ¹⁾. Тогда онъ подарилъ ему раскрашенное красками изображение Меркурія, подлинникъ котораго, по его словамъ, онъ нашелъ въ Греціи. Марсуппини считалъ подарокъ воодушевляющимъ художественнымъ произведеніемъ. Онъ извѣстенъ намъ по рисункамъ Гартмана Шедеа и Альбрехта Дюрера ²⁾. Когда Чиріако въ 1442 г. переправлялся съ острова Делоса въ Микену, то обратился къ этому Меркурію съ странною молитвою, какъ къ святому патрону, чтобы онъ счастливо провелъ его по морю, «направляемый сонмомъ нимфъ и nereидъ.» Конечно, онъ молился не такъ, какъ древній грекъ, но записалъ эту молитву въ свои комментаріи въ замѣткахъ о Делосѣ. Съ тѣхъ поръ онъ плавалъ съ своимъ «святѣйшимъ богомъ Меркуріемъ» и вѣрилъ въ среду, посвященную ему, какъ въ день, особенно приносящій счастье ³⁾. Что жъ мудренаго, если друзья въ шутку величали его, новымъ Меркуріемъ, Меркуріемъ Анконскимъ, отцомъ того Меркурія, «нашимъ Меркуріемъ», бессмертнымъ вмѣстѣ съ своимъ Меркуріемъ ⁴⁾.

Конечно, не трудно было видѣть слабыя стороны Чиріако, и мнѣніе о немъ долгое время не могло установиться. Виною этого были нѣкоторые его современники. Такъ напр. Пьеръ Бандидо Дечембрио рассказываетъ, что миланскій герцогъ Филиппъ Марія прогналъ Чиріако отъ своего двора, какъ тщеславнаго хвастуна ⁵⁾. Но это ложь, сочиненная личнымъ врагомъ. Самъ Чиріако рассказывалъ что онъ вручилъ герцогу свои рѣчи къ туркамъ, которыя на него

¹⁾ Scalamentius p. 92: *falerati aenea Mercurii agalmata*. Онъ причисляетъ изображеніе къ *imagines*.

²⁾ Безъ сомнѣнія, это тоже изображеніе, которое превозноситъ похвалами Марсуппини въ стихахъ къ Поджіо. *Carin. ill. poet. Ital.* T. VI, p. 278. Ср. O. Iahn *Cyriacus von Ancona und Albrecht Dürer* въ сборникѣ «*Aus der Altertumswissenschaft*», Bonn, 1838 s. 346.

³⁾ Молитва эта, напечатанная O. Яномъ въ *Bull. dell' Inst. di corr. arch. per l'anno 181* p. 133, начинается такъ: *Artium mentis ingenii facundiaeque pater alme Mercuri, viarum itinerumque optime dux etc.* Въ комментаріяхъ было приложено изображеніе Меркурія съ крыльями на ногахъ. Путешествіе Чиріако и его антикварная дѣятельность теперь совершаются *cum nostro sanctissimo genio Atlantiadi (1) Mercurio* (Colucci p. 128), или *optimo invante Deo, necnon genio sanctissimo nostro favitante Mercurio*, какъ онъ писалъ греческому императору (Fabricius l. c. p. 12).

⁴⁾ Конечно, опять злоязычный Чиріако l. c. c.

⁵⁾ *Vita Phil. Mariae y Muratori scriptt.* T. XX cap. 63.

разумѣется, не производили никакого впечатлѣнія, но Филиппъ Марія приказалъ показать гостю зданія и древности въ Павіи и Миланѣ ¹⁾. Поджіо всегда хвалилъ его, какъ человѣка трудолюбиваго и образованнаго. Но однажды Чириано вздумалось вмѣшаться въ ученый споръ о Сципіонѣ и Цезарѣ. Тогда Поджіо обрушился на него съ своею извѣстною запальчивостью и выставилъ его въ смѣшномъ видѣ, не касаясь впрочемъ его заслугъ по части древностей ²⁾. Истинные ученые и вообще люди достойные пропускали мимо ушей его безвредную болтовню и все таки признавали его совершенно исключительное отношеніе къ наукѣ, во Флоренціи Марсуппини, Никколи, Леонардо Дати, Бруни и Траверсари, въ Венеціи Барбаро и Леонардо Джустиніани, также Гварино, Веджіо, Бьондо и многіе другіе, которые даже хвалили его, чтобы сдѣлать ему что нибудь пріятное. Бруни сказалъ ему по одному случаю: «Для тебя было бы лучше знать меньше того, чѣмъ ты знаешь». Но онъ остался его другомъ и постоянно посылалъ ему множество эпиграммъ и древностей ³⁾. Филельфо всѣхъ охотнѣе признавалъ пользу, доставляемую ученому міру его неутомимымъ другомъ. Постоянно получая отъ него надписи, онъ хвалилъ его какъ перваго и единственнаго человѣка, который развѣзжалъ, чтобы собирать древнія письма и остатки, привозилъ въ Италію и въ этомъ видѣлъ выгодное дѣло ⁴⁾. Даже варварамъ Чириано внушалъ смутное понятіе о значеніи древностей. Это доказывается охранною грамотою, полученною имъ отъ султана Мурада II, съ которою онъ могъ безопасно и не платя пошлинъ странствовать по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ оттоманской имперіи ⁵⁾.

¹⁾ Itinerarium p. 22. Scalomontius p. 93. Согласно предисловію къ извѣстію о морскомъ сраженіи при Понца, это посѣщеніе относится къ 1433 г.

²⁾ Poggius epist. VII, 9 ed. Tonelli. Также въ Фаценціяхъ (Opp. p. 492) и въ другихъ мѣстахъ.

³⁾ Bruni epist. VI, 9. VII, 3. IX, 5 ed. Mehus.

⁴⁾ Ср. упомянутыя рекомендательныя письма къ Барбаро и Джустиніани, письма къ Чириано отъ 21-го декабря 1427, отъ 11-го іюля 1440, отъ 31-го октября 1444 г.

⁵⁾ Colucci p. 154.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Первый вѣкъ Медичи. Гуманизмъ въ итальянскихъ республикахъ.

Мы видѣли замѣчательныхъ дѣятелей, проложившихъ новые пути, видѣли, какъ странствующіе наставники распространили новый свѣтъ классицизма по городамъ Италіи и дворамъ владѣтельныхъ особъ и какъ восторженные ученики ихъ отыскивали памятники древности повсюду, даже въ отдаленныхъ странахъ. Теперь мы вступаемъ въ иную эпоху. Талантливые люди разрабатываютъ новую науку преимущественно кружками. Они наперерывъ подаютъ другъ другу руку помощи и создаютъ обширныя республики ученыхъ. Они то живутъ въ дружбѣ между собою, то враждуютъ и ведутъ ожесточенную борьбу, то наконецъ всецѣло отдаются наукѣ. Но не смотря на соперничество и столкновения, всѣ эти личности стремятся къ одной цѣли и различными путями создаютъ одну культуру своего вѣка.

Для наукъ и искусствъ весьма благотворно, если они въ пору своего возрожденія не сосредоточиваются въ извѣстныхъ пунктахъ и такимъ образомъ спасаются отъ нѣкоторой односторонности. То же самое замѣчаемъ мы и въ ходѣ развитія отдѣльныхъ личностей. Но столь же благотворна и необходима для нихъ устойчивость силъ и стремленій, дружная, цѣлесообразная дѣятельность, передаваемая другимъ какъ бы по наслѣдству. Такимъ образомъ переходя школы мало по малу превращаются въ постоянные университеты, и гуманизмъ ищетъ себѣ пристанища. Его сторонники составляютъ разнохарактерныя группы, какъ ученое сословіе, или собираются вокругъ представителей аристократическихъ республикъ, или при дворахъ владѣтельныхъ особъ и папъ. Все это опредѣляетъ характеръ и порядокъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Едва ли нужно напоминать, что здѣсь мы обратимъ вниманіе лишь на центральные пункты литературной дѣятельности и только наслѣдила первой и второй величины, принимая тогдашнюю точку зрѣнія. Пусть читатель самъ рисуетъ въ своемъ воображеніи, какъ

около нихъ жили и работали кабинетные ученые и поэты. Это явленіе встрѣчается въ исторіи почти всѣхъ литературъ.

Всѣхъ раньше образовалась величественная республика музъ во Флоренціи. По видимому, ея призваніемъ было сдѣлать для Италіи то, что Италія сдѣлала для остальнаго міра въ теченіи среднихъ вѣковъ. Представительницею новаго образованія въ этой республикѣ является прежде всего знать: въ ней живетъ духъ Данта, Петрарки, Боккачіо и Салютато. Въ средѣ этой знати мы находимъ поэтовъ, знатоковъ языка, философскихъ мыслителей и людей съ разностороннимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Тутъ мы встрѣчаемъ также богатыхъ меценатовъ, которые любятъ поддерживать юные таланты, даютъ имъ средства для образованія, иногда доставляютъ дорогія книги, а нерѣдко также дѣлаютъ предметомъ роскоши и новую науку и искусство. Это духовное развитіе совершается тѣмъ же путемъ, какъ и политическій прогрессъ республики. Со времени побѣды оптиматовъ въ 1382 г. первое беретъ подъ защиту родовая аристократія, и оно находитъ мецената въ фамиліи Медичи. Послѣдніе низвергли враждебную имъ знать и привлекли къ участию въ общественныхъ дѣлахъ народныя силы, подготавливали господство своего дома. Медичи не были творцами этой республики музъ; они нашли всѣ элементы ея уже готовыми и только собрали всѣ лучи въ одинъ фокусъ.

Первые родовые аристократы, которые заставили поэтовъ и ученыхъ прославлять себя и окружили себя писателями, были, насколько мы знаемъ, богатые и любившіе роскошь Акчіаиоли. Но Никкола, самый знаменитый представитель этой фамиліи, рано покинулъ свою родную Флоренцію. Будучи сенешаломъ Неаполитанскаго королевства, онъ полюбилъ тотъ родъ великолѣпія, мысль о которомъ внушилъ ему Петрарка, тоже любившій все грандіозное. Но его фамилія питала любовь къ классическому образованію. Юный Донато Акчіаиоли хорошо зналъ по гречески и по латыни. Хотя онъ былъ обремененъ государственными дѣлами, однако перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка, написалъ комментарий къ Аристотелю и латинское сочиненіе въ похвалу Карлу Великому. Если бы онъ не умеръ такъ рано, то приобрѣлъ бы себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи литературы ¹⁾.

Вспомнимъ о Робертѣ де' Россси, который былъ первымъ ученикомъ Хризолора на Западѣ и главнымъ образомъ содѣйствовалъ его приглашенію во Флоренцію. вмѣстѣ съ другомъ своимъ Джакомо д' Анджело да Скарпарія онъ первый изъ флорентинской знати

¹⁾ P. Jovius Elogia doctorum viror. 16.

сталъ изучать греческій языкъ. И онъ восхищался имъ въ душѣ. Впослѣдствіи онъ былъ какъ бы литературнымъ патриархомъ среди знати. Но это былъ въ тоже время гордый богачъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ трудился надъ переводомъ Аристотеля, котораго хотѣлъ передать изящнымъ латинскимъ языкомъ. Онъ самъ переписывалъ рукописи древнихъ писателей и посвящалъ молодыхъ людей въ тайны науки своими наставленіями и бесѣдою. Когда онъ выходилъ изъ дому, то его сопровождали ученики, члены знатныхъ семействъ: Бонинсенъ, Тебальди, Альбици, Алессандри; въ числѣ ихъ былъ и Козьма Медичи ¹⁾. Подобно Росси, и Антоній Корбинелли хлопоталъ въ свое время о приглашеніи Хризолора и былъ его ученикомъ. Потомъ онъ гостепріимно пригласилъ къ себѣ въ домъ Гварино, его преемника по кафедрѣ греческаго языка. Онъ увѣковѣчилъ его имя, такъ какъ Гварино основалъ обширную бібліотеку латинскихъ и греческихъ рукописей ²⁾.

Самый выдающійся изъ учениковъ Хризолора и вмѣстѣ человекъ высокой честности и твердаго характера, въ родѣ Салютато, былъ П а л а д е С т р о ц ц и. Всѣ отзывались о немъ не иначе какъ съ почетомъ и уваженіемъ. Домъ его отличался радушнымъ гостепріимствомъ и былъ открытъ для всѣхъ образованныхъ и достойныхъ людей. Духовное лицо, учившее тамъ дѣтей, Томмазо Парентучелли, впоследствии извѣстно подъ именемъ папы Николая V, пользовавшагося громкою славой ³⁾. Строчи легко могъ бы быть такимъ же меценатомъ, какъ и Козьма Медичи, но противникъ послѣ побѣды послалъ его въ вѣчное изгнаніе и конфисковалъ все имущество. Двадцать восемь лѣтъ провелъ престарѣлый Палла въ Падуѣ. Теперь его утѣшеніемъ и опорой была философія, которую онъ изучалъ въ юныхъ лѣтахъ. Онъ принялъ въ свой домъ грека Іоанна Аргиропуло и самъ перевелъ на латинскій языкъ сочиненія Плутарха, Платона и Іоанна Златоуста. Удивлялись тѣмъ возвышеннымъ взглядамъ, какіе онъ выносилъ изъ занятія философіею, считали его древнимъ римляниномъ по той твердости духа, съ которою онъ переносилъ несчастіе и все-таки принималъ близко къ сердцу славу своего роднаго

¹⁾ *Vespasiano Cosimo de' Medici* § 1. О трудахъ Росси по части изученія Аристотеля свидѣтельствуетъ Гварино въ своемъ посвященіи Плутархова Фламиніана у *Bandini Datal. codd. lat. T. II p. 738*. Онъ выводитъ ихъ дружбу отъ Хризолора: *ille communis utrique parens dulcissimusque praeseptor etc.*

²⁾ *Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 56. 58.*

³⁾ Такихъ домашнихъ наставниковъ мы не рѣдко встрѣчаемъ въ богатыхъ дворянскихъ домахъ. Такъ *Alottus epist. III, 44* доставилъ своему брату подобное мѣсто во Флоренціи, гдѣ онъ вмѣстѣ готоваго содержанія получалъ 24 дуката въ годъ.

города. Онъ умеръ въ 1462 г. девяноста лѣтъ отъ роду. Но духъ его не умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Его сыновья Лоренцо и Наффи собирали рукописи, подобно ему, и держали для этого писцовъ. Маттео Строцци, который также принужденъ былъ удалиться изъ Флоренціи въ 1434 г., былъ знатокъ римской литературы. Томьясь въ изгнаніи, онъ искалъ утѣшенія въ философіи, подобно Паллѣ. И Нанни Строцца былъ человѣкъ съ утонченнымъ образованіемъ, а сынъ его Тито писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ ¹⁾).

Во главѣ знатныхъ (nobili), низвергнутыхъ фамиліею Медичи при помощи народа, стоялъ Ринальдо дельи Альбици. Онъ съ 1399 г. служилъ своему отечественному городу въ разныхъ должностяхъ и былъ его представителемъ въ пятидесяти посольствахъ. Послѣ переворота 1434 г. онъ уже больше не возвращался изъ изгнанія и окончилъ дни свои въ Анконѣ 2 февраля 1452 г. Онъ началъ свое развитіе еще при жизни Салютато; литературная дѣятельность того времени была не чужда и ему. Въ его домѣ тоже жилъ нѣкоторое время магистръ Томмазо де Сарзано въ качествѣ воспитателя юношества. Конечно, его нельзя отнести къ числу писателей. Но многочисленные его отчеты о посольствахъ показываютъ въ немъ человѣка вполне владѣвшаго слогомъ. Онъ былъ также участникомъ одного диспута, въ которомъ разсматривалось отношеніе натурфилософіи и языческой науки къ католической вѣрѣ. Впослѣдствіи онъ, по видимому, смотрѣлъ на модную литературу того времени больше какъ на средство—возстановить общественное мнѣніе противъ Медичи. Этимъ объясняется его связь съ Филельфо, когда послѣдній былъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ этой фамиліи ²⁾).

Есть политическій сонетъ, написанный Альбици, притомъ въ пору его цвѣтущаго развитія. Въ немъ онъ убѣждаетъ насъ не пренебрегать совершенно и этимъ литературнымъ родомъ, съ тѣхъ поръ мало разработаннымъ. Ему сочувствовали во Флоренціи благо-

¹⁾ Vespasiano Palla di Nofri Strozza. Alessandra de' Bardi p. 546. Pii II Comment. p. 49. Письмо Филельфо къ Палла отъ 1 марта 1444 г. Fabronius Magni Cosmi Medici vita vol. I p. 50. vol. II p. 105. О Тито пишетъ Блондусъ кардиналу Колонна въ 1448 г. въ год. ms. F. 66 кор. общ. Библ. въ Дрезденѣ fol. 119: Versu multum valet. cum oratione soluta mediocribus (melioribus?) hufus seculi equiparandus sit. sed. moribus sese nobilissimu gente Strozza dignissimum edidit. — Alessandra Macinghi Lettere ed. Guasti p. XV. esed. 43.

²⁾ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi pubbl. da Guasti vol. I p. VIII e seg. vol. III p. 604 e seg. Здѣсь (p. 672) говорится и о письмахъ Филельфо къ фамиліи Альбици. Медичи и его приверженцевъ въ Ambrosiana здовой сатиры его на Козьму хранится одинъ экземпляръ, написанный Альбици въ ноябрѣ 1437 г. въ Анконѣ собственноручно Rosmini vita di Filelfo T. I. p. 97.

даря Салютато, особенно знать. У насъ есть въ этомъ родѣ стихотворенія Антонио ди Паладжио; по стариной методѣ приправленныя цитатами изъ древне-римскихъ писателей и дышашія гордымъ патристическимъ чувствомъ образованнаго флорентинца ¹⁾).

Назовемъ далѣ Пьеро де' Пацца, любящаго пышность, который выучилъ наизусть всю Энеиду и многія рѣчи изъ Ливія, зналъ немного по гречески, постоянно держалъ у себя писцовъ и много тратилъ денегъ на книги ²⁾). Маттео Пальмиери собственно говоря не принадлежалъ къ числу знати, но прославился обширною ученостью, отъ которой всѣ приходили въ изумленіе. Два раза былъ онъ въ рядахъ ргіогі, а въ 1453 г.—гонфалоньеромъ di giustizia, также нѣсколько разъ посломъ республики къ папѣ и королямъ. Онъ написалъ всемірную хронику въ родѣ Евсевіевой, біографію Никколо Акчайоли, книгу о пизанской войнѣ—все это на латинскомъ языкѣ. Въ числѣ сочиненій его, написанныхъ на тосканскомъ нарѣчій, была нравственная философія — «О гражданской жизни» и обширная нравственно-богословская дидактическая поэма *Citta di vita*. Это—подражаніе Божественной Комедіи Данта. Но всѣ эти сочиненія его имѣли ограниченный кругъ читателей ³⁾). Вмѣстѣ съ нимъ учился греческому языку Леонардо Дати, подъ руководствомъ Траверсари и Марсупини. Потомъ мы встрѣчаемъ его въ числѣ папскихъ секретарей. Онъ написалъ комментарий къ *Citta di vita*, какъ Боккачіо и Рамбальди къ поэмѣ Данта ⁴⁾). Мы могли бы указать и на другія знаменитости того времени изъ среды знати ⁵⁾). О гениальномъ Альберти будемъ говорить впоследствии.

Исторія литературы и искусства окружила имя Козьмы Медичи ореоломъ величія. Какъ купецъ, ведшій дѣло въ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ мудрый и дальновидный государственный дѣятель, какъ человекъ съ моднымъ образованіемъ, какъ меценатъ на ши-

¹⁾ Советъ Альбици см. въ *Commissioni* vol. III p. 617, Паладжио и Доменико ди Прато *ibid* vol. Вотъ стихи Паладжио:

O car buon cittadini
Noi siam pur Fiorentini,
Liber Toscani, in Talia Specchio e lume.

²⁾ *Vespasiani de' Piero Pazzi*.

³⁾ *Salvini Vita Leon. Dathi* передъ его *Epistolae* ed. Mehus p. 46. 51.

⁴⁾ *Vespasiano Palla Strozzi* § 2, говоритъ, что Флоренція именно отъ 1422 до 1453 пользовалась благоденствіемъ и была богата отличными гражданами.

⁵⁾ *Vespasiano Matteo Palmieri Blondus Italia illustr.* p. 687. *Jacobus Philippus Bergomas Suppl. chron. fol. 284. Bellum pisanum* или *De captivitate Pisaram* Mabillon (*Mus. Ital. T. I p. 187*) видѣлъ во Флоренціи, въ *Laurenzina*.

рокую ногу, онъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ флорентинской знати. Уже благодаря тѣмъ богатствамъ, которыя оставилъ ему отецъ его, Джіованни, онъ былъ самымъ богатымъ частнымъ человекомъ въ Италіи. Самъ онъ увеличилъ ихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Его торговыя сношенія захватывали всю Европу, весь Востокъ, даже Египетъ. Но и обладая такимъ громаднымъ состояніемъ Козьма не забывалъ, что онъ купецъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что если бы у него по манію волшебнаго жезла явилось все, что нужно для жизни и ея украшенія, онъ все-таки старался бы увеличить свое состояніе. Благодаря этому образуются тѣсныя связи между людьми, по его словамъ, и такія стремленія возвеличиваютъ отечество ¹⁾. Козьма имѣлъ обширные взгляды. Въ юные годы онъ участвовалъ въ Констанцскомъ соборѣ и объѣхалъ большую часть Германіи и Франціи. Италія была передъ его мысленнымъ взоромъ вся какъ на ладони; онъ зналъ тайны всѣхъ дворовъ и настроеніе народныхъ массъ. Незримыми путями стекались къ нему политическія и торговыя извѣстія. Но самъ онъ казался замкнутымъ, совершенно недоступнымъ для любопытныхъ глазъ, тайною для государственныхъ людей и пословъ, такъ что они приходили въ отчаяніе. Этому всего болѣе способствовала холодная вѣжливость его рѣчей, чѣмъ вообще отличается флорентинская дипломатія. Благодаря такому же холодному разсчету безшумно достигъ онъ и господства въ республикѣ. Конечно, когда онъ воротился изъ изгнанія въ 1434 г., первыя его дѣйствія отличались беспощадной суровостью. Онъ цѣлыми массами изгонялъ своихъ враговъ или заключалъ въ тюрьмы, конфисковалъ ихъ имущества, разорялъ тяжелыми денежными штрафами и налогами. Онъ не надѣялся примирить ихъ съ собою, потому что зналъ преданія республики, систему заговоровъ и мести. Но Козьма утвердилъ власть свою почти безъ всякихъ насилій. Синьорія и балія остались по прежнему, только онъ отдалъ всѣ должности людямъ, преданнымъ его партіи. Въ то же время къ участию въ государственныхъ дѣлахъ привлечены были люди всѣхъ сословій. Его обращеніе съ согражданами было умѣренное и ровное, рѣчь спокойна, нѣскольکو односложна, безъ всякихъ шутокъ и фамильярностей. Онъ ко всѣмъ относился ласково и съ участіемъ и всегда готовъ былъ помочь нуждающемуся. Лично онъ не былъ ни честолюбецъ, ни эгоистъ и жилъ съ благородной простотою. Если онъ шелъ по городу, то за нимъ слѣдовалъ лишь одинъ слуга; на улицѣ и въ совѣтѣ онъ всегда давалъ преимущество старшимъ гражданамъ. Его неутомимая

¹⁾ Fabronius Magni Cosmi Medicei vita (vol. I) p. 10.

дѣятельность, для которой онъ часто жертвовалъ сномъ, была, повидимому, посвящена только благу города, равно какъ и вся та роскошь и пышность, которая были слѣдствіемъ его богатства, служили къ пользѣ и украшенію республики.

Козьма Медичи сооружалъ много построекъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, какъ властитель, любящій великолѣпіе. Но это была не только личная страсть его, которой онъ удивлялъ, выставляя на показъ свои богатства и роскошь. Величественный дворецъ его былъ украшенъ колоннами, статуями, картинами, книгохранилищами, рѣзными камнями и разными произведеніями древняго и новаго искусства. У него были очаровательные сады и виллы въ родѣ замковъ. Во всемъ этомъ заключался болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ одна любовь къ роскоши. Прибавимъ къ этому ту царственную щедрость, съ которою онъ дѣлалъ приношенія въ монастыри и церкви, возстановилъ соборъ св. Марка, а въ С. Брочедомъ для новиціата и капеллу, построилъ церковь св. Лоренцо, у главнаго алтаря которой должны были со временемъ покоиться бранные останки Козьмы. Онъ даже употребилъ значительныя денежныя суммы на возобновленіе и украшеніе одной церкви въ Іерусалимѣ.

Уже и тогда, разумѣется, многіе качали головами съ недоумѣніемъ, свидѣтельствуя ли это великолѣпіе построекъ, образовъ и скульптурныхъ украшеній въ церквахъ и монастыряхъ о благочестивой набожности его, или о жадѣ славы того человѣка, чьи гербы красуются на зданіяхъ ¹⁾. Но пышность и великолѣпіе города, которая для гражданъ были предметомъ гордости, а для чужеземныхъ посѣтителей предметомъ изумленія, были въ то же время правомъ на власть для человѣка, создавшаго все это. Мы полагаемъ, что эта республиканская щедрость, для удовлетворенія которой банкъ фамиліи Медичи сталъ какъ бы государственною кассою, была плодомъ благо-разумнаго разчета. Но ее считали дѣломъ привычки и наследственной чертою, характеризующею эту фамилію. У Козьмы Медичи были въ залогъ государственные доходы и была въ долгу масса гражданъ. Но онъ находилъ отдохновеніе и досугъ только тогда, когда читалъ, обрѣзывалъ виноградныя лозы въ своихъ садахъ въ Барреджи и Каффадиоло; иногда только игралъ онъ въ шахматы. Понятно, что ему и подобало быть первымъ человѣкомъ въ республикѣ, но онъ никому не давалъ этого чувствовать. Весна скоро забыли о томъ, какими путемъ онъ достигъ власти и какъ республика сдѣлалась

¹⁾ *Timothei Masci Veronensis canonici regularis In Cosmi Medicei Florentini detractores libellas et Deliciae eruditorum ed. Lamius T. XII, Florent. 1742. p. 150 seq.*

одною тѣнью свободнаго государства. Онъ «восторжествовалъ надъ ненавистью». Ему былъ поднесенъ почетный титулъ «отца отечества», на основаніи общественнаго декрета, украшающій его надгробный памятникъ. Это не простая лесть, а дѣйствительно вѣрная характеристика царственнаго республиканца ¹⁾).

Всѣ Медичи являются покровителями наукъ и искусствъ, но ни одинъ изъ нихъ, не исключая и Лоренцо Великолѣпнаго, не былъ покровителемъ ихъ въ такомъ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ, какъ Козьма. Онъ не былъ человѣкъ ученый, хотя многосторонне образованный и начитанный, съ быстрымъ соображеніемъ, одаренный тонкимъ пониманіемъ изящнаго. Но онъ всегда признавалъ и цѣнилъ всякія ученныя заслуги, даже заслуги жалкаго труженника. Трудолюбивый критикъ текста, переписывавшій и свѣрившій рукописи, поэтъ, которому необыкновенно легко давались гекзаметры, учитель грамматики, переводчикъ съ греческаго языка, глубокомысленный богословъ и философъ, художникъ, рисовавшій церкви, дворцы, виллы и плотины, или украшавшій ихъ статуями и картинами—всѣ они для Козьмы были членами одной семьи, лелѣмой имъ. Ихъ произведенія украшали городъ, прославляли республику. Онъ привлекалъ къ себѣ даровитыхъ людей, давалъ имъ мѣста и платилъ жалованье, давалъ работу и награждалъ за нее. Но они сами не знали, кому этимъ обязаны, Козьмѣ ли какъ «отцу отечества» или какъ частному человѣку. Онъ каждому давалъ работу по его способностямъ, не налагалъ ни на кого другой обязанности кромѣ той, какой требовало само дѣло или внутреннее влеченіе, не требовалъ себѣ почитанія, но благосклонно принималъ, если его воздавали. Онъ былъ выше всякихъ дрязговъ и сплетень, которые столь же обыкновенны и въ литературномъ мѣрѣ, какъ и во всякой сферѣ, гдѣ возможно соперничество. Одинъ Филельфо, доходившій въ своихъ притязаніяхъ до безразсудства, не постыдился бросить грязью и въ Козьму ²⁾).

¹⁾ Многие отзывы о Козьмѣ чисто панегирическаго свойства, къ которымъ относится и отзывъ Filippo Villani p. 118 ed. Galletti, не заслуживаютъ вниманія, но не вѣрна и обычная характеристика его у Макиавелли. Искреннюю его характеристику сообщаетъ Vespasiano: Cosimo de' Medici и сверхъ того въ другихъ біографіяхъ, умное сужденіе Энея Сильвія de vir. clar. XV и in Pii II Comment. p. 49. 50.

²⁾ Изъ писемъ и свидѣтельствъ, относящихся къ похвалѣ Козьмы, впослѣдствіи Бартоломмео Скала составилъ цѣлую книгу, которую онъ назвалъ *Collectioes Cosmianae*, и которая хранится въ бібліотекѣ Laurentiana. Въ одной части проза, въ другой стихи. Fabronius l. c. vol. II, p. 225. 226. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій приводятъ и Piccolomini въ *Archivio Stor. Ital. ser. III T. XX, p. 76* изъ каталога 1496 г.

Похожъ былъ на брата и Лоренцо де' Медичи, тоже человѣкъ съ разностороннимъ образованіемъ, любитель старинныхъ картинъ, древнихъ монетъ, вазъ. И его писатели прославляли за его щедрость. Но онъ умеръ 23 сент. 1440 г. И его праху больше почестей отдалъ Поджіо ¹⁾ своею блестящею надгробною рѣчью, чѣмъ папа Евгенийъ своимъ присутствіемъ.—Дѣтей Медичи образовывали тѣ ученые, которые были облагодѣтельствованы ихъ отцами, и такимъ образомъ духъ меценатства былъ наследственнымъ въ этой фамиліи.

Посмотримъ теперь на тотъ литературный кружокъ, который группировался вокругъ Козьмы де Медичи, бывшаго центромъ умственной дѣятельности. Передъ нами тотчасъ же является оригинальнѣйшая личность, человѣкъ средняго роста, склонный къ полнотѣ, всегда одѣтый изящно и чисто. Въ чертахъ лица его постоянно просвѣчиваетъ веселость, такъ что, повидимому, онъ улыбается при каждомъ словѣ. А когда онъ принимался шутить, то все общество разражалось неудержимымъ смѣхомъ. Но иногда у него прорывались бѣдныя саркастическія выходки. Это, такъ сказать, литературный министръ Козьмы и въ качествѣ мецената похожій на него, но настолько же бѣдный, насколько тотъ былъ богатъ, философъ въ жизни, настолько же довольный немногимъ и счастливый въ своей умѣренности, насколько Медичи былъ зажиточный государственный человѣкъ. Это Никкола де' Никколо. Отецъ его былъ флорентинскій купецъ и долго подготовлялъ сына къ этой же дѣятельности. Получивъ, послѣ смерти отца, небольшое состояніе, онъ оставилъ торговлю, подобно Боккачіо, чтобы отдаться своему влеченію къ наукамъ. Изъ произведеній Данта и Петрарки онъ понималъ, насколько оно благородно. Составивъ планъ жизни, онъ не измѣнялъ ему уже до самой смерти. Онъ выучился латинскому языку, также немного греческому у Хризолора. Въ С. Спирито онъ получилъ общее понятіе о философіи и богословіи. Потомъ его преобладающею страстью сдѣлались книги. Сначала, какъ мы уже говорили выше, онъ отправился въ Падую только для того, чтобы достать тамъ сочиненіе Петрарки, въ особенности его Африку. Это было спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти великаго Аретинца, когда поклоненіе ему было въ разгарѣ. Люди, знавшіе еще въ старости этого всесвѣтнаго мудреца, могли многое рассказать восторговшемуся имъ Никколи, въ особенности Луиджи Марсильи. Сочиненія

¹⁾ Въ своихъ Opp. p. 278 и Poggii epist. 49. а. въ Specil. Roman. T. X. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 53. Лоренцо Великолѣпный опредѣлялъ годъ смерти Лоренцо 20-го сентября. Laurentii Medicis vita vol. II p. 7.

Петрарки стали главнымъ сокровищемъ библіотеки Никколи, которую онъ потомъ увеличивалъ съ замѣчательною энергіею.

Большую часть книгъ въ этой библіотекѣ онъ написалъ самъ. И теперь еще въ книгохранилищѣ Лоренцо Медичи и другихъ хранятся книги, писанныя его рукою. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. его Лукрецій и упомянутыя нами двѣнадцать комедій Плавта, принадлежать къ числу первокласныхъ рукописей. Вообще вновь найденныя книги поступали для переписки къ нему первому ¹⁾. Еще за нѣсколько дней до своей смерти онъ обнаруживалъ необычайное рвеніе къ этому дѣлу и заботливость. Чѣмъ старше было письмо, тѣмъ для него больше было радости. Если нужно было вставить въ текстъ греческія слова, то ему дружески помогалъ въ этомъ Траверсари, камалдульскій монахъ. Онъ покупалъ книги, коль скоро у него были средства и представлялся удобный случай. Сочиненія, оставленныя Салютато, были разбросаны и растеряны его наслѣдниками; но Никколи сумѣлъ приобрести ихъ въ розницу частію для себя, частію рекомендовалъ Козьмѣ Медичи. Благодаря своей страсти онъ вскорѣ пришелъ въ крайнюю бѣдность. Но онъ былъ бы не въ силахъ опять продавать книги; это по его словамъ, могутъ дѣлать только жалкіе люди, чуждые науки ²⁾. А между тѣмъ ему стоило только послать записку въ баню Медичи; Козьма отдалъ своему кассиру приказаніе тотчасъ же выдавать желаемую сумму. Ему нечего было стѣсняться, потому что эти выдачи предполагалось производить въ видѣ ссуды. Передъ смерью онъ остался долженъ банку 500 дукатовъ, которыя онъ употребилъ отчасти на книги, отчасти на житейскія нужды.

У Никколи тоже можно было достать всевозможныя свѣдѣнія о библіотекахъ и книгахъ. Онъ угадывалъ, гдѣ можно достать старыя рукописи, какъ будто кто тайкомъ сообщалъ ему объ этомъ. Рѣдко флорентинецъ отправлялся во Францію или Грецію не снабженный отъ него литературными инструкціями. Поджіо и Бруни, жили ли они въ Римѣ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ находился римскій дворъ, были ли на соборѣ въ Констанцѣ и оттуда дѣлали поѣздки по французскимъ монастырямъ, письма ихъ и извѣстія, политическія и литературныя, даже вѣсти о ихъ дружескихъ и семейныхъ дѣлахъ всегда адресовались къ Никколи. А онъ часто пересылалъ къ нимъ вѣсти изъ Флоренціи, книги, литературныя новости и деньги. Если Траверсари, совершая поѣздки по дѣламъ ордена, находилъ какія нибудь

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Ambros. Travers. epist. VIII, 2 отъ 8-го іюля (1431) говорить, что онъ недавно списалъ послѣднія 14 книгъ Теллія, вновь найденнаго «пастуха Гермаса, Асколія Педіана и сочиненіе Лактанція de ira Dei и de opificiis Dei.

²⁾ Poggius epist. VI, 19 ed. Tonelli.

рукописи, стоящія переписки, когда напр. онъ нашелъ Непотову жизнь Аттика и письма блаженнаго Иеронима, то онъ съ ближайшею окказіею послалъ эти копіи къ Никколи¹⁾. Когда послѣдній услышалъ отъ проповѣдника, брата Бернардино, что у миноритовъ въ Римини есть греческая библія, то онъ тотчасъ же просилъ отыскать ее²⁾. Жившіе далеко друзья, какъ напр. Леонардо Джустиніани и Барбаро въ Венеціи, или возвратившійся изъ Греціи Ауриспа должны были посылать ему тщательно составленные каталоги своихъ библиотекъ. Въ нихъ слѣдовало указывать на каждое сочиненіе, содержащееся въ рукописи³⁾. Никколи сообщалъ книжные каталоги даже знаменитымъ кардиналамъ, каковы Альбергати и Чезарини, которымъ по дѣламъ церкви приходилось бывать въ разныхъ странахъ. И они принимали эти каталоги къ свѣдѣнію⁴⁾. Уже въ преклонной старости Никколи задумывалъ объѣхать всю Грецію, чтобы собрать греческія рукописи. Онъ чтилъ и ихъ какъ святыню, хотя весьма плохо зналъ греческій языкъ. Онъ пришелъ въ неописанный восторгъ, когда получилъ отъ Ауриспы изъ Византіи прекрасную рукопись, содержащую въ себѣ Эсхила, Софокла и Аполлонія.

Но Никколи не былъ просто переписчикомъ; онъ сравнивалъ разные списки, вычеркивалъ явныя искаженія, возстановлялъ текстъ, дѣлилъ сочиненіе на главы и прибавлялъ указатели содержанія. Въ этого рода работахъ онъ руководился природнымъ вкусомъ, который еще нерѣдко замѣнялъ собою критику, и онъ то доставилъ ему литературную славу.

Собраніе Никколи было положительно самымъ обширнымъ и самымъ лучшимъ во Флоренціи. Въ немъ было 800 экземпляровъ послѣ его смерти, и ихъ оцѣнили въ 4000 цехиновъ, насколько можно цѣнить подобныя вещи. У него была карта земнаго шара и особыя карты Италіи и Испаніи. Въ этой библиотекѣ было такъ много книгъ, что Никколи благодаря ей «спасся отъ кораблекрушенія въ пристань», которой другіе тщетно искали. Когда его посѣтилъ Чириако въ его собраніи сокровищъ, то называлъ его подражателемъ Птолемея Филадельфа⁵⁾. Тутъ была и небольшая галерея античныхъ статуй, скульптуръ, картинъ, вазъ, мозаикъ, рѣзныхъ камней, монетъ и медалей. Послѣднія частію были древняго происхожденія, частію копіи изъ свинца.

1) Ambros. Camald. Hodoeporicon. p. 53. 58.

2) Albertus a Sarthiano epist. 25.

3) Ambros. Travers. epist. VI, 4, 14. XIII, 1.

4) Ambros. Travers. epist. VIII, 2 отъ 8-го іюля (1491).

5) Candidus Decembrius у Argelati Biblioth. Scriptt. Mediol. T. I, p. 300. Scalamentius p. 91.

Таковъ былъ мiръ, въ которомъ жилъ этотъ скромный человѣкъ подобно пауку въ своей паутинѣ, но безъ его страсти къ отшельничеству и безъ ненависти къ себѣ подобнымъ. Повидимому, онъ рѣдко выѣзжалъ изъ Флоренціи. Слабый и болѣзненный, — по крайней мѣрѣ такъ о немъ думали, — онъ, какъ истый холостякъ, имѣлъ много оригинальныхъ привычекъ, часто чувствовалъ желаніе видѣть свѣтъ. Но онъ боялся случайностей путешествія и неудобствъ жизни въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Онъ съ молодости часто говорилъ, что ему хочется побывать въ Римѣ, и наконецъ собрался туда въ то время, когда Поджіо только что возвратился въ вѣчный городъ. Этотъ другъ нанялъ для него домикъ по близости отъ себя, гдѣ бы онъ могъ жить покойно и удобно съ своею Бенвенутою, обѣщалъ достать слугу и лошадь или мула съ покойной походкой. Но мы не знаемъ, пріѣзжалъ ли въ то время Никколи въ Римъ. Все таки однажды онъ былъ въ вѣчномъ городѣ вмѣстѣ съ Козьмою Медичи. Но по разнымъ обстоятельствамъ они пробыли тамъ не долго. Впрочемъ развалины города успѣли внушить ему болѣзненное сожалѣніе ²⁾. Впослѣдствіи онъ ѣздилъ еще въ Верону. Тогда Поджіо сказалъ ему комплиментъ, именно, что эти поѣздки его слѣдуетъ причислить къ подвигамъ Геркулеса. Быть можетъ, это была та самая поѣздка, въ которую онъ былъ въ Венеціи, частію желая посѣтить изгнанныхъ Медичи, частію основательно осмотрѣть книжныя сокровища тамошнихъ монастырей и ученыхъ друзей ³⁾. Но совершенно счастливо и по своему вкусу онъ могъ жить только во Флоренціи. Мы рано видимъ его въ числѣ чиновниковъ, выбранныхъ для управленія дѣлами университета, и онъ оставался въ этой должности до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Вѣроятно, въ этой средѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ ⁴⁾. Вообще же онъ жилъ какъ человѣкъ, для котораго не существуетъ политической жизни. Она казалась ему

¹⁾ Poggius epist. I, 10. 13. Онъ отклоняетъ его отъ намѣренія ѣхать въ Грецію: Valetudinarius es, et vix tutaris sanitatem in tecto, ubi libere vivis.

²⁾ Poggius, epist. II, 1 отъ 12-го февраля 1423 г. ждетъ своего друга въ Римѣ, куда поднимаютъ и Козьму. Если epist. III, 18 дѣйствительно отъ 17-го іюня 1428 г., то Поджіо, повидимому, опять ждалъ пріѣзда. Но согласно epist. II, 1 первого не состоялось. Что Никколи разъ былъ въ Римѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Travers epist. VIII, 9 отъ 25-го мая и притомъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ упоминанія Ауриспы, въ 1423, что опять не согласно съ вторымъ письмомъ Поджіо.

³⁾ Poggius въ epist. IV, 17 у Tonelli отъ 6-го января 1431 г., говоритъ о поѣздкѣ въ Верону. Поѣздка въ Венецію, о которой часто упоминается въ 8-й книгѣ пасемъ Траверсари, должна относиться къ 1433 г.

⁴⁾ Grazziner Storia del pubblico studio di Firenze vol. I, p. 76. 101. относить его къ маю 1414 г. и въ сентябрѣ 1434 въ числѣ ufficiali dello studio.

такую жалкою въ сравненіи съ дѣяніями великихъ людей древняго міра ¹⁾. Онъ остался холостякомъ и предпочиталъ жертвовать свои средства на научныя цѣли. Но Никколи былъ совершенно чуждъ монашескаго умерщвленія плоти. Въ лѣта юности онъ имѣлъ привычку по праздникамъ стоять съ Бруни у дверей церкви и любоваться на хорошенькихъ дамъ, которыя выходили оттуда ²⁾. Въ послѣдствіи онъ жилъ съ одною мирной конкубиной (ша donna di tempo, по выраженію Веспасіано), той Бенвенутою, которую онъ пѣжно любилъ. Онъ даже требовалъ, чтобъ друзья уважали ее, и изъ за нея жестоко поссорился съ своими братьями. «Эта семейная война, говорилъ онъ обыкновенно, служить единственною помѣхою моему счастью». Бенвенута въ тоже время и прислуживала ему такъ какъ весь домъ состоялъ только изъ двухъ этихъ лицъ. Все, что дѣлалось внѣ этого дома и внѣ литературныхъ кружковъ, не возмущало веселаго расположенія его духа. Но когда онъ садился за столъ, то на немъ должны были стоять античныя вазы, изящныя глиняныя сосуды, античныя кувшины и хрустальныя бокалы, большею частію подаренныя ему. Онъ требовалъ, чтобы скатерть была тонкая и чистая ³⁾. Въ такихъ вещахъ онъ былъ педантомъ. Чувства у него были утонченныя и необычайно воспримчивыя ко всякимъ непріятнымъ впечатлѣніямъ. Особенно не любилъ онъ ослинаго рева, визга пилы и писка мышей.

Такие люди обыкновенно дѣлаются затворниками и нелюдимами, закапываются въ своихъ кабинетахъ рѣдкостей и не имѣютъ склонности производить вліяніе на окружающихъ. Но характеръ Никколи былъ вовсе не таковъ. Двери его дома постоянно были открыты для всѣхъ, кто искалъ его совѣтовъ или помощи въ литературномъ дѣлѣ. Книги его были къ услугамъ каждаго, кто желалъ ими пользоваться. Когда онъ умеръ, то большей части его книгъ не было на мѣстахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, по видимому, рождены скорѣе для того, чтобы ободрять къ дѣятельности другихъ, чѣмъ самимъ производить что либо цѣльное. Кто сближался съ нимъ, тотъ чувствовалъ, что и въ его душѣ пробуждается живой научный интересъ. Послѣдній свозилъ въ каждомъ словѣ Никколи даже въ каждой минѣ его. — «Всякій разъ, какъ я получаю письма отъ тебя», признавался ему однажды Ліонардо Бруни, «меня снова все болѣе влечетъ къ ученымъ занятіямъ» ⁴⁾. Его домъ былъ вмѣстѣ и музеемъ, сборнымъ мѣстомъ всего прекраснаго во Флоренціи, особенно молодыхъ и на-

1) Poggius epist. V, 6.

2) Leon. Bruni epist. IV, 4.

3) Vespasiano: A vederlo in tavola così antico come era, era un gentilezza.

4) Leon. Bruni epist. III, 19. Также у Ambros. Travers. epist. VIII, 2.

чинающих писателей, также живописцевъ, ваятелей и архитекторовъ. Часто иноземные гости приходили познакомиться съ нимъ въ его замѣчательной обстановкѣ. Тамъ не было ни угощеній, ни праздниковъ, за то велись ученые бесѣды и происходилъ разносторонній обмѣнъ мыслей ¹⁾. Иногда въ кабинетѣ Никколи собиралось до двѣнадцати молодыхъ людей. Никколи говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, спрашивалъ, что они читали и какъ поняли. Шутокъ и пустой болтовни не допускалось. Здѣсь, въ этомъ частномъ музеѣ продолжались собранія ученыхъ, какія бывали въ С. Спирито, конечно, въ совершенно иномъ духѣ. Для насъ весьма важно, что Никколи называютъ ученикомъ Луиджи Марсилли, стоявшаго во главѣ кружка въ С. Спирито.

Переписку Никколи можно назвать литературною газетою гуманистовъ, а самъ онъ былъ оракуломъ для Флоренціи, если кому либо случалось спрашивать о латинскихъ или греческихъ книгахъ. Однажды у Беккаделли просили писемъ Цицерона или Александра Великаго, но онъ не могъ ихъ найти, поэтому указали просившему на Никколи ²⁾. Но послѣдній не только могъ дать точныя свѣдѣнія о книгахъ, какъ бібліотекаръ, но и объ историческихъ, историко-литературныхъ и космографическихъ пособіяхъ. У него была хорошая память; онъ уже въ старости зналъ наизусть почти всю Божественную Комедію, которую съ благоговѣніемъ перечитывалъ нѣсколько разъ въ молодости. Сверхъ того онъ считался хорошимъ знатокомъ латинскаго языка, только крайне мелочнымъ. Самъ онъ ничего не написалъ кромѣ коротенькаго трактата о латинской орфографіи, предназначавшагося въ руководство для обучающагося юношества. Въ немъ онъ говорилъ объ элементахъ, о которыхъ съ любовью распространялся и въ разговорѣ, о формѣ буквъ и объ «античномъ письмѣ», которыми онъ исключительно пользовался для греческихъ текстовъ и хотѣлъ, чтобы и другіе пользовались, о начертаніи словъ, которое хотѣлъ преобразовать на основаніи словопроизводства, а въ особенности о двугласныхъ. Послѣднія, дѣйствительно, такъ были изуродованы въ средніе вѣка, что были невыносимы для человѣка систематическаго. Спорные вопросы онъ старался рѣшать съ по-

¹⁾ Ср. напр. письмо юнаго Ермолао Барбаро, ученика Гварино, который однако больше былъ обязанъ этому флорентинскому кружку, въ письмахъ Ambr. Travers. ep. XXIV, 19. Онъ говоритъ о Никколи: *Hic ubi quemquam virtuti et bonis moribus deditum nactus est hominem, eum curililio, opera, ore animat, erigit, protegit.* Такъ же изображалъ его обращеніе съ молодыми людьми Gregorio Copparo *Vespasiano Gregorio protonotario* § 1.

²⁾ Какъ *serenissimus antiquitatis et rerum huiuscemodi scrutator.* Epist. Gall. II, 18

мощью монетъ и надписей или греческаго языка. Конечно, надъ этимъ тогда смѣялись, какъ надъ мелочною кропотливостью, но такое стремленіе показываетъ филологическій тактъ, и оно было въ особенности направлено къ возстановленію исправныхъ текстовъ ¹⁾. Но и это сочиненьице, между прочимъ написанное на итальянскомъ языкѣ, онъ, кажется снова взялъ изъ обращенія, когда подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны Гварино. Письма онъ писалъ правильнымъ слогомъ на народномъ нарѣчьи. Насколько извѣстно, по принципу онъ не писалъ ничего по латыни. На этомъ языкѣ онъ никогда не говорилъ. Объ этомъ судили разное. Бруни говорить въ своей инвективѣ, направленной противъ него, что онъ хотѣлъ такимъ образомъ скрыть свое круглое невѣжество въ латинскомъ языкѣ. Манетти, написавшій его біографію въ панегирическомъ тонѣ, и Веспазіано, сдѣлавшій это съ видимою любовью къ своему герою, были того мнѣнія, что онъ слишкомъ идеально смотрѣлъ на хорошій латинскій слогъ, поэтому и не надѣялся достигъ этого идеала. Подобнымъ же образомъ судить Поджіо въ своей надгробной рѣчи, которая тоже похожа на панегирикъ, именно что онъ одобрялъ только то, что изящно и совершенно, и потому не былъ доволенъ собственными произведеніями, Между прочимъ Поджіо отражаетъ нападеніе на своего друга тѣмъ доводомъ, что ни Пифагоръ, ни Сократъ, ни даже Іисусъ Христосъ не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій ²⁾. Всѣхъ вѣрнѣе судить, несомнѣнно, Эней Сильвій: Никколи не вполнѣ полагался на себя и не хотѣлъ подвергать своихъ произведеній суду другихъ, потому что самъ не находилъ ни у кого удачныхъ произведеній, и долженъ былъ бы порицать всѣхъ современныхъ писателей. Даже и изъ великихъ писателей древности онъ хвалилъ только Платона, Виргилія, Горация и блаженнаго Іеронима.

¹⁾ Если Гварино въ своемъ письмѣ въ Вιάджіо Гваско упрекаетъ автора біографіи въ ребяческое невѣжество, то это было слѣдствіемъ, а не причиною ихъ разлада. Письмо напечатано у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 51. О содержаніи трактата можно догадываться по стихамъ Бриппи, написаннымъ въ похвалу Никколи *ibid.* p. 11:

. renovatque priorem
Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere dithongos elementaque propria docte.

Далѣе, нападеніе на Никколи, напечатанное въ *Paradiso degli Alberti voi. I p. II p. 327* состоящее въ томъ, что его высшее наслажденіе *una bella lettera antica, la quale non stima bella e buona, se ella non è di forma antica e bene dithongata*. Никколи будто бы по дѣламъ диниъ гонимся за пропускъ слова или за *dithonguzzo*.

²⁾ Poggius epist. VI, 12. Къ Никколи Никколи, въ *Traversari* (epist. III, 36): Niccoli, cuinchi met etc.

Вотъ тѣ условія, которыя затрудняли общеніе съ нимъ. Онъ считалъ себя почти непогрѣшимымъ судьей въ дѣлѣ искусства и самобытнымъ человѣкомъ. Страстный пособникъ и доброжелательный другъ въ дѣлахъ важныхъ, онъ часто пренебрегалъ тою мелочною внимательностью и вѣжливостью, которыя необходимы въ общежитіи и которыхъ онъ самъ требовалъ себѣ отъ самыхъ короткихъ друзей. Притомъ онъ былъ раздражителенъ, легко дѣлался подозрительнымъ и былъ въ этомъ отношеніи себялюбивъ. Противорѣчія волновали и сердили его ¹⁾. А такъ какъ онъ быстро подмѣчалъ промахи и слабости другихъ, то часто высказывалъ свои мнѣнія объ этомъ съ рѣзкою откровенностью, въ которой думали видѣть ученика Марсиллы. Онъ не умѣлъ также сдержатъ порывовъ своего язвительнаго остроумія. А самъ видѣлъ въ шуткахъ другихъ желаніе одурачить его. Болѣе снисходительные друзья, прощали ему злыя выходки и много много если нѣкоторое время не ходили къ нему. Однажды Поджіо — это было вскорѣ послѣ его пріѣзда изъ Англіи — долго не писалъ ему. Никколи сталъ обвинять его въ томъ, что онъ слишкомъ занялся пирушками на «англійскій ладъ»: вотъ плодъ его ученыхъ занятій. Но Поджіо замѣчательно умѣлъ ладить съ нимъ. На шутку онъ отвѣчалъ такою же шуткою: «Ругайся и сердись, отвѣчалъ онъ ему; я смѣюсь надъ этимъ: я вѣдь по язвительности твой ученикъ». Но онъ тоже и уговаривалъ его. — «Что это за дружба, если мы должны взвѣшивать наши слова, какъ люди незнакомые другъ съ другомъ!» Такимъ образомъ этотъ чудакъ и извѣстный ругатель остался отличными друзьями, и дружескій союзъ ихъ разрушила только смерть ²⁾. Никколи не щадилъ даже камальдускаго монаха Траверсари, котораго онъ искренно любилъ. По словамъ Филельфо, онъ называлъ его *attonitum per contumeliam* (озадаченный ругательствомъ) что, конечно, объясняется какимъ нибудь личнымъ отношеніемъ. Но люди гордые или вспыльчивые не прощали ему этихъ выходокъ. Такимъ образомъ Никколи нажилъ себѣ много враговъ среди людей, которые по его настоянію были приглашены во Флоренцію и сначала пользовались его покровительствомъ. А такъ какъ его голосъ былъ всемогущъ у Козьмы и его чиновниковъ, завѣдывавшихъ университетомъ, то обыкновенно его недругамъ вскорѣ приходилось покидать Флоренцію, эту обѣтованную землю литературы. Такова была судьба Эммануила Хризолора и

1) Ambros. Travers. epist. VI, 2. Poggius epist. II, 11. Tener est, unler caetera, et ut ita dicam vitreus, qui ad parvulum isum loquingitur.

2) Poggius epist. III, 5 отъ 23 октября 1426 г.

Гварино изъ Вероны, которые оба были приглашены наставниками греческаго языка при его посредствѣ; тоже случилось съ Ауриспою и Филельфо ¹⁾). Даже Лионардо Бруни сильно поссорился съ Никколи, съ которымъ прежде слушалъ лекціи греческаго языка у Хризоло-ра, которому посвятилъ свои переводы съ греческаго языка, котораго призналъ судьбою своихъ сочиненій ²⁾). Первою причиною охлаждения было то, что Никколи больше интересовался учеными занятіями Траверсари. Но ближайшимъ поводомъ былъ скандальный случай съ Бенвенутой. Родственники Никколи напали на нее на улицѣ въ виду смѣявшихся сосѣдей, ругали и били ³⁾). Никколи, растроенный и раздраженный этимъ, услышавъ, что и Бруни, вмѣсто того чтобы утѣшить друга въ горѣ, отнесся неодобрительно къ этому нѣжному союзу и назвалъ Бенвенуту кухаркою. Дошло дѣло до крупныхъ объясненій. Бруни написалъ инвективу противъ прежняго пріятеля, въ которой не было недостатка ни въ насмѣшкахъ, ни въ гнусной клеветѣ. Никколи былъ внѣ себя отъ досады, однако не выступилъ на публицистическое поприще и отплатилъ лишь ядовитыми остротами ⁴⁾). Ссора эта надѣлала много шума, не только въ средѣ флорентинскихъ писателей, изъ которыхъ Траверсари не разъ и всегда напрасно пытался примирить ихъ ⁵⁾). Поджіо, состоя въ дружбѣ съ обоими, еще будучи въ Лондонѣ хотѣлъ восстановить миръ между ними и много лѣтъ искренно хлопоталъ объ этомъ. Онъ нашелъ, что ссора и городскія сплетни не дѣлаютъ чести обоимъ имъ, но онъ съ самаго начала рѣшился не оставлять на произволъ судьбы оскорбленнаго Никколи ⁶⁾). Даже папа Евгений IV, бывший въ то

¹⁾ Cf. Filelfi Satyr. Dec. I nec. I 5. Письмо Филельфо къ Козьмѣ Медичи отъ 1 мая 1493 г.

²⁾ Въ посвященіи Tyragannus Ксенофонта у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 395 онъ говоритъ: qui et latinorum litterarum tantam peritiam habes, quantam nemo fere hoc tempore alter, at in graecis ipsis addijscendis socius mihi adiutorque fuisti. Точно также высказался онъ въ своемъ посвященіи жизни Цицерона, какъ сообщаетъ Vespasiano въ Commentatio de vita di Manetti p. 98.

³⁾ Leon. Bruni epist. V, 4 къ Поджіо, IV, 23, IX, 19.

⁴⁾ Oratio in nebulonem malodicum, написанная Бруни, напечатана, еще сохранилась въ рукописи, напр. у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 663, у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 549, гдѣ есть извлечения и изъ инвективы. Съ этимъ дѣломъ связана и другая инвектива, написанная Лоренцо ди Марко Бенвенуто противъ Никколи и упоминаемая у Poggius epist. I, 9, 15. (1420 и 1421). Mehus Vita Ambros. Travers. p. 60. Но уже говорить Веспасиано: Frate Ambrogio § 6, что онъ не видѣлъ этой инвективы. Отсюда его ошибка, будто сочиненіе было направлено противъ Бруни.

⁵⁾ Ambros. Traversarii epist VI, 18.

⁶⁾ Poggius epist. I, 9 къ Никколи: Unum dico, etsi alii omnes desciverunt, me in fide mansurum neque tibi defuturum et honori tuo. Онъ обнаруживалъ прекрасныя черты дружбы, напр. въ 1425 г., согласно epist. II, 24, хлопоталъ Бенвенутѣ разрѣшеніе на дипломатично данное обѣта, притомъ даромъ.

время во Флоренціи, принялъ на себя посредничество, но тоже напрасно. Только чрезъ 6 лѣтъ удалось венеціанцу Франческо Барбаро въ его бытность во Флоренціи примирить ихъ по крайней мѣрѣ наружно. И Поджіо изъ Рима поздравлялъ миротворца такъ торжественно, какъ будто міръ избавился отъ спасенъ бѣдствія ¹⁾. Но прежней короткости отношеній между ними уже не было.

Напротивъ другіе терпѣливо ждали, пока Никколи не сознавалъ свою неправоту, и пользовались его благотворительною дружбою. Такъ поступали Траверсари, Марсуппини, Поджіо, который часто съ необычнымъ терпѣніемъ выносилъ подозрительныя замѣчанія своего друга. Но наука и ея приверженцы во Флоренціи понесли горькую утрату, когда этотъ маленькій лектаторъ, этотъ бѣдный меценатъ, который самъ ничего не написалъ и только списывалъ книги, 4 февраля 1497 г. ²⁾ испустилъ духъ на рукахъ своего друга, генерала камальдускаго ордена, на 74-мъ году жизни, какъ истинный христіанинъ. Религіи онъ всегда строго держался, никогда не былъ вольнодумцемъ и не желалъ слышать неуважительныхъ отзывовъ о вѣрѣ даже отъ такихъ друзей, какъ Поджіо и Марсуппини. Его послѣдняя земная забота была о томъ, чтобы обезпечить въ завѣщаніи судьбу своихъ книгъ. Тѣло согласно желанію покойнаго, было погребено въ С. Спирито. — «Я не знаю никого другаго, писалъ тогда Траверсари, кому бы въ наше время и при нашихъ отцахъ латинскій языкъ былъ больше обязанъ, чѣмъ ему». — Поджіо увѣряетъ, что при извѣстіи о смерти его пролилъ много слезъ, какъ о смерти отца. Для него тяжело было подумать, что онъ, воротясь во Флоренцію, больше не будетъ посѣщать домъ Никколи. Слова, сказанныя имъ въ горѣ Марсуппини, и надгробная рѣчь, написанная въ честь покойнаго, служатъ прекрасными памятниками для послѣдняго и доказательствомъ нѣжной любви и уваженія писавшаго ³⁾.

1) Poggius epist. I, 9. 12, II, 11. 41. III, 4. 5. 6. 7.

2) День смерти, обозначенный на его надгробной надписи, которую слѣдуетъ считать болѣе подлинною, чѣмъ свидѣтельство Манетти, что онъ написалъ завѣщаніе 23 янв., peridie quam moreretur.

3) Travers. epist. IX, 21. Poggius. Epist. VI, 12. 14. 15. 16. Множествомъ свѣдѣній о Никколи мы обязаны часто упоминаемому Мерусу (Vita Ambr. Trav. p. 28—82. 367), тоже Vita L. Brunі p. 65 sed. Въ основу ихъ положена біографія, написанная Маннетти въ его напечатанномъ сочиненіи de illustribus longaevis и много другаго рукописнаго матеріала флорентинскихъ библиотекъ и архивовъ. И изъ упомянутой инвентяры Бруни Мерусъ сообщалъ важнѣйшее по рукописи Laurentiana. Сравни сверхъ того Vespasiano: Nic. Niccoli Ambrog. Camald. § 6; Cosimo de' Medici § 28. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI. Bart. Facius de vir. illustr. p. 11 (ed. Mehus. Florentiae 1745). Poggius irat. io funere Nic. Niccoli въ его Opp. p. 270 и у Martene et Durand. Vet. Script.

Въ числѣ лицъ, окружавшихъ Никколи, всего чаще упоминалось имя Ліонардо Бруни. Обыкновенно ему даютъ прозвище Аретиво (Аретинецъ), такъ какъ онъ былъ родомъ изъ одного городка съ Петракюю. Подобно ему, и онъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ заниматься выгодною наукою, правовѣдѣніемъ, потому что былъ человѣкъ бѣдный и низкаго происхожденія ¹⁾. Но умъ его стремился къ идеальнымъ наукамъ. Еще будучи мальчикомъ пятнадцати лѣтъ, онъ во время одного возмущенія, запертый въ крѣпости Кваротъ, не могъ отвести глазъ отъ портрета своего знаменитаго земляка и горячо желалъ идти по стопамъ его ²⁾. Впослѣдствіи Салютато взялъ сироту подъ свое покровительство и любилъ какъ сына; Бруни, по собственному признанію, ему обязанъ былъ тѣмъ, что выучился греческому языку и приобрѣлъ большой навыкъ въ латинскомъ ³⁾. До тридцати пяти лѣтъ былъ онъ подъ покровительствомъ канцлера, котораго и потомъ любилъ называть своимъ отцомъ и наставникомъ. Но Бруни очень быстро развился, и Салютато убѣдился, что они другъ для друга взаимно могутъ быть и ученикомъ и учителемъ ⁴⁾. Мы уже знаемъ, что самъ онъ говорилъ о томъ влияніи, какое произвели на него лекціи Хризолора. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ наставникомъ въ домѣ Медичи и образовалъ юнаго Никколу Медичи такъ основательно, что послѣдній считался ученѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ флорентинской знати ⁵⁾. Однако нужда заставила Бруни снова приняться за правовѣдѣніе, и наконецъ онъ по ходатайству Салютато и Поджіо въ 1405 г. получилъ мѣсто секретаря у папы Иннокентія VII и съ тѣхъ поръ всюду слѣдовалъ за римскимъ дворомъ.

et. Monum. ampliss. Collectio T. III p. 727. Здѣсь есть и другіе матеріалы, вызванные смертью Никколи.

¹⁾ Самъ онъ въ *Oratio in nebulonem maleficum* называлъ своихъ родителей *ingenuss et honestor . . . nec locupletes et cunctis honoribus in libva cilitati (Ареццо) perfunctot*. Но Поджіо говорить въ надгробной рѣчи, что онъ былъ *genere minime claro*. Онъ былъ не сынъ папскаго секретаря Франческо Бруни изъ Ареццо, друга Петракки, какъ полагаетъ *Mazzuchelli Scritt. d' Ital. Vol. II P. IV p. 2197*, хотя въ документахъ онъ называлъ *Leonardum quonon S e s s i Bruni de Aretino*.

²⁾ Такъ рассказываетъ онъ въ своей *Rerum suo tempore gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. T. XIX p. 917. Manetti Orat. funebr. in Leon. Bruni Epistt. rec. Mehus p. XCII*.

³⁾ *Epist. I, 12 II 11. rec. Mehus. Vespasiano: Lionardo d' Arezzo § 1.*

⁴⁾ *Lalutati Epist. P. I ep. 2. ed. Rigacci.*

⁵⁾ Въ пользу этого я знаю только свидѣтельство у *Blondus Ital. ill. p. 346: Nicola Medicus, quem preceptor domi assiduus erudierat Arebinus*. Но не относится ли это къ Марсуппини?

Но Бруни рѣшительно не умѣлъ примѣниться къ жизни и обычаямъ папскаго двора; былъ не изъ тѣхъ людей, которымъ легко живется и которые умѣютъ обращаться въ свѣтѣ, какъ Поджіо. Расколъ поставилъ папскаго чиновника въ шаткое и непріятное положеніе. Бруни постоянно тянуло во Флоренцію, въ кругокъ тамошнихъ образованныхъ людей. Вскорѣ послѣ смерти Салютато онъ хлопоталъ быть его преемникомъ, но напрасно ¹⁾. Въ ноябрѣ 1410 г. его дѣйствительно выбрали, когда снова открылась ваканція, но онъ получилъ должность не въ прежнемъ ея объемѣ и, по видимому, не окончателно ²⁾. Такъ какъ работы казалось ему очень много, а вознагражденіе было ничтожно, то онъ оставилъ эту должность чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и опять поступилъ секретаремъ къ папѣ Іоанну XXIII. Но духовному званію онъ не могъ себя посвятить, напротивъ именно въ то время женился, похвалъ съ своимъ папою въ Констанцѣ, но потомъ воротился во Флоренцію раньше, чѣмъ рѣшена была печальная судьба его поведителя. Онъ заработалъ уже такъ много денегъ, что могъ жить во Флоренціи и Ареццо болѣе десяти лѣтъ независимо. Онъ получилъ право гражданства во Флоренціи ³⁾, нѣсколько разъ былъ членомъ совѣта десяти, однажды даже въ числѣ пріоровъ и принималъ съ достоинствомъ участіе въ общественной жизни. Ему напр. было ввѣрено посольство къ папѣ Мартину V ⁴⁾. Вообще онъ по своей энергической натурѣ чуждался той мысли, будто послѣдняя цѣль жизни челоуѣка или ученаго состоитъ въ томъ, чтобы работать въ кабинетѣ и размышлять, т. е. жить уединенно, предаваясь благородному досугу. Къ его досадѣ, похвалы такой жизни со временъ Петрарки вошли въ моду и даже Салютато вполне не отступалъ отъ нея. Кто не можетъ найти своему уму дѣло въ обществѣ, говоритъ онъ, у того его совсѣмъ нѣтъ ⁵⁾. Едва ли кто другой изъ гуманистовъ рѣшился бы ставить военачальника выше философа. «Но отъ перваго, говорилъ публично Бруни, зависитъ благоденствіе и спасеніе государства и народа; всемірная исторія обыкновенно повѣствуетъ не о философахъ и людяхъ науки, а объ отличныхъ

¹⁾ Poggius Epistt. ed. Tonelli vol. 1 p. XIII отъ 15 мая (1406) просить Никколо хлопотать за друга.

²⁾ Buoninsegni Storie della città di Firenze p. 2. Поздравительное письмо Хризолора отъ 29 дек. (1410) у Cyrillus codd. graeci bibl. Borbon. T. II d. 213.

³⁾ Документъ 26 іюля 1416 указалъ у Gaye Carteggio I p. 545.

⁴⁾ Vesprasiano l. c. § 5. 6. 8. Manetti Orat. funebr. l. c. p. XCVII. Посольство къ папѣ 30 мая 1426 г. въ Commotioni di Rinaldo degl. Albizzi vol. II p. 486.

⁵⁾ Bruni Vite di Dante et del Petrarca у Phil. Villani ed. Galetti p. 46.

вопнахъ ¹⁾). Это здравый республиканскій взглядъ Салютато, усвоенный Бруни съ юныхъ лѣтъ.

2 Декабря 1427 г. его опять выбрали канцлеромъ и ввѣрили ему должность на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Салютато. ²⁾). Такимъ образомъ прежній бѣдный ученый достигъ почетнаго положенія своимъ знакомствомъ съ правовѣдѣніемъ, а еще больше своею чистотою, изящною латынью и услугами, оказанными республикѣ. Оно давало ему возможность опять жить въ кругу друзей и въ той средѣ, которая была ему особенно по душѣ. Не смотря на политическіе перевороты, которые онъ пережилъ во время своего управленія дѣлами, на изгнаніе Медичи и ихъ возвращеніе, на преобразование правленія аристократическаго въ quasi республиканскій принципать, онъ твердо стоялъ во главѣ дѣлъ до самой своей смерти. Ему еще оставалось время позаботиться о славѣ своего имени, какъ онъ дѣлалъ это съ юныхъ лѣтъ. Особенно прославился онъ переводами греческихъ писателей. Ихъ не только находили удовлетворительными, но и полагали, что своимъ яснымъ и изящнымъ языкомъ онъ открылъ доступъ къ сокровищамъ греческой литературы всѣмъ знающимъ по латыни. Намъ еще не разъ придется упоминать объ его дѣятельности въ разныхъ литературныхъ родахъ. Здѣсь мы укажемъ только на тѣ его сочиненія, которыми онъ прославилъ Флоренцію и ея исторію. Мы еще въ этомъ отдѣлѣ будемъ говорить объ его латинскомъ діалогѣ, въ которомъ онъ съ патриотическимъ жаромъ прославлялъ литературныхъ праотцевъ республики, Данта, Петрарку и Боккачіо. Реторическое сочиненіе въ похвалу Флоренціи было вызвано произведеніемъ греческаго ритора Аристиды и принято «какъ общественный даръ» ³⁾). Бруни писалъ о государственномъ устройствѣ республики и о происхожденіи города на греческомъ языкѣ. Но главнымъ подвигомъ его жизни была исторія флорентинской рес-

¹⁾ Cede il sommo filosofo al sommo capitano. Изъ Commendazione e Diceria a Niccolo da Tolentino capitano при передачѣ жезла (bastone). Рѣчь эту, встрѣчающуюся и въ итальянскихъ библіотекахъ, я знаю по Cod. ms. O. 44 кор. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 1 (Mescolanze di Michele Siminetti cittadino Fiorentino).

²⁾ Buoninsegni l. c. p. 28. Poggius epits. III, 16 отъ 28 дек. (1427 г.) поздравляетъ съ почетнымъ принятіемъ должности.

³⁾ Это сочиненіе De laudibus или Laudatio Florentinae urbis, или De nobilitate Florentinae urbis до сихъ поръ не издано, но не рѣдко встрѣчается въ итальянскихъ библіотекахъ. Ср. Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 554 и анонимную Laudatio Leonardi ibid. T. III, p. 435. Самъ Бруни epist. VIII, 4 называетъ это сочиненіе oratio въ подражаніе рѣчи Аристиды de laudibus Athenarum и опредѣляетъ время его появленія: cum recens tum primum e scholis Graecorum exinem. Такъ какъ о немъ уже упоминается въ Libellus de disputationum usu, то оно написано передъ 1401 г.

публики, первое сочинение, написанное изящною латынью, какъ требовалъ тогдашній обычай. По видимому, онъ принялся за нее рано, какъ только оставилъ римскій дворъ и выбралъ Флоренцію постояннымъ мѣстопребываніемъ. Въ 1439 г. онъ написалъ девять книгъ и поднесъ ихъ синьоріи; въ награду за это республика освободила его и дѣтей его отъ податей и налоговъ. Ему было дано почетное право гражданства, «чтобъ онъ, увѣковѣчившій славу города, постоянно чувствовалъ благодарность народа». Послѣ его смерти сочиненіе состояло изъ 12 томовъ, но все таки не было кончено ¹⁾. Подобно Салютато, и Бруни писалъ не только официальные бумаги отъ имени города, но также памфлеты и полемическія сочиненія ²⁾. Письма его, какъ официальные, такъ и частныя, считались образцами изящной латыни. Его публичныя рѣчи тоже напоминали возвышенный характеръ рѣчей Церикла, ³⁾ впрочемъ, какъ извѣстно было, ему приходилось приготовляться, а иначе онъ или не могъ ничего сказать или говорилъ вздоръ ⁴⁾.

Во Флоренціи Бруни пользовался большимъ почетомъ, хотя не былъ такъ любезенъ въ обхожденіи, какъ Салютато, и былъ совершенно чуждъ благотворительности Никколи. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ единственный преобразователь латинскаго языка и равнаго ему нѣтъ ⁵⁾. По вечерамъ ученые и образованные люди собиравалась на площади della Signoria подъ такъ называемою пизанскою кровлею или въ книжныхъ лавкахъ. Тамъ они болтали или громко спорили о грамматикѣ и литературѣ ⁶⁾. Туда въ прежнее время приходилъ и Бруни. Но чѣмъ больше онъ старѣлся, тѣмъ больше

1) 31-го декабря 1439 было кончено 6 книгъ, какъ показываетъ рукопись у Vindini Bibl. Leor. Laurent. p. 694. О почетномъ правѣ гражданства въ надгробной рѣчи Поджіо говорить не ясно, но у насъ есть декретъ отъ 7-го февраля 1439 г. у Gaye Carteggio I p. 554. Тамъ же p. 560 документъ, по которому сынъ Бруни, Донато продалъ синьоріи въ 1454 г. исторію Флоренціи своего отца за 50 гульд. Наконецъ литературная академія въ Ареццо сдѣлала изящное изданіе книги съ переводомъ Донато Антиаюли въ 3 ч. Флоренція 1856—1860.

2) Пять посланій къ базельскому собору приложены къ собранію Мегуса. Полемическое сочиненіе у Fabronius Magni Cosmi Medicei vita vol. II p. 137 принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Бруни, можетъ быть направлено противъ сочиненія Энея Сильвія Пизкомолони.

3) Ср. напр. надгробную рѣчь въ честь Манни Строцца въ Baluzii Miscell. Lib. III p. 226 и цитированную рѣчь къ Никколо де Толентино.

4) Aeneas Sylvius de vir clar. XVI.

5) Cf. Leon. Bruni epist. III, 19. Vespasiano: Ambrog. Camald. § 6.

6) Vespasiano Comment. della vita di Manetti p. 9. Vita di Niccolo V. § 5. Cino Rinuccini въ Paradiso degli Alberti vol. I p., II p. 303. Если Poggius epist. XII, 3 не допускаетъ, чтобъ такіе люди, какъ Манетти, Марсуппини и Бруни спорили на улицѣ, то это ничто передъ свидѣтельствомъ Vespasiano, тѣмъ болѣе, что въ то время (около 1430 г.) Поджіо не было во Флоренціи.

дѣлался сосредоточеннымъ и необщительнымъ и кромѣ своего дома бывалъ только въ канцеляріи; другихъ гражданъ почти не посѣщалъ. Величественно, съ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ проходилъ онъ по улицамъ въ своемъ красномъ плащѣ ¹⁾. Какъ и многіе люди, видѣвшіе суровую нужду въ молодости, онъ былъ угрюмъ, недоступенъ, неразговорчивъ и обидчивъ, въдобавокъ замѣчательно скупъ ²⁾. Однако все эти недостатки не уменьшали того уваженія, которымъ онъ пользовался. Испанцы и французы, имѣвшіе дѣла въ Италіи, иногда пріѣзжали во Флоренцію тольکو затѣмъ, чтобы видѣть знаменитаго канцлера хотя издали ³⁾. Ученый, знакомый съ сочиненіями греческихъ философовъ, какъ никто другой, онъ самъ казался всесвѣтнымъ мудрецомъ въ родѣ Сократа. Другіе причисляли этого непоколебимаго стойка къ древнимъ Римлянамъ. Еще за два часа до смерти онъ твердымъ голосомъ сказалъ одному другу, утѣшавшему его: «Всѣ мы рождены смертными». Онъ испустилъ послѣдній вздохъ 9 марта 1444 г. ⁴⁾.

¹⁾ Vespasiano: Lionardo d'Arezzo § 10. Такъ же изображаетъ его и Aliottus epist. I, 15, хотя лицемерно отрицаетъ тотъ фактъ, что его шутя относились къ Бруни: unus inter doctissimos a plerisque habitus praecipuus, lento pede et gravi passu adveniens etc.

²⁾ Даше Поджіо говорятъ въ своей Oratio in funere Leon. Aretini (у Baluzius I. c. p. 248 и у Mehus передъ изданіемъ писемъ Бруни р. СХХII): Vita fuit per omnem acta est parcissima ac severa. Poggius epist. III, 32. Бруни, кажется, по флорентинскому обычаю велъ денежные операціи. Такъ напр. онъ является съ 1026 гульденами къ кредиторамъ Палла Строцца. Aless. Macindhi Lettere ed. Guasti p. 43.

³⁾ Vespasiano I. c. § 9. Landatio Leonardi I. c. p. 436.

⁴⁾ Годъ и день его смерти показываются не одинаково. Аламанио Ринуччини въ письмѣ отъ 9-го марта 1443 г. у Fabronius Magni Cosmi vita vol. II, p. 217 говоритъ, что онъ умеръ накануне, также и Filippo frinuccini Ricordi p. 73. Напротивъ, письмо у Monzani p. 51, Palmerius de temporibus и замѣтка въ ватиканскомъ спискѣ 3920 г. относятся смерть къ 9-му марта 1443 г. Если надпись на книгѣ у Bandini Biblioth. Leop. Laurent. T. I, p. 694 указываетъ на 12-е марта 1443 г., то тутъ день смерти смѣшала со днемъ похоронъ. Въ этихъ показаніяхъ годъ считается по флорентинскому стилю. Это замѣтилъ уже Mazzuchelli Scritt d'Italia Vol. II, p. 2200, и это подтверждается какъ связью событій у Buoninsegni p. 79, такъ преимущественно согласно съ письмомъ Дніовъ Кампизіо къ Энею Сильвію изъ Рима, которое по связи съ другими письмами, указанной мною въ моемъ перечнѣ въ Archiv f. Kunde österr. Geschichtsg. Bd. XVI s. 353 N-r 96, приходится 8-го апрѣля 1444 г. Похороны описываютъ также Eulogium Marsuppini въ Carm. ill. poet. lat. Ital. T. VI, p. 267, Vespasiano Comment di Manetti p. 21 и очевидецъ у Bandini Catal. codd. lad. T. II, p. 730. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 261. Эпитафія у Jobu Elogia doctor. viror.: Leonardus Aretinus. у Mabillon et Germain Museum Ital. T. I p. 165. Подобные стихи Веджіо и Гварнио перечисляютъ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. IV p. 152.—Главный источникъ для біографіи Бруни—это, конечно, его письма, изданныя нѣскольکو разъ (ср. Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 550), самое лучшее—Мегуса. Рѣчь на погребеніе Маннети была дѣйствительно сказана, а рѣчь Поджіо просто литературное произведеніе и на-

Пріоры стали совѣщаться на счетъ его похоронъ, и по предложенію нѣкоторыхъ ученыхъ людей рѣшено было почитать великаго покойника по древнему обычаю. Тѣло одѣли во все черное, на грудь положили экземпляръ Исторіи Флоренціи, какъ лучшій даръ канцлера республики. Рѣчь говорилъ ученый Манетти, членъ совѣта десяти, съ возвышенія, устроеннаго подлѣ катафалка въ головахъ. «И такъ теперь мы обращаемся къ тебѣ, достославнѣйшая звѣзда Латинянъ, и по поставленію нашего сената увѣнчиваемъ лавровымъ вѣнкомъ твою счастливую, блаженную главу въ вѣчное свидѣтельство твоей удивительной мудрости и твоего невѣроятнаго краснорѣчія, въ назиданіе живымъ и будущимъ поколѣніямъ». Въ виду массы флорентинскаго населенія, въ присутствіи пословъ и придворныхъ отъ курии—папа Евгений жилъ тогда во Флоренціи—Манетти дрожащею рукою возложилъ лавровый вѣнокъ на голову покойнаго канцлера, сочиненій котораго насчитывали до 74. Потому его тѣло похоронено было въ церкви Санта Кроче, и мѣсто упокоенія указываетъ памятникъ работы Бернардо Розеллини съ почетною эпитафіею, написанною Марсуппини.

Барло Марсуппини, тоже Аретинецъ, былъ его преемникомъ по должности канцлера и не менѣе цѣнился какъ ученый. Полагали, что онъ пишетъ прозою почти такъ же, какъ и Ліонардо, но превосходитъ его легкостью стиховъ. Изъ его прозаическихъ сочиненій намъ, собственно говоря, ничего неизвѣстно, ни разсужденій, ни писемъ; относительно официальныхъ бумагъ мы развѣ можемъ только предполагать, что онѣ сочинялись имъ. Затѣмъ мы знаемъ цѣлый рядъ его стихотвореній, писанныхъ гекзаметромъ и пентаметромъ. Они, дѣйствительно, предестны. Но все таки это случайные стихи, еще не дающіе права на титулъ поэта. И современники Марсуппини знали не больше того. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что онъ не знаетъ, почему неизвѣстны сочиненія Карло; другіе объясняютъ это просто тѣмъ, что онъ очень мало писалъ ¹⁾. Но онъ

писана въ іюнѣ или іюль 1444 г. въ Римѣ, какъ видно изъ Poggius epist. IX, 3, особенно же изъ Alattus epist. II, 7 отъ 18 іюля 1444 г. Есть главныя черты жизни Бруни у S. Antoninus Croni com P. III tit. 22 cap. 11 § 15. Vespasiano: Gian. Manetti § 12. Новыя работы Мегуса передъ изданіемъ писемъ, Мадзуцелли Scritt. d' Italia vol. II p. IV p. 2196 ff. Дальній обзоръ его жизни даетъ тоже Mozzani Di Leonardo Bruni Aretino Discorio въ Archiv. stor. It. N. S. P. 1. Firenze 1857, p. 29 seq.

¹⁾ Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI, Historia Friderici III in Kallarii Analecta Monum. Vindob. T. II p. 327, Pii II. Comment p. 51. Paulus Cortesius de homin. doctis ed. Galletti p. 227. Одинадцать частей длинныхъ стихотвореній Марсуппини въ Carmina ill. poet. Ital. T. VI p. 267—284. Cf. Mazzuchelli Scritt. d' Italia Vol. I P. II p. 1005. Подробнѣе о его переводахъ изъ Гомера будетъ говорено въ 5 книгѣ.

былъ прежде всего замѣчательнымъ преподавателемъ латинскаго краснорѣчія и греческаго языка въ флорентинскомъ университетѣ. Мы его видимъ профессоромъ уже въ 1434 г., а будучи канцлеромъ онъ могъ въ силу особой льготы продолжать свои чтенія, въ которыхъ ученость его приводила слушателей въ изумленіе ¹⁾. У него была неизмовѣрная память. Когда онъ прочелъ пробную лекцію, то рѣшили что такъ еще никто не читалъ и что нѣтъ ни одного писателя, ни римскаго, ни греческаго, на котораго бы онъ не сослался. Въ его манерѣ держать себя было нѣчто сходное съ Бруни: и онъ былъ блѣденъ, скупъ на слова и сосредоточенъ въ себѣ. Онъ стыдился нескромныхъ шутокъ и избѣгалъ веселаго общества. Его сношенія ограничивались группою Медичи; близкою дружбою съ нимъ могъ хвалиться только Никколи. А Карло былъ такъ преданъ ему и такъ уважалъ его, что слова «онъ сказалъ» для него были равносильны изреченію оракула, какъ для учениковъ Пинегора ²⁾. И у Марсупини была превосходная библіотека и небольшое собраніе монетъ, рѣзныхъ камней и т. п. Онъ едва ли когда нибудь покидалъ Флоренцію, но не былъ холостякомъ, какъ его другъ Никколи ³⁾. Уваженіе, которымъ пользовался этотъ мрачный и безстрастный человекъ, едва ли было меньше того, какимъ пользовался Бруни. И онъ получилъ почетное право гражданства во Флоренціи, и голова его— онъ умеръ 24-го апрѣля 1453 г.—была всенародно увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ рукою ученика его, Маттео Пальмиери, а бранные останки положены напротивъ Бруни въ нефъ церкви С. Кроче ⁴⁾. Притомъ Карло былъ отъявленный язычникъ и уже лежа на смертномъ одрѣ издѣвался надъ таинствами ⁵⁾. Конечно, въ другое время

¹⁾ Prezziner vol. I p. 101 знаетъ назначеніе 1454 г., состоявшее по ходатайству Никколи. Льгота отъ 15 дек. 1451 г. у Gaye Carteggio I p. 559. Laurent. Valla Antidot. in Rogium lib. II (Opp. p. 286) свидѣтельствуеъ, что онъ и будучи канцлеромъ читалъ cum magna dignitate et cum magno salario. Если Филельфо въ Liber de exilio въ Fabronius Cosmi Medicei vita vol. II p. 220 выставляетъ преподавательскую дѣятельность Марсупини, какъ совсѣмъ жалкую, то это инвектива злаго соперника и врага.

²⁾ Mehus vita Ambros. Travers. p. 59. 379.

³⁾ Poggius epist. IX, 26 поздравляетъ его въ 1448 г. съ рожденіемъ дочери. Предполагаю, что она была отъ законнаго брака.

⁴⁾ Mahillon. l. c. Vespasiano: Carlo d' Arezzo § 2. Fil. Rinuccini Ricordi p. 79; день похоронъ онъ опредѣляетъ 27 апр. Barth. Fontius ed. Galletti говоритъ, что онъ умеръ на 54 г. жизни. Mattaeus Palmerius de coronatione Caroli Aret. у Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 280 есть, безъ сомнѣнія, рѣчь на погребеніе. Эпитафія у Mazzuchelli Seritt. vol. I P. II p. 1003 сочинена, по порученію фамиліи Медичи, Франческо д' Арецо. Cf. Fabronius Cosmi Medicei vita vol. II p. 219. Филельфо изображаетъ его въ Satyr. Dec. I nec. 6 тоже зло и ядовито.

⁵⁾ Его современникъ Никколо Ридольфо говоритъ о немъ въ Priorista у Mazzuchelli l. c. p. 1004: Dio l' abbia onorato in Ciela se l'ha meritato, che non sistinga; perche mori senza confessione e comunione è non come buon Christiano.

его похороны по христіанскому обряду встрѣтили бы затрудненіе, а теперь честь, воздаваемая поэту, устранила всякія сомнѣнія.

Эти дѣятели, выведенные нами, одинъ по своему независимому положенію, другіе по вліянію, образовали какъ бы литературную аристократію, которая стояла на равной ногѣ со знатью. Но въ лицѣ представителя духовенства, Камальдула Амброджіо Траверсари, въ немъ примыкаетъ человѣкъ крайне самобытный. Гуманистическое образованіе во Флоренціи было нейтральною почвою, на которой встрѣчались разныя сословія и считались равными между собою. Амброджіо, сынъ простаго поселяннина изъ Портико, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ монастырь делья Анджіоли, находящійся вполнѣ у города. Но на его внутреннее развитіе произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе литературный кружокъ во Флоренціи, именно общество Никколи и лекціи Хризолора. Впрочемъ онъ обязанъ своимъ знаніемъ греческаго языка больше себѣ самому, чѣмъ этому наставнику. И въ еврейскомъ онъ былъ такъ силенъ, что могъ учить одного брата ¹⁾. Его жизнь скромно протекла въ монастырѣ и литературномъ кружкѣ, если бы капитулъ ордена по настоянію папы Евгенія IV не избралъ его генераломъ 26-го октября 1431 г. Папа, бывшій кардиналъ Кондольміери, въ качествѣ протектора Камальдуловъ былъ друженъ съ нимъ. Съ этихъ поръ Амброджіо вступилъ въ общественную жизнь, и она указала для его честолюбія другія цѣди кромѣ литературной извѣстности.

Теперь Траверсари весьма желалось быть замѣченнымъ и принять хоть нѣкоторое участіе въ высшей политикѣ. Такъ какъ онъ въ своемъ орднѣ ревностно слѣдилъ за обычнымъ соблюденіемъ церковныхъ правилъ, въ чемъ самъ папа видѣлъ спасеніе міра, то могъ вполнѣ полагаться на его высокое благоволеніе. Теперь онъ сталъ съ одной стороны въ отношеніи папы разыгрывать роль св. Бернарда и въ пламенныхъ, но не рѣзкихъ выраженіяхъ убѣждалъ его преобразовать церковь, возставалъ противъ роскоши и симоніи римскаго двора, и въ ревности о домѣ Божіемъ позволялъ себѣ нѣкоторыя вольныя рѣчи ²⁾. Съ другой стороны онъ отлично усвоилъ себѣ искусство придворнаго: съ монахами, которые были духовниками папы и совѣтниками его въ церковной политикѣ, онъ былъ въ дру-

¹⁾ Franciscus Castilionensis въ Прологѣ къ своей Vita Anton. Archiep. Florent. у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 413 удивляется въ Амброджіо тому, что онъ suo labore снаque industria, nullo aut parvo admodum au filio praeceptoris выучился греческому языку, см. выше, стр.—Объ его занятіяхъ еврейскимъ языкомъ смотри его письмо у Morelli codd. ms. lat. bibl. Nanianae p. 106, котораго нѣтъ въ изданіи Merusa.

²⁾ Ambros. Traversari. epist. I, 26. 32. rec. Canneto.

жеской перепискѣ. Когда онъ, подобно св. Бернарду, казалось, носилъ оскорбленія смѣлымъ словомъ, онъ тѣмъ любезнѣе ласкалъ ихъ. Далѣе онъ былъ ярый папистъ: объ отцахъ базельскаго собора, которые серьезно хотѣли взять дѣло реформы въ свои руки, онъ всегда отзывался не иначе какъ о сборищѣ безумныхъ злодѣевъ, а Базель обыкновенно называлъ западнымъ Вавилономъ. Лишь временно, въ качествѣ папскаго посла, игралъ онъ тамъ роль и тотчасъ же инстинктомъ угадалъ, что нужно для его партіи—именно отвлечь председателя собора, кардинала Чезарини, отъ предположенной задачи. Это сдѣлалъ, конечно, не онъ, а сила обстоятельствъ, и посольство его къ императору Сигизмунду тоже не имѣло успѣха, но онъ самъ придавалъ большой вѣсъ своимъ дипломатическимъ мѣрамъ и рѣчамъ, которыя говорилъ при этомъ, будто оборотъ въ дѣлахъ зависѣлъ въ сущности отъ него. Готовясь сказать первую свою главную рѣчь къ базельскому собранію, онъ замолчалъ и долженъ былъ вынуть изъ рукава конспектъ. Но мы знаемъ объ этомъ не отъ него самого ¹⁾. Скорѣе онъ былъ хорошимъ посредникомъ при переговорахъ о воссоединеніи съ византійскою церковью. Онъ былъ высланъ на встрѣчу грекамъ въ Венецію и уже приготовилъ было рѣчь на греческомъ языкѣ, чтобы привѣтствовать ихъ, въ которой, по его собственному мнѣнію, «никакія греческія тонкости не были забыты». Къ сожалѣнію, легатъ счелъ все это неудобнымъ; рѣчь его пропала даромъ, и славы онъ не достигъ ²⁾. Потомъ въ Феррарѣ и Флоренціи онъ принималъ участіе въ спорахъ о Filioque и другихъ подобныхъ вопросахъ, частію переводя подходящія сочиненія греческихъ отцовъ церкви для навиданія своимъ соотечественникамъ, частію вмѣстѣ съ другими исполняя должность толмача. Но и актъ воссоединенія, оставшійся безъ практическихъ послѣдствій, составленъ имъ на двухъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ могъ имѣть дѣйствительно нѣкоторое влияние во время продолжительныхъ переговоровъ и при формулированіи вопроса. Самому ему, конечно, въ послѣдствіи казалось, что большая часть дѣла сдѣлана имъ однимъ ³⁾.

Кто зналъ Траверсари лишь какъ общественнаго дѣятеля, могъ принять его за суроваго, хвастливаго и лицемернаго монаха. Мы не удивляемся тому, что онъ не пользовался особенной любовью, вѣдь ожесточенныя распри, въ особенности съ братьями своего ордена, и всюду скорѣе поселялъ раздоръ и вражду, чѣмъ миролюбіе.

¹⁾ Vespasiano: Ambrogio Catald. § 3.

²⁾ Epist. I, 90. X, 11. XIII, 16. XXIV, 24. Самая рѣчь ibid p. 1161.

³⁾ Epist. XIII, 34: *Negocia ista Graecorum omnia ferme ipsi conficimus, ve lex graeco in latinum, vel et latino in graecum convertendo, quae dicuntur et scribuntur omnia.* Cp. W. von Goette Bejsarion I, s. 143. 172. 220.

Но въ своей родной Флоренціи, въ кругу литераторовъ онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Здѣсь онъ былъ обходителенъ и симпатиченъ. Въ монастырѣ дельи Анджіоли братья Медичи, также остроумный и веселый Никколи, холодный меланхоликъ Марсуппини и нѣкоторые другіе почти ежедневно собирались въ пріятельской бесѣдѣ. За столомъ Козьмы маленькій генераль Камальдуловъ сидѣлъ съ веселымъ лицомъ и съ большимъ одушевленіемъ развлекалъ общество. Такие люди, какъ классическій язычникъ Марсуппини, какъ нескромные шутники, Поджіои Бруни, могли не опасаться его нравственныхъ наставленій. Съ Никколи онъ состоялъ почти въ товарищеской дружбѣ. Книги и литературные интересы привязывали ихъ другъ къ другу. Они навсегда остались друзьями, хотя Никколи считалъ бесполезнымъ «занятіе духовною литературою», которое другъ его признавалъ для себя обязательнымъ. Онъ старался привлечь его совершенно на сторону классическихъ наукъ, являя его въ тоже время своими остротами, какъ и всякаго другаго. Въ глубинѣ души и самъ Траверсари питалъ страсть къ этой отрасли знаній и привыкъ терпѣливо сносить слабости своего друга, который былъ старше его. Въ Никколи онъ посылалъ всѣ сообщенія и пріобрѣтенія, осматривая монастыри въ Италіи, а особенно монастырскія бібліотеки. Напротивъ, если Никколи отлучался изъ города вмѣстѣ съ Бенвенутою, то оставлялъ на попеченіе Камальдула самое важное, что было у него: ключи отъ желѣзныхъ сундуковъ съ книгами. Значительная часть книгъ и безъ того хранились въ кельѣ Траверсари, равно какъ и антикварныя рѣдкости, платье, которое монахъ по желанію друга, опрятнаго до педантизма, долженъ былъ приказывать чистить одному изъ братьевъ¹⁾. Изъ ихъ корреспонденціи мы видимъ, что Траверсари съ удивительнымъ терпѣніемъ сноситъ мелочные капризы и слабости Никколи, что онъ питаетъ къ нему нѣжную привязанность, принимаетъ самое теплое участіе въ его личныхъ дѣлахъ, позволяетъ себѣ даже дружескія шутки, если въ письмахъ рѣчь идетъ о неприятныхъ происшествіяхъ во Флоренціи. Никколи, разумѣется, вполне умѣлъ цѣнить то, что уважаемый генераль ордена выказывалъ почтеніе и къ его Бенвенутѣ, которую самъ онъ горячо любилъ не смотря на упомянутый скандалъ. Траверсари рѣдко забывалъ послать почтительный поклонъ его сожительницѣ, какъ «самой преданной особѣ». Они жили и «помогали другъ другу по братски» и во Флоренціи²⁾. То Никколи

¹⁾ Epist. VIII, 2. 4. 8 et al. Вообще осьмая книга этого собранія писемъ, въ которой 54 письма къ Никколи, особенно интересна.

²⁾ Онъ обыкновенно называлъ ее *femina felicissimu* (Epist. VIII, 2. 3. 5. 11. 38. 35. 37. 38), только разъ (VIII, 36) называетъ онъ ее *fidelissimam feminam tuam*.

исполняя скромную роль секретаря, когда Амброджіо, у котораго въ послѣдніе годы жизни дрожала рука, переводилъ напр. сочиненія Іоанна Златоуста, то Амброджіо долженъ былъ вписывать ему красивымъ почеркомъ греческія буквы, когда Никколи списывалъ классика, вставлявшаго греческія фразы въ текстъ.

Впрочемъ любовь къ литературѣ у Траверсари превышала его дарованія. О первой свидѣтельствуютъ его письма, его Путеводитель (Нодоерогісон) и дневникъ дѣловыхъ поѣздокъ. Въ послѣдней книгѣ онъ отмѣчаетъ свои орденскія визитаціи и реформаціонныя поѣздки, насажденія устава и тѣ сопротивленія, которыя онъ встрѣчалъ, свои путешествія въ Римъ и Базель. Но съ особенною любовью говоритъ онъ о библіотекахъ, которыя осматрѣлъ, о найденныхъ древностяхъ и о тѣхъ литературныхъ знаменитостяхъ, которыхъ посѣтилъ ¹⁾. Подобно Никколи, онъ былъ неутомимъ въ розыскиваніи книгъ, покупалъ ихъ, заставлялъ списывать и списывалъ самъ. Его санъ и дружба съ Медичи всюду открывали ему доступъ, и онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ со всеми любителями греческой литературы въ Италіи, съ Ауриспою и Гварино, а—что важнѣе всего—съ венеціанцами Франческо Барбаро и Леонардо Джустиніани. Но его вниманіе обращали на себя главнымъ образомъ греческіе церковные писатели. Въ этой отрасли онъ былъ, несомнѣнно, первымъ и по книжнымъ богатствамъ, и по обширности свѣдѣній. Литературную славу онъ приобрѣлъ себѣ переводами съ греческаго языка, о чемъ постоянно идетъ рѣчь и въ письмахъ его. Не безъ зависти смотрѣлъ онъ на переводы свѣтскихъ греческихъ писателей, которые дѣлалъ Ліонардо Бруни и которые производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ его труды ²⁾. Изъ отцевъ церкви, писавшихъ по латыни, самымъ любимымъ его писателемъ былъ Лактанцій; по краснорѣчію онъ считалъ его равнымъ Цицерону ³⁾.

Но личность Траверсари получить для насъ особенный интересъ, если обратимъ вниманіе на то, какъ христіанскіе принципы боролись въ душѣ его съ языческими порывами, монашеское смиреніе съ литературною дѣятельностью. Когда онъ, послѣ избранія въ генералы ордена, пріѣхалъ въ Римъ, то ухаживалъ за папою, под-

¹⁾ Изданіе Нодоерогісон, сдѣланное Мерусомъ (Florentiae 1680), съ пропусками и ошибками, какъ указалъ Bandini сравненіемъ съ автографомъ, хранящимся въ Laurentiana. Jac. Phil. Bergomas fol. 284 зналъ эту книгу подъ заглавіемъ Commentaria de rebus in generalatu a se gestis liber. II.

²⁾ Cf. epist. VIII, 8. 9.

³⁾ Epist. VI, 5.

несъ ему нѣкоторыя сочиненія, переведенныя съ греческаго языка, и за влиятельными кардиналами. Виѣстѣ съ дѣлами ордена онъ не упускалъ изъ виду и своихъ личныхъ. Испыталъ онъ и много неприятностей, но утѣшался при видѣ развалинъ и въ обществѣ такихъ людей, какъ Антоніо Лоски, Поджіо, Ченчи и Грегорио Карраро. Ко двору его влекло честолюбіе духовнаго лица, а въ этомъ кружкѣ онъ давалъ полную свободу своимъ наклонностямъ. У него было двѣ личности — одна для монаховъ, другая для флорентинскихъ друзей. Гораздо труднѣе ему было примириться съ своего совѣстью. Стремленіе къ отличіямъ между равными себѣ и къ славѣ въ потомствѣ, котораго ни мало не стыдились напр. Бруни, или Поджіо, не согласовалось съ положеніемъ генерала монашескаго ордена. Честолюбивое чувство кипѣло въ его груди, хотя онъ и боролся съ этимъ зломъ, стараясь успокоить угрызненія совѣсти. Когда онъ говорилъ съ папою, то всегда смиренно унижался, какъ неключимый рабъ, персть и прахъ, какъ червь земли, ослѣпленный апостольскимъ величіемъ. Послѣ его назначенія генераломъ ордена рѣшили, что онъ можетъ подняться еще выше. Но онъ увѣрялъ своего брата Джироламо, что «безуміе честолюбія» такъ чуждо его душѣ, что онъ испытываетъ весьма неприятное чувство при одномъ видѣ роскоши и великолѣпія и скорѣе согласится жить между каторжниками, чѣмъ между земными властителями ¹⁾. Однако въ Римѣ онъ посѣтилъ всѣхъ кардиналовъ и потомъ хвалился ласковымъ приѣмомъ, оказаннымъ ему. Даже Никколи, очень хорошо знавшій и цѣнившій его, обыкновенно говорилъ прямо въ дружескомъ кругу, что Амброджіо не совсѣмъ чуждъ мірскаго честолюбія и добивается красной шапки ²⁾. Повидимому, этотъ человекъ, склонный къ ироніи, былъ радъ, если замѣчалъ у своего друга монаха свѣтскія побужденія. Онъ самъ своими лестными похвалами внушалъ ему мысль придавать значеніе своимъ изящнымъ письмамъ ³⁾. Если генералъ показывалъ видъ, что литературная слава вовсе не соблазняетъ его, то Никколи недовѣрчиво качалъ головою и этимъ заставлялъ своего друга отступить на послѣднюю позицію. Тогда-то братъ Амброджіо признавался въ «грѣхѣ тщеславія», но съ такимъ напускнымъ смиреніемъ, что признаніе его можно было принимать лишь за минутный порывъ весьма чувствительной души ⁴⁾.

¹⁾ Epist. XI, 15.

²⁾ Poggii Dialogus contra Lypocrisim, особенно изданіе Lugduni 1679, перепечатано въ Appendix ad Fasciculum rerum expetend. et fugiend. T. II op. et stud. Ediv. Brown Londini 1690 p. 589.

³⁾ Ср. напр. epist. VIII, 47.

⁴⁾ Nae ego nimium arrogans sum, qui me vanitatis vitio, cui miserabiliter addictus sum, liberum abs te putari voluerim. Epist. VIII, 36. 37.

Подобнымъ же образомъ приходилось ему изворачиваться, когда порож у него мелькала мысль, что генералу ордена неприлично бывать въ гуманистической республикѣ ученыхъ и стараться блеснуть красотою рѣчей. Онъ тщательно и умышленно остерегался приводить въ своихъ письмахъ мѣста изъ свѣтскихъ писателей на томъ основаніи, будто это воспрещается правилами ордена ¹⁾. Мы нашли только одно мѣсто, гдѣ у него рядомъ съ мѣстами изъ Библии вкралась и цитата изъ эклоги Виргилія ²⁾. Удивительно только то, что онъ, ни мало не стѣсняясь, въ письмахъ и рѣчахъ постоянно стремился къ Цицероновской легкости слога и его краснорѣчію. Развѣ это больше шло къ монашескому одѣянію, чѣмъ какойнибудь невинный стихокъ древняго поэта? Онъ всячески заботился о томъ, чтобы письма его не распространялись въ искаженномъ видѣ, дабы его не упрекали въ плохой латыни ³⁾. Онъ былъ въ комическомъ положеніи, когда Никколи и Козьма Медичи просили его перевести съ греческаго языка на латинскій произведение свѣтской литературы, именно извѣстія о знаменитыхъ философахъ Діогена Лаэртійскаго. Если бы совѣсть его дѣйствительно возмущалась противъ этого, то подобную просьбу онъ всегда могъ отклонить. Но у него было, по видимому, желаніе приняться за эту работу, быть можетъ, для того, чтобы вступить на этой почвѣ въ соперничество съ Бруни. Онъ совѣтовался съ людьми авторитетными, съ генуэзскимъ архіепископомъ, съ знаменитымъ богословомъ Антоніо да Масса. Они не нашли ничего зазорнаго въ этомъ дѣлѣ. Ссылаясь на эти авторитеты, Траверсари обратился за совѣтомъ и къ Леонардо Джустиніани, очевидно въ томъ расчетѣ, что другъ его, какъ человекъ свободныхъ взглядовъ, будетъ поощрять его къ этому труду. Однако послѣдній противъ ожиданія посоветовалъ ему слѣдовать чистымъ древнимъ свѣтшамъ церкви, которыя погнушались бы переводить языческія сочиненія. Но онъ уже принялся за работу и долженъ былъ сослаться на неотступныя просьбы своихъ друзей. Во время этой переводной работы, случая между собою текстъ своего писателя по разнымъ спискамъ, онъ уже восклицалъ, терзаемый угрызениями совѣсти: «Лучше бы никогда не братья за эту работу! Это бы вполне соотвѣтствовало и моему желанію и моему прежнему на-

¹⁾ Epist. VIII, 9 къ Никколи: Uterer ad te Naeviano versiculo, si id mihi religio permitteret etc.

²⁾ Epist. III, 59.

³⁾ Epist. III, 22. Отлично характеризуетъ его слогъ Paulus Cortesius de Iomin. dictis ed. Galletti p. 227: Ambrosius monachus scribibit, et naturaleim queniam dicendi curium habebat oratio, sed admodum ineultum.

мѣренію!—Но послѣ я съ съ болѣ пылкимъ рвеніемъ, съ большимъ жаромъ опять примусь за переводъ св. писанія и тѣмъ пламеннѣе буду лобызать его, что привыкъ къ нему почти съ дѣтства». Не смотря на эти сомнѣнія и мученія онъ кончилъ свой трудъ и, издавая его, посвятилъ Козьмѣ Медичи. Онъ все еще оправдывался, говоря, что для его монашескаго чина гораздо пристойнѣе переводить творенія Отцовъ церкви. Но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и это сочиненіе полезно для религіи своими нравственными примѣрами. ¹⁾ Траверсари велѣлъ собрать и переписать свои письма, но увѣряетъ, что сдѣлалъ это по настоятельной просьбѣ знатныхъ друзей, которымъ не могъ отказать ²⁾.

Такимъ образомъ передъ нами первый примѣръ монаха, въ которомъ мірскія стремленія борются съ духовными. Мы видимъ, что у него интересы научные и художественные брали верхъ надъ требованіями религіи. Не мало было гуманистовъ изъ среды духовенства и монаховъ, и боязнь угрызений совѣсти, мучившая Камальдула, у послѣдователей его все болѣе проходитъ ³⁾.

Джиаоццо Маннети учился у Траверсари языкамъ латинскому и греческому и во многихъ отношеніяхъ былъ продолжателемъ его стремленій. Онъ происходилъ изъ знатной флорентинской фамиліи. Само собою разумѣется, его готовили къ купеческому дѣлу. Уже на десятомъ году, какъ только онъ выучился читать и писать, его отдали въ банкъ, посвятили въ тайны кассирской мудрости и, вѣроятно, по обычаю этого рода людей, отправили въ агентства и факторіи — зарабатывать деньги и изучать свѣтъ. Уже на 25-мъ году ⁴⁾, неизвестно, какимъ образомъ, въ немъ пробудилась пламенная любовь къ наукамъ, и онъ рѣшился совершенно отдаться имъ, чтѣ, разумѣется, могъ сдѣлать только тайкомъ отъ отца. Послѣдній совершенно сросся съ понятіями богатаго купца. Но сынъ началъ учиться по латыни съ такимъ рвеніемъ и жаромъ, что съ

¹⁾ Cf. epist. VI, 23. 25. 27, VII, 2, VIII, 8. Самое посвященіе въ epist. XXIII. 10.

²⁾ Epist. VI, 38.

³⁾ Траверсари умеръ 20 окт. 1439 г. Письма его были уже помѣщены въ изданіи Меруса, у Martene et Durand Vett. scriptt. ampl. collectio. T. III p. 6—728, однако не вполнѣ. Биографію его весьма тщательно и подробно составилъ Л. Мерусъ въ часто называемой книгѣ. Однако ей собственно отведены стр. 364 до 436 и выводы сдѣланы изъ писемъ и Путеводитель Траверсари, именно самая ненужная часть всего сочиненія. Другая биографія написана Мейнерсомъ въ Lebenschreibungen berühmter Männer aus den Leiten der Wiederheztel. d. Wijsanscheff. Bd. II. Zürich 1796.

⁴⁾ Стало-быть около 1421 г. Если Vespasiano Commentario della vita di Manetti p. 5

этихъ поръ спалъ по ночамъ всего пять часовъ. Надѣясь на свою недюжинную память, онъ хотѣлъ вмѣстить въ сокровищницу своихъ знаній, все, что только можно. Любовь къ наукамъ пробудилась въ немъ не благодаря звукамъ поэзіи, Данту, Петраркѣ или Виргилію, подобно тому, какъ раньше муза посѣтила Боккачю, Никколи и Чиріако, которые тоже были купцы. Манетти не готовился быть ни поэтомъ, ни истиннымъ гуманистомъ. Онъ искалъ прежде всего возможности получить широкое философское и богословское образованіе. Когда онъ удовлетворилъ своей жаднѣ знаній въ университетѣ, и примкнулъ къ Никколи и Бруни, то онъ посѣщала лекціи и диспуты въ С. Спирито, гдѣ со временъ Марсиллы образовался монастырскій университетъ, Онъ легко пробирался въ монастырь чрезъ калитку отцовскаго сада, слушалъ каждый день по двѣ или по три лекціи — логики, у магистра Джиролама да Наполи, физику Аристотеля и о Божьемъ градѣ Августина, которымъ особенно восторгался, и этику у Ванджелеста изъ Пизы. Онъ весьма охотно присутствовалъ и на диспутахъ, которыя тамъ велись правильно по академической методѣ, но не посѣщались дилеттантами.

Потомъ онъ рѣшился учиться и греческому языку, что привело его въ соприкосновеніе съ кружками гуманистовъ. Грамматикѣ онъ научился у общественныхъ преподавателей, потомъ читалъ съ Траверсари Киропедію и другія греческія сочиненія. Послѣ девятилѣтнихъ занятій онъ могъ являться и на площадь, если глубокіе знатоки латинскаго и греческаго языка были тамъ и спорили о грамматикѣ и метрикѣ. Однако онъ продолжалъ идти своимъ путемъ. Онъ хотѣлъ учиться и еврейскому языку, потому что послѣдній былъ необходимъ для полноты богословскаго образованія, и намѣревался со временемъ писать противъ евреевъ, нападать на ихъ религію и спорить съ ихъ учеными. Чтобы выучиться началамъ грамматики, Манетти больше двухъ лѣтъ держалъ у себя въ домѣ еврея. Потомъ онъ читалъ Библію на еврейскомъ языкѣ съ ученымъ евреемъ Эмануиломъ, который зналъ и по латыни. Наконецъ, желая научиться говорить по гречески и по еврейски такъ, какъ говорилъ по латыни, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ двухъ грековъ и крещенаго еврея, которые бы говорили съ нимъ лишь на своихъ языкахъ. Онъ покупалъ не только латинскія и греческія

считаетъ днемъ его рожденія 5 іюня 1393 г., то это ошибка или опечатка вмѣсто 1396 г. Въ концѣ ему считается 63 года. Да и у Навди, обработавшаго это сочиненіе, находимъ 1396 г.

книги, но и еврейскія, или давалъ переписывать своимъ писцамъ, а особенно, цѣнными евреями толкованія на Библию. Въ этомъ случаѣ ему былъ полезенъ тотъ крещеный еврей; онъ писалъ необыкновенно красиво по еврейски и вмѣстѣ съ тѣмъ училъ его сына греческому языку ¹⁾). Манетти гордился тѣмъ, что можетъ спорить съ учеными евреями объ ихъ вѣрѣ не для того, чтобы отклонить ихъ отъ нея, но чтобы поражать ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ и пристыжать тѣмъ, что онъ лучше знаетъ по еврейски. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ переводъ псалмовъ и оставилъ громадное сочиненіе «Противъ евреевъ», въ 10 книгахъ, разумѣется, не конченное.

Такимъ образомъ Манетти занялъ совершенно особое положеніе въ ученномъ мірѣ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, былъ въ то же время купецъ и ученый богословъ, знакомый съ тѣми языками, на которыхъ написаны книги св. писанія. Онъ зналъ классиковъ, насколько можно знать съ хорошею памятью при бѣгломъ чтеніи. Но онъ не относился къ нимъ съ восторженною любовью, и его не манило къ себѣ болѣе глубокое изученіе древняго міра. Греческихъ писателей онъ понималъ съ одного раза, но, разумѣется, не усвоилъ вполнѣ. Своею латинскою рѣчью онъ возбуждалъ зависть даже въ Бруни. Онъ могъ безъ приготовленія сказать плавную рѣчь со всѣми учеными прикрасами. Конечно, въ риторическомъ смыслѣ рѣчь Манетти, даже и приготовленная, была посредственною. Ему можно было только удивляться, но никто не считалъ его основательнымъ знатокомъ древности. Въ письмахъ гуманистовъ его имя встрѣчается очень рѣдко: въ сущности онъ не принадлежалъ къ республиканъ ученыхъ.

Манетти написалъ не мало сочиненій. Мы знаемъ его объемистые труды по богословію и этикѣ, переводы большихъ сочиненій съ греческаго языка, громадную компиляцію о знаменитыхъ старцахъ, законченную біографіею Никколи, біографіи, особенно папы Николая V, рѣчи по случаю посольствъ и письма, также стихи на тосканскомъ нарѣчій ²⁾). Но уже въ то время одинъ знатокъ этой литературы, удивлялся тому, что Манетти вовсе не пользовался такою славою, какъ другіе,—конечно потому, что онъ во всѣхъ отрасляхъ сдѣлалъ многое, но ни въ одной не достигъ совершенства ¹⁾). Причина

¹⁾ Vespasiano Agnolo Manetti § 1.

²⁾ На многія изъ нихъ указываетъ Нерри *Istoria di Scritt. Fiorent.* p. 294, и о болѣе важныхъ сочиненіяхъ мы еще впослѣдствіи упоминаемъ. Его сокетъ есть у Палермо *i manosc. Palat.* vol. I p., 345.

³⁾ Paulus Cortesius de homin. doctis ed. Galletti p. 227.

этого явления еще проще: при всей учености Манетти, въ его сочиненіяхъ не было граціи. Кто писалъ такою однообразною, безцвѣтною латынью, утомительною по многорѣчию, кто видѣлъ искусство оратора въ ученыхъ экскурсахъ или въ томъ, чтобы загромождать фразу, ставя одну превосходную степень за другою, тому, по тогдашнему взгляду, мало давало вѣсу и самое громадное знаніе. Поэтому и потомство признало нужнымъ напечатать лишь немногія изъ сочиненій Манетти, казавшіяся полезными по историческому матеріалу ¹⁾).

Насъ не удивляетъ и то, что многосторонняя ученость Манетти меньше была признана во Флоренціи, чѣмъ гдѣ нибудь. Но никто не сообщаетъ намъ истинной причины, почему онъ нашелъ нужнымъ покинуть отечество въ 1453 г. Это, конечно, зависѣло не отъ его личныхъ качествъ. Онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, зажиточный купецъ, счастливый въ семейной жизни, человѣкъ симпатичный по своему обходительному и веселому нраву, честный и спокойнаго темперамента. Веспазіано увѣряетъ, что онъ во время четырнадцатилѣтняго знакомства съ нимъ никогда не слыхалъ, чтобы Манетти лгалъ, клялся или ругался. Онъ держался всторонѣ и отъ литературной войны тѣхъ кружковъ, о которыхъ намъ столь много рассказываютъ. Въ дѣлѣ религіи онъ не могъ никого ничѣмъ оскорбить. Онъ былъ больше, чѣмъ истинный христіанинъ: Христіанскую вѣру, говорилъ онъ, слѣдуетъ называть не вѣрою, а очевидностью; ученіе церкви такъ же истинно какъ и то, что треугольникъ есть треугольникъ. Онъ дѣлалъ большую честь своему городу именно какъ ученый и ревностный богословъ.

Вѣроятно, его участіе въ политическихъ дѣлахъ было причиною тому, что у него явились тайные враги. Онъ два раза былъ членомъ балія въ республикѣ, часто выбирался въ ректоры университета и въ другія небольшія должности, три раза также въ должности внѣ города, причѣмъ хвалили его неподкупность и внимательность къ дѣлу. Довольно часто также былъ онъ представителемъ республики въ качествѣ посла у Гисмонди Малатеста въ Римини, въ Сіенѣ и Венеціи, у папъ Евгенія IV и Николая V, четыре раза у короля Неаполитанскаго Альфонса ²⁾). Последній особенно любилъ его и

¹⁾ Манетти уже и въ его время упрекали въ болтливости, о чемъ онъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ (*Comment. di Manetti p. 165*), именно объ *opinio, quae de Scriptorum nostrorum prolixitate ab imperitis, ut mihi videtur, hominibus habetur*. Ср. *ibid.* p. 203 рѣчь и другую къ папѣ Николаю V у *Mittarelli p. 716*, къ которой онъ объщаетъ избѣгать *prolixitas!*

²⁾ Въ 1448, 1447, 1449 и 1450 гг. Къ посольству 1449 г. относится письмо балія

впослѣдствіи принималъ съ почетомъ. Причиною нерасположенія къ нему было то, что или онъ находился въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ главами изгнанныхъ знатныхъ фамилій, или фамилія Медичи показалось опаснымъ его вліяніе, какъ человѣка независимаго. Его упрекали въ отсутствіи патриотизма за то, что онъ посягнулъ свою книгу «О достоинствѣ человѣка» королю Альфонсу, а послѣдній былъ другомъ флорентинской республики. Онъ находилъ это естественнымъ, такъ какъ сочиненіе это было плодомъ одной бесѣды съ королемъ. Но его за это не судили. Избрали другой путь, которымъ Медичи съумѣлъ сдѣлать ему тяжелою жизнь во Флоренціи. Его обложили такимъ высокимъ налогомъ, что онъ видѣлъ въ этомъ прямую цѣль—раззорить его. Это было легко, такъ какъ налоговые коммиссіи состояли изъ креатуръ Козьмы. Такимъ образомъ мы встрѣтимся съ Манетти при дворахъ Николая V и Альфонса 2).

Это были почтенные ученые, переводчики и знатоки языковъ, собиратели книгъ и основатели библиотекъ, которые сдѣлали городъ на Арно новою Александріею, но все-таки не новыми Афинами. Къ нимъ примкнули новые ученые, беспокойные и необузданные умы, которые вдохнули жизнь въ науку, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли разногласіе и клевету въ среду ученыхъ. Это люди талантливые, быстро работающіе, большею частію съ непомятымъ самолюбіемъ, тщеславные и славолюбивые, никогда не довольные, съ стоическими рѣчами на языкѣ, но ладкіе на деньги, на блага жизни, на почести

у Fabronius Magni Cosmi Medic. vita vol. II, p. 196, если оно по флорентинскому стилю относится къ 1460 г. Но Веспасіано говорятъ положительно о четырехъ посольствахъ къ Альфонсу.

2) Указанія Веспасіано подтверждаются письмомъ Филельфо отъ 10-го сентября 1457 г., въ которомъ онъ хвалитъ его за то, что онъ раньше не занимался общественными дѣлами и жилъ какъ мудрецъ своимъ amplissimum matrimonium. Deinde vero contrariis nescio quibus repentiniisque flatibus ex illa pacatissima animi sede securitateque excussus, te turbulentissimis reipublicae tempestatibus procellisque obiectasti. Больше точныя свѣдѣнія о его обложеніи сообщалъ Guasti Alessandra Macinghi Lettere p. 132. О налогахъ, какъ средствъ гнѣта, ср. v. Reumont Lorenzo de' Medici Bd. I s. 156. Манетти нашелъ основательнаго біографа въ лицѣ своего давняго друга Vespasiano Bisticci Commentario della vita di messer Gianozzo Manetti (ed. Fanfani), Torino 1862. Сромный авторъ хотѣлъ дать этими воспоминаніями матеріалъ для латинской біографіи ученому Адаманно Ринуччини: Vita Iannotii Manetti, написанная Нальдо Нальдіусомъ (ар. Muratori Scriptt. T. XX, p. 526 seq.) есть просто вольное переложеніе Commentario и кромѣ нѣкоторыхъ семейныхъ свѣдѣній (p. 529, 537) не даетъ ничего. И та біографія, которую написалъ Веспасіано для своихъ homini illustri, есть бѣглое извлеченіе изъ Commentario, на которое поэтому часто указывается, но есть и нѣкоторыя прибавленія.

и уваженіе. Они занскиваютъ расположенія знатныхъ и богатыхъ и не уживаются между собою. Они рѣдко гдѣ живутъ постоянно и не слѣдуютъ въ своей дѣятельности никакому направленію. Поэтому мы не должны удивляться, встрѣчая ихъ то тамъ, то сямъ. И въ нашемъ трудѣ мы говоримъ о нихъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, смотря потому, съ какой точки зрѣнія разсматриваемъ ихъ дѣятельность.

Таковъ былъ Джіанъ Франческо Поджіо Браччіоліни, имя котораго давно уже извѣстно нашимъ читателямъ. Мы прямо причисляемъ его къ группѣ флорентинскихъ ученыхъ. Онъ родился подлѣ Флоренціи въ мѣстечкѣ Терранова. Во Флоренцію онъ прибылъ въ ранней молодости съ пятью солидами въ кармацѣ, какъ вспоминалъ послѣ. Отецъ его, человѣкъ когда-то зажиточный, попалъ въ то время въ руки ростовщиковъ. Обремененный долгами и терпя крайнюю нужду, онъ долженъ былъ покинуть свою родину. Честный Салютато принялъ участіе въ немъ и въ юномъ Поджіо. О послѣднемъ онъ говорилъ, что всегда любилъ его, какъ сына, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ¹⁾. Такимъ образомъ молодой человѣкъ, выучившись немножко по латыни, по видимому, до зрѣлыхъ лѣтъ былъ писцомъ, подготавливаясь къ нотаріальному дѣлу. Но онъ рано сталъ зарабатывать себѣ пропитаніе тѣмъ, что переписывалъ классическія сочиненія. Ему отдавали въ этомъ случаѣ преимущество передъ другими ради его необычайно красиваго почерка ²⁾; его письмо можно видѣть и теперь въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Потомъ онъ приобрѣлъ себѣ покровителя въ лицѣ Никколи, питавшаго къ нему отеческое расположеніе. Онъ помогалъ молодому человѣку совѣтомъ, книгами и деньгами, поощряя его къ классическимъ занятіямъ и руководя въ нихъ. Такія отношенія обратились въ прекрасный дружескій союзъ ³⁾. Конечно, онъ былъ во Флоренціи, когда туда пріѣхалъ Хризолоръ и открылъ свой курсъ. Но Поджіо былъ еще очень молодъ, очень бѣденъ, а притомъ и слишкомъ мало зналъ по латыни. Поэтому онъ не могъ въ то время учиться у него греческому языку ⁴⁾. Такъ какъ онъ хотѣлъ дойти самъ до всего въ жизни, то

¹⁾ Поджіо по словамъ его письма (epist. IV, 5), родился 11 февр. 1360 г. Ср. epist. I, 16. О судьбѣ его родителей сравни письмо Салютато у Shepherd. Vita di Poggio tradotta di Tonnelli T. II Append. n. I. V.

²⁾ Такъ (Poggius epist. III, 1) у Никколы Медичи, ученика Бруни, была bellum gallicum et civile Цесарь, писанная его рукою.

³⁾ Poggius epist. VI, 12. Поэтому Поджіо послѣ смерти Никколы могъ говорить о своей постоянной 36-лѣтней дружбѣ съ нимъ.

⁴⁾ Обычное мнѣніе, что Поджіо былъ ученикомъ Хризолора, опровергнуто уже Тоделли I. с. р. 7. Всего яснѣе это видно изъ того, что самъ онъ (epist. I, 4) не на-

научился греческому языку большею частью безъ учителя, подобно Траверсари, хотя пользовался случайною помощью. По латинской стилистикѣ и риторикѣ его называютъ въ числѣ учениковъ Джіованни да Равенна. Но что послѣдній могъ передать этому гениальному юношѣ! Когда Поджіо списывалъ для Козьмы Медичи письма Цицерона къ Аттику, то при этой механической работѣ основательнѣе научился римскому краснорѣчію, чѣмъ Равеннецъ усвоилъ себѣ во всю свою жизнь. Поджіо никогда не цѣнилъ высокаго тѣхъ, кто усваиваетъ себѣ науки только благодаря учителю. Онъ указывалъ на Петрарку и Салютато, на Роберто Росси и Никколи, на Бруни, Марсуппини и Траверсари, которыхъ всѣхъ научила краснорѣчію жизнь и практика, а вовсе не знаменитые наставники. Этимъ путемъ, по его словамъ, онъ и достигъ того, чего достигъ; его учителями были Цицеронъ, Квинтиліанъ, Овидій и Виргилій ¹⁾. Несомнѣнно много самобытной силы кроется въ натурахъ людей, которые сами себѣ отыскиваютъ путь.

Поджіо былъ почти еще юношею, когда явился къ папскому двору, при которомъ онъ съ этихъ поръ находился пятьдесятъ лѣтъ (1405 — 1455), хотя съ перерывами. Тогда его образование было далеко еще не закончено. За десятью годами усидчиваго труда наступило время Констанцскаго собора и разныхъ поѣздокъ. Имя его впервые стало извѣстнымъ благодаря открытію невѣдомыхъ классиковъ. Въ Англій, въ свободное время, онъ началъ знакомиться и съ Отцами церкви, но не оставлялъ древнихъ языческихъ писателей. Имъ овладѣло сильное желаніе изучать греческую литературу именно тогда, когда она еще не могла удовлетворять изучающаго. Но онъ постоянно отыскивалъ книги и списывалъ ихъ, чтобы порадовать во Флоренціи друга Никколи—больше этого онъ не могъ ничего сдѣлать. Однако глупо, думалъ онъ, постоянно только возить дерево, камни и известку, если ничего не строить. Ему было больше сорока лѣтъ, и онъ ни въ чемъ не проявилъ своего творческаго ума кромѣ официальныхъ бумагъ и увлекательныхъ дружескихъ писемъ; и ему суждено было еще состариться, пока онъ начала обнаруживать самобытную дѣятельность. Въ Англій онъ надѣялся, что его обильно надѣлятъ бенефіціями,

зываетъ его своимъ учителемъ, но словами: *Nobis qui cum eo familiarius viximus* указываетъ только на ихъ отношенія въ Римѣ и Констанціи, и что онъ (*epist.* XIII, 1) называетъ учениками Хризолора—Гварино и Ченчи, а про себя не говоритъ. Вмѣсто испорченныхъ словъ *Per Cincium Romatum eius condiscipulum* я здѣсь читаю вмѣстѣ съ профессоромъ Вильмансомъ *discipulum* не смотря на рукопись.

¹⁾ Poggius *epist.* XIII, 3.

и онъ будетъ вести такую же жизнь, какъ Петрарка. Онъ также радъ бы былъ принять должность придворнаго поэта. Но такъ какъ ожиданія его не сбылись, то онъ опять воротился къ римскому двору и къ прежней работѣ, разумѣется, очень выгодной ¹⁾.

Странное явленіе! Поджіо пробылъ пятьдесятъ лѣтъ въ своей должности и основалъ въ Римѣ постоянное мѣстопребываніе, и все таки при этомъ Флоренція всегда оставалась его родиною. Когда онъ розыскивалъ сочиненія древнихъ римскихъ писателей въ Германіи, Франціи и Англіи, то всегда былъ лишь иноземнымъ членомъ флорентинскаго кружка. Оттуда онъ получалъ вспоможеніе, тамошнимъ друзьямъ сообщалъ о своихъ находкахъ, къ нимъ посылалъ древнихъ писателей, вызванныхъ имъ къ новой жизни. Когда онъ бродилъ по Констанцу, а его прежній властелинъ папа, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Готтлибенѣ безъ всякой надежды снова получить престолъ, тогда онъ опять назвался флорентинскимъ нотариусомъ. Флоренція дала ему право гражданства въ награду за заслуги, оказанныя имъ древней литературѣ ²⁾. «Покрайней мѣрѣ разъ въ годъ долженъ я съѣздить во Флоренцію», говорилъ онъ, находясь въ Римѣ ³⁾. Онъ никогда не собиралъ всѣхъ своихъ книгъ въ Римѣ: или Траверсари хранилъ ихъ въ монастырѣ дельи Анджіоли ⁴⁾, или онѣ находились на его виллѣ близъ Терранова. Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія папа Евгеній IV не могъ жить ни въ мятежномъ Римѣ, ни даже въ Церковной области, въ которой пылала война. И Поджіо въ это время жилъ большею частію среди своихъ флорентинскихъ друзей. Онъ женился (1435 г.) на восемнадцатилѣтней флорентинкѣ, Баджіи, изъ знатной фамиліи Бондельмонти. Вместе съ тѣмъ онъ прекратилъ конкубинатъ, отъ котораго было много побочныхъ дѣтей, но это же доставило ему и первое посвященіе и дало надежду на духовное поприще. Римскій дворъ былъ настолько добръ, что давалъ ему хорошіе источники доходовъ. Но въ Флоренціи онъ былъ прикованъ узами всегдашней любви. Если кто оскорблялъ честь и славу республики, то онъ энергически принимался за защиту ея. Если кто называлъ флорентинцевъ глупыми и слѣпыми—старыя ругательныя слова, оставшіяся отъ временъ прежнихъ смуть,—то это сильно раздражало Поджіо, и онъ обыкновенно нападалъ на ихъ врага, герцога миланскаго. Послѣдній даже обязавъ былъ прямо призвать ихъ право

¹⁾ Poggius epist. I, 18 seq.

²⁾ Poggii Oratio funebr. in obitu Leon. Aretini передъ еро Epist. rec. Mehus p. CXXIV. Извлеченіе изъ актовъ у Gaye Carteg. I p. 545 не касается главной сути дѣла.

³⁾ Poggius epist. IV, 19 отъ 1447 г.

⁴⁾ Ambros. Travers. epist. XI, 27.

на почетъ и славу и обратиться съ этимъ къ Поджіо, какъ «флорентинскому гражданину». Но послѣдній принялъ похвалу городу за должное и объявилъ герцогу въ сильныхъ выраженіяхъ, что народъ флорентинскій наслаждается полной и истинной свободой, и онъ не можетъ ни одного города въ Италіи поставить выше республики по уму, учености и утонченности нравовъ гражданъ ¹⁾.

Но только послѣ смерти Марсуппини Поджіо вполне сталъ принадлежать своей духовной родинѣ: республика назначила его преемникомъ покойнаго по управленію дѣлами. Теперь ему шелъ 73-й годъ, и онъ вполне чувствовалъ всю тяжесть подобнаго переселенія и новой должности. Онъ говоритъ, правда, что имѣлъ въ виду больше будущность своихъ сыновей, чѣмъ свое личное спокойствіе и свободу. Но у старцевъ любовь къ колыбели ихъ дѣтства обыкновенно пробуждается съ удвоенною силою, и онъ говорилъ самъ себѣ, что обязанъ принять самое почетное мѣсто, какое только можетъ получить во Флоренціи человѣкъ, занимающійся гуманными науками. Бромъ того синьорія предоставила ему нѣкоторыя льготы: именно онъ могъ сложить самую тяжелую часть работы на плечи болѣе молодыхъ людей. По пріѣздѣ онъ былъ встрѣченъ весьма почетно: нѣсколько дней принималъ онъ изъявленіе благодарности отъ людей всѣхъ сословій за то, что принялъ на себя это бремя ²⁾. Онъ вступилъ въ должность 8 іюня 1453 г. преемникомъ своихъ бывшихъ друзей, Салютато, Бруни и Марсуппини ³⁾.

Жизнь Поджіо во Флоренціи была жизнью веселаго философа даже и въ то время, когда онъ бывалъ въ этомъ городѣ только гостемъ, пока служилъ секретаремъ у папы. При римскомъ дворѣ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, хотя иногда и оставлялъ дѣла въ покоѣ. Когда миновали годы, полные заботы о насущномъ хлѣбѣ и стремленій къ странствованіямъ, съ отраднымъ чувствомъ самодовольства оглядываясь онъ на тѣ дни, когда напелъ въ С. Галленѣ *Institutiones* Квинтиліана, списалъ ихъ и отыскалъ въ монастырскихъ бібліотекахъ еще нѣсколько римскихъ писателей. Лучшее время года онъ проводилъ на дачѣ, спокойно отдаваясь своимъ занятіямъ, радовался своимъ книгамъ, любовался на подроставшихъ дѣтей, съ наслажденіемъ слушалъ ихъ лепетъ. Онъ казался ему очаровательнѣе всякаго

¹⁾ Письмо герцога миланскаго Филиппа Маріа отъ 28-го іюля 1438 г. у Sheferd Tonelli I. c. T. II App. num. XIX. Отвѣтъ Поджіо отъ 15-го сентября epist. VIII, 1.

²⁾ Cominciò a fare sua patria Firenze, come meritamente si conveniva, говоритъ флорентинецъ Веспасіано (Poggius § 4).

³⁾ Poggius epist. XI, 1. 2. 3. 13. XII, 21. Время вступленія въ должность въ Giorn. stor. degli archivi Toscani vol. II, p. 12.

краснорѣчія. Этотъ прежній грѣшникъ жилъ счастливо съ своею Баджіей до самой ея смерти, она умерла мѣсяцами семью раньше его ¹⁾).

Подобно своимъ флорентинскимъ друзьямъ, Медичи и другимъ знатымъ людямъ, Никколи и Марсуппини, у Поджіо было свое собраніе статуй, мраморныхъ головъ, рѣзныхъ камней, монетъ и вообще всякаго рода древностей. Онъ собралъ ихъ самъ во время поѣздовъ по Церковной области и въ Монте-Кассино, приобрѣлъ съ помощью связей въ Левантѣ и получилъ въ подарокъ отъ друзей. Въ Римѣ они занимали въ его квартирѣ небольшую комнату, которую онъ называлъ своимъ *Gymnasium*. Изъ мраморныхъ головъ только одна была цѣла и изящна, а другія или дѣшались носовъ въ борьбѣ съ столѣтіями, или получили другія поврежденія. Но онъ все таки видѣлъ въ нихъ работу превосходнаго древняго художника и былъ въ высшей степени радъ, когда ваятель Донателло хвалилъ подобныя вновь приобретенныя сокровища. Уже около 1427 г. его сильно занимала мысль о томъ, какъ онъ современемъ, наживши достаточное состояніе при римскомъ дворѣ, успокоится, построитъ виллу въ своемъ саду близъ Терранова и устроитъ на ней музей для своихъ древностей и библиотеку для книгъ. Онъ уже придумалъ и новое названіе для своей виллы. Цицеронъ предавался своему благородному отдыху на виллахъ тускуланской и анціанской, а онъ назвалъ свою баддарнинскою. Съ этою-то цѣлью онъ и копилъ старательно средства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Родосскіе друзья помогали ему въ приобрѣтеніи древностей. Изъ Хиоса онъ ждалъ трехъ мраморныхъ головъ, Юноны, Минервы и Сатира; говорили, что онѣ работы Поликлета и Праксителя. Конечно, онъ не вѣрилъ этому и видѣлъ тутъ шарлатанство греческихъ купцовъ. Кромѣ того его агентъ—это былъ миноритскій братъ Франческо да Пистойя — обѣщался достать ему также Аполлона. Ходили слухи, что въ одной пещерѣ на островѣ Родосѣ разомъ найдено около сотни цѣльныхъ статуй. Последнее сообщеніе озадачило Поджіо, но все таки онъ просилъ монаха купить, что только можно, и привезти эти изваянія; страсть къ этимъ мраморнымъ памятникамъ у него доходила чуть не до бодѣзни ²⁾). Это было то же пылкое стремленіе къ собранію, та же мечтательность, которая влекла Чиріако въ дальнія страны, за моря. Но для Поджіо

¹⁾ По записи въ книгѣ флорентинскаго архива, Баджіа умерла 23-го февраля 1459 г. *Poggii epistolae duae ed. Wilmanns p. 8.*

²⁾ *Delector enim supra modum his sculpturis, adeo ut curiosus earum dici possim.—Itaque in hoc mafisne incumbas oro, ut colligas ac corrados indequaque vel precibus, vel precio, quicquid eiusmodi imaginum potes.*

были возможны лишь непрямые сношения, и часто случалось, что ожидаемое сокровище было захватываемо Медичи или другими богачами. Но самым естественным хранилищем своих приобретений он считал не Римъ, а свою тосканскую родину¹⁾.

Только въ 1438 г. онъ могъ построить красивую виллу близъ Терранова. А такъ какъ онъ сильно пекся о своемъ личномъ благоденствіи—говорилъ онъ въ шутку—то счелъ нужнымъ устроить небольшую библіотеку и для своихъ возлюбленныхъ книгъ. Здѣсь былъ помѣщенъ рядъ греческихъ и латинскихъ рукописей, изъ которыхъ онъ многія самъ писалъ и исправлялъ. Онъ еще ни разу не видѣлъ ихъ собранными около себя. Онѣ составляли его гордость. Здѣсь и древности его нашли себѣ достойный пріютъ. Всего пріятнѣе для него было то, что онъ избавляется отъ хлопотъ и работы при римскомъ дворѣ, будетъ жить на своей родинѣ, съ своими пенатами и книгами. Въ сознаніи идиллическаго спокойствія онъ помѣчалъ свои письма библіотекою въ Террановѣ. Или онъ бродилъ подобно Петраркѣ по близъ лежащимъ холмамъ. Послѣ занятій науками онъ считалъ лучшимъ утѣшеніемъ старости, подобно древнему Римлянину время республки, дѣлать свой садъ и воздѣлывать небольшой участокъ земли, увеличивая его новыми покупками. Иногда онъ чувствовалъ себя здѣсь столь спокойнымъ и счастливымъ, что полагалъ, что судьба позавидуетъ ему²⁾.

Поджіо нѣкогда выросъ подъ покровительствомъ Медичи. И теперь расположеніе къ нему Медичи дѣлало жизнь его во Флоренціи пріятною и почетною. Онъ и во время изгнанія Медичи принадлежалъ къ числу лицъ, оставшихся ему вѣрными, и далеко не прочь былъ грѣться у камелька этихъ богачей. Ему во Флоренціи былъ купленъ домъ на счетъ Козьмы, которому онъ безъ сомнѣнія былъ обязанъ и мѣстомъ канцлера, и устроенъ по его желанію³⁾. Поджіо и какъ придворный, и какъ литераторъ отлично умѣлъ доставать средства для безбѣднаго существованія. Правда, онъ самъ написалъ сочиненіе противъ скупости и стремленія къ наживѣ и въ письмахъ своихъ довольно часто увѣряетъ насъ, что всегда ставилъ науку и добродѣтель выше пріобрѣтенія денегъ. Но вообще извѣ-

¹⁾ Poggius epist. III, 15. 37 IV, 12. 15. (откуда взяты мѣста, приведенныя выше) 18. 21. VII, 14.

²⁾ Poggius epist. VIII, 2. 3. 7. 8. 26. 31. 34. X, 1. 2. Пріобрѣтеніе участка земли близъ Флоренціи относится къ 1412 г.

³⁾ Утѣшающее письмо Поджіо къ Козьмѣ въ изгнаніи epist. V, 12. О другихъ письмахъ къ нему упоминаетъ Fabronius Cosmi vita vol. II, p. 221. Профессоръ Вильмансъ, намѣревающийся говорить объ этомъ подробно на основаніи актовъ былъ купленъ домъ Федерико Гори nel populo di S. Maria Novella.

стно было, что въ жизни онъ поступалъ совершенно иначе ¹⁾. Посвященія сочиненій, сдѣланныя съ расчетомъ, составляютъ исключеніе: у него было строгимъ правиломъ не бросать даромъ жемчуга. Онъ задумалъ посвятить книгу риминійскому владѣтелю, Гисмондо Малатеста, извѣстному за щедрого мецената. Тогда онъ послалъ ее сначала къ Роберто Бальтуріо, его любимцу. Онъ долженъ былъ прочесть и оцѣнить ее и если найдетъ, что этотъ подарокъ будетъ пріятенъ Малатестѣ, то слѣдуетъ написать посвященіе. Но прежде чѣмъ поднести книгу, все таки нужно узнать, стремится ли владѣлецъ къ подобной славѣ. Если это ему не пріятно, или онъ къ подобному вопросу относится равнодушно, то лучше пусть онъ отошлетъ книгу назадъ. А если онъ окажетъ благосклонность, то имѣлось въ виду впередъ еще болѣе прославить его на основаніи той теоріи, что писатели только своими посвященіями доставляютъ безсмертіе владѣтельнымъ особамъ ²⁾.

Конечно, Малатеста сдѣлалъ удовольствіе автору и приобрѣлъ безсмертіе, потому что Поджіо сохранилъ къ нему дружбу и уваженіе. А другой случай показываетъ, какимъ дурнымъ человекомъ былъ онъ въ гнѣвномъ состояніи и какъ самъ боялся своего злаго языка. Онъ перевелъ Киропедію Ксенофонта и намѣревался посвятить ее королю Неаполитанскому Альфонсу: говорили весьма много объ его благоволеніи и щедрости къ ученымъ. Но и здѣсь онъ хотѣлъ увѣриться черезъ кого нибудь въ хорошемъ пріемѣ и сдѣлать по возможности такъ, чтобы его вызвали на поднесеніе книги. При такомъ условіи король будетъ обязанъ дать болѣе значительную награду. Поэтому онъ обратился къ нему съ длиннымъ письмомъ, полнымъ самыхъ восторженныхъ похвалъ, жаловался, что такъ мало хорошихъ повелителей на свѣтѣ, и потомъ указывалъ на то, что только что переведенная Киропедія содержитъ въ себѣ превосходныя наставленія для королей. Въ маленькой записочкѣ къ историографу Бартоломмео Фаціо онъ уже подошелъ ближе къ цѣли. По его словамъ, ему указывали на многихъ лицъ, которымъ онъ могъ бы посвятить свою книгу, но онъ находитъ всего приличнѣе посвятить королю Альфонсу и т. д. Конечно, вызова на посвященіе со стороны короля не послѣдовало. Тогда, по совѣту своихъ неаполитанскихъ друзей, Фаціо и Беккаделли, онъ послалъ королю экземпляръ своей Киропедіи, украшенный золотомъ и красками, съ благоговѣй-

¹⁾ Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI: quamvis ipse more hominum, qui aliena potius quam sua praenoscent vitia, nequaquam liberalis esset.

²⁾ Poggius epist. XIII, 12 къ Бальтуріо. Какъ поступилъ Поджіо съ Малатеста Новелло изъ Чезены, показываютъ epist. IX, 112. 113.

нымъ посвященіемъ ¹⁾. Но ожидаемой награды не послѣдовало. Королю, по видимому, поступокъ Поджіо показался навязчивымъ; говорить, что и тѣ преувеличенныя похвалы, какія заключались въ его прежнемъ письмѣ, были непріятны ему. Греческій языкъ Поджіо зналъ плохо, и мнѣшествомъ перевода этого нельзя было скрыть. Онъ былъ, можетъ быть, правъ, когда приписывалъ эту неудачу вліянію своего противника, Лоренцо Виллы. Послѣ долгихъ ожиданій онъ наконецъ разразился гнѣвною вспышкою. «Я виноватъ, что посвятилъ книгу такому человеку, который въ своихъ сужденіяхъ не самостоятеленъ, а зависитъ отъ другихъ. Молва объ учености этого государя ввела меня въ заблужденіе. Я вижу, что онъ не умѣетъ отличать дѣльныхъ людей отъ глупцовъ. Онъ кое-что дѣлаетъ для виду, чтобы его считали милостивымъ къ ученымъ людямъ. — Но всего хуже неблагодарность: она мать всѣхъ пороковъ; въ комъ этотъ порокъ укоренился, тотъ не можетъ быть добродѣтельнымъ. — Не будь это дѣло начато, я счумѣлъ бы выхлопотать себѣ благодарствіе у лица болѣе благодарнаго». Въ такомъ тонѣ писалъ Поджіо своимъ друзьямъ въ Неаполь, и, распространяя свои письма, онъ желалъ, чтобы король Альфонсъ узналъ объ его негодованіи.

Въ тѣхъ экземплярахъ перевода, которые онъ велѣлъ писать и распространять въ сердитую минуту, имя Альфонса въ посвященіи было уничтожено, такъ что можно было поставить имя любого добраго государя ²⁾. Впрочемъ, хотя собственно и не за это, король вскорѣ послѣ этого послалъ ему въ подарокъ 600 дукатовъ и велѣлъ посовѣтовать смѣло просить того, что имѣетъ на душѣ. Теперь Поджіо заявилъ, конечно, что этимъ подаркомъ Альфонсъ съ избыткомъ вознаграждалъ свою медленность, что его разсердило не отсутствіе подарка, но то, что его злые завистники разгласили, будто король съ пренебреженіемъ отнесся къ его приношенію ³⁾. Теперь онъ опять съ радостью прославлялъ добродѣтели короля. Прошло два года заключенъ былъ миръ въ 1455 г. Поджіо счелъ своевременнымъ снова испытать великодушіе и славолубіе короля и посвятилъ ему великолѣпное посланіе, въ которомъ хвалилъ мудрость, выказанную

¹⁾ Великолѣпный экземпляръ въ Ambrosiana, о которомъ говоритъ Saxius Hist. lit. tyr. Mediol. p. 126, есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый, который назначенъ былъ для короля.

²⁾ Онъ не скрывалъ, что сдѣлалъ это odio et indignatione motus;—beneficium meum sentiebam me non recte neque penes gratum virum collocasse. Есть кони и съ посвященіемъ Альфонсу, напр. у Tomasinus Bibl. Patav. Manusc. p. 18, и безъ его имени, напр. in Tabulae codd. ms. bibl. Vindol. vol. II p. 210.—Poggius epist. IX, 6. 8. 21. 23. 24. 30. Письма къ Фаціо и Бенкаделли также въ V. Facii de vir. illustr. ed. Mehus epist. 9—11.

³⁾ Poggius epist. X, 10 къ Альфонсу. Vespasiano: Poggio § 4.

ниъ при умиротвореніи Италіи, убѣждалъ его стать во главѣ итальянскихъ морскихъ силъ и идти противъ турокъ. Все оно было написано въ тонѣ восторженнаго панегирика. Фаціо прочелъ его королю въ присутствіи многихъ придворныхъ, такъ какъ всѣ собрались на охоту, и Альфонсъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ лесть знаменитаго литератора ¹⁾.

Все это показывало опасную раздражительность Поджіо и ядовитость его сатиры. Но этотъ человекъ въ обращеніи съ своими флорентинскими друзьями былъ добродушенъ, уступчивъ и откровененъ. Онъ никогда не сердился на язвительнаго Никколи, на скупаго Бруни, на замкнутаго въ себѣ Марсуппини, на монашески смиреннаго Траверсари. Но онъ же могъ на любого противника обрушиться съ самыми ужасными ругательствами, съ самыми низкими клеветами, какъ какой нибудь уличный мальчишка. Всѣ боялись его желчности и язвительности. Отъ нихъ, какъ мы видѣли, не было пощады и коронованнымъ особамъ ²⁾. Онъ, безспорно, былъ самымъ искуснымъ литераторомъ между своими современниками, писалъ увлекательно, живо, остроумно, и колко. Его письма и памфлеты вскорѣ разошлись по всѣмъ образованнымъ странамъ, и онъ могъ смѣло разчитывать на ихъ безсмертіе. Но потому-то именно никому и не хотѣлось попасть въ нихъ, или быть поставленнымъ къ позорному столбу. И онъ гордился этою своею силою. При этомъ онъ мало обращалъ вниманія на положеніе лица и на его титулъ. Напр. онъ узналъ, что епископъ города Фельтре, происходившій изъ знатной фамиліи, Зенъ, обвинялъ его въ поддѣлкѣ папскаго полномочія. Тогда онъ осмыгалъ его такими же поносными ругательствами, какъ Филельфо или Валлу ³⁾. Но епископъ былъ какъ бы безоруженъ.

Намъ вскорѣ предстоитъ описывать ту ожесточенную борьбу инвективъ, въ которой Поджіо вступилъ въ союзъ съ Филельфо, вполне достойнымъ его. Тутъ много вылито было желчи и грязи. Далѣе мы будемъ говорить о тѣхъ ругательствахъ противъ папы Феликса, избраннаго базельскимъ соборомъ, за которыя ему, безъ сомнѣнія, заплатили; мы пока отложимъ и тѣ споры, которые онъ началъ въ Римѣ съ Валлою, Перотти и Георгіемъ трапезунтскимъ. Вспомнимъ лишь о нѣкоторыхъ столкновеніяхъ, которыя онъ велъ больше для литературной славы.

Во Флоренціи у него зашелъ споръ съ Гваріино о томъ, кто выше, Сципионъ или Цезарь. Поводомъ къ этому спору послужило, вѣроятно,

¹⁾ Poggius epist. XII, 28. 24. 30. Facius epist. 13 rec. Mehus. и у Shepherd. Tonelli T. II App. num. XXIV.

²⁾ Vespasiano Poggio § 3: non era ignuno che non avesse paura di lui.

³⁾ Письмо въ Poggii epistolae duae ed. Vilmanns p. 5.

одно мѣсто изъ «Торжества славы» Петрарки: тутъ у поэта идутъ впереди всѣхъ Сципіонъ Африканскій старшій и Юлій Цезарь, но онъ не хочетъ рѣшить, кто изъ нихъ приблизился прежде къ богинѣ славы. Одинъ былъ рабомъ добродѣтели, но не любви, а другой— рабомъ обѣихъ ¹⁾. Поджіо утверждалъ въ одномъ письмѣ ²⁾, что Сципіонъ выше Цезаря, при чемъ дѣло не обошлось безъ сильныхъ нападокъ на послѣдняго. Для него это письмо, какъ онъ самъ признается, было не больше, какъ упражненіемъ въ слогѣ и тѣмъ невиннѣе, что онъ не упоминалъ ни о комъ изъ живыхъ людей. Гварино былъ въ дружбѣ съ Поджіо и вообще человѣкъ миролюбивый, и потому мы рѣшительно не понимаемъ, что заставило его поднять перчатку. Противникъ его вообразилъ, что маркграфъ Ліонелло Эсте большой поклонникъ Цезаря, и Гварино явился защитникомъ Цезаря изъ любви къ нему, а также въ чаяніи награды. Отвѣтъ Гварино, котораго мы не знаемъ въ печати, вѣроятно, былъ обширенъ и обилецъ личными нападками. «Я не хотѣлъ, чтобы на моей чести лежали эти оскорбленія, говоритъ Поджіо, отъ человѣка, нарушившаго старинную дружбу.» Однако, по его словамъ, онъ не хочетъ вести борьбу «по своему», а сдержитъ себя. Дѣйствительно, инвективу Поджіо можно еще назвать вѣжливою, если сравнить ее съ другими, хотя онъ и называетъ въ ней Гварино неспособнымъ, дерзкимъ и надменнымъ человѣкомъ ³⁾. Онъ смотрѣлъ на споръ, какъ на дѣло честное, какое подобаешь людямъ науки, какъ на почтенное упражненіе въ остроумной похвалѣ и порицаніи. Конечно, думалъ онъ, можно быть разныхъ мнѣній по извѣстному вопросу и все таки оставаться хорошими друзьями. Когда онъ женился на молодой флорентинкѣ, и Гварино послалъ ему вѣжливое поздравленіе, то онъ въ упоеніи медоваго мѣсяца заплатилъ за дружескую любезность тѣмъ же, и прежнія добрыя отношенія возстановились. Съ тѣхъ поръ оба говорили другъ другу самыя изысканныя любезности. Поджіо пришлось еще разъ вести полемику по этому же вопросу, но на этотъ разъ уже происходилъ не литературный тур-

1) Petrarca Trionfo della Fama cap. I v. 22:

Da man destra, ove prima gli occhi porsi,
La bella donna (la Fama) avea Cesare e Scipio,
Ma qual piu presso, a gran pena m'accorsi.
L'un di virtute e non d'amor mancipio,
L'altro d'entrambi.

2) Письмо къ нѣкому Сципіоне де Ферраря, въ честь имени котораго, можетъ быть, и рѣшенъ вопросъ (Poggii Opp. p. 357).

3) Поджіо къ Франч. Барбаро (Opp. p. 356 и epist. V, 2 ed. Tonelli). Самая инвектива тоже посвящена Барбаро (Opp. p. 365).

ниръ, а литературная драка. Злосчастная звѣзда Чиріако внушила ему мысль написать сочиненіе въ опроверженіе мнѣнія Поджіо, и онъ назвалъ свой памфлетъ императорскимъ. Именно онъ защищалъ Цезаря, какъ основателя монархіи, и униженіе его называлъ посягательствомъ на святыню. Въ отвѣтъ ему Поджіо далъ полную волю своей бранчивости, называлъ его безстыднымъ и безтолковымъ болтуномъ, глупцомъ, надоѣдливымъ сверчкомъ, глупымъ бродягой, бородатымъ сатиромъ, двуногимъ осломъ и т. д. ¹⁾).

Съ другой стороны тотъ же Поджіо считался первостепеннымъ панегиристомъ. Кто любилъ похвалу и лесть, того онъ умѣлъ превознести, какъ философъ и мыслитель, и выразить все это кудряво, если была въ виду выгода или награда. Славилъ его надгробныя рѣчи, хотя ни одна изъ нихъ не была сказана у гроба покойника. Никто не умѣлъ сочинить ихъ въ такомъ торжественномъ и высокопарномъ тонѣ, особенно если дѣло шло о знатномъ человѣкѣ или о прелатѣ, но никто не умѣлъ сочинять ихъ и такъ трогательно, если дѣло касалось друга.

Уже на основаніи всего сказаннаго нами Поджіо является типическимъ представителемъ гуманиста. Но многосторонность его такова, что намъ еще придется не разъ говорить о немъ въ другихъ мѣстахъ нашего труда. Онъ былъ все-таки флорентинецъ не только по рожденію и праву гражданства, но и по складу своей умственной жизни. Если бы онъ въ молодые годы считалъ себя гражданиномъ цѣлаго міра, то и умеръ бы въ Римѣ или вообще гдѣ нибудь на чужбинѣ. Онъ сталъ нѣсколько мраченъ и недоволенъ, приближаясь къ 80 лѣтнему возрасту, даже и во Флоренціи. Друзья той цвѣтущей поры его жизни умерли; онъ сложилъ съ себя должность ²⁾); жена тоже повинула его; старшій сынъ вступилъ въ монашескій орденъ:—однимъ словомъ все, что было ему дорого, оставило его. Единственнымъ его утѣшеніемъ была вилла съ садикомъ. Самыя письма его пронянуты грустью одиночества; правда, онъ еще поддерживаетъ нѣкоторыя связи при римскомъ дворѣ и поздравляетъ вновь назначенныхъ кардиналовъ. Всего больше онъ жалуется на то, что съ него требуютъ подати, хотя ему дали почетное право гражданства ³⁾). Въ досадѣ на это онъ сталъ сожалѣть о римскомъ дворѣ. Но его

¹⁾ Эта инвентива посвящена Лионардо Бруни (Poggii Opp. p. 330 и epist. VII, 9 ed. Tonnelli. Имя Чиріако (аннонаго) достаточно ясно обозначено инициалами С. А.

²⁾ Въ точности неизвѣстно, когда это случилось, но въ 1458 г. Никколи уже исправляетъ эту должность. *Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. II, p. 12. Vespasiano: Poggio § 6.* Последний намекаетъ на нападки и огорченія, которые заставили Поджіо сложить съ себя должность.

³⁾ О богатствѣ его и налогахъ см. *Vespasiano Poggio § 6. 7.*

последнее произведение, надъ которымъ его застигла смерть 30 октября 1459 г., была все таки исторія Флоренціи. Козьма Медичи позаботился устроить ему почетные похороны ¹⁾. Впослѣдствіи сыновьямъ Поджіо было дозволено повѣсить портретъ его въ залѣ дворца синьоровъ, потому что онъ былъ ихъ канцлеромъ.

Жизнь почти всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ мы говорили, проходитъ въ дружескихъ кружкахъ, подъ покровительствомъ меценатовъ или на службѣ республики. Можно долго вращаться въ ихъ средѣ и ни разу не вспомнить о высшей школѣ. А между тѣмъ она была въ стѣнахъ Флоренціи. Намъ кажется почти страннымъ, какое малое участіе принимала она въ развитіи гуманистическихъ наукъ. Последнія не входили въ прежнюю рамку, потому что знаніями больше занимались какъ искусствомъ, нежели какъ наукою. Въ этомъ торговомъ городѣ они могли процвѣтать, считаясь достойнымъ украшеніемъ жизни, но не давали, ни необходимыхъ адвокатовъ, ни нотаріусовъ, ни священниковъ, ни врачей. Всесвѣтной славы и флорентинскій университетъ никогда не достигалъ, не смотря на неоднократныя попытки преобразовать и поднять его. Такимъ образомъ возникаетъ даже мысль основывать постоянныя кафедры краснорѣчія, реторики, греческаго языка, всегда снова, но такъ, чтобы все это не вело къ постояннымъ учрежденіямъ, цѣлямъ и традиціямъ. Гуманисты никогда не сливались во Флоренціи въ академическую корпорацію, а постоянно являлись тамъ гостями ²⁾.

Въ флорентинской высшей школѣ не было ни одного извѣстнаго имени, и ни одинъ факультетъ его ничѣмъ не славился. Только въ

¹⁾ Похороны проходили съ большими почестями въ С. Кроче позади хора. Buoninsegni p. 126.

²⁾ Poggius epist. XIII, 39. XIV, 3—18. Gaye Carteggio I p. 565. Въ Opera Поджіо только часть его писемъ, притомъ напечатаны въ искаженномъ видѣ. Еще 57 писемъ издалъ Dom. Georgius въ приложеніи къ не часто встрѣчаемой книгѣ Poggii Dialogus de var. fort. 1728. Другая серія ихъ напечатана Майемъ въ Specilegium Romanum T. X. Изданіе Тонелли имѣетъ свою исторію. Самъ онъ издалъ только первый томъ въ 1892 г., довольно распространенный. О второмъ томѣ, напечатанномъ послѣ его смерти, ходили темные слухи. О третьемъ, помѣченномъ 1861 г., но никогда не выходившемъ, знали видимо лишь немногіе. Но у профессора Вильманса и онъ есть, и ему я обязанъ многими услугами, въ томъ числѣ и возможностью пользоваться 2 и 3 томами. Тонелли положилъ начало хронологическому распредѣленію писемъ. Если я и ссылаюсь на его изданіе, но сознавалъ опасность этого приема. Но я долженъ былъ говорить себѣ, что послѣ ученаго изданія, приготовляемаго Вильмансомъ, всѣ другія ссылки будутъ имѣть лишь

1321 года возникла мысль основать университетъ въ увеличивавшейся столицѣ, но мысль эта была выполнена слабо, хотя знаменитый Чино да Пистойя читалъ во Флоренціи лекціи обоихъ правъ. Соперничество съ высшею школою, открытою въ Пизѣ въ 1348 году, вызвало новыя усилія, но и они вскорѣ ослабли. Послѣ страшной чумы 1348 изгладилась почти и самая память объ университетѣ, такъ что когда рѣшено было возобновить его, то пришлось хлопотать о новыхъ папскихъ привилегіяхъ. Главнымъ основаніемъ приводится то, что опустошенный городъ снова нужно населить. Но въ этомъ случаѣ прибѣгли къ принудительной мѣрѣ: подъ тяжкимъ денежнымъ штрафомъ запрещалось всѣмъ, живущимъ въ городѣ и его владѣніяхъ, учиться въ другихъ высшихъ школахъ ¹⁾. Благородна была мысль пригласить въ университетъ Петрарку, доставить этому учрежденію блескъ его прославленнаго имени и такимъ образомъ положить основаніе новой наукѣ. Но планъ этотъ собственно принадлежалъ Боккачіо, а не всѣмъ гражданамъ; и Петрарка едва ли могъ сдѣлать много для возвышенія университета, даже еслибы бы и принялъ въ немъ роль преподавателя. Около 1358 г. снова раздаются жалобы, что университетъ въ упадкѣ; требуются новыя средства для его улучшенія, нужно дать новыя порученія лицамъ, стоящимъ во главѣ его (uffiziali), пригласить новыхъ докторовъ ²⁾.

Опять благодаря стараніямъ Боккачіо въ 1360 г. была основана въ университетѣ катедра греческаго языка для Леонціо Пилато ³⁾. Но и на этотъ разъ мысль была выше ея осуществленія. Правда мы слышимъ, что Пилато перевелъ Гомера на счетъ Боккачіо и Петрарки, но не знаемъ ни одного его ученика, кромѣ самаго Боккачіо. Въ томъ же году былъ приглашенъ и Франческо Бруни съ жалованьемъ по 80 гульденовъ въ годъ—читать лекціи по реторикѣ; это тоже была новость. Но вскорѣ послѣ этого мы видимъ друга Петрарки при авиньонскомъ дворѣ, гдѣ; онъ съ большею выгодною упражняется въ своемъ стилистическомъ искусствѣ ⁴⁾. Для поэзій

относительное значеніе.—Жизнеописанія Поджіо: Лаифана (1720 г.) и Режанати (1715 г.), также у Muratori Scriptt. T. XX, устарѣли, а біографія Шеферда (1802 г.) получила значеніе лишь благодаря замѣткамъ и документамъ, которыми Тонелли приложилъ къ своему переводу.

1) Prezziner Storia del publico studio di Firenze vol. I p. 2—6. Сдѣлать о возобновленіи отъ 18-го декабря 1348 г. тамъ же p. 224. Matteo Villani Istoria I, 8.

2) Matteo Villani VII, 90.

3) Boccacius Geneal. deorum XV, 6: maximo labore meo curavi, ut inter doctores Florentini studii susciperetur, ei e publico mercede apposita.

4) Prezziner l. c. p. 16. 17.

и искусствъ родственныхъ съ нею трудно было найти преподавателей. Такой человекъ, какъ Лапо да Кастильонкио старшій, въ молодые годы служившій и музамъ, предпочелъ каноническое право и преподавалъ его двадцать лѣтъ во Флоренціи, пока не произошелъ переворотъ. Хотѣли пособить той безжизненности, отъ которой страдалъ университетъ, такъ какъ профессорами были люди большею частію безвѣстные. Постарались привлечь «юридическое свѣтило», Бальдо да Перуджія. Онъ, дѣйствительно, въ 1364 г. временно преподавалъ во Флоренціи, а въ 1383 г., «къ чести Тосканы» Салютато снова желалъ его привлечь во Флоренцію¹⁾. Но такія временныя силы не могли обновить университетъ, постоянно приходившій снова въ упадокъ, и сверхъ того Бальдо былъ послѣднимъ великимъ юристомъ старой школы. Послѣ его смерти (въ 1400 г.) всюду пришлось довольствоваться посредственностями. Теперь и соперничество Пизы не мѣшало Флоренціи, потому что тамошняя высшая школа влчила жалкое существованіе и закрылась вмѣстѣ съ утратою гражданской свободы.

Университетъ не могъ процвѣтать даже во времена Салютато, который заботился о немъ. Однако приведена въ исполненіе его любимая мысль—дать въ немъ пріютъ гуманистическимъ наукамъ. Мы встрѣчаемъ во Флоренціи Пьера Паоло Верджеріо; сначала онъ преподавалъ діалектику, но неизвѣстно, принялъ ли на себя преподаваніе реторики и краснорѣчія. Притомъ же онъ, повидимому, оставался не долго во Флоренціи. Доменико изъ Ареццо и Антоніо Піовано ди Вадо, оба—свѣтила третьей величины, читали лекціи о древнихъ классикахъ, напр. о трагедіяхъ Сенеки²⁾. Когда Хризолоръ началъ свою преподавательскую дѣятельность во Флоренціи въ 1397 г., это дѣйствительно было событіемъ. Виновикомъ его, безъ сомнѣнія, долженъ считаться Салютато. Послѣ столь многихъ вѣковъ это былъ первый природный грекъ на итальянской каѳедрѣ, человекъ ученый и со вкусомъ, истинный наставникъ, который умѣлъ снискать высокое уваженіе у своихъ учениковъ. Любовь къ греческому языку и литературѣ, пробужденная имъ, уже не охлаждѣвала въ Италіи. Калабрійца Пилато совѣтъ нельзя сравнить съ нимъ. Но связь его съ университетомъ была слабая: даже часть жалованья выплачивалась флорентинскою знатію, и лучшіе его ученики по возрасту и развитію не были настоящими студентами. Конечно, Хризолора заставила уѣхать изъ Флоренціи ужасная чума 1400 г., унесшая въ городъ больше 30000 жертвъ; она же разсѣяла и весь составъ университета. О постоянномъ на-

¹⁾ Prezziner l. c. p. 20. 38. Salutatus ep. II, 18, ed. Rigacci.

²⁾ Prezziner p. 42. 46.

чальствѣ (officiali) въ этомъ учрежденіи больше не упоминается. По видимому, университетъ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе и былъ восстановленъ только декретомъ 1412 г.: за годъ передъ тѣмъ опять свирѣпствовала чума ¹⁾. Слѣдовательно Джіованни да Равенна, прибывшій во Флоренцію, не преподавалъ, въ университетѣ, въ 1404 г. Да и самое имя его упоминается позже, только по тому случаю, когда ему предложено было объяснить Божественную Комедію. Онъ посѣялъ сѣмена краснорѣчія лишь въ частной школѣ и объяснялъ классиковъ, такъ что его недовольство вполне объясняется его незавиднымъ положеніемъ.

Со времени возобновленія университета въ 1412 г. для него начинается новая жизнь. До этого времени безжизненность была постояннымъ явленіемъ, и только временно искусственно вдыхали жизнь такіе люди, какъ Салютато. Теперь въ числѣ лицъ, завѣдующихъ его дѣлами, являются люди высоко-образованные, а съ ними вносятся въ учрежденіе и новая, энергическая дѣятельность. Притомъ персоналъ ихъ не лишается своего положенія вслѣдствіе ежегодной смѣны, но постоянно выбирается на три года, что въ первый разъ было въ 1414 г. Среди этихъ лицъ, по видимому, Никколи былъ много лѣтъ главнымъ руководителемъ; по актамъ его дѣятельность начинается съ 1414 г. Кромѣ него хвалятъ Палла Строццу и Никколо де Удзано за ихъ услуги, оказанныя процвѣтанію университета. Послѣдній завѣщалъ ему значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы на нее была построена коллегія для 50 учащихся, что, разумѣется, не было исполнено ²⁾. Такимъ людямъ удалось въ 1432 г. привлечь на короткій срокъ во Флоренцію знаменитаго канониста Никколо де Тудески, abbas Siculus, который оставилъ плодомъ своей учености нѣсколько громаднхъ сочиненій. Еще не успѣлъ онъ сюда прѣхать, какъ уже венеціанская республика хлопотала пригласить его въ Падую, а отсюда онъ отправился на базельскій соборъ. Эти юристы и медики обладали замѣчательнымъ искусствомъ повышать себѣ цѣну благодаря частнымъ приглашеніямъ и перемѣнѣ мѣстъ ³⁾. Поэтому должность лицъ, завѣдывающихъ университетомъ, была не

¹⁾ Prezziner p. 69. 72. Въ депретѣ отъ 13-го мая 1419 г. говорится о *vacatio Studii per multos annos*.

²⁾ Prezziner p. 76. 80. 90. 100. *Vespasiano Palla Strozzi* § 2.

³⁾ Акты у *Fabronius Cosmi vita* vol. II p. 66. 67. Въ одномъ изъ посланій флорентинская республика жалуется: *Mos est pere pere omnium medicorum et iuriconsultorum, qui per studia publica ad legendum conducuntur, mutare frequenter propositum, et ut a pluribus expeti sua opera videatur, clectiones alias super alias querere, ac se ipsos et conducentes mobstis involvere*. Совершенно ошибочно полагали Прецинеръ и др., что *abbas Siculus* есть гуманистъ Бенкаделли изъ Палермо: о его юриспруденціи нито бы не сталъ хлопотать.

легкая и довольно часто неблагодарная. Едва ли слѣдуетъ говорить о томъ, что университетъ былъ предметомъ особыхъ заботъ во время могущества Козьмы Медичи. Знаменитые юристы, приглашенные имъ во Флоренцію, принадлежать большей частью уже къ той школѣ, которой коснулся духъ гуманизма. Это были: Антоніо де'Минкуччи, Маріано Содзини, Франческо Акколти. Около половины столѣтія въ университетѣ было больше сорока каедръ¹⁾. Какъ могло ихъ не хватить для латинскаго краснорѣчія и для греческаго языка, если университетомъ завѣдывали такія личности, какъ Никколи, Строцца, Козьма Медичи! Правда, когда Хризолоръ уѣхалъ изъ Флоренціи, то его негѣмъ было замѣнить въ теченіи десяти лѣтъ.

Трое итальянцевъ почерпали свое знаніе греческаго языка и литературы изъ самаго источника, въ Византіи. Это были веронецъ Гварино, Джіованни Ауриспа и Франческо Филельфо изъ Толентино. Жизненное поприще ихъ съ вѣшной стороны представляетъ нѣкоторое сходство. Когда они пріѣзжали въ большой венеціанскій каналъ съ сундуками, полными греческихъ книгъ, то ихъ каждый разъ старались удержать тамъ, но ихъ манило къ себѣ яркое солнце Флоренціи своими согрѣвающими лучами. Однако ни одинъ изъ нихъ не могъ прочно основаться въ этомъ городѣ. Ихъ чувство собственнаго достоинства вызывало остроты литературнаго диктатора Никколи, который самъ же и пригласилъ ихъ. Они принуждены были удалиться чрезъ два года и нашли постоянныя мѣста при дворахъ владѣтельныхъ особъ, Гварино и Ауриспа въ Феррарѣ, Филельфо въ Миланѣ. Отсюда ясно видно, что природные флорентинцы, или, вѣрнѣе, тосканцы смыкались плотно въ виду этихъ чужеземцевъ и вели глухую оппозицію противъ нихъ.

Гварино былъ непосредственнымъ ученикомъ Хризолора; въ Византіи этотъ бѣдный молодой человекъ нашелъ пріютъ въ его домѣ и былъ на половину ученикомъ, на половину слугою: подобнаго рода отношенія были въ то время въ обычаѣ²⁾. Одолѣвъ

1) Bandini Specimen lit. Florent. p. 186. Fabronius l. c. vol. I p. 134. Конечно, въ числѣ магистровъ было много безвѣстныхъ личностей, какъ напр. Джіованни Балдо де'Тамбени, котораго мы знаемъ по его натур-философскому трактату въ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi vol. II p. 604. Онъ ссылается въ своихъ доказательствахъ тоже на классическихъ писателей.

2) Iani Pannonii Sylva panegyrica ad Guarinum (Poemata P. I). v. 157: atria docti Hospitis, et mixto geris auditore magistrum. v. 188: Obsequisque vacans.

Гварино рассказываетъ въ письмѣ къ Леон. Джустиніани, какъ онъ попалъ въ Византію при помощи венеціанца Паоло Зено и тамъ былъ ученикомъ Хризолора. См. Hodusius p. 64.

v. 157: famulus colis atria docti

Hospitis et mixto geris auditore magistrum.

v. 188: Obsequisque vacans domini monitisque magistri.

греческій языкъ, ознакомившись съ лучшею изъ литературъ, онъ воротился съ запасомъ греческихъ книгъ, значительнымъ для того времени. Онъ былъ первый, соединявшій это знаніе съ латынью хорошей школы. Потомъ онъ нѣсколько лѣтъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ съ разнымъ успѣхомъ, сначала въ Венеціи, потомъ въ Падуѣ и Триентѣ ¹⁾. Во Флоренцію его пригласили въ 1410 или въ 1411 г. ²⁾. Бруни зналъ его за человѣка ученаго и симпатичнаго и рекомендовалъ Никколи. Ему предложили самому назначить себѣ вознагражденіе ³⁾. Во Флоренціи его встрѣтили съ почетомъ; Антонио Борбинелли, еще раньше содѣйствовавшій приглашенію Хризолора, гостеприимно принялъ къ себѣ въ домъ и его ученика ⁴⁾. Гварино положительно обладалъ педагогическимъ талантомъ, строго и усердно исполнялъ свою обязанность, и несомнѣнно, былъ сподручнѣе природныхъ грековъ, потому что систематически изучилъ ихъ языкъ. Поэтому онъ, по видимому, и во Флоренціи началъ свою дѣятельность съ блестящимъ успѣхомъ. Но вскорѣ его возмутили отношенія къ Никколи, благодаря вліянію котораго онъ былъ приглашенъ. Послѣдній смотрѣлъ на молодаго человѣка нѣсколько свысока, какъ патронъ, хотѣлъ, чтобы онъ подчинялся ему, допустилъ свободное пользованіе его книгами, и въ своихъ сужденіяхъ о немъ, какъ и вообще обо всѣхъ, былъ рѣзокъ и колокъ. Гварино былъ человѣкъ не сварливаго нрава, но самолюбіе у него превышало терпѣніе. Онъ позволилъ себѣ въ одномъ письмѣ, которое было распространено и обратилось въ инвективу, посмѣяться надъ ортографіею Никколи и высказать ему горькіе упреки ⁵⁾. Теперь ему, конечно, нельзя было долго оставаться во Флоренціи. Поэтому Бруни и Филельфо считаютъ его въ числѣ жертвъ несноснаго характера Никколи. Однако Гварино по видимому, оставался во Флоренціи до 1414 г., быть можетъ, до истеченія срока своего обязательства. Мало того: кажется, послѣдовало примиреніе съ Никколи, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не питала вражды. Во всякомъ случаѣ

1) Если вѣрнѣе послѣдовательный рядъ, сообщаемый Яномъ Паннонцемъ ч. 501.

2) Leon. Bruni epist. III, 14. 15 къ Никколи. Я полагаю, что эти письма можно отнести къ 1410 г., частью по порядку ихъ въ *Epistolarium*, частью потому что въ нихъ упоминается Хризолоръ, а не къ 1405 или къ 1406, какъ вообще принято со времени Тирабоски, при чемъ слѣдовало бы допустить два назначенія.

3) Ambros. Travers. epist. VI, 20.

4) Vespasiano: Guarino § 1.

5) Это длинное письмо къ Биаджіо Гваско помѣщено отчасти у Меруса Vita Ambros Travers. p. 51 и у Rosmini vol. II p. 180. Время опредѣляется тѣмъ заявленіемъ, что Никколи уже 14 лѣтъ учится греческому языку. Такъ какъ этотъ срокъ можно считать только съ пріѣзда Хризолора (1397), то инвектива относится къ 1411 г.

около 1420 г. шла рѣчь о томъ, чтобы опять пригласить Гварино во Флоренцію, а въ позднѣйшее время ихъ считаютъ друзьями ¹⁾).

Конечно, занятія греческимъ языкомъ не могли пріобрѣсти твердой почвы во Флоренціи благодаря кратковременной дѣятельности Гварино. Цѣлые десять лѣтъ послѣ него каѳедра была не занята. Въ это время, весною 1423 г., пріѣхалъ въ Венецію Ауриспа съ сундуками, полными греческихъ книгъ. Во Флоренціи его давно уже ждали собиратели этихъ сокровищъ, особенно Никколи и Траверсари. Еще будучи въ Греціи, онъ постоянно обращался мыслями къ этому городу; туда бы хотѣлось ему тотчасъ же отправиться; тамъ вполнѣ счѣмъють оцѣнить его и его литературныя богатства. Но тамъ свирѣпствовала чума и шла война. Поэтому онъ сначала отправился въ Болонью—искать мѣста. Онъ истратился и задолжалъ благодаря покупкѣ книгъ, а опредѣленное положеніе нѣсколько облегчало и давало возможность спокойно заниматься науками. Онъ не преминулъ сообщить Козьмѣ Медичи о томъ, что онъ привезъ съ собою больше 300 томовъ, а другу Траверсари дать понять, что ему бы всего желательнѣе было жить во Флоренціи «предаваясь научному отдохновенію». Флорентинскіе друзья сильно желали привлечь его, но не ради его личности, ничѣмъ пока не заявившей себя, кромѣ собиранія книгъ, а ради именно этихъ книгъ. Траверсари полагалъ даже, что онъ будетъ жить въ почетѣ благодаря имъ ²⁾). Надѣялись мало по малу скупить ихъ у него при помощи Козьмы Медичи. Это желаніе усилилось, когда Ауриспа назвалъ цѣлый рядъ греческихъ писателей, которыми онъ особенно гордился, когда онъ передавалъ черезъ одного пріятеля, что и герцогъ миланскій и венеціанская республика стараются привлечь его за хорошее вознагражденіе, а въ Болоньѣ это тоже зависитъ отъ него. Однако онъ говорилъ неправду; это было просто хитрость ученаго. Теперь только Траверсари обѣщалъ позаботиться о томъ, чтобы его пригласили во Флоренцію съ жалованьемъ.

Ауриспѣ вовсе не хотѣлось проживаться на свой капиталъ, т. е. на свои книги. Вѣроятно, онъ подозрѣвалъ, что во Флоренціи ижѣють въ виду пользоваться ими, но онъ не хотѣлъ давать. Онъ увѣрялъ Траверсари въ шутку, что когда онъ ихъ читаетъ, то они

¹⁾ Leonard. Aret. Oratio in nebulonem maledicum у Bandini catal. codd. lat. T. II p. 549. Письмо Филельфо къ Никколи отъ 13 апр. 1438 г. Если бы Тирабоски не сослался на одно неизданное письмо Гварино изъ Франціи отъ 16 февраля 1414 г., то мы бы думали, что Гварино уѣхалъ еще раньше. О позднѣйшемъ примиреніи я заключаю по Poggius epist. I. 7. S. VI, 15.

²⁾ Epist. VIII, 28: Ex his (voluminibus) honorifice, quantum ego arbitror, vivere valebit.

приносить ему столько же пользы, какъ если бы онъ послалъ во Флоренцію. Ауриспа былъ такой же умный купецъ; какъ и флорентинцы. Такъ какъ ему ничего другаго не оставалось дѣлать, то онъ условился въ сентябрѣ 1423 г. еще годъ преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ, хотя его положеніе было не особенно прочно, потому что ему не назначили жалованья отъ казны. Но едва лишь начался полугодичный курсъ, какъ онъ нашелъ, что тамъ нѣтъ надлежащей почвы для греческаго языка. Ему все сильнѣе хотѣлось перебраться во Флоренцію. Наконецъ онъ ввѣрилъ свою судьбу Траверсари и Никколи, чтобы имѣть возможность переселиться туда по окончаніи лѣтняго семестра ¹⁾. Онъ готовъ былъ даже не требовать большого жалованья, лишь бы только можно было прилично жить. Сыновья Палла Строща гостеприимно предложили ему жить у нихъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1424 г. онъ дѣйствительно переселился во Флоренцію, а съ слѣдующаго полугодія началъ преподавать. Но это продолжалось не долго, такъ какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ его въ Феррарѣ. Мы также не слышимъ, чтобы онъ принесъ какую нибудь пользу. Ауриспа, конечно, хорошо зналъ греческій языкъ, но не былъ такимъ преподавателемъ, какъ Гварино. Это человѣкъ любящій спокойствіе, синекуру, а не должность ²⁾.

Язвительный Филельфо причисляетъ и Ауриспу къ тѣмъ, которые были прогнаны изъ Флоренціи саргазмами Никколи. Но онъ правъ только на половину. Уже въ 1428 г. Ауриспа выразилъ желаніе воротиться во Флоренцію, что бы было странно безъ расположенія къ нему Никколи; однако тогда каеэдру занималъ уже Филельфо. Въ письмѣ отъ 1433 г. Ауриспа проситъ повлониться старому Никколи, общается сообщать ему о своихъ литературныхъ находкахъ и увѣряетъ, что всегда почиталъ его какъ отца ³⁾. О несогласіи между ними никогда не было рѣчи, равно какъ и о вторичномъ приглашеніи Ауриспы.

¹⁾ Письмо его въ Ambros. Travers. epist. XXIV, 51 отъ 11 іюня (1424 г.): . . . ubi summo desiderio esse cupio.—Istius vero civitatis iamdiu amantissimus fui atque ibi habitandi avidissimus.

²⁾ Вся эта исторія доселѣ излагалась неясно и со временемъ Тирабоски относилъ ее къ 1424—1425 гг. Такъ и у Prezziner vol. I p. 82. 83. Если принять за точку отправления то, что Ауриспа весной 1428 г. прибылъ въ Венецію (см. выше стр. 246), то остальное слѣдуетъ изъ порядка переписки между Ауриспою и Траверсари въ Epistolariu послѣдовало. Къ 1423 г. относится потерянное, по VIII, 28 упоминаемое письмо Ауриспы отъ 24 іюля, потомъ VIII, 28 (отъ 26 іюля), XXIV, 53 (отъ 27 августа), V, 34 (отъ 1 сентября), VIII, 39 (отъ 2 сент.), XXIV, 54 (отъ 13 сент.), XXIV, 55 (отъ 26 окт.), а къ 1424 г.: XXIV, 50 (отъ 23 февраля), 51 (отъ 11 іюня), 52 (безъ обозначенія числа).

³⁾ Письма Филельфо къ Никколи отъ 13 апрѣля и къ Козьми отъ 1 мая 1433 г. Ambros. Travers. epist. XXIV, 62. Aurispaep. ed. Keil отъ 6 августа (1433).

Такимъ образомъ каеэдра краснорѣчія и греческаго языка во Флоренціи опять осиротѣла на нѣсколько лѣтъ. Ее никогда не считали постоянною, а приглашали преподавателя на годъ и на два, именно если на горизонтѣ учености появлялась заманчивая звѣзда. Такою звѣздою считали Франческо Филельфо, когда онъ прїѣхалъ изъ Греціи въ Венецію 10 октября 1427 г. Хотя онъ былъ еще молодымъ челоувѣкомъ—родился въ 1398 г.,—однако могъ уже указать на значительную дѣятельность. Какъ онъ получилъ классическое образованіе, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ учился въ Падуѣ, и учителемъ его мимоходомъ называютъ Гаспарино да Варзицца. Самую лучшую школу для него были его живой умъ и знакомство съ древними писателями. Уже въ Падуѣ онъ былъ преподавателемъ реторики, но навѣрное не въ университетѣ. Потому онъ около двухъ лѣтъ обучалъ знатное юношество въ Венеціи, за что ему былъ оказанъ особый почетъ. Республика дала ему право гражданства и назначила секретаремъ посольства въ Константинополь¹⁾.

Филельфо занималъ это положеніе два года, потомъ пять лѣтъ пробылъ на службѣ у императора Іоанна, тоже секретаремъ и совѣтникомъ, хотя послѣднее есть, по видимому, просто придворный титулъ. Тутъ ему представлялся прекрасный случай усвоить себѣ греческій языкъ, такъ какъ при дворѣ имъ говорили еще довольно чисто. Въ то же время онъ слушалъ лекціи грамматики и реторики у Хризолора, племянника и ученика знаменитаго Эммануила, а послѣ его смерти у Хризоконка. Судя по его рассказамъ слѣдовало бы думать, что онъ занятъ былъ важною государственною дѣятельностью при дворѣ императора. Онъ говоритъ о посольствахъ—къ султану Мураду, къ королю Польскому Владиславу, къ нѣмецкому королю Сигизмунду и о другихъ миссіяхъ. Но онъ,

Если Ауриспа предостерегалъ Филельфо отъ зависти и ссоръ, отъ которыхъ не было никому пощады въ Венеціи (письмо Филельфо къ нему отъ 1 янв. 1429), то у него была при этомъ своя цѣль. Но о Никколи онъ и тутъ не упоминаетъ.

1) Самъ онъ сообщаетъ очеркъ своей жизни въ письмахъ къ Лодрвizio Кривелли отъ 1 авг. 1465 г. По его словамъ, онъ былъ *admodum adolescens*, когда преподавалъ въ Падуѣ. Въ одномъ документѣ изъ Константинополя отъ 14 нояб. 1423 г. онъ называетъ себя *civis Venetus* и *in Venetorum curia Constantinopolitana cancellarius*, на что указалъ Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 141. Я пользуюсь письмами Филельфо въ единственно полномъ изданіи (Venetiis 1502). Такъ какъ оно имѣетъ передъ собой всѣми письмами гуманистовъ то преимущество, что сохранилось въ порядкѣ, то ссылки по адресу и числу, мнѣ вѣжутся, точнѣе и практичнѣе, такъ какъ идутъ во всѣхъ изданіяхъ писемъ. Изданіе, предпринятое Meussius, котораго вышелъ всего одинъ томъ (Florentiae 1745) содержитъ въ себѣ только первыя четыре книги и не имѣетъ никакой цѣны. Изъ біографій имѣетъ нѣкоторое значеніе лишь трудъ Rosmini.

разумѣтся, былъ не больше, какъ секретаремъ или переводчикомъ, или случайно говорилъ торжественныя рѣчи. Во всякомъ случаѣ онъ могъ гордиться тѣми почестями и подарками, которыми осыпалъ его императоръ. Напоследокъ женитьба на дочери своего учителя, Теодорѣ Хризолорѣ, сдѣлала его полугрекомъ; онъ хвалитъ чистый и изящный языкъ, которымъ она говоритъ ¹⁾). Конечно, Филельфо отличался блестящими дарованіями и рѣдкимъ образованіемъ, но еще выше того былъ его талантъ—заставить признать свое достоинство.

Послѣ своего возвращенія на родину онъ сперва началъ преподавать въ Венеціи, по его словамъ, «при величайшемъ вниманіи цѣлой республики». Но когда его прогнала отсюда чума, то онъ, не смотря на опыты Ауриспы, отправился въ Болонью. Филельфо съ суетнымъ восторгомъ изображаетъ тотъ почетный приѣмъ, оказанный ему тамъ, какъ и вездѣ, куда онъ являлся въ первый разъ. Доктора и студенты привѣтствовали его, а папскій легатъ встрѣтилъ съ изысканной предупредительностью. На самомъ же дѣлѣ его наняли на годъ за 300 дукатовъ, къ которымъ съ своей стороны папскій легатъ прибавилъ еще 150. Онъ и Болонью нашелъ не настолько невоспріимчивою къ своей риторикѣ и нравственной философіи, какъ Ауриспа нѣсколько лѣтъ тому назадъ; разумѣтся, онъ былъ наставникъ и ученый въ другомъ родѣ. Но вскорѣ онъ почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется, такъ какъ нападеніе на власть папы, поведшее къ изгнанію легата, грозило ему уменьшеніемъ жалованья и вообще презрѣніемъ къ музамъ.

И Филельфо совершенно такъ же, какъ и Ауриспа, уже при своемъ прибытіи своемъ въ Болонью обратилъ взоры на Флоренцію, откуда шли дружественныя предложенія со стороны Траверсари и Никколи. Филельфо увѣрялъ, что онъ желаетъ видѣть Флоренцію и ея ученыхъ, а особенно самого генерала Камальдуловъ; онъ желаетъ знать, какое мѣсто ему могутъ предложить тамъ ²⁾). Пере-

¹⁾ Письма его къ императору Іоанну отъ 21 авг. 1438 г. и къ Бривелли отъ 1 авг. 1465 г.—въ сборникѣ. Поучительнѣе его письмо къ павійскому кардиналу отъ 26 янв. 1464 г. (epist. 27 въ Jacobi Piccolominei Epistt). Если онъ говоритъ, что послѣ этого пробылъ семь лѣтъ у императора Іоанна, то тутъ считаетъ все время своего пребыванія въ византійской имперіи. Fontana In Georgium Merlanum Seu Merulam invectiva у Satius p. 226 считаетъ бракъ съ Теодорю, consanguinea императора, за особую честь, но самъ Филельфо не хвалится этимъ, и если извѣстіе Гварино у Ambros. Travers. epist. VIII, 9 относится къ Филельфо, то, можетъ быть, бракъ этотъ сопровождался скандаломъ.

²⁾ Письмо его къ Траверсари отъ 17 февр. 1428 г., первое, какое у насъ есть изъ Болоньи, не находится ни въ числѣ его писемъ, ни писемъ Траверсари, а только у Mitarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 887.

говоры объ этомъ были бы давно кончены, если бы Филельфо предъ-
явилъ болѣе скромныя требованія ¹⁾. Чтобы заставить Траверсари и
Никколи дѣйствовать энергичнѣе и обезпечить себѣ хорошее жало-
ванье—по крайней мѣрѣ въ 400 дукатовъ, онъ прибѣгалъ къ тому же
средству, какъ и Ауриспа; онъ заявлялъ, что ему очень хорошо и въ
Болоньѣ, что сверхъ того его приглашали въ Падую и наконецъ дѣлали
предложенія изъ Рима. При этомъ Филельфо послалъ роспись своихъ
книгъ и объявилъ, что онъ ожидаетъ еще новыхъ пѣзъ Византии на
венеціанскихъ корабляхъ. Въ письмахъ къ Траверсари и Бруни онъ
сыпалъ греческими фразами, или писалъ эти письма сплошь на гре-
ческомъ языкѣ, какъ будто желалъ этимъ сказать: «Вы видите, Фи-
лельфо это можетъ сдѣлать!» Въ то же время лести и увѣренія въ
дружбѣ не было конца. Однако переговоры затянулись надолго, такъ
какъ Филельфо не хотѣлъ принимать частныхъ предложеній флорентин-
ской знати, а хотѣлъ, чтобъ кураторы университета обезпечили ему
большое жалованье. Ему предложили 300 дукатовъ. Хотя онъ находилъ,
что это мало по его достоинствамъ и потребностямъ, однако пришлось
согласиться въ надеждѣ, что его положеніе на будущее время улуч-
шится, благодаря протекціи такихъ людей, какъ Палла Строцца,
Козьма Медичи и Никколи. Послѣдній въ качествѣ куратора универ-
ситета больше всѣхъ хлопоталъ объ его приглашеніи ²⁾. Въ декабрѣ
1428 г. онъ заключилъ съ Флоренціею договоръ на одинъ годъ,
не смотря на предостереженіе Ауриспы, которому самому очень хо-
тѣлось вернуться туда. Но Филельфо надѣялся «величіемъ своей
души обезоружить завистниковъ», о которыхъ тотъ говорилъ. Мы
слышимъ, какія лекціи, или лучше, объясненія онъ взялъ на
себя. Это были по четыре ординарныхъ объясненія въ день, Цице-
роновыхъ Тускуланскихъ бесѣдъ, первой декады Ливія, сочиненій
Цицерона по реторикѣ и Илиады. Экстраординарно онъ объяснялъ
Теренція, письма Цицерона въ связи съ практическими упражне-
ніями, потомъ нѣкоторыя рѣчи его, а изъ греческихъ писателей
Фукидида и Ксенофонта Герона, кромѣ того читалъ лекціи нрав-
ственной философіи.

Въ апрѣлѣ 1429 г. Филельфо пріѣхалъ во Флоренцію. Онъ счи-
тался тогда превосходнымъ грекомъ и самымъ искуснымъ поэтомъ
на Западѣ, кромѣ того однимъ изъ самыхъ изящныхъ латинистовъ.
Куда бы ни являлся онъ, всюду молва опережала его. Во Флорен-

¹⁾ Si moderari sibi voluisset consiliisque nostris adquiescerere, пишетъ Траверсари
epist. V, 14.

²⁾ Vespasiano F. Filelfo § 1 Nicoligo fece eleggere.

цим тоже нѣсколько дней только и рѣчи было, что о немъ ¹⁾). Ему, конечно, очень понравился красивый городъ съ его роскошными зданіями и образованными гражданами, но онъ все-таки думалъ, что самъ онъ лучшее его украшеніе. Онъ считалъ себя необыкновеннымъ чудомъ свѣта, потому что на улицѣ возбуждалъ любопытное удивленіе своею греческою бородою и женою гречанкою. Ему казалось, что самые почтенные граждане и дамы изъ высшей знати уступаютъ ему дорогу, когда онъ идетъ по улицѣ. Козьма Медичи первый явился къ нему съ визитомъ и выказалъ ему свое благорасположеніе подарками. Палла Строцца относился къ нему съ уваженіемъ, за что Филельфо посвятилъ ему свой переводъ съ греческаго ²⁾). Онъ преподавалъ краснорѣчіе и философію, языки латинскій и греческій. У него бывало ежедневно до 400 слушателей, «а можетъ быть и больше», — можетъ быть и меньше: впоследствии являлась только половина. Это были большею частію люди взрослые изъ среды городской знати, юноши изъ Франціи, Испаніи, Германіи и съ острова Кипра. Кромѣ того, онъ занимался разными упражненіями у себя на дому, во всякомъ случаѣ стилистическими и носившими характеръ диспутовъ. Такимъ же образомъ читались греческіе классики и сочинялись стихи. Въ числѣ его учениковъ и почитателей были и двое будущихъ папъ. Первый Томмазо Парентучелли, съ которымъ онъ рано вошелъ въ дружбу и посвятилъ одно сочиненіе, за что онъ отплатилъ ему, взойдши на престолъ подъ именемъ Николая V. Другой — Эней Сильвій Пикколомини, который въ то время, будучи человекомъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ, два года слушалъ его лекціи и даже жилъ два мѣсяца въ его домѣ, конечно въ качествѣ слуги (*famulus*). Однако, сдѣлавшись папою, онъ не отнесся съ ожидающею привнательностію къ своему бывшему наставнику ³⁾). Съ большимъ торжествомъ открылъ онъ и свои лекціи о Божественной комедіи, притомъ въ соборѣ, и въ этомъ никто не видѣлъ оскорбленія святыни. Какъ раньше его Бруни и Поджіо, такъ и ему декретомъ отъ 12-го марта 1431 года дано было почетное право гражданства ⁴⁾). Вскорѣ онъ нашелъ, что

¹⁾ Письма Филельфо отъ 4 апрѣля 1428 г. до 1 января 1429. Греческое письмо къ Траверсари отъ 7 марта 1428 г. въ *Franc. Filelfi Epistolae, graece scriptae, nisc. герцогской библиотекѣ въ Вольфенбюттелѣ fol. 6. Ambros. Travers. Epist. V, 14. XXIV, 27, 29, 30, 32, 35, 36, 40.*

²⁾ Это была рѣчь Лизія; посвяtitельное письмо отъ 1 августа 1429 г. *Zacharias Iter. litt. p. 25.*

³⁾ Письма Филельфо къ Ауриспѣ отъ 31 июля 1429 г., къ Николо изъ Болоньи отъ 22 сент. 1432 г., къ Кривелли отъ 1 авг. 1465. *Vespasiano Filelfo § 1: Aveva del continuo ducento scolari o più.*

⁴⁾ *Prezziner vol. I p. 92.*

едва ли первые граждане пользуются большимъ влияніемъ въ городѣ, чѣмъ онъ. Даже и канцлеръ республики, Бруни, считалъ для себя въ то время за честь дружбу съ Филельфо; послѣдній написалъ къ нему письмо на греческомъ языкѣ, просилъ его ходатайства относительно профессуры и послалъ ему свой переводъ Діона Кассія ¹⁾. Даже Никколи казался почтительнѣе и предупредительнѣе обыкновеннаго. Еще во Флоренцію не успѣла придти та дурная молва, которая шла слѣдомъ за молодымъ ученымъ изъ Венеціи. Однако уже и въ новомъ мѣстѣ поговаривали втихомолку о нѣкоторыхъ дурныхъ сторонахъ его характера ²⁾.

Филельфо былъ молодъ, чувствовалъ въ себѣ много силъ и думалъ, что онъ, какъ любимый сынъ боговъ, легко войдетъ въ храмъ вѣчной и безпредѣльной славы. По этому онъ принималъ всякое уваженіе къ себѣ какъ должную дань. Какъ избалованное дитя, онъ не понималъ, что всѣ эти знаки почета оказываются больше въ виду тѣхъ надеждъ, какія на него возлагаются, чѣмъ за заслуги уже оказанныя. Онъ гордо расхаживалъ по улицамъ, какъ человекъ, уже возложившій себѣ на голову лавровый вѣнокъ и съ пренебреженіемъ взирающій на завистниковъ своей славы ³⁾. У него рано обратилась въ идею та мысль, что онъ—геній своего времени; отсюда его забавное дѣтское хвастовство, отъ котораго онъ не избавился и въ старости. Понятно, что онъ нашлъ себѣ массу враговъ, понятно и то, что при первомъ презрительномъ отношеніи къ себѣ, какое только онъ встрѣтилъ, въ душѣ его пробудились дурныя чувства: подозрѣніе, ненависть и злоба.

Безспорно, Никколи и Карло д' Ареццо слушали лекціи Филельфо сначала только изъ любознательности. Но самому Филельфо они казались подозрительными, и онъ былъ убѣжденъ, что ими руководитъ зависть и что они только хотятъ подмѣтить у него какой нибудь промахъ. Въ особенности не довѣрялъ онъ молчаливому Карло, а относительно Никколи еще готовъ былъ допустить, что онъ скорѣе пустой болтуна, нежели человекъ коварный ⁴⁾. И Траверсари онъ не могъ больше довѣрять и въ сущности не ошибался. Тѣ шумные восторги, съ которыми встрѣтили его, не могли быть продолжи-

¹⁾ Leon. Bruni epist. V, 9, rec. Mehus.

²⁾ Ambros. Traversa. epist. V, 34 къ Венеціанцу Леонардо Джустиниани.

³⁾ quod solus honore
Inter mille viros meritis et laude vigentes
Angeor.—Philelphi Satyr. Dec. I, hec. 6.

⁴⁾ Филельфо къ Ауриспѣ отъ 31 іюля 1429 г. и къ Траверсари изъ Сарзаны отъ 1 окт. 1432 г.

тельны. Его узнали хорошо, и вскорѣ о немъ составилось именно такое мнѣніе, какое однажды высказалъ Траверсари,—именно, что онъ тщеславенъ и легкомысленъ какъ грекъ, говорить всегда съ большою похвалою о себѣ; вѣдь если похвала и основательна, все таки ее непріятно слышать отъ него самого ¹⁾. Къ тому же замѣчали, что онъ сильно любитъ деньги, а это недостойно человѣка съ возвышеннымъ умомъ. Однажды, по обыкновенію, онъ читалъ въ дружескомъ кружкѣ одно изъ своихъ сочиненій и ожидалъ, что слушатели будутъ сопровождать каждое слово его возгласами одобренія. Но Никколи часто прерывалъ его своими возраженіями, не могъ даже воздержаться отъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ и шутивыхъ замѣчаній. Филельфо обидѣлся, называлъ Никколи плохимъ другомъ, невѣждою, человѣкомъ неблагодарнымъ. Последнее потому, что своими хвалебными письмами къ Никколи онъ, по своему мнѣнію сдѣлалъ, знаменитымъ человѣка, прежде совсѣмъ неизвѣстнаго. Онъ написалъ на него язвительную сатиру ²⁾ и имѣлъ дерзость посвятить ее Траверсари, хотя зналъ о его короткой дружбѣ съ Никколи. Но онъ хотѣлъ какъ бы подтвердить авторитетнымъ его именемъ тѣ обвиненія въ грязныхъ порокахъ, какія взводилъ на Никколи. Пусть бы подумали, что именно Траверсари внушили мысль объ этомъ пасквилѣ. Амброджіо заявилъ, что сатиру слѣдуетъ признать клеветою, а ея автора лжецомъ. Не смотря на то, Филельфо обнародовалъ свой пасквиль съ посвященіемъ ³⁾. Теперь онъ и Траверсари считалъ явнымъ врагомъ. Последний въ то время переводилъ извѣстія о знаменитыхъ философахъ Диогена Лаэртійскаго. Филельфо объяснялъ ему трудныя мѣста и, что особенно важно, обѣщалъ принять на себя переводъ нѣкоторыхъ стиховъ, встрѣчавшихся въ текстѣ ⁴⁾. Теперь Филельфо огласилъ это обстоятельство въ колкой сатирѣ. Онъ называлъ Траверсари наглецомъ, который хочетъ шеголять въ чужомъ нарядѣ. Ему лучше всего отказаться отъ перевода мірскаго сочиненія и заняться своими духовными дѣлами; это гораздо пристойнѣе для монаха, чѣмъ ученая дѣятельность. Онъ послалъ эту сатиру Манетти, ученику Траверсари—зло тоже расчитанное ⁵⁾.

¹⁾ Ambros. Travers. epist. VI, 26 въ Леонардо Джустиниани.

²⁾ In Nicolaum Nichilum, cognomine Lallum; она не напечатана. Траверсари называетъ ее orationem—omnium, quas anquam legerim, teterrimam, impudentissimam atque acerbissimam.

³⁾ Ambros. Travers. epist. VI, 21 въ Франч. Барбаро.

⁴⁾ Письмо его къ Амброджіо отъ 30 мая 1430 г. у Rosmini Vita di Filelfo. T. I p. 117, и отъ 2 мая 1433 г. въ собраніяхъ писемъ Филельфо и въ числѣ писемъ Траверсари XXIV, 43. Vespasiano. Ambrog. Camal. § 4.

⁵⁾ Philelfi. Satyr. Dec. I hec. 7.

Но и противниковъ Филельфо нельзя вполне оправдывать: они тоже занимались разными дрязгами. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что противъ него собралась дружная партія, довольно сильная расположеніемъ знати. Городъ находится во власти немногихъ дурныхъ людей, писалъ онъ пробывши во Флоренціи только годъ; уже тогда онъ готовъ былъ согласиться на всякое приличное приглашеніе въ другое мѣсто ¹⁾. Но слава и сочувствіе къ нему были еще въ такомъ разгарѣ, что онъ могъ надѣяться одолѣть враговъ. Еще въ 1431 г. его вновь договаривали на цѣлыхъ три года съ повышеннымъ жалованьемъ въ 350 дукатовъ; это служить доказательствомъ, что кураторы считали его дѣятельность полезною для университета ²⁾. Теперь же ему стали дѣлать и мелкія и крупныя неприятели. У него отняли аудиторію, такъ что ему пришлось читать лекціи у себя на дому ³⁾. Его судили за то, что онъ публично, кажется, въ лекціи о Дантѣ «неоволо и необдуманно» выразился о венеціанской республикѣ и ея послахъ. Онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на три недѣли и къ изгнанію на три года съ тѣмъ, чтобы жить безвыѣздно въ Римѣ. Конечно, этотъ приговоръ былъ отиѣненъ, но злой умыселъ былъ ясенъ, тѣмъ болѣе, что о жалобѣ обиженной стороны не слышно ⁴⁾. Потомъ было рѣшено уменьшить жалованье всѣмъ докторамъ; и на это Филельфо смотрѣлъ какъ на средство выжить его изъ Флоренціи. Но онъ съумѣлъ уклониться отъ этой мѣры ⁵⁾.

Однако чаша горечи переполнилась. Филельфо зналъ своихъ враговъ и первый подалъ сигналъ въ открытой борьбѣ. Марсуппини и Никколи онъ объявилъ ее письменно, обоемъ 13 апрѣля 1433 г. Перваго упрекалъ въ его пронырствахъ, козняхъ, лѣности и зависти къ литературнымъ талантамъ, ростовщичествѣ и другихъ порокахъ. А Никколи онъ напоминалъ о томъ, что онъ уже прогналъ изъ Флоренціи Хризолора, Гварино и Ауриспу, а теперь и съ нимъ хочетъ сдѣлать тоже самое. Онъ издѣвался надъ нимъ, какъ надъ слабоумнымъ старцемъ, котораго водить за носъ такая коварная лисица, какъ Карло. Съ этихъ поръ не было и рѣчи о

¹⁾ См. его греческое письмо къ Георгію Схолярію отъ 1 марта 1430 г. въ вольфенб. рукописи fol. 7.

²⁾ Филельфо въ письмахъ къ Ламолѣ отъ 1 ноября 1430 и 1 авг. 1431 гг.

³⁾ Сюда относится его *Oratio habita in principio publicae lectionis, quam domi legere aggressus est, quam per indivos publice nequiret. Florentiae 23 oct. 1431 г.* Указано у Baudini Catal. codd. lat. T. III p. 495.

⁴⁾ Деяръ отъ 10 марта 1431 г. (по нашему счисленію 1432 г.) у Fabronius *Cosmi vita* vol. II p. 69 и у Gaye *Carteggio* I p. 551.

⁵⁾ Его посланіе къ Козымъ Медичи отъ 1 мая 1433 г.

примиреніи; борьба принимала все болѣе и болѣе серьезные размѣры и велась съ ожесточеніемъ.

Во Флоренціи былъ пущенъ въ ходъ пасквиль на Филельфо, въ авторѣ котораго трудно было не узнать Поджіо, друга Никколи. Филельфо требовалъ отъ него признанія, онъ ли писалъ эту «глушую и пошлую руготню». Поджіо уклонился отъ прямого отвѣта, но не опровергалъ и догадки: пусть Филельфо не воображаетъ, что онъ одинъ можетъ ругаться и клеветать и что никто не въ состояніи отвѣчать на его брань, которую онъ осыпаетъ Никколи ¹⁾.

Такимъ образомъ четверо самыхъ почтенныхъ людей стали отъявленными врагами надменнаго Толентинца, хотя Траверсари соблюдалъ еще нѣкоторую умѣренность, по крайней мѣрѣ публично, и не совсѣмъ оправдывалъ своего дорогаго Никколи. Въ пріятельскихъ письмахъ къ нему онъ, конечно, выразилъ полное согласіе съ противниками Филельфо. Изъ Венеціи онъ сдѣлалъ предложеніе пригласить въ преподаватели греческаго языка Георгія Трапезунтскаго и такимъ образомъ вытѣснить Филельфо ²⁾. Единственный человѣкъ, державшій сторону, послѣдняго былъ Ліонардо Бруни, потому что онъ былъ все еще въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Никколи изъ за Бенвенути. Но враги, на бѣду Филельфо, были въ милости у Медичи. Онъ ожидалъ, что они окажутъ на нихъ свое вліяніе. Такъ какъ Козьма казался ему человѣкомъ уклончивымъ, серьезнымъ и скупымъ на слова, то онъ приписывалъ ему всѣ дурныя качества, хотя сынъ его Пьеро былъ его ученикомъ ³⁾. Все таки онъ считалъ возможнымъ поставить Козьму внѣ тѣхъ вліяній, какія имѣли на него Никколи, Поджіо и Марсуппини. Напротивъ въ Лоренцо де Медичи онъ замѣчалъ нескрываемое нерасположеніе къ себѣ; когда Филельфо кланялся съ нимъ, то онъ смотрѣлъ всторону ⁴⁾. Еще очевиднѣе была та немилость, въ какую впалъ нашъ ученый у другихъ Медичи. Это было видно изъ того, что благодаря ихъ вліянію Карло д'Ареццо былъ приглашенъ на кафедру краснорѣчія и, очевидно, выставленъ ему соперникомъ. Дѣйствительно, Марсуппини удалось открыть лекціи съ блестящимъ успѣхомъ и возбудить страшную зависть въ Филельфо, такъ какъ его слушали

¹⁾ Письмо Поджіо къ Филельфо отъ 14 марта (1434 г.) epist. V, 17 ed. Tonelli.

²⁾ Ambros. Travers. epist. VIII, 46.

³⁾ Филельфо къ Козьмѣ Медичи отъ 1 мая 1433 г., къ болонскому кардиналу (Альбергата) отъ 29 сент. 1432. Cf. Satyr. Dec. II nec. 1.

⁴⁾ Филельфо къ Траверсари отъ 2 мая 1433 г., къ Пьеро де Медичи отъ 7 мая 1433 г. у Rosmini l. c. p. 118.

ученѣйшіе мужи Флоренціи и папскіе придворные, его незаконныя дѣти и нѣкоторые кардиналы ¹⁾. Финансовый вопросъ былъ поставленъ искусно, и было возбуждено сомнѣніе, стоятъ-ли лекціи Филельфо такого высокаго вознагражденія. Марсуппини просилъ лишь третью долю его и предлагалъ читать тѣ же лекціи ²⁾. Всѣ эти мелкіе уколы приводили Филельфо въ бѣшенство. Онъ уже громко говорилъ о своей славѣ и все больше раздражался противъ Никколи и Барло д'Ареццо, которыхъ постоянно клеймилъ безпощадно и безъ зазрѣнія совѣсти въ своихъ письмахъ ³⁾, Теперь онъ вмѣшался и въ борьбу республиканскихъ партій, нападалъ въ своихъ сатирахъ на народную партію и на фамилию Медичи, особенно на Козьму, котораго онъ даже предостерегалъ не слишкомъ надѣяться на свое богатство и вспомнить о судьбѣ Креза ⁴⁾.

Однажды утромъ, когда Филельфо шелъ въ университетъ, на него бросился со шпагою убійца, переодѣтый флорентинскимъ купцомъ. Однако тотъ оттолкнулъ его сильнымъ ударомъ въ грудь, и онъ убѣжалъ. Но известно, кто онъ былъ: звали его Филиппо, родомъ онъ изъ Казале на рѣкѣ По и былъ отъявленный бандитъ. Знали и кто нанялъ его. Это нѣкто Джиролама Броккардо изъ Имолы, студентъ медицины. Но кто настроилъ послѣдняго? Филельфо былъ убѣжденъ, что Медичи знали объ этомъ, и утверждалъ, что этотъ Броккардо имѣетъ сношенія съ Лоренцо де Медичи, Никколи и Марсуппини. Съ этихъ поръ ненависть его не знала границъ ⁵⁾. Самый случай былъ забытъ, когда въ сентябрѣ 1433 г. революція, происшедшая въ городѣ, поглотила общее вниманіе. Знатные (*pobili*) искуснымъ маневромъ захватили въ свои руки власть, и Козьма Медичи, теперь узникъ, ждалъ своей участи. Филельфо вполне торжествовалъ; его пророческія слова, казалось, сбылись, и день возмездія насталъ. Въ сатирѣ, обращенной къ главѣ торжествующей партіи, Палла Строцца, онъ порицалъ послѣдняго за его мягкосердечную кротость, которая довольствовалась изгнаніемъ свергнутаго демагога; онъ требовалъ смерти его ⁶⁾.

1) *Vespasiano Carlo d' Arezzo* § 1. *Franc. Filelfo* § 2. *Poggio Fiorentino* § 8.

2) *Philelfi Satyr. Dec. I* nec. 6.

3) *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 61. Кромѣ напечатанныхъ сатиръ упоминаетъ и о двухъ ненапечатанныхъ, которыя Филельфо направилъ противъ Никколи.

4) *Satyr. Dec. I* nec. 3.

5) Письмо его къ Энею Сильвію отъ 28 марта 1439 г. *Poggius Invectiva III in Philelphum* (Opp. p. 181), того мѣсяца, что убійцу нанялъ Броккардо потому, что Филельфо нѣсколько разъ оскорбилъ его.

6) *Quid facit, o Palla? quo te clementia cursu
Praecipiti culpandu trahit? pater optime, Mundo* (с. е. Cosmo, Cosimo)

Козьма отправился въ изгнаніе въ Венецію. Его литературные друзья пользовались почетомъ и у Строцца и Альбици, но должны были терпѣть, когда теперь торжествующій Филельфо вымещалъ на нихъ всю свою злобу, а въ особенности неустанно бичевалъ Марсуппини и Никколи, также Поджіо, который въ это тяжелое время принялъ участіе въ старомъ другѣ, глубоко оскорбленномъ. Возмездіе не долго заставило себя ждать. Какъ извѣстно, Козьма меньше чѣмъ черезъ годъ былъ возвращенъ согласно всемогущей волѣ народа. Враги его удалились, какъ только онъ былъ близко отъ города; въ числѣ ихъ и Филельфо. — «Если бы я остался, говорилъ онъ, то погибли бы и музы и Филельфо». Сіэпа пригласила его въ свой университетъ ¹⁾.

Филельфо оставилъ Флоренцію, но борьба далеко еще не кончилась, и дѣло не ограничилось также одними писаніями. Мѣсяцевъ черезъ десять послѣ удаленія Филельфо изъ Флоренціи въ Сіенѣ опять явился Филиппо, который возбудилъ подозрѣніе тѣмъ, что сталъ наводить справки объ образѣ жизни молодого профессора. Его схватили, пытали и отрубили ему руку. Онъ признался въ намѣреніи убить Филельфо, но все таки эта исторія осталась неразъясненною. Филельфо прямо обвинялъ Медичи и своихъ флорентинскихъ соперниковъ, и утверждалъ, что какъ прежде во Флоренція, такъ и теперь въ Сіенѣ злоумышляютъ на его жизнь ²⁾. Его мщеніе приняло такое же направленіе. Вмѣстѣ съ другими флорентинскими изгнанниками, находившимися въ Сіенѣ, онъ договорилъ одного безчестнаго грека Антонія Марію изъ Аѳинъ убить Козьму Медичи, Марсуппини и Джироламо Броккардо. За это обѣщали «осчастливить грека на всю жизнь». Послѣдній однако не хотѣлъ взять на себя убійство Медичи, такъ какъ онъ обыкновенно

Ignovisse paras? nescis portenta latronis
Immani quae mente latent?—Iam desine, Palla,
Decretam prohibere necem etc.
Satyr. Dec. III, hec. 1.

¹⁾ Ср. его письмо изъ Сіены къ Леонардо Джустиніани отъ 31 янв. 1435 г. Это его первое письмо оттуда. Дальнѣйшія прошествія ясно покажутъ причину перерыва въ его письмахъ между 3 мая 1433 г. и 31 янв. 1435 г. Satyr. Dec. IV hec. 9:

..... ibimus et nos
Hinc propere: nec enim nostras fore duco quietas
Pieridas sicas intes virus que delocum.

²⁾ Письмо его къ Энэю Сильвію отъ 28 марта 1439 г. Satyr. Dec. V. hec. 6. 10 Его предостерегалъ отъ этихъ козней и Лано да Кастильонію, ученикъ его. См. письмо къ послѣднему отъ 30 сент. и къ Леон. Джустиніани отъ 15 окт. 1438 г.

выходить изъ дому съ сильнымъ вооруженнымъ конвоемъ и уже сдѣлался осторожнѣе вслѣдствіе прежняго покушенія. Для этого дѣла рѣшено было нанять пятерыхъ или шестерыхъ бандитовъ за 4000 гульденовъ. Аенцианинъ рассчитывалъ убить одного изъ двухъ враговъ самаго Филельфо, за что долженъ былъ получить отъ него уже послѣ преступленія 25 гульденовъ. По прибытіи во Флоренцію онъ сталъ слѣдить за Марсуппини и Бровкардо, но такъ какъ ему не представлялось удобнаго случая, то онъ имъ и предложилъ убить Филельфо въ Сіенѣ за хорошую плату. Но его схватили, судили, отрубили обѣ руки и выгнали изъ флорентинскихъ владѣній. На основаніи его показаній, безъ сомнѣнія вынужденныхъ пыткой, былъ постановленъ приговоръ и надъ Филельфо. Въ случаѣ, если бы его схватили, ему присуждено отрѣзать языкъ и прогнать изъ флорентинскихъ владѣній ¹⁾.

Филельфо примкнулъ къ изгнанной знати, которая въ то время надѣялась достигъ возвращенія силою. Отъ этимъ придалъ совѣсѣмъ иной характеръ борьбѣ, которая сначала ограничивалась лишь кружкомъ ученыхъ. Это запальчивость нисколько не остыла, когда 4 февраля 1437 г. умеръ Никколи, первый изъ его враговъ. Но самымъ злѣйшимъ врагомъ со времени постановленія приговора онъ считалъ Козьму Медичи. Если ему не посчастливилось сбить его съ рукъ кинжаломъ, то слѣдовало убить литературнымъ путемъ, — занять вѣчнымъ позоромъ передъ потомствомъ и его, и его домъ. Язвительное перо отомститъ за позорное изгнаніе. Филельфо задумалъ большое сочиненіе въ X книгахъ или діалоггахъ, въ которомъ намѣревался изобразить съ дурной стороны главнымъ образомъ Медичи. Онъ назвалъ этотъ трудъ «Книгою объ изгнаніи», потому что въ немъ собесѣдниками были флорентинскіе граждане, жаловавшіеся на свое изгнаніе, въ особенности Палла Строцца. Мы не знаемъ, было ли оно кончено; въ одной рукописи только три книги ²⁾. Медичи изображаются въ нихъ кабачниками, угольщиками, держателями игорныхъ домовъ и ростов-

¹⁾ Приговоръ надъ Антоніемъ, исполненный 22 сент. 1436 г., и надъ Филельфо отъ 11 окт. заимствованы изъ флорентинскаго архива у Fabronius Cosmii vita vol. II p. 111. 115. Судя по этому, переговоры между Филельфо и убійцею происходили въ Сіенѣ въ августѣ. Козьму не называютъ прямо въ этихъ атакахъ, но довольно ясно намекаютъ на него.

²⁾ Вѣроятно, впоследствии вышли и другія. Леонардо Джустиниани въ письмѣ къ Филельфо отъ 28 дек. 1443 г. (Cod. ms. 1292 Лейпцигской университетской бібліотеки, fol. 216) проситъ у своего друга duos de exilio libros, будто онъ только что явился. Письмо тоже напечатано передъ Couvivia Mediol. Филельфо и въ Bern. Iustiniani Oratt. fol. K, 2.

щиками. Они обвиняются въ отравленіи папы Іоанна XXIII, который, какъ извѣстно, послѣ своего низложенія умеръ во Флоренціи. Лоренцо изображается нечистымъ животнымъ ¹⁾; его сравниваютъ съ быкомъ, Эверардо съ волкомъ, а Козьму съ лисицей. Вся книга наполнена ругательствами и пошлостями. Она была издана около августа 1437 г. Поджіо послалъ ее къ Медичи. Онъ полагалъ, что Козьма съумѣетъ найти достойную кару для автора. «Если ты оставишь это дѣло такъ, писалъ онъ ему, то я скажу, что ты не тотъ, за кого тебя принимаютъ» и т. д. Поэтому и не удивительно, что Филельфо все еще боялся яда и кинжала ²⁾.

Литературную борьбу Поджіо взялъ на себя. Онъ являлся и здѣсь рыцаремъ, защитникомъ Флоренціи, а не папскимъ секретаремъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ выступилъ на арену за Никколи, безоружнаго въ литературномъ отношеніи, Филельфо вовлекъ его въ число враговъ, противъ которыхъ изрыгалъ свой ядъ. Но въ лицѣ Поджіо онъ нашелъ человѣка, искуснаго въ писаніи инвективъ, который не оставался у него въ долгу по части самой безпощадной руготни, хотя не могъ сравниться съ нимъ въ изяществѣ сатирическаго стиха. Послѣ первыхъ двухъ инвективъ Поджіо, за которыми слѣдовало множество сатиръ и нападокъ Филельфо въ сочиненіи «Объ изгнаніи», поэтъ Агапито Ченчи устроилъ нѣкотораго рода перемиріе. Поджіо обѣщался молчать, если противникъ его тоже замолчитъ. Но когда онъ услышалъ, что не смотря на это Филельфо снова нападаетъ на него въ своихъ стихахъ, то онъ выпустилъ противъ него третью инвективу, въ которой старался перещеголять злость

¹⁾ *Laurentii latera aspice, palearia, incessum considera! Nonne cum laquitur, mugit? Os vide et linguam e naribus mucum lingentem. Caput cornibus totum insigne est.*

²⁾ Изъ *Liber de exilio* у v. Reumont *Lorenzo de' Medici* Bd. II s. 595, названной *Commentationum Florentinarum libri. III, Fabronius Cosmi vita* vol. I p. 9 vol. II p. 10. 156. 220 сообщаетъ нѣкоторыя извлеченія. О времени я заключаю по письму Филельфо къ Пьеру Перлеоне отъ 13 авг. 1437 г. и *Poggius epist.* VII, 4 отъ 13 дек. (1437 г.) Письмо Поджіо къ Козьмѣ Медичи, сообщаемое Фаброніемъ vol. II p. 116, изъ флорентинскаго архива, въ сожальствію не помѣчено. Графъ Виталиано Борромео, которому Филельфо посвятилъ сочиненіе *de exilio*, является знатнымъ дворяниномъ въ Миланѣ также и въ діалогахъ *Antonio da Po* о заблужденіяхъ Лантанція. *Rosmini Vita di Filelfo* T. I p. 97 упоминаетъ объ одномъ язвительномъ сочиненіи Филельфо, въ которомъ онъ подстрекалъ изгнанныхъ флорентинцевъ къ вооруженному нападенію на городъ, а герцога миланскаго къ помощи. Онъ видѣлъ въ *Ambrosiana* копию отъ 15 нояб. 1437 г., списанную для себя Ринальдо дельи Альбици, но ради *molte orribili oscenità*, онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать изъ нея извлеченіе. Не тождественна ли эта инвектива съ *Liber de exilio*? Главную суть своихъ нападокъ Филельфо повторяетъ тоже въ *Satyr. Dec. V* нес. 8. *Vespraziano Filelfo* § 4 называетъ сочиненіе *de exilio*. *opera assai prolissa*, но, кажется, не выдалъ его.

первыхъ двухъ. Только послѣ четвертой въ 1447 г. онъ склонился на убѣжденіе одного пріятеля оставить борьбу съ Филельфо, но между ними примиренія не послѣдовало ¹⁾).

Мы еще нѣсколько разъ возвратимся къ этой литературѣ инвективъ, и читателю, желающему ознакомиться съ нею, укажемъ на самыя произведенія. Здѣсь мы только желали бы обратить вниманіе на чудовищность обвиненій, которымъ едва ли найдутся подобныя въ другое время. Неразборчивый Поджіо ничего не щадитъ, равно какъ и противники его—Филельфо, а впоследствии Валла. Среди позорной брани и клеветъ мы слышимъ нареканія на отца, на мать, на жену. Нападающій пятнаетъ нравственность врага самыми невѣроятными укоризнами и обвиненіями; приводятся факты и имена, чтобы придать всему этому болѣе вѣроятности. Рассказывается, будто Филельфо родился отъ незаконнаго сожителства одной полуголой женщины со священникомъ. Потомъ его будто бы палками прогнали изъ Падуи, гдѣ онъ былъ ученикомъ Гаспарино, за то, что онъ подольщался къ одному юношѣ съ непозволительною цѣлью. Въ Константинополѣ онъ обезчестилъ дочь Іоанна Хризолора, который гостеприимно пригласилъ его въ свой домъ, и такимъ образомъ принудилъ выдти за себя замужъ, воровалъ у своего тестя книги и другія вещи. Въ Венеци онъ не отдалъ Леонардо Джустиніани занятыхъ денегъ и за это сидѣлъ въ тюрьмѣ во Флоренціи. Въ послѣднемъ городѣ, оставшись одинъ въ библіотекѣ Бруни, онъ присвоилъ себѣ нѣкоторыя драгоценности, принадлежавшія его женѣ. Поджіо рассказываетъ объ одномъ молодомъ Флорентинцѣ, съ которымъ Филельфо будто бы былъ въ самыхъ неприличныхъ отношеніяхъ, и прибавляетъ: «Быть можетъ, я лгу? Сочиняю? Что нибудь прибавляю къ истинѣ? Нѣтъ, молодой человекъ живъ и все это подтверждаетъ. Есть свидѣтели, слышавшіе все это, имена которыхъ можно назвать противъ ихъ воли только къ твоему вѣчному позору!» ²⁾).

¹⁾ Первые три инвективы Поджіо см. въ его Opera p. 164 seq. О четвертой, имѣвшей форму письма къ Пьеро Томассо отъ 19 авг. 1446 г., упоминаетъ Saxius p. 128. См. также Poggius epist. VII, 4. 5. IX, 15. 16.

²⁾ Mater (Philelphi) Arimini dudum in purgandis ventribus et intestinis sorde deluendis questum fecit. Haesit naribus filii sagacis materni exercitii attractata putredo et continui stercoris foetens habitus.—Puerorum atque adolescentum amores nefandissimos sectaris, non mulierum.—Tu discipulorum tuorum maritus candem artem calles, quam ab inenunte aetate exercuisti. Tu inquam adolescentes non ad scholam doctrinae, sed ad libidinum diversorium studiorum ostentatiene attrahere consuevisti, ques non solum tuae libidini effrenatae subdis, sed etiam aliis prostituere solitus es ad ampliorem mercedem salarii consequendam.—Pusionem, quem amabas hac in urbe, inter te et uxorem in eodem lecto saepius collocarti etc.

Само собою понятно, что обѣ стороны приписывали побѣду себѣ. Обѣ, вѣроятно, сознавали также, что ихъ взаимныя поношенія не будутъ имѣть значенія для потомства. Другое дѣло положеніе Медичи. Мы имѣемъ доказательства, что бранное сочиненіе «Объ изгнаніи», казалось имъ чернымъ пятномъ на ихъ репутаціи, такъ что имъ бы желалось уничтожить эту книгу. Только этимъ и можно объяснить, что Козьма Медичи, тотчасъ послѣ своего пріѣзда во Флоренцію, вошелъ въ переговоры съ Филельфо чрезъ посредство генерала Камальдуовъ, не принимавшаго никакого участія въ этой войнѣ, и приглашалъ его воротиться. Если бы у него былъ дурной умыселъ, какъ полагалъ Филельфо, то едва ли онъ обратился бы именно къ посредничеству Траверсари. Но изгнанникъ отвѣчалъ гордо и рѣшительно: «Козьма Медичи пускаетъ въ дѣло противъ меня ядъ и кинжалъ, а я—мой умъ и перо».—«Я не желаю дружбы Козьмы и презираю его вражду»¹⁾.

Но чрезъ два года озлобленіе поэта настолько остыло, что онъ самъ протянулъ руку примиренія Козьмѣ, котораго такъ позорилъ, конечно, сдѣлавъ это надменно и весьма странно²⁾. Онъ потерялъ въ немъ самаго щедрого мецената; изгнаніе его закрыло ему доступъ въ флорентинскую область; а при миланскомъ дворѣ ему жилось не такъ привольно, какъ когда-то во Флоренціи. Но онъ хотѣлъ, какъ грозный врагъ, заставить вдвойнѣ почувствовать цѣну своей дружбы. Филельфо началъ съ посланія къ флорентинскому совѣту и народу: онъ просилъ ихъ снова принять изгнанныхъ оптиматовъ и помириться съ миланскимъ герцогомъ Филиппомъ, который возвратитъ ихъ. Онъ обвинялъ партію Медичи въ томъ, что она эксплуатироваетъ гражданъ и лишаетъ ихъ свободы. 3 іюля 1440 г. онъ побуждалъ Ринальдо дель Альбицци, главу изгнанниковъ, положить конецъ всѣмъ «безбожнымъ измѣнникамъ» партіи Козьмы Медичи, и убить его, самаго злѣйшаго ихъ врага. А черезъ день послѣ, этого онъ предлагалъ ему примиреніе! По его словамъ, онъ доказалъ ему, что не можетъ спокойно выносить оскорбленій и поношеній. Но теперь сердце отошло, и онъ собственно никогда не питалъ къ нему ненависти³⁾. Если Козьма возвратитъ изгнанниковъ и употребитъ свои богатія средства на то, чтобы приглашать въ городъ достойныхъ

¹⁾ Письма Филельфо къ Траверсари отъ 1 окт. и 9 дек. 1437 г. и тоже письма Траверсари epist. XXIV, 44, 45.

²⁾ Поводомъ къ этому, быть можетъ, было рѣшеніе балія отъ 24 мая 1440 г. у Gaye Carteggio I p. 556, для уразумѣнія котораго намъ не достаётъ связи, но въ немъ, по видимому, запрещаютъ называть Филельфо *perjurus* и преслѣдовать его.

³⁾ *Itaque inimici vulgo non absurde existimantur.—At ego si quid irarum conceperam adversus te, satis mihi videor id omne vel evomuisse vel concoxisse. Nam mediustidius te nunquam odi.*

людей, вмѣсто того, чтобы подвергать изгнанію и опалѣ, то ему будетъ удивляться все потомство, и онъ безспорно будетъ первымъ лицомъ въ республикѣ и будетъ названъ отцомъ отечества. По видимому, Козьма не такъ высоко цѣнилъ политическіе таланты своего противника, тѣмъ болѣе, что въ тѣ самыя дни изгнанники понесли послѣднее и самое рѣшительное поражение. Ихъ союзъ съ хвастливымъ и положительно ненадежнымъ рыцаремъ пера только ввелъ ихъ въ бѣду, по болѣе благоразумные, какъ Палла Строцца, никогда не полагались на него ¹⁾).

Долго потомъ вѣтъ рѣчи о примиреніи Филельфо съ Медичи. Наконецъ на папскій престолъ вступилъ Николай V, и Филельфо очень хотѣлось проѣхать черезъ флорентинскую область въ Римъ. Тогда онъ черезъ графу Сфорцу обратился къ Джіованни, сыну Козьмы Медичи, не желая унижаться самъ. Онъ долженъ былъ просить у отца прошенія Филельфо ради его великихъ заслугъ въ будущемъ ²⁾). Потомъ онъ обратился и къ другому сыну Козьмы, своему прежнему ученику Пьеро ³⁾). Но и это было бесполезно. Филельфо удивлялся, слыша, что Марсуппини, къ которому онъ когда то подослалъ греческаго бандита, все еще не можетъ забыть зла ⁴⁾). Наконецъ онъ повелъ переговоры прямо съ Козьмою Медичи чрезъ Никодимо Транведино, и тотъ, дѣйствительно, оказался расположеннымъ къ миру, такъ что поѣздка могла состояться ⁵⁾). Но когда онъ завелъ рѣчь объ отбѣнѣ изгнанія, то Козьма полагалъ, что это дѣло трудное, потому что въ изгнаніи было много знати. Онъ предложилъ устроить такъ, чтобы герцогъ миланскій написалъ письмо къ республикѣ, въ которомъ ходатайствовалъ бы, какъ о любезности, о возвращеніи Филельфо. Но герцогъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Впрочемъ, хотя изгнаніе и оставалось въ силѣ, но на дѣлѣ миръ былъ восстановленъ. Филельфо считалъ, что съ Козьмою онъ помирился; онъ даже надѣялся снова пользоваться его благоволеніемъ. Козьма Медичи требовалъ только одной услуги: уничтоженія книгъ «объ изгнаніи», которыя позорили передъ потомствомъ и его, и его домъ ⁶⁾). Филельфо общалъ по-

¹⁾ Письма Филельфо къ флорентинскому народу отъ 16 іюня, къ Альбицци отъ 3 іюля, къ Козьмѣ Медичи отъ 4 іюля 1440 г., къ Строцци отъ 1 марта 1444 г. Satyr. Dec. VII nec. 7. 8.

²⁾ Посланіе Сфорцы отъ 16 дек. 1447 г. у Фабронія *Cosmi vita* vol. II p. 115. Филельфо предлагаетъ essere sempre vostro servitore per lo advenire divotissimo.

³⁾ Его письмо къ нему отъ 3 нояб. 1448 г.

⁴⁾ Его письмо къ Андреа Аламанно отъ 18 февр. 1451 г.

⁵⁾ Письмо Филельфо къ Транведино отъ 23 января 1452 г.

⁶⁾ Филельфо къ Арчимбольди отъ 22 іюля 1454 г. Письмо его къ Лоренцо Медичи отъ 20 мая 1478 г. и отъ 23 іюля 1478 г. въ которыхъ упоминается о предложеніяхъ

заботиться объ этомъ по мѣрѣ возможности. Можетъ быть, въ это время онъ уничтожилъ часть своего собранія писемъ (*Epistolarium*), въ которомъ изображено было время самой ожесточенной борьбы. До насъ она не дошла. Та мечта Филельфо, что перо его даруетъ и бессмертіе, и вѣчный позоръ, жила не въ одномъ его заносчивомъ воображеніи; этому вѣрили даже люди съ высшимъ образованіемъ.

Съ другой стороны характеристично то, что Филельфо среди своей шумной жизни и дѣятельности постоянно тяготѣлъ къ Флоренціи ¹⁾. Онъ внушилъ своему сыну Джіанмаріа мысль написать «Косміаду», поэму въ двухъ книгахъ, чтобы достигъ полнаго примиренія съ Козьмою Медичи и хвалебными гекзаметрами загладить тѣ оскорбленія, которыя онъ ему нѣкогда причинилъ ²⁾. Даже и тогда, когда Козьма давно не было на свѣтѣ, а онъ былъ уже старикомъ и все еще въ изгнаніи, онъ завелъ оживленную переписку съ Лоренцо Медичи. Послѣдній хотѣлъ возобновить университетъ въ Пизѣ. Филельфо, 75 лѣтъ отъ роду, серьезно хлопоталъ о томъ, чтобы его пригласили туда профессоромъ. По гордости и безхарактерности онъ оставался все такимъ же, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. «Знайте, писалъ онъ Лоренцо Медичи, что въ настоящее время нѣтъ другаго Филельфо, нѣтъ человѣка, который бы былъ больше преданъ вамъ, чѣмъ я». Чтобы изгладить и послѣднюю память о прошломъ, онъ задумалъ новое обширное сочиненіе въ похвалу Медичи. Оно должно было состоять изъ десяти или двѣнадцати книгъ, но, кажется, остановилось на предисловіи, которое авторъ тогда же послалъ Лоренцо ³⁾. Онъ еще успѣлъ достигъ своей послѣдней цѣли. Дѣйствительно, его опять пригласили во Флоренцію преподавать въ университетѣ, когда уже онъ былъ 83 лѣтнимъ старцемъ. Но сейчасъ же по пріѣздѣ онъ заболѣлъ отъ трудностей переѣзда и жары и умеръ 31 іюля 1481 г. ⁴⁾. Прахъ его успокоился на той же самой землѣ, гдѣ успокоились раньше и всѣ его враги: Никколи, Траверсари, Марсуппини, Поджіо и Козьма Медичи.

Если мы оглянемся на тѣ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Филельфо читалъ лекціи въ флорентинскомъ университетѣ, то увидимъ, что его дѣятельность принесла не малые плоды. Еще ни въ

Козьмы, см. у Fabronius Laurentii Medicei vita vol. II p. 102. 383. Филельфо сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы уничтожить сочиненіе de exilio; это доказываетъ и Vespasiano Filelfo § 4: Io donno e ispenselo, secondo ch'egli disse.

¹⁾ Vespasiano Filelfo § 3: cercò con grandissima diligenza di ritornarieta Firenze.

²⁾ Нѣсколько стиховъ у Fabronius Cosmi vita vol. I p. 172.

³⁾ Извлеченіе изъ его корреспонденціи съ Лоренцо Медичи у Fabronius Laurentii vita vol. II p. 22. 102. 381. 382. 383.

⁴⁾ Fontius Annel. ed. Galletti p. 169.

одномъ университетѣ не могли такъ долго оказывать почета профессору краснорѣчія и греческаго языка. Полное знакомство съ обоими языками, обширныя и основательныя свѣдѣнія, а въ особенности живость и энергія преподавателя имѣли мощное вліяніе на молодое поколѣніе. Молодежь легче прощаетъ неблагоприятныя черты характера, чѣмъ люди зрѣлыхъ лѣтъ. Не одинъ молодой человекъ, бывшій ученикомъ Филельфо, вспоминалъ о своемъ наставникѣ съ благодарностью. Упомянемъ здѣсь только объ одномъ флорентинцѣ, которому, правда, было уже 25 лѣтъ, когда Филельфо сталъ читать лекціи во Флоренціи. Онъ вдохнулъ въ него любовь къ наукѣ, и на него возлагались большія надежды. Это Ла по да Кастильонкио, племянникъ того юриста Лапо, о которомъ мы прежде упоминали. Хотя у него было маленькое состояніе, и онъ былъ по натурѣ молчаливъ и меланхоликъ, однако съ необычайнымъ жаромъ предавался изученію литературъ греческой и римской, памятники которыхъ списывалъ большею частію самъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что могъ уже приняться за переводъ сочиненій Лукіана и Плутарха и писалъ изящнымъ латинскимъ языкомъ: Бруни, Манетти, Траверсари, а въ особенности Филельфо съ большою энергіею поощряли его. Въ виду предстоящаго собора, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о воссоединеніи церквей, онъ былъ назначенъ папскимъ секретаремъ, а въ то же время началъ читать лекціи гуманитарныхъ наукъ въ болонскомъ университетѣ. Но чума похитила его во Флоренціи на 33-мъ году жизни ¹⁾.

Послѣ Филельфо гуманитарныя науки преподавалъ Марсуппини и не безъ успѣха. Онъ не оставлялъ кафедры и будучи канцлеромъ. Но послѣ его смерти уже некому было читать лекцій краснорѣчія и реторики. Онъ не пустилъ глубокихъ корней. Если сравнить рвеніе къ наукѣ съ успѣхами, то приходится согласиться съ Поджіо, что для этихъ наукъ вовсе не нужно приглашать особыхъ преподавателей. Лучшіе ихъ представители, Петрарка, Салютато, Бруни, Марсуппини, Траверсари, Никколи, Росси, наконецъ самъ онъ—все достигли этого безъ всякихъ наставниковъ, лишь бесѣдуя съ древними ²⁾. Такого возвращенія вообще и держались до тѣхъ поръ, пока изъ этихъ отраслей не выработалась новая наука—филологія. Конечно, Флоренція была въ то время единственнымъ городомъ, производившимъ достаточное число «поэтовъ и ораторовъ» безъ университетскихъ лекцій. Но греческій

¹⁾ Vespasiano: Lapo da Castiglionchi Bocchius Elog. ed. Galletti p. 15. Его рѣчь при началѣ лекцій въ Болоньѣ у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 358. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 142. Ambros. Travers. epist. XIII, 2.

²⁾ Poggius epist. XIII, 3.

языкъ не могъ еще обойтись безъ наставниковъ-спеціалистовъ, и постоянно старались приглашать на эту кафедру природныхъ грековъ, вполне владѣвшихъ классическою латынью. У нихъ предполагалось въ то же время знакомство съ новою философіею, съ Аристотелемъ и Платономъ, которому удивлялись, хотя мало знали его. Около времени собора мы встрѣчаемъ въ флорентинскомъ университетѣ Георгія Трапезунтскаго. Онъ при большомъ стеченіи слушателей преподавалъ греческую грамматику, латинскую реторику, логику и діалектику, имѣлъ также частныя упражненія съ своими учениками помимо лекцій. Но это длилось не долго; Георгій былъ человѣкъ несноснаго характера. Не слышно даже, чтобы онъ пользовался особымъ уваженіемъ первенствующихъ лицъ въ городѣ ¹⁾. Въ преемники ему кураторы старались пригласить *Θεοδώρα Γασκαго*, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, потому что въ скоромъ времени намѣревался оставить Италію и возвратиться въ Грецію ²⁾.

Дѣятельность *Ιωάννα Αργιροπούλου* начинается именно въ такое время, которое мы должны еще освѣтить, но о ней нельзя не упомянуть здѣсь потому, что блескомъ лучей ея еще озарились послѣдніе годы жизни Козьмы Медичи. Аргиропуло, кажется, пріѣхалъ на Западъ вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя турками. Но и тамъ онъ пользовался громкою славой, какъ риторъ и философъ. Филельфо рекомендовалъ его одному молодому другу, желавшему докончить свое образованіе въ Византіи; къ нему же и для этой же цѣли онъ отдалъ и своего сына Джіанмарію ³⁾. Хорошіе отзывы Филельфо и открыли этому греку путь на Западъ. Онъ преподавалъ сначала въ Падуѣ, гдѣ изгнанникъ Палла Строща заставилъ его объяснять себѣ сочиненія Аристотеля. Потомъ онъ слегка понавѣдался и по ту сторону Альпъ, но, конечно, оказалось, что тамъ не было еще готовой почвы для его учености. Въ 1456 г. его пригласили во Флоренцію съ большимъ жалованьемъ, притомъ сразу на 15 лѣтъ, что прежде случалось очень рѣдко ⁴⁾. Болѣе богатые граждане постарались облегчить жизнь для обѣднѣвшаго грека, давали ему хлѣбъ и вино,

1) *Vespasiano Giorgio Trabisonidi* § 1. Другаго свидѣтельства объ его дѣятельности во Флоренціи я не знаю.

2) Его письмо отъ 5 іюля 1447 г. у *Fabronius Cosmi vita* vol. II p. 68 и p. 229.

3) Письмо Филельфо къ Пьеру Перлевоне отъ 13 апр. 1441 г. и къ самому Аргиропуло отъ того же числа, — послѣднее на греческомъ языкѣ въ вольфенбютельскомъ спискѣ fol. 42. Вотъ адресъ: *ἱερεὶ τε καὶ χρίστῳ τοῦ θεοῦ* (священнику и судьѣ общественныхъ дѣлъ). Объ его духовномъ санѣ упоминается и въ другихъ мѣстахъ.

4) *Fontius Annal.* ed. Galletti p. 154. Письмо Филельфо къ Донато Анчіайоли отъ 31 мая 1456 г. и 15 іюля 1461 г.

что уже дѣлали прежде для Хризолора ¹⁾. Теперь явился'человѣкъ, который не только преподавалъ греческій языкъ по грамматикѣ, но въ то же время считался блестящимъ представителемъ философіи перипатетиковъ. Онъ читалъ лекціи о главныхъ сочиненіяхъ Аристотеля и переводилъ многія изъ нихъ на латинскій языкъ ²⁾. Нѣкоторые переводы свои онъ успѣлъ еще принести въ даръ Козьмѣ Медичи, который постоянно относился къ нему съ сердечнымъ участіемъ и уваженіемъ. Въ праздники грекъ-философъ, окруженный лучшими учениками, отправлялся въ палаты Медичи. Тамъ велись диспуты о безсмертіи души и другихъ философскихъ и богословскихъ предметахъ, въ присутствіи престарѣлаго Козьмы. Онъ страдалъ ревматизмомъ и не выходилъ изъ комнаты. Смерть его была тяжелымъ ударомъ для грека. Онъ говорилъ сыну его Пьеро, что часто повторяетъ: «гдѣ нашъ отецъ? гдѣ нашъ свѣточъ? гдѣ глава и любитель нашихъ наукъ?» ³⁾. И этотъ Пьеро, и Лоренцо, внукъ Козьмы, были учениками Аргиропуло. По предложенію послѣдняго въ 1466 г. ему дано было почетное право флорентинскаго гражданства ⁴⁾. Многіе люди съ литературнымъ именемъ тоже были обязаны ему важнымъ пополненіемъ своего образованія: Константинъ Ласкарисъ еще въ Византіи ⁵⁾, а изъ флорентинцевъ Пьеро и Донато Акчайоли и Аламанно Ринуччини, впоследствии въ Римѣ Аньоло Полиціано и Иоаннъ Рейхлинъ.

Аргиропуло былъ, безъ сомнѣнія, самый талантливый изъ грековъ, переселившихся въ Италію. Такъ всегда и отзывался о немъ Филельфо. Но все-таки онъ былъ истинный византіецъ — капризный, хвастливый, ненадежный, неуживчивый, большой охотникъ поѣсть и выпить. Язвительный и надменный, какъ и большая часть его земляковъ, онъ говорилъ во Флоренціи, чтобы только посердить итальянцевъ, что Цицеронъ былъ круглый невѣжда и въ греческомъ языкѣ, и въ греческой философіи. Только въ одномъ отношеніи охотно признавалъ онъ превосходство Латинянъ: въ вѣрѣ. Опять, какъ и большая часть его соотечественниковъ, въ Италію онъ не только отрекся отъ своей греческой ереси, но даже въ

¹⁾ Vespasiano: Franco Sacchetti § 4.

²⁾ См. нѣсколько его Praefationes, относящихся къ промежутку отъ 1456 до 1461 г. съ точнымъ опредѣленіемъ времени у Lamius Catal. codd. bibl. Riccardi p. 40. 42. и у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 169. О характерѣ его общественной и частной дѣятельности см. Vespasiano: Piero Acciaiuoli § 7 и Donato Acciaiuoli § 4.

³⁾ Посвященіе перевода Аристотелевой физики Пьеро у Bandini l. c. p. 225.

⁴⁾ Fontius l. c. p. 156.

⁵⁾ У Iriarte Reg. bibl. Matrit. codd. vol. I p. 185. 290.

особомъ полемическомъ сочиненіи доказывалъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Пятнадцать лѣтъ, проведенныя во Флоренціи, были блестящею порою его жизни. Впослѣдствіи, живя въ Римѣ, онъ такъ обѣднѣлъ и задолжалъ, что принужденъ былъ продать свои книги ¹⁾).

Такимъ образомъ Флоренція стала обновленною родиною гелленской литературы, и Аньоло Полиціано имѣлъ полное право въ концѣ XV в. обратиться къ флорентинцамъ съ такими словами:

«Въ вашей республикѣ, Флорентинцы, снова ожила и процвѣла греческая образованность, которая давно уже погибла въ самой Греціи,—процвѣла съ такимъ блескомъ, что изъ вашей среды уже являются преподаватели греческаго языка, а дѣти изъ высшей знати,—чего уже тысяча лѣтъ какъ не бывало въ Италіи,—говорятъ такъ чисто и бойко языкомъ Аттіки, что самыя Аѳины пожелали бы не подвергаться разрушенію отъ варваровъ и ихъ владычеству, а лучше добровольно оторваться отъ родной почвы и со всеми плодами своего образованія переселиться во Флоренцію».

Бросимъ лишь бѣглый взглядъ на образовательныя искусства, которыя еще болѣе нуждались въ щедрой поддержкѣ, чѣмъ наука, и, какъ извѣстно, подъ покровомъ Медичи достигли такой высокой степени развитія, что мы удивляемся этому и въ настоящее время. Новая исторія ихъ начинается во Флоренціи, колыбели возрожденной древности.

Посредникомъ между литературою и искусствомъ служить Леонъ-Баттиста делья Альберти. Только во Флоренціи могъ явиться человекъ, сложившійся изъ такихъ разнородныхъ элементовъ. Онъ тоже умственный продуктъ цѣлаго ряда предковъ, которые въ теченіи двухъ вѣковъ дышали благодатною атмосферою Флоренціи. Альберти всегда принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ знатныхъ домовъ и были настоящею купеческою фамиліею. Вѣтви ея встрѣчались повсюду, куда только простиралась флорентинская торговля: во Флоренціи, Генуѣ, Римѣ, Болоньѣ, Парижѣ, Авиньонѣ, Валенсіи, Барселонѣ, Лондонѣ, Брюгге, Кельнѣ, на островѣ Родосѣ и въ греческихъ мѣстечкахъ, въ Сиріи и на берберскомъ берегу. Въ этой многочисленной фамиліи какъ бы по наслѣдству передавалась та мысль, что солидный торговый домъ, пользующійся уваженіемъ, въ которомъ накаплиющіяся богатства даютъ возможность членамъ его поддер-

¹⁾ Vespasiano Cosimo de' Medici § 26. Для этого служить также «ерошимъ источникомъ Iovrius Elogia doctor. viror. 27. Mehus vita Ambros. Travers. p. 220. Hodius de Craecis illustr. p. 187 seq. Fabricius Bibl. graeca ed. Harless vol. XI p. 460. Tiraboschi T. VI p. 511.

живать свое достоинство, приносить и отечественному городу величайшую пользу и честь. Постройка церквей, монастырей, общественных зданій, дворцовъ и виллъ свидѣтельствовала о богатствахъ и процвѣтаніи Альберти. Не менѣ этого гордились они и тѣмъ, что ни изъ одной фамилии не вышло столько людей, отличившихся на поприщѣ политической дѣятельности, а въ особенности на поприщѣ образованности, науки и литературы. Многие изъ нихъ приобрѣли извѣстность въ философіи, математикѣ, богословіи, астрологіи, правовѣдѣніи, нѣкоторые въ гуманитарныхъ наукахъ, другіе въ математикѣ и музыкѣ. Вспомнимъ еще разъ объ Антоніо, собиравшемъ около себя развитой кружокъ на виллѣ «Парадизо», сочинявшемъ концоны и любовные сонеты и написавшемъ «Исторію знаменитыхъ мужей» (*Historia illustrium virorum*). Такимъ образомъ гордость высокою образованностью была наследственной въ этой фамиліи ¹⁾.

Но во время политическихъ смуть въ 1400 г. Альберти были изгнаны и подверглись опалѣ. Въ изгнаніи они жили въ Венеціи, и тамъ около 1404 г. ²⁾ родился Леонъ-Баттиста. Отецъ его Лоренцо, личность недюжинная, строго поддерживалъ старинныя преданія своего дома. Сыновей онъ въ особенности велъ такъ, что никто изъ нихъ не былъ празднымъ ни дома, ни внѣ дома. Старые семейные таланты распредѣлялись между ними. Карло, конечно, тоже не лишенный научнаго образованія, занялся торговыми дѣлами. А Леонъ Баттиста былъ весь погруженъ въ ученія занятія и цѣлый день читалъ и писалъ. Это было его утѣшеніемъ въ тоскѣ изгнанія, этимъ же думалъ онъ отличиться и въ свѣтѣ. По видимому, фамилія эта долго не находила себѣ постоянного пріюта, такъ какъ впоследствии Леонъ Баттиста вспоминалъ, что его величайшею радостью всегда было, развѣзая по странамъ и городамъ, смотрѣть на церкви и другаго рода зданія и оцѣнивать ихъ положеніе ³⁾. Художническое призваніе въ немъ пробудилось такъ же рано, какъ и научное. Но оно развилось совсѣмъ иначе, когда опредѣленіемъ баліи въ октябрѣ

¹⁾ L. B. Alberti Della famiglia (Opere volgari ed. Bonucci T. II) p. 102. 104. 124. 203—205. 301. 302.

²⁾ Конечно, у меня нѣтъ доказательствъ въ пользу этого факта, приводимаго Шпрингеромъ (Bildrer aus der neuen Kunstgeschichte s. 72). Если Poggius epist. VI, 23 отъ 12 окт. (1437 г.) упоминаетъ о комедіи Альберти Filodoxos, какъ о недавно вышедшей, то Альберти родился въ 1417 г., потому что онъ въ комедіи прямо говоритъ, что писалъ ее когда ему было двадцать лѣтъ отъ роду.

³⁾ Delle comodita e delle incomodita delle lettere (Opusc. morali, trad. di Bartoli) p. 141. 145. Изданіе сочиненій Бонуччи я знаю только 2-мъ томъ.

1428 отменено было изгнание фамилии Альберти, такъ что они могли воротиться и по настоянію Козьмы Медичи въ 1434 г. снова получили право занимать государственныя должности.

Во Флоренціи Альберти видѣлъ юношески свѣжій расцвѣтъ гуманизма, а вскорѣ познакомился и съ свѣтлами образовательныхъ искусствъ, Брунеллеско, Донателло, Гиберти и Лукою делла Роббіа ¹⁾. Тутъ выказались въ полномъ свѣтѣ и его многосторонія дарованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ внутренній разладъ и неумѣнье остановиться на чемъ нибудь въ своей дѣятельности. Онъ хотѣлъ приготовить себя и физически и умственно ко всему тому, что достойно человѣка и составляетъ украшеніе жизни. Онъ и самъ старался всегда быть благороднымъ и изящнымъ. Когда онъ упражнялся съ другими въ игрѣ въ мячъ, въ метаніи диска, скорости бѣга, лазаньи на высоты, въ борьбѣ и прыганьи, то никто изъ товарищей не могъ равняться съ нимъ во всемъ этомъ. Онъ дѣлалъ изумительныя вещи. Оружіемъ онъ владѣлъ какъ самый искусный учитель фехтованья, мастерски ѣздилъ верхомъ, такъ что самыя дикія лошади подъ нимъ дрожали отъ страха. Онъ умѣлъ лѣпить изъ глины и воска, рисовалъ, зналъ музыку, — и всему этому научился безъ учителей. Онъ изучалъ произведенія римской и тосканской литературы. На все у него находилось время и средства, но онъ не могъ долго останавливаться. То книга до такой степени завлекала его, что его нельзя было оторвать отъ нея, то занятія науками до того противѣли ему, а жизнь представлялась столь заманчивою, что буквы казались ему какими-то гадкими скорпіонами.

Альберти былъ въ такомъ положеніи, что могъ дать полную свободу измѣнчивымъ влеченіямъ своей природы. Онъ остался холостякомъ, даже принялъ посвященіе. Поэтому ему легко было вести жизнь разнообразную и пріятную, посѣщая разные приходы. Конечно, онъ держался всегда всторонѣ отъ богословія, какъ показываютъ его сочиненія. Подобнымъ же образомъ онъ избѣгалъ всякаго участія въ политической дѣятельности; онъ любилъ повторять то положеніе, что человѣкъ дѣлаетъ честь государству вырабатывая свои способности. Но вообще онъ не чуждался ничего относящагося до человѣка и до жизни по части познанія нравственности, познанія и изящнаго. Поэтому и многочисленныя сочиненія его весьма разнообразны; часто они представляютъ такую смѣсь, что трудно отнести ихъ къ какому нибудь опредѣленному роду. Насколько мы знаемъ, онъ началъ свою литературную дѣятельность еще двадцатилѣтнимъ юношею съ комедіи на ла-

¹⁾ Della pittura (небольшія теоретическія сочиненія, изд. Явичекъ) стр. 47.

тинскомъ языкѣ. На 24 г. онъ преимущественно занимался математикою и физикою. Вънцомъ своего авторства онъ считалъ, вѣроятно, свои сочиненія по теоріи искусства, именно по архитектурѣ, живописи и ваянію ¹⁾. Но кромѣ этого онъ написалъ рядъ разсужденій нравственно-философскаго, антикварнаго и математическаго содержанія. Въ томъ числѣ есть большое сочиненіе «О семьѣ», въ которомъ говорится о воспитаніи, бракѣ и домашнемъ быту, — далѣе рѣчи, элегіи, эклоги, любовныя повѣсти и стихотворенія, веселья и нескромныя застольныя бесѣды (*intercoenales*) и на тосканскомъ нарѣчьи и на латинскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ произведеній пропущены самобытнымъ юморомъ, впрочемъ не совсѣмъ понятнымъ для насъ. Таковы напр. статьи о мухѣ, о собакахъ и когда-то, вѣроятно, много читавшійся «Момусъ» (глупецъ), подъ именемъ котораго будто бы слѣдуетъ разумѣть Бартоломмео Фаціо, историографа короля Альфонса ²⁾. Но эти сочиненія не были особенно распространены и не имѣли сильнаго вліянія на литературу. Латынь Альберти лишена была силы и изящества, а тосканское нарѣчіе онъ усвоилъ себѣ какъ чуждое, проведшій всю свою юность въ другихъ странахъ, съ трудомъ, и давалъ поправлять свои итальянскія произведенія друзьямъ, природнымъ флорентинцамъ ³⁾.

Сочиненія Альберти по теоріи образовательныхъ искусствъ имѣютъ особую цѣну потому, что онъ въ оптикѣ и механикѣ былъ чуждому мышлящимъ, коротко былъ знакомъ съ Витрувіемъ и другими древними писателями, а главнымъ образомъ потому, что онъ самъ былъ художникомъ-практикомъ въ главныхъ отрасляхъ искусства. Если онъ диктовалъ какому нибудь писцу, то рисовалъ его лицо, или что нибудь лѣпилъ изъ воска. Его вообще считаютъ живописцемъ и ваятелемъ, хотя у него рѣдко хватало выдержки на крупныя произведенія. Паоло Джіовіо еще видѣлъ у Руччелли его портретъ, сдѣланный имъ самимъ съ зеркала ⁴⁾. Онъ очень любилъ озадачивать друзей оптическими фокусами; онъ называлъ это «представленіями», когда напр. при помощи искусственныхъ

¹⁾ Не знаю, извѣстно ли его сочиненіе о техникѣ отливки изъ мѣди (*tractatus artis aerariae*), о которомъ упоминаетъ Aliottus *epist.* V, 8, 10 въ связи съ другою итальянскою книгою *de arte fusoria*.

²⁾ По одной замѣткѣ въ кодексѣ библиотеки Marciana у Валентинелли *Bibl. ms. S. Marci Venet.* T. III, p. 48. Здѣсь это сочиненіе озаглавлено такъ: *Momus sive de principe libri IV*, въ переводѣ Бартоли *Del principe* въ 5 кн. Тамъ же и извѣстія, что Момусъ написанъ въ Римѣ въ 1461 г.

³⁾ Cf. *Leonardi Dathi epist.* 13 *rec.* Mehus.

⁴⁾ Angelus Politianus въ Лоренцо Медичи въ *ero Epistt.* Antverp 1567, p. 302: *optimus et statuarius est habitus. Jorvius Elogia doct. viror.* 33.

стеколъ увеличивалъ небольшіе ландшафты, показывалъ ихъ въ перспективѣ и съ изумительною вѣрностью красокъ, также, конечно, и въ камеръ-обскурѣ. Какъ архитекторъ, онъ построилъ дворецъ Рукчелли во Флоренціи, перестроилъ церковь С. Франческо въ Римини и устраивалъ ниши, въ которыхъ, какъ въ Пантеонѣ, должны были покоиться останки знаменитыхъ гражданъ. Онъ былъ также совѣтникомъ великаго водчаго своего времени, папы Николая V.

Входить подробнѣе въ эстетическую теорію Альберти не наше дѣло. Обыкновенно, говоря о его оцѣнкѣ въ этомъ отношеніи, указываютъ на Леонардо да Винчи, предшественникомъ и учителемъ котораго является Альберти. Но если разсмотрѣть элементы его артистическаго образованія, то они приведутъ насъ къ Петраркѣ, который ищетъ наслажденій природою въ ея идиллической прелести. Но онъ не ставитъ ихъ въ связь съ своимъ личнымъ я. Альберти не лирикъ и воспринимаетъ красоты природы зрѣніемъ, ищетъ ихъ въ гармоніи частей, во взаимодѣйствіи формы и цвѣта, какъ художникъ-пластикъ. Онъ имѣлъ живое чутье ко всему, что отличалось изяществомъ формъ и великолѣпіемъ, будутъ ли это красивые цвѣты, или видъ природы, красивое животное, или человѣкъ. Съ такой же точки зрѣнія онъ смотритъ и на художественное произведеніе, именно, какъ оно вышло изъ подъ руки человѣка, какъ на созданіе его духа. Однако онъ хочетъ не только чувствовать прекрасное, но и понимать его. Поэтому онъ беретъ за точку отправленія число, мѣру и пропорцію, ищетъ опоры для своихъ основныхъ понятій въ геометріи, оптикѣ и механикѣ. Онъ требуетъ изученія ихъ отъ художника, постоянно снова указываетъ ему на наблюденіе природы и на подражаніе тѣмъ формамъ, которыя она творитъ.

Это стремленіе къ наблюденію, это наслажденіе окружающимъ міромъ, кромѣ того разумныя преданія фамиліи Альберти значительно уравниваютъ вліяніе на Леона Баттисту «античныхъ повѣствованій», которыя поработили бы другой умъ. Въ нихъ для него нѣтъ безусловныхъ образцовъ; они лишь дополняютъ его личный жизненный опытъ—опытомъ мудрыхъ грековъ и римлянъ. Любовь къ изящному языку въ немъ тоже воспитана древними поэтами и писателями, Цицерономъ, Саллюстіемъ и Ливіемъ¹⁾, но онъ не считаетъ и тосканскаго нарѣчія непригодною формою для возвышенныхъ произведеній. Онъ издалъ нѣкоторыя свои сочиненія на обоихъ языкахъ. По вопросамъ житейской философіи и морали Альберти не рѣдко

1) Della famiglia p. 106: quella perfectissima e splendidissima aere di eloquenzia, con molta gentilezza della lingua latina. O тосканскомъ нарѣчіи p. 221.

становится въ реалистическое противорѣчiе съ модными стоическими воззрѣнiями гуманистовъ. Его забавляетъ, когда «мудрецы» отлично рассуждаютъ о дружбѣ. Онъ готовъ открыто принять сторону полезной дружбы, которой и гуманисты отдають предпочтенiе въ жизни. Онъ далекъ отъ того, чтобы съ философской точки зрѣнiя прославлять бѣдность, какъ сестру добродѣтели; онъ думаетъ, что если бѣдность и не исклѣчаетъ прямо добродѣтель, все таки помрачаетъ ее и подавляетъ ¹⁾. Въ сущности его житейская философiя, насколько онъ ее развиваетъ, гораздо богаче практической мудростiю, чѣмъ философiя любаго изъ его современниковъ, который сыплетъ цитатами изъ Цицерона и Сенеки. И ему не чужда нѣкоторая возвышенность и одушевленiе, когда онъ говоритъ объ идеалѣ достойнаго гражданина или художника. Отъ послѣдняго онъ также требуетъ короткаго знакомства съ поэтами и ораторами, чтобъ ихъ идеями питать свой даръ изобрѣтательности, почерпать у нихъ нравственную стойкость, чувство приличiя и достоинства. Цѣлью художника должна быть слава, безсмертiе въ потомствѣ, а не выгода. Изъ сочиненiй древнихъ писателей онъ приводитъ имена властителей и отличныхъ гражданъ, которые стремились къ подобной славѣ. Это была мысль новая и высокая—поставить художника, съ помощью образованiя и развитiя личности, выше простаго ремесленника и облагородить его. Но Альберти олицетворялъ идеалъ его собою ²⁾.

Уже самобытность талантовъ Альберти и его стремленiй объясняютъ намъ, почему мы не встрѣчаемъ его въ средѣ гуманистовъ, почему въ письмахъ ихъ его имя встрѣчается рѣдко, а еще рѣже у нихъ идетъ рѣчь объ его сочиненiяхъ. Во Флоренци онъ жилъ жизнью челоуѣка, который бываетъ тяжелъ для общезитiя по своимъ артистическимъ причудамъ. То онъ одинъ, безмолвный и мрачный, блуждалъ по улицамъ, а потомъ вдругъ дѣлался привѣтливымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ ³⁾. То онъ былъ раздражителенъ и обидчивъ, то успокоивался, а если ругали его картины, то онъ смѣялся, говоря, что никто лучше его не нанишетъ. Онъ былъ въ

¹⁾ Ibid. p. 377. 382.

²⁾ Della pittura изд. Яничекъ, в. 95. 143. 145.

³⁾ Онъ самъ вспоминаетъ въ трактатѣ Della republica (ed. Bartoli) p. 258 о томъ обвиненiи ch'io era taciturno e pervicace, e per quanto diceano fantastico e bizzarro. Antonio Panormita Hermaphroditus ed. Forberg p. 64, характеристически выражается о немъ:

Comis es et totus pulcer totusque facetus,
Litteribus (!) totus deditus ingenuis etc.

Можетъ быть, такiе грамматическiя шутки вырвались у Альберти?

приятныхъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ Бруни и Педжіо, а въ особенности съ городскимъ нотаріусомъ Леонардо Дати и съ Медичи; за то, повидимому, къ Марсуппини относился съ недовѣріемъ ¹⁾. Онъ былъ, вѣроятно, въ болѣе короткихъ отношеніяхъ съ художниками. Жизнь и дѣятельность его совершались не въ гуманистическомъ кружкѣ, и онъ стоитъ одиноко въ обоихъ отношеніяхъ ²⁾.

Прогрѣтаніе флорентинскаго искусства предшествовало возрожденію наукъ. Какъ скоро у народа, способнаго къ просвѣщенію, возрастаютъ благосостояніе и богатства, то искусство является весьма скоро. Да его и не приходилось пробуждать къ новой жизни. Постройки въ городѣ, сооруженіе церквей, монастырей, дворцовъ и виллъ сами собою представляли задачи для него. Поэтому нельзя сказать, что великіе зодчіе, ваятели и живописцы, какихъ только можно указать во Флоренціи въ XV вѣкѣ, были всѣмъ обязаны новому образованію проистекшему изъ изученія древности. Но они скоро и легко вступаютъ въ союзъ съ нимъ, тѣмъ легче, что и гуманисты были по большей части скорѣе художниками рѣчи, нежели людьми научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ между поклонниками древности и художниками образуются личныя связи, другими словами они подаютъ другъ другу руку въ своей дѣятельности. Гуманисты научились у древнихъ приписывать поэту болѣе высокое вдохновеніе, чѣмъ ремесленнику. Такъ и художникъ, съ тѣхъ поръ какъ его начали сравнивать съ Правителемъ или Зевксисомъ, по общественному положенію сталъ гораздо выше ремесленника. Онъ могъ считать себя равнымъ ученому тамъ, гдѣ вообще умъ и талантъ пользовались уваженіемъ. Искусство это—родная сестра науки, давно уже завоевавшей себѣ великую роль.

Та самая флорентинская знать, которая образовывалась на чтеніи античныхъ поэтовъ, на твореніяхъ Данта и Петрарки, понимала и высокое изящество античной скульптуры. Раньше всякихъ другихъ образовательныхъ украшеній въ домахъ, насколько мы знаемъ, въ одномъ флорентинскомъ palazzo является соблазнитель-

¹⁾ Leon. Bruni. epist. IX, 10 ed. Mehus. Болѣе раннее письмо о немъ Поджіо см. у Bordini Catal. codd. lat. T. III, p. 498. Facius de vir. illustr. p. 18.

²⁾ Часть его мелкихъ сочиненій вышла впервые s. l. eta. (Florentiae 1499), потомъ въ поминутыхъ изданіяхъ Бартоли и Бонуччи. Небольшія сочиненія по теоріи искусства издали съ переводомъ Яниччеи (Wien 1877). Сочиненіе h'architettura я знаю только въ переводѣ Бартолы (Venezia 1565) Бойлая, но запутанная vita Leon. Bart. Alberti у Muratori Scriptt. T. XXV p. 295 и у Fil. Villani ed. Galletti p. 139. Pozzetti Leo Bart. Alberti laudatus, Florentiae 1789 маѣ неизвѣстна. Хорошую біографію и разборъ эстетическихъ и философскихъ сочиненій Альберти написалъ Springer Bilder aus der neueren Kunstgeschichte, Bonn 1867, s. 69 ff.

• ная Афродита. По самому законченному типу ея обыкновенно ее называютъ медицейскою; быть можетъ, она и была у Медичи ¹⁾. Когда нужно было роскошно украсить залу во дворцѣ республики, то Салютато просили написать эпиграммы ²⁾ на великихъ мужей, изображеніями которыхъ, безъ сомнѣнія, были украшены стѣны, именно на Брута, Камилла, Сципіона, Александра, Аннибала, Цицерона, Клавдіана, котораго, какъ извѣстно, считали Флорентинцемъ, также на Данта, Петрарку, Заноби да Страда и Боккачю ³⁾.

Флорентинскіе художники, Брунеллеско, Гиберти, Донателло и Лука делла Роббіа, были въ близкихъ сношеніяхъ съ богатыми флорентинскими фамиліями. Это само собою вытекало изъ той роли, какую играло искусство въ республикѣ. Но эти же самые люди группировались и около Никколи, который, конечно, не давалъ имъ никакихъ выгодъ ⁴⁾. Представимъ себѣ однако то впечатлѣніе, какое произвела Флоренція въ первый разъ на Чириако, всюду искавшаго остатковъ и слѣдовъ античной культуры. Для него великолѣпныя ворота, церкви, дворцы, мосты, произведенія Брунеллеско и Гиберти сливаются въ одну картину съ великими ея гражданами, Медичи, Удзано и Строцца, и съ учеными, каковы: Никколи, Бруни и Марсуппини. Онъ видѣлъ собраніе вазъ у Козьмы Медичи, небольшія собранія древностей у Никколи и Марсуппини, а въ мастерскихъ Донателло и Гиберти антики рядомъ съ ихъ собственными работами изъ мрамора и мѣди ⁵⁾. Замѣчательно, что Брунеллеско изучалъ Данта и Витрувія, искалъ назиданій въ Пантеонѣ и римскихъ термахъ. Тамъ, конечно, нельзя было научиться сводить куполъ собора. Эпитафію ему написалъ канцлеръ Марсуппини ⁶⁾. Съ Донато совѣтовались его флорентинскіе друзья насчетъ античныхъ статуй. Онъ внушилъ своему покровителю Козьмѣ Медичи мысль отыскивать произведенія древнихъ художниковъ и покупать ихъ, чтобы они совсѣмъ не погибли. Жаль,

¹⁾ О ней упоминаетъ Benvenuto Rambaldi da Imola comment. s. Divina Commedia di Dante trad. Tamburini vol. II p. 207: Io poi vidi in Fiorenza ed in cara privata una statua maravigliosamente bella di Venere ornata come in antico: nudateneva in sinistra mano piegata, coprendo le parti del pudore, e coll' altra più alzata copriva il seno. Dicevasi pur questa statua opera di Policlet, iocchè non creda, etc. Пусть знатоки искусства рѣшатъ, встрѣчается ли гдѣ раньше статуя въ исторіи возрожденія.

²⁾ Здѣсь этотъ терминъ понимается въ античномъ смыслѣ. У Гревовъ эпиграмма имѣла хвалебный характеръ.
Прим. Пер.

³⁾ Epigrammata virotum illustrium posita in aula minori Palatii Florentini y Mehus Vita Ambros. Travers. p. 314.

⁴⁾ Veaspasiano Niccoli § 7.

⁵⁾ Scalamentius p. 91, 92: Et apud Donatellum Nenciumque Statuarios nobilet pleraque vestusta novaque ab eis accita ex aere marmarove Simulacra.

⁶⁾ У Gaye Carteggio I p. 145.

что у насъ нѣтъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ исторіи самаго обширнаго и драгоценнѣйшаго собранія! Но мы слышимъ, что такой скромный собиратель, какъ Поджіо, жалуется на конкуренцію съ фамиліею Медичи. Мы знаемъ, что въ 1451 г. они приобрѣли изъ коллегіи, оставшейся послѣ Пизанелло, около 30 серебряныхъ медалей, что въ Римѣ для нихъ собирали античныя монеты. Мраморы получались изъ Леванта, гдѣ къ услугамъ Медичи ¹⁾ готовы были сотни человѣкъ.

Извѣстно, какое удивленіе вызывали во всѣ времена третья врата баптистеріи Санъ Джіованни. Микель-Анджело объявилъ, что онѣ достойны стоять рядомъ съ вратами рая. Когда въ 1421 г. работа была поручена Гиберти, и никакъ не могли согласиться насчетъ сюжета, который слѣдовало изобразить, то обратились за совѣтомъ къ Бруни. Онъ выбралъ для творческой фантазіи скульптора десять исторій изъ Ветхаго Заветъа и 8 пророковъ. ²⁾ Бруни же сочинилъ и эпитафію къ раку съ мощами св. Зиновія, когда отливка ея въ 1439 г. была заказана Гиберти ³⁾. Такъ образовательныя и словесныя искусства помогали другъ другу.

Въ городѣ гуманистовъ и художниковъ незамѣтно жилъ человѣкъ, который впослѣдствіи за свою мирную христіанскую жизнь былъ причтенъ къ числу святыхъ. Это достопочтенный архіепископъ Антонино. Пока знать проводила время въ пирахъ и слушала торжественныя рѣчи, въ его домѣ употреблялась только стеклянная и глиняная посуда, и онъ проповѣдывалъ бѣднымъ. Въ то время какъ язычество усиливалось своими геніальными приманками искоренить самыя основы вѣры, онъ думалъ только о спасеніи душъ. Мы видѣли, что гордость, зависть и злоба господствовали въ литературныхъ кружкахъ. Антонино явился примирителемъ враждующихъ политическихъ партій. Говорятъ, будто Козьма Медичи сказалъ, что республика должна бы была погибнуть отъ войны, чумы и голода, но главнымъ образомъ отъ постоянныхъ заговоровъ гражданъ, если бы архіепископъ не спасалъ ее своими молитвами. Про него думали, что у него нѣтъ другихъ страстей и влеченій, кромѣ влеченія проповѣдывать и принимать покаяніе. Онъ былъ отцомъ бѣдныхъ и покинутыхъ. Онъ основалъ для нихъ школы и благочестивыя общества между гражданами. Ему обьязано своимъ происхожденіемъ «Попеченіе о бѣдныхъ», которыхъ народъ называлъ *buonopini* св. Мартина. Съ осо-

¹⁾ Посланіе Карло де'Медичи, побочнаго сына Козьмы, въ Джіовани отъ 31 октября (1451 г.) и 13 марта 1455 у Gaye I. c. p. 163.

²⁾ См. v. Rumohr *Italienische Forschungen*. Th. II. Berlin 1827 S. 324. Ambros. Travers. epist. VIII, 9. О годѣ также Buoninsegni *Storia della citt. di Firenze* p. 17.

³⁾ См. Rumohr s. 353.

бенною любовью заботился онъ о приютѣ незаконныхъ дѣтей (inno-centi) ¹⁾. Прекраснымъ памятникомъ его попеченія о спасеніи душъ остались его письма къ доннѣ Дада (Diodata) делья Адимари. Въ нихъ онъ утѣшаетъ ее во вдовьемъ горѣ, или по случаю смерти сына, врачуетъ ея душу словами Св. Писанія, изрѣдка и изреченіями Отцовъ церкви. Его рѣчь чужда напускной святости и всякаго рода по-лемии. Епископъ былъ ученый богословъ и оставилъ сочиненія довольно объемистыя, отличающіяся необычайною энциклопедиче-скою ученостью. Все, что онъ писалъ, было такъ просто и лишено прикрасъ, какъ и самая жизнь его. Изящные стилисты не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ не совсѣмъ незнакомъ и съ классическою литературою. Его не отталкиваетъ ея языческій духъ: при случаѣ онъ въ письмахъ своихъ приводитъ идущій къ дѣлу стихъ изъ Превращеній Овидія. Но эти сочиненія для него не слу-жать источникомъ жизни. Онъ кротно смотритъ, съ высокой твер-дыни вѣры, на язычниковъ, съ которыми еще не разстался. Онъ не хочетъ опровергать ученія эпикурейцевъ, полагавшихъ высшее благо въ наслажденіи. Его опровергли уже сами языческіе фило-софы. И они, говоритъ онъ въ другомъ случаѣ, учили нравствен-ности, писали о добродѣтеляхъ и порокахъ, но не могли вѣрно судить о тѣхъ добродѣтеляхъ, въ силу которыхъ въ насъ обитаетъ Іисусъ Христосъ и мы надѣемся съ Нимъ обитать ²⁾. Никто изъ гуманистовъ не отзывался о благочестивомъ епископѣ иначе какъ съ уваженіемъ. Когда онъ умеръ 2-го мая 1459 г., то все, что осталось послѣ него, было небольшое количество домашней утвари и мулъ, на которомъ онъ обыкновенно ѣздилъ. Старый Поджіо въ одномъ письмѣ почтилъ память его нѣсколькими прекрасными сло-вами, а папа Пій II, бывший въ то самое время во Флоренціи, за-несъ въ свои комментаріи краткую замѣтку о достойномъ прелатѣ ³⁾. Но въ ней въ нѣсколькихъ словахъ сказано больше, чѣмъ въ тѣхъ длинныхъ похвальныхъ рѣчахъ, которыя потомъ писали въ честь его сподвижники по ордену, доминиканцы. Медичи постоянно чтили его память. Бѣднаго, простаго человѣка, отдававшего все бѣднымъ, похоронили на общественный счетъ. Не Никколи былъ отшельни-комъ въ своемъ книгохранилищѣ, не гордый язычникъ Марсуппини, а скорѣе св. Антоній. Университетъ, архіепископъ, вообще церковь стояли уже дальше отъ общественной жизни, чѣмъ изслѣдователи древности, которые однако въ другія времена пользовались дурною

¹⁾ Buoninsegni Storie p. 124. Marchese Scritti vari p. 56. 61. 67.

²⁾ Lettere di S. Antonino Firenze 1859 p. 63, 72.

³⁾ Poggii epist. duae ed. Wilmanns p. 8. Pii II Comment. p. 50. Лучшая изъ биографій— это Francisci Castilionensis, который 8 лѣтъ былъ близкимъ человѣкомъ и секретаремъ

славою, будто они ночью бродят между живыми и живут между своими великими покойниками.

Гуманисты были какъ бы дома всюду, гдѣ только имъ было хорошо. Въ этомъ случаѣ составляли исключеніе только двѣ великія республики, Венеція съ корпоративнымъ духомъ своихъ патриціевъ и Флоренція, гдѣ кумиромъ было прославленіе государства въ прошедшемъ и будущемъ.

Тщеславные поклонники Цицерона вообще относились съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ Данту, Петраркѣ и Боккачіо. Уже Петрарка почти не скрывалъ, что онъ готовъ поставить себя выше Данта; его народное нарѣчіе въ обширной поэмѣ, по его мнѣнію, было непростительною ошибкою, а латынь его варварская. Салютато, епископъ Джіовани да Скравалле на Констанцскомъ соборѣ и нѣкто Matteo Ронто думали поправить эту ошибку, переведя Божественную комедію латинскими гекзаметрами. Потомъ астрономъ Чекко да Асколи сталъ нападать на Данта за то, что послѣдній допустилъ нѣкоторые промахи противъ философіи природы. Мы то и дѣло встречаемъ сужденія, удивительно мелочныя и даже почти нескрываемое пренебреженіе къ великому поэту. Нѣкто Matteo Виллани, самъ не чуждый классическаго образованія, какъ показываютъ его сочиненія, ставитъ Петрарку наравнѣ съ Заноби да Страда, впрочемъ допуская, что слава перваго была громче и идеи его возвышеннѣе. Но сочиненія ихъ, по его словамъ, при ихъ жизни были извѣстны лишь немногимъ, и если они были пріятны (*dilettevoli*) для чтенія, то казались ничтожными для мудрецовъ, разсматривавшихъ ихъ съ высоты богословія ¹⁾. Въ половинѣ XV в. латинскія сочиненія Данта едва находятъ себѣ читателей, а на Петрарку смотрятъ свысока. Говорятъ, что онъ былъ человѣкъ, конечно, не лишенный дарованій и оказалъ ту заслугу, что вызвалъ къ жизни античную поэзію, но его можно извинить невѣжествомъ его вѣка, недостаткамъ книгъ и т. д. Другой цѣнитель говоритъ, что онъ только того и достигъ, что со времени его людямъ стремящимся къ наукѣ надоѣла устарѣлая рѣчь. Стихи его находили посредственными, прозу тяжелою и даже въ высшей степени неправильною. О Боккачіо почти и не говорятъ, а о Салютато папа Піі II былъ того мнѣнія, что его проза и стихи, пожалуй, хороши были для своего времени, а теперь они грубы 2),

архиепископа, въ Acta SS. Maji T. I. Объ изданіяхъ и рукописяхъ сочиненій Антонина ср. Mazzuchelli Scritt. d'Italia vol. I p. II p. 868.

¹⁾ Istorie (у Muratori Scriptt. T. IV) V, 26.

²⁾ Blondus Italia illustr. p. 346. Письмо Энея Сильвія къ герцогу австрійскому Сигизмунду отъ 5-го декабря 1443. Pii II, Comment. p. 50.

Нисколько не странно, что и критика впервые возсталла противъ господства во Флоренціи этихъ триумвировъ именно на родинѣ ихъ. Критика, вызванная ими къ жизни, пустила самыя глубокіе корни именно во Флоренціи. Здѣсь люди новаго образованія всего скорѣе почувствовали въ себѣ силы судить о нихъ. Петрарка никогда не испытывалъ дружественнаго чувства къ родному городу, изгнавшему его отца. Вспомнимъ, что еще при его жизни именно тамъ отнеслись съ пренебреженіемъ къ тѣмъ стихамъ изъ Африки, которые стали извѣстны. Быть можетъ въ разговорахъ, въ близкихъ кружкахъ осуждались многія изъ его литературныхъ и философскихъ воззрѣній. Однако произошло сильное волненіе, когда достало смѣлости въ первый разъ выступить съ этими взглядами передъ публикою, когда сдѣланы были разомъ нападенія на три свѣтила поэзій, которыми всѣ гордились, и нападенія эти шли изъ лучшаго ученаго кружка во-Флоренціи.

Лионардо Бруни издалъ въ 1401 г. изящное сочиненіе въ разговорной формѣ, въ которомъ онъ изложилъ бесѣды между Салютато, Никколи, Роберто Россси и имъ самимъ. Авторъ вводитъ насъ въ кружокъ людей, недавно группировавшихся около Хризолора. Въ посвященіи книги Пьеру Паоло Верджеріо, послѣднему ученику его во Флоренціи, тоже оставившему городъ, прямо говорится, что авторъ хотѣлъ выдержать характеры участвующихъ лицъ ¹⁾. Поэтому старый канцлеръ республики является поучающимъ патриархомъ, который все еще съ полнѣйшимъ уваженіемъ относится къ яркимъ свѣтиламъ своей юности, а Никколи — безусловнымъ панегиристомъ новаго Цицероновскаго образованія, заступникомъ юнаго поколѣнія, смѣлымъ критикомъ съ рѣчью колкою, незнающею пощады ²⁾. Первый говоритъ, что Дантъ, Петрарка и Боккаччо лучшіе поэты поваго времени, славу которыхъ не даромъ превозносятъ до небесъ. Онъ смѣло ставитъ ихъ наравнѣ съ древними, даже Данта готовъ былъ бы предпочесть грекамъ, если-бы онъ не написалъ своей великой поэмы на народномъ нарѣчій. Это вызываетъ у Никколи самыя сильныя возраженія. Для него поглоченіе массы не имѣетъ цѣны. Данта онъ упрекаетъ въ промахахъ: младшій Батонъ у него является сѣдовласымъ старцемъ, а Брута, убійцу Цезаря, онъ присуждаетъ къ страшному наказанію. Дантъ не читалъ сочиненій древнихъ писателей, а лишь разныя пустяки, написанныя монахами ³⁾. Недавно онъ видѣлъ нѣкоторыя собствен-

1) Ut morem utriusque diligentissime Lervaremus.

2) Et in dicendo est promptus et in lasessendo acerrimus.

3) Guodlibeta fratrum.

поручныя письма Данта ¹⁾; всякому слѣдовало бы стыдиться писать такъ глупо. Онъ долженъ вычеркнуть Данта изъ списка людей научно образованныхъ и оставить его въ обществѣ шерстопрядовъ, хлѣбопекровъ и т. п. ²⁾. А Петрарка... что случилось съ его знаменитой Африкой, отъ которой онъ (Салютато) ожидалъ столь многого и о которой такъ часто говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ? не оказалась ли она *ridiculus mus*? ³⁾. Эта поэма скорѣе вредитъ славѣ Петрарки чѣмъ возвеличиваетъ ее. Въ его буколикахъ нѣтъ и слѣда пастушеской жизни, а въ инвективахъ нѣтъ риторическаго искусства. Его сочиненіе *de viris illustribus* какая то постная стражня. О Боккачіо нечего и говорить; надъ нимъ уже приговоръ произнесенъ. Онъ прославился своимъ краснорѣчіемъ на народномъ языкѣ, а не латынью: онъ едвали даже зналъ грамматику послѣдняго языка.

Бесѣда продолжается на другой день въ саду Росси. Второй разговоръ имѣетъ цѣлью защиту флорентинскихъ триумвировъ и восстановление ихъ славы. Эту задачу принимаетъ на себя самъ Никколи; онъ сознается, что своими нападками хотѣлъ только вызвать со стороны Салютато похвалу любимымъ его поэтамъ. Онъ можетъ привести вѣскіе доводы въ доказательство своей любви къ нимъ. Онъ выучилъ поэму Данта наизусть, ѣздилъ въ Падую, чтобы списать сочиненіе Петрарки съ его собственной рукописи, привезъ во Флоренцію Афригу, на собственный счетъ позаботился о сохраненіи библиотеки, оставленной Боккачіо. Но, насколько мы знаемъ,—этотъ второй разговоръ не напечатанъ ⁴⁾),—приведенные выше упреки не

¹⁾ Безъ сомнѣнія, намекъ на тѣ самыя письма, о которыхъ Бруни упоминаетъ въ *vita di Dante* p. 48. 49. ed. Galletti.

²⁾ *Atque eum lanariis* (въ рукописи Laurent. zonariis), *pistoribus et eiusmodi turbae relinquam*. Очевидно, это подражаніе извѣстному выраженію Петрарки (см. выше стр. 112), и его *lanistae* тутъ находятъ себѣ объясненіе.

³⁾ Смѣшною мышью: намекъ на басню Федра, гдѣ горы мучились родами и родили смѣшную мышь.

Прим. пер.

⁴⁾ Это сочиненіе было вообще мало извѣстно, потому что оттиски его рѣдки. Первый посылъ заглавію: *Leonardi Aretini hibellus de disputationum exercitationisque studiorum usu, adeoque necessitate in literarum genere quolibet. Apud Henricum Potrum anno MDXXXVI*. На послѣднемъ листѣ напечатано: *Basileae excudebat Henricus Petrus mense Martio anno M. D. XXX*. Университетская бібліотека въ Базелѣ дала мнѣ возможность ознакомиться съ этимъ оттискомъ. Онъ былъ повторенъ подъ тѣмъ же заглавіемъ *ob raritatem et praestantiam denuo editus cum annotationibus Jac. Wihl. Feuerlini. Norimbergae 1734*. Но и этотъ оттискъ, повидному, рѣдокъ. Въ этомъ изданіи есть только первый разговоръ, вѣроятно, какъ и въ упомянутомъ у *Mazzuchelli Scritt. vol. II. P. IV, p. 224* (Basileae 1538, если оно существуетъ) и *Parisiis 1642*, котораго я не видалъ. Въ рукописяхъ часто встрѣчаются другія заглавія, именно упомянутое у *Mazzuchelli: Dialogus ad Petrum Paulum Iustinopolitanum (Верджеріо) de modernis quibusdam scriptoribus in comparatione ad antiquos*. Изъ которыхъ извлеченія изъ

берутся назадъ и не опровергаются. Похвала триумвирамъ уже вращается на иной почвѣ, чѣмъ нападеніе на нихъ, и, по видимому, лишена глубокихъ мотивовъ. Второй діалогъ не отличался заманчивостью перваго; на него не обратили вниманіе, его не списывали. Нельзя сказать, чтобы все это сочиненіе было пустою игрою въ положенія и отрицанія. Никколи вообще упрекали за его рѣзкіе отзывы о Дантѣ и Петраркѣ, упрекалъ даже самъ Бруни, когда писалъ инвективы противъ него во время размолвки ¹⁾. Но и самъ Бруни въ сущности думалъ такъ же. И онъ порицаетъ Данта за тѣ вымыслы, которые онъ сочинилъ въ отношеніи Мантуи о Терезіи и Манто: весьма странно, что поэтъ не справился объ этомъ ни у Ливія, ни у Плинія ²⁾. Латынь его въ прозѣ и стихахъ едва лишь достигаетъ посредственности ³⁾. За Петраркою Бруни признаетъ ту заслугу, что онъ снова ввелъ античную легкость слога и указалъ путь своимъ послѣдователямъ, но ему самому еще далеко до совершенства ⁴⁾. Онъ охотно признаетъ за Боккачіо любовь къ наукамъ и трудолюбіе, беретъ въ расчетъ и то, что бѣдность помѣшала его развитію, но латинскимъ языкомъ, по его мнѣнію, онъ никогда вполне не владѣлъ, и дарованія къ реторикѣ и краснорѣчію видны только изъ сочиненій, написанныхъ на народномъ языкѣ ⁵⁾. Если латинская рѣчь Цицерона была идеаломъ, то, конечно, новая школа имѣла право смотрѣть нѣсколько свысока на латинскія сочиненія этихъ патріарховъ.

Не смотря на это Дантъ, Петрарка и Боккачіо были тосканцы, даже флорентинцы, поэтому у нихъ всегда находились защитники, и память ихъ во Флоренціи свято чтится уже изъ патріотизма. Противъ суровыхъ отзывовъ Никколи и Бруни тотчасъ же выступилъ флорентинскій гражданинъ Чино Ринуччини, тотъ самый, который защищалъ свою Флоренцію и противъ памфлета Лоски. Это былъ поэтъ, сочинявшій сонеты, канцоны и баллады ⁶⁾. Онъ былъ отецъ Аламанно, знатока греческаго языка. Онъ смѣялся надъ суетными грамматиками и педантами, которые въ диспутахъ громко

втораго діалога сдѣлалъ Веселовскій въ *Paradiso degli Alberti* Vol. I P. II по рукописи Laurent. Новое и полное изданіе удивительнаго сочиненія было бы весьма желательно.

¹⁾ In nebulonem maledicium. Филельфо называетъ въ *Satyr. Dec.* I нес. 5 лицъ гонимыхъ Никколи: *Additur huic divus Dantes suavisque Petrarca.*

²⁾ *Epist. X, 25 ed. Mehus.*

³⁾ *Vita di Dante ed. Galletti p. 51:* Ed a dire il vero, la virtù di quello nostro poeta fu nella rima volgare, nella quale è eccellentissimo sopra ogn' altro, ma in versi latini o in prosa non aggiugue a pena a quelli, che mezzanamente anno scritto.—*La Monarchia è scritta a modo disadorno, senza niuna gentilezza di dire.*

⁴⁾ *Vita di Petrarca ibid. p. 53.*

⁵⁾ *Ibid. p. 54.* Всѣ эти отзывы относятся къ зрѣлому возрасту Бруни, къ 1436 г.

⁶⁾ *V. Palermo I manuscr. Palat. vol. I p. 371.*

кричать на улицахъ о своей латинской премудрости, надменно презирають прежнюю науку и уважаемыхъ поэтовъ—и все это для того, чтобы показаться народу весьма учеными людьми (*litteratissimi*). Онъ защищаетъ отъ этихъ болтуновъ главнымъ образомъ Данта, говоритъ, что онъ изобрѣлъ болѣе возвышенные и полезные сюжеты, чѣмъ какой угодно другой поэтъ; онъ—слава поэтовъ, скорѣе чудесное явленіе, чѣмъ человѣкъ. Даже и народный языкъ Данта находится въ Ринуччини своего поборника. Онъ осмѣливается заявить, что стихи на народномъ языкѣ выходятъ гораздо удачнѣе, чѣмъ прежде стихосложение по слогамъ. Тутъ гражданинъ старой Флоренціи ворушается противъ новой школы, противъ ученыхъ, которые исключительно толкуютъ о Ливіи и Валеріи Максимѣ, а между тѣмъ ничего не знаютъ о полезной исторіи своей республики ¹⁾. Подобнымъ же образомъ и Доменико да Прато опровергалъ презрительные отзвѣвы о трехъ великихъ поэтахъ ²⁾. Франко Саккетти прославляетъ въ одной канцонѣ рядомъ съ Петраркою и Боккаччо даже Заноби да Страда, который тоже былъ флорентинецъ и вѣнчанный поэтъ ³⁾. Горячіе поклонники народнаго нарѣчія всегда были и всегда съ гордостью указывали на «три вѣнца Флоренціи», прославившіе ее ⁴⁾. Когда ее унижали, то анонимный авторъ одного полемическаго сочиненія, защищая Данта и Петрарку и осмѣивая Никколи, какъ буквѣда, отважился признать тотъ народный языкъ, которымъ писалъ Дантъ, болѣе достойнымъ похвалы, чѣмъ латынь или греческій языкъ. *O gloria et fama excelsa della italica lingua* ⁵⁾.

Въ особенности Дантъ для флорентинцевъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Гомеръ для афинянъ, необходимымъ элементомъ высшаго образованія, предметомъ поклоненія для мужчинъ и женщинъ, для людей благочестивыхъ и сыновъ міра сего. Когда Чекко да Асколи напалъ на него, то послѣдній нашелъ себѣ защитника въ Салютато. Книга астронома, думалъ послѣдній, конечно, показываетъ знатока дѣла и ученаго, но въ недѣльных стихахъ, направленныхъ противъ Данта, видна только зависть. Чекко не имѣетъ никакого понятія о возвышенности Дантова слога, о философскихъ и богословскихъ идеяхъ, которыми проникнута поэма его. Но меньше всего онъ понимаетъ сущность

¹⁾ *Invenienza Rinuccini contro a certi calumnia tori di Dante e—Petrarca e—Boccaccio—ridotta di grammatica in volgare—въ Paradiso degli Aiberti v. I P. II p. 303 e seg.*

²⁾ *Mehus Vita Ambros. Travers. p. 354.*

³⁾ *У Boccaccio Lettere ed. Corazzini p. 481.*

⁴⁾ Тамъ же авторъ *Paradiso. Vol. II, p. 7*, которымъ считаетъ Джіованни да Прато. Онъ говоритъ, что хочетъ *edioma materno con ogni possa sapere esaltare e queito nobilitare.*

⁵⁾ *Paradiso vol. I P. II p. 322.*

поэзіи; это не усваивается размышленіемъ и ученостью, а дается природою и божественнымъ вдохновеніемъ ¹⁾.

Гдѣ иначе, какъ не во Флоренціи, могло возникнуть между гражданами желаніе, чтобы «книга Данта» объяснялась публично, съ помощью лекцій, для чего слѣдовало пригласить ученаго знатока поэзіи! Пріоры сочувственно отнеслись къ этому желанію, постановленіемъ 12 авг. 1373 г. ²⁾ назначили годовое жалованье въ 100 гульденовъ и поручили это дѣло Боккачіо, котораго, конечно, имѣли въ виду съ самаго начала. 2-го октября въ воскресенье началъ онъ свои чтенія въ церкви Св. Стефана, но они вскорѣ были прерваны чумою и немощами его старости. Насколько извѣстно, никто не находилъ ничего страннаго въ томъ, что эти чтенія о поэтѣ-богословѣ въ теченіи 84 лѣтъ происходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, притомъ въ церквахъ. Однако одинъ поэтъ того времени упрекалъ Боккачіо въ томъ, что онъ мысли возвышеннаго ума общааетъ людямъ недостойнымъ. Бѣдность, оправдывается послѣдній, принудила его къ этому и убѣжденія друзей. Какъ ни прискорбна эта мысль, но съ другой стороны отрадно то усердіе, съ которымъ Боккачіо принялся за работу. Плодомъ послѣдней былъ его комментарий, доведенный только до XVII пѣсни Ада ³⁾. Его трудами воспользовался Бенвенуто Рамбальди да Имола, который нѣсколько лѣтъ читалъ въ Болонѣ подобныя же лекціи и докончилъ первый комментарий ко всей Божественной комедіи. О другѣ своемъ онъ никогда не вспоминалъ безъ словъ любви и уваженія ⁴⁾.

Боккачіо имѣлъ однако такой успѣхъ, что праздничныя лекціи о Дантѣ стали потребностью во Флоренціи, которой, какъ мы знаемъ, можно было удовлетворять лишь съ перерывами. Около 1381 г. читалъ Антонио Пиевано ди Вадо, съ 1401 г. нѣсколько лѣтъ къ ряду Филиппо Виллани, сынъ Маттео и тоже историографъ ⁵⁾, съ 1409 Джіованни да Равенна, которому за это и за его гуманистическія лекціи платили по 8 гульденовъ въ мѣсяцъ. Съ 1417 г. его преемникомъ былъ Джіованни да Прато, который получалъ только по 72 гульдена въ годъ, и съ нимъ каждый разъ заключали договоръ снова ⁶⁾.

¹⁾ Изъ трактата Салютато Tractatus de fato et fortuna у Mehus I. с. p. 322.

²⁾ У Gaye Carteggio I p. 525. О другихъ показаніяхъ см. Körting Boccaccio s. 335 ff.

³⁾ Prezziner. vol. I p. 36, 37. Письмо Боккачіо къ Франческо де Броссано отъ 3 ноября (1374 г.) въ Lettere ed. Corazzini p. 377.

⁴⁾ Къ сожалѣнію его полный комментарий изданъ только въ итальянскомъ переводѣ Тамбузини 3 voll. Imola 1855. Vol. II p. 308 (къ Purgat. с. XV) онъ самъ говоритъ о своихъ ученикахъ въ Болонѣ, vol. III p. 301 о своихъ отношеніяхъ къ Боккачіо.

⁵⁾ Онъ тоже намѣревался писать комментарий къ Данту, ad Solamen Lenectutis mex, какъ онъ говоритъ.

⁶⁾ Тождественъ ли этотъ Джіованни Авветтини да Прато съ поэтомъ Джіованни Гвац-

Потомъ Филельфо, повидимому, придавъ снова особый блескъ этимъ лекціямъ, которыя онъ читалъ въ соборѣ. Впослѣдствіи онъ хвадился, что принялъ ихъ на себя по собственному влеченію, лишь для славы города. Конечно, это онъ дѣлалъ для того, чтобы снискать себѣ большую популярность, и съ этимъ находится, повидимому, въ связи право гражданства, полученное имъ въ то время. До 1457 г. существовалъ обычай публично объяснять Данта; это своего рода культъ, встрѣтившій большое сочувствіе ¹⁾).

Петрарка, особенно заботившійся о своей славѣ, конечно, хорошо дѣлалъ, что не часто являлся во Флоренцію и давалъ чувствовать этой мачихѣ свое равнодушіе. Но тѣмъ больше гордилась она великимъ «согражданиномъ» и не разъ старалась привлечь его въ свои стѣны. Мы помнимъ, что въ 1351 г. его приглашали читать лекціи въ университетъ, но онъ отклонилъ отъ себя это приглашеніе не смотря на то, что оно было передано ему лично Боккачіо. Потомъ одинъ посоль, уѣзжавшій въ 1355 г. въ Авиньонъ, предлагалъ ему снова провести въ этомъ городѣ спокойную старость, и для этого папа даже хотѣлъ дать ему тамъ каноникатъ ²⁾). Но и это предложеніе было отклонено. Горячіе поклонники его, какъ Боккачіо и Салютато, старались только о томъ, чтобы Флоренція не забыла его. Мы знаемъ, что всюду распространились темные слухи, будто Петрарка распорядился въ своемъ завѣщаніи, чтобы Африка послѣ его смерти была брошена въ огонь. Но едва ли гдѣ это произвело такую тревогу, какъ во Флоренціи. Когда здѣсь узнали о смерти Петрарки, то Боккачіо написалъ стихи, въ которыхъ требовалъ сохранить Африку, и преимущественно отъ имени Флоренціи ³⁾). Подобныя

цалотти да Прато, и онъ ли авторъ *Paradiso degli Alberti*, я не рѣшаю, Ср. Palermo I. c. v. I p. 346, 359. Согласно ему, Антонио де Минори былъ назначенъ на 1431—1432 гг. Но я не могу согласиться съ этимъ, что по документамъ у Prezinger vol. I p. 92 *Fabronius Cosm vita* vol. II p. 69 *Gaye Carteggio I* p. 561 уже тогда Филельфо читалъ. Вообще, по мнѣнію моему, всего вѣрнѣе приведенъ рядъ чтеній у *Salvini Fasti consolari dell' Accademia Fiorent. Firenze 1717 p. XV.*

¹⁾ Ръчи Филельфо въ *S. Maria del Fiore nel principio della lectione di Dante* у Rosmini *Vita di Filelfo T. I* p. 56, 119. Его письмо у *Fabronius Laurentii vita v. II* p. 76. Дальнѣйшій рядъ у Веселовскаго vol. I p. II p. 215.

²⁾ Инструкція магистру Ринальдо ди Ромено отъ 30 марта 1365 г. и посланіе сеньоринъ къ папѣ Урбану V отъ 8 апрѣля у *Gaye Carteggio I* p. 516 и въ *Petrarca Scritti ined. ed. Hortis p. 305.*

³⁾ *Florentia mater*, потому что

Non clarior illa
Est Italix patria, non aequa potentia cusquam.
Haec animos, haec arma virum sumptusque datura est
Omnia.

Petrarca Poemata minora ed. Rossetti vol. III Append. p. 46.

просьбы Салютато еще при жизни Петрарки влагалъ въ уста своей музѣ. Онъ сталъ хлопотать о спасеніи поэмы и требовалъ дѣйствительно отъ зятя Петрарки, чтобы Никколи, который поѣхалъ въ Падую, могъ торжественно привезти Афригу во Флоренцію, гдѣ потомъ сильно разочаровались въ ней. Салютато хотѣлъ оказать этой поэмѣ ту же услугу, какую, по преданію, оказалъ Овидій Энеидѣ: онъ хотѣлъ сгладить нѣкоторыя шероховатости и промахи, очистить ее, придѣлать къ книгамъ краткій указатель содержанія въ стихахъ, потомъ дать списать нѣсколько копій, тщательно провѣрить ихъ и одну послать въ болонскій университетъ, другую въ Паризъ, третью въ Англію, четвертую во Флоренцію, «чтобы подобное твореніе и блестящее имя такого пѣвца распространялось во всѣхъ странахъ свѣта». Когда онъ получилъ ее съ радостнымъ трепетомъ и прочелъ въ три ночи, то восторгъ его, конечно, нѣсколько охладѣлъ. Онъ былъ даже радъ, что зять Петрарки не обнаруживалъ ее ¹⁾. Но его поклоненіе великому художнику осталось въ прежней силѣ. Послѣ смерти Салютато во Флоренціи оно разгоралось все болѣе свѣтлымъ пламенемъ. Если прежде находили неприличнымъ, что Петрарка не смотря на свой духовный санъ сочинялъ любовныя пѣсни и велъ образъ жизни далеко не безупречный, то теперь убѣдились, что въ позднѣйшіе годы онъ постоянно предавался изученію богословія, молитвамъ и постамъ ²⁾. Набожный Манетти уже не прочь былъ сдѣлать Петрарку святымъ; вѣдь онъ съ дѣтства строго соблюдалъ посты, его хвалили за цѣломудріе, а въ любовныхъ его пѣсняхъ слѣдуетъ искать глубокаго аллегорическаго смысла ³⁾. Подобнаго рода взглядъ былъ возможенъ тогда только, когда смѣнилось нѣсколько поколѣній послѣ Петрарки и уже его латинскія сочиненія читались гораздо меньше. Но все таки его никогда не объясняли въ церкви; комментарий, написанный Луиджи Марсилья къ канцонѣ *Italia mia* и къ нѣкоторымъ сонетамъ, преслѣдовалъ не религиозную цѣль, а лишь патріотическую и церковно-политическую.

Въ біографіи Петрарки выражено желаніе поставить памятникъ великому мужу, прославить его, какъ украшеніе своего народа и отечества. Замѣчательно, что біографы трехъ великихъ тосканцевъ въ теченіи цѣлаго вѣка почти всѣ были тоже тосканцы, именно флорентинцы. Извѣстно, что Боккачіо написалъ первую біографію Данта, при-

¹⁾ Письма его къ Броасинни и Ломбардо да Сериню у Bandini Catall. codd. lat. T. III p. 563, 564 и. въ Hauptii Opusc. vol. I, въ Франческо де Броссево у Bandini l. c. p. 570, въ Salutati Epist. ed Rigacci II, 17, ed. Mehus cp. 27.

²⁾ Phil. Villani Liber de cir. Florent. famosis civibres ed. Gallettii p. 15.

³⁾ Vita Petrarchae ed. Galletti p. 87.

томъ на тосканскомъ нарѣчїи. Онъ сочинилъ похвалу Петраркѣ еще до своего личнаго знакомства съ нимъ. Но это была лишь основа для будущей подробной біографїи наставника. Самъ Боккачіо въ этихъ разсказахъ не написалъ ее; это исполнилъ уже послѣ его смерти Пьетро де Кастеллетто, августинскій отшельникъ изъ С. Спирито, который нѣсколько лѣтъ былъ знакомъ съ Петраркою ¹⁾. Сомнительно, чтобы и Салютато писалъ біографію Петрарки; однако было одно сочиненіе, въ которомъ онъ говорилъ о его смерти ²⁾. Филиппо Виллани въ своемъ сочиненїи «О знаменитыхъ гражданахъ города Флоренціи» посвящалъ довольно большой отдѣлъ каждому изъ прославленныхъ триумвировъ. Когда Лїонардо Бруни, отдыхая отъ тяжелой работы, взялъ въ руки Боккачїеву біографію Данта въ маѣ 1436 г., то ему пришло на мысль написать болѣе основательное изслѣдованіе. Ему казалось страннымъ, что у добряка Боккачіо ³⁾ на каждомъ шагѣ встрѣчаются любовь, вздохи и слезы, такъ что біографія Данта получила оттѣнокъ сходный съ Филопопо, Филострато и Фьяметтою, какъ будто Дантъ былъ человѣкъ не серьезный и не мужественный. Самъ Бруни съ любовью обработалъ политическую сторону жизни Данта и прибавилъ къ этому біографію Петрарки, чтобы слава обоихъ ихъ возвысила славу Флоренціи ⁴⁾. Эти біографїи отличный латинистъ написалъ на тосканскомъ нарѣчїи. Въ противоположность гордымъ замысламъ изслѣдователя, который искалъ въ архивѣ писемъ Данта и не отступалъ передъ рѣзкими приговорами, Манетти снова впалъ въ тонъ слащаваго многословія, хотя зналъ сочиненіе Бруни. Но онъ тоже прибавилъ біографію Боккачіо, которой Бруни не хотѣлъ писать, потому что у него не было нужнаго матеріала ⁵⁾.

Но Флоренція никогда не забывала того, что Дантъ и Петрарка похоронены на чужой землѣ. Опять Боккачіо первый выразилъ эту мысль тотчасъ же при извѣстїи о смерти Петрарки ⁶⁾. Луиджи

¹⁾ Обѣ біографїи у Россетти *Petrarca etc.* p. 316, 340.

²⁾ Первое извѣстіе основано только на томъ, что Mehus увѣряетъ, будто въ своей молодости читалъ такое сочиненіе, послѣднее—на біографїи Манетти, p. 89 ed. Galletti. *De ha. praecipua eius (Petrarcae) morte Coluccius... libellum quedam composuit.* Это было больше, чѣмъ одно изъ писемъ.

³⁾ *Dolcissimo e suavissimo uomo.*

⁴⁾ *La vita di Petrarca* были изданы уже Томазиномъ *Petrarca rediv.* p. 207; оба у Galletti p. 43.

⁵⁾ Сочиненіе Манетти *Vita Petrarca* у Томазинусъ l. c. p. 195; всѣ три біографїи у Mehus *Specimen historiae litt.* и у Galletti p. 57 seq. По словамъ *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 109 Манетти написалъ три книги на народномъ языкѣ, потомъ перевелъ ихъ на латинскій „для прославленїя“ великихъ людей.

⁶⁾ Письмо къ Броссано отъ 3 ноября (1374) въ *Lettere* p. 377: *Non infeli xpatria, cui nati tam illustris servare cineres minime datum est, cui tam praeclara negata gloria!*

Марсильи даже изъ Парижа убѣждалъ республику, не почтившую достойнымъ образомъ своего великаго гражданина, оказать эту почесть по крайней мѣрѣ останкамъ его ¹⁾. Мысль объ этомъ долго занимала гражданъ. Подъ вліяніемъ Салютато пріоры 22 декабря 1396 г. постановили перенести во Флоренцію кости самыхъ знаменитыхъ флорентинцевъ, великаго юриста Аккорсо, Данта, Петрарки, Заноби да Страда, умершаго въ Авиньонѣ, и Боккачіо, если, разумѣется, это возможно. И каждому изъ нихъ въ соборѣ готовились соорудить великолѣпный памятникъ, украшенный мраморными изваяніями. Памятникъ долженъ быть поставленъ даже и въ томъ случаѣ, если нельзя перенести самый прахъ ²⁾. Но эта великая мысль нѣкоторое время оставалась безъ исполненія, потому за нее снова принялись въ 1430 г., но и тогда не могли осуществить, потому что владѣлецъ Равенны не позволялъ перевезти праха Данта ³⁾. Республиканская идея Пантеона осуществилась лишь въ томъ смыслѣ, что портретъ Данта, какъ образъ святаго, былъ поставленъ въ соборѣ, такъ что каждый могъ видѣть его ⁴⁾.

Съ такою же гордостью указывали во Флоренціи и на рядъ знаменитыхъ канцлеровъ республики; это въ то же время былъ рядъ ученыхъ, которые соединяли съ своимъ саномъ славныя имена. Давно уже между городскими сословіями важнѣйшимъ было сословіе «судей и нотаріусовъ» такъ какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ адвокаты быстро дѣлаются необходимыми при дѣлахъ. Флоренцію называли школою нотаріальнаго дѣла для всего христіанскаго міра ⁵⁾. Прямымъ старшиною этого сословія былъ «секретарь пріоровъ», канцлеръ республики, какъ вскорѣ стали называть его. Онъ пишетъ отъ ихъ имени всѣ посланія къ владѣтельнымъ особамъ, синьоріямъ и частнымъ лицамъ. Поэтому его не отправляютъ посломъ; у него своя постоянная резиденція въ помѣщеніи дворца пріоровъ. Подобнаго рода положеніе необходимо связано было съ вліяніемъ на самую дѣла, и потому мы вскорѣ слышимъ жалобу, что Флоренцію больше править канцелярія, чѣмъ синьорія ⁶⁾. Если долж-

¹⁾ Его письмо въ Гвидо де Паладміо у Mehus Vita Ambr. Travers. p. 227: Et ora non penso, che sieno piu solleciti a fare onore al corpo, che per addietro sieuo stati a fare riverenza al uomo intero etc.

²⁾ Постановленіе у Gaye Carteggio I p. 124.

³⁾ Посланіе синьоріи въ нему отъ 1 февраля 1430 тамъ же p. 123.

⁴⁾ Постановленіе 1455 г. тамъ же p. 562.

⁵⁾ Goro Dati Istoria di Firenze p. 133: La fonte de'dottori delle leggi è Bologna, e la fonte de'dottori della notaria è Firenze.

⁶⁾ Giov. Cavalcanti Istor. Fiorent. vol. I p. 30.

ность канцлера сама по себѣ требовала челоуѣка надежнаго, ловкаго и осторожнаго, то вскорѣ явилось еще гордое притязаніе, чтобы канцлеры дѣлали честь республикѣ своимъ хорошимъ слогу и вообще художественною формою изложенія. Въ этомъ смыслѣ Брунетто Латини былъ первый подобный сановникъ Флоренціи. Хотя челоуѣкъ заносчивый и зазорнаго образа жизни, онъ считался первымъ стилистомъ своего времени и исправлялъ свою должность долгіе годы ¹⁾. Объ его преемникахъ намъ нечего сказать. Это были люди выросшіе среди дѣловыхъ занятій. Только съ Салютато, слѣдовательно съ возникновеніемъ гуманистическаго краснорѣчія, начинается рядъ знаменитыхъ людей, украшавшихъ собою мѣсто канцлера въ республикѣ. Онъ влагалъ въ это дѣло всю свою душу, былъ образцомъ и предметомъ гордости для своихъ товарищей во всѣхъ странахъ латинскаго міра, творцомъ новаго, возвышеннаго канцелярскаго стиля. Его преемника Пьеро да Монтеварки далеко нельзя было сравнивать съ нимъ. Когда онъ ушелъ въ монастырь, то мѣсто его занялъ въ ноябрѣ 1410 г. Лионардо Бруни, но какъ, мы уже говорили выше, при менѣ почетныхъ условіяхъ и лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ Паоло Фортино, назначенный послѣ него, былъ отрѣшенъ отъ должности. Тогда ее опять поручили Бруни въ декабрѣ 1427 г., и онъ уже остался на этомъ мѣстѣ до самой своей смерти. Относительно вліянія на ходъ дѣла онъ мало уступалъ Салютато, а въ литературномъ отношеніи далеко превосходилъ его ²⁾. Мы знаемъ, что преемниками его были въ 1444 г. Марсуппини, въ 1453 году. Поджіо. Послѣдній сложилъ съ себя должность по преклонности лѣтъ. Само собою разумѣется, что его могъ замѣнить только челоуѣкъ, извѣстный своею ученостью, писатель. Выбрали Бенедетто Аккольти, тоже родомъ изъ Ареццо, какъ и двое его знаменитыхъ предшественниковъ. Это былъ челоуѣкъ, всегда любившій гуманистическія науки, хотя и былъ профессоромъ правовѣдѣнія ³⁾. Онъ написалъ одинъ любимый въ то время читателями

¹⁾ Giov. Villani lib. VIII c. 10 упоминаетъ объ его смерти въ 1294 г. egli fu cominciatore e maestro in digrossare i Fiorentini, e farli scorti in bene parlare et in sapere guidare e reggere la nostra republica secondo la politica. Въ актѣ 1273 г. у Brun. Latini Tesoretto ed. Zannoni, Firenze 1824, Prefaz. p. XXIII онъ подписывается такъ: notarius necnon scriba consiliorum communis Florentiae.—Benv. Rambaldi Comment. S. Div Comm. vol. I p. 373 называетъ его uomo di sommo ingegno e di rara eloquenza, ma troppo pieno di se medesimo.

²⁾ Время завѣдыванія дѣлами Пьеро и Паоло отчасти опредѣляется ихъ подписями въ Commissioni di Rinaldo degli Abizzi vol. I p. 161, 216, 220. Vol. II p. 89.

³⁾ Въ 1440 г. Поджіо рекомендовалъ его въ Сіену, какъ видно изъ его писемъ у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 926. 927. Впоследствии Аккольти преподавалъ во Флоренціи.

діалогъ, въ которомъ доказывалъ, что современная ему эпоха вовсе не такъ бѣдна великими людьми, какъ часто утверждали исключительные поклонники древности ¹⁾). Потомъ онъ написалъ Исторію перваго крестоваго похода, которую посвятилъ Пьеро Медичи, сыну Козьмы. Въ флорентинскомъ архивѣ хранится много писемъ и актовъ, свидѣтельствующихъ о его осмыслѣнной дѣятельности ²⁾).— Если бы мы захотѣли идти далѣе, то какъ не упомянуть еще о Никколо Макіавелли! Онъ заканчиваетъ собою рядъ канцлеровъ республики, въ дѣятельности которыхъ политика вступила въ братскій союзъ съ наукою.

Такъ же точно республиканскій духъ Флоренціи и ея образованность, облагороженная изученіемъ древности, вступила въ союзъ между собою, чтобы дать начало отечественной исторіографіи, замѣчательной по рѣдкому богатству содержанія и по возвышенному характеру изложенія. Здѣсь мы лишь слегка можемъ указать на нее. Но какая изъ новѣйшихъ націй Европы могла бы гордиться своимъ Геродотомъ, какого произвела Флоренція въ лицѣ Джіованни Виллани! Въ какомъ высокомъ мірѣ идей вращался этотъ купецъ, котораго воодушевило зрѣлище падшаго Рима и внушило мысль написать исторію возвышающейся сестры его Флоренціи «къ возвеличенію имени Божія и св. Іоанна и къ прославленію нашей Флоренціи!» ³⁾ Какое равностороннее образованіе получилъ онъ, не чуждый при этомъ и знакомства съ классическою литературою! Онъ знаетъ и Виргилія, и Лукіана, и Саллюстія, и Ливія, и Валерія, и Оровія. У него простая и благородная цѣль—«дать поученіе и примѣръ грядущимъ поколѣніямъ». Насколько она стоитъ выше тенденцій ббльшей части историковъ гуманистовъ, которые не могли забыть о собственной славѣ и славѣ своихъ меценатовъ! Такимъ образомъ у дѣятелей второстепенныхъ мы часто встрѣчаемъ поразительныя черты. Гдѣ нашель для себя образецъ Горо Дати, человѣкъ государственный, поэтъ, математикъ и астрологъ, когда онъ далъ намъ въ своей хроникѣ прекрасное, проникнутое патріотическимъ чувствомъ изображеніе Флоренціи, ея мѣстныхъ и политическихъ учрежденій и ея общественной жизни ⁴⁾? Въ глубокой старости и въ грустномъ одиночествѣ оглядывается Филиппо Виллани на болѣе счастли-

¹⁾ Этотъ *Dialogus de praestantia virorum sui aevi* часто печатался, напоследокъ съ сочиненіями Фил. Виллани ed. Galletti p. 101. seq.

²⁾ Онъ умеръ въ 1466 г. Длинная статья о немъ у Мадзузелли *Scritt. d'Italia* vol. I P. I, p. 59, къ чему слѣдуетъ присоединить и біографію, написанную Веспасіано.

³⁾ *Cronica* lib. VIII cap. 36.

⁴⁾ *Goro Dati Istoria di Firenze dall'anno 1380 all'anno 1405.* Firenze 1735, p. 107-e seg.

вую пору своей юности. Виллани Филиппо, племянникъ Джюванини и сынъ Маттео, находилъ благородное утѣшеніе въ томъ, что возобновлялъ въ памяти согражданъ флорентинскую старину и великихъ людей Флоренціи, дабы примѣръ ихъ животворно дѣйствовалъ на современное поколѣніе, которое онъ считалъ испорченнымъ ¹⁾. Упомянемъ здѣсь и о тѣхъ прелестныхъ картинахъ лицъ и нравовъ, которыя мы находимъ въ воспоминаваніяхъ престарѣлаго книгопродавца Веспазіано Бистиччи. Кто могъ рассказывать проще и увлекательнѣе этого флорентинца, столь богатаго живыми воспоминаніями о людяхъ и ихъ дѣлахъ, которыя онъ видѣлъ или о которыхъ слышалъ, столь коротко знакомаго со всѣмъ современнымъ ему міромъ, но умомъ и сердцемъ жившаго только во Флоренціи!

У республики были свои великіе историки, хотя она почти не знала объ этомъ. Съ тѣхъ поръ какъ изученіе древности привлекло къ себѣ лучшіе умы, съ тѣхъ поръ какъ Флоренція стала считаться новымъ Римомъ, ей нуженъ былъ новый Ливій, исторія республики, написанная изящнымъ латинскимъ языкомъ. Эту заслугу оказалъ ей Ліонардо Бруни. Онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ написалъ «Похвалу городу Флоренціи», похвальную рѣчь въ античномъ стилѣ, потомъ небольшое сочиненіе на греческомъ языкѣ о государственномъ устройствѣ Флоренціи, ²⁾. Выше мы говорили о томъ, какъ были положены на грудь покойнаго историка двѣнадцать книгъ его исторіи Флоренціи, доведенной до начала войны съ Джангалеаццо Висконти (1404 г.) и прибрѣтенной республикою. За новый, современный отдѣлъ исторіи города принялся старикъ Поджіо, ставъ во главѣ управленія его дѣлами. И онъ желалъ оставить республикѣ и потомству достойный памятникъ своего ума. Главная суть его труда—это война съ миланскими деспотами, кончившаяся миромъ въ 1454 г. ³⁾ Извѣстенъ упрекъ Маккіавели, состоящій въ томъ, что какъ Бруни, такъ и Поджіо написали только исторію войнъ и внѣшней политики, но умолчали о гражданскихъ раздорахъ и ихъ послѣдствіяхъ. Они видѣли честь и славу республики въ тѣхъ битвахъ, которыя повели къ ея приращенію, и въ отраженіи нападений деспотовъ, которые грозились искоренить республиканскую

¹⁾ Philippi Villani Liber de civitatis Florentiae fomoris civibus ed. Galletti, Florentiae 1847 p. 3..5. 40. 41.

²⁾ Λεονάρδου Ἀρσίνου περί τῆς τῶν Φλωρεντίνων πολιτείας, изд. К. Fr. Naumann, Frankf. a M. 1822 и Hasper Leipzig 1861. Оно переведено на латинскій языкъ, подъ заглавіемъ: De Florentinorum republica, Бенедиктомъ Монетою у Phil. Vill. ed. Galletti p. 94.

³⁾ Poggii epist. XI, 4. XIII, 1 ed. Tonelli. Извѣстнѣйшій оттискъ 8 кн. исторіи у Muratori Scriptt. T. XX, гдѣ p. 191 есть и Praefatio Джіакомо Поджіо, сына.

свободу въ Италиі. Далѣе они полагали свою задачу въ томъ, чтобы писать слогомъ Ливія, въ живости изложенія и въ вставочныхъ рѣчахъ. Конечно, ихъ сочиненія читались съ восторгомъ, а прежняя флорентинская исторіографія была какъ бы забыта. Ни одинъ городъ Италиі, заявляеть съ гордостью Веспазіано, за исключеніемъ древней римской республики, не можетъ похвалиться двумя такими историческими сочиненіями.

Даже у переписчиковъ классическихъ сочиненій и у собирателей книгъ мы замѣчаемъ тоже стремленіе къ общественной пользѣ, къ благополучію и украшенію республики. Мысль объ общественной библіотекѣ, которою могъ бы пользоваться всякій ученый, возникла во Флоренціи, или если хотите, унаслѣдована отъ древняго Рима. Только во Флоренціи совпали вмѣстѣ такія условія, которыя требовались для этого: образованность, богатая книгохранилища, страсть къ собиранію книгъ и широкое пониманіе общественныхъ потребностей.

Институтъ стаціонаріевъ¹⁾, прикованный условными узами къ высшимъ школамъ, столь же мало удовлетворялъ потребностямъ классическихъ изученій, какъ и самыя эти школы. Ихъ дѣломъ было составленіе руководствъ, краткихъ содержаній и глоссъ. Чтобы имѣть болѣе рѣдкихъ классиковъ, надобно было имѣть прочныя связи съ любителями этой литературы, если не было случая покупать ихъ изъ имущества, накраденнаго во время войны, у задолжавшихъ церквей или монастырей, или пріобрѣтать другимъ путемъ. Обыкновенно приходилось прибѣгать къ помощи переписчика или, въ случаѣ бѣдности, самому быть переписчикомъ. Многіе гуманисты, не имѣвшіе возможности держать писцовъ, подобно Петраркѣ, должны были сами переписывать желаемыхъ классиковъ, подобно Боккачіо. Часто они даже предпочитали это, чтобы недобросовѣстный писецъ не искажалъ текста; въ тоже время, работая сама, они могли исправлять и самыя текстъ. Конечно, переписчиковъ, занимавшихся этимъ дѣломъ какъ ремесломъ, невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ, было много вездѣ, но такимъ людямъ нельзя было довѣрять сочиненій Цицерона или Ливія. Образованному писцу, который былъ въ состояніи вѣрно переписывать произведенія классиковъ, платилось до 30 дукатовъ въ годъ²⁾. Собрать такимъ путемъ обширную библіотеку могли только владѣтельные лица. Вотъ что говоритъ объ этомъ по собственному опыту Зомино изъ Пистойи, любитель книгъ и основатель библіотеки, съ которымъ мы знакомы какъ съ сподвижникомъ Поджіо

1) Такъ назывались въ средніе вѣка каноники, жившіе при какомъ нибудь учебномъ учрежденіи.

2) Ambros. Travers. epist. VI, 35.

Прим. пер.

въ Констанцѣ: «Лучше покупать готовые книги, чѣмъ давать переписывать ¹⁾».

Со временъ Никколи древнія рукописи и экземпляры, исправленные учеными, сосредоточились преимущественно во Флоренціи. Поэтому хорошія копии классиковъ можно было достать только здѣсь, и хорошіе писцы только здѣсь могли зарабатывать себѣ постоянно пропитаніе. Кто желалъ приобрести сочиненія Светонія, Теренція, или такія рѣдкія книги, какъ «Аѳинскія ночи» Геллія, письма Цицерона или Естественную исторію Плинія, исправить текстъ въ рукописи Цицерона, или нарисовать красивыя заглавныя буквы, тотъ заказывалъ все это во Флоренціи, особенно если Никколи или Вольга Медичи предлагали наблюдать за этимъ и дать задатокъ. Для изгнаннаго Филельфо было не малымъ лишеніемъ, что онъ не могъ обратиться во Флоренцію; въ другихъ мѣстахъ ему долго приходилось искать сочиненія Діодора или Арріана ²⁾. Повидимому, Флоренція была главнымъ мѣстомъ и для торговли пергаментомъ. Здѣсь были фабрики, на которыхъ можно было заказывать этотъ письменный матеріалъ опредѣленной величины и однороднаго качества, форматомъ in 4°. Но наприимѣръ въ Римѣ это было невозможно. Когда Поджіо заказывалъ въ Римѣ переписку новыхъ книгъ, то онъ обыкновенно выписывалъ пергаментъ изъ Флоренціи чрезъ Никколи. Здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ нибудь, мы встрѣчаемъ переписчика греческихъ рукописей, стараго священника Дмитрія съ острова Крита. Однако онъ находилъ себѣ немного работы, тѣмъ больше, что греческія книги продавались недорого въ самомъ Левантѣ ³⁾. Впослѣдствіи Флоренція сдѣлалась самымъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ для голодныхъ греческихъ бѣглецовъ, снискивавшихъ скудное пропитаніе перепискою греческихъ рукописей. Потомъ ту же роль стала играть Венеція, а еще позднѣе Римъ.

Во Флоренціи усовершенствовалось самое искусство переписки. Уже во времена Петрарки тамъ жилъ миноритъ Тебальдо да Каза изъ Муджелло, который приобрѣлъ себѣ почетное имя не чѣмъ другимъ, какъ перепискою книгъ. Въ 1378 г. онъ отправился въ Падую, желая снять тамъ, а впослѣдствіи во Флоренціи, копию съ сочиненій Петрар-

¹⁾ Надпись, сдѣланная въ 1425 г. на рукописи съ 7 рѣчами Цицерона, гдѣ вычисляются расходы на переписку, у Deschamps Essai bibli. sur Cicéron p. 73.

²⁾ Leon. Bruni epist. II, 7. 10. 13. Poggius epist. II, 25. Aliottus epist. III, 7. Письмо Филельфо къ Палла Строцца отъ 11-го марта 1458 г.

³⁾ Ambros. Travers. epist. VIII, 2 къ Никколи отъ 8-го июля (1431). Старый Дмитрій, у котораго самого были цѣнныя греческія книги, часто упоминается въ этихъ письмахъ.

ки, писанныхъ его рукою, чтобы ничто не утратилось, а напротивъ все дошло до потомства въ настоящемъ видѣ. Это, конечно, мысль Салютато, съ которымъ Тебальдо былъ друженъ. Но онъ не былъ наемнымъ писцомъ, а работалъ самъ для себя и подарилъ свои труды библіотекѣ монастыря С. Кроче, своимъ орденскимъ братьямъ во Флоренціи, отъ которыхъ потомъ большинство книгъ поступило въ библіотеку Лоренцо Медичи. Онъ списывалъ и другія сочиненія, какъ напримѣръ трагедіи Сенеки, Героиды Овидія, сочиненіе Боэція «Объ утѣшеніи философіи», переводы сочиненій Ксенофонта, Лукіана, св. Василия. По всему вѣроятію, онъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, потому что кромѣ этого онъ переписалъ множество богословскихъ сочиненій и три года трудился только надъ громаднымъ комментариемъ Николая де Лира къ книгамъ Ветхаго Завета. Тебальдо работалъ необыкновенно тщательно и этимъ гордился. Онъ ставилъ знаки тамъ, гдѣ авторъ случайно пропустилъ какое нибудь слово, также если какое нибудь слово слѣдовало измѣнить или уничтожить. Если какое либо мѣсто допускало разныя чтенія, то онъ обозначалъ это на поляхъ словомъ *alias* (иначе), а на очевидную ошибку автора указывалъ словомъ *lege* (читай) тоже на поляхъ. Онъ составилъ алфавитные указатели къ тѣмъ сочиненіямъ, при которыхъ они, повидимому, были нужны; мысль, сколько мы знаемъ, тоже впервые поданная Салютато. Онъ, кажется, умѣлъ даже писать тѣ греческія фразы, которыя встрѣчались въ латинскихъ сочиненіяхъ ¹⁾. Такой переписчикъ, слѣдующій разумно и съ любовью за ходомъ мыслей писателя, стоитъ почти на равной ступени съ филологомъ-редакторомъ.

Если такіе ученые люди, какъ Никколи, Поджіо и Бруни, сами переписывали рукописи, то ихъ никто не назоветъ переписчиками, хотя Поджіо этимъ даже зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ молодости. Тѣмъ не менше отъ этихъ людей веда свое начало школа переписчиковъ, которые работали не изъ одной любви. Уже со временъ Петрарки стали понимать цѣну старинныхъ классическихъ рукописей. Поэтому за недостаткомъ ихъ старались приготовить другія, похожія на старинныя по виду. Подражали красивому письму X и XI вѣка, такъ называемому лангобардскому. Изобрѣтателемъ этой моды былъ, быть можетъ, Никколи, но усовершенствовалъ это дѣло несомнѣнно Поджіо. Всѣ признавали красоту его письма, которое, впрочемъ, онъ употреблялъ только для классиковъ, и онъ самъ гордился имъ до тѣхъ

¹⁾ Его замѣтки въ концѣ часто встрѣчаются у *Bandini Catal. codd. lat. T. IV*, напр. р. 160. 163. 168. 174. 175. 180. 189. 196. 198. 207. *Mehus Vita Ambros. Travers.* р. 234. 235. 236. *Hortis Studi s. opere lat. del Boccaccio p. 222 seg. 388.*

поръ, пока у него не начала дрожать рука. Это онъ называлъ писать *litteris antiquis*, и онъ дѣятельно обучалъ этому искусству наемныхъ писцовъ ¹⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ множество классическихъ рукописей, на видъ почтенной старины, которыя однако относятся ко времени гуманистической школы въ Италіи. Въ этому прибавилась попытка возстановить древне-римское письмо, о чемъ хлопоталъ еще Салютато. Когда Никколи спорилъ съ своими друзьями о гласныхъ и двугласныхъ, то онъ смотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія, именно по отношенію къ письму.

Книгопродавцы были, независимо отъ поставщиковъ книгъ въ университеты, притомъ по двое въ каждомъ большомъ городѣ. Но въ обычномъ обиходѣ больше торговали Псалтырями, учебниками и богослужебными книгами. Старинныя рукописи классиковъ, или экземпляры, исправленные учеными людьми, въ эту категорію попадали рѣдко. За то со временъ Боккачіо, Салютато, Никколи и Козьмы Медичи, Флоренція сдѣлалась средоточіемъ книгохранилищъ. Здѣсь было множество публичныхъ лавокъ, гдѣ продавались книги; были въ числѣ торговцевъ выдающіяся личности, къ которымъ ученые люди сходились въ извѣстный часъ дня, какъ на биржу, и рѣшали спорные вопросы.

Только во Флоренціи могъ явиться такой человѣкъ, какъ Веспасіано Бистиччи, первый книгопродавецъ въ обширномъ смыслѣ слова, какой только извѣстенъ въ новое время. По своему направленію онъ еще вполне принадлежитъ къ тому кругу, въ которомъ мы доселѣ вращались, но, родившись въ 1421 г., онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ въ то время, когда Никколи, Поджіо и Бруни уже составились. Власть дома Медичи утвердилась прочно, и онъ, насколько помнить себя, выросъ въ преданности имъ. Онъ типическое явленіе во Флоренціи Медичи. По видимому, ему не дано было научнаго образованія. Но его лавка вскорѣ сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для любителей литературы; онъ каждый день слышалъ ихъ разго-

¹⁾ Poggius epist. II, 29 въ определенномъ случаѣ отличаетъ *antiquae litterae, quae gallicum redoleant*, отъ *antiquae litterae ad morem nostrum*. II, 27, 29 онъ говоритъ о своемъ неаполитанскомъ писцѣ, который пишетъ *scopo et tis litteris, quae sapiunt antiquitatem, ad quod eum trusi summo cum laborequem summo labore litteras antiquas edocui*. II, 39 онъ учитъ древнему письму новаго писца, француза. Про него самого Веспасіано говоритъ Poggio § 1: *fu bellissimo scrittore di lettera antica Leon. Aret. epist. II, 10 ed. Mehus заказываетъ шпциалы для копій рѣчей Цицерона: dabisque operam ut non auro neque murice, sed vetusto more hae litterae fiant*. Vespasiano Cosimo de' Medici § 22 хвалитъ Никколи: *era velocissimo scrittore di lettera corsiva antica, e Niccoli § 2: le (i libri) scriveva di sua mano o di lettera corsiva o formata che dell'una litterae dell'altra era bellissimo scrittore*. Напротивъ, о будущемъ папѣ Николѣ V онъ говоритъ: *Nicola § 7: era bellissimo scrittore tra l'antica e moderna*.

воры о древних писателях и о книгах и такимъ путемъ приобрьлъ массу свѣдѣній. Хотя онъ и не могъ писать на латинскомъ языкѣ, однако понималъ латинскія письма, которыя писалъ ему Манетти, его близкій другъ. Онъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ латинской, греческой и еврейской литературѣ, только они касались не содержанія книгъ, а библиографическихъ подробностей. Онъ зналъ, какія книги рѣдки и какія въ большомъ ходу, гдѣ можно купить или достать извѣстное сочиненіе, какого объема книга и во сколькихъ частяхъ и какова на нее цѣна. По такимъ вопросамъ онъ былъ оракуломъ, къ которому обращались за совѣтомъ изъ всѣхъ странъ образованнаго міра. Онъ давалъ указанія папамъ, королямъ и ученымъ ¹⁾. Если заказывали копию, то въ его распоряженіи были лучшіе экземпляры изъ книгохранилища Никколи или Козьмы Медичи. Последній часто прибѣгалъ къ его помощи, чтобы купить напр. книгъ въ Луккѣ или Сиенѣ ²⁾. Обороты его росли замѣчательно; у него было въ распоряженіи множество писцовъ, иногда разомъ до 45, такъ что онъ могъ быстро исполнять крупныя заказы. Уже около половины XV столѣтія онъ былъ царемъ книгопродавцевъ въ Италіи. «Въ Италіи, сказалъ тогда поэтъ Янушъ Паниониусъ, можно имѣть сколько угодно книгъ; пошлите только деньги во Флоренцію, и Веспасіано все сдѣлаетъ ³⁾». Однако пришло время, когда владѣтельныя особы, въ Урбино, Феррарѣ, Пезаро, по примѣру Козьмы Медичи, заказывали списывать цѣлыя библиотеки и обращались за этимъ къ Веспасіано. Конечно, въ этомъ случаѣ красота письма и красивый видъ книги замѣняли исправность текста. Веспасіано всегда жилъ въ умственной сферѣ ученыхъ людей, а подъ старость хотѣлъ и самъ принять какое нибудь участіе въ ихъ дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ написалъ свои богатые воспоминанія на народномъ языкѣ. 27 іюля 1499 г. останки его были похоронены въ церкви С. Кроче ⁴⁾.

¹⁾ Особенно благодарить его за это Созоменъ изъ Пистойи въ своей всемірной хроникѣ. Мѣсто у Bandini Bibl. Leop. Laurent T. III, p. 95. Aliottus ep. III, 7 называетъ его *optimus huius rei explorator*, по случаю вопроса о томъ, какъ получить для копій рѣдкую Естественную исторію Плинія.

²⁾ Fabronius Cosmi vita vol. I p. 135.

³⁾ Angelus Decembrius de Politia lit. VII, 64: Solent igitur et Hetruria Florentiaque civitate potissime libri quam venustissime facti comparari: feruntque ibi Vespasianum quendam eximium bibliopolam, librorum librariorumque solertissimum, ad quem omnis Italica regio, longinuae etiam nationis homines conflunt, quicunque libros ornatissimos venales oplant. Jani Pannon. Opusc. P. II p. 99.

⁴⁾ По архивной замѣткѣ въ *Giornale stor. di archivi Tosc.* vol. II p. 240. Въ большомъ сочиненіи Enrico Frizzi di Vespasiano da Bistici (Pisa 1878) мало новаго.

Трудно установить общую норму цѣны для книгъ. Томъ (volumen) не могъ служить опредѣленною нормою, хотя можно было думать, что поэмы переписывать не труднѣе, чѣмъ стихи Горация. Богословскія и юридическія книги стояли въ значительно низкой цѣнѣ. Можно было напримѣръ купить книги Ветхаго и Новаго Завѣта за восемь золотыхъ гульденовъ, написанныя на бумагѣ, а на пергаментѣ онѣ стояли вдвое дороже. Въ одномъ случаѣ книга была куплена въ Богеміи, гдѣ книги св. Писанія были больше распространены между всѣми сословіями, чѣмъ гдѣ нибудь ¹⁾. Поджіо купилъ въ Италіи Библию, писанную по старинному, въ которой однако не было псалмовъ, за 25 золотыхъ гульденовъ и хотѣлъ перепродать папѣ Николаю V за 40 ²⁾. За новый экземпляръ семейныхъ писемъ Цицерона, довольно исправно написанный, миланскій книгопродавецъ требовалъ 10 цехиновъ ³⁾. Собраніе 19 рѣчей Цицерона, конечно, отлично написанныхъ и просмотрѣнныхъ однимъ ученымъ, стоило 14 дукатовъ, а однѣ Филиппики епископъ торчельскій купилъ у флорентинскаго книгопродавца за 5, Тимея вмѣстѣ съ сочиненіями de fato и de divinatione одинъ нѣмецъ у Веспазіано за 3 дуката ⁴⁾. Томъ писемъ Поджіо, содержавшій въ себѣ 10 книгъ ихъ, былъ списанъ во Флоренціи за 4 флорентинскихъ гульдена. Гораздо выше были цѣны, если извѣстный ученый рѣшался продать классическое сочиненіе. Такъ Поджіо продалъ принцу Леонелло д'Эсте письма блаженнаго Іеронима за сто золотыхъ гульденовъ и утверждалъ, что кардиналъ Торквемада не разъ предлагалъ ему эту сумму и все таки считалъ книгу подаркомъ. Только по просьбѣ Ауриспы, по его словамъ, онъ рѣшается уступить ее за эту цѣну. Леонелло заплатилъ эту сумму, но съ замѣчаніемъ, что находить, что это очень дорого, и Поджіо долженъ считать лишнее подаркомъ; Поджіо взялъ деньги съ добродушнымъ юморомъ, какъ ручательство за болѣе крупные подарки. Когда впоследствии папа Николай пожелалъ пріобрѣсти письма блаженнаго Іеронима, то во Флоренціи нашелся прекрасный экземпляръ за 44 золотыхъ гульдена, да и эта цѣна вѣроятно требовалась потому, что покупалъ папа ⁵⁾. Поэтъ Бекваделли долженъ былъ заплатить Поджіо 120 цехиновъ за Ливіа, прекрасно написаннаго

¹⁾ Письма Энея Сильвія къ І. Тускову отъ 31-го октября 1444 г. и 28-го августа 1445 г.

²⁾ Poggius, epist. XI, 1, 6.

³⁾ Письмо Филельфо къ Никко Перлеоне отъ 8-го сентября 1452 г.

⁴⁾ Poggius epist. XII, 9. Mittarelli Bibl. p. XVIII. Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II. P. II, p. 31.

⁵⁾ Poggius epist. VI, 19 отъ 21-го іюля (1437 г.) и XI, 1. 6 (отъ 1453 г.).

имъ самимъ, и принужденъ былъ продать небольшое помѣстье, чтобы получить въ свою собственность эту рукопись, тогда какъ Поджіо на эти деньги купилъ участокъ земли близъ Флоренціи ¹⁾. Какъ часто рассказывали объ этомъ случаѣ, чтобы сравнить стоимость идеальной собственности съ приносящею прямую выгоду! Къ сожалѣнію, мы не знаемъ цѣны Ливія, оставшагося послѣ друга Петрарки, Донато Альбанцани, котораго купилъ Гаспарино Варзицца. Валерій Максимъ изъ того же собранія стоилъ 7 дукатовъ ²⁾. Старые экземпляры, разумѣется, трудно было цѣнить, потому, что они приобрѣтались всегда контрабанднымъ путемъ для богатыхъ любителей.

Греческія книги покупались безъ труда на востокѣ агентами флорентинцевъ и венеціанцевъ, или учеными, какъ напр. Ауриспою, Гварино и Филельфо, въ то время какъ въ Италіи цѣна на нихъ, разумѣется, значительно поднялась. Этотъ приливъ книгъ изъ Леванта усиливался вѣстѣ съ приближеніемъ опасности отъ турокъ; поэтому въ Италіи едва замѣтна потребность списывать греческія книги. Здѣсь было не мало классически образованныхъ купцовъ, которые умѣли достать рѣдкія вещи для себя и для другихъ ³⁾. Книга, просмотрѣнная ученымъ, даже и греческая, стоила гораздо дороже. Филельфо заказалъ Феодору Газскому списать для себя Илиаду за большія деньги. Онъ не хотѣлъ ее ни продавать, ни мѣнять и за сокровища Брева, даже и кардиналу Виссаріону. Эта книга, по его словамъ, ему дороже всего на свѣтѣ ⁴⁾.

Послѣ этого читатель пойметъ, какую энергію и настойчивость долженъ былъ обнаружить Никколи, чтобы, будучи частнымъ человѣкомъ съ весьма скромнымъ состояніемъ составить библіотеку отъ 600 до 800 томовъ, стоимость которой книгопро-

¹⁾ Беняделли *epist.* Сампан. 45 королю Альфонсу конечно отъ 1442 г., такъ какъ покупка Поджіо относится къ этому году.

²⁾ Gaspr. *Varzizii Opp.* p. 114. 209.

³⁾ Ср. Leon. Bruni *epist.* IX, 4 ed. Mehus къ генуэзцу Никколо Чеба, который вызвался приобрѣтать ему греческія книги, письмо, которое Тонелло по ошибкѣ издалъ въ числѣ писемъ Поджіо II, 15.

⁴⁾ Письмо его къ Виссаріону отъ 23-го января и 15-го октября 1448 г.: И въ свою прекрасную Батрахомомахію онъ могъ написать гексаметры *dt's Anzeiger für Bibliographie u. s. u.* 1854. Heft II. 13. Von Reumont Bandini *Catal. codd. gr. bibl. Medic.* T. II, p. 121. Своей Одиссеи, упомянутой тамъ же p. 174 Филельфо, повидимому, не придавалъ особаго значенія.—О цѣнѣ книгъ и т. п. ср. Ebert *zur Handschriftenkunde* Bd. I Leipzig. 1825, s. 93 ff. 108 ff. Kirchhof *Die Handschriftenhändler des Mittelalters.* 2 neu bearb. Ausg. Leipzig. 1858. Ero же *Weitere Beiträge zur Geschichte des Handschriftenhandels im Mittelalter*—in Petzholdt *Lorenzo de' Medici* Bd. I s. 582. Особенно для Франціи *Hist. Litt. de la France* T. XXIV p. 279 seq.

давецъ Веспасіано опредѣлялъ въ 6000 золотыхъ гульденовъ. Его заслуга выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ, если онъ, какъ положительно увѣряютъ насъ, первый задумалъ планъ публичной бібліотеки, доступной всѣмъ ¹⁾). Правда, Петрарка еще гораздо раньше высказалъ эту мысль, притомъ на свой грандіозный ладъ, полно и ясно. Но у него вообще не доставало уваженія къ общественнымъ потребностямъ. Поэтому онъ совсѣмъ не исполнилъ и договора, заключеннаго съ республикою св. Марка, или исполнилъ лишь слегка. Книги его, послѣ его смерти, были разрознены и растеряны наслѣдниками. Салютато имѣлъ въ головѣ эту мысль, но цѣль его была весьма ограниченная. Именно онъ хотѣлъ предохранить этимъ тексты отъ порчи. «Слѣдовало бы устроить публичныя бібліотеки и собрать въ нихъ всѣ книги. Надъ бібліотеками слѣдовало бы поставить весьма свѣдущихъ людей, которые бы пересматривали книги, тщательно сравнивая между собою, и по зрѣломъ обсужденіи отдѣляя тѣ, въ которыхъ есть варианты. Эту должность занимали нѣкогда, какъ мы знаемъ, весьма именитые люди, и они считали достойнымъ своей славы подписывать имена на спискахъ, которые они просматрѣли, какъ мы это и теперь видимъ на древнихъ рукописяхъ» ²⁾). Но Никколи думалъ прежде всего объ общей пользѣ, какую можетъ принести подобное учрежденіе. Боккачіо завѣщалъ свои книги августинскому монастырю С. Спирито съ условіемъ, чтобы они хранились тамъ въ шкапу, дабы каждый братъ монастыря могъ ихъ читать и изучать ³⁾). Слѣдовательно, о болѣе широкой публичности онъ не думалъ. Но онъ валялись въ величайшемъ безпорядкѣ, пока Никколи, въ то время еще молодой человѣкъ, не велѣлъ поправить на свой счетъ шкапа, назначеннаго для бібліотеки и не установилъ въ немъ въ порядкѣ тѣ книги, которыя Боккачіо сочинилъ и тѣ, которыя онъ списалъ самъ и приобрѣлъ другимъ путемъ. Такимъ образомъ онъ сохранилъ для потомства многое, что иначе сдѣлалось бы жертвою небрежности ⁴⁾). Свою собственную бібліотеку Никколи завѣщалъ было Камальдульскому монастырю

1) Poggius Orat. in funere Nic. Niccoli (Opp. p. 276) Vespasiano: Nic. Niccoli § 8: Solo Nicola a quello che vuole che suoi libri siano in publico a comune utilità di ognuno, che ne meritò grandissimo commendazione. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI, опредѣляетъ стоимость бібліотеки только въ 4000 золотыхъ гульденовъ.

2) Изъ его трактата de fato et fortuna у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 291.

3) Его завѣщаніе 1371 г., при Lettere ed. Corazzini p. 425.

4) Въ діалогѣ Бруни онъ хвалится своею заслугою передъ Боккачіо, qui bibliothecam eius meis sumptibus ornarim propter memoriam tanti viri, et frequentissimus omnium in illa sum apud religiosos heremitarum. И Vespasiano Comment. di Manetti p. 101 упоминаетъ объ этомъ, прибавляя: come si vede infino al presente di. Известно, что большая часть этихъ книгъ погибла во время пожара.

св. Маріи дельи Анджіоли, конечно, по дружбѣ къ Траверсари, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы пользованіе ею было доступно всѣмъ изучающимъ науку, какъ это дѣлалось имъ при жизни. Мы не знаемъ, почему онъ за день до своей смерти переимѣнилъ это завѣщаніе. Вѣроятно, причиною были долги: онъ поручилъ выбрать помѣщеніе комиссіи изъ шестнадцати челоуѣкъ, въ числѣ которыхъ мы читаемъ имена Козьмы и Лоренцо Медичи, Траверсари, Бруни, Поджіо, Марсуппини, Альберти и Манетти. Они предоставили дальнѣйшее распоряженіе бібліотекою Никколи Козьмѣ Медичи, и онъ взялъ на себя долги покойнаго и осуществленіе его мысли относительно бібліотеки. Онъ поставилъ ее въ связь съ другими планами и устроилъ такъ называемую Магсіана, первую публичную бібліотеку.

Какъ разъ въ годъ смерти Никколи (1437 г.) Козьма Медичи началъ вновь отстраивать монастырь предикантовъ св. Марка. На это онъ истратилъ 36,000 золотыхъ гульденовъ вмѣстѣ съ возобновеніемъ церкви, которая потомъ была освящена въ присутствіи папы Евгенія IV. Микелоццо построилъ прекрасную бібліотеку, достоянію помѣщаться рядомъ съ ораторіею монастыря, покойвшуюся на высокихъ мраморныхъ колоннахъ. Такъ какъ монастырское помѣщеніе было занято братіею, то прежде всего надобно было доставить ей богослужебныя книги. Между самими монахами былъ отличный писецъ и миниатюристъ, фра Бенедетто, братъ живописца Джіованни Анджелико. Этому Бенедетто было поручено при помощи нѣкоторыхъ монаховъ, лучшихъ каллиграфовъ въ монастырѣ, писать книги для хора и ризницы и украшать ихъ, что было сдѣлано въ пять лѣтъ и обошлось въ 1500 дукатовъ. Къ этому присоединилась ученая публичная бібліотека въ помѣщеніи, художественно украшенномъ, расчитанная на 64 шкапа. Здѣсь нашли себѣ пріютъ и книги Никколи. Однако число ихъ, при этомъ случаѣ, опредѣляютъ въ 600 слишкомъ томовъ, изъ которыхъ Козьма счелъ себя въ правѣ выбрать 200 томовъ для себя, такъ какъ Никколи остался ему долженъ 500 гульденовъ и сверхъ того онъ удовлетворилъ другихъ его кредиторовъ. Довѣреннымъ лицомъ Козьмы въ монастырѣ былъ братъ Джуліано Лапаччини изъ Флоренціи, родственникъ Никколи. Онъ его книги привелъ въ порядокъ и устроилъ ихъ; на каждой онъ написалъ, что она прежде принадлежала Никколо Никколи. Была составлена и роспись этого собранія. Книги, которыхъ не хватило или слѣдовало имѣть, онъ могъ пріобрѣтать, и для этого ему былъ открытъ неограниченный кредитъ въ банкѣ ¹⁾). Козьма Медичи

¹⁾ Vespasiano vita di frate Girolamo Lapaccini, напечатано при Comment. di Manetti p. 139. Vita di Cosimo di Medici § 9.

охотно обращался и къ другимъ источникамъ для увеличенія и пополненія собранія. Никколи собиралъ только греческихъ и римскихъ классиковъ и знаменитыхъ отцовъ Церкви; новою литературою онъ пренебрегалъ. Козьма распорядился купить въ 1444 г. въ Сіенѣ на 400 золотыхъ гульденовъ книгъ большею частію по каноническому праву, а въ слѣдующемъ году послалъ Лапаччини и Веспазіано въ Лукку, гдѣ они приобрѣли 49 томовъ богословскихъ книгъ изъ бібліотеки францисканцевъ за 250 золотыхъ гульденовъ. Приращенію бібліотеки помогли также завѣщанныя книги. Подмію отказалъ въ завѣщаніи творенія Блаженнаго Августина и всѣ духовныя книги, какія у него были, а также свои греческія рукописи бібліотекъ св. Марка, которая тогда отстраивалась и сопровищами которой онъ самъ пользовался ¹⁾). Когда Козьма Медичи сооружалъ церковныя зданія, то онъ старался снабдить ихъ приличными бібліотеками. Извѣстно, что въ Венеціи въ благодарность за тотъ пріемъ, который тамъ нашелъ во время изгнанія, въ S. Giorgio di Alga онъ устраивалъ бібліотеку и снабдилъ хорошими книгами. Каноники въ Фіезоле, минориты въ Дель Боско близъ Муджелло тоже получили бібліотеки, соответствовавшія ихъ потребностямъ. И какъ только онъ находилъ возможность собирать такія массы книгъ! Когда онъ отстроилъ монастырь С. Лоренцо во Флоренціи, то сталъ совѣтоваться съ Веспазіано. Невозможно было купить книгъ, какія хотѣлось; ихъ нужно было велѣть переписать. Книгопродавецъ тотчасъ же пригласилъ 45 переписчиковъ, а настоятель монастыря долженъ былъ сообщать въ банкъ Медичи, сколько было нужно заплатить имъ: Черезъ 22 мѣсяца образовалось собраніе изъ 200 томовъ, содержавшее въ себѣ всѣ болѣе важныя сочиненія древнихъ римскихъ писателей и Отцовъ Церкви ²⁾). У него былъ также планъ основать бібліотеку въ предмѣстѣи Флоренціи близъ монастыря св. Варооломея. Но насколько этотъ планъ былъ выполненъ, мы не знаемъ. Козьма Медичи поручилъ То м м а з о П а р е н т у ч ч е л л и, тѣсно связанному съ литературными кружками въ городѣ, составить правила для устройства подобныхъ монастырскихъ бібліотекъ ³⁾). Парентучелли указалъ книги

¹⁾ Poggius epist. XII, 2. Его завѣщаніе отъ 19-го октября 1448 г. въ *Giornale stor. d. archivi Tosc.* vol. II, p. 1. *Vespasiano Nicolo Nicoli* § 8. *Nicola V Papa* § 7. *Cosimo de' Medici* § 9. О происхожденіи бібліотеки св. Марка *Vinc. Marchese Santo stor. del convento di S. Marco* въ его *Scritti vari. O позднѣйшей судьбѣ Mehus Vita Ambr. Trav.* p. 42—74. 377. *Tiraboschi T. V*, p. 176. *T. VI*, p. 194—206.

²⁾ *Vespasiano Cosimo de' Medici* § 12.

³⁾ *Ut scripto exponeret qua ratione ipsa esset instituenda atque ordinanda. Era* записка у *Fabronia Cosmi vita* vol. I p. 148 проливаетъ яснѣйшій свѣтъ на извѣстія у

по отдѣламъ и классамъ, какія считалъ нужными или желательными. Конечно прежде всего тутъ были книги св. Писанія, потомъ творенія Отцовъ Церкви и великихъ средневѣковыхъ богослововъ, далѣе Аристотель и его комментаторы, сочиненія Платона, какія были въ переводахъ, важнѣйшіе римскіе прозаики; изъ поэтовъ онъ совѣтуетъ читать монастырской братіи Овидія и Горация. Какъ ни бѣдна эта роспись, она служила руководствомъ при пріобрѣтеніи и распредѣленіи книгъ. Согласно ей были собраны и приведены въ порядокъ книгохранилища: св. Марка, въ Фіезолѣ, герцога Урбинскаго, также пезарскаго Александро Сфорца и наконецъ каждая новая библіотека. Кто не узнавалъ въ этомъ собирателѣ и систематикѣ будущаго папу Николая V, основателя ватиканской библіотеки?

Рядомъ съ этимъ шло собраніе частной библіотеки Медичи, которая по достоинству своему вскорѣ далеко превзошла всѣ эти книгохранилища ¹⁾. Въ нее стекались хорошія книги отовсюду, гдѣ только онѣ были, съ востока и съ запада. Агенты факторій покупали ихъ, если можно было купить, и сами Медичи и во Флоренціи и во время поѣздокъ не упускали случая пріобрѣтать ихъ ²⁾. А какъ много книгъ было посвящено Козьмѣ и его родственникамъ и подарено въ роскошныхъ экземплярахъ! Притомъ множество писцовъ постоянно списывали старинныя рукописи, которыхъ нельзя было купить. Изъ тѣхъ книгъ, которыя привезены были во Флоренцію во время пріѣзда духовныхъ лицъ на соборъ, значительное количество перешло въ собственность Медичи. Самые лучшіе случаи пріобрѣсти рѣдкія книги представлялись со смертью ученыхъ, послѣ которыхъ оставались книгохранилища. Такъ Христофоро де' Бондельмонти, флорентинскій купецъ и впослѣдствіи священникъ, отъ 1414 г. до 1422 г. ѣздилъ по островамъ архипелага, былъ на Критѣ, Ан-

Vespasiano Nicola V § 7 и Cosimo de' Medici § 13. 14 и на inventarium Nicolai papae V, quod ipse composuit ad instantiam Cosmo de Medicis, который Эней Пинноломони сообщаетъ и разбираетъ въ Archivio Stor. ital. Serie III T. XIX p. 114 и T. XXI p. 102. Схема становится понятною въ силу того, что дѣло идетъ не просто о библіотекѣ, а о монастырской. Отсюда тавія выраженія какъ *bibliothese arbitror convenire* или *Ego tamen si bibliothecam conditurus essem, cum omnia a me haberi non possent, vellem illa praecipue non desse.*

¹⁾ Анциани (Della biblioth. Medic.—Laurent. in Firenze, Firenze 1872 p. 5) думаетъ, что ея собраніе относится къ послѣднимъ годамъ жизни Козьмы Медичи, но это, мнѣ кажется, лишено основанія. Вспомнимъ о книгахъ Николаи! Козьма едва ли опять раздарилъ дорогихъ классиковъ и старинныя рукописи. Для монастырей онъ приказывалъ «списывать» книги.

²⁾ Такъ въ 1455 г. Манетта покупалъ книги въ Римѣ по порученію Пьеро де Медичи. Письмо его къ Vespasiano у Фабронія *Cosmi vita* vol. II p. 219 и у Vespasiano *Comment. di Manetti* p. 177.

дросѣ, Родосѣ и всюду скупалъ греческія книги. Потомъ мы ихъ находимъ въ библіотекѣ Медичи ¹⁾. Изъ книгъ, оставшихся послѣ Салютато, Траверсари, Бруни и Филельфо самыя дорогія сокровища мало по малу перешли къ Медичи, хотя и не по 200 томовъ сразу, какъ послѣ смерти Никколи. Такъ объясняется то явленіе, что старинные экземпляры, писанные древнимъ письмомъ, стоятъ рядомъ съ произведеніями современниковъ, которыя мы находимъ въ старинныхъ росписяхъ и еще въ новыхъ каталогахъ библіотеки Лоренцо Медичи ²⁾.

Нѣкоторыя другія собранія флорентинскихъ аристократовъ исчезли, а особенно тѣхъ, которые умерли на чужбинѣ. Веспасіано цѣнилъ книги Манетти въ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Онъ хотѣлъ подарить ихъ монастырю Санто Спирито, которому былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Тамъ же должны были храниться и тѣ книги, которыя онъ писалъ самъ, чтобы съ ними не случилось того же, что, по замѣчанію Веспасіано, случается съ книгами всѣхъ ученыхъ послѣ ихъ смерти. Именно оригиналы ихъ сочиненій пропадаютъ. И у Манетти была та мысль, что его книги современемъ должны свободно пользоваться всякій. Но у него были наслѣдники; поэтому его доброе желаніе не исполнилось ³⁾. Ближе всѣхъ къ Козымъ Медичи по его замысламъ былъ соперникъ его Палла Строща. Онъ скупалъ книги не только въ Италіи, но и поручалъ доставать въ Константинополѣ. Въ томъ числѣ были добыты сочиненія Платона, біографіи Плутарха и первый экземпляръ Политики Аристотеля, благодаря которому это сочиненіе сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ. И Палла думалъ основать публичную библіотеку и избралъ для этого монастырь Св. Троицы, потому что онъ былъ удобенъ для этого по своему положенію среди города. Изгнаніе разстроило его планъ ⁴⁾.

Сама республика была совершенно чужда мысли о публичной библіотекѣ. Пріоры постановили, что смотрители за зданіями при каждой церкви и при каждомъ монастырѣ въ флорентинской области должны разъ въ два мѣсяца составлять инвентари книгъ. Но это требованіе

¹⁾ Bandini Catalogus codd. graec. T. I, p. X. T. II, p. 645. Выводъ Меруса (Vita Ambros. Travers. p. 378), что онъ покупалъ въ качествѣ агента Козьмы Медичи, справедливо оспаривалъ уже Тирабосси. Въ его Liber insulatum Archipelagi объ этомъ нѣтъ рѣчи, а надписи на книгахъ указываютъ на собственника, особенно если онъ называетъ себя scholaris in graecis Scientiis.

²⁾ Bandini l. c. T. I, p. X. XI. Инвентаръ Пьеро 1464 г. у Bandini biblioth. Leop. Laurent. T. III, p. 519, а 1495 г. въ Archivio stor. Ital. ser. III. T. XX.

³⁾ Vespasiano Comment. di Manetti p. 101.

⁴⁾ Vespasiano Palla di Nofri Strozzi § 1. 4. Ambros. Travers. epist. VIII, 10.

шло навѣрное отъ Козьмы Медичи, отъ Бруни или отъ какого либо другаго собирателя книгъ ¹⁾. Сама республика имѣла только пизанскіе пандекты, которые хранились въ залѣ присутствія (*udienza*) какъ святыня, и которыя Чириако считалъ за счастье видѣть при посредствѣ Бруни ²⁾. Кроме этого вмѣстѣ съ другими драгоценностями она приобрѣла въ іюлѣ 1454 г. за 400 золотыхъ гульденовъ большую книгу, украшенную серебромъ и жемчугомъ, Четвероевангеліе на греческомъ языкѣ, и приобрѣла къ пандектамъ. Грекъ Малхъ привезъ его изъ Византіи, взятой турками ³⁾. Но это драгоценное сокровище лежало безъ пользы. Могло бы показаться страннымъ, что на поприще науки и искусства постоянно выступаютъ лишь отдѣльные граждане, но въ сущности они представляютъ собою республику, и Козьма Медичи во многихъ отношеніяхъ былъ какъ бы олицетвореніемъ ея.

Совершенно инымъ духомъ вѣяло въ тѣхъ общественныхъ библиотекахъ, въ которыхъ книги стояли въ открытыхъ помѣщеніяхъ, поступали въ вѣдѣніе того или другаго ученаго, тѣмъ въ тѣхъ душныхъ монастырскихъ кладовыхъ, гдѣ онѣ лежали прежде въ сундукахъ и дѣлались жертвою тлѣнія. Точно такъ же и ученое сословіе во Флоренціи отдѣлилось отъ монаховъ и вступило въ союзъ со знатною республикою, и книги являются здѣсь общимъ достояніемъ этого сословія и даютъ пищу свободной и благородной наукѣ.

Такимъ образомъ историческія сочиненія, рѣчи, музеи и библиотеки настолько же служили украшеніемъ столицъ Тосканы, какъ и четыре евангелиста въ *S. Maria del Fiore* работы Донателло, или фронтонъ *Santa Maria Novella* и дворецъ Рукчелли, въ которыхъ продолжаетъ жить духъ Альберти, какъ тѣ палатцы, церкви, мосты чрезъ Арно, общественные сады, которые обязаны своимъ происхожденіемъ страсти Медичи къ великолѣпію. Ученость, таившая въ нѣдрахъ своихъ искусство, ясное пониманіе изящныхъ формъ, за которыми скрывалось соблазнительное язычество, — такова была сущность флорентинскаго духа. То проявляясь незамѣтно, то прорываясь стремительнымъ потокомъ, духъ этотъ сообщился всей Италіи, а чрезъ Италію и всему новому міру. Если не по крови, то по духу Парентучелли былъ первый Медичи на папскомъ престолѣ. Онъ сталъ для Рима тѣмъ же, чѣмъ былъ Козьма для Флоренціи. Здѣсь гуманизмъ достигъ своего апогея при Лоренцо Великолѣпномъ, воскресителѣ тосканской поэзіи, а

¹⁾ Декретъ отъ 7-го августа 1441 г. у Gaye Carteggio I p. 556.

²⁾ Scalamentius p. 92.

³⁾ Dom. Buoninsegni Storie p. 110. Fontius Annales p. 153.

тамъ при папахъ изъ дома Медичи, къ которымъ примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ, старавшихся прикрыть печальный упадокъ своей власти блескомъ искусства. Раздирающій душу вопль Саванаролы лишь на короткое время пробудилъ флорентинцевъ отъ ихъ поэтического сна, а въ Ватиканскомъ дворцѣ также беззаботно воссѣвали любовь и прекрасныхъ боговъ языческаго міра, когда нѣмецкое слово стадо плотью и ясно показало, что въ грядущемъ можетъ и долженъ настать иной вѣкъ, непохожій на вѣкъ Августа.

Какъ пышно расцвѣтаютъ науки и искусства при могуществѣ и богатствѣ государства, и въ какомъ упадкѣ находятся при отсутствіи ихъ, ясно показываетъ сравненіе Флоренціи съ Сіеною, маленькой сосѣднею республикою. Здѣсь шла борьба партій и иногда играли роль правовѣды. При постоянномъ опасеніи гражданскихъ раздоровъ и сильныхъ сосѣдей, литература и искусство не могли мирно процвѣтать. Тосканская почва и здѣсь производила выдающихся людей, одушевленныхъ благородными стремленіями, но они не могли преодолѣть ненависти и подозрѣній партій. Притомъ Сіена пользовалась дурною славою, какъ арена, на которой былъ полный разгулъ для позорныхъ страстей. По видимому, и лучшимъ людямъ трудно было вести здѣсь спокойную жизнь и пользоваться почетомъ. Эней Сильвій Пикколомини, какъ писатель, всего менѣе пользовался славою въ своемъ родномъ городѣ; прежде чѣмъ онъ сдѣлался папою, городъ этотъ не гордился имъ. Франческо де' Патрици, хорошій юристъ и писатель въ разныхъ родахъ, долженъ былъ покинуть городъ, потому что былъ замѣшанъ въ заговоръ знати въ 1457 г. Даже природный сіенецъ, Маріано де' Содзини, неохотно сталъ читать свои юридическія лекціи и хотѣлъ переселиться въ Вѣну, чтобы только успокоиться отъ преслѣдованій и тревоженія тамошнихъ партій. А онъ былъ человекъ съ разнообразными дарованіями, которымъ бы въ другомъ мѣстѣ гордились, зналъ оба права, былъ опытенъ въ дѣлахъ, знакомъ съ математикою и астрологіею, немножко живописецъ и музыкантъ, также авторъ прелестныхъ стихотвореній. Но недремлющее подозрѣніе согражданъ и ему отравило жизнь ¹⁾.

Позднѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи, рѣшились въ Сіенѣ пригласить въ секретари и для сочиненія торжественныхъ рѣчей гуманиста въ лицѣ

¹⁾ Его письмо къ Энею Сильвію отъ 16-го сентября и его посланіе къ I. Мерсу, австрійскому канцлеру, отъ 8-го декабря 1448 г. Ср. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVIII.

Агостино Дати, ученика Филельфо, согласно дипломатическому обычаю, который нашелъ себѣ доступъ вездѣ, даже при мелкихъ дворахъ владѣтельныхъ особъ. Этому долго препятствовала тоже зависть, потому, что на должность канцлера каждый годъ выбиралось новое лицо ¹⁾).

Своихъ талантовъ въ Сіенѣ не являлось, а изъ странствующихъ наставниковъ греческаго языка или новой реторики ни одинъ не хотѣлъ оставаться тамъ на долгое время. Первый, о комъ мы слышимъ, былъ грамматикъ Маттіа Лупи изъ Санъ Джеминьяно, который, по видимоу, прежде завѣдывалъ школою въ Прато. Онъ уважалъ такихъ людей, какъ Бруни и Марсуппини, былъ друженъ съ Гварино, и его хвалялъ за краснорѣчивый слогъ, но онъ умѣлъ примѣнить свою ретирику и къ дѣлу. Учениками его въ Сіенѣ были упомянутый нами Пикколomini и поэтъ Беккаделли. Но первый никогда не вспоминалъ о немъ, а второй закидалъ его грязью въ своемъ Гермафродитѣ. Онъ, вѣроятно, оставилъ Сіену раньше 1434 г., и Филельфо занялъ его мѣсто. Въ этомъ городѣ Лупи объяснялъ поэтовъ и ораторовъ, а въ своемъ родномъ по прихоти судьбы являлся правовѣдомъ и адвокатомъ, при этомъ также вѣнчаннымъ поэтомъ. Онъ подарилъ своимъ соотечественникамъ множество рукописей. Впоследствии онъ былъ пріобрѣтены Флоренціею для библіотеки Лоренцо Медичи ²⁾). Филельфо принялъ мѣсто преподавателя, когда ему нельзя было больше оставаться во Флоренціи ³⁾). Но жалованье въ 350 цехиновъ было для него плохую приманкою. Въ тѣ четыре года, въ которые онъ преподавалъ ретирику въ Сіенѣ, онъ велъ почти непрерывно переговоры съ герцогомъ миланскимъ и нѣкоторыми университетами, желая найти лучшее положеніе. Впоследствии, когда ему было непріятно жить въ Миланѣ при господствѣ дома Сфорцы, онъ опять велъ переговоры съ Сіеною, но безъ успѣха, потому что просилъ жалованья вдвое больше; прежнимъ онъ довольство-

¹⁾ Aeneas Sylvius l. c. XVI. Письмо Филельфо къ Дати отъ 13-го января 1451 г. Bandieri de Augustino Dato, Romae 1738 а. содержитъ въ себѣ немного больше извѣстій изъ сочиненій Дати, которое, впрочемъ, принадлежитъ позднѣйшему времени.

²⁾ Надгробная рѣчь, связанная на его похороны М. В. въ Джеминьяно, у Mehus Vita Ambros. Travers. 379 и у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 292. Слѣдуя Bandini T. II, p. 94, онъ приглашенъ въ Прато еще въ 1403 г.

³⁾ Ср. его письма къ Леон. Джустиниани отъ 31-го января 1435 г. и къ Бруни отъ 11-го апрѣля 1436 г. Уже раньше своего пріѣзда въ Сіену онъ говорилъ Satyr. Dec. IV hoc. 9.

Excipiat me Sena Sibi tanti per habendom,
Dum mare tranquillum reddet fortuna deusve,
Aut alio solvens fluctus cum turbine linguam.

вался очевидно, по нуждѣ. Плебейское правленіе не имѣло никакого понятія о гуманистической наукѣ, и знать въ своей досадѣ на униженное положеніе не находила того спокойствія, какое требуется для плодотворнаго занятія науками.

Флоренція явилась передъ нами политической и ученою республикою подъ властью одного главы, безмолвно признанною; въ этомъ отношеніи она напоминала Аѣны временъ Перикла. Совершенно противоположное явленіе представляетъ Венеція. Здѣсь и ученое сословіе находится въ олигархически замкнутомъ положеніи; ученость составляетъ достояніе нѣкоторыхъ аристократовъ, но строгое правительство держитъ ее на извѣстномъ разстояніи отъ общественной жизни. Отъ «государства» ученые не могутъ пользоваться благосклонностью, но ему нечего бояться и его неприязни. Оно не окажетъ ему поддержки, но и не отнесется къ нему съ нетерпимостью. Правительство не желаетъ и не требуетъ никакой услуги отъ изящныхъ искусствъ и словесности по части украшеній и славы. Оно старается только сохранить таинственный ореолъ своей непоколебимой власти и въ этомъ стремленіи обращаетъ отдѣльнаго гражданина въ какой-то атомъ, имѣющій значеніе лишь въ силу благоговѣйнаго поклоненія цѣлому. Уже и въ то время на Венецію смотрѣли какъ на новую Спарту, въ которой законы и учрежденія неизмѣнны и честолюбивые помыслы лучшихъ гражданъ влоняются лишь къ величію республики ¹⁾. Могущество этой республики зиждется на безопасности складочныхъ мѣстъ и увеличеніи числа ихъ, на полнотѣ запасныхъ магазиновъ и арсеналовъ, на широкомъ распространеніи венеціанскаго господства на сушѣ, на богатствѣ кассъ, а главнымъ образомъ—на строгой правительственной системѣ. Въ историческомъ отношеніи для нея важно лишь ея прошлое, такъ какъ на немъ покоится настоящее. Поэтому вся ея политика обращена на данное положеніе вещей и на ближайшее будущее. Иллюзіи и мечты его не увлекаютъ, идеалы не находятъ для себя почвы, наука—свободы. Граждане чужды космополитическаго духа, который во Флоренціи развился наряду съ патриотизмомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что венеціанская знать, какъ цѣлое сословіе, относится равнодушно къ гуманизму, и выступаютъ лишь отдѣльныя личности, которыя по своему влеченію отдаются новому образованію. Если они въ тоже время оказываютъ республикѣ

¹⁾ Benedicti Accolti Dialogus ed. Galletti p. 119. 120 видитъ въ членахъ венеціанскаго совѣта подобіе древне-римскихъ сенаторовъ. *Nihil inter illos vanum, nihil leve, nihil indignum posses inspicere.—Rem suam publicam unice diligunt, proque illa aucta ingenti temper studio laboraverunt*

великія услуги въ важныхъ должностяхъ, то это, можетъ быть, является плодомъ ихъ болѣе утонченной образованности, которая всюду даетъ себя знать. Самой республикѣ нужны только ихъ военные или административные таланты, прибрѣтены ли они просто практикою, или развиты учеными занятіями. Въ Венеціи нѣтъ ученаго кружка, и странно, что тамошніе выдающіеся ученые скорѣе вступаютъ въ связь съ чужеземцами, чѣмъ между собою. Они примыкаютъ къ тому литературному кружку, къ той республикѣ ученыхъ, которая имѣетъ своихъ членовъ по всей Италіи, но при этомъ постоянно охраняютъ честь и достоинство своего сословія. Уже самое положеніе ихъ, по видимому, исключаетъ всякую зависть, соперничество, вражду и вообще страсти. Поэтому они ни съ кѣмъ не вступаютъ въ споры, являются даже безпристрастными посредниками, тогда какъ во Флоренціи литературная вражда ведетъ къ скандалу. Поэтому же самому они всюду пользуются великимъ почетомъ. Поджіо отозвался неуважительно о венеціанской знати въ своемъ разговорѣ о дворянствѣ. Тогда тотчасъ же выступилъ на защиту своего сословія аристократъ Грегорио де Коррери, бывший въ то время первымъ нотаріусомъ папскаго двора. Злоязычный Поджіо долженъ былъ извиниться и уладить дѣло, насколько можно; споръ этотъ велся въ вѣжливомъ тонѣ и былъ порѣшенъ мирно ¹⁾. Онъ былъ снова поднятъ, когда въ фацеціяхъ (увеселительныхъ сочиненіяхъ) Поджіо нашли одно выраженіе, затрогивавшее честь венеціанской республики. И на этотъ разъ Поджіо вѣжливо извинился, но когда юный венеціанецъ Лауро Квирина угрожалъ ему сильнымъ памфлетомъ, то Поджіо, чтобы дать ему понятіе о своемъ талантѣ, послалъ одну изъ инвективъ противъ Филельфо. Насколько извѣстно, дѣло не дошло до ссоры ²⁾.

И въ Венеціи, съ которою у Петрарки были разнаго рода связи, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ (отъ 1362 до 1462 г.), не совсемъ угасли искры его духа, хотя не разгорѣлись такимъ яркимъ пламенемъ, какъ во Флоренціи. Конечно, едва ли произвела сильное впечатлѣніе та рѣчь, которую онъ говорилъ тамъ передъ совѣтомъ въ 1359 г. въ качествѣ посла отъ Висконти ³⁾. Но уже

¹⁾ Poggius epist. VIII, 18. 27, ed. Tonelli.

²⁾ Poggius epist. IX, 14 ed. Tonelli, отъ 1426 г. къ знаменитому врачу Пьеру де-Томази въ Венеціи. Онъ сознается, что написалъ колія слова въ *inconsiderata libertas loquendi*, но тотчасъ же уничтожаетъ ихъ въ своемъ экземплярѣ. Письмо Лауро Квирина къ Франч. Барбаро въ числѣ его писемъ Append. epist. 62. Кромѣ него писали въ защиту венеціанской знати, по словамъ Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 118, также Франч. Контарини и Николо Барбо, и эти сочиненія есть въ Готскомъ спискѣ.

³⁾ Она не напечатана и, быть можетъ, сохранилась только въ лѣнскоіи рукописи, которая указана у Barbeau du Rocher Ambassade de Pétrarque p. 212.

одно появленіе великаго человѣка въ республикѣ было событіемъ, поразившимъ умы. Въ числѣ друзей, пріобрѣтенныхъ имъ здѣсь, былъ и дожъ Андреа Дандоло, авторъ извѣстной хроники. Но обильнѣе послѣдствіями была его встрѣча съ любимцемъ Дандоло, Беннинтеди де'Равеньяни, великимъ канцлеромъ республики съ 1352 г., которой онъ уже давно служилъ нотаріусомъ великаго совѣта, вице-канцлеромъ и участвовалъ въ разныхъ посольствахъ. Онъ уже раньше горячо желалъ достать сочиненія Петрарки, а около сотни его писемъ, набранныхъ у знакомыхъ и незнакомыхъ, онъ берегъ какъ сокровище. Теперь онъ просилъ Петрарку дозволить ему списать его дружескія письма и заключить съ нимъ дружескій союзъ. На это послѣдовало согласіе. При посредствѣ Беннинтеди Петрарка велъ съ республикою переговоры о своей библиотекѣ и домѣ на Рива дельи Сбьявони, въ который онъ переселился въ 1362 г. Часто увозилъ его великій канцлеръ въ своей красивой гондолѣ подышать ночью прохладою среди ученыхъ и дружескихъ бесѣдъ. Но онъ умеръ въ 1365 г. на 48 г. жизни. Онъ вѣрно служилъ республикѣ, чего она и ждала отъ своихъ сановниковъ. Она для него была дороже, по его словамъ, чѣмъ родители, сыновья и друзья, чѣмъ онъ самъ; это онъ считаетъ не рабствомъ, а высшею свободою. Онъ часто жалуется, что при множествѣ дѣлъ у него остается мало времени для занятій краснорѣчіемъ и для дружескихъ писемъ. Онъ заботился о веденіи венеціанской хроники, хотя его собственная хроника была прервана рано, конечно, его смертыю. Кромѣ этого послѣ него остались официальные посланія и письма. Особенно въ послѣднихъ довольно часто встрѣчаются излюбленные мысли и обороты Петрарки. Конечно, онъ не былъ такимъ страстнымъ поклонникомъ науки, какъ Салютато, и никогда бы не сравнялся съ нимъ по основательности классическаго образованія, если бы и прожилъ дольше.

Не менѣе усерднаго поклонника и друга нашелъ Петрарка въ Венеціи въ лицѣ бѣднаго школьнаго учителя Донато дельи Альбанцани, котораго онъ прозвалъ Ареппингеса (уроженецъ Апеннинъ), потому что онъ нѣкогда переселился на берегъ Адриатическаго мо-

¹⁾ Извѣстно, какія изъ его писемъ попали въ собраніе Петрарки, изъ котораго я здѣсь воспользовался особенно *epist. rer. famil.* XIX, 11 и *rer. senil.* III, 1. Другія письма его и въ немъ есть въ лейпцигской рукописи, изъ коей я намѣренъ еще сдѣлать нѣкоторыя извлеченія. О его сочиненіяхъ см. *Mittarelli Bibl. codd. ms. monasterii S. Michaelis Venet.* p. 123. *Ibid.* p. 1196 письмо Верджеріо, которое, конечно, не можетъ быть отъ 1412 г., въ которомъ онъ хвалитъ Беннинтеди какъ *acrem virum ingenio promptaque oratione.* *Agostini Scritt. Viniz.* T. II p. 322--327

ря изъ тосканскаго Козентино, именно изъ Прато Векію. Петрарка хвалитъ его, какъ человѣка безукорынно добродѣтельнаго, который и самъ питаетъ къ нему горячую любовь. Онъ-то и отрекомендовалъ Петраркѣ въ писцы своего ученика, юнаго Джованни да Равенна, и Петрарка подарилъ ему свою книгу «О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей». Въ позднѣйшіе годы онъ написалъ объясненіе содержанія Петрарковухъ элогъ, а главное — перевелъ на народное нарѣчіе его сочиненія и сочиненіе Боккачіо «О знаменитыхъ мужахъ». Онъ былъ въ дружбѣ съ Боккачіо, а впоследствии и съ Салютато. Какое счастье было для него, когда Боккачіо посвятилъ ему свои буколики! Мы встрѣтимъ его въ лучшемъ положеніи при дворѣ Эсте ¹⁾. Но мы не можемъ указать никакихъ слѣдовъ его долголѣтней дѣятельности въ Венеціи. Здѣсь дѣти, какъ раньше его, такъ и послѣ подготовлялись къ торговлѣ, а о латинской премудрости хлопотали только тѣ, кто готовился къ духовному званію ²⁾.

Карло Зено первый изъ среды знати занимался гуманистическими науками, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Ученые, какъ Хризолоръ, Верджеріо, Гварино встрѣчали въ его домѣ дружескій пріемъ и пользовались его щедростью. Какъ бы съ предчувствіемъ заглядывая въ будущее, онъ еще на 80 году жизни хотѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми сокровищами греческой литературы. Въ то время Гварино посвятилъ ему свой переводъ Плутархова Фемистокла ³⁾. Но славою своею Зено обязанъ не этому меценату. Онъ принадлежалъ къ числу первыхъ полководцевъ и адмираловъ своего времени и служилъ республикѣ въ качествѣ посла въ Италиі, Греціи, Англіи и Франціи ⁴⁾.

1) Petrarca epist. rer. senil. III, 1. Agostini l. c. T. I, p. 4. Baldelli Petrarca p. 242. Hortis Studj s. opere lat. del Boccacio p. 600 seg. Содержанія къ элогамъ Петрарки, которые ошибочно приписываются самому Петраркѣ, см. у Hortis Scritti ined. di Petrarca p. 359 (также p. 223), переводъ книги de viris illustri bus при ея изданіи, сдѣланномъ Раццолини.

2) Еще около 1430 г. Грегоріо Корраро въ сатирическомъ стихотвореніи говоритъ о воспитаніи у Rosmini Vittorino da Feltre p. 484:

Veneti pueri longis ambagibus haerent,
Aut abaco discunt teneri, imberbesque etiam tum
Assyrias Latio mutant sub sidere gazas.
Solae divitiae remo veloque petuntur.

3) Часть этого посвященія у Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 739.

4) Его біографія, написанная внукомъ, Джіакомо Зено, епископомъ Фельтре и Беллуно, а съ 1460 г. падуанскимъ, человѣкомъ съ основательнымъ гуманистическимъ образованіемъ, у Muratori Scriptt. T. XIX p. 199. Надгробная рѣчь, сказанная Карлу Зено

Къ тому же времени относится дѣятельность Закаріи Тревиано. Это патрицій, тоже служившій государству въ посольствахъ и разныхъ другихъ должностяхъ. При этомъ онъ имѣлъ связи съ учеными, какъ напр. съ Салютато, старшимъ Варанцею и Бруни. Тѣ рѣчи, изъ которыхъ одну онъ говорилъ въ 1407 г. отъ имени дожа Стено папѣ Григорію XII, а другую антипапѣ «авиньонскому владыкѣ», требуя искорененія раскола, произвели сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ не только бойко и внушительно, но удивлялись также риторическому паренію его рѣчи и дару слова ¹⁾). Но, по видимому, онъ всегда былъ чуждъ честолюбиваго желанія блистать въ роли настоящаго писателя.

Когда Зено умеръ въ 1418 г., то надгробную рѣчь ему говорилъ молодой человекъ, принадлежавшій къ одной изъ первыхъ знатныхъ семействъ, въ церкви S. Maria Celeste. Это былъ Леонардо Джустиніани, ученикъ Гварино, присутствовавшій на похоронахъ, искусно владѣвшій латинскимъ языкомъ и знавшій греческій. Здѣсь было новостью, что міряне говорили рѣчи у гроба. Но и впоследствии въ Венециі вошло въ обычай не приглашать для этой цѣли чужеземныхъ ораторовъ, а кого-нибудь изъ ученыхъ знатныхъ гражданъ. Говорящій долженъ былъ напомнить объ услугахъ, оказанныхъ покойнымъ государству въ военное и мирное время. Леонардо еще будучи молодымъ человекомъ пользовался громадною популярностію, какъ одинъ изъ сладкозвучнѣйшихъ Петраркистовъ. Его настоящимъ призваніемъ была музыка. Онъ изливалъ жалобы на несчастную любовь въ канцонетахъ и умѣлъ придать имъ такую трогательную мелодію, что отъ нихъ всё приходило въ восторгъ, и они пѣлись не только на пирахъ и на свадьбахъ, но и на улицахъ. Въ глубокой уже старости муза внушила ему гимны въ честь Св. Дѣвы Маріи и святыхъ, которые онъ, уже ослабши, распѣвалъ подъ звуки лютни ²⁾). Къ его юношеской порѣ относится переводъ 7 біографій Плутарха, доставившій большую радость его учителю Гварино.

8-го мая 1418 г. Леонардо Джустиніани, въ Bernardi Iustinian Orationes fol. a, 2, даде у Martene et Durand Collect. ampliss. T. III, p. 748 и у Muratori l. c. Письмо Гварино въ похвалу этой рѣчи несомнѣнно отъ 20-го іюня 1418 г., какъ у Zacharias Iter lit. p. 25, а не отъ 1-го іюля 1417 г., какъ у Mittarelli p. 477.

¹⁾ Полагаютъ, что онъ родился въ 1370 г., а умеръ въ 1418. Обѣ рѣчи у Mittarelli p. 1150. 1154. См. также письмо Варанцы въ оратору ibid. p. 437 и Leon. Bruni epist. II, 15 ed. Mehus.

²⁾ Посланіе Пьера Перлеоне къ Николаю Сарудино въ Miscellanea di varie operette T. II, p. 86: онъ говоритъ, что изобрѣлъ quosdam suavissimos et miros quosdam vocum et nervorum cantus. . . . nec alii nunc, ut vides, cantus in nuptiis, in conviviis, in triviis ac vulgo passim adhibentur. Blondus Ital. illustr. p. 373: dulcissimis carminibus et peritissime vulgariter compositis omnem replevit Italiam. Facius de vir.

Впослѣдствіи онъ сочинялъ восторженныя рѣчи и писалъ изящныя письма, но за большія сочиненія не брался. Съ 1431 г. онъ былъ занятъ дѣлами республики; онъ жалуется, что весьма мало можетъ заниматься изученіемъ древности. Послѣ множества посольствъ и должностей онъ былъ выбранъ прокураторомъ св. Марка; это былъ высшій санъ въ республикѣ послѣ сана дожа. Онъ считалъ нужнымъ присутствовать и въ совѣтѣ и на площади даже и тогда, когда почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Этотъ самый человекъ, который въ болѣе молодые годы обмѣнивался сонетами съ Чириако, теперь постоянно ведетъ переписку съ великими учеными своего времени, съ Никколи, Траверсари, Палла Строцца, Филельфо и Гварино. У него перваго въ Венеціи было большое собраніе латинскихъ и греческихъ книгъ. Послѣдній онъ добывалъ чрезъ купцовъ въ Греціи и на островѣ Кипрѣ; а изъ тѣхъ книгъ, которыя Филельфо приобрѣлъ въ Византіи, онъ присвоилъ себѣ значительную часть, какъ залогъ, хотя Филельфо не хотѣлъ признать этого права. О государственномъ человекѣ отзываются съ особенною похвалою, потому что онъ охотно давалъ друзьямъ свои книги. Онъ умеръ 10 ноября 1446 г.

Домъ Джустициани болѣе вѣка славился своимъ высокимъ образованіемъ. Уже дядя Леонардо, Леонардо старшій, признается величайшимъ ораторомъ, однако для насъ онъ личность темная. Лоренцо, братъ прокуратора, целестинецъ въ монастырѣ S. Giorgio in Alga, впослѣдствіи венеціанскій патриархъ, считался святымъ человекомъ въ этой фамиліи. Онъ написалъ 14 томовъ рѣчей и богословскихъ сочиненій ²⁾. А самымъ знаменитымъ въ цѣломъ родѣ былъ сынъ Леонардо, Бернардо, тоже ученикъ Гварино, какъ и отецъ его ³⁾. Когда Траверсари въ 1433 г. познакомился съ двадцатипятилѣтнимъ юношею, то удивлялся его образованію, получивъ отъ него переводъ рѣчи Исократы ⁴⁾. Бернардо въ то время также пробовалъ свои силы въ стихотвореніяхъ «О мирѣ». Но съ тѣхъ поръ

ilustr. p. 12. Janus Pannonius въ панегирикѣ Гварино v. 630: plectro celebr Leonardus eburno. Изданія его пѣсень у Agostini T. I, p. 164. См. также рукопись у Palermo Manuscripti Palutini vol. I, p. 389, въ которыхъ также есть и нескромныя канцоны.

1) Объ этомъ часто говорится въ письмахъ Филельфо, особенно въ письмѣ къ Гварино отъ 3-го августа 1448 г.

2) Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 273.

3) Въ письмѣ къ Джакомо Зено (Oratt. et. epist. fol. k, 4) онъ называетъ Guarinum praeseptorem nostrum et litterarum atque doctrinae nomen.

4) Ambros. Nodoeor. p. 27. 35. Для насъ странно, что онъ называетъ автора, родившагося въ 1408 г., puer, а на стр. 58 рассказываетъ о его свадьбѣ. Часто такія выраженія, какъ puer и adolescens въ то время употреблялись въ очень

какъ онъ поступилъ на государственную службу, онъ жалуется, подобно своему отцу, что у него едва остается время читать, не говоря уже о писательствѣ. И его услугами часто пользовались для равныхъ и весьма важныхъ посольствъ, тѣмъ болѣе, что знали его умѣнье говорить рѣчи. Онъ сѣдѣлъ также въ совѣтѣ десяти, а въ 1474 г. тоже былъ сѣдѣланъ прокураторомъ республики. Онъ написалъ хронику Венеціи съ раннихъ временъ и умеръ въ 1489 г. въ преклонныхъ лѣтахъ. Имя Джустиніани всюду пользовалось извѣстностью, гдѣ только чтили музъ. Но рѣчи и письма членовъ этой фамиліи показываютъ, что значеніе ихъ въ литературномъ мірѣ въ значительной степени обуславливалось ихъ богатствомъ и политическою ролью, но что они далеко ниже знаменитыхъ стилистовъ. Лишь въ молодости ихъ манило въ флорентинскіе кружки. Свои лучшія силы, цвѣтущую пору жизни они посвятили на служеніе республикѣ ¹⁾).

То же самое явленіе представляетъ собою и Франческо Барбаро, которому, какъ писателю, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто между венеціанцами. Въ латинской грамматикѣ и краснорѣчій онъ получилъ основательныя познанія у лучшихъ наставниковъ, Джюванни да Равенна и Гаспарино Варзиццы. Уроки Гварино вполне dokonчили его образованіе. Ему и только ему одному онъ былъ обязанъ основательнымъ и невѣроятно быстрымъ знакомствомъ съ греческимъ языкомъ и нѣкоторыми главными произведеніями греческой литературы ²⁾. Въ очень короткое время онъ сталъ понимать Гомера и Геродота, въ нѣсколько дней могъ перевести изъ Плутарха біографіи Аристиды и Катона ³⁾. Съ тою же легкостью, какъ онъ

широкомъ смыслѣ. Переводъ, сдѣланный Бернардо, согласно посвященію, какъ *adolecentulus et hoc scribendi studium nunc primum ingressus*, въ его *Orati. et Epist.* fol. h, 6.

¹⁾ Bernardi Justiniani etc. *Orationes et Epistolae*. Въ концѣ: *Impressum Venetiis per Bernardinum Benalium* (Hain Repert. no. 9639). Весьма рѣдкое изданіе, въ которомъ есть также письма и рѣчи Леонардо, обыкновенно относятся къ 1492 г. *Jac. Phil. Vergomas* fol. 279, котораго сочиненіе было напечатано въ 1518 г. въ Венеціи, говорить, что эта книга вышла *purè*. Она находится въ Лейпцигской университетской бібліотекѣ. Къ біографіи *Agostini Scritt. Viniz. T. I, p. 135—176. Rosmini Vita di Guarino* vol. III, p. 24—29.

²⁾ Нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что и Витторино да Фельтре былъ его учителемъ, и приведенное у *Rosmini Vittorino* p. 218 письмо Барбаро указываетъ на противное. О Хризоторъ это утверждаютъ рано, но и это невозможно; когда Хризоторъ преподавалъ въ Венеціи въ 1395 г., то Барбаро еще не родился, а въ 1408, когда ему было десять лѣтъ, Хризоторъ тамъ не преподавалъ. Если Гварино въ письмѣ къ Барбаро у *Mittarelli Bibl. S. Mich.* p. 489 называетъ Хризотора *praesertorem nostrum*, то извѣстно, что онъ вообще уважаетъ его какъ назидателя греческой мудрости въ Италиі.

³⁾ Онъ говоритъ въ концѣ сочиненія *de re uxoria* о своихъ успѣхахъ въ греческомъ языкѣ: *in his vix paucos menses versatus uberes iam et iucundos fructus colligere vi-*

говорить, въ 25 дней, 17-ти лѣтній юноша написалъ сочиненіе «О бракѣ», которое доставило ему громкую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Только юношескимъ увлеченіемъ ученика и педантскою наивностью грамматика Гварино, можно объяснить выборъ такой странной темы. Въ этомъ трудѣ шла рѣчь о сущности брака, о домашнемъ порядкѣ, de coetus ratione и о воспитаніи дѣтей. Обо всемъ говорилось съ антикварной ученостью и въ духѣ строгой нравственности, будто пишетъ старикъ. Недостатокъ опытности для юноши замѣнялся мудрыми наставленіями стараго Тревизано и его уважаемаго учителя. Впрочемъ книга была издана чрезъ два года послѣ смерти Тревизано. Въ особенности богатый матеріалъ давали ему изреченія древнихъ писателей и рассказы, заимствованные у нихъ. Изъ классиковъ съ особенною любовью онъ указывалъ на грековъ, въ то время еще мало извѣстныхъ, какъ будто они лучшіе наставники по вопросу о женщинахъ и бракѣ. Гварино съ гордостью разослалъ эту книгу своимъ друзьямъ—во Флоренцію, въ Констанцъ и другія мѣста. Она была поднесена Лоренцо де Медичи ко дню его свадьбы, въ чемъ высказалось и уваженіе молодого писателя къ флорентинскому кружку образованныхъ людей. Но даже и Никколи высказалъ о ней весьма сочувственный отзывъ. Въ Констанцѣ, гдѣ былъ весь римскій дворъ, сочиненіе это переходило изъ рукъ въ руки. Верджеріо нашелъ его у кардинала Забареллы и удивлялся тому, что неопытный юноша могъ такъ прославиться. Поджіо, получившій ее отъ Гварино, рассыпался въ похвалахъ сочиненію и тонко подшучивалъ надъ молодымъ авторомъ, который, подобно Цицерону, тоже написалъ книгу объ обязанностяхъ, именно семейныхъ. Ченчи получилъ эту книгу отъ автора и читалъ ее съ наслажденіемъ. Какимъ сочувствіемъ она пользовалась, въ то время и впоследствии, показываетъ множество рукописей ея и печатныхъ оттисковъ. Послѣ этого Барбаро уже не писалъ большихъ сочиненій и женился чрезъ пять или семь лѣтъ, слѣдуя, какъ полагалъ Поджіо, правиламъ своей книги, на Марію, дочери Пьера Лоредано, въ то же самое время, какъ и учитель его Гварино¹⁾.

Барбаро былъ во Флоренціи еще до изданія своей книги, познакомился тамъ съ фамиліею Медичи, съ Роберто Росси, Бруни и Никколи,

deor. Это подтверждаетъ и самая книга. Посвященіе переводовъ своему брату Заммаріа, жившемуся вмѣстѣ съ нимъ у Гварино, у Quirini Diatriba p. 185.

¹⁾ Самое раннее изданіе этой книги, которымъ я и пользовался, озаглавлено такъ: Francisci Barbari. . . . de re uxoria libelli duo. In aedibus Ascensianis (Parisii) 1513. Позднѣйшіе оттиски у Agostini Scritt. Viniz. Т. II, p. 118. Здѣсь тоже p. 122 замѣтка Джіакомо да Иддье о сочиненіи ея въ 25 дней. Письмо Гварино къ Никколи у Mittarelli p. 479. Письма Поджіо (I, 3 ed. Tonelli) и Верджеріо при выше упомянутомъ изданіи. Ambros. Travets. Epist. VI, 15.

и, разумѣется, этотъ кружокъ произвелъ на него воодушевляющее впечатлѣніе. Онъ и потомъ былъ нѣсколько разъ въ городѣ на Арно и всегда видался съ его образованнѣйшими гражданами, служа связующимъ звеномъ между двумя республиками ученыхъ. Когда въ 1433 г. Медичи были изгнаны изъ Флоренціи, то Барбаро выражалъ одному флорентинцу свое глубокое сожалѣніе объ этомъ, «какъ въ интересахъ общественныхъ, такъ и личныхъ», потому что ему всегда были дороги честь и слава Флоренціи ¹⁾). Извѣстно, что Медичи снова избрали своимъ мѣстопребываніемъ Венецію и въ благодарность за это устроили библіотеку въ С, Джорджио и снабдили книгами. Ясно видно, что въ то время политическая дружба имѣла слѣдствіемъ нѣкоторое взаимное вліяніе умовъ.

Не смотря на это Барбаро никогда не былъ между итальянскими учеными, какъ между равными себѣ. Напротивъ онъ занималъ между ними аристократическое положеніе собственно не какъ богатый патрицій, а только потому, что его обязанности въ отношеніи республики св. Марка не позволяли ему вполне отдаться этому кружку ученыхъ. Едва ли былъ хотя одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ въ Италіи, который бы не почиталъ его другомъ и не былъ бы съ нимъ въ перепискѣ. Въ Римѣ онъ былъ въ сношеніяхъ съ Виссаріономъ, Бьондо, въ Неаполѣ съ Валлою, Фаціо и Беккаделли, въ Миланѣ съ Филельфо и Дечембрио, въ Феррарѣ съ Гварино и Ауриспю и наконецъ со всѣми флорентинскими учеными. Но собственно говоря онъ не былъ близокъ ни съ однимъ изъ этихъ «друзей», не исключая и венеціанцевъ, дѣлвшихъ съ нимъ его ученые труды. Литературныя распри, шедшія между флорентинцами, были ему противны. Если они старались вовлечь его въ нихъ, то онъ отговаривался тѣмъ, что не читаетъ полемическихъ сочиненій, и, по его мнѣнію, не слѣдуетъ высказывать необдуманнаго сужденія объ умѣ и характерѣ ученыхъ друзей. Онъ является примирителемъ между Бруни и Никколи, между Поджіо и Гварино; между Поджіо и Валлою онъ тоже пытался установить мирныя отношенія ²⁾).

Барбаро принималъ участіе во всѣхъ стремленіяхъ гуманистовъ и проявлялъ свой талантъ въ разныхъ направленіяхъ. Онъ собиралъ произведенія древнихъ писателей, сравнивалъ разные экземпляры и исправлялъ ³⁾). Онъ владѣлъ настолько греческимъ языкомъ,

¹⁾ Его письмо къ Анджемо Полициано у Фаброніуса, *Cosmi vita* vol. II p. 87.

²⁾ Его письмо къ Валлѣ въ его *Opp. Basileae* 1540 p. 384. *Franc. Barbari Epist. ad Quirino epist.* 233. 234.

³⁾ Его *Иліада*, полученная съ острова Крита, Одиссея, схолия и *Батрахомиомакія* указаны у *Agostini* T. II, p. 42.

что вмѣстѣ съ Леонардо Джустиниани могъ въ 1423 г. встрѣтить греческаго императора Іоанна Палеолога греческою рѣчью. Разсказывали, будто императоръ сейчасъ же узналъ, что они ученики Гварино. Рѣчи Барбаро, какія извѣстны намъ, говорились по политическимъ и общественнымъ поводамъ; въ числѣ ихъ есть только одно надгробное слово, сказанное по смерти одного венеціанскаго врача и друга за отсутствіемъ родственниковъ ¹⁾. Объ его обширной корреспонденціи еще не даютъ полнаго понятія пока обнаруженные письма ²⁾. Мы охотно вѣримъ, что его дѣятельный умъ, занятый массою государственныхъ дѣлъ и личныхъ связей, часто заставлялъ его ночью браться за перо, чтобы-что нибудь записать ³⁾.

Во Флоренціи Барбаро гордились бы только какъ ученымъ, а въ Венеціи его уважали только какъ заслуженнаго государственнаго чловека. Его официальное положеніе налагало на него тяжелое бремя, отъ котораго онъ находилъ облегченіе лишь въ перепискѣ съ флорентинскими друзьями. Флорентинцы не были такими союзниками островной республики, какъ въ то время, когда они вмѣстѣ боролись съ миланскимъ герцогомъ Филиппомъ Маріею. Поэтому онъ долженъ былъ остерегаться и писать *salvo officio* (не затрогивая дѣловыхъ отношеній). Вотъ отчего въ его письмахъ нѣтъ откровенныхъ сообщеній по дѣламъ политическимъ и церковнымъ, которыя вообще позволяютъ себѣ гуманисты. Для него всегда выше всего интересъ отечественнаго города. И науками онъ занимался для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ и полезнымъ гражданиномъ. Это было самое твердое убѣжденіе его, которое онъ однажды высказалъ дружному съ нимъ университетскому ученому: «Пора тебѣ вывести философію изъ темной обители праздныхъ почитателей на открытое поле, на борьбу. Счастливы тѣ люди, которые трудятся для общаго блага среди свободнаго народа, которые съ честью исполняютъ великія дѣла и пользуются славою (политической) мудрости» ⁴⁾.

¹⁾ Рѣчь императору Сигизмунду 1433 г. у Agostini. Т. II. p. 124, *arguta* у Quirini *Diatriba* p. 156. 162.

²⁾ *Franc. Barbari et aliorum adi psum epistolae* (ed. Quirino). Brixiae 1743. Есть еще цѣлые тома писемъ, которыхъ въ этомъ собраніи нѣтъ; указаны у Agostini Т. II, p. 129, у Foscarini della lett. Venez. vol. I p. 456, Rosmini Vittorino da Feltre p. 218, въ *Archivio stor. Ital.* Т. V, p. 407. Письма въ нему у Rosmini Vita di Guarino vol. III, 12 у Valentinielli *Bibl. ms. ad S. Marci Venez.* Т. VI, p. 187. Нѣкоторыя письма и рѣчи Барбаро также у Pez. *Thesaur. anecd. nov.* Т. VI, p. III.

³⁾ Въ своемъ спискѣ дружескихъ писемъ Петрарки онъ прибавлялъ на полѣ въ *epist. rer. famil.* XXI, 12, гдѣ Петрарка разсказываетъ нѣчто подобное про себя: *Nos idem saepe fecisse confiteor. F. bar.*

⁴⁾ *Barbari Epistt.* ed. Quirino *Append. epist.* 50. Подобныя выраженія *ibid.* ep. 84. 194, въ письмѣ въ Венару у Agostini Т. II, p. 40, у Quirini *Diatriba* p. 40.

Когда 17-лѣтній юноша написалъ упомянутую нами книгу «О бракѣ», то уже на 21 г. ему данъ былъ санъ сенатора ¹⁾. Съ этихъ поръ мы постоянно видимъ его въ должности pedestes въ вольныхъ общинахъ республики, или посломъ, представляющимъ ее передъ итальянскими государствами, передъ папою и императоромъ. Больше всего прославился онъ защитою Брешии отъ нападенія миланскаго герцога въ 1437 г. Онъ былъ начальникомъ города, раздираемаго враждою партій и весьма скудно снабженнаго продовольствіемъ и не смотря на голодъ и чуму держался три мѣсяца, осаждаемый Пиччинино. Онъ никогда не хвалился своими литературными талантами, но мысль о томъ, что онъ въ этомъ случаѣ «сослужилъ службу отечеству и отстоялъ свободу Итали», наполняла его благородною гордостью, тѣмъ болѣе, что со стороны сената республики онъ видѣлъ обидное пренебреженіе къ себѣ ²⁾. Оба послѣдніе года жизни онъ провелъ въ Венеціи прокураторомъ св. Марка. Для научныхъ занятій въ послѣдніе двадцать лѣтъ у него не оставалось времени. Подъ старость онъ совсѣмъ забылъ греческій языкъ, которымъ нѣкогда прославился ³⁾.

Немного можно сказать о другихъ венеціанцахъ, подвизавшихся на поприщѣ классическихъ наукъ. Во Флоренціи второе поколѣніе дало роскошныя всходы, въ Венеціи—весьма скудныя. Еще разъ вспомнимъ объ Андреа Джулиано, который только на 23-мъ году перешелъ отъ торговыхъ дѣлъ къ занятіямъ науками и учился у Гварино. Послѣдній просилъ его, какъ знатнаго патриція, сказать публично надгробное слово въ честь Хризолора. Онъ написалъ объясненіе къ нѣкоторымъ рѣчамъ Цицерона, но скорѣе о немъ всѣ забыли ⁴⁾. Такіе ученые, какъ Грегорио Корраро и Ермолао Барбаро, конечно, пользовались значеніемъ при дворѣ папы Евгенія IV, тоже родомъ венеціанца, и Венеціи принадлежали только по рожденію. Напротивъ Лауро Квириани родился въ колоніи на островѣ Критѣ, а потомъ

¹⁾ Рѣчь, въ которой его поздравляютъ съ этимъ необычайнымъ отличіемъ у Agostini T. II, p. 44.

²⁾ Barbari epist. 62. 64. 65. 68. 70. 81.

³⁾ Rafael (Maffei) Volaterr. Comment. urban. lib. XXI, основывающійся на свидѣтельствѣ Ермолао Барбаро.—Смерть Барбаро нельзя точнѣе опредѣлять, какъ тѣмъ, что Фидельфо послѣ своего письма къ Пьеру Томазо отъ 17-го февраля 1454 «недавно» получилъ извѣстіе о его смерти. О жизни Барбаро Agostini T. II, p. 37 seq. Quirini Diatriba praeliminaris ad F. Barbari Epistolas, Brixiae 1741. Rosmini Vita di Guarino vol. III, p. 9—14.

⁴⁾ Въ Gasparini Varzizii Opp. P. I, p. 112. 196 есть два письма къ нему. Tomasinus Bibl. Patav. p. 53 отмѣчаетъ Andreac Iuliani Orationis a Gasp. Bergomense collectae, et alia ejusd. opuscula. Agostini T. I, p. 257.

уже научился латинскому и греческому языку въ Венеціи. Но мы ничего не знаемъ объ его дѣятельности. Знаемъ только, что ему приходили въ голову нелѣпныя мысли, напр. написать латинскій комментарий къ итальянскому стихотворенію Чириако анконскаго «о дружбѣ» и напасть на Ліонардо Бруни. Онъ упрекалъ послѣдняго въ одной инвективѣ въ ошибкахъ, которыя тотъ сдѣлалъ въ переводѣ Аристотелевой этики. Конечно для такого дѣла у него было философское образованіе, но не хватало дара слова, безъ котораго не легко выдвинуться впередъ. Какая ему была польза отъ знатности рода, отъ родства съ Леонардо Джустиниани, прокураторомъ св. Марка? Его матеріальное положеніе, повидимому, было не блестяще. Поэтому онъ долженъ былъ въ 1451 г. принять въ Падуѣ мѣсто преподавателя реторики и нравственной философіи за 40 дукатовъ въ годъ. Но потомъ Барбаро уѣхалъ обратно на островъ Критъ и промѣнялъ кабинетъ ученаго на купеческую контору ¹⁾.

Можно было бы думать, что литературныя стремленія въ одной области могли бы совпадать съ интересами республики, именно въ области отечественной исторіографіи. Едва ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ сочетались условія, столь благоприятныя для этого, какъ въ республикѣ св. Марка. Однако все дѣло ограничилось оффиціальными лѣтописями и секретными записками, составлявшими достояніе извѣстныхъ фамилій и обнародованными лишь спустя много времени послѣ смерти авторовъ. У насъ есть исторія осады Брешии въ 1437 г. приписываемая вѣрному подчиненному Барбаро, Ванджеллиста Манельмо. Вѣроятно, авторомъ ея былъ самъ Барбаро, или общилъ матеріалъ для нея въ своихъ замѣткахъ, и эта таинственность бросаетъ тѣнь сомнѣнія на самое произведеніе ²⁾. Въ предѣловъ республики историческія сочиненія венеціанцевъ были совсѣмъ неизвѣстны ³⁾. Характеристично то явленіе, что въ средѣ правительства не разъ возникала мысль, которую оно и приводило въ исполненіе, — поручить невенеціанцу, принятому на службу республики написать ея оффиціальную исторію ⁴⁾. Историческое искусство процвѣтаетъ лишь при свободномъ развитіи общественной жизни; оно не легко даетъ плоды тамъ, гдѣ ими нельзя пользоваться.

¹⁾ Письмо Леон. Джустиниани къ нему отъ 4-го января 1444 г. въ Bern. Justiniani Orationes fol. k, 2. Kyriaci Itin. ed. Mehus p. 13. Письмо Квирини къ Барбаро о профессурѣ отъ 28-го іюля (1452 г.) въ Fr. Barbari Epist. 216. Vespasiano: Lauro Quirino. Agorteni T. I, p. 205 e seg.

²⁾ Что Барбаро писалъ подобныя Commentarii Brixianenses, видно изъ письма одного изъ его друзей, который ихъ видѣлъ. Barbaro epist. 133 ed. Quirino Append. epist. 3. О Манельмо упоминается ibid. epist. 153.

³⁾ Vespasiano: Poggio Fiorent. § 8.

⁴⁾ Ср. А. Masius Flavio Biondo. s. 56. 59.

Если доступъ къ расположенію Медичи былъ открытъ для всѣхъ талантовъ, то Венеція для невенеціанскихъ ученыхъ была самымъ неблагоприятнымъ городомъ. Это испытали многіе изъ странствующихъ наставниковъ и пріѣзжихъ грековъ; ни одинъ изъ нихъ не оставался здѣсь долго. Они получали общанное жалованье, но на большую признательность и почести не могли рассчитывать. Государство относилось къ нимъ равнодушно.

Первый выдающійся учитель латинскаго языка, котораго Венеція видѣла со временъ Донато, былъ Гаспарино да Варзицца. Но онъ пріѣзжалъ въ Венецію въ 1407 г. лишь на короткое время, а когда еще разъ попыталъ тамъ счастья, то долженъ былъ удалиться оттуда въ самой крайней нуждѣ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ съ литературнымъ талантомъ и Франческо Барбаро былъ въ то время его ученикомъ, однако даже и послѣдній не сохранилъ о немъ никакого воспоминанія.

Болѣе замѣчательное явленіе представлялъ собою Гварино, когда онъ въ 1410 г. воротился въ Венецію съ знаніями, приобретенными въ Византіи. Съ греческою страной и греческими товарами на лагунахъ уже давно были знакомы, но со временъ Хризолора не видали знатока древне-греческаго языка. Мы знаемъ, что Гварино очень скоро послѣдовалъ болѣе заманчивому приглашенію во Флоренцію. Едва ли онъ раньше 1414 г. начиналъ свою преподавательскую дѣятельность въ Венеціи. Барбаро пригласилъ его къ себѣ въ домъ, и Джуліано былъ его ученикомъ. Быть можетъ, и другіе знатные граждане интересовались греческимъ языкомъ и его превосходнымъ наставникомъ ¹⁾. Но сомнительно чтобы такъ продолжалось много времени. Навѣрное, Гварино пробылъ въ Венеціи только до 1420 г. ²⁾.

Въ числѣ юношей, учившихся у Гварино греческому языку, былъ и Витторино да Фельтре, который при этомъ самъ держалъ латинскую школу, какъ человѣкъ бѣдный. Такимъ образомъ оба знаменитѣйшіе преподавателя этого вѣка встрѣтились здѣсь какъ наставникъ и ученикъ. Третьимъ членомъ этой группы былъ юный

¹⁾ Барбаро говоритъ же въ посвященіи книги de re uxoria, что Гварино былъ его руководителемъ ex multis primariis hominibus nostris. Напротивъ, живое изображеніе у Ianus Pannopius Panegyricon c. 330 seq., который сверхъ того говоритъ на основаніи позднѣйшаго изданія, скорѣе относится къ Флоренціи, чѣмъ къ Венеціи. Тутъ мы не слышимъ больше никакихъ именъ.

²⁾ Онъ еще былъ тамъ въ маѣ 1418 г., когда Джустиниани говорилъ надгробное слово Зено. Между тѣмъ его письмо къ Поджіо отъ 28-го іюня (1416 г.) о морскомъ сраженіи при Галлиполи въ Tabul. codd. ms. bibl. Pindob. vol. II, p. 312 изъ Падуи, такъ что его наставническая дѣятельность тамъ приходится между тѣми годами, когда онъ былъ въ Венеціи.

Филельфо, который два года уже посвящал молодых патрициевъ въ тайны латинскаго языка. Потомъ республика послала его въ Византию секретаремъ своего посольства. Когда онъ воротился черезъ пять лѣтъ и семь мѣсяцевъ и опять ступилъ въ Венеціи на западную почву 10 октября 1427 г., съ молодою женою, Хризолориною, то конечно, столько же отличался своею гордостью, какъ и знаніемъ греческаго языка. Онъ не былъ приглашенъ государствомъ; нѣкоторые знатные граждане убѣдительно звали его наставникомъ въ Венецію, именно Леонардо Джустиниани, Барбаро, Марко Липомано. Они ставили ему на видъ, что онъ можетъ получить въ годъ 500 дукатовъ, но, по видимому, крѣпко не ручались за это ¹⁾. Когда онъ пріѣхалъ, въ городѣ свирѣпствовала чума, и всѣ знатные граждане, его доброжелатели, уѣхали; только Джустиниани оставался въ Мурано, но и онъ былъ недоступенъ. Ему писали дружескія письма, но ничего для него не дѣлали. Онъ долженъ былъ проводить время даромъ въ зачумленномъ городѣ съ женою, дѣтьми и шестью человѣками прислуги и жить на свой счетъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ разочаровался, раскаяваясь, что оставилъ Византию, и энергически ухватился за случай, указанный ему Гварино, получить мѣсто въ Болоньѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ 13 февраля 1428 г. ѣхалъ онъ чрезъ Феррару въ Болонью. Стало быть, преподавательская дѣятельность въ Венеціи не состоялась. Филельфо уже никогда потомъ не приходило на мысль поселиться въ Венеціи ²⁾.

Но желаніе привлечь въ Венецію наставника греческаго языка и реторики осталось по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ nobili. Послѣ отъѣзда Филельфо, Барбаро обратилъ вниманіе на Георгія Трапезунтскаго на островѣ Критѣ, котораго ему, вѣроятно, рекомендовали оттуда. Но когда онъ пріѣхалъ, то сначала при вспоможеніи отъ Барбаро долженъ былъ учить лучшему латинскому языку въ школѣ Витторино, прежде чѣмъ открылъ самъ школу въ Венеціи. Правда, онъ былъ тамъ около 1433 г. и обнаружилъ энергическую дѣятельность, однако уже въ то время готовъ былъ предпочесть прочное положеніе во Флоренціи ³⁾. Но тамъ еще преподавалъ Филельфо, а когда онъ удалился, то замѣнить его не торопились. Съ тѣхъ поръ, какъ зашла рѣчь о церковномъ соединеніи съ греками, Георгій старался

¹⁾ Онъ говоритъ въ письмѣ къ Джустиниани отъ дек. 1427 г.: *o spes amplissima, quam tuis tam crebris tamque liberalissimis litteris mihi ostendisti.*

²⁾ Письма Филельфо отъ 10-го октября 1427 до 13-го февраля 1428 г., также письмо къ Траверсари въ его *Epist.* XXIV, 36 и греческое къ Гварино отъ 21-го декабря 1427 въ вольфенб. спискѣ fol. 5.—Нѣтъ доказательствъ, чтобы Ауриспа когда нибудь преподавалъ въ Венеціи.

³⁾ Изъ *epist.* VIII, 36 Траверсари отъ 6-го июня 1433 г., мы видимъ, что онъ ведетъ съ нимъ объ этомъ переговоры.

получить мѣсто при папскомъ дворѣ, куда его рекомендовалъ Барбаро въ 1435 и 1437 гг. Вѣроятно, онъ вскорѣ переселился въ Римъ ¹⁾. Слѣдовательно, въ Венеціи онъ трудился всего четыре года. Однако тамъ онъ пользовался уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что не съ кѣмъ было соперничать, и его свирѣпый нравъ не могъ обнаруживаться. Сенатъ далъ ему право гражданства, что сдѣлано было, правда, и для Филельфо, но для послѣдняго лишь въ виду возможности воспользоваться имъ для государственной службы. Георгій оставилъ по себѣ добрую память у венеціанцевъ; объ этомъ свидѣлствуетъ Бернардо Джустиниани, который, быть можетъ, былъ его ученикомъ ²⁾. Спустя много лѣтъ, когда дѣла его пошли плохо при римскомъ дворѣ и въ Неаполѣ, онъ еще разъ пріѣхалъ въ Венецію и обязался преподавать гуманистическія науки за 150 дукатовъ въ годъ. Это, сколько мы знаемъ, первый примѣръ, что республика назначила такое большое жалованье: до сихъ поръ его платили только профессорамъ падуанскаго университета ³⁾.

Въ Венеціи долго не понимали значенія общественнаго преподаванія, и въ этомъ отношеніи она составляла прямую противоположность съ Флоренціею, гдѣ уже былъ университетъ. Но, по видимому, потребность въ немъ сознали въ началѣ этого вѣка. Въ 1445 г. былъ составленъ новый планъ въ этомъ направленіи. Прежде всего слѣдовало позаботиться о потребностяхъ канцеляріи, чтобы не было недостатка въ людяхъ искусныхъ для завѣдыванія государственными дѣлами. Въ 1449 Паола деля Пергола держалъ открытую школу философіи и математики. Преемникомъ его былъ Доменико Брагадино ⁴⁾. Къ этой группѣ наставниковъ принадлежитъ и Онъибенеда Лониго, родомъ изъ Витенцы, который еще будучи молодымъ человѣкомъ послалъ Барбаро свой переводъ басенъ Эзопа. Это одинъ изъ лучшихъ учениковъ Витторино, хорошій риторъ, грамматикъ и толкователь древнихъ писателей, также усердный преподаватель. Но онъ не отличался блестящимъ слогомъ, а это въ то время скорѣе всего вело къ славл ⁵⁾. Пьеръ Пер-

¹⁾ Его письмо къ папѣ Евгенію и рекомендательныя письма Барбаро къ кардиналу Скаррампо у Mittarelli I. c. 1148, послѣднія вполнѣ у Agostini T. II, p. 57. Тутъ Барбаро прямо говоритъ: Ego autem, qui iam pridem ex Creta insula in Italiam vocavi, et quem latinis litteris erudiri leci, nec ullo unquam sibi loco defui etc.

²⁾ Письмо его къ Георгію Трапезунтскому отъ 14-го апрѣля 1442 г. въ его Orati. fel. k, 6.

³⁾ Agostini T. II, p. 118.

⁴⁾ Romanii Storia document. di Venezia T. IV, p. 499.

⁵⁾ Письмо его къ Барбаро отъ 31-го августа 1441 г. въ его собраніи epist. 126. Его сочиненія перечисляетъ Jac. Phil. Bergomas fol. 279. А когда онъ училъ въ Венеціи, я не могу опредѣлить точнѣе.

леоне, учившійся у Филельфо во Флоренціи и Сізнѣ, по видимому, преподавалъ въ Венеціи не долго около 1458 г. Мы встрѣтимся съ нимъ при римнѣйскомъ дворѣ ¹⁾).

Въ Венеціи больше пользовался почетомъ тотъ ученый, который былъ полезенъ и на государственной службѣ. Никколо Сагундино изъ Негропонта хорошо владѣлъ и греческимъ и латинскимъ языкомъ и въ 1438 г. пріѣхалъ въ Венецію съ женою и дѣтьми—быть переводчикомъ на флорентинскомъ соборѣ. Республика приняла его на службу секретаремъ совѣта Десяти. Однако онъ опять воротился на свою родину. Но необходимость содержать многочисленную семью, нужда и невзгоды всякаго рода въ 1462 г. снова заставили его ѣхать въ Италію. При этомъ во время кораблекрушенія онъ потерялъ жену, нѣсколько человекъ дѣтей и все свое имущество. Въ такомъ печальномъ положеніи венеціанскій совѣтъ подарилъ ему 600 дукатовъ, далъ его сыну должность, а ему опять прежнее мѣсто, дававшее 200 дукатовъ. Но этотъ Сагундино не выступаетъ на сцену въ качествѣ ученаго, хотя онъ былъ человекъ съ образованіемъ и имѣлъ связи съ ученымъ міромъ. Въ Венеціи онъ былъ только полезнымъ чиновникомъ, потому что зналъ языки ²⁾).

Мысль объ общественной библиотекѣ возникла очень естественно во Флоренціи вслѣдствіе страсти ученыхъ къ собиранію книгъ и пониманія общественныхъ потребностей. Но Венеція была чужда ея. Правда, городъ былъ весьма удобнымъ пунктомъ для книжнаго рынка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ памятники греческой литературы начали являться въ Италію изъ Византіи и Леванта. Но здѣсь книги покупались и продавались такъ же, какъ и всякій другой товаръ. Здѣсь не могла выработаться такая личность, какъ Веспазіано. Собственно не было основательной причины, почему остановился на Венеціи Петрарка, которому пришла мысль о доступной для всѣхъ библиотекѣ. Ему тогда удобно было выбрать этотъ городъ своимъ мѣстопробываніемъ. Но если бы, дѣйствительно, часть его книгъ и была перевезена сюда, то никто не сталъ бы заботиться объ общественномъ пользованіи ими. Когда Медичи устроили прекрасную залу для библиотеки при монастырѣ С. Джорджіо Маджіоре и наполнили ее книгами, то они все таки были лишь чужеземными гостями въ республикѣ. Однако ихъ примѣръ побу-

¹⁾ Письмо Филельфо къ нему отъ 10-го января 1458 г.

²⁾ Его письмо къ кардиналу Виссаріону отъ 21-го августа 1462 г. и утѣшающее письмо къ нему Перасоне въ *Miscellanea di varie operette* T. II, p. 3. 5. 43. Упомянется его *codex autographus epistolarum*, изъ котораго есть извлеченіе въ вѣнской рукописи (*Tabulae* vol. IV, p. 230). *Facius de vir. illustr.* p. 21.

дядя кардинала Антонио де' Боррери, принадлежащаго къ этому монастырю, оставилъ ему свое собраніе въ 120 томовъ, которые обошлись ему очень дорого. Книги Джустиніани, Барбаро и другихъ фамилій остались въ ихъ семьяхъ. Основаніе бібліотеки Магсіана (св. Марка) положилъ грекъ, кардиналъ Виссаріонъ, большой любитель книгъ. Онъ завѣщалъ свою бібліотеку республикѣ, потому что въ этомъ городѣ онъ въ первый разъ ступилъ на западную почву, здѣсь былъ возведенъ въ кардиналы и здѣсь же думалъ найти естественный пунктъ соприкосновенія между духовными сокровищами Греціи и Италіи.

Мы къ этому же отдѣлу отнесемъ все то, что можно сказать о дѣятельности гуманистовъ въ Падуѣ съ того времени, какъ она подпала подъ власть республики св. Марка, и университетъ ея тоже сталъ какъ бы литературнымъ предметемъ. Но мы должны коснуться и эпохи господства Каррарской династіи, такъ какъ въ ней кроются задатки позднѣйшаго развитія. Ея меценатъ открылъ курсъ изученія древностей въ специальной школѣ медицины и правовѣдѣнія. Прибавимъ къ этому, что Падуя пользуется предпочтеніемъ со стороны иноземныхъ учащихся, въ особенности нѣмцевъ, которые здѣсь знакомятся съ новою итальянскою риторикою и въ особенности уважаютъ ея второстепенныхъ представителей

Хотя Альбертино Муссато, и не принадлежалъ къ университетской корпораціи, однако и онъ пользовался почетомъ со стороны ея, какъ поэтъ. Университетъ подавалъ мысль о его всенародномъ и торжественномъ вѣнчаніи. Онъ постановилъ кромѣ того, что ежегодно въ день Рождества Христова доктора, профессора и студенты должны привѣтствовать его съ музыкою въ его домѣ и дарить ему восковыя свѣчи. Конечно, это продолжалось не долго. Изъ этого мы видимъ, что университетъ въ сущности не питалъ никакого недовѣрія къ поэту, питомцу античной науки. Если оно и обнаруживается впоследствии, то было большею частью заслужено легкомысленными и заносчивыми стихоплетами.

Извѣстна тѣсная связь Петрарки съ падуанскими деспотами; его приласкала Каррарская фамилія и лелѣяла до самой его смерти. Уже Джіакомо II оказалъ ему дружеское гостепрѣимство, доставилъ каноникатъ и заставилъ прославлять себя. Хотя Франческо II, какъ безстыдный тиранъ, немногимъ уступалъ своему отцу, однако искалъ еще усиленіе его дружбы, которою послѣдній удостоивалъ съ необычайною готовностью. Въ сущности этому деспоту нельзя отказать въ любви къ наукамъ и искусствамъ, которая въ немъ пробудилась при обще-

ствѣ Петрарки. Но онъ, по видимому, придавалъ гораздо большее значеніе тому, что Петрарка посвятилъ ему одно изъ главныхъ своихъ произведеній, «О знаменитыхъ мужахъ». Спустя осьмнадцать лѣтъ, когда онъ велѣлъ нарисовать въ одной изъ залъ своего дворца портреты античныхъ героевъ, то онъ внушилъ посту мысль сдѣлать извлеченіе изъ его обширнаго труда. Последнее онъ велѣлъ продолжать послѣ его смерти ученику его, Ломбардо да Серико, до императора Траяна. Петрарка подарилъ государю длинное письмо «О правленіи», которое написалъ на закатѣ своихъ дней. Изъ сборника его писемъ ясно видно какъ онъ дорожилъ расположеніемъ этого властителя. Совсе не случайность, что онъ въ послѣдній разъ выбралъ себѣ жилище на эвганейскихъ горахъ, гдѣ и умеръ. И въ Падуѣ осталось нѣкоторое умственное наслѣдіе его. Въ тамошнемъ дворцѣ красовались изображенія его знаменитыхъ Римлянъ, и отсюда понятно, что самыя старинныя медали, отчеканенныя по античному образцу, принадлежать каррарской династіи ¹⁾.

Сколько мы знаемъ, эти владѣтели не имѣли особаго вліянія на университетъ, и онъ, по видимому, управлялся на республиканскій ладъ. Въ немъ аверроисты являются представителями сильной школы. Таковы напр. Марсиліо ді С. София, Паоло делла Пергола, Никола да Фолиньо. Петрарка считалъ всю эту школу враждебною себѣ, но мы все таки не видимъ, чтобъ они мѣшали дѣятельности поклонниковъ его въ Падуѣ. Еще при жизни Петрарки здѣсь преподавалъ риторъ Пьетро да Мульо, тоже другъ Боккачіо; но около 1377 г. мы встрѣчаемъ его уже въ Болоньѣ ²⁾. Потомъ около 1382 г. Джіованни да Равенна, въ качествѣ профессора реторики, читалъ лекціи о Цицеронѣ и римскихъ поэтахъ, насколько мы знаемъ, не вступая еще въ особенно близкія сношенія съ владѣтелями города ³⁾.

Впервые пріобрѣлъ прочное положеніе при падуанскомъ университетѣ Пьеръ Паоло Верджеріо. Уроженецъ Каподистріи, первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ Падуѣ, потомъ жилъ во Флоренціи и познакомился тамъ съ кардиналомъ Забареллою. Это рѣшило его судьбу. Тогда онъ былъ настолько ученъ, что могъ преподавать діалектику въ флорентинскомъ университетѣ, потомъ ревностно принялся за изученіе гражданскаго и каноническаго права, и мы часто слышимъ хорошіе отзывы объ его свѣдѣніяхъ именно въ этихъ отрасляхъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что во Флоренціи въ

¹⁾ Jul. Friedländer Welche sind die ältesten Medaillen? s. 25.

²⁾ ColHe Storia di studio di Padova vol. IV p. 79 e seg. Hortis Studj s. opere lat. di Boccaccio p. 282.

³⁾ См. выше стр. 205.

немъ пробудилась любовь къ классическимъ писателямъ и къ латинскому краснорѣчю. Все это сильно отодвинуло на задній планъ юридическія науки и прославило его имя въ литературѣ. Онъ уже возвратился въ Падую и нѣсколько времени преподавалъ здѣсь въ качествѣ магистра ¹⁾, когда молва о Хриволорѣ еще разъ увлекла его во Флоренцію—учиться греческому языку и литературѣ. Хотя онъ былъ лишь короткое время ученикомъ грека и жалуется, что послѣдній оставилъ Флоренцію раньше, чѣмъ онъ успѣлъ научиться, однако сдѣлалъ такіе успѣхи въ греческомъ языкѣ, что хотя съ трудомъ, но понималъ и такого писателя, какъ Арріанъ. Конечно, его многостороннее образованіе не доставило ему никакихъ осязательныхъ выгодъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ онъ говоритъ, что бѣдность была его постоянною спутницею, и онъ уже привыкъ считать ее своею неразлучною подругою.

Воротившись изъ Флоренціи, Верджеріо, въ 1403 г., сдѣланъ былъ бакалавромъ правовѣдѣнія, а впоследствии кандидатомъ медицины. Но онъ не оставилъ сочиненій ни по одной изъ этихъ отраслей. Съ другой стороны его ученая дѣятельность часто прерывалась, такъ какъ онъ ѣздилъ съ Забареллою въ качествѣ его секретаря по церковнымъ дѣламъ. Поэтому трудно слѣдить за событіями его разнообразной жизни, полной превратностей. Если онъ, какъ вѣжется, былъ холостякъ и духовное лицо, то мы должны удивляться, что его доброжелатель не далъ ему выгоднаго прихода. Впрочемъ по его рекомендаціи онъ служилъ секретаремъ или совѣтникомъ у Франческо Ровелло. Онъ еще и раньше искалъ его расположеніе, составивши описаніе похоронъ стараго Франческо. Онъ написалъ также исторію Каррарскаго дома, хвалебный характеръ которой обнаруживается въ самомъ слогѣ, полномъ претензій ²⁾. Но этотъ владѣтельный домъ уже стоялъ на краю гибели. Когда его судьба совершилась, то Верджеріо провелъ нѣсколько лѣтъ въ Венеціи и преимущественно въ родной Каподистріи, чтобы потомъ снова воротиться въ Падую. Нотомъ въ 1414 г. онъ отправился съ Забареллою, постоянно покровительствовавшимъ ему, на Констанцскій соборъ и къ императору Сигизмунду. Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ больше Италіи и умеръ на чужбинѣ. Въ его дѣятельности не доставало единства направленія. Онъ не былъ истиннымъ ученымъ, а также настоящимъ гу-

¹⁾ Съ 1393 г. до 1400 онъ занималъ кафедру логики въ университетѣ—положеніе не блестящее.

²⁾ То и другое у Muratori Scriptt. T. XVI. Также многія письма, написанныя отъ имени Франческо, въ Principum et illustrium virorum Epistolae принадлежатъ ему.

манистомъ, хотя постоянно поддерживалъ письменныя сношенія съ учеными венеціанцами, съ Карло Зено, Тревизано и Барбаро, также съ Хризодоромъ, Джіованни да Равенна, Гаспарино Варзиццою и Салютато. Въ этомъ смыслѣ о немъ часто упоминають, съ уваженіемъ тѣмъ болѣе, что онъ въ одномъ энергическомъ памфлетѣ сильно заступился за Виргилія, статуя котораго подверглась поруганію въ Мантуѣ ¹⁾.

Мы уже разсказывали о томъ, какъ Джіовани да Равенна во время своихъ странствованій во второй разъ пришелъ въ Падую ²⁾. Въ тамошнемъ университетѣ онъ уже больше не преподавалъ, а въ качествѣ секретаря или канцлера у Франческо былъ предшественникомъ Верджеріо и, подобно ему, старался прославить каррарскую династію не задолго до ея бѣдственнаго паденія.

Каррарская династія была низвергнута въ 1405 г. Это была первая жертва новой венеціанской политики, когда республика стремилась создать обширныя владѣнія и на итальянскомъ материкѣ. Съ этихъ поръ граждане Падуи находились подъ властью подесты, посылаемаго изъ города св. Марна, и въ ней стоялъ гарнизонъ подъ начальствомъ капитана. Для университета такая перемѣна повела къ лучшему. Республика заботилась о спокойствіи и безопасности Падуи, охотно взяла подъ свое покровительство это славное старинное учрежденіе, даже нѣкоторымъ образомъ способствовала прежнему меценатству, выбирая для завѣдыванія имъ чиновниковъ съ научнымъ образованіемъ.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ венеціанскаго господства и въ области науки являютя новыя силы. Съ 1406 г., именно со времени переворота, слѣдовательно не случайно, здѣсь мы встрѣчаемъ городскимъ писцомъ или секретаремъ Секко Полентоне. По словамъ его эпитафіи онъ принадлежалъ къ фамиліи Риччи; фамиліи Полентоне, которую уже принялъ отецъ его, можетъ быть, ведетъ свое происхожденіе отъ мѣста рожденія ихъ. Но самъ Секко родился въ Падуѣ. Слѣдовательно, и теперь выбрали въ эту должность челоуѣка съ научнымъ образованіемъ, латиниста новой школы, какими были послѣдніе канцлеры каррарскаго дома, Джіовани да Ра-

¹⁾ Подробности объ его жизни первый собралъ Zeno Dissertat. Voss. T. I, p. 51. Colle l. c. vol. IV, p. 38 e seg. Bernardi въ Archivio stor. Ital. Serie III T. XXIII, p. 176. Baduber P. P. Vergerio il seniore, Capodistria 1866. Собранія писемъ Верджеріо находятя въ разныхъ библіотекахъ. Такъ, Tomasinus Bibl. Patav. ms. p. 93 указываетъ его Opuscula et Epistolae въ Падуѣ, а другія Mittarelli p. 1195. О спискѣ съ 148 письмами см. Baduber p. 36. Какъ много еще недостаетъ намъ для основательнаго знакомства съ его біографіею!

²⁾ См. стр. 205.

венна и Верджеріо. Но это былъ не чужеземецъ, искавшій расположенія властей, а природный падуанецъ, проведшій всю жизнь въ этомъ городѣ, и онъ гордился тѣмъ, что будетъ писать жизнь Муссато въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ послѣдній тоже жилъ ¹⁾). Онъ былъ ученикомъ Джіованни да Равенна, въ то время когда послѣдній преподавалъ въ Падуѣ. Предметомъ его изученія были древніе писатели и краснорѣчіе; мы не знаемъ, изучалъ ли онъ также право. Въ качествѣ наставника онъ никогда не принадлежалъ университету ²⁾). По его собственному свидѣтельству, онъ трудился двадцать пять лѣтъ надъ своимъ большимъ сочиненіемъ *De scriptoribus latinis*. Повѣствовало оно въ 18 книгахъ о жизни всѣхъ писателей, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, начиная съ Ливія Андроника до Петрарки ³⁾). Находили, что біографіи античныхъ поэтовъ, насколько онъ извѣстны, скудны и плохо составлены. Такой строгій приговоръ объясняется, конечно, разочарованіемъ, потому что думали найти въ нихъ новый матеріалъ. Однако книга списывалась и оказалась въ то время очень полезною, хотя Кортезіо и прибавляетъ къ этому отзыву и то мнѣніе, что автору не достаетъ вѣрности сужденія, что онъ наполняетъ свое сочиненіе ссылками и чужими выраженіями ⁴⁾). Но ходила и сплетня, приписываемая Джіованни Понтано, будто у Полентоне была и та часть историко-литературнаго труда Светонія, въ которой шла рѣчь объ ораторахъ и поэтахъ, но что она была сожжена ради славы собственнаго произведенія ⁵⁾). Кроме этого Полентоне написалъ вообще не мало: комедію, которую самъ онъ находилъ очень забавною, коротенькія изложенія содержанія нѣсколькихъ рѣчей Цицерона, дополнявшія подобныя имъ ра-

¹⁾ Изъ этой біографіи у *Muratorii Scriptt.* Т. X р. 2. Падуя онъ называетъ своимъ patria in qua et domicilium et quidquid est in me fortunae, habeo collocatum.

²⁾ Изъ *Oratio ad collegium doctorum iuristarum civitatis Paduae*, сказанной 17-го іюня 1435 г. и указанной въ *Tabulae codd. ms. bibl. Vindob.* vol. II, р. 227 не слѣдуетъ этого.

³⁾ Обнаружены лишь отдѣльныя части этого труда. Перечень біографій у *Muccioli Catal. codd. ms. Malatest.*—Севен. Т. II, р. 98.—Что книга была кончена въ 1433 г., это возможно, но основано только на показаніи *Tomasinus Bibl. Patav. ms.* р. 17: *Auctographum anno 1433 scriptum habuit Scardonius*. Доводъ, приводимый Мерусомъ *Vita Ambr. Travers.* въ пользу болѣе ранняго сочиненія книги, именно тотъ, что незадолго передъ тѣмъ (1429) найденныя комедіи Плавта и многія другія рукописи еще не упоминаются въ книгѣ, не основательны. Жизнь Петрарка у *Tomasinus Petrarca redivivus* р. 36.

⁴⁾ *De hominibus doctis* ed. Galetti р. 226.

⁵⁾ Глосса Понтано въ лейденскомъ *Codex Perizonianus* въ *Suetoni Reliquiae* ed. Reifferscheid р. 364. *Ritschl Parerga Zu Plautus und Terenz* Bd. I Leipz. 1845 р. 613. 632, гдѣ приводятся нѣкоторыя выдержки изъ сочиненія Полентоне по флорентинской рукописи.

боты Лоски, шесть книгъ «Достопамятныхъ примѣровъ», въ позднѣйшіе годы: разсужденіе о покаяніи, жизнь св. Антонія и другихъ падуанскихъ святыхъ. Но всѣ эти сочиненія были мало извѣстны еще при его жизни и остались непечатанными, да и вообще молва о Полентоне, подобно жизни его, рѣдко переходила за стѣны его родной Падуи ¹⁾.

Во время Полентоне и при его содѣйствіи усилился въ Падуѣ культъ Ливія, такъ какъ нашли останки великаго историка. Изъ хроникъ блаженнаго Иеронима знали, что онъ умеръ здѣсь. И монахи монастыря С. Джустины утверждали на основаніи извѣстныхъ стиховъ, сохранившихся въ ихъ обители, что Ливій похороненъ у нихъ. Про стѣны монастырской ораторіи говорили, что онѣ нѣкогда принадлежали языческому храму Согласія. Привыкнуши къ тому обычаю, что великихъ людей хоронили въ храмахъ, его приписали и языческому Риму. Въ этому присоединилось еще то обстоятельство, что при Джакомо Каррарскомъ найденъ былъ извѣстный надгробный камень Ливіева отпущенника. Владѣтель велѣлъ его отчистить и поставить въ церкви св. Джустины; его-то всѣ и относили къ могилѣ историка ²⁾. Такъ была подготовлена почва, когда 31 августа при перестройкѣ въ монастырѣ попали на закладенный камнями гробъ, въ которомъ стоялъ свинцовый сосудъ. Замѣчательно, какъ поняла антикварный вопросъ масса. Полагали, что непременно найдены кости какого нибудь святаго. Въ городѣ скептицизмъ аверроистовъ уживался рядомъ съ фанатизмомъ, и даже ученые повѣрили находкѣ. Вскорѣ по городу разнеслась молва, что нашли кости Ливія. Братъ Роландо, считавшійся ученымъ, но въ тоже время павійскимъ патриотомъ, позвалъ Полентоне. Послѣдній спустился въ яму, открылъ крышку гроба и нашелъ костякъ, отлично сохранившійся. Когда его вынули, то Полентоне послѣдовалъ въ ратушу, и тамъ было единогласно постановлено соорудить приличный памятникъ, что было поручено тому же Полентоне. Между тѣмъ въ монастырь ходили толпы ре-

¹⁾ Пиньоріусъ хотѣлъ по одному некрологу доказать, что онъ жилъ до 1463 г. Небольшія сочиненія упоминаются у Tomasinus p. 31. 75. 124. 127. 140, другія въ Tabulae vol. II, p. 218: vol. III, p. 6. Io. Erh. Kappius Dissert. de Xiccione Polentono. Lips. 1738, очень слабая компиляція, на что указалъ уже Mehus Vita Ambros. Travers. p. 139.

²⁾ Первый разъ упоминается объ этомъ камнѣ у Петрарки epist. XXIV, 86, 1350 г. и у Gulielmus Pastregicus de orig. rer fol. 70. Незавѣстно, старше ли рукопись Ливія, указанная у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. VI, p. 12, въ приложеніи къ которой есть надпись. Здѣсь достаточно того указанія, что надгробная надпись была извѣстна раньше мнимаго открытія праха. Hortis Stadj sulle op. lat. di Boc. p. 322, найденъ ли камень при Джакомо I или II.

меленниковъ и разнаго рода людей и разобрали почти всё зубы у скелета, такъ какъ его плохо берегли. Въ этомъ хищничествѣ обвинили иноземныхъ студентовъ, которые очевидно думали, что они берутъ чудотворныя части. Теперь только скелетъ заперли въ безопасное помѣщеніе монастыря. Но лицо, заступившее мѣсто отсутствовавшаго аббата, разсердилось на то, что народъ идетъ массами на поклоненіе костямъ язычника, сочиненія котораго, какъ онъ слышалъ, были сожжены по повелѣнію папы Григорія. Чтобы народъ не вздумалъ принять Ливія за святаго, онъ тайкомъ взялъ его черепъ и разбилъ молоткомъ на мелкія части. Городъ принялъ останки отъ монаховъ, и они были препровождены на храненіе въ домъ капитана, извѣстнаго венеціанца Закаріи Тревизано, пока будетъ готовъ мавзолей. Гробъ, покрытый лавровыми вѣтвями, помогали нести знатныя венеціанцы и первенствующіе граждане, и народъ стекался со всѣхъ сторонъ. Были тутъ и такіе, которые не имѣли никакого доказательства, что чтимыя останки принадлежатъ Ливію, а другіе даже утверждали, что это кости женщины. Полентоне по крайней мѣрѣ доискивался признаковъ вѣроятности, вообще же Падуя приняла эти языческія останки съ патріотическимъ одушевленіемъ. Еще въ 1451 г. венеціанская республика поднесла руку отъ этого скелета, какъ неоцѣненный даръ, королю Неаполитанскому Альфонсу, особому почитателю Ливія, который самъ просилъ объ этомъ чрезъ своего придворнаго поэта и посла Беккаделли ¹⁾).

Конечно, благодаря шимымъ останкамъ Ливія Падуя, не сдѣлалась излюбленнымъ мѣстомъ изученія древности. Но по крайней мѣрѣ поклонники этой науки здѣсь безпрепятственно могли заниматься ею. Въ 1407 г., по ходатайству Закаріи Тревизано, Гаспарино да Варзицца былъ назначенъ публичнымъ преподавателемъ реторики и нравственной философіи съ жалованьемъ въ 120 дукатовъ, тогда какъ Джіованни да Имола, преподававшему только каноническое право, дали 800. Дѣла Гаспарино шли плохо вездѣ, и музы его были въ очень печальномъ положеніи въ военное время. Все таки онъ и потомъ, послѣ другихъ попытокъ, два раза возвращался въ Падуя, гдѣ содержалъ себя тѣмъ,

¹⁾ Подробный разсказъ объ этомъ происшествіи сообщилъ Полентоне въ двухъ письмахъ къ Никколо Никколи; оба помѣщены у Carpius l. c. p. 19 seq. Одно письмо уже сообщилъ Pignorius Origines Patavini p. 121. Другое, почти того же содержанія, отъ 28-го октября 1444 г. Такъ и у Tomasinus Bibl. Patav. p. 128 и у Mitarelli p. 948, между тѣмъ какъ вѣнскій кодексъ (Tabulae vol. II, p. 218) ошибочно относитъ къ 21-му апрѣлю 1419. Неизвѣстно, почему нужно было два письма, но самъ Полентоне въ письмѣ къ своему сыну Polidoro у Hortis Cenni di G. Vossacci intorno a T. Livio p. 91 ссылается на оба письма. О подаркѣ Альфонсу Facciolati Fasti gym. Patav. T. I, p. 4 и Mongitore Bibl. Sicula T. I, p. 56.

что принималъ къ себѣ въ домъ учениковъ ¹⁾). И Гварино преподавалъ въ Падуѣ около 1416 г. ²⁾. Нѣсколько позднѣе еще очень юный Филельфо, едва лишь кончившій свое образованіе, пробовалъ преподавать въ Падуѣ реторику ³⁾. Падуя была также первымъ городомъ, гдѣ испыталъ свои замѣчательныя педагогическія таланты Витторино да Фельтре. Есть извѣстіе, что ученики просили его объ этомъ, когда Гаспарино Варзицца въ 1418 г. былъ приглашенъ въ Миланъ, но еще въ 1422 г. онъ принялъ кафедру реторики и философіи ⁴⁾. Однако странно, что всѣ эти люди вскорѣ предпочитали переселиться въ Венецію, хотя и тамъ надежды ихъ были не особенно блестящи. Стало быть, педагогическія успѣхи ихъ въ Падуѣ не привязывали ихъ къ этому городу. И потому мы понимаемъ, что ни одинъ гуманистъ, сколько нибудь извѣстный, не оставался въ Падуѣ болѣе десяти лѣтъ.

Впослѣдствіи, около 1435 г., преподавалъ въ Падуѣ Эрмолао Барбаро ⁵⁾. Мы уже упоминали о томъ, что Лауро Квирини получалъ здѣсь жалкое вознагражденіе въ 40 дукатовъ. Падуанецъ Джіованни Марканова началъ свое поприще докторомъ свободныхъ искусствъ и доцентомъ философской пропедевтики, а потомъ приобрѣлъ степень доктора медицины и занимался врачебною практикою болѣею частью въ Падуѣ, а нѣкоторое время и въ Болоннѣ. Слѣдовательно, это было для него лишь временнымъ занятіемъ изъ любви къ дѣлу, когда онъ собиралъ въ Италіи и въ другихъ странахъ рукописи, надписи, монеты и всякаго рода древности. Книги свои въ 1467 г. онъ завѣщалъ монастырю С. Джіованни въ Виридаріо въ Падуѣ, откуда онъ потомъ поступилъ въ венеціанскую бібліотеку св. Марка. Въ книгѣ *De antiquitatibus*, которую онъ посвятилъ въ 1465 г. Малатестѣ Ровелло да Чезена, онъ собралъ свои замѣтки о древнемъ Римѣ, а главнымъ образомъ надписи, которыя онъ добылъ изъ прежнихъ собраній и инымъ путемъ. Этою книгою онъ составилъ себѣ нѣкоторое имя у новѣйшихъ изслѣдователей, тогда какъ у современниковъ онъ былъ извѣстенъ лишь въ тѣсномъ кружкѣ ⁶⁾.

¹⁾ См. выше стр. 208. Письмо къ Тревизиано у *Mittarelli* относится къ приглашенію 1407 г.

²⁾ См. выше стр. 208. Въ силу письма, цитированнаго здѣсь, *Antenoris cives*, у которыхъ Гварино преподавалъ слѣдуя *Ianus Pannonius Silva* *paneg. ad Guarinum* v. 401, нѣкоторое хронологическое опредѣленіе.

³⁾ *Admodum adolescens*, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Кривелли отъ 1-го августа 1463 г.

⁴⁾ *Rosmini Vittorino* p. 55.

⁵⁾ Объ этомъ извѣстно только краткое упоминаніе въ *Ambros. Camald. Hodoeporicon* p. 59.

⁶⁾ Что онъ заказывалъ себѣ списывать книги, это видно изъ *Tomasinus Bibl. Patav.* 16. 19. Пожертвованныя монастырю книги во множествѣ упоминаются у *Valentinelli*

Каедрa греческаго языка была учреждена въ Падуѣ только въ 1453 г., и ее занималъ аеинянинъ Дмитрій Халюкондидъ, которому платили жалованья 400 гульденовъ ¹⁾. Раньше этого неизвѣстно о попыткѣ ввести преподаваніе греческаго языка въ старинномъ университетѣ.

Изъ другихъ городовъ, находившихся подъ властью венеціанской республики, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія только Верона, старинной епископальный городъ. Когда дожъ Микеле Стено 16 іюля 1406 г. подтвердилъ его старинные учрежденія и статуты, то устроено было нѣчто въ родѣ высшей школы, докторамъ которой должна была платить жалованье община. Рѣшили пригласить магистровъ для обонхъ правъ и для медицины, также одного для гуманистическихъ наукъ ²⁾. Но, по видимому, эти благія намѣренія не осуществились. Наука, представителямъ которой еще во времена Петрарки могъ считаться Гульельмо да Пастренго, въ настоящее время здѣсь была въ пренебреженіи. Когда Траверсари пересматривалъ старую соборную бібліотеку и бібліотеку въ монастырѣ С. Зеноне, то онъ не нашелъ въ нихъ ничего заслуживающаго вниманія. Изъ этого собранія такіа сочиненія, какъ письма Цицерона, были подарены Джіанъ Гаеаццо, герцогу миланскому, а знаменитый Катуллъ исчезъ ³⁾.

Успѣхи, достигнутые въ Венеціи и Падуѣ Гварино, уроженцемъ Вероны, внушили гражданамъ послѣдней мысль, что дѣло чести предложить ему 100 дукатовъ съ тѣмъ, чтобы онъ преподавалъ греческій языкъ и латинское краснорѣчіе. Такъ и было сдѣлано въ 1420 г. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе и, по видимому, два года жилъ на родинѣ въ идиллически счастливомъ настроеніи, какъ человекъ, достигшій цѣли своей жизни. Онъ женился на красивой молодой дѣвушкѣ ⁴⁾, купилъ себѣ домикъ недалеко отъ города, который называлъ своимъ Парадизомъ и Монторіо, потому что онъ былъ окруженъ различными деревьями и виноградниками и стоялъ на возвышеніи, откуда были видны зеленые берега Эчи и городскія башни. Здѣсь онъ отдыхалъ въ осеннія каникулы, или когда эпидемическіа болѣзни про-

Bibl. ms. ad S. Marci Venet., напр. Т. II, р. 28. Т. IV р. 45. 48. 64. 297. О магнѣ de antiquitatibus Zeno Diss. Voss. Vol. I р. 140. Предисловіе также у Muccioli Т. I, d. 26. Henzen въ Corp. Inscr. Lat. Vol. VI P. I р. XLII.

¹⁾ Faciolati Fasti gymn. Patav. Т. II, р. LIV.

²⁾ Romanin Storia docum. di Venezia Т. IV, р. 47.

³⁾ Ambros. Camald. Hoesporicon. 54. Cf. Catulli liber rec. Baehrens prolig. Если Borsetti Hist. Ferrar. Gymnas. p. II р. 19 сообщаетъ о Гварино: nec. non. mss. Catulli carmina, quae in horrev quodam neglecta ac iam peritura reperit, in lumen producip, то на это нѣтъ никакого доказательства.

⁴⁾ Что это случилось на его родинѣ, говоритъ Poggius epist. I, 11.

гоняли его изъ города, кормилъ своихъ куръ и голубей, охотился, ловилъ птицъ и жилъ въ пріятной обстановкѣ, среди друзей и книгъ. Счастливый, подобно Поджіо на его виллѣ, онъ писалъ: «Вотъ настоящая жизнь, пріятный досугъ и сладкое отдохновеніе!» Онъ отклонилъ почетное предложеніе учить дѣтей Гонзаги при мантуанскомъ дворѣ, желая жить въ родномъ городѣ жизнью поэта. Гварино держалъ свою школу и время отъ времени говорилъ торжественныя рѣчи, когда вступалъ въ должность новый подеста, или удалялся изъ Вероны прежній ¹⁾. Но надъ его головою собрались тучи. Въ городскомъ совѣтѣ нашелся человекъ, который полагалъ, что жалованье Гварино слишкомъ велико и платится даромъ. Нашлись впрочемъ люди, несогласныя съ нимъ. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса выступили уже многіе, желавшіе упразднить катедру гуманитарныхъ наукъ. Высказанъ былъ и упрекъ Гварино, что онъ учить хорошо только тѣхъ учениковъ, которые живутъ у него. Хотя одинъ изъ учащихся и защищалъ своего учителя въ искусно составленной рѣчи, однако въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ рѣшено было закрыть катедру. Это была обычная судьба пророка въ своемъ отечествѣ. Владѣтельный домъ въ Феррарѣ держалъ того же Гварино въ почетѣ, и онъ оставался тамъ до самой своей смерти, хотя въ 1451 году Верона не разъ дѣлала попытки снова пригласить его за 200 дукатовъ ²⁾.

Вліяніе педагогической дѣятельности Гварино можно видѣть на гуманистически образованныхъ дамахъ, которыя здѣсь, въ Веронѣ, впервые являются на сцену. Не рѣдко случалось и въ мірскихъ кружкахъ встрѣчать женщинъ, настолько знающихъ латынь, что онѣ могли понимать псалтырь и латинскія выраженія въ проповѣди. Когда архіепископъ флорентинскій Антонино писалъ Дадѣ свои пастырскія посланія, то онъ смѣло вставлялъ въ нихъ латинскія изреченія изъ Библии. Въ Италіи были люди, понимавшіе латынь и помимо изученія грамматики. Но теперь явились женщины, которыя систематически изучали классическую латынь. Это были сестры рыцаря Антонио де' Ногароли, Джиневра и Изабелла, молодыя

¹⁾ Три его веронскія рѣчи я знаю по cod. ms. 1270 лейпцигской университетской библиотеки fol. 197. 199. 202. Одна при подестѣ Брагодано, другая при Пьеръ Лоредино, и удаленія Франческо Барбо. Въ третьей онъ благодаритъ веронское купечество за то, что оно выбрало его mercatorius interpres. Другія рукописи у Fabricius Bibl. latina T. III p. 120 и въ вышеизвѣстныхъ Tabulae vol. II p. 312. Надгробная рѣчь у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 481.

²⁾ Rosmini, Vita di Guarino, vol. I p. 13—22, 104 e leg, vol. II p. 13—18 Подробности у Quirini Diatriba p. 273. 274. Ко второму приглашенію относятся двуступни у Borsetti l. c. p. 32, 34.

дѣвушки, которыя обучились новому краснорѣчію подъ руководствомъ нѣкоего Мартини и на двадцатомъ году уже обнародовали множество писемъ, рѣчей и стиховъ. Джиневра вышла замужъ за графа Гамбары и съ тѣхъ поръ, по видимому, ея муза замолкла. Но Изотта обрекла себя на жизнь дѣвственной поэтессы и продолжала ученыя занятія; насмѣшки согражданъ, вызываемыя ея смѣлыми поступками и ея эмансипаціею, нѣсколько оскорбляли ее, но не отвлекали отъ цѣли. Мы видимъ, какъ трудно ей найти адресы для своихъ писемъ, какъ она ищетъ доступа въ республику ученыхъ, который не легко давался дѣвушкамъ въ Веронѣ, не имѣвшей никакихъ литературныхъ сношеній. Она хотѣла начать переписку съ своимъ знаменитымъ землякомъ Гварино, который давно уже жилъ въ Феррарѣ, и въ письмахъ къ нему разсыпались въ необычайныхъ любезностяхъ. Сначала онъ не хотѣлъ было ничего отвѣчать ей, однако былъ тронутъ ея мольбами и жалобами. Съ тѣхъ поръ ученики его составили группу ея корреспондентовъ: съ ними она общивалась разными вѣжливыми и напыщенными фразами, цicerоновскими выраженіями, классическими примѣрами и ученическими безцвѣтными письмами въ родѣ тѣхъ, какія писалъ самъ Гварино. Со временемъ она приобрѣла небольшой кружокъ венеціанцевъ и веронцевъ, съ которыми и вступила въ подобнаго рода переписку. Она была очень счастлива, когда ей удалось познакомиться съ кардиналомъ Джуліано Чезарини. Въ зрѣлыя годы она посвятила себя главнымъ образомъ изученію богословія, и ея любимыми писателями стали блаженный Августинъ и Иеронимъ. Она умерла 38 лѣтъ отъ роду въ 1466 г. Андриола де' Ногароли, безъ сомнѣнія, родственница ея, тоже была ученая поэтесса ¹⁾).

Генуя представляла столь же неблагоприятную почву для литературы, какъ и Венеція; пожалуй, она настолько же уступаетъ ей въ этомъ отношеніи, сколько Сіена Флоренціи. Мало значенія имѣло то обстоятельство, что канцелярія примкнула къ новой школѣ; это мы встрѣчаемъ даже въ управленіяхъ небольшихъ городовъ. Только исторіографія республики получила нѣкоторое развитіе, что мы замѣчаемъ и въ Венеціи. Но умственное возбужденіе и тутъ шло отъ Флоренціи. Увѣщательное посланіе Салютато побудило къ дѣятельности двухъ первыхъ анналистовъ новаго времени въ Генуѣ, братьевъ Джіорджіо

¹⁾ Сочиненіице Маріо Филельфо *De pudicissimae Isottae Nogarolae vita et moribus et doctrina* не напечатано. *Maffei Verona illustr.* P. II p. 188 sq. *Tiraboschi T.* VI p. 1278. *Rosmini Vita di Guarino* vol. II p. 24, 67, 68, 163. Я знаю 28 писемъ къ Изоттѣ, отъ нея и объ ней по *cod. lat. Monac. 523*. Нѣкоторыя напечатаны напр. у *Lamius Catal. codd. ms. bibl. Riccard.* p. 201. Здѣсь указано и на стихотвореніе Изотты p. 29. *Sp. G. Voigt. Pius II. Bd. III s. 615.*

и Джіованни Стелла. Это были люди съ классическою ученостью и поклонники Цицерона ¹⁾. Гораздо замѣчательнѣе ихъ Якопо Брачелли, генуэзскій канцлеръ, подобно младшему Стеллѣ, хотя родомъ изъ Сарзаны, дружный съ такими людьми, какъ Поджіо и Бьондо, извѣстный изящными официальными письмами, рѣчами, а въ особенности историческими трудами, которые своими благороднымъ тономъ и живостью изложенія доставили ему почетное мѣсто въ ряду историографовъ республики. Онъ долго завѣдывалъ дѣлами, именно отъ 1431 г. до самой смерти своей, которую относятъ къ 1460 г., и такъ нераздѣльно слился съ Генуею, что даже превзошелъ славою своего земляка, папу Николая V ²⁾. И предшественникъ его по должности, Никколо Камулліо, относится къ числу ученыхъ, коротко знакомыхъ съ древностью, но онъ не писатель въ истинномъ значеніи этого слова ³⁾. Такие люди, конечно, могли пользоваться почетомъ въ Генуѣ, но для преподавателей гуманитарныхъ наукъ тамъ не было почвы. Ученику Филельфо, Пьеру Перлеоне, взявшему на себя преподаваніе реторики приходилось бороться съ бѣдностью ⁴⁾.

¹⁾ Ихъ *Annales Genuenses*, во введеніи къ которымъ Джіорджіо приводитъ мѣсто изъ письма Салютато, у *Murator Scriptt.* Т. XVII. Энрико Стелла, ученый молодой поэтъ, котораго встрѣтилъ въ Генуѣ Чиріако Анконскій (*Itiner. ed. Mehus p. 17*), конечно принадлежитъ къ этой же фамиліи.

²⁾ Замѣтки къ его жизни у *Mazzuchelli Scritt. d'Italia vol. I P. IV p. 1963*. Касательно его сочиненій и изданій ихъ указываю на *Pothast Bibliotheca*. Письма его въ *Epistolae principum ed. Donzelino. Poggius epist. VIII, 9*. Его переписка съ Бьондо въ *Cod. ms. Fol. 66. кор. публ. въ Дрезденѣ fol. 118, 120*.

³⁾ *Scalamontius p. 97* называетъ его и Брачелли *egregios publicae rei secretarios*. *Blondus Italia illustr.* p. 298. У *Osio Documenti vol. II p. 55* въ одномъ актѣ отъ 19 ноября 1421 г. онъ названъ *notarius et communis Ianue cancellarius*.

⁴⁾ Письмо Филельфо къ Никколо Фрегото отъ 17 іюня 1449 г.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гуманизмъ при итальянскихъ дворахъ.

Петрарка мечталъ о республиканской свободѣ и лично для себя хотѣлъ сохранить положеніе свободнаго человѣка, однако любилъ вращаться въ кругу властителей свѣтскихъ и церковныхъ. Такъ и преемница его духа, школа гуманистовъ, вообще обладала искусствомъ примѣняться ко всѣмъ политическимъ формамъ. На аппенинскомъ полуостровѣ она могла свободно упражняться въ этомъ искусствѣ. Съ теченіемъ времени тамъ явились всѣ формы правленія: республики олигархическая, демократическая, аристократическая и въ духѣ Перрилла, деспотизмъ, тираннія, любимое народомъ правительство, мелкое городское самоуправленіе и гьерархія, охватывающая цѣлый міръ. Въ каждомъ изъ подобныхъ государствъ ученое сословіе занимало особое положеніе.

Теперь мы оставляемъ сферу республикъ и вступаемъ въ сферу придворной жизни разныхъ владѣтельныхъ лицъ. Эта же перемѣна совершается и въ жизни большей части гуманистовъ. Поэтому мы встрѣтимъ при итальянскихъ дворахъ многія личности, уже знакомыя намъ. Кто цѣлые годы переходилъ изъ одного города въ другой, тотъ, конечно, желалъ болѣе спокойной жизни, болѣе прочнаго положенія. Каждая война, каждое волненіе партій, даже во Флоренціи, дѣлали положеніе ученаго шаткимъ. Онъ долженъ былъ ладить съ людьми, стоящими у власти, но они мѣнялись, и всегда ихъ было по нѣскольку. Гораздо спокойнѣе было жить при какомъ нибудь дворѣ. Тамъ приходилось служить одному лицу, ему одному льстить и только отъ его благорасположенія ожидать награды. Собственно идеаломъ гуманистовъ было положеніе придворнаго поэта, которому оказываютъ уваженіе и даютъ щедрія награды. Заручившись милостями своего Августа и покровительствомъ своихъ меценатовъ, онъ избавленъ отъ тревогъ скитальческой жизни и можетъ посвящать свое время музамъ, не связанный никакимъ

обязательнымъ дѣломъ. Поэтому въ сущности всѣ они были монархистами, не исключая даже и тѣхъ флорентинцевъ, которые группировались вокругъ Медичи. Пикколомини, родившійся въ республикѣ, предпочиталъ умиротвореніе Италіи подъ властью такого повелителя, какъ неаполитанскій король Альфонсъ, свободной общественной жизни. И это только потому, что этотъ благородный король, какъ онъ слышалъ, «награждаетъ за добродѣтели» ¹⁾.

Большая часть мелкихъ владѣтелей Италіи были тиранами въ античномъ смыслѣ слова. Одни утвердили свою власть на обломкахъ народнаго господства, а другіе сдѣлались независимыми повелителями изъ прежнихъ вассаловъ и намѣстниковъ. Въ Неаполѣ королевская власть водворилась путемъ завоеванія. У этихъ деспотовъ, побочныхъ сыновей и искателей приключеній, власть по большей части обуславливалась личными талантами, и они сами въ свою очередь умѣли цѣнить полезные таланты. Ни одинъ изъ нихъ не считалъ своего положенія прочнымъ: частію еще въ народѣ жила любовь къ свободѣ, частію нужно было бояться прежнихъ ленныхъ владѣтелей, наконецъ дрожать отъ страха передъ разными претендентами и кондотьерами. На послѣднихъ нельзя было полагаться, а еще меньше на постоянное войско, къ тому же не всегда были средства содержать его. Такимъ образомъ въ сущности власть этихъ династій опиралась на любовь населенія и на потребность спокойнаго и благоустроеннаго правленія. Оттого-то всюду и обнаруживается одно и тоже стремленіе приучить дворянство къ придворной жизни и управлять чрезъ чиновниковъ, имѣть наготовѣ деньги, обращаться любезно съ народомъ и все таки производить на него обаяніе блескомъ и пышностью придворной жизни.

Этой-то системѣ господства должны были служить придворные ученые и придворные поэты, каждый по своему. По тогдашнимъ понятіямъ, ими главнымъ образомъ можно было блеснуть. Это все тоже, какъ если бы напр. тогдашній нѣмецкій герцогъ хотѣлъ отличиться между равными себѣ многочисленнымъ штатомъ прислуги, разодѣтой въ золото, множествомъ лошадей, собакъ и соколовъ, пышными пирами и турнирами. Обязанностью придворныхъ литераторовъ было воспѣвать личныя достоинства повелителя и его династіи, выставлать ихъ въ сіяніи античнаго величія, писать ихъ исторію, прославлять ихъ въ эпическихъ поэмахъ, элегіяхъ и одахъ, говорить торжественныя рѣчи, писать блестящія письма и эпитафіи, а также придавать двору блескъ славою своей учености и извѣстностью

¹⁾ Его письмо къ Маріано Содзини отъ 8 дек. 1443 г.

своего имени. Всѣ мелкіе итальянскіе владѣтели, которыхъ хвалятъ какъ покровителей наукъ, вмѣстѣ съ тѣмъ старались увѣковѣчить свою память великолѣпными постройками, также прикрыть свои недостатки или незаконность правъ наружною пышностью.

Съ этимъ стремленіемъ властителей шла объ руку ихъ истинная любовь къ славѣ и желаніе безсмертія, которыхъ нельзя было достигнуть великими подвигами. Поэтому они привлекали къ себѣ поэтовъ и писателей, какъ глашатаевъ своей славы въ будущемъ, поощряли ихъ почестями, жалованьемъ и подарками, чтобы они пеклись о ихъ безсмертіи. Та мысль, что хорошіе стихи и проза и посвященіе сочиненія всего скорѣе спасутъ отъ забвенія и вызовутъ удивленіе потомства, высказывалась съ наивною откровенностью и укоренилась въ умахъ владѣтельныхъ особъ ¹⁾. Они сознавали, что въ отношеніи безсмертія зависятъ отъ художниковъ нера и потому заискивали ихъ похвалъ, какъ послѣдніе съ своей стороны искали случая воспользоваться отъ нихъ благами жизни. Любовь къ наукамъ и искусствамъ встрѣчается у этихъ владѣтельныхъ особъ какъ исключеніе, но столь же рѣдки и тѣ изъ нихъ, которые считаютъ возможнымъ обойтись безъ пѣвца своей славы или презираютъ сношеніе съ нимъ. Уже Петрарка привлекалъ великихъ міра сего, современныхъ ему, къ колесницѣ своей славы и училъ ихъ искать въ этомъ союзѣ своей собственной славы ²⁾. Поджіо и Филельфо больше другихъ распространялись о томъ, что признательность поэтовъ, прославляющихъ государей, исполнѣт зависть отъ щедрости послѣднихъ. Мы уже упоминали, что Поджіо со-вѣтовалъ юному Леонелло д'Эсте быть щедрымъ, а неаполитанскаго короля Альфонса едва не насильно принуждалъ къ этому, когда онъ медлилъ выдать награду за его Киропедію ³⁾. Въ обонхъ случаяхъ

¹⁾ Быть можетъ, яснѣе всѣхъ высказывается по этому поводу Бенваделли epist. Gall I, 2, доказывая герцогу миланскому Филиппу, что владѣтельному лицу нужно прежде всего безсмертіе, *immortalitate, quam non pecunia, non potentia, non denique virtute ipsa comparare quis potest absque poetarum auxilio...* Magnam mehercule et admirabilem poetarum vim, siquidem homines ex humo creatos, modo velint, coelo paene dixerim donant. Т. е. «Государямъ нужно безсмертіе, котораго нельзя приобрѣсти ни деньгами, ни могуществомъ, ни даже добродѣтелью безъ помощи поэтовъ... Велика, являюсь и изумительна сила поэтовъ, если они даруютъ, такъ сказать, небо земнороднымъ». Я не знаю ни одного случая, гдѣ бы такая притязательность показалась забавною.

²⁾ Africa IX, 87: *Quisquis enim se magna videt gessisse, necesse est*

Diligat aeternos vates et carmina sacra.

³⁾ Первому онъ писалъ: *Itaque magna sum in spe, te, postquam ingressus es iter largiendi, progressurum ulterius in officio liberalitatis, praesertim erga eum, qui et libenter accipit, et a te libentissime. Второму: Sunt omnes virtutes in principibus praeclarae maximeque in us relucunt, qui rerum potiuntur: sed nulla exallentior beneficentia, nulla hominibus gratior, nulla quae maiorem benevolentiam regibus conciliet. Epist. VI, 20 X, 10.*

онъ ставилъ щедрость въ обязанность государямъ. Мы еще будемъ имѣть случай показать, съ какимъ искусствомъ Филельфо торговалъ вѣнками на безсмертіе. Въ своемъ кружкѣ ученые вовсе не дѣлали тайны изъ того, что старались внушить своимъ меценатамъ «любовь къ музамъ, т. е. желаніе славы» ¹⁾. Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей, Джіовіано Понтано, въ главѣ «о щедрости» прямо сознавался, что такіе государи, какъ папа Николай V и Альфонсъ, король неаполитанскій, безспорно имѣли свои пороки, «но ихъ щедрость на подарки все таки дѣлала ихъ знаменитыми и достойными любви ²⁾».

Поклонникъ правдивой исторіи человѣчества изумится и будетъ даже возмущенъ, слыша, какъ эти хвалебные гимны властителямъ не только легко вводили въ заблужденіе современниковъ, но и потомство спустя цѣлые вѣка послѣ ихъ смерти. Истина проглядываетъ какъ-то робко и въ неясныхъ намекахъ. Ея правдивый, но слабый голосъ едва слышенъ среди шумныхъ кликовъ хвалебныхъ пѣсень. Съ того времени и до нашихъ дней у итальянскихъ писателей осталась дурная привычка, заразившая и другія націи. Они прославляютъ выдающіяся личности своего отечества лишь на основаніи ихъ свидѣтельствъ и авторитетовъ, какія только могутъ собрать въ свою пользу. Когда они говорятъ о жизни и заслугахъ извѣстнаго человѣка, то сейчасъ же указываютъ на длинный рядъ тѣхъ лицъ, которыя хвалили его. Но часто приговоръ выйдетъ совершенно иной, если оставить въ сторонѣ безусловныхъ поклонниковъ и вникнуть въ основанія отзывовъ остальныхъ свидѣтелей!

Такимъ образомъ владѣтельныя особы, благоразумныя, бережливыя и расчетливыя, часто мелочныя и вѣроломныя, какими только они и могли быть въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, у придворныхъ литераторовъ являются великими Цезарями и несравненными меценатами. Они просто закупали голоса тѣхъ, которые царили надъ своимъ вѣкомъ, а громозвучное эхо передавало ихъ хвалебные гимны грядущимъ поколѣніямъ. Человѣческому тщеславію свойственно любить лесть и стараться убѣдить себя въ томъ, что это истина. Поэтому и итальянскіе деспоты лелѣли сладкую мечту о безсмертной славѣ, Такимъ образомъ эта вторая, призрачная жизнь шла рядомъ съ дѣйствительною. Вотъ почему придворныхъ литераторовъ осыпали великими почестями и необычайно щедрыми наградами. Послѣдніе съ своей стороны тоже впа-

¹⁾ Слова Беккаделі Epist. Gall. IV, 7 къ Гваріано относительно герцога миланскаго Филиппа Маріа.

²⁾ Ioa. Iov. Pontani Opp. fol. 170. Глава эта озаглавлена такъ: liberalis viri officium esse donare quam saepissime.

дали въ самооболеніе, воображая, что они и дѣйствительно свѣтила челоуѣчества, пророки будущаго, и отъ нихъ вполне зависитъ—дать пальму безсмертной славы, или обречь на вѣчное забвеніе. Имъ на руку были постоянное соперничество и взаимная зависть властителей; для послѣднихъ было истиннымъ наслажденіемъ переманивать другъ у друга литературныя знаменитости. Однимъ словомъ, корифеи литературы дѣлались руководителями общественнаго мнѣнія и потому смотрѣли на себя какъ на необычайную силу.

Къ этому странному отношенію между литераторами и владѣтельными лицами можно примѣнить слова Гамлета, который онъ говоритъ Полонію по поводу обхожденія съ актерами: «Слышите ли? Заботьтесь о томъ, чтобъ съ вами хорошо обращались; въ васъ вся суть, вся хроника времени. Для васъ лучше послѣ смерти плохая надгробная надпись, чѣмъ дурная молва о васъ при жизни».

Перваго придворнаго пріюта музъ мы должны искать въ Неаполѣ. Здѣсь король Робертъ изъ анжуйскаго дома былъ первымъ Августомъ, принимавшимъ живое участіе въ наукѣ и поэзіи и собравшимъ вокругъ себя кружокъ ихъ поклонниковъ. Образование самого короля еще коренилось на почвѣ богословія и схоластики. Есть рѣчи, даже проповѣди, написанныя имъ ¹⁾. Но мы знаемъ, что поэтъ Петрарка произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Однажды король посѣтилъ даже его въ долину Воклюзы ²⁾, но болѣе тѣснаго сближенія между ними не послѣдовало, когда знаменитый пѣвецъ Лауры явился въ Неаполѣ въ 1341 г., чтобы передъ вѣнчаніемъ лаврами подвергнуться странному испытанію. Мы не знаемъ, въ чемъ собственно оно состояло. Хотя королю въ то время было уже 66 лѣтъ, однако онъ еще былъ воспріимчивъ къ новому образованію. Когда Петрарка объяснилъ ему таинственный смыслъ, заключающійся въ произведеніяхъ Виргилія, то онъ изумился. Онъ никогда не думалъ, чтобы вымыслы поэтовъ имѣли такое глубокое значеніе. Робертъ раскаявался въ томъ, что такъ поздно познакомился съ поэзіею, и хотѣлъ тотчасъ же приняться за изученіе Виргилія. «Клянусь, сказалъ онъ однажды Петраркѣ послѣ глубокомысленнаго молчанія, науки мнѣ гораздо дороже моего королевства, и мнѣ легче разстаться съ вѣщомъ, чѣмъ съ ними». Какъ ни зазорна дѣятельность Роберта въ другихъ отношеніяхъ, однако Петрарка съ неутомимымъ усердіемъ прославлялъ этого перваго владѣтельнаго мецената, а Боккачіо и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ его примѣру, какъ вѣрный оруженосецъ. Замѣчательно, что тѣ самыя

¹⁾ Пять Sermones y Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 424.

²⁾ Petrarca epist. famil. XII, 32.

фразы, которыя Петрарка примѣнялъ къ Роберту, послѣдователи его довольно часто примѣняли къ позднѣйшимъ королямъ и съ такимъ же успѣхомъ. Петрарка величалъ короля другомъ музъ, увѣряя его, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Онъ не ставилъ ему прямо въ образецъ цезаря Августа, но желалъ бы, чтобы король самъ взялъ его образцомъ для себя. Онъ хвалилъ короля за то, что онъ цѣнитъ добродѣтель и умъ, а не преимущество рожденія и т. п. «Счастливыи Неаполь! вскричалъ Петрарка, ему на долю выпало безпримѣрное счастье владѣть единственнымъ сокровищемъ нашего вѣка! Да, счастливый и завидный Неаполь! священныйшая отчизна наукъ! Если ты нѣкогда показался очаровательнымъ Марону, то во сколько разъ очаровательнѣе долженъ ты казаться теперь, когда въ стѣнахъ твоихъ живетъ такой мудрый поклонникъ великихъ умовъ и наукъ! Пусть идетъ къ тебѣ тотъ, кто вѣрять въ свой геній ¹⁾».

Какъ ни идеально можетъ показаться здѣсь отношеніе между королемъ и поэтомъ, однако каждый изъ нихъ зналъ, почему онъ уважаетъ другаго. Петрарка, конечно, не ждалъ отъ Роберта большихъ подарковъ; король былъ извѣстный скряга ²⁾. Но онъ былъ его первымъ меценатомъ, царственнымъ меценатомъ, который доставилъ ему лавровый вѣнокъ и титулъ поэта раньше, чѣмъ онъ ихъ удостоился своими поэтическими заслугами. Слава его вѣнчанія была нераздѣльна съ славою того великаго короля, во имя котораго оно произошло. Старога Роберта воодушевляла мысль о славѣ въ потомствѣ, которой онъ достигнетъ благодаря произведеніямъ поэта; это видно довольно ясно. Когда Петрарка говорилъ ему о своей Африкѣ и поднесъ въ даръ нѣкоторыя обработанныя части ея, то король пожелалъ, чтобы на поэмѣ новаго *Виргилія* современемъ красовалось и его имя. Но онъ желалъ также, чтобы Петрарка воспѣлъ и его собственные подвиги. Последняя задача, очевидно, ставила поэта въ затруднительное положеніе. Онъ обѣщалъ на половину, но исполненіе отложилъ до другаго времени ³⁾. Какъ извѣстно, король умеръ раньше окончанія Африки, посвященной ему. А Петрарка прославилъ

¹⁾ *Petrarca epist. de reb. famil. I, 1. IV, 2. 8. 7. Epist. ad poster. у Fracassetti vol. I p. 8. Reg. memorand. Lib. I in fine (Opp. p. 456). Lib. III (p. 513). Эпитафія королю epist. metr. II, 9. Voccatii de geneal. Deor. XIV, 9 ad. fin. 22.*

²⁾ Объ этомъ разсказываетъ *Ioan. Iov. Pontanus Opp. Lib. I fol. 34.* За королемъ тогда еще оставалось прозвище *fiscalis*.

³⁾ *Poemata minora V, 2 ed. Rossetti:*

Carmina mansurae sedem tribuentia famaе,

Hoc petiit primum. Поэтъ уклонился. Также и въ самой поэмѣ *Africa I, 40:*

Ipsae tuos actus meritis ad sidera tollam

память о немъ въ напыщенныхъ стихахъ, которые приложилъ къ поэмѣ ¹⁾.

Вопечно, самымъ старшимъ изъ ученыхъ по времени при дворѣ короля Роберта былъ Діониджи де' Роберти, тосканецъ изъ мѣстечка Санъ Сеполькро, изъ ордена августинскихъ отшельниковъ. Онъ получилъ въ Парижѣ степень магистра философіи и богословія. Потомъ мы встрѣчаемъ его преподавателемъ и ораторомъ въ Неаполѣ, пользующимся большимъ вліяніемъ. Онъ жилъ и во Флоренціи. Джіованни Виллани считаетъ его въ числѣ своихъ друзей ²⁾. Мы рано встрѣчаемъ его въ средѣ поклонниковъ Петрарки; быть можетъ, онъ первый указалъ королю Роберту на новаго поэта и способствовалъ вѣнчанію послѣдняго. Его считали необыкновенно ученымъ монахомъ, изучавшимъ сочиненія древнихъ поэтовъ, ораторовъ, историковъ и философовъ. Онъ также не мало написалъ сочиненій, именно комментаріи къ Валерію Максиму, къ нѣсколькимъ римскимъ поэтамъ, къ сочиненіямъ Аристотеля. Но такъ какъ всѣ эти труды его не напечатаны, то мы и не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія объ его учености ³⁾.

Король Робертъ тоже былъ собирателемъ книгъ въ томъ смыслѣ, что желалъ имѣть лучшія произведенія всѣхъ литературъ, также поэтическія и историческія сочиненія. Легко можемъ быть, что въ этомъ случаѣ, сѣмена, брошенныя Петраркою, упали на воспріимчивую почву. Въ Неаполѣ возникла первая библіотека, основанная государемъ, которая, въ противоположность монастырскимъ и церковнымъ, имѣла чисто свѣтскій характеръ. Ею завѣдывалъ Паоло да Перуджіа, человекъ старый уже въ то время, когда съ нимъ познакомился Болкаціо, мірянинъ и холостякъ, большой охотникъ розыскивать книги и прибрѣтать ихъ. Онъ умѣлъ доставать и греческія книги чрезъ Барлаамо, съ которымъ былъ друженъ. Это собственно не ученый, а просто неутомимый собиратель. Паоло написалъ громадное сочиненіе *Collectiones*, энциклопедію всевозможныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ одной части этой книги онъ извлекъ изъ греческихъ книгъ все, что нашелъ о богахъ греческихъ и римскихъ, конечно, при помощи Барлаамо, какъ

Laudibus atque alio fortassis carmine quondam
Nomen et alta canam Siculi miracula regis
Non audita procul, sed quae modo vidimus omnes
Omnia.

1) Africa IX, 422 seq.

2) Cronica X, 86: nostro amico e devoto.

3) Странныя извѣстія о немъ у Jac. Phil. Bergomas Suppl. suppl. chron. fol. 278.

предполагалъ Боккаціо, пользовавшійся этими источниками еще въ молодости. Боккаціо же единственно мы и обязаны свѣдѣніями о старомъ бібліотекарѣ и его громадномъ трудѣ, потому что послѣдній, по небрежности его вдовы, послѣ его смерти пропалъ вмѣстѣ съ другими книгами, какія у него были. Посѣщала ли и этого старика мечта о славѣ во время его чтенія и собиранія свѣдѣній? однако онъ безжалостно предавъ вѣчному забвенію ¹⁾).

Еще не пришло время поэтѣмъ и людямъ образованнымъ собраться при Неаполитанскомъ дворѣ. Однако мы находимъ уже въ Неаполѣ многихъ почитателей и друзей Петрарки: Джіованни Барриле, Никколо д' Аллифе и Марко Барбаро изъ Сульмоны. Послѣдній былъ канцлеромъ у короля, и Петрарка въ пылу дружбы назвалъ его вторымъ Овидіемъ. Но король прожилъ всего нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Петрарка познакомилъ его съ Виргиліемъ и вообще съ поэтѣми.

Послѣ короля Роберта въ его домѣ нечего искать продолженія его научныхъ стремленій. Господство женщинъ, смуты и усобицы прогнали музъ. Если онѣ и находятъ друзей, то послѣдніе являютъся не сами собою, а подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ Флоренціи: сами флорентинцы являютъся искать счастья въ «королевствѣ». Таковъ маршалъ сицилійскаго королевства, Магинардо де' Кавальканти, которому Боккаціо посвятилъ свою книгу «О печальныхъ судьбахъ знаменитыхъ мужей». Таковъ въ особенности и великій сенешаль Никкола Акчіайоли, политическій искатель приключеній, которому не было мѣста дома, въ республикѣ. Благодарю своей ловкости, богатству и великолѣпію онъ занялъ мѣсто перваго министра при дворѣ королевы Іоанны. Осторожный и настолько тонкій, что умѣлъ играть роль выдающагося придворнаго при разныхъ перемѣнахъ и всякаго рода интригахъ, обладалъ искусствомъ блистать при парадныхъ представленіяхъ, окруженный большою свитою и пышностью, которымъ умѣлъ придать такой видъ, будто они нужны для усиленія блеска королевскаго сана. Его образованіе было именно такое, какое нѣредко встрѣчалось въ кругу флорентинской знати. Ему не доставало знанія латинскаго языка ²⁾, но онъ умѣлъ скрывать этотъ недостатокъ, выказывая глубокое уваженіе къ древнимъ филосо-

¹⁾ Boccatus de geneal. deor. XV, 6. Liber geonologie (sic!) tam hominum quam deorum secundum Paulum de Perusio, которую сообщаетъ Hortis Studj s. opere lat. del Boccacio p. 325 изъ смѣси Magliabechi an, если даже она только извлеченіе изъ большаго сочиненія, указываетъ на плохаго собирателя.

²⁾ Кромѣ Боккаціо это прямо говорятъ и Филиппо Виллани Liber de civ. Florent. famos. civibus ed. Galletti p. 40: sine litteris, mirae facundiae.

фамъ и поэтамъ, а въ письмахъ щеголялъ изреченіями Валерія Максима или Сенеки и свѣдѣніями по классической древности, которыя запоминалъ изъ разговоровъ съ людьми образованными. Онъ собиралъ книги, украшалъ ими свои замки близъ Флоренціи и хотѣлъ современемъ пожертвовать ихъ тамошнему Картезіанскому монастырю для общаго пользованія. Боккачіо изображаетъ намъ его въ своей инвективѣ, конечно въ раздраженномъ состояніи, какъ онъ иногда является въ кружокъ ученыхъ и по временамъ вставляетъ отъ себя выраженія, которыя немного отъзываются «грамматикою», какъ нарочно носится съ книгою въ рукѣ или велитъ читать себѣ стихи, говоритъ о своихъ книгахъ, какъ будто читалъ ихъ. Раздраженный поэтъ, очевидно, все таки зорко подмѣтилъ у него слабость хвастаться своимъ великодѣіемъ. Въ своемъ пылкомъ стремленіи къ славѣ сенешаль желалъ казаться потомству воинственнымъ героемъ, соорудителемъ великодѣльныхъ зданій, а также другомъ ученыхъ и музъ, даже поэтомъ. Письма его, хотя писанныя на народномъ языкѣ, полны притязаній на умъ и краснорѣчіе. Онъ писалъ также стихи по французски ¹⁾. Ему пріятно было слышать, когда его льстивая свита называла его великодушнымъ (*magنانimo*). Онъ въ особенности старался передать потомству прославленное имя при помощи связей съ литературными знаменитостями и ихъ похвалъ ²⁾.

Петрарка очень рано вступилъ въ сношенія съ богатымъ великимъ сенешаломъ, хотя оба они, какъ кажется, никогда не видали другъ друга. Но друзья Петрарки, Алифе и Барбаро, служили секретарями у всемогущаго министра, и Петрарка считалъ его дружбу, хотя только на письмѣ, настолько высокою, что отвѣчалъ на нее благодарностью. Между тѣмъ за эти комплименты АччіаЙоли платилъ всегда тою же монетою, и если ему намекали, что ожидаютъ другаго рода милостей, то онъ отдѣлывался обѣщаніями. Только въ 1363 г. дѣло дошло до откровеннаго объясненія. Петрарка напомнилъ сенешалу, какъ давно и глубоко онъ преданъ ему, и жаловался, что знатный человекъ не смотря на всѣ свои обѣщанія никогда ничего не сдѣлалъ для него. Въ отвѣтъ на это другъ Нелли, домоправитель сене-

¹⁾ По словамъ Боккачіо, онъ писалъ *in francesco de' fatti de' cavalieri del sante spedito*. Я не знаю, было ли известно это стихотвореніе.

²⁾ Кромѣ инвективы Боккачіо—это его письмо къ Франческо Нелли (см. выше стр. 173) у насъ есть *Matthaeus Palmerius Vita Nicolai Acciajoli u Muratori Scriptt. T. XIII, p. 1202 seq.*, написанная черезъ сто лѣтъ послѣ смерти героя и представляющая второстепенный источникъ. Политическую дѣятельность его изображаетъ отчасти по документамъ флорентинскаго архива *Tanfani Niccola Acciajoli Firenze 1863*.

шала, сообщилъ ему о пламенномъ желаніи своего повелителя, чтобы поэтъ посвятилъ «великому меценату» хорошее латинское сочиненіе. Но, насколько мы знаемъ, Петрарка съ этихъ поръ уже разочаровался въ великодушнѣ сенешала, тѣмъ болѣе, что и Боккаччо въ это время пришлось на дѣлѣ испытать непріятности при его дворѣ ¹⁾.

Сенешалу не удалось привлечь къ своему двору великое свѣтило вѣка, заставить его трудиться быть можетъ въ своей канцеляріи и быть пѣвцомъ его славы. Тогда онъ удовольствовался звѣздою гораздо меньшей величины, которая только что всходила и обѣщала блескѣть еще ярче. Мы вспоминаемъ о молодомъ Заноби да Страда, флорентинскомъ учителѣ, восторгавшемся Петраркою, котораго послѣдній уговаривалъ оставить учениковъ и правила Доната и стремиться на Геликонъ. Онъ послушался этого заманчиваго совѣта. Петрарка привѣтствовала своего поклонника, какъ узника, освободившагося отъ заточенія: теперь, по его словамъ, онъ не только грамматикъ, но и поэтъ ²⁾, хотя этотъ поэтъ до сихъ поръ только составилъ планъ большой поэмы, сочинилъ первое возваніе къ божеству и нѣсколько стиховъ. Но такъ какъ свобода поэта не давала ему ничего, то онъ съ радостью принялъ предложеніе Аквіайоли поступить секретаремъ къ нему и королю ³⁾. Весьма характеристично то, что Петрарка, который находилъ учительство унизительнымъ, а впоследствии должность Заноби при папскомъ дворѣ возмутительною, въ настоящее время одобрялъ его службу у знатнаго челоуѣка.

Когда Карлъ IV былъ въ Пизѣ въ 1355 г., то сенешаль приготовилъ своему любимцу великую почесть: 14 мая въ день Вознесенья императоръ увѣнчалъ его поэтическимъ вѣнкомъ. Это происходило послѣ обѣдни на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы у собора, въ присутствіи императрицы, большой свиты придворныхъ, свѣтской знати, духовныхъ лицъ и толпы народа. Императоръ, въ одѣяніи прелата и съ короною на головѣ, возложилъ на поэта лавровый вѣнокъ и поцѣловалъ его. Заноби приготовилъ было длинную рѣчь о любви къ славѣ, такъ какъ и Петрарка говорилъ въ Римѣ на эту же тему,

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XI, 13. XII, 3; epist. rer. senil. III, 3 отъ 1363 г. Письмо Недали къ Петраркѣ у Hortis Studj s. op. lat. del Boccaccio p. 349 тоже слѣдуетъ отнести къ 1368 г., такъ какъ онъ въ то же время проситъ о стихахъ изъ Африки, и поэтому я считаю возможнымъ допустить выше сказанное.

²⁾ Epist. rer. famil. XII, 15 (отъ 1352 г.).

³⁾ Это, безъ сомнѣнія, было уже въ 1352 или 1353 г. Потому мы находимъ въ 1355 г. среди обширной свиты сенешала при одномъ посольствѣ и Заноби въ качествѣ королевскаго секретаря. Tanfani p. 101.

подходящую къ данному случаю. Но онъ могъ сказать только начало и конецъ ея, обращенные къ императору. Тутъ поэтъ хвалилъ его за то, что онъ, прославляя поэтовъ, вызвалъ къ жизни науки, бывшія въ забвеніи въ теченіи столбныхъ вѣковъ. Послѣ завтрака у Остійскаго кардинала вѣнчанному поэту дозволили сказать свою рѣчь передъ присутствовавшими прелатами и баронами. Въ ней съ благодарностью упоминалось и объ Акціаиоли, какъ о лицѣ, благосклонно поощрявшемъ его ученныя занятія. Такимъ образомъ Италия имѣла теперь двухъ вѣнчанныхъ поэтовъ, и у Петрарки къ его досадѣ былъ соперникъ по высшей почести. Если онъ не задолго передъ этимъ, еще въ восторгѣ отъ почета, оказаннаго ему Карломъ въ Мантуѣ, назвалъ его «столько же итальянцемъ, сколько я нѣмецемъ» то теперь, намекая на вѣнчаніе Заноби, онъ говорилъ о «варварскихъ лаврахъ», которые осмѣлялся дать нѣмецъ ¹⁾. А оруженосецъ его Боккачіо тоже не скрывалъ своего презрѣнія къ «Чешскому королю» и къ «пизанскимъ» лаврамъ вмѣсто римскихъ ²⁾. Новый лавроносецъ чувствовалъ новый порывъ одушевленія и рѣшился совершенно отдаться изученію древнихъ и музамъ. Но онъ еще раздумывалъ, какой сюжетъ выбрать для проявленія своего поэтическаго таланта, античный или новый. Такъ какъ онъ ни пришелъ ни къ какому рѣшенію, то рвеніе его охладѣло, и онъ оставилъ въ покоѣ своего Пегаса, который и безъ того никогда не былъ ретивъ ³⁾.

Сенешаль и его «Коридонъ», вѣнчанный поэтъ, отлично понимали другъ друга. Послѣдній отъ всей души помогалъ тщеславнымъ блестящимъ затѣямъ своего поведителя, льстилъ ему, называя

¹⁾ Epist. rer. famil. XIX, 2 къ Заноби. Praefat. in libros Iuvectivarum contra medicum (Opp. p. 1199).

²⁾ Lettere ed. Corazzini p. 196.

³⁾ Самое подробное описаніе пизанскаго поэтическаго вѣнчанія у Johannes dictus Portade Avonpiaso (Anponiasso) изд. Гёфлеръ въ Beitr. zur Gesch. Böhmens Abth. I Bd. II s. 50, очень краткое въ Chronica di Pisa у Muratori Scriptt. T. XV. p. 1032. Рѣчь Заноби часто встрѣчается въ рукописяхъ, также въ Cod. ms. 1269 лейпц. универс. библ. fol. 176; извлеченіе у Friedjung Kaiser Karl IV s. 308. У Hortis Studj p. 272. Странно, что рукописи, даже флорентинская у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 735, сообщаютъ, что рѣчь говорилась in mane Adscensionis domini (14-го мая), къ чему лейпцигская еще прибавляетъ pridie idus Maji, а Порта показываетъ dre dominica videlicet Maji succedente qua festum Pentecoste erat (24-го мая). По императорскимъ регестамъ возможны оба числа. Стихи Заноби къ Боккачіо отъ 11-го октября (1355 г.) и два небольшія стихотворенія его, написанныя гекзаметромъ, у Hortis Studj p. 349. На другія мелочи было уже раньше указано у Ciampi Monumenti etc. p. 84.—Небольшая книжка Zanobi da Strada etc. Notizie storiche raccolte da P. S. M. C. P., Firenze 1878, составляетъ только самые извѣстные факты.

превосходнымъ военачальникомъ, великодушнымъ меценатомъ и любимцемъ музъ. Въ силу этого секретарь сдѣлался любимцемъ своего господина, которому для полнаго блеска нуженъ былъ Виргилій, и онъ гордился его поклоненіемъ. Однако матеріальное положеніе Заноби было не блестящее, и въ 1359 г. онъ съ радостью промѣнялъ его на мѣсто при папскомъ дворѣ, сулившее большія выгоды ¹⁾. Но когда Заноби черезъ два года умеръ въ Авиньонѣ, то сенешаль объявилъ, что слава покойнаго была частью его собственной. По его словамъ умеръ человекъ, подобнаго которому свѣтъ не видалъ, быть можетъ, тысячу лѣтъ, за исключеніемъ Петрарки. Онъ всегда удивлялся его возвышенному слогу, благородству чувствъ и божественному уму ²⁾. Что придворный поэтъ величаетъ своего господина героемъ и божествомъ,—это въ порядкѣ вещей. Но тутъ наоборотъ господинъ величаетъ чуть не Гомеромъ своего придворнаго поэта, о которомъ свѣтъ забывъ еще при его жизни, и дѣлаетъ это для того, чтобы этотъ свѣтъ удивлялся его покровителю и другу.

На мѣсто Заноби долженъ былъ поступить Боккаччо въ качествѣ глашатая славныхъ подвиговъ сенешала, а также и секретаря. Посредникомъ былъ Франческо Нелли, домоправитель (*spenditore*) сенешала, извѣстный за друга Петрарки. Мы уже выше рассказывали о томъ, какъ неудачна была поѣздка Боккаччо къ Акціяоли. Это объясняется тѣмъ, что онъ по характеру представлялъ полную противоположность съ рабочимъ Заноби. За тѣ знаки почитанія, которые онъ раньше оказывалъ богатому флорентинцу, ему отплатили только насмѣшливыми замѣчаніями, однако онъ принялъ это предложеніе, польщенный общаніемъ «Подѣлиться съ нимъ счастьемъ». Онъ явился съ желаніемъ промѣнять свою свободу на положеніе обезпеченнаго историографа, пользоваться тѣмъ же почетомъ, какъ его наставникъ Петрарка, составляя честь и украшеніе двора. Онъ не допускалъ и мысли, что его муза будетъ только прославлять сенешала, и ему было досадно, когда съ нимъ обошлись какъ съ бѣднымъ искателемъ милостей. Акціяоли также досадовалъ съ своей стороны, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ Боккаччо, потому что отъ этого страдала его слава, какъ мецената. Этимъ объясняется ихъ взаимная неприязнь.

Въ Неаполѣ не оставалось никакого слѣда того покровительства, какое оказывали наукѣ и поэзіи король Робертъ и его сенешаль.

¹⁾ Слѣдуя Tosti Storia della badia di Monte-Cassino. T. III, Napoli 1843, p. 52, монтекассинскій епископъ, Анджело Акціяоли, назначилъ Заноби своимъ генеральнымъ викаріемъ. Но это была просто бенефіція, которую доставилъ сенешаль своему поэту.

²⁾ Его письмо къ нотаріусу Ландольфо у Танфани p. 201.

Анжуйскій домъ вовсе не питалъ никакой любви къ нимъ, къ тому же среди войнъ и раздоровъ некогда было и подумать о наукахъ и искусствахъ, любящихъ мирное время. Миноритъ, странствовавшій въ 1425 г. по древней Великой Греціи, одушевленный любовью къ знаніямъ, пробужденною во Флоренціи, всюду розыскивалъ книги. Но въ Неаполитанскомъ королевствѣ онъ видѣлъ всюду только правдолюбъ и разгулъ, но никакихъ научныхъ стремленій, никакихъ классическихъ сокровищъ. Въ Неаполѣ ему рассказывали, что во время испанскаго завоеванія (1421 г.) городъ былъ опустошенъ огнемъ и мечемъ, книги, разумѣется, короля Роберта отнесены на корабли и тамъ пропали. Съ грустью вспоминаетъ онъ объ этомъ королѣ, нѣкогда возродившемъ науку ¹⁾.

Только послѣ разныхъ политическихъ бурь образовался при неаполитанскомъ дворѣ пріютъ для музъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Если искусство и наука становятся придворными, то для ихъ процвѣтанія долженъ явиться государь, любящій образованіе, который поощрялъ бы ихъ своимъ искреннимъ участіемъ, который бы давалъ свободный ходъ всему хорошему и не обращалъ бы образованныхъ людей въ жалкихъ, рабобѣдныхъ придворныхъ.

Гуманисты имѣли полное право выхвалять короля аррагонскаго Альфонса, какъ идеалъ царственнаго мецената. Эти похвалы слышатся не только отъ льстецовъ, состоявшихъ на жалованьи, но и отъ людей, искренно уважавшихъ его. Если мы представимъ себѣ его личность безъ всякаго заимствованнаго блеска, она все таки покажется намъ необыкновенною. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ отвоевалъ апулійскую область у французскаго претендента, козни котораго въ связи съ мятежными замыслами бароновъ постоянно тревожили его. Еще долгое время итальянскія государства не могли увѣряться въ прочности его власти. Но онъ поступалъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ истинный государь, дѣйствуя въ своемъ государствѣ безъ подозрѣнія и страха, открыто и свободно. Альфонсъ былъ вовсе не баловень судьбы, но въ Италіи обыкновенно говорили, что онъ подчинялъ себѣ судьбу своею твердою волею. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ и войнахъ на полуостровѣ; онъ не хотѣлъ казаться робкимъ и бережливымъ. Чтобы поддержать достоинство твердо установленной власти, онъ относился равнодушно къ мелкимъ выгодамъ. Хотя онъ постоянно тяготился недостаткомъ денегъ и долгами, но

¹⁾ Albertus a Sarthiano epist. 25 къ Никколи отъ 27 января 1493 г. Онъ говоритъ: *Omnis ea patria iacet in tenebris, nullum litterarum lumen, nulla eruditio;... quae olim graecis et latinis doctrinis expolita fuerat, nunc, utrisque expoliata est.*

ни одинъ государь не имѣлъ такого блестящаго двора, какъ онъ, ни одинъ не дѣлалъ такихъ щедрыхъ подарковъ иностраннымъ посланцѣмъ. Далѣе хотя онъ тревожился за продолженіе своей династіи, за наслѣдство своего побочнаго сына Фернандо, однако съ видимою безпечною веселился на охотѣ и предавался другимъ удовольствіямъ. Не смотря на свое испанское происхожденіе, онъ по жизни былъ совершенно итальянскимъ государемъ. Онъ свободно говорилъ по итальянски, хотя въ обыкновенномъ разговорѣ сохраняя свой родной языкъ. Для него было истиннымъ наслажденіемъ, когда толпа французскихъ рыцарей, явившаяся защищать права герцога орлеанскаго на Миланъ, удалась такъ быстро и съ такимъ позоромъ, и когда его побѣды вызвали восторгъ во всей Италиі. Съ тою же ненавистью относились и къ соперничествовавшему съ нимъ Анжуйскому дому. Напротивъ къ аррагонской династіи всѣ привыкли какъ къ родной.

Альфонсъ былъ человекъ прямой и честный, котораго никто не рѣшался называть чужеземцемъ и варваромъ. Если прежде наука и искусство составляли гордость итальянскаго народа и его государей, то онъ и съ этой стороны явился итальянцемъ. Онъ выучился довольно хорошо по латыни, хотя говорилъ на этомъ языкѣ плохо. Еще будучи въ Аррагоніи, слѣдовательно раньше своего пріѣзда въ Италию, онъ состоялъ въ перепискѣ съ Ліонардо Бруни и интересовался его переводомъ сочиненій Аристотеля ¹⁾. Что касается научныхъ свѣдѣній, то ими, вѣроятно, онъ могъ помѣряться съ Козьмою Медичи, т. е. онъ былъ вовсе не ученый человекъ, но обладалъ понятливостью и любознательностью многосторонняго дилеттанта, который быстро усваиваетъ себѣ все, что ему нужно. У него хватало времени и на удовольствія, и на занятія литературою. Рассказывали, будто отъ одной болѣзни его вылѣчила жизнь Александра Великаго, написанная Квинтомъ Курціемъ, которую ему ежедневно читалъ три раза въ день Беккадели, что во время войны ему ежедневно читали записки Юлія Цезаря. Но все это придворныя литературныя сплетни, которыя, быть можетъ, сочинилъ его же придворный поэтъ ²⁾. Но въ извѣстіяхъ объ ученыхъ бесѣдахъ и диспутахъ, которыя происходили при дворѣ Альфонса, писатели того времени согласны между собою. Король былъ большой охотникъ до діалектики, чѣмъ онъ тоже напоминаетъ Медичи, но такой, которая, вопреки мечтаніямъ гуманистовъ, отстаивала права здра-

¹⁾ Leon. Bruni epist. VII, 2. 7. IX, 13.

²⁾ Anton. Panormita de dictis et factis Alphonsi Regis ed. stud. Dav. Chylraei. Vi-
tebergae 1585. Lib. I, 43. II, 13.

ваго разсудка. Онъ обыкновенно хвалился тѣмъ, что нѣсколько разъ прочелъ всю Библию и сверхъ того толкованія къ ней Николая де Лира. Онъ любилъ слушать споры о философскихъ и богословскихъ предметахъ и самъ принималъ участіе въ разговорѣ. Онъ любилъ искусныхъ діалектиковъ, какими были богословы Хуанъ де Солиера и доминиканецъ Мигуэль д'Эпила, котораго онъ сдѣлалъ епископомъ ургельскимъ ¹⁾. Но Альфонсъ любилъ и языческихъ классиковъ, и гуманисты ревностно поддерживали въ немъ эту склонность. Конечно, это наслажденіе доставалось ему не легко, хотя льстецы и говорятъ противное. Это доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ велѣлъ перевести для себя Ливія и Курція на народный языкъ ²⁾, а сочиненіе Августина «О градѣ Божіемъ» читалъ во французскомъ переводѣ ³⁾. Между прочимъ онъ питалъ благоговѣнное уваженіе ко всему, что носило на себѣ печать древности: римскія монеты онъ сохранялъ въ ларчикѣ изъ слоновой кости и смотрѣлъ на изображенія императоровъ, погруженный въ глубокія размышленія о добродѣтели и славѣ въ потомствѣ. При осадѣ Гаэты онъ не позволялъ употреблять для военныхъ снарядовъ камни отъ развалинъ виллы Цицерона, находившейся по близости ⁴⁾. Онъ любилъ, когда его хвалили за остроумные или глубокомысленные лагонизмы, какими выражались великіе мужи древности. Во многихъ прекрасныхъ чертахъ его характера и благородныхъ поступкахъ ясно проглядываетъ цѣль, съ которою онъ такъ дѣйствовалъ, именно онъ желалъ, чтобы все это было передано потомству въ лѣтописи. Находясь среди книгъ и въ кружкѣ ученыхъ людей, онъ обыкновенно забывалъ, что онъ король. Иногда онъ ходилъ пѣшкомъ слушать лекціи неаполитанскихъ профессоровъ, особенно богослововъ. Если при немъ читали древняго писателя, то и другіе, кромѣ его, могли прерывать чтеніе дѣльными вопросами или ученымъ объясненіемъ. Онъ любилъ, когда придворные филологи при немъ дѣлали объясненія къ тексту Ливія и съ жаромъ отстаивали ихъ ⁵⁾. Если послѣ стола, когда всѣ шли въ бібліотеку — Альфонсъ такъ же любилъ книги, какъ и Робертъ, — читали Энеиду, то должны были слушать и бѣдныя дѣти, желавшія учиться, а придворныхъ не было. Потомъ король самъ давалъ чтецу плоды или сласти ⁶⁾. Эти чтенія

¹⁾ Vespasiano: Alphonso Re di Napoli § I. 13. Panormita I. c. II, 17.

²⁾ Tiraboschi T. VI p. 1076 по сочиненію Paulus Cortesius de Cardinal. p. 7.

³⁾ Aeneas Sylvius Comment. in Anton. Panorm. I, 3.

⁴⁾ Panormita II, 12. 48.

⁵⁾ Laur. Valla Invect. in Barth Facium lib. I (Opp. Basileae, 1540 p. 464).

⁶⁾ Panormita I, 39. IV, 18. Valla Recriminationum in B. Facium lib. IV (Opp. p. 593)

Ср. разсказъ Генуэзца Яконо Карло у Mittarelli Bibl. cod. ms. S. Mich. Venet. p. 295.

и диспуты вошли въ обычай при дворѣ; они происходили иногда въ уборной короля, а иногда въ роскошно убранной библиотекѣ, и не прерывались и въ томъ случаѣ, если король жилъ не въ Неаполдѣ, даже во время походовъ.

Нигдѣ, даже и въ республикахъ не жилось литераторамъ такъ легко и свободно, какъ подѣ мощнымъ покровительствомъ этого неаполитанскаго короля. Тутъ они находили надежную защиту даже отъ преслѣдованій римскаго двора и отъ монашескихъ происковъ. Въ первый разъ тогда водворилась свобода слова и только здѣсь, и сторонники ея могли не бояться нападокъ духовенства. Вотъ почему здѣсь собрались самые смѣлые мыслители; здѣсь нашли себѣ пріютъ «бурныя стремленія» того вѣка.

Двумя первостепенными дѣятелями могъ гордиться этотъ дворъ, Лоренцо делла Валле, котораго обыкновенно просто называли Валлою, какъ онъ и самъ себя любилъ называть, притомъ римляниномъ, хотя говорили, что онъ родился въ Пьяченцѣ въ 1407 г. ¹⁾ и Антонио Беккадели изъ Палермо. Валла все таки выросъ въ Римѣ и тамъ получилъ основательное образованіе. Онъ не можетъ похвалиться тѣми наставниками, которые обучили его грамматикѣ. У него рано развился сильный самобытный умъ, которымъ онъ достигъ блестящей славы въ литературѣ. Однако онъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминаетъ о тѣхъ людяхъ, которые указали ему путь къ высшему образованію въ зрѣлые годы. Валла осмѣлился предложить на исправленіе свои опыты въ латинскомъ языкѣ папскому секретарю, Ліонардо Бруни. Ауриспа посвятилъ его въ тайны греческаго языка, но не въ общественной школѣ; онъ училъ прилежнаго юношу какъ отецъ. Ринуччи, другой папскій секретарь, тоже помогалъ ему въ греческомъ языкѣ. Въ это же время онъ познакомился и съ Поджіо. Такимъ образомъ онъ возмужалъ въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ, какіе были въ Римѣ ²⁾. Когда онъ началъ дѣйствовать самостоятельно и выступилъ на литературное поприще, то и ему суждено было нѣсколько лѣтъ вести скитальческую жизнь, въ которой почти всѣ гуманисты провели свою молодость, а многіе и цѣлую жизнь. Валла хотѣлъ было поступить въ секретари при папскомъ дворѣ, но это не удалось ему, и онъ покинулъ Римъ. Говорятъ, кардиналы высказались противъ 24-хъ лѣтняго молодого человѣка, и онъ отомстилъ имъ желчными эпиграммами, въ которыхъ осмѣивалъ ихъ порочную жизнь ³⁾. Съ 1431 г.

¹⁾ Cf. Iv. Ant. Vigerini Elogium Vallae y Georgius Vita Nicolai V. Romae 1742 p. 207.

²⁾ Praefat. in Elegant. lib. II. Antid. in. Pogram lib. IV (Opp. p. 835).

³⁾ Впрочемъ объ этомъ говоритъ только P. Cortesius de Cardinal. y Tiraboschi T. VI p. 1561.

онъ два года пробывъ преподавателемъ реторики въ Павійской высшей школѣ, гдѣ заявлялъ самобытность своихъ взглядовъ нападеніями на рутинную діалектику и юриспруденцію. Потомъ мы встрѣчаемъ его въ Миланѣ, Генуѣ, Феррарѣ и Мантуѣ; нигдѣ онъ не можетъ прочно утвердиться.

Въ самый разгаръ войны Валла отправился въ лагерь короля Альфонса. Быть можетъ, его раньше приглашали на службу къ нему еще въ то время, когда король находился въ плѣну въ Миланѣ. Сначала его обязанностью было служить чтецомъ у короля; поэтому онъ сопровождалъ его и въ походѣ, жилъ съ нимъ въ Гаэтѣ и въ его же свитѣ прїѣхалъ въ Неаполь въ 1442 г. ¹⁾. Его называютъ секретаремъ короля, но, по видимому, отъ него не требовали чтобы онъ постоянно исполнялъ эту должность. Его служба была—служба придворнаго ученаго. Онъ принималъ участіе въ ученыхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ библіотекѣ, самъ читалъ какого нибудь латинскаго писателя или присутствовалъ при чтеніи Бекаделли, принималъ также участіе въ объясненіяхъ, когда король или кто нибудь другой предлагалъ вопросы и высказывалъ сомнѣнія. Если чего не сумѣлъ объяснить Бекаделли, то онъ пускалъ въ ходъ свои знанія, напр. что значить у Ливія *ire in sententiam pedibus* (соглашаться съ чьимъ либо мнѣніемъ) или когда спорили о томъ, кому принадлежитъ принесенная голова животнаго. Бекаделли считалъ ее головою дракона, а Валла утверждалъ, что она принадлежитъ крокодилу ²⁾. Король также ожидалъ, что онъ будетъ знаменитымъ историкомъ его подвиговъ, но не принуждалъ его къ этой работѣ. Безъ сомнѣнія, онъ цѣнилъ его живой умъ и большую ученость. Онъ былъ того мнѣнія, что такой человекъ дѣлаетъ честь тому владѣтельному лицу, при дворѣ котораго живетъ.

Дѣйствительно, Валла по умственному развитію и многосторонней учености стоялъ выше всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ былъ не поэтъ—отъ него осталось лишь нѣсколько стиховъ—и не стилистъ, умѣющій красиво излагать свои мысли; онъ не говорилъ торжественныхъ рѣчей и не писалъ тщательно составленныхъ писемъ. Это была натура здоровая и сильная, которая не довольствовалась дилеттантствомъ. Его знанія въ греческомъ языкѣ тоже не могутъ претендовать на особенныя достоинства. Только въ молодые годы

¹⁾ Anxid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 355. 356).

²⁾ Invest. in Fascium lib. IV (Opp. p. 593. 594). Что Валла преподавалъ публично реторику въ Неаполѣ, не доказано. Если молодого Джіантоіо Кампано называютъ его ученикомъ, то, вѣроятно, имѣлись въ виду такія же отношенія, въ какихъ самъ Валла былъ съ Бруни.

имѣлъ онъ случай ознакомиться съ греческою литературою, а чтобы сдѣлать что нибудь больше этого, въ Неаполѣ не было книгъ. Такимъ образомъ эта отрасль знаній осталась для него лишь вспомогательною, и онъ самъ себя называлъ посредственнымъ грекомъ. Его область была собственно наука, не накопляющая сокровища знаній только для того, чтобы радоваться ихъ приращенію, но изслѣдующая ихъ достоинство, пролагающая новые пути и смѣло идущая по нимъ. Еще и раньше его и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые возставали противъ рутинныхъ теорій, преподававшихся въ университетахъ и высшихъ школахъ. Но ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не выступалъ съ такою страстностью, съ такою боевою отвагою, съ такимъ торжествомъ побѣдителя, какія уже съ молодыхъ лѣтъ обнаружилъ Валла. Онъ вызывалъ противниковъ на споръ и на борьбу не изъ за личнаго желанія вести полемику, какъ гласила молва, и не изъ одной любви къ истинѣ, твердо увѣренный въ своей правотѣ, а потому что находилъ въ этомъ удовлетвореніе своимъ научнымъ стремленіямъ. Онъ вовсе не принадлежитъ къ числу людей, любящихъ оппозицію и разрушеніе. Въ немъ кроются и созидательныя силы. Онъ всюду старается замѣнить несостоятельныя и отжившія свой вѣкъ положенія болѣе вѣрными и плодотворными, указать новые пути для науки и самъ показывалъ примѣръ. Онъ былъ многосторонній ученый, но не стремился быть всестороннимъ. Его умственная дѣятельность сосредоточивалась около одного пункта, въ которомъ онъ былъ особенно силенъ. Это были грамматическія и критическія изслѣдованія. Исходя отсюда, онъ искалъ областей, которыя бы могли служить ареною для его таланта. На него смотрѣли невѣрно и поверхностно, выставляя его задорнымъ спорщикомъ, не уважавшимъ никакихъ достойныхъ авторитетовъ ¹⁾. Однако понятно, почему онъ стоитъ одиноко какъ въ жизни, такъ и въ своихъ научныхъ стремленіяхъ. Вызывающій тонъ его сочиненій могъ доставить имъ успѣхъ лишь въ такое время, когда все принимаютъ живое участіе въ борьбѣ и стремленіи къ обновленію и когда они увлекаютъ массы. Современники его еще не сочувствовали этому духу бурныхъ стремленій; послѣднія нашли себѣ поборниковъ уже въ Эразмѣ и Ульрихѣ фонѣ Гуттенѣ.

Этой самобытности литературнаго направленія вполне соответствовали и нѣкоторыя личныя свойства Валлы, какія подмѣтилъ у своего противника Фаціо. Это—гордо поднятый затылокъ, всегдашнее

¹⁾ Пусть его назовутъ, по его словамъ, *temerarius* и *sacrilegus*, говоритъ онъ во введеніи къ сочиненію «О дарѣ Константина Великаго», *quoniam a nonnullis magnisque et longo iam aere probatis auctoribus dissentio*

желаніе бесѣдовать и спорить, энергическая жестикуляція торопливая походка²⁾). Но въ этой боевой натурѣ было мѣсто и для дружбы, и для ласковаго обращенія, что особенно хвалять молодые люди. Валла, основавшись при дворѣ Альфонса, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, и сочиненія его были тщательно обработаны. Онъ высказался весь уже въ своемъ первомъ трудѣ, написанномъ еще въ Римѣ: Сравненіе Цицерона съ Квинтилианомъ. Сочиненіе это, посланное молодымъ авторомъ Марсуппини, не было напечатано, даже и въ рукописи не отыскано. Но мы знаемъ, что въ немъ онъ смѣло нападалъ на Цицерона, указывая ошибки въ его риторическомъ ученіи и недостатки его ораторскаго искусства. Онъ страстно увлекался Квинтилианомъ и отзывался о немъ съ особеннымъ уваженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что молодого критика вызвало на протестъ то поклоненіе Цицерону, которое вошло въ обычай со временъ Петрарки. Все таки, не смотря на ошибки, подмѣченныя имъ въ его теоріи, онъ пользовался имъ какъ главнымъ источникомъ этого искусства. И именно то обстоятельство, что Квинтилиану вообще отводили второе мѣсто³⁾, заставило Валлу указать на его преимущества. Но онъ подкрѣплялъ свои сужденія множествомъ примѣровъ, какъ дѣлалъ и во всѣхъ сочиненіяхъ. Въ Римѣ это парадоксальное сочиненіе вызвало не мало толковъ. Беккаделли, въ то время его другъ и доброжелатель, старшій по лѣтамъ, извинялся за него въ письмѣ къ Марсуппини. Валла, по его словамъ, тоже посылаетъ какъ бы введеніе въ болѣе обширный трудъ; его цѣлью было только дать работу своему уму и пробудить отъ сна нѣкоторыхъ людей, вообще же онъ вполне умѣетъ цѣнить Цицерона⁴⁾. Съ Поджіо и другими образованными секретарями папы Валла приходилось выдерживать споры о презрѣніи къ Цицерону. Поджіо уже и тогда считалъ его человѣкомъ дерзкимъ и надменнымъ⁴⁾.

И при жизни Валлы, и послѣ его смерти на немъ тяготѣло обвиненіе въ томъ, что онъ погрѣшилъ противъ Цицерона, тѣмъ болѣе, что онъ смѣло нападалъ и на другихъ великихъ писателей. Но его доказательствамъ придавали еще болѣе рѣзкую форму и приписывали ихъ ему же. Будто бы, по его словамъ, Присцианъ совѣтъ

1) Faciū in Vallam Invectivae вѣ Miscellanea di varie operetta T. VII p. 356.

2) Сравните напр. весьма условную похвалу Филельфо въ письмѣ къ Тосканелли отъ 10-го іюля 1440 г. Онъ говоритъ о его словѣ: Sapit hispanitatem nescio quam, hoc est barbariem plane quandom. Nullam habet elegantiam, nullum nitorem, nullam suavitatem. . . . neque movet dicendo Quintilianus, neque docet, nec delectat.

3) Beccatelli epist. Gall. IV, 15 изъ Рима (около 1430 г.).

4) Poggius epist. V, 18: qui Ciceronem arguit in arte dicendi et oratoria facultate. Valla Antid. in Poggium lib. IV (Opp. p. 352).

не зналъ грамматики, а Аристотель діалектики. Ливій ошибся относительно родства двухъ царей Тарвиніевъ. Такъ называемый Оиванецъ Пиндаръ, переведшій Илиаду на латинскій языкъ, стоитъ выше Виргилія. Бозцію, праотцу схоластики, и блаженному Іерониму тоже не было пощады. По части краснорѣчія изъ древнихъ его удовлетворили лишь немногіе, а изъ новыхъ никто. Общее мнѣніе было таково, что онъ ищетъ только случая придраться къ великимъ людямъ и унижить ихъ ¹⁾.

Насколько это сужденіе было поверхностно, показываетъ уже второе большое сочиненіе Валлы. Вскорѣ послѣ полученія профессорской катедры въ Павіи въ 1431 г. онъ обнародовалъ діалоги О наслажденіи (*de voluptate*). Быть можетъ, поводомъ къ нимъ были случайные споры въ кружкѣ литераторовъ въ Римѣ, въ которыхъ онъ смѣло защищалъ ученіе Эпикура. Въ Римѣ и Пьяченцѣ у него было достаточно свободнаго времени обработать этотъ трудъ. Но онъ былъ изданъ человѣкомъ, преподававшимъ въ высшей школѣ, профессоромъ. Это былъ шагъ неслыханно дерзкій ²⁾. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ общепринятую философію, какъ вообще недостойную образованнаго человѣка. Валла не обращаетъ вниманія и на противоположный характеръ ученій Аристотеля и Платона, вообще не занимавшихъ еще тогдашній ученый міръ. Онъ понимаетъ философію соприкасающуюся съ жизнью, какъ нравственное ученіе школъ стоической и эпикурейской. Валлу вызывало на противорѣчіе именно то обстоятельство, что и гуманисты со временъ Петrarки и Салютато всѣ придерживались стоицизма и старались примирить его съ христіанскимъ ученіемъ.

¹⁾ Такъ высказываетъ все это Janus Pannonius въ *Silva panegyrica* въ честь Гварно v. 801.

Corrector veterum, contemtor Valla novorum. Epigr. I, 33 in Vallam:
Ipse deas ausus reprehendere Valla Camenas,
Judicium fertur pertimuisse suum.

Анонимъ въ *Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III, p. 33:*

Nam postquam manes defunctus Valla petivit,
Non audet Pluto verba latina loqui.
Jupiter hunc coeli dignatus parte fuisset,
Censorem linguae, sed timet esse suae.

Cf. Io. Iov. Pontanus *Opp. Lib. II fol. 193.*

²⁾ Что книга обнародована въ Павіи, объ этомъ самъ Валла прямо говоритъ въ *Invest. in Fascium Lib. IV (Opp. p. 621)*. Кончена она въ началѣ 1431 г., какъ опредѣляетъ Валезъ *Vallae opusc. tria 8, 44* съ помощью *Beccatelli Epist. Gall. III, 36.*

Безъ сомнѣнія, главная суть этого труда—панегирикъ чувственному наслажденію, хотя авторъ тонко разъясняетъ понятие voluptas и побѣда его не является окончательнымъ нравоученіемъ. Въ началѣ труда авторъ прямо отъ себя оправдываетъ самое заглавіе его, и ему доставляетъ необычайное удовольствіе явиться рыцаремъ, вызывающимъ на бой и смѣло высказать читателю то положеніе, что наслажденіе есть истинное, даже единственное благо ¹⁾). Потому въ діалогѣ, вѣдущемся по образцу Цицерона, отдается должная справедливость и стоическому ученію, и христіанскому. Но какъ ни обезпечиваетъ себя авторъ въ началѣ отъ злонамѣренныхъ толкованій, какъ ни неоспоримо то его положеніе, что онъ не можетъ заставить говорить Эпикура съ строгою серьезностью стоика, какъ ни явно наконецъ доставляетъ онъ торжество христіанскому ученію, однако все таки отстаиваетъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ права чувственной природы. Эта сторона увлекала читателя, потому что мысли автора были новы и смѣлы; христіанскую этику онъ сотни разъ слышалъ отъ проповѣдниковъ. Свобода чувственнымъ влеченіямъ которая всегда кажется столь заманчивою для человѣка, здѣсь возводится въ строгую систему, какъ естественное право. И человѣкъ, называющій себя христіаниномъ, можетъ высказывать такіа положенія! Цѣломудріе, съ нарушеніемъ котораго нѣтъ монашеской жизни, изображено авторомъ какъ невыносимо мучительное состояніе, противное природѣ. «Если мы, говорится въ сочиненіи, родились по законамъ природы, то они же требуютъ отъ насъ и того, чтобы мы производили подобныхъ себѣ. При этомъ въ сочиненіи были и косвенныя нападки на монаховъ и на монашество. Весь споръ вѣдется такъ, что спорящіе постоянно увораютъ ихъ въ узкомъ пониманіи глубокихъ вопросовъ жизни. Для насъ весьма понятно, почему Валла этими объясненіями навлекъ на себя обвиненіе въ томъ, что считалъ наслажденіе высшимъ благомъ, что форму спора считали простою уловкою, что онъ лишь для видимости вывелъ христіанство торжествующимъ. Пагубный взглядъ на жизнь высказанъ, а вопросъ о томъ, согласенъ ли съ нимъ авторъ, безразличенъ. Кромѣ того все, что извѣстно было о жизни писателя, не говорило въ пользу его нравственности.

Книга Валлы не только породила большіе толки, но и вызвала озлобленіе. Изъ за нея онъ, кажется, поссорился и съ Беккаделли, хо-

¹⁾ Онъ могъ бы, говорить онъ, озаглавить свое сочиненіе de vero bono, но предпочитаетъ озаглавить de voluptate, molli quodam et non invidioso nomine. Liquidem de vero bono, quam eandem voluptatem esse placet, in omni hoc opere disputamus. Quid tu, ille inquiet, aisne voluptatem esse verum bonum? Ego vero aio atque affirmo: et ita affirmo ut nihil aliud praeter hunc bonum esse contendam.

тя послѣдній, какъ поэтъ, пользовался еще худшею репутаціею ¹⁾. А особенно непріятное впечатлѣніе производила она тѣмъ, что всѣ разговоры велись въ кругу папскихъ секретарей. Поэтому Валла приступилъ къ вторичной обработкѣ ея, которую кончилъ въ Миланѣ въ 1433 г. ²⁾). Теперь заглавіе книги было смягчено: *de vero bono*, участниками бесѣды являются миланскіе и павійскіе друзья автора, вызывающее введеніе выпущено, многое измѣнено въ отношеніи слога, но эпикурейское ученіе, насколько мы видимъ, оставлено во всей его силѣ.

Нападеніе Валлы на формальныя теоріи философіи, на рутинную логику и діалектику тоже было начато еще въ Павіи, гдѣ онъ, вѣроятно, читалъ эти предметы, какъ младшій магистръ. Изъ этихъ изслѣдованій его выработались Діалектическіе диспуты, или, какъ гласитъ болѣе вызывающее заглавіе *Peresмотръ діалектики*. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи Валла нападалъ прямо на Аристотеля, котораго едва зналъ и которымъ никогда особенно не занимался. Но весь гнѣвъ его обрушивается на новыхъ философовъ, потому что они возвели Аристотеля въ непогрѣшимый авторитетъ, и въ нѣкоторыхъ университетахъ учащіеся были обязаны присягою никогда не отступать отъ Аристотеля. Авиценну и Аверроэса онъ называетъ варварами, не знавшими ни латинскаго, ни греческаго языка. Относительно многихъ новыхъ писателей по діалектикѣ онъ сомнѣвается, по его словамъ упрекать ли ихъ въ невѣжествѣ, или тупости, или въ злонамѣренности, или во всѣхъ этихъ недостаткахъ вмѣстѣ. Онъ хочетъ избавить своихъ читателей отъ хитросплетеній этихъ софистовъ и мудреныхъ терминовъ, вновь придуманныхъ ими. Согласно съ этимъ онъ разъясняетъ путаницу схоластической системы и съ торжествомъ указываетъ, какъ просто выходитъ, если правильное употребленіе. Онъ старается настроить законы мышленія

¹⁾ Какъ самъ онъ говоритъ (Opp. p. 624), такъ какъ его раздражила та слава, qua ab orpus de vero bono per hominum ora celebratur.

²⁾ Сочиненіе это напечатано въ полномъ собраніи въ первой редакціи. Напечатана и вторая, хотя со множествомъ ошибокъ, подъ заглавіемъ *de vero bono*, вмѣстѣ съ сочиненіемъ *de libro arbitrio* и съ *Prologus in Poggium Lovani 1433* г. Что оно было написано въ Миланѣ, это я заключаю изъ именъ собесѣдниковъ, которые всѣ миланцы или изъ Павіи. Они не собираются уже, какъ въ первой редакціи, *in curia apostolica*, а въ *porticum Gregorianum*, потомъ въ саду Маффео Ведио, отъ котораго мы имѣемъ письмо изъ Павіи отъ 15-го марта 1433 г., у *Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 405*. Слѣдуетъ ли иснять этого портна въ Миланѣ или Павіи, я не могу рѣшить. По первой редакціи вымышленный разговоръ происходилъ три года назадъ, а теперь *superioribus diebus*. *Poggius epist. V, 13 (1433)*, повидному, ссылается на первую редакцію, въ которой собесѣдникомъ является пріѣхавшій Гварино.

на основаніи собственнаго наблюденія надъ процессами мышленія, надъ его формами и выраженіемъ ихъ въ языкѣ. Языкъ, его разумно понятый грамматическій строй и, если разъяснить его здравымъ смысломъ, употребленіе для него служатъ исходными точками и самыми простымъ средствомъ для борьбы. Діалектика, говоритъ онъ, такъ проста, что ей можно выучиться во столько же мѣсяцевъ, сколько лѣтъ требуется на грамматику. Это ученіе, дѣйствительно, ничего не имѣетъ общаго ни съ Аристотелемъ, ни со школою; поэтому оно и показалось ученою ересью, держимъ нападеніемъ на философскіе авторитеты.

Лишь мало по малу созрѣвая трудъ, доставившій Валлѣ наибольшую, при томъ неотъемлемую славу,—это Красоты латинскаго языка. Онъ старается отыскать въ немъ новыя и болѣе прочныя основы краснорѣчія, которыя доселѣ и гуманисты съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ отыскивали у древнихъ. Онъ хочетъ возстановить приемы рѣчи древнихъ и уничтожить средневѣковой наростъ. Но и эта работа даетъ ему много поводовъ для полемики. «Уже цѣлыя вѣка, говоритъ онъ, никто не писалъ настоящей латынью; латынь древняго Рима заполонена варварами». Теперь ее надобно освободить. Правда, онъ еще уважаетъ древнихъ грамматиковъ, Доната, Сервія, Присціана, хотя многое и у нихъ находитъ невѣрнымъ. Но къ Папію, Исидору, Гугуціону и подобнымъ имъ писателямъ онъ относится съ попятѣйшимъ пренебреженіемъ. Они только сдѣлали своихъ учениковъ еще глупѣе. Но здѣсь нападки были дѣломъ второстепеннымъ, главнымъ же—громадный запасъ грамматическаго матеріала, котораго никто не умѣлъ обрабатывать такимъ образомъ. Валлу могли только упрекнуть въ громадныхъ притязаніяхъ, потому что онъ, дѣлая комплиментъ своимъ наставникамъ Бруни и Ауриспѣ, всѣхъ остальныхъ обвинялъ въ искаженіи латыни. Онъ утверждалъ, что собралъ въ своемъ сочиненіи 2000 такихъ выраженій, которыя раньше его были неизвѣстны.

Юристовъ онъ вооружилъ противъ себя еще тогда, когда написалъ въ Парижѣ Инвективу противъ знаменитаго Бартоло и доказывалъ въ ней, что онъ далеко отсталъ отъ древнихъ римскихъ юристовъ, потому что не знаетъ языковъ. Юристы грозилась за это растерзать его на улицѣ. По крайвей мѣрѣ ему дали понять, что ему не слѣдуетъ касаться права, котораго онъ не знаетъ. Но Валла смѣло продолжалъ борьбу. Онъ ссылался на то, что основательно прочелъ дигесты, разумѣется, какъ грамматикъ. Но ихъ нельзя было толковать безъ основательнаго знанія языка; до сихъ поръ ихъ объясняли больше по готски, чѣмъ по латыни. Онъ вызывался въ три года написать глоссы къ дигестамъ, кото-

рыя будутъ гораздо полезнѣе, чѣмъ глоссы Аккурсія. Мы не удивляемся, что юристы видѣли въ этомъ лишь безразсудную заносчивость ¹⁾.

Столкновения эти, по крайней мѣрѣ большею частію, происходили раньше того, чѣмъ Валла явился ко двору короля Альфонса. Онъ могъ найти прочное и безопасное положеніе только у такого просвѣщеннаго государя, который умѣлъ цѣнить подобную умственную энергію и не слушалъ навѣстовъ на челоуѣка, всегда готоваго на борьбу и терпѣвшаго много нападокъ. Альфонсъ никогда не старался сдерживать своего придворнаго ученаго, напротивъ давалъ полную свободу его таланту. За это онъ въ немъ и нашелъ союзника въ борьбѣ.

Въ 1440 г. вышло сочиненіе Валлы: Противъ дара Константина (Великаго) ²⁾. Это было въ самый разгаръ войнъ религіозныхъ и свѣтскихъ. Папа Евгений IV, какъ ленный государь, оказывалъ расположеніе анжуйскому дому и чрезъ кардинала Виттелески сдѣлалъ попытку завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ на правахъ верховнаго господства. Альфонсъ держалъ сторону базельскаго собора, который объявилъ папу низложеннымъ и выбралъ ему антипапу въ лицѣ Феликса V. Валла подготовился къ борьбѣ долговременными изслѣдованіями, можетъ быть, вызываемымъ на это тѣми сомнѣніями относительно дара, которыя высказалъ Никколай Эйсъ въ своей книгѣ, О католическомъ согласіи. Онъ доказывалъ, что это подлогъ и возсталъ противъ того ученія папъ, что имъ принадлежать Римъ, королевства Неаполитанское и Сицилійское, вся Италия и другія страны. Напротивъ онъ объявилъ, съ закоренѣлою ненавистью римлянина къ теократіи, что свѣтскіе государи имѣютъ право выгнать папу изъ его свѣтскихъ владѣній ³⁾. Онъ называлъ папу Евгенія деспотомъ, а кардинала Виттелески челоуѣкомъ кровожаднымъ ⁴⁾. Опираясь на этотъ подлогъ, Валла въ то же время взвелъ на папъ обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи. Или они круглые невѣжды, или очень жадны и властолюбивы, если сами измыслили даръ Константина Великаго и такимъ образомъ унизили достоинство папской власти и

¹⁾ Рѣзкія нападки на новыхъ юристовъ, особенно въ Praefat. Elegant. lib. III. О столкновенияхъ съ ними онъ рассказываетъ самъ Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 856).

²⁾ De falso credita et ementita Constantini donatione Declamatio, часто печатавшееся, также и въ Opp. Согласно р. 733 Валла написалъ эту книгу на шестой годъ послѣ римскаго возстанія, принудившаго папу бѣжать (4 июня 1434 г.)

³⁾ р. 762: At ego contra existimo, iustius licere principibus spoliare te imperio omni quod obtines.

⁴⁾ р. 791 онъ называетъ ero monstrum atque portentum qui gladium .. in christianorum sanguine lassavit, quo gladio et ipse periit (1 апр. 1440 г.).

поругались надъ христіанскою вѣрою. Но не одно критическое изслѣдованіе древняго преданія заставило противника поднять громовой голосъ противъ сѣмонія и недостойнаго образа дѣйствій папъ, которымъ Валла объявилъ формальную войну ¹⁾. Едва ли можно спорить противъ того, что если это сочиненіе приняло такой запальчивый характеръ, далеко не соответствовавшій тону критическаго изслѣдованія, то оно было памфлетомъ, написаннымъ на службѣ короля Альфонса, по крайней мѣрѣ обнародовано съ его одобренія. Когда король въплѣдствіи примирился съ папою Евгеніемъ, то Валла не взялъ своихъ обвиненій назадъ и не отрекся отъ нихъ, однако не продолжалъ борьбы съ папою, напротивъ хлопоталъ о примиреніи и охотно поступилъ на службу къ римскому двору.

Но сначала Валла чувствовалъ себя безопаснымъ подъ покровительствомъ короля Альфонса, такъ что могъ продолжать борьбу съ прежнею энергіею. Теперь онъ предпочелъ перенести ее именно на богословскую почву и старался искать случая наносить безопадно удары духовенству, а въ особенности монашеству. До сихъ поръ онъ упрекалъ въ невѣжествѣ латинистовъ, философовъ и юристовъ, а теперь и богословамъ хотѣлъ тоже доказать свое превосходство. Въ спорѣ съ епископомъ ургельскимъ онъ объявилъ, что писъмо Иисуса Христа къ Авгару Эдесскому, сообщаемое Эвсевіемъ, подложное. Въ Діалогѣхъ о свободѣ воли онъ высказалъ то положеніе, что Божественный Промыселъ не противорѣчитъ свободной волѣ, и съ особенною горячностью опровергалъ ученіе Боэція, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ имѣлъ дѣло съ уважаемымъ авторитетомъ. Въ Діалогѣ о профессіи монаха онъ излагалъ свой споръ съ однимъ монахомъ. Послѣдній утверждалъ, что если монахъ ведетъ такую же жизнь, какъ и мірянинъ, то онъ можетъ ожидать отъ Бога ради своей профессіи высшей награды, чѣмъ послѣдній. Валла не только возсталъ противъ этого положенія, но и высказалъ много горькихъ истинъ въ своемъ негодованіи на цѣлое сословіе. Онъ съ придирчивостью филолога отрицалъ у орденовъ право называть себя

¹⁾ Въ концѣ сочиненія говорится: Если папа не захочетъ возвратиться къ бѣдной жизни своихъ предшественниковъ, Сильвестра и Льва, tunc ad alteram orationem multo rusculentiore[m] accingemur.—На эту общую борьбу съ папами и духовенствомъ указываетъ уже Антонио Кортезе въ своемъ Antivaa у Fabricius Bibl. lat. ed. Mansi T. VI p. 283. Подробный разборъ сочиненія у Vahlen, L. Valla s. 189 ff.

²⁾ Его вѣтъ въ Орега и оно въ первый разъ напечатано Валеномъ въ Vollae Opuscula tria. Вообще нѣкоторыя сочиненія Валлы пока извѣстны только по заглавіямъ, какъ напр. libellus de novis rebus antiquitati pro[gr]aus ignoris,—о реторикѣ ad Herennium (Vahlen ibid. p. 66) и упомянутое въ Apologia ad Eugenium IV О Св. Духѣ написанное во время флорентинскаго собора.

монашескимъ сословіемъ, а членовъ его монахами, и хотѣлъ примѣнить къ нимъ ненавистное слово «сеты». Валла вообще сильно возставалъ противъ монаховъ и, порицая обѣтъ цѣломудрія, затрогивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все духовенство, чтобы выставить на видъ его позорный образъ жизни ¹⁾.

Ненависть, которую Валла вызвалъ противъ себя этими нападеніями въ особенности со стороны монаховъ, еще не могла ничѣмъ разразиться, пока враги его не имѣли поддержки при римскомъ дворѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ папа Евгений IV заключилъ союзъ съ Альфонсомъ (1443 г.), съ тѣхъ поръ, какъ первый сталъ жить въ Римѣ и несомнѣнно долженъ былъ одержать побѣду во время раскола, и у монаховъ, блюстителей за исполненіемъ духовныхъ правилъ, которымъ Евгений IV всегда покровительствовалъ, прибавилось смѣлости. Теперь они не стали уже терпѣливо сносить нападенія Валлы.

Въ 1444 г. ²⁾ постомъ, въ Неаполѣ проповѣдывалъ братъ Антоніо да Битонто, одинъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ пылкихъ миноритовъ этой категоріи, которые въ то время вслѣдствіе народной любви и своей пропаганды составляли дѣйствительную силу. Валла слышалъ эту проповѣдь и напалъ на то ученіе брата, будто члены апостольскаго символа вѣры такъ составлены Апостолами, что всѣ они неразрывно связаны между собою. Онъ пошелъ въ келью къ монаху, какъ человѣкъ, желающій назиданія, и спросилъ, на чемъ основано его ученіе и гдѣ сказано, что символъ вѣры составленъ Апостолами. Завязался споръ, и Валла сталъ смѣяться надъ прославленнымъ Бонавентурою, который въ своемъ орденѣ считался уже святымъ, а монаха, сильно размахивавшаго руками, сравнилъ съ гладиаторомъ. Послѣдній тотчасъ же сталъ совѣтоваться съ орденскими братьями и иными друзьями о томъ, какъ бы наказать этого чловѣка, который сверхъ того въ своихъ діалектическихъ диспутахъ и вообще проповѣдуетъ еретическія возрѣнія. Три или четыре дня громилъ онъ его въ своихъ проповѣдяхъ и возбуждалъ противъ него народъ, такъ что наконецъ самъ король велѣлъ запретить ему это. Но для Валлы этого было недостаточно. Онъ предложилъ назначить въ соборѣ диспутъ касательно тѣхъ положеній, которые

1) P. 127: Utinam, utinam episcopi, presbyteri, diaconi unius uxoris viri et non potius, venia sit dicto, non unius scorti amatores.

2) Годъ опредѣляется замѣткою Валлы о томъ, что палермскій архіепископъ, Никколо де' Тудеска, въ то время воротился изъ Базеля. Онъ былъ тамъ посломъ Альфонса и былъ отозванъ вслѣдствіе терачинскаго мира (14 июня 1443 г.)

высказалъ монахъ, пригласилъ инфанта Фернандо и нѣсколькихъ челоѣкъ изъ городской знати присутствовать при своей защитѣ.

Король лежалъ больной; кромѣ того его предупредили, что легко можетъ произойти возмущеніе. Поэтому онъ пожелалъ отложить диспутъ. Валла счелъ это торжествомъ своего дѣла и велѣлъ прибить къ церковнымъ дверямъ двустистише, въ которомъ величался своею побѣдою ¹⁾.

Теперь озлобленные враги Валлы хотѣли добиться формальнаго осужденія еретика. Они нашли опору въ епископѣ поццуольскомъ, францисканскаго ордена и убѣдили викарія архіепископа, за отсутствіемъ послѣдняго, позвать надменнаго ученаго къ себѣ. Изъ тѣхъ положеній, которыя онъ выбралъ предметомъ диспута, и изъ внимательнаго просмотра его сочиненій они извлекли цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ, изъ которыхъ слѣдовало, что онъ отвергаетъ постановленія церкви и ученіе св. Отцевъ и хочетъ ниспровергнуть папское право,—слѣдовательно онъ еретикъ. При этомъ, безспорно, они дѣйствовали весьма неискусно и странно, смѣшали съ богословскими вопросами философскіе, даже грамматическіе, которые были направлены противъ заповѣдныхъ авторитетовъ. Весьма странно, что книги О дарѣ Константина Великаго совсѣмъ не коснулись; это безъ сомнѣнія потому, что каждый зналъ, что тутъ замѣшанъ самъ король. Напротивъ діалоги Объ истинномъ благѣ дали четыре обвинительныхъ пункта относительно школы Эпикура. Но съ ними можно было сдѣлать немного, потому что они были чисто философскаго характера, кромѣ того были прикрыты объясненіемъ понятія о *voluptas* и разговорною формою. Еще безтактиче были выбраны положенія изъ діалектики Валлы, въ которыхъ его уже упрекалъ братъ Антонію, именно что есть только три заповѣди, а не десять, только три стихія, а не четыре, только три чувства у челоѣка, а не пять,—что изъ девятнадцати родовъ силлогизмовъ правильны только восемь, а остальные бессмыслица и т. п. Эти положенія собственно были направлены противъ Аристотеля и его школы, но не были ересью. Просмотрѣли даже его Красоты и тоже вывели обвинительные пункты изъ нападокъ на Присціана и средневѣковыхъ грамматиковъ. Можно было серьезнѣе придратъя къ сочиненію О свободной волѣ и къ его полемикѣ противъ Боэція, такъ какъ тутъ шла рѣчь о Богѣ. Но въ этомъ случаѣ Валла могъ спросить, какъ впоследствии и спросилъ: кто жъ такое Боэцій, что на него нельзя нападать? Въ заключеніе приведены были глав-

¹⁾ Rex pacis, miserans sternendas pace phalanges
Victoris cupidum continuit gladium

ныя положенія изъ діалога о заслугахъ монашескаго подвижничества и главнымъ образомъ опасное заблужденіе относительно символа вѣры. Быть можетъ, философскія положенія больше служили затѣмъ, чтобы доказать дерзость автора, а главное обвиненіе было построено на его богословскихъ мнѣніяхъ.

Валла послѣдовалъ приглашенію въ соборъ. Но такъ какъ онъ полагалъ, что тамъ будетъ происходить диспутъ, то отправился туда безъ адвоката и безъ друзей; за нимъ пошли лишь тѣ люди, которыхъ онъ случайно встрѣтилъ на пути. Когда же онъ увидѣлъ тамъ цѣлую массу своихъ враговъ, то понялъ, что тутъ будетъ не диспутъ, а настоящій инквизиторскій допросъ. Засѣданіе велъ инквизиторъ-доминиканецъ. Онъ спросилъ между прочимъ, какъ Валла думаетъ о происхожденіи символа вѣры. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ составленъ не Апостолами, а Отцами никейскаго собора, и вызвался доказать это. Ему возразили, что это ересь, да тутъ и не мѣсто спорить объ этомъ, а слѣдуетъ прямо отречься. Тогда, чтобы выдти изъ затрудненія, онъ объявилъ, что думаетъ объ этомъ такъ же, какъ св. мать Церковь ¹⁾. Его старались поставить въ затруднительное положеніе однимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ діалектикѣ и вовсе не касавшимся догматовъ. На это онъ отвѣчалъ трибуналу насмѣшливо, что св. мать Церковь, разумѣется, ничего не знаетъ объ этомъ, но онъ и въ этомъ случаѣ думаетъ такъ же, какъ св. мать Церковь. Судьи требовали у него отреченія отъ его мнѣній, чтобы ему осталось только выбирать одно изъ двухъ— или позорное униженіе, или смерть еретика. Но Валла оспаривалъ ихъ право судить его: они и враги его, и обвинители, и судьи, и свидѣтели. Когда онъ хочетъ защищаться, то ему запрещаютъ говорить, а когда говорить, то они готовы объявить его упорнымъ еретикомъ и довести до того, чтобы народъ побилъ его камнями. Въ такомъ ужасномъ видѣ изображалъ впоследствии Валла этотъ судъ папѣ Евгенію IV. Но надежда его на покровительство короля была гораздо сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ монахами и передъ народомъ. Это показываетъ его поведеніе. Едва вышелъ онъ изъ собора, какъ сталъ поджидать своихъ инквизиторовъ, потомъ жестоко укорялъ ихъ и пошелъ жаловаться королю. Альфонсъ тоже порицалъ инквизиторовъ, говоря, что онъ знаетъ, что ихъ ожесточаетъ противъ Валлы, и при этомъ прямо назвалъ сочиненіе, направленное противъ дара Константина. — «Вы нападаете на него не изъ за вѣры, укорялъ

¹⁾ Этотъ отвѣтъ далъ поводъ Фацио утверждать въ своей инвективѣ противъ Валлы, что онъ униженно просилъ прощенья у своихъ судей и только этимъ спасся отъ сожженія на кострѣ.

онъ ихъ, а изъ зависти и злобы, потому что онъ благороднѣе и ученѣе всѣхъ васъ; вы строите ему козни потому, что боитесь съ нимъ спорить». Онъ вообще отрицалъ ихъ приговоръ, потому что они не имѣли права дѣлать никакого допроса. Король самъ хотѣлъ разобрать спорные пункты, но этого не состоялось. Монахамъ только посовѣтовали быть спокойнѣе ¹⁾).

И такъ критикъ безнаказанно напалъ на уважаемое преданіе, грамматикъ пристыдилъ богослововъ, придворный поэтъ посмѣялся надъ инвизиціей. Въ досадѣ преслѣдователей еретиковъ ученый филологъ изучалъ Новый Завѣтъ. Онъ хотѣлъ сравнить «греческій источникъ» съ вытекшимъ изъ него «латинскимъ ручьемъ», вулгатой, и исправить послѣднюю. При этомъ не обошлось безъ возраженій блаженному Иерониму, которыя встрѣчаются уже въ Красотахъ. Были и такіе люди, какъ кардиналъ Куза, которые понимали значеніе и пользу подобныхъ изслѣдованій. Но враги Валлы и даже такой ученый человекъ, какъ Поджіо, думали такъ, что онъ съ своей обычной заносчивостью мудритъ надъ вулгатой и ведетъ списокъ ошибокъ блаженнаго Иеронима ²⁾).

Однако Валла не былъ и фанатикомъ своихъ убѣжденій. Правда, онъ никогда не скрывалъ и не бралъ назадъ своихъ выводовъ, никогда не заключалъ и не искалъ мира съ своими врагами монахами. Но ему не трудно было преодолѣть себя, чтобы просить прощенія у глубоко-оскорбленнаго папы Евгенія IV: его мучило сильное желаніе видѣться въ Римѣ съ своими родственниками и друзьями. Онъ сознавался, что если въ чемъ погрѣшилъ—онъ разумѣлъ, конечно, преимущественно сочиненіе направленное противъ дара Константина,—то сдѣлалъ это по совѣту другихъ или изъ желанія славы. «Но всѣ поймутъ», говорилъ онъ, что онъ такой человекъ, который со временемъ настолько же будетъ полезенъ Церкви, насколько онъ оскорбилъ ее.» Если папѣ нужно отреченіе или оправданіе, объявлялъ онъ въ расчетѣ на его великодушіе, то онъ явится униженно съ непокрытою головою. Кардиналъ Ландриани, покровитель гуманистовъ долженъ былъ поддерживать его. Сверхъ того Валла обратился къ могущественному кардиналу Скарампо, который относился равнодушно къ подобному нападенію на Церковь, но все таки былъ доступенъ

¹⁾ Обо всемъ этомъ рассказываетъ самъ Валла въ *Apologia ad Eugenium IV* (Opp. p. 795 seq.), гдѣ приведены и *quaestiones*, въ своемъ *Antidotum in Poggium*, обращенномъ къ папѣ Николаю V lib. IV (Opp. p. 356 seq.).

²⁾ Valla Opp. p. 340. Poggius epist. XII, 3. О значеніи этого сочиненія см. Vallens L. Valla s. 208 ff.

для лести литераторовъ. ¹⁾ Мы не знаемъ, какое послѣдовало рѣшеніе, но Валла обѣщала безопасность ²⁾). Послѣ этого онъ рѣшился ѣхать въ Римъ. Но враги его, нищенствующіе монахи, не могли забыть того пораженія, которое они потерпѣли въ Неаполѣ. Они явились къ папѣ съ обвиненіями противъ него и выставили позорнѣйшею ересью Валлы то, что онъ писалъ противъ Евгенія IV и въ защиту базельскаго собора, потому что получилъ отъ него бенефиціи. Валла не хотѣлъ оставаться въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока буря разразится. А тутъ и самая жизнь его подверглась опасности, потому что монахи совсѣмъ завладѣли папою. Пробывши два мѣсяца въ Римѣ, онъ удалился чрезъ Остію опять ко двору Альфонса и отсюда уже обратился съ Апологіею къ папѣ, въ которой остроумно защищалъ себя и не шадилъ своихъ противниковъ, однако униженно преклонялся передъ авторитетомъ римскаго престола. «Твое святѣйшество», такъ онъ заключалъ свою Апологію, «не получить отъ меня ни пользы—это выше моихъ силъ,—ни славы—такъ какъ твоя слава не можетъ быть ни возвеличена похвалою, ни умалена порицаніемъ—но получить все таки отраду въ моихъ трудахъ ³⁾». Такая просьба не могла тронуть папу Евгенія IV. Пока онъ былъ живъ, Валла оставался въ немилости и не смѣлъ еще разъ явиться въ Римъ. Между тѣмъ у преемника его не было рѣчи ни о какой инквизиціи, ни о какомъ прошеніи. Мы увидимъ, какъ ученый, прославившій еретикомъ, безъ дальнихъ околичностей былъ позванъ въ Римъ, назначенъ секретаремъ, пользовался уваженіемъ и получалъ щедрые подарки. Съ именемъ Валлы связана первая блестящая побѣда гуманистической учености надъ представителями преданія ⁴⁾).

Полемическое сочиненіе Валлы противъ папской власти надѣлало шуму, въ первые годы священства Евгенія IV. Но еще болѣе сильное волненіе вызвало маленькое произведеніе подъ заглавіемъ Гермафродитъ. Это собраніе эпиграммъ, которыя по гениальной смѣлости и беззастѣнливой нескромности превосходили все, что до сихъ

¹⁾ Письма къ папѣ и къ обоимъ названнымъ кардиналамъ, одно отъ 14-го марта (1445) въ *Epistolae principum* ed. Donzelino p. 346. 352. 416.

²⁾ Онъ говоритъ папѣ: *me tua fide, quam lederas, tutum esse oportebat.*

³⁾ *Apologia pro se et contra calumniatores ad Eugenium IV* (Opp. p. 795 seq.).

⁴⁾ Poggiali *Memorie intorno alla vita e agli scritti di Lorenzo Valla, Piacenza 1790*; и ихъ не выдалъ. Нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ документовъ есть у Цумпта: *Leben und Verdienste des Laur. Valla* въ *Zeitschr. f. Geschichtsw.* Bd. IV, Berlin 1845. Clausen *Laurentius Valla hams livog skrifler, Kiöbenhavn, 1861*, не сообщаетъ ничего новаго. Напротивъ, книга Валена L. Valla въ *Almanach der Wiener Akad.* 1864 и *Vallae opuscula* въ *Sitzungsber.* той же акад. 1869 г. богаты фактами и взглядами.

поръ писали гуманисты въ подражаніе римскимъ сатирикамъ¹⁾. Это было произведеніе начинающаго поэта, который обучался въ Сіенѣ и тамъ, въ городѣ любви и наслажденій—самъ онъ называетъ его *molles Sennae*—вмѣстѣ съ Энеемъ Сильвіемъ де Пинколомини изучалъ веселую жизнь по древнимъ, а древнихъ поэтовъ по жизни²⁾. Это былъ Антоніо дельи Беккаделли, обыкновенно называемый по своему отечественному городу Палермцемъ (*Panormita*). Въ книгѣ своей поэтъ заглянулъ въ бездну порока, но старался украсить его цвѣтами поэзіи. Такимъ образомъ воспѣвались не только тѣ естественныя влеченія, при которыхъ женщина становится жертвою чувственности, но и другой болѣе грязный и противоестественный порокъ, составлявшій проклятіе древняго міра и Востока. Надъ нимъ восторжествовало было окончательно христіанство, но потому онъ снова обнаружился въ ужасающихъ размѣрахъ. Поэтъ изображалъ все это въ игривыхъ стихахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто все это очень естественно и всѣмъ понятно, такъ что можетъ составлять удобный предметъ для остроумной шутки. Этого мало. Онъ вовсе не стѣснялся признать себя авторомъ этой нескромной книги. Онъ оправдывалъ ее примѣромъ древнихъ римскихъ поэтовъ, смотрѣлъ на строгихъ блюстителей нравственности, какъ на людей глухыхъ, которые не понимаютъ предостей античнаго наслажденія жизнью.

Такоеъ былъ первый ужасающій плодъ вѣры въ непогрѣшимость древнихъ, смѣлый вызовъ, обращенный къ нравственности, гораздо смѣлѣе, чѣмъ разговоры Валлы о наслажденіи. Гуманистамъ все это не показалось нисколько страннымъ. Веронецъ Гварино, который въ то время былъ уже 63-лѣтнимъ старцемъ и отцомъ цѣлой дюжины дѣтей, удивлялся гармоніи этого произведенія, легкости стиха, и непринужденности шутки. Онъ не смущается криками необразованныхъ людей, «которые находятъ утѣшеніе лишь въ слезахъ, постахъ и псалмахъ и не знаютъ, что одно дѣло — цѣль жизни, а другое—цѣль поэзіи³⁾». И Поджіо хвалилъ поэта не за изящество

¹⁾ Книга, часто встрѣчающаяся въ рукописяхъ, напечатана въ первый разъ въ Парижѣ въ 1791 г., подъ заглавіемъ: *Quinque illustrium poetarum, Antonii Panormitae etc. Lusus in Venereis*. Потомъ *Antonii Panormitarni Hermaphroditus. Primus in Germania edidit et Aphororeta adiecit Forbergius. Coburgi 1824*. Заглавіе книги поэтъ объясняетъ I, 8 довольно откровенно: *Sinnus et est nostro, simul est et mentula libro*. Издана въ 1431 или 1432 году, потому что въ 1432 г. противъ нея направилъ свой гонимолгъ Маріано да Бомерія у *Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet.* p. 725.

²⁾ Всѣ эпиграммы написаны въ Сіенѣ; это ясно изъ ихъ содержанія. Приводимъ одинъ примѣръ. Тамъ грамматикъ *Mammia Lana* не разъ выставляется въ дурныхъ отношеніяхъ къ своимъ ученикамъ.

³⁾ Его письмо къ *Дшакъ Домола* у *Lamius Catal. cod. ms. bibl. Riccard.* p. 37, у *Bandini Catal. codd. lat. bibl. Medic. Laurent.* T. II, p. 106, у *Forberg l. c. p. 16*. Благодарность *Бениаделли* въ его *Epist. Gall.* IV, 6 edit. 1746.

стиховъ, а выражалъ удивленіе, что онъ такъ мило и увлекательно говорить о такихъ непристойныхъ вещахъ. Правда, онъ совѣтовалъ ему со временемъ прийтись за болѣе серьезные сюжеты, такъ какъ христіанскимъ поэтамъ не все то дозволено, что языческимъ. Но онъ не придавалъ серьезнаго характера этому упреку. Поджіо самъ писалъ фацеціи на 70-мъ году своей жизни, которыя смѣло можно поставить рядомъ съ Гермафродитомъ. ¹⁾ Ему послалъ это произведеніе грамматикъ Антоніо Лоски, который тоже находилъ его прелестнымъ. Миланскій епископъ Бартоломмео изъявилъ поэту необычайное желаніе прочесть его стихи. Очарованіе искуснаго стиха и повизна сюжета производилъ довольно сильное впечатлѣніе на читателей и способствовали значительному распространенію книги. Когда король Сигизмундъ находился во Флоренціи въ 1433 г., то онъ увѣнчалъ поэта лавровымъ вѣнкомъ ²⁾.

Но всѣ эти шумные толки обратили вниманіе на книгу и строгихъ блюстителей нравственности. Какъ противъ Валлы, такъ и противъ палермскаго поэта выступили преимущественно минориты. Бура поднялась, кажется, въ Миланѣ, потому что поэтъ распространялъ свое произведеніе изъ Павіи, читая лекціи въ тамошнемъ университетѣ, и пользовался необычайнымъ расположеніемъ герцога Филиппо. Францискаецъ Антоніо да Ро, выдающійся грамматикъ и придворный ораторъ, кажется, первый напалъ въ инвективѣ на Гермафродита, но Беккаделли весело отвѣчалъ ему въ стихахъ и прозѣ. ³⁾ Въ Миланѣ жилъ также Маффео Веджіо, впоследствии чело-вѣкъ весьма набожный, но теперь вращавшійся при дворѣ Филиппо Маріи. Онъ видѣлъ въ Беккаделли опаснаго соискателя мѣста канцлера. Онъ написалъ противъ него элегическіе стихи, которые по непристойности могли соперничать съ Гермафродитомъ. ⁴⁾ Совершенно иной путь избралъ картезіанецъ Маріано да

¹⁾ Poggius epist. II, 40, 42 ed. Tonnell въ Беккаделли, но ошибочно отнесенная къ 1426 г., еще письмо у Baccatelli epist. gall. IV, 11. Ibid. IV, 12 отвѣтъ Беккаделли. Forberg p. 14.

²⁾ Письмо Палерма къ нему въ его Epist. ed. 1746. epist. II, 23 у Forberg. p. 1.

³⁾ Aschbach Gesch. K. Sigmund's Bd. IV, s. 408.

⁴⁾ Carmen elegiacum in Rhodnm упоминаетъ Mongitore Bibl. Sicula T. I, p. 577, также самъ Baccatelli epist. Gall. II, 21 и Valla Opp. p. 547. Facius de vir. illustr. p. 4. Odus nescio qui ex ultima vulgi faece, utique vir malevolus in epist. Gall. IV, 12, кажется, не то, потому что Беккаделли не отвѣчалъ на нападеніе. Можно думать о Пьетро Одоне да Монтополи.

⁵⁾ Invectiva Marpei Vegii in Anthonium Panormitanum poetam laureatum Siculum, qu intravit Mediolanum futurus cancellarius упоминается у Jacobs u. Ukert Beitr. z. ält. Lit. и s. u. Bd. III s. 8, какъ о находящемся въ готскомъ кодексѣ. Оно начинается словами Plaudete, leponesck. слѣдовательно тоже.

Вольтерра, настоятель монастыря св. Андрея дель Лидо въ Венеціи. И онъ тоже писалъ гекзаметромъ. Онъ предостерегалъ юношество въ длинномъ стихотвореніи противъ произведеній нескромныхъ поэтовъ вообще и автора Гермафродита въ особенности, и нападалъ на него съ ожесточеніемъ. Онъ противопоставлялъ его вольностямъ стихи священнаго содержанія и воспѣвалъ семь словъ, сказанные Спасителемъ на крестѣ ¹⁾. По видимому, это назидательное произведеніе не расходилось дальше предѣловъ венеціанской области, тогда какъ на книгу непопозволительнаго содержанія былъ большой спросъ и читалась она, конечно, тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше о ней говорили. Въ это время выступилъ миноритъ Альберто де Сортеано, который между своими братьями по ордену, миноритами-блюстителеми за исполненіемъ правилъ, считался свѣтиломъ учености, потому что когда то немножко учился у Гварино. Онъ задалъ себѣ большую задачу—разгромить въ обширномъ сочиненіи и автора Гермафродита и его почитателей. И Поджіо, который отозвался о книгѣ весьма снисходительно, и Гварино, который даже похвалялъ ее, должны были тоже подвергнуться порицанію. Однако послѣдняго, своего учителя, благочестивый монахъ хотѣлъ прежде уговорить отказаться отъ его похвалъ. Но въ особенности хотѣлъ онъ предохранить юношество отъ пагубнаго вліянія какъ книги, въ высшей степени преступной, такъ и ея автора, человѣка погибшаго, если только онъ не раскается. Сначала онъ «будетъ увѣщевать его съ отеческою любовью, потомъ устрашать гнѣвомъ грознаго Судьи». Однако монахъ не написалъ этого большаго сочиненія, «обремененный многими трудами на пользу христіанъ». Дѣло ограничилось предостерегающими письмами, которыя онъ написалъ нѣкоторымъ юношамъ въ Феррарѣ, слѣдовательно не ученикамъ Гварино, и которыя потомъ получили дальнѣйшее распространеніе ²⁾.

Довольно характерично, что подобные монахи не имѣли другаго орудія для борьбы съ такою зазорною книгою, кромѣ слова. Конечно, они могли склонить папу Евгенія IV запретить ее и грозить отлученіемъ каждому, кто будетъ читать. Но, разумѣется, часто случалось именно такъ, какъ и въ томъ случаѣ, о которомъ намъ рассказываютъ: кардиналъ Чезарини засталъ одного изъ своихъ секретарей за чтеніемъ запрещенной книги ³⁾. Между тѣмъ

¹⁾ Zeno Diss. Voss. T. I, p. 315. Agostini Scritt. Viniz. T. II, p. 152. Mittarell p. 732, гдѣ приведены нѣкоторые стихи брата Маріана.

²⁾ Albertus a Sarthiano epist. 30. 33. 48. Если въ послѣднемъ письмѣ порицается также nonnulorum proveciae aetatis in flagitiis licentia atque impunitas, то это, безъ сомнѣнія, относится къ Поджіо и Гварино.

³⁾ Vespasiano Giuliano Cesarini § 10.

самые знаменитые миноритскіе проповѣдники, Бернардо изъ Сіэны и Роберто да Лекче, сильно вооружились противъ нескромнаго поэта и сожгли его портретъ, нарисованный на бумагѣ, вмѣстѣ съ книгою на общественныхъ площадяхъ въ Болоньѣ, Феррарѣ и Миланѣ ¹⁾. Въ то время эта выходка раздражила поэта, который обязанъ былъ своею славою исключительно нескромному характеру произведенія. Онъ упорно продолжалъ борьбу. Лишь впоследствии, когда онъ сдѣлался придворнымъ и семьяниномъ, онъ рѣшился публично раскаяться въ неприличныхъ шалостяхъ своей музы ²⁾.

Но кто же былъ этотъ поэтъ, который такъ шумно выступилъ на литературное поприще и столь быстро нашлъ такъ много себѣ враговъ? Онъ происходилъ изъ одной весьма многочисленной рыцарской фамиліи въ Палермо, которая, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, сто лѣтъ тому назадъ переселилась туда изъ Болоньи, а потому иногда и называла себя Беккаделли да Болонья ³⁾. Антонио родился въ 1394 г. ⁴⁾. Мы знаемъ, что палермская коммуна постановила отпускать ему по 6 унцій въ годъ, пока онъ будетъ воспитываться въ общественной школѣ. Ему было уже 26 лѣтъ, когда онъ отправился въ Болонью изучать право. Но онъ не сдѣлался юристомъ. Онъ, по видимому, странствовалъ по разнымъ университетамъ. Поэтъ называетъ своимъ наставникомъ Гаспарино да Варзицу ⁵⁾, былъ также въ Падуѣ, изучалъ искусства въ Сіенѣ, плодомъ которыхъ и былъ Гермафродитъ ⁶⁾. Стало быть, эта неприличная книга была написана 37-лѣтнимъ человѣкомъ, который доселѣ путешествовалъ по Италіи, какъ странствующій ученикъ и, по видимому, не получилъ даже степени магистра.

¹⁾ Valla Opp. p. 341. 364. 548.

²⁾ Въ эпиграммѣ на Козьму де'Модичи:

Hic foeces varias Veneris moresque prophanos,
Quos natura fugit, me docuisse piget.

Въ письмѣ въ своему противнику Антонио да Ро онъ тоже объявляетъ впоследствии: Neque Hermaphroditus cuiquam magis quam mihi ipsi odio est. Quirini Diatriba p. 60. Colangelo Vita di Antonio Beccadelli, Napoli 1880, p. 281.

³⁾ Beccatelli epist. Gall. III, 1.

⁴⁾ По рукописной замѣткѣ у Morelli Cod. ms. lat. bibl. Nanianae p. 81 ему былъ 61 годъ, когда онъ издалъ въ 1455 г. свои dicta Alphonsei. Съ этимъ почти согласно и свидѣтельство Вальди Opp. 624, что Беккаделли родился въ 1392 г.

⁵⁾ Epist. ed. 1747. p. 7: Gasparinum nobilem grammaticum, patrem ac praesceptorem nostrum.

⁶⁾ О плохой нравственности жителей Сіэны см. Vespasiano S. Bernardino § 3. 0 проповѣдяхъ Бернардино въ этомъ городѣ см. мою Leben des Aenea Sylvio Bd. I. s. 14.

По настоянію родныхъ старый студентъ сталъ искать какого нибудь положенія въ жизни. Какъ человѣкъ, вполне отдавшійся поэзіи и гуманистическимъ наукамъ, онъ обратился къ герцогу миланскому, жизнь котораго смущала всѣхъ тѣми же самыми чертами, какими отличался Гермафродитъ. Онъ хотѣлъ поступить къ нему въ качествѣ придворнаго поэта, или получить другое занятіе въ этомъ родѣ. Его предложеніе было принято очень любезно. Поэтому онъ придвинулся поближе къ Милану, именно поселился въ Павіи, но сталъ выражать недовольство, долго оставаясь въ неизвѣстности. Поэтъ началъ было уже роптать на судьбу, потому что издержалъ на занятіе гуманистическими науками нѣсколько тысячъ гульденовъ и не нашелъ себѣ никакого занятія ¹⁾). Беккаделли думалъ уже обратиться въ другое мѣсто. Правда, онъ не сдѣлался придворнымъ поэтомъ, что было идеаломъ его стремленій, но герцогъ былъ настолько милостивъ къ нему, что назначилъ ему жалованье, будто бы 800 дукатовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ училъ въ Павіи молодыхъ людей латинскому языку. Это была обязанность легкая, такъ какъ приходилось учить немногому. Хотя онъ при своихъ счастливыхъ способностяхъ научился бѣгло писать по латыни и сочинять красивые стихи, однако не зналъ по гречески и вообще не обладалъ глубокими свѣдѣніями. А слава, которую онъ приобрѣлъ своимъ Гермафродитомъ, замѣняла все это лишь для него лично. При этомъ въ обществѣ онъ былъ веселымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ, который отдавалъ должную дань вину, шуткамъ и любви. Одинъ случай, произошедшій въ то время въ Веронѣ, показываетъ, какимъ значеніемъ пользовался авторъ Гермафродита. Туда явился мнимый Антоніо изъ Палермо, въ летахъ, со шпорами, въ видѣ странствующаго рыцаря, собралъ вокругъ себя народъ на торговой площади и, какъ увѣнчанный поэтъ, говорилъ рѣчи на латинскомъ языкѣ, и вызвалъ общее удивленіе. Его приглашали и угощали, а потомъ онъ исчезъ, когда явилось подозрѣніе и стали освѣдомляться у Гварино о личности прославившагося поэта ²⁾). И настоящій палермскій поэтъ, павійскій профессоръ, былъ тоже искатель приключеній.

Хотя намъ и не указываютъ никакой особенной причины, но мы понимаемъ, почему Беккаделли не долго читалъ лекціи въ Павіи. Все дѣло, безъ сомнѣнія въ томъ, что ему перестали платить жало-

¹⁾ . . . dum consector haec pauperitatis, volui humanitatis studia dicere. Онъ желалъ, ut mecum aliquando possim vivere et constituere iam vitae rationem ac statum. Epist. Gall. I, 6. III, 21.

²⁾ Письмо Гварино къ Панормиту у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 43. 171.

ванье. Такимъ образомъ въ жизни Беккаделли опять наступаютъ нѣсколько лѣтъ странничества. Мы на нѣкоторое время теряемъ его изъ виду, и, вѣроятно, въ это время судьба его была такая же, какъ и его веронскаго двойника. Сотни талантовъ, такихъ же, какъ и его, пропали даромъ, Изъ Флоренціи онъ отправился въ 1435 г. въ Гаэту къ королю Альфонсу ¹⁾. Съ этимъ вѣстѣмъ для него началось новое, блестящее поприще дѣятельности.

По видимому, король не приглашалъ къ себѣ Беккаделли. Онъ самъ явился къ нему и въ искусно составленной латинской рѣчи за себя и за своего брата, изучавшаго гражданское право, выразилъ желаніе посвятить себя служенію королю, какъ его подданные ²⁾. Около этого времени явился и Валла, сосауживецъ Беккаделли по Павіи, а третьимъ лицомъ былъ поэтъ Порчелло, его соперникъ по неприличнымъ стихамъ. Въ лицѣ Альфонса явился новый меценатъ. Беккаделли поступилъ на личную службу къ королю. Если Валла считался секретаремъ по названію, то напротивъ Беккаделли былъ назначенъ на эту должность королемъ и въ актахъ назывался его «наставникомъ и совѣтникомъ». Почти каждый день онъ долженъ былъ читать королю, въ библіотекѣ, Ливія, записки Юлія Цезаря, Виргилія, Сенеку или другихъ писателей. Король ожидалъ отъ Валлы и отъ него рѣшенія всѣхъ научныхъ вопросовъ и благороднаго наслажденія, какъ отъ образованныхъ собесѣдниковъ. Даже и въ лагерѣ во время войны, если только оставалось свободное время, король приглашалъ къ себѣ чтеца съ его Ливіемъ ³⁾. Онъ по видимому, чрезвычайно привыкъ къ нему, когда дворъ находился постоянно въ Неаполѣ. Валла, конечно, былъ выше Беккаделли по учености и глубинѣ свѣдѣній, но бывалъ тяжелъ съ своими постоянными возраженіями и настойчивостью въ спорахъ. Напротивъ Беккаделли былъ превосходнымъ придворнымъ. Онъ не наскучивалъ педантскою кропотливостью и основательностью или желаніемъ поставить на своемъ. Онъ обладалъ счастливою наклонностью къ веселости и шуткѣ; его остроумія еще долго потомъ помнили въ Неаполѣ. На его вѣтренность не смотрѣли особенно строго ⁴⁾. Онъ уже подъ старость женился на Лаурѣ Бечелли и сдѣлался такимъ почтеннымъ семьяниномъ, что его прошлое было забыто ⁵⁾. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ

¹⁾ Epist. Campan. 8.

²⁾ Эта рѣчь есть у Беккаделли Epist. II, Venet. 1558 fol. 122.

³⁾ Epist. Campan. 38. Vespasiano Alfonso § 13.

⁴⁾ Poggius epist. II, 29: Est enim faex orbis et tanquam scelerum omnium sentinae illa omnis (sc. Neapolitana).

⁵⁾ Epist. Gall. I, 1. Epist. Campan. 27.

въ Неаполѣ, хотя не могъ считаться человѣкомъ вполне безупречнымъ ¹⁾).

И расположеніе къ поэту никогда не охладѣвало, напротивъ усиливалось съ лѣтами. Сначала онъ, вѣроятно, получалъ небольшое жалованье. Но съ 1450 г. щедрый король далъ ему много доказательствъ своего вниманія и благоволенія. Въ палермскій банкъ была ассигнована пенсія въ 100 унцій золота, а другая въ 40 унцій. Поэтъ получилъ должность нотаріуса въ высшей королевской палатѣ, потомъ былъ однимъ изъ президентовъ этого судебного учрежденія.

Конечно, никакихъ специально-юридическихъ занятій отъ него не требовали, Онъ былъ принятъ въ число неаполитанскихъ гражданъ и имѣлъ право помѣстить надъ своимъ фамильнымъ гербомъ знаки королевской власти. Часто его отправляли въ качествѣ посла, напр. въ Геную, нѣсколько разъ въ Венецію, Флоренцію и Феррару, при чемъ онъ говорилъ торжественныя рѣчи отъ имени своего повелителя. Король подарилъ ему старый дворецъ *la Sizia* близъ Палермо съ принадлежащими къ нему садами, землями и доходами. Впослѣдствіи у него была также вилла близъ Резины, *Plinianum*. Его вездѣ ставили въ образецъ того, какъ великолѣпно устривается придворный поэтъ у великодушнаго государя ²⁾).

Конечно, вдохновеніе почти совсѣмъ покинуло придворнаго поэта, жившаго въ доводствѣ. Онъ какъ будто потратилъ весь свой талантъ на Гермафродита. Несмотря на свою долгую жизнь, онъ ничего больше не произвелъ кромѣ легкихъ стиховъ, рѣчей, сказанныхъ по случаю посольствъ и придворныхъ торжествъ, и собранія придворныхъ анекдотовъ ³⁾). Неаполь въ сущности не особенно благопріятствовалъ плодотворной дѣятельности талантовъ. Только неутомимая энергія Валлы не была надорвана неблагоприятными условіями тамошней общественной жизни. Тамъ было такъ мало книгъ, что Беккаделли долженъ былъ самъ выписывать себѣ Записки Цезаря изъ Рима и Ливія изъ Флоренціи. Трудно было даже найти

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о немъ сообщаетъ флорентинецъ Пьеро Ченнино (1469 г.) у Morelli I. с. p. 81.

²⁾ Тѣ милости, о которыхъ говорятъ Mongitore T. I p. 56 и Colangelo p. 132 на основаніи документовъ, относятся къ 1450—1451 гг. Beccateli Epist. Campan. 13. 28. Поджіо epist. X, 18 говоритъ, что Беккаделли жилось хорошо въ 1450 г. О виллѣ *Plinianum* на морскомъ берегу упоминаетъ Io. Iov. Pontanus Opp. Lib. I fol. 91. О посольствѣ во Флоренцію см. Fabronius Cosmi vita vol. II p. 196.

³⁾ Діалогъ подъ заглавіемъ *Antonius*, о которомъ разъ упоминается у Понтано, кажется потерянь. Мелкія стихотворенія, которыхъ нѣтъ въ *Hermafroditus*, можетъ быть еще найдутся. Ср. Catal. codd. lat. bibl. reg. Молас. T. I P. II p. 133.

переписчиковъ ¹⁾. Личное и даже письменное сношеніе съ гуманистами, жившими во Флоренціи, Венеціи и Миланѣ, было ограниченное. Кромѣ своего сицилійскаго земляка Ауриспы, Беккаделли изрѣдка переписывался съ Поджіо и Филельфо. Но за то онъ былъ любимецъ короля. Теперь осуществилась его мечта найти щедраго государя, при дворѣ котораго онъ могъ бы занять безпечное положеніе поэта, мечта, однажды обманувшая его относительно Висконти. Онъ нашелъ такого государя въ лицѣ Альфонса. Быть можетъ, только въ Неаполѣ могъ жить такъ спокойно и такъ безпечно человѣкъ съ столь незавиднымъ прошлымъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни веселаго поэта. Послѣ смерти Альфонса начались волненія, которыя грозили, повидимому, разрушить и его счастье ²⁾. Но онъ остался вѣрнымъ владѣтельному дому, которому былъ обязанъ всѣмъ; поэтому и для него снова настали лучшіе дни, какъ и для короля Фердинанда. Правда, у послѣдняго въ библиотекѣ уже не было больше ни чтеній, ни споровъ, напротивъ изъ писемъ, написанныхъ Беккаделли отъ имени короля, видно, что онъ долженъ былъ принять на себя должность секретаря. Но всѣ подарки покойнаго короля остались у него, и даже болѣзни, которыя постигли его въ послѣдніе годы, не измѣнили его веселаго нрава. Онъ умеръ 76 лѣтъ отъ роду 6 января 1471 г. въ Неаполѣ ³⁾.

1) *Beccatelli epist. Campan. 80.*

2) Ср. его посланіе В (Bessarioni?) *Legato outificio у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 609. Colangelo p. 207.* Филельфо къ Беккаделли отъ 12 января 1467 г.

3) Король Фердинандъ называетъ его въ 1466 г. у *Colangelo p. XVIII dilectus consiliarius, secretarius et praeseptor noster. Jo. Jov. Pontanus. Opp. lib. I fol. 80. Montgitoro T. I p. 57.* опредѣляетъ день его смерти.—Письма Беккаделли, хотя собранныя имъ самимъ, находятся въ безпорядочномъ видѣ, почти всѣ не помѣчены и плохо рассортированы. Помогаетъ въ этомъ случаѣ старинное изданіе, которое, правда, такъ рѣдко, что его нѣтъ у Гайна и Брюна и по *Graesse Trésor. T. V p. 121* извѣстно только въ 4 экземплярахъ. Пятый есть въ лейпцигской городской библиотекѣ; вотъ его заглавіе: *Antonii Panhormitae familiarium liber incipit. Нѣтъ увазанія типографшика, мѣста печатанія, года и счета страницъ, 79 листовъ 4^о.* Если эта книга была напечатана въ Неаполѣ въ 1470 или 1471 г., по словамъ Грессе, то еще при жизни или вскорѣ послѣ смерти автора. Второе изданіе, по видимому, самое распространенное (у меня былъ экземпляръ Геттинг. библ. вышло подъ такимъ заглавіемъ: *Antonii Bononiae Beccatelli cognomento Panhormitae Epistolarum Libri V. Eiusdem Orationes II. Carmina etc. Venetiis 1553.* Здѣсь первоначальный порядокъ писемъ спутанъ, но онъ еще есть въ *edit. princeps*, дѣленіе *Epistolarum Gallicarum libri quattuor* и *Epistolarum Campanarum liber* (написанныхъ на службѣ у Альфонса), и больше половины *epist.* *Gomp.* попали въ Gall. Въ *princeps* собраніе Gall. было всего 56, а *Campr.* 130, во 2-мъ изданіи Gall. 142, *Campr.* только 54. Поэтому о хронологическомъ порядкѣ и времени появленія отдѣльныхъ писемъ можно заключать только по *princeps*, если нѣтъ подъ руками рукописей. Третье изданіе *Antonii Beccatelli*

При дворѣ Альфонса, къ которому мы возвращаемся, конечно могли ужиться вмѣстѣ такой основательной ученый, какъ Валла и такой образованный придворный, какъ Беккадели. Они даже были когда-то лучшими друзьями. Поэтъ еще въ Римѣ глубоко уважалъ Валлу, который былъ гораздо моложе его, когда послѣдній писалъ о Цицеронѣ и Квинтилианѣ, и считалъ человѣкомъ, рожденнымъ для изученія гуманистическихъ наукъ ¹⁾). А какъ человѣка пріятнаго въ обществѣ, онъ ввелъ его въ кружокъ своихъ друзей, принялъ также участіе въ немъ въ Павіи и стоялъ на сторонѣ Валлы, когда у него возникъ споръ съ юристами. Онъ не стыдился цѣлый годъ слушать у Валлы реторику и обыкновенно говорилъ что другихъ онъ училъ, а у Валлы самъ учится ²⁾). Валла съ своей стороны въ своихъ діалогахъ о наслажденіи отвелъ ему мѣсто въ дружескомъ кружкѣ, назвалъ его при этомъ отличнымъ ораторомъ и лучшимъ поэтомъ своего времени. Но еще въ Павіи между ними произошла размолвка, а когда они встрѣтились въ Гаэтѣ, то прежнія отношенія были не вполне восстановлены.

Жизнь при дворѣ и ежедневныя встрѣчи въ обществѣ, собиравшемся около короля, повели къ новымъ столкновеніямъ. Часто во время чтенія Ливія оба ученые попадали другъ на друга по поводу объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ и исправленія ошибокъ. Безъ сомнѣнія, Валла стоялъ гораздо выше своего соперника по знанію дѣла и потому былъ сильнѣе какъ противникъ. Онъ перебывалъ его объясненія колкими возраженіями. Онъ спорилъ горячо, не стѣснялся въ выраженіяхъ и крѣпко стоялъ на своемъ, какъ во всѣ времена дѣлали филологи. Иногда онъ уличалъ своего противника въ невѣжество. Эти ученые споры, по видимому, достав-

Siculi cagnoento Panhormitae Epistolarum Gallicarum libri quatuor. Accedit etiam Ljusdem Epistolarum Campanarum liber. Hispraemittuntur epistolae sex ex cod. ms. nunc primum in lucem erutae. Neapoli 1646. рѣдко по крайней мѣрѣ въ Германіи, но есть тоже въ лейпц. гор. библ. Это отпечатокъ изданія 1553 г., но съ множествомъ поправокъ, которыя Мерусъ нашелъ въ рукописяхъ, и лучший текстъ, на который я поэтому и ссылаюсь. Письма, писанныя Беккадели отъ имени Фердинанда, есть въ книгѣ: Regis Ferdinandi et iliorum epistolae ac Orationes utriusque mitiae—nunc primum in lucem prodeunt. Vici Aequenses (Сорренто) apud Josephum Sachium 1586 приложеніе къ Ioh. Mariae Saccentis partium orationis Institutio. Vice-Aequensis 1585. 8. Я напрасно искалъ его. Cp. Bandini Catal. cod. lat. T. III p. 606. 608. Colangelo Vita di Antonio Beccadelli, Napoli 1820, назывался одною рукописью Ambrosiana съ письмами. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на списокъ, помѣченный въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. IV p. 17.

¹⁾ Beccatelli epist. Gall. IV, 15 къ Маркуппини. Въ своемъ Epistolarium онъ назвалъ его Gaudentius Vanus вм. Laurentius Valla; это совершенно справедливо замѣтилъ Валень.

²⁾ Beccatelli epist. Gall. I, 40, III, 36. Valla in Facium lib. IV (Opp. p. 624).

ляли удовольствие королю, и онъ одинаково уважалъ обоихъ соперниковъ. Но однажды во время подобнаго спора изъ за латыни терпѣніе Беккаделли допнуло, и у него сорвалось нѣсколько неосторожныхъ словъ. Валла поднесъ королю свое историческое сочиненіе, о которомъ мы еще будемъ говорить; онъ желалъ знать мнѣніе о немъ Альфонса, прежде чѣмъ приняться за окончательную отдѣлку. Но отъ королевскаго бібліотекаря книга эта попала въ руки противниковъ Валлы. Самъ Беккаделли не дотронулся до нея, но подстрекалъ противъ исторіографа своего любимца, генуэзца ¹⁾ Бартоломмео Фаціо, бывшаго ученикомъ Гварино и основательнаго латиниста ²⁾. Онъ подмѣтилъ въ одной первой книгѣ историческихъ разсказовъ Валлы множество ошибокъ противъ исторіи, 500 мнимыхъ погрѣшностей противъ языка, и все это распространилось тайкомъ. Всѣ подобныя козни устраивались во время отсутствія Валлы. Во время спора Беккаделли въ гнѣвѣ вдругъ упрекнулъ его въ 500 ошибкахъ, которыя собралъ Фаціо, въ присутствіи короля и множества слушателей. Мы понимаемъ въ этомъ случаѣ негодование Валлы. Прежде всего онъ обозвалъ Фаціо неучемъ. Потомъ споръ продолжался уже литературнымъ путемъ въ формѣ инвективъ, любимой въ то время. Оскорбленный Фаціо обрушился на своего противника со множествомъ грамматическихъ и стилистическихъ правилъ и унижалъ автора Брасотъ, какъ школьника, упрекалъ его также въ нападкахъ на великіе авторитеты и въ заносчивости, даже обвинялъ въ литературной кражѣ. Валла отплатилъ ему за все это въ своихъ Встрѣчныхъ обвиненіяхъ (*Recriminationes*); онъ не только защищался и обнаружилъ свой критическій талантъ въ поправкахъ къ Ливію, но съ своей стороны издѣвался надъ однимъ сочиненіемъ Фаціо или *Fatuus* (глупецъ), какъ онъ его называлъ, и съ торжествомъ указывалъ на его незнаніе латинскаго языка ³⁾. Король, по видимому, не находилъ для себя ничего неприятнаго въ этой бумажной войнѣ своихъ грамматиковъ. Однако Валлѣ стало противно жить въ Неаполѣ. Ему хотѣлось воротиться на свою родину, въ Римъ, и поступить на

¹⁾ Его такъ часто называли, но собственно онъ былъ родомъ изъ Спеціи.

²⁾ Изъ *epist. Gall.* IV, 16. 17. Беккаделли видно, что онъ ѣздилъ съ его рекомендательными письмами и во Флоренцію—учиться греческому языку.

³⁾ Изъ инвективъ Фаціо переданы большею частію только личные нападки изъ 1 и 2 инвективы въ *Miscellanea di varie opere* T. VII p. 331 seq., а ученые замѣчанія по грамматикѣ и слогу изъ 2 и 3 инвективы опущены. *Recriminationes in Facium* Валлы въ 4 ян. есть въ его *Opp.*—Споръ, согласно Поджіо *epist. Gall.* IV, 8, относится къ 1445 г. Въ соответственныхъ другъ другу письмахъ Беккаделли *epist. Gall.* IV, 13 и Поджіо IX, 21 отъ 1447 г. ненависть охлаждается. Поджіо получалъ инвективы Фаціо; у него списалъ ихъ *Aliottus epist. Gall.* IV, 45.

службу къ римскому двору, но папа Евгений IV не хотѣлъ и слышать о примиреніи.

Виною всѣхъ этихъ размолвокъ былъ собственно одинъ пунктъ, въ которомъ неизбежно, приходили въ столкновение всѣ трое ученыхъ, какъ ни разнообразны были ихъ таланты. Король ждалъ отъ всѣхъ, что они будутъ прославлять его и его подвиги, и за эту заслугу была обѣщана высшая награда. Но понятна была и трудность задачи. Что знали о политическихъ дѣлахъ эти изслѣдователи древностей? Что они знали о дѣятельности короля въ Испаніи? Что они понимали въ войнѣ? Валла сдѣлалъ начало, разсказалъ о жизни короля въ молодости. Онъ трудился добросовѣстно, но не умѣлъ справиться съ матеріаломъ. Правда, королевскій лейбмедикъ Гаспаръ велъ дневникъ, но послѣдній былъ такъ невразумителенъ и запутанъ, что Валла не могъ имъ воспользоваться, а то, что разсказывали объ юности короля нѣкоторые старики, тоже не шло къ дѣлу ¹⁾). Черезъ десять слишкомъ лѣтъ онъ написалъ жизнь Фердинанда I Арагонскаго, отца Альфонса, и хотѣлъ продолжать. Это тѣ историческія повѣствованія, изъ за которыхъ вышло столько дразговъ. Кто прочтетъ эту книгу, написанную поверхностно, тотъ замѣтитъ, съ какою неохотою авторъ писалъ ее, и пойметъ, почему продолженія не было ²⁾).

Тогда уже былъ приглашенъ ко двору юный Фаціо, который пригнулъ въ Беккаделли, какъ его кліентъ, съ тѣмъ, чтобы написать желаемое сочиненіе. Онъ напередъ опредѣлилъ себѣ, что его задача — «даровать королю безсмертіе», притомъ написать книгу слогомъ Юлія Цезаря, къ которому Альфонсъ питалъ особенное сочувствіе. Въ то время, какъ Фаціо трудился, онъ получалъ по 500 дукатовъ въ годъ, а когда кончилъ первыя 7 книгъ, въ которыхъ разсказывалось о военныхъ подвигахъ короля со времени прибытія его въ Италію до торжественнаго въѣзда въ Неаполь, то Альфонсъ, положившись на похвалы Беккадели, подарилъ ему 1500 гульденовъ золотомъ. Король былъ въ восторгѣ, когда авторъ прочелъ ему тотъ отдѣлъ сочиненія, въ которомъ было изображено взятіе крѣпости весьма живо и яркими красками. Это былъ панегирикъ, написанный изящнымъ слогомъ и весьма картинный, и король былъ убѣжденъ, что это сочиненіе обезсмертитъ его. Въ трехъ слѣдующихъ книгахъ оно кончалось. А въ другомъ сочиненіи О знаме-

¹⁾ Письмо его къ Бьондо отъ 13 января (1444 г.) въ *Epistolae principum* p. 350. Онъ уговариваетъ Бьондо: *Mihi crede, nihilavidius libentiusque leget (rex), quam a quid de se honorificum scripsisti.*

²⁾ Стало быть, книга была кончена въ 1445 г.

нитыхъ мужахъ своего времени Фаціо изобразилъ короля въ концѣ цѣлаго ряда героевъ, потому что, упомянувъ о такомъ человѣкѣ, которому по добродѣтелямъ едва ли равнялись всѣ государи того времени, взятые вмѣстѣ, и который мудростію, счастьемъ и славою превосходилъ всѣхъ, о нихъ и говорить бы не стоило ¹⁾).

Бенкаделли исполнилъ свою задачу весьма легко. Его собраніе замѣчательныхъ изреченій и поступковъ короля Альфонса есть книга чисто придворная. Въ ней рельефно изображалась для потомства высокая личность короля Альфонса, изложеніе легкое, приведены прекрасныя изреченія и благородныя черты характера короля, и все это рассказано съ весьма утонченною лестью. За это авторъ получилъ 1000 дукатовъ. Въ сборнику было приложено напыщенное описаніе торжественнаго въѣзда короля въ Неаполь 26 февраля 1443 г. Цѣлью этой книги было прославленіе короля, и дѣйствительно, она доставила послѣдному гораздо больше славы, чѣмъ трудная работа Фаціо. Она была списана, напечатана, прочитана и цитирована несчетное число разъ, особенно когда къ ней будущій папа Пій II сдѣлалъ прибавленія такого же достоинства ²⁾).

Кромѣ трюхъ ученыхъ, составлявшихъ постоянное украшеніе Неаполитанскаго двора, мы должны упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ, жившихъ тамъ недолго и временно пользовавшихся милостями короля. Первый итальянецъ, избравшій этого Августа своимъ поводителемъ и посѣтившій его еще въ Испаніи, былъ молодой Гви н и ф ор те В а р з и ц ца, сынъ Гаспарино. Отецъ когда-то считалъ его чудомъ, но онъ никогда не достигалъ славы отца. Онъ изучалъ права въ Падуѣ, потомъ вполне отдался гуманнымъ наукамъ. Ему хотѣлось идти по стопамъ родителя и быть преподавателемъ ихъ въ Миланѣ. Но такъ какъ это желаніе его не исполнилось, то онъ долженъ былъ искать счастья въ другихъ мѣстахъ. Въ Миланѣ онъ вошелъ въ расположеніе къ одному послу короля Альфонса и наслышался о любви послѣдняго къ наукамъ. Поэтому онъ и рѣшился отправиться съ нимъ въ Испанію. Онъ представился королю въ

¹⁾ 7 книгъ были изданы въ 1451 г. *Beccatelli epist. Campan.* 22—26. *Franc. Barbari epist.* 119. 120. 170. *Facius de vir. illustr.* p. 76. 90. 93. Надъ 10-ю и послѣднею книгою Фаціо трудился въ 1456 г. Ср. его письмо къ Поджіо у *Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II num. XXIV* и къ Спиннолѣ *Mittarelli p. 372. Vespasiano Alfonso re di Napoli § 7.*

²⁾ Изданіе у *Pothast Bibliotheca s. v. Panormita*, большею частію вмѣстѣ съ *Commentarii in libros Antonii Panormitae Энея Сильвія*. Что книга Бенкаделли была кончена въ 1445 г., засвидѣтельствовано надписью у *Morelli l. c. p. 81*, слѣдовательно къ тому же времени относится и *Beccatelli epist. Campan.* 44. О наградахъ *Ioh. Iov. Poutanus de liberalitate cap. 29.*

Барселонѣ 14 марта 1432 г., сказалъ прекрасную рѣчь на латинскомъ языкѣ и отрекомендовался историографомъ. Онъ сзумѣлъ также снискать расположеніе и великаго канцлера короля, архіепископа сарагосскаго Далмація и вліятельнаго секретаря Ольсины. Поэтому Варанца былъ принятъ на королевскую службу и въ августѣ сопровождалъ короля въ тунисскомъ походѣ, присутствовалъ при завоеваніи острова Джерби, написалъ въ честь этого событія мадьянское историческое сочиненіе и въ октябрѣ возвратился въ Сицилію послѣ трудной поѣздки по морю. Онъ заболѣлъ, потому что не могъ выносить тамошняго климата, оставилъ службу и воротился въ Миланъ. Его ожиданія не сбылись, да и самъ онъ, по видимому, не оправдалъ надеждъ короля, какъ человѣкъ только владѣющій даромъ слова, но со скудною ученостью ¹⁾).

Во время войны за наслѣдство Неаполитанскаго королевства, почти въ одно время съ Валлою и Беккаделли, явился при дворѣ Альфонса и Джіантонио Порчелло де' Пандони. Онъ былъ родомъ изъ Неаполя, но больше любилъ называть себя римляниномъ, частію потому, что это казалось почетнѣе для поэта, а частію и потому, что онъ провелъ свою юность въ Римѣ ²⁾). По талантамъ и образованію онъ былъ очень сходенъ съ Беккаделли. И онъ не обладалъ особыми учеными свѣдѣніями, но писалъ легкимъ латинскимъ языкомъ, прекрасно выражался, а гекзаметры и пентаметры сочинялъ такъ быстро, какъ только могъ писать, конечно, не особенно изящные. По неприличію содержанія они тоже соперничали съ Гермафродитомъ, но большая часть ихъ не напечатана ³⁾). По своему образу жизни Порчелло былъ еще хуже своего соперника, который по крайней мѣрѣ умѣлъ себя держать прилично. Онъ ожидалъ для себя большихъ выгодъ впереди, когда выбранъ былъ папою кардиналъ Колонна, воспѣтый имъ въ длинномъ рядѣ стихотвореній. Но Мартину V, по видимому, больше не нужно было стиховъ въ этомъ родѣ ⁴⁾). 28 лѣтъ отъ роду Порчелло принималъ участіе въ народномъ

¹⁾ Guinif. Barzizii Oratt. et epistt. ed. Furietto p. 63. 82—89. Хорошій обзоръ его жизни у Мадзуелли Scritt. d'Italia vol. II. P. 1 p. 504 e seq.

²⁾ Даже и Филельфо не зналъ, неаполтанецъ онъ, или римлянинъ. Между прочимъ согласно Valla Opp. p. 348 онъ былъ нѣсколько старше его.

³⁾ У Jakobs и Ukert Beiträge z. älteren Litt. Bd. III s. 7 говорится о стихахъ готской рукописи: Iohannis Antho. Zodomi in Danielelem adolecentulum primarium, которые переписчикъ сообщаетъ лишь къ «вѣчному стыду» поэта. Но ихъ писалъ, конечно, не Антоній Палермскій.

⁴⁾ Carmina ill. poet. lat. T. VI p. 500:

Carmina mille dedi dudum de prole Columnae
Pontifici sacro, carmina mille dedi. — —

возмущеніи 1434 г., которое заставило папу Евгенія IV бѣжать изъ Рима. Но черезъ пять мѣсяцевъ папа снова овладѣлъ городомъ. Порчелло былъ заключенъ въ тюрьму и потомъ выгнанъ изъ Рима. Оставивъ большую жену съ тремя дочерьми, онъ скитался всюду голодный, въ бѣдственномъ положеніи, ища себѣ мѣста у кого нибудь. Онъ напелъ себѣ покровителя въ лицѣ графа Франческо Сфорца, который былъ врагомъ папы, подобно своему миланскому властителю. Но никто не хотѣлъ дать ему ни службы, ни пропитанія. Это типъ обнищавшаго поэта, который не нашелъ поддержки ни въ свѣтѣ, ни въ самомъ себѣ. Онъ какъ настоящій попрошай хвалилъ въ стихахъ каждого, отъ кого могъ ожидать награды, помощи или рекомендаціи: папъ, кардиналовъ, государей, владѣтельныхъ особъ, простыхъ духовныхъ лицъ, которые могли подняться выше, и крупныя знаменитости гуманизма, голоса которыхъ могъ имѣть силу у того или другаго мецената. Онъ льстилъ въ своихъ стихахъ Бруни, Марсупини, Поджіо, который относился къ нему всѣхъ благосклоннѣе, къ Ауриспѣ, Веджіо и Чириако. Поэтъ настраивалъ свою лиру на какой угодно тонъ, смотря по лицу, которое хвалилъ; у него выходила и эпическая поэма и хвалебная пѣснь, просто лесть, легкая шутка или прославленіе Венеры и Купидона, также возлюбленной, которую онъ называетъ Флорюю. Обращаясь къ серьезному Веджіо, онъ высказывалъ свое отвращеніе къ Гермафродиту Беккаделли, хотя самъ съ своею музою вращался въ подобной же грязной сферѣ. Его вездѣ знали, и вездѣ онъ былъ нетерпимъ. Если ему дѣлали какой нибудь значительный подарокъ, то онъ роскошествовалъ нѣкоторое время въ древнихъ Кумахъ и въ Байяхъ, а потомъ снова являлся голодать къ своей семьѣ и снова принимался за нищенское ремесло. Порчелло уже давно утратилъ всякое чувство собственного достоинства. Тяжело читать, какъ онъ старается вымолить прошеніе у папы чрезъ его кубикударія (постельничьяго), рисуется свое бѣдственное положеніе и смѣется надъ вздорными мечтами римлянъ о свободѣ ¹⁾.

Онъ уже готовъ былъ воспѣвать Рене анжуйскаго, но нашелъ себѣ пристанище у короля Альфонса, можетъ быть, чрезъ Беккаделли. Это было безъ сомнѣнія, раньше пребыванія короля въ Газетъ. Ко-

p. 508: *Carmina mille dabit generosa ab origine patrum*
Pontifici vates, carmina mille dabit.

¹⁾ Объ этомъ см. его стихи въ *Carmina ill. poetarum Ital. T. VII, Florentiae 1720*, p. 511. 512. Если бы Сфорца послушалъ его враговъ, говорить онъ про себя, то ему не оставалось бы никакой надежды, *Et piscaturus ibo alium dominum*. 29 стихотвореній въ упомянутомъ собраніи—почти все, что напечатано изъ тысячи подобныхъ же произведеній Порчелло.

роль тоже былъ врагомъ папы. Порчелло во все время войны былъ въ свитѣ короля вмѣстѣ съ Беккаделли и Валлою, потомъ повѣствовать о ней въ эпической поэмѣ. Во второй книгѣ ея изображался торжественный вѣздъ короля въ Неаполь, а въ третьей заключалась молитва о томъ, чтобы Богъ сохранилъ для короля Неаполь, столицу королевства ¹⁾). Король вообще не особенно любилъ стихи, а все таки награждалъ поэта и, по видимому, взявъ къ себѣ на службу, конечно, секретаремъ. По крайней мѣрѣ мы въ это время не встрѣчаемъ его нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и когда въ апрѣлѣ 1452 г. императоръ Фридрихъ посѣтилъ Неаполь, то Порчелло говорилъ ему привѣтственную рѣчь и былъ за это увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ рукою самаго императора, «какъ поэтъ, ораторъ и исторіографъ» ²⁾). Но въ ученыхъ бесѣдахъ, происходившихъ при дворѣ, онъ, по видимому, или принималъ мало участія, или ровно никакого ³⁾).

Вскорѣ послѣ поэтическаго вѣнчанія Порчелло, ему дано было странное порученіе. Именно король послалъ его въ лагерь венеціанцевъ, своихъ союзниковъ, кондотьеръ которыхъ, Джакомо Пиччинино, въ 1452 и 1453 г. велъ войну съ Франческо Сфорцею. Порчелло, несомнѣнно, былъ первый гуманистъ, посланный въ лагерь въ качествѣ корреспондента и исторіографа. Онъ хвалился тѣмъ почетнымъ приѣмомъ, который сдѣлалъ ему Пиччинино; но мы хорошо знаемъ, что офицеры и солдаты считали его простымъ зрителемъ. Самому ему очень лестно было—писать исторію въ лагерь и часто, какъ онъ увѣряетъ, съ опасностью жизни. И какъ поэтъ понималъ свою задачу! Подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ чтенія Цезаря и Ливія, онъ старается раздуть ничтожныя событія этой чисто наемнической войны въ величественныя подвиги, влагаетъ въ уста

¹⁾ Это стихотвореніе нашелъ Colangelo Vita di A. Beccadelli p. 102 въ библиотекѣ герцога di Cassano Serra. Онъ предполагаетъ, что авторъ его Валла. Въ самомъ началѣ сказано:

At me quem multos iam Roma antiqua per annos
In gremio complexa suo est, et fronte benigno
Obtinuit, quique usque tuo sub nomine vixi,
Accipe, Rex sacer, etc.

Другихъ подобныхъ стихотвореній Валлы нѣтъ, да и вообще онъ не былъ поэтъ. Напротивъ, Montfaucon Bibl. bibl. T. I p. 425 и Muratori Scriptt. T. XXV въ введеніи къ комментаріямъ Порчелло упоминаютъ объ одной флорентинской рукописи: Triumphus Alphonsi regis Arragonei de victa Neapoli per Porcellum vatem Romanum. И рекомендація Siculae vates tellureis alumnus (Беккаделли) идетъ скорѣе къ Порчелло.

²⁾ Дипломъ отъ 9-го апрѣля 1452 г. у Chmel Materialien z. öster. gesch. Bd. II. no. 7. Въ комментаріяхъ Порчелло у Muratori Scriptt. T. XX p. 79 слова: mihi, quem secretarius honoris et mille muneribus decorasti указываютъ на продолжительную службу.

³⁾ Valli l. c. называетъ его homo in loquendo atque obloquendo libertinus. Вообще же при спорѣ между придворными учеными о немъ не упоминается.

полководцевъ рѣчи на античный образецъ, передаетъ сухія донесенія офицеровъ изящнымъ латинскимъ языкомъ, вставляетъ даже гекзаметры, и все это пересыпаетъ изреченіями древнихъ римскихъ писателей. Во всемъ его комментаріи ясно виденъ замыселъ изобразить Пиччинино Сципіономъ, именно Сципіономъ Эмилианомъ, а Сфорцу—Аннибаломъ. При этомъ всѣ похвалы поэта, щедро расточаемыя, рассчитаны на милости и награды. Въ особенности противно его напускное благоговѣніе передъ Альфонсомъ, которому онъ посвящаетъ первую книгу своихъ комментаріевъ. Онъ постоянно называетъ его *divus rex* или «священное величество», а себя «преданнѣйшимъ рабомъ, преклоняющимся къ его стопамъ». Пиччинино понравился этотъ Ливій, такъ какъ онъ увѣковѣчивалъ его имя, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что по величію подвиговъ его можно поставить наравнѣ съ любымъ героемъ древности. Въ свободные часы поэтъ сочинялъ эпитафіи на латинскомъ языкѣ ему и его Гаттамелатѣ, въ которыхъ Сципіонъ не понималъ ни слова, такъ же какъ и въ комментаріяхъ. Всего страннѣе то, что Порчелло даже и во время войны обращался къ Аннибалу Сфорцѣ, своему врагу, чтобы присутствовать и въ его войскѣ въ предстоящемъ сраженіи, и его «обезсмертить» и получить награду. Дѣйствительно, ему и нѣкоторымъ его товарищамъ данъ былъ по ихъ просьбѣ свободный пропускъ. Порчелло былъ принятъ съ почетомъ и въ непріятельскомъ лагерѣ, могъ даже осматривать его, и по этому поводу прославлялъ Сфорцу, какъ великаго полководца ¹⁾. Исторію похода 1453 г. онъ посвящаетъ дожу Франческо Фоскари, котораго сравниваетъ съ Катонимъ, но ставитъ выше послѣдняго. Въ извѣстіи объ одномъ сраженіи, въ которомъ онъ обращается къ дожу, онъ обѣщаетъ и ему доставить безсмертіе. И венеціанскій совѣтъ Порчелло сравниваетъ съ римскимъ сенатомъ, но тоже ставитъ первый выше. Поэтъ находитъ случай наговорить мимоходомъ комплиментовъ и Франческо Барбаро, котораго считалъ въ числѣ своихъ доброжелателей ²⁾. Конечно, не остался въ обидѣ и щедрый меценатъ пана, Николай V. Нѣтъ сомнѣнія, что Порчелло всѣмъ имъ разослалъ свои комментаріи, въ расчетѣ на ихъ великодушіе. Быть можетъ, именно это неразборчивое попрошайство и было непріятно королю Альфонсу. Порчелло увидѣлъ, что король плохо наградилъ его за труды и по-

¹⁾ Онъ называетъ его *fortunatissimum imperatorem et rei militaris scientia perfectissimum*.

²⁾ Цѣль автора обнаруживается въ корреспонденціи у Quirini Diatriba ad Franc. Barbari Epist. p. 87. 88. 92.

священіе, поэтому оставилъ службу у него и постарался устроиться у фамиліи Малатеста въ Римини ¹⁾).

А у р и с п а, родомъ изъ Сициліи, часто посѣщалъ свою родину, и король Альфонсъ припималъ его съ особымъ почетомъ. Но онъ никогда не былъ у него на службѣ. Называютъ также сицилійскаго поэта Джіованни Марразіо ²⁾, который возвратился на островъ изъ Падуи, гдѣ изучалъ медицину три года или дольше. Но его больше привлекали гуманитарныя науки и ихъ поклонники, занятія Гварино, Веджіо, а въ особенности обоихъ аретинцевъ во Флоренціи. Марсуппини посвятилъ ему свой переводъ Батрахоміомахіи и получилъ за это поэтическую благодарность. Бруни готовъ былъ поставить наряду съ Овидіемъ и Тибулломъ, этого сицилійскаго поэта, который много сочинялъ и, подобно Ауриспѣ, воспѣвалъ любовь элегическимъ размѣромъ. Нѣтъ сомнѣнія, его имя пользовалось бы большею извѣстностью, если бы было собрано и напечатано большее количество его произведеній ³⁾.—Въ свое время также былъ извѣстенъ и поэтъ Уголино Пизани изъ Пармы, авторъ комедіи Филогенія, усердный подражатель Плавта. Онъ явился въ Капую, чтобы поступить на службу къ королю Альфонсу, когда послѣдній былъ еще въ Гаэтѣ. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его при дворѣ Ліонелло Феррарскаго. Кромѣ этого мы знаемъ объ Уголино только то, что императоръ Сигизмундъ увѣнчалъ его поэтическимъ вѣнкомъ ⁴⁾.

Извѣстные литераторы могли быть увѣрены въ блестящемъ приѣмѣ при Неаполитанскомъ дворѣ. Въ августѣ 1453 г. сюда пріѣхалъ Фидельфо, котораго уже приглашали нѣсколько лѣтъ. Онъ раньше посвятилъ королю свои сатиры, а теперь поднесъ ему ихъ лично въ Капуѣ и прочелъ нѣкоторыя мѣста. Альфонсъ оказалъ ему необычайныя почести: онъ посвятилъ его въ рыцари въ присутствіи цѣлаго двора, вручилъ ему свой родовой королев-

¹⁾ *Commentarii comitis Jacobi Picinini sive Diarium ets.* (1452) у *Muratori Scriptt.* Т. XX и продолженіе (1453) Т. XXV.

²⁾ *Mongitore Bibl. sic.* Т. I, р. 352 называетъ его *Netinus*; въ такомъ случаѣ онъ звалися Ауриспы.

³⁾ Есть 13 стихотвореній этого *Marrasius Siculus* въ *Carmina ill. poetarum Ital.* Т. VI, р. 251 seq. Часто упоминается любовная элегія *Angelinetum*; по *Giornale stor. d. archivi Tos.* vol. VII р. 143 она находилась въ библіотекѣ Федерико изъ Урбино. Въ другихъ стихотвореніяхъ, по словамъ *Affo Memorie d. Scritt. Parmig.* Т. II, р. 259, поэтъ обращался къ папѣ Николаю V.—Ср. *Leon. Bruni epist.* VII, I, *Mehus* обѣщала издать письма Марразіо. Безъ сомнѣнія, это тотъ же прославленный авторъ элегій, которому посвящалъ нѣсколько словъ *Vespasiano: Malraso Ciciliano*, только здѣсь онъ является не медикомъ, а *buonissimo iurista e canonista*.

⁴⁾ *Affo l. c.* р. 169. *Beccadelli epist. Campan.* 22.

скій гербъ, а 21 августа собственноручно увѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ, при чемъ самъ сказалъ ему длинную похвальную рѣчь. Филельфо кромѣ того навѣрное получилъ роскошные подарки, потому что съ этихъ поръ онъ безъ умолку твердитъ о славѣ и безсмертіи короля Альфонса ¹⁾).

Упомянемъ и о пріѣздѣ къ королю епископа Энеля Сильвія Пикколомини изъ Сіэны, который явился посломъ отъ своего отечественнаго города въ мартѣ 1456 г. Онъ былъ принятъ какъ извѣстный писатель, и негодование короля на сіенцевъ смогло передъ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ образованному послу, который тотчасъ же, какъ литераторъ, отдалъ должную дань похвалъ Альфонсу.

Когда со смертью папы Николая V римскіе придворные литераторы вдругъ лишились своего покровителя, то многіе изъ этихъ бѣдняковъ съ надеждою устремили свои взоры на Неаполь. Тамъ встрѣтилъ почетный пріемъ Федоръ Газскій и получилъ годичное содержаніе, которое избавило его отъ нужды ²⁾. Но самое почетное положеніе получилъ флорентинецъ Манетти. Онъ былъ извѣстенъ королю задолго до своего переселенія въ Неаполь и всегда, какъ литераторъ, принадлежалъ къ числу его любимцевъ. Философско-богословское направленіе его ума гармонировало съ наклонностью самого короля, а его находчивость въ диспутахъ и бѣглая рѣчь удивляли его. Въ первый разъ былъ онъ у короля въ 1443 г. посломъ отъ имени Флоренціи и присутствовалъ въ то время, когда Беккаделли читалъ третью декаду Ливія. Потомъ онъ опять пріѣзжалъ въ 1445 г. присутствовать отъ имени республики при бракосочетаніи Фердинанда, герцога Калабрійскаго. Его рѣчь, которою и мы можемъ наслаждаться, долго была въ памяти при тамошнемъ дворѣ. Въ то время, какъ онъ говорилъ ее, на носъ королю сѣла муха, но онъ согналъ ее только тогда, когда ораторъ кончилъ ³⁾. Третье посольство имѣло политическій характеръ, когда республика находилась въ затруднительномъ положеніи. Въ 1450 г. король былъ врагомъ ея, и Манетти долженъ былъ склонить его къ миру. Рѣчь его, вѣроятно, понравилась королю ⁴⁾, но не имѣла желаннаго успѣха. Напротивъ, та милость, которою Манетти пользовался лично, навлекла на него невзгоду въ родномъ городѣ. На вопросъ Альфонса, какая главная обязанность человѣка, онъ отвѣчалъ: «трудиться и учиться», и потомъ написалъ объ этомъ разсужденіе, которое посвятилъ королю.

¹⁾ Panormita de dict. et fact. Alphonsi III, 11. Facius de vir. ill. p. 5.

²⁾ Facius l. c. p. 27. Письмо Филельфо къ Федору Газскому отъ 25-го октября 1456 г.

³⁾ Этотъ придворный анекдотъ кромѣ Веспазіано сообщаетъ и Panormita l. c. I, 46.

⁴⁾ Она тоже сохранялась. См. Mittarelli p. 722.

Эту преданность Альфонсу во Флоренціи ему поставили въ вину. Но, конечно, больше значенія имѣли для него личныя выгоды. Король далъ его сыну и его товарищамъ привилегію на торговлю сукномъ, въ силу которой только они могли вести этого рода торговлю въ неаполитанскомъ королевствѣ, а всѣмъ другимъ флорентинцамъ это было запрещено. Мы помнимъ, какимъ образомъ съумѣла удалить его изъ Флоренціи ¹⁾.

Пока живъ былъ папа Николай V, Манетти пользовался хорошимъ положеніемъ при его дворѣ. Послѣ смерти папы онъ отправился въ Неаполь. Тамъ однажды, послѣ диспута о Троицѣ въ библиотечной залѣ, король подвелъ его къ окну, выходявшему на море, и предложилъ ему мѣсто при своемъ дворѣ на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Король сказалъ, что если у него будетъ только кусокъ хлѣба, то и тѣмъ онъ подѣлится съ нимъ. Такимъ образомъ Манетти совсѣмъ переселился въ Неаполь въ 1455 г. Альфонсъ назначилъ его своимъ совѣтникомъ и однимъ изъ председателей уголовной палаты, какъ Беккаделли. Онъ опредѣлилъ ему ежегодное содержаніе въ 150 унцій, или 900 дукатовъ, тогда какъ онъ даже у папы Николая получалъ только 600 ²⁾. Онъ устроилъ ему такое положеніе, что онъ вполне могъ отдаваться благородному досугу, именно избавилъ его отъ обязанности постоянно являться во дворѣ. Король, по словамъ его, знаетъ, что ученые не любятъ терять времени. Если ему будетъ пужно, то онъ пошлетъ за нимъ; для него довольно и той чести, что онъ живетъ при его дворѣ.

Такимъ образомъ Манетти жилъ въ Неаполѣ въ довольствѣ, держалъ прислугу и лошадей, въ домѣ у него любило бывать общество, а для ученыхъ занятій при немъ постоянно были два или три писца. Тѣ три года, въ теченіи которыхъ онъ пробылъ у Альфонса, были очень плодотворны въ отношеніи его литературной дѣятельности. Онъ перевелъ псалмы съ еврейскаго языка на латинскій и посвятилъ ихъ королю Альфонсу. Послѣдній не обращалъ вниманія на тѣ упреки, которые другіе дѣлали Манетти, будто онъ хотѣлъ превзойти въ этомъ отношеніи семьдесятъ толковниковъ и блаженнаго Иеронима. Но Манетти, чтобы очистить себя отъ этого упрека, написалъ еще

¹⁾ *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 19. 28. 30. 57. 72. *Privilegia* *ibid.* p. 159. Но она не могла быть дана 12-го іюля 1459 г., потому что Альфонсъ умеръ въ 1457 г. По виднѣту и по вычисленію сицилійскаго официального года напротивъ выходитъ 1451 или 1452 г. И разсказъ у *Vespasiano Comment.* p. 89 предполагаетъ время до 1455 г.

²⁾ Патентъ отъ 30-го октября 1455 г. у *Vespasiano l. c.* p. 155. Между подписавшимся выше всѣхъ стоитъ имя Антонія Палермскаго.—О жалованья также см. *Vespasiano Proemio alla vita de Alessandra de'Bardi ed. Bartoli* p. 531.

пять книгъ апологетическаго характера. Онъ такжѣ перевелъ Новый Завѣтъ съ греческаго языка на латинскій и нѣкоторыя сочиненія Аристотеля. Онъ исправилъ свое сочиненіе, направленное противъ евреевъ, и прибавилъ къ нему еще двѣ книги. Четыре книги о землетрясеніяхъ были написаны имъ по особому желанію короля и посвящены ему. Наконецъ онъ началъ писать біографію Альфонса, котораго хотѣлъ поставить въ параллель съ Филиппомъ, царемъ Македонскимъ, но смерть прервала этотъ трудъ, когда уже нѣсколько книгъ были готовы. Какъ бы мы ни судили о сочиненіяхъ Манетти, но то теплое сочувствіе, которое питалъ король къ его научнымъ занятіямъ, и его покровительство ясно говорятъ въ этомъ случаѣ въ пользу писателя, какъ и покровительство, оказанное Валадѣ, въ пользу послѣдняго. Филельфо считалъ счастливымъ такого человѣка, какъ Манетти, который оставилъ свой отечественный городъ, находившійся въ шаткомъ политическомъ положеніи, и нашелъ надежный пріютъ въ Неаполѣ. Фердинандъ сохранилъ къ нему тѣ же отношенія, въ какихъ былъ его отецъ. Манетти умеръ 27 октября 1459 г. вдалекѣ отъ своей родины, но въ большомъ почетѣ. Во Флоренціи по немъ служили торжественныя панихиды въ монастырѣ С. Спирито, гдѣ нѣкогда умъ его получилъ рѣшительное направленіе ¹⁾.

Изъ знаменитыхъ ученыхъ, посвятившихъ королю свои произведенія, хотя не посѣщавшихъ его дворъ, назовемъ Ліонардо Аретино, Поджіо, Дечембрио и Георгія Трапезунтскаго. За эту дань уваженія, оказанную заочно, Альфонсъ тоже платилъ щедро. Чтобы привлечь къ своему двору Ліонардо Бруни, онъ требовалъ, чтобы послѣдній предложилъ какія угодно условія ²⁾. Поджіо постоянно говорилъ ему о щедрости государя и самъ обильно пользовался ею ³⁾. Говорятъ, что Альфонсъ расходовалъ по 20000 золотыхъ гульденовъ въ годъ на жалованье и вспоможенія ученымъ. Но, повторяемъ, не одно только это, а еще въ большей мѣрѣ личное участіе, принимаемое королемъ въ писателяхъ, и то покровительство, которое онъ имъ оказывалъ, исполнѣ достойны меценатскаго вѣвка.

¹⁾ Vespasiano l. c. p. 89—92, 101, 108. Тутъ есть и подтверждающая грамота Фердинанда (р. 158) отъ 26-го августа 1458 г. День смерти опредѣляютъ Fontius Annal. ed. Galletti p. 155 и Buoninsegni Storie p. 126—27, Веспасіано 26-го октября. — Изъ уважаемыхъ посѣтителей Альфонса, Джіакомо Куріо у Mittarelli p. 295 называетъ еще кардинала Виссаріона, а изъ тѣхъ, которые нѣсколько времени жили при дворѣ, Николо Сагундино, Повтано и самаго себя; онъ помогалъ своему другу и земляку Фацио при обработкѣ его сочиненій.

²⁾ Vespasiano: Lionardo d'Arezzo § 9.

³⁾ См. выше стр. 309 слл.

Время правленія его сына Фердинанда выходитъ далеко за предѣлы тѣхъ десятилѣтій, исторію которыхъ мы должны разсказать здѣсь. Герцогъ Калабрійскій былъ окруженъ придворными учеными, съ раннихъ лѣтъ учился у Беккаделли и Валлы и часто слыхалъ отъ нихъ, что государь всего скорѣе и лучше прославится, если будетъ покровительствовать наукѣ и ея дѣателямъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ продолжалъ образъ дѣйствій своего отца. И Беккаделли и Манетти сохранили свое почетное положеніе. На горизонтѣ появились новыя свѣтила. Но Джіовіано Понтано, глава неаполитанской академіи ученыхъ и философовъ, Константинъ Ласкарисъ и Пандольфо Колленуччіо принадлежать къ позднѣйшему періоду, когда уже античный духъ является торжествующимъ.

Въ М и л а н ѣ господствовали Висконти, фамилія, у членовъ которой мы часто встрѣчаемъ пагубную страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, жестокости и тираніи, именно въ силу этого явленія характеры извѣстныхъ цезарей изъ рода Юліевъ являются роковыми загадками для психолога. Такой тиранъ, какъ всевластный архіепископъ Джіованни Висконти, основатель могущества этого дома, нашелъ нужнымъ загладить свою жестокость и коварную завоевательную политику основаніемъ церкви и покровительствомъ ученымъ. Петрарка былъ при его дворѣ и служилъ тирану, жертвуя своимъ философскимъ величіемъ спокойной жизни придворнаго. Но, какъ бы искусно онъ ни прикрашивалъ это, его осмыслѣнее пребываніе въ Миланѣ послужило примѣромъ для многихъ придворныхъ поэтовъ и ораторовъ позднѣйшаго времени. Однако онъ основалъ здѣсь пріютъ для музъ, чему способствовало обаяніе его личности и его имени, которыя всюду вызывали почитателей и подражателей. Тотъ поэтъ, который сочинилъ надгробную надпись епископу въ гексаметрахъ въ 1354 г., былъ Габріелле ЗаMOREO изъ Падуи, адвокатъ и докторъ правъ, давно уже бывший страстнымъ поклонникомъ Петрарки. Въ его поэтической и ученой дѣятельности онъ хотѣлъ видѣть возвращеніе золотого вѣка Сатурна ¹⁾.

Дж і а н г а л е ц ц о былъ настоящій типъ деспота; онъ замышлялъ свои хитросплетенныя козни въ павійскомъ замкѣ, нападалъ на сосѣдей и разорялъ ихъ при помощи своихъ наемныхъ войскъ. Императоръ

¹⁾ См. выше стр. 141. О надгробной надписи см. Wetunsky, Der erste Rümerzug Kaiser Karl. IV, s. 10.

не былъ духовнымъ лицомъ, а напротивъ женился. Въ 1403 г. онъ былъ уже на службѣ у герцога Джіанмаріи секретаремъ, или канцлеромъ ¹⁾.

Какъ скоро эти поэты и стилисты дѣлались съ своею музою покорными слугами разныхъ властителей! Въ 1390 г. Лоски написалъ трагедію Ахиллесъ, сочиненіе о звѣздахъ, о происхожденіи вещей; впрочемъ два послѣднія сочиненія извѣстны только по заглавіямъ. Теперь онъ сочинилъ эпитафію на памятникъ герцога Джіангалеаццо ²⁾. Въ 1403 г. онъ пишетъ язвительный памфлетъ противъ флорентинской республики, за который былъ подвергнутъ осмѣянію канцлеромъ Салютато и Чино Ринуччини ³⁾. Въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ этому времени, большею частію проводятся политическія тенденціи. Онъ восхваляетъ въ нихъ миланское государственное устройство и нападаетъ на республики. Повидимому, Лоски былъ замѣчательнъ и какъ придворный ораторъ ⁴⁾. Ко времени его пребыванія въ Миланѣ относятся и изслѣдованія его о реторическомъ искусствѣ въ рѣчахъ Цицерона, которыми онъ прославился и которыя такъ часто списывались и печатались. Но онъ не могъ долго оставаться въ Миланѣ. Съ 1406 г. онъ служилъ секретаремъ у нѣсколькихъ папъ, и потому мы встрѣтимъ его въ числѣ гуманистовъ при римскомъ дворѣ ⁵⁾.

Филиппъ Марія, послѣдній Висконти, выросшій среди ужасныхъ сценъ варварства и жестокостей, былъ жалкій деспотъ, постоянно боявшійся измѣны, яда и убійства, хотя ему въ жизни нечего было терять кромѣ развѣ наслажденія собственною низостью и коварствомъ. Безъ сомнѣнія, въ глубинѣ души онъ былъ еще хуже, чѣмъ могъ обнаружить себя. Онъ умѣлъ обуздать свою жестокость и принималъ на себя личину доброты и правосудія, потому что чувствовалъ свое положеніе шаткимъ. Чуждый любви и ненависти, презирая свѣтъ и свое собственное существованіе, онъ игралъ людьми и политикою, какъ человѣкъ, который сознавалъ, что все сдѣланное имъ послѣ его смерти погибнетъ. Ему не о комъ было заботиться, потому что наследниковъ не было, и онъ съ злорадствомъ думалъ о томъ,

1) Carmina p. 44 онъ подписывается въ одномъ стихотвореніи отъ X idus (?) 1403 такъ: ducis Mediolani cancellarius secretarius.

2) Mehus Vita Ambros. Travers p. 203.

3) См. выше стр. 190.

4) Tomasinus Bibl. Patav. Ms. p. 26 помѣчено: Antonii Lusci secretarii ducis Mediolani... orationes.

5) Antonii de Luchis carmina quae supersunt fere omnia. Patavii 1858. Къ этому прилагается хорошая, опирающаяся на новый матеріалъ біографія Giov. da Schio sulla vita e sugli scritti di Antonio Loschi. Padova 1858.

что его смерть, конечно отъ руки убійць, повлечетъ за собою бѣдствія несчетнаго множества людей и потрясетъ государство.

Однако и у этого Нерона были свои поэтическіе порывы. Природа отмѣчаетъ эти извращенныя созданія тою особенностью, что совмѣщаетъ въ нихъ крайности. Онъ еще въ юности восхищался стихами Петрарки. Ему также объясняли поэму Данта, или ради моды читали что нибудь изъ переведеннаго Ливія или другаго какаго нибудь классика, повѣтствовавшаго о дѣяніяхъ знаменитыхъ мужей, наконецъ читали французскіе рыцарскіе романы. Все это однако дѣлалось безъ всякаго порядка и связи, смотря по минутной прихоти принца.

Его коренныя склонности и привычки влекли его въ совершенно иную сферу. Онъ былъ большой охотникъ до дорогихъ лошадей и любилъ проводить время въ своихъ роскошныхъ конюшняхъ, зналъ толкъ въ сѣдлахъ и упряжи. Когда онъ разтомстѣлъ, то хотя и не ѣздилъ больше верхомъ, однако любилъ укрощать буйныхъ лошадей, приказывалъ выдергивать зубы тѣмъ, которыя не любили узды, а жеребцовъ, которые громко ржали, усмирять тѣмъ, что дѣлалъ надрѣзы на языкѣ или другими средствами. Въ подобномъ же духѣ обходился онъ и съ людьми. Его придворные, чиновники и кондотьеры были окружены подкупленными писцами и шпионами, а за послѣдними тоже былъ устроенъ надзоръ. Ему доносилось обо всемъ, и онъ былъ изобрѣтателемъ на разныя средства испытывать честность и преданность своихъ слугъ. Если ему кого нибудь хотѣлось наградить, то онъ нерѣдко сначала ругалъ его и называлъ никуда негоднымъ глупцомъ. А когда онъ сердился, то смѣялся. Ему доставляло наслажденіе сдерживать въ себѣ желаніе мести и поражать свою жертву вдругъ, тогда, когда это было особенно чувствительно для нея. Несчастныхъ часто влчили на заключеніе въ дальнія тюрьмы, потомъ опять приводили къ нему и мучили, снова уводили, и они сами не знали, за что они терпятъ такое истязаніе. Всѣхъ ближе были къ нему красивыя пажы, которые, служа ему, дѣлались наконецъ государственными людьми. Одною изъ любимыхъ забавъ герцога было прятать въ руку змѣй, у которыхъ были вынуты ядовитые зубы, и пугать ими трусливыхъ. Немногіе придворные пользовались правомъ — помогать герцогу считать заповѣди и псалмы, которые онъ имѣлъ обыкновеніе бормотать про себя во время прогулки и число которыхъ умѣлъ ловко опредѣлять извѣстнымъ положеніемъ пальцевъ. Разговоръ его постоянно вращался около военныхъ и политическихъ предпріятій, но больше рѣчь шла о лошадяхъ, собакахъ и пошлыхъ шуткахъ. Но иногда онъ начиналъ ругаться своимъ грубымъ голосомъ, или злобно смѣяться; онъ встрѣчалъ каждаго насмѣшливыми островами, даже своего духовника. Герцогъ никогда

не ходилъ безъ поддержки: обыкновенно это противное созданіе съ нависшими бровями, желтоватыми глазами, тупымъ носомъ, большимъ ртомъ, короткими толстыми пальцами и совершенно кривыми ногами опиралось на одного изъ своихъ пажей или шутовъ.

Что могли дать науки такому жалкому, неразвитому человѣку! Говорятъ, что онъ очень уважалъ астрологовъ; во всякомъ случаѣ онъ вѣрилъ въ самый слѣпой фатализмъ, потому что постоянно боялся какого нибудь несчастія, однако принималъ всѣ мѣры, чтобы отклонить опасность. Врачи почти не отходили отъ него и при малѣйшемъ ощущеніи боли давали свои совѣты. Однако онъ смѣялся надъ ихъ искусствомъ. Музыку и сценическое искусство онъ считалъ глупостью; онъ больше любилъ проводить время за игрою въ карты и кости ¹⁾. Латинскій языкъ герцогъ зналъ очень плохо. Гуманистическія идеи ни мало не коснулись его, но у него все таки было желаніе быть героемъ придворной исторіи и казаться свѣту меценатомъ. Поэтому ему тоже воскурился классическій эмиантъ, какъ и другимъ властителямъ, и мы готовы были бы признать его за великодушнаго поклонника музъ, только къ сожалѣнію онъ былъ послѣднимъ членомъ своей династіи, а потому послѣ его смерти о немъ можно было говорить свободно. Конечно, при дворѣ такого повелителя не было никакой литературной дѣятельности. «Здѣсь наши труды не пользуются почетомъ», писалъ Пьеръ Кандидо Дечембрио одному флорентинцу; «все стремится къ честолюбивымъ цѣлямъ и удовольствіямъ». Изъ людей, окружающихъ герцога, хвалятъ только Франческо Барбаро, какъ человѣка умнаго и доброй нравственности. Онъ по крайней мѣрѣ чтилъ великихъ тосканскихъ поэтовъ и былъ въ дружбѣ съ Филельфо ²⁾.

Въ Миланѣ жилъ Андреа де Билиасъ, человѣкъ глубокой учености, монахъ августинскаго ордена, замѣчательный философъ и богословъ, знавшій также языки греческій и еврейскій. Онъ сочинялъ отличные трактаты и перевелъ сочиненія Аристотеля. Но нѣтъ указаній на то, чтобы онъ имѣлъ какія нибудь связи съ дворомъ. Потомъ онъ переселился въ Сиѣну и читалъ тамъ лекціи; къ числу его слушателей принадлежалъ и Пикколомини ³⁾.

¹⁾ Эта характеристика основана большею частью на Petr. Cand. Decembrius vita Philippi Mariae ap. Muratori Scriptt. T. XX; характеристика часто въ духѣ Светонія.

²⁾ Письмо Дечембрио къ Ниволои въ письмахъ Ambr. Trav. epist. XXV, 7. L. V. Abberti Della famiglia (Opp. volg. T. II p. 387). Очень часто этотъ Барбаро является у Osio Documenti dipl. Milan. vol. II около 1427 г. секретаремъ.

³⁾ Blondus Ital. illustr. p. 367. Всѣхъ подробнѣе говорить о немъ его орденскій братъ Iac. Phil. Bergomas, fol. 279. Aeneas Sylvius de vit. clar. XVI.

Въ ряду знаменитостей, украшавшихъ собою Миланъ, считали и Джузеппе Бриппи, или Бривіо¹⁾; онъ, вѣроятно, сверстникъ Лоски. Подобно ему онъ слылъ за поэта и писалъ стихотворенія на латинскомъ языкѣ. Уже лѣтъ двадцати, сдѣлавшись священникомъ въ миланскомъ соборѣ, онъ изучалъ въ Павіи духовныя науки и сдѣланъ былъ докторомъ богословія и каноническаго права. Но его постоянно увлекали краснорѣчіе и поэзія. Онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы сказать въ Павіи рѣчь папѣ Мартину V, возвращавшемуся съ констанцскаго собора²⁾ и сочинить надпись къ памятнику, который сооруженъ былъ этому папѣ въ миланскомъ соборѣ, алтарь котораго онъ освятилъ въ то время. Онъ тоже сказалъ отъ имени герцога привѣтствіе императору Сигизмунду, когда послѣдній пріѣхалъ въ Миланъ³⁾. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ ко двору. За то нашъ поэтъ-священникъ былъ въ сношеніяхъ съ Бруни, Никколи, Уберто-Дечембрио и Веджіо, а съ Антоніо Лоски былъ особенно друженъ⁴⁾. Онъ былъ также близокъ съ Валлою, и когда послѣдній писалъ свое сочиненіе Объ истинномъ благѣ, то и его почтилъ въ немъ ролью собесѣдника⁵⁾. Бриппи гордился тѣмъ, что его племянница Джунипера Бриппи пошла по той же стезѣ латинскаго образованія, по которой онъ самъ шелъ въ своей юности⁶⁾. Насколько мы знаемъ, онъ во все время своей жизни въ Миланѣ воспѣвалъ въ гекзаметрахъ музъ и Аполлона. Но, подобно Лоски, онъ уже подъ старость перешелъ на службу къ папскому двору. Съ тѣхъ поръ онъ перелгалъ въ стихи только легенды о святыхъ.

Мы упомянули о Гаспарино да Варзицѣ, странствующемъ наставникѣ, который въ лучшіе годы своей жизни, обремененный громадною семьею, скитался по свѣту съ нуждою и горемъ. Долго онъ бѣдствовалъ, не встрѣчая сочувствія именно на своей родинѣ, пока Филиппъ Марія не пригласилъ его въ 1418 г. въ Миланъ — основать тамъ высшую латинскую школу. Такимъ образомъ нашелъ онъ надежный пріютъ подъ старость. Онъ и не занималъ другаго положенія, кромѣ положенія наставника, содержащаго

1) Но самъ онъ, кажется, всегда называлъ себя только Бриппиусомъ.

2) 11 октября 1418 г. Morelli Cod. ms. bibl. Nanianae p. 112. Онъ называется *ordinarius ecclesiae minoris Mediolani, studens in theologia et philosophia*.

3) См. Wattenbach въ *Leitshr. für die Geschichte des Oberreheins* Bd. XXII s. 80.

4) Mehus *Vita Ambros. Travers.* p. 79. *Mazhuchelli Scritt. d'Italia* vol. II P. IV p. 2115.

5) Валла вводитъ его какъ *homo rerum humanarum divinarumque pepitissimus et vitae gravitate praestans et dicendi facultate etc.*

6) Его стихотвореніе въ ней въ *Guinif. Barzizii Orat. et Epist.* ed. Furietto p. 109.

школу ¹⁾. Но Гаспарино собственно не былъ учителемъ грамматики. Образцы его рѣчей и писемъ показываютъ намъ, какъ онъ училъ своихъ учениковъ чистой и изящной латыни, конечно, часто безсодержательной и безцвѣтной. Школа цидероновскаго слога, основателемъ которой его слѣдуетъ признать, во многихъ случаяхъ содѣйствовала именно безцвѣтности въ литературѣ, но оказала также большія заслуги стремленіемъ къ изяществу формы. Кроме того Гаспарино говорилъ торжественныя рѣчи по случаю церковныхъ и придворныхъ празднествъ. Онъ и раньше прибытія въ Миланъ всегда готовъ былъ говорить рѣчи на разные случаи ²⁾. Когда онъ оставилъ занятія въ 1431 г., то 24-хъ лѣтній сынъ его хлопоталъ о должности отца въ просьбѣ, поданной герцогу, доказательство, что она зависѣла отъ него и онъ же платилъ жалованье. Но школа была ввѣрена Антонио да Ро, и молодой Варзицца долженъ былъ остаться безъ занятій, хотя онъ и ставилъ на видъ ту славу, какую пріобрѣтеть себѣ герцогъ ³⁾, если соберетъ множество риторовъ въ Миланѣ. Самъ по себѣ сынъ былъ достоинъ отца, который видѣлъ въ немъ «божественный умъ» еще тогда, когда ему было всего семь лѣтъ. Но если старикъ шелъ своимъ самобытнымъ путемъ, то сынъ является его искуснымъ послѣдователемъ. Онъ изучалъ права въ Падуѣ, а потомъ девятнадцати лѣтъ получилъ степень доктора искусствъ, но въ душѣ всегда былъ преданъ гуманитарнымъ наукамъ. Онъ зналъ и греческій языкъ и даже отчасти еврейскій. Быть можетъ, онъ былъ нѣкоторое время ученикомъ Гварино ⁴⁾. Такъ какъ въ Миланѣ въ немъ не имѣли нужды, то онъ принялъ предложеніе епископа новарскаго Бартоломмео, о которомъ намъ часто приходится говорить, какъ о покровителѣ и другѣ гуманистовъ, и читалъ лекціи о классическихъ писателяхъ ⁵⁾. Потомъ онъ задумалъ отправиться въ Испанію, о чемъ мы рассказывали выше, искать мѣста у короля Альфонса, но воротился разочарованный изъ Сициліи въ Миланъ въ январѣ 1433 г. Только теперь онъ поступилъ на службу къ герцогу ⁶⁾.

¹⁾ Секретарь Гаспаринусъ, встрѣчающійся у Osio Documenti vol. I въ 1390 и 1392 гг., разумѣется, не Варзицца.

²⁾ Рядъ его рѣчей, въ томъ числѣ и такія, которыя онъ писалъ для другихъ, въ изданіи его сочиненій Фуриэтти. *Tabulae codd. ms. bibl. Vindob.* vol. III p. 178.

³⁾ *Ego Supplex Libellus ad Philippum Mariam* отъ 11 февр. 1431 г. въ его *Oratt. et Epistt.* ed. Furietto p. 10.

⁴⁾ Это можно заключить изъ его письма къ Гварино у *Lamius Catal. bibl. Riccard.* p. 50.

⁵⁾ Въ Новорѣ онъ читалъ первую лекцію 8 іюня 1431 г.

⁶⁾ Въ одномъ письмѣ ed. Furietto p. 92 онъ величаетъ себя *ducalis vicarius generalis*. Я не знаю что это значить, во всякомъ случаѣ немного, если секретарство считалось повышеніемъ.

Потомъ онъ получилъ и каведру своего отца ¹⁾; въ 1442 г. онъ сдѣланъ былъ секретаремъ или канцлеромъ герцога ²⁾, человекомъ съ вѣсомъ и вліяніемъ. Ему поручались посольства, и онъ состоялъ на службѣ у Филиппа Маріи до самой его смерти. Отъ науки онъ, по видимому, все болѣе и болѣе отдалялся. Кромѣ комментарія къ Божественной комедіи, который онъ долженъ былъ написать по приказанію герцога, притомъ на тосканскомъ нарѣчій ³⁾, онъ вообще писалъ только стихи и рѣчи, въ которыхъ нельзя не узнать направленія отца.

Когда молодой Гвинифорте, ища должности наставника, долженъ былъ уступить францисканскому монаху Антоніо да Ро (послѣдній родился въ окрестностяхъ Милана), то выборъ герцога палъ, безъ сомнѣнія, на человека болѣе ученаго. Братъ Антоніо былъ прежде всего богословъ, но также основательный знатокъ грамматики и вообще коротко знакомъ съ древнею литературою. Мы мало знаемъ объ его преподавательской дѣятельности, о которой не заботился и герцогъ. По видимому, латинская школа для знатнаго юношества не особенно процвѣтала. Но сочиненія францисканца вызвали въ то время не малый интересъ по своеобразному выбору сюжетовъ.

Въ 1443 г. онъ обнаруживалъ свои Три діалога о заблужденіяхъ Лактанція, которые поднесъ папѣ Евгенію IV, дружескіе разговоры на манеръ Цицероновыхъ, въ которыхъ собесѣдниками являются почти исключительно свѣтскія лица, миланскіе юристы, какъ напр. Никколо д' Арчимбальди и Гварнеріо да Кастильоне, гуманисты, какъ напр. Кандидо Дечембрио и Франческо Барбаро. Самъ авторъ является здѣсь только слушателемъ и изъ осторожности пользуется свободою выражать смѣлыя мнѣнія, какъ Валла въ своихъ разговорахъ о наслажденіи. А въ тоже время онъ имѣетъ возможность заставить рядомъ съ блаженнымъ Августиномъ и схоластиками говорить чужими устами Цицерона, Сенеку, Ливія и Демосоена, не компрометируя своего монашескаго сана. Конечно, собесѣдники единогласно признаютъ достоинства гладкаго и краснорѣчиваго языка христіанскаго Цицерона, но высказывается и тотъ взглядъ, что онъ видимо щеголяетъ своимъ изяществомъ и мирится со всѣмъ, что только дастъ ему поводъ блеснуть красотою рѣчи. На-

1) Его вступительная рѣчь 17 января 1435 г.

2) Это мы видимъ изъ писемъ Энея Сильвія къ нему и архіепископу миланскому отъ 5 ноября 1442 г. и 10 іюля 1443 г. и изъ отвѣтовъ архіепископа отъ 4 января и Гвинифорте отъ 19 ноября 1443 г.

3) Oratt. et Epistt. ed. Furietto p. 76. 163.

ковецъ на него нападаютъ во всеоружіи схоластики и догматики, и въ его Божественныхъ институціяхъ находятъ длинный рядъ отступленій и ошибокъ ¹⁾. Какъ извѣстно, Лактанція церковь никогда не признавала правовѣрно мыслящимъ писателемъ. Но о его еретическихъ выходкахъ уже забыли, и даже духовныя особы были поражены этими безпощадными нападками на такого великаго церковнаго писателя. Въ особенности питали къ нему любовь гуманисты. Братъ Адамо изъ Генуи насмѣхался въ желчныхъ эпиграммахъ надъ глупымъ миланцемъ, который порочитъ одно изъ «великихъ свѣтилъ святой Церкви ²⁾. «Филельфо по дружески хотѣлъ ему объяснить, что глупо такъ дерзко нападать на столь ученаго и краснорѣчиваго писателя ³⁾. Но было гораздо хуже упрекать Лактанція въ догматическихъ заблужденіяхъ, чѣмъ блаженнаго Іеронима въ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ текстѣ св. Писанія, или смѣяться надъ Дунсомъ Скотомъ и Лирою, и опасѣе раздражить собесѣдниковъ гуманистовъ, чѣмъ инквизицію.

Въ другомъ сочиненіи братъ Антоніо является исключительно грамматикомъ и риторомъ. Онъ назвалъ его *de imitatione*, но оно, насколько мы знаемъ, преслѣдуетъ ту же цѣль, какъ и *Красоты Валлы* ⁴⁾. Нельзя рѣшить, которое сочиненіе явилось раньше. Но мы готовы признать старшинство за миланскимъ писателемъ, потому что по поводу одного спеціального правила, отысканнаго Валлою, по его словамъ, раньше, онъ не ссылается на свои *Красоты*, а обвиняетъ своего противника въ томъ, будто онъ заимствовалъ его у одного изъ его слушателей. Оба они были когда-то дружны между собою въ Миланѣ. Во второй редакціи своихъ разговоровъ Объ истинномъ благѣ Валла далъ ученому минориту роль судьи въ спорѣ и сравнилъ его съ Исократомъ ⁵⁾. Теперь онъ доказывалъ, что Антоніо не въ состояніи писать о краснорѣчьи и съ крайнею придирчивостью старался отыскать у него ошибки.

1) Все предисловіе и длинное извлеченіе изъ *Fratri Antonii Raudensis de Lactantii erratis dialogi tres* сообщалъ G. P. H. Beck *Dissert. inaugur. de Orosii fontibus . . . et alia de Antonii Raudensis aliquo opere inedito*, Marburgi 1832, по парижскимъ рукописямъ.

2) У Bandinius *Bibl. Leop. Laurent. T. I, p. 44*. Двуступниа помѣчаются и въ *Tabulae codd. ms. Biblioth. Vindob. vol. II p. 198*.

3) Письмо Филельфо къ Антоніо отъ 30-го декабря 1443 г. По этому письму можно узнать, когда написана книга.

4) Такъ какъ оно не напечатано, то мы о немъ знаемъ лишь изъ *In errores Antonii Raudensis Annotationes* Валлы, часто печатающахся съ *Красотами* также въ *Opp. p. 390*. Въ парижской рукописи, на которую указываетъ Beck *l. c. p. 9*, оно, повидимому, заглавлено такъ: *Dictionarium de elegantissimae latinae linguae*, что собственно не вѣрно.

5) *In tribuendo oratoria arte magno illo Socrati comparandus*.

Въ этомъ сказалась мелочная зависть и педантская придирчивость грамматика. Но его инвектива и его Красоты заставили забыть о книгѣ миланскаго ученаго, можетъ быть, незаслуженно.

Были грамматики и наставники при дворѣ герцога Филиппа, но недоставало еще настоящаго гуманиста, поэта и историографа, который бы позаботился о славѣ и безсмертіи его. Этотъ недостатокъ замѣнилъ Беккаделли, веселый авторъ Гермафродита, еще будучи въ Сиѣнѣ. Поэтъ явился къ герцогу, назвалъ себя почитателемъ его «почти божественныхъ добродѣтелей», сослался на то, что еще предки его служили дому Висконти, и объявилъ, что только поэтъ можетъ доставить ему безсмертіе ¹⁾. Онъ прямо объяснилъ совѣтникамъ герцога, Франческо Барбавара и Луиджи Кротто, въ какомъ смыслѣ желаетъ посвятить на служеніе герцогу «себя и свою музу». Поэтъ надѣялся, что ему назначать содержаніе, но при этомъ желалъ пользоваться и дорогимъ благомъ свободы ²⁾. Ему хотѣлось быть по-этомъ, свободнымъ отъ труда, уважать герцога, льстить ему и при случаѣ хвалить въ стихахъ, но не работать въ канцеляріи и не быть наставникомъ. Герцогъ ствѣчалъ милостиво. Онъ выразилъ сильное желаніе видѣть и слышать краспорѣчиваго поэта и надѣялся, что случай къ этому вскорѣ представится. Беккаделли торжествовалъ; онъ уже видѣлъ себя у дѣли своихъ желаній. Онъ общался по мѣрѣ силъ прославлять подвиги герцога и его предковъ. «Я всегда буду служить ему, жить для него, писать для него стихи; ему я долженъ пожертвовать всѣмъ тѣмъ умомъ, тѣмъ трудолюбіемъ и тою преданностью, какія имѣю». Поэтъ пріѣхалъ въ Павію и дѣйствительно послѣ долгаго нетерпѣливаго ожиданія заручился пока содержаніемъ въ 800 дукатовъ. Но въ этомъ случаѣ намѣреніе герцога было другое: Беккаделли долженъ былъ согласиться читать реторику въ Павіи. Онъ, по видимому, никогда не видалъ ни герцога, ни двора, ни Милана. Какъ мало ученая дѣятельность его въ Павіи соотвѣтствовала ожиданіямъ, объ этомъ мы еще подробнѣе будемъ говорить впоследствии. Пѣвецъ Гермафродита былъ не настолько знаменитъ, чтобы быть придворнымъ поэтомъ, одно имя котораго окружало бы его повелителя лучами неувыдающей славы, а веселаго собесѣдника герцогу было не нужно, какъ королю Альфонсу ³⁾.

¹⁾ См. выше стр. 441.

²⁾ *Ingens mihi salarium fuerit liberius, coeleste vero munus et nestimabile.—Proprium enim libertatis est sic vivere ut velis.*

³⁾ *Beccadelli Epist. ed. 1746 p. 7; epist. Gall. 1. 2. 3* (письмо герцога, по Colangelo Vita di A. Beccadelli p. 48 помѣченное такъ: Миланъ 1-го декабря 1429 г.) 4. 6. 7. 11. 17. III, 21. IV, 4. 7. Сюда же относятся и письма, приведенныя у Colangelo p. 38. 41.

Придворнымъ поэтомъ нельзя назвать и Пьера Кандидо Дечембріо, сына Уберто, который родился въ Павіи 24 окт. 1399 г. ¹⁾. Напротивъ король пользовался его услугами въ дѣлахъ, отправлялъ его посломъ, а съ 1426 г. онъ исправлялъ должность секретаря ²⁾. При этомъ Дечембріо, многосторонній ученый, но вовсе не стилистъ, старался угодить герцогу переводами на народный языкъ. Въ Италіи это считалось дѣломъ второстепеннымъ, которымъ можно заслужить награду отъ владѣтельнаго лица, но нельзя прославиться. Онъ перевелъ для него жизнь Юлія Цезаря, написанную Светоніемъ, и историческое сочиненіе Квинта Курція, которое постарался дополнить по Плутарховой біографіи Александра Великаго ³⁾. Но мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ плодовитымъ ученымъ, въ особенности когда будемъ говорить о переводахъ съ греческаго языка.

Филельфо давно уже обращалъ свои взоры на Миланъ. Когда миновали его золотые дни во Флоренціи, когда онъ началъ чувствовать нападки своихъ «завистниковъ, Марсупинни и Никколи», то рѣшился завести переговоры съ герцогомъ чрезъ Беккаделли и Арцимбальди. Онъ писалъ, что если ему предложить приличныя условія то онъ не откажется ⁴⁾. Потомъ въ 1436 г. ученый повторилъ свои предложенія изъ Сіены. Но онъ получилъ приглашеніе отъ герцога Филиппа только 13 іюля 1438 г. Хотя герцогъ лишь въ общихъ чертахъ обѣщалъ ему щедрое вознагражденіе, однако Филельфо съ радостью воспользовался случаемъ спастись отъ пагубной борьбы съ своими флорентинскими врагами, въ которой стали прибѣгать уже къ помощи бандитовъ ⁵⁾.

Филельфо, дѣйствительно, скорѣе шло быть придворнымъ, чѣмъ профессоромъ, или челоувѣкомъ, живущимъ въ республикѣ свободнымъ литературнымъ трудомъ. Въ республикахъ его нигдѣ долго не терпѣли, хотя на первый разъ всюду принимали, какъ какого нибудь героя, за что онъ впоследствии до небесъ превозносилъ разные города и ихъ жителей, — потомъ противъ него вооружались завистники и враги, или ему казалось, что ему строить козни. Тогда всѣ къ нему охладѣвали, потомъ были недовольны имъ, и ему приходилось удаляться. Гораздо лучше удавалось ему уживаться съ государями и придворными, и, опираясь на ихъ расположеніе, бороться съ своими соперниками. Ему все казалось, что

¹⁾ По его надгробной надписи у Zeno Diss. Voss. T. I, p. 202.

²⁾ Въ инструкціи отъ 7-го декабря 1425 г. у Osio Documenti vol. II no. 86 онъ еще не ищетъ этого титула, а въ посланіи отъ 26-го августа 1426 г. *ibid.* no. 151.

³⁾ Посвященіе отъ 21 апрѣля 1438 г. рукописи и оттиски у Saxius Hist. lit. tyr. Mediol. p. 291 у Lamius Catal. въ *Scraperum Jahrg.* II Leipl 8145 p. 76.

⁴⁾ Письмо его къ Антонію изъ Палермо отъ 13-го іюля 1432 г.

⁵⁾ Письмо Филельфо къ герцогу Филиппу отъ 15-го іюля 1438 г.

земля должна обращаться около него, а не около солнца, потому что онъ говорилъ по гречески и писалъ изящнымъ латинскимъ языкомъ. Но кромѣ сладостныхъ звуковъ славы Филельфо вполне умѣлъ цѣнить и звонъ золота. Онъ сталъ старше и искалъ болѣе спокойной, болѣе обеспеченной жизни, какую велъ напр. Ауриспа въ Феррарѣ и какую теперь онъ самъ, казалось, нашелъ въ Миланѣ ¹⁾. Деспотъ и его придворный поэтъ были въ лучшихъ отношеніяхъ между собою. Послѣдній могъ хвалиться тѣмъ, что на первой же аудіенціи 2 мая 1439 г. онъ былъ принятъ такъ ласково и съ такимъ почетомъ, что былъ почти вытѣсненъ отъ восторга. И этотъ почетный приемъ повторился, когда онъ 11 февраля 1440 г. прѣхалъ въ Миланъ со всею своею семьею и пожитками ²⁾. Онъ имѣлъ полное право сказать, что изъ тосканской пучины удалился въ надежную гавань, гдѣ ему оказываютъ всякія почести и даютъ жалованье ³⁾. Здѣсь онъ чувствовалъ себя безопаснымъ отъ флорентинскихъ враговъ, потому что шпионы герцога охраняли и его ⁴⁾. Филельфо получилъ 500 цехиновъ жалованья на первый годъ, а на второй уже 700 ⁵⁾ и отличію устроенный домъ. Онъ былъ принятъ въ число миланскихъ гражданъ, и во время придворныхъ праздниковъ его мѣсто было среди высшей знати ⁶⁾. Хорошее расположеніе духа поддерживалось въ немъ подарками и милостями, и выпрошенными и неожиданными. Онъ считалъ себя въ высшей степени счастливымъ, пользуясь любовью этого «божественнаго государя», прославляя его удивительныя добродѣтели, его любезность, доброту, набожность, а въ особенности щедрость. Поэтъ возвѣщалъ свѣту о славіи повелителя, котораго благородство, пышность и могущество превышаютъ мѣру человѣческихъ силъ, такъ что онъ уподобляется божеству ⁷⁾.

Въ Миланѣ у Филельфо не было соперника, который могъ бы вредить его славіи или возбудить въ немъ зависть расположеніемъ герцога. Ученые, находившіеся здѣсь, или не имѣли доступа ко двору, или изъ осторожности поддерживали мирныя отношенія съ любимцемъ. Единственный человѣкъ, который осмѣливался не пре-

1) Cf. Satyr. Dec. III sec. 8.

2) Его письма къ Альберто Занваріо отъ 2-го мая и 9-го іюня 1438 и 13-го февраля 1440 г.

3) Письмо его къ Оносдеріо Строцци отъ 5-го декабря 1439 г.

4) Въ письмѣ къ Манетти отъ 30-го декабря 1443 г. онъ говоритъ, что онъ у такого государя, qui vel dormientibus nobis omnia rimetur, omnia custodiat.

5) Документъ отъ 8-го ноября 1441 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II, p. 278.

6) Его письмо къ Като Сакко отъ 1-го января 1440 г. Rosmini l. c. p. 6.

7) Его письмо къ баліи и флорентинскому народу отъ 16-го іюня 1440 г. и другія письма, писанныя въ томъ же году.

клоняться передъ нимъ, былъ секретарь герцога, Дечембріо. За то Филельфо въ своихъ письмахъ отзывался о немъ съ пренебреженіемъ, въ сатирахъ избиралъ его мишенью своихъ остротъ и виѣсть съ тѣмъ взводилъ на него самыя безсмысленныя и гнусныя обвиненія. У него же не было таланта платить тою же монетою ¹⁾.

Такъ жилъ Филельфо при дворѣ Висконти. Его чтили и боялись. Отсюда онъ могъ смѣло нападать на своихъ флорентинскихъ враговъ. Онъ даже воображалъ себѣ, что играетъ большую роль въ политикѣ, хотя герцогъ употреблялъ совсѣмъ инныя средства въ этомъ случаѣ, а не перо литератора ²⁾. Для Филельфо было легкимъ дѣломъ сказать двѣ торжественныя рѣчи и воскуривать оиміамъ. Повсюду, даже когда дѣло шло о научныхъ предметахъ, какъ напр. въ Миланскихъ пирахъ, онъ умѣлъ похвалить кстати герцога въ лестныхъ сравненіяхъ или вводныхъ гимнахъ. Къ посвященіямъ сочиненій герцогъ относился равнодушно. Филельфо сдѣлалъ опытъ. Онъ поднесъ ему свой переводъ изреченій Плутарха, въ которыхъ этотъ писатель обращается къ императору Траяну. При этомъ авторъ рѣшился продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, если замѣтитъ, что этотъ трудъ доставилъ удовольствіе герцогу. Такъ какъ онъ не повторилъ этого опыта, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Филиппъ не обнаружилъ великодушія ³⁾. За то онъ возложилъ на поэта другую работу. Какъ Гвинифорте долженъ былъ объяснить Божественную комедію, такъ Филельфо—стихотворенія Петрарки, написанныя на народномъ языкѣ. Но онъ выполнялъ эту задачу съ величайшею небрежностью и не скрывая своей досады. Онъ уже во введеніи объявилъ, что этотъ трудъ «выпрошенъ у него лестью» а въ самомъ трудѣ вымещалъ свою злобу на Петраркѣ, на Лаурѣ, на Медичи и на другихъ врагахъ, не обращая вниманія на любовь своего высокаго покровителя къ поэту. Онъ написалъ также по желанію

¹⁾ Грубое письмо Филельфо къ Дечембріо отъ 9-го февраля 1445 г. v. Rosmini T. III, p. 156—161. Въ сатирахъ Филельфо (Dec. VII nec. 4. 5. 6. Dec. VIII nec. 3. Dec. X nec. 2) Дечембріо выводится постоянно подъ насмѣшливымъ прозвищемъ *Leucus*, какъ и въ письмахъ; ср. также элегію у Rosmini T. III, p. 154. Безъ сомнѣнія, Дечембріо имѣлъ въ виду Филельфо, когда онъ говоритъ со всевозможнымъ пренебреженіемъ въ *Vita Philippi Mariae* с. 63 о *Franciscus Barbula poeta Graeculus*. Такъ онъ его называетъ или въ смыслѣ презрительномъ, какое придавали этому слову древніе греки, или потому, что Филельфо такъ непомерно гордился своимъ греческимъ языкомъ и въ первой изъ упомянутыхъ сатиръ упрекалъ его въ незнаніи этого языка. Слово *Barbula* относится къ бородѣ Филельфо, которую онъ носилъ по греческому обычаю. Искѣ позднѣйшая нападка Дечембріо въ *Vita Franc. Sfortiae* cap. 3 (ар. *Murator. Scriptt.* T. XX), направленная противъ Сфорциады Филельфо.

²⁾ Письма Филельфо къ флорентинцамъ отъ 16-го іюня, къ Ринальдо делья Альбизци отъ 3-го іюля и къ Козьмѣ Медичи отъ 4-го іюля 1440 г.

³⁾ *Praefatio* у Saxius p. 532, у Mittarelli p. 884.

герцога терпинами стихотвореніе Іоаннъ Креститель. Начиначось оно съ упрена герцогу, какъ онъ можетъ поручать ему подобныя труды ¹⁾. Такія выходки могъ позволять себѣ только Филельфо: ему, который такъ забавно выставлялъ на показъ свое самолюбіе и высокоуміе, деспотъ позволялъ, по видимому, все. Болтуна онъ всего менѣе считалъ опаснымъ.

Объ услугахъ, оказанныхъ изученію древняго міра въ павійскомъ университетѣ, можно сказать немного. Но такъ какъ все такія подробности этого дѣла относятся къ правленію герцога Филиппа, то ихъ и слѣдуетъ сообщить здѣсь. Не знаю, можно ли дому Висконти приписывать особыя заслуги относительно старинной высшей школы, слава которой восходитъ еще ко временамъ Оттоновъ. Если Галеаццо II получилъ императорскій дипломъ на дозволеніе основать университетъ въ 1361 г., если онъ и его преемники прибѣгали къ любимому ими средству—запрещать своимъ подданнымъ посѣщать другія высшія школы, то это еще не доказываетъ особенной ихъ заботливости о народномъ образованіи. Нельзя также указать успѣховъ въ области правовѣдѣнія и медицины; и въ этомъ отношеніи преимущество остается за Падуею и Болоньею. Еще менѣе могла укорениться въ Павіи новая наука — изученіе древностей. Правда въ началѣ XV вѣка Гаспарино да Варзицца преподавалъ здѣсь реторику, а Хризолоръ греческій языкъ, но это были лишь временныя явленія, не оставившія по себѣ никакого слѣда ²⁾.

Когда Филиппъ Марія въ 1430 г. приглашалъ поэта Беккаделли преподавать реторику, то, конечно, дѣлалъ это съ хорошимъ намѣреніемъ. Но попытка герцога не удалась. Вѣтренный поэтъ смотрѣлъ на свою профессуру больше какъ на должную дань его талантамъ и славы, какъ на доходное мѣсто для придворнаго поэта, который не живетъ при дворѣ. Онъ проводилъ время съ товарищами, какіе всюду найдутся, велъ веселую студенческую жизнь въ пирушкахъ и въ обществѣ веселыхъ женщинъ, въ честь которыхъ писалъ шуточные

¹⁾ Не смотря на это, комментарий Филельфо въ Rime Петрарки часто печатался. См. Hortis Catalogo delle opere di F. Petrarca, Trieste 1874. p. 14 e seg. Свою досаду на порученіе герцога Филельфо высказываетъ въ письмѣ къ Метелло отъ 30-го декабря 1443 г.: princeps inducitur ut alia mihi Scribenda iubeat, quae inductos potius quam viros doctos et graves sint delectatura. Судя по письму къ епископу алерійскому отъ 13-го февраля 1470 г., у него самого въ то время не было этого труда. Ср. Rosmini T. II, p. 13—15. Vita di S. Giovanni Batista, въ которой 48 пѣсень, начинается такъ:

O Filippo Maria Anglo possente,
Perchè me stringi la qua che non poss'io?
Vuol tu ch'io sia ludibrio d'ogni gente?

²⁾ Доказательства въ Memorie e Documenti per la Storia de' universita di Pavia P. II. Pavia 1878 p. 2 seq.

эпиграммы по примѣру древнихъ. Какъ прежде онъ воспѣвалъ свою Монифилу, такъ теперь увѣловѣчилъ въ стихахъ Элизу и Аморозію, прелестныхъ подругъ своихъ собесѣдниковъ. Замѣчательно щедрое жалованье въ 800 дукатовъ, назначенное герцогомъ, давало ему возможность держать прислугу, поваровъ и лошадей, какъ, по его мнѣнію, и подобало человѣку ученому. Онъ считалъ, что исполнялъ свой долгъ въ отношеніи герцога добросовѣстно, такъ какъ писалъ инвективы на его враговъ, венеціанцевъ и флорентинцевъ, а въ 1431 г. привѣтствовалъ латинскою рѣчью короля Сигизмунда въ Пьяченцѣ. Съ студентами онъ читалъ Плавта. Профессоръ не обременялъ ихъ ученостью, тѣмъ больше, что и самъ не обладалъ ею. Если случайно припадала ему охота, то онъ приглашалъ въ Павію юнаго Джіованни Ламолу, ученика Гварино и Филельфо, учить его грамматикѣ греческаго языка за сто золотыхъ гульденовъ, но изъ этого ничего не вышло. Или онъ старался чему нибудь научиться по лекціямъ Валлы. Въ Миланѣ были въ высшей степени недовольны дѣятельностію Беккаделли. Жалованье ему прекратили, а когда въ 1433 г., по удаленіи Валлы все таки вновь поручили преподаваніе, то онъ принужденъ былъ дѣлить скромное жалованье вышедшаго профессора съ другимъ лицомъ, Это, по видимому, и было причиною его переселенія къ королю Альфонсу ¹⁾).

Кромѣ Беккаделли въ Павіи преподавалъ реторику и Валла съ 1431 г. Пѣвецъ Гермафродита, который все еще ждалъ, что его пригласятъ ко двору, вовсе не считалъ своимъ соперникомъ сравнительно молодого Валлу, котораго зналъ еще въ Римѣ. Последний получалъ ничтожное содержаніе, потому Беккаделли обѣщался доставить ему мѣсто профессора и хотѣлъ также уступить ему часть собственнаго жалованья ²⁾, по своей привычкѣ къ самохвальству. Мы не сомнѣваемся, что Валла исполнялъ свою обязанность усердно и приносилъ пользу учащимся. Впослѣдствіи въ Римѣ онъ доказалъ свое искусство въ этомъ отношеніи. Но онъ былъ авторъ книги о наслажденіи, еретикъ въ діалектикѣ. Онъ самъ повредилъ себѣ нападками на Бартоло, вооруживъ этимъ противъ себя юристовъ такъ что ему нельзя было оставаться въ Павіи. Черезъ два года Валла отказался отъ своей должности.

¹⁾ Becatelli epist. Gall. I, 16. 17. 21. 23. 24. 33. 36. 43. IV, 14. Colangelo p. 65 и письмо Беккаделли къ Барбавара p. 80. Но рѣчь въ Пьяченцѣ указываетъ Tomasius Bibl. Patav. p. 127. Она послужила поводомъ къ тому, что впослѣдствіи Беккаделли удостоился политическаго вѣнчанія въ Сіенѣ.

²⁾ Becatelli epist. Gall. III, 36 (1431 г.) изъ Страделлы близъ Павіи. Какъ высоко цѣнилъ онъ въ то время Валлу, показываетъ epist. Gall. III, 33.

Послѣ такихъ опытовъ съ вѣтреннымъ поэтомъ и запальчивымъ грамматикомъ, кажется, у герцога надолго прошла охота заботиться о преподаваніи гуманныхъ наукъ въ Павіи ¹⁾. И въ этомъ случаѣ приходится сознаться, что представители ихъ сами были виноваты въ этомъ. Богословы и юристы еще не выражали враждебнаго отношенія къ нимъ. Напротивъ профессора гражданского права, Като Сакко и Силано Негро сочувствовали гуманистическимъ стремленіямъ. Послѣдній даже велъ оживленную переписку съ нѣкоторыми изъ риторовъ и поэтовъ ²⁾.

Господство дома Висконти пало со смертью герцога Филиппа Маріи. Настало смутное время республики. Среди гражданъ свирѣпствовали раздоры партій; кромѣ того Миланъ постоянно тѣснили вѣшнія войны. Подобно нѣкоторымъ бывшимъ придворнымъ Филиппа Маріи, мы находимъ Дечембріо на службѣ у первенствующихъ лицъ республики. Поэтому при новой династіи онъ цѣлые годы не могъ явиться въ Миланъ.

Вообще во главѣ республиканскаго правленія стали нѣсколько лицъ считавшихся литераторами или по крайней мѣрѣ любителями литературы при дворѣ Висконти, «писакки», какъ ихъ называлъ гордый Филельфо. Ихъ дѣломъ былъ декретъ, данный отъ имени «сената и народа», въ силу котораго въ Миланѣ открывалась высшая школа. Сначала при этомъ имѣлась въ виду, быть можетъ, политическая цѣль: хотѣли закрыть университетъ въ Павіи, который не годился для республики. Но этому споспѣшествовала и та мысль, что республика должна оказать достойный почетъ наукамъ. Разумѣется, новый миланскій университетъ въ теченіи тридцатилѣтняго существованія республики едва былъ открытъ настоящимъ образомъ, не говоря уже объ его процвѣтаніи ³⁾.

Филельфо умѣлъ плыть по какому угодно теченію. Ему желалось бы промѣнять Миланъ, гдѣ еще не было надежнаго пріюта музъ во время упоенія свободой, на жизнь при дворѣ короля Неаполитанскаго Альфонса. Но такъ какъ его не выпускали изъ города, то онъ старался угодить всѣмъ партіямъ и претендентамъ. Онъ не желалъ говорить съ воинственными врагами республики,

1) Судя по Beccatelli epist. Gall. I, 25. III, 8. 10 въ то время и Маффео Веджіо жилъ въ Павіи, какъ студентъ правъ.

2) Еще въ 1417 г. онъ является профессоромъ въ Павіи. Blondus Italia ill. p. 365. Въ сочиненіи de vero bono Сакко является однимъ изъ собесѣдниковъ.

3) Saxius Hist. lit. typogr. Mediol. p. 87.

французами и венецианцами, и защищать господство народа, отъ котораго поэту, конечно, нечего было ждать. Вскорѣ онъ сталъ пѣть нѣжныя жалобныя пѣсни въ честь умершаго деспота, обратился къ Альфонсу, которому, какъ говорили, Филиппъ Марія завѣщалъ герцогство, и порицалъ неблагодарный народъ, который разрушилъ замокъ благороднаго герцога и ходилъ по улицамъ, подобно шайкѣ воровъ, шеголяя драгоценностями, украденными изъ дворца ¹⁾. А иной разъ онъ прославлялъ императора на тотъ случай, что, пожалуй, его притязанія на упраздненное герцогство будутъ имѣть успѣхъ, также канцлера Каспара Шлика, котораго онъ воображалъ всемогущимъ при дворѣ императора, чтобы онъ внушилъ своему повелителю быть щедрымъ меценатомъ. То наконецъ онъ убѣждалъ пріоровъ прекратить раздоры въ республикѣ и возстановить порядокъ, но во что бы то ни стало защищать независимость ²⁾. При этомъ онъ напоминалъ имъ о Кодрѣ и Горации Коклесѣ, потомъ упрекалъ знать и Карло Гонзагу, что они принимаютъ на службу бѣглыхъ писцовъ и кабатчиковъ и не выгоняютъ воровъ ³⁾. Но когда кровавыя распри навели страхъ на болѣе богатыхъ гражданъ, когда положеніе города, осаждаемаго войсками Сфорцы, становилось все затруднительнѣе, тогда Филельфо сталъ возлагать всю свою надежду на Сфорцу, которому счастье особенно улыбалось ⁴⁾. Теперь онъ утверждалъ, что вовсе не заботился такъ о республикѣ, чтобы его можно было обвинять въ этомъ. Онъ сидитъ дома, бесѣдуетъ только съ своими книгами, ни съ кѣмъ не говоритъ и ничего не знаетъ ⁵⁾. Но мы знаемъ тѣ его публичныя рѣчи, которыя онъ говорилъ въ качествѣ республиканца, и не въ первомъ только упоеніи свободы ⁶⁾. Онъ одинаково льстилъ какъ республиканскимъ правителямъ, такъ и претендентамъ. Это достаточно ясно изъ того, что ему дано было конфискованныхъ земель цѣнностью на 2000 цехиновъ, которыя впоследствии, конечно, опять возвратились къ прежнимъ владѣльцамъ ⁷⁾. Теперь, находясь во главѣ депутации изъ двѣнадцати гражданъ, онъ держалъ въ Монцѣ рѣчь къ Сфор-

1) Satyr. IX, 1. X, 1. 2.

2) Satyr. IX, 2. 6 7.

3) Satyr. X, 6—8.

4) Satyr. X, 9.

5) Его письмо къ адвокату Джіорджіо Плато отъ 27-го іюля 1449 г.

6) Saxius p. 180. Одну рѣчь, въ которой онъ убѣждаетъ защищать добытую свободу, онъ говорилъ 1-го ноября 1448 г., а другую подобнаго же содержанія еще 1-го іюля 1449 г.

7) Письмо Филельфо къ Чинго Симонетти отъ 17-го февраля 1451 г.

цѣ, въ которой повергалъ къ его стопамъ миланское герцогство ¹⁾. Кондотьеръ занялъ престолъ.

Герцогъ Франческо Сфорца былъ, конечно, совершенно другой человѣкъ, чѣмъ его тестъ, и правительственная система его была тоже другая. Тотъ былъ жалкимъ представителемъ угасавшей династiи, а этотъ—похититель престола и основатель новаго дома. Онъ выросъ въ лагерѣ, среди политическихъ интригъ. Своимъ возвышенiемъ онъ обязанъ былъ только себѣ. Судьба столь же часто была немилостива къ нему, какъ и улыбалась; онъ бралъ ее съ бою, потому что относился къ ней здраво. Толпа лейбмедиковъ, астрологовъ, поваровъ, шпионовъ, пажей и шутовъ, имѣвшихъ значенiе при дворѣ Филиппа Марiа, должна была теперь искать себѣ пропитанiя въ другомъ мѣстѣ. Франческо вѣрилъ въ свой здравый смыслъ, а не въ звѣзды ²⁾. Онъ смотрѣлъ на жизнь и на людей такъ, что при силахъ умственныхъ и физическихъ съ ними можно справиться, а все прочее предоставлялъ на волю Божiю. Такой человѣкъ все болѣе достигаетъ нравственнаго величiя по мѣрѣ усиленiя своего могущества. Какъ герцогъ, онъ могъ поступать съ зрѣлымъ размышленiемъ и не имѣлъ крайности приобѣгать къ вѣроломству. Онъ могъ быть тѣмъ милостивѣе и великодушнѣе, чѣмъ прочнѣе было его положенiе.

По своимъ умственнымъ наклонностямъ герцогъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанiя быть поклонникомъ музъ. Какое было дѣло ему, солдату, до классиковъ, до стиховъ и до латинскаго краснорѣчiя? Если бы кто и хотѣлъ прославлять его таланты, такъ развѣ только и могъ бы сказать про него, что онъ владѣеть природнымъ, солдатскимъ краснорѣчiемъ ³⁾. Онъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы съ суетнымъ наслажденiемъ слушать купленную лесть. Но герцогъ однако былъ выскочка, котораго поддержало общественное мнѣнiе; его отецъ былъ простой каменьщикъ, самъ онъ побочный сынъ, а его жена побочная дочь послѣдняго Висконти—слабая тѣнь законности наслѣдства. Онъ былъ на столько разсудителенъ, что не сталъ подвергать новымъ военнымъ опасностямъ прежняго приобрѣтенiя. Даже блестящiй дворъ вначалѣ былъ невозможенъ, потому

1) Philelphi Oratio parentalis de divi Francisci Sphortiae foelicitate, первая въ изданiи рѣчей.

2) Iohanni Simoneta, Historia de rebus gestis Francisci I Sphortiae ap. Muratori Scriptt. T. I, p. 779.

3) Simoneta l. c. Въ письмѣ отъ 1477 у Rosmini T. II, p. 329 Филелфо прямо привааетъ это: Et fuit sane Franciscus Sphortia quam plurimis insignis virtutibus, caeterum literaturae urbanioris et musarum ignarus. Pius Comment. p. 83 говорить, что онъ на мантуанскомъ конгрессѣ говорилъ militari eloquentia et verbis patris.

что, истощивши свои средства, онъ былъ обладателемъ тоже истощенной республики. Тяжелыхъ поборовъ онъ не могъ себѣ позволить. Но надобно было имѣть какое нибудь обаяніе власти въ глазахъ подданныхъ и сосѣднихъ державъ; безъ него не можетъ обойтись новая династія. Самое лучшее взять на жалованье какого нибудь глашатая славы и велѣть ему состряпать античное геройское украшеніе изъ разныхъ риторическихъ и поэтическихъ блестятокъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ облакахъ ениміама казаться новымъ Августомъ. Ни одинъ изъ его современниковъ не умѣлъ такъ вѣрно разсчитать, какое дѣйствіе произведутъ тѣ или другія умственные и нравственные средства. Онъ является горячимъ поклонникомъ искусствъ и наукъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ наслажденіи и пользѣ, какія они доставляютъ.

Особаго рода положеніе занялъ при дворѣ Сфорцы Калабриецъ Чикко (Франческо) Симонетта; занимая должность секретаря или совѣтника, онъ былъ меценатомъ при новомъ Августѣ, или почти тѣмъ же, чѣмъ Никколи при Козьмѣ Медичи. Такъ какъ самъ герцогъ не могъ имѣть никакого сужденія въ дѣлѣ литературы, то ему пужно было довѣренное лицо, хорошо знакомое съ этимъ предметомъ. Ему были посвящены нѣкоторыя сочиненія. Согласно тогдашнимъ условіямъ вѣжливости Дечембрио, прежде обнародованія своихъ трудовъ, присылалъ ихъ ему для просмотра и исправленія, даже переводы съ греческаго языка, хотя уважаемый покровитель совсѣмъ не зналъ этого языка. Намъ неизвѣстно, писалъ ли что нибудь оригинальное самъ Симонетта. Въ литературныхъ распряхъ, которыя возникали и при этомъ дворѣ, онъ являлся судьей. Его брату Джіованни, который былъ тоже секретаремъ герцога, мы обязаны объемистою исторіею Франческо Сфорцы ¹⁾.

Прежде всего герцогъ пригласилъ Гвинифорте да Варзиццу, который послѣ смерти Филиппа Маріи искалъ пристанища у маркграфовъ Монферратскихъ и Эсте. Онъ занималъ почетную должность секретаря у герцога до самой своей смерти. Въ то же время онъ былъ и учителемъ принца Галеаццо Маріи и маленькой Ипполиты по грамматикѣ и латинскому языку и сочинителемъ рѣчей, которыя они учились произносить еще въ дѣтствѣ ²⁾. Кромѣ того Константинъ Ласкарисъ училъ Ипполиту греческому языку ³⁾. Очевидно, новый герцогъ старался приготовить къ жизни своихъ дѣ-

¹⁾ Saxius p. 165. Посвященіе Бонапарту Пизано 1475 г. у Botfield Prefaces p. 156.

²⁾ Cf. Guinif. Barzizi Oratt. et Epistt. ed. Furiotto. Romae, 1723. p. 57. Pii II Orationes ed. Mansi T. II, p. 192. 194.

³⁾ Saxius p. 175.

тей лучше, чѣмъ самъ былъ приготовленъ. И Баттиста Сфорца, дочь брата его Алессандро и Констанціи да Варано, которая сочиняла итальянскіе и латинскіе стихи и говорила рѣчи, воспитывалась при миланскомъ дворѣ. 14 лѣтъ отъ роду она уже говорила прекраснымъ латинскимъ языкомъ и вела бесѣду, если въ замокъ отца ея въ Пезаро являлся кардиналъ, какой нибудь владѣтель или посолъ. Вышедши замужъ за герцога Федерико да Урбина, она однажды такъ краснорѣчиво говорила передъ Пиемъ II, что любезный папа сожалѣлъ, что не можетъ отвѣчать ей такъ же,

Нѣсколько грековъ, покинувшихъ свое отечество изъ страха турецкаго нашествія, были ласково приняты при миланскомъ дворѣ. Были приглашаемы учителя латинской грамматики и краснорѣчія. И республиканецъ Дечембріо возвратился около 1456 г. и примирился съ властью Сфорцы. Въ это время онъ служилъ секретаремъ у папъ Николая V и Каликста III и постарѣлъ. Въ Миланѣ онъ уже больше не поступалъ въ канцелярію, а преподавалъ языки латинскій и греческій, конечно, жалуясь на то, что счастье уже не улыбается ему такъ, какъ при Филиппѣ Маріи ¹⁾ Последніе годы его жизни были отравлены тѣмъ, что онъ опять встрѣтился съ своимъ прежнимъ врагомъ Филельфо. Они тотчасъ же начали соперничать и выпускать безпощадныя инвективы другъ противъ друга ²⁾. Дечембріо чувствовалъ въ себѣ талантъ быть исторіографомъ новой династіи. Теперь онъ могъ съ ужасающею вѣрностью изобразить характеръ Филиппа Маріи; это было вмѣстѣ съ тѣмъ и апологією его собственнаго образа дѣйствій во время республики. Тѣмъ ярче освѣтилъ онъ военные подвиги Сфорцы, восхвалялъ его великодушіе, доброту, счастье и его знаменитую фамилію. При этомъ онъ нашелъ случай уязвить тѣхъ, которые думали увѣковѣчить такіе славные подвиги какими нибудъ жалкими стихами ³⁾, слѣдовательно и ненавистнаго Филельфо, который написалъ Сфорціяду. Герцогъ и дворъ его ожидали, по видимому, славы въ потомствѣ только отъ этого Виргилія. Поэтому старый Дечембріо рѣшился тоже приняться за гекзаметры. Онъ уже написалъ больше 500 стиховъ, но дарованіе ли ослабѣло, или смерть прервала работу, только поэма не явилась въ свѣтъ ⁴⁾. Онъ умеръ 12 ноября 1477 г. на 78-мъ году жизни. Изваяніе на мраморной плитѣ надъ его прахомъ въ миланскомъ соборѣ изображаетъ его поучающимъ юношество съ каедръ. Такое

¹⁾ Его письмо въ секретарю герцога Транкедино у Mittarelli p. 875.

²⁾ Письмо Филельфо къ Чинко Симонеттѣ отъ 25-го февраля 1461 г.

³⁾ Decembrius Vita Franc. Sfortiae cap. 3 ap. Muratori Scriptt. T. XX.

⁴⁾ Его письмо къ Чинко Симонеттѣ у Saxius p. 177.

воспоминаніе сохранилось въ то время о немъ. А надгробная надпись гласить, что онъ оставилъ потомству больше 127 сочиненій, при чемъ не считаются написанныя на народномъ языкѣ. Это были сочиненія философскія, историческія, космографическія, антикварныя, по части грамматики, комментаріи, переводы съ греческаго языка, полемическія сочиненія, письма, рѣчи и разныя стихотворенія. Онъ и самъ не зналъ имъ, вѣроятно, счета. Уже къ 1461 г. онъ написалъ 84 книги, составившія девять томовъ; тогда онъ надѣялся еще написать десятый томъ и довести число книгъ до 100. Такъ какъ плодовитость не оставляла его и въ преклонныхъ лѣтахъ, то онъ написалъ гораздо больше, чѣмъ самъ ожидалъ. Но печати удостоились лишь немногіе его историческіе труды и переводы. Всѣ прочія сочиненія лежатъ въ бібліотекахъ, преданы забвенію или потеряны. Дечембрю не имѣлъ недостатка въ научномъ образованіи, но ему не доставало живости изложенія и блеска. Вѣроятно, его сочиненія были столь же поверхностны, какъ и многочисленны. Во всякомъ случаѣ онъ и въ жизни лишень былъ великаго таланта Филельфо заставить цѣнить себя ¹⁾).

Жертвою ненависти Филельфо былъ также Лодризио Кривелли ²⁾, который смолоду былъ ученикомъ Филельфо и тоже зналъ греческій языкъ. Сначала онъ служилъ секретаремъ у архіепископа миланскаго ³⁾. Около 1457 г. онъ занялъ видное положеніе при дворѣ герцога, быть можетъ, должность секретаря. Онъ написалъ жизнь старшаго Сфорцы, отца герцога, и ожидалъ, что ему предложатъ написать жизнь самого герцога. Хотя онъ въ своемъ сочиненіи отзывался съ похвалою о Сфорціадѣ Филельфо, однако послѣдній и къ нему почувствовалъ зависть и писалъ противъ него злыя инвективы, вслѣдствіе чего Кривелли счелъ за лучшее удалиться и въ 1458 г. поступилъ секретаремъ къ папѣ Пію II ⁴⁾. Нѣсколько позднѣе

¹⁾ О его надгробномъ памятникѣ и надписи см. Jovius *Elogia doctor. viror.* 15. Zeno *Diss. Voss.* T. I, p. 202. Saxius p. 293. 297, гдѣ говорится и о числѣ его книгъ.

²⁾ Это, конечно, тотъ же Лодризиусъ, о которомъ упоминаетъ Поджіо *epist.* VIII, 15 отъ 24-го января 1440 г.

³⁾ Письма Энея Сильвія къ нему отъ 26-го февраля и 22-го октября 1457 г.

⁴⁾ Сочиненіе *de rebus gestis Sfortiae* ap. Muratori *Scriptt.* T. XIX; во введеніи есть мѣсто о Филельфо. Муратори повторяетъ въ предисловіи сомнѣніе Салсія, не было ли двухъ Лодризио Кривелли, которое потомъ отвергъ Тирабоски. T. VI, p. 1081. Я полагаю, это основательно, потому что историческія сочиненія, переводы и хвалебныя рѣчи въ честь герцога Сфорцы принадлежатъ навѣрное миланцу. Напротивъ, сочиненіе *In Decretalium I et II Explanationes* имѣли, вѣроятно, авторомъ другаго Лодризио Кривелли, быть можетъ, того самого, о которомъ говорится въ эпитафіяхъ у Borsetti *Hist. Ferrar.* *gumn.* p. 1. p. 40, какъ о *iruriconsultus Ferrariensis*. О положеніи Миланца у Пія II ср. G. Voigt *Eneas Sylvio* Bd. III s. 614.

(1461—1466) секретаремъ у герцога Сфорцы служилъ Франческо Аккольти, соединявшій изученіе каноническаго права съ изученіемъ гуманитарныхъ наукъ ¹⁾).

Со вступленіемъ на престолъ Сфорцы и Филельфо вступилъ во второй періодъ своей жизни. Конечно, онъ остался такимъ же, только теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ ярче выступили другія черты его характера, который по истинѣ можно назвать типическимъ. Онъ мало по малу оставилъ литературную борьбу и сатиры, въ которыхъ изливалъ злобу на своихъ противниковъ, и столь же энергически принялся за ремесло искателя милостей и льстеца. Онъ тотчасъ же сталъ писать письма къ новому герцогу и превозносить его въ латинскихъ гекзаметрахъ. Былъ задуманъ планъ обширной героической поэмы, Сфорциады, вполне посвященной прославленію герцога и новой династіи. По мнѣнію поэта, она должна была затмить великую поэму Вергилія. Было рѣшено, что Филельфо останется и при дворѣ Сфорцы съ тѣмъ же жалованьемъ, какое онъ получалъ при послѣднемъ Висконти. Касса герцога была въ самомъ плачевномъ положеніи, и завѣдующій ею находить другія потребности важнѣе содержанія придворныхъ поэтовъ. Но Филельфо считалъ себя самымъ необходимымъ лицомъ для новаго правительства. Поэтому онъ сталъ просить у герцога обѣщаннаго жалованья и сверхъ того ссуды, въ 250 цехиновъ на которую онъ смотрѣлъ, какъ на подарокъ. Это ему нужно было для начатаго произведенія въ честь герцога. Поэтъ не долженъ обременять свой умъ заботами, а кромѣ того ему для работы нужны были нѣкоторыя книги, которыя отъ нужды пришлось заложить. Герцогъ тотчасъ же приказалъ было исполнить все, чего желаетъ поэтъ, однако изъ пустой кассы нечего было взять. «Съ яростью фуриі» обрушился Филельфо на кассира, который сообщилъ ему объ этомъ. и грозился чрезъ нѣсколько дней перейти на службу къ венеціанской республикѣ, съ которою Сфорца велъ войну. Безъ сомнѣнія, онъ лгалъ, утверждая, что дожъ предлагалъ ему 700 цехиновъ жалованья въ годъ. Замѣчательно, что герцогъ не только спокойно перенесъ эту выходку, но еще и называлъ Филельфо «дражайшимъ и милѣйшимъ». Онъ писалъ кассиру: «Мы не должны его лишаться ни въ какомъ случаѣ, а это непремѣнно будетъ, если онъ сочтетъ себя обманутымъ. Притомъ по недостатку требуемыхъ имъ 250 гульденовъ онъ не можетъ продолжать того прекраснаго произведенія, которое онъ началъ къ нашей славы ²⁾»).

¹⁾ Janus Pannonius epigr. I, 80.

²⁾ Документы и герцогскія письма отъ 29-го мая и 26-го іюня 1462 г. изъ *Registri ducali* миланскаго архива у Rosmini T. II, p. 294—300.

Филельфо очень хорошо зналъ мысли Филиппа Маріи: что скажетъ свѣтъ, если у великаго герцога нѣтъ или желанія или средствъ под-держивать отличныхъ людей. Самъ онъ, Филельфо, не дастъ пре-взойти себя благодѣяніями. Если онъ не могъ ничѣмъ отплатить тѣмъ, которые дѣлаютъ ему добро, то привыкъ предавать безсер-тію ихъ имя ¹⁾).

Поэту необычайно легко давалась Сфорціада: матеріалъ былъ подъ рукою, а собственныя измышленія его довольно слабы, только гексаметры писались легко. Однако онъ тянулъ эту работу нѣсколько лѣтъ и издавалъ ее отдѣльными пѣснями, чтобы между тѣмъ осно-вательно эксплуатировать прославляемаго героя. Сначала онъ хотѣлъ написать 24 книги, въ іюлѣ 1451 г. кончилъ первую и тру-дился надъ второю, въ 1455 г. были изданы и поднесены герцогу 5 книгъ. Но награда, вѣроятно, не соответствовала его ожиданію. «Герцогъ, сказалъ онъ тогда въ огорченіи, не особенно чтитъ Апол-лона и, кажется, не очень-то ждетъ продолженія; если дѣло будетъ такъ идти, то мнѣ придется разстаться». Онъ ограничилъ число пѣсенъ 20-ю, и потомъ 16-ю въ 12.000 стиховъ. Хотя онъ и го-ворить о строгомъ планѣ, однако, какъ видно, поэму можно было рас-тягивать и сокращать, смотря потому, какъ идетъ дѣло о наградахъ, и вся гармонія ея заключалась въ вѣрномъ счетѣ стиховъ. Въ апрѣлѣ 1463 г. онъ кончилъ первыя восемь книгъ, и въ нихъ было 6400 сти-ховъ. Повидимому, награда опять задержалась, потому что въ это время Филельфо предлагалъ свои услуги папскому двору. Сообщаютъ, что прибавилось еще три книги, но онѣ не были изданы, потому что со смертью герцога и самая Сфорціада потеряла всякій смыслъ ²⁾).

Въ то время, какъ поэма писалась, Филельфо постоянно говорилъ, что для нея нужны подготовительныя работы и что онъ чувствуетъ себя способнымъ къ этому труду только тогда, когда его дѣла идутъ хорошо. Его дѣла, дѣйствительно, шли хорошо, пока живъ былъ герцогъ. Корыстолюбивый ученый постоянно жаловался на недо-статки, и, быть можетъ, правда, что касса для него была скупѣе герцога, но посмотримъ, на какое мѣсто онъ хотѣлъ промѣнять Миланъ. Въ 1463 г. Венеціанцы хотѣли при посредствѣ Виссаріана пригласить его на службу республикѣ. Онъ отвѣчалъ, что науку,

¹⁾ Письмо Филельфо къ Барт. Корреджіо отъ 16-го октября 1451 г.

²⁾ Письма Филельфо къ Пьетро Томмазіо отъ 12-го іюня 1451 г., къ Бенкаделли отъ 15-го іюня 1456 г., къ Ліонардо Дати отъ 29-го октября 1464 г. Письмо къ Пьеро де Медичи отъ 17-го мая 1455 г. въ Archivio stor. Ital. 1878 p. 366. Сфор-ціада не напечатана. Рукописи у Saxius p. 178, первые 32 стиха у Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 129. Подробное содержаніе у Rosmini T. II, p. 158.

разумѣется, нельзя купить за деньги, но все таки онъ пріѣдетъ, если ему дадутъ 1200 пехиновъ ¹⁾).

Филельфо полагалъ, что сообразно съ своими великими талантами онъ долженъ и отъ жизни требовать многого. Еще когда онъ только что воротился изъ Константинополя и вся его семья состояла изъ жены и маленькаго сына, то и тогда держалъ четырехъ служанокъ и двоихъ служителей ²⁾). Въ то самое время, какъ ученый постоянно жаловался на крайнюю бѣдность, онъ держалъ шесть лошадей ³⁾). Роскошно жить, имѣть прекрасный столъ и лучшія вина—Филельфо считалъ необходимою потребностью такого человѣка, какъ онъ. Кромѣ того онъ любилъ отличное шелковое платье и дорогія шубы. Когда у него образовалась многочисленная семья, то онъ былъ того мнѣнія, что и для государей и для его вѣка будетъ величайшимъ позоромъ, если ученый принужденъ будетъ думать объ экономіи, а не презирать золото, какъ подобаетъ поэтамъ.

Филельфо стыдился нужды, но не стыдился попрошайничать. Слово деньги, которое вообще считается не поэтическимъ и не входитъ въ языкъ поэзіи древнихъ, у него то и дѣло встрѣчается и въ письмахъ и въ стихахъ. Другіе бѣдняки поэты сочиняютъ иногда стихи изъ за подарковъ, а у него вопросъ о подаркахъ и деньгахъ—главная суть поэзіи. То онъ жалуется, что ему нечего ѣсть, что заимодавцы не даютъ покоя, что его платье и книги постоянно въ залогѣ, а дочерей не съ чѣмъ выдать замужъ, то, если просьбы не помогаютъ, грозитъ покинуть Миланъ, искать мѣста при другомъ дворѣ, даже у турокъ, потому что въ Италиі не цѣнятъ «добродѣтель».

Трудно повѣрить, до чего могутъ доходить безстыдство и шарлатанство, когда шарлатанъ разсчитываетъ на общія людскія слабости. Къ послѣдней категоріи мы относимъ и безсмысленное желаніе, обаявшее въ то время умы владѣтельныхъ особъ, спастись отъ забвенія, быть увѣренными, что имя ихъ будетъ передано потомству и будетъ вѣчно въ устахъ людей, какъ тогда мечтали. Этимъ заблужденіемъ гуманисты и поэты злоупотребляли столь же безстыдно, какъ римская церковь отпущеніемъ грѣховъ. Своими стихами они такъ же открывали храмъ славы, какъ ключи Петра въ рукѣ папы отпираютъ врата рая. Филельфо былъ самый наглый торгашъ подобнымъ товаромъ, и эту торговлю вѣнками безсмертія онъ возвелъ въ правильную

¹⁾ Письмо его къ Виссаріону отъ 23-го декабря 1463 г. у Rosmini Т. II, р. 318.

²⁾ Его письмо къ Леонардо Джустиніани отъ 11-го октября 1427 г.

³⁾ Къ Бернардо Джустиніани отъ 23-го августа 1454 г.

систему. Твердо убѣжденный въ томъ, что его латинскія письма и стихи будутъ жить въ потомствѣ, онъ былъ столь же увѣренъ, что и похвальный или неодобрятельный отзывъ въ нихъ будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на мнѣніе этого потомства, упрочить славное воспоминаніе или предать вѣчному презрѣнію. Онъ постоянно проповѣдывалъ это ученіе, и ему вѣрили. Поэтому его безстыдное попрошайничество не только удовлетворяли, но и сопровождали лестными словами, которыя конечно ободряли его на новыя вымогательства ¹⁾.

Изъ писемъ Филельфо приведемъ рядъ фактовъ, ярко рисующихъ его образъ дѣйствій въ частности. Всего больше, конечно, онъ эксплуатировалъ герцога Франческо, герцогиню Бьянку и богатыхъ придворныхъ. Никакая лесть не обошлась имъ столь дорого какъ расточавшаяся въ Сфорціадѣ, и ни одну музу не считали нужнымъ до такой степени закармливать. Даже такіе придворные, какъ Чикко Симонетта и Никкола д'Арчимбалди, не могли не дарить поэту деньги, вино, съѣстные припасы и лошадей. Но и другія владѣтельные лица сколько нибудь раздѣлявшія мысль мепенатовъ о безсмертіи, были тоже жертвою подобнаго попрошайства. Лодовико Гонзага, маркграфъ мантуанскій, былъ во главѣ ихъ. Онъ уже не разъ и не напрасно осаждаемъ былъ просьбою о разныхъ суммахъ. Наконецъ поэтъ сообщилъ ему, что нужно 250 дукатовъ—на приданое для просватанной дочери. Но эту сумму онъ желаетъ получить отъ своихъ дорогихъ друзей, въ ряду которыхъ маркграфъ занимаетъ первое мѣсто. Поэтому онъ пошлетъ къ нему довѣренное лицо, которому маркграфъ вручитъ 50 дукатовъ, а поэтъ отплатитъ ему хвалебными стихами въ своей Сфорціадѣ ²⁾. Намъ изъ

¹⁾ Приведемъ лишь нѣсколько прищѣровъ, ихъ можно набрать цѣлыя сотни, особенно въ стихотвореніяхъ. Вотъ какъ обращается онъ къ Джентиле Симонетта:

Non ignarus ero; nam qui mea vota fovebunt,
Semper ego meritis prosequor hos titulis.

А къ герцогинѣ Бьянкѣ:

Non ignarus ero; nam me tua vate per omnes
Cognita venturis gloria tempus erit.

Совершенно теорически говорить онъ о себѣ и вообще о поэтахъ:

. . . . Nique animas possunt Acheronta sub imum
Trades quas etiam, si voluero, beant.

Rosmini T. II, p. 287. 288. 317.

²⁾ Филельфо къ маркграфу мантуанскому Лодовико отъ 22-го іюня 1453 г.

вѣстно, что маркграфъ не только тотчасъ же исполнилъ эту просьбу, но цѣлые годы дѣлалъ поэту подарки за то, что послѣдній увѣковѣчить его имя ¹⁾). Къ числу самыхъ дорогихъ друзей поэта, которымъ выпала честь собрать приданое для его дочери, принадлежалъ Людовико Скарампо, хищникъ въ кардинальской мантии. Онъ имѣлъ основаніе жертвовать на безсмертіе въ потомствѣ частью своихъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя много горя принесли другимъ. Ему предоставилъ Филельфо назначить сумму, когда нагло стучался въ его сундукъ со словами Евангелія: «Ищите и обряцете, просите и дастся вамъ ²⁾». Епископъ мантуанскій Галеаццо долженъ былъ дать взаимны сто дукатовъ—на приданое его дочери—извѣстно своеобразное понятіе Филельфо объ этой операци. Какъ видно изъ просительнаго письма Филельфо, раньше онъ совсѣмъ не зналъ его ³⁾. Спустя нѣсколько лѣтъ Филельфо опять выдавалъ дочь замужъ и на приданое не хватало 100 дукатовъ; на этотъ разъ ихъ удостоился чести дать взаимны Пьеро де' Медичи ⁴⁾.

Къ подобнаго же рода поборамъ прибѣгалъ поэтъ, если куданибудь собирался ѣхать или вообще сильно нуждался въ деньгахъ. Отчасти уже извѣстно, а отчасти мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ онъ выпрашивалъ лично подачи у самыхъ щедрыхъ государей, любителей литературы, у папы Николая V и Альфонса, короля неаполитанскаго. Въ 1459 г. онъ ѣздилъ изъ Милана въ Римъ—представиться новому папѣ Пію II и представить двухъ своихъ сыновей. Ученый по пути заѣхалъ въ Мантую къ маркграфу Лодовико, который «радъ былъ его видѣть и очень любезно принялъ», а потому и названъ былъ превосходнымъ государемъ по своей гуманности. Потомъ онъ явился къ герцогу Феррарскому Борзо, который «щедро одарилъ его». Въ благодарность за это поэтъ объявилъ въ своихъ безсмертныхъ письмахъ, что этотъ государь по истинѣ заслуживаетъ того, чтобы о немъ говорили всѣ народы и потомство: онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, а въ особенности возвышеннымъ умомъ и щедростью, тѣми двумя качествами, которыя непремѣнно должны имѣть знаменитые государи. Въ Чезенѣ Малатеста Новелло принялъ его «столько же по королевски, сколько и по философски». Въ Римини онъ посетилъ Гисмондо Малатесту Пандольфо; «гдѣ былъ принятъ весьма почетно, и ему оказали всѣ знаки любви». За это маркграфъ, какъ

1) Къ нему же отъ 8-го декабря 1457 г.

2) Филельфо къ кардиналу, патриарху Лодовико Авилейскому отъ 23-го іюня 1453 г.

3) Отъ 22-го іюня 1453 г.

4) Письмо Филельфо къ нему же отъ 17-го мая 1455 г. въ Archivio stor. Ital. 1878 p. 366.

человѣкъ необыкновеннаго ума и гуманнѣй, былъ прославленъ за великія и безчисленныя добродѣтели. Близъ Фоссомброне онъ случайно встрѣтилъ Джіакомо Пиччинино, кондотьера наемныхъ войскъ; послѣдній прислалъ къ ученому довѣреннаго человѣка въ гостиницу привѣтствовать его, а на слѣдующій день обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими дружескими словами, «оказалъ ему отличное расположеніе и исполнилъ все, чего требовали гуманность и любезность». Филельфо хвалился тѣмъ, что въ благодарности едва ли кто превзойдетъ его; теперь онъ назвалъ его за это Тидеешъ по тѣлесной силѣ, а по уму Алкидомъ ¹⁾.

Съ мелкими деспотами въ родѣ Гисмондо ди Пандольфо Малатеста, владѣтелемъ Римини, или Алессандро Сфорца, владѣтелемъ Пезаро, онъ сносился письменно изъ Милана. Когда послѣдній подарилъ ему краснаго сукна на платье, то Филельфо выпросилъ у него и мѣху на опушку ²⁾. Трудно было бы доказать, что маркграфы монферратскіе имѣли особенную любовь къ наукамъ. Но когда Филельфо засвидѣтельствовалъ маркграфу Джіованни III свою любовь и уваженіе, это значить, что удочка была закинута. А когда онъ благодарилъ его за оказанныя благодѣянія, послалъ ему одно изъ своихъ сочиненій и назвалъ его самымъ щедрымъ изъ государей, это былъ знакъ что рыба попалась ³⁾. Можно смѣло утверждать, что не было ни одного владѣтельнаго лица въ Италіи, къ которому Филельфо не поддѣлался съ своими изъявленіями уваженія, отъ котораго бы не получилъ любезностей и подарковъ ⁴⁾. Отъ его ухаживаній не спаслись и иностранные государи, даже сѣверные, которыхъ вообще не касалась новая литература.

Какъ замужство дочерей, такъ и желаніе пристроить сыновей стоило много заботъ Филельфо. Онъ и это считалъ долгомъ чести владѣтельныхъ лицъ. Любимцемъ его былъ Джіанмаріо, очень похожій на отца по способностямъ, живому уму, понятливости и трудолюбію, а также по легкомыслію и нахальству. Онъ былъ природный грекъ. Хризолорина родила его еще въ Византіи 24 іюля 1426 г. Юноша рано выучился у отца латинскому языку и такъ быстро,

¹⁾ По письмамъ Филельфо отъ 8—22 января 1459 г.

²⁾ Филельфо къ Кристофоро Марціано отъ 17-го августа 1454 г.

³⁾ Письмо Филельфо къ нему отъ 15-го мая 1454 г., отъ 2 іюня 1439.

⁴⁾ Это замѣчаніе сдѣлалъ еще Cortesius de homin doctis ed. Galletti p. 290: Sed erat vendibilis sane scriptor, et is, qui ope: quam scribendi laudem malebat. Constat enim neminem principum illis temporibus in Italia fuisse, quin adierit, quin eum scriptis salutaverit, ut ex his pecuniam erueret.

что старикъ видѣлъ въ немъ втораго Филельфо, слава котораго разнеслась по всему свѣту ¹⁾). Еще въ 1440 г. онъ послалъ его въ Византію учиться греческому языку у Аргиропуло, какъ когда-то самъ отецъ учился въ томъ же городѣ у Іоанна Хризолора. Но 15-ти лѣтній юноша не вынесъ строгой дисциплины своего учителя, вскорѣ оставилъ его и увлекся разгульной жизнью столицы. Отецъ не получалъ отъ него писемъ, а когда попросилъ Феодора Газскаго слѣдить за нимъ, то узналъ, что его любимецъ сильно повѣсничаетъ и задолжалъ ²⁾). Отецъ тотчасъ же велѣлъ ему возвратиться въ Италію, но сынъ пріѣхалъ лишь чрезъ нѣсколько времени, лѣтомъ 1442 г. Онъ, по видимому, теперь изучалъ право, но постоянно возвращался къ беспорядочной, бродячей жизни. Отецъ часто даже не зналъ, гдѣ его искать. Въ 1449 г. онъ пристроилъ его у герцога феррарскаго Борзо, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Маріо былъ опять въ Миланѣ, а потомъ снова ячезъ. Въ 1554 г. отецъ упросилъ герцога савойскаго Лодовико дать мѣсто молодому поэту-юристу. Однако и у него онъ не могъ долго оставаться, хотя здѣсь его почтили лавровымъ вѣнкомъ, какъ поэта. Мы не будемъ рассказывать о томъ, какъ молодой человекъ ѣздилъ въ Парижъ и другія мѣста, потомъ по нѣсколькѣ лѣтъ опять пропалъ отъ отца. Какую жизнь онъ велъ въ это время, видно изъ того, что отецъ писалъ ему письма на тосканскомъ нарѣчій греческими буквами, «чтобы они не дошли до потомства». Сынъ отвѣчалъ на упреки отца тѣмъ, что смѣялся надъ его дряхлостью и т. п. ³⁾ Надобно замѣтить, что онъ былъ такой писатель и въ прозѣ и стихахъ, что по плодовитости могъ спорить съ старикомъ. Онъ считался такимъ же умнымъ и образованнымъ, какъ старый Филельфо. Но тѣ таланты, которыми прославился его отецъ, уже во второмъ поколѣніи начали вырождаться, такъ что сынъ не стяжалъ ими громкой славы. Поэтому Маріо Филельфо мало обращалъ на себя общественное вниманіе, а вскорѣ о

¹⁾ Вотъ стихи, приведенные у Saxius, p. 179:

Nate Mari, vita mihi carior, una voluptas
Spesque patri, praecepta sequi si nostra Philelphe
Perges, te magnum reddes nobisque tibi que
Illustrumque virum etc.

²⁾ Письма на греческомъ языкѣ къ Маріо, Феодору Газскому и Аргиропуло отъ 13-го апрѣля 1441 г. въ вольфенбюттельскомъ спискѣ fol. 10. 11. 42, а письмо къ Маріо есть еще въ fol. 45.

³⁾ Письмо Филельфо къ Маріо отъ 13-го ноября 1472 г.

немъ и совсѣмъ забыли. Когда началось книгопечатаніе, то его уже оставили въ покоѣ ¹⁾.

Но и старому Филельфо пришлось пережить разрушеніе своихъ плановъ и теорій, именно спекуляція вѣнками безсмертія. Хотя онъ и въ старости сохранилъ еще увѣренность, что на свѣтѣ есть только одинъ Филельфо, хотя въ притязаніяхъ своихъ онъ скорѣе сталъ наглѣе, чѣмъ скромнѣе, однако слава его стала быстро меркнуть. На закатѣ дней, когда уже у него было множество дѣтей отъ трехъ женъ, иногда передъ нимъ являлся ужасающій призракъ дѣйствительной нужды, на которую ученый до того времени жаловался лишь притворно. Послѣ смерти герцога Франческо онъ опять лишился пріюта и долженъ былъ странствовать по свѣту, какъ во дни своей юности. Онъ напрасно искалъ прочнаго положенія въ Болоньѣ, Сіенѣ и Павіи. 83-хъ лѣтній старецъ почелъ за счастье для себя, что его еще разъ пригласили наставникомъ греческаго языка во Флоренцію. Впрочемъ въ скоромъ времени послѣ своего пріѣзда туда онъ умеръ 31 іюля въ печальномъ положеніи, — въ томъ самомъ городѣ, въ который пріѣхалъ назадъ тому 42 года, съ торжествомъ ученаго и литературнаго триумфатора.

Теперь мы должны обратиться къ мелкимъ владѣтельнымъ дворямъ и тѣмъ династамъ, которые въ качествѣ меценатовъ стремились идти по слѣдамъ короля Неаполитанскаго и герцога миланскаго и даже превосходили ихъ, если принять во вниманіе ихъ ничтожныя средства. Тутъ передъ нами въ болѣе яркомъ свѣтѣ являются и направленіе и склонности вѣка, такъ какъ на малой аренѣ все это гораздо рельефнѣе выступаетъ. Какъ ничтожны сами по себѣ мантиуанскіе Гонзаги и что могла бы сообщить всемірная исторія о Джіанѣ Франческо II, который возвелъ свой родъ въ маркграфское достоинство бывши простымъ сибьоромъ! Но съ его именемъ связано основаніе первой гимназій новаго времени; при его дворѣ жилъ и подвизался Витторино, великій школьный учитель, основавшій упомянутый нами пріютъ наукъ и руководившій имъ. Онъ вновь оживилъ школу плодотворнымъ духомъ древности. Правда, Витторино не написалъ ни одной книги, ни одного мелкаго сочиненія, но имя

¹⁾ Guill. Favre Vie de Jean Marius Filelfe (написано въ 1810 г.) въ его *Mélanges d'histoire littéraire*, T. I Genève 1856, въ своихъ обширныхъ и тщательныхъ изслѣдованіяхъ спасъ его отъ забвенія. См. Rosmini Vita di Franc. Filelfo T. III.

его произносилось съ глубокимъ уваженіемъ во всей Италіи и за предѣлами ея. Быть можетъ, это былъ единственный изъ представителей гуманизма, никогда не имѣвшій враговъ. Никто не рѣшался умалять его заслугъ; его хвалять даже придиричивый Никколи и завистливый Филельфо ¹⁾).

Сынъ бѣднаго переписчика, едва зарабатывавшаго на насущное пропитаніе своей семьи, Витторино Рамбальдони родился около 1378 г. въ Фельтре, слѣдовательно въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Учасъ въ падуанской высшей школѣ, онъ и самъ долженъ былъ преподавать. Витторино слушалъ пропедевтическія отрасли, логику, физику и этику, а также и лекціи по риторикѣ Джіованни да Равенна, можетъ быть также и Гаспарино да Варзицца. У него явилось особое влеченіе къ математикѣ, которая имѣла въ Падуѣ представителя въ лицѣ Віаджіо Пелакани, написавшаго много сочиненій. Но онъ былъ совершенно непонятенъ для бѣдныхъ студентовъ, и вообще такой вялый преподаватель, что его должны были уволить отъ должности, какъ человѣка бесполезнаго ²⁾. Такъ какъ онъ не въ

1) Ambros. Travers. epist. VIII, 2. Письмо Филельфо къ Като Сакко отъ 28-го сентября 1440г.—Нѣсколько учениковъ Витторино, писали его біографію или панегирикъ ему. Главный изъ нихъ, написанный еще при жизни наставника, принадлежитъ Сассоло да Прато, который шесть лѣтъ пробылъ въ учрежденіи и о которомъ я говорю подробно въ текстѣ. Его характеристика въ письмахъ у Martene et Durand Collect. amplius. Т. III, p. 841 seq. Второй—Франческо деКастильоне, который пробылъ восемь лѣтъ въ школѣ и потомъ былъ секретаремъ архіепископа флорентинскаго Антоніно и профессоромъ тамъ же († 1484). Извлеченія изъ его Vita Victorini Feltrensis, приложенной къ Prologus къ Vita Antonini archiep. Florent., есть у Bandini Catal. codd. lat. Т. III p. 415 Leg. и напечатаны у Mehus Vita Ambr. Trav. p. 408. Третій и самый подробный это—мантуанца Franc. Prendilacqua Vita Vittorini Feltrensis ed. Abb. N. della Laste, Patavi 1774, книга рѣдная, которая вышла въ итальянскомъ переводѣ Брамбиллы, Комо 1871. Прямой ученикъ Витторино—Джіованни Андреа, епископъ аверійскій, который въ своему римскому editio princeps Ливія приложилъ похвалу Витторино, но уже указываетъ на своего сотоварища Сассоло. Предсловіе напечатано у Quirinus de opt. script. ed. rec. Schelhorn p. 150 и у Botfield. Preface p. 91. Напротивъ Плотина хотя и зналъ Витторино, но не учился у него, а ученикъ его ученика Онъибене изъ Виценцы, почему онъ называетъ Витторино своимъ avus—in successione disciplinarum. Самъ Онъибене написалъ только Threnus in Victorinum Feltrensem, узванный Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. Т. VI. p. 187. Его Vita Vict. Feltr. напечатанъ у Vairani Crem. mon. P. I. p. 14 seq. Не лишено значенія и Vespasiano Vitt. da F., такъ какъ онъ получалъ свѣдѣнія отъ ученика его Грегорио Корраро.—Изъ новыхъ сочиненій Rosmini Idea dell'otimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de'suoi discipali; Bassano 1801, какъ и всѣ сочиненія отличнаго ученаго, превосходно обработано, такъ что мириться и съ его длиннотою. О популярно-педагогическихъ извлеченіяхъ я не говорю. Полезны сообщенія изъ архивныхъ актовъ Мантуи у Davar Notizie Stor. a studio pubbl. ed. ai maestri—che tennero scuola in Mantova, Mantova 1876.

²⁾ Подробнѣе о Пелакани у Affò Memorie d. Scritt. Parmig. Т. II p. 108. Въ 1400 г. онъ былъ приглашенъ въ Падую и уволенъ 15 октября 1411 г., quod minus aptus ad

состояніи былъ помогать Витторино, то послѣднему ничего больше не оставалось, какъ взять Эвклида и работать самому, и онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что впоследствии самъ могъ быть преподавателемъ. При этомъ юноша имѣлъ склонность и къ тѣмъ упражненіямъ, которыя укрѣпляютъ тѣлесныя силы и служатъ развлеченіемъ въ молодые годы. Онъ упражнялся съ товарищами въ бѣгъ, прыганьи и метаньи копья, кромѣ того воспѣвалъ свою возлюбленную въ латинскихъ и итальянскихъ стихахъ.

Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ отправился въ Венецію, гдѣ въ промежутокъ отъ 1414 г. до 1418 г. старался содержать себя преподаваніемъ латинскаго языка, но училъ и даромъ бѣдныхъ дѣтей. Здѣсь онъ встрѣтился съ Гварино, который былъ гораздо старше его, и съ молодымъ Филельфо. Первый училъ его греческому языку, которымъ потомъ онъ самъ ревностно занимался и достигъ основательныхъ свѣдѣній. Вызванный въ Падую, онъ преподавалъ и тамъ вѣскольکو лѣтъ реторику и философію, кажется, за ничтожное публичное вознагражденіе ¹⁾. Тамъ же Витторино положилъ основаніе своей репутаціи трудолюбиваго и хорошаго наставника, отсюда же былъ приглашенъ въ Мантую.

Въ Мантуѣ и раньше преподавались высшіе курсы наукъ. Еще въ 1398 г. приглашенные наставники читали для сыновей болѣе знатныхъ гражданъ лекціи по грамматикѣ и логикѣ, а магистръ Вентурино по праздникамъ объяснялъ *Виргилію*, о которомъ здѣсь никогда не забывали ²⁾. Маркграфъ Джіанъ Франческо, разумѣется, былъ прежде всего по натурѣ солдатъ и довольно часто упоминается историками въ качествѣ предводителя войскъ. Но онъ интересовался также науками и искусствами. Есть одинъ сонетъ, приписываемый ему. Онъ также любилъ исторію. Это доказывается тѣмъ, что маркграфъ предложилъ *Лионардо Бруни* выразить свое мнѣніе о происхожденіи Мантуи. Это и было поводомъ къ извѣстному сочиненію послѣдняго ³⁾. Альберти подарилъ ему латинскій переводъ своего сочиненія о живописи ⁴⁾. Когда сыновья маркграфа подросли, то кромѣ домашняго образованія они должны были получить и научное въ школѣ. Прежде всего

docendum videretur, eiusque schola auditoribus careret. Этими опредѣляется и время ученія Витторино въ Падуѣ.

¹⁾ См. выше стр. 391—402.

²⁾ Davari p. 4.

³⁾ Напечатано какъ *epist.* X, 25 ed. Mehus съ посвященіемъ Джіанфранческо отъ 27 мая 1418 г.

⁴⁾ Письмо съ посвященіемъ въ книгѣ Альберти, *Kl. Kunsttheoret. Schriften*, herausg. v. Janitschek v. 254.

Гонзага обратился къ Гварино, предлагая ему хорошее помѣщеніе, приличное жалованье и столъ при дворѣ. Но въ то время Гварино жилъ счастливо на своей родинѣ въ Веронѣ и ограничился тѣмъ, что поблагодарилъ маркграфа за его лестное мнѣніе о себѣ ¹⁾.

Съ Витторино Гонзага велъ переговоры чрезъ одного венеціанскаго патриція и довольно долго. Дѣло въ томъ, что ученый, жившій съ сихъ поръ въ республикѣ, чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе къ дворамъ и къ придворной жизни. Но ему оказали очень ласковый приемъ и предложили къ его услугамъ все, что нужно для его дѣятельности. Уже былъ выстроенъ школьный домъ (*seminarium*), въ которомъ наставникъ долженъ былъ жить съ сыновьями маркграфа и ихъ товарищами. Онъ находился недалеко отъ дворца, но вдали отъ городского шума, на берегу небольшого озера, на зеленомъ лугу, изрѣзанномъ красивыми дорожками, на которомъ дѣти могли играть. Въ домѣ были и галереи, и залы, и фонтаны, прекрасно устроенные, а стѣны залъ украшены картинами играющихъ дѣтей и т. п. Есть извѣстіе, что граждане называли этотъ домъ *casa giocosa* (веселый домъ) ²⁾, очевидно потому, что молодежи тамъ весело жилось. Витторино нашель, что все ужъ черезъ чуръ пышно и роскошно устроено, а знатные питомцы, которые должны быть школьными товарищами принца, слишкомъ щеголеваты и избѣжены, притомъ избалованы. Онъ выбралъ самыхъ благонадежныхъ изъ нихъ и постарался отдѣлаться отъ остальныхъ. Къ воротамъ дома былъ приставленъ вѣрный сторожъ, который никого не выпускалъ и не впускалъ безъ позволенія начальника (ректора).

Здѣсь была школа для принцевъ и для дѣтей придворныхъ. Но ни этимъ, ни своею ближайшею обязанностью усердный наставникъ не хотѣлъ ограничиться. Сердечная доброта и чувство благотворительности заставили его сдѣлать гораздо больше этого. Такъ нерѣдко поступаютъ именно тѣ люди, которые сами провели учебные годы въ борьбѣ съ бѣдностью и нуждою. Сюда являлись ученики всѣхъ сословій, изъ всѣхъ уголковъ Италіи и изъ другихъ странъ, и Витторино съ радостью принималъ бѣдныхъ мальчиковъ. Онъ не только училъ ихъ, но также одѣвалъ, кормилъ, снабжалъ книгами и всѣмъ необходимымъ, часто даже поддерживалъ ихъ неимущихъ родителей. Такимъ образомъ въ училищѣ иногда набиралось до 70 учащихся. Тутъ были дѣти изъ знатныхъ венеціанскихъ домовъ, сыновья

1) Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 15.

2) Въ актѣхъ онъ называется *domus Jocosa* или *la Jocosa*. Впослѣдствіи онъ назывался *Ginnesio letterario* и наконецъ *Accademiola S. Georgi*. О положеніи дома см. Rosmini p. 72. Davari p. 19.

зажиточныхъ людей, за которыхъ платили, вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми, которыхъ Витторино принималъ изъ состраданія. Для этой цѣли былъ выстроенъ домъ по близости съ школою, большой воспитательный пріютъ. Какъ въ отношеніи преподаванія, такъ и во всемъ прочемъ онъ слился со школою. Въ дѣлѣ благотворительности Витторино нашелъ горячее и дѣятельное сочувствіе въ маркграфѣ, а быть можетъ еще болѣе въ маркграфинѣ Паолѣ изъ дома Малатеста. Онъ жилъ съ своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, и отдавалъ все, что у него было, такъ какъ самъ почти ни въ чемъ не нуждался ¹⁾. А казначею двора было приказано выдавать ему требуемыя суммы, или наставникъ обращался съ своею добродушною улыбкою къ маркграфу, говоря, что онъ на столько-то сотъ гульденовъ истратилъ больше, и «маркграфъ, вѣроятно, будетъ такъ добръ, что приметъ ихъ въ счетъ». Впослѣдствіи это дѣлалось безъ всякихъ объясненій.

Въ оба заведенія Витторино пригласилъ нѣсколькихъ наставниковъ, которые преподавали грамматику, логику, ариметику и метафизику ²⁾, также учителей живописи, музыки, верховой ѣзды и игры въ мячъ. Кромѣ того постоянно являлись греки, которые отчасти учили своему языку, отчасти переписывали греческія книги и съ своей стороны учились латыни. Изъ этой школы вышло нѣсколько знаменитѣйшихъ гелленистовъ: Федоръ Гааскій, Георгій Трапезунтскій, позднѣе Григорій Тиферна ³⁾. Вмѣстѣ со школою возникла и библиотека дома Гонзага, въ которой Траверсари въ свой пріѣздъ нашелъ такъ много новаго для себя по части латинской, а въ особенности греческой литературы: отдѣлъ послѣдней заключалъ въ себѣ около 30 томовъ. Эти сокровища, которыми завѣдывалъ Витторино, охотно давались научнымъ изслѣдователямъ, такъ что всегда можно было обращаться за нужными книгами ⁴⁾.

Самъ Витторино былъ не только главою этихъ учрежденій, но душею ихъ, все проникавшею и оживлявшею. Безъ него школа была—ничто, но для него въ школѣ заключалось все. Этотъ маленькій, тщедушный, весьма живой человѣчекъ съ веселымъ лицомъ, который

1) Hospes ille, quinimmo pater pauperum studiosorum, humanitatis suscitator—divitiarum contemptor, ingeniorum sublevator, такъ называетъ его епископъ азерійскій.

2) Нѣкоторыхъ грамматиковъ называетъ на основаніи автовъ Davari p. 5.

3) Послѣдній уже послѣ смерти Витторино, какъ видно изъ письма Бьондо къ маркграфу Лодовико отъ 26-го декабря 1461 г. въ Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 120. Георгій Трапезунтскій посвятилъ Витторино небольшое сочиненіе de artificio Ciceronianae orationis pro Q. Ligario, въ которомъ его называетъ отцомъ, а себя его питомцемъ. Нодий p. 103.

4) Ambros. Travers. epist. VIII, 50. 51. Ego же Hodoeporicon p. 34. Davari p. 6. Rosmini p. 176.

плакалъ только отъ радости и соболѣзнованія, сердился лишь на безнравственныхъ, да и то это были вспышки. Эта мягкая натура, казавшаяся столь кроткою, обнаруживала необычайную энергію въ сферѣ педагогической дѣятельности. Распоряженія и желанія Витторино такъ свято соблюдались учениками и учителями, что всѣ безпрекословно повиновались ему. И онъ достигъ этого благодаря почти только своему самоотверженію и преданности дѣлу. Въ характерѣ его не было ничего монашескаго, но онъ остался холостякомъ. Когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть такихъ же сыновей, какъ онъ, то наставникъ обыкновенно говорилъ, намекая на учащееся юношество, что у него и безъ того много дѣтей. Лично Витторино былъ человѣкъ, довольствовавшійся весьма немногимъ: и лѣто и зиму онъ носилъ одно и то же платье, чтобы имѣть возможность одѣвать бѣдныхъ учениковъ, и столь же неприхотливъ былъ въ другихъ отношеніяхъ. Годичное свое содержаніе отъ 240 до 300 гульденовъ онъ обратилъ въ благотворительный фондъ; жилище, столь и, что всего важнѣе, книги были на попеченіи маркграфа. Единственною его отрадою въ жизни былъ садикъ съ нѣсколькими виноградными лозами и домикъ на возвышеніи Ціэтоле, «холмъ Виргилія», гдѣ по преданію родился пѣвецъ Энеиды. Здѣсь, въ классическомъ уголкѣ, посѣтилъ его однажды Чириако анконскій, неутомимый путешественникъ-ислѣдователь ¹⁾. Витторино, насколько мы знаемъ, никогда не чувствовалъ потребности видѣть свѣтъ. Однако два онъ былъ во Флоренціи, возвращаясь изъ Рима въ сопровожденіи маркграфа Паоло и принца Карла.

Онъ не сочувствовалъ той дѣятельности гуманистовъ, какую они обнаруживали во Флоренціи, Неаполѣ и другихъ мѣстахъ. Витторино видѣлъ, что между современными ему итальянскими учеными едва ли есть одинъ, который бы не нападалъ на другихъ, или противъ котораго не писались бы инвективы. Поэтому онъ не желалъ выступать на литературное поприще. Самъ Витторино ничего не написалъ кромѣ писемъ и рѣчей и вообще ничего не издалъ. Онъ былъ далекъ отъ желанія литературной славы. Скромникъ этотъ былъ того мнѣнія, что по всѣмъ отраслямъ достаточно и даже въ избыткѣ написано древними, впрочемъ говорилъ также, что лучше хорошо поступать, чѣмъ хорошо писать. Литературнымъ трудамъ другихъ, а въ особенности своихъ учениковъ наставникъ радовался безъ всякаго отгѣнка зависти. Развлеченій онъ не любилъ и свои педагогическія занятія считалъ развлеченіемъ, а не трудомъ. Онъ никогда не бывалъ болѣнъ почти до конца своей жизни. Еще подъ семьдесятъ лѣтъ Витторино

¹⁾ Kyriaci Itin. ed. Mehus p. 28.

былъ въ состояніи заниматься съ учениками отъ шести до семи часовъ кряду съ полной энергіей. Здоровье у него было очень крѣпкое.

Конечно, трудно было избавить Витторино отъ бѣдности и отъ долговъ. При своемъ добромъ, нѣжномъ сердцѣ онъ никогда не умѣлъ распорядиться деньгами. Добрякъ помогая больнымъ, былъ всегда готовъ пособить, чѣмъ могъ, бѣднымъ сиротамъ и вдовамъ. Часто онъ ставилъ себя въ затрудненіе поручительствами, которыя такъ охотно давалъ за такъ называемыхъ друзей. Фамилію Гонзаго совсѣмъ нельзя винить въ скупости. Отъ Джіанфранческо наставникъ получилъ усадьбу въ Ривальта, кромѣ того льготу отъ податей для всѣхъ живущихъ на его землѣ ¹⁾). А послѣ смерти маркграфа преемникъ его Лодовико относился съ такимъ же почетомъ къ старому наставнику; при входѣ его онъ вставалъ. А Карло, другой сынъ маркграфа, подарилъ ему землю въ потомственное владѣніе ²⁾). Однако на имѣніи Витторино, когда онъ умеръ, выросло столько долговъ, что родственники его отказались отъ наслѣдства.

Новый элементъ въ учрежденіи Витторино—это былъ античный духъ, который вступилъ здѣсь въ союзъ съ духомъ христіанства. По порядкамъ и по предметамъ преподаванія, это не была мрачная и однообразная монастырская школа, не душной казематъ Орбилія ³⁾). Тутъ предполагалось учить въ духѣ юношески-живаго рвенія, съ которымъ гуманисты изучали веселую древность. Тутъ вполне примѣнялось положеніе Платона, что свободнаго человѣка должно воспитывать свободно, безъ насилія, и проводилась та мысль, что духъ слѣдуетъ многосторонне развивать, а не подавлять. Имѣлись въ виду преимущества античнаго воспитанія передъ монастырскимъ, и педагогическими руководствами были: небольшое сочиненіе Плутарха о воспитаніи и Квинтиліанъ, а идеаломъ—афинскій гимназій. Съ другой стороны Витторино былъ чуждъ языческихъ увлеченій. Напротивъ онъ стремился къ строгой религіозности. Всѣ правила церкви выполнялись строго. Передъ столомъ и послѣ стола ученики молились, а во время стола читалось священное писаніе. Старшіе ученики по уставу должны были поститься, каждое утро быть у обѣдни, каждый мѣсяцъ говѣли у монаховъ, блюстителей устава ⁴⁾). Вообще Витторино и вѣ школы былъ горячій приверженецъ этихъ монаховъ, самыхъ

¹⁾ Davari p. 7.

²⁾ Документъ отъ 12 марта 1445 г. у Rosmini p. 174.

³⁾ Орбилій школьный учитель, у котораго учился римскій поэтъ Гораций.

Црим. Шер.

⁴⁾ Vespasiano Vittorino p. 2: La casa suo era uno sacrario di costumi, di fatti e di parole.

благочестивыхъ между благочестивыми. Онъ хотѣлъ достигнуть того, чтобы въ Мантуѣ не было ни одного монастыря, ни мужскаго, ни женскаго, который не слѣдовалъ бы этому направленію. Тутъ наставникъ видѣлъ связь съ соблюденіемъ правилъ въ своемъ учрежденіи.

Въ школѣ, по правилу, во все время учебныхъ занятій учениковъ чередовались съ тѣлесными упражненіями. Строго соблюдались часы, назначенные Витторино для занятій и для отдыха. Рядомъ съ ученіемъ шли игры и упражненія на свѣжестъ воздухѣ, служившія для укрѣпленія тѣла и для приученія его къ холоду и жару. Ученики каждый день упражнялись въ бѣгѣ, борьбѣ, плаваньи, верховой ѣздѣ, игрѣ въ мячъ и стрѣльбѣ изъ лука, и каждый принималъ во всемъ этомъ участіе—смотря по своимъ склонностямъ и по тому роду жизни, къ которому готовился. Иногда даже дозволялось охотиться и ловить рыбу. Или мальчики дѣлились на двѣ партіи, которыя сражались между собою, брали крѣпости, такъ что далеко раздавался громкій крикъ ихъ и поднимались къ небу столбы пыли. Лѣтомъ дѣлались экскурсіи въ Верону, къ Гардскому озеру и на Альпы. Юноши, имѣвшіе способности, обучались также у особыхъ учителей музыки, пѣнію или живописи ¹⁾).

Именно неразлучное сообщество учениковъ въ лицеяхъ и на сборищахъ требовало строгой дисциплины. Въ этомъ отношеніи Витторино былъ неподробенъ. Онъ сердился на неряшливыхъ, лѣнивыхъ и угрюмыхъ мальчиковъ, также на тѣхъ, которые имѣли слабость щеголять прическою, какъ женщины, любили духи и наряды. Наставникъ могъ сильно разбранить, какъ это нерѣдко бываетъ свойственно именно лучшимъ педагогамъ. Но всего больше онъ сердился на лгуновъ и на тѣхъ, кто позволялъ себѣ нескромныя выраженія или непочтительно отзывался о религіи. Строго наказывалъ онъ за брань и за кощунство. Принцъ Карлъ, человекъ уже взрослый, только однажды позволилъ себѣ это. Тогда Витторино позвалъ его къ себѣ во время игры въ мячъ и далъ здоровую пощечину при всѣхъ. Но вообще ученики никогда не подвергались тѣлесному наказанію, исключая особыхъ случаевъ. Въмѣсто этого употреблялись мѣры нравственныя. На мальчиковъ постарше лѣтами воспитатель старался дѣйствовать строгимъ взглядомъ, недовольною миною, укоризною. Любимыхъ питомцевъ онъ награждалъ при выходѣ книгами ²⁾). Эта любовь

¹⁾ *Haec quae in re, ut in ceteris, Atticos doctores imitatus*, говоритъ Платино.

²⁾ Такъ *Bandini Catalogus codd. graec.* Т. II упоминаетъ объ одной книгѣ, содержащей въ себѣ большую часть сочиненій Ксенофонта, съ надписью: *Hunc librum Saasulo pratensi* (это биографъ Витторино, о которомъ мы упоминали выше), *et discipulo et filio*,

связывавшая взаимными узами учениковъ съ наставникомъ, значительно пережила его въ сердцахъ первыхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ сами ученики, отзывающіеся о немъ весьма похвально въ письмахъ.

Метода преподаванія Витторино была проста и безыскусственна, всегда принаровлена къ возрасту учащихся и къ учебному предмету; тутъ не было ни картинъ, ни изысканныхъ выраженій. Онъ прежде всего старался о томъ чтобы его всѣ понимали, думалъ только о своихъ питомцахъ. Самъ онъ училъ латинскому и греческому языку въ старшихъ отдѣленіяхъ. Витторино упражнялъ учениковъ въ громкомъ и внятномъ чтеніи и при этомъ настаивалъ на вѣрномъ, благозвучномъ произношеніи. Ученики также должны были заучивать наизусть лучшія мѣста изъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ. Ораторскія упражненія устраивались по образцу древнихъ риторскихъ школъ: дѣти учились обрабатывать вымышленные сюжеты, такъ что они говорили рѣчи или передъ воображаемымъ судомъ, или передъ сенатомъ, или передъ народнымъ собраніемъ. Лучшею работою по греческому языку считался хорошей переводъ съ греческаго, сдѣланный изящнымъ латинскимъ языкомъ, а высшимъ достоинствомъ послѣдняго—искусное изложеніе. У старика текли слезы отъ радости, когда какойнибудь способный мальчикъ чтонибудь писалъ вполне изящно въ прозѣ или стихахъ. Кромѣ этого постоянно объяснялись классики, притомъ съ каеэдръ, совершенно такъ же, какъ въ университетѣ, публично или частнымъ образомъ. Изъ древнихъ поэтовъ на первомъ планѣ стоялъ *Виргилій*, котораго Витторино готовъ былъ предпочитать даже Гомеру по тщательной отдѣлкѣ стиха. Любили также читать *Лукана*. Напротивъ чтеніе элегическихъ поэтовъ по ихъ нескромности Витторино считалъ опаснымъ для нравственности своихъ питомцевъ. *Овидій* считалъ хотя непристойнымъ поэтомъ, но увлекательнымъ, и нѣкоторыя изъ его произведеній постоянно читались. Изъ сатириковъ онъ выбралъ *Персія* и *Горація*, лирическія стихотворенія котораго высоко цѣнилъ. Наставникъ уважалъ также *Плавта* и *Теренція*, какъ представителей извѣстнаго литературнаго рода, но читать ихъ опасался тоже ради ихъ вреднаго вліянія на нравственность. Изъ историковъ онъ уважалъ *Саллюстія* за простоту его повѣствованія, *Валерія Максима* за обиліе историческихъ примѣровъ, но въ особенности любилъ *Ливія* за его плодovitость и изящное изложеніе главнымъ образомъ въ рѣчахъ. Съ какою признательностью вспоминалъ впоследствии епископъ *алерійскій*, издавши въ свѣтъ перваго печатнаго *Ливія*, свои юные годы, когда онъ слушалъ объясненіе декадъ у Витторино. О Цице-

dono dedi cum a mi discederet, ut esset monumentum amoris nostri. Ego Victorinus Fel-trensis manu propria scripsi et donum obtuli.

ронѣ наставникъ отзывался такъ, что никогда не слѣдуетъ удаляться отъ этого источника, самаго богатаго и самаго свѣтлаго. Но кромѣ этого онъ хвалилъ и Квинтилиана. Изъ грековъ онъ считалъ Гомера поэтомъ роскошнымъ и полнымъ, какъ море, но также считалъ достойными удивленія Гезіода, Теокрита и Пиндара, каждаго въ своемъ родѣ. Трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида тоже часто читались, не менѣе того Демосѳенъ и Исократъ. Мы и теперь не отбавимъ въ сочувствіи его взглядамъ на древнихъ писателей по отношенію къ школьному преподаванію и искусному выбору. Лучшихъ учениковъ онъ знакомилъ потомъ съ сочиненіями Платона и Аристотеля. При такой подготовкѣ, полагалъ Витторино, имъ легко будетъ понимать университетскій курсъ и усвоить его.

Усердное занятіе математическими науками обусловливалось, можетъ быть, особенною любовью къ нимъ Витторино. По его мнѣнію, онъ изощряютъ умственные способности, чего до тѣхъ поръ старались достигъ діалектическими тонкостями. Тутъ онъ впервые вступаютъ въ рядъ пропедевтическихъ знаній въ новомъ мірѣ. Онъ заботился также о логикѣ и метафизикѣ.

Совсѣмъ не преподавались въ учебномъ заведеніи Витторино только права и медицина, и потому ученики, желавшіе заниматься ими, должны были поступать въ высшія школы. Но была мысль сдѣлать изъ учебнаго заведенія полную высшую школу. По этому маркграфъ Джіанфранческо, во время пребыванія императора Сигизмунда въ Мантуѣ, просилъ его дать привилегію на публичное преподаваніе наукъ въ этомъ городѣ и сравнять его по правамъ съ Болоньею и Парижемъ ¹⁾. Но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе; по всей вѣроятности, это была больше честолюбивая цѣль маркграфа, чѣмъ желаніе Витторино. Послѣдній посвятилъ свою жизнь не наукѣ, а воспитанію юпошества. У него не было другаго честолюбиваго желанія, кромѣ желанія показать иностраннымъ посѣтителямъ самыхъ способныхъ учениковъ. Такъ онъ и поступилъ, когда Траверсарі, генераль ордена Камальдуловъ, пріѣхалъ въ «веселый домъ» и провелъ съ наставникомъ два дня, какъ старинный другъ ²⁾. Тогда я было вполне видно, какъ учились сыновья владѣтеля: Лодовико, наслѣдникъ всѣхъ его правъ,

¹⁾ Привилегія Сигизмунда отъ 27 сентября 1433 г., включенная въ подтверждающую грамоту Альбрехта II отъ 1 Января 1439 г., у Lünig Cod. Ital. dipl. T. III Francof. et Lips. 1732 p. 1781. Привилегія эта была два раза подтверждена еще Фридрихомъ III. Davari p. 5.

²⁾ Totus illi Sermo de literis, de probitate, de modestia, de religione, de viris nostrae aetatis illustribus. Тамъ описываетъ это посѣщеніе Траверсарі.

коротко знакомый съ Виргиліемъ, Луканомъ и Квинтомъ Курціемъ ¹⁾, Карло, Джіанячучидо, Алессандро и Цецилія, которая въ послѣдствіи поступила въ монастырь. Старшіе мальчики переводили уже съ греческаго языка басни Эзопа, Плутархову біографію Камилла, или бесѣду Іоанна Златоуста. Осьмилѣтняя Цецилія умѣла уже читать и писать по гречески, также безъ ошибки склонять и спрягать. А когда Траверсари былъ еще разъ въ школѣ чрезъ два года, то четырнадцатилѣтній Джіанлючидо продекламировалъ ему весьма хорошо двѣсти стиховъ, сочиненныхъ имъ самимъ, въ которыхъ описывалъ торжественный въѣздъ императора Сигизмунда въ Миланъ ²⁾.

Въ числѣ учениковъ Гварино были многіе, пользовавшіеся въ послѣдствіи громкою извѣстностью: Федерико ди Монтефельтро, въ послѣдствіи герцогъ Урбинскій и основатель тамошняго пріюта ученыхъ при дворѣ; Джіованни Андреа де' Басси, въ послѣдствіи епископъ алерійскій, первый ученый издатель классическихъ писателей; Грегорио де' Коррери, котораго учитель еще въ школѣ считалъ возрожденнымъ человекомъ; на 18-мъ году онъ сочинилъ трагедію Прокна, такъ что старикъ плакалъ отъ радости ³⁾.

Упомянемъ объ Онъибене да Лониго, преемникѣ Витторино по завѣдыванію школою, о грамматикѣ Перроти и поэтѣ Базиніо изъ Пармы, и еще разъ о тѣхъ грекахъ, о которыхъ уже говорили выше. Развѣ это также не имѣетъ важнаго значенія, что такіе люди, какъ Филельфо и Гварино вѣрили своихъ сыновей Витторино, что Барбаро посылалъ къ нему учениковъ ⁴⁾? Скажемъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ о любимцѣ наставника, оставившемъ ему въ послѣдствіи памятникъ на латинскомъ языкѣ, о Сассоло да Прато. Онъ и у Филельфо былъ отличнымъ ученикомъ, считался превосходнымъ знаткомъ Цицерона и помышлялъ закончить свои занятія греческимъ языкомъ и литературою въ Пелопоннезѣ. На него возлагали громадныя надежды, и папа Николай съ почетомъ пригласилъ его къ римскому двору. Но по дорогѣ въ Ареццо у него обнаружилась чума, и онъ съ отчаянія бросился въ рѣку

¹⁾ Его переписка съ Гварино у Rosmini Vita di Guarino vol. II. p. 74.

²⁾ Ambros. Travers. epist. III, 34. VII, 3. VIII, 49—57 XV, 38. XVI, 47. Hodoeporicon p. 34. Къ Траверсари же адресовано и единственное письмо Витторино, какое у насъ есть, насколько я знаю, у Mittarelli p. 1207.

³⁾ Письма Коррери къ своей соученицѣ Цециліи Гонзага въ письмахъ Ambros. Travers. epist. XXV, 20 p. 1075.

⁴⁾ Rosmini p. 249 e. seq. называетъ 40 человекъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Витторино съ біографическими свѣдѣніями о нихъ.

подлѣ города. Въ Арещо воздвигли достойный памятникъ несчастному молодому ученому ¹⁾).

Въ послѣдніе годы жизни Витторино сталъ прихварывать и умеръ 2 февраля 1446 г. на 69 г. отъ рожденія. Его похоронили, согласно его желанію, въ церкви въ С. Спирито, рядомъ съ могилою его матери, гдѣ теперь, конечно, ничто не напоминаетъ о немъ. Гробъ провожали члены владѣтельнаго дома Гонзага, ученики и множество народа. Бѣдный школьный учитель названъ «отцомъ гуманизма» ²⁾ на медали, выбитой въ память его Пизанелли. Школа, которою онъ руководилъ въ теченіи 21 года, конечно, продолжала существовать, но уже не имѣла того блестящаго положенія и славы, какъ при ея основателѣ. Нѣсколько лѣтъ ею завѣдывалъ ученикъ Витторино, Оньибене, а впослѣдствіи вѣтрянный Маріо Филельфо. Вообще же дѣло воспитанія, даже и принцевъ, поручалось безвѣстнымъ личностямъ.

Маркграфъ Эсте въ Феррарѣ долѣе, чѣмъ кто либо другой, сохранилъ свое значеніе въ исторіи наукъ и поэзіи. Дворцы и сады, среди которыхъ проходила его жизнь, представляются потомству поросшими лаврами и миртами. Поэты, имена которыхъ связаны съ ними, сами съ своей стороны сдѣлались героями поэзіи. Если для насъ важна исторія предковъ прославленныхъ государей изъ дома Эсте, то весьма заманчиво прослѣдить зарожденіе и ростъ духа меценатства въ этомъ владѣтельномъ домѣ, политическая роль и значеніе котораго были столь ограничены.

И тутъ проходитъ связующая нить, тянущаяся чрезъ цѣлые вѣка, опять отъ Петрарки, вслѣдствіе его связей съ маркграфомъ Никколо II, къ которому онъ по смерти его брата Уго написалъ въ утѣшеніе длинное философское письмо ³⁾. Тотъ же владѣтель предложилъ Бенвенуто Рамбальди изъ Имолы написать «Книгу

¹⁾ Письма Филельфо къ Бруни отъ 1 октября 1433 г., къ Сассоли отъ 8 июня 1441 г. и 30 декабря 1443 г. Объ ужасной смерти его, случившейся 21 июля 1449 г., сообщаетъ Aliottus epist. III, 46 къ Франческо де' Кастильона, товарищу покойнаго. *Vespasiano: Vittorino* § 1.

²⁾ Надпись гласитъ: *Victorinus Feltrensis, summus mathematicus et omnis humanitatis pater*. Афо у *Vasinius Opp. T. II. P. I p. 41*. Портретъ Витторино есть и передъ биографіею Росмини.

³⁾ *Petrarca epist. rer. senil. XIII, 1*, у *Bandini Bibl. Leop. Laurent.* изъ Арины отъ 5 августа 1370 г., есть также въ *Cod. ms. Rep. II fol. 71* лейпцигской городской библиотеки вмѣстѣ съ отвѣтомъ маркграфа *per Antonium Bovenium (?) de Pama eius cancellarium*.

императоровъ», въ которой послѣдній вратцѣ разсказалъ жизнь императоровъ, начиная съ Юлія Цезаря до Венцеслава ¹⁾). Рамбальди поднесъ ему въ даръ также свой комментарий къ Божественной Комедіи Данта. Братъ и преемникъ Никколо II, Альберто, содержалъ тоже блестящій дворъ, хотя въ то время маленькія владѣнія его страдали отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ волненій. Охота, пиры и турниры въ Феррарѣ славились, какъ роскошныя празднества, устраиваемыя со вкусомъ. Тутъ были и драматическія представленія, въ которыхъ выступали на сцену то ангелы и святые, то аллегорическія лица въ античномъ одѣяніи и прославляли маркграфа и его домъ. У Альберто была также мысль основать высшую школу въ Феррарѣ, что онъ и исполнилъ въ 1392 г. Конечно, судьба ея была такая же, какъ и судьба всѣхъ вновь основанныхъ высшихъ школъ. Она вскорѣ опять пришла въ упадокъ, такъ что ее отъ времени до времени нужно было оживлять новыми мѣрами. Для воспитанія своего сына, который еще только учился читать и писать, маркграфъ пригласилъ Донато дельи Альбанцани, друга Петрарки, Боккаціо и Салютато, котораго мы встрѣтили школьнымъ учителемъ въ Венеціи. Это показываетъ во всякомъ случаѣ перемѣну въ характерѣ воспитанія дѣтей владѣтельныхъ особъ.

Маркграфъ Никколо III, питомецъ Альбанцани, наслѣдовалъ отцу своему всего девяти лѣтъ отъ роду въ 1393 г. При дворѣ его мы уже находимъ канцлера съ высшимъ литературнымъ образованіемъ, Бартоломео де ла Мелу, друга Салютато ²⁾). Когда же онъ умеръ, то его мѣсто занялъ Альбанцани, хотя былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Только теперъ его ученныя заслуги были оцѣнены по достоинству ³⁾). Онъ внушилъ молодому маркграфу нѣкоторую любовь къ изученію древностей и охоту къ собиранію книгъ, которыми самъ былъ одушевленъ. Наставникъ перевелъ ему на народный языкъ книгу Петрарки о знаменитыхъ мужахъ, также книгу Боккаціо о знаменитыхъ женщинахъ, къ которой кромѣ того прибавилъ продолженіе. Такъ все прочтѣе укоренялся при дворѣ Эсте духъ Петрарки и новой науки ⁴⁾). Самъ маркграфъ, правда, не получалъ научнаго образо-

¹⁾ Эта *Augustalis libellus* была посвящена Эсте 1 января 1386 г. *Rambaldi Comment. s. Div. Commedia vol. da Tamburini vol. I p. III.*

²⁾ *Salutati epist. 12 ed. Mehus* адресовано къ нему.

³⁾ Въ письмѣ къ нему Салютато отъ 27 августа (1398) у *Hortis Studi, s. opere lat. del Bossaccio* поздравляетъ его съ новою должностію. Въ прежнихъ письмахъ *ibid. p. 728. 729.* его называютъ только магистромъ.

⁴⁾ *Hortis l. c. p. 115. 603. Petrarchae di vir. illustr. cur. Razzoloni vol. II p. V seq.* Мы не знаемъ, когда умеръ Альбанцани. Но въ 1408 г. въ одномъ документѣ у *Muratori Antiq. Estens vol. II p. 176* уже является канцлеромъ Антоніо де' Монтани.

ванія, какъ слѣдовало бы думать, судя по его наставнику. Какъ ни хвалить его Флавіо Бьондо, но все таки не можетъ скрыть, что онъ былъ вполне чуждъ свѣта наукъ ¹⁾. Этижъ онъ хочетъ сказать, что маркграфъ не учился латинскому языку, хотя отецъ его, безъ сомнѣнія, и желалъ этого, приглашая Альбанцани. Этотъ государь любилъ пожить, — какъ вообще всѣ Эсте и прежде и послѣ него, — въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ мужчина полный и веселый, проводилъ время въ празднествахъ, на охотѣ и съ любовницами. Онъ впрочемъ желалъ, чтобы науки и искусства были украшеніемъ его двора ²⁾. Близкія отношенія самаго младшаго его побочнаго сына Уго къ маичхѣ Паризинѣ Малатеста вполне характеризуютъ степень нравственности, господствовавшей при этомъ дворѣ.

Однако время Никколо III для Феррары, Модены и Реджіо было эпохою цвѣтущаго состоянія. Въ это время миланскій герцогъ Филиппъ Марія неутомимо строилъ новыя ковы противъ своихъ сосѣдей, въ верхней и средней Итали буйствовало шайки наемныхъ солдатъ Бракчіани и Сфорцы, Церковная область страдала отъ войны и смуты, а Неаполитанское королевство было спорною добычею между двумя династіями, ведшими междоусобную войну. Но маркграфъ Эсте сумѣлъ сохранить мирный нейтралитетъ, даже пользовался авторитетомъ въ качествѣ судьи и посредника. Этотъ миръ со всѣми его благами и правленіе, казавшееся кроткимъ въ сравненіи съ жестокимъ деспотизмомъ другихъ династій, составляли свѣтлый фонъ для веселаго придворнаго убѣжища музъ ³⁾.

Хорошее состояніе финансовъ маленькаго владѣнія дало также возможность снова открыть университетъ въ Феррарѣ, который за восемь лѣтъ передъ тѣмъ былъ закрытъ потому, что дорого стоилъ. Это торжество совершилось 8 октября 1402 г. Большинство докторовъ были тамошніе, не пользовавшіеся особою извѣстностью. Поэтому старались также пригласить знаменитости со стороны, какъ напр. Джіованни да Имола, который долженъ былъ читать гражданское право ⁴⁾.

¹⁾ Blondus Ital. illustr. p. 354.

²⁾ Aeneas Sylvius de vir clar. XI.

³⁾ Jani Pannonii Silva paneg. ad Guarinum Poemata P. I. v. 425:

An non Saturni sunt illic secula patris,
Bella ubi multa fremunt, nisi quae descripta leguntur?
Semper ubi laetas populo plaudente choreas,
Intus festa sonant, et picta palatia surgunt etc.

v. 439: Sola vacat citharis Ferraria sola triumphat,
Principibus foecunda piis, foecunda disertis
Et pariter cunctis habitata Camenis.

⁴⁾ Anton. Frizzi Memorie per la Storia di Ferrara. 2 edit. vol. II p. 419.

Долгое время гордость университета составляла Уго Бенци изъ Сіэны, котораго многіе считали первымъ медикомъ своего времени. Онъ раньше читалъ уже лекціи въ разныхъ высшихъ школахъ, такъ же въ Парижѣ и Падуѣ и написалъ объемистыя сочиненія по практической медицинѣ, когда маркиграфъ Никколо пригласилъ его въ Феррару, назначилъ своимъ лейбъ-медикомъ и подарилъ ему земли и дома. Эней Сильвій Пикколomini очень хорошо зналъ своего земляка; никто не говорилъ ученѣе съ кафедры, по его отзыву, никто не былъ заботливѣе и добрѣе его у постели больного. Ученому охотно прощали его докучливость. Онъ приводилъ своимъ слушателямъ и посѣтителямъ въ изысканнѣе изреченія Гиппократа, Галена и Авиценны, тѣхъ врачей, о которыхъ написалъ свои обширные комментаріи. Но онъ также считался философомъ и богословомъ. Какъ ловкій диалектикъ, Джіованни восторжествовалъ въ спорѣ надъ греками, когда соборъ собирался въ Феррарѣ, и рассуждалъ такъ же свободно о Платонѣ и Аристотелѣ, какъ и о свсихъ греческихъ врачахъ ¹⁾.

Старшій побочный сынъ Никколо III-го, Ліонелло, въ это время уже достигъ юношескаго возраста. Чтобы дать ему лучшее воспитаніе, чѣмъ самъ получилъ, маркиграфъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго Гварино Веронскаго. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ въ Феррару въ концѣ 1427 г. ²⁾. Ему было тогда уже около шестидесяти

¹⁾ Aeneas Sylvius epist. ad. Johannem Campisium отъ 1 іюня 1445 г. Comment. in Anton. Panorm. I, 27; de vir. clar XI Pii II Orat. ed. Mansi T. II p. 3. По изслѣдованіямъ Mazzuchelli Scritt' d' Italia vol II P. II p. 790, онъ умеръ въ Феррарѣ въ 1439 г., но не въ 1448 или 1449 г., какъ часто заключали по надгробной надписи (См. Borsetti Hist. Ferrar. gymн. P. II p. 30). По письмамъ къ Кампзіо въ 1445 г., его уже давно не было на свѣтѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и извѣстіе у Blondus Italia ill. p. 307, будто онъ «недавно» умеръ въ Сіэиѣ, въ первой его половинѣ можно принимать вполне, во второй же оно совсѣмъ не вѣрно.

²⁾ Что такія извѣстія неопредѣленны, конечно, странно. Это объясняется двумя обстоятельствами. Впервыхъ Гварино не собралъ своихъ писемъ, а въ сохранившихся разбитыхъ часто нѣтъ никакой помѣтки. Во вторыхъ ни одинъ изъ современниковъ не сдѣлалъ попытки написать біографію Гварино. Этого упрекъ высказываетъ уже Веспазіано Guarino Veronese § 2 его ученикамъ: E se tanti iscolari dotti. duanti governò, avessino fatto il debito loro, arrebbero composto la vita Sua. Janus Pannionius писалъ свой Sylva panegyrica ad Guarinum praeseptorem suum, какъ памятникъ признательности изъ котораго можемъ мы заимствовать нѣкоторыя свѣдѣнія, еще при жизни Гварино въ концѣ 1450 г., какъ показываетъ замѣтка о похоронахъ маркиграфа Ліонелло и о лѣтахъ Гварино v. 879. Надгробною рѣчью Людовико Карбоне Росмини пользовался лишь мѣстами, но она не вполне напечатана. Она есть также въ мюнхенскомъ спискѣ по Catal. eodd. lat. bibl. reg. Monac. I, II P. I p. 5. Отъ этого закона трудолюбивый и тщательный біографъ, какъ Росмини vita e disciplina di Guarino vol I—III Brescia 1805 долженъ былъ бороться съ многими пробѣлами и неясностями, и даже архивные розыскы мало внесли свѣта, хорошій обзоръ жизни Гварино далъ Eckstein Allq. Encyclop. des Wiss. u. Künste

лѣтъ, и онъ провелъ самую превратную жизнь, такъ какъ судьба бросала его въ разные стороны. Во сколькокихъ мѣстахъ Италіи читалъ онъ свои лекціи съ тѣхъ поръ, какъ воротился изъ Византіи, гдѣ учился у обоихъ Хризолоровъ! Съ какимъ усердіемъ и успѣхомъ преподавалъ онъ языки латинскій и греческій во Флоренціи и Падуѣ! Никто не сомнѣвался въ его основательной учености, нравственной чистотѣ, въ его добродушіи и весьма уживчивомъ характерѣ. Но еще менѣе сомнѣвались въ его педагогическихъ талантахъ, трудолюбіи, умѣнью развивать учениковъ своими доступными наставленіями и неутомимыми повтореніями и блюсти за ихъ нравственностью. Онъ былъ человекъ далеко не надменный и не притязательный, довольствовался скромною долею ученаго и наставника, избѣгалъ всякихъ столкновеній и совершенно спокойно относился къ своимъ соперникамъ. Однако Гварино не могъ долго пробыть во Флоренціи, нашелъ было, правда, отличныхъ учениковъ въ Венеціи и Падуѣ, но не встрѣтилъ сочувствія со стороны общества, долженъ былъ пережить и то, что его сочли лишнимъ на родинѣ, въ Верронѣ, и прекратили жалованье. Поэтому намъ понятно, что онъ послѣ двадцатилѣтней скитальческой жизни, сталъ тяготиться дѣятельностью въ республикахъ и съ радостью согласился на призывъ владѣтельнаго лица ¹⁾. Какъ спокойно и мирно провелъ здѣсь наставникъ тридцать лѣтъ своей долговременной и почтенной старости, обнаруживая болѣе плодотворную дѣятельность, чѣмъ обнаруживалъ въ своемъ зрѣломъ возрастѣ.

По видимому, Гварино прежде предстояло заняться только образованіемъ принца, плоды котораго мы вскорѣ увидимъ. Во всякомъ случаѣ ему не предполагалось поручать латинскую городскую школу. Она была лишь недавно устроена, и въ нее приглашали «грамматиковъ», людей совсѣмъ неизвѣстныхъ ²⁾. Напротивъ его тотчасъ же, или по крайней мѣрѣ вскорѣ, обязали читать въ университетѣ лекціи «о поэзіи», хотя назначили жалованья только 100 лиръ въ годъ. Впрочемъ въ 1433 г. оно увеличено было до 400 лиръ, и постоянно дѣлалась прибавка черезъ каждыя пять лѣтъ. Но и

¹⁾ Ср. его пріивѣтственное стихотвореніе городу Феррарѣ у Borsetti *Historia almæ Ferrariæ gymnasii*

Post tempestates peragrataque rura benigne
Suscipe nos, placidis retinens complexibus, atque
Hospitio dignare tico etc.

²⁾ Джіованни да Кампанеа и докторъ Джіованни Финетти. Постановленіе городского начальства отъ 13 января 1429 г. и 11 февраля 1440 г. у Borsetti l. c. p. 28. 29.

Гварино не могъ предохранить высшей школы отъ временнаго упадка, и маркиграфъ долженъ былъ постоянно поддерживать ее ¹⁾).

Литературныя заслуги Гварино стоятъ на второмъ планѣ. Его греческая грамматика не больше какъ обработка Вопросовъ Хризолора, столь высоко цѣнимаго имъ. Латинская грамматика и нѣкоторыя мелкія сочиненія, тоже по грамматическимъ вопросамъ, просто скучныя руководства для школъ. Собираніе, сравненіе и исправленіе текстовъ латинскихъ классиковъ тоже было не его дѣло, хотя въ молодые годы онъ усердно трудился надъ этимъ и былъ такой же страстный любитель книгъ, какъ и нѣкоторые другіе гуманисты, собратья по профессіи ²⁾). Напротивъ его переводы съ греческаго читались охотно, хотя онъ перевелъ лишь нѣкоторыя мелкія сочиненія и біографіи Плутарха и часть географіи Страбона по порученію папы Николая V. Гварино былъ сильно занятъ въ то время, когда соборъ засѣдалъ въ Феррарѣ. За нимъ онъ послѣдовалъ во Флоренцію, по видимому, вмѣстѣ съ маркиграфомъ, въ качествѣ переводчика съ языковъ греческаго и латинскаго ³⁾). Этотъ ученый принадлежалъ къ числу немногихъ, знавшихъ основательно оба древніе языка, и на этомъ зиждется его неотъемлемая слава въ ученомъ мірѣ. Стихотворенія его, хотя онъ писалъ ихъ разными размѣрами, остались незамѣченными и, по видимому, потеряны ⁴⁾). Въ пору ранней своей дѣятельности онъ говорилъ много рѣчей на разные случаи, особенно въ Феррарѣ, на погребеніе, поздравительныя по случаю бракосочетаній, также семейныхъ праздниковъ и другихъ происшествій въ домѣ маркиграфа, привѣтствія по случаю посѣщенія владѣтельныхъ особъ, ученыхъ, когда занятія снова начинались съ половины октября и онъ принимался за свои чтенія—о томъ или о другомъ древнемъ писателѣ ⁵⁾). Всѣ онѣ, насколько намъ извѣстно,

1) Постановление насчетъ жалованья 1436 г. см. у Frizzi l. c. p. 459 а за 1441 г. у Borzetti l. c. p. 81. Тирабоски допускаетъ, что въ 1441 г. Гварино на нѣкоторое время удалялся изъ Феррары и преподавалъ во Флоренціи, но это лишено основанія такъ какъ онъ 27 мая 1441 объявилъ, что доволенъ своимъ жалованьемъ на дальнѣйшее пятилѣтіе. Во Флоренцію онъ ѣздилъ только съ отцами собора по поводу воссоединенія церквей.

2) Ср. его письма у Rosmini vol. II p. 6. 7.

3) Rosmini l. c. p. 9. 10.

4) Janus Pannonius v. 775:

Nunc gravis heroo graderis, modo curris iambo,
Nunc tristes elegos, modo laeta anapaestica ludis.

Другіе стихи Гварино кромѣ обращенныхъ къ Феррарѣ и къ Альберто де Сартано, написанные гекзаметромъ, см. у Martene et Durand, Ampliss. Collect. T. III p. 855 не обнаружены. Есть ли Alda его произведеніе или его сына, объ этомъ я намѣренъ поговорить въ VII книгѣ.

5) Janus Pannonius v. 683 sq. Объ его веронскихъ рѣчахъ см. выше стр. 404. Rosmini vol. II насчитываетъ ихъ больше 50. Онѣ часто встрѣчаются по нѣскольку въ руко-

педантичны, нелѣпы, растянуты и обработаны по одному и тому же плану. То же самое слѣдуетъ сказать и объ его письмахъ. Самъ онъ не собиралъ ихъ, а такъ какъ они считались образцовыми письмами замѣчательнаго школьнаго наставника, то нерѣдко встрѣчаются въ сборникахъ того времени отдѣльно или небольшими группами. Во всемъ, что писалъ Гварино, какъ-то чувствуется недостатокъ его живой личности, естественности и красоты рѣчи. Чрезъ два десятилѣтія высказано было такое мнѣніе, что для спасенія своей славы ему лучше бы было ничего не писать ¹⁾).

Но всѣ, безъ всякихъ оговорокъ, признають достоинства Гварино, какъ наставника и воспитателя. Онъ и Витторино—это два великихъ педагога XV столѣтія, и первый по учености, безъ сомнѣнія, гораздо выше, но не можетъ сравниться съ послѣднимъ по искусству устроить заведеніе, по умѣнью разнообразить свои задачи и цѣли, по отеческой преданности благу своихъ питомцевъ. Витторино всегда имѣлъ въ виду, что онъ долженъ готовить своихъ учениковъ для жизни и для разныхъ отраслей дѣятельности, Гварино хотѣлось бы всѣхъ своихъ учениковъ сдѣлать поэтами, ораторами, учителями, какимъ и самъ онъ былъ. Въ латинскомъ и греческомъ языкѣ для него былъ весь міръ, но и преподавалъ онъ ихъ съ блистательнымъ успѣхомъ.

Инструкція для принца Ліонелло простиралась, по видимому, лишь на нѣсколько часовъ дня. Юноша былъ прилеженъ и способенъ, насколько ему оставалось свободнаго времени отъ охоты и другихъ удовольствій ²⁾). Латинскому языку однако онъ учился такъ много, что съ помощью своего учителя могъ сочинять рѣчи и произносить ихъ. Ему нравились повѣствованія и картины изъ древняго міра. Во флигелѣ зимняго дворца, въ которомъ онъ жилъ, висѣла на стѣнѣ картина, изображавшая бесѣду Аннибала съ Сципіономъ Африканскимъ, которые съ удивленіемъ смотрятъ другъ на друга, какъ рассказываетъ объ этомъ Ливій ³⁾). Гварино гордился этимъ ученикомъ, но, вѣроятно, обучалъ и другихъ принцевъ: при этомъ дворѣ было много побочныхъ сыновей. Но ихъ успѣхами нельзя было похвалиться.

Главная дѣятельность Гварино состояла въ преподаваніи предметовъ воспитанникамъ, жившимъ въ учрежденіи, и въ чтеніи лекцій въ ауди-

писяхъ, напр. у Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. VI p. 214. Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 15.

¹⁾ Превосходна также характеристика Paulus Cortesius p. 226 ed. Galleti: Is in domestica et umbratili quadam exercitatione multa scripsit prudenter ac probe..... Genus tamen mscribendi inconcinnum admodum est ac salebrosum.

²⁾ Ambros. Camald. Nadoericon, бывшій въ Феррарѣ въ 1482 г., называетъ его adolescentulus mitis et clari ingenii. . docilem invenem.

³⁾ Angelus Decembrius de politia lit. II. 14.

торіи университета. Между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ была нѣко-рая связь, но мы мало знаемъ подробностей о самыхъ заня-тіяхъ, гораздо меньше, чѣмъ сообщаютъ намъ ученики Витторино объ его веселомъ домѣ ¹⁾. Элементарное преподаваніе латинскаго языка для мальчиковъ, живущихъ въ Феррарѣ, предоставлялось городской школѣ, а быть можетъ, были и второстепенные учителя. Но Гварино не ограничивался обычнымъ преподаваніемъ грамматики. Онъ училъ по своему собственному руководству, въ которомъ излагалъ глав-ныя основы ученія о формахъ и построеніи предложенія, опуская всѣ мелкія подробности, затемняющія суть дѣла, какъ въ преж-нихъ грамматикахъ. Уже и тутъ онъ заботился о вѣрности про-изношенія, правильности орфографіи и надлежащемъ употребленіи со-кращеній. Рядомъ съ этимъ шли упражненія въ слогѣ и съ раннихъ поръ—въ разговорѣ на латинскомъ языкѣ. Дальнѣйшій отдѣлъ препо-даванія онъ называлъ историческимъ. Тутъ передавались рассказы изъ древней исторіи и реальныя свѣдѣнія, въ особенности изъ мѣологии, а главнымъ образомъ напечатлѣвались въ умѣ учащихся примѣры добродѣтелей и пороковъ, дававшіе матеріаль для писемъ и рѣчей. Чтеніе болѣе легкихъ писателей чередовалось съ письменными упраж-неніями, которыя разсматривались и обсуждались по вечерамъ. За этимъ грамматическимъ курсомъ слѣдовалъ потомъ риторическій. Здѣсь теоретическою основою и образцомъ былъ Цицеронъ; вырабатыва-лись рѣчи и дѣлались упражненія въ хорошемъ произношеніи ихъ, также сочинялись стихи и обсуждались. Гварино отлично умѣлъ внушить любовь и соревнованіе къ этому дѣлу, умѣлъ давать пищу талантамъ и развивать ихъ энергію постояннымъ поощреніемъ, совѣтами и помощью. Принужденія и тѣлесныхъ наказаній тутъ не было; даже и для слишкомъ шаловливыхъ мальчиковъ они упо-треблялись очень рѣдко. Вообще достаточно было авторитета и выговора уважаемаго наставника. Правиломъ Гварино, которое по-томъ усвоилъ и сынъ его, было не обращаться строго съ дѣтми во время занятій науками, потому что это отзывается «какимъ то рабствомъ» и часто вселяетъ отвращеніе къ самымъ наукамъ.

Преподаваніе греческаго языка тоже предоставлено было частной школѣ. Оно не считалось обязательнымъ. Но Гварино отстаивалъ его противъ тѣхъ, которые полагали, что безъ него можно обойтись. Онъ доказывалъ, что безъ знанія греческаго языка нельзя правиль-

¹⁾ Большею частію свѣдѣній мы обязаны поэмѣ *Silva panegyrica* Януса Панновскаго. Но полезно также и сочиненіе сына Гварино Баптиста *de modo docendi et discendi*, Argent. 1514, написанное около 1458 г., когда старый Гварино ввѣчилъ переводъ Страбона. Онъ не разъ говоритъ, что дѣлаетъ свои указанія согласно педагогической системѣ отца.

но писать латинскія слова, заимствованныя изъ него, и прочесть ихъ въ стихѣ съ вѣрнымъ удареніемъ. По видимому, всегда ему учились лишь немногіе избранные. Тутъ-то именно являлась у Гварино горячая любовь къ дѣлу, которое самого его увлекла въ Византію. Потому-то онъ и хранилъ такую теплую память объ Эммануилѣ Хризолорѣ. Краткое извлеченіе изъ его грамматики легло въ основу его преподаванія. Но какъ скоро ученикъ приобрѣталъ нѣкоторый навыкъ въ употребленіи формъ, то Гварино дѣлалъ шагъ дальше въ своей методѣ, которую хвалятъ какъ «мастерской приѣмъ». Именно ученикъ долженъ былъ дальше идти самъ, упражняться на чтеніи такихъ писателей, пониманіе которыхъ онъ могъ сдѣлать для себя доступнымъ при помощи хорошаго латинскаго перевода. Младшій Гварино говоритъ объ ученикахъ своего отца, которые въ теченіе года дѣлали такіе успѣхи, что сами могли вѣрно переводить греческія сочиненія на латинскій языкъ. Это и было, конечно, настоящею цѣлью занятій греческимъ языкомъ. Намъ извѣстны подобныя примѣры и изъ болѣе ранняго времени. Вспомнимъ о молодомъ Франческо Барбаро, который такъ выучился въ Венеціи у Гварино греческому языку въ «нѣсколько мѣсяцевъ», что могъ пользоваться для своего сочиненія тѣмъ, что прочелъ у Гомера, Геродота и другихъ писателей ¹⁾. Братъ Альберто де Сартеано, правда, уже человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, посѣтилъ Гварино въ Веронѣ и въ десять мѣсяцевъ выучился греческому языку, начавши съ элементовъ, настолько, что овладѣлъ существеннымъ его строемъ ²⁾. Изъ товарищей его *graeculi*, о которыхъ онъ вспоминаетъ, молодой Эрмолао Барбаро уже могъ перевести басни Эзопа, которыя онъ и издалъ съ посвященіемъ Траверсари ³⁾. Такимъ образомъ изъ школы Гварино какъ бы чудомъ являлось множество ученыхъ и поэтовъ «словно изъ троянскаго кона»,— выраженіе, часто повторявшееся, такъ какъ его любили употреблять. Цицеронъ однажды примѣнилъ его къ Исократу и его школѣ.

Болѣе взрослые питомцы школы, конечно, слушали и всѣ публичныя лекціи Гварино въ университетѣ. Тутъ онъ обыкновенно читалъ по двѣ лекціи утромъ послѣ обѣдни, одну о *Виргиліи* или какомъ либо другомъ поэтѣ, другую болѣею частію о Цицеронѣ. Послѣ завтрака опять были латинскія или греческія лекціи, или устраивались

¹⁾ De re uxoria s. fin. in his (litteris graecis) vix paucos menses versatus uberes iam ac iocundos fructus colligere videov.

²⁾ Alberti a Sarthiano epist. 6. 8. 9. (Opp. Romae 1688), отъ 1422 и 1428 гг.

³⁾ Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 230. 250. Здѣсь есть приписка къ одной рукописи: *Aesopi fabulae traductae per me Hermolaum Barbarum a. 1422. Kal. Octobrii sub expositione, disertissimi et eruditissimi viri Guarini Veronensis, patris ac praecipitosis mei.*

диспуты. Въ лекціяхъ, по видимому, преобладали реальныя и филологическія объясненія писателей. Особенно Энеида освѣщалась съ разныхъ сторонъ, разъяснялись малѣйшія подробности, конечно, указывался и общій смыслъ ея эпизодовъ. Но было обсуждаемо и значеніе отдѣльныхъ словъ, ихъ происхожденіе, употребленіе въ письмѣ и какъ она различаются по смыслу отъ синонимовъ. Все это слушатели записывали вкратцѣ ¹⁾. Такъ какъ этотъ родъ эвзегетическихъ чтеній утвердился въ университетахъ, то довольно часто въ старинныхъ печатныхъ книгахъ съ широкими полями встрѣчаются краткія толкованія и однозначачія слова между строками, а длинныя замѣтки на поляхъ. Тщательныя объясненія, въ которыхъ ничего не упускается изъ виду, ничего не остается непонятнымъ, составили славу Гварино.

Ученики стекались сюда не только изъ всѣхъ мѣстностей Италіи слушать новый курсъ реторики и поэзіи у Гварино, но также изъ Далмаціи, Иллиріи, Германіи, Венгріи, Богеміи, Польши, Франціи и Англіи, даже съ острововъ Крита, Родоса и Кипра. Въ аудиторію его собирались не только юноши, но и взрослые люди разныхъ сословій, нерѣдко также и дѣвушки ²⁾. Антоній Лоски отдалъ своего сына на воспитаніе Гварино въ Феррару, такъ какъ въ Римѣ не было подобнаго заведенія ³⁾. Поджіо намѣревался самъ выучить своихъ сыновей латинскому языку, но того изъ нихъ, который хотѣлъ вполне посвятить себя философіи, онъ счелъ за лучшее ввѣрить Гварино, кстати и для того, чтобы избавить его отъ тѣхъ соблазновъ, какимъ онъ можетъ подвергнуться во Флоренціи ⁴⁾.

Гварино никогда не становился въ оппозицію съ церковью и ея ученіемъ; лично онъ былъ такой же вѣрующій человекъ, какъ и другіе. Но онъ былъ чуждъ благоговѣнія предъ монахами, наблюдавшими за исполненіемъ уставовъ, передъ которыми преклонялся Витторино. Поэтому, когда ему было уже восемьдесятъ лѣтъ, то и его наставническое воодушевленіе языческими классиками не избѣжало нападокъ. Быть можетъ, минориты не могли ему простить того, что однажды онъ выразилъ свое одобреніе Гермафродиту Бекваделли. Весною 1450 г. братъ Джіованни да Прато явился

1) Janus Pannonius Silva paneg. v. 337:

Verborum pars nulla perit, sed cuncta citatis
Excipiunt calamis et longa in Secla recouduunt.

2) Ibid. v. 354. 474. Carbone у Rosmini vol. III p. 5 sg., гдѣ говорится о 31 ученикѣ болѣею частью съ біографическими свѣдѣніями.

3) Poggius epist. V, 13 ed. Tonelli изъ Гварино отъ 18 октября (1433).

4) Poggius epist. X, 17. XIII, 36, XIV, 27.

въ Феррару проповѣдникомъ во время поста. Это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ среди францисканцевъ, блюстителей устава, поклонникъ прославленнаго Бернардино сіенскаго и того извѣстнаго Альберто да Сартеано, который когда-то учился у Гварино греческому языку. Ему было сообщено, что Гварино, не смотря на постъ, читаетъ съ своими учениками Теренція. Поэтому монахъ принялся громить въ своихъ проповѣдяхъ нескромнаго поэта, языческихъ писателей вообще, читателей и собственниковъ этихъ книгъ и наконецъ тѣхъ, кто ихъ покупаетъ и продаетъ. Въ особенности предостерегалъ онъ противъ Теренція юныхъ феррарцевъ. Но это не смутило Гварино; онъ обратился къ монаху съ посланіемъ, въ которомъ защищалъ древнихъ прозаиковъ и поэтовъ тѣми самыми доводами, которые были въ ходу со временъ Петрарки. Онъ спрашивалъ его въ шутку, не принадлежитъ ли и Виргилій къ числу тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ должны быть преданы сожженію¹⁾. Миноритъ, человекъ не лишенный классическаго образованія и краснорѣчія, отвѣчалъ ему длиннымъ полемическимъ сочиненіемъ, въ которомъ восхвалялъ богословіе, какъ первую науку, ставилъ гораздо выше философію древнихъ и снова возставалъ противъ чтенія нескромныхъ поэтовъ. А такъ какъ и блаженный Августинъ бралъ подъ свою защиту Виргилія, по его словамъ, то и онъ одобряетъ его и позволяетъ читать молодымъ феррарцамъ за исключеніемъ соблазнительнаго повѣствованія о Дидонѣ²⁾. Такимъ образомъ весь споръ былъ перенесенъ на литературную почву. Гварино, конечно, не пукался въ ругательную полемику, въ которую охотно вступили бы съ монахомъ такіе люди, какъ Поджіо, Валла или Фидельфо, но не колебался ни минуты продолжать борьбу, и отъ дальнѣйшихъ послѣдствій его могло защитить расположеніе маркграфа.

Жизнь и дѣятельность Гварино были такъ тихи и скромны, что никто не заботился объ его личной характеристикѣ. Только отъ той поры, когда онъ приближался къ старости, мы слышимъ о немъ рассказы отъ его учениковъ и имѣемъ нѣкоторое описаніе его наружности. Это былъ почтенный старецъ съ румянымъ веселымъ лицомъ, ласковый со всѣми, въ разговорѣ охотно допускавшій незлобивыя шутки, но всегда избѣгавшій рѣзкости и раздраженія. Онъ былъ совершенно чуждъ зависти къ товарищамъ по профессіи и всякихъ распръ. Поэтому всѣ уважали и любили его, Витторино, тоже наставникъ, Поджіо,

1) Посланіе отъ 7 апрѣля 1450 г. у Martene et Durand Ampliss. Collectio T. III p. 857.

2) Iohannis Pratensis Libellus contra Guarinum de non legendis impudicis auctoribus у Zacharias lib. III p. 325.

Филельфо, Валла, не смотря на то, что послѣдніе трое были люди сварливаго нрава. Онъ только радовался дѣятельности и успѣхамъ другихъ и развитію молодаго поколѣнія ораторовъ и поэтовъ. Въ школъ и аудиторіи былъ сосредоточень для него весь міръ. Мы не слышимъ, чтобы онъ когда нибудь оставлялъ Феррару съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ туда, кромѣ поѣздки на соборъ во Флоренцію, хотя и за восемьдесятъ лѣтъ наслаждался рѣдкимъ здоровьемъ и сохранилъ силы и полную дѣятельность чувствъ, такъ что могъ продолжать свои лекціи. Только въ послѣдніе годы жизни онъ предоставилъ преподаваніе въ школъ своимъ сыновьямъ или другимъ учителямъ ¹⁾. Правда, онъ не былъ такъ же непритязателенъ и безкорыстенъ въ денежныхъ дѣлахъ, какъ Витторино, отецъ бѣдныхъ, да и не могъ быть ²⁾. У него подро- стала цѣлая вуча дѣтей, изъ которыхъ сыновья, къ радости отца, всѣ оказывали успѣхи въ гуманитарныхъ наукахъ. Впрочемъ разъ случилось, что отъ одного изъ нихъ въ отцовскомъ домѣ забеременѣла служанка ³⁾. Но любимцемъ старика былъ самый младшій сынъ, Баттиста, такой-же знатокъ языковъ латинскаго и греческаго, какъ и отецъ, поэтъ, ораторъ и учитель. Онъ началъ преподавать еще въ очень юныхъ лѣтахъ, перевелъ Агезилая Плуларха, написалъ программу ученыхъ занятій для юношей и сдѣлалъ это «съ умомъ старца», какъ хвалился отецъ. Впослѣдствіи онъ тоже испыталъ много превратностей въ жизни ⁴⁾. Такимъ образомъ изъ школы прославленнаго наставника вышли нѣсколько поколѣній фамиліи Гварино, которыя въ теченіи трехъ столѣтій процвѣтали въ наукѣ и поэзіи, большею частію въ Феррарѣ.

Старый Гварино умеръ на девяностомъ году тихо и спокойно, какъ жилъ, благословивъ своихъ сыновей. Папа Пій II, узнавши о его смерти, почтилъ его память въ своихъ Комментаріяхъ. «Ни одинъ изъ ученыхъ нашего времени, говоритъ онъ не оставилъ по себѣ лучшаго имени...»

Джюованни Ауриспа пріѣзжалъ въ Феррару нѣсколько раньше Гварино, но мы не знаемъ, дѣлалась-ли при немъ попытка основать настоящій университетъ или онъ только обязался учить марграфскаго

¹⁾ Janus Pannonius Silva panegy. v. 822 sq. 879 sq. Cardone y Rosmini vol. II p. 168, 192. Timoteo Maffei ibid. p. 156.

²⁾ Janus Pannon. Epigr. I, 73, по видимому, намекаетъ на это.

³⁾ Ср. epigr. I, 63. Есть письма сыновей Гварино, именно Джироламо и Эмануила, у Mittarelli p. 379, 380. Тутъ же упоминается Лионелло.

⁴⁾ Около 1450 г. онъ уже преподавалъ, какъ мы видимъ изъ Janus Pannonius Silva panog. v. 842. Его Oratio in inchoando foelici. Ferrariae gymnasio habita 1453 указана у Eudlicher Catal. codd. phil. lat. bibl. Palat. Viudob. p. 282. Его упомянутой книгѣ De modo docendi et discendi предпослано хвалебное письмо стараго Гварино.

побочнаго сына ¹⁾ Онъ родился въ мѣстечкѣ Ното въ Сициліи и былъ почти сверстникомъ Гварино, можетъ быть, годомъ старше ²⁾. Въ такомъ случаѣ ему, вѣроятно, было лѣтъ пятьдесятъ, когда онъ возвратился изъ Константинополя въ Италію съ своими книжными сокровищами. Но мы рѣшительно не знаемъ, какъ онъ получилъ свое образованіе, гдѣ выучился греческому языку, что дѣлалъ въ теченіи всей первой половины своей жизни и какъ провелъ эти пятьдесятъ лѣтъ. Онъ еще засталъ эпоху Салютато, когда довольно мало было такихъ ученыхъ, но въ письмахъ канцлера о немъ ни разу не упоминается. Мы слышимъ и то, что онъ сначала былъ канторомъ на своей родинѣ ³⁾, стало быть, готовился къ духовному званію, но когда это было, неизвѣстно. Въ 1417 г. упоминается, что онъ былъ въ Пизѣ, продалъ Никколи старинный списокъ исторіи Фукидида ⁴⁾, но и изъ этого извѣстія мы извлекаемъ только то, что онъ тогда уже принадлежалъ къ числу гелленистовъ. Какъ поэтъ, онъ былъ, вѣроятно, и раньше извѣстенъ въ небольшомъ кружкѣ, а собственно болѣе широкую извѣстность прибрѣлъ со времени удачныхъ и громаднхъ покупокъ книгъ, что ему посчастливилось сдѣлать на Востокѣ. Мы уже рассказывали выше, какъ безуспѣшны были его попытки преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ и Флоренціи. Очевидно, у него не было ни охоты, ни надлежащей подготовки къ такому дѣлу; онъ былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ и любилъ жить спокойно. Вскорѣ послѣ этого онъ, кажется, жилъ въ Римѣ,—но не училъ въ общественной школѣ, а частно преподавалъ греческій языкъ юному Лоренцо Валлѣ. Послѣдній былъ его единственнымъ ученикомъ ⁵⁾.

Также неизвѣстно и то, когда Ауриспа явился въ Феррару. Достоверно только, что онъ поселился тамъ уже въ февралѣ 1428 года ⁶⁾. Очевидно, маркграфъ Никколо отнесся къ нему съ расположеніемъ, какъ къ поэту, могущему составить украшеніе его двора, потому что объ его дѣятельности въ качествѣ воспитателя принца мы ничего не знаемъ: быть можетъ, Гварино освободилъ его отъ этой обязанности. На него часто указываютъ, какъ на примѣръ счастли-

¹⁾ Мѣсто у Aeneas Sylvius de vir. clar. XI: eum Meliaduci filio Protonotario (?) tradidit очевидно испорчено. Этого Meliaducem, котораго имени я не знаю, звалъ и Kuriacus Ancon. Itiner. ed. Mehus p. 30.

²⁾ Когда Пій II былъ въ Феррарѣ въ маѣ 1450 г. (Comment. p. 56 — 58) говоритъ про Ауриспу: annum prope nonagesimum agens. Послѣдній вскорѣ умеръ.

³⁾ Mongitore Bibl. Sicula T. I. p. 322.

⁴⁾ Ambros. Travers. epist. VI, 8.

⁵⁾ Valla Praefat. in Elegant. lib. II, Antid in Pogum lib. IV p. 935.

⁶⁾ Письмо Филельфо къ нему отъ 28 февраля 1428 г. Вѣроятно впрочемъ Ауриспа жилъ уже въ Феррарѣ, когда Филельфо писалъ ему отъ 23 дек. 1427 г.

ваго человека, который ведет покойную жизнь благодаря щедрости маркиграфа ¹⁾ Если послѣдній подарилъ ему домъ съ усадьбою, то привольная жизнь Ауриспы началась собственно съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился сдѣлаться священникомъ и получить приходъ ²⁾. Къ этому присоединились съ теченіемъ времени другія бенефиціи: онъ сдѣланъ былъ коммендатаріемъ церкви св. Марія in Vado и пріоромъ монастыря св. Антонино ³⁾. И сицилійская родина не забывала о своемъ сынѣ: конечно, благодаря расположенію короля Альфонса онъ получилъ тамъ въ 1449 г. аббатство С. Филиппо де Гранди, а въ 1451 г. болѣе доходное — С. Филиппо де Роккадіо ⁴⁾. Богатая жизнь на счетъ бенефицій приходилась вполнѣ по вкусу Ауриспѣ. Онъ вовсе не былъ расположенъ напр. обременять себя школою и дюжиною дѣтей. Двѣ дочери и одинъ сынъ, прижитые имъ въ конкубинатѣ, не особенно тяготили его. Для него не составляло особеннаго затрудненія и то обстоятельство, что церковныя дѣла до известной степени привязывали его къ Феррарѣ, когда на него находила охота поѣздить по окрестностямъ, временно принимать на себя должность секретаря у троихъ папъ и жить въ Римѣ въ кругу друзей, получая обильные доходы. Другъ его Беккаделли писалъ ему, что онъ можетъ сдѣлаться епископомъ или кардиналомъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, если рѣшится оставить «привольную жизнь въ Феррарѣ» ⁵⁾. Но это нисколько не казалось для него заманчивымъ.

Однако странно, что Ауриспу все таки относятъ къ числу истинныхъ ученыхъ людей и литературныхъ знаменитостей. Безспорно, у него были и знанія, и способности. Но если собрать все, что онъ написалъ, то окажется замѣчательно мало. Есть извѣстіе, что въ Римѣ онъ удостоился лавроваго вѣнка. Извѣстны только 7 небольшихъ стихотвореній его, написанныхъ элегическимъ размѣромъ, прелестныхъ по формѣ и содержанию, но больше этого, по видимому, ничего нѣтъ и въ рукописяхъ ⁶⁾. Упоминають о собраніи его пи-

¹⁾ Особенно Aeneas Sylvius de vir. car. XI в Europa с. 52 inter familiares habitum, ditem beatumque facit.

²⁾ Судя по письмамъ Beccatelli epist. Gall. III, 26. 28. это случилось между 1431 и 1435 гг., потому что письма писаны изъ Павіи. Въ послѣднемъ говорится: Aurispra tuus sacerdos plebanus creatus est et Ferrariensi glebae quodammodo adscriptus.

³⁾ Borsetti Hist. Ferr. gymn. P. II 36. Antonio Frizzi Memorie per la storia di Ferrara vol IV p. 41.

⁴⁾ Mongitore T. I. p. 322.

⁵⁾ Beccatelli epist. Campan. 33. Нельзя иначе понимать слова: Nec etenim capitis tegmen me auctore confestim mutabis.

⁶⁾ Они напечатаны въ Carmina ill. postarum Ital. T. p. 489. И слова Филельфо Satyr. dec. I. nec. 5: placidis Aurispra Camoenis debitus повидному намекають на его слудную производительность.

семь; подъ этимъ, вѣроятно, разумѣютъ небольшую группу писемъ, которыя Траверсари приложилъ къ своимъ и изъ которыхъ, дѣйствительно, видно, что Ауриспа былъ хорошій стилистъ ¹⁾). Безъ сомнѣнiя, онъ былъ отличный знатокъ греческаго языка, но никакихъ особыхъ заслугъ этимъ не оказалъ свѣту кромѣ перевода двухъ небольшихъ сочиненiй Лукiана и другихъ маленькихъ произведенiй ²⁾). Ауриспа обѣщалъ когда-то своему другу Беккаделли перевести въ двѣ недѣли небольшую «жизнь Гомера», которая въ то время была у него одного въ Италiи, но въ теченiи цѣлаго года ничего не сдѣлалъ, хотя, по словамъ Беккаделли, ему только и дѣла было, что «ногти чистить да брюхо чесать» ³⁾). Очевидно, онъ велъ привольную жизнь человѣка, надѣленнаго богатыми бенефицiями, которая усыпила въ немъ всякое честолюбiе, такъ что поэтъ не хотѣлъ прославиться, владея прекраснымъ стихомъ и изящнымъ прозаическимъ слогомъ.

Если что придавало значенiе Ауриспѣ и заставляло цѣнить дружбу съ нимъ, то это его богатое собранiе книгъ. Даже флорентинскiе собиратели не могли безъ зависти смотрѣть на его греческiя сокровища, плодъ его поѣздокъ и большихъ покупокъ. Онъ и впослѣдствiи постоянно бралъ сочиненiя классиковъ у своихъ друзей и давалъ ихъ переписывать, но былъ извѣстенъ тѣмъ, что долго не отдаетъ ихъ и даже въ состоянiи чрезъ нѣсколько лѣтъ считать данную на время книгу за подарокъ. Напр. Филельфо, давшiй ему своего Поллукса, не смотря на всѣ просьбы получилъ его только черезъ 23 года. Но самъ Ауриспа ужасно не любилъ давать книги другимъ, и тѣхъ друзей, которые просили у него какую нибудь книгу, томилъ уклончивыми отговорками ⁴⁾). Филельфо называлъ его книжною гарпiею и наконецъ сталъ отказывать въ ссудѣ книгъ. Какъ всѣ усердные собиратели, Ауриспа имѣлъ много подобныхъ

¹⁾ Ambros. Travers. epist. XXIV. 38. 50—60.

²⁾ Особенно часто встрѣчается въ рукописяхъ сравненiе между Александромъ Великимъ, Анибаломъ и Сципиономъ, въ спискѣ вѣнскаго городского архива (v. Böhm die Handschriften Kais. und. Kön. Haus.—Hof. Staatsarchivs, wien 1873, г. 711) съ посвященiемъ Ауриспы ad Baptistam Cápud de Ferro Romanum civem, praectorem Bononiae. Переводъ, безъ сомнѣнiя, относится къ тому времени, когда Ауриспа преподавалъ въ Болоньѣ.

³⁾ Bescatelli epist. Campan. 9. 10. Janus rannonius epigr. I, 112 очевидно, неправъ, когда онъ говоритъ:

Tam doctus scribat cur nil Aurispa, requiris?
Credatur multo doctus ut esse magis.

⁴⁾ Филельфо къ Ауриспѣ отъ 23 апрѣля 1448 г. Je uno, mi Aurispa, nemo est n accipiendo liberaliow, in dono autem nemo rursus avarior.

богатствъ только затѣмъ, чтобы имѣть ихъ ¹⁾. Только тогда, когда имъ овладѣвала прежняя склонность къ торговымъ сдѣлкамъ, онъ продавалъ случайно книгу какому нибудь страстному любителю за дорогую цѣну, и эти деньги всегда старался употребить на выгодныя покупки ²⁾. Но всѣ знали, что занятія собственника этихъ книгъ и потребность въ нихъ далеко были не въ уровень съ тѣмъ стараніемъ, съ которымъ онъ собиралъ ихъ. Онъ не приносили ему той пользы, какъ его флорентинскимъ друзьямъ, и оставались мертвымъ капиталомъ въ рукахъ человѣка, надѣленнаго большими бенефіціями и любившаго хорошо пожить. Ему никогда и въ голову не приходило распорядиться, чтобы онъ стали общимъ достояніемъ послѣ его смерти. Поэтому всѣ онъ были разобраны и распропала, когда онъ умеръ въ 1450 г. Это былъ человѣкъ богато одаренный природою, но не оставилъ по себѣ сожалѣнія и даже былъ забытъ за шумомъ славы неутомимаго Гварино, съ которымъ жилъ такъ долго подъ одной кровлею ³⁾.

Мы охотно вѣримъ тому, что маркграфъ Никколо не былъ скупъ по отношенію къ этимъ ученымъ. Благодаря его расположенію, Ауриспа и Бенци стали богатыми людьми, и Гварино тоже могъ бы поправить свои дѣла, если бы заботился о содержаніи только своихъ собственныхъ дѣтей. За посвященія, дѣлаемые ему, маркграфъ вознаграждалъ прилично, а ученыхъ посѣтителей принималъ роскошно, и въ этомъ отношеніи о немъ шла хорошая молва въ Италиі. Онъ умеръ въ Миланѣ въ 1441 г. и былъ похороненъ въ Феррарѣ въ базиликѣ, которую самъ построилъ. Явился цѣлый рядъ эпитафій въ память его и въ томъ числѣ только четыре, сочиненныя Гварино ⁴⁾.

Лионелло, преемникъ Никколо, былъ первымъ владѣтельнымъ лицомъ въ Италиі, получившимъ воспитаніе у гуманиста, и гдѣ только о немъ ни говорили, всегда непременно упоминали, что онъ былъ

¹⁾ Въ одножъ письмѣ, напечатанномъ вмѣстѣ съ письмами Ambros. Travers. XXIV, 59 онъ самъ говоритъ: cupiditas quaedam mīra, quae me in habendis codicibus tenet.

²⁾ Этимъ объясняется шутка въ письмѣ Филельфо отъ 10 іюня 1441 г.: Es tu sane librorum officina. Sed ex tua ista taberna libraria nullus unquam prodit codex nisi cum quaestu. Это однако не даетъ права считать Ауриспу за настоящаго книгопродавца.

³⁾ Всего писемъ отражается личность Ауриспы во множествѣ писемъ, которыя писалъ къ нему Филельфо, большею частію насчетъ книгъ, такъ напр. отъ 4 апр. 1428 г., отъ 12 сент. 1431 г., отъ 30 декабря 1432 г., отъ 13 декабря 1439 г., отъ 10 іюня 1441 г., отъ 18 іюля 1444 г., отъ 18 февраля 1451 г., къ Сассоло да Прато отъ 30 декабря 1443 г., о книгахъ, оставшихся послѣ Ауриспы, къ Леонардо Саббатини отъ 2 января 1461 г. Ауриспа къ Траверсари въ его письмахъ *epist.* XXIV, 50.

⁴⁾ 22 Эпитафія у Borsetti *Ilist. Ferrar. gymnas.* P. I p. 40. 46.

ученикомъ Гварино. Какъ легко однако владѣтельному лицу прославиться въ литературѣ, если только онъ учился чему нибудь! Поджю съ восторгомъ говорилъ о немъ, что онъ стремится къ возвышенной цѣли въ жизни, желая самъ прославить свои великіе подвиги классическими трудами, что это божественный умъ, который, не смотря на заботы и труды правленія, еще пытается такую сильную любовь къ занятіямъ науками ¹⁾. Филельфо находилъ его добродѣтели достойными зависти и почти божественными. По его словамъ, онъ достоинъ господствовать надъ всею Италією, онъ по истинѣ рожденъ для славы ²⁾. Самъ Гварино въ надгробной рѣчи своему ученику сказалъ, что въ отношеніи слога Ліонелло почти достигъ изящества древнихъ писателей. Если мы хотимъ прочесть разнаго рода хвалебные отзывы ему, то намъ стоитъ только раскрыть феррарскія хроники того времени.

Ліонелло еще молодымъ человѣкомъ слышалъ такія необычныя похвалы себѣ отъ своего наставника, что могъ считать себя уже великимъ талантомъ и думать, что стоитъ только приняться за работу, и онъ сдѣлается литературною знаменитостью. Въ юные годы онъ получилъ поверхностное образованіе, такъ какъ, по видимому, его не прочли въ наслѣдники, и долженъ былъ изучать военное искусство. Поэтому его отправили въ Неаполитанское королевство къ знаменитому кондотьеру Бракчіо. Но маленькое владѣніе могло обойтись и безъ военныхъ талантовъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола, онъ могъ посвящать себя мирнымъ занятіямъ разнаго рода и между прочимъ поэзіи. Поэтому въ молодости Ліонелло охотно сталъ учиться у Гварино. Отъ него осталось два прелестныхъ сонета; говорятъ, что Ліонелло написалъ цѣлую книгу подобныхъ стихотвореній ³⁾, и конечно, были люди, удивлявшіеся его поэтическому дару. Маркграфъ писалъ иногда письма въ легкомъ родѣ, и Гварино тотчасъ же находилъ ихъ слаще меда, предсказалъ превосходному ученику, что онъ со временемъ будетъ властителемъ властителей и почиталъ за счастье для себя, что помогъ развитію этого таланта ⁴⁾. Но принцъ страстно любилъ охоту, и когда онъ приносилъ своему старому учителю, который не могъ раздѣлять съ нимъ этого удовольствія, фазановъ, куропатокъ или оленей, то всегда прилагалъ дружескую записочку. Придворный ученый былъ внѣ себя отъ восхищенія, благодарилъ въ классическиххъ

1) Poggii Epist. V, 18. 19. VI, 3.

2) Письмо Филельфо къ нему отъ 28 іюля 1449 г.

3) Ant. Frizzi Memorie vol. III p. 449. 506.

4) 13 писемъ Гварино къ Ліонелло см. у Pez Thesaur Anecd. nov. T. V. P. III p. 154 sq., cf. epist. 3.

выраженіяхъ, клонившихся къ похвалѣ охотѣ, шутливымъ тономъ расхваливалъ принца, великаго побѣдителя, и считалъ себя уже безсмертнымъ, когда тотъ удостоивалъ его восторженнаго письма ¹⁾). Если Лионелло предпочиталъ пріятную жизнь въ деревнѣ занятіямъ съ старымъ наставникомъ, то послѣдній находилъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ Гварино, «чтобы и въ отсутствіи поддерживать занятія», выработалъ для него письменную программу, золотыя правила, которыя были нѣкогда переданы ему Хризолоромъ. Она состояла въ томъ, чтобы заучивать наизусть лучшія мѣста изъ классиковъ, постоянно держать записную книжку въ рукѣ и т. п., на что у принца, такъ любившаго удовольствія, едва ли хватало времени ²⁾). Онъ, по всей вѣроятности, не читалъ и перевода Плутархова Лизандра, поднесеннаго ему въ даръ Гварино ко дню его бракосочетанія ³⁾). Лионелло и безъ труда вызывалъ въ своемъ учителѣ удивленіе. А когда онъ въ смыслѣ упраженія говорилъ рѣчь въ похвалу Юлію Цезарю, то наставникъ видѣлъ въ немъ уже втораго Цезаря. «Да, превосходный юноша, усвойвай себѣ добродѣтели великихъ мужей частымъ произношеніемъ рѣчей. короче ознакомься съ ними, прославляя ихъ, люби ихъ, подражай имъ ⁴⁾». Когда императоръ Сигизмундъ посвятилъ принца въ рыцари въ 1433 г., то послѣдній за эту милость сказалъ краткую благодарственную рѣчь, за которую Гварино осыпалъ его самыми изысканными похвалами; онѣ лились, какъ изъ рога изобилія ⁵⁾). Другую рѣчь говорилъ онъ въ 1436 г. при приѣмѣ папы Евгенія IV, который подарилъ ему за это шляпу, украшенную золотомъ, жемчугами и драгоценными камнями ⁶⁾). Мы можемъ быть увѣрены, что Гварино принадлежитъ большая доля участія въ этихъ рѣчахъ. Но во всякомъ случаѣ было новостью, что сынъ владѣтельнаго лица говорилъ при придворныхъ торжествахъ латинскія рѣчи, которыя, разумѣется, расхвалились, какъ «памятники его безсмертной славы». Лионелло приписывается и та заслуга, что онъ первый призналъ подложною переписку Сенеки съ апостоломъ Павломъ. Но и здѣсь мы не можемъ отрѣшиться отъ догадки, что этотъ критическій подвигъ принадлежитъ Гварино и приписывался Лионелло лишь изъ

¹⁾ Ibid. epist. 4. 6. 11. 13.

²⁾ Rosmini vita di Guarino vol. I p. 78.

³⁾ Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 745.

⁴⁾ Epist. 2 у Pez I. c.

⁵⁾ Epist. I отъ 13 сент. 1433 г., тоже въ изданныхъ Hier. Donzelinus Epistolae Principum etc. Venet. 1574, p. 386. Самая рѣчь у Mitarelli Biblioth. codd. msc. Monast. S. Michaelis Venet. p. 665.

⁶⁾ Iohannes Ferrariensis ap. Muratori Scriptt. T. XX p. 445.

вѣжливости. Добрый старикъ откровенно признаетъ для себя правиломъ слова Горация: *Principibus placuisse viris non ultima laus est.* (Не малая похвала тебѣ, коль ты понравился высокопоставленнымъ лицамъ). Онъ беретъ грѣхъ на свою филологическую совѣсть, толкуя здѣсь слово *principes* словомъ владѣтельные особы.

Такимъ образомъ наше понятіе о гуманистическомъ образованіи Ліонелло значительно ограничивается. Онъ больше любилъ охотиться, блистать на придворныхъ празднествахъ, чѣмъ искать мудрости минувшихъ временъ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей. Конечно, ему хотѣлось казаться ученымъ, человѣкомъ занимающимся наукою, если только можно достигъ такихъ лестныхъ похвалъ съ малымъ трудомъ. И мы охотно вѣримъ, что за столомъ или когда онъ прогуливался по своему парку, то любилъ слушать разговоръ на модныя античныя темы и принималъ въ немъ участіе ¹⁾). Маркграфъ собиралъ книги, картины, медали и рѣзные драгоценныя камни. Онъ велѣлъ и свои монеты чеканить на образецъ древнихъ римскихъ, такъ что съ одной стороны былъ его портретъ и имя ²⁾). Онъ имѣлъ разнообразныя сношенія съ учеными и состоялъ съ ними въ перепискѣ, какъ напр. съ Чириако анконскимъ, который старался расположить его въ пользу своихъ фантастическихъ путешествій, сочинилъ эпитафію его отцу Никколо и посѣтилъ его въ 1449 г. незадолго до его смерти. Тогда Ліонелло показывалъ ему художественныя произведенія живописи, находившіяся у него, напр. изображеніе музъ съ эпиграммами, сочиненными къ нимъ Гварино ³⁾). Маркграфъ былъ также въ перепискѣ и съ Пьеромъ Капидо Дечембріо, который жилъ въ Миланѣ. Дечембріо посвятилъ ему надгробную рѣчь, написанную въ честь покойнаго маркграфа Никколо, послалъ ему потомъ біографію герцога Филиппа Маріи раньше ея изданія, просилъ сказать свое мнѣніе, какъ знатока исторіографіи, и вполнѣ согласился съ мнѣніемъ маркграфа, что объ извращенной чувственности Висконти можно или совсѣмъ умолчать, или слегка намекнуть на нее ⁴⁾). Поэтому Ліонелло могъ принимать участіе въ дѣятельности литературнаго міра не только какъ меценатъ, но и какъ человѣкъ посвященный въ тайны этого дѣла. Впрочемъ онъ, какъ правитель, вовсе не отличался тѣми добродѣтелями, какихъ можно было ожидать отъ ученика Гварино: онъ

¹⁾ Joh. Ferrariensis p. 457.

²⁾ Флавіо Бьондо поздравляетъ его съ этимъ въ письмѣ отъ 1 февраля 1466 г. въ Cod. ms. F. 66 Публ. корол. библ. въ Дрезденѣ fol. 116.

³⁾ Colucci Delle Antichità Picene T. XV p. 143.

⁴⁾ Saxius p. 296. Пять писемъ Ліонелло вѣсть съ Письмами Дечембріо въ Ambrosiana. Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 109.

былъ человѣкъ строгій, надменный и иногда недоступный, и если сохранялъ должное уваженіе къ старому наставнику, то все таки находили, что онъ уступаетъ своему отцу въ главной добродѣтели правителей, въ щедрости къ писателямъ ¹⁾.

Великая заслуга Ліонелло передъ наукою — это возобновленіе феррарскаго университета, который постоянно приходилъ въ упадокъ не смотря на старанія его дѣда и отца. Вопросъ объ этомъ поднять былъ въ 1442 г. лицами, поставленными во главѣ университета (savj). Они прежде всего приняли во вниманіе интересы горожанъ, сыновья которыхъ должны были изучать науки въ другихъ странахъ, вмѣсто того, чтобы наплывъ постороннихъ учениковъ обогащаль городъ и гражданъ. Вѣроятно, Гварино принималъ участіе въ разработкѣ этого вопроса. Оказалось, что причиною упадка университета служить плохое состояніе латинскихъ школъ въ городѣ, и было рѣшено, чтобы съ этихъ поръ никто не содержалъ школы въ Феррарѣ, если не получилъ одобреній за познанія въ гуманитарныхъ наукахъ отъ двѣнадцати ученыхъ (savj). А дурныхъ учителей положено было выгонять изъ города, «какъ зачумленный скотъ». Въ городскія школы были приглашены ученые люди, какъ напр. Франческо де Кампанеа, Франческо да Рома, Бенедетто Бурсе, который въ то-же время по праздникамъ читалъ публичныя лекціи реторики, объяснялъ Цицерона и Плавта ²⁾.

Такимъ образомъ и университетское преподаваніе оживилось съ приглашеніемъ юристовъ, медиковъ, богослововъ и философовъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ миноритъ Джіованни да Феррара, исторіографъ фамиліи Эсте ³⁾. При этомъ вторичномъ открытіи университета Гварино говорилъ торжественную рѣчь, въ которой старался внушить юношеству рвеніе къ занятіямъ науками. Его вліяніе, конечно, было сильно, когда здѣсь была въ первый разъ учреждена особая кафедра и для греческаго языка. На нее приглашенъ былъ Ѳедоръ Газскій, человѣкъ съ основательною ученостью, который владѣлъ и латинскимъ языкомъ. Онъ учился ему въ Мантуѣ у Витторино да Фельтре. Нѣсколько лѣтъ былъ онъ профессоромъ, объяснялъ усерднымъ ученикамъ рѣчи Демосѡена и т. п. ⁴⁾ Къ числу его слушателей, привлеченныхъ сюда не въ маломъ количествѣ изъ дальнихъ мѣстъ, принадлежалъ мо-

¹⁾ Aeneas Sylvius de vir. clar. XII.

²⁾ Рѣшеніе Savj отъ 17 января 1442 г. и 11 іюля 1443 г. у Borsetti P. I p. 47, 40, гдѣ названы и имена приглашенныхъ.

³⁾ Johannes Ferrariensis l. c. p. 457.

⁴⁾ Hodijs de graec. ill. p. 57, 58. Обыкновенно полагаютъ, что онъ былъ приглашенъ въ 1447 г., но это едва-ли вѣрно; см. Aliottus epist. III, 19, 10. А около 1450 г. онъ былъ приглашенъ въ Римъ папою Николаемъ V.

людой Базиніо Базини изъ Пармы, даровитый поэтъ, тоже бывшій ученикомъ Витторино. Онъ быстро выучился греческому языку у Федора Газскаго и, какъ пылкій поклонникъ Гомера, испыталъ свои силы въ героической поэмѣ Мелеагридѣ, въ которой воспѣвалъ Каледонскую охоту и смерть Мелеагра. Небольшая поэма эта была принесена въ даръ Ліонелло д'Эсте, котораго поэтъ обѣщалъ еще особенно прославить. Въ награду за это Базиніо получилъ въ 1448 г. кафедру латинскаго краснорѣчія. Но онъ вскорѣ долженъ былъ оставить Феррару вслѣдствіе политическихъ недоразумѣній и нашелъ себѣ мѣсто придворнаго поэта въ Римини у фамиліи Малатеста, которое еще больше соответствовало его талантамъ и желанію, чѣмъ профессорская кафедра ¹⁾).

Братъ и наслѣдникъ Ліонелло, Борзо д'Эсте, сынъ Никколо отъ сѣнисконской конкубины, тоже оказывается славнымъ дѣятелемъ у ученыхъ льстецовъ. Онъ былъ юноша красивый, веселый, любезный и остроумный. Жители Феррары, въ особенности дамы, чуть не боготворили его. Въ гимнастическихъ упражненіяхъ, верховой ѣздѣ и бросаніи копья онъ не зналъ равныхъ себѣ. Кромѣ того онъ былъ отличный охотникъ, подобно брату, и величественъ во время придворныхъ празднествъ. По роскоши и изящному убранству своего дворца Борзо могъ соперничать съ королями. Можно-бы было принять его за остроумнаго весельчака и безразсуднаго мота, если-бы съ другой стороны онъ не былъ весьма разсчитаннымъ политикомъ и превосходнымъ хозяиномъ. Властитель могъ дѣлать большія затраты, потому что много получалъ отъ своихъ предшественниковъ и держалъ кассу въ образцовомъ порядкѣ. Онъ умѣлъ блистать своей щедростью. Его придворные поэты и ученые, а также и знаменитые писатели получали въ награду за свои труды и похвалы иногда такіе подарки, какихъ не дѣлалъ ни одинъ государь, именно по 1000 дукатовъ ²⁾). Но, вѣроятно, это случалось не часто. Борзо приказывалъ скупать книги, но старшій Гварино, руководившій дѣлами въ этомъ отношеніи, не давалъ той цѣны, какую запрашивали.

Людовико Карбоне сказалъ въ своей надгробной рѣчи въ честь Борзо, что изъ рѣчей этого государя, которыя были слаще меда, онъ научился гораздо большому, чѣмъ изъ цѣлаго Цицерона. Но отъзвъ другаго современнаго писателя, тоже состоявшаго на службѣ у маркиграфа, показываетъ, что онъ такъ-же плохо зналъ латинскій

¹⁾ Borsetti P. II p. 30 указываетъ на пригласительный депретъ отъ 26 сент. 1448 г. Лфо въ Basinii Opp. T. II P. I p. 9, 10, 12, 36. Мелеагрида *ibid.* T. I. p. 345 seq.

²⁾ Tiraboschi T. V p. 40.

языкъ, какъ и Франческо Сфорца. При этомъ мы впрочемъ не можемъ отказать обоимъ имъ въ природномъ дарѣ краснорѣчія ¹⁾. Бьондо тоже прямо говоритъ намъ, что Борзо, подобно отцу своему, былъ несвѣдущъ въ наукахъ ²⁾. Правда, онъ любилъ изящныя искусства, но и то не особенно. Быть можетъ, онъ приказывалъ себѣ читать Ланчилотто, рассматривалъ иллюстраціи, которыя заказалъ для этой книги одному болонскому художнику, любовался золотыми обложками своихъ книгъ и миниатюрами, которыя служили точно такимъ-же украшеніемъ его собраній, какъ для него самого служили украшеніемъ новое платье, или герцогскій титулъ, который онъ купилъ у императора Фридриха. Какъ у Сфорцы совѣтникомъ по литературнымъ вопросамъ былъ Сикко Симонетта, такъ у Борзо Лодовико Казелла, его референдарій (докладчикъ). Самъ онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понималъ. Черезъ посредство этого-же Казеллы можно было войти въ расположеніе Борзо.

И Борзо оказывалъ всякое уваженіе старому Гварино, который все еще былъ первымъ украшеніемъ феррарскаго пріюта музъ. Когда же этотъ почтенный старецъ умеръ, то рѣшено было соорудить ему достойный памятникъ. Сыновья Гварино совѣтовались объ этомъ съ двѣнадцатью учеными людьми (savj). Они вспоминали о томъ, какой надгробный памятникъ соорудили флорентинцы своему согражданину Ліонардо Бруни. Герцогъ поддерживалъ ихъ желаніе. Знаменитому наставнику былъ сооруженъ на общественный счетъ памятникъ изъ порфира въ церкви С. Паоло на четырехъ мраморныхъ колоннахъ съ хвалебною надписью. Памятникъ этотъ разрушенъ вмѣстѣ съ церковью во время землетрясенія въ 1570 г. Тоже было доказательствомъ уваженія къ памяти покойнаго, что Баттистъ Гварино была присуждена кафедра его отца рѣшеніемъ сановниковъ университета и утвержденіемъ герцога ³⁾. Но наряду съ нимъ назначенъ былъ преподавателемъ реторики и пѣтвни и Людовико Карбоне, уроженецъ Феррары, такъ какъ онъ уже преподавалъ эти науки съ 1456 г., часто замѣнялъ престарѣлаго Гварино въ качествѣ придворнаго оратора и говорилъ въ честь его надгробную рѣчь. Когда-же онъ былъ приглашенъ въ Болонью въ 1465 г., то жалованье его выплачивалось Баттистъ. Впослѣдствіи Карбоне опять воротился въ Феррару и долго украшалъ своей ученостью тамошній дворъ. Это былъ превосходный

¹⁾ Ibid. p. 42.

²⁾ Blondus Italia illustr. p. 354.

³⁾ Borsetti P. I p. 57, 58, 59, 60.

ученикъ Гварино, которому мы обязаны первымъ печатнымъ изданіемъ писемъ Плинія младшаго ¹⁾.

Мирное время дало возможность феррарской династіи и въ XIV вѣкѣ принимать видное участіе въ развитіи тосканской поэзіи. Но этогъ бездѣятельный миръ въ то-же время породилъ ту удушливую придворную атмосферу, которая мѣшала привольному расцвѣту дарованій, такъ что многіе таланты, развернувшіеся было подъ вліяніемъ покровительства владѣтельныхъ особъ, снова поблекли.

Мы уже не разъ указывали на своеобразную связь династическихъ интересовъ съ литературными. Мы встрѣтили это явленіе при дворахъ неаполитанскомъ и миланскомъ; тоже самое видимъ у Гонзагъ и Эсте, которые изъ простыхъ синьоровъ благодаря счастливымъ обстоятельствамъ сдѣлались маркграфами и герцогами. Такое возвышеніе династій, слѣдствіе политическаго дробленія страны и кондотьерства, особенно было въ ходу въ папскихъ викаріатахъ (на мѣстничествахъ). И мы постоянно замѣчаемъ одно и то-же стремленіе владѣтелей укрѣпить подъ собою шаткую почву меценатствомъ. Мы приведемъ наиболее яркіе примѣры того, какъ эти династы прибѣгали къ самымъ осязательнымъ средствамъ для усиленія своего могущества, къ деньгамъ и войскамъ, а третьимъ средствомъ былъ ореолъ, создаваемый литераторами. Эти династы не могли обойтись безъ придворныхъ поэтовъ и глашатаевъ своей славы.

О владѣтельномъ лицѣ и впоследствии герцогѣ Урбинскомъ, Федерико ди Монтефельтро, мы уже упоминали, говоря объ ученикахъ Витторино. Тогда еще онъ не имѣлъ надежды быть наследникомъ, такъ какъ его незаконное происхожденіе былъ фактъ неоспоримый. Въ Мантуѣ красивый и бойкій юноша былъ любимцемъ городскихъ жителей. Но и Витторино радовался его быстрымъ успѣхамъ въ языкахъ латинскомъ и греческомъ и его скромному поведенію. Конечно, сынъ владѣтельнаго лица не хотѣлъ быть ученымъ, а скорѣе знаменитымъ предводителемъ войскъ, каковымъ былъ и его отецъ. Когда онъ читалъ древнихъ писателей, то приходилъ въ восторгъ отъ описанія войнъ и сраженій. При этомъ лицо его разгоралось, и онъ стучалъ ногами въ полъ, какъ будто находился среди жаркой схватки. Его честолюбивою мечтою было сдѣлаться Сципіономъ Африканскимъ ²⁾.

Дѣйствительно, жизнь его была прежде всего жизнью военного человека и предводителя: онъ былъ начальникомъ отрядовъ въ войскѣ

¹⁾ Ibid. p. 60. 62. P. II p. 38.

²⁾ Rosmini Vittorino p. 353 e. seg. Kyriacus Ancon. Itinerar. p. 36 видѣлъ его въ Урбино и называетъ *ingenuae indolis puer*.

Франческо Сфорцы, служилъ также подъ начальствомъ Никколо Пиччинино. Впослѣдствіи, уже будучи владѣтельнымъ лицомъ, онъ больше тридцати лѣтъ пробылъ кондотьеромъ королей Неаполитанскихъ Альфонса и Фердинанда и нѣсколькихъ папъ. Между подобными себѣ герцога считался единственнымъ человѣкомъ, остававшимся вѣрнымъ своему долгу, вмѣстѣ съ тѣмъ отлично умѣвшимъ составлять военные планы и поддерживать дисциплину въ войскахъ. Но лагерная жизнь не могла потушить въ немъ любви къ наукамъ, которая пробудилась еще въ мантуанской школѣ. Какъ человѣкъ неглупый, онъ строилъ зданіе на прочной основѣ, а основа эта была — знаніе латинскаго языка. Федерико предался основательному изученію исторіи и философіи подъ руководствомъ доминиканца Ладзаро Раканелли, которому впослѣдствіи выхлопоталъ епископскую кафедру въ Урбино. Маркграфъ читалъ и Аристотеля, но съ особенною любовью историковъ, которые были ближе къ его военному призванію, Ливія, Саллюстія, Квинта Курція и Плутарха. Когда онъ однажды сопровождалъ съ 10 концами отрядами папу Пія II въ Тиволи, у котораго служилъ кондотьеромъ, и мечи сверкали при блескѣ солнечныхъ лучей, щиты и шлемы сіяли, то онъ говорилъ съ ученымъ папою объ оружіи древнихъ, о Троянской войнѣ, которую считалъ не особенно важною, и потомъ оба они никакъ не могли согласиться насчетъ границъ такъ называемой Малой Азіи ¹⁾.

Совсѣмъ инымъ занятіямъ предавался Федерико въ своемъ родномъ Урбино, когда снималъ съ себя вооруженіе. Онъ строилъ зданія по образцамъ античныхъ водчихъ. Дворецъ его, построенный флорентинцемъ Бакціо Понтелло, по мнѣнію многихъ, былъ самымъ красивымъ въ цѣлой Италіи. Онъ украсилъ его множествомъ драгоценностей, самыми лучшими картинами, античными статуями, мраморными и бронзовыми; тутъ же были и всякаго рода музыкальные инструменты ²⁾. Онъ пригласилъ изъ Фландріи лучшихъ живописцевъ росписывать стѣны залъ. Но самыя дорогія сокровища хранились въ прекрасно устроенной библіотечной залѣ, стѣны которой были украшены изображеніями древнихъ философовъ и отцовъ Церкви. Тутъ же былъ и портретъ стараго Витторино съ хвалебною надписью.

Федерико съ юныхъ лѣтъ началъ собирать книги. Впослѣдствіи онъ дѣлалъ это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ едва ли кто

¹⁾ Pii Comment. p. 131.

²⁾ Я называю имя архитектора сълуга Fil. Ugolini Storia dei conti e duchi d'Urbino vol. I, Firenze 1859 p. 442. Въ пользу Франческо ди Джорджіо и часто упоминаемаго Л. Б. Альберти нѣтъ доказательствъ.

нибудь другой, впрочемъ больше какъ простой любитель, нежели какъ ученый, понимающій дѣло. Говорять, что онъ израсходовалъ на это 30,000 дукатовъ. Герцогъ хотѣлъ имѣть лучшія произведенія всѣхъ литературъ, какъ древнихъ писателей, такъ и церковныхъ, также и средневѣковыхъ, философовъ, богослововъ, юристовъ, медиковъ, латинскія и греческія книги, даже еврейскія, творенія Данта, Петрарки и Боккачіо, также Саллютата, Бруни, Траверсари, Манетти, Валлы, Перотто, Пія II и другихъ знаменитыхъ гуманистовъ. И всѣ эти книги хотѣлъ онъ имѣть по возможности въ красивомъ видѣ, писанныя на пергаментѣ, съ прекрасными миниатюрами, въ обложкахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. «Федерико счелъ бы за стыдъ держать у себя печатную книгу», говоритъ Веспасіано безгловымъ тономъ стараго торговца, поставлявшаго рукописи. Во Флоренціи и Урбино было отъ тридцати до сорока переписчиковъ, постоянно занятыхъ тѣмъ, чтобы пополнять это собраніе. Веспасіано былъ при этомъ агентомъ и правою рукою герцога. Когда онъ былъ въ Урбино, то сравнивали съ каталогомъ урбинской бібліотеки каталоги самыхъ большихъ бібліотекъ въ Италіи, папской, бібліотеки св. Марка во Флоренціи, падуанской, павійской и оксфордской. Оказалось, что бібліотека герцога разнообразнѣе всѣхъ другихъ, что она, какъ писанная въ систематическомъ порядкѣ, всегда заключала всѣ произведенія писателя, а не отдѣльныя только сочиненія, какъ это было въ другихъ книгохранилищахъ, которыя собирались постепенно и пополнялись изъ разныхъ источниковъ. Но за то тутъ были большею частью новыя копіи, разумѣется, плохія. Такъ возникло знаменитое урбинское книгохранилище, которое впоследствии Цезарь Борджія увезъ въ Римъ ¹⁾).

Конечно, нельзя думать, чтобы этотъ воинственный герцогъ усердно предавался чтенію книгъ и наукамъ. Онъ былъ страстный поклонникъ чувственныхъ наслажденій и имѣлъ массу незаконныхъ дѣтей, а какъ истинный искатель приключеній, не смотря на свое образованіе, вѣрилъ астрологамъ ²⁾). Однако Федерико платилъ жалованье чтецамъ, которые должны были читать ему за столомъ и всегда въ свободное время преимущественно исторію войнъ древнихъ

¹⁾ Vespasiano Federico duca d' Urbino § 27—31. Кромъ списка, сообщаемого здѣсь Веспасіано, у насъ есть *Inventario della libreria Urbinate compilato nel secolo XV da Federigo Veterano, bibliotecario di Federigo, который издалъ Гваста въ Giornae stor. degli archivi Toscani vol. VI p. 127 e seg. vol. VII p. 46 e seg. Rosmini Vittorino p. 361. О перевозѣ урбинской бібліотеки въ Римъ сообщаетъ Jacob Ziegler Acta Pappum y Ranke Deutsche Geschichte. Vol. II. 4 Aufl. s. 264.*

²⁾ Ugolini l. c. vol. II p. 4.

и новыхъ временъ. «Незнаніе наукъ, обыкновенно говаривалъ онъ, недостойно хорошаго государя». И своихъ сыновей старался онъ воспитывать тщательно; они обучались преимущественно латинскому языку и римской литературѣ. Когда его посѣтилъ Флавіо Бьондо, то узналъ съ удивленіемъ, что тринадцатилѣтній Бонконте, который потомъ рано умеръ, умѣлъ переводить хорошими латинскимъ слогами письма, писанныя на народномъ языкѣ, которыя подавались отцу во время стола ¹⁾. Множество сочиненій, посвящаемыхъ такими людьми, какъ Валла, Перотто, Джіованни Понтано, Аламанно Ринуччини и другими, которыя хранились въ урбинской библіотекѣ въ роскошныхъ экземплярахъ, свидѣлствуютъ, что Федерико награждалъ ученыхъ и поэтовъ большими подарками. За это они прославляли его, какъ великаго знатока всѣхъ искусствъ военныхъ и мирныхъ, а на счетъ военной славы его увѣряли, что для нея нѣтъ другихъ границъ, кромѣ того пути, по которому движется солнце. ²⁾ Такимъ образомъ его любимцемъ сдѣлался поэтъ Порчелло де Пандони, всегда готовый говорить стихи, который превращалъ хищническія войны того времени въ величественныя дѣянія древнихъ римлянъ съ помощью античнаго искусства, и котораго мы уже встрѣтили при неаполитанскомъ дворѣ. Онъ воспѣлъ подвиги Федерико, у котораго служилъ придворнымъ секретаремъ, поэтомъ и ораторомъ, въ поэмѣ Фельтрія. Впрочемъ ея единственнымъ представителемъ остался, кажется, только тотъ экземпляръ, который былъ посвященъ герцогу ³⁾. Федерико награждалъ писателей и переводчиковъ; а они за это старались обезсмертить его имя. Веспазіано называетъ его самымъ достойнымъ послѣдователемъ папы Николая V и короля Неаполитанскаго Альфонса, такъ что послѣ его смерти замѣтенъ былъ недостатокъ высокихъ покровителей ⁴⁾.

Соперники герцоговъ Монтефельтро въ политикѣ и военномъ дѣлѣ, а также въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ, были Малатеста, владѣтели Римини и Пезаро, викаріи апостольскаго престола, люди суровые, выросшіе среди войнъ. Однако чрезъ нѣсколько поколѣній мы почти не встрѣчаемъ ни одного члена этой фамиліи, который бы не состоялъ въ личныхъ сношеніяхъ съ зна-

¹⁾ Блондусъ рассказываетъ объ этомъ въ письмѣ въ Галеаццо Сфорца отъ 22 ноября 1458 г. въ Cod. ms. F. 66 кор. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 89.

²⁾ Такъ говоритъ Пирро Перротти въ Введеніи, съ которымъ онъ поднесъ ему въ даръ известную Скрипторіа своего дяди Никколо Перотти. Baldi Vita e fatti di Federigo di Montefeltro vol. III, Roma 1824, p. 239. 240.

³⁾ Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. VII p. 143.

⁴⁾ Въ Prefazione къ Vite § 4.

менностями литературнаго міра. Тутъ опять виновницею является громкая слава Петрарки, которая всѣмъ внушила уваженіе къ наукѣ, государямъ, знатымъ людямъ, простому духовенству и школьнымъ учителямъ. Старый Пандольфо Малатеста былъ однажды низвергнутъ кардиналомъ Альборноццо и все-таки вышелъ изъ смуты викаріемъ апостольскаго престола въ Пезаро и Римини. Ему пришла въ голову странная мысль—обратиться за совѣтомъ къ всесвѣтному мудрецу Петраркѣ, можетъ ли онъ въ свои пожилыя лѣта вступить во второй бракъ. Онъ, дѣйствительно, женился во второй разъ съ одобренія Петрарки, но послѣ того жилъ недолго ¹⁾. Сынъ его, Пандольфо младшій, во время войнъ въ 1372 г. предложилъ у себя убѣжище престарѣлому Петраркѣ и пожелалъ услаждать свою душу пѣснями въ честь Лауры, вѣроятно потому, что языкъ философскихъ сочиненій былъ ему недоступенъ ²⁾.

Галеотто, владѣтель Римини, для обученія сыновей своихъ пригласилъ Якопо дельи Аллегретти, считавшагося философомъ и человѣкомъ свѣдущимъ въ гуманитарныхъ наукахъ. Сыновья эти, Барло и Пандольфо, оказались юношами воспримчивыми. О Карло мы еще узнаемъ нѣкоторыя подробности, но и Пандольфо, который не получилъ владѣній, какъ младшій братъ, хотя всю свою жизнь оставался военнымъ, однако любилъ науки, собиралъ сочиненія классическихъ писателей и нанималъ хорошихъ писцовъ, желая составить библіотеку ³⁾. Малатеста де'Малатести, владѣтель Пезаро, велъ переписку съ Салютато и нашелъ пѣвца своей славы въ лицѣ Антоніо Лоски. Въ секретари себѣ онъ взялъ гуманистически образованнаго Пьетро Турко, друга Салютато ⁴⁾.

Карло, сынъ Галеотто и владѣтель Римини, вскорѣ обнаружилъ плоды своего воспитанія, веденнаго въ гуманистическомъ духѣ. И онъ прежде всего былъ военный человѣкъ и полководецъ, согласно преданіямъ своего дома. Но, какъ человѣкъ умный и образованный, всегда принималъ живое участіе въ изящной словесности и въ наукахъ. Когда Ліонардо Бруни посѣтилъ его въ 1409 г., то удивился, встрѣтивъ въ грозномъ кондотьерѣ человѣка, который читаетъ книги, сочиняетъ стихи, пишетъ письма изящнымъ слогомъ,

¹⁾ Petrarca epist. rer. fam. XXII, 1 отъ 11 сент. 1362 г. и примѣчаніе Фравацетти къ переводу этого письма. Этотъ Пандольфо умеръ въ 1364 г.

²⁾ Petrarca epist. var. 9 къ нему отъ 4 янв. 1373 г.

³⁾ Conte Battaglini Della corte letteraria di Sigismondo Pandolfo Malatesta Commentario (въ Basinius Opp. T. II, P. I) p. 46. 48.

⁴⁾ Письмо Салютато къ этому Малатеста у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III, p. 572. Antonii de Luschi Carmina p. 30.

притомъ такимъ красивымъ почеркомъ, что могъ бы поспорить съ писцами по профессіи. Бруни былъ хорошо принятъ, сопровождалъ властителя на охотѣ, а когда они возвращались вечеромъ домой, то происходили ученые споры, часто горячіе, такъ какъ Малатеста любилъ защищать свои взгляды краснорѣчиво и стойко ¹⁾). Можно бы было, конечно, объяснить сочувствіе Бруни къ этому воину, въ которомъ онъ почти видѣлъ идеалъ древняго римлянина, благодарностью гостя. Можно было бы принять за лесть восторженные письма Антоніо Лоски, по словамъ котораго древній міръ счѣталъ бы владѣтеля Римини за полубога ²⁾). Но у насъ есть свидѣтельства отъ такого времени, когда лесть умолкла, спустя долгое время послѣ смерти Карло, притомъ свидѣтельства такихъ разпохарактерныхъ людей, какъ Поджіо и Бьондо ³⁾). А та ретивость, съ которою онъ заботился о воспитаніи сыновей брата своего Пандольфо, — самъ онъ былъ бездѣтенъ — чтобы они, не смотря на свое незаконное происхожденіе, были достойны быть викаріями церкви, тоже показываетъ въ немъ человека, который зналъ цѣну высшаго образованія ⁴⁾).

И этого-то человека гуманисты обвиняли въ грубомъ поруганіи надъ древностью, именно будто онъ велѣлъ повалить въ Мантуѣ древнюю статую Виргилія, разбить ее, или бросить въ рѣку Минціо, потому что статуи подобаешь сооружать только въ честь святыхъ, а не языческихъ поэтовъ, или сдѣлалъ это «оскорбленный славой Виргилія». Имя послѣдняго всегда пользовалось великимъ почетомъ на его родинѣ, и, какъ сообщаютъ, народъ выражалъ свои чувства точно такъ же, какъ при видѣ изображенія святаго. Первое извѣстно, а второе весьма вѣроятно. Въ Мантуѣ въ одной церкви давно праздновали память полусвятаго пѣвца, и при этомъ пѣлись стихи, которые будто бы сочинилъ самъ Апостолъ Павелъ. Откуда же вдругъ взялось такое озлобленіе противъ статуи, и что давало Малатестѣ право излить надъ нею свой релігіозный фанатизмъ? Какъ могло случиться, что послѣ того, какъ онъ съ честью отразилъ врага отъ стѣнъ Мантуи, онъ обратилъ свой гнѣвъ на поэтовъ, называя ихъ всѣхъ обманщиками, а Цицерона кляузникомъ и краснобаемъ?

1) Leon. Bruni epist. III, 9. VI, 7 ed. Mehus.

2) Antonii de Luschi Carmina p. 59.

3) Poggius Histor. populi Florent. ap. Muratori T. XX p. 331: Carolus Malatesta fuit vir tum belli tum pacis artibus egregius et priscis illis maioribus meo iudicio comparandus... studiis praeterea litterarum deditissimus et disserendi cum viris doctrina et ingenio praestantibus, quibus admodum utebatur, cupidus. Блондусъ называетъ его въ упомянутомъ письмѣ къ Галеаццо Сфорца отъ 1458 г. litteris moribusque et gravitate conspicuus.

4) Battaglini I. c. p. 50.

Изъ самой Мантуи нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія о чемъ либо подобномъ. Напротивъ, насколько мы можемъ прослѣдить происхождение этого разсказа, онъ возникъ въ гуманистическихъ кружкахъ въ Болоньѣ. Пеллегринъ Замбеккарп, болонскій канцлеръ, и нѣкто Якопо да Фермо первые сообщили его Салютато ¹⁾. Пьеръ Паоло Верджеріо тоже писалъ въ Болоньѣ свою инвективу противъ Карло Малатеста въ формѣ письма къ Людовико Алидозя, владѣтелю Имолы. Последній долженъ былъ, по его мнѣнію, посовѣтовать Малатестѣ смыть съ своего имени пятно позора, навлеченное варварскимъ поступкомъ, и возстановить сброшенную статую Виргилія въ болѣе величественномъ видѣ ²⁾.

Мы знаемъ, что Малатеста во время войны въ 1397 г. былъ у своего шурина Джіанфранческо Гонзага въ Мантуѣ. Если бы въ то время статуя была сброшена, то главное обвиненіе пало бы на послѣдняго, однако рѣчь идетъ о Малатестѣ. Имѣлъ ли слухъ, упомянутый нами выше, какой нибудь поводъ, или онъ просто выдумалъ, но съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ упомянутъ въ инвективѣ Верджеріо и распространенъ, онъ продолжалъ повторяться въ кружкахъ гуманистовъ и въ устной передачѣ былъ разукрашенъ новыми подробностями. Бартоломео Фаціо разсказывалъ, что вслѣдствіе инвективы Малатеста опять велѣлъ поставить статую на мѣсто, чтобы возстановить свою репутацію ³⁾. Таково представленіе о значеніи молвы, вѣроятно, очень льстившее гуманистамъ. Статуя, го-

¹⁾ Салютато говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Замбеккарп отъ 23 апрѣля (1398) у Bordini Catalogus codd. lat. T. III p. 572: qualiter Magnificus Dominus Carolus Malatesta fecerat de Mantuano palatio venustum (конечно, vetustum) venerandumque nostri Maronis simulacrum dirui, vatisque tanti memoriam in patria sua, comminuta statua, quam sibi dedicavit sua civitas aboleri etc.

²⁾ Инвектива — такъ вездѣ называется это письмо — впервые издана Бенавидесомъ s. l. et a. Ср. Geiger къ Burckhardt. Die Cultur der Renaissance Bd. I 3 Aufl. s. 201. Слѣдующая Colle, она напечатана въ Венеціи около 1540 г. Обо всемъ этомъ см. Martene et Durand Vett Scriptt. Collect. ampl. T. III p. 868, у Schelhorn Amoenitates lit. T. III edit. alt. p. 225, у Muratori Scriptt. T. XVI p. 215. Догадка Мартена, что авторомъ былъ Гварино, лишена всякаго основанія. У Шельгорна это сочиненіе извѣстно подъ именемъ Леонарда Аретина, на письмо котораго я нашелъ ссылку также въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 101: epistola ad. Personum (?) contra Carolum de Malatestis. Настоящаго автора первый указалъ Муратори по списку Амброзіана, въ которомъ помѣтна письма: Bononiae XIV Kal. Octobris 1392. Но я догадываюсь, что въ спискѣ стоитъ 1397, какъ прочелъ Colle Storia di Studio di Padova vol. IV p. 46. Въ этомъ году Малатеста защищалъ для своего шурина Джіанфранческо Гонзага Мантую, на что намекаетъ и инвектива. Адресъ есть и въ Cod. ms. 1270 лейпц. универс. библиот. fol. 182 вполнѣ: In Carolum Malatestam Invectiva. Petrus Paulus Vergerius illustri Imole domino Ludovico Alidosio Salutem dicit. Въ концѣ здѣсь сказано только ex Bononia.

³⁾ Facius de vir. ill. p. 9.

ворили, не только была сброшена съ мѣста, но и брошена въ рѣку. Это мы уже впоследствии слышимъ изъ далекаго Неаполя отъ Понтано, который самъ слышалъ это отъ другихъ ¹⁾). Во всякомъ случаѣ Чиріако анконскій, посѣтившій Мантую изъ любви къ Виргилію, какъ онъ говоритъ, и бесѣдовавшій тамъ съ Витторино, видѣлъ еще мраморную статую, безъ сомнѣнія, прежнюю, и не знаетъ ни о какомъ поруганіи надъ нею ²⁾).

Племянникъ и наследникъ Карло Малатесты въ Римини былъ Гисмондо ди Пандольфо, имя котораго блеститъ ярче въ исторіи литературы, чѣмъ имена всѣхъ его предковъ и преемниковъ. Правда, и они были люди хорошо образованные, друзья изящной литературы и искусствъ, но только при его дворѣ впервые музы нашли себѣ истинный пріютъ во время его долгаго правленія. Тутъ мы можемъ слышать не одни льстивые гимны наемныхъ писателей и сребролюбивыхъ поэтовъ. Правда, совершенно въ иномъ свѣтѣ изображаетъ его папа Пій II, который поразилъ его отлученіемъ отъ церкви и осудилъ на вѣчныя адскія муки. Чтобы оправдать такой строгій приговоръ, папа распространилъ длинное посланіе, въ которомъ были обнародованы: длинная рѣчь фискальнаго адвоката передъ консисторіею и документы, скорѣе проникнутые желчнымъ тономъ инвективы, чѣмъ правдивости. Тутъ Малатеста выставляется сребролюбивымъ, чудовищемъ, нарушителемъ святости брака, кровосмесителемъ, кошуномъ и еретикомъ. По словамъ этого посланія, онъ ограбилъ своихъ подданныхъ, а изъ двухъ законныхъ женъ одну отравилъ, а другую убилъ. Его обвиняютъ въ томъ, будто онъ, ведя диспутъ въ кругу своихъ ученыхъ, отрицалъ безсмертіе души, смѣялся надъ адомъ и доказывалъ, что это просто пугало, выдуманное попами ³⁾).

Хотя эти страшныя обвиненія какъ бы подкрѣплялись нѣкоторыми подробностями, но тутъ образъ Малатесты является въ искаженномъ видѣ. Безспорно, онъ былъ человекъ суровый, необузданный и нерелигіозный, не заботившійся о нравственности и не отступавшій передъ преступленіемъ. Но онъ былъ вовсе не хуже другихъ такихъ же деспотовъ. Однако его никто не обвиняетъ въ противо-

¹⁾ Ut a maioribus accepit, говоритъ онъ de obedientia lib IV (Opp. Lib. I fol. 34).

²⁾ По его Itinerarium ed Mehus p. 28 онъ видѣлъ въ городѣ marmoreum tam sanctissimi poetae simulacrum suo cum dignissimo epigrammate. Когда это было, трудно вывести изъ его смутнаго разсказа, но во всякомъ случаѣ между 1425 и 1441 гг. У насъ есть надежное свидѣтельство, удушенное изъ виду Гейгеромъ.

³⁾ Булла Discipula veritatis in Pii II Epist. Mediol. 1481 epist. 6. Рѣчь фискальнаго адвоката Андрея Бенци есть также у Mittarelli Bibl. cod. ms. monast. S. Michaelis Venet. p. 704. Ср. G. Voigt. Enea Sylvio de'Piccolomini Bd. III S. 123 ff.

естественныхъ страстяхъ и безчеловѣчной жестокости, какъ Висконти, и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ владѣтелей. Малатеста и въ дурныхъ поступкахъ обнаруживалъ недюжинную натуру. Конечно, его военные подвиги чрезчуръ уже расхваливаются льстецами, его храбрость уподобляется храбрости Ахиллеса, военные таланты — талантамъ Ашибаала. Но внѣ этого кружка почти ничего не слышно объ его успѣхахъ и славѣ въ качествѣ предводителя войскъ. Напротивъ, его считали человѣкомъ ненадежнымъ и вѣроломнымъ: онъ служилъ послѣдовательно у венеціанцевъ, у Сфорцы, папы Евгенія IV, Флоренціи и Альфонсу Арагонскому. Какъ бы ни была сильна его жажда славы, но, кажется, онъ ждалъ ея больше отъ своихъ покрововъ, чѣмъ отъ подвиговъ. Въ мирное время вмѣсто военныхъ тревогъ Гисмондо занимался охотою, турнирами и придворными праздниками. Быть можетъ, онъ больше выказывалъ свою храбрость противъ вепрей и волковъ и сожалѣлъ, что въ Лаціумѣ нѣтъ также львовъ. Только поэты дѣлали изъ этого геройскіе подвиги. Его хвалители рассказываютъ и о томъ, какой красивый замокъ построилъ онъ въ Римини и какъ «справедливо и честно» управлялъ своими подданными. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по образцамъ современныхъ ему деспотовъ. Намъ сообщаютъ также, что Гисмондо съ раннихъ лѣтъ утромъ всегда прежде всего слушалъ обѣдню и построилъ въ Римини домъ для францисканцевъ. Церковь св. Франциска было великолѣпное зданіе, сооруженное имъ больше для прославленія своего имени, чѣмъ имени святаго. Планъ ея былъ начертанъ Леоне Баттистою Альберти, скульптурными работами и живописью ее украсили лучшіе художники, именно Лоренцо Гиберти, Лука делла Роббіа, Симеонъ, братъ Донателло и др. На стѣнахъ были изображены отцы Церкви рядомъ съ знаками зодіака и семью планетами; тутъ же двѣнадцать сивиллъ и девять музъ. По стѣнамъ были сдѣланы также ниши, въ которыхъ современемъ должны были помѣщаться мраморныя гробницы поэтовъ и ученыхъ ¹⁾. Этотъ полужыческій характеръ украшеній отзывался и въ разговорахъ, которые велъ Гисмондо съ своими учеными о богословскихъ, антикварныхъ и философскихъ предметахъ. Тутъ онъ любилъ пошутить и надъ религіею. Но Гисмондо вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ во всемъ этомъ сильный умъ и солидное образованіе. Когда онъ однажды былъ приглашенъ въ Римъ къ столу кардинала Просперо Колонны вмѣстѣ съ Флавіо Бьондо, то шла рѣчь о разныхъ римскихъ древностяхъ, а въ особенности о денежной системѣ древнихъ Римлянъ ²⁾.

1) Valturios de re militari ib. XII in fin. Battaglini l. c. p. 64, 68.

2) Blondus сообщаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Лоренцо Л'Эсте отъ 1 февраля 1466 г. въ Cod. ms. F 66 корол. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 116.

О Гисмондо шла дурная молва по поводу множества его любовных походов, которая въ действительности, конечно, могли оскорблять нравственное чувство и вести къ большимъ неприятностямъ. Но онъ, какъ поклонникъ Петрарки, придавалъ имъ нѣкоторый поэтический оттенокъ восторженнымъ почитаніемъ дамъ своего сердца. Властитель даже достигъ нѣкотораго рода популярности тѣмъ, что риминійскія дѣвицы пользовались его расположеніемъ больше, чѣмъ другія. Гисмондо воспѣвалъ ихъ по образцу Петрарки, только не увѣрялъ въ исключительной и вѣчной любви. Есть его Видѣніе, написанное терцинами, длинное стихотвореніе на смерть Маргариты Риминійской, которую онъ любилъ «искреннею и чистою любовью». Теперь она представляется ему какъ бы покровительницею города Римини. Это стихи страстные, даже нѣжные; ихъ можно, пожалуй, назвать благочестивыми, потому что въ нихъ упоминаются имена святыхъ ¹⁾. Впослѣдствіи ея мѣсто заняла столь прославленная И з о т т а д е л ь и А т т и, тоже изъ Римини. Она долго была его возлюбленною, а съ 1456 г. стала женою и была увѣковѣчена во множествѣ медалей, которыя онъ велѣлъ выбить въ честь ея, и въ цѣломъ потокѣ латинскихъ и итальянскихъ стиховъ ²⁾. Слава военныхъ подвиговъ властителя и красота его Изотты, Марсь и Венера стали съ тѣхъ поръ постоянными темами придворныхъ поэтовъ и всѣхъ, кто искалъ милостей при дворѣ.

Но риминійскому владѣтелю дѣлаетъ все таки честь, что его милости не были лишь плодомъ каприза. Конечно, тотъ, кто желалъ получить ихъ, долженъ былъ поддѣлываться подъ восторженный хвалебный тонъ придворной лести. При этомъ дворѣ все вращалось вокругъ маленькаго Августа и его возлюбленной. Но въ литературный кружокъ благосклонно допускались всякаго рода таланты, даже съ благодарностью. Въ томъ уваженіи, которое властитель оказывалъ своимъ поэтамъ и ученымъ, онъ видѣлъ и свою собственную славу. Первымъ его любимцемъ, въ тоже время открывавшимъ путь и другимъ, себѣ подобнымъ, былъ Р о б е р т о В а л ь т у р і о родомъ изъ Римини. Мы не знаемъ, занималъ ли онъ какую другую должность, кромѣ должности придворнаго ученаго, совѣтника властителя, который развлекалъ его своею бесѣдою во время стола и въ часы досуга. Онъ постоянно является знатнымъ человѣкомъ, заручившимся расположеніемъ своего покровителя и пользующимся почетнымъ по-

¹⁾ Стихотвореніе это у Pale что въ *Manoscritti Palatini* vol. I p. 119.

²⁾ *Mazzuchelli Notizie intorno ad Isotta da Rimini, Brescia 1759*; у меня этой книги не было. Действительно-ли заслуживала эта дама похвалу своимъ благочестіемъ и состраданіемъ къ бѣднымъ, что ей приписываетъ канцона Галеаццо Марескотти изъ Болоньи у *Palermo* l. c. p. 135, я не знаю.

ложеиіемъ, въ то же время чуждымъ всякаго литературнаго соперничества и вражды. Римнійскіе и другіе поэты старались войти къ нему въ расположеніе, чтобы онъ представилъ ихъ самому владѣтелю ¹⁾. Вальтуріо долго трудился надъ сочиненіемъ о военномъ искусствѣ, въ которомъ въ тоже время хотѣлъ похвалить профессію своего господина и его любовь къ антикварнымъ предметамъ. Изъ этого вышло хорошее произведеніе, хотя въ немъ находили недостатокъ моднаго краснорѣчія. Конечно, авторъ не получилъ никакой раны, какъ онъ увѣряетъ въ шутку, и даже никогда не былъ на войнѣ. Онъ только какъ ученый разработалъ матеріалъ, найденный у древнихъ военныхъ писателей, и мѣшалъ древности военного быта съ разными антикварными экскурсами ²⁾. Эта книга—единственное литературное произведеніе Вальтуріо, но ею онъ заслужилъ себѣ имя истиннаго ученаго. Конечно, и онъ долженъ былъ приравливаться къ тому тону, какой господствовалъ при дворѣ: ученый величаетъ императоромъ и королею Малатесту, викарія церкви, котораго можно было назвать только владѣтелемъ, и всѣ его дѣла называетъ царственными и геройскими. Онъ хотѣлъ внушить своему повелителю мысль о томъ, какъ возвеличилъ онъ славу своего имени, развивши «данный свыше даръ къ изящнымъ искусствамъ» въ бесѣдахъ съ учеными, поэтами, и ораторами, которыхъ осыпаетъ всякими благами и почестями. Повидимому, эти награды въ изобиліи достались ему самому. Вальтуріо долго еще жилъ въ Римини въ большомъ почетѣ и потомъ былъ похороненъ въ церкви св. Франциска, великолѣпно отстроенной Гисмондо, въ мраморной гробницѣ, тамъ, гдѣ было приготовлено мѣсто для придворныхъ ученыхъ и поэтовъ.

Первый изъ иноземныхъ ученыхъ, нашедшихъ пріютъ при римнійскомъ дворѣ, былъ То м м а з о С е н е к а изъ Камерино. Сначала онъ служилъ секретаремъ, а потомъ его сдѣлали и придворнымъ ученымъ, чтобы онъ могъ вести философскіе разговоры и давать полезныя объясненія по антикварнымъ вопросамъ, занимавшимъ

¹⁾ Два письма къ нему отъ неизвѣстныхъ поэтовъ изъ Римини, изъ которыхъ одинъ Марко, poeta inclytus, другой Доменико Фуско, vates Apollineus, и Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 375. Письмо Маріо Филельфо къ нему у Schelhorn Amoenitates lit. T. III ed alt. p. 127.

²⁾ Rob. Valturius de re militari издано нѣсколько разъ, въ первый разъ въ Веронѣ въ 1472 г. украшенное эскизами, рѣзанными на деревѣ. (Объ этомъ изданіи упоминаетъ Schelhorn I. c. p. 125. Самое лучшее Parisiis 1532, въ итальянскомъ переводѣ Veronae 1483. Въ парижскомъ изданіи посвященіе состоитъ только изъ словъ: ad Sigismundum... regem et imperatorem Semper invictum, а въ рукописи у Bandini I. c. p. 373 вполне: ad magnanimum et illustrem heroa Sig. Pand. Mal., Splendidis Simum Ariminensium regem ac imperatorem Semper invictum.

поведителя ¹⁾). Но онъ, по видимому, не совсѣмъ годился для этой роли. Сенека принадлежалъ къ числу жалкихъ литературныхъ тружениковъ, которымъ приходилось платиться за свою любовь къ изящной словесности превратностями судьбы и бездомною скитальческою жизнью. Когда онъ пришелъ въ Римини, то былъ уже далеко не молодъ и много успѣлъ постранствовать по свѣту ²⁾). Но такъ какъ бѣднякъ никогда не пользовался извѣстностью, за исключеніемъ классической учености, которую сама судьба какъ бы навязала ему, то мы всегда слышимъ о немъ лишь случайно, а если бы задаться мыслью шагъ за шагомъ прослѣдить его жизнь, то приходилось бы справляться въ разныхъ архивахъ. Въ 1420 г. мы встрѣчаемъ Сенеку учителемъ латинскаго языка въ анконской школѣ, гдѣ онъ подготовилъ Чиріако къ чтенію *Виргилія*, но слышимъ также, что онъ въ скоромъ времени удалился оттуда ³⁾). Въ 1431 г. Сенека былъ преподавателемъ реторики въ болонскомъ университетѣ, но и то только временно ⁴⁾). Потомъ мы опять встрѣчаемъ его въ 1434 г. въ Прато, гдѣ ученый, безъ сомнѣнія, опять былъ школьнымъ учителемъ. Но кромѣ того онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе также перепискою классическихъ сочиненій, стараясь облагородить это печальное ремесло нѣкоторымъ проявленіемъ учености и поэтическаго таланта ⁵⁾). Это также не принесло ему славы, какъ и его стихи. Всего больше приобрѣлъ Сенека извѣстности тѣмъ, что его удостоилъ своей дружбы и переписки Филельфо; послѣдній всегда былъ добръ и любезенъ съ тѣми, кто былъ ниже его ⁶⁾). Этотъ Сенека нигдѣ не жилъ такъ долго, какъ въ Римини, и такъ хорошо, вѣроятно, ему никогда раньше не жилось. Но и отсюда его вытѣснилъ поэтъ помоложе его и несрав-

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщалъ Aug. Battaglini у Basinius Opp. Т. II P. I p. 91. Согласно съ этимъ, онъ является секретаремъ 25 января 1440 г. въ Римини (согласно акту) и былъ въ этой должности до 1454 г. Потомъ я полагаю, что только онъ можетъ быть осмѣяннымъ у Basinius Hesperis X, 174 Casinus (ругательный намекъ, какъ у Филельфо, на Camertinus, Camerinus), котораго Малатеста учитъ ложно мифологій. Догадка Баттальяни p. 153, что это могъ быть Гварино, совершенно неправдоподобна.

²⁾ Филельфо даетъ ему въ письмѣ отъ 23 июня 1462 больше семидесяти лѣтъ; стало быть, онъ родился около 1392 г.

³⁾ Scalamentius p. 70. См. выше стр. 252. Его называютъ *paedagogus et bonarum literarum praceptor*, также *grammaticus insignis*, что въ данномъ случаѣ не важно:

⁴⁾ Слѣдуя *rotuli* у Malagola Ant. Urcelo p. 59. Въ то время онъ, вѣроятно, и написалъ стихотвореніе на тему изъ исторіи города Болонья, указанное у Tomasinus Bibl. Patav. Manuscr. p. 25.

⁵⁾ Его письмо къ одному врачу въ Римини отъ 22 ноября 1434 г. изъ Прато при изданіи Tibullus rec. Baehrens, Lips. 1878, p. VIII.—Стихи этого Сенека, намегающіе на его пребываніе въ Миланѣ, въ *Catalogus codd. lat. bibl. Monac.* Т. II P. I p. 31.

⁶⁾ Ср. напр. письмо къ нему Филельфо отъ 11 апр. 1433 г.

ненно даровитѣе, такъ что злополучному старику пришлось опять вести скитальческую жизнь ¹⁾.

Базиніо Базини явился въ Римини въ 1449 г. и съ тѣхъ поръ составлялъ украшеніе этого двора. Онъ былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и плодовитѣйшихъ поэтовъ своего времени, только рамки для его таланта и славы были слишкомъ узки, когда онъ жилъ при этомъ маленькомъ дворѣ ²⁾. Его гуманистическая ученость была самая основательная, какая могла быть въ то время. Онъ вышелъ изъ «веселаго дома» Витторинно, котораго называетъ вторымъ Сократомъ и къ которому сохранилъ чувство глубокой признательности ³⁾. Потомъ онъ также основательно изучилъ греческій языкъ въ Феррарѣ у Федора Газскаго. Базини съ юныхъ дѣтъ имѣлъ влеченіе не къ тѣмъ научнымъ отраслямъ, которыя даются трудомъ, именно къ стилистикѣ и риторикѣ, а къ поэзіи. И въ теченіи многихъ вѣковъ онъ, быть можетъ, былъ первый образованный человекъ на западѣ, который вполне понялъ высочія достоинства поэзіи Гомера, изучилъ его съ страстною любовью, образовалъ на немъ свой вкусъ и старался подражать ему. Онъ такъ дорожилъ своими рукописями поэмъ Гомера, что еще незадолго до смерти въ завѣщаніи своемъ, какъ лучшее свое сокровище, отказалъ ихъ Гисмондо, которому былъ обязанъ всѣмъ ⁴⁾. Поэтъ такъ хорошо владѣлъ греческимъ языкомъ, что могъ переписываться съ Филельфо греческими гекзаметрами ⁵⁾. Въ юности онъ пробовалъ свои силы въ стихотвореніяхъ лирическихъ,

¹⁾ По словамъ Малаголы I. e. мы Сенека былъ опять въ Болоньѣ между 1458 и 1462 г.; вѣроятно, онъ раньше оставилъ Римини.

²⁾ Его главные произведенія тщательно издаются подъ заглавіемъ: *Basinii Parmensis poetae Opera praestantiora nunc primum edita et opportunis commentariis illustrata* (Текстъ редактируется Лоренцо Друди). Т. I (текстъ). Т. II р. I. II Arimini 1794. Т. II р. I содержитъ въ себѣ *Affi Notizie intorno la vita e le opere di Basinio Basini* и графа Анжелио Баттальяни della corte letteraria di Sigismondo Pandolfo Malatesta *Commentario*, въ которомъ весьма подробно и основательно разсмотрѣно все, что сдѣлано при дворѣ Малагесты по части литературы и искусства. Напротивъ *liber Isoitaeus* Базини есть только въ книгѣ рѣдкой у насъ, которую я обязанъ мюнхенской придворной библиотекѣ: *Trium poetarum elegantissimorum, Porcellii, Basinii et Trebani opuscula nunc primum... aedita Parisiis 1539.*

³⁾ Онъ говоритъ въ *epist. ad Nicolaum V y Affo* р. 6:

*Sed postquam sanctus amico
Acceptit tecto me Victorinus, ibi omnis
Rusticitas rapidos nobis effludit in euros.*

⁴⁾ *Quod si laudis habent aliquid mea carmina, ab illo
Fonte mihi et fluviiis magni defludit Homerii.*

⁵⁾ Греческое стихотвореніе Филельфо къ нему у *Muccioli Catal. codd. ms. Malatost. Ceven. bibl.* Т. II р. 153.

буколических и сатирических. Но идеаломъ его была всегда героическая поэма, и известность онъ приобрѣлъ впервые Мелеагридою, которую издалъ въ Феррарѣ.

Когда Базини явился къ Гисмондо Малатеста, котораго еще раньше воспѣвалъ въ поэтическомъ посланіи, ему было всего 24 года, и по своему поэтическому одушевленію и необычайной плодовитости онъ казался самымъ настоящимъ пѣвцомъ подвиговъ владѣтеля Римини ¹⁾. А такъ какъ послѣдній состоялъ на службѣ у венеціанцевъ, былъ съ весны 1449 г. въ походѣ и не находилъ случая отличиться геройскими подвигами, то сначала поэтъ избралъ для своихъ произведеній нѣжные сердечные мотивы и воспѣлъ въ четырехъ книгахъ Героидъ разлуку бога войны съ своею Изоттою ²⁾. Онъ сочинилъ по примѣру Овидія родъ романа въ письмахъ, которыми обмѣниваются между собою Малатеста, Изотта, отецъ ея и Базини. Войнъ пишетъ къ своей божественной возлюбленной (*diva*); она называетъ его королемъ, какъ его называли постоянно всѣ придворные поэты въ Римини, и божественнымъ. Даже отецъ Изотты одобряетъ ихъ сожителство внѣ брака, такъ какъ она побѣждена любовью короля ³⁾. Въ послѣдней книгѣ посланій изображается вымышленная смерть Изотты, свидѣтелемъ которой будто бы былъ поэтъ, такъ что послѣдній живо описываетъ ее. Но утѣшеніе для себя владѣтель находитъ въ томъ, что воспѣваетъ ее и что теперь его любовь будетъ жить въ стихахъ ⁴⁾. Такимъ образомъ заманчивость элегій Овидія сливается съ тѣми мотивами, которые затрогивалъ Петрарка въ своихъ канцонахъ на смерть Лауры. Но поэтъ не забываетъ похвалить и себя. Находя всюду случай похвалить своего повелителя, онъ влагаетъ въ уста слова, выражающія трогательное влеченіе къ утѣшающимъ стихамъ поэта ⁵⁾. Если когда либо было поэтическое произведеніе, авторъ котораго старался угодить двору, то таковъ именно этотъ Изоттей.

¹⁾ Affo p. 6 ссылается на двустышіе, найденное имъ въ ватиканской бібліотекѣ, по словамъ котораго Базини родился въ 1425 г.

²⁾ *Isottaeus*, напечатанный въ упомянутомъ собраніи въ числѣ произведеній Порчелло, принадлежить Базини. Это вполнѣ доказали Affo p. 26 и Battaglini p. 103 на основаніи внутреннихъ причинъ и опираясь на рукописи.

³⁾ Et laesa fueras et virginitate notanda,
Rege sub hoc poteras esse notanda minus.

⁴⁾ Carminibusque tuis manet aeternumque manebit:
Nec tu quem referas, mortuus esse potest.

⁵⁾ Grata mihi ante alios scribis quaecunque, poeta
Clare, nec ullius carmina grata magis.
... Scribe igitur, vates, curas mihi deme molestas,
Saepe, precor, curis iamque medere meis.

Въ слѣдующіе годы по возвращеніи Малатесты поэтъ воззвалъ къ музамъ, чтобы онѣ помогли ему прославить храбрость повелителя въ бояхъ и военные подвиги, въ особенности, какъ онъ въ качествѣ флорентинскаго предводителя воевалъ съ королемъ Аррагонскимъ Альфонсомъ. Онъ не обращалъ вниманія на то, что этотъ военачальникъ запятналъ вѣроломствомъ достоинство военачальническаго жезла, ввѣреннаго ему республикою. Такъ возникла Гесперида, обширная поэма, въ которой поэтъ и предъ смертью видѣлъ главный подвигъ своей жизни и поручалъ Гисмондо въ завѣщаніи охранять ее отъ непрошенныхъ поправокъ ¹⁾. Эпическая канва такая же, какъ и въ Илиадѣ Гомера. Совѣщанія и подстрекательства боговъ, Юпитера, Марса, Меркурія, Венеры и другихъ, разнообразяютъ дѣйствіе. Описанія, картины сраженій, рѣчи вождей, образы и тѣ приемы, при помощи которыхъ поэтъ вводитъ ихъ—все это до того рабски скопировано у Гомера, что часто цѣлыя мѣста Илиады переводятся цѣликомъ. Во всемъ произведеніи разсыяны похвалы Малатестѣ. Но есть одна книга, именно четвертая, которая вся составляетъ непрерывный гимнъ въ честь его, произносимый самимъ Аполлономъ. Даже Изотта играетъ роль классической героини: когда-то Юпитеръ воспламенился любовью къ этой прелестной дѣвѣ, но она пожелала остаться на землѣ въ союзѣ съ своимъ возлюбленнымъ Гисмондо и только уже по смерти соединиться съ Юпитеромъ ²⁾. Поэтъ ждетъ только одного счастья — раздѣлить лавры съ своимъ героемъ ³⁾. Но кромѣ своего расположенія послѣдній даритъ ему еще отличное помѣстье и прелестную виллу.

Вскорѣ послѣ этого Базини принялся за новое произведение, *Astronomica*, дидактическую поэму объ астрономіи, матеріалъ для которой большею частью цѣликомъ заимствовалъ у Гигина. Эта поэма тоже посвящена Гисмондо, по видимому, въ расчетъ на его пристрастіе къ астрологіи, которое у него было общее съ его предками и съ большею частию искателей военныхъ приключеній ⁴⁾. Конечно,

¹⁾ Кончена Гесперида около 1455 г., такъ какъ поэтъ *Astronom.* II, 488 говоритъ:

*Quae simulac cecini numero carmine bella,
Vix mihi terdenos aetas data viderat annos.*

²⁾ Она говоритъ VIII, 33: *Non sum mortalis ego ipsa,
Vera fatebor enim, Lephiri Prycheia Nymphe,
Is o t h e a m* ³⁾ *superi dixerunt nomine Divam*

³⁾ v. 89: *Laurus ut aeternum frondes cit et alta coruscant
Sole sub aethereo Semper vergentibus umbris,
Fama ducum ac vatam viret indelebile nomen.*

⁴⁾ I, 10: *Tu decus Aoniae, tu spes certissima vatam,
Nec cuiquam potui sibi quam felicius Astra
Dicere, qui rerum causas, qui sidera primus
Cunctorum et vasti scrutaris semina mundi.*

³⁾ Греч. слово—равная богамъ.

Прим. перев.

самъ поэтъ чуждъ подобнаго суевѣрія, даже при случаѣ шутить надъ нимъ, но питаетъ страсть къ мифологіи, а сочетанія звѣздъ и названія ихъ, упоминаемыя въ поэмѣ, часто даютъ поводъ къ мифологическимъ вымысламъ. Но чтобы не забыть и о славѣ Малатесты, онъ ищетъ ее въ будущемъ. Его герой во главѣ соединенной Италіи сражается съ турками, выгоняетъ ихъ изъ Европы и преслѣдуетъ по берегамъ Малой Азіи. Но такъ какъ его желаніе воспѣвать подобныя геройскіе подвиги не могло быть вполне достигнуто, потому что этихъ подвиговъ не было, то онъ опять обратился къ греческимъ мифамъ и въ поэмѣ *Argonautica* началъ повѣствовать о походѣ въ Колхиду, строго слѣдуя поэмѣ Аполлонія Родосскаго, которую лишь свободно обработалъ. Смерть, повидимому, помѣшала ему кончить это произведеніе ¹⁾.

Всѣ эти стихотворенія долго не были оцѣнены и не распространялись, чего заслуживали бы въ сравненіи съ другими подобными плодами музы. По плавности легкаго и изящнаго стиха, по ученымъ прирасамъ, по разнообразію содержанія Базини могъ соперничать съ лучшими изъ современныхъ ему поэтовъ. Но то, что онъ писалъ исключительно для своего «короля», едва ли находило читателей дальше Римини. Скучные сюжеты не могли дать возможности таланту вполне раскрыться. За то владѣтель устроилъ своему поэту, который тоже женился на одной дамѣ изъ Римини, обеспеченное и почетное положеніе въ родѣ того, какимъ пользовался Беккаделли въ Неаполѣ. Базини былъ важнымъ лицомъ при дворѣ, въ большой дружбѣ съ Вальтуріо ²⁾, и могъ жить спокойно, посвящая свое время музамъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ послѣ кратковременной болѣзни въ маѣ 1457 г. Владѣтель велѣлъ положить тѣло своего Гомера въ мраморную гробницу и поставить въ нишѣ церкви св. Франциска, гдѣ со временемъ долженъ былъ покониться и Вальтуріо ³⁾.

Если Малатеста нашелъ въ Базини своего Гомера, то все таки ему еще не доставало Ливія для повѣствованія о его подвигахъ. Тутъ встали явился къ его двору поэтъ Порчелло, пользовавшійся печальною извѣстностью, который въ послѣднее время произвелъ въ своихъ комментаріяхъ Пиччинино въ Сципіоны, а въ Неаполѣ не могъ ужиться, и въ это время, какъ и во всю свою жизнь, опять искалъ пропитанія. Хотя ему еще не было 50 лѣтъ, однако онъ

1) Написаны только три книги. Но къ послѣднимъ годамъ относится и *Dio symptotes liber*, изображающій пиръ у бога Зевса, поэма весьма ученая, но не безъ восхваленій обонхъ Малатеста.

2) Это доказываютъ его письма къ нему у Schelhorn *Amoenitates* T. III edit. alt. p. 126.

3) Завѣщаніе Базиніо 24 мая 1457 г. напечатано въ Opp. T. I p. XII. 30 мая вдова его уже составила инвентарь оставшемуся имуществу. Affo p. 23.

казался старикомъ, жалкимъ, изнуреннымъ. Но его способность писать стихи ни мало не утратилась. Когда онъ явился въ городъ, вѣроятно, въ 1454 г., то тотчасъ же придумалъ рядъ двѣнадцати элегій или посланій, въ которыхъ самый вымыселъ былъ неискусенъ, но поэтъ въ плавныхъ стихахъ заискивалъ расположеиіе повелителя, также Изотты и придворныхъ поэтовъ, чтобы они облегчили ему доступъ къ Малатестѣ ¹⁾. Здѣсь громкія похвалы послѣднему влагаются въ уста бога Марса, который называетъ его украшеніемъ сонма полубоговъ; поэтъ говоритъ и отъ своего лица и клянется, что обезсмертитъ его на вѣки ²⁾, или самъ прославляемый говоритъ гордымъ тономъ завоевателя вселенной ³⁾. Замѣчательно, что и Изотта прославляется въ такомъ же миеологическомъ вымыслѣ, къ какому прибѣгалъ Базини въ своей Гесперидѣ, только здѣсь употребляется форма посланій. Уже первое письмо содержитъ въ себѣ объясненіе Юпитера въ любви къ божественной дѣвѣ; онъ восхваляетъ ее за то, что она выше всѣхъ латинскихъ дѣвъ и всѣхъ богинь, но не можетъ помириться съ тѣмъ, что она предпочитаетъ ему Малатесту. Изотта хочетъ остаться вѣрною своему Гисмондо и любить его одного, пока жива. Но пламя любовной страсти Юпитера волнуется все сонмъ боговъ, въ дѣлѣ принимаютъ участіе Меркурій и Луна; наконецъ самъ царь боговъ долженъ успокоиться для умиротворенія Юноны. Въ заключеніе поэтъ обращается къ самой божественной дѣвѣ и общается ей, что она вѣчно будетъ жить въ его стихахъ и ни одна богиня не сравняется съ нею въ славѣ. При этомъ воздаются также должныя похвалы Вальтуріо, Базини и Перлеоне, которые должны споспѣшествовать вступленію поэта въ кружокъ придворныхъ. Они дѣйствительно упростили повелителя принять его, конечно, изъ состраданія и въ виду того, что онъ не казался опаснымъ соперникомъ.

Но его счастье было не долговременно. Соперничество такъ же было не чуждо этого двора, какъ и неаполитанскаго. Порчелло отдалъ свои стихи на судъ милостивцу гораздо моложе себя, именно

1) Напечатано въ *Trium poetarum opuscula* fol. 7 seq. Что Порчелло былъ авторомъ этихъ 12 посланій, свидѣтельствуеетъ и Филельфо въ письмѣ къ Малатестѣ отъ 9 мая 1856 года.

2) fol. 35: *Juro per Aonidas duce me tua facta legentur,
Et tua clarescet gloria vatis ope.*

Или съ своимъ обычнымъ повтореніемъ сильныхъ словъ:
*Vatis ope insignes inter celebrabere reges:
Ibit ad astra ducis gloria vatis ope.*

3) *Martis ope indomitos populos urbesque subegi:
Mille ducum vici proelio Martis ope.*

своим двѣнадцать посланій, о которыхъ упомянуто выше, и это повело къ раздору. Базини вмѣсто ожидаемаго одобренія стали указывать промахи и предлагали разныя поправки. Соперники разгорячились до озлобленія. Но Базини и во дворцѣ въ присутствіи Малатесты указывалъ на слабые и неправильныя стихи и объяснялъ ихъ недостатки тѣмъ, что Порчелло не знаетъ греческаго языка. Тогда обиженный поэтъ вступилъ въ союзъ съ старымъ Сенекою. Они старались объяснить Малатестѣ, что латинскій ученый не нуждается въ греческой мудрости, что время, которое онъ тратитъ на это, пропадаетъ даромъ. Узнавши это, Базини доказывалъ властителю въ посланіи, написанномъ латинскими стихами, что латинскіе поэты, незнающіе по гречески, не могутъ быть истинными поэтами; онъ указывалъ на Виргилія, научившагося многому у Гомера, на такихъ людей, какъ Витторино, Гварино, Бруни, Федоръ Газскій, Филельфо, Перотто, Валла и Поджіо. Сперва Сенека написалъ на него длинную сатиру, въ которой было меньше дѣла, чѣмъ гнусныхъ клеветъ, потомъ его примѣру послѣдовалъ Порчелло. Они старались выставить своего противника непатріотичнымъ поклонникомъ греческой науки, презирающимъ латинскую. Но Базини указывалъ на ошибки въ ихъ сатирахъ, заносчиво называлъ обоихъ стариковъ голодными дармоедами, которые, одѣвшись въ солдатское платье, разумѣется, въ угоду властителю, стали общими посмѣшищемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что сначала Порчелло лишился милостей повелителя, потомъ Сенека, и оба должны были оставить Римини ¹⁾).

Намъ не придется говорить о жалкомъ нищенствующемъ поэтѣ Порчелло, да и немногое остается сказать о дальнѣйшей его судьбѣ. Сначала онъ явился въ Миланъ, гдѣ Филельфо принялъ въ немъ участіе и снова старался пристроить его у Малатесты ²⁾. Впослѣдствіи онъ хотѣлъ найти у Пія II мѣсто секретаря или чтеца за 50 гульденовъ жалованья, чтобы чѣмъ нибудь содержать больную жену, сына, страдавшаго лихорадкой, да и самаго его мучила подагра ³⁾. Но у папы онъ тоже не нашелъ постояннаго мѣста. Тутъ онъ снова исчезаетъ отъ насъ на долгіе годы. Нѣкоторое

¹⁾ Объ этомъ спорѣ рассказываетъ Базини въ письмѣ къ Роберто Орси отъ 27 октября (1455 или 1456 г.) въ *Anecdota litt. vol. II. Romae 1773 p. 300 seq.* Тамъ же р. 405 его посланіе къ Малатестѣ, которое видѣлъ и Росмини *Vittorino da Feltre p. 467. 469* вмѣстѣ съ сатирою Сенеки въ другой рукописи. Когда Порчелло оставилъ Римини, нельзя опредѣлить съ точностью, но конечно вскорѣ послѣ изданія Сатиры на Базини, потому что въ помѣщенномъ письмѣ Поджіо *epist. XIII, 24 ed. Tonelli* рѣчь идетъ объ обоихъ.

²⁾ Письмо къ нему Филельфо отъ 9 мая 1456 г.

³⁾ По перепискѣ Фоскарини у *Quirini Diatriba ad Franc. Barbari Epistf. p. 90 seq.*

время ему помогалъ Федерико Урбинскій, котораго онъ воспѣлъ въ поэмѣ Фельтрія. Но и тутъ поэтъ не нашелъ прочнаго положенія. Наконецъ онъ снова появляется въ Миланѣ уже старикомъ, но все еще такую же зазорною личностью, служа предметомъ насмѣшекъ для другихъ. Но тутъ у него умерла больная жена, и герцогъ Франческо Сфорца женилъ его на 28-лѣтней вдовѣ, у которой было хорошее наслѣдство ¹⁾. Вѣроятно, онъ и умеръ въ Миланѣ.

Изъ литераторовъ менѣе даровитыхъ, являвшихся въ Римини, назовемъ поэта Требаніо, который тоже воспѣвалъ въ гекзаметрахъ предводителя, посланнаго небомъ и божественнаго, а также и его «блѣдокурую богиню» ²⁾. Но, разумѣется, онъ недолго прожилъ въ Римини. Замѣчательнѣе его былъ Пьеръ Перлеоне ³⁾, бывшій любимымъ ученикомъ Филельфо во Флоренціи и Сіенѣ, который потомъ служилъ при венеціанскомъ посольствѣ въ Константинополь, желая въ то же время изучить греческій языкъ и литературу ⁴⁾. Впослѣдствіи онъ преподавалъ реторику въ Миланѣ и Генуѣ, жилъ бѣдно, хотя его считали искуснымъ писателемъ въ прозѣ и стихахъ, знаткомъ исторіи и греческой литературы ⁵⁾. Въ то время, когда Порчелло прибылъ въ Римини, онъ былъ уже тамъ и пользовался нѣкоторымъ значеніемъ. Извѣстны его рѣчи по случаю бракосочетаній, которыя онъ говорилъ въ присутствіи Малатесты и его двора ⁶⁾. Впослѣдствіи съ 1458 г. мы находимъ его въ Венеціи обучающимъ знатное юношество ⁷⁾. Тамъ онъ и умеръ въ 1463 г.

Чужеземные посѣтители рѣдко являлись къ риминійскому двору. Но когда туда пріѣхалъ Филельфо, то его приняли съ изысканными почестями. Такъ же точно и Манетти, когда онъ пріѣзжалъ въ Римини въ 1447 г. съ политическимъ порученіемъ. Владѣтель иногда доставлялъ себѣ особое удовольствіе, приглашая къ столу ученыхъ евреевъ, жившихъ въ его владѣніяхъ, чтобы Манетти могъ опровергать

¹⁾ Объ этомъ рассказываетъ Банделло *Novelle* p. I пов. VI. Онъ постоянно говоритъ только о molti enogni visi che aveva. Но Порчелло еще не было 70 лѣтъ, когда объ немъ позаботился герцогъ Франческо.

²⁾ *Divo Sigismundo Pandolfo Mal. sac. Italiae Oratio ad Jovem Trebanio aug.* (?) *authore in Trium poetarum opusc. fol. 101.*

³⁾ Издатель *Miscellanea di varie operette* T. II Venezia 1740, который p. 48 сообщаетъ его письмо, нашелъ имя *Parlione* въ матрикулѣ докторовъ правъ въ Падуѣ въ 1400 г.

⁴⁾ Филельфо рекомендуетъ его Іоанну Аргиропуло въ греческомъ письмѣ отъ 13 апрѣля 1441 г., которое есть въ вольфенбюттельскомъ спискѣ fol. 42.

⁵⁾ *Blondus Italia illustr.* p. 347. Письмо Филельфо къ Никколо Фреголо отъ 17 іюня 1449 г.

⁶⁾ У *Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet.* p. 845.

⁷⁾ Письмо Филельфо къ нему отъ 10 января 1458 г.

ихъ ученіе ¹⁾ во время диспутовъ, длившихся по нѣсколько часовъ. Щедрость владѣтельнаго лица можно легко опредѣлить числомъ посвященій, которыхъ его удостоиваютъ представители литературы. Мы помнимъ, какъ осторожно развѣдывалъ Поджіо чрезъ своего друга Вальтуріо, насколько Малатеста «жаждетъ похвалы и славы». Онъ, вѣроятно, былъ доволенъ, потому что и впоследствии обращался къ риминійскому владѣтелю ²⁾. Филельфо указывалъ на то, какъ онъ намѣревается прославить Малатесту въ своей Сфорціадѣ. Но неизвѣстно, посылалъ ли онъ ему книгу съ посвященіемъ. Только сыну своему Маріо внушилъ онъ мысль воспѣть риминійскаго «Марса» и его возлюбленную въ поэмі Изоттида ³⁾. Это вѣчная тема, вызвавшая элегію и у Джіантонио Кампано, любимца Піа П. Конечно, Гисмондо нельзя причислить къ меценатамъ въ широкомъ смыслѣ. Въ сущности его щедрость ограничивалась однимъ Римини.

Риминійскій пріютъ музъ представляетъ явленіе поучительное въ томъ отношеніи, что тутъ мы ясно видимъ, какъ все становится ничтожнымъ и мелкимъ въ ограниченной сферѣ, какъ суживается умственный кругозоръ даже даровитыхъ людей. Какое обиліе разнообразныхъ стремленій обнаружилось передъ нами въ ученыхъ республикахъ Флоренціи и Неаполѣ, какъ плодотворна была дѣятельность Витторино и какую широкую область она захватывала при попечительномъ покровительствѣ Гонзагъ и Эсте! Въ Римини воспѣвается постоянно только воинственный герой и его подвиги весьма сомнительнаго достоинства, только его подруга, и всѣ прикрасы греческой міеологіи не вознаграждаютъ насъ за однообразіе содержанія и скуку, навѣваемую этими пѣснопѣніями. Развѣ единственною обязанностью поэта было льстить властителю и даровать ему безсмертіе, а самую почетную роль послѣдняго давать пріютъ придворнымъ поэтамъ и содержать ихъ? По видимому, такъ смотрѣлъ на дѣло старшій Гварино, но мы слышимъ мнѣнія и другихъ людей, которые смѣялись надъ тѣмъ заблужденіемъ, будто похвала поэта можетъ сдѣлать мелкаго властелина великимъ Цезаремъ ⁴⁾.

1) *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 44. Манетти республика выбрала для того, чтобы сказать рѣчь Малатестѣ 30 сентября 1453 г. при передачѣ военачальническаго жезла. Она напечатана тамъ же p. 203.

2) *Poggius epist.* 13. 25 ed. Tonelli. Ср. выше стр. 309.

3) *Quill. Favre Mélanges* T. I p. 173.

4) Стихи Гварино въ *Trium poetarum opusc.* fol 108. *Janus Pannonius epigr.* I, 313 и 214 edit Traiecti 1784:

Cum Malatestaeos, actas ventura, triumphos,
Cum tet Sismundi splendida facta leges,

Братъ Гисмондо. Доменико, обыкновенно называемый Малатеста Новелло, виварій апостольскаго престола въ Чезенѣ, тоже считался хорошо образованнымъ владѣтелемъ. Особенныхъ похвалъ заслуживалъ онъ своею любовью къ древностямъ и исторіи. Даже и въ томъ видѣли плодъ гуманистическаго воспитанія, что онъ приобрѣлъ любовь подданныхъ своимъ кроткимъ правленіемъ ¹⁾). Правда, онъ не собиралъ вокругъ себя придворныхъ поэтовъ, не желалъ прославиться великимъ полководцемъ и героемъ, подобно своему брату. Но онъ любилъ поддерживать связи съ литературными знаменитостями своего времени. Поджіо послалъ ему нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, но прежде узналъ, будетъ ли за это благодарность ²⁾). Когда Филельфо въ 1459 г. предпринялъ поѣздку къ Римъ и Неаполь, то и по дорогѣ туда и на обратномъ пути былъ принятъ, какъ владѣтельное лицо, въ Чезенѣ, и получилъ такіе богатые подарки, что тотчасъ же посвятилъ Малатестѣ Новелло переводъ нѣкоторыхъ біографій Плутарха, а впоследствии и первыя пять книгъ своего большаго сборника стихотвореній ³⁾).

Но самую громкую славу и самую благодарную память даже у поздняго потомства этотъ Малатеста заслужилъ въ качествѣ основателя хорошей бібліотеки. Сначала онъ хотѣлъ составить собраніе книгъ стоимостью около 500 гульденовъ для чезенскихъ францисканцевъ. Потомъ рѣшился самъ строить бібліотеку и пригласилъ для этого художника Маттео Нути изъ Фано. Это была великолѣпная базилика съ двойнымъ рядомъ коринтскихъ колоннъ. Но надпись, высѣченной въ мраморѣ, она была окончена въ 1452 г. Владѣтель не только заботился о книгохранилищѣ, которое лишь немногимъ уступало самымъ обширнымъ собраніямъ въ Италіи, но и ежегодно тратилъ на него по 900 золотыхъ гульденовъ, которые частію шли на

*Nil nisi vana leges levium mendacia vatam,
Quorum sola fuit Calliopea fames.*

*Urbis Arimineaе modicus Malatesta tyrannus
Caesaribussummis maior in orbe sonat.
Sic e formica faciunt elephanta poetae,
Cogunt et muscas fulmina ferre Jovi*

1) Blondus Italia illustr. p. 344.

2) Poggius epist IX, 12. 13 ed. Tonelli.

3) Посвященіе Vitae Galbae et Othonis u Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 703. O собраніи de iocis et seriis ср. Saxius p 179. На переводъ писемъ Флоридо, посвященный Малатестѣ Новелло, Франческо изъ Ареццо, указываетъ Bandini l. c. p. 662.

ремонтъ и на содержаніе служащихъ, частію на вспоможеніе докторамъ, магистрамъ и богословамъ, которые тамъ трудились ¹⁾).

Изъ дома Малатесты вышла и та владѣтельница латинистка, о которой рассказывали, что она своимъ краснорѣчіемъ вновь завоевала утраченные владѣнія предковъ. Галеаццо Малатеста, изъ пезарской линіи, отдалъ свою дочь Елисавету замужъ за Джентиле Варано, Камеринскаго владѣтеля. Отъ этого брака родилась Костанца де Варано. Отецъ ея прогнанъ былъ войною изъ своихъ владѣній и лишень жизни въ 1433 г. въ Реканнати. Дѣвушка выросла у своего дяди Франческо Сфорцы и получила такое основательное образованіе, будто ее готовили занять катедру краснорѣчія и поэзіи. Она уже въ дѣтствѣ считалась ученою, была хорошо знакома съ Цицерономъ и съ отцами Церкви, писала рѣчи, письма и стихи гекзаметромъ. Ей было всего 14 лѣтъ, когда она говорила рѣчь на латинскомъ языкѣ передъ Бьянкою Марією, дочерью и наследницею герцога миланскаго, и цѣлымъ дворомъ, въ которой просила уступить владѣнія ея брату Ридольфо. Рѣчь эта стала ходить по рукамъ и привела въ восторгъ цицероніанца Гвинифорте Варзиццу, такъ что онъ поздравлялъ ее, какъ «красу латинскихъ дѣвъ!» Дѣйствительно, чрезъ два года братъ ея при посредствѣ Франческо Сфорцы снова былъ восстановленъ во владѣніяхъ своихъ предковъ, и при этомъ Костанца сказала къ камеринскому населенію благодарственную и привѣтственную рѣчь. Если мы и не можемъ особенно высоко цѣнить силу ея краснорѣчія, все таки эта знатная дама была удивительнымъ явленіемъ въ кругу писателей, какъ веронская Иветта Ногароли, съ которою Костанца веда переписку. Въ декабрѣ 1444 г. она вышла за мужъ за Алессандро Сфорцу, который вскорѣ потомъ сдѣлался владѣтелемъ Пезаро, однако долго еще писала письма на латинскомъ языкѣ и постоянно подписывалась своимъ литературнымъ именемъ Констанція де Варано ²⁾).

1) Wadding *Annales Minorum* T. VI (Lugduni 1648) p. 135. 136. Muccioli *Catal. codd. ms. Malatest. Cesenatis bibl.* T. I p. 13. 14.

2) Ламіусъ *Catal. bibl. Riccard.* p. 145 seq. привелъ извлеченіе изъ ея *Orationes et epistolae*, въ томъ числѣ и обѣ упомянутыя рѣчи. Къ какому времени онѣ относятся, видно изъ *Guiniforti Varzizii oratt. et Epist.* p. 134. 142: оба письма къ Костанцѣ отъ 2 іюня 1442 г. и 10 апрѣля 1444 г. Противъ установившагося мнѣнія, будто Костанца умерла 12 іюля 1447 г., уже высказано сомнѣніе. Тутъ, вѣроятно, большая ошибка, потому что въ письмѣ къ Цециліи Гонзага у Ламіуса p. 147 Костанца сообщаетъ объ убійствѣ архіепископа патрасскаго Пандульфо (Малатеста), а это было въ 1467 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе 1—4. Введеніе: Італія и наслѣдіе римской древности стр. 5—6. Італія, какъ колыбель ея возрожденія стр. 6—7. Римская литература въ средніе вѣка стр. 8—9. Церковь какъ ея противница стр. 10—11. Сочиненія классиковъ въ монастыряхъ стр. 11—12. Содержаніе ихъ лишено вліянія на образованіе стр. 13. Подавленіе индивидуализма Церковью стр. 13. Его освобожденіе мірянами стр. 14. Данте Алигьери и древность стр. 14. Его отношеніе къ латинскому языку стр. 14—16. Дантъ и идея славы въ потомствѣ стр. 17. Дантъ, какъ мірянинъ стр. 18. Предшественники гуманизма: Альбертино Муссато 19—20. Феррето изъ Виченцы стр. 21—22. Джіовани да Черменате стр. 22.

Книга первая.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА; ГЕНІЙ И СИЛА ЕГО ВЛІЯНІЯ.

Сочиненія Петрарки. Письма. Литература по біографіи его стр. 23—24. Историческое значеніе Петрарки стр. 25. Его учитель въ Карпентрасѣ Конвенеле де Прато стр. 26—27. Его музыкальное образованіе стр. 28. Его занятія правомъ. Виргилій и Цицеронъ стр. 29—30. Петрарка, какъ защитникъ поэзіи стр. 30. Его понятіе о поэзіи стр. 31—32. Латинское краснорѣчіе и слогу стр. 32—37. Его увлеченіе древностью стр. 38. Онъ розыскиваетъ сочиненія Цицерона стр. 38—39. Книга Цицерона о похвалѣ философіи, о славѣ стр. 40—41. Рѣчи и письма Цицерона стр. 42—44. Петрарка и его книжныя сокровища стр. 45—46. Его мысль объ общественной бібліотекѣ стр. 46—47. Петрарка, какъ собиратель монетъ стр. 47. Петрарка и греческій языкъ. Барлаамъ стр. 48—49. Петрарка и Гомеръ стр. 49—50. Петрарка въ Римѣ стр. 51. Петрарка и Кола ди Ріенцо стр. 51—59. Петрарка, какъ заступникъ римской свободы стр. 60—63. Какъ итальянскій патріотъ стр. 63. Петрарка и Карлъ IV стр. 64—67. Петрарка и гуманизмъ стр. 68. Борьба съ схоластикомъ стр. 69—70. Съ астрологами, алхимиками и всякаго рода суевѣрами стр. 71—72. Съ врачами стр. 73—75. Съ юристами стр. 75—76. Съ школьною философіею стр. 76—77. Противъ Аристотеля стр. 78. Возвеличеніе Платона стр. 79—80. Отношеніе Петрарки къ религіи и церкви стр. 80—82. Петрарка и блаженный Августинъ стр. 82—84. Его отношеніе къ школьному богословію стр. 84. Борьба съ аверроистами стр. 85—89. Петрарка, какъ апологетъ христіанства стр. 90—91. Петрарка, какъ всесвѣтныи

мудрецъ стр. 91—92. Какъ стопокъ стр. 92—93. Какъ республиканецъ и слуга владѣтельныхъ лицъ стр. 94—97. Какъ искатель доходныхъ мѣстъ стр. 98—102. Какъ философъ-отшельникъ стр. 102—107. Культъ дружбы по понятіямъ Петрарки стр. 107—108. Петрарка и Лаура стр. 108—111. Его отношеніе къ Данту стр. 111—112. Высокомѣріе и тщеславіе стр. 113. Ссора съ французскимъ кардиналомъ стр. 114—115. Желаніе славы стр. 116—120. Поэтическое вѣнчаніе въ Капитоліи стр. 121—122. Петрарка, какъ индивидуальная личность, составляющая противоположность среднимъ вѣкамъ стр. 123—124. Сцена въ Монъ-Ванту стр. 124—126. Изученіе самого себя. Діалоги „О тайной борьбѣ своихъ сердечныхъ заботъ“, сочиненіе „Объ единовенной жизни“ и „О провозженіи времени монаховъ“, діалоги „О средствѣхъ противъ горя и радостей“ стр. 126—127. Самопокаяніе стр. 128—130. Философская борьба и ацеція стр. 131—135. Успѣхъ самопокаянія и философское обращеніе стр. 136—138. Извѣстность Петрарки и поклоненіе ему стр. 138—142. Его сочиненія, какъ образцы новыхъ литературныхъ родовъ стр. 143—144. Буколическія эклоги, поэтическія посланія, Африка стр. 144—145. Комедія Филологія стр. 146. Нравственно-философскіе трактаты. Петрарка, какъ историкъ; книга *de viris illustribus* стр. 146—147. Книги достопамятныхъ событій“. Любовь къ землевѣдѣнію и народовѣдѣнію. Рѣчи Петрарки стр. 148. Письма и инвективы. Взглядъ Петрарки на будущую судьбу литературы стр. 148—149.

Книга вторая.

Основатели Флорентинской республики музѣ. Странствующіе паставники. Появленіе на свѣтъ классиковъ, скрывавшихся въ монастырскихъ библіотекахъ.

Возбужденія, шедшія прямо отъ Петрарки стр. 150. Ихъ сосредоточеніе во Флоренціи стр. 151—152. Лапо да Кастильонкіо, Франческо Нелли, Заноби да Страда стр. 153. Джіованніо Боккачіо, ходъ его образованія стр. 154—158. Боккачіо и Петрарка стр. 158—159. Взглядъ Боккачіо на свои сочиненія, написанныя на тосканскомъ нарѣчій стр. 159. Боккачіо, какъ ученый. Сочиненіе „О знаменитыхъ женщинахъ“ стр. 160. Сочиненіе „О печальной судьбѣ знаменитыхъ мужей“ стр. 160—161. *Genealogia deorum*, книга О горахъ, дѣсахъ и т. д. стр. 161—162. Боккачіо и греческая литература. Леопціо Пиллато. Ученое усердіе Боккачіо къ собранію книгъ стр. 162—163. Недостижимость высоты генія Петрарки стр. 163. Боккачіо, какъ преемникъ и подражатель Петрарки стр. 164—169. Гармоническое единство его жизни и его личности стр. 170—171. Бѣдность и попытка спастись отъ нея службою у Никколо Акчійаоли стр. 172—174. Житейская философія и жизнь стр. 175. Господство знати и новая образованность во Флоренціи стр. 175—176. Провожденіе времени въ „Парадизо Альберте“, и его участника отъ Академіи въ С. Спирито стр. 176—178. Луиджи Марсиальи стр. 179—181. Колюччіо Салютато, его образованіе, и отношеніе къ Петраркѣ стр. 181—183. Появленіе „Африка“ во Флоренціи стр. 184. Салютато, какъ канцлеръ республики, человекъ гуманнѣйшій и политическій дѣятель стр. 185. Его полемическое сочиненіе противъ Антоніо Лоски стр. 190. Его официальные письма, какъ образецъ новаго канцелярскаго слога стр. 191—192. Вѣнчаніе его лаврами послѣ смерти стр. 192—193. Литературная дѣятельность Салютато стр. 193—194. Его защита древнихъ поэтовъ и поэ-

зи противъ Джіовани изъ С. Міннато стр. 194—195. Салютато, какъ собиратель римскихъ классиковъ стр. 195—196. Онъ получаетъ Кагулла, Тибулла и Проперція стр. 197. Письма Цицерона, оставшіяся въ книгахъ Петрарки, двѣ группы писемъ Цицерона стр. 197—198. Онъ сравниваетъ и исправляетъ тексты. Вліяніе его на младшее поколѣніе стр. 199—200. Помѣхи распространенію гуманизма. Странствующие наставники стр. 200—201. Джіованни Мальпагини изъ Равенны стр. 201—207. Гаспаринно да Варзича стр. 207—209. Эммануилъ Хризодоръ стр. 210—218. Успѣхи гуманизма въ началѣ XV в. стр. 219. Скрытые классики и ихъ открытіе Боккачіо въ Монте-Кассино стр. 219—220. Папскіе секретари въ Констанцѣ. Поджіо и его друзья стр. 220—222. Поѣздка въ С. Галленъ стр. 223. Полный Квинтиліанъ стр. 223—224. Argonautica Валерія Флакка, Асконій Педіанъ, „Лѣса“ Стація стр. 225. Манилій, Присціанъ, Витрувій, Вегецій, Помпей, Фестъ, Силій Италинъ, Лукрецій стр. 226. Амміанъ Марцеллинъ, Колумелла стр. 226—227. Поѣздка Поджіо въ Францію; онъ находитъ въ Клюня и Лангрѣ новыя письма Цицерона стр. 227—228. Дальнѣйшіе поиски Поджіо новыхъ сочиненій Цицерона стр. 228—229. Рукопись писемъ Цицерона у Капры. Находка въ Лоди стр. 229—230. Поджіо въ Англіи, въ Кельнѣ (Петроній), Ноній Марцеллъ стр. 231. Хлопоты Поджіо во время пребыванія въ Римѣ. Призракъ Дивія стр. 232—233. Лѣтописи и Исторія Тацита стр. 233—235. Тацитова Германія, Агрикола и разговоръ объ ораторахъ стр. 237—239. Николай Трирскій стр. 240. Двѣнадцать новыхъ комедій Плавта стр. 241. Сочиненіе Фронтина о римскихъ водопроводахъ стр. 242. Ауриспа находитъ *raesugurii veteres*. Положеніе латинскихъ классиковъ. Приращеніе церковной литературы стр. 242—244. Перенесеніе литературныхъ памятниковъ древней Греціи въ Италію стр. 244—245. Бруни и Пьетро Мьяно стр. 246. Гварино, Ауриспа и Филельфо привозятъ греческія книги изъ Византіи стр. 246—247. Памятники, статуи, надписи, рѣзные драгоценные камни и монеты. Римскія развалины и надписи. Анонимъ изъ Эйнзидельна, Петрарка, Коле, Сильорили, Донди, Поджіо стр. 248—250. Чиріако де' Пиччинолли Анконскій стр. 251. Его жизнь и ходъ образованія, его путешествія, стр. 252—260. Его собранія и комментаріи стр. 261. Его заслуги по части надписей. Чиріако, какъ поэтъ и ученый стр. 262—263. Его странности и значеніе, стр. 264—266.

Книга третья.

Первый вѣкъ Медичи. Гуманизмъ въ итальянскихъ республикахъ.

Сосредоточеніе гуманистическихъ силъ стр. 267. Республика музъ во Флоренціи. Знатъ республики. Никколо и Донато Акчайоли стр. 268—269. Роберто де' Росси, Антоніо Корбинелли и фамилія Строцца стр. 269. Ринальдо дельи Альбицци стр. 270. Антоніо да Паладжіо, Пьеро де Пацци, Маттео Пальмиери стр. 271. Леонардо Дати. Козьма де Медичи стр. 271. Его постройки, его меценатство стр. 272—274. Лорендо де' Медичи стр. 275. Кружокъ литераторовъ, группирующійся вокругъ Козьмы Медичи стр. 275. Никколо Никколо стр. 276—284. Леонардо Бруни стр. 285—290. Карло Марсуппини стр. 290—291. Амброджіо Траверсари стр. 292—298. Джіанноццо Манетти стр. 298—302. Поджіо, какъ флорентинецъ стр. 303—313. Высшая школа во Флоренціи стр. 314. Попытки водворить въ ней гуманизмъ. Леонціо Пилато. Франческо Бруни стр. 315. Лапо да Кастильонкіо старшій, Вердже-

ріо, Доменико изъ Ареццо и Антоніо Пиевано. Хризолоръ стр. 316. Джіованни да Равенна. Возобновленіе университета въ 1412 г., должность officiali стр. 317. Гваріано стр. 318—319. Ауриспа стр. 320—321. Франческо Филельфо; его прежняя жизнь и дѣятельность въ Италіи и Греціи стр. 322—323. Приглашеніе во Флоренцію стр. 324. Славное начало его дѣятельности стр. 325. Вражда и раздоръ стр. 326—329. Подосланный убійца. Государственный переворотъ 1433 г. стр. 330. Изгнаніе Козьмы Медичи и торжество Филельфо стр. 331. Возвращеніе Козьмы Медичи. Филельфо удаляется въ Сіену. Продолженіе борьбы при помощи наемнаго убійцы стр. 332. Проговоръ объ изгнаніи Филельфо; онъ примыкаетъ къ изгнаннымъ знатнымъ фамиліямъ. Его книга de exilio стр. 333. Борьба съ Поджо путемъ инвективъ стр. 334. Примиреніе Филельфо съ Медичи и Флоренціею и смерть его въ этомъ городѣ. Его профессорская дѣятельность во Флоренціи стр. 335—337. Лапо да Кастльонкю младшій; стр. 338. Сиротство каедры краспорѣчія во Флоренціи стр. 338. Наставники греческаго языка: Георгій Трапезунтскій, Іоаннъ Аргиропуло стр. 339—340.

Взглядъ на образовательныя искусства во Флоренціи. Леонъ-Баттиста дель Альберти, гуманистъ, историкъ искусства и художникъ стр. 341—346. Союзъ гуманизма съ искусствомъ стр. 347—348.

Святой Антоніно, архіепископъ флорентинскій, какъ явленіе противоположное стр. 349 — 350. Посмертная судьба литературныхъ предковъ во Флоренціи. Сужденіе о Дантѣ, Петраркѣ и Боккачіо стр. 351. Діалоги Бруни стр. 352 — 353. Возраженіе Чино Ринуччини и Доменико да Прато стр. 354—355. Чтеніе о Книгѣ Данта стр. 356. Поклоненіе Петраркѣ во Флоренціи стр. 357—358. Біографіи четырехъ великихъ поэтовъ стр. 358—359. Мысль о Пантеонѣ для великихъ Флорентинцевъ стр. 360. Знаменитые канцлеры республики стр. 360—361. Исторіографія республики стр. 362—363.

Переписчики классическихъ книгъ стр. 364. Тебальдо да Каза. Античное письмо стр. 365—366. Книжная торговля. Веспазіано да Бистиччи стр. 367—368. Цѣны книгъ стр. 369. Греческія книги стр. 370. Никколи и мысль объ общественной бібліотекѣ стр. 370—371. Устройство бібліотеки Marciana стр. 372. Козьма Медичи, какъ основатель другихъ бібліотекъ стр. 372 — 373. Канонъ Парентуччели стр. 373 — 374. Библіотека въ домѣ Медичи стр. 374—375. Другіе планы учрежденія бібліотекъ стр. 375. Отсутствіе городской бібліотеки стр. 376. Флорентинскій духъ стр. 376.

Гуманизмъ въ Сіенѣ стр. 377—378. Эней Сильвій Пикколомини. Мариано де'Содзини, Агостіно Дати, Маттіа Лупи стр. 377.

Гуманизмъ въ Венеціи стр. 379. Отношеніе къ нему знати стр. 379—380. Возбужденіе, шедшее отъ Петрарки стр. 380—381. Бенинтенди де'Равеньяни стр. 381. Донато дель Альбанцани. Карло Зено стр. 381 — 382. Заккарія Тревизано. Леонардо Джустиниани стр. 383. Лоренцо и Бернардо Джустиниани стр. 384—385. Франческо Барбаро стр. 385—388. Авдреа Джуліано стр. 389. Лауро Квириани. Исторіографія въ Венеціи стр. 389 — 390. Иноземные наставники въ Венеціи. Гаспаріно да Варзицца. Гваріано стр. 391. Витторіано да Фельтре. Филельфо стр. 391—392. Георгій Трапезунтскій стр. 392—393. Публичное преподаваніе въ Венеціи. Никколо Сагундино стр. 394. Венеція и общественная бібліотека стр. 394—395.

Гуманизмъ въ Падуѣ стр. 395. Муссато. Каррарская династія и Петрарка стр. 395—396. Пьеръ Паоло Верджеріо стр. 396—398. Падуя подъ властью венеціанской республики. Сеско Поленгоне стр. 398—400. Останки Ливія стр. 400—401. Гуманисты въ Падуѣ стр. 401—402.

Гуманизмъ въ Веронѣ стр. 403. Гваріано въ Веронѣ стр. 403 — 404. Изотта Ногароли стр. 404—405.

Гуманизмъ въ Генуѣ. Джорджіо и Джіованни Стелла. Якопо Брачелли. Никколо Камуліо стр. 405—406.

Книга четвертая.

ГУМАНИЗМЪ ПРИ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ДВОРАХЪ.

Дворы владѣтельныхъ особъ и гуманисты вообще стр. 407—410. Первый придворный пріютъ музъ въ Неаполѣ при королѣ Робертѣ стр. 411. Петрарка у короля стр. 411—412. Діониджи де'Роберти стр. 413. Королевская бібліотека. Паоло да Перуджіа стр. 413—414. Магинардо де'Кавальканти. Никкола Акчіайоли стр. 414—415. Его отношеніе къ Петраркѣ стр. 415. Заноби да Страда Акчіайоли стр. 416—417. Боккачіо у Акчіайоли стр. 418.

Альфонсъ, король Арагонскій стр. 419—421. Лоренцо Валла; его прежняя жизнь и положеніе въ Неаполѣ стр. 422—424. Его значеніе въ литературѣ стр. 424. Сравненіе Цицерона съ Квинтилианомъ стр. 425. Діалоги о наслажденіи стр. 426—427. Пересмотръ діалектики. Красоты латинскаго языка стр. 428—429. Инвектива противъ Бартоло. Сочиненіе противъ дара Константина Великаго стр. 429—431. Діалоги о свободѣ воли. Діалогъ о профессіи монаха стр. 431. Споръ Валлы съ фра Антоніо да Битонто и допросъ стр. 432—434. Его попытка примиренія съ Римомъ стр. 435—436.

Антоніо Беккаделли и его Гермафродитъ стр. 436. Голоса одобренія и недовольства этою книгою стр. 438—439. Прежняя жизнь поэта стр. 440—441. Его положеніе въ Неаполѣ стр. 442—444.

Споръ между Валлою и Беккаделли стр. 445—446. Вмѣшательство Бартоломео Фаціо стр. 446. Исторіографы при дворѣ короля Альфонса: Валла, Фаціо, Беккаделли стр. 447—448. Другіе ученые при дворѣ Альфонса: Гвинифорте Варзицца стр. 448—449. Джіантоніо Порчелло стр. 449—451. Его комментарий о войнахъ 1452 и 1453 гг. стр. 452. Ауриспа, Марразіо, Уголино Пизани стр. 453. Филельфо и Пьякколomini посѣщаютъ Неаполь стр. 453—454. Фѣдоръ Газскій и Манетти въ Неаполѣ стр. 454—456. Посвященія королю Альфонсу. Время Фердинанда, короля Неаполитанскаго стр. 456—457.

Висконти въ Миланѣ. Джіованни Висконти и Петрарка. Джіанпаоло Висконти стр. 457—458. Джіанмарія. Уберто Дечембріо стр. 458. Антоніо Лоски стр. 459—460. Филиппъ Марія Висконти стр. 460—462. Андреа де Виліисъ. Джузеппе Бриппи стр. 462—463. Гаспарино и Гвинифорте Варзицца стр. 463—464. Антоніо да Ро и его три діалога о заблужденіяхъ Лактанція стр. 465—466. Его книга de imitatione стр. 466. Беккаделли и герцогъ Филиппъ стр. 467. Пьеръ Кандидо Дечембріо стр. 468. Филельфо и герцогъ Филиппъ стр. 468—470.

Гуманизмъ въ павійскомъ университетѣ. Гаспарино Варзицца, Хризолоръ, Беккаделли стр. 471. Валла стр. 472.

Республика въ Миланѣ стр. 473. Положеніе Филельфо стр. 473—474. Герцогъ Франческо Сфорца. Сфорціада стр. 475—478. Система попрошайничества Филельфо и торговля вѣнками безсмертія стр. 479—484. Джіанмаріо Филельфо стр. 484—485. Конецъ жизни Филельфо стр. 486.

Гонзаги въ Мантуѣ. Маркграфъ Джіанфранческо стр. 486. Витторино Рамбальдини да Фельтре, его прежняя жизнь и приглашеніе въ Мантую стр. 487—488. Веселый домъ и лицей стр. 489. Направленіе школы и школьный порядокъ стр. 490. Дисциплина и планъ преподаванія стр. 496. Принцы и выдающіеся ученики стр. 496. Сассоло да Прато стр. 496.

Эсте въ Феррарѣ. Маркграфъ Никколо II и Петрарка. Бенвенуто Рамбальди стр. 497. Маркграфъ Альберто и Никколо III. Донато дельи Альбандани стр. 498—499. Университетъ въ Феррарѣ. Уго Бенци стр. 499—500. Гварино Веронскій. Его прежняя дѣятельность стр. 500. Гварино, какъ писатель стр. 502. Какъ преподаватель и воспитатель стр. 503—506. Споръ его съ фра Джіованни да Прато стр. 506. Его жизнь въ Феррарѣ стр. 507—508.

Его сынъ Баттиста. Ауриспа въ Феррарѣ стр. 508—510. Его сочиненія стр. 510. Его собраніе книгъ стр. 511. Маркграфъ Леонелло и его образованіе стр. 512—516. Возобновленіе университета въ Феррарѣ. Джіованни изъ Феррары, Федоръ Газскій, Базиніо Базини въ университетѣ стр. 516—517. Борзо Эсте стр. 517. Лодовико Казелла стр. 518. Памятникъ Гварино. Людовико Карбоне стр. 518.

Федерико ди Монтефельтро въ Урбино стр. 519—520. Его библіотека стр. 520. Порчелло, какъ его придворный поэтъ стр. 523.

Малатеста въ Римини и Пезаро стр. 522—523. Карло Малатеста стр. Низвергъ ли онъ статую Виргилія стр. 524—526. Гисмондо Малатеста въ Римини стр. 526—529. Его любовница Изотта. Роберто Вальтуріо стр. 528—529. Томмазо Сенека въ Римини стр. 529—531. Базиніо Базини стр. 531. Его Героиды стр. 532. Гесперіда, *Astronomica* стр. 533. *Argonautica*. Положеніе поэта при дворѣ стр. 534. Порчелло въ Римини. Его двѣнадцать элегій стр. 534—535. Споръ съ Базини стр. 535—536. Позднѣйшіе годы жизни Порчелло. Требаніо стр. 536—537. Пьеръ Перлеоне. Меценатство Гисмондо Малатеста стр. 537—538. Малатеста Новелло въ Чезенѣ стр. 539. Его библіотека стр. 539. Костанца де Варано стр. 540.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:		Слѣдуетъ читать.
Стран.	Стр о к а	с в е р х у.
172.	21. сдѣланныи.	сдѣлаться.
235.	8. отгуда	откуда.
277.	23. еще	ему.
284.	5. слово спасенъ вычеркнуть.	
—	12. лектаторъ	диктаторъ.
304.	34. начала	началъ.
326.	20. fie	fiе.
352.	2. во Флоренціи этихъ триумвировъ именно на родинѣ ихъ	этихъ триумвировъ именно на родинѣ ихъ, во Флоренціи.
381.	5. Бенинтенди	Бенинтенди.
386.	6. де	de
410.	19. ихъ	тѣхъ.
—	21. свою	ихъ.
428.	29. настроить	построить.
438.	11. производился	производилъ.
450.	17. къ вычеркнуть.	
472.	2. Амвровію	Амвровію.
519.	3. XIV	XVI.
531.	Прим. 1. слово мы вычеркнуть.	

